

HOMO OMNIVM HORARVM

Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова

Symbolae ad anniuersarium septuagesimum
professoris Alexandri PODOSINOV dedicatae

HOMO OMNIVM HORARVM

Symbolae ad anniuersarium septuagesimum
professoris Alexandri PODOSINOV dedicatae

Cura Alexii BELOUSOV
et Catarinae ILYUSHECHKINA
in lucem editae

In aedibus Academiae Pozharskianae
Mosquae
MMXX

НОВОМ ОМНИВМ НОРАРВМ

Сборник статей в честь 70-летия
А.В. Подосинова

Под редакцией
А.В. БЕЛОУСОВА
и Е.В. ИЛЮШЕЧКИНОЙ

Университет Дмитрия Пожарского
Москва
2020

УДК 930.85
ББК 63.3(0)32+63.4

Подготовлено к печати и издано
по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского, 2020 г.

Homo omnium horarum: Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова / Под редакцией А.В. Белоусова и Е.В. Илюшечкиной. — М.: Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2020. — 760 с.

ISBN 978-5-91244-265-0

Предлагаемый вниманию читателей сборник подготовлен к 70-летию филолога-классика, доктора исторических наук, профессора МГУ имени М.В. Ломоносова, Александра Васильевича Подосинова. В сборник вошли статьи российских и зарубежных ученых по широкому кругу проблем антиковедения и гуманитарной науки в целом. Для филологов, историков и специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин, для исследователей древнейшего периода истории Восточной Европы.

УДК 930.85
ББК 63.3(0)32+63.4

ISBN 978-5-91244-265-0 © Белоусов А.В., Илюшечкина Е.В., составление, 2020
© Коллектив авторов, текст, 2020
© Крюков А.М., дизайн, верстка, 2020
© Белоусова А.В., дизайн обложки, 2020
© Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом году Александру Васильевичу Подосинову исполняется семьдесят лет. Как и о многих других ученых здесь можно, конечно, сказать, что все эти годы Александр Васильевич посвятил тому, чтобы нам стало известно об античности чуть больше, чем было известно прежде. Но Александр Васильевич не просто ученый, а человек, для которого дружба и любовь обладают не меньшей (если не большей) ценностью, чем академические занятия. Все, кто имеет счастье знать Александра Васильевича лично, могут подтвердить, что само общение с ним – это особое счастье. В любой, даже совсем невеселой ситуации, самый беглый разговор с Подосиновым внушает радость и оптимизм, который он излучает без преувеличения на всех, с кем общается.

Практически для всех в этом сборнике первые шаги в науке были так или иначе связаны с Александром Васильевичем. Кто-то вместе с ним учился на одном факультете, кто-то познакомился с ним на конференции и с тех пор по-настоящему дружит с ним, кому-то он писал отзыв на диссертацию, кому-то повезло еще больше – сама диссертация была написана под руководством Александра Васильевича, руководителя очень внимательного и в любой момент сомнений или научных поисков способного зарядить человека своим интересом и поддержать добрым словом, кто-то проработал с ним несколько лет в одном секторе или на одной кафедре.

Все авторы этого сборника, также как и огромное количество друзей и коллег Александра Васильевича вне этой публикации, хотели бы выразить ему свою любовь и признание. Новых свершений и успехов Вам, дорогой Александр Васильевич! Подобно Томасу Морю для Эразма, Вы для нас всех – *homo omnium horarum*.

А.В. Белоусов и Е.В. Илюшечкина
апрель 2020 г.
Москва, Гамбург

СОДЕРЖАНИЕ

MICHAEL VON ALBRECHT De senum utilitate sermo: Dialogus senis (A) et adulescentis (B)	14
ALEXANDRU AVRAM Quatre inscriptions de Tomis de l'époque des Sévères	17
Е.Н. АНДРЕЕВА Фригийские изобретения у Плиния Старшего	25
Е.В. АНТОНЕЦ «Ахиллеида» Стация и «Латинская Илиада» в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: к истории рукописи	43
Г.С. БЕЛИКОВ Сократ в речах 8–9 Максима Тирского	55
ALEXIVS BELOV (QVI ET ALBANVS) De uinis testarum formam seruantibus ad Ouid. Tristia III, 10	64
А.В. БЕЛОУСОВ Вновь о магии у Плиния Старшего	71
М.В. БИБИКОВ Еще раз о «Скифской общности» в византийской традиции	91
Н.В. БРАГИНСКАЯ Как придумать имя: «Дафнис и Хлоя»	95
Е.В. ВДОВЧЕНКОВ Luriones Sarmate Певтингеровой карты: еще одна версия происхождения названия	134
А.Ю. ВИНОГРАДОВ Toponymica Pontica. Анакопия	141
Т.Н. ДЖАКСОН Странствие амазонок, или О квенах древнескандинавских источников	156
Т.В. ЕГОРОВА Общие тенденции и региональные особенности импорта чернолаковой керамики в Танаис	169

А.А. ЗАВОЙКИН Волна I и некоторые другие «новые» памятники Боспора (К вопросу о статусе древнейших поселений на Таманском полуострове)	189
А.В. ЗАХАРОВА, А.Е. КУЗНЕЦОВ <i>Ardor amoris, sive annotationes criticae in Apollonii Rhodii Argonautica</i> (3, 281–98)	207
А.А. ЗЕДГЕНИДЗЕ Новый документ к исследованию хоры Херсонеса Таврического: карта Струлова 1786 г.	226
В.В. ЗЕЛЬЧЕНКО Еще раз о смене дня и ночи у Чехова	238
Е.В. ИЛЮШЕЧКИНА Каталоги в «Периэгезе» Дионисия Александрийского	249
Н.Н. КАЗАНСКИЙ Даниэль Готтлиб Мессершмидт в гостях у читинского богача (эпиграмма, написанная 4 марта 1725 года в подражание Марциалу) .	262
С.А. КОВАЛЕНКО Монеты синдгов: некоторые замечания о причинах, характере и хронологии чеканки	272
А.В. КОРОЛЕНКОВ Гражданская война 80-х гг. до н. э. на территории провинции Африка	297
А.О. КОРЧАГИН Названия животных в Псалме 90/91	307
И.А. ЛАДЫНИН Сесонхосис «новый», «молодой» или «возрожденный»? Комментарий к Hist. Alex. Magni, A. I.34.2	319
ANNA MALOMUD „Verderbenbringende Kinder“ der Krabben und der Fischer: über eine Formel bei Nikander von Kolophon	331
А.Е. МАНЬКОВ О причинах некоторых языковых изменений (на примере диалекта села Старошведское)	340
А.А. МАСЛЕННИКОВ Меотийские «города» Клавдия Птолемея	354

А.В. МАХЛАЮК Вторая софистика, историческая память и греческий патриотизм в эпоху Римской империи	370
Е.А. МОЛЕВ Стратегии в административной системе Понта	402
А.В. МОСОЛКИН Был ли Марс отцом Ромула и Рема? Комментарии к некоторым свидетельствам ранней римской историографии	412
Д.В. ПАНЧЕНКО Сократ и аттическая комедия в архонство Исарха	434
Е.В. ПРИХОДЬКО Какой оракул возвестил Телефу «Ранивший исцелит»?	447
О.В. РАЕВСКАЯ Фактитив как средство выражения абсолютной власти (на примере одной французской народной песни)	469
О.М. САВЕЛЬЕВА Особенности организации высказываний с семантикой «защиты/наказания» в древнегреческом языке: лексика, грамматика, психология	476
М.В. СКРЖИНСКАЯ Участие женщин в религиозной жизни Ольвии и Боспора	483
М.Н. СЛАВЯТИНСКАЯ Личность — ΠΑΙΔΕΙΑ — творчество — образование	507
О.В. СМЫКА «Письмо из нескольких слогов в ямбическом размере» (К. Манасси, Обзор истории, 4908)	516
С.А. СТЕПАНЦОВ Переложения из греческих поэтов	521
И.Е. СУРИКОВ Павсаний Спартанский, основатель Византия	523
RICHARD J.A. TALBERT Roman Concern to Know the Hour in Broader Historical Context	534
Т.Ф. ТЕПЕРИК Поэтика оружия в «Энеиде» Вергилия	556

СОДЕРЖАНИЕ	9
М.Ю. ТРЕЙСТЕР Римские бронзовые сосуды с медальонами с фигурными изображениями из Сарматии	565
Г.Р. ЦЕЦХЛАДЗЕ К вопросу о понтийских рабах в Средиземноморье	611
И.Ю. ШАБАГА Кв. Аврелий Симмах. Вторая похвальная речь в честь Валентиниана Старшего Августа, произнесенная 1 января 370 года: Перевод с латинского и комментарии	627
М.В. ШУМИЛИН Загадка Фавна (<i>Calp. Ecl.</i> 1.87–88): текст и интерпретация	642
VALANFRIDUS (WILFRIED STROH) Quid de vocalibus pronuntiandis Terentianus Maurus senserit	662
ANCA DAN, HELMUT BRÜCKNER, HANS-JOACHIM GEHRKE, DANIEL KELTERBAUM, UDO SCHLOTZHAUER, DENIS ZHURAVLEV <i>Coracanda, Korokondamè, Korokondamitis: Notes on the most ancient names of the Cimmerian Bosphorus, the Kuban Bosphorus and the southern part of the Taman Island</i>	682
С.А. Хандажинская Список опубликованных работ А.В. Подосинова	726

CONTENTS

MICHAEL VON ALBRECHT De senum utilitate sermo: Dialogus senis (A) et adulescentis (B)	14
ALEXANDRU AVRAM Quatre inscriptions de Tomis de l'époque des Sévères	17
EUGENIA N. ANDREEVA Phrygian Inventions by Pliny the Elder	25
EKATERINA V. ANTONETS Statius' Achilleis and Ilias Latina in the National Library of Russia: towards the history of the manuscript	43
GRIGORY S. BELIKOV The Image of Socrates in Maximus of Tyre's Orations 8 and 9	55
ALEXIVS BELOV (QVI ET ALBANVS) De uinis testarum formam seruantibus ad Ouid. Tristia III, 10	64
ALEXEY V. BELOUSOV On Magic in Pliny the Elder's NH again	71
MIKHAIL V. BIBIKOV Once more about "Scythian Community" in Byzantine tradition	91
NINA V. BRAGINSKAYA How to come up with a name: "Daphnis and Chloe"	95
EVGENIY V. VDOVCHENKOV Lupiones Sarmate on the Tabula Peutingeriana: one more version of the name origin	134
ANDREY YU. VINOGRADOV Toponymica Pontica. Anakopia	141
TATJANA N. JACKSON Wandering of the Amazons, or On the Kvens of the Old Norse Sources . .	156
TATIANA V. EGOROVA General trends and regional characteristics of the import of Black Glazed pottery in Tanais	169

ALEXEY A. ZAVOYKIN ‘Volna I’ and Some Other “New” Sites in Bosphoros (Towards the Question of the Status of the Most Ancient Settlements on Taman Peninsula)	189
AGLAYA V. ZAKHAROVA, ALEXANDR E. KUZNETSOV Ardor amoris, sive annotationes criticae in Apollonii Rhodii Argonautica (3, 281–98)	207
ANGELINA A. ZEDGENIDZE New Document for the Study of Chora of Chersonesus Taurica: Strulov’s Map of 1786	226
VSEVOLOD V. ZELTCHENKO Chekhov’s Dawns and Nightfalls Once Again	238
EKATERINA ILYUSHECHKINA Catalogues in the “Periegesis” by Dionysius of Alexandria	249
NIKOLAI N. KAZANSKY Daniel Gottlieb Messerschmidt visiting a rich man in the Chita region (an imitation of Martial’s epigram written on March 4, 1725)	262
SERGEY A. KOVALENKO Sindian Coinage: Some Reflections on its Reasons, Character and Chronology	272
ANTON V. KOROLENKOV The Civil War in the Roman Province of Africa	297
ALEXEY O. KORCHAGIN Animal names in the Psalm 90/91	307
IVAN LADYNIN Sesonchosis “New”, “Young” or “Renewed”? A Commentary to Hist. Alex. Magni A, I 34.2	319
ANNA MALOMUD „Verderbenbringende Kinder“ der Krabben und der Fischer: über eine Formel bei Nikander von Kolophon	331
ALEXANDER E. MANKOV Causes of some types of language change (with the dialect of the village of Gammalsvenskby as an example)	340
ALEXANDR A. MASLENNIKOV The Meotian “cities” of Claudius Ptolemy	354

ALEXANDR V. MAKHLAIUK Second sophistic, historical memory and Greek patriotism in the Roman Empire	370
EVGENIY A. MOLEV Strategies in the Administrative System of Pontus	402
ALEXEY V. MOSOLKIN Was Mars the father of Romulus and Remus? Comments on some evidence of early Roman historiography	412
DMITRI PANCHENKO Socrates and Attic Comedy in the Archon Year of Isarchus	434
ELENA V. PRIKHODKO Which oracle told Telephus «The wounder will heal»?	447
OLGA RAEVSKAYA Factitif comme moyen d'expression du pouvoir absolu (à travers une chanson populaire française)	469
OLGA M. SAVELYEVA Organisation of utterances with “protection/punishment” semantics in Ancient Greek: lexemes, grammar, psychological reality ..	476
MARINA V. SKRZHINSKAYA Women in religious life of Olbia and Bosporos	483
MARINA N. SLAVYATINSKAYA Personality — ΠΑΙΔΕΙΑ — Creativity — Education	507
OLGA V. SMYKA “A letter in some syllables and in the iambic metre” (C. Manasses, Synopsis Historiae, 4908)	516
SERGEY A. STEPANTSOV Translations from Greek Poets	521
IGOR E. SURIKOV Pausanias the Spartan, a Founder of Byzantium	523
RICHARD J.A. TALBERT Roman Concern to Know the Hour in Broader Historical Context	534
TAMARA F. TEPERIK Poetics of armaments in Virgil's Aeneid	556

MIKHAIL TREISTER

**Roman Bronze vessels with Medallions bearing Figural Images
from Sarmatia** 565

GOCHA R. TSETSKHLADZE

Pontic Slaves in the Mediterranean: Orthodoxy, Ethnicity and Reality .. 611

IRINA YU. SHABAGA

**Q. Aurelius Symmachus. The second Laudatio (Oratio II) in honor
of Valentinianus Senior Augustus Alter, delivered on January 1, 370:
Translation from Latin and Commentary** 627

MIKHAIL V. SHUMILIN

The Riddle of Faunus (*Calp. Ecl.* 1.87–88): Text and Interpretation 642

VALAHFRIDUS (WILFRIED STROH)

Quid de vocalibus pronuntiandis Terentianus Maurus senserit 662

ANCA DAN, HELMUT BRÜCKNER, HANS-JOACHIM GEHRKE,

DANIEL KELTERBAUM, UDO SCHLOTZHAUER, DENIS ZHURAVLEV

***Coracanda, Korokondamè, Korokondamitis: Notes on the most
ancient names of the Cimmerian Bosphorus, the Kuban Bosphorus
and the southern part of the Taman Island*** 682

Sophia A. Khandazhinskaya

List of published Works by Professor Alexander V. Podossinov 726

DE SENVM UTILITATE SERMO: Dialogus senis (A) et adolescentis (B)

MICHAEL VON ALBRECHT

- A: Audio dum pueros aviae qui iurgia cantant,
Immo « suem » perhibent, purum quoniam aëra spurcet,
Irascor. Resequi est animus : « porcelle, quid audes ? »
Magna senum fuerat quondam reverentia.... B : Priscis
- 5 Siqua fides senibus de se scribentibus... A : Atqui
Pauca adolescentum nobis documenta relicta.
Euclea, quid de senibus Romana iuventus
Dixerit ! B : Ast equidem non miror, docte Catulle,
Quod duros ais esse senes nimiumque severos !
- 10 A: Occidit ante diem. Vixisset longius ! Acre
Iudicium factum paulatim mitius esset.
Graecorumne ille est lasciva exempla secutus ?
B: Dat natus colaphos genitori : fabula Graeca
Exstat Aristophanis, cuius sapientia magna.
- 15 A: Vnde adolescenti venit fiducia tanta ?
B: Clara sophistarum fuerat schola. A : Cara fuitne ?
B: A genitore data est non parvula summa magistris.
A: Ergo bis poenas solvit pater optimus ille.
Cur mulcatus ? B : Ait natus : « Pulsare solebas
- 20 Me, cultûs expers urbani, more ferarum
Horrida rura colens. Civiles incipe mores
Discere ! » A : Talia num tibi dicta et facta probantur ?
B: Non ! Inimicus erat nempe ille poeta sophistis.
A: Ipse vides illi credi non omnia posse.
- 25 Quis sanus mores urbanos rodere possit ?
Doctrinam quisnam ? Quisnam te, Copia fandi ?
Non sine cautela fontes scito esse legendos.
Sed redeamus eo, sermones unde profecti :
Esse putabatur senibus sapientia summa.
- 30 A senibus nomen scimus traxisse senatum.
B: Estne aetate prior visus sapientior esse ?
A: Consilium reges Graecorum Nestoris omnes
Accepere : decet sapienti cedere fortem.
B: Nestora ridiculum tunc garrulitate fuisse

- 35 Maeonidae credo, quo nil antiquius exstat.
A: Annosus Caecus, Pyrrho non cedere certus,
 Persuasit patribus, vegetâ quae mente videbat.
B: Nec desunt, quorum voces contraria cantent :
 Romanis priscis sexagenarius olim
- 40 « Depontanus » erat, dignus qui proiceretur
 In Tiberim. Sapientia ubi est pietas et avita ?
 Lentus inersque senex non utilis esse putandus.
A: Hannibali invictus Cunctator restitit. **B :** At non
 Iste senex Poenum, iuvenis sed Scipio vicit.
- 45 Quam nocet annosis multarum oblivio rerum !
A: Vtile multorum est non iam meminisse malorum,
 Fixa pium memori tantum bona corde tenere.
B: Propria si fugiunt rerum te nomina, triste est.
A: Aucta poetica vis translata vocabula finget !
- 50 Adspice grandaëvis divina poemata quanta
 Contigerint ! Wagnêre, seni tibi *Parsifal* ortus ;
 Ultimus est Sophocli cano datus *Oedipus*. Illic
 Nubibus excussis sol ac sapientia regnant.
B: Canescente coma mens facta serena : tragoedus
- 55 Qui fueras, Verdî, perspecto turbine vitae
Falstaffium tandem condis grandaëvus amoenum.
A: Si tantum *Iliadem* magnus cecinisset Homerus
 Ante diemque sacrum rapuissent fata poetam,
 Gratia *Odyssaeae* nobis ignota fuisset.
- 60 **B:** Bella canunt iuvenes, seniores foedera pacis
 Coniugis atque piae fidaeque inventa dolosa.
A: Quis nisi grandaëvus Laërten laudibus ornet
 Irriguos hortos arbustaque laeta colentem ?
 Teque senem fidum, divine Eumaeae subulce ?
- 65 **B:** Nausicaeae viri tacitos senioris amores
 Numquam prolatos, casto sed pectore clausos ?
A: Penelopeve fidem servantem mente vigenti ?
B: Quisve canem, qui viginti non immemor annis
 Exspectabat erum, visoque animam exhalavit ?
- 70 **A:** Rura, Maro, tantum tibi si cantata fuissent,
 Roma sine Aenea prorsus pietate careret,
 Nec, Dido, tua mors hominum tot corda moveret,
 Nemo tuos nosset revocantes lilia vultus
 Mixta rosis, Lavinia ! Quis te, sancta Creusa ?
- 75 **B:** Mitis Parca : senex vates *Aeneida* scripsit.
A: Mitior ast eadem, quod mortuus ante poeta est,

- Quam Princeps cunctis apparuit esse tyrannus.
B: Quid facerent homines, Cicero ni grandior aevo
 Servasset, quidquid norat sapientia Graeca ?
 80 **A:** Quid, Nero si Senecam prius occidisset alumnus ?
B: Nos cum Lucilio stulti indoctique foremus.
A: Schillêre, Europam es complexus dramate totam :
 Pragam, Messanam, Matritum Londiniumque ;
 Adsunt Helvetî, cum Virgine Gallia. **B :** Verum est,
 85 Ast ubi sunt Mosqua et Varsavia ? **A :** Fragmina restant :
 Coeptus erat vati *Demetrius*. Vmbra relicta est ;
 Ante diem moritur vates. **B :** Europa remansit
 Imperfecta, et adhuc truncata. Tragoedia perstat.
 Vtile quid possunt seniores efficere ? **A :** Vnum :
 90 Si nil efficiunt amissis viribus, omnes
 Ferre preces possunt, possuntque iuvare minores
 Pacatoque animo verba auxiliaria fari.
B: Unde petant tamen haec ? **A :** Sanctos revocate poetas
 Interea ! Schillêre, veni, Maro, Maeonideque !
 95 Divinis verbis agite inspirete minores,
 Vnanimis ut stare velint fraternaue nectant
 Vincla, utque aedificent pontes, ubi abyssus aperta est.

Михаэль фон Альбрехт,
 Professor emeritus
 Гейдельбергского университета

QUATRE INSCRIPTIONS DE TOMIS DE L'ÉPOQUE DES SÉVÈRES

ALEXANDRU AVRAM

Résumé : L'auteur propose des éditions améliorées pour les inscriptions *ISM* II 82, 85, 86 et 419 de Tomis.

Mots-clés : Tomis, Septime Sévère, Caracalla, Geta, Iulia Domna, inscriptions grecques.

Abstract: The author suggests improved editions for the inscriptions *ISM* II 82, 85, 86 and 419 from Tomis.

Keywords: Tomis, Septimius Severus, Caracalla, Geta, Iulia Domna, Greek inscriptions.

Travaillant depuis quelques années sur les inscriptions de Tomis, mon attention fut entre autres mise à l'épreuve par quatre inscriptions figurant dans le corpus dû à Iorgu Stoian (*ISM* II, 1987), dont les éditions ne me paraissent pas satisfaisantes.

1. Jadis au Musée archéologique de *Drobeta-Turnu Severin*, aujourd'hui perdue. Stèle opisthographe de marbre brisée de tous les côtés.

Brièvement mentionnée dans Russu 1957, 186, note 24.

Éd. Stoian 1959 = Stoian 1960, avec photo; Stoian 1962, 113–122, n° II.22, avec photo (*SEG* 19, 461); *ISM* II 82, avec photo (*ISM* VI.2 82).

Cf. Mihailov 1963, 122, note 43; Boteva 1997, 181–182, n° IV 26; Bottez 2009, 238, n° 36.

[ἀγαθῆι τύχηι].

[ὑπὲρ τῆς τῶν θειοτάτων αὐτοκρατό]-
[ρων τύχης τε καὶ νείκης καὶ αἰωνίου]
[διαμονῆς Λ(ουκίου) Σεπτιμίου Σευήρου Περ]-
[τίνακος καὶ Μ(άρκου) Αὐρηλίου Ἀντωνείνου]
[Παρθικῶν, Μηδικῶν, Βριταννικῶν]
[καὶ [[Π(ουπλίου) Σεπτιμίου Γέτα ἐπιφανεστάτου]]]
[[[Καίσαρος]] καὶ τῆς μητρὸς κάστρων Ἰου]-
[λίας Αὐγούστης καὶ [[Πλαυτίλλας?]]] καὶ]
[τοῦ σ]ύνπαντο[ς αὐτῶν οἴκου καὶ ὑπὲρ]
[[[Φουλβίου Πλαυτιανοῦ]]] καὶ τῆς ἱερᾶς]
[συ]γκλήτου καὶ [τῶν ἱερῶν αὐτῶν σ]-
[ρα]τευμάτων κ[αὶ κρατίστου ὑπατικοῦ]
[Ἵο]υεινίου Τερτ[ύλλου καὶ δήμου τῆς]

[το]ῦ Εὐωνύμου [Πόντου μητροπόλεως]
 [Τ]όμειως ἱερασ[άμενοι? -----]
 . . καὶ προστατ[οῦντες? -----οί πε]-
 [ρ]ι ἱερέα β' ἀρχι[ερέα-----]
 10 . . . ΝΕΟΥΔΙΠ-----

Latus B

(noms fragmentaires des membres d'une association)

La mission (l. 4) du légat C. Ovinus Tertullus (*PIR*² O 191), extrêmement actif en Mésie inférieure à en juger d'après le nombre impressionnant d'inscriptions rendant compte de ses activités¹, est solidement datée de 198–201 *p.C.* Il est donc impossible d'insérer, fût-il à titre hypothétique, les noms du préfet du prétoire C. Fulvius Plautianus (*PIR*² F 554) et de sa fille Publia Fulvia Plautilla (*PIR*² F 564), épouse de Caracalla de 202 à 205, car le mariage des deux, suivi, selon toute vraisemblance, de la proclamation de Fulvia Plautilla comme *Augusta*, n'eut lieu qu'entre le 9 et le 15 avril 202², soit après qu'Ovinus Tertullus eut fini sa mission en Mésie inférieure³. Il vaut mieux prendre comme modèle — à une retouche près — une autre inscription tomitaine, *JSM* II 83, datant de l'époque du même légat et dont les premières lignes ont été restituées de la manière suivante:

ὑπὲρ τῆς τῶν θειοτάτων Αὐτοκρατό-
 ρων τύχης τε καὶ νείκης καὶ αἰωνίου
 διαμονῆς · Λ(ουκίου) · Σεπτιμίου Σεουήρου Περ-
 5 τινάκος · καὶ · Μ(άρκου) · Αὐ[ρηλίου] Ἀντωνεῖνου
 Π[αρθι]κῶν, Μηδ[ικῶν, Βριτα]γνικῶν
 [[καὶ Π(ουπλίου) Σεπτιμίου Γέτα κτλ.

À la l. 6, la restitution Π[αρθι]κῶν, Μηδ[ικῶν, Βριτα]γνικῶν — laquelle avait inspiré Stoian dans sa solution pour *JSM* II 82 — est intenable : Septime Sévère et Caracalla ne seront *Britannici* qu'en 210 (voir *infra*, n° 3), de surcroît, la pierre n'indique pas un N en fin de ligne avant -νικῶν, mais plutôt un H⁴. À défaut d'avoir trouvé des parallèles tout à fait exacts pour cette succession de titres, d'ailleurs fautive, j'attire

¹ Stein 1940, 84–86 ; Thomasson 1984, n° 20:107 ; Leunissen 1989, 15, 155, 251, 365 ; Boteva 1996, 242 (*Ann. ép.* 1996, 1335 ; *SEG* 46, 882) ; Żelazowski 2009, 143.

² Kienast, Eck et Heil 2017, 161. Selon Christol 1997, Fulvia Plautilla se serait arrogée ce titre juste après ses fiançailles avec Caracalla, en 201 (dans le même sens, Daguët-Gagey 2005, 507). Pourtant, même si on accepte cette dernière date, son père, C. Fulvius Plautianus, ne saurait pas encore être *socer et consocer Augustorum* (il ne le sera qu'à partir de 202 jusqu'à son assassinat, en 205).

³ Doutes exprimés à propos de l'insertion des noms de Fulvius Plautianus et Fulvia Plautilla dans Mihailov 1963, 122, note 43 ; Boteva 1996, 242, note 35.

⁴ J'ai revu cette pierre, ainsi que les trois autres du Musée national des antiquités (Institut d'archéologie de l'Académie roumaine de Bucarest) en compagnie de mon collègue Dragoș Hălmași, que je remercie une fois de plus de son aide précieuse et de ses observations toujours ingénieuses.

l'attention sur deux inscriptions d'Histria. La première (*ISM I 81*) donne Μηδικῶν, Ἀδιαβη[νικῶν, alors que l'autre (*ISM I 87*), qui date d'ailleurs de l'époque du même gouverneur Ovinus Tertullus, révèle Παρθικῶν, Μηδικῶν. Ce qui devrait permettre de restituer dans ladite inscription de Tomis Π[αρθι]κῶν, Μηδ[ικῶν, Ἀδιαβ]ηνικῶν. Il reste, il est vrai, une ligné martelée après [τοῦ σ]ύνπαντο[ς αὐτῶν οἴκου, que je ne saurais combler⁵.

Le commencement de l'inscription *ISM II 82* peut donc être restitué :

[ἀγαθῆι τύχηι·]
 [ὑπὲρ τῆς τῶν θειοτάτων αὐτοκρατό]-
 [ρων τύχης τε καὶ νείκης καὶ αἰωνίου]
 [διαμονῆς Λ(ουκίου) Σεπτιμίου Σευήρου Περ]-
 [τίνακος καὶ Μ(άρκου) Αὐρηλίου Ἀντωνεῖνου]
 [Παρθικῶν Μηδικῶν Ἀδιαβηνικῶν καὶ]
 [[[Π(ουπλίου) Σεπτιμίου Γέτα ἐπιφανεστάτου]]]
 [[Καίσαρος]] καὶ Ἰουλίας Δόμνης, μη]-
 [τρὸς στρατοπέδων καὶ Σεβαστῶν, καὶ]
 [τοῦ σ]ύνπαντο[ς αὐτῶν οἴκου [[καὶ– –]]]
 [[[...]ΡΑ– – – – –]] καὶ ἱεράς]
 [συ]νκλήτου καὶ [τῶν ἱερῶν αὐτῶν στ]-
 [ρα]τευμάτων κ[αὶ κρατίστου ὑπατικοῦ]
 5 [Ἰο]υβεινίου Τερτ[ύλλου καὶ δήμου τῆς]
 [το]ῦ Εὐωνύμου [Πόντου μητροπόλεως]
 [Τ]όμειως ἱερασ[αμένου– – – – –]
 [..] καὶ προστατ[οῦντος– – – – –οί πε]-
 [ρ]ὶ ἱερέα β' ἀρχι[ερέα– – – – –]
 10 – – – – ΝΕΟΥΑΠΙ– – – – –

7 ἱερασ[άμενοι] Stoian *dubitanter* || 8 προστατ[οῦντες] idem *dubitanter* || 10 peut-être –νέου Ἀπ[ι]–.

2. Musée national des antiquités de Bucarest, inv. L 834. Stèle de calcaire brisée en haut, à gauche et en bas.

Éd. Tocilescu 1887, 47, n° 59, avec fac-similé (*IGRR I 613*; Danoff 1932, 42–43, n° 28); Stoian 1962, 113, n° II.21, avec photo; *ISM II 85*, avec photo (*ISM VI.2 85*).

Cf. Boteva 1997, 199, n. VIII 13.

[ἀγαθῆι τύχηι·]
 [ὑπὲρ τῆς τῶν θειοτάτων αὐτοκρατό]-
 [ρων τύχης τε καὶ νείκης καὶ αἰω]νίου

⁵ On pourrait imaginer, à titre d'hypothèse, bien entendu, que le lapicide avait inséré trop tôt καὶ (τοῦ) κρατίστου ὑπατικοῦ et que, s'étant rendu compte de son erreur, il aurait effacé lui-même ces mots, d'où [κ]ρα[τίστου].

[διαμονής Λ(ουκίου) Σεπτιμίου Σεουήρου] Περτί-
 [νακος Σεβαστού Ἀραβικοῦ, Ἄδι]αβηνικοῦ
 5 [Παρθικοῦ μεγίστου κ]αὶ αἰωνίου δια-
 [μονής Μάρκου Αὐρη]λίου Ἀντωνεῖνου
 [Σεβαστοῦ καὶ [[Π(ουπλίου) Σεπτ(ιμίου) Γέτα]]] Καίσαρος καὶ
 [συνπάσης οἰκία]ς Αὐγούστης καὶ ἱερᾶς
 [συγκλήτου καὶ ἱ]ερῶν στρατευμάτων
 10 [καὶ δήμου Ῥωμ]αίων καὶ βουλῆς καὶ δῆ-
 [μου τῆς μητροπ]όλεως Τόμεως ☉
 [-----] ὁ καὶ Λέων πρ[ο]-
 [στάτης? -----].-----

7 [συνπάσης οἰκία]ς Tocilescu (Stoian) || 8–10 Toc. || 11–12 πρ[ο]στάτης] *dubitanter* Sto.

La répétition καὶ αἰωνίου διαμονής (l. 1–2 et 4–5) supposée par Stoian est gênante, voire impossible, d'autant plus que l'insertion de cette formule au début du texte repose sur une lecture fautive des seules lettres visibles à la fin de la l. 1. En effet, il n'est pas question des lettres lues par Stoian, mais de ΑΤΟ, ce qui ouvre la porte au supplément attendu, [Αὐτοκρ]άτο[ρος]. À la l. 7, au lieu du [συνπάσης οἰκία]ς introduit par le premier éditeur, Grigore Tocilescu, et accepté par Stoian, on attendrait plutôt [Ἰουλίας Δόμνη]ς. À part la titulature impériale ainsi rétablie, quelques retouches sont à apporter aux dernières lignes : à la fin de la l. 11 je vois un Ω, ce qui invite au supplément πρῶ[τος] (avec toute la prudence de rigueur, au vu du caractère officiel du monument, peut-être πρῶ[τος ποντάρχης]⁶).

Je propose donc l'édition suivante:

[ἀγαθῆι τύχηι]
 [ὑπὲρ τῆς τύχης καὶ νείκης Αὐτοκρ]άτο-
 [ρος Λουκίου Σεπτιμίου Σεουήρου] Περτί-
 [νακος Σεβαστοῦ Ἀραβικοῦ Ἄδι]αβηνικοῦ
 5 [Παρθικοῦ μεγίστου τε κ]αὶ αἰωνίου δια-
 [μονής Μάρκου Αὐρη]λίου Ἀντωνεῖνου
 [Σεβαστοῦ καὶ [[Π(ουπλίου) Σεπτ(ιμίου) Γέτα]]] Καίσαρος καὶ
 [Ἰουλίας Δόμνη]ς Αὐγούστης καὶ ἱερᾶς
 [συγκλήτου καὶ ἱ]ερῶν στρατευμάτων *vac.*
 [καὶ δήμου Ῥω]μαίων καὶ βουλῆς καὶ δῆ- *vac.*
 10 [μου τῆς μητροπ]όλεως Τόμεως ☉ *vac.*
 [-----]ν ὁ καὶ Λέων πρῶ-
 [τος ποντάρχης?] ἐπὶ ἀρχῆς [-----]

⁶ Voir, pour ce titre, Avram, Bărbulescu et Ionescu 2004 (*Ann. ép.* 2004, 1231 ; *SEG* 54, 666) ; Bărbulescu 2007 (*Ann. ép.* 2007, 1230 ; *SEG* 57, 678) ; Maurer 2014 (*Ann. ép.* 2014, 1132 ; *SEG* 64, 612).

La date de l'inscription est assurée par la mention comme César de P. Septimius Geta (*PIR*² S 454), dont le nom est, comme d'habitude, martelé : après peut-être l'automne 197 (et, quoi qu'il en soit, à partir de 199) et avant qu'il ne soit proclamé Auguste (209, sans doute vers septembre/octobre)⁷.

3. Musée national des antiquités de Bucarest, inv. L 939. Stèle de marbre brisée des deux côtés et en bas.

Éd. Tocilescu 1894, 92, n° 23, avec fac-similé et quelques suppléments (*IGRR* I 616, avec restitution ; Danoff 1932, 43, n° 30); *ISM* II 86, avec le même fac-similé (*ISM* VI.2 86).

Cf. Boteva 1997, 197, n. VIII 7.

[Αὐτοκράτορα Καίσα(ρα), Λουκίου]
 [Σεπτίμι]υ Σευήρου Π[ερτίν(ακος)]
 [Ἀραβικο]ῦ, Ἀδιαβη[νικοῦ υἱόν],
 [θεοῦ Μ]άρκου [Ἄντωνεῖνου]
 5 [Εὐσεβ(οῦς) υἱ]ωνόν, [θεοῦ Τραιανοῦ]
 [Παρθικ]οῦ καὶ θεοῦ Νέρουα
 [ἀπόγονον] Μάρ[κον Αὐρήλιον]

À cette « mise en page », suggérée dans *IGRR* et reprise par Stoian dans son corpus, fait obstacle le fait que la stèle présente en haut les traces d'une moulure qui indique la limite supérieure du champ de l'inscription : il est donc interdit d'ajouter quoi que ce soit au-dessus des lettres conservées à la l. 1. Le texte commençant obligatoirement par [Αὐτοκράτορα Καίσαρα], les lignes deviennent du coup plus longues, ce qui permet entre autres d'insérer [Παρθικοῦ μεγίστου] parmi les titres de Septime Sévère. Un bon parallèle est fourni par un monument de Nicopolis ad Istrum (*IGBulg* II 630) :

Αὐτοκράτορα Καίσαρα Λ(ουκίου) Σεπτίμιου Σεουήρου Περτίνακος Εὐσεβοῦς Σεβαστοῦ Ἀραβικοῦ Ἀδιαβηνικοῦ Παρθικοῦ μεγίστου υἱόν, θεοῦ Μάρκου Ἄντωνεῖνου Εὐσεβοῦς Γερμανικοῦ Σαρματικοῦ υἱωνόν, θεοῦ Ἄντωνεῖνου Εὐσεβοῦς ἔγγονον, θεοῦ Ἀδριανοῦ καὶ θεοῦ Τραιανοῦ Παρθικοῦ καὶ θεοῦ Νέρουα ἀπόγονον.

Cela étant, je comprends :

[Αὐτοκράτορα Καίσαρα, Λ(ουκίου) Σεπτίμι]υ Σευήρου Π[ερτί]-
 [νακος Εὐσεβοῦς Σεβαστοῦ Ἀραβικο]ῦ Ἀδιαβη[νικοῦ]
 [Παρθικοῦ μεγίστου υἱόν, θεοῦ Μ]άρκου [Ἄντωνεῖνου]
 [Εὐσεβοῦς Γερμανικοῦ Σαρματικοῦ υἱ]ωνόν, [θεοῦ Ἄντωνεῖ]-
 5 [νου Εὐσεβοῦς ἔγγονον, θεοῦ Ἀδριαν]οῦ καὶ θεοῦ Τραια[νοῦ]
 [Παρθικοῦ καὶ θεοῦ Νέρουα ἀπόγονον,] Μάρ[κον Αὐρήλιον]

⁷ Kienast, Eck et Heil 2017, 160.

[Ἄντωνεῖνον Σεβαστόν-----]

Stoian s'était totalement trompé, lorsqu'il estimait que le monument avait été érigé en l'honneur de Caracalla après que ce dernier eut assassiné son frère Geta en 212. En fait, il est manifeste que Septime Sévère était encore vivant. Mieux encore, vu qu'à la l. 3 il ne reste plus d'espace pour insérer Βρεταννικῶν μεγίστου, un titre que Septime Sévère n'obtint qu'en 210, peut-être le 31 mars⁸, l'inscription est à placer avant cette date : en principe, à n'importe quel moment après la proclamation de Caracalla (*PIR*² S 446) comme Auguste, peut-être dès 197 (voir *supra*, n° 1), mais très probablement, comme dans l'inscription précitée de Nicopolis ad Istrum, où la titulature de Caracalla est conservée de manière plus complète, à partir de 209. Je plaide, par conséquent, pour une date de 209–210 *p.C.*

4. Musée national des antiquités de Bucarest, inv. L 842. Fragment informe d'une stèle en calcaire.

Éd. Tocilescu 1882, 35, n° 74, avec fac-similé (Danoff 1932, 159, n° 234) ; de nouveau, par mégarde, Tocilescu 1887, 54 n. 83, avec fac-similé (Danoff 1932, 150, n° 198) ; *ISM* II 419, avec phot. (et *ISM* VI.2 419).

 [-----]ις καὶ C-----
 [-----Ἄν]εικήτου-----
 -----ΡΩCTI-----

I LLKAIΟ Tocilescu 1882, CEKAIΟ Danoff, -----]ις καὶ C[----- Stoian || 2 [Ἄν]εικήτου *vel* [N]εικήτου Toc. 1882 (Sto.), [ν]εικήτου Toc. 1887 || 3 ΡΩCTI Toc. 1882 et 1887 (Sto.).

La lecture de la dernière ligne conservée est fautive : j'y reconnais le génitif [Ἀυτοκράτο]ρος, ensuite les lettres, ΚΑ, donc Κα[ἰσαρος]. Compte tenu des autres débris conservés aux deux premières lignes, j'arrive à reconstituer un monument honorifique pour Iulia Domna (*PIR*² I 663) :

[Ἰουλίαν Δόμναν]
 [Σεβαστήν, Ἀυτοκράτορο]ς Καίσαρος Λ(ουκίου) Σεπτιμίου]
 [Σευήρου Περτίνακος ἄν]εικήτου [γυναίκα, μητέρα]
 [κάστρων καὶ Ἀυτοκράτο]ρος Κα[ἰσαρος Μ(άρκου) Ἀυρηλίου]
 [Ἄντωνεῖνου καὶ Π(ουπλίου) Σεπτιμίου Γέτα Σεβαστῶν]

Voir, à titre d'exemple, *IG* IV 704 :

Ἰουλίαν Δό<μ>ναν Σεβα-
 στήν, μητέρα στρατοπέ-

⁸ *Ibid.*, 151.

δων, Αὐτοκράτ<ο>ρος Καί-
 σαρος Λ(ουκίου) Σεπτιμίου Σευ-
 ήρου Περτ<ί>νακος άνε[ι]-
 κήτου γυναίκα καὶ Αὐ-
 το{υ}κράτορος Καίσαρος
 Μ(άρκου) Αὐρηλίου Ἀντωνείνου
 κ(αί) Λ(ουκίου) Σεπτιμίου
 Καίσαρος Σεβαστῶν μη-
 τέρα κτλ.

La date de notre monument serait, dans ces circonstances, 209–211 p.C., car on comprendrait que Septime Sévère (*PIR*² S 487) était encore en vie et que P. Septimius Geta (*PIR*² S 454) était déjà Auguste.

BIBLIOGRAPHIE

- AEM = *Archäologische-epigraphische Mitteilungen aus Österreich-Ungarn*.
- Avram, A., Bărbulescu, M. et Ionescu, M. 2004 : « À propos des pontarques du Pont Gauche », *Ancient West & East* 3,2, 354–364.
- Bărbulescu, M. 2007 : « De nouveau sur le *koinon* du Pont Gauche à partir d'une inscription inédite de Tomis », *Dacia* n. s. 51, 139–145.
- Boteva, D. 1996 : « Legati Augusti pro praetore Moesiae Inferioris A.D. 193–217/218 », *ZPE* 110, 239–247.
- 1997 : *Dolna Mizija i Trakija v rimskata imperska sistema (193–217/218 s. sl. Khr.)* (Sofia).
- Bottez, V. 2009 : *Cultul imperial în provincia Moesia Inferior (sec. I–III p. Chr.)* (Bucarest).
- Christol, M. 1997 : « L'épigraphie de Thugga et la carrière de Plautien », dans Khanoussi, M. et Maurin, L. (éds), *Dougga (Thugga). Études épigraphiques* (Bordeaux), 127–140.
- Daguet-Gagey, A. 2005 : « L'arc des argentiers, à Rome. À propos de la dédicace du monument (*CIL* VI, 1035 = 31232 = *ILS* 426) », *Revue historique* (3), 499–518.
- Danoff, C. 1932 : *Die griechischen Inschriften aus Tomis und Kallatis* (diss. Vienne).
- Kienast, D., Eck, W. et Heil, M. 2017 : *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*, 6e éd. revue (Darmstadt).
- Leunissen, P.M.M. 1989 : *Konsuln und Konsulare in der Zeit von Commodus bis Severus Alexander (180–235 n. Chr.)*. *Prosopographische Untersuchungen zur senatorischen Elite im Römischen Kaiserreich* (Dutch Monographs on Ancient History and Archaeology VI) (Amsterdam).
- Maurer, K. 2014 : « Der Pontarch des westpontischen Koinons », *Dacia* n. s. 58, 141–188.

- Mihailov, G. 1963 : « Septimius Severus in Moesia inferior and Thrace », dans *Acta antiqua Philippopolitana, studia historica et philologica* (Sofia), 113–125.
- Russu, I. I. 1957 : « Le décret de Callatis en l'honneur d'Isagoras », *Dacia* n. s. 1, 1957, 179–190.
- Stein, A. 1940 : *Die Legaten von Moesien* (Dissertationes Pannonicae I.11) (Budapest).
- Stoian, I. 1959 : « O inscripție tomitană inedită din vremea Severilor », *Studii și cercetări de istorie veche* 10, 1959, 321–335.
- 1960 : « Nouvelles informations au sujet du gouvernement d'Ovinius Tertullus en Mésie Inférieure », dans *Nouvelles études d'histoire II. Publiées à l'occasion du XIe Congrès des sciences historiques, Stockholm, 1960* (Bucarest), 73–81.
- 1962 : *Tomitana. Contribuții epigrafice la istoria cetății Tomis* (Bucarest).
- Thomasson, B. E. 1984 : *Laterculi praesidum*, vol. I (Göteborg ; cf. vol. I *ex parte retractatum*, 2009, www.isvroma.it/public/Publications/laterculi.pdf).
- Tocilescu, G. 1882 : « Inschriften aus der Dobrudscha », *AEM* 6, 1–52.
- 1887 : « Neue Inschriften aus der Dobrudscha », *AEM* 11, 19–70.
- 1894 : « Neue Inschriften aus Rumänien », *AEM* 17, 81–113.
- Żelazowski, J. 2009 : « L'attività dei governatori nella Mesia Inferiore (86–275) secondo le iscrizioni », *Palamedes* 4, 131–146.

Alexandru Avram
 Le Mans Université
 Faculté des Lettres, Langues et Sciences humaines
 Avenue Olivier Messiaen
 F-72085 Le Mans Cedex 9
alexandru.avram@univ-lemans.fr

ФРИГИЙСКИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ У ПЛИНИЯ СТАРШЕГО*

Е.Н. АНДРЕЕВА

Резюме: В статье рассматриваются все изобретения, приписываемые Плинием Старшим фригийцам (обработка меди, повозка с четырьмя колесами, запряжка колесницы парой лошадей, поперечная и двойная флейты, фригийский музыкальный лад и вышивание иглой), и прослеживаются возможные источники этих сообщений, а также анализируются причины, по которым именно эти открытия классическая традиция приписала фригийцам.

Ключевые слова: Плиний Старший, «Естественная история», фригийцы, изобретения, *πρώτοι εὑρηταί*

Седьмая книга «Естественной истории» Плиния Старшего, посвященная человеку, «ради которого, как кажется, Природа создала все остальное» (NH. 7.1), завершается небольшим приложением, добавленным «перед тем, как оставить описание природы человека» (7.57), а именно списком изобретателей и изобретений. В этой заметке я представлю все изобретения, которые Плиний приписывает фригийцам в целом или каким-либо персонажам, ассоциирующимся с этим народом, и постараюсь проанализировать причины, по которым античная традиция считает именно их первооткрывателями определенных вещей и умений. Каким бы очевидным это ни казалось, следует отметить, что в данном случае нас будет интересовать именно литературная традиция, которая послужила основой для компиляции Плиния, а не реальная история освоения человеком тех или иных технологий¹.

Основными источниками, из которых Плиний почерпнул информацию для составления своего каталога достижений человечества, считаются «Об открытиях» Эфора (IV в. до н. э.) и полемический ответ на эту работу Страбона, а также одноименный труд Филостефана из Кирены (III в. до н. э.), однако ни одно из этих произведений не дошло до нас. Плиний также ссылается на Аристотеля и Феофраста, а из римских работ — на «Анналы» Гнея Геллия (II до н. э.), также не сохранившиеся, и на Варрона. Безусловно, этот список не исчерпывает всех работ древних авторов об изобретениях и изобретателях: интерес к происхождению культурных достижений был силен еще у софистов,

* Эта статья представляет собой доработанную версию доклада, представленного на международной конференции «Плиний старший и его время» в сентябре 2018 г. (РАНХиГС, Москва).

¹ Ср. Thraede 1962: 1192.

перипатетиков и стоиков, эллинистических ученых, а среди римлян можно отметить Энния и Лукреция, а также Сенеку и автора «Мифов», дошедших до нас под именем Гигина. Интерес тема открытий вызывала и у христианских авторов².

Рассматриваемый список изобретений носит, с одной стороны, преимущественно греческий характер, встречаются в нем также изобретатели из народов, часто упоминаемых греческой литературной традицией, но нет ни одного римлянина-изобретателя, лишь римляне, впервые воспользовавшиеся соответствующими вещами и технологиями. С другой стороны он пропитан эвгемерическим духом³, то есть в своем описании достижений человеческой культуры, авторство которых мифологическая традиция часто приписывала богам и полубогам, Плиний стремится минимизировать роль сверхъестественных сил и объяснить «божественное» происхождение некоторых предметов тем, что их изобретатели были обожествлены потомками. Например, говоря о Церере, которая научила людей растить зерно, он уточняет, что именно поэтому она и считается богиней (NH. 7.191).

На первый взгляд, список Плиния выглядит достаточно беспорядочным⁴: не прослеживается никакой очевидной логики в порядке перечисления изобретений, например, сначала говорится о торговле, затем о земледелии и законах, затем о письменности и тд. Более того, к вопросам торговли и письма автор еще возвращается. «Первооткрывателями» могут выступать как конкретные люди, так и целые народы. Во многих случаях Плиний цитирует несколько противоречащих друг другу традиций, приписывающих изобретение одной и той же вещи разным лицам. Далеко не всегда легко понять, почему то или иное изобретение приписано тому или иному изобретателю, но часто за этим кроются либо общеизвестные этиологические мотивы (например, Арахна изобрела нити и сети; NH. 7.196) и мифы, хоть иногда и несколько измененные (например, Беллерофонт первым оседлал коня; 7.202), либо этимология имени изобретателя (например, высечение огня из кремня изобрел человек по имени Пирод; 7.198), либо какие-то широко известные реалии (например, добыча серебра была изобретена в Афинах; 7.197)⁵.

Однако если посмотреть внимательнее на структуру разделов этого списка, то есть отрывков текста, посвященных похожим изобретениям, то они часто строятся по одному и тому же принципу: от простого (т. е. от изобретения чего-либо) к сложному (т. е. к разнообразным модификациям изобретения), напри-

² Подробно об интересе к изобретениям и происхождению всех вещей у греков и римлян в контексте написания «Естественной истории» см. Veagon 2005: 417–420; о связанном с этим увлечении всем удивительным (*mirabilia*) и парадоксографии см. *ibid.* 17–20. Более широкий взгляд на тему см. в Thraede 1962.

³ Ср. Veagon 2005: 417.

⁴ О возможной логике порядка перечисления изобретений см. Mistretta 2017.

⁵ Veagon 2005: 419.

мер, от изобретения письменности вообще к появлению греческого письма к постепенному добавлению нефиникийских букв в греческий алфавит (7.192), или от первого плавания на лодке к биремам, триремам и так далее (7.206). Для понимания того, почему то или иное изобретение приписывается Плинием тому или иному изобретателю, важно не только знание традиции, но и тот непосредственный контекст, в который она попала в нашем списке, ведь это так или иначе отражает замысел автора.

Однако для начала необходимо рассмотреть, какие именно изобретения Плиний приписывает фригийцам или традиционно фригийским персонажам: обработка меди, четырехколесная повозка и парная запряжка, определенные виды музыкальных инструментов и, конечно же, фригийский музыкальный лад. В труде Плиния также присутствует еще одна отсылка к изобретениям фригийцев, а именно, в восьмой книге упоминается, что они изобрели вышивание иглой.

Первое из упомянутых изобретений — обработка меди — является частью рассказа о том, как человечество научилось обрабатывать различные металлы. Кузнечное мастерство издревле считалось делом сродни магии⁶, поэтому нет ничего странного в том, что в данном отрывке появляются такие мифические персонажи, как циклопы и халибы, хотя, конечно же, Плиний рационализирует традицию и считает их древними народами (NH. 7.197–198):

Aes conflare et temperare Aristoteles Lydum Scythen monstrasse, Theophrastus Delam Phrygem putant, aerariam fabricam alii Chalybas, alii Cyclopas, ferrum Hesiodus in Creta eos qui vocati sunt Dactyli Idaei. Argentum invenit Erichthonius Atheniensis, ut alii, Aeacus; auri metalla et flaturam Cadmus Phoenix ad Pangaeum montem, ut alii, Thoas aut Aeacus in Panchaia aut Sol Oceani filius, cui Gellius medicinae quoque inventionem ex metallis assignat. Plumbum ex Cassiteride insula primus adportavit Midacritus. Fabricam ferrariam invenerunt Cyclopes, figlinas Coroebus Atheniensis...

Аристотель считает, что плавить и обрабатывать медь научил лидиец Скиф, по мнению же Теофраста, — фригиец Делас. Изобретениековки металла одни приписывают халибам, а другие — циклопам. Гесиод утверждает, что железо первыми стали использовать на Крите те жители, кого называли идейскими Дактилами. Серебро открыл афинянин Эрихтоний или, как считают другие, Эак. Первый золотой рудник и плавку золота открыл финикиец Кадм на горе Пангей, по мнению же других, это сделали Фоант и Эакл на Панхее, или Сол, сын Океана, которому Геллий приписывает также изобретение лекарств из металлов. Олово с островов Касситериды первым привез Мидакрит. Обработку железа изобрели циклопы; гончарное ремесло – афинянин Кореб⁷...

Итак, некий фригиец Делас является одним из кандидатов на роль изобретателя обработки меди, причем его «конкурентом» является представитель очень близкого — и географически, и культурно — к фригийцам народа ли-

⁶ См. Beagon 2005: 431; Delcourt 1959.

⁷ Все цитаты из VII книги Плиния даны в переводе А.Н. Маркина.

диец Скиф⁸. Комментатор и переводчик седьмой книги Мэри Бигон отмечает (*ad loc.*), что оба этих персонажа нигде больше не засвидетельствованы, однако это, как мы увидим, не совсем так.

Особый интерес для нас представляют упомянутые тут же Идейские Дактили, которым приписывается изобретение обработки железа на о. Крит. Согласно комментарию Бигон, месторождения железа на Крите весьма скудны, в то время как в Анатолии — очень богаты, поэтому, возможно, тут имеет место частая путаница между двумя горами Ида — той, что на Крите и той, что в Малой Азии⁹. Географически эта гора находится в Мисии или Троаде, однако границы различных историко-культурных областей в этом регионе были очень запутаны, и малоазийская Ида ассоциировалась в первую очередь с Фригией из-за культа Великой Идейской богини, распространенного в греко-римском мире и считавшегося «фригийским» по своему происхождению¹⁰.

Но кто же такие эти Идейские Дактили? Это группа мифических существ, родственная кабирам, корибантам, тельхинам и куретам (см. *Strab.* 10.3.7, 22), описываемых источниками как могущественные колдуны и мастера кузнечного дела. Обычно число им три или пять и они изображаются как служители Адрастеи, Реи или Великой матери богов¹¹. Как и сама гора Ида, Дактили ассоциируются и с Критом, и с Фригией¹², однако на Фригию как их родину указывают более ранние литературные источники, сохранившиеся, правда, фрагментарно в трудах других авторов¹³.

⁸ Другая возможная интерпретация текста — «скиф Лид», так как в данном отрывке личное имя во всех остальных случаях стоит *перед* *nomen gentis* или филиацией, однако М. Бигон ставит под сомнение возможность такого перевода, так как именно Малая Азия была важнейшим металлургическим центром древности, к тому же совсем рядом в тексте упоминается представитель другой анатолийской культуры. Сдругой стороны, как я уже отмечала выше, очевидно, что Плиний составлял свой текст, основываясь на литературной традиции, а не на «исторических реалиях» в их современном понимании. Однако в параллельном тексте Климента Александрийского (*Strom.* 1.16.75.5), который будет проанализирован ниже, Скиф — это определенно собственное имя, а не этникон.

⁹ *Weagon* 2005: 431. Об этом смешении двух Ид подробнее см. *Bürchner* 1914; *Delcourt* 1959: 167; *Roller* 1999: 171–172.

¹⁰ См. *Jessen* 1914; *Roller* 1999: 144 n. 5.

¹¹ Братья Кельмис, Дамнаменей и Акмон (*Phoronis*: F 2 *Barnabé*); Павсаний (5.7.6) называет имена пяти критских Идейских Дактилей, пришедших в Олимпию: Геракл, Пеоней, Эпимед, Иасий и Идас (ср. 5.14.7; 8.31.3). Сведения источников о происхождении, именах, числе и родственных связях Дактилей сильно разнятся, что не ускользнуло от внимания Страбона, который, однако, указывает, что все истории об этих существах сходятся в том, что они были магами и изобрели обработку железа на горе Ида (10.3.22). Исчерпывающий перечень литературных источников относительно Дактилей, а также известные на тот момент данные эпиграфики (в том числе свинцовые таблички) и папирологии см. в *Hemberg* 1952.

¹² О фригийских и критских Дактилях см. *Roller* 1999: 172, *Weagon* 2005: 431 и комментарий к С. Дмитриева к *BNJ* 107 F 12a. Диодор Сицилийский (5.64.4–5) пытается объединить эти две версии происхождения Дактилей, утверждая, что они были рождены на фригийской Иде, а затем переселились на Крит.

¹³ А именно, поэма «Форонида», относящаяся к VII или VI в. до н. э. (*Barnabé* 1996: 118–121). Сте-симброт, однако, называет Крит родиной Дактилей (*BNJ* 107 F 12a; V в. до н. э.).

Однако мы можем найти и непосредственно дошедшее до нас древнее свидетельство связи между Дактилиями и Фригией в данных эпиграфики: мраморная стела IV в. до н. э., обнаруженная в храме Аполлона в Эретрии (IG XII.9 259), содержит стихотворный гимн Дактилиям, служителям Матери Орейи (то есть «горной»). Текст очень фрагментарен, однако в нем упоминается Фригия в связи с Дактилиями. Знаменитый «Паросский мрамор» (IG XII.5 444), эллинистическая историческая хроника, составленная около 263 г. до н. э., также упоминает Дактилей, и тоже называет их первооткрывателями железа, правда локализует это событие на критской Иде (стк. II.21b–22).

Ранний христианский автор Климент Александрийский в первой книге «Строматов» несколько раз упоминает Идейских Дактилей, и в том числе сообщает (I.16.75.4–5), что двое из них де нашли железо — уже и вовсе на острове Кипр¹⁴, а другой «идеец» Делас открыл искусство изготовления бронзы, а, по мнению Гесиода, его звали Скиф: Κέλμης τε αὖ καὶ Δαμναμενεὺς οἱ τῶν Ἰδαίων δάκτυλοι πρῶτοι σίδηρον εὗρον ἐν Κύπρῳ, Δέλας δὲ ἄλλος Ἰδαῖος εὗρε χαλκοῦ κράσιν, ὡς δὲ Ἠσίοδος, Σκύθης. Очевидно, что это сообщение восходит к тем же источникам, что текст Плиния, — возможно, к упоминаемой в «Суде» (s. v. Ἠσίοδος) утерянной поэме Гесода «Об Идейских дактилях» (Περὶ τῶν Ἰδαίων Δακτύλων), единственными известными фрагментами которой и считаются рассматриваемые тексты Плиния и Климента. Наиболее важным в контексте обсуждаемого вопроса тут однако является то, что текст «Строматов» устанавливает непосредственную связь между Деласом — фригийцем, согласно Плинию, — и Идейскими дактилиями, несмотря на то, что его имя в числе имен Дактилей нигде более не упоминается.

Таким образом, ассоциация между горой Ида, Идейскими Дактилиями и Фригией и Критом неизбежна в контексте классической традиции, а Плиний совмещает две ветви этой традиции и пытается избежать противоречия между фригийской и критской версией мифа о Дактилях, разделяя два открытия (обработка меди и обработка железа) между этими двумя регионами.

Вторым фригийским изобретением в плиниевом каталоге культурных достижений оказывается четырехколесная повозка (NH. 7.199):

Vehiculum cum quattuor rotis Phryges, mercaturas Poeni, culturas vitium et arborum Eumolpus Atheniensis, vinum aquae misceri Staphylus Sileni filius, oleum et trapetas Aristaeus Atheniensis, idem mella; bovem et aratrum Buzyges Atheniensis, ut alii, Triptolemus.

Повозку с четырьмя колесами первыми создали фригийцы; вести торговлю первыми стали пунийцы; разведением винограда и деревьев первым занялся афинянин Евмолп. Смешивать вино с водой первым научил Стафил, сын Силена; разведение олив и изобретение маслодавилного пресса, а также получение меда приписывают Аристею из Афин; использовать быков и плуг первым стал Бузиг Афинский или, по мнению других, Триптолем.

¹⁴ Что по-своему логично, ведь Кипр славится медными месторождениями.

Почти все остальные пары «изобретение — изобретатель» из этого параграфа кажутся так или иначе самоочевидными: кто, как ни финикийцы, мог изобрести торговлю? Изобретатель смешивания вина с водой носит имя Стафил, которое само по себе связывает его с культурой виноделия (σταφυλή — ‘виноградная гроздь’, LSJ s. v.). Тот факт, что его отцом называется Силен, спутник Диониса, еще больше связывает его с топомосом «культурного» способа потребления вина в разбавленном виде. К тому же тут сразу на ум приходит история с хитростью царя Мидаса, который поймал Силену, подмешав в источник, из которого тот пил, вино. Столь же говорящим является и имя Бузиг, то есть «запрягающий быков». Менее очевидные атрибуты изобретений также находят свои параллели: о связи Аристея с изобретением добычи масла оливы и меда пчел говорят и другие источники, например, Аполлоний Родосский в «Аргонавтике» (4.1131) и Вергилий в четвертой Георгике. Традиция же о Евмолпе и Триптоleme как культурных героях Афин весьма богата¹⁵.

Как кажется, причина атрибуции оказавшегося в таком контексте изобретения четырехколесной повозки фригийцам должна была быть столь же очевидной для читателей Плиния, однако на эту тему мы не находим никаких свидетельств античных источников. М. Бигон в своем комментарий рассуждает в этом месте об изобретении четырехколесного транспорта вообще и его распространении в Малой Азии и Греции в частности¹⁶, однако это кажется неуместным в свете того, что сам Плиний, как уже говорилось выше, основывался на литературной традиции, данные которой он комбинировал и анализировал, а не пытался провести собственное исследование — то, как мы бы это поняли сегодня, — о «реальном» происхождении вещей (и уж тем более не мог он знать древнейшей истории четырехколесного транспорта). Однако помимо конкретных данных, почерпнутых из литературы, Плиний также опирался на то, что мы бы назвали «общими местами», например, связь финикийцев и торговли: в действительности они ее, конечно, не изобрели, но несомненно в ней преуспели. Быть может, ассоциативная связь между фригийцами и повозками носит похожий характер?

У древних авторов мы находим много свидетельств о том, что фригийцы преуспевали в скотоводстве или по крайней мере о том, что этот род деятельности был очень важен для их хозяйства. Так, один из источников Плиния, Марк Терентий Варрон в своем трактате «О сельском хозяйстве» говорит, что во Фригии водятся многочисленные стада (*greges complures; greges multi*: 2.1.5; 2.6.3) полудиких овец и диких ослов-онагров, которых люди все же могут использовать в своих целях, а также сообщает о тканях, производимых из козьей шерсти в этом регионе (2.11.12). Информацию об онгарах повторяет и сам Плиний в восьмой книге (*onagri in Phrygia et Lycaonia praecipui*; 8.174), а другой

¹⁵ См. Beagon 2005: 436–437.

¹⁶ Beagon 2005: 436.

пассаж этой же книги, который мы рассмотрим ниже, предполагает наличие во Фригии традиции производства шерстяных тканей. У Плиния можно найти еще одну заметку о фригийском скоте, уже парадоксографического характера: он сообщает, что скот во Фригии может двигать рогами как ушами (II.125) — эти сведения он почерпнул, скорее всего, у Аристотеля (НА. 517a 29).

Что же касается особой роли разведения крупного рогатого скота в хозяйстве региона, то автор I в. до н. э. Николай Дамасский (в дошедшем до нас через «Антологию» Иоанна Стобея фрагменте его сочинения «О нравах»; BNJ 90 F 103i) сообщает, что тех, кто убьет рабочего быка (или украдет какое-нибудь сельскохозяйственное орудие), фригийцы предают смертной казни¹⁷. Об этом же сообщает и Клавдий Элиан (НА. 12.34)¹⁸. Поздний римский поэт Клавдиан описывает равнины Фригии как «богатые конями, счастливые скотом» (*Eutrop. 2.273: dives equis, felix pecori*). Это представление, как кажется, соответствовало действительности: скотоводство, остающееся одним из основных видов хозяйственной деятельности в регионе и сейчас, находит свое отражение в надписях на стелах и алтарях, посвященных в первых веках нашей эры в святилища Фригии. Эти надписи часто содержат просьбы о благополучии не только самого посвятителя и его семьи, но и его имущества, в том числе скота. Более того, специальные формулы посвящения «за быков/коров» известны только из надписей Фригии и сопредельных регионов¹⁹. Лошади, быки и коровы с телятами — частый мотив в рельефах на фригийских посвячительных стелах²⁰. Быть может, такое представление об успешном разведении тягловых

¹⁷ Φρύγες ... ἐὰν δὲ τις παρ' αὐτοῖς γεωργικὸν βοῦν ἀποκτείνῃ ἢ σκευὸς τῶν περὶ γεωργίαν κλέψῃ, θανάτῳ ζημιόσσι.

¹⁸ Φρύγες δὲ ἐὰν παρ' αὐτοῖς τις ἀροτῆρα ἀποκτείνῃ βοῦν, ἢ ζημίᾳ θάνατος αὐτῶι.

¹⁹ Список таких эпиграфических текстов (а также надписей с похожими формулами, например ὑπὲρ/περὶ κτηνῶν, τετραπόδων, θρεμμάτων, ζώων, προβάτων, etc.) был составлен Кристофом Шулером (Schuler 2012: 93–94). Здесь я привожу посвящения ὑπὲρ/περὶ βοῶν из его списка, добавив некоторое количество новых, чтобы продемонстрировать масштаб и географическое распространение этого феномена. Памятники из Фригии: ὑπὲρ βοῶν CIG 3817; MAMA V 120; 152; 153; 212; VII 303; BCH 45: 558 No. 3; SEG 32:1273; 56:1514; 56:1517–1518; 56:1520; 56:1524; 56:1627; περὶ βοῶν MAMA V 170; 182; 213; R8; Haspels 1971: 335 No. 99; SEG 28:1186; 44:1044; 56:1564; 56:1577; 56:1613; 56:1622; 56:1658; 62:1152; 62:1264–1265; из Галатии: RECAM II 61; из Лидии: TAM V.1 509; из Вифинии: SEG 29:1288 (εἰς βοῶν); из Пафлагонии: SEG 44:1000. Единственная надпись из другого региона, содержащая похожую формулу, это IG Bulg III.2 1805 из Адрианополя (Эдирне), что все же не слишком далеко от основного ареала распространения таких текстов. Большая часть фригийских примеров происходит из области Дорилея и Наколеи (см. MAMA V: 29; Schuler 2012: 93). Ср. Robert 1939: 204; 1955: 36–37; 108, общий анализ таких посвящений см. в Schuler 2012: 76–79 (с библиографией): автор предполагает, что уникальность этой группы посвящений не связана с какой-то особой местной религиозной практикой, но представляет собой всего лишь следствие обычая записывать подобные молитвы на долговечном материале. Конечно, сложно отрицать, что благополучие скота было крайне важно для земледельцев по всей греческой ойкумене, однако сам тот факт, что только жители Фригии римского времени массово записывали свои прошения богам о скоте на камне, кажется достаточно важным и показательным.

²⁰ См. Schuler 2012: 76 n. 56; 77. Быки также иногда изображались и на погребальных памятниках, но все же чаще — на посвячительных (см. комм. к MAMA V 50; Robert 1939: 204).

животных (быков и лошадей, а также онагров) послужило причиной ассоциации Фригии и самого простого колесного транспорта.

Как уже говорилось выше, достаточно сложно четко сформулировать общий принцип, по которому составлен список изобретений, однако одна закономерность все же бросается в глаза: Плиний старается чередовать мирные и военные изобретения²¹. Так, после описания самых важных культурных достижений человечества — земледелия, письменности, домостроительства, обработки металлов, добычи огня и способах государственного управления — он переходит к военным делам: изобретению дубин, щитов, доспехов, мечей, лука и т. д. И именно в этом каталоге военных достижений мы находим следующее фригийское изобретение — колесницу, запряженную парой лошадей (NH. 7.202):

Equum (qui nunc aries appellatur) in muralibus machinis Epium ad Troiam, equo vehi Bellerophontem, frenos et strata equorum Pelethronium, pugnare ex equo Thessalos, qui centauri appellati sunt, habitantes secundum Pelium montem. Bigas prima iunxit Phrygum natio, quadrigas Erichthonius. Ordinem exercitus, signi dationem, tesseras, vigilias Palamedes invenit Troiano bello, specularum significationem eodem Sinon, inducias Lycaon, foedera Theseus.

Среди стенобитных машин «коня» (который теперь называется «бараном») изобрел Эпей у Трои. Езду верхом на коне придумал Беллерофонт; узду и седло для лошади изобрел Пелефроний; сражаться на лошадях первыми стали фессалийцы, которых называли кентаврами и которые жили у подножия горы Пелий. Запрягать колесницу парой лошадей первыми стали фригийцы, а четверкой — Эрихтоний. Боевой порядок, подачу сигнала к началу сражения, военные пароли и ночную стражу придумал Паламед во время Троянской войны, подачу сигнала с башни – Синон в той же войне, перемирие – Ликаон, заключение договоров – Тесей.

Собственно, само по себе слова *bigae* может обозначать любую двойную запряжку, не обязательно боевой колесницы. Однако связать это фригийское изобретение напрямую с предыдущим не дает чисто военный контекст пассажи. Приписывание фригийцам каких бы то ни было военных достижений кажется очень странным в контексте греко-римской литературной традиции: большинство авторов изображает их трусливыми и женоподобными, совершенно неспособными к ратным подвигам²². Комментатор²³ в данном случае также рассуждает о появлении колесниц в Передней и Малой Азии и успехах в колесничном деле предшественников фригийцев в центральной Анатолии — хеттов. Безусловно, никакой прямой связи здесь быть не может: ни греки, ни римляне не знали даже о самом существовании хеттов, не говоря уже об их колесницах. Как и в предыдущих случаях, для понимания причины, по которой это изобретение приписывается фригийцам, важнее сам контекст «Естественной истории».

²¹ См. Mistretta 2017.

²² См. Levick 2013: 43–44; Андреева 2017: 603–605.

²³ Beagon 2005: 443.

Однако для начала рассмотрим одну существовавшую в классической традиции ассоциацию между фригийцами и колесницами²⁴: Пелопс выиграл колесничную гонку в благодаря помощи Посейдона²⁵. Пелопс на колеснице — один из очень распространенных мотивов в греческом искусстве²⁶. Однако версии происхождения самого героя не столь однозначны: Пиндар называет его лидийцем (Ol. 1.24), в то время как Геродот — фригийцем (7.8). Так или иначе Пелопс считался сыном Тантала — лидийского царя (четкие границы между этими двумя анатолийскими областями, особенно в литературных нарративах, бывает трудно проследить), однако основная часть его истории связана с материковой Грецией, а не с Малой Азией. Так как, согласно Пиндару (Ol. 1.71–88), Пелопс получил чудесных лошадей и колесницу от Посейдона, то Плиний, следуя своему рационалистическому принципу, мог убрать из этой истории божественное вмешательство, точно также как он называет Марсия изобретателем флейты, хотя традиционно в этой роли выступала Афина (см. ниже). Однако, в отличие от истории с сатиром и флейтой, в традиционных версиях мифа Пелопс никогда не изображался *первым* смертным, воспользовавшимся божественным изобретением.

С другой стороны, в тексте Плиния не Пелопс, а народ фригийцев (*Phrygum patio*) называется изобретателем *bigae*. Более того, сам контекст говорит скорее о военном нежели чем об агонистическом использовании колесниц. Как мы видим, из 13 изобретений, находящихся в непосредственной связи с интересующим нас, больше половины так или иначе связаны с Троянской войной, поэтому вероятно и это изобретение следует вписать в троянский контекст. В «Илиаде» фригийцы упоминается лишь дважды (2.862 и 10.431). У Гомера еще отсутствуют какие-либо негативные стереотипы относительно этого народа, описание которого в общем и целом ничем не отличается от описания других союзников троянцев — но при этом они характеризуются как *ἵπλόμαχοι* (10.431), то есть сражающиеся на лошадях, причем это слово в качестве эпитета используется в «Илиаде» всего один раз и, по мнению Дж.Н. О'Салливана, в данном контексте может означать скорее «использующие запряженные лошадыми колесницы в бою» (LfgE II: 1208). Похожий эпитет — *ἵπλόδαμος* (т. е. «укрощающий коней») — используется в «Илиаде» постоянно и относится к разным героям троянцев и ахейцев, но чаще всего описывает троянцев как народ²⁷.

В классической литературной традиции, начиная с Эсхила и в особенности Еврипида, слово «фригиец» стало употребляться в качестве синонима к слову «троянец». В греческой литературе это словоупотребление особенно

²⁴ Я бы хотела поблагодарить Анку Дан и Дмитрия Вадимовича Панченко за то, что они указали мне на это в ходе обсуждения моего доклада.

²⁵ Детально о мифе см. Scherling 1940; Stenger 2006.

²⁶ Triantis 1994: 284–285.

²⁷ Τρώες: Il. 2.230; 3.127, 251, 343; 4.80, 333, 352, 355, 509; 6. 461; 7.361; 8.71, 110, 516, 525; 10.424; 11.568; 12.440 etc. Этот эпитет также может относиться к использованию колесниц в бою, см. LfgE II: 1206.

характерно для драмы²⁸. Еще Страбон сетует на путаницу в названиях народов, населявших запад Анатолийского полуострова, вызванную, как он пишет, не столько постоянными переселениями и смешением народов, сколько стараниями историописателей и трагиков: «Эта неясность возникла не столько вследствие перемен, сколько из-за разногласий историков, которые сообщают различные сведения об одном и том же. Так, они называют троянцев фригийцами (как поступают, например, трагики), а ликийцев карийцами, так же и в отношении других народностей» (12.8.7) и «впрочем, поэты, особенно трагики, смешивают эти народности, как например троянцев, мисийцев и лидийцев, называя их фригийцами, а ликийцев – карийцами» (14.3.3; пер. Г.А. Стратановского)²⁹. Синонимизация двух названий народов укоренилась и продолжила существовать в греческой литературе как эллинистического, так и римского времени, а также была перенята римскими поэтами — особенно хорошо это можно наблюдать на примере «Энеиды» Вергилия.

Связано ли представление о том, что фригийцы изобрели колесницы с двойной упряжью, с неизвестной нам традицией, берущей начало в определении фригийцев как ἰπλόμαχοι Гомером, или укоренено в идентификации их с троянцами, которых «Илиада» также изображает мастерами в укрощении лошадей? Так или иначе, это изобретение, несомненно, может быть связано с троянским циклом также, как и с мифом о Пелопсе, а возможно и в большей степени, так как гомеровская традиция говорит о целом народе, а не отдельном персонаже, как и, в данном случае, Плиний.

После сообщения об изобретении мирных договоров Тесеем Плиний опять переходит к мирным культурным достижениям — гаданию и музыке. Изобретения фригийцев, связанные с музыкой — последние, приписываемые этому народу в седьмой книге «Естественной истории» (7.204):

Musicam Amphion, fistulam et monaulum Pan Mercurii, obliquam tibiam Midas in Phrygia, geminas tibias Marsyas in eadem gente, Lydios modulos Amphion, Dorios Thamyras Thrax, Phrygios Marsyas Phryx, citharam Amphion, ut alii, Orpheus, ut alii, Linus.

Музыку изобрел Амфион, свирель и одноствольную флейту — Пан, сын Меркурия, поперечную флейту — Мидас во Фригии, двойную флейту — Марсий в той же стране; лидийскую мелодию создал Амфион, дорийскую — фракиец Тамирид, а фригийскую – фригиец Марсий. Кифару изобрел Амфион, по мнению же других – Орфей или Лин.

В данном случае мы находимся в сфере мифологической традиции, очень хорошо известной и по другим источникам. Согласно некоторым авторам³⁰, фригийский сатир Марсий подбирает флейту-авлос (αὔλος), сделанную Афиной. Именно с этим инструментом он проигрывает музыкальное состязание

²⁸ Подробно см. Hall 1988.

²⁹ Ср. *Dion. Hal. Ant.* 1.47; *Claud. Eutorp.* 2.242–246.

³⁰ Например, *Apollod.* 1.4.2; [*Hyg.*] *Fab.* 165; *Ovid. Fast.* 695–710; cf. *Paus.* 1.24.1.

Аполлону³¹. Учитывая общую тенденцию Плиния к рационализации, неудивительно, что Афина была исключена им из истории этого изобретения. Правда, свидетельств о том, что Марсий изобрел и «фригийский лад», один из основных ладов греческой музыки³², мы в других источниках не находим, однако Павсаний (10.30.9) сообщает, что он считается изобретателем специальной музыки для флейты, τὸ Μητρῶον αὐλήμα. И действительно, некоторыми источниками Марсий изображается как спутник Кибелы: например, Диодор Сицилийский (3.58), описывая детство богини, говорит, что человеком, связанным с ней более всех остальных был Марсий (συναναστρέφεσθαι δ' αὐτῇ καὶ φίλιαν ἔχειν ἐπὶ πλεόν φασι Μαρσύαν τὸν Φρύγα). В том же рассказе автор приписывает изобретение свирели (πολυκάλαμος σύριγξ) Кибеле, а Марсию — «адаптацию» мотивов свирели для флейты-авлоса³³. Более того, сам фригийский лад у греков в большей степени ассоциировался с музыкой, исполняемой именно на флейтах³⁴.

Город Келены-Апамея Фригийская больше других связан с мифологической традицией о Марсии, и играющий на флейте Марсий изображался на монетах этого полиса в римское время (I в. до н. э. — II в. н. э.), а на монетных типах он играет именно на двойной флейте, то есть той, изобретение которой Плиний приписывает этому персонажу³⁵. Конечно, Марсий не единственный, кому древняя традиция приписывала изобретение авлоса: его ученик Олимп тоже считался создателем этого инструмента³⁶. В уже упомянутой мной Паросской хронике (стк. 10.19–20) изобретение и авлоса, и фригийской гармонии приписывается фригийцу Гиагниду — возможно, отцу Марсия³⁷, однако событие это все равно происходит во фригийских Келенах. Известно, что фригийскому ладу древние приписывали противоречивые свойства, но в том числе считалось, что такая музыка способна вводить людей в состояние религиозной экзальтации и даже экстаза и толкать на безумные поступки. Рассматриваемая же надпись гласит, что Гиагнид не только изобрел авлос и сочинил фригийский лад, но и установил «другие законы Матери, Диониса и Пана». Таким образом, связь фригийского лада, флейты и экстатических религиозных обрядов неоспорима³⁸.

³¹ *Diod.* 3.59. *Paus.* 2.22.9; *Ovid.* *Met.* 6.382–403, сам Плиний также мельком упоминает это состязание (NH. 16.89).

³² Подробнее см. West 1992: 160–189, особенно 180–181; Levick 2013: 41–42.

³³ Интересно, что далее (*Diod.* 3.59), как и у Плиния, речь идет о последовательном увеличении числа струн кифары и также упоминается Лин.

³⁴ West 1992: 180.

³⁵ Несколько примеров монет данного типа: BMC Phrygia 47, 74, 130, 158; SNG Cop. 189, 191–193, 200; SNG Tüb. 3975; SNG Aulock 3474. Подробнее о монетах Апамеи с изображением Марсия см. Nollé 2006, 79–84.

³⁶ Wegner 1939.

³⁷ Abert 1913: 2624.

³⁸ См. Wegner 1939: 322–323; West 1992: 31, п. 89; 180–181, п.79. Интересно отметить, что Кли-

Связь же царя Мидаса с музыкальными инструментами менее очевидна, однако именно он был, согласно некоторым авторам, судьей того злополучного поединка Мария с Аполлоном, в котором предпочел звуки флейты звукам кифары, и приобрел ослиные уши. Существует традиция, приписывающая Мидасу ученичество у самого Орфея³⁹: в источниках речь идет скорее об орфических мистериях, чем о музыке, однако все же невозможно изолировать одно от другого. Так, в «Суде» отмечается (*s. v. ἔλεγος*), что именно Мидас ввел игру на флейте при жертвоприношениях. Помимо этого, в «Пирующих софистах» Афиняя (14.617b) упоминается некий фригийский царь священных флейт (ἡ Φρύγα καλλιπνύων αὐλῶν ἱερῶν βασιλῆα), который первым сочинил легкую лидийскую песнь наперекор дорийской музыке, и Мидас один из очень немногих персонажей классической литературной традиции, который мог бы претендовать на эту роль.

Последнее фригийское изобретение упоминается Плинием уже в восьмой книге в рассказе про овец и про ткани, производимые из их шерсти (NH. 8.196):

Acu facere id Phryges invenerunt, ideoque Phrygioniae appellatae sunt. aurum intexere in eadem Asia invenit Attalus rex, unde nomen Attalicas. colores diversos picturae intexere Babylon maxime celebravit et nomen inposuit. plurimis vero liceis texere, quae polymita appellant, Alexandria instituit, scutulis dividere Gallia.

Вышивание иглой изобрели фригийцы, поэтому вышитые одежды называют «фригийскими». Вышивание золотом также было изобретено в Азии царем Атталом, от имени которого подобного рода одежды получили название «атталловых». Обычай переплетать нити разного цвета при создании рисунка на ткани сделал широко известным главным образом Вавилон, который и дал [этому способу плетения] свое имя. Ткань же, сотканную из множества нитей, изобрела Александрия: ее называют камчатой, — а клетчатую ткань — Галлия. (*Пер. И.Ю. Шабага*)

Так как изобретение способов украшения тканей очевидным образом не относится к категории важнейших изобретений в истории человечества, нет ничего удивительного в том, что Плиний освещает эту тему именно в таком контексте и не включает подобных изобретателей в свой каталог достижений человечества в конце седьмой книги. В данном случае мы, к сожалению, сталкиваемся с порочным кругом: были ли вышитые одежды названы «фригийскими», потому что, как говорит Плиний, фригийцы изобрели вышивку, или же, наоборот, исходя из этого названия было сделано предположение о том, что такой тип украшения ткани могли изобрести во Фригии? В латинском языке вышивальщиков называли *plumarii* или *phrygiones* — часто без всякой разницы в значении⁴⁰. У нас нет сведений

мент Александрийский (1.15.73.1) называет фригийских Идейских Дактилей первыми мудрецами и изобретателями, среди прочего, музыкального ритма (ср. *Strab.* 10.3.7). О связи между Идейскими Дактилями и экстатической музыкой см. *Wegner* 1939: 322.

³⁹ *Conon* BNJ 26 F1; *Ovid*. *Met.* 11. 92; *Clem. Al.* *Protr.* 2.13.1, правда, данная традиция говорит о Мидасе как о царе фракийских бригов, см. *Eitrem* 1932: 1526.

⁴⁰ *Scherling* 1951: 1268–1269.

о широкомасштабном производстве на продажу вышитых тканей жителями центральной Анатолии, однако нет сомнений в том, что шерстяные ткани как таковые они изготавливали. Веретено и другие принадлежности ткацкого дела часто изображались на женских надгробных памятниках из Фригии — впрочем, это нельзя назвать чертой, уникальной именно для нашего региона⁴¹.

На первый взгляд, в перечисленных выше «фригийских изобретениях» нет никакой системы. Так почему именно эти, а не иные достижения были приписаны в каталоге Плиния этому народу? Как уже говорилось, при составлении списка Плиний руководствовался данными греко-римской литературной традиции, следовательно, для ответа на этот вопрос нужно обратиться к этой традиции и понять, как именно она говорит о фригийцах. Темы, связанные с фригийцами в античной литературе можно весьма условно разделить на три большие группы:

- 1) «Мифологическая» — группа общеизвестных мифологических сюжетов, главные герои которых считались фригийцами или по крайней мере были связаны с Фригией. Примером могут послужить мифы, связанные с царем Мидасом, сатиром Марсием, Аттисом и Кибелой и др. Эти нарративы были хорошо известны образованным читателями Плиния и ничем по своей сути не выделялись из основной массы того, что мы бы сегодня назвали «древнегреческими мифами». К этой группе также можно отнести упомянутый выше троп греко-римской поэзии, который подразумевает использование этнонима «фригиец» в качестве полного синонима этнонима «троянец».
- 2) «Сакральная» — тесно связанная и переплетающаяся с предыдущей, но все же отдельная группа сюжетов, связанная с тайными обрядами и поклонением Великой Фригийской матери богов. Безусловно, ее можно было бы и не выделять из первой группы, однако, как мы увидим далее, важно, что сюжеты этой группы акцентируют не те или иные события и сюжеты из жизни Кибелы и ее спутников, а тайные знания, которые богиня может ниспослать своим почитателям. Более того, в эту же группу следует включить и сведения о любой «фригийской мудрости», необязательно напрямую связанной с богиней.
- 3) «Реалистическая» — в отличие от древних царей и богов, современные Плинию жители Фригии рассматривались большинством древних авторов в уничижительном ключе. Представления о трусости и изнеженности, даже женоподобии фригийцев, безусловно, имеют свои корни в традиции, представляющей их как типичных восточных варваров, и могут быть связаны и с отождествлением фригийцев и троянцев, однако представление о том, что фригийцы — по определению народ рабов, могло основыв-

⁴¹ Maseglia 2013: 99.

ваться не только на традиционном драматическом амплу раба из Анатолии, но и на реальности рынка рабов на рубеже эр⁴². Другим мотивом в описании Фригии и ее жителей является представление об успешной культуре скотоводства в этом регионе.

Безусловно, эта классификация выглядит (и, по сути, является) искусственной: сами древние авторы никогда не делили «фригийские» сюжеты подобным образом, и нарративы, относимые мной к разным группам, на самом деле тесно переплетены между собой. Однако смысловые различия между этими группами слишком велики, чтобы их игнорировать, а предложенная схема может помочь нам понять, от какой ветви традиции могут зависеть рассказы, которые приписывают фригийцам те или иные изобретения.

Так, изобретение колесницы с двойной упряжью, независимо от того, связано оно с троянским циклом или мифом о Пелопсе, можно отнести к «мифологической» категории, как и всю музыкальную группу изобретений, или по крайней мере, как кажется, именно из этой ветви традиции Плиний почерпнул свои сведения, хотя корни рассказов о «фригийской музыке», несомненно, связаны с представлениями о культе Великой богини с экстатической музыкой и плясками.

Если говорить о «сакральной» ветви традиции, то здесь мы имеем дело с представлением о некоем тайном знании, присущем фригийцам, в данном случае — открытию металлургии. Мистический характер этого изобретения подкрепляется связью с загадочными Идейскими Дактилями⁴³. Однако представления о том, что фригийцы обладают — или по крайней мере обладали в древности — какой-то особой мудростью не всегда напрямую связаны с тем знанием, которое может даровать своим почитателям Великая богиня. Так, всем известен пассаж Геродота о «лингвистическом эксперименте» фараона Псамметиха (2.2): он решил вырастить двух младенцев, не давая им слышать никакой человеческой речи, и посмотреть, на каком языке они в итоге заговорят. Это должно было продемонстрировать, какой язык является самым первым, изначальным человеческим языком, а следовательно и какой народ является древнейшим на Земле. Младенцы в итоге произнесли слово «бекос», то есть «хлеб» на фригийском, и египтянам пришлось признать, что самым древним народом должны считаться не они, а фригийцы. Как одному из «самых древних народов» наряду с египтянами и вавилонянами фригийцам приписывалась особая мудрость, заключенная в так называемых «фригийских сказаниях» (Φρύγιοι λόγοι), упоминаемых в эллинистической и более поздней ученой литературе. Такие произведения, как и другие псевдоориентальные (египетские, халдейские, персидские или ливийские) «сказания», представ-

⁴² О «стадах» (ἀγέλαι) рабов из Лидии и Фригии говорит Филострат (VA. 8.7.12). Вообще о рабах из Анатолии см. Bradley, Cartledge 2011, 93, 184, 304.

⁴³ Ср. Delcourt 1959: 166.

ляли собой аллегорические или евгемерические толкования мифов, выдаваемые за древнюю восточную мудрость⁴⁴. В данном контексте небезынтересно указать и на тот факт, что в некоторые древние авторы (Федр, Дион Прусский, Геллий, Лукиан, автор романа «Жизнеописание Эзопа») приписывают мудрецу Эзопу фригийское происхождение⁴⁵.

«Реалистический» аспект традиции о фригийцах в каталоге Плиния представлен не столь обширно, однако это как раз не удивительно: Плиний, как уже было сказано, в основном основывается на исторической и парадоксографической традициях, в то время как драматические топосы о трусости и естественности рабского состояния для фригийцев перерабатываются в реалистическом ключе во многом только благодаря риторической прозе (Цицерон, Дион Хрисостом)⁴⁶. Однако, возможно, к этой группе следует отнести изобретение четырехколесной повозки: успехи в скотоводстве могли ассоциироваться с гужевым транспортом.

Что же касается вышивания, то это изобретение может быть связано с представлением о фригийцах как о типичных восточных варварах, любящих роскошь: в процитированном выше отрывке из восьмой книги «Естественной истории» почти все изысканно украшенные ткани производятся где-то на востоке. Овидий (Met. 6.166) говорит о фригийских одеждах, расшитых золотом (ср. *Plaut. Truc.* 536). Тут даже можно вспомнить легенды о царе Мидасе, превращающим все, чего он коснется, в золото. Однако не следует забывать, что производство шерстяных тканей безусловно существовало в регионе и что этот регион до сих пор известен особым видом шерстяных тканей — ангорой.

Этим исследованием я хотела продемонстрировать, что скудные и разрозненные свидетельства об изобретателях-фригийцах в каталоге достижений человеческой культуры у Плиния Старшего лишь кажутся случайными, но на самом деле представляют собой закономерный синтез разнородной литературной традиции об этом народе, так или иначе отражающий все ее аспекты.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева 2017 — *Андреева Е.Н.* Sero sapiunt Phryges: образ фригийца в античной литературе // ВДИ. 2017. 77/3. С. 599–614.

Abert 1913 — *Abert H.* Hyagnis // RE. 1913. Bd. VIII.2. Sp. 2624.

Barnabé 1996 — *Barnabé A.* (ed.). *Poetarum Epicorum Graecorum testimonia et fragmenta. Pars I.* Leipzig, 1996.

⁴⁴ См. Rives 2005, в статье содержится подробный разбор всех упоминаний «фригийских сказаний».

⁴⁵ Со II в. н. э. именно эта версия преобладает: см. Rives 2005, 235, п. 35.

⁴⁶ Более подробно об этом см. Андреева 2017: 607–611.

- Beagon 2005 — *Beagon M.* The Elder Pliny on the Human Animal. Natural History Book 7. Oxf., 2005.
- Bradley, Cartledge 2011 — *Bradley K., Cartledge P.* (eds.). The Cambridge World History of Slavery. Vol. I. The Ancient Mediterranean World. Cambr., 2011.
- Bürchner 1914 — *Bürchner L.* Ida // RE. 1914. Bd. IX.1. Sp. 858–864.
- Delcourt 1959 — *Delcourt M.* Héphaistos ou, La Légende de magicien. P., 1959.
- Eitrem 1932 — *Eitrem S.* Midas 1 // RE. 1932. Bd. XV.2. Sp. 1526–1536.
- Jessen 1914 — *Jessen O.* Idaia 1–2 // RE. 1914. Bd. IX.1. Sp. 864–865.
- Hall E. 1988 — *Hall E.* When did the Trojans turn into Phrygians? *Alcaeus* 42.15 // ZPE. 1988. 73. S. 15–18.
- Haspels 1971 — *Haspels C.H.E.* The Highlands of Phrygia: Sites and Monuments. Princeton, 1971.
- Hemberg 1952 — *Hemberg B.* Die Idaiischen Daktylen // *Eranos. Acta Philologica Suecana.* 1952. 50. S. 41–59.
- Lamer 1927 — *Lamer H.* Lydos 5 // RE. 1927. Bd. XIII.2. Sp. 2209.
- Levick 2013 — *Levick B.* In the Phrygian Mode: a Region Seen from Without // Thonemann P. (ed.). *Roman Phrygia. Culture and Society.* Cambr., 2013. P. 41–54.
- Masségliа 2013 — *Masségliа J.* Phrygians in Relief: Trends in Self-representation. // Thonemann P. (ed.). *Roman Phrygia. Culture and Society.* Cambr., 2013. P. 95–123.
- Mistretta 2017 — *Mistretta M.R.* Empire and Invention: The Elder Pliny's Heurematography (NH 7.191–215). Тезисы доклада. URL: <https://classicalstudies.org/annual-meeting/148/abstract/empire-and-invention-elder-pliny's-heurematography-nh-7191-215>; дата обращения: 3.11.2019.
- Nollé 2006 — *Nollé, J.* Beiträge zur kleinasiatischen Münzkunde und Geschichte 4–5 // *Gephyra. Zeitschrift für Geschichte und Kultur der Antike auf dem Gebiet der heutigen Türkei.* 2006. 3. P. 49–131.
- Rives 2005 — *Rives J.B.* Phrygian Tales // GRBS. 2005. 45. P. 223–244.
- Robert 1939 — *Robert L.* Hellenica // *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes.* 1939. 13. P. 97–217.
- Robert 1955 — *Robert L.* Hellenica : recueil d'épigraphie, de numismatique et d'antiquités grecques. Vol. X. P., 1955.
- Roller 1999 — *Roller L.E.* In Search of God the Mother: the Cult of Anatolian Cybele. Berkley; Los Angeles; London, 1999.
- Scherling 1940 — *Scherling K.* Pelops 1 // RE. 1940. Suppl. VII. Sp. 849–865.
- Scherling 1951 — *Scherling K.* Plumarii // RE. 1951. Bd. XXI.1. Sp. 1268–1269.
- Schuler 2012 — *Schuler Chr.* Inscriptions and Identities in Asia Minor // Davies J., Wilkes J. (eds.). *Epigraphy and the Historical Sciences.* Oxf., 2012. P. 63–100.
- Stenger 2006 — *Stenger J.* Pelops 1 // BNP. 2006.
- Thraede 1962 — *Thraede K.* Erfinder II (geistesgeschichtlich) // RAC. 1962. Bd. V. Sp. 1191–1278.
- Triantis 1994 — *Triantis I.* Pelops // LIMC. 1994. Vol. VII. P. 282–287.

Wegner 1939 — *Wegner M.* *Olympos 26* // RE. 1939. Bd. XVIII.1. Sp. 321–324.

West 1992 — *West M.L.* *Ancient Greek Music.* Oxf.

СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ — Вестник древней истории. М.

ВСН — Bulletin de correspondance hellénique. P.

ВМС Phrygia — *Head B.V.* *Catalogue of the Greek coins of Phrygia* (British Museum Catalog of Greek Coins. Vol. 25). L., 1906

BNJ — *Brill's New Jacoby*. URL: <https://referenceworks.brillonline.com/browse/brill-s-new-jacoby>; дата обращения: 3.11.2019.

BNP — *Canik, H., Schneider, H., Salazar Ch.F.* (Eds.). *Brill's New Pauly*. URL: <https://referenceworks.brillonline.com/browse/der-neue-pauly>; дата обращения: 3.11.2019

CIG — *Corpus inscriptionum graecarum*. 4 vol. B., 1828–1877

IG XII.5 — *Hiller von Gaertringen F.* (ed.). *Inscriptiones Graecae*. Vol. XII.5. *Inscriptiones Cycladum*. B., 1903–1909

IG XII.9 — *Ziebarth E.* (ed.). *Inscriptiones Graecae*. Vol. XII.9. *Inscriptiones Euboeae insulae*. B., 1915

IGBulg III.2 — *Mihailov G.* (ed.). *Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae*. Vol. III.2. *Inscriptiones inter Haemum et Rhodopem repertae. Fasciculus posterior: A territorio Philippopolitano usque ad oram Ponticam*. Sofia, 1964

GRBS — *Greek, Roman and Byzantine Studies*. Durham.

LfgRE — *Lexikon des frühgriechischen Epos*. Göttingen.

LSJ — *Liddell H.G., Scott R.A., Jones H.S.* *Greek-English Lexicon With a Revised Supplement*. Oxf., 1996

LIMC — *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Zürich; München; Düsseldorf, 1981–1999

MAMA V — *Cox C.W.M., Cameron A.* (eds.). *Monumenta Asiae Minoris Antiqua*. Vol. V. *Monuments from Dorylaeum and Nacolea*. Manchester, 1937

MAMA VII — *Calder W.M.* (ed.). *Monumenta Asiae Minoris Antiqua*. Vol. VII. *Eastern Phrygia*. Manchester, 1956

RAC — *Klauser Th., Dassmann E., Schöllgen G.* et al. (Hrsg.). *Reallexikon für Antike und Christentum. Sachwörterbuch zur Auseinandersetzung des Christentums mit der antiken Welt*. Stuttgart, 1950–

RE — *Pauly A., Wissowa G., Kroll W.* et al. (Hrsg.). *Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1894–1980

RECAM II — *Mitchell S.* (ed.). *Regional Epigraphic Catalogues of Asia Minor II: The Ankara District. The Inscriptions of North Galatia* (BAR International Series, 135). Oxf., 1982

SEG — *Supplementum Epigraphicum Graecum*. Leiden; Boston.

- SNG Aulock — Sylloge nummorum graecorum Deutschland. Sammlung von Aulock. B., 1957–1968
- SNG Cop. — Sylloge nummorum graecorum. The Royal Collection of Coins and Medals. Danish National Museum. Copenhagen, 1942–1979
- SNG Tüb. — Sylloge nummorum graecorum Deutschland. Münzsammlung der Universität Tübingen. München, 1981–1999
- TAM V.1 — Herrmann, P. (ed.). Tituli Asiae Minoris. Vol. V.1. Tituli Lydiae linguis Graeca et Latina conscripti. Regio septentrionalis, ad orientem vergens. Vienna, 1981
- ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Köln

PHRYGIAN INVENTIONS BY PLINY THE ELDER

EUGENIA N. ANDREEVA

Abstract: The paper reviews all the inventions Pliny the Elder attributes to the Phrygians (copper working, four-wheeled vehicle, harnessing pairs of horses, transverse flute, double oboe, Phrygian musical mode, and embroidering with a needle) and additionally tries to identify possible sources of these reports and the reasons why these particular discoveries were deemed ‘Phrygian’ in the classical tradition.

Keywords: Pliny the Elder, *Naturalis historia*, Phrygians, inventions, *protoi heuretai*

Евгения Николаевна Андреева,
научный сотрудник отдела
сравнительного изучения древних цивилизаций,
Институт всеобщей истории РАН
(Россия, 119334, Москва, Ленинский проспект 32а;
тел.: +7 (495) 954–48–52).
e-mail: aenik@ya.ru

«АХИЛЛЕИДА» СТАЦИЯ И «ЛАТИНСКАЯ ИЛИАДА» В ОТДЕЛЕ РУКОПИСЕЙ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ: К ИСТОРИИ РУКОПИСИ

Е.В. АНТОНЕЦ

Резюме: В статье рассматривается история двух рукописей, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: рукописи «Ахиллеиды» Стация (Lat.Q.v.XIV,7) и рукописи «Латинской Илиады» (Lat.Q.v.XIV,6). Некогда они представляли собой единый кодекс, написанный в Венеции в 1454/1455 гг. писцом Petrus de Rubeis de Quadraginta. До середины XX в. рукопись хранилась в городской библиотеке Любека (Ms. philol. 7), затем оказалась в СССР и была разделена на две части, каждая из которых попала в РНБ в разное время и из разных собраний. В работах, посвященных рукописной традиции римских авторов, рукопись считается утраченной. В статье представлены новые данные о писце рукописи, имя которого обнаружилось в документе из архива базилики Св. Николая в Бари (Archivio di S. Nicola, Periodo Aragonese, Bari, B 23 [B], 14 февраля 1457 г., Венеция).

Ключевые слова: Стаций, «Ахиллеида», Бебий Италик, «Латинская Илиада», Любек, рукопись, Petrus de Rubeis de Quadraginta.

Выбирая материал для сборника, посвященного юбилею А.В. Подосинова, мы остановили свое внимание на «Ахиллеиде» Стация потому, что первый перевод этой поэмы на русский язык был выполнен учениками А.В. Подосинова, участниками семинара «Античная литература на языке оригинала», который много лет существует и плодотворно работает под руководством и при деятельной поддержке А.В. Подосинова¹. Помимо «Ахиллеиды», трудами участников семинара изданы комментированные переводы сочинений Цицерона, Вергилия, Силия Италика, Валерия Флакка, Немианиана, Кальпурния. От всей души поздравляем Александра Васильевича с юбилеем и желаем дальнейших успехов на ниве отечественной науки и просвещения!

¹ Подосинов 2011.

В рукописном собрании Отдела рукописей Российской национальной библиотеки хранятся два кодекса, поступившие в библиотеку в разное время и из разных источников — рукопись под шифром Lat. Q.v.XIV.7, содержащая «Ахиллеиду» Стация, и рукопись под шифром Lat. Q.v.XIV.6 с текстом «Латинской Илиады» (*Ilias Latina*). В настоящее время эти рукописи представляют собой отдельные единицы хранения.

Настоящая заметка посвящена истории этих двух кодексов.

Рукопись «Ахиллеиды» Стация (Lat. Q.v.XIV.7) поступила в Публичную библиотеку в 1983 г. из собрания врача, историка медицины и коллекционера Виталия Феофановича Груздева (1893–1982)². Рукопись выполнена книжным гуманистическим письмом и состоит из 24 пергаменных листов (размер листа — 192 x 144 мм)³. На листе 24 строки. Первый лист рукописи украшен большим золотым орнаментальным инициалом с бордюром и гербом (Илл. 1), остальные листы — малыми цветными инициалами. Переплет второй половины XX в. — картон, обтянутый холстом.

Рукопись содержит следующий колофон (Илл. 2):

FINIS ADEST Iste liber Stacij Achilleydos accopiatus fuit per me Petrum de Rubeis de quadraginta venetigenam : sub anno natiuitatis domini ihesu xpisti Millesimo quadringentesimo quinquagesimo quarto : Inditione secunda die Vigesimo octauo mensis octobris : quo die celebratur solemnitas : beatorum Symeonis et Iude Appostolorum.

Из колофона мы узнаем имя писца, переписавшего рукопись, — Petrus de Rubeis de Quadraginta. Это же имя находим в колофоне другой рукописи РНБ — в рукописи «Латинской Илиады» (Lat. Q.v.XIV.6).

«*Ilias Latina*» — весьма примечательное произведение римской литературы, излагающее в 1070 гекзаметрических строках содержание всей «Илиады» Гомера.

Если стихотворный перевод «Одиссеи», выполненный Ливием Андроником сатурновым стихом, стал у истоков римской литературы, то на латинский перевод «Илиады» римские поэты долго не решались. Самые ранние известные нам переводы Гомерово́й «Илиады» на латинский язык относятся к I в. до н. э.

Мы знаем, что «Илиаду» перевел гекзаметром некий Гней Матий (Сп. Matius), живший в начале I в. до н. э. в эпоху диктатуры Суллы⁴. Еще один перевод выполнил Нинний Красс (Ninnius Crassus), современник Фурия Бибакула⁵. Несколько пассажей «Илиады» были переведены Цицероном⁶; существовали

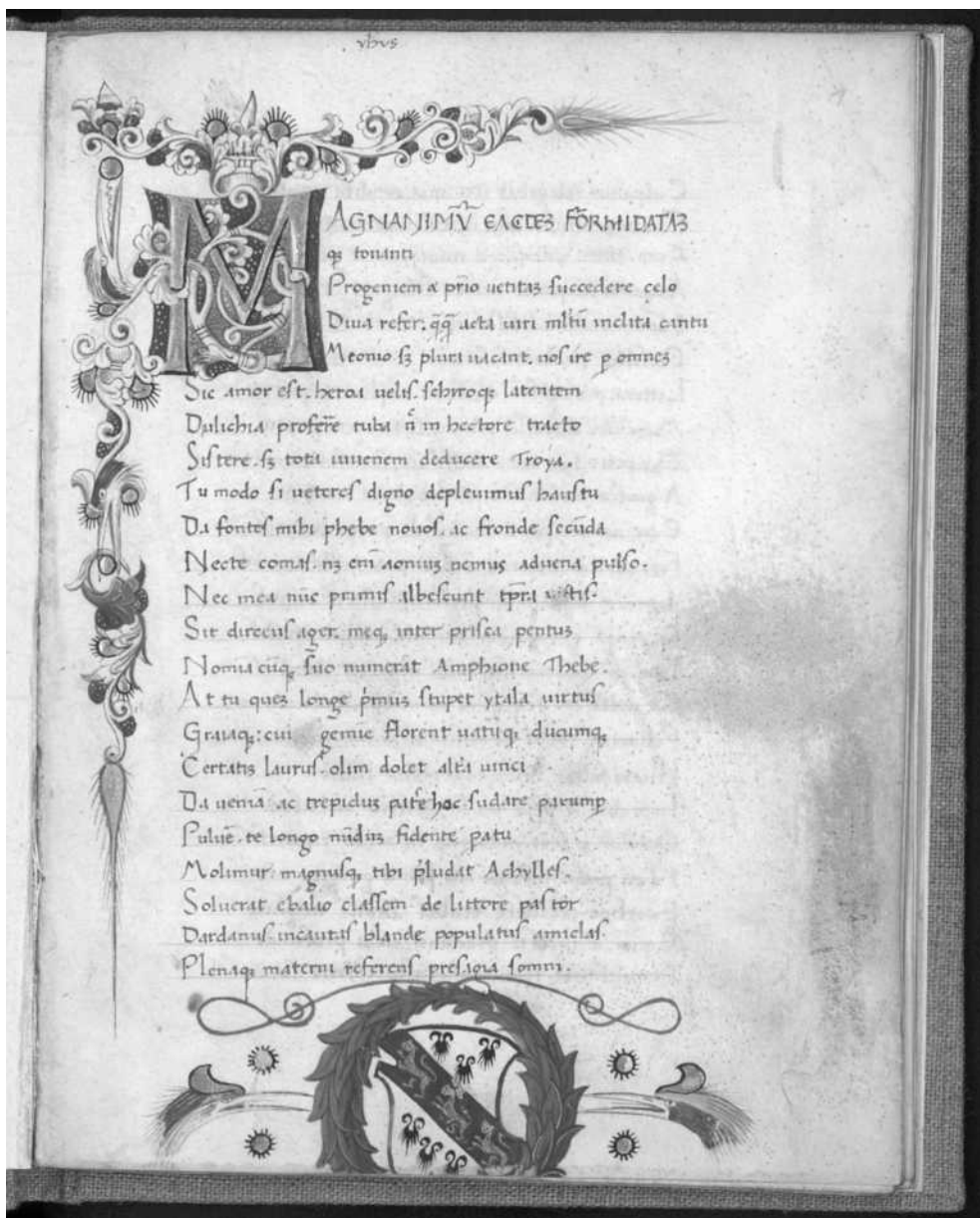
² Новые поступления (1979–1983): 51. О коллекции В.Ф. Груздева см.: Малышев 1977.

³ Блескина 2011: 210–211 (No 534); Антонец 2005: 211 (No 41); Бернадская 1986: № 18.

⁴ Сохранились восемь строк этого перевода (*Varro* LL 7.95, 7.96; *Gell.* 7.6.5, 9.14.14, 9.14.15; *Prisc.* GLK 2.334; *Diom.* GLK 1.345; *Charis.* 150 B (GLK 1.117)). См.: Blänsdorf 1995: 111–115; Courtney 2003: 99–102.

⁵ *Non.* 762L (475M), *Prisc.* GLK 2.478. См.: Blänsdorf 1995: 118.

⁶ *Cic. div.* 2.63 (Il. 2.299–330), 1.52 (Il. 9.363), 2.82 (Il. 9.236); *Cic. Tusc.* 3.63 (Il. 6.201–202), 3.18 (Il. 9.646–648), 3.65 (Il. 19.226–229); *Cic. glor.* 2 (ap. *Gell.* 15.6.1) (Il. 7.89–91). См.: Ewbank 1933: 99–101, 226–234; Blänsdorf 1995: 161–165.

Илл. 1. Стаций, «Ахиллеида». 1454 г. РНБ, Lat. Q.v. XIV.7. Л. 1.

Gramina quo nimis staret medicamie singulis.
 Quid facit somnos. qd hy. mta uulnere claudat.
 Que fero cohibenda lues. q cedere herbis
 E docuit. Monitusq; sacre sub pectore fixit
 Iusticie. q pellicis dare iura uerenda
 Gentibz. atq; suos solitus placare bimēbres
 Haetenus inorū comites elementa morū
 Et memini & meminisse iuuat. scie cetera matry.

FINIS ADEST

Iste liber Sticy Achilleydos accoputus fuit p
 me Petrum de Rubeis de quadraginta ueneti-
 naz. sub anno natiuitatis dñi ihu xpi. Millio
 quadringentesimo quinquēgio quarto. Inditione
 secunda. die Vigesimo octauo mensis octobris. q
 die. celebrat solenitas. bñorū Symeonis & Jude
 Applorū.

„E“

и более поздние переводы. Однако от всех этих переводов сохранились лишь отдельные строки, а единственным дошедшим до нас полным античным переводом «Илиады» на латинский язык, является *Ilias Latina*, созданная во время правления Нерона, около 65 г. н. э. (*terminus post quem non* — 68 г. н. э.)⁷.

«Латинская Илиада» была чрезвычайно распространена в средние века и в Новое время как школьное, учебное сочинение, поэтому сохранилась в большом числе средневековых и гуманистических рукописей⁸. Однако в рукописях это произведение называется либо *Homerus Latinus* (в рукописях до XI в.), либо *Pindarus Thebanus* (в рукописях после XI в.), и только одна рукопись XV в. (Wien, Österreichische Nationalbibliothek, Cod. 3509⁹) сохранила имя автора этого произведения — *Vaebius Italicus*. С атрибуцией «Латинской Илиады» Бебию Италику согласны большинство исследователей. Эта атрибуция подтверждается, в частности, акростихами, которые складываются (в результате конъектуры) из первых восьми строк и последних восьми строк поэмы (*ITALICVS SCRIPSIT*).

Рукопись «Латинской Илиады», хранящаяся в РНБ (Lat. Q.v.XIV.6), выполнена гуманистическим книжным письмом на пергамене¹⁰. Рукопись состоит из 25 листов (размер листа — 192 x 143 мм), на листе 24 строки. Тетради имеют рекламы. Рукопись украшена большим золотым орнаментальным инициалом с бордюром (Илл. 3) и малыми цветными инициалами.

У рукописи отсутствует переплет; функцию переплета выполняет обложка из листа бумаги XVIII века. На бумажной обложке сохранился штамп магазина «Академкнига» и дата (1959 г.), из чего следует, что в 1959 г. рукопись находилась в одном из магазинов сети «Академкнига». В Публичную библиотеку рукопись поступила в 1966 г.¹¹

Колофон рукописи содержит писца, выполнившего рукопись «Ахиллеиды» (Lat. Q.v.XIV.7) (Илл. 4):

FINIS / Bellica troia canens hic hic finitur homerus / Petrus de Rubeis de quadraginta hunc libellum accopiauit die vigesimonono martij 1455 inditione tercia.

Палеографический и кодикологический анализ рукописей «Ахиллеиды» и «Илиады» показывает, что они некогда были единым целым и составляли части одного кодекса.

Рукопись «Ахиллеиды» состоит из двух квинионов (л. 1–10 и л. 11–20) и неполной тетради из четырех листов (л. 21–24). Первая тетрадь «Илиады» состоит из шести листов (л. 1–6). Последние четыре листа «Ахиллеиды» и первые шесть листов «Илиады» составляли одну тетрадь в 10 листов (квинион), которая в первоначальном кодексе была третьей. Листы 7–17 рукописи

⁷ Scaffai 1982: 18–26.

⁸ Scaffai 1980.

⁹ *Tabulae codicum* 1869: 3.

¹⁰ Блескина 2011: 210 (№ 533); Антонец 2005: 197 (№ 21); Бернадская 1986: № 17.

¹¹ Новые поступления (1952–1966): 155.

«Илиады» формировали четвертую тетрадь первоначального кодекса, а листы 17–25 — неполную пятую.

«Ахиллеида» была переписана в октябре 1454 г., «Илиада» в марте 1455 г., по-видимому, в Венеции.

Имя писца (Petrus de Rubeis de Quadraginta) отсутствует в каталоге гуманистических рукописей, хранящихся в мировых библиотеках, составленном П.О. Кристеллером¹², но обнаруживается среди документов середины XV в., хранящихся в архиве базилики Св. Николая в Бари (Basilica Pontificia San Nicola di Bari).

В числе пергаменных документов периода правления Альфонсо V Великодушного имеется, в частности, доверенность, в которой венецианский купец Бартоломео Бьянкино (Bartholomeus Buanchino) назначает Никколо де ла Рокка (Nicolaus de la Roccha) из графства Фермо своим доверенным лицом во всех делах, касающихся закупок оливкового масла и зерна в городе Манфредония и по всей Апулии и транспортировки его в Венецию морским путем, а также дает ему полномочия вести от своего имени судебные дела, связанные с этими закупками (Archivio di S. Nicola, Periodo Aragonese, Bari, B 23 [B])¹³.

Доверенность составлена в Венеции, датирована 4 февраля 1457 г., написана и заверена нотарием Пьетро де Росси:

In Christi nomine amen. anno nativitatis eiusdem millesimo quadricentesimo quinquagesimo septimo, indicione quinta, die quarto / februarii <...> Ego Petrus de Rubeis de Quadraginta condam domini Bonifacii / de Veneciis puplicus notarius auctoritate inperiali predicta scripsi et puplicavi¹⁴.

Из данного документа следует, что писец, переписавший рукопись «Ахиллеиды» и «Илиады» (Petrus de Rubeis de Quadraginta), в середине XV в. был венецианским нотарием. Вышеупомянутая доверенность была составлена в Венеции два года спустя после написания «Илиады» (и через три года после создания списка «Ахиллеиды»).

Итак, оказалось возможным уточнить наши представления о личности писца и о начальной истории нашего сборника.

Кроме того, можно реконструировать некоторые этапы дальнейшей судьбы этой рукописи.

Выяснилось, в частности, что до середины XX в. некогда единый кодекс входил в городскую библиотеку Любека (Stadtbibliothek Lübeck), где хранился под шифром Ms. philol. 7.

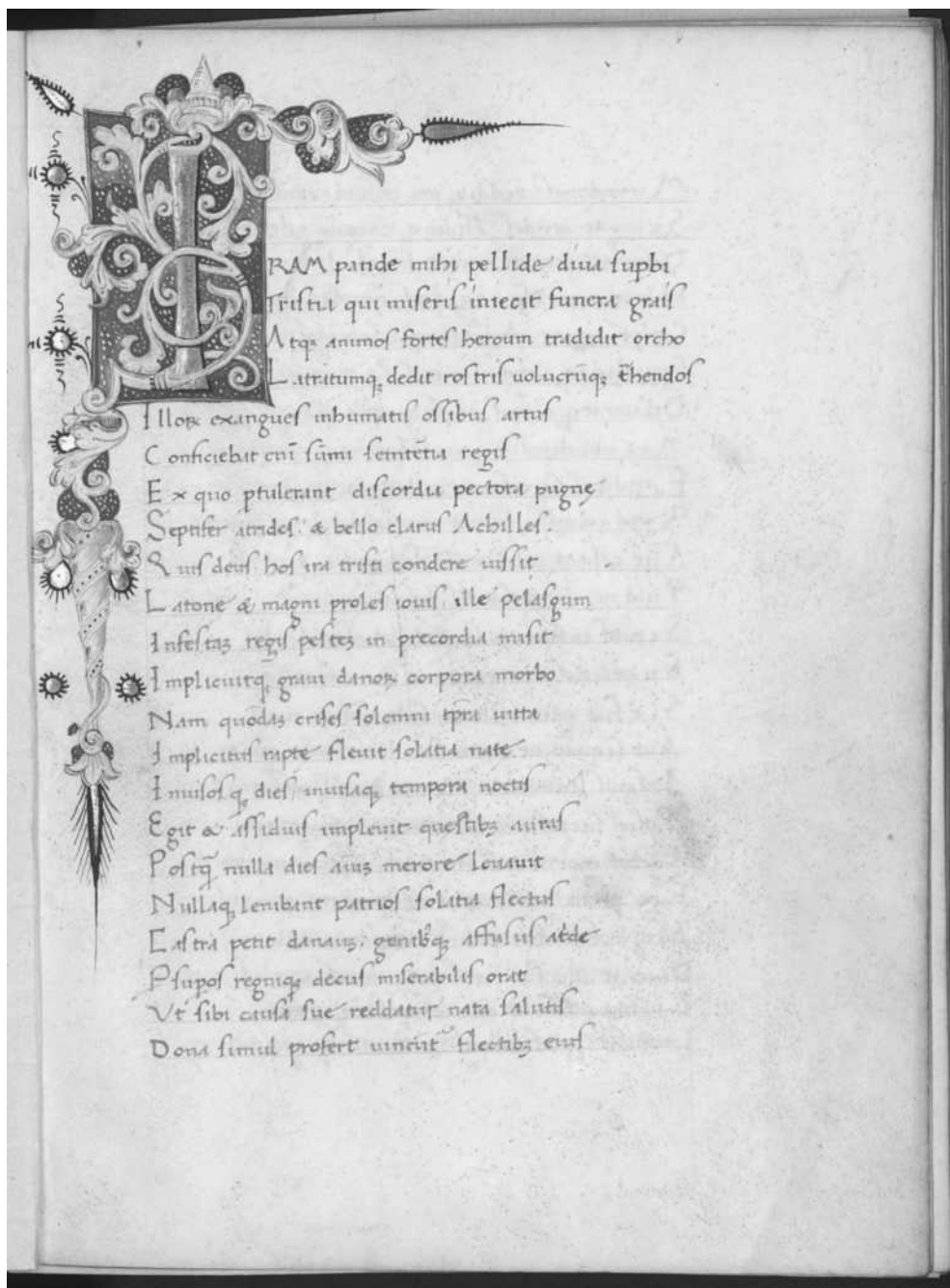
Свидельством этому является описание рукописи в каталоге рукописей любекской библиотеки, составленном Францем Вебером и опубликованном на сайте библиотеки (Stadtbibliothek Lübeck, Cat. manuscr. 107)¹⁵.

¹² Kristeller 1963–1992.

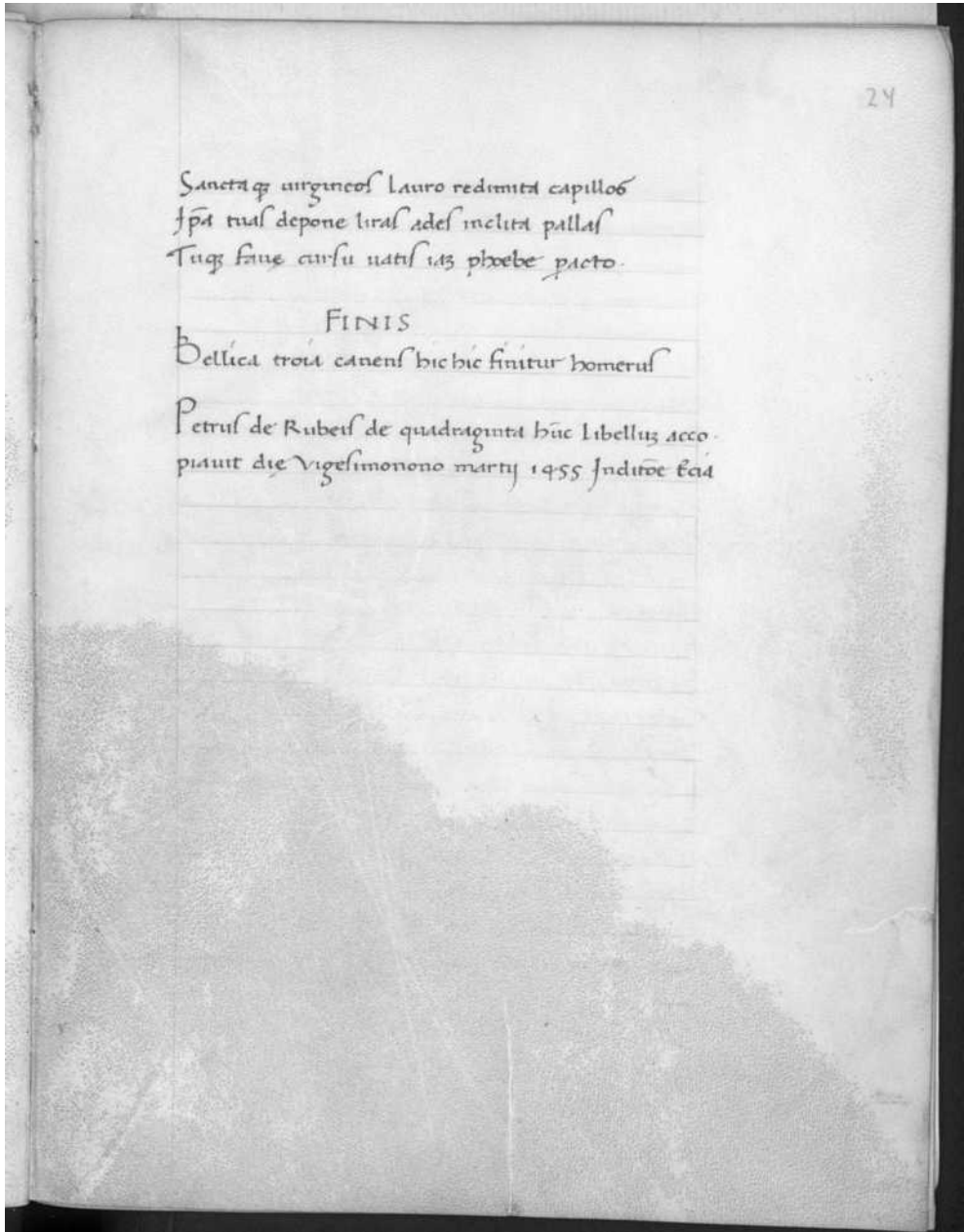
¹³ Idra; Speranza 1992: 171–172.

¹⁴ Idra; Speranza 1992: 171.

¹⁵ Weber 1937: 27–29.

Илл. 3. Бебий Италик, «Латинская Илиада». 1455 г. РНБ, Lat. Q.v. XIV.6. Л. 1.

Илл. 4. Бебий Италик, «Латинская Илиада». 1455 г. РНБ, Lat. Q.v. XIV.6. Л. 24.

Из описания следует, что в библиотеке Любека рукопись входила в конволют из двух кодексов: первую часть конволюта составляли 50 пергаменных листов с «Ахиллеидой» и «Илиадой», а вторую часть конволюта составляла бумажная рукопись XVI в. из 64 листов, содержащая стихотворения известного итальянского гуманиста Бартоломео Пагелло (Bartholomaeus Paiellus [Bartolomeo Pagello]) (ок. 1447/8 — ок. 1526).

В каталоге Ф. Вебера содержится следующее описание рукописи:

Ms. philol. 7

Saec. 15 (1454/5) et 16, dimidium membr., dimidium chart. 8° (20 : 15 cm), foliorum 50 (quint. 5) + 64; constat e duobus diversis manuscriptis plenis lineis exaratis, quorum prius duobus litt. init. variis coloribus et auro perbene pictis necnon aliquot litt. init. rubris caeruleisve ornatum est, posterius praeter quasdam circumscriptiones rubras omni decore caret. Tegumentum e charta densata corio ovillo coopertum. Insunt:

I. 1. fol. 1–24 v: P. Papinius Statius, Achilleidos libri duo.

Inc. '(M)AGNANIMUM EACIDEM FORMIDATAMque tonanti Progeniem ...', ex.: '... Et memini et meminisse iuvat scit cetera mater FINIS ADEST Iste liber Stacij Achilleydos accopiatu fuit per me Petrum de Rubeis de quadraginta venetigenam : sub anno natiuitatis domini ihesu cristi Millesimo quadringentesimo quinquagesimo quarto : Inditione secunda die Vigesimo octauo mensis octobris : quo die celebratur solemnitas : beatorum Symeonis et Iude Appostolorum.'

2. fol. 25–48r: Epitome Iliados seu Ilias parva Pindari.

Inc. '(I)RAM pande mihi pellide diva superbi ...' ex.: '... Tuque fave cursu vatis iam phoebe peracto FINIS Bellica troia canens hic hic finitur homerus Petrus de Rubeis de quadraginta hunc libellum accopiauit die Vigessimono martij 1455 Inditione tercia. Id. opus 14, 5.

fol. 48 v — 50 vacant.

II. 3. fol. 1–64: Bartholomaeus Pajelus, Poemata.

fol. 1–4 v: Prooemium 'Magnifico ac Clarissimo Patricio veneto Laurentio Lauretano Leonardi Serenissimi Principis Filio ac Dignissimo Divi Marci Procuratori Bartholomaeus Paielus Eques vicentinus Sal. Dicit ...' — fol. 5: 'Bartholomaei Paieli Equitis vicentini In laudem Clarissimi urbinatum Principis Frederici, Tum litterarum studiis tum Militaris disciplinae Scientia Prestantissimi Praefatio'

fol. 64 v: 'Hae sunt Clarissimi Laurenti quae carptim, non servato ordine ex libellis nostris excerpsumus ut studiorum nostrorum aliqua ex parte te participem faceremus ... et nos ama'.

Мы видим, что рукопись «Ахиллеиды» и «Илиады», описанная Ф. Вебером, надежно отождествляется с кодексами Lat. Q.v.XIV.7 и Lat. Q.v.XIV.6 из Российской национальной библиотеки.

Упоминания любекской рукописи «Ахиллеиды» и «Илиады» нередко встречаются в научной литературе довоенной эпохи. Рукопись безошибочно идентифицируется по колофонам.

Так, например, нашу рукопись упоминает директор гимназии Любека, Фридрих Якоб, в своем издании дидактической поэмы о правилах поведения за

столом «Phagifacetus» и поэмы «Omne punctum» по списку, хранящемуся в Любеке¹⁶.

Рукопись, по которой Ф. Якоб издает поэмы, содержит также и «Латинскую Илиаду», к краткому описанию которой Ф. Якоб делает следующее примечание: *Alter praeter hunc Pindari codex in bibliotheca nostra adservatur, quem Petrus de Rubeis accopiavit anno 1455 hac subscriptione: Finis. Bellica troia canens hic hic finitur homerus.* Из колофона очевидно, что речь идет о нашем кодексе.

Краткое описание любекской рукописи «Латинской Илиады» с колофоном находим также в диссертации 1939 г.¹⁷: *Lübeck (b), Has at end: "Bellica Troia canens hic hic finitur Homerus. Petrus de Rubeis de quadraginta hunc libellum accopiavit die vigesimo nono Martij 1455 Inditione tertia"*.

Как известно, в 1942 г. после воздушных атак английской авиации основные фонды городской библиотеки Любека были эвакуированы в Саксонию-Ангальт. Таким образом после Великой Отечественной войны фонд библиотеки Любека оказался в зоне советской оккупации. После 1945 г. фонды Любека были перевезены в СССР и распределены по различным государственным библиотекам, причем значительная часть фонда была отправлена в Армению и Грузию, а некоторая часть фонда попала в Томск. Большую часть рукописей любекской библиотеки наша страна вернула в Любек в 1990–2000 годы.

Рукопись, содержащая «Ахиллеиду» и «Илиаду», оказавшись после войны в СССР, не вошла в какое-либо государственное книгохранилище.

Она была разделена на две части и в таком виде поступила в продажу. Часть, содержащую «Ахиллеиду», приобрел В.Ф. Груздев, после смерти которого рукопись перешла в Публичную библиотеку. Часть, содержащая «Латинскую Илиаду», в 1959 г. еще была в сети «Академкнига» и поступила в ГПБ в 1966 г.

Таким образом, две части некогда единой рукописи, разделенные мировой войной, волей случая вновь соединились в фонде Российской национальной библиотеки и снова хранятся вместе, хотя и числятся как отдельные единицы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Новые поступления (1952–1966) — ГПБ. Новые поступления в Отдел рукописей (1952–1966). Краткий отчет. М., 1968.

Новые поступления (1979–1983) — Новые поступления в Отдел рукописей и редких книг ГПБ (1979–1983): каталог. Л., 1991.

Tabulae codicum 1869 — *Tabulae codicum manu scriptorum praeter graecos et orientales in Bibliotheca Palatina Vindobonensi asservatorum*. Vol. 3. Wien, 1869.

¹⁶ Jacob 1838: 7.

¹⁷ Tilroe 1939: 15. См. также: Scaffai 1980: 275.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антонец 2005 — *Антонец Е.В.* Рукописи римских классических авторов в Российской национальной библиотеке // Вестник древней истории. 2005. 3. С. 168–221.
- Бернадская 1986 — *Бернадская Е.В.* Гуманистические списки сочинений античных авторов // Культура эпохи Возрождения. Л., 1986. С. 238–254.
- Блескина 2011 — *Блескина О.Н.* (сост.). Российская национальная библиотека. Каталог собрания латинских рукописей: право, философия, наука, литература и искусство. СПб., 2011.
- Мальшев 1977 — *Мальшев В.И.* Об одном важном источнике Тихомировского собрания (Страничка воспоминаний) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1977. Т. XXXII. С. 395–401.
- Подосинов 2011 — *Подосинов А.В.* (ред.) Стаций, Публий Папиний. Ахиллеида. М., 2011.
- Blänsdorf 1995 — *Blänsdorf J.* (ed.) *Fragmenta poetarum Latinorum epicorum et lyricorum praeter Ennium et Lucilium.* Stuttgart; Leipzig, 1995.
- Courtney 2003 — *Courtney E.* (ed.) *The Fragmentary Latin Poets.* Oxford, 2003.
- Ewbank 1933 — *Ewbank W.W.* (ed.) *The poems of Cicero.* London, 1933.
- Idra; Speranza 1992 — *Idra L.; Speranza V.* Le pergamene aragonesi dell'Archivio di S. Nicola di Bari. Il regno di Alfonso il Magnanimo 1441–1458. Bari, 1992.
- Jacob 1838 — *Jacob F.* (ed.). *M. Reineri Alemanici Phagifacetus et Godefridi omne punctum e codice Lubecensi.* Lubecae, 1838.
- Kristeller 1963–1992 — *Kristeller P.O.* (ed.). *Iter Italicum: a Finding List of Uncatalogued or Incompletely Catalogued Humanistic Manuscripts of the Renaissance in Italian and other Libraries.* Vol. 1–6. London, 1963–1992.
- Scaffai 1980 — *Scaffai M.* Tradizione manoscritta dell'*Ilias Latina* // Serra Zanetti P. (ed.). *In verbis verum amare.* Miscellanea dell'Istituto di Filologia Latina e Medioevale, Università di Bologna. Firenze, 1980.
- Scaffai 1982 — *Scaffai M.* (ed.) *Baebii Italici Ilias Latina.* Introduzione, edizione critica, traduzione italiana e commento a cura di M. Scaffai. Bologna, 1982.
- Tilroe 1939 — *Tilroe W.* *The Ilias Latina: A Study of the Latin Iliad, including translation, commentary, and concordance.* Diss. University of Southern California, 1939.
- Weber 1937 — *Weber F.* *Catalogus codicum manuscriptorum Philologicorum, quos possidet Bibliotheca urbana Lubicensis,* hschr. Lübeck, 1937.

STATIUS' ACHILLEIS
AND ILIAS LATINA
IN THE NATIONAL LIBRARY OF RUSSIA:
TOWARDS THE HISTORY OF THE MANUSCRIPT

EKATERINA V. ANTONETS

Abstract: The history of two manuscripts of National Library of Russia has been reconstructed: Lat. Q.v. XIV.7 (*Stattius, Achilleis*; 1454) and Lat. Q.v. XIV.6 (*Ilias Latina*; 1455). The manuscript of Statius came to NLR in 1983 from the collection of V.F. Gruzdev, the manuscript of Ilias Latina came to NLR in 1966. Previously they were parts of one codex and were preserved in the Stadtbibliothek Lübeck (Ms. philol. 7). Remarkable is the colophon of a scribe (Petrus de Rubeis de Quadraginta). The scribe has been found to be *notarius publicus* in Venice in the mid-15 cent. He has drawn up the power of attorney, which is preserved in Archivio di Basilica Pontificia San Nicola di Bari (Archivio di S. Nicola, Periodo Aragonese, Bari, B 23 [B]).

Keywords: Statius, Achilleis, Baebius Italicus, Ilias Latina, manuscript, Stadtbibliothek Lübeck, Petrus de Rubeis de Quadraginta

Антонец Екатерина Владимировна
доктор филологических наук, доцент
доцент кафедры классической филологии
МГУ имени М.В. Ломоносова
e-mail: evantonetz@yandex.ru

СОКРАТ В РЕЧАХ 8–9 МАКСИМА ТИРСКОГО

Г.С. БЕЛИКОВ

Резюме: В статье рассматривается образ Сократа в речах 8 и 9 Максима Тирского, посвященных божеству Сократа. Хорошо известно, что Сократ был популярен среди авторов I–II вв. н. э. (Дион Хризостом, Сенека, Эпиктет). В это время Плутарх, Апулей и Максим Тирский написали тексты на одну тему — демон Сократа. А. Тимотин предложил интересную интерпретацию этих текстов и поделил их на две группы, которые включают также сочинения Прокла, Ямвлиха, Халкидия и Гермия. Цель этой статьи — показать близость текстов Максима Тирского и Плутарха на основе тех параллелей, которые встречаются в рассматриваемых речах Максима и речи Феанора из диалога Плутарха «О демоне Сократа».

Ключевые слова: Сократ, Максим Тирский, Плутарх, средний платонизм, демонология.

Максим Тирский не относится к числу авторов, пользующихся популярностью среди исследователей. Корпус сочинений Максима представляет собой 41 речь, популярно излагающие идеи платонизма I–II века по Р. Х. Обращаясь в первую очередь к классической Греции V–IV вв. до Р. Х., Максим уделяет особое внимание личности Сократа. Цель этой работы рассмотреть образ Сократа в речах 8–9, посвященных божеству Сократа. В I–II веках по Р. Х. личность Сократа вызывает особый интерес среди представителей разных философских школ. Если в I в. до Р. Х. шла дискуссия о том, был ли Сократ скептиком или догматиком, то в I–II вв. по Р. Х. Сократ, оставаясь типичным примером для подражания в сочинениях Эпиктета, Сенеки или Диона, становится популярен среди платоников. В это время возникает 3 сочинения, посвященные божеству Сократа. Наибольшей популярностью среди исследователей пользуется диалог Плутарха. Речь Апулея «*De deo Socratis*» также вызывает интерес исследователей. За последнее время было предпринято несколько попыток провести сравнительный анализ этих текстов. Ф. Оффманн в своей статье «*Le sage et son démon. La figure de Socrate dans la tradition philosophique et littéraire*» дает краткий обзор этих трех текстов, рассматривая образ Сократа и его божества в литературе от Платона вплоть до Гермия и Прокла. Речам Максима в этой статье посвящена всего одна страница¹. Интересное предположение было выдвинуто Ж. Божо в его издании философских сочинений Апулея², а затем

¹ Hoffmann 1987–1988: 273.

² Beaujeu 1973: 197.

также развито С. Харрисоном в его монографии, посвященной Апулею³, о том, что две речи Максима и речь Апулея восходят к одному источнику. В дальнейшем исследователи не поддержали эту идею⁴. Различие между речами Максима и Апулея особенно подчеркивает в своей монографии Р. Флетчер⁵. Речи Максима упоминаются также в статье Дж. Финмора, но только в примечаниях⁶. Анализ всех трех авторов можно найти в статье Г. Роскама, который сравнивает сведения о демоне Сократа у Плутарха, Максима и Апулея, не уделяя особого внимания личности Сократа⁷. Статья Дж. Бенсона также не затрагивает личности Сократа, так как основное внимание уделяется свидетельству самого Максима, что он видел Диоскуров и Геракла (*Max. Tur.* 9.7)⁸. Личности Сократа и его роли в речах Максима Тирского посвящена статья Х. Кампос-Дароки, где он рассматривает речи 25 и 28 и пишет о «протрепетической» роли Сократа в сочинениях Максима⁹. Особенный интерес представляют статьи П. Донины, который уделил особое внимание особенностям в изображении Сократа у платоников I–II по Р. X¹⁰. В этих статьях автор рассматривает образ Сократа у платоников на фоне остальных авторов этого периода. В недавно появившемся сборнике, посвященном рецепции Сократа в истории литературы, вышла статья М. Траппа, в которой автор рассматривает образ Сократа в речах Максима¹¹.

В эллинистическую эпоху образ Сократа вызывал особый интерес. Это было связано как с его биографией, так и с учением. Истинный философ, стремившийся жить по справедливости, верный своим убеждениям вплоть до смерти, — Сократ был важной фигурой в литературе той эпохи. Каждая философская школа эллинистического периода давала свою интерпретацию личности Сократа. Если рассмотреть отношение основных школ (стоики, киники, скептики, перипатетики, эпикурейцы), то видно, что первые три постоянно обращались к образу Сократу, интерпретируя его в соответствии со своим учением. Представители двух других школ подвергали критике как учение Сократа, так и его образ жизни¹².

Из этих традиций наиболее популярной была стоико-киническая. Об этом свидетельствуют сочинения Эпиктета, Диона Хризостома или Сенеки. Эту традицию подробно рассматривает в своей монографии К. Дёринг, где каж-

³ Harrison 2000: 137–140.

⁴ Например, Roskam 2010: 100.

⁵ Fletcher 2014: 124–149.

⁶ Finamore 2014: 36–50.

⁷ Roskam 2010: 102–131.

⁸ Benson 2016: 93–108.

⁹ Campos Daroca 2016: 95–121.

¹⁰ Donini 2003: 333–359.

¹¹ Trapp 2017: 772–786.

¹² Хороший обзор материала дает А.А. Лонг. Long 2011: 355–379.

дому из выше названных авторов посвящена отдельная глава¹³. В стоицизме Сократ был выдающейся фигурой, воплощавшей в себе идеалы стоической школы: сила духа, самоконтроль, стойкость, неподвластность физическим и эмоциональным потрясениям. Наиболее важные цитаты у Эпиктета, где упоминается Сократ, посвящены 2 аспектам: пример жизни Сократа как истинного философа и сократический метод беседы (ἔλεγχος). Имя Сократа встречается также практически во всех этических сочинениях Сенеки, другого представителя римского стоицизма. В его сочинениях Сократ постоянно выступает в качестве образца истинного стоического философа, особое внимание уделяется его добровольному принятию смерти. Для Сенеки важно, что Сократ своим примером показал, как истинный стоик должен относиться к тюремному заключению и смерти¹⁴. В том же ключе рассматривает Сократа и Дион Хризостом, у которого Сократ фигурирует во многих речах, а 2 речи (Or. 54–55) посвящены ему.

На фоне стоической традиции Плутарх пишет оригинальный диалог «О демоне Сократа», в котором отразилась не только доминирующая стоическая традиция, но и новый образ Сократа, сформировавшийся под влиянием платонизма I–II вв. по Р. Х.

Интерес Плутарха направлен в первую очередь к религиозной стороне вопроса: как божество разговаривало с Сократом. В диалоге, который происходит в доме Симмия, участвуют несколько человек. Особый интерес представляют речи Симмия и пифагорейца Феанора. Главная идея речи Симмия в том, что обычным людям нужен голос и слова для передачи мысли. Страсти и побуждения препятствуют тому, чтобы человек мог непосредственно воспринимать явленное, а Сократ был способен к бессловесному общению со своим божеством.

Σωκράτει δ' ὁ νοῦς καθαρὸς ὦν καὶ ἀπαθής, τῷ σώματι [μὴ] μικρὰ τῶν ἀναγκαίων χάριν καταμιγνὺς αὐτόν, εὐαφής ἦν καὶ λεπτός ὑπὸ τοῦ προσπεσόντος ὀξέως μεταβαλεῖν· τὸ δὲ προσπίπτον οὐ φθόγγον ἀλλὰ λόγον ἄν τις εἰκάσειε δαίμονος ἄνευ φωνῆς ἐφαπτόμενον αὐτῷ τῷ δηλουμένῳ τοῦ νοοῦντος. (*Plut. De gen. Socr.* 588 D-E)

У Сократа же ум был чист и не отягчен страстями, он лишь в ничтожной степени в силу необходимости вступал в соприкосновение с телом. Поэтому в нем сохранилась тонкая чувствительность к внешнему воздействию, и таким воздействием был для него, как можно предположить, не звук, а некий смысл, передаваемый демоном без посредства голоса, соприкасающийся с разумением воспринимающего как само обозначаемое¹⁵.

Такое толкование противопоставляется мнению Галаксидора, который пытался рационально объяснить природу демона Сократа. В начале диалога он

¹³ Döring 1979.

¹⁴ In carcere Socrates disputavit et exire, cum essent qui promitterent fugam, noluit remansitque, ut duarum rerum gravissimarum hominibus metum demeret, mortis et carceris. (*Sen. Ep.* 24.4).

¹⁵ Пер. Я.М. Боровского.

говорит, что демон Сократа — это вид мантики. Как для врача, пульс указывает на состояние больного, крик птицы указывает мореплавателю на приближение бури, так душа предсказателя способна по ничтожным на первый взгляд вещам (чихание, голос) предвидеть что-то важное. Сравнивая эти тексты, А. Тимотин предлагает интересную гипотезу о двух основных направлениях в истолковании демона Сократа. В своей статье он противопоставляет две традиции в среднем платонизме и неоплатонизме. Он пишет, что речь Галаксидора вполне соответствует тексту объяснению Ксенофонта, который считал демона Сократа ничем иным, как разновидностью мантики (*Xen. Mem.* 1.1.2–3). Такую же интерпретацию в большей или меньшей степени поддерживают Максим Тирский (*Max. Tur.* 8), Гермий в своем комментарии к «Федру» Платона (*Herm. In Phdr.* p. 67.4–10), Халкидий в комментарии к «Тимею» (*Chalc. In Tim.* 255). С другой стороны Плутарх предлагает другое истолкование этого явления: Сократ слышал голос демона высшей частью души, а не органами чувственного восприятия. Такое толкование развивают Апулей (*Apul. Soc.* 19.164–165), Ямвлих (*Iamb. Myst.* 9.6) и Прокл (*Procl. In Alc.* 1.80.4–6; 14–17)¹⁶. Интерпретация Тимотина кажется очень интересной, но недостатком ее мне кажется то, что он рассматривает лишь отдельные части речей Максима, а не весь текст в целом.

Для полноценного анализа образа Сократа в речах 8–9, следует сначала рассмотреть контексты, где встречается имя афинского философа. Затем следует сравнить текст Максима с речью пифагорейца Феанора из диалога Плутарха, где можно найти некоторое количество параллелей.

В тексте мы видим, что, хотя обе речи выступают как связанное изложение учения о демонах на примере демона Сократа, сам Сократ фигурирует только в 8 речи. Уже в самом начале Максим обращается к предполагаемому собеседнику, сомневающемуся в существовании личного божества у Сократа:

Θαυμάζεις εἰ Σωκράτει συνῆν δαιμόνιον, φίλον, μαντικόν, ἀεὶ παρεπόμενον, καὶ μόνον οὐ τῇ γνώμῃ αὐτοῦ ἀνακρεμαμένον; ἀνδρὶ καθαρῷ μὲν τὸ σῶμα, ἀγαθῷ δὲ τὴν ψυχὴν, ἀκριβεῖ δὲ τὴν δίαιταν, δεινῷ δὲ φρονεῖν, μουσικῷ δὲ εἰπεῖν, εἰς δὲ τὸ θεῖον εὐσεβεῖ, ὁσίῳ δὲ τὰ ἀνθρώπινα. (8.1)

Ты удивляешься тому, что у Сократа было божество — блажелательное, дающее предсказания, всегда сопутствующее ему и почти неотделимое от его ума — у него, который был чист телом, прекрасен душой, скромнен в повседневной жизни, мыслью силен, в речах искусен, в божественном благочестив, с людьми честен.

Далее Максим проводит параллель между оракулами и божеством Сократа. Главный его аргумент состоит в том, что раз жрецы в Дельфах, Додоне, в пещере Трофония способны узнавать будущее от божества, так же и Сократ мог слышать его. Следовательно, если люди верят оракулам, ходят к святилищам и выполняют предписания, почему они не верят Сократу?

¹⁶ Timotin: 2017 137–152. Следует отметить, что в том же сборнике опубликована статья К. Морескини, которая представляет собой обзор источников, где упоминаются Сократ и его божество (Плутарх, Максим Тирский, Апулей, Халкидий и Гермий). Moreschini 2017: 121–136.

Εἰ δὲ ἀνὴρ φύσει τὲ κεχρημένος γενναιοτάτῃ, καὶ παιδείᾳ σωφρονεστάτῃ, καὶ φιλοσοφίᾳ ἀληθεστάτῃ, καὶ τύχῃ δεξιωτάτῃ, συγγίγνεσθαι τῷ δαιμονίῳ ἤξιώθη πρὸς τοῦ θεοῦ, θαυμαστὸν δοκεῖ καὶ ἀπίστον. (8.3)

А если человек по природе одаренный, строжайше воспитанный, истинный философ, которому благоволила судьба, удостоился от богов общения с божеством, это кажется чем-то удивительным и невероятным.

Также Максим объясняет, что Сократ был способен ответить на все те бессмысленные вопросы, которые обычно задают люди, приходящие к божеству: кто выиграет на Олимпийских играх, каков будет исход судебного разбирательства, сможет ли спрашивающий разбогатеть. Максим подчеркивает, что демон Сократа мог ответить и на эти вопросы, так как он характеризуется как *μαντικόν*.

Далее Максим переходит к основному вопросу своих речей, чем является демон Сократа.

Τοῦτο μὲν, φήσει τις, πείθομαι, ὅτι κατ' ἀρετὴν τρόπου καὶ φύσεως γενναιοτήτα ἤξιώθη ὁ Σωκράτης δαιμονίου συνουσίας· τί δὲ καὶ ἦν τὸ δαιμόνιον, ποτῶ μαθεῖν. (8.4)

Кто-нибудь скажет: «Допустим, я согласен с тем, что Сократ благодаря своему безупречному поведению и природному дарованию общался с божеством, но тогда я хочу узнать, чем именно было это божество?» (8.4)

Именно этому вопросу посвящены все дальнейшие рассуждения Максима. Оставив Сократа, он обращается к Гомеру, приводя те отрывки из поэм, где появляются Афина и Гера, которые также были ничем иным, как демонами. Максим еще раз упоминает Сократа, когда делает вывод из своих доказательств. Упомянутые у Гомера боги, Афина, Аполлон, Гера — это демоны, помогающие людям во сне и наяву, а также дающие предсказания через оракулы. Следовательно, если кто-то отрицает существование демонов, тогда он спорит с Гомером, отрицает оракулы, прорицаниям не верит, сновидениями пренебрегает и Сократа оставляет в одиночестве (8.6).

В дальнейшем Максим упоминает имя Сократа один раз в ряду других философов (Пифагор, Диоген, Платон), поэтому становится очевидным, что для автора главная тема — это существование демонов. Получается следующая схема, по которой Максим строит свою речь: случай Сократа — повод начать разговор о демонах, далее доказывается существование демонов как отдельного рода живых существ, после чего в конце 8 и 9 речи рассматривается природа демонов и их роль в жизни людей.

Хотя Сократ не играет ключевую роль в этих речах, очевидно, что его фигура представлена в несколько необычном свете. Если для стоиков или киников (Сенеки, Диона Хризостома) важна личность Сократа, его смерть или способ ведения беседы с окружающими, то в платонической традиции основное внимание уделяется его божеству. Как уже упоминалось выше, Максим не был первым, кто обратился к этой теме, поэтому дальше следует посмотреть на те параллели, которые можно обнаружить в тексте Плутарха.

Феанор в диалоге Плутарха говорит, что есть богоизбранные люди способные слышать божество непосредственно, в то время как остальным необходима мантика.

ὥσπερ γὰρ τῶν βασιλέων καὶ τῶν στρατηγῶν τὴν διάνοιαν οἱ μὲν ἐκτὸς αἰσθάνονται καὶ γιγνώσκουσι πυροῖς τισι καὶ κηρύγμασι καὶ ὑπὸ σαλπίγγων, τοῖς δὲ πιστοῖς καὶ συνήθεσιν αὐτοὶ φράζουσιν, οὕτω τὸ θεῖον ὀλίγοις ἐντυγχάνει δι' αὐτοῦ καὶ σπανίως, τοῖς δὲ πολλοῖς σημεῖα δίδωσιν, ἐξ ὧν ἡ λεγομένη μαντικὴ συνέστηκε. (*Plut. De gen. Socr.* 593 C-D)

Подобно тому как о намерениях и распоряжениях царей и военачальников далекие от власти люди узнают через объявления глашатаев, огненные сигналы и звуки труб, а своим приближенным и доверенным они сообщают об этом сами, так и божество лишь изредка и с немногими вступает в непосредственное общение, а остальному множеству подает знаки, на которых основана так называемая мантика.

Этот тезис находит отголосок в начале речи Максима и сравнении демона Сократа с мантикой. Далее Феанор говорит, что боги избирают людей, которых они хотят сделать блаженными и сопричастными божественности. Их души, освобожденные от рождения и не связанные с телом, как бы обретшие полную свободу, становятся демонами — хранителями людей, как говорит Гесиод.

Также и у Максима в конце восьмой речи говорится о демонах, которые помогают людям.

Τοῦτο γάρ ἐστιν τὸ ἀνθρώποις προσφθεγγόμενον, καὶ φανταζόμενον, καὶ εἰλούμενον ἐν μέσῃ τῇ θνητῇ φύσει, καὶ ἀπωφελοῦν ὅσα ἀνάγκη δεῖσθαι θεῶν τὸ θνητῶν γένος. <...> οἱ μὲν ἰατροὶ νοσημάτων, οἱ δὲ τῶν ἀπόρων σύμβουλοι, οἱ δὲ τῶν ἀφανῶν ἄγγελοι, οἱ δὲ τέχνης συνεργάται, οἱ δὲ ὁδοῦ συνέμποροι· οἱ μὲν ἀστικοί, οἱ δὲ ἀγροικικοί, οἱ δὲ θαλάττιοι, οἱ δὲ ἡπειρωτικοί· εἴληχεν δὲ ἄλλος ἄλλην ἐστίαν σώματος, ὁ μὲν Σωκράτην, ὁ δὲ Πλάτωνα, ὁ δὲ Πυθαγόραν, ὁ δὲ Ζήνωνα, ὁ δὲ Διογένην· ὁ μὲν φοβερός, ὁ δὲ φιλόανθρωπος, ὁ δὲ πολιτικός, ὁ δὲ τακτικός. (8.8)

Они и есть те, кто обращаются к людям, являются им, сопровождая их в этой жизни и давая им то, что люди вынуждены просить у богов. <...> Одни из них врачеватели болезней, другие — советники сомневающихся, вестники неизвестного, помощники в ремесле, спутники в путешествии. Они бывают в городах, селах, на суше и на море. Каждый из них получает в удел человеческое тело: один — Сократа, другой — Платона, а также Пифагора, Зенона и Диогена. Некоторые грозные, другие милосердные, одни проявляют себя в политике, другие — в военном деле.

У Феанора используется сравнение демона-помощника с атлетами, которые сами больше не выступают на соревнованиях, но рады видеть других участвующих в борьбе, поощряя их сочувственными возгласами и как бы бегут рядом с ними. То есть, по Феанору, демоны — это души, которые, выйдя из жизненных состязаний по своей душевной высоте, стали демонами, не совершенно презирают земные дела, речи и стремления, но в своей благосклонности к тем, кто направляется к одной с ними цели, соревнуют им, воодушевляют и ободряют их, когда видят их уже близкими к осуществлению надежды и почти касающимися меты.

У Максима та же самая мысль появляется в 9-ой речи:

Ἐπειδὴν γὰρ ἀπαλλαγῆ ψυχῇ ἐνθένδε ἐκείσε, ἀποδυσασμένη τὸ σῶμα, καὶ καταλιπούσα αὐτὸ τῇ γῆ φθαρησόμενον τῷ αὐτοῦ χρόνῳ καὶ νόμῳ, δαίμων τ' ἀνθρώπου, ἐποπτεύει μὲν αὕτη τὰ οἰκεία θεάματα καθαροῖς τοῖς ὀφθαλμοῖς, μήτε ὑπὸ σαρκῶν ἐπιπροσθουμένη, μήτε ὑπὸ χρωμάτων ἐπιταραττομένη, μήτε ὑπὸ σχημάτων παντοδαπῶν συγχεομένη, μήτε ὑπὸ ἀέρος θολεροῦ διατειχιζομένη, ἀλλὰ αὐτὸ κάλλος, αὐτοῖς ὀφθαλμοῖς ὀρώσα καὶ γανυμένη· οἰκτείρουσα μὲν αὐτὴν τοῦ πρόσθεν βίου, μακαρίζουσα δὲ τοῦ παρόντος· οἰκτείρουσα δὲ καὶ τὰς συγγενεῖς ψυχάς, αἱ περὶ γῆν στρέφονται ἔτι, καὶ ὑπὸ φιλανθρωπίας ἐθέλουσα αὐταῖς συναγελάζεσθαι, καὶ ἐπανορθοῦν σφαλλομένης. (9.6)

Когда душа переселяется в эфир, покидая тело и оставляя его земле, чтобы оно разрушилось согласно закону времени, она становится демоном. Тогда она может созерцать чистыми глазами то, что ей подобает видеть. Ей не препятствуют ни плоть, ни цвета, ни разные образы, ни туман. Она радостно созерцает саму красоту незамутненными глазами, сожалея о своей прошлой жизни, но радуясь настоящей. Она жалеет родственные души, которые до сих пор скитаются по земле, из-за своего человеколюбия хочет помочь им и направить их к истине, если они ошибаются.

В конце речи Феанор говорит, что если душа, беспорочно и безотказно пройдя в тысячах воплощений длительную борьбу, по истечении периода возгорится честолюбивым стремлением вверх, то божество не возбраняет демону помочь ей и отпускает тяготеющего к этому демона; тяготееет же этот к спасению одной, тот — другой; и душа либо соглашается с ним при встрече и находит свое спасение, либо не соглашается, и тогда демон оставляет ее в неблагополучии.

Также и у Максима души, стремящиеся к совершенству, получают помощь от божества (см. выше), а души полные пороков лишены наставника (8.8).

Если делать вывод из тех наблюдений, которые были изложены выше, то следует сказать, что фигура Сократа в речах Максима играет незначительную роль, то есть обращение к Сократу — это повод поговорить о демонологии, которую он развивает в духе среднеплатонической традиции. На это указывают те параллели, которые были приведены во второй части статьи.

БИБЛИОГРАФИЯ

Издания

Apulée. Opusculs philosophiques et fragments. Texte établi, traduit et commenté par Jean Beaujeu. Paris, 1973.

Maximus Tyrius. Dissertationes, ed. M. Trapp. Stuttg.-Lpz., 1994.

Литература

Benson 2016 — *Benson G.C.* Seeing Demons: Autopsy in Maximus of Tyre's Oration 9 and its Absence in Apuleius' On the God of Socrates // *Ramus* 2016. 45. 1. pp. 102–131.

- Campos Daroca 2016 — *Campos Daroca J.* Maxime de Tyr, Socrate et les discours selon la philosophie // *Fauquier F., Pérez-Jean B.* Maxime de Tyr, entre rhétorique et philosophie au IIe siècle de notre ère. Montpellier, 2016. pp. 95–121.
- Donini 2003 — *Donini P.* Socrate „pitagorico“ e medioplatonico // *Elenchos* 2003. 24. 2. pp. 333–359.
- Döring 1979 — *Döring K.* Exemplum Socratis: Studien zur Sokratesnachwirkung in der kynische-stoischen Popularphilosophie der frühen Kaiserzeit und im frühen Christentum. Wiesbaden, 1979.
- Finamore 2014 — *Finamore J.F.* Plutarch and Apuleius on Socrates' Daimonion // *Layne D.A., Tarrant H.* The Neoplatonic Socrates. Pennsylvania, 2014. pp. 36–50.
- Fletcher 2014 — *Fletcher R.* Apuleius' Platonism: The Impersonation of Philosophy. Cambridge, 2014.
- Harrison 2000 — *Harrison S.J.* Apuleius. A Latin Sophist, Oxford, 2000.
- Hoffman 1987–1988 — *Hoffmann Ph.* Le sage et son démon. La figure de Socrate dans la tradition philosophique et littéraire // *École pratique des hautes études, Section des sciences religieuses. Annuaire.* 1985. 94. pp. 417–436. 1986–1987. 95. pp. 295–305. 1987–1988. 96. pp. 272–281.
- Long 2011 — *Long A. A.* Socrates in Later Greek Philosophy // *Morrison D.* The Cambridge Companion to Socrates. Cambridge, 2011. pp. 355–379.
- Moreschini 2017 — *Moreschini C.* Le démon de Socrate et son langage dans la philosophie médioplatonicienne // *Hoffmann Ph., Soares Santoprete L.G.* Langage des dieux, langage des démons, langage des hommes dans l'Antiquité. Turnout, 2017. pp. 121–136.
- Roskam 2010 — *Roskam G.* Socrates' daimonion in Maximus of Tyre, Apuleius, and Plutarch // *Fraizer F. Leão D. F.* Tyche et Pronoia: La marche du monde selon Plutarque. Coimbra, 2010. pp. 93–108.
- Timotin 2017 — *Timotin A.* La voix des démons dans la tradition médio- et néoplatonicienne // *Hoffmann Ph., Soares Santoprete L.G.* Langage des dieux, langage des démons, langage des hommes dans l'Antiquité. Turnout, 2017. pp. 137–152.
- Trapp 2017 — *Trapp M.* Socrates in Maximus of Tyre // *Stavru A., Moore Chr.* Socrates and the Socratic dialogue. Leiden, 2017. pp. 772–786.

THE IMAGE OF SOCRATES IN MAXIMUS OF TYRE'S ORATIONS 8 AND 9

GRIGORY S. BELIKOV

Abstract: The paper demonstrates the role Socrates' image played in the 8th and 9th Orations by Maximus of Tyre, dedicated to Socrates' daimonion. It's well known that Socrates was very popular among the authors of the 1st–2nd centuries AD (Dio Chrysostom, Seneca, Epictet). In this period Plutarch, Apuleius and Maximus of Tyre wrote texts on the same topic — Socrates' daimonion. A. Timotin proposed an interesting interpretation of these texts and divided them into two groups, which include also the writings of Proclus, Jamblichus, Chalcidius and Hermias. This article attempts to draw closer connection between Maximus of Tyre and Plutarch due to some parallels that appear in Maximus' orations 8–9 and Pheanor's speech in Plutarch's dialogue.

Keywords: Socrates, Maximus of Tyre, Plutarch, Middle platonism, daemonology.

Беликов Григорий Сергеевич
ассистент кафедры древних языков
Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

DE VINIS TESTARVM FORMAM SERVANTIBVS AD OVID. TRISTIA III, 10

AB ALEXIO BELOV, QUI ET ALBANUS

I

Cum puer essem et matris meae hortatu Latinae linguae atque Graecis elementis studere coepissem, Ludimila Basch, tunc Philologorum iuuenum scholae praefectrix strenuissima, me ad Alexandrum Suppopulinum adduxit. Et difficillime nunc dictu, quatenus illa amicitia mihi usui fuerit, non quia quasi exigua esset, sed uice uersa — quia tam multis ex partibus me affecit, ut paene nescio, qua de re loqui ordiar. Nam et Latinitate uiua uti conabamur, et grammaticam scrutabamur, et lexicon componebamus, et conuentum Latinum uisitaturi eramus; inter omnia ille mihi Soboleuski *Grammaticam* (pretiosissimum illo tempore munus!) donauit et plurimos libros ad legendum dedit, quorum Catullum, a Merrill editum, iam XXIII annum apud me retineo. Vt breuissimis igitur dicam, nunquam omnino ante tam sincera et tam simplex mihi communicatio cum uiro docto fuit et eo, qui triginta annis me maior esset natu.

Sed hic ecce quid commemorare uelim, quodque inopinato modo utrique nostrum paene idem compertum erat. Nam illo tempore ego, cum grammaticam Latinam summatim plus minusue iam intellexissem, ad poetas legendos animum promoui, et eorum primus mihi fuit Ouidius, cuius carmina tam cordi meo fuerunt, quam nullius poetae antea id facere potuerant. Et tunc quidem comperi et ipsum magistrum meum maxime Ouidio delectari et, quod magni esset, etiam librum de eius testimoniis duabus linguis scripsisse. Multas igitur horas nos sine detrimento triuisse memini de Ouidi *Tristibus* loquentes, de poeta relegato atque de hieme apud Getas, quae utrum uera depictio fuisset, an ficta pictura.

Et nunc multis annis postea, cum et ipse grammaticus factus esse uidear, et — o incognita itinera fati! — uxoris meae dulcissimae gratia paene in ea orbis regione, in quam Ouidius erat relegatus, quaque hieme ac aetate uersari coeperim (i. e. in Moesia), duos notissimos uersus, quos a pueritia mea ex *Tristibus* extuli, commemorare uelim atque commentarium meum illius rei, quam ipse oculis meis uidi et non tantum uidi, sed usu habui, praebere.

In *Tristibus* (III, 10, 23–24) inter omnes difficultates, quas hiems barbara poetae attulerat, habemus:

nudaque consistunt, formam seruantia testae,
uina, nec hausta meri, sed data frusta¹ bibunt.

¹ Est etiam uaria lectio *crusta*.

Quamquam hoc carmen, in quo eius regionis (quam ipse Ouidius *Scythiam* nuncupat) hiems atrocissima depingitur, permultos commentarios uariis in operibus² peperit, uersus de uinis stantibus non satis bene explicantur.

Nam apud doctos saepissime ea quaestio agitur, quem ad modum Ouidi indicis omnino credendum sit. Et hic perpauci nunc inueniuntur, qui omnia a poeta dicta libenter fide accipiant; multo saepius poetam mundum quandam poeticum fingere dicunt, in quo nonnulla facta cum multis fictis et ex litterarum traditione sumptis locis conueniant; quaestio igitur est, qua de causa haec facta sint et quidnam rationis in poetae licentia intentioneque fuerit. Inter quos e. g. ille Huskey, qui, quod mihi cordi erat, permultis in locis magistri mei librum magna cum reuerentia commemorat, nonnullis antecessoribus fretus (in primis Claassen), poetam tamquam *κατάβασιν* suam quandam facturum fuisse scribit, in qua se uel cum Vlixee uel cum Iasone compararet, Tomida autem urbem cum aliquo simili inferno. Scilicet hic de mytho quodam, ab Ouidio proposito, agitur, quamquam ille Huskey non postulat, ut ipsa Ouidi relegatio falsa sit consideranda. Hac in re apte cum Suppopulino nostro consentiat, qui etiam non omnibus a poeta dictis credendum esse dicebat, sed plura historica testimonia apud eum inueniri putabat, quam ille Americanus proposuit. At tamen fuerunt nonnulli, in primis Belgae³ (J.J. Hartman, O. Janssen, C. Verhoeven), quibus etiam A.D. Fitton Brown Britannus addi potest), qui omnino Ouidi relegationem aliquid historicum esse recusarent.

Sed hanc discussionem, quamquam iucundissimam, nunc imbecillis umeris non sustineamus, et redeamus ad illud, ex quo incepimus: ad uina rigentia. Quam probabilis talis imago est? Estne hic aliquid ueri aut ea res potius ad traditionem litterarum spectat?

II

Hic in primis dicam duos saltem locos praeclaros apud ueteres inueniri, ubi de rigentibus uinis dicitur; et quisque eorum est locus notabilis.

Apud Xenophontem in *Anab.* VII, 4, 3, ubi acerrimae incommoditates eorum X milium apud Thynos (in Propontide) bellum gerentium narrantur: “ἦν δὲ χιῶν πολλή καὶ ψῦχος οὕτως ὥστε τὸ ὕδωρ ὃ ἐφέροντο ἐπὶ δεῖπνον ἐπήγγυτο καὶ ὁ οἶνος ὁ ἐν τοῖς ἀγγείοις, καὶ τῶν Ἑλλήνων πολλῶν καὶ ῥῖνες ἀπεκαίοντο καὶ ᾤτα”: i. e. “fuit nix plurima et frigus ut aqua, quam ad cenam afferebant, rigeret nec non uinum in testis; multorum etiam Graecorum nasi adusti erant ac aures”.

Apud Vergilium in *Georg.* III, 349–366 habemus iam *Scythiam* hieme descriptam. Paucis uersibus ante poeta aliquot orbis terrarum regiones monstrat, quae minus

² Hic praeter iam commemoratum librum ab ipso Suppopulino scriptum (Подосинов 1984) et illum Germanice redditum (Podossinov 1987), tantum solam dissertationem a S. Huskey Americano ponam (Huskey 2002), quod tamen opus, faciliter per Pandesmon accesibile, tam amplissimum librorum conspectum continet, ut omnes curiosi lectores contenti esse possint.

³ Multi Latinitatis uiuae fautores nunc Belgas *Nederlandenses* uocare solent, quod prauum esse arbitror.

aptae ad pascendum sunt, quam consuetae Romanis terrae: in Libya enim dixit nimis calidum esse, quod non dici posse de Scythia:

At non qua Scythiae gentes Maeotiaque unda,
turbidus et torquens flauentis Hister harenas,
quaque redit medium Rhodope porrecta sub axem.
illic clausa tenent stabulis armenta, neque ullae
aut herbae campo apparent aut arbore frondes;
sed iacet aggeribus niueis informis et alto
terra gelu late septemque adsurgit in ulnas.
semper hiems, semper spirantes frigora Cauri;
tum Sol pallentis haud umquam discutit umbras,
nec cum inuectus equis altum petit aethera, nec cum
praecipitem Oceani rubro lauit aequore currum.
concresecunt subitae currenti in flumine crustae,
undaque iam tergo ferratos sustinet orbis,
puppibus illa prius, patulis nunc hospita plaustris;
aeraque dissiliunt uulgo, uestesque rigescunt
indutae, *caeduntque securibus umida uina*,
et totae solidam in glaciem uertere lacunae,
stiriaque impexis induruit horrida barbis.

Solus caecus non uiderit horum uersuum similitudinem et illorum Nasonis, qui ante uerba de uinis rigentibus leguntur. Eg.:

tantaque commoti vis est Aquilonis, ut altas
humo tures tectaque rapta ferat.
pellibus et sutis arcent mala frigora bracis,
oraque de toto corpore sola patent.
saepe sonant moti glacie pendente capilli,
et nitet inducto candida barba gelu...

(Ouid. *Trist.* III, 10, 17–22)

At tamen hic in primis notandum est, Xenophontis Anabasin utrius poematis fontem vel certum, vel obliquum esse uideri. Nam in illo loco, supra citato, post uina, nasos atque aures rigidas commemoratas, eidentissimum de Thracum uestibus commentarium inuenimus:

“καὶ τότε δῆλον ἐγένετο οὐ ἔνεκα οἱ Θρᾶκες τὰς ἀλωπεκάς ἐπὶ ταῖς κεφαλαῖς φοροῦσι καὶ τοῖς ὤσι, καὶ χιτῶνας οὐ μόνον περὶ τοῖς στέρνοις ἀλλὰ καὶ περὶ τοῖς μηροῖς, καὶ ζειράς μέχρι τῶν ποδῶν ἐπὶ τῶν ἵππων ἔχουσιν, ἀλλ’ οὐ χλαμύδας.” (ibid.) i. e.: “*et tunc clarum factum est, quia de causa Thraeces uulpes in capitibus et in auribus habere soleant atque χιτῶνας non tantum circum pectora sed et circum femina, nec non uelamina usque ad pedes in equis, non χλαμύδας*”.

Sed deinde et alterum notandum est, inter imaginem a Xenophonte datam et illas apud Vergilium et Ouidium inuentas acerrimum discrimen interesse, uel, ut isti nostri Olbiopolitae dicere solent, “duo immensa discrimina”.

Nam Xenophon de regentibus uinis tamquam de insolito quodam miraculo nobis narrat, quod incognita regione in montibus⁴ olim factum est. Etiam refert hanc insolitam rem Graecis, quibus uinum friguerat, non uernaculis factam esse: qua de re, quamquam acria frigora apud Thynos in Propontide esse solere dixit, eorum uina saepe frigescere non dixit.

Aliter Vergilius, qui alio genere, non historias — i. e. quae oculis suis uisa erant — nobis narrans, sed carminibus didacticis, quae de solitis et debitis rebus scribuntur, animos lectorum mentesque docens, dicit *notum esse in Scythia uina securibus caedi solere*. Et cum ipse nunquam in ea regione affuisset, ex Xenophonte et aliis fortasse rerum scriptoribus exempla probantia sumit, neque respiciens illum non de Scythia scripsisse, neque ea, quae scripserat, CCCC annis ante scripsisse⁵.

Et aliter Naso noster, qui paene Vergiliana uerba argumentaque suo testimonio affirmans (*nec uidisse sat est: durum calcauimus aequor*: Ouid. Trist. III, 10, 39) dicit iam de re obseruata: *se ipsum uernaculos uidisse uina testae formam seruantia crustis (uel frustis) datis bibere*.

Quem ad modum eius uerba sunt probabilia?

III

In primis, potestne uinum omnino in glaciem conuerti? Nunc pro certo dicendum est: potest. Secundum enim naturae doctrinam, quam physicam Graeco more uocamus, quamquam ipse spiritus uini -114.1°C frigore riget, eius solutiones hac ratione grauissime inter se differunt: gradus enim non tantum de spiritus quantitate, sed etiam de solutionis dulcedine dependet. E.g. assuetum nobis uinum, quod apud nos "siccum" nominatur, (quia non plus quam 0.4% dulcedinis in se continet) circa -4.8°C riget si 11% spiritus habet et circa -6.3°C , si 14%⁶. Hic certe de uinis secundum naturae rationem factis loquor, quibus post zymosin non minus quam 11% spiritus factum esse solent: nam alioquin ipsa zymosis multo difficilius incipitur et omnino non incipere potest: non uinum igitur erit, sed quasi acetum. At tamen si de uinis admixta aqua loquamur, rigoris gradus multo minor esse debet — usque ad paene 0°C . Et hic considerandum est uina, de quibus Xenophon scripsit, et ea, de quibus Romani, non per necessitatem esse eadem: neque habemus certa indicia, qua portione Getae illi et Scythae uina miscuerint, et si omnino id fecerint; quae res non tam facilis dictu esse uidetur et de saeculi I ante Chr. n. Romanis, in quibus et de ipso Nasone.⁷

⁴ Illi uici, quorum nonnullos Graeci, ipso Xenophonte at aliis praeuentibus, certo barbaro modo deleuerunt (τῆ δ' ὑστεραία κατακαύσας ὁ Σεύθης τὰς κώμας παντελῶς καὶ οἰκίαν οὐδεμίαν λιπῶν... ἀπήει πάλιν; VII, 4, 1), re uera in montuoso loco fuerant (πλησίον γὰρ ἦν τὸ ὄρος; VII, 4, 6).

⁵ Hoc ea de causa animaduertendum est saeculo I ante Chr. n. caelum (i. e. "clima") $1-2^{\circ}\text{C}$ calidius fuisse constare, quam ullo prioris millennii, et, ut nonnulli arbitrantur, etiam quam nunc obseruatur. Viri docti de "Optimo climatico Romano" dicunt, quod usque ad saeculum IV AD se retinuit [Behringer 2007: 86 sqq.].

⁶ Simillima, sed aliquo minora data sunt in [Герасимов 1959: Глава XIV].

⁷ Iam ex Catulli XXVII nouimus, «seueriorum» esse uina cum aqua miscere.

Sed ut uinum naturale in solidam glaciem uertatur, frigus admodum longum tempus seruari necesse est. Nam uinum non est aliquid homogenum, ut physici dicere solent, sed ca. DC uaria componentia uariis uirtutibus praedita in se habet. Qua de causa in primis illa frigescunt, quae minimo gradu rigore afficiantur. Hac in uirtute illa ars uini firmandi constat, de qua postea narrabo. Hic autem refert, naturale uinum (nam mixta uina ueteres non seruasse arbitror) non in glaciem statim uerti solere, sed in aliquid pultis aut Martiae niuis simillimum, in quo glaciei crystalli liquidae spiritus solutioni insint. Talis massa testae formam minus potest seruare, at si atrocissimo frigore et diutissimo tempore uinum in solidum conuertatur, effusione facto uolumine ipsa testa multas in partes dirumpatur. Quod si quis lagoenam pretiosam in frigidatrice sua (ultimo in loculo) oblitus uel semel reliquerit, numquam memoria excutere potuerit.

Qua de re ecce quid habeamus: cum paene non dubitem, quin Xenophon uerum nobis locutus sit, maxime dubitandum esse censeo, quin Ouidius uina testarum formam seruantia omnino uidere potuerit. Viderit pisces (iam mortuos) in glacie insitos — et ipse uidi, et non pisces, sed etiam et felem quondam, — uiderit aquam uinaque rigida (cur non?), sed nullo modo uidere poterat uina, quae nuda stantes testarum formam^s seruarent et eo modo a uernaculis consumi solerent. Tunc enim praeter uina nonnullae quaestiones ad ipsos Histri populos referendae sunt. Num iis adeo talia uina placent, si frigora non ignorantes et eorum sustinendorum periti, tepidum in locum uina non inferunt? Num adeo diuites liberalesque sunt, ut pro nihilo testas habeant, quae aut uinis solidis factis confringi, aut ab ipsis diffindi debeant?

Et nunc, cum difficultates grauissimas nacti simus, alteram solutionem quaeramus. Hic mihi duae potestates esse uidentur. Aut nobis cogitandum est, haec omnia Nasonis non ad rem referre, sed ad poesin: et talis opinionis per plurimi sunt uiri mulieresque doctae: et Claassen, quae exili stilum exarandum uidet, et Huskey, qui κατάβασιν suspicit, et alii.

At tamen ego, qui apud ipsum Suppopulinum, historicum nostrum praeclarum, aliquot annos peregi, etiam hic aliquid ueri uidere uelim. Et admodum inopinanter, cum ipse apud Thraces uina mea facerem artemque uinariam discerem, probabilem explanationem inueni.

Sunt apud uinarios nonnulli modi, quibus uina, non satis spiritus in se continentia, firmari possunt. Nam talia, ut ita dicam, imbecilla uina neque gustum dignum habent, neque diu seruari possunt: quam minimum 11% necesse est ut habeant, alioquin graue periculum est ut mox fiat acetum, et eo magis, quo minus sulphure uinum sit infectum. Sed ut uinum 11% (at quam melius 13–14%!) habeat, uuas per necessitatem non minus, quam 19% dulcedinis in se habere oportet; ad bona uina facienda non minus, quam 23–24% necessaria sunt⁹. Si racemi uuaeque bonae sunt,

⁸ Hic etiam noto *formam* uocabulum antiquiore tempore fabrorum terminum fuisse uideri (cf. Gr. θερμός, Sanscr. *gharman* 'calor', Sclau. жаръ). Sed aliter [Цымбурский 2008: 179 sqq.].

⁹ Dulcedo in spiritum quasi per «auream proportionem» redditur: ut una pars spiritus eueniat min.

ut illae, quas illo Opimio anno colligebant, immensa Deo gratia; at tamen quam saepe uua non satis dulcis est, quod eo potius euenit, quo propius Arcto crescit uinea.

Quam ob rem uinarii praecipuas tres excogitauerunt rationes, quibus spiritus quantitas amplificaretur.

Primum, quod simplicissimum est, ut spiritum addant. Haec ratio, quamquam saepissime inter uilissima uina in nostris tabernis occurrit, cum arte uinaria nihil affinitatis habeat: non est uinificium, sed ueneficium.

Alterum, quod magno in usu apud uinarios est, ut addant dulcedinis: aut ante zymosin in mustum, aut zymosi morante in uappam. Illud, aut saccharis (quod apud Gallos chaptalisation uocatur¹⁰), aut musto conseruato fieri solet, hoc apud dignos uinarios adustis racemis (ut in Hungariae Tokaji regione) aut aliis exquisitis modis fit. Antiqui etiam melle utebantur, sed hic illa est difficultas, quod melle addito uinum perspicuitatem suam omittit et non fit aptum merum.

Tertia ratio, antiquitus bene nota, est ut uinum frigore confirmetur¹¹. Vt supra dixi, uinum non statim fit frigore solidum. Si frigus non est nimis atrox¹², uinum in illam glacierum massam conuertitur, quas inter glacies liquor faciliter conseruatur. Et hoc uinum multo firmitus est, quam prius. Expulsis glaciebus ita, ut priorem quantitatem ad dimidium reducamus, in aliquot gradus etiam imbecillum uinum firmare possumus, ut et gustum in meliorem reddat, et “corpus”, ut uinarii dicunt, “densiorem” faciat.

Et quiddam eius generis arbitror Nasonem apud Thraces Getasue obseruasse, sed potius non obseruare, audire tantum. At tamen utrum non bene intellexerit, quid rationis esset, an omnia bene cognouerit, sed ita licentiae suae poeticae indulserit, ut carmen Xenophontis traditioni aptius fieret, prorsus incertus sum.

1.66 partes dulcium debentur. Sed ueritas, ut scimus, rationem mathematicam restringit; ea de causa quodam plura dulcia sunt necessaria.

¹⁰ Fusius scriptum uide: [Риборо-Гайон et al. 1980: 12 sqq.].

¹¹ Fusius scriptum uide: [Герасимов 1959: Глава XIV].

¹² Ca. -29°C etiam illa potio rigescit, quae apud nos *uodca* nuncupatur.

LIBRORVM INDEX

Fontes:

P. Ovidius Naso: Tristia. Vol. I. ed. G. Luck. Heidelberg, 1967.

P. Vergilius Maro. Georgica (P. Vergili Maronis Opera, ed. R.A.B. Mynors. Oxford: Clarendon Press, 1972)

Xenophontis opera omnia. Vol. III. Ed. E.C. Marchant. Oxford: Clarendon Press, 1904, Repr. 1961.

Opera citata:

Герасимов 1959 — *Герасимов, М. А.* Технология вина. М.: Типография Московской картонажной ф-ки, 1959.

Риберо-Гайон et alii 1980 — *Риберо-Гайон, Ж., Пейно, Э., Риберо-Гайон, П., Сюдро, П.* Теория и практика виноделия. Том 3. Способы производства вин. Превращения в винах. — М.: «Пищевая промышленность», 1980.

Подосинов 1984 — *Подосинов, А. В.* Овидий и Причерноморье: Опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1983. М.: Наука, 1984.

Цымбурский 2008 — *Цымбурский, В. Л.* Латинский трилистник // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2008. Т. 4. No 1. С. 169–220.

Behringer 2007 — *Behringer, W.* Kulturgeschichte des Klimas. München: C.H. Beck, 2007.

Huskey 2002 — *Huskey, S.J.* Ovid's Tristia I and III: an Intertextual katabasis. The University of Iowa, 2002.

Podossinov 1987 — *Podossinov, A.V.* Ovids Dichtung als Quelle für die Geschichte des Schwarzmeergebiets. Konstanz, 1987. 19). Konstanz, 1987.

Алексей Михайлович Белов,
д. филол. наук, доцент кафедры общего
и сравнительно-исторического языкознания;
ст. научный сотрудник ИЯз РАН
МГУ имени М.В. Ломоносова
e-mail: indogermanica@yandex.ru

ВНОВЬ О МАГИИ У ПЛИНИЯ СТАРШЕГО*

А.В. БЕЛОУСОВ

Резюме: Статья посвящена критической ревизии сведений о сущности, истории и содержании античной магии, которые Плиний Старший излагает в 28-й и 30-й книгах своей «Естественной истории», а также анализу ряда теоретических и источниковедческих подходов к этим сведениям, как-то сложились к настоящему моменту в современной науке. Общий пересмотр концепции магии у Плиния Старшего обусловлен, во-первых, тем, что наши знания о магии и ее теоретическом понимании у древних вероятно расширились за эти полвека, а с другой стороны, тем, что за последние десятилетия сильно изменился научный подход к «Естественной истории»: не переставая (как и для средневекового читателя) быть чудесным бабушкиным сундуком, из которого достают самые разные вещи для самых разных исследовательских целей, «*Naturalis historia*» стала интересна и сама по себе, как *opus sui generis*. Магия у Плиния Старшего рассматривается в статье, исходя в первую очередь из философских и идеологических предпосылок самой книги. Автор кратко излагает содержание сведений Плиния о магии и приходит к следующему выводу: все, что говорит Плиний о магии (к которой относится с нескрываемым презрением, см. его риторические выпады против магии в 28-й книге и в очерке истории магии в 30-й книге), упирается по сути в две прочные и взаимосвязанные идеи. Во-первых, это очевидное первенство и главенство Рима над всем «земным кругом», а во-вторых, идея *humanitas*, которая, подобно платоническому благу, эманурует из Рима на весь подвластный ему мир, вплоть до мест, где истинно человеческое фактически отсутствует.

Ключевые слова: Плиний Старший, римская религия, греческая религия, античная магия, иатромагия, история магии, *humanitas*.

Нет нужды говорить, что *Naturalis historia* Плиния Старшего является одним из важнейших наших источников античной магии. Так или иначе мимо Плиния не удастся пройти ни историку собственно античной магии, ни исследователю средневековых западных и, не в последнюю очередь, даже славянских магических практик. И правда, в «Естественной истории» мы обретаем великое разнообразие магических рецептов, которым можно найти параллели в истории почти любой культуры. Тем не менее, несмотря на то, что Плинием пользуются все, оказывается, что, в итоге, им имен-

* Эта статья представляет собой доработанную версию доклада, представленного на международной конференции «Плиний старший и его время» в сентябре 2018 г. (РАНХиГС, Москва).

но что *пользуются*, как бы забывая о том, что *Naturalis historia* — это все-таки не «энциклопедия» в нашем смысле этого слова, а вполне себе авторское сочинение, написанное человеком по имени Гай Плиний Секунд в определенное время, в соответствии с избранной этим человеком техникой и стратегией письма и повествования, заданное конкретными и ясными для автора коммуникативными целями и представленное конкретным читателям.

Я не случайно назвал свое сообщение «Вновь о магии у Плиния Старшего». С одной стороны, я хотел бы отдать дань памяти великому французскому филологу и издателю «магических» книг Плиния Альфреду Эрну, чья статья *La magie chez Plin l'Ancien* вышла пятьдесят пять лет назад, в 1964 году, в *Festschrift'e*, посвященном Жану Байе, и которая до сих пор является единственной работой, в которой сделана попытка суммарно и концептуально изложить содержание представлений Плиния Старшего о магии. С другой стороны, я дерзаю этим названием на уточнение и определенное преодоление воззрений А. Эрну на Плиниеву магию. Общий пересмотр наших понятий концепции магии у Плиния Старшего вызван, во-первых, тем, что наши знания о магии и ее теоретическом понимании у древних невероятно расширились за эти полвека, а, с другой стороны, тем, что в последние несколько десятилетий сильно изменился научный подход к «Естественной истории»: не переставая быть, как и для средневекового читателя, чудным бабушкиным сундуком (cf. Bodson 1997: 327: *on lit peu Plin l'Ancien pour lui-même*), из которого достают самые разные вещи для самых разных исследовательских целей, *Naturalis historia* стала интересна и сама по себе, как *opus sui generis* (Naas 2002; Doody 2010. etc.). Исходя из этих предпосылок, я предпринял и собственное рассмотрение магии у Плиния Старшего, которое сейчас хотел бы вам представить, стараясь сохранить в этом словосочетании достойное равновесие между «магией» и «Плинием».

Итак, позвольте, прежде всего, напомнить вам, что именно говорит Плиний Старший о магии в «Естественной истории». С самого начала следует отметить, что сведения о магии и магах рассеяны по всей «Естественной истории», но центральными, в которых Плиний предлагает, с одной стороны, теорию магии, а с другой — ее историю, являются книги 28 и 30. Наиболее важной всегда представлялись сведения, относящиеся к истории магии, содержащиеся в 30-й книге (*NH* 30.1–7). Автор сразу же называет магию *magicas uanitates* (магическим пустословием), тем самым сразу задавая тон своему рассказу. В 37-й книге (*NH* 37.14.1) он говорит о магии в близких выражениях: *magorum infandam uanitatem*. Того же, кто прибегает к магическим средствам лечения, Плиний считает *obscenus et nefandus* (безнравственным и нечестивым) (*NH* 28.2.9). Стоит заметить, что история магии прочно связывается Плинием с теорией магии и выстраивается следующим образом:

- I — *De origine magices* (Об истоке магии);
- II — *Quando et a quo coeperit. A quibus colebrata sit* (Когда и от кого она берет начало? Кто ее распространил?);
- III — *An exercuerit eam Italia. Quando primum senatus uetuerit hominem immolari* (Практиковала ли ее Италия? Когда впервые сенат запретил человеческое жертвоприношение?);
- IV — *De Galliarum druidis* (О галльских друидах);
- V — *De generibus magices* (О видах магии);
- VI — *Magorum perfugia* (Увёртки магов);
- VII — *Opinio Magorum de talpis* (Мнение магов о кротах).

Как можно заметить из этого содержания начала 30-й книги, составленного, вероятнее всего, самим Плинием, перед нами историческое изложение, в центр которого поставлена, как почти всегда у Плиния, Италия, но которое (что видно уже по самому содержанию!) определенным (тенденциозным) образом окрашено негативной оценкой магии. Как всегда у Плиния, само изложение гораздо богаче сухого, но тенденциозного индекса. Плиний говорит, что магия — самое обманчивое из всех искусств (*fraudentissima artium*) — процветало и процветает во всей ойкумене во все времена (*plurimum in toto terrarum orbe plurimisque saeculis ualuit*). И причиной такого процветания (*auctoritas maxima!*) является то, что магия вобрала в себя самые могущественные в глазах человека *artes* (*imperiiosissimas humanae mentis complexa in unam se redegit*), а именно: медицину, *uires religionis* (что бы это не значило) и астрологию (*artes mathematicas*). Скрепленная такой тройственной связью (*triplici uinculo*), магия продолжает свое существование и во времена Плиния, а на Востоке даже повелевает царями царей (*ut hodieque etiam in magna parte gentium praeualeat et in Oriente regum regibus imperet*).

Собственно, история магии следует здесь за теорией, согласно которой магия есть сумма трёх вещей: астрологии, *religio* и медицины, последняя из которых и будет занимать Плиния далее и о которой он говорит, что эта «магическая» медицина притворяется (*inrepsisse!*) высочайшей и священнейшей (*altior sanctorumque medicina*). Этот последний момент будет очень важен для моего изложения. Итак, по словам Плиния со ссылкой на *auctores*, история магии берет свое начало в Персии от Зороастра (*in Perside a Zoroastre*), о котором, он, впрочем, замечает, что не ясно, был ли Зороастр один, или же был еще какой-то второй Зороастр. Здесь Плиний ссылается на Евдокса Книдского, который утверждает, если опять же верить нашему Плиниеву тексту, что этот самый Зороастр жил за шесть тысяч лет до смерти Платона и сведения эти якобы подтверждает Аристотель. С другой стороны, Гермипп Смирнский, который *de tota ea arte diligentissime scripsit*, утверждает, что, мол, сам Зороастр научился магии от некоего Азонака, который жил за пять тысячелетий до Троянской войны. Эта информация Плиния удивляет, в первую очередь, потому, что от

тех времен (Азонака) не сохранилось никаких магических сочинений, из чего становится ясно, что для Плиния магия его времени уже четко и неразрывно связана с книгой и книжностью. Далее, он называет имена известных магов, сочинений которых не сохранилось до его времени: Апусора, Зарата, вавилонян Мармара и Арабантифока, а также ассирийца Таврмоенду. Удивление Плиния также вызывает тот факт, что о магии нет никаких упоминаний у Гомера, если только, по его словам, не считать таковыми рассказ Гомера о Протее, пении Сирен, о Цирцее и призывании мертвых (*inferum euocatione*). Плиний также не находит в своих источниках сведений о том, как магия появилась в карийском Тельмесе, который он называет *religiosissima urbs* (судейнейшим городом); когда магия возникла и у фессалийских матушек (*Thessalae matres*), которые, по словам Плиния (и целого ряда других античных авторов) преимущественно ассоциировались с магией, хотя, опять же по словам Плиния, фессалийцы, народ изначально совершенно чуждый магическим занятиям, «по-крайней мере, в троянские времена пользовался лекарствами Хирона, а молнии у них метал один лишь Арес (*Troianis utique temporibus Chironis medicinis contenta et solo Marte fulminante*). Плиний удивляется тому, что народ Ахилла приобрел такую прочную колдовскую репутацию, так что даже Менаандр, поэт с несравненным литературным вкусом (*litterarum subtilitati sine aemulo genitus*) написал комедию «Фессалиянка», в которой рассказывается о магических ритуалах привлечения Луны к Земле (*fabulam complexam ambages feminarum detrahentium lunam*). Далее Плиний замечает, что он с охотой признал бы, что Орфей принес магию во Фракию, если бы вся Фракия и до Орфея не считалась родным ее домом (*expers sedes eius tota Thrace magices fuisset*). Здесь Плиний оканчивает дописьменную историю магии и переходит к авторам и книгам.

Первым, кто написал о магии, был, по сведениям Плиния (*ut equidem inuenio*), Остан, который сопровождал персидского царя Ксеркса в его походе на греков и по пути посеял семена этого «отрагительного искусства» (*semina artis portentosae*). По ходу Плиний замечает, что некие *diligentiores* авторы помещают перед Останом какого-то второго Зороастра из Проконнеса, но, по мнению нашего писателя, совершенно точно, что именно Остан привил грекам не только жадный вкус, а прямо-таки бешенную страсть к магии (*quod certum est, hic maxime Ostanes ad rabiem, non auiditatem modo scientiae eius, Graecorum populos egit*). Плиний далее перечисляет имена греческих философов, которые, по его сведениям, прославились магическими интересами и магическими сочинениями: Пифагора, Эмпедокла, Демокрита и даже Платона, каковые, по его словам, предпринимали целые путешествия, которые Плинию скорее кажутся «изгнаниями», с целью узнать это искусство получше, дабы затем учить ему своих соотечественников под видом настоящего таинства (*ad hanc discendam nauigauere exiliis uerius quam peregrinationibus susceptis, hanc reuersi praedicauere, hanc in arcanis habuere*). Особенной страстью к магии,

в глазах Плиния, отличался Демокрит, который якобы влез за сочинениями Дардана Финикийского прямо в его могилу.

Здесь следует заметить, что одним из основных источников Плиния по магии было сочинение Бола Мендесского *Χειρόκριτα*, в котором от имени Демокрита излагалась теория вселенской симпатии и антипатии, а также магические рецепты (*ex. gr.*: Wellman 1928; Dickie 1999; Gaillard-Seux 2004, 2014). Плиний абсолютно уверен, вероятно, под влиянием Нигидия Фигула и Анаксилая Ларисского, что эта книга действительно принадлежала перу Демокрита, поэтому он даже утверждает, что некоторые отказывают Демокриту в авторстве магических книг, «но напрасно, ведь хорошо известно, — говорит Плиний, — что именно он привил людским душам вкус к ее (магии) прелести» (*sed frustra: hunc enim maxime adfixisse animis eam dulcedinem constat*).

Плиний отмечает с его точки зрения удивительный факт, что оба искусства (магии и медицины), первое под водительством Демокрита, а второе — Гиппократом, расцвели в одно и то же время: во время Пелопоннесской войны. Здесь Плиний останавливается и сообщает, что есть и другая, иудейская ветвь магии (*alia magices factio*), родоначальниками которой являются Моисей, Ианний и Иотап и которая появилась много тысяч лет после Зороастра. И еще здесь он добавляет, что немалая часть популярности магии обязана походам Александра Великого, которого сопровождал некий второй Остан и который обошел вместе с Александром всю землю (*planeque, quod nemo dubitet, orbem terrarum peragravit*).

Описав историю магии вне Рима, Плиний, наконец, обращается к римлянам и говорит, что следы магии заметны и среди италийцев. Так, например, он ссылается на законы XII Таблиц, о магическом содержании которых уже говорил ранее в 28-й книге. Не входя в иные подробности истории магии в Италии, он сразу же отмечает, что в 657 г. от осн. гор. (94 г. до н. э.), в консульство Гн. Корнелия Лентула и Публия Лициния Красса, было здесь запрещено человеческое жертвоприношение, что, по мнению нашего автора, является доказательством существования магии в Риме. Несмотря на то, что эта глава очень короткая и занимает в издании А. Эрну всего лишь семь строк, она является одной из важнейших для понимания как Плиниевой концепции магии, так и сочинения Плиния в целом. Поэтому связь между магией и человеческим жертвоприношением следует удерживать в памяти.

Далее Плиний переходит к Галлиям, на чьих территориях магия, по его словам, практиковалась друидами, которых извел император Тиберий «на нашей памяти» (*ad nostram memoriam*), и к Британии, которая столь страстно охвачена магией, что можно подумать, говорит Плиний, будто это Британия научила Персию магии, а не наоборот (*Britannia hodieque eam attonita celebrat tantis caerimoniis ut dedisse Persis uideri possit*). Весь мир, далее утверждает Плиний, несмотря на внутренние несогласия между народами, признает, что именно Риму он обязан тем, что тот уничтожил чудовищные обряды, в которых выс-

шим благочестием считалось приносить человека в жертву, а есть его — еще и в высшей степени полезным для здоровья (*adeo ista toto mundo consensere, quamquam discordi et sibi ignoto, nec satis aestimari potest quantum Romanis debeatur qui susutulere monstra in quibus hominem occidere religiosissimum erat, mandi uero etiam saluberrimum*). Обратите, пожалуйста, внимание на человеческое жертвоприношение и поедание человеческой плоти и роль Рима в их искоренении!

Здесь заканчивается общая история магии, и Плиний переходит к ее видам (*species*), которых, со ссылкой на Остана, очень много (*plures*). Но речь здесь, скорее, идет о разнообразии используемых магами веществ и предметов. Так, маги пользуются «сферами, воздухом, звездами, светильниками, тазами, топорами и многим другим для дивинации». Далее, магия практикует «беседы с тенями мертвых» (*umbrarum inferorumque colloquia*). И тут, если вспомнить постоянную антинероновскую тенденцию в «Естественной истории», Плиний неслучайно обращается к примеру Нерона, который прибегал ко всем перечисленным магическим средствам (*quae omnia aetate nostra princeps Nero uana falsaque comperit*) и о котором Плиний говорит, что «никто и никогда не благоволил более него ни одному из искусств» (*nemo umquam ulli artium ualidius fuit*). Нерон для Плиния является прекрасным примером этой ложной науки (*immensum, indubitatum exemplum falsae artis*), хотя бы потому, что он, в итоге, оставил занятия ею. «Уж лучше бы он продолжал советоваться с мертвецами и богами относительно своих подозрений, нежели вверял свои расследования борделям и проституткам! — замечает Плиний. — Ведь нет ни одного священнодействия, варварского и дикого обряда, которые не были бы мягче его помышлений!» «Ведь, — говорит наш автор, — Нерон, благодаря своей необузданной жестокости, переполнил Рим тенями мертвецов»... Маги, оправдываясь в том, что Нерону так и не удалось, несмотря на все свои старания, достичь успеха в этом ремесле, говорят, по Плинию, будто их «боги не слушают и даже не замечают людей с веснушками» (*lentiginem habentibus non obsequi numina aut cerni*). Однако, продолжает Плиний, у Нерона не было телесных недостатков, отсутствие которых дополнялось его свободой выбирать для магических ритуалов любой день и любой скот, а совершать человеческие жертвоприношения было для него вообще самым приятным занятием (*homines immolare etiam gratissimum*). Нерона посвятил в магические таинства армянский царь Тиридат, который пришел в Рим для того, чтобы Нерон справил свой армянский триумф, приведя с собою и магов¹.

Наконец, Плиний, переходя к личному свидетельству, делает вывод, что магия отвратительна (*intestabilis*), тщетна (*inrita*) и бесполезна (*inanis*), в ней есть только «некие тени истины» (*quasdam umbras ueritatis*), да и то только в том, что касается отравительства, а не чародейства (*in his ueneficas artes pollere, non*

¹ Об этом см. Méthy 2000.

magicas). «Возможно, кто-нибудь спросит, — говорит Плиний, — в чем же сошлись древние маги, хотя мы сами в юношескую пору видели, как грамматик Апион учил, что трава “кинокефалия”, которую в Египте называют “осирит”, является травой божественной и пригодной против всякого отравления, но если ее вырывают из земли всю целиком, сделавший это мгновенно умирает; и этот вот Апион говорил, что вызывал тень Гомера, чтобы спросить его, в какой стране он родился и кто его родители, но все же не осмелился сообщить, что эта тень ему ответила» (*NH* 30.6.18). Переходя к собственно магическому использованию животных, Плиний отмечает, что особенной бессмысленностью (*peculiare uanitatis argumentum*) отличаются воззрения магов относительно кротов, которые, по их мнению, являются самыми подходящими для их деятельности (в данном случае имеются в виду дивинация и иатромагия) животными (*nullum religionum capacius animal*).

Таково вкратце начало 30-й книги «Естественной истории», в котором излагается история магии, теория Плиния о трех ее составляющих, связь магии с человеческим жертвоприношением и приводится в пример тщеты магических надежд император Нерон, который ничего в магии не добился, а лишь явил образчик жестокого убийцы с оккультными, и противоречащими истинно римским воззрениям и законам, интересами. Далее в 30-й книге следует список иатромагических рецептов по принципу *a capite ad calcem*². Но к этим сведениям тесно примыкает информация о магии, которую Плиний приводит чуть раньше, в 28-й книге, в связи с вопросами о медицинских свойствах человеческого тела и эффективности человеческого слова в религиозной (и медицинской) практике.

Обратите внимание, что Плиний переходит к атаке на магию и магов сразу, как подходит к разделу *Ex homine remedia* (Лекарственные средства из [тела] человека). Оправдываясь за не особо аппетитные подробности таких «препаратов», Плиний иными словами говорит то, о чем он сообщает будущему императору Титу в предпосланной «Естественной истории» эпистуле, в которой он пишет: «Я лично полагаю, что преимущественное значение среди научных сочинений занимают те, которые, пренебрегая трудностями, поставили перед удовольствием нравиться желание принести содейственную пользу» (*Equidem ita sentio, peculiarem in studiis causam eorum esse qui difficultatibus victis utilitatem iuvandi praetulerunt gratiae placendi*). Здесь же Плиний говорит: «Так что же? Мы расскажем о травах и видах цветов, о многочисленных и труднодоступных редкостях, и в то же время обойдем молчанием то, что в самом человеке может оказаться полезным человеку, и о прочих, живущих среди нас, видах лекарств, особенно тогда, когда лишь для человека лишено боли и болезней сама жизнь не становится наказанием? Ни в коем случае! Мы приложим

² Об иатромагических рецептах у Плиния см. Önnertfors 1985; 1993; Stannard 1987; Gaillard-Seux 2004; Méthy 2015.

все свое старание к обратному, пусть нашему изложению и будет грозить опасность вызвать отвращение, ведь мы с самого начала решили угождать более жизненной пользе, нежели приятности» (*Quid ergo? Dixerimus herbas et florum imagines ac pleraque inuentu rara ac difficilia, idem tacebimus quid in ipso homine prosit homini ceteraque genere remediorum inter nos uiuentia, cum praesertim nisi carenti doloribus morbisque uita ipsa poena fiat? Minime uero, omnemque insumemus operam, licet fastidii periculum urgeat, quando ita decretum est minorem gratiae quam utilitatum uitae respectum habere*). Именно поэтому Плиний не упускает из своего сочинения рассказа о «внешних и варварских обрядах» (*externa quoque et barbari ritus*), к которым он в первую очередь относит вкушение человеческой крови, приводя в пример эпилептиков, которые с бешенством бросаются пить хлещущую кровь только что сраженного на арене гладиатора. К этому он добавляет, что некоторые авторы рекомендуют в качестве лекарственного средства костный мозг человека и мозги новорожденных младенцев, замечая, что многие греки рассуждают в своих книгах о вкусе человеческих внутренностей и частей тела. Здесь его рассказ приобретает патетический риторический тон, когда он говорит, что эти авторы подробно расписывают лекарственные свойства каждой частички человеческого тела вплоть до ногтей так, что «может показаться, будто превращение человека в животное и есть выздоровление, а то, что достойно названия болезни, числится у них в ранге настоящей медицины» (*quasi uero sanitas uideri possit feram ex homine fieri morboque dignum in ipsa medicina*). «Разглядывать человеческие внутренности считается нечестивым, а что насчет того, чтобы их есть? Кто придумал эту дрянь, Остан? Ты, ниспровергатель человеческих законов и изобретатель чудовищ, есть тот, кто первый это заложил, я полагаю, дабы никто о тебе не забыл? Кто придумал есть части человеческого тела? Какая догадка его к этому побудила? Какой исток могло иметь такое мерзкое врачевание? Кто сделал яды более безвредными, чем лекарства? Допустим, все это изобрели варварские и внешние обряды, но разве греки не сделали эти обряды своими?» (*aspici humana exta nefas habetur: quid mandi? Quis ista inuenit, Ostane? Tecum enim res erit, euersor iuris humani monstrorumque artifex, qui primus ea condidisti, credo, ne <tui> uita obliuisceretur. Quis inuenit singula membra humana mandere? qua coniectura inductus? quam potest medicina ista originem habuisse? quis ueneficia innocentiora fecit quam remedia? Esto, barbari externique ritus inuenerant: etiamne Graeci suas fecere has artes*). Далее, почти как в 30-й книге, Плиний опять обращается к Демокриту как к чуть ли не главному греческому колдуну, ибо это ведь он, по Плинию, уверял, что при одном недуге якобы помогают кости черепа преступника, а при другом — друга или гостя. Некто Аполлоний (вероятно, имеется в виду Аполлоний из Питаны) пишет, что очень эффективным средством при боли в деснах является скарификация их с помощью зуба убитого человека. Некто Мелет рассуждает о пользе человеческой желчи, Артемон — о черепе невинно убитого и сожженного человека, а напитки, подаваемые в че-

репе повешенного помогают, по Антею, при укусе бешеной собаки. Наконец, человеческое тело используется даже и в ветеринарной иатромагии.

Тут Плиний опять срывается в исполненную пафоса риторику и восклицает: «Прочь от нас и нашей науки вся эта мерзость!» (*procul a nobis nostrisque litteris absint ista!*), а в заключение изложения этих лекарственных средств добавляет: «Мы не считаем, что нужно так сильно стремиться сохранить жизнь, чтобы не обращать внимания на то, в какую цену встает ее продление. Кто бы и каков бы ты ни был, ты все равно умрешь, даже и в том случае, если прожил свою жизнь безобразно и нечестиво. И потому всякий пусть да имеет в своем распоряжении, в первую очередь, следующее лекарство для своей души: из всех благ, которые уделила природа человеку, нет ничего лучше своевременной смерти, а самое лучшее в этом то, что наша смерть находится во власти каждого из нас» (*uitam quidem non adeo expetendam censemus, ut quoquo modo trahenda sit. quisquis es, talis aequae moriere, etiam quom obscenus uixeris aut nefandus. quapropter hoc primum quisque in remediis animi habeat, ex omnibus bonis quae homini tribuit natura nullum melius esse tempestiua morte, idque in ea optimum, quod illam sibi quisque praestare possit*).

Вынеся свой приговор магии, Плиний далее задается фактически философским вопросом, который, тем не менее тесно связан с нашей темой. Первое лекарство, с которого он начинает перечисление целебных средств, имеющих исток в самом человеке, это слово. И вопрос Плиния заключается в том, имеют ли какую-нибудь силу слова и магические заклинания (*ex homine remediorum primum maximae quaestionis et semper incertae est, polleantne aliquid uerba et incantamenta carminum*). Здесь он отмечает, что, хотя философы в такую силу и не верят, вера в магическую (и религиозную) силу слов распространена повсеместно и всечасно, пусть даже и бессознательно (*sed uiritim sapientissimi cuiusque respuit fides, in uniuersum uero omnibus horis credit uita nec sentit*). В развитие этой темы Плиний говорит, что без произнесения слов нельзя совершить жертвоприношение и правильно спросить совета у богов (*quippe uictimas caedi sine precatione non uidetur referre aut deos rite consuli*). Далее следует Плиниева классификация молитв: молитвы о благих предзнаменованиях (*precationes inpetritae*), апотропеические молитвы (*depulsoriae*) и препоручающие (*commendatoriae*) (см.: Köves-Zulauf 1972; Guittard 1987 etc.). Плиний явно считает, что эти *precationes* существуют одновременно и в одобряемой им религии и в магии, в которой они, следуя его терминологии, становятся *incantamenta, carmina* или *incantamenta carminum*. Наш автор приводит интересные и важные для моего дальнейшего изложения примеры из римской практики.

Так, он говорит о молитвенных формулах, которые в четком порядке, ничего не пропуская, должны произноситься в официальных религиозных обрядах высшие магистраты; приводит в качестве примера *precationis inpetritae* молитву Деция (cf. *Liv.* 8.9.6–8), а в качестве примера *precationis depulsoriae* —

молитву весталки Тукции (cf. *Val. Max.* 8.1.5). Вероятно, в качестве примера *precationis commendatoriae* он приводит, как это ни странно в виду вышеизложенного, ритуальное жертвоприношение на Бычьем рынке мужчины и женщины-греков (cf. *Liv.* 22.57.7)³. Здесь интересно отметить, что это человеческое жертвоприношение, осуществленное в рамках официальной римской религиозности, нисколько Плинием не порицается и даже не объявляется им «магией». Здесь, по его мнению, все нормально. Не осуждается и не объявляется им «магией» и тот факт, что весталки удерживают беглых рабов с помощью особой *precatio (nondum egressa urbe mancipia)*. Вера в силу молитвенного слова подтверждается Плинием у древних (*prisci quidem nostri perpetuo talia credidere*).

Я сейчас пропускаю замечания Плиния об оракулах и о том, что они могут по-разному интерпретироваться в зависимости от человеческой воли (*haec satis sint exemplis ut appareat ostentorum uires et in nostra potestate esse ac, prout quaeque accepta sint, ita ualere*), а перейду к магии. Плиний здесь ссылается на два хорошо известных закона из XII таблиц: *Qui fruges excantassit, et alibi: Qui malum carmen incantassit*. Речь, как мы можем заметить, идет о *mala carmina*, которые Плинием считаются «магией», когда речь идет о частной инициативе, а не об официальном римском культе. Так, молитвенное заклинание вражеских богов и призыв перейти на римскую сторону, оставив своих прежних почитателей, чем-то нехорошим Плиний уже не считает. Но почти сразу после этого он замечает: «Все ужасно боятся быть обездвиженными заклятиями» (*defigi quidem diris precatationibus nemo non metuit*). Далее Плиний также говорит о любовных заклинаниях (*incantamenta amatoria*), о заклинании змей и племени марсов, о заклинаниях на стенах дома против пожара, и, наконец, о молитвах с непонятными словами (*externa uerba atque ineffabilia*), к которым он относится скорее со смехом. Наконец, он приводит примеры магических заклинаний у Катона и Варрона, после чего переходит к магическим жестам, а после этого перечисляет лечебные рецепты, основой которых служит человеческое тело (например, слюна, ушная сера и т. д.).

Таким образом, из обилия сведений, которые приводит Плиний в этой части, можно вывести ряд важных для его понимания магии заключений. *Во-первых*, магия, поскольку она видит в человеке средство и, тем самым, спокойно относится к его умерщвлению и употреблению в своей практике частей тела мертвеца, есть занятие мерзкое. *Во-вторых*, магия активно пользуется теми же речевыми практиками, что и официальный римский культ, но поскольку она — вещь частная и оккультная, она есть деятельность антиобщественная. *В-третьих*, магические заклинания, оторванные от официально- и гражданского культа, применяются весьма разнообразными способами:

³ К такого рода *precationes commendatoriae* очевидно можно отнести также и *defixionum tabellae* (см., например: Guittard 1987: 480).

dirae deprecationes, incantamenta amatoria, incantamenta agraria, incantamenta contra incendia etc.

Попытки согласовать теоретические размышления о магии в 30-й и 28-й книгах с тем, что следует после них в составе самих рецептов, которые Плиний старательно и систематично описывает, а также в содержании разбросанных по его сочинению магических формул, число которых доходит до двадцати семи и большинство из которых Плиний черпает из своих греческих источников (Gaillard-Seux 2014), приводят к чувству недоумения и растерянности. С одной стороны, перед нами яркие риторические заявления с обращениями к самому Остану, исторический очерк магии, а с другой — небезынтересные, но, тем не менее, гораздо менее зажигательные перечни медицинских рецептов, материалом которых является человек и животный мир.

Прежде исследователи магии у Плиния выбирали одну из двух дорог в интерпретации его сведений о магии: одни сосредотачивались на отдельном описании и контекстуализации Плиниевых сведений на фоне данных литературной традиции и в рамках исторических реалий I в. до н. э. — I в. н. э., при этом забывая о самом авторе этих сведений (Garosi, Le Glay, Graf), в то время как другие (Ernout) старались, скорее, найти подходящий для Плиния философский «ярлык». Так, например, Альфред Эрну, подчеркивая тот факт, что Плиний говорит о теории вселенской симпатии и антипатии (*concordia* и *discordia*)⁴, спешит истолковать это представление как влияние философии стоиков, что, на самом деле, мало что объясняет, так как мы знаем, что здесь Плиний, который не верит до конца и в астрологию (ex. gr.: *NH* 7.162: *primum ergo ipsius artis incontantia declarat quam incerta res est*; cf. Ector 1985; Le Boeffle 1987) и относится со скепсисом к суеверию (*superstitio, religio*), всего лишь подхватывает одну из базовых идей своего источника: Бола из Мендеса (III в. до н. э.), чье сочинение, вероятно, называлось *Περὶ φυσικῶν συμπλαθειῶν καὶ ἀντιπλαθειῶν* (*Geoponica* 15.1.25; см.: Gaillard-Seux 2004; 2014). Кроме того, эта идея в магии времени Плиния стала абсолютно общим местом и, можно сказать, уже никакого непосредственного отношения к стоикам не имела. Таким образом, называть здесь Плиния Старшего стоиком совершенно не имеет смысла, так как это не делает дискурсивную карту его повествования более понятной. С другой стороны, подробный анализ того, что именно Плиний здесь рассказывает, безусловно расширяет наши представления об античной магии вообще, но при таком анализе «Естественная история» Плиния продолжает оставаться тем же, чем она была большую часть времени для европейского Средневековья и Нового времени, а именно всего лишь «свалкой» разнообразной информации. В обоих случаях Плиний и его «Естественная история» остаются по ту сторону извлекаемых из них сведений, которые и становятся объектом

⁴ *NH* 20.1; 20.28; 24.1; 28.84; 28.147; 31.1; 37.59. Boulin 1996; Conte 1991; Capitani 1972; French 1994: 246–248.

изучения. Но возможно ли адекватно оценить информацию Плиния, в данном случае относительно магии, если пренебречь вопросом, почему Плиний говорит о магии именно то и именно так, как он говорит?

Если мы хотим понять, почему Плиний пишет о магии то именно что он пишет, необходимо все время держать на острие нашего интереса, *во-первых*, то, как устроено его сочинение, *во-вторых*, то, для кого оно написано, и, *в-третьих*, какие, если угодно, идеологические тенденции тотально, красной нитью проходят сквозь ткань всего Плиниева труда.

Позвольте напомнить вам, что проект Плиния состоит в описании *rerum natura, hoc est uita* (*praef.* 13). Эту «жизнь» описывает высокое должностное лицо Римской державы — Гай Плиний Секунд, родившийся в 23 или 24 году, который начал свою карьеру в войсках на Рейне, где дослужился до командующего кавалерийской алы. В 59-м году его карьера надолго прерывается, и он, кажется, не служит вплоть до конца правления Нерона, предаваясь литературным трудам. С восхождением Веспасиана Плиний возвращается на службу и служит вместе с сыном Веспасиана Титом, с которым его затем связывает товарищеская дружба, в Германии. Он исполняет четыре прокуратуры в промежутке между 70 и 76 годами в Нарбонской Галии, в Африке, в Испании и в Бельгике, где командует двумя рейнскими армиями. Наконец, смерть от извержения Везувия настигает его исполняющим обязанности командующего Мизенским флотом 24 августа 79 года. «Естественную историю», над которой он, видимо, трудился достаточно долго, начав ее составление в пятидесятых годах, Плиний публикует в 77 году с посвящением сыну Веспасиана, будущему императору Титу. В предпосланной сочинению эпистуле для Тита Плиний, после пышных похвал будущему императору, рассказывает об основных мотивах, побудивших его к написанию этого труда, и принципах, в соответствии с которыми «Естественная история» составлена.

Я не имею намерения пересказывать и без того хорошо известное вам послание Плиния Титу. Я лишь хочу обратить ваше внимание, *во-первых*, на то, что хотя Плиний говорит: «Когда я взялся за этот труд, твоего имени еще не было в этом списке. Я знал, что ты пребываешь слишком высоко для того, чтобы я мог надеяться, что ты снизойдешь до моего труда» (*praef.* 6), — он на протяжении всего своего труда в тридцати семи книгах имеет в виду такого читателя, как Тит. И, *во-вторых*, на то, что в этом предисловии уже содержится антинероновская риторика, о которой уже писали исследователи (*ex. gr.* Naas 2002: 88–89) и которая пронизывает «Естественную историю». Плиний был не просто бессистемным любителем «двадцати тысяч фактов», он был уже опытным и аккуратным писателем, которому удалось придать этим «фактам» четкую структуру, придав переходам с одной темы на другую, с помощью введений и заключений к соответствующим книгам, нужное ему звучание и тем самым превратив «Естественную историю» в хорошо гармонизированное сочинение с четко различимыми темами морального характера.

Одним из важнейших элементов поэтики «Естественной истории» являются Введения и Заключение к конкретным книгам, которые не только помогают автору соблюсти баланс целого произведения и создать ощущение плавности и логичности переходов от одних тем к другим, следуя общему направлению Плиниева описания жизни — космология-география-антропология-зоология-ботаника-медицина-минералогия, — но и включают постоянные отсылки к ансамблю моральных стратегий, содержащихся в послании к Титу. Важную особенность в этих переходных элементах Плиниева текста обнаружила Валери Наас, которая после детального исследования их содержания пришла к выводу, что риторические отступления во Введениях и Заключениях особенно плотно сконцентрированы в последней части его труда, а именно с 27 по 37 книгу (Naas 2002: 224). Она отмечает, что «их концентрация в этом месте может свидетельствовать об усиливающемся желании Плиния повторить свои убеждения и защитить свое предприятие» (*leurs concentration à cette place pourrait témoigner de la volonté croissante de Pline de répéter ses convictions et de défendre son entreprise*). Схожий феномен, к слову говоря, обнаруживают и в «Воспитании оратора» Квинтилиана (*ex. gr. Janson 1964: 57*).

Какие же основные моральные и идеологические «скрепы» настойчиво использует в своем повествовании Плиний, чтобы придать своему сочинению, и не в последнюю очередь дискурсу о магии, именно ту форму, которое оно приняло? «Естественная история» представляет собой описание природы (*natura*), которая есть жизнь (*uita*), и которая при этом неразрывно связана с человеком и ориентирована на человека. Она, будучи *parens melior* (NH 2.154–157; 7.1; 22.1; 24.1), а подчас и *tristior nouerca* (NH 2.236; 7.1), вся целиком существует для того, чтобы человек благодарно пользовался ее дарами (cf. Sallmann 1987; Naas 2002: 225). При этом описание природы дается Плинием как бы с высоты полета птицы, которая делает над *orbis terrarum* все более сужающиеся круги, приземляясь, наконец, в Риме (NH 37.201), который при этом всегда находился в ее поле зрения. Плиний стремится описать «природу» с высоты римского могущества и с помощью традиционной римской *grauitas* (cf. NH 23.32: *nos ista Romana grauitate artiumque liberalium adpetentia non ut medici, sed ut indices salutis humanae diligenter distinguamus*). И, наконец, именно Рим и вообще Италия, по Плинию, есть *rectrix parensque mundi altera* (NH 37.201), которая, к тому же, есть «страна-кормилица всех (остальных) стран, и она же мать, избранная волей богов» (NH 3.39: *terra omnium terrarum alumna eadem et parens, numine deum electa*). Плиний замечает, что боги сделали Рим «как бы вторым светочем для человеческого рода» (NH 27.3: *adeo Romanos uelut alteram lucem dedisse rebus humanis uidentur*). И отсюда проистекает для Плиния постоянная необходимость соизмерять практически все, о чем он говорит, с Римом, его обычаями и его историей⁵.

⁵ Cf. Naas 2002: 251: «Il ne s'agit pas seulement pour lui de rapporter l'inconnu au connu, mais de le situer par rapport à Rome».

Соответственно этой исходной и конечной точке Плиниева дискурса автором устанавливается и иерархия источников, представленных им в предположенном «Естественной истории» индексе, где эти источники строго ранжируются как «авторитетные» (*auctores*), главным образом римские, и «внешние» (*externi*), главным образом греческие (cf. Naas 2002: 183–184). Тем самым даже здесь Плиний подчеркивает римское преимущество во всем. О том, например, что греки легковерны и лживы, Плиний никогда не забывает сказать (ex. gr. *NH* 2.248: *exemplum uanitatis Graecae maximum*; *NH* 8.82: *mirum est quo procedat Graeca credulitas*). Тем не менее, Плиний широко пользуется этими «внешними» источниками, но всегда со своей «римской» дистанции (cf. Serbat 1973).

Обратившись назад, к рассказу Плиния и магии, мы можем отметить, что магия для него — это чужое двойного порядка. С одной стороны, сразу говорится о «варварском» источнике магии, о Зороастре и Остане, с другой — Плиний не упускает случая заметить, что увлечение магией у греков — не просто увлечение, а «бешенство» (*rabies* (*NH* 2.8)). Магия для Плиния — это и в самом деле *externa quoque et barbari ritus*, о которых он считает все же необходимым рассказать, так как, во-первых, его «энциклопедический» проект состоит в том, чтобы не брезговать даже *sordidissimae partis* (praef. 13) «природы», а во-вторых, поскольку «Естественная история» для нас нынешних (да и не только, если вспомнить о впечатлении Авла Геллия (Naas 2002: 271–274), скорее, есть история совсем «неестественная», которая изначально требует предварительной ἐυχύχλιος παιδεία и сосредоточена чуть ли не в основном на чудесах (Naas 2002; Doody 2010). А магия, с его точки зрения, есть при всех ее *uanitates* одно из самых удивительных и странных чудес (cf. *NH* 24.156: *in promisso herbarum mirabilium occurrit aliqua dicere et de magicis. quae enim mirabiliores?*). Неслучайно поэтому Плиний, не стесняясь, начинает приводить магические рецепты с магическими формулами (Gaillard-Seux 2014) задолго до 30-й и даже 28-й книг. И лишь начиная с 28-й книги он приходит к необходимости объяснить, и с гневом отзывается о ее иранских основателях, греческих поклонниках, и брезгливо рассказывает далее о магических рецептах, веществом которых является человеческое тело и животные.

Почему же лишь здесь, в 28-й и 30-й книгах, Плиний столь гневно высказывается о магах и магии? Ведь раньше, в ботанических и других книгах, он почти спокойно рассказывает о магических рецептах, лишь указывая, что их источник — *magi*. Вероятно, так происходит потому, что медицина, основанная на травах, по его мнению, является *maximum opus naturae* (*NH* 20.1–2) и *rerum naturae ipsius munificentia*, а лечебные эффекты, случающиеся вследствие такого врачевания, для него *nullo uitae miraculo maiore* (*NH* 27.1–2). И хотя Плиний признает, что медицина, основанная на плоти животных, есть *summa naturae exemplorumque per rerum ordinem* (*NH* 27.146), он явно испытывает к такой медицине недоверие, начиная следующую за этим высказыванием 28-ю книгу с

раздела *Contra magos*. Дело здесь в том, я полагаю, что Плиний относится к животным как природным существам второго порядка после человека, которые имеют множество свойств, сближающих их с человеком. Чтобы не занимать времени подробным пересказом того, что Плиний пишет о животных в книгах 8–9, я приведу сумму его воззрений по этому поводу, которую вывела из тщательного исследования соответствующих книг нашего автора Лилиан Бодсон:

«Животное наделено жизненным принципом (*anima*), который воплощается в множестве сложных организмов, и примечательно (*mira*) (1) их физическими и поведенческими характеристиками, которые аналогичны с людскими, и (2) продуктами и службой, которую они оказывают человеку. Вследствие взаимосвязи с человеком (*societas*), которую создают биологическая и психологическая схожесть, а также близкие материальные функции людей и животных (диких, прирученных или домашних), с последними следует обращаться в порядке, достойном разума (*ratio*), который является отличительным свойством человека»⁶.

Таким образом, достойный человек, по Плинию, связан с равными ему людьми посредством *humanitas*, а с животным миром — посредством *societas*. Собственно, если принять предложенное уже прежде толкование *humanitas* как признание и пестование, основанной на *ratio* и обеспечиваемой *sermone*, вечной связью всех достойных такого наименования людей (*ex. gr.* Schadewaldt 1973; Novara 1982; Kayser 1986; Ferrary 1988: 493–516; Naas 2002: 27–34 etc.), примеры которой приводит и сам Плиний в описаниях замечательных людей 7-й книге, то *societas* человека с животным предполагает, учитывая отмечаемое Плинием родство человека и животного, отношение к животному, черпающее свою суть из отношения человека к человеку. Напомню, что главным, с чем Плиний связывает магию, является убийство, не освященное обрядом официального культа, человеческое жертвоприношение. Потому и убийство животного, выходящее за рамки признанных норм (употребление в пищу и жертвоприношение) Плинию кажется нечестивым, пусть оно и может, допускает он, вернуть здоровье больному. Но такая медицина становится ядовитее яда, и если уж тебе ничего не помогает из «нормальной» медицины, то лучше достойно умереть, чем недостойно жить, прибегая к подобным средствам.

Таким образом, все, что говорит Плиний о магии в риторических выпадах против нее в 28-й и в очерке ее истории в 30-й книге, упирается, по сути, в две прочные и взаимосвязанные тенденции. Во-первых, на очевидное первенство и главенство Рима над всем «земным кругом», а во-вторых, на

⁶ «ANIMAL être doté du principe vital (*anima*), qui s'incarne dans une multitude d'organismes complexes et remarquables (*mira*) (1) par leurs caractères physiques et comportementaux, lesquelles présentent des analogies avec ceux de l'homme, et (2) par les produits et services qu'ils procurent à celui-ci. En conséquence de la relation (*societas*) qu'instantent et les affinités biologiques et les fonctions tant psychologiques que matérielles remplis par les animaux (sauvages, apprivoisés ou domestiques) auprès de l'homme, ils doivent être traités par lui d'une manière digne de la raison (*ratio*) qui fait la spécificité humaine» (Bodson 1997: 30).

идею *humanitas*, которая, подобно платоническому благу, эманурует из Рима на весь подвластный ему мир, вплоть даже до того места, где истинно человеческое практически отсутствует (*NH* 30.4: *naturae inane*). В одном месте Плиний прямо говорит, что Италия «сводит для общения множество враждующих и диких языков народов с помощью распространения своей речи и дарует человеку *humanitatem*, коротко говоря, так, что она одна во всем мире становится родиной всех народов» (*NH* 3.39: *tot populorum discordes ferasque linguas sermonis commercio contraheret ad conloquia et humanitatem homini daret breuiterque una cunctarum gentium in toto orbe patria fieret*). На этом, по сути, основан его рассказ о магии, в составе которого имеются примеры из римской истории, в особенности пример ненавистного Плинию императора-убийцы Нерона, который и без магии наполнил Рим тенями мертвецов.

Я бы хотел завершить свое сообщение скорее вопросом, чем выводами, которые и так очевидны. Если оба рассказа Плиния о магии носят столь риторический характер, заостряющий и делающий более рельефным отрицательное отношение к магии вообще, как нужно относиться к самому, внешне, отстраненному и теоретическому моменту его повествования, то есть к утверждению о том, что магия вобрала в себя самые могущественные в глазах человека *artes* (*imperiosissimas humanae mentis complexa in unam se rededit*), а именно: медицину, *uires religionis* и астрологию (*artes mathematicas*)? Можно ли серьезно относиться к предлагаемой здесь «теории», которая безусловно находит свое подтверждение при сравнении с иными источниками, но которая сама изначально, вероятно, родилась у Плиния в пылу риторического и антимাগического вдохновения? Плиний (если я вообще имею право говорить за Плиния!), скорее, хотел бы, чтобы мы презрительно улыбнулись в этом месте. Ведь несмотря на то, что он посвятил медицине несколько книг, он говорит, что «нет науки более противоречивой» (*NH* 29.1: *nullam artium inconstantiore fuisse*). Несмотря на то, что он много говорит об астрологии, эту науку он обвиняет в том же пороке (*NH* 7. 162: *primum ergo ipsius artis inconstantia declarat quam incerta res sit*), что и медицину, и, скорее всего, не верит во влияние звезд на человека и на события в человеческом мире (cf. *NH* 2.97; 2.23; 2.28, see also: Le Boeuffle 1987). Наконец, выражение *uires religionis*, вероятнее всего, говорит скорее о «силах суеверий», нежели, собственно, о религии, которая может существовать в Риме лишь открыто и осуществляться государственными магистратами. В этом же смысле Плиний говорит в той же самой книге о карийском городе Телмессе, называя его *religiosissima urbs* (*NH* 30.2.6). Итак, не стоит ли с большей осторожностью толковать эти слова Плиния, привлекая параллели из других литературных и эпиграфических источников и старательно заполняя карточки на каждое из этих трех наименований? Получим ли мы, смешав потом эти три элемента в одной волшебной колбе, магию времени Плиния Старшего? Я так не думаю, хотя и не могу оспаривать позитивных данных, полученных из этой риторики. Вне всяких сомнений, эти данные мо-

гут помочь нам реконструировать то, что сам Плиний хотел сказать по этому поводу, но только в том случае, если мы рассматриваем эту информацию в первую очередь исходя из самой «Естественной истории».

ЛИТЕРАТУРА

- Beagon 1992 — *Beagon M.* Roman nature: The thought of Pliny the Elder. Oxford: Oxford Univ. Press., 1992.
- Bodson 1997 — *Bodson L.* Le témoignage de Pline l'Ancien sur la conception romaine de l'animal // B. Cassin, J.-L. Labarrière (Eds.). L'animal dans l'antiquité. Paris: J. Vrin, 1997. P. 325–354.
- Boulin 1996 — *Boulin R.* Sympathie et antipathie dans l'HN de Pline l'Ancien, (Mémoire de DEA. Université de Lille 3). 1996.
- Capitani 1972 — *Capitani U.* Celso, Scribonio Largo, Plinio il Vecchio e il loro atteggiamento nei confronti della medicina popolare // *Maia* 24. 1972. P. 120–140.
- Citroni Marchetti 1992 — *Citroni Marchetti S.* Filosofia e ideologia nella 'Naturalis historia' di Plinio // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* (II.36.5). Berlin: Walter de Gruyter, 1992. S. 3275–3296.
- Conte 1991 — *Conte G. B.* L'inventario del mondo, Forma della natura e progetto enciclopedico nell'opera di Plinio il Vecchio // *G.B. Conti.* Generi e lettori, Lucrezio, l'elegia d'amore, l'enciclopedia di Plinio. Milano: Mondadori, 1991. P. 95–144.
- Dickie 1999 — *Dickie M.W.* The learned magician and the collection and transmission of magical lore // D. R. Jordan, H. Montgomery, E. Thomassen (Eds.). The world of Ancient magic: Papers from the first International Samsø Eitrem Seminar at the Norwegian Institute at Athens, 4–8 May 1997. Bergen: Norwegian Institute at Athens, 1999. P. 163–193.
- Doody 2010 — *Doody A.* Pliny's Encyclopedia: The reception of the Natural History. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010.
- Dumont 1987 — *Dumont J.-P.* L'idée de Dieu chez Pline (NH, II, 1–5; 1–27) // J. Pigeaud, J. Oroz Reta (Éds.). Pline l'Ancien: témoin de son temps. Salamanca-Nantes: Universidad Pontificia de Salamanca. P. 219–237.
- Ector 1985 — *Ector J.* L'influence des astres sur les êtres humains selon Pline l'Ancien // *Les Études Classiques* 3|4 (1985). P. 407–414.
- Ernout 1964 — *Ernout A.* La magie chez Pline l'Ancien // M. Renard, R. Schilling (Eds.). Hommages à Jean Bayet. Bruxelles, 1964. P. 190–195.
- Ferrary 1988 — *Ferrary J.-L.* Philhellénisme et impérialisme. Aspects idéologiques de la conquête romaine du monde hellénistique, de la seconde guerre de Macédoine à la guerre contre Mithridate. Rome: École française de Rome, 1988.
- Gaillard-Seux 2003 — *Gaillard-Seux P.* Sympathie et antipathie dans l'Histoire Naturelle de Pline l'Ancien // N. Palmieri (Ed.). Rationnel et irrationnel dans la

- médecine ancienne et médiévale. Aspects historiques, scientifiques et culturels (Actes du colloque international sur les textes médicaux antiques et médiévaux, Saint-Étienne, 14–15 novembre 2002). Saint-Étienne: PU Saint-Etienne, 2003. P. 113–128.
- Gaillard-Seux 2004 — *Gaillard-Seux P.* La place des incantations dans les recettes médicales de Pline l'Ancien // S. Sconocchia, F. Cavalli (Eds.). *Lingue tecnica del greco e del latino*, 4. Testi medici latine antichi. Le parole della medicina; lessico e storia (Atti del settimo convegno internazionale, Trieste, 11–13 ottobre 2001). Bologna: Pàtron Editore, 2004. P. 83–98.
- Gaillard-Seux 2009 — *Gaillard-Seux P.* Un pseudo-Démocrite énigmatique. Bolos de Mendès // F. Le Blay (Éd.). *Transmettre les savoirs dans les mondes hellénistique et romain* (Actes du colloque “Doctrinarum disciplina”. La transmission des savoirs dans les mondes hellénistique et romain,” Nantes, mars 2007). Rennes: Presses universitaires, 2009. P. 223–243.
- Gaillard-Seux 2014 — *Gaillard-Seux P.* Magical formulas in Pliny's Natural History: origins, sources, parallels // B. Maire (Éd.) ‘Greek’ and ‘Roman’ in Latin medical texts: Studies in cultural change and exchange in ancient medicine. Leiden: Brill, 2014. P. 201–223.
- Garosi 1976 — *Garosi R.* *Magia*. Studi di storia delle religioni in memoria di Raffaella Garosi (P. Xella, Ed.). Roma: Bulzoni, 1976.
- Graf 1994 — *Graf Fr.* *La magie dans l'antiquité gréco-romaine : idéologie et pratique*. Paris: Les Belles lettres, 1994.
- Graf 1997 — *Graf Fr.* *Magic in the ancient world*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1997.
- Guittard 1987 — *Guittard Ch.* Pline et la classification des prières dans la religion romaine (NH 28, 10–21) // J. Pigeaud, J. O. Reta (Eds.). *Pline l'Ancien témoin de son temps*. Salamanca-Nantes: Universidad Pontificia de Salamanca, 1987. P. 473–486.
- Janson 1964 — *Janson N.T.* *Latin prose prefaces: Studies in literary conventions*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1964.
- Kaster 1986 — *Kaster R.A.* (1986). “Humanitas” and Roman education // *Storia della storiografia* 9 (1986). P. 5–15.
- König, Winkler 1979 — *König R., Winkler G.* *Plinius der Ältere. Leben und Werk eines antiken Naturforschers*. München: Heimeran, 1979.
- Köves-Zulauf 1972 — *Köves-Zulauf Th.* *Reden und Schweigen. Römische Religion bei Plinius Maior*. München: Fink, 1972.
- Köves-Zulauf 1978 — *Köves-Zulauf Th.* *Plinius der Ältere und die römische Religion // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt (II.16.1)*. Berlin: Walter de Gruyter, 1978. S. 187–288.
- Laehn 2013 — *Laehn Th.R.* *Pliny's defense of Empire*. New York: Routledge, 2013.
- Le Boeuffle 1987 — *Le Boeuffle A.* *Pline et l'Astrologie* // J. Pigeaud, J.O. Reta (Eds.).

- Pline l'Ancien témoin de son temps. Salamanca-Nantes: Universidad Pontificia de Salamanca, 1987. P. 173–184.
- Le Glay 1976 — *Le Glay M.* Magie et sorcellerie à Rome au dernier siècle de la République // *Mélanges offerts à Jacques Heurgon. L'Italie préromaine et la Rome républicaine*. Vol. I. Rome: École française de Rome. P. 525–550.
- Méthy 2000 — *Méthy N.* Neron: mage ou monstre? Sur un passage de Pline l'Ancien (NH 30, 14–17) // *Rheinisches Museum für Philologie* 143 (2000). P. 381–399.
- Méthy 2015 — Méthy N. Magie, religion et botanique. À propos de la formule herbarae felicitas // O. Devillers (Éd.). *Autour de Pline le Jeune. En hommage à Nicole Méthy*. Paris: de Boccard, 2015. P. 89–101.
- Murphy 2004 — *Murphy T.* Pliny the Elder's Natural History: The Empire in the Encyclopedia. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Naas 2002 — *Naas V.* Le projet encyclopédique de Pline l'Ancien. Rome: École française de Rome, 2002.
- Novara 1982 — *Novara A.* Les idées romaines sur le progrès d'après les écrivains de la République. Essai sur le sens latin de progrès. Paris: Les Belles lettres, 1982.
- Önnerfors 1985 — *Önnerfors A.* Iatromagische Beschwörungen in der "Physica Plinii Sangallensis" // *Eranos* 83.1 (1985). S. 235–252.
- Önnerfors 1993 — *Önnerfors A.* Magische Formeln im Dienste römischer Medizin // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* (II.37.1). Berlin: Walter de Gruyter, 1993. S. 157–224.
- Otto 2011 — *Otto B.-Chr.* Magie. Rezeptions- und diskursgeschichtliche Analysen von der Antike bis zur Neuzeit. Berlin: Walter de Gruyter, 2011.
- Römer 1983 — *Römer F.* Die plinianische 'Anthropologie' und der Aufbau der *Naturalis historia* // *Wiener Studien* 17 (1983). S. 104–108.
- Sallmann 1987 — Sallmann K. La responsabilité de l'homme face à la nature // J. Pigeaud, J.O. Reta (Eds.). *Pline l'Ancien témoin de son temps*. Salamanca-Nantes: Universidad Pontificia de Salamanca, 1987. P. 251–266.
- Schadewaldt 1973 — *Schadewaldt W.* Humanitas Romana // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* (I.4). 1973. S. 43–62.
- Serbat 1973 — *Serbat G.* La référence comme indice de distance dans l'énoncé de Pline // *Revue de Philologie, de Littérature et d'Histoire Anciennes* 47 (1973). P. 38–49.
- Serbat 1986 — Serbat G. Pline l'Ancien. État présent des études sur sa vie, son œuvre et son influence // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* (II.32.4). Berlin: Walter de Gruyter, 1986. S. 2069–2200.
- Stannard 1987 — Stannard J. Herbal medicine and herbal magic in Pliny's time // J. Pigeaud, J.O. Reta. (Eds.). *Pline l'Ancien témoin de son temps*. Salamanca-Nantes: Universidad Pontificia de Salamanca, 1987. P. 95–106.
- Thérasse 1980 — *Thérasse J.* Croyances et crédulité des romains, d'après Pline l'Ancien et les écrivains latins // J.B. Caron et al. (Éds.). *Mélanges d'études anciennes offerts à Maurice Lebel*. Québec: Éditions du Sphinx. P. 283–319.

Wellmann 1928 — *Wellmann M.* Die *Φυσικά* des Bolos Demokritos und der Magier Anaxilaos von Larissa // *Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften* 7 (1928). S. 3–80.

ON MAGIC IN PLINY THE ELDER'S NH AGAIN

ALEXEY V. BELOUSOV

Abstract The article is devoted to a critical revision of information about the essence, history and content of ancient magic, which Pliny the Elder presents in Books 28 and 30 of his *Natural History*, as well as to analyzing a number of theoretical and source-study approaches to this information, which have developed to date in modern scholarship. The general reconsideration of Pliny the Elder's concept of magic is caused, firstly, by the fact that our knowledge of magic and its theoretical underpinnings among the ancients has greatly expanded over the past half century, and, on the other hand, by the fact that in the past few decades the scientific approach to *Natural History* has greatly changed. Without ceasing to be, as it was for the medieval reader, a wonderful grandmother's chest from which a variety of things can be obtained for various research purposes, *Naturalis Historia* became interesting in and of itself, as an *opus sui generis*. In the article, discussion of magic in Pliny the Elder derives primarily from the philosophical and ideological premises of *Natural History* itself. The author briefly summarizes Pliny's information about magic and comes to the conclusion that all that Pliny says about magic (which he treats with undisguised contempt, see his rhetorical attacks on magic in Book 28 and in the essay on the history of magic in Book 30) in essence rests on two firm and interrelated ideas. The first — the obvious primacy and supremacy of Rome over the whole *orbis terrarum*, and the second — the idea of *humanitas*, which, like the Platonic Good, emanates from Rome to the whole world subject to it, even to those places where the truly human is practically absent.

Keywords: Pliny the Elder, Roman religion, Greek religion, ancient magic, iatromagia, history of magic, *humanitas*

Алексей Владиславович Белоусов,
к. филол. н., доцент кафедры классической филологии ИВКА РГГУ
и кафедры древних языков исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова,
научный сотрудник ИВИ РАН
abelv@yandex.ru

ЕЩЕ РАЗ О «СКИФСКОЙ ОБЩНОСТИ» В ВИЗАНТИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

М.В. Бибииков

Ключевые слова: Скифия, византийские тексты, Причерноморье, Русь, общность

Византийская историографическая и литературная традиция поддерживала устойчивое представление о некоей Скифской общности, объединяющей известные с античных времен племена и народы совершенно разных этнических групп, а нередко и хронологически отстоящих друг от друга на столетия. Обитаемая в самых различных, чаще причерноморских, областях, эта «Скифская общность» при всей пестроте составляющих её этносов артикулируется уже в готских экскурсах Прокопия Кесарийского в «Воине с Готами»: «По ту сторону Меотийского Болота и его впадения в Эвксинский Понт, как раз на этом берегу и живут с древних времен так называемые готы-тетракситы...; значительно в стороне от них осели готы-визиготы, вандалы и все остальные племена готов. В прежние времена они назывались также скифами, так как все те племена, которые занимали эти местности, назывались общим именем скифов; некоторые из них называются савроматами, меланхленами или каким-либо другим именем (¹*Procop. IV 5: c.22*)².

В византийском анонимном воинском трактате, составленном после 70-х гг. VI в.³, анты и склавы упоминаются в одном контексте с «сарацинами», что напоминало бы о традиционном отождествлении в ранних источниках славян и антов с кочевниками, если бы не дальнейшее противопоставление их «скифам» (аварам и «туркам» у Маврикия в «Стратегиконе» [*Mauric. XI.4*], который пользовался тем же источником, что и аноним⁴). Примеры хода кампаний приводятся из арсенала свидетельств о битвах ромеев-византийцев с неприятельскими армиями, прежде всего с «варварскими», а также, возможно, и из собственного воинского опыта автора — императора Маврикия или его информаторов. Этим объясняется и важная роль в структуре текста памятника многочисленных этнографических экскурсов о соседних с Византией, близких и не очень, народах и государствах. Помимо военно-технической сто-

¹ Система сокращений источников соответствует нормам, принятым в коллективном труде: Мельникова 2013: 153–156, а также Бибииков 2004: 145–506.

² Подосинов, Джаксон, Коновалова 2016: 212.

³ Свод древнейших письменных известий о славянах / под ред. Л.А. Гиндина и Г.Г. Литаврина. М., 1991. Т. 1. С. 361–363.

⁴ Кучма 1982: 45 и след.

роны дела — описания приемов атаки и обороны «персов», «скифов», «гуннов», склавинов и антов, Маврикия интересуется и политический строй, обычаи и нравы, внешний облик иноземцев.

А в XII в. появляется уже своего рода систематизация единого в своем варварстве скифского мира. Эрудит, поэт и эпистолограф, Иоанн Цец, подчеркивавший свое «иверское» происхождение в тысячестийных своих «Историй» («Хилиад»), сочиненных как своеобразный комментарий к корпусу писем автора, а также воспроизводящий в эпилоге другого своего произведения — «Теогонии» — варварские (тюркские, аланские, русские и др.) фразы приветствий, представляет такую картину мира. У Тавра (Крыма) и Меотиды (Азовского моря) живут киммерийцы: там находится озеро Сиака (Сиваш) (*Tzetz. Hist.* XII.835–851). Все пространство на север от Понта (Черного моря) и к востоку от Гирканского (Каспийского) занимает одна из скифских ветвей — меотские скифы. Другая часть — кавказские — граничат с Гирканией (Прикаспийские области), узами и гуннами. Наконец, третья группа — оксианские скифы — локализируются в отдалении «Индийских гор» (*Tzetz. Hist.* VIII. 760 sq.). Среди народов, населяющих эти северные земли, называются агафирсы, геллоны, меоты, иссидоны (*Tzetz. Epist.* 62.15–16; *Hist.* VII.675–677; VIII.752–753). «Знай твердо, и да не забудется, — пишет Цец в другом месте поэмы, — что авасги и аланы, и саки и даки, росы и савроматы, как и «собственно скифы», и всякий народ, овеваемый дуновением Борея, называется общо скифами» (*Tzetz. Hist.* XI.896–900).

Еще на рубеже IX/X в. в византийской традиции появляется идентификация скифов с росами. Никита Давид в Житии патриарха Игнатия пишет: «Оскверненный убийствами народ скифский — так называемые росы, перейдя Эвксинский Понт, подошли к Стену (проливу), разграбив все деревни, все монастыри» (*Nicet. Paphl. Vita Ign.* 21.14–19). А в середине X в. император-писатель Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей» перечисляет хазар, «тюрков» (мадьяр, тюрок), росов, как и любой другой народ «из северных скифов» (*Const. Porph.* DAI. 13.24–28). А в одном из писем 911 г. константинопольского патриарха Николая Мистика своеобразная скифская общность состоит из тюрков (тюрок), аланов, печенегов, росов и болгар (*N. Myst. Epist.* P. 160. No 23.66–70). Идентификация росов со скифами встречается в это время у Льва Мудрого (*Leon. Tact.* 19.77: 1012C; *Naumach.* 32.27–33), Льва Диакона (*Leo Diac.* 135.3–137.23) и Иоанна Геометра (*I. Geom.* 919A). Не удивительно в этой связи, что известный словарь второй половины X в. «Лексикон Суда» дает единственное толкование слова «Скиф» как Рос (*Lex. Sud.* IV.704: p.389.17). Скифским племенем называют росов вслед за Продолжателем Феофана (*Theoph. Cont.* 196.6–197.10) и авторы XI–XII вв. — Иоанн Скилица (*I. Scyl.* 107.44–49; 282.75–76; 296.51–53 etc.), Иоанн Зонара (*I. Zon.* III.524.9; 525.17; 527.10 etc.) и Михаил Глика (*M. Glys. Ann.* 596. 6). Михаил Пселл именуется русских исключительно таврами и скифами (*M. Ps. Chron.* I.p.9: XIII.3; p.102: XXV.20; II. P. 90:

XIII.10), а Анна Комнина тавроскифами (*Anna*. III.178). Иоанн Киннам помещает росов у Тавра (*Cinn*. 199.14–15; 218.6–8), а его современник Никита Хониат топархии росов называет Гиперборейской землей (*N. Ch. Hist.*129.29–30), что затем вскоре повторит Феодор Скутариот (*Th. Sk.* 256.7–8). Наконец, в начале XIII в. Скифией назовут Русь Ефрем (*Ephr.* 7855; 8077–8079) и Георгий Акрополит (*G. Acr. Hist.* I.24.9–10).

На излете византийского тысячелетия Георгий Гемист Плифон, умерший в 1452 г., почти за год до падения Константинополя, в трактате «О виде обитаемой земли» представил свое описание рассматриваемого региона. «Восточную гемисферу» (по отношению к византийской столице) он подразделяет на Скифию и Индию, противопоставляя здесь север югу. Области, относимые к южной половине — «Индии», он простирает до экватора. Скифию же у него составляют Росия («некогда Сарматия»), омываемая Гиперборейским океаном (Северный Ледовитый), Холодным морем (Белое) и отграниченная с одной стороны Иернией (Скандинавией) и даже Фулой (Туле), а с другой — Танаисом (Доном), соседствуя далее с такими народами, как Пермии, Мордвы (мордва), Месторы (Мещера) (*G. Gem. Pleth. Geogr.* 444.9–32). Упоминание последних этносов — не эксклюзив в византийской традиции: Лаоник Халкондил описывал пермиев как охотников (*L. Chalc.* I.31.2 sq.), Мордия же, если согласиться с конъектурой Г.Г. Литаврина, упоминается Константином Багрянородным (DAI).

Обобщенный портрет скифского мира⁵ характеризуется у византийских литераторов такими чертами, как отсутствие и дискретность общественной стратификации, оцениваемой как бессистемность социального устройства (у Никиты Хониата: 20.5–21), бедность и невежество (у Феодора Продрома: PG 133. 1317B), невоздержанность (у Евфимия Малаки: *Euth. Mal.* 40.8 etc.), воинственность и жестокость (у Евфимия Торника: *Euth. Torn.* 130.15–24, или Евстафия Солунского: *Eust. Thess. Opusc.* 75.2–8; 210.70–71; *Fontes.*I.17.20 sq.). Одновременно отмечается экзотическая чистота и девственность человеческих отношений, идиллическое миролюбие и беззаботная веселость (в речах Никиты Хониата: *N. Ch. Reden.* 196.18–20; у Михаила Хониата: *M. Ch.* I.99.31–100.3; у Евстафия Солунского (*Eust. Thess. Opusc.*64.6 sq.; 75.8 sq.)⁶.

ЛИТЕРАТУРА

Бибиков 2004 — Бибиков М.В. *Byzantinorossica* I. Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004.

Кучма 1982 — Кучма В.В. «Стратегикос» Онасандра и «Стратегикон Маври-

⁵ Раевский 2006.

⁶ Скифия. Образ и историко-культурное наследие. Материалы конференции. М., 2015. С. 16.

кия»: опыт сравнительной характеристики // Византийский временник. 1982. Т. 43. С. 35–63.

Мельникова 2013 — Мельникова Е.А. (ред.). Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2013.

Раевский 2006 — Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М., 2006.

Подосинов, Джаксон, Коновалова 2016 — Подосинов А.В., Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г. Скифия в историко-географической традиции Античности и Средних веков. М., 2016.

ONCE MORE ABOUT “SCYTHIAN COMMUNITY” IN BYZANTINE TRADITION

МІКНАІЛ V. ВІВІКОВ

Abstract: Byzantine historiographical and literary tradition supported the idea of some sort “Scythian Community” uniting various tribes and peoples of completely different ethnic groups known since antiquity and sometimes distancing from each other by centuries. In the 12th C. there appears a kind of systematization of the Scythian world. John Tzetzes has reproduced some barbarian (so, Turkic, Alan, Russian, etc.) salutations, presenting the following world picture. By the Taurus (Crimea) and the Maiotis (Azov Sea) there live Cimmerians. All the area to the north of the Pontos (Black Sea) and to the east of the Hyrcanian (Caspian) Sea is occupied by one of three Scythian branches, the Maiotian Scythians. Next branch, Caucasian Scythians, is bordering upon Hyrcania, the Ouzi and the Huns, when the third group, the Oxian Scythians are located by far-away “Indian Mountains”. “...The Abasgians, the Alans, the Sacae, the Dacians, the Rhos (Russian) and the Sauromatae, as well as “proper Scythians”, and every people touched by the breath of Boreas are called in general Scythians” (*Tetz. Hist. XI.896–900*). Such a picture is developed at the end of Byzantine history by George Gemistos Pletho.

Keywords: Scythia, Byzantine texts, Pontos, Russia, community

Михаил Вадимович Биби́ков,
д.и.н., проф., гл. н. сотр. ИВИ РАН,
mbibikov@mail.ru

КАК ПРИДУМАТЬ ИМЯ: «ДАФНИС И ХЛОЯ»

Н.В. БРАГИНСКАЯ

Если выпало в империи родиться,
Лучше жить в глухой провинции у моря.

*Иосиф Бродский. Письма
римскому другу.*

Резюме: Интерес к значащим именам в вымышленных текстах проник и в классическую филологию, и в работы по античному роману. В статье предпринято систематическое рассмотрение всех имен персонажей романа *Дафнис и Хлоя* как так называемых «говорящих», так и имен, отсылающих к мифу, литературе и истории, вызывающих те или иные ассоциации, с использованием эпиграфики как фона для выбора имен. В работах о Лонге и в комментариях к его роману было высказано много соображений о том, на что может указывать то или иное имя, на их этимологию и коннотации. В статье показывается, что именование героев системно, оно преднамеренно включает проходных персонажей, стремится исключить случайные, не значащие именованья.

Именованье подчеркивает основные идеи в сущности программного сочинения, написанного, судя по многим основаниям, римским аристократом. Бегство в частную жизнь, близкую к природе как спасение от имперского Рима ценилось эпикурейцами, поэтами и философами. Лонг взялся за создание нарратива, который средствами жизненной картины убеждает, что почти первобытная жизнь содержит в себе потенциал свободы, недоступный для обитателя империи. Сюжетное построение, система персонажей подчинены задаче сближения и медиации противоречий природного и человеческого, деревни и города, примитивности и культурности, животного и гуманного, людей и богов. Это и есть пастораль как новое слово в отличие от стилизации пастушеских песен, создающих не пастораль как жанр, но пасторальный антураж.

Имя, искусно подогнанное к сюжету и замыслу, может быть простым, но редким, как имя военачальника митиленцев Гиппаса, который вел себя на редкость благородно. Оно может также быть звучным, но тривиальным, «пустым», как имя отца Хлои Мегакла. Имя может одновременно заимствоваться из широко известного мифа и даваться персонажу полемически: так Дафнис из романа «оспаривает» Дафниса из мифа. Для имеющего варианты имени «Филет» избрана такая форма, которая, отсылает прежде всего к поэту, бывшему наставником Феокрита. Филет романа — пастух,

певец, влюбленный в Амариллис, вместо того, чтобы быть поэтом, который изображает этого влюбленного пастуха.

Вторичное превращается в первичное, литература не «использует миф», а возвращает читателя, в то время, когда миф создается. Игра именами служат той же задаче: создать в романе образ времени, когда существовало в реальной повседневности все то, что стало затем мотивами, культами, ритуалами, обычаями. Читатель присутствует при их рождении. При этом выбор богов и мифических существ, чьи имена не вымышлены, традиционны, служит тем же задачам.

Действуют в романе только Эрот, Пан и Нимфы, а также превратившиеся в музыкальный инструмент, отзвук и сосну Сирина, Эхо и Питис. Роман претендует на воссоздание священной легенды, аретологии, сообщающей о благотворном воздействии богов на человеческую жизнь и установлении их святилищ. *Дафнис и Хлоя* имитирует предание о появлении нового культа Эрота Пастушеского и храма Пана Воителя, который имел прежде только алтарь под открытым небом. Но этот миф и священное сказание автор имитирует столь сознательно, что получается не миф и сказание и не продолжение стилизаторской «пасторальной традиции», а новый жанр пасторали, востребованный в Европе, когда конфликт природы и культуры становится актуален.

Ключевые слова: *Дафнис и Хлоя*, системность имянаречения персонажей, имена и действующие лица, пантеон романа, значение имен для основной идеи романа, пасторальная стилизация, пасторальный жанр

Мой славный современник и дорогой друг с наших с ним семнадцати лет, однокурсник, всемирно известный специалист по исторической географии, опубликовал статью о географии в античном романе¹. Еще слушая доклад, предшествовавший публикации, я радовалась здравому и разумному взгляду историка на новый для Александра Васильевича и близкий мне романский материал. Романы фантастические или даже прямо именуемые исследователями «утопическими», разумеется, отправляют своих героев к фантастическим народам на острова на западе, востоке, севере или юге в омывающем землю океане. Таковы Гекатей, Антоний Диоген, Теопомп, Евгемер, Ямбул и смеющийся над ними всеми Лукиан. А в романах о приключениях и путешествиях любовной пары передвижения героев сосредоточены главным образом вокруг Средиземного моря². Романы фиксируют «общеизвестные географические знания, составляющие интеллектуальный географический багаж каждого образованного человека»³. А.В. Подосинов относит авторов и читателей ро-

¹ Подосинов 2013.

² См. карты путешествий (или «метаний» героев) по Средиземноморью: Schmeling 1996: 801–880.

³ Подосинов 2013: 222.

манов к образованной публике, а не сравнивает эти произведения, как было модно в 1990-х, с массовой литературой, понятие о которой вообще едва ли применимо к античности. Но дело не только в некотором минимуме общей и, в частности, географической образованности авторов и читателей. Разумеется, Александр Васильевич прав, говоря наряду с другими исследователями о “geteiltes Wissen” (shared knowledge), т. е. знания, которое распространено в данном обществе⁴. Но это не книжное знание, не от чтения Страбона происшедшее, а, скорее, практическое знание городов, гаваней, способов добраться откуда-то куда-то. В прилежных поисках письменного «источника», литературного произведения, откуда, дескать, автор романа «взял» сведения о городе, ландшафте, горах и долах, филологи, быть может, упускают тот немало-важный факт, что и авторы, и читатели сами жили в Средиземноморье. Если единственный способ узнать географическую информацию — это найти ее в другой книге, географической или исторической, а у географов и историков тоже были какие-то источники, то так мы уйдем в бесконечность. Авторы романов сами выбирали, где помещать описываемые события, и значительная часть избираемых ими территорий, вероятно, была им знакома на личном опыте, а не почерпнута из географических трудов. Романы писались не для локальной публики, предполагаемая аудитория была неопределенно широкой, так что потенциальный читатель мог сам жить в Александрии, Эфесе, или на Лесбосе, в Дельфах или на Родосе и сам превосходно знал расстояние между Метимнами и Митиленами, от храма Артемиды до Эфеса, как выглядит гавань Сидона или ворота Александрии. Писать что-то несообразное о тех местах, где живут и где бывают по разным надобностям читатели романа, зачем бы это было нужно? Бывает ли такое вообще? Да, бывает, например, в *Книге Иудифи*.

Над удивительным смешением реальных и вымышленных географических названий трудились поколения библеистов. Они считали, что в голове автора царил полнейшая путаница и выставляли ему неуд и по истории, и по географии. Но автор писал *Книгу Иудифи* как сочинение не историческое, а символическое, оно подразумевало события современности, но рядило их в псевдоисторические декорации и нарочито нарушало библейскую хронологию, обнаруживая при этом знакомство с библейской историей. Однако события символической повести не разместить в реальном городе, им привольней на неприступной горе, в городе, чье имя *Бетула* (*Ветилуя*), «вызывает в уме знакомого с ивритом читателя ассоциацию со словом ‘бетула’ (ср. перевод Вульгаты с арамейского Bethulia вместо греч. Βαιτουλα). Слово это редкое и имеет узкое значение ‘девственница’, а не просто ‘девушка’. Жена священника должна быть ‘бетула’ (см. например, Лев 21:14), как имя города оно символизирует

⁴ Geus, Thiering 2012: 3: «„Common“ is not only to be understood as ‚lower‘ (vs. ‚professional‘ or ‚higher‘) but also as ‚shared‘ knowledge» (в немецком варианте «„geteiltes“ Wissen»).

неприступность и благочестие»⁵. Имя же самой Иудифи, хотя как нарицательное означает просто «иудейка», до книги о ней как женское имя в жизненном обиходе или в письменных источниках не встречается.

А в греческих любовных романах (пусть даже в их сюжетном костяке застыл некий мифологический pattern) читателю предложен рассказ о частной жизни таких людей, о которых молчат и мифы, и история. Харитон, сделавший свою главную героиню дочерью известного из истории Сиракузского стратега Гермократа и рассказавший об исторически реальном захвате Арада египетским войском, поместил свой вымысел в историческую рамку, ради правдоподобия вымысла, но не стремился создать сколь угодно тенденциозный, но исторический роман об исторических личностях. Иное дело — *Жизнь Аполлония Тианского* Филострата или *Киропедия* Ксенофонта с их посильным стремлением к подлинным именам. В любовных романах случается много чудесного: вещие сны, прямые вмешательства богов и теофании, даются оракулы и знамения, и вся интрига управляется Эротом, Афродитой, Паном или Тюхе-Судьбою. Но это не делает любовные романы фантастическими и несколько не противоречит представлению читателей о правдоподобном. Так называемые «любовные» романы — сочинения вымышленные, но теофании происходят чаще во сне, «воскресения» случаются после Scheintode (мнимых смертей), чудесное бывает, но редко, и потому-то оно и достойно быть описанным. И Феникс в блистательном экфрасисе Ахилла Татия присутствует, просто прилетает он раз в тысячу лет, не всякому дано и Феникса увидеть, и пережить такие приключения, какие выпали на долю героев романов. Так что Феникс Фениксом, а Сидонскую гавань Ахилл Татий описал, как настоящий картограф. Однако реальное и знакомое Средиземноморское пространство с примыкающими Персией, Египтом и другими более удаленными областями романист должен населить героями, а героям дать имена.

При изучении антропонимики и просопографии историк естественно исходит из предпосылки, что имена при изложении мифологических сюжетов традиционные, а при изложении исторических, главным образом, исторические. Важно отделить те от этих и исправить ошибки источников. Но откуда берутся имена в произведениях заведомо вымышленных? Они не могут быть ни совершенно случайны, так как их придумывает или выбирает автор, но и никакому правилу, известному и установленному, автор следовать не обязан.

Всякий вопрос, который приходит нам в голову, уже приходил в голову Аристотелю, и этот тоже. Аристотель приводит в *Риторике* несколько примеров обыгрывания значащих имен, говорящих о его носителе; систематизатору Аристотелю предшествуют цитируемые им трагики, верно или неверно, но сознательно, обращающиеся к смыслу имени: в *Троянках* Еврипида (999 сл.) Гекуба сопоставляет владыку страстей Афродиту с ἀφροσύνη — *безумие, потеря*

⁵ См. об этом: Шмаина-Великанова 2010: 470–471; Брагинская, Шмаина-Великанова 2017: 122.

разума, а трагик Херемон видит в имени Пенфея предвосхищение грядущего оплакивания этого героя (Rhet. 1400b20–26). Хотя мифография, сводящая вместе разные версии и источники, предлагает изрядный выбор для многих героев, и даже у такого центрального героя, как Одиссей, может обнаружиться в качестве «настоящего» имени имя Нанос (Карлик), все же трагедия и эпос не были свободны в выборе имен, по крайней мере, главных персонажей и, будучи связаны в выборе имен мифологической традицией, могли только осмыслять и переосмыслять их с помощью этимологизирования. Имена персонажей мифа или вовсе не придумывают, а, напротив, тщательно сохраняют тысячелетия, или все же придумывают или переосмыляют, но следуя каким-то общепонятным смыслам, а не по своему желанию.

Об имени в мифе писали Г. Узенер, О.М. Фрейденберг, А.Ф. Лосев, В.Н. Топоров и многие другие. Самым радикальным утверждением о роли имени в мифе является тезис о том, что имена героев содержат эмбрион связанного с этим героем сюжета (свернутый сюжет). Почти сто лет тому назад Фрейденберг в диссертации «Происхождение греческого романа»⁶ исследовала антропониимику, чтобы через имена героев обнаружить культовый миф, на сюжетную основу которого о временной гибели, воскресении и священном браке богов растительности и плодородия легла история страстей, мнимых смертей, разлук и, наконец, встречи разлученных супругов или брака прекрасных юноши и девушки.

Доказательству этого неочевидного положения посвящена вся работа, я остановлюсь здесь только на том, что Фрейденберг пишет о тяготеющих к сакральной обстановке концовках романов. Генетическая связь жанра с культом сказывается, по мнению Фрейденберг, в том, что сам рассказ или запись деяний и страстей-страданий героев после их расставания и до их воссоединения посвящается божеству. Наиболее отчетливо это выражено у Ксенофонта, где свиток с молитвами и жертвоприношениями помещается в храм Артемиды и возлагается на алтарь⁷, символизируя жертвенный смысл претерпеваний героев. *История Аполлония царя Тирского* из-за плачевной сохранности исходного текста не входит в число пяти любовных, но несомненно относилась к этому же разряду. Её герой изготовил два экземпляра мемуаров о событиях своей жизни и один посвятил в храм все той же Артемиды Эфесской, а другой оставил себе⁸. Если речь не идет о письменном тексте, то в торжественной обстановке происходит рассказ обо всем происшедшем: в театре при всем народе, как рассказывает Херей⁹, пред лицом божества в храме Афродиты, прежде чем войти снова в покинутый дом, как это делает Калироя¹⁰, перед

⁶ Диссертация готовится к печати. См. о ней: Брагинская 2010.

⁷ Xen. Eph. 5. 13.; 5. 15. 2.

⁸ Ap. Tyr. 43 (версия В).

⁹ Char. 8. 7.

¹⁰ Char. 8. 8.

жрицей богини в её храме, как еще раз Аполлоний Тирский¹¹, на пиру помолвки в присутствии жреца, подобно Клитофону¹². «Принадлежность этого рассказа божеству сказывается в том, что он соединен с жертвоприношением, праздничной трапезой, обрядом помолвки и свадьбы, присутствием главной жрицы или жреца, прихрамовой или торжественной обстановке; а затем он становится «посвятительным даром», «возношением», и отдается в собственность божеству (Ар. Туг. 40; Xen. Eph. V 13. 5; Ach. Tat. VIII 15 sqq.; Char. VIII 8; Ар. Туг. 43). И здесь, опять-таки, его содержанием является «все, что выстрадали и что содеяли» — типичное содержание всяких «рассказов о страстях», как о «делах и страстях ужасных и великих» самих божеств плодородия (πάντα ὅσα τε ἔπαθον καὶ ὅσα ἔδρασαν, Xen. Eph. V 15.2, ср. у Plut. *De Is. Et Os.* 22: ἔργα καὶ πάθη δεινὰ καὶ μεγάλα.)¹³».

Посвященные божеству рассказы сообщают нам об автобиографических текстах, по-видимому, как это ни странно, первых. Классическая древность знала биографию, но не автобиографию. В недавней подробной книге Томаса Хага, посвященной античной биографии, автобиография не обсуждается¹⁴. Между тем роман Ахилла Татия, за исключением Предисловия, весь представляет собою вымышленную автобиографию¹⁵. Первой истинной автобиографией была, вероятно, *Жизнь* Иосифа Флавия. *Записки* императора Августа, дошедшие фрагментарно, также представляли собою автобиографическое сочинение, а Тацит сообщает о *Записках* Агриппины Младшей, в которых она рассказала о жизни своей и своих близких (Ann. 4.53.3). И в *Наедине с собой* Марка Аврелия есть автобиографические элементы, *Исповедь* Августина одновременно и исповедь, и во многом автобиография. Но Цезарь писал еще *О галльской войне*, личной истории тут нет, и говорил он о себе в третьем лице.

Рассказ о самом себе вырастает на культовой почве вовсе не как автобиография, а как аретология. Истории «великих и ужасных» дел потому кладутся на алтарь, что подпадают жанру аретологии, т. е. рассказу об чудесных спасениях и помощи божества человеку. Они являются приношениями подобно изображениям исцеленных частей тела или рельефов с изображениями инкубаций в святилищах Асклепия и других богов-целителей. Конечно, автобио-

¹¹ Ар. Туг. 40.

¹² Ach. Tat. 8. 15.

¹³ Цитата из рук. 1929 г. О.М. Фрейденберг, Проблема греческого романа, вариант диссертации, втуне подготовленный для печати, Архив О.М. Фрейденберг в Москве. Л. 153–154.

¹⁴ Hägg 2012.

¹⁵ «Я-рассказы» иногда видят и среди фрагментов романов, но сама их фрагментарность не позволяет отличить вставной рассказ от целиком перволичного повествования. В романе Антония Догена *Невероятные приключения по ту сторону Туле*, дошедшем в пересказе Фотия, содержался автобиографический рассказ главного героя, состоящий из писем, жанра неизбежно перволичного, причем эти письма обрамлены еще двумя слоями писем об этих письмах, — все в перволичной форме.

графиня Иосифа Флавия вызвана к жизни иными обстоятельствами, о которых здесь говорить не место.

Добавим к наблюдениям Фрейденаберг о концовках романов, свои — о концовках Лонга и Гелиодора, в которых нет возложения книг на алтарь, а у Лонга нет и торжественного рассказа о злоключениях и путешествиях. От других романов эти отличаются, как мне кажется, осознанным возвращением к священному сказанию, к тому, что Фрейденаберг усматривала в отдаленном генезисе сюжета. Священное сказание обосновывает культ, рассказывает историю введения ритуала и т. п. Лонг и Гелиодор с литературной точки зрения произведения мастерские, среди греческих романов именно они оказали на европейскую литературу наибольшее влияние и они отстоят от аретологии далеко. Поэтому здесь нет «пережиточного» возложения рассказа на алтарь, но происходит сознательное, эстетизированное и в любом случае содержащее идею или даже «идеал» возвращение сюжета к «прошлому» священного сказания.

Драматический рассказ о происхождении подкинутой царевны Хариклеи записан иероглифами на пелене, бережно хранимой и обернутой вокруг тела девушки, на той самой пелене, в которую она была завернута младенцем и до сих пор носит на себе. На пелене написана завязка романа, а его развязка происходит при развязывании пелены. Хариклею вместе с ее историей, которую она не может прочесть, родители, в свою очередь, не узнающие свою дочь, предназначили в жертву вместе с женихом Теагеном. Это уже не помещение мемуаров в библиотеку храма, а принесение человека в жертву, однако ... вместе с текстом о нем, физически на нем находящемся. Мы как будто придвинулись ближе к генетической основе священного сказания: текст не отделен от тела жертвы, они — одно.

Однако Харikleя не гибнет, происходит узнавание в ней царской дочери, выяснение всех обстоятельств прямо на площади, где должны быть принесены человеческие жертвы. Вместо *реликта* священного сказания — возложения свитка на алтарь храма или рассказа в обстановке торжества и праздника — Гелиодор имитирует в конце романа «настоящее» священное сказание. Оно рассказывает, как эфиопы отказались от человеческих жертвоприношений, а потенциальные жертвы сделались жрецами Солнца и Луны, как произошла «гуманизация» варварских обычаев¹⁶. Впрочем, и Клитофонт, как мы узнаем из предисловия, становится жрецом в сидонском святилище Астарты-Селены. А при первой встрече с Левкиппой он вспоминает некогда виденное им изображение богини Селены. Левкиппа, таким образом, подобие той богини, которой он теперь служит. Служит ли в том же храме Левкиппа, роман умалчивает.

В *Дафнисе и Хлое* Лонг расспрашивает экзегета (так называли «гидов» при святилище), и тот поясняет вотивные предметы и изображения в пещере

¹⁶ О гуманной дидактике Гелиодора см. Зембатова 1969.

Нимф, рассказывающие историю подкидышей, подобно тому, как путник в романе Ахилла Татия узнает историю любви у Клитофонта. По аналогии с Ахиллом Татием экзегетом мог быть сам Дафнис или его потомок, но это обойдено молчанием, время между созданием картин и рассказанной в них историей никак не определяется.

Итак, Лонг решил посостязаться с историей посещаемого культового места, рассказанной служителем-экзегетом и росписями пещеры, и сочинил книгу о Дафнисе и Хлое. Книгу он называет в своем Предисловии ἀνάθημα, посвященный дар Эроту, Пану и Нимфам. И хотя приношение это не реальное, а подобно нашим «посвящениям», тем не менее, он образно ставит книгу в ряд посвященных даров. Начав с описания святилища, Лонг закончил описанием того, как оказались в святилище посвященные туда пастушеские приношения, увиденные в пещере и описанные в Предисловии, как был установлен новый культ Эрота-Поймена (Пастыря), и «повышен статус» культа Пана-Стратиота (Воителя), обретшего храм вместо алтаря под деревом¹⁷. И как бы между делом, всеведущий автор романа замечает, что Ламон и Дриант не знали имени Эрота. Они увидели один и тот же сон, в котором крылатый мальчик распорядился сделать детей пастухами коз и овец, поняли, что это бог, и выполнили его повеление¹⁸. Незнакомство с Эротом подчеркивает введение культа прежде в том краю «неведомого бога».

Если бы мы считали Лонга религиоведом, который знал, что Эрот появился в эллинском пантеоне поздно, под влиянием ближневосточных космогоний из разноименной силы притяжения и смешения, и только на эллинской почве не раньше Гесиода (а скорее у лириков, включая поэтессу Лесбоса Сафо) сделался из крылатого монстра крылатым мальчиком, то мы могли бы счесть это незнание имени бога «датирующим признаком» для времени описываемых событий. Это, конечно, не так, но, тем не менее, «анонимность» бога для Ламона и Дрианта может говорить об отнесении событий к неопределенной архаике, когда культа Эрота еще не было или он не был известен повсеместно. Таким образом, читатель глазами рассказчика видит в начале обетные дары в святилище нимф, а в конце узнает, как они туда попали, т. е. концу роман переходит в культовое сказание, объясняющее status quo святилища.

Священное сказание рассказывает миф, отвечающий культу, и это налицо. Чудеса, чудесные спасения, участие в судьбах героев Эрота, Пана и Нимф тоже налицо, но путь от священного сказания и аретологии до сверхэкфрасиса¹⁹ и сверхэкзегезы, сознательно имитирующих священное сказание, пройден огромный.

¹⁷ 4.39.2.

¹⁸ 1.8.2.

¹⁹ Лонга охватило страстное желание ἀντιγράψαι τῆ γραφῆ (Предисловие 1.3.1). Слово ἀντιγράψαι означает *написать ответ*, в юридическом языке — *письменный ответ, возражение*. Иными словами, он состязается с картинами и хочет их превзойти.

Мысли о мифологической и культовой основе сюжета и образов романа были высказаны О.М. Фрейденберг, когда на близкие темы думали, писали и публиковали свои книги ученые Италии, Чехии, Германии²⁰. Подход Фрейденберг был более радикальным: не отдельные локальные культы породили роман и не подспудное влияние египетской религии, исидизма и мистерий, но сюжетные и образные матрицы, сложившиеся в далекой древности, но облаченные современной авторам тканью повествования и снабженные новой мотивацией и актуальным для эпохи осмыслением. Понимая, что литературные произведения имперского периода не тождественны культовым текстам, от которых остался лишь сюжетный скелет и семантика некоторых имен, Фрейденберг все же прилагала усилия главным образом к реконструкции этого происхождения, что создавало впечатление редукционизма — сведения литературного авторского сочинения к безавторской культовой традиции.

Любопытно, что идея религиозно-культового происхождения структуры сюжета принимались скорее историками, например, С.А. Жебелевым, нежели собственно филологами-классиками. Столь высокоразвитая древняя литература, как греческая, воспринималась филологами по аналогии с европейской и неизбежно поэтому модернизировалась (а иными так воспринимается и ныне). Прочитав отзыв И.И. Толстого на диссертацию Фрейденберг, в целом положительный, с очень характерным взглядом на античную литературу. Возражая против культовых мифов в генетическом прошлом романа, Иван Иванович предлагает не забывать, что «в романе Лонга мы имеем дело с условной и стилизованной номенклатурой вычурной пасторали и что ласкающие слух читателя, благозвучные и красивые, похожие на культовые эпитеты, имена героев и героинь романа, *Καλλιρρόη, Χαρίκλεια, Ἀβροκόμης, Χαίρεας* etc. обусловлены вкусом манерного греческого романа»²¹.

Это и впрямь будет так в прециозном романе 17 века, в «вычурных», быть может, на наш вкус пасторалях, сочинявшихся *по образцу* Лонга и Гелиодора в 16–17 веках, а к 19 в. окончательно вышедших из моды. Но Лонг не знал, что пишет пастораль, а его читатели не знали, что читают пастораль, что это *стилизация*, что существует *номенклатура вычурной пасторали*. Ведь это была первая литературная пастораль, что она могла стилизовать и где брать номенклатуру? Пастораль Лонга не тождественна буколической поэзии и наличие в ней имени «буколического» Дафниса, как я покажу, не только продолжает буколический миф, но и возражает ему.

Если «сложить» имена пяти главных героинь греческого романа, действительно получится образ сада или *locus amoenus*: Анфия — Цветок или Цветение, Хлоя — Зелень, травы, Каллироя — Прекраснотекущая, т. е. источник, Хариклея — Славная прелестью, Левкиппа — Белоконь. Все вместе они опи-

²⁰ Lavagnini 1921; Ludvíkovský 1925; Kerényi 1927.

²¹ РГАЛИ. Ф. 211 (Л.К. Ильинский). Оп. 1. Д. 358. Л. 1–6. Автограф 9 августа 1924 г.

сывают прелестное место, зеленый луг, где пасется белый конь, пестрят цветы, струится прекрасный источник, чистый и прохладный. Сами такого рода картины встречаются у Лонга, в *Купидоне и Психее*, в *Левкиппе и Клитофонте*, мельком в *Херее и Каллирое*. У Лонга ландшафтов, картин природы, времен года, животных и растений, даже названий цветов, больше, чем у остальных романистов вместе взятых²². И имена героев имеют соответствующую этому тенденцию. Однако «картины природы» не традиционный антураж, они прямо соотносятся с идейной задачей романа: медиацией и/или примирением миров человека и животного, людей и богов, даже богов и животных и вообще всех противоречий, включая примирения военных противников²³. И лишь вслед Лонгу в «архетхип» пасторали вошло главным образом противопоставление (иногда медиация противоположностей, как у самого Лонга) городской и земледельческо-пастушеской, «близкой природе», жизни, демонстрация преимуществ простых чувств бедных людей и простых «пастушек» над богатой городской знатью.

Требуется известное усилие, чтобы видеть новаторство Лонга, отличающее этот роман, с одной стороны, от стилизации пастушеских песен у буколических александрийцев, а с другой — от позднейшей пасторальной и сентиментальной литературы. Стилизация традиционных песен и быта пастухов не создает пасторали как сюжетного жанра, хотя бы потому, что нарратив песни очень ограничен. Александрийская поэзия сохраняет диалект сицилийских пастухов, архаичный для эллинистического города, но утрачивает песенные размеры. Это и есть стилизация фольклора²⁴. А для прозаических вымышленных произведений с противопоставлением городского и сельского мира нет древней *литературной* традиции. Пастораль не возникает изнутри пастушеской жизни, она требует взгляда извне, и он появляется в эллинистический период и в виде стилизации буколических песен, и как создание сюжетного нарратива о пастухах, которых их богатые аристократические родители бросили, животные выкормили, пастухи воспитали. Этот рассказ вобрал в себя множество жанров и литературных отсылок, но никакой, бывшей до него пасторали, не наследовал ввиду ее отсутствия.

Будучи изысканным литературным произведением, роман полон мифа, в том числе использует миф столь архаичный, что его нет в известном нам репертуаре античной мифологии. Таков миф о незнании живущим среди зверей героем «тайны пола»²⁵. Лонг не мог читать те таблички эпоса о Гильгамеше,

²² Zeitlin 1994.

²³ Тема медиации и смягчения различий и противоречий социального и природного свойства развивается в дипломной работе, выполненной под моим руководством Р.Р. Накиповым: Накипов 2014.

²⁴ Ср. Pretagostini 2006.

²⁵ См. о параллели эпизода с Ликенион и эпизода Энкиду и Шамхат в аккадском эпосе в нашей статье: Брагинская, Накипов 2015.

которые сейчас читают ученые. Однако имена этого эпоса циркулировали в письменных и устных нарративах. Конечно, Элиан, называющий Гильгамеша, похоже, привязал к нему историю Кира Великого, а Лукиан, рассказывающий историю Комбабоса (Хумбабы), подверстал к этому имени историю египетского Батты²⁶. Но создавая литературный миф, так сказать, «руссоистический», Лонг помещал его в неопределенном времени без единого намека на Рим, империю, где жил сам автор, в изолированном островном пространстве, без каких либо связей с большим миром Средиземноморья, как это было в остальных романах-путешествиях. Имена, взятые из литературы (а только из Феокрита, на которого роман так часто кивает²⁷, Лонг позаимствовал Дафниса, Амариллис, Хромида, Титира и Клеаристу), автор возвращал в созидаемый им самим вторичный миф. Не литература строится на мифе, а миф создается средствами литературы. Имя александрийского наставника Феокрита Филета, ученого, весьма вероятно, буколического поэта с острова Кос (есть написание *Philytas*)²⁸ перешло к персонажу романа — пастуху, мудрецу, сказочнику и певцу Филету, наставнику главных героев. Филет романа не сочиняет в Мусейоне стилизаторские стихи о мифической Амариллис. В литературном мифе Лонга он был в нее влюблен и играл ей свои пастушьи песни на свирели самого Пана.

Тема обыгрывания имен и разного рода этимологизирований в античной литературе не нова, не нова она и в литературоведении в целом²⁹, и в классической филологии. Если говорить только о России, то еще бакинский ученик В.И. Иванова М.С. Альтман в 1928 г. защитил в ЛГУ диссертацию «Семантика собственных имен в античном эпосе»³⁰. Он же написал книгу «Достоевский: по векам имен» (Саратов 1975)³¹. В недавнее время именам эпоса и трагедии посвятил несколько работ Н.П. Гринцер³². Обзор соответствующих работ не входит в наши задачи, тем более, что замечания о значащих и говорящих именах рассыпаны в комментариях и разбросаны по работам об отдельных авторах.

Говорящие имена обычны в древней комедии с ее Демосом, Эйрене, Эвельпидом, Правдой и Кривдой, Облаками и так далее — вперемешку с подлинными именами исторических личностей и всякого рода вымышленными; и в комедии масок, как полуфольклорная ателлана, а также в комическом эпосе (*Батрахомиомахии*), где потешные имена составляют значительную долю комичности.

²⁶ Aelian Hist anim. 12. 21; Luc. De dea Syr. 19–27.

²⁷ См. подробней о Феокрите у Лонга в комментарии Моргана: Morgan 2004 passim; и Cresci 1981; Effe 1982.

²⁸ Theoc. Pyl. 7. 39 слл. Ср. Blumenthal 1938; Morgan 2004: 5.

²⁹ См. из общих работ, например: Jones, 1996. Booth, Maltby 2006.

³⁰ По диссертации опубликована статья: Альтман 1933.

³¹ Достоевский, по-видимому, по сю пору привлекает с этой точки зрения наибольшее внимание литературоведов, большее, чем очевидные с этой точки зрения сатирический Щедрин, главный классик Пушкин или плодovitый Тургенев.

³² См. об именах в эпосе и трагедии, напр. Гринцер 2008; Гринцер 2010.

Эта черта объединяет комедию и тот феномен, который мы с соавтором назвали «символической повестью»³³. Такой тип нарратива характеризует среди прочего выраженная символичность всех имен персонажей и острая содержательная актуальность. В нашей работе мы описали, как устроены имена для нескольких отнесенных нами к этому разряду сочинений: это уже упомянутая *Книга Иудифи*, *Книга Руфи*, *Сусанна и старцы* из греческой части *Книги Даниила*, ветхозаветный апокриф *Иосиф и Аснет*, раннехристианский апокриф *Деяния Павла и Теклы*, христианское продолжение Ахилла Татия *Житие и мученичество Галактиона и Эпистимы*, агиографическое *Сказание отца нашего Агапия о хождении в рай*, *Сказка о Купидоне и Психее* из *Метаморфоз* Апулея и *Жизнь Эзона*, а эта последняя повесть по размеру и числу персонажей почти «роман».

Все эти произведения характеризуют имена или «известные», то есть наполненные историческим или религиозным смыслом, или отсылающие к широко известному мифу, или намекающие с какой-то целью на имена из литературных произведений-предшественников, или, наконец, в той или иной мере «говорящие» — с прозрачной семантикой или этимологией, о которой читатель может догадаться, а верная ли она лингвистически или «народная», неважно³⁴.

В греческих любовных романах, имеющих, как известно, родство с новой комедией и представляющих собою, как и символическая повесть, прозаические вымышленные сочинения, именование персонажей давно вызывает острый интерес³⁵. Еще Э. Роде, пусть устаревший во многих своих общих идеях, но эрудицией и богатством всякого рода соображений по-прежнему питающий своих научных потомков, заметил в одном из бесчисленных примечаний к своей книге, что имена героев романа могут намекать на их характер³⁶. Чрезвычайный интерес классической филологии последних десятилетий к изучению романа не мог обойти тему имен в романе, и исследователи стали обращаться к говорящим именам, и к функциям имен, и к игре с именами.

Конечно, чтобы интерпретировать замысел автора, нужно представлять себе, на какой литературный и культурный тезаурус читателя он мог ориентироваться. Мы же не знаем ни круга чтения, за исключением школьного Гомера, ни общекультурного контекста, ни локальной распространенности имен, ни, соответственно, того, на какие ассоциации рассчитывал автор, ждал ли он, что имя подскажет характер героя или хотел поразить неожиданностью? Мог ли

³³ Опубликованы две части этого исследования и планируется продолжение: Брагинская, Шмаина-Великанова 2017; Брагинская, Шмаина-Великанова 2018.

³⁴ Брагинская, Шмаина-Великанова 2017: 121–124.

³⁵ См. например: Jones 2006; Paz López Martínez 2019; Ruiz-Montero 2017; Hägg 1971; Kanavou 2006; Konstantakos 2009; Keulen 2000; Hijman 1978; Bowie 1995; Cusset 2007; De Temmerman 2014; Whitmarsh 2011; Paschke 2015 etc.

³⁶ Rohde 1876: 402, Anm. 2.

он предполагать, что пастух Дриант из Лонга будет иронически откликаться у читателя гомеровским Дриантом «пастырем народов»?³⁷

В романе персонажей больше, чем в символических повестях: повести и короче романов, и стремятся к обобщенной картине, а не создают впечатления жизненной полноты и разнообразия.

Наш выбор Лонга в опыте анализа романной антропонимики обусловлен в том числе наименьшей населенностью этого романа. По подсчетам А. Бийо, больше всего персонажей у Гелиодора, всего 262, из них 99 коллективных, 40 индивидуальных, 123 индивидуальных, но анонимных. У Лонга французский исследователь насчитал меньше всего персонажей: в целом 44, причем, 15 коллективных, 26 с именами и 3 анонимных³⁸. Но дело не только в относительно небольшом числе имен, но и в том, что, как кажется, можно догадаться о задаче именованности практически всех имен персонажей как имен говорящих, символических или интертекстуальных, что характерно, скорее для символической повести³⁹.

Но все ли упоминания имен следует считать значимыми именами персонажей? Какие подлежат осмыслению, а какие нет? Скажем, о чем говорит пантеон романа? Имена богов не вымышленные, но что означает их выбор? Люди клянутся богами, обращать ли на это внимание? В одних случаях это стандартные восклицания, общепринятая фразеология, в других, как в *Жизни Эзоп*, ключ к пониманию замысла и композиции⁴⁰. Так что из имен нужно еще выбрать релевантные и не настаивать на стопроцентном символизме и / или стопроцентной нашей способности его раскрыть.

В тексте действуют следующие персонажи с именами:

Главные герои:

1) Дафнис и 2) Хлоя;

их дети:

3) Филопоймен и 4) Агела;

их приемные родители:

5) Дриант и 6) Напа,

7) Ламон и 8) Миртала;

их природные родители:

9) Дионисофан и 10) Клеариста,

11) Мегакл и 12) Рода;

³⁷ Ср. Ном. II. 1.263. Р. Хантер полагает, что, сделав гомеровского героя обычным пастухом, Лонг доставил дополнительное удовольствие читателю (Hunter 1983: 18).

³⁸ Billault 1991: 122–123.

³⁹ К сожалению, работа испанского автора по именам собственным у Лонга, осталась недоступна: Negro I. 1996. Я буду систематически пользоваться замечаниями об именах в комментарии Джона Р. Моргана (Morgan 2004).

⁴⁰ Брагинская 2007.

брат Дафниса:

13) Астил;

претенденты на Дафниса:

14) Ликенион и 15) Гнафон;

претенденты на Хлою:

16) Доркон и 17) Лампид;

мудрый пастух-наставник:

18) Филет;

его младший сын:

19) Титир;

предводитель метимнейцев:

20) Бриаксис или Бриакс;

благородный предводитель Митиленского войска:

21) Гиппас;

слуга и гонец Дионисофана:

22) Евдром —

Но есть еще фигуры, которых сложно отнести к Handlungspersonen, потому что они действуют за пределами действия романа, в воспоминаниях.

Это 23) Амариллис в воспоминаниях и рассказах Филета.

Это 24) Софрона или Софросина — служанка, которая подкинула Дафниса, она на миг всплывает в памяти Клеаристы.

В романах обычно действуют и боги. Так и в *Дафнисе и Хлое* они в основном являются героям во сне, или как таинственное проявление божественной силы, и только однажды происходит теофания.

В собственном смысле действуют:

25) Нимфы леса и пения (Дриады, Эпимелиды),

26) Эрот, который задумал сделать из Хлои миф и который получает в конце новое культовое имя Эрот-Поймен (Пастух);

27) Пан, который деятельно выполняет план Эрота, содействует бегству метимнейцев и возвращает Хлою и ее стада; он получает за это новое культовое имя Пан Стратиот- Воитель.

Все это божества не олимпийские.

Таким образом, число персонажей, если нимф считать коллективными и безымянными, пожалуй, совпадает с тем, что насчитал Антуан Бийо.

Но есть еще целый ряд имен мифических существ и богов, о ком говорят: рассказывают мифы, упоминают в клятвах, призывают в свидетели, на кого

ссылаются, кто служит мифологическим примером, образом или даже изображением.

Среди них три персонажа, рассказываемых внутри романа мифов, которые из рассказа выходят на сцену: 28) Сирина, 29) Эхо, 30) Питис. Эти девы превратились в сиригу, эхо и сосну из-за любовного преследования Паном. Но в своем преображенном виде они, заодно с Паном, наводят ужас на метимнейцев и спасают Хлою. Питис, Сирина, и Эхо могут оказать чудесное воздействие на ход событий. Поэтому этих помощниц Пана я бы считала нужным причислить к действующим лицам.

Среди недействующих богов надо выделить Диониса. Он не герой романа, но как бог винограда, виноделия, урожая, он упоминается многократно. Не принимая участия в действии, он получает роль в развертывании замысла о Дафнисе и Хлое, так как он один имеет и деревенскую, и городскую ипостась. Горожанин Дионисофан приносит ему жертвы в храме, а не в пещере и не в доме⁴¹. Теофорное имя делает отца Дафниса «Явленным Дионисом», возможно, жрецом этого бога⁴². Одновременно с Дионисом приносят жертвы еще одному деревенскому и олимпийскому богу — Деметре, которая упоминается только тут. Гермесу совершают возлияние в городе, на пиру, куда приглашен Мегакл и Рода⁴³, после императивного сновидения, а Гермеса как психопомпа связывали со сновидениями. Начав с олимпийцев, Дионисофан переходит затем, памятуя о спасении сына, к приношениям главным богам романа — Пану и Нимфам (но не к Эроту)⁴⁴.

К храму Диониса тяготеет пьяница и городской паразит Гнафон. Покровительство храма нужно Гнафону, чтобы умолять Астила отдать ему Дафниса в наложники⁴⁵. А когда выясняется, что Дафнис не раб, а сын хозяина, Гнафон сидит в храме, не выходя оттуда, словно гикет-молящий, и дрожит от страха⁴⁶. Облик Диониса в отличие, скажем, от Эрота не описан вовсе⁴⁷. Эрот движется, говорит, порхает и смеется. Дионис — статуя, на которую возлагают венок⁴⁸, он — в росписях на стенах храма, где изображены, связанные с ним мифы, а мифы эти по большей части трагические: о Семеле, рожавшей (и погибающей!), об Ариадне, уснувшей и покинутой спасенным ею Тезеем, о Ликурге

⁴¹ 4.3.1.

⁴² Надпись на о. Лесбос с неясной датой, где упоминается ἀρχιερεύς Митилен по имени Авл, По[мпей]ос Дионисо[.....]ос, вероятно, «Дионисодор», жрец Диониса на Лесбосе (IG.XII.249), многими исследователями воспринимается как прямое указание на прототип Дионисофана из романа.

⁴³ 4.34.3.

⁴⁴ 4.13.3.

⁴⁵ 4.16.1.

⁴⁶ 4.25.2.

⁴⁷ См. описание порхающего Эрота в 2.4, которое словно хочет превзойти великолепие спящего Эрота в *Сказке о Купидоне и Психее*: Apul. Met. 5.22.

⁴⁸ Ламон увенчивает статую Диониса, 4.8.4.

связанном и Пенфее растерзанном; там же побежденные индийцы и превращенные в дельфинов тирренцы, и Марсий, с которого содрали шкуру⁴⁹. Изображены мифы жестокие и страшные.

Веселью предаются в бессюжетных росписях безымянные и неиндивидуальные сатиры и вакханки: они пляшут, а Пан играет им на свирели. Мрачным мифам храма в имении Дионисофана, противопоставлены декоративные сцены плясок и веселья «диких», деревенских и лесных сатиров, менад и Пана⁵⁰. Даже в росписях храма в имении городского хозяина проводится противопоставление низовой мифологии сатиров и вакханок жестоким мифам классического репертуара.

Однако пастуха Дафниса крестьянки сравнивают с Дионисом⁵¹, да и он сам извиняет свой нежный облик сравнением с обликом этого бога⁵². На сельском празднике сбора винограда допускается известная свобода эротического поведения, а крестьяне скачут, как сатиры, и пристают к «вакханкам»⁵³. Зимой семья Хлои дома приносит Дионису жертвы и совершают ему возлияние первой чашей нового вина⁵⁴. Дафнис посвящает дорогие ему вещицы пастушьего обихода одни в храм Диониса, другие — Пану и Нимфам⁵⁵. Он с трудом расстается с ними. А в предисловии все эти посвящения автор видит в святилище Нимф. И росписи там иные с «историей любви» или «историей Эрота», так как этот бог руководит «сюжетом» — сложением мифа.

«О, Зевс владыка!» — восклицает Дионисофан, узнав о судьбе сына; «О, мойры!» — вторит ему Клеариста⁵⁶. Верховному богу эллинов как Зевсу Сотеру-Спасителю приносятся благодарственные жертвы за спасение детей городскими родителями Дафниса и Хлои⁵⁷, хотя он их не спасал, хотя «Эрот сильнее Зевса»⁵⁸. Для Дафниса Зевс — мифологический пример младенца, вскормленного козой⁵⁹. Для Гнафона Ганимед, юный пастух, удостоенный любви Зевса, образец для Дафниса, себе Гнафон отводит роль Зевса⁶⁰. Соблазняя Дафниса, Гнафон приводит в пример и другие союзы богов и смертных: Афродиты и Анхиза, Аполлона и Бранха. Аполлон понадобился еще только один раз для сравнения Дафниса с Аполлоном в услужении у Адмета⁶¹. И Аф-

⁴⁹ 4.3.2.

⁵⁰ Ср. 2.2.2 и 4.3.2.

⁵¹ 2.2.1.

⁵² 1.16.4; Дафнис безбород, как Дионис, а Дионис лучше бородатых сатиров (= соперник Доркон).

⁵³ 2.2.2.

⁵⁴ 3.9.2, 10.1, 11.1.

⁵⁵ 4.26.2.

⁵⁶ 4.21.2.

⁵⁷ 4.25.2; Семья Хлои также приносит жертвы Дионису: 3.9.2; 3.10.1 и совершает возлияние молодым вином: 3.11.1.

⁵⁸ 2.7.2.

⁵⁹ 1.16.3.

⁶⁰ 4.17.6.

⁶¹ 4.14.2.

родита встретится еще один раз и снова для уподобления: когда Дафнис достает с вершины яблони оставшееся там после сбора урожая прекрасное яблоко, он вручает его Хлое со словами: «За красоту такой приз получила Афродита, его я тебе даю как дар победный»⁶². Дафнис — Аполлон, Хлоя — Афродита, а Ламон сравнивает свою грядущую горькую участь с участью Марсия⁶³. И Кронос упомянут в романе, чтобы сказать, что Эрот мальчик лишь с виду, а на самом деле он Кроноса старше, и это все не о Кроносе, но об Эроте⁶⁴.

Все боги, кроме Эрота, Пана и Нимф, это боги примеров, сравнений или культового почитания, но в действии участия не принимают. Они часть культового обихода или риторического обихода. Дионис, хотя никак не действует в романе, но имея городской и сельский культ отражает в образах основное противоречие сюжета.

Итак, действуют Нимфы, которые являются во сне Ламону и Дрианту одновременно, затем Дафнису, а когда придет время, то и Дионисофану и велят поступать так или иначе. Эрот руководит всем сюжетом. Он не только является вместе с нимфами во снах приемных родителей⁶⁵ и Дионисофана⁶⁶, в саду Филета происходит подлинная теофания, во всяком случае, Филет рассказывает о ней именно как о встрече с богом, который передает через Филета важную весть героям. Эрот, как я уже говорила, действует за сценой и других романов, а в *Сказке о Купидоне и Психее* бог любви — из главных действующих лиц. Но Эрот божество опасное, которое заставляет влюбиться и ввергает героев во множество бед, особенно, если герой заносится перед Эротом, считает себя ему неподвластным или прекрасней бога. Таков Габроком в начале повествования Ксенофонта Эфесского. Романы повторяют лириков, изображая любовь как болезнь и стихийное бедствие. Но Эрот из романа Лонга не таков. Конечно, Филет, читая для юных пастухов введение в науку любви о том, что от эрота (с маленькой буквы или с большой?) нет исцеления ни в питье, ни в еде, ни в заговорах, повторяет тем самым поэтический топос, который почти в тех же словах открывает у Феокрита II-ю Идиллию. Но вместе с тем этот бог превосходит силою Зевса, властвует над стихиями, светилами и богами, цветы и деревья — его творения, по его воле текут реки и дуют ветры⁶⁷. Но важнее всего, что Дафнис и Хлоя ему посвящены и он о них печется. Этот бог благодетелен, у него есть план, он задумал «сделать миф из Хлои»⁶⁸, и все устроил, установив свой культ руками своих подопечных.

⁶² 3.34.2.

⁶³ 4.8.4.

⁶⁴ 2.5.2.

⁶⁵ 1.7.

⁶⁶ 4.34.

⁶⁷ 2.7.2–3.

⁶⁸ 2.27.2.

Поэтому Пан наводит морок на метимнейцев и внушает во сне их предводителю, чтобы тот возвратил Хлою и ее стада и удалился. Словно между делом и уже не при первом упоминании этого предводителя, сообщается: «а имя ему было Бриаксис» (или Бриакс) ⁶⁹. И хочется перевести так: «А звали-то его Бриаксис!» Это имя, как давно было замечено, напоминает культовое имя самого Пана, Пана Бриактеса ⁷⁰. Из римской поэзии мы знаем, что царь или полководец отправляется в лес, ложится на шкуру принесенной в жертву овцы и погружается в сон для того, чтобы получить «инструкции» от Фавна, что делать в тяжелый для его родины период. Таким образом, сон Бриаксиса, в который он погрузился в полдень по божественной воле ⁷¹, становится в ряд ритуальных инкубаций царя, воина, «лидера» для получения пророчества о будущем войска или царства ⁷². У Лонга нет ритуала и приготовлений к нему, потому что это первичное событие, ставшее ритуалом впоследствии, отчего Пан получил соответствующее культовое имя.

Как я уже сказала, Лонг отправляет читателя в то время, когда складываются, получают свое начало культ Пана Стратиота и Эрота Поймена, где создается и все убранство будущего прославленного святилища Нимф. Мы знакомимся с Бриаксисом, когда это воин, к которому Пан является в обряде инкубации. Но если это имя известно как имя ипостаси Пана (возможно, его служителя), то роман застает миг и место его появления: Пан Бриаксис / Бриактес — это Пан в данном эпизоде, которого будут почитать впоследствии, и его священным сказанием будет тот рассказ, который читатель только что прочел В терминах австралийских аборигенов, мы читаем роман из «времен сновидений».

Перейдем теперь к главным героям и основному корпусу имен.

Данные эпиграфики будут далее даваться обобщенно, с отсылками к томам известного словаря греческих собственных имен, т.е. с пропусками тех томов, в которых соответствующих имен нет и «под словом» (s. v.) ⁷³. Я не предлагаю исследования антропонимики и связи ее со временем и пространством. Каждое имя имеет свою «проблематику», окружено «похожими», однокоренными, есть мужские и женские варианты. Эпиграфические данные используются как фон, на котором автор выбирает имя. Важнее фон мифологический и литературный, хотя все эти «фоны» дошли до нас не в том виде, который мог иметь перед собой автор. В тех случаях, когда имя говорящее и к тому же

⁶⁹ 2.28.1.

⁷⁰ Stob, 1.1.31a.1; Имя Бриаксис встречается в надписях, на о. Кос, в Афинах, на Ионийском побережье, по одному случаю, и 13 раз в Кариин, в Ясосе, LGPNo 1987–2018: vol. 1, 2,5a, 5b s. v.

⁷¹ 2.26.5. Военачальник засыпает именно в полдень, а не «посреди дня», как сказано в превосходном в целом переводе С. Кондратьева, Пан в это время спит и разбудить его опасно, см. Theos. Idyll.1.

⁷² См. Verg. Aen. 7. 81–87; Ovid. Fast. 4. 469–475, см. об инкубации в целом: Renberg 2016.

⁷³ LGPNo 1987-.

имеется мифологическая и/или литературная традиция, именно эти данные имеют первостепенное значение. Однако в отдельных случаях данные эпиграфики могут подвигнуть высказать некоторые гипотезы или соображения, вес которых не будем, однако, преувеличивать, так как это гипотезы, опирающиеся на другие гипотезы.

ДАФНИС. Эпиграфические данные обнаруживают имя Дафнис еще во II в. до н. э. на Делосе, и в Афинах, позднее на Евбее и Паросе, в тех же Афинах, LGPN vol. 1–2 s. v. Корень используется во многих именах, особенно распространена форма Дафнос, в Афинах, например, 20 надписей, а латинизированный *Daphnus* широко представлен в Южной Италии и на Сицилии (греч. Дафнис один раз в Калабрии), LGPN vol. 3a, в Беотии разные формы, включая женские, единичны, LGPN vol. 3b s. v., как и на севере в Македонии, LGPN vol. 4 s. v. В надписях Понийской Синопы Дафнис засвидетельствован в классическое время, а по Геродоту (4 138), такое имя носил в 513 г. до н. э. тиран Абидоса в Троаде, LGPN vol. 5a s. v. ; в века н. э. Дафнос представлен на малоазиатском побережье Малой Азии 22-мя письменными свидетельствами, LGPN vol. 5a s. v. Данные по Карию, Киликию и Ликию и для Дафниса, и для Дафниды, и для Дафноса единичны и поздние, но в Милете засвидетельствован Дафнис в надписи 495 г до н. э., LGPN vol. 5b s. v. Во внутренних территориях Малой Азии встречается только Дафнос (14 случаев) от 2 в. н. э. и позже.

Итак, имя реальное, известно уже в архаическом периоде, не очень широко распространено. На этом фоне 21 латинизированный *Daphnus* Южной Италии может в дальнейшем подкрепить гипотезу о римской «идентичности» Лонга...

Нет никакого сомнения, что судьба мифологического (и литературного) тезки Дафниса имеет с судьбой и семантикой нашего героя множество пересечений, что имя это отсылает среди прочего к Феокриту⁷⁴. На Феокрита «опирались» и приемные родители ребенка, называя подкидыша так, «как принято у пастухов»⁷⁵. Однако Дафнис романа это не еще один Дафнис мифа⁷⁶ и известной нам поэзии, а его противоположность⁷⁷.

Они оба пастухи и подкидыши «знатного» происхождения: один полубог = от бога Гермеса и нимфы, другой от Дионисофана, аристократа с теофорным именем и Клеаристы — Славнейшей. Отцы и матери подкидывают сыновей, а Нимфы и Пан принимают участие в их судьбе: Нимфы спасают и помогают тому и другому. Но и Пан и Гермес выступают в мифах как любовники Дафниса. Пан научил играть на сиринге сицилийского Дафниса, а Дафнису из романа

⁷⁴ Имя Дафнис у Феокрита встречается в семи произведениях (*Idyll.* 1, 5, 6, 7, [8], 9, 27), у Вергилия в пяти (*Ecl.* 2, 5, 7, 8, 9) и у Кальпурния в одном (2.94).

⁷⁵ 1.3.2.

⁷⁶ Основные источники разнообразных мифов о Дафнисе: *Diod.* 4.84, *Aelian.* *VH* 10. 18, *Ovid.* *Met.* 4. 276–277.

⁷⁷ Морган также замечает, что Лонг вступает в «диалог» с мифологической традицией о Дафнисе: *Morgan* 2004: 6.

через Филета досталась сиринага самого Пана; Оба играли на сиринаге, и мифический Дафнис считался родоначальником буколики, аллюзии к которой справедливо находят в романе Лонга⁷⁸. Оба участвовали в словесном поединке (соответственно с Меналком и с Дорконом), оба давали деве клятву верности и оба ее нарушили, однако, герой романа нарушил ее из-за своей невинности, а не опьянения. В Дафниса мифа были влюблены нимфы и мифические существа обоего пола, но он, тем не менее, или тяжело страдал от неразделенной любви, или был ослеплен влюбленной нимфой за измену, или в 1-й Идиллии Феокрита, влюблен, но восставал против Эрота и, претерпев от него поражение, не хочет смириться и предпочитает умереть. Словом, версии его любовных историй кончаются безвременной гибелью и плачем по Дафнису нимф, зверей и деревьев, а не свадьбой с единственной возлюбленной. На месте гибели или исчезновения мифического Дафниса забил источник, или сам юноша превратился в камень. Это повторяющийся мифологический мотив исчезновения как превращения в источник, воду, несущую жизнь. А источник под названием «Дафнис» в романе существует вместе с живым и здоровым Дафнисом, который его «нашел», обнаружил, и теперь он орошает тот сад и цветник, то растительное соответствие Хлои, которое вытоптал и разрыл, похитивший Хлою-девушку ложный жених⁷⁹.

В сатировой драме Сосифея, где Дафнис мифа ускользает от смерти и женится, получая при этом наследство первого фригийского земледельца Литиерса⁸⁰, он переходит, так сказать от пастушества и жизни среди зверей к земледелию и браку, меняет статус. Свадьбой заканчивается и *Идиллия* 8, по мнению многих не принадлежащая Феокриту. Неясно, однако, о мифическом ли Дафнисе идет речь, и в *Идиллии* эта свадьба выскочила как приписка. Мальчик пастух Дафнис, который предпочитает красоткам общество коров, побеждает в песенном состязании. На этом *Идиллии* уместно закончится, но следует одна строка: «Скоро совсем молодым он женился на нимфе Наиде». Наида появилась без предупреждения, и на этом стихе история оборвалась. У Вергилия Дафнис, умирая, становится божеством, а это, в свою очередь, предстает как смена увядания возрождением⁸¹.

У Лонга конец не просто свадебный, как в волшебной сказке. Его герои переходят в вечную жизнь уже как пастушеские боги. У Дафниса и Хлои в бытовых рамках романа был выбор: став взрослыми, сделаться знатными и богатыми горожанами. Но эта судьба их не прельстила. А в деревенской жизни они должны перейти от пастушеских занятий детей и подростков к трудам земледельцев и волопасов, возделывать землю и рожать детей. Они остаются вечными пастухами, вечно юными. О героях сказано, что они достигли старо-

⁷⁸ Mittelstadt 1970; Vaccarello 1935; Zimmermann, 1994; Wojaczek 1969.

⁷⁹ Knaack 1901.

⁸⁰ TrGF I 99 F 1–3.

⁸¹ Verg. Ecl. 5. 56 слл.; см. также: Baudy 1993.

сти, но своих детей — Агелу (Стадо) и Филопеме́на (Любящего-пасти) — они отдают вскармливать козе и овце, повторяют свою жизнь в детях, словно циклически умирающая и возрождающаяся природа. Две весны и две осени переживают герои в романе, движение их чувств и созревание параллельно весеннему возрождению, а когда они разлучены зимою, то встречаясь, ждут весны как вторичного рождения из смерти: *νύκτας τε ἀγρύπτους διήγον καὶ λυπηρὰς καὶ τὴν ἡριπὴν ὥραν ἀνέμενον ἐκ θανάτου παλιγγενεσίαν*, «они проводили бессонные печальные ночи и дожидались весенней поры — пакирождения из смерти»⁸². Герои настолько сливаются с природой, что их дети — повторяют родителей, создавая ли локальный обычай или делая и детей подобными богам, которых выкармливают животные. Если имена Дафниса и Хлои есть в мифе, есть в религиозных обрядах, быту и литературе, то имена Агелы и Филопеме́на говорящие и пастушеские, с одной стороны, существуют в быту, хотя и не часты⁸³; с другой — с их помощью создается особый мир божественных пастухов с символическими именами, взятыми не из пасторальной традиции. Аллегорическое существо рождает еще одна пара бога и смертной, получившей бессмертие. Свадьбой кончается *Сказка о Купидоне и Психее*, и дочь их зовется именем небывалым — аллегорическим: *Voluptas*, Наслажденье. Мы не найдем подтверждений знакомства Лонга с книгой Апулея, но в целом указаний на возможный латинский контекст накапливается немало.

Но есть и третья сторона — историческая. Агелой называлось сообщество девушек или юношей, живущих в однополом коллективе, в женском «классе», подобно спартанской агеле. Возможно, такой агелой была «школа» Сафо на Лесбосе. Филопемён знаменитый исторический деятель. Его называли еще в древности «последним эллином». Образованный человек, воспитанник философ, он был политиком и военачальником, военным реформатором, стратегом Ахейского союза, который отстаивал до последнего независимость Эллады. Его прославил Полибий, его биографию написал Плутарх⁸⁴. Безвестный пастух противопоставлен здесь героической личности, тихая жизнь в союзе с природой противопоставлена благородному человеку, целиком посвятившему жизнь войне и 8 раз избиравшемуся стратегом Ахейского союза. «Живи незаметно» — вот чем говорит наречение сына Дафниса и Хлои этим громким именем.

Таким образом, имя Дафниса не просто взято из буколической традиции, автор первой пасторали перестроил миф: миф венчает свадьба, а не оплаки-

⁸² 3.4.2.

⁸³ Агела на локридской надписи, 3 надписи в Южной Италии, 2 во Фригии, одна в Памфилии и 3 в Ионии LGPN Vol. 3a, 3b, 5a, 5b, 5c s. v.; Филопемён встречается в четырех надписях Самоса, двух Афин и Аттики, в Арголиде и Аркадии, включая Мегалополи и «последнего эллина» 6 раз, дважды в Беотии и Фессалии, трижды в Вифинии, Лидии и Мисии, 5 надписей в Кари и Милеге, LGPN Vol. 1, 2, 3a, 3b, 4, 5a, 5b, кроме того, Филопемён является адресатом трех *Писем* Гиппократата, 12, 15 и 17.

⁸⁴ Polyb. x–xxiii, Plut. Philop., ср. Paus. 8. 49 sq., Liv 31–38.

вание, вечному возвращению противопоставлен «открытый финал» в неподвижную вечность. Дафнис романа живет среди животных, среди полей и лесов, как и мифический Сицилийский Дафнис. Но в *Дафнисе и Хлое* происходит возвышение не мифических, обычных животных, приближение животных не только к людям, но и к богам⁸⁵. Герои ими клянутся, а кормилицы, коза и овца, которые в начале романа преподали людям урок «человеколюбия»⁸⁶, похоронены, а не съедены, и могилы их почитают⁸⁷. И если божественность главных героев не заявлена прямо, то все же коза-кормилица позволяет Дафнису в состязании с Дорконом сказать: «Меня, как Зевса, вскормила коза!»⁸⁸.

ХЛОЯ. Имя Хлои, как и имя Дафниса, значащее, растительное: Зелень, молодая поросль. У него есть сакральное измерение: Хлоя — культовое имя Деметры в Элевсинских надписях⁸⁹.

Как реальное имя оно встречается не часто. Надписи, которые его фиксируют, датируются между I до н. э. и V в. н. э., По одному случаю на островах Парсое, Сиросе, Телосе, один случай непосредственно в Митиленах; одна надпись в Афинах, несколько в роли эпитетов Элевсинской Деметры. По одному случаю в Македонии, два в Кари (в Милете и Стратоникее)⁹⁰.

На столь скромном эпиграфическом фоне выделяются II латинских надписей с именем Chloe в Южной Италии (Помпеи, Апулия, Кампания, Путеолы и др.) и на Сицилии в Сиракузах. Если иметь в виду гипотезу о римском происхождении автора романа — члена римской семьи Лонгов, которые были чиновниками на Лесбосе, это обстоятельство становится особенно любопытным. А еще любопытнее, что Хлоя несколько раз упоминается в *Одах* Горация. Возможно, это имя условное, используемое для сокрытия настоящего имени. В одних случаях — Хлоя определенно гетера⁹¹, в другом, возможно, юная робкая девушка на выданье, которая сравнивается с трепетной ланью⁹². Если позволить себе фантазию по поводу автора романа, родившегося на Лесбосе, в семье римского магистрата, читавшего, поэтому, Горация, то имя Хлои может восходить к *Оде* о юной пугливой деве. Эти обстоятельства стоит добавить к данным о латинском Daphnus'e из Южной Италии. На латиноязычный background Лонга может указывать и еще одно важное для романа имя — Ликенион, о чем ниже.

Автор сопровождает наречение Хлои таким же замечанием, как и наречение Дафниса: приемная мать нарекает ее пастушеским, дескать, име-

⁸⁵ Об этом писал в дипломной работе Р.Р. Накипов: Накипов 2014.

⁸⁶ 1.3.1.

⁸⁷ 4.19.5, 4.32.4.

⁸⁸ 1.16.3.

⁸⁹ IG II/III 2 3,1 [27.: 4750 1; 4777 1; 4778 1 и др.Ср. Athen 14.618d, Paus. 1.22.3; Soph. OC 1600: Деметра, покрывающая прекрасной зеленью (εὐχλόος Δημήτηρ); Nilsson 1967: 467.

⁹⁰ LGPNо 1987–2018: s. v. vol. 1 (Charitonides 1968, 37), 2, 3a, 5b s. v.

⁹¹ Hor. Od. 3. 9; 3. 7; 3. 26.

⁹² Hor. Od. I 23.

нем⁹³. Образ свежей зелени очень уместен для ее молодости и для пары Дафнису-Лавру, Деметра Хлоя — образ весенней земли. Однако ни мифологической, ни литературной пастушки Хлои мы не знаем...

Счастливому мифу Хлои, сочиненному Эротом⁹⁴, в романе сопоставлены три мифа о жертвах любовной страсти. Слова о мифе, который Эрот задумал сочинить, сделать «из девы» Хлои, видимо, представляют собой автореференцию: миф и есть роман, записанный Лонгом со слов «гида», но задуманный прежде божеством. Лонг создал литературный миф. Словом «миф» он пользуется нечасто. С Хлоей связаны, однако, три мифа о метаморфозах дев, погубленных Паном. Они распределены по трем книгам, в четвертой нет такого мифа, потому что в последней книге мифом становятся Хлоя и Дафнис. Три мифа о метаморфозах Эхо, Сиринги и Питис сделаны Паном и сделаны буквально: девы претерпели метаморфозу, спасаясь от его преследования. В истории Хлои они стали волшебными существами, помощницами своего губителя⁹⁵. Если об Эхо и Сиринге мифы излагаются, то о Питис-Сосне пела Фатта, героиня другого мифа, рассказанного Дафнисом Хлоей⁹⁶. Фатта в романе не действует, а миф о Питис в романе не рассказывается, лишь упоминается⁹⁷. И читатель не из романа, знает, что этот миф подобен мифам о Сиринге и Эхо, как и Хлоя тоже откуда-то его знает⁹⁸.

Эхо и Сиринга помогали Пану вызволять Хлою, пугая метимнейцев всевозможными звуками и руководя стадами. Они действовали «заодно», дважды сказано «эхо сиринги», что имело и предметный и мифологический смысл⁹⁹. Но и Питис не осталась замкнута в подразумеваемом мифе. Наутро после *панической* ночи, враги видят, что голова пленницы-Хлои, остававшейся на корабле, увенчана сосновыми ветвями, что хвоя сосны венчают также овец ее стада. На фоне таинственной и ужасной ночи это было воспринято как явное божественное проявление. Знаки божественного покровительства, наряду с пугающими видениями и звуками, производимыми Паном, Сирингой и Эхо, заставили метимнейцев отступить.

Эти мифические девы, мерцающие между сказкой-мифом и «реальным» миром литературы, делают прозрачной границу между тем и другим, поэтому живая девушка переходит в миф, а девы из мифов вмешиваются в ход событий.

Последовательное «смягчение» жестоких архаических мифов происходит еще до того, как жертвы Пана будут вместе с ним спасать Хлою. На деревенском празднике Хлоя изображает в мимическом танце Сирингу, а Дафнис —

⁹³ 1.6.3.

⁹⁴ 2.27.2.

⁹⁵ Эхо: 3.11.1, 22.2, 4, 23.1.5 (миф об Эхо); Сиринга: 2.34.2 (миф о Сиринге), ср. 37.1.

⁹⁶ Песня о Питис 1.27.2.

⁹⁷ Филет упоминает историю Питис как реальное событие: 2.7.6.

⁹⁸ Хлоя упоминает историю Питис: 2.39.3.

⁹⁹ 2. 26.3. и 28.3.

Пана¹⁰⁰. И вместо убийства из мифа — танец, а Хлоя-Сиринга убегает от Пана-Дафниса в лес, словно в болото, как убежала Сиринга, ставшая тростником. Но ярость и агрессия Пана, порубившего тростник, где скрылась Сиринга, и сделавшего из убитой девы-тростника свою сирингу, в сценке изображена только как сила игры Дафниса на сиринге: «в порыве он звучал неистово, влюбленный играл вкрадчиво, ища ее, издавал призывные звуки»¹⁰¹. Гибель Сиринги разыграна «на театре», сцена гибели девы превратилась в эстетическое явление — страстную игру на сиринге Пана, выражающую чувства доброго Дафниса, а не дикого Пана.

Хлоя зачарованно слушает, как эхо пения гребцов рождает в скалах усиливающий его отзвук. Дафнис объясняет ей, что это такое, и рассказывает миф об Эхо. В далеком прошлом мифа Эхо — это растерзанное и разметанное по земле тело девы, а ныне — это прекрасное эхо, которое делает еще краше чудесную песню¹⁰². И разговаривая украдкой с Дафнисом, неожиданно заявившемся зимой к Хлое, она откликается на слова его о своей тоске, нежности, любви, словно Эхо — вторя, повторяя за Дафнисом его речи. Наконец Питис, превратилась, убегая от Пана, в сосну, а сосновыми ветками Хлоя постоянно украшала себя задолго до пленения и освобождения. Словом, все несчастные жертвы Пана — это не только помощницы Пана и спасительницы Хлои, она играет Сирингу, украшается Питис, восхищается Эхо. Между тем мифы в романе рассказывают почти исключительно о трагическом и гибельном эросе. Но миф, который Эрот делает из Хлои имеет счастливый конец.

Приемных родителей Дафниса и Хлои, рабов и крестьян, надо рассматривать вместе и в противопоставлении также совместно рассматриваемым городским родичам. Столь же системного рассмотрения заслуживают и соперники Хлои и Дафниса, ложные или неудачные претенденты на их любовь. Как родители делятся на воспитавших, при этом деревенских, и городских, и при этом подкинувших, так и «лишние» влюбленные составляют пару деревенских — волопас Доркон и пастух Лампид — оба претендуют на Хлою, а в Дафниса влюблены привезенная из города Ликенион — молодая жена староро Хромида — и парасит семейства Дионисофана Гнафон.

Имя ЛАМОН, Λάμων, не зафиксировано в надписях. В литературе оно так же редко. Ламон из романа садовник и раб, садовник Ламон, который выращивает фрукты, попадает в эпиграмме¹⁰³. Rare-Benseler без обиняков дает семантике имени латинский перевод: gula — *глотка, горло, обжорство, прорва*¹⁰⁴. Сюда же относится древнегреческая Баба Яга Ламия. Имя подходит для

¹⁰⁰ 2.37.

¹⁰¹ 2.37.3.

¹⁰² 3. 22–23.

¹⁰³ AP 6. 102.

¹⁰⁴ Rare, Benseler 1875: s. v.

комедийной маски, так в Схолиях к *Посланиям* Горация *Iamos* поясняется как *ingluvies* — *ненасытность*¹⁰⁵. Прожорливы и Ламия, и царь людоедов лестригонов Ламос из Одиссеи. Этому рабу есть соответствие в городском паразите Гнафоне, что значит, Челюсти. То есть выстраивается еще один баланс деревенского и городского комедийного персонажа с пейоратвным именем (см. ниже о Графоне). В *Ватиканском собрании гном* говорится о том, что некий Ламон укусил противника во время борьбы. На реплику противника: «Ты кусаешься, как женщина», ответил: «Нет, как лев»¹⁰⁶. Еще одна пословица называет Ламона царем в стране слепцов, потому что он крив¹⁰⁷. Вероятно Ламон был комедийной фигурой, но данные слишком отрывочны, чтобы судить с уверенностью о культурной семантике его имени.

Его жена МИРТАЛА носит имя «растительное» и одновременно, как и мирт, соотнесенное с Афродитой. Это имя встречается в эпиграфике (Эвбея, Самос, Афины классического периода, Эпир и Македония, Троада, Миртола в Кари и Памфилии); имя засвидетельствовано в надписи на вазе в Афинах еще в 6 в. до н.э.¹⁰⁸; имя не аристократическое, его носят и гетеры¹⁰⁹ По социальному статусу Миртала ниже, чем жена Дрианта Напа, и отличается несколько шокирующей легковерностью: так, она удивляется, что коза может родить мальчика, но не колеблется его усыновить¹¹⁰.

ДРИАНТ (*Δρύας*) и НАПА (*Νάπη*) не рабы, но, судя по именам, люди «дикие», сугубо лесные. Имя приемного отца Хлои, как и именование лесных нимф дриад происходит от дуба или от дуба как представителя всех деревьев. Напа — значит *заросли*, в долине или в овраге, *лесистое ущелье*, слово, вероятно, догреческое, но греческие писатели могли этого и не знать¹¹¹. Вдобавок есть такой топоним — деревня Напа — на самом Лесбосе на метимнейской равнине¹¹². Привязка имени к малоизвестной деревне делает историю подчеркнуто локальной, хотя Лесбос — это для автора — весь мир. Он будто бы приезжает на Лесбос поохотиться, но мир, откуда он пришел, никак себя не проявляет.

Имя Дриант зафиксировано как собственное на немногих территориях и всего 14 раз в период от III в. до н. э. до имперского периода¹¹³.

Но есть и мифологический Дриант — это сын гонителя Диониса фракийского царя Ликурга, убитый своим обезумевшим отцом, и предводитель фес-

¹⁰⁵ Hor. Ep. 1.13.10.

¹⁰⁶ Sententia 402.

¹⁰⁷ Apost. Paroem. 7. 23.1.

¹⁰⁸ LGPNo 1987–2018: vol. 2, p. 323.

¹⁰⁹ Herond. 1.89, 2.65, Luc. Dial. Meret. 14, Aristaen. 1.3.2; Mart. 5.4, Hor. Od. 1.33.14, см. также LGPNo 1987–2018: vol.1, 2,3а, 4, 5а, 5b s. v.

¹¹⁰ 1.3.1

¹¹¹ Beekes 2009: 996.

¹¹² Strab. 9.4.5.

¹¹³ LGPNo1987–2018: vol. 1, 3а, 5а, 5b, 5с s. v. О гомеровском Дрианте см. выше прим. 37.

салийских лапифов. Эти тезки не создают Дрианту внятного семантического контекста. Можно, правда, вспомнить, что убийца иного Дрианта Ликург, запечатлен в росписях Дионисова храма, за счет этой ассоциации в храме сосредоточивается еще большая враждебность деревенскому миру. Естественный контекст для Дрианта — жена его НАПА, «дремучая», если подобрать подходящее русское слово, для этого редкого имени (три случая, кроме романа¹¹⁴).

Примечательно, что имя Дриант обнаруживается во фрагменте романа, в котором можно усмотреть пасторальный антураж. Стафил («Виноградная лоза») подброшен матерью, спасен пастухами и принесен во дворец царя Дрианта, который, видимо, оказывается его отцом¹¹⁵. Что же касается Напы, то это имя за исключением греческой антологии¹¹⁶, встретится в римской поэзии, любовной, у Овидия¹¹⁷, а как имя нимфы зарослей в контексте все же пасторальном, в *Георгиках* Вергилия и у Колумелы именуется Нарaea¹¹⁸.

О пышном имени ДИОНИСОФАНА и двойственном боге Дионисе было достаточно сказано ранее. Жестокая сторона Диониса бросает тень на отца Дафниса, оставившего на произвол судьбы собственное дитя, да и Ламон ожидает, что хозяин повесит его, как Марсия, за разоренный цветник¹¹⁹. К этому можно добавить, что имя засвидетельствовано в греческом мире широко¹²⁰, Геродот и Павсаний упоминают Дионисофана эфесца¹²¹, а у возможного современника Лонга Климента Александрийского упоминается Дионисофан из Митилен¹²².

Его жена КЛЕАРИСТА, Славнейшая, или Лучшая слава, носит имя, по звучанию аристократическое, засвидетельствованное в архаическое время в Лаконии, в классическое в Афинах, в эллинистическое на Крите и в Киренаике, в Аркадии, Арголиде, Фессалии, Беотии, в Смирне¹²³. Клеариста имеет и литературных тезок, дважды она лишь мелькнет в *Идиллиях* Феокрита¹²⁴.

Их сын и брат Дафниса АСТИЛ, своим именем заявляет о том, что он человек городской цивилизации, это молодой веселый и снисходительный к порокам состоятельный человек, привыкший к слугам.

Имя кажется придуманным специально для противопоставления город/деревня, но оно вполне реально и взято из, так сказать, «подручного материала». Имен с корнем Ἄστυ — много, если учесть только удвоение ламбды, то

¹¹⁴ LGPNo 1987–2018: vol. 5b,5c s. v.

¹¹⁵ Vitelli, Norsa 1935: 1220; Stephens, Winkler 1995: 429 ff.

¹¹⁶ AP 5.5.

¹¹⁷ Ovid. Amor. 1.11.2, 1.12.4.

¹¹⁸ Verg. Georg. 4.535, Colum. 10.264.

¹¹⁹ 4.8.

¹²⁰ Делос, Эвбея, Эретирия, Эпидавр, илирийский Далос, Беотия, Македония, побережье Понта, Ионии, Ликий, LGPNo 1987–2018: vol.1, 3a, 3b, 4, 5a, 5b s. v.

¹²¹ Herod. 9.84, Paus. 9.2.2.6.

¹²² Clem. Alex. Strom. 1.16.79.3.

¹²³ LGPNo 1987–2018: vol. 1, 2, 3a, 3b, 4, 5a s. v.

¹²⁴ Theocr. Idyll. 2.74 и 5.88.

имя встречается на Эвбее и в Киренаике, в Афинах, Аркадии, самые древние случаи, 6 век, в Великой Греции, Кротоне, а также в Метапонте, Помпеях, Дельфах, фессалийском Фарсале. Производные этого имени очень разнообразны и встречаются широко¹²⁵. Литературное пересечение известно только в латинской буколической поэзии¹²⁶. Астил и Ликид у Кальпурния не сходятся в поэтических вкусах, намерены состязаться, но все дело ограничивается их перебранкой, переходящей «на личности», отчего судья отказывается их судить. Поражает в этой ситуации, что вопреки имени не Астил, а Ликид выступает защитником тонкого вкуса. Если Лонг и знал *Эклогу* Кальпурния, он его поправил. К этой же семье относятся слуги: Евдром, Софрона или Софросина и паразит Гнафон. Последнего рассмотрим среди «ложных претендентов». Все имена слуг этимологически прозрачны. Они появляются в последней книге, которая, по общему и притом справедливому мнению, имеет сюжетные и образные сходства с новой комедией: подброшенные дети обретают родителей, прекрасная пара избавляется от нежелательных претендентов, плетутся интриги с участием рабов и паразитов, но все кончается свадьбой и пиром.

Слуга и гонец носит имя ЕВДРОМ, что означает, что он хорошо и быстро бегаёт, имя для гонца описывает его главное свойство. Так гомеровский глашатай, гонец, носит имя Широкошагающего — Еврибата¹²⁷. Имя в форме *Εὐδρομος* и в форме *Εὐδρόμιος* засвидетельствовано в эпиграфике¹²⁸.

Имя СОФРОНА характеризует служанку госпожи как скромную и благоумную наперсницу ее хозяйки. Оно используется для нянек у Менандра в *Третьей суде* и у Теренция в *Евнухе* и *Формионе*. Это дает имени несомненную литературную генеалогию. Рукописное чтение — СОФРОСИНА, Целомудрие — вводит в дело уже обозначение добродетели, что, пожалуй, слишком для такого проходного персонажа. Однако и это имя носит нянька в одном и *Писем* Аристенета¹²⁹, который, по общему мнению, использовал в своих письмах Новую комедию. Подобное чтение кажется трудным, но не предпочтительным, если не предполагать в назывании служанки, выполняющей приказание подкинуть новорожденное дитя, именем важнейшей добродетели, некую злую иронию. Скорее всего это варианты полного и торжественного имени и сокращенного, и то и другое имя встречаются примерно дюжину раз, про одну каппадокийку мы знаем, что ее социальный статус — рабыни или вольноотпущеницы¹³⁰.

¹²⁵ LGPN^o 1987–2018: vol.1, 2, 3a,3b, 5b s. v.

¹²⁶ Calp. Ecl.6.

¹²⁷ Hom.Od.

¹²⁸ LGPN^o 1987–2018: vol. 2, 3a, 3b, 4, 5b 5c s. v.

¹²⁹ I.6.

¹³⁰ *Σωφρόνη* / *Σώφρονα* LGPN^o 1987–2018 vol. 1, 2, 3a, 5a, 5b 5c s. v.; *Σωφροσύνη* LGPN^o 1987–2018: vol. 1, 3b, 4,5a, 5c s. v.

Столь же простое говорящее имя автор нашел для предводителя митиленского войска: его зовут Гиппас, Конник или Всадник¹³¹. Несмотря на большое число имен с «конным» корнем, в данной форме имя, известное с 6 века на коринфских вазах и в Южной Италии, все же редкое: в общей сложности 11 упоминаний и еще два Гиппασία¹³². Этот Гиппас, милитенский предводитель, военачальник редких качеств: имея преимущество и располагая возможностью отомстить и захватить Метимны, он по своей воле сворачивает в сторону и стоит лагерем, пока противник не придет с предложением мира. Образцовый Всадник, само благородство. Можно ли предполагать, что простое и в то же время редкое имя избрано для него сознательно? Ответа нет, но хочется так думать.

МЕГАКЛ — самое распространенное имя из всех в романе, встречается с 7 в. до н. э. в 125 эпиграфических памятниках¹³³. Целая династия Мегаклов играла существенную роль в политической жизни архаических и классических Афин. Если пожизненный архонт Афин 922–892 гг. до н. э. легендарен, то архонт, который повинен в «Килоновой скверне» — лицо историческое, как и другой Мегакл, его внук и союзник Писистрата, Мегаклом звали сына реформатора Клисфена и двух заметных афинских политических деятелей 5-го века. Словом, исторического веса у этого имени предостаточно, а значит оно «Велеславный».

Часто встречается и имя его жены, РОДЫ, Ρόδη или Ρόδα, Роза, еще одно цветочное имя для женщин. Роза из романа ничем особенным себя не проявила, как мать красавицы, она носит имя прекрасного цветка. Имя засвидетельствовано надписями в Афинах с 6 в. до н. э., а также встречается в Арголиде, италийской Кампании, Беотии, Македонии, Сарматии и Фракии, в Лидии, Пафлагонии, Карию, Киликии и Фригии¹³⁴.

Все ложные претенденты терпят, как им и положено, неудачу, однако они раскаиваются, стараются загладить вину, и даже оказываются благодетелями и защитниками героев. Это в их именах непосредственно не проявлено, здесь сказывается общая настроенность Лонга: умиротворять раздоры и очеловечивать звериное. Заметим, что деревенские, претендующие на Хлою, ведут себя прямолинейней и грубее, а городские прибегают к хитростям и обману. Имена трех чрезвычайно выразительны и имеют литературные референции, имя Лампид меньше всех вообще в романе поддается расшифровке. Между тем при такой последовательной продуманности имен разумно предположить, что это имя не исключение, но литературное произведение, которое дало бы ключ к Лампиду, возможно комедийное, утрачено.

¹³¹ 3.2.1, 2.4.

¹³² LGPNo 1987–2018: vol. 1, 3a s. v. Ἰππασος, LGPNo 1987–2018: vol. 5a s. v. Ἰππασίος.

¹³³ LGPNo 1987–2018: vol.1, 2, 3a, 3b, 4, 5a, 5b s. v.

¹³⁴ LGPNo 1987–2018: vol. 2, 3a, 3 b, 4, 5a, 5b, 5 c s. v.

Первый лжепретендент в романе это волопас ДОРКОН¹³⁵, т. е. Косуля, Газель (δορκάς). Это нехищное «животное» рядится в шкуру волка, устраивает засаду в глубоком заросшем овраге (Напа?) у водопоя, куда Хлоя гонит стадо. Не найдя отклика в сердце Хлои, решает превратиться в зверя, который нападет, испугает и завладеет. Если ты Косуля, не рядись волком. Собаки почуяли Доркона, разодрали его шкуру, и ему самому досталось. Дафнис и Хлоя приняли его наряд за пастушескую шутку и помогли ему спастись от собак¹³⁶. Однако волчья тема появляется в этом месте не первый раз. Она возникает в самом начале, когда крестьяне вырыли и замаскировали яму для резавшей скот волчицы. Дафнис погнался за дерущимися козлами и свалился в яму, а Хлоя, вызволяя оттуда Дафниса, «развязала свой пояс», и помогавший вызволять Дафниса Доркон в нее влюбился¹³⁷. В состязании за Хлою Доркон поносит Дафниса, он черен, как волк, беден так, что собак кормить нечем, иронически предвосхищает свою судьбу как ряженого волка, покусанного собаками пастухов; а Дафнис, дразня Доркона как белолицую изнеженную горожанку, предвосхищает городскую красоту Ликенион, Маленькую волчицу, свою соблазнительницу¹³⁸.

Волчица в первом эпизоде с Дорконом настоящая, и пояс развязывает девушка реально, чтобы помочь Дафнису вылезти из ямы. Но воспринимается это ее действие метафорически, а опасная волчица отзовется еще в двух эпизодах, последовательно сублимируясь сначала в изображающий волка «костюм» Косули-Доркона, а потом от волчицы остается только имя.

Молодая городская, для деревни слишком изнеженная «женщинка» (γύναιον), привезена в деревню немолодым Хромидом¹³⁹, чье имя тоже носит пастух и флейтист Феокрита¹⁴⁰. Скучая в деревне, она влюбляется в Дафниса. Ее зовут Ликенион (Λικαίνιον), «Маленькая волчица». Хотя «волчьих» имен немало — Ликена, Ликка, Лика, Лакефион — имя Ликенион в надписях не представлено. В литературе, кроме Лонга, Ликенион знает одна анонимная эпиграмма-эпитафия, которая оплакивает умерших в брачную ночь — жениха и невесту по имени Ликенион¹⁴¹. С другой стороны, «ликенион» называлась комедийная маска высохшей старухи¹⁴², была ли это маска старухи похотливой и претендующей на любовь юноши, мы не знаем. Скудость данных и отсутствие этого имени в обыденной жизни придают особое значение тому, что при переводе диминутива на латинский мы получим lupula, что означает не волчицу, сколько угодно маленькую, а проститутку.

¹³⁵ 1.15.1.

¹³⁶ 1.20–21.

¹³⁷ 1.12.4.

¹³⁸ 1.16.

¹³⁹ 3.15.1.

¹⁴⁰ Theoc. Ilyll. 1.24.

¹⁴¹ AP 7.298.

¹⁴² Poll.On. 4.150.6.

Поняв, что Дафнис и Хлоя не знают «дел Эроta» и страдают, Ликенион просит Дафниса спасти ее, т. е. ее гуся, унесенного орлом, а на самом деле ее самое¹⁴³. В погоне за гусем она заманивает Дафниса в чашу рядом с источником и там говорит, будто нимфы явились ей во сне и, зная о его любви к Хлое, велели ей «спасти» Дафниса. Она завершает урок, начатый Филетом, осуществляет для Дафниса эротическую педагогию¹⁴⁴, дополняя практическую часть наставлениями, которые касаются Хлои. Он полон благодарности своей наставнице, считает ее своей благодетельницей.

Варианты волчьего имени — Ликена, Лика, Ликенис в литературе принадлежит гетерам¹⁴⁵, Ликенис особенно отталкивающая¹⁴⁶, а в одном из вариантов мифа Лика — это лесная нимфа, влюбленная в сицилийского Дафниса¹⁴⁷. Это может быть литературной подсказкой для Лонга. Так, к добросердечной гетере¹⁴⁸, носящей, как в Новой комедии и в быту, уменьшительное имя среднего рода, добавляется лесная хищница, увлекающая Дафниса в чашу подобно вымышленному орлу, унесшему гуся.

Но и дикое, и зверское, и порочное обезвреживается при встрече с нашими героями. Вот Доркон деревенщина, он рядится волком и хочет напасть, но сам становится жертвой собак, а Дафнис и Хлоя еще и спасают его. Позднее Доркон, умирая, спасает Дафниса. Ликенион хочет соблазнить, но не может этого сделать со слишком невинным существом, она тронута чистотой юноши. Эта пара ложных претендентов, деревенская и городская, оказываются благодетелями...

Еще одна пара ложных претендентов — тоже горожанин и пастух. Желание обладать движет ими, и в средствах они не избирательны. Они не становятся «благодетелями», но Гнафон, чтобы заслужить у господина прощение, отнимает Хлою у Лампида, и на радостях Дафнис его прощает. В конце концов прощены все, все гуляют на свадьбе Дафниса и Хлои, и хотя Доркон умер, его родные приглашены на пир, как и Ликенион вместе с Хромидом...

Не скажу ничего нового, сообщив, что ГНАФОН — паразит, что паразиты бывают приживалами у богатых людей, что имя его значит Челюсть, а тем самым стоит в ряду Брюха, Обжоры, Глотки и других персон «еды», которых могут звать также, скажем, Колбаса (Ганс Вурст). Это фарсовое, «мясное», амплиа говорит о комедии. Такое имя у персонажей Теренция в *Евнухе*, в *Льстеце* Ме-

¹⁴³ 3.16.2.

¹⁴⁴ 3.19.1.

¹⁴⁵ RE. 8.2,1362 слл.

¹⁴⁶ AP II. 327

¹⁴⁷ Комментарий Филаргириса к Verg. Ecl. 5. Что же касается Licinna с которой у поэта был первый опыт близости (Pgor. 3.15.5–6), то это восходит скорее к волчьей семантике, которая позволила и древний миф о волчице, вскормившей Ромула и Рема, переделать в историю доброй женщины соответствующего статуса.

¹⁴⁸ Morgan 2004: 209.

нандра, есть Гнафонид у Лукиана¹⁴⁹, прожорливая гетера носит имя или прозвище Гнафайна в комедии, которую цитирует Афиней¹⁵⁰ Плутарх придумал «Гнафонство: Гнафон первый в том, чтобы отобедать¹⁵¹. Он сразу представлен вместе с этимологией своего имени: «Гнафон же, умевший только есть и пить до беспамьяства и, напившись, похабничать, у которого только и было всего что широкая глотка (γνάθος), да брюхо, да то, что под брюхом, Дафниса тотчас приметил, когда тот дары подносил. По природе своей был он любителем мальчиков»¹⁵². Удивляет скорее то, что это не чисто литературное имя! Гнафонов как таковых с ударением на первом и втором слоге в LGPNo 7 на Эвбее и 1 на о.Фасос; в Аркадии 3, в Беотии 2, в Херсонесе Таврическом и в Ионии по одному, и в Галикарнассе 1 в классическое время¹⁵³. Но есть еще Гнафена, Гнафенион, Гнафион, Гнафиос, Гнафис... Вероятно, все это прозвища. Гнафон — маска, тип, если его что-то и отличает от стереотипа, то именно спасение Хлои, правда, спас он ее своей корысти ради.

ЛАМПИД, как и Доркон, пастух, деревенщина. Имя «Лампид» представлено в десятке надписей Эгины, Элиды, Лаконии, Локриды и Карию¹⁵⁴. Значительных исторических фигур с таким именем нет, некие Лампиды упоминаются у Плутарха и Павсания¹⁵⁵. Интересней и ближе к образу героя Лонга Лампид-акарнанец, начальник наемников, храбрый воин, который покончил с собой от любви к гетере Миртии¹⁵⁶. Влюбленный Лампид романа безуспешно применяет хитрость и силу и похищает деву, предварительно истоптавши цветник, орошаемый источником по имени Дафнис. Он составляет достойную пару Гнафону по жестокости, звериному поведению, проявлению физической агрессии. Двое из ложных претендентов, пастух и скорее всего гетера, оказываются благодетелями, еще двое, пастух и паразит обнаруживают агрессивную сторону любви, но раскаиваются (не ранее, чем обстоятельства оборачиваются против них). Однако объяснения световому имени Лампида я не нахожу. Пожалуй, это единственное имя в романе, семантика которого остается непроясненной...

ФИЛЕТ, Φιλῆτης¹⁵⁷, носит имя от продуктивного корня, вариантов которого чрезвычайно много. Однако форма, которая фигурирует в критическом издании Reeve¹⁵⁸, встречается в надписях, судя по словарю собственных имен, еще

¹⁴⁹ Luc. Fug. 19 и Tim. 45.

¹⁵⁰ Athen, 9. 384

¹⁵¹ Quaest. Conviv. 707e.

¹⁵² 4.11.2. Пер. С.П. Кондратьева.

¹⁵³ LGPN vol. 1, 3a, 3b, 4, 5a, 5b.

¹⁵⁴ LGPNo 1987–2018: vol. 3a, 3b, 5a, s. v.

¹⁵⁵ Plut. De virt. Mul. 253B; Paus. 6.15.7.

¹⁵⁶ Luc. Dial. Mort. 27. 7.5.

¹⁵⁷ По каким-то причинам словарь личных имен с отсылкой к Лонгу дает имя Φιλῆτης, LGPNo 1987–2018: vol. 1 s. v.

¹⁵⁸ Longus 1982.

только однажды, в Афинах 2 в. до н. э.¹⁵⁹ Еще дважды встречается, близкое имя с ударением на втором слоге Φιλῆτας, историческое лицо в Эфесе и в Книде¹⁶⁰. Широко же распространено имя Φίλητος — всего 179 случаев¹⁶¹. Выбор имени говорит о том, что Лонг идет не за этимологическим смыслом, а за ассоциацией литературного плана, чтобы сделать деревенщину заместителем ученого поэта, родом с Коса, которого Феокрит считал своим наставником. Дж. Морган в своем комментарии, все, чему не найден литературный источник, возводит к Филету. Хотя при утрате почти всего из написанного Филетом доказать тут что-либо сложно, идея связать романного наставника героев, рассказывающего им о божестве Эроте, с учителем Феокрита, ныне мудрого старца, а некогда влюбленного, сочинявшего пастушьи песни, — эта идея представляется удачной. Она отвечает той тенденции, которая просматривается в романе в целом: вернуться в «первоначальное состояние», в данном случае в состояние пастуха-поэта, а не поэта, который делает вид, что он пастух. Филет воспевает Амариллис, а не скрывает за легендарным именем свою знакомую. Имя Филета подходит для старика и этимологически, так как связано с любовью и поцелуем, он просит позволить поцеловать Эрота, это игра слов: Φιλῆτας и φιλήσαι.

ТИТИР¹⁶², который в *Идиллиях* Феокрита (и Эклогах Вергилия) состязается в пении¹⁶³, оказывается младшим сыном Филета¹⁶⁴, напоминающим одновременно златокудрого Эрота и козленка — своими прыжками, а лань — своим быстрым бегом. Такое же имя носил вымышленный отец сицилийского комедиографа Эпихарма¹⁶⁵, и возможно, подобный родитель был придан Эпихарму потому, что это дорийское имя сатиров¹⁶⁶. Животная природа Титира подчеркнута двумя сравнениями его со скачущим козленком, а его стремительного бега — с бегом лани¹⁶⁷. Это юное существо стоит на границе человека и животного, и при этом напоминает Эрота своей золотой головой, голубыми глазами и подвижностью.

Наконец АМАРИЛЛИС, она несколько не действует как персонаж романа, только в памяти Филета. Как реальное имя Амариллис существует, но очень ограниченно: одна надпись в Афинах и 4 в Южной Италии, что же до литературных аллюзий, то из известных писателей это Феокрит, прочее — цитаты

¹⁵⁹ LGPNо 1987–2018: vol. 2 s. v.

¹⁶⁰ LGPNо 1987–2018: vol. 5a s. v. (ср. RE 2) и Vol. 5b s. v.

¹⁶¹ LGPNо 1987–2018: vol.1, 2,3a, 3b, 4, 5a, 5b, 5c s. v.

¹⁶² 2.28 и 33.

¹⁶³ Theocr. 3. 2–4, 7.72, Verg. Ecl.1 целиком, а также Ecl. 3, 5, 6, 8, 9; Calp. Sic. 3 b 4, Nemes 1.1, 2.84.

¹⁶⁴ Имя редкое в надписях: самая древняя 500–475 до н. э. из Мессении (1), Фессалия (2), Горгиипия (1), Колофон, (1), Понтийский город (1), LGPN Vol. 3a, 3b, 4, 5a, 5b s.v с незначительными морфологическими отличиями.

¹⁶⁵ Souda s. v. Ἐπίχαρμος.

¹⁶⁶ Eustath. Hom. II. 4.233.2–3, Schol. Theocr. Proleg. 7.72c: ὁ δὲ Τίτιρος: ὄνομα αἰπόλου. τινὲς δὲ παρὰ Δωριεῦσι τοὺς Σατύρους <οὕτως> ἀποδεδώκασι λέγεσθαι.

¹⁶⁷ Phot. Lex. Τίτιριδες καὶ τίτιροι: τράγου εἶδος [титириды и титиры — вид козлов].

из него, схолии к нему, парафразы того же Феокрита¹⁶⁸ и латинские продолжатели буколической поэзии¹⁶⁹. Знакомство Лонга с латинской поэзией весомо подкрепляет совпадение рассказа Филета о том, как он прославлял Эхо за повторение с ним вместе имени Амариллис, со словами из *Эклоги* Вергилия: *formosam resonare doces Amaryllida silvas* («ты учишь леса откликаться [именем] прекрасной Амариллис»)¹⁷⁰.

Как представляется, именование героев в *Дафнисе* и *Хлое* подчинено не задаче литературной аккультурации мифа, но напротив, «разлитературиванию». Используя разнообразные ассоциации и аллюзии, автор вместе с читателем эмигрирует из Рима, из империи и цивилизации не в условную стилизацию, но в реальное место рождения мифа — в простую жизнь архаичного деревенского острова. Автор сознательно возвращает миф к стадии его рождения, видя вокруг следы этого прошлого, ставшего культом. Так, и Филострат в *Героике*, видит греческую землю местом «проживания» в своих могилах-героенах бесчисленных героев древности, Гомеровских персонажей, и эти герои взаимодействуют с ныне живущими.

Предположения о том, что автор *Дафниса и Хлои* римлянин, делались еще в 19 в. В списке знатных граждан Митилен конца республики или начала империи фигурирует Гней Помпей Лонг¹⁷¹. И в другой надписи другой Лонг — Авл Помпей (?) Дионисодор (напоминающий Дионисофана), верховный жрец Митилен¹⁷². Если Лонг первой надписи был консулом 49 г. н. э, Гнеем (?) Помпеем Лонгом Галлом, то эта семья действительно знатна и знаменита. К тому же верховной жрицей Диониса в Риме была Помпея Агриппинилла, жена консула 150 г. н. э. и член семьи с Лесбоса, связанной с Римом с давних времен; а один из членов тиаса почитателей Диониса носил имя Филета¹⁷³. Не пытаюсь назвать одного из этих людей автором романа, я думаю, что автор был из их среды. Не такой ли человек должен грезить о сельской, уединенной, простой, трудовой, благочестивой и прекрасной жизни, полной любви, музыки, искусства? Частную жизнь он возводит в ранг мифа. Детство, созревание, брак его героев, то, что происходит со всеми, окружено сияющим ореолом чистоты и божественности.

Если архаический миф строится на медиации противоположностей типа сырое и вареное, то миф о *Дафнисе* и *Хлое* строится на медиации таких обобщений как природа и культура. Кем бы ни был Лонг, это он предложил вторичный литературный миф, построенный на примирении ценностей человечности и природности.

¹⁶⁸ Idyll. 3 и 4; LDPN .2, 3a

¹⁶⁹ Calp. Sic. 4.38.

¹⁷⁰ Cp. Long. 2.7.4 и Verg. Ecl. 1.5. см. Morgan 2004: 183.

¹⁷¹ IG XIII.2.88.

¹⁷² IG XII.2 249.

¹⁷³ Hunter 1983, 2, 101.

А что же здесь делают имена? Являются ли они реликтом какого-то древнего мифа? Ничуть. Пастораль и мифологичность у Лонга не пережиток и не стилизация, а сознательная имитация аретологического сказания. Автор имеет «программу», это придает его творению символичность. Он сообщает Риму и миру, что частная жизнь в согласии с природой, освящена мифом, значительна и божественна. Что в ней есть свой Филопеман, не такой, как великий и благородный стратег, неизбежно терпящий поражение; что есть иная свобода, свобода пренебречь богатством и знатностью и навсегда остаться пастухами. Лонг породил космос частной жизни, в нем *все* важно и осмыслено, так могут ли имена быть случайными? Пусть у каждого имени свой генезис — литературный, этимологический, с соотношением по сходству или по противоположности или еще какой-нибудь. Важна всецелая осмысленность жизни, становящейся мифом.

ЛИТЕРАТУРА

- Альтман 1933 — *Альтман М.С.* К семантике собственных имен у Гомера // Из истории докапиталистических формаций: сб. статей к сорокалетию научной деятельности Н.Я. Марра. М.; Л., 1933. С. 437–474
- Брагинская 2007 — *Брагинская Н.В.* Эзоп — служитель Муз, или ошибка бога // Восток и Запад в балканской картине мира: памяти В.Н. Топорова. М.: Индрик, 2007. С. 114–152.
- Брагинская 2010 — *Брагинская Н.В.* Мировая безвестность / Н.В. Брагинская // Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. С. 34–62
- Брагинская, Накипов 2015 — *Брагинская Н.В., Накипов Р.Р.* Дафнис и Энкиду // Индоевропейское языкознание и классическая филология-ХІХ: материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского, 22–24 июня 2015 г. СПб.: Наука, 2015. С. 100–113.
- Брагинская, Шмаина-Великанова 2017 — *Брагинская Н.В., Шмаина-Великанова А.И.* Символическая повесть. Часть 1 // Индоевропейское языкознание и классическая филология — ХХІ: материалы чтений, посвященных памяти проф. Иосифа Моисеевича Тронского, 26–28 июня 2017 г. СПб.: Наука, 2017. С. 108–134.
- Брагинская, Шмаина-Великанова 2018 — *Брагинская Н.В., Шмаина-Великанова А.И.* Символическая повесть. Часть 2 // Индоевропейское языкознание и классическая филология — ХХІІ: материалы чтений, посвященных памяти проф. Иосифа Моисеевича Тронского, 18–20 июня 2018 г. СПб.: Наука, 2018. С. 211–239.
- Гринцер 2008 — *Гринцер Н.П.* Стать Ахиллом, оставшись Энеем. Имя героя в финале «Энеиды» // *Natales grate numeras*: сб. статей к 60-летию Г.А.

- Левинтона. СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 213–229
- Гринцер 2010 — *Гринцер Н.П.* «Ифигения в Авлиде» — трагедия имени // Классика... и не только: Нине Владимировне Брагинской. М.: РГГУ, 2010. (Orientalia et Classica: труды Института восточных культур и античности; вып. 33). С. 19–47
- Зембатова 1969 — *Зембатова Н.П.* Роман Гелиодора «Эфиопика» и его место в истории жанра // Античный роман. М.: Наука, 1969. С. 92–106.
- Накипов 2014 — *Накипов Р.Р.* Боги, люди и животные в структуре романа «Дафнис и Хлоя»: к вопросу о природе пасторального жанра: дипломная работа. М.: РГГУ, 2014
- Подосинов 2013 — *Подосинов А.В.* География и географические знания в античном романе (некоторые наблюдения) // *Раевская О.В.* (ред.) Вторые и третьи Аверинцевские чтения: к 75-летию со дня рождения академика С.С. Аверинцева. М.: Изд-во МГУ, 2013. С. 200–222.
- Шмаина Великанова 2010 — *Шмаина-Великанова А.И.* Книга Иудифи как символическая повесть: анализ имен // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XIV: материалы чтений, посвящ. памяти проф. И.М. Тронского, 21–23 июня 2010 г. СПб.: Наука, 2010. Часть 2. С. 467–477
- Baudy 1993 — *Baudy G.* Hirtenmythos and Hirtenlied // *Poetica*. 1993. Vol. 23. P. 282–318.
- Beekes 2009 — Beekes R. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden: Brill, 2009. 2 vols. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series; 10).
- Billault 991 — *Billault A.* La creation Romanesque dans la literature grecque à l'époque impériale. Paris, 1991.
- Blumenthal 1938 — *Blumenthal A. von.* Philetas (1) // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1938. Bd. 19, T. 2. Sp. 2165–2170. То же. URL: https://de.wikisource.org/wiki/RE:Philetas_1; дата обращения 01.12.2019.
- Booth, Maltby 2006 — *Booth J., Maltby R.* (eds). What's in a Name?: The Significance of Proper Names in Classical Latin literature. Swansea: The Classical press of Wales, 2006.
- Bowie 1995 — *Bowie E.L.* Names and a Gem: Aspects of Allusion in Heliodorus' *Aethiopica* // Innes D., Hine H., Pelling C. (eds.). *Ethics and Rhetoric: Classical Essays for Donald Russell for his Seventy-Fifth Birthday*. Oxford: Clarendon Press, 1995. P. 269–280.
- Charitonides 1968 — Charitonides S. *Αἱ ἐπιγραφαὶ τῆς Λέσου, Συμπλήρωμα (Βίβλ. τῆς ἐν Ἀθήναις Αρχ. Ἐτ., 69 [Athens, 1968]) Χιακή Ἐπιθεώρησις*.
- Cresci 1981 — *Cresci L.* Il Romanzo di Longo Sofista e la Tradizione Bucolica // *Atene e Roma*. 1981. 26: P. 1–25
- Cusset C. 2007 — Cusset C. Onomastique et poétique : Pour une construction du sens du nom proper // *Lalies*. 2007. 27. P. 193–197.

- De Temmerman 2014 — *De Temmerman K.* Crafting Characters: heroes and heroines in the ancient novel. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Effe 1982 — *Effe B.* Longos: zur Funktionsgeschichte der Bukolik in der romischen Kaiserzeit // *Hermes*. 1982. Bd. 110. S. 65–84.
- Geus, Thiering 2012 — *Geus K., Thiering M.* Common Sense Geography and Mental Modelling. Berlin, 2012.
- Hägg 1971 — *Hägg T.* The Naming of the Characters in the Romance of Xenophon Ephesius // *Eranos*. 69. P. 25–59
- Hägg 2012 — *Hägg T.* The Art of Biography in Antiquity. Cambridge University Press, 2012.
- Herrero Ingelmo 1996 — *Herrero Ingelmo M.C.* La elección de los nombres propios en Longo // *Habis*. 27. P. 157–170.
- Hijman 1978 — *Hijman B.L. Jr.* Significant names and their functions in Apuleius's *Metamorphoses* // *Hijmans B. L. and van der Paard (eds.)*. Aspects of Apuleius's *Golden Ass*. Groningen, 1978. P. 107–122.
- Hunter 1983 — *Hunter R.L.* A Study of *Daphnis and Chloe*. Cambridge: Cambridge University Press. 1983.
- Jones 1996 — *Jones E.* Nominum ratio: aspects of the use of personal names in Greek and Latin. Liverpool, 1996.
- Jones 2006 — *Jones M.* Heavenly and Pandemic Names in Heliodorus' *Aethiopica* // *Classical Quarterly*. 2006. Vol. 56, Iss. 2. P. 548–562
- Kanavou 2006 — *Kanavou N.* Personal names in the *Vita Aesopi* (*Vita G or Perriana*) // *Classical Quarterly*. 2006. Vol. 56, Iss. 1. P. 208–219.
- Kerényi 1927 — *Kerényi K.* Die griechisch-orientalische Romanliteratur in religionsgeschichtlicher Beleuchtung. Tübingen: Mohr, 1927. То же. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1964.
- Keulen 2000 — *Keulen W.H.* Significant Names in Apuleius: a «Good Contriver» and His Rival in the Cheese Trade (*Met.* 1,5) // *Mnemosyne*. 2000. Vol. 53, Fasc. 3. P. 310–321.
- Knaack 1901 — *Knaack G.* *Daphnis* (1) // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1901. Bd. 4, T. 2. Sp. 2141–2146. То же. URL: https://de.wikisource.org/wiki/RE:Daphnis_1 дата обращения 01.12.2019.
- Konstantakos 2009 — *Konstantakos I.M.* Characters and Names in the *Vita Aesopi* and in the *Tale of Ahiqar*. Part 1: Lykourgos and Hermippos // *Hyperboreus*. 2009. Vol. 15, fasc. I. P. 110–132.
- Lavagnini 1921 — *Lavagnini B.* Le origini del romanzo greco. Pisa, 1921.
- LGPN — A Lexicon of Greek Personal Names. Oxford: Clarendon press, 1987–.
- Longus 1982 — *Longus, Reeve M.D.* (ed.). *Daphnis et Chloe*. Leipzig, 1982.
- Ludvíkovský 1925. — *Ludvíkovský J.* Řecký román dobrodružný: Studie o jeho podstatě a vzniku : Le roman grec d'aventures : Étude sur sa nature et son origine. Prague: Fr. Řivnáč, 1925.

- Mittelstadt 1970 — *Mittelstadt M.* Bucolic and Lyric Motifs and Dramatic Narrative in Longus' *Daphnis and Chloe* // *Rheinisches Museum für philologie*. 1970. Bd. 113. S. 211–227.
- Morgan 2004 — *Morgan J.R.* (ed.). *Longus: Daphnis and Chloe* / introduction, text, translation and commentary by J.R. Morgan. Warminster: Aris and Phillips, 2004.
- Nilsson 1967 — *Nilsson M.* *Geschichte der griechischen Religion*. München, 1967. Bd. 1.
- Pape, Benseler 1875 — *Pape W., Benseler G. E.* *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig: Vieweg und Sohn, 1875. Bde 1–2.
- Paschke 2015 — *Paschke B.* Speaking Names in the Apocryphal Acts of John // *Apocrypha*. 26. P. 119–149.
- Paz López Martínez 2019 — *Paz López Martínez M.* Greek Personal Names, Unnamed Characters and Pseudonyms in the *Ninos* Novel // *Torallas S. and Nodar A.* (eds.). *Proceedings of the 28th International Congress of Papyrology*. Barcelona: Publicacions de l'Abadia de Montserrat, Universitat Pompeu Fabra. P. 119–28.
- Pretagostini 2006 — *Pretagostini R.* How Bucolic are Theocritus' Bucolic Singers? // *Fantuzzi M., Papanghelis T.* (eds.). *Brill's Companion to Greek and Latin Pastoral*. Leiden; Boston: Brill, 2006. P. 53–74.
- RE 1912 — *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Band Stuttgart. VIII. 2. s. v. *Hetairai*.
- Renberg 2016 — *Renberg G.H.* *Where dreams may come: incubation sanctuaries in the Greco-Roman world*. Leiden; Boston: Brill, 2016.
- Rohde 1876 — *Rohde E.* *Der griechische Roman und seine Vorläufer*. Leipzig, 1876.
- Ruiz-Montero 2017 — *Ruiz-Montero C.* Personal names in *Antonius Diogenes' Incredible things beyond Thule* // *Michalopoulos A. N. et al.* (eds.). *Dicite, Pierides: classical studies in honour of Stratis Kyriakidis*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2017. P. 107–123.
- Schmeling 1996 — *Schmeling G.* (ed.). *The Novel in the Ancient World*. Leiden: Brill, 1996.
- Stephens, Winkler 1995 — *Stephens S.A., Winkler J.J.* (eds.). *Ancient Greek Novels: the fragments*. Princeton, 1995.
- Vaccarello 1935 — *Vaccarello E.* L'eredità della poesia bucolica nel romanzo di Longo // *Il Mondo Classico*. 1935. A. 5. P. 307–325.
- Vitelli, Norsa 1935 — *Vitelli G., Norsa M.* (eds.). *Papiri greci e latini*. Florence, 1935. Vol. 9.
- Whitmarsh 2011 — *Whitmarsh T.* *Narrative and Identity in the Ancient Greek Novel: Returning Romance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Wojaczek 1969 — *Wojaczek G.* *Daphnis*. *Untersuchungen zur Griechischen Bukolik*. Meisenheim am Glan: Hain, 1969. (Beiträge zur klassischen Philologie; Ht. 34).

- Zeitlin 1994 — *Zeitlin F.* Gardens of Desire in Longus's *Daphnis and Chloe*: Nature, Art, and Imitation // Tatum J. (ed.). *The Search for the Ancient Novel*. Baltimore, 1994. P. 148–170.
- Zimmermann 1994 — *Zimmermann B.* Liebe und poetische Reflexion. Der Hirtenroman des Longos // Prometheus. 1994. Bd. 20. S. 193–210

HOW TO COME UP WITH A NAME: “DAPHNIS AND CHLOE”

NINA V. BRAGINSKAYA

Abstract: The article discusses all the names of the characters in *Daphnis and Chloe*: their etymological meaning and relations to cultural, historical, and literary context, adding the epigraphic evidence as background. Both human dramatis personae, gods and mythological creatures are considered.

The pantheon of the novel is divided into gods and mythic creatures as decorative and rhetorical figures, and as objects of worship and divine characters who act and leave their stories to interact with the heroes (e. g. Pytis, Syrinx, Echo). Significant names are characteristic of most novels, but *Daphnis and Chloe* are distinguished by their total interpretability and systematic thoughtfulness of naming. We cannot submit any interpretative model for one character only, that is Lampis.

For most of these names, separate interpretations have already been suggested by researchers and commentators. Our study not only stresses the systematic interrelationship of all of them, but also shows, how the author's scale of value and escapism was displayed with their help. Sharing the opinion of Longus as a member of the Roman noble family, who shy away from the power and strength of Rome we suggest that what Longus did was the continuation of the pastoral tradition consisting of stylization and idealization of a simple rural life as it existed for centuries in poetry and philosophy. Instead he created pastoral a genre. The pastoral is constituted not by the image of *simplicitas*, rural way of life, and closeness to nature. Its main feature is consistent mediation of essential contradictions of all sorts.

Daphnis and Chloe was a secondary literary myth that offered the reader a chance to be present at the place and time of the myth, and at the establishment of the ritual, to become “witness” of the myth-creating events that will form the myth and ritual in the future. In other words, the novel imitates a sacred legend telling how “a myth was made of a virgin,” how new cults of Eros the Shepherd

and Pan the Warrior were established and a priestly dynasty of divine shepherds was created. Longus' Roman restores the myth so consciously and ideologically that it turns out not to become a myth, but a new literary genre, continued in Europe, when the conflict of nature and culture starts anew.

Keywords: *Daphnis and Chloe*, systematic naming of the characters, names and Handlingpersonen, pastoral as stylization, pastoral as genre

Брагинская Нина Владимировна,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник,
профессор Института классического Востока и античности
Научно-исследовательского университета
Высшая Школа Экономики;
профессор кафедры классической филологии
Института восточных культур и античности
Российского Государственного гуманитарного университета

LUPIONES SARMATE ПЕВТИНГЕРОВОЙ КАРТЫ: ЕЩЕ ОДНА ВЕРСИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАЗВАНИЯ

Е.В. ВДОВЧЕНКОВ

Резюме: В статье рассмотрены основные версии происхождения названия «Lupiones Sarmate» Певтингеровой карты. Исследован исторический контекст упоминания этого этнонима. Помимо основной версии — о связи их с лугиями, рассмотрены еще три версии происхождения. Сделано предположение о возможной связи ургов Страбона с Lupiones Sarmate.

Ключевые слова: Lupiones Sarmate, Певтингерова карта, урги, античная география, этническая история.

Этноним Lupiones Sarmate (TP, VI, 4) относится к числу уникальных названий, известных нам благодаря Tabula Peutingeriana. Он написан красной краской в самой верхней части таблицы, но его расположение может означать размещение на довольно обширной территории между лимесом и Балтийским морем, ближе, скорее всего, к лимесу. Тот факт, что он вроде бы находится к западу от Карпат (Alpes Bastarnice, VII, 2)¹, не является таким уж и очевидным, если учесть специфику изображения самой карты, растянутого по горизонтали.

Нам известна серия двойных «сарматских» названий — Sarmate vagi, Solitudines Sarmatarum, Amaxobii Sarmatae, Lupiones Sarmate, Venadi Sarmatae, Roxulani Sarmate, Suani Sarmatae, Sasone Sarmatae, которые располагаются к северу и к северо-востоку от Дуная и на Кавказе. Этноним и политоним сарматы относятся к нескольким группировкам на карте. Происхождение двойного названия объясняют географической принадлежностью к Сарматии, смешением с сарматами, политической от них зависимостью, или, вслед за Тацитом, образом жизни, отличным от германцев².

Сарматы-ваги («бродячие сарматы»), известные на западной окраине степной зоны, соотносятся, по всей вероятности, с сарматами Среднего Дуная³, известными в этом регионе в I–V вв. Сарматы амаксобии могут быть сопоставлены с аорсами, как это показал Д.А. Мачинский⁴, опираясь как на Плиния

¹ Подосинов, 2002: 330.

² Подосинов, 2002: 322–323.

³ Подосинов, 2002: 315.

⁴ Мачинский 1974: 130–131.

Старшего⁵, так и другие источники. Один этноним — аорсы, таким образом, представляет самоназвание народа, а второй имеет греческое происхождение и образован по внешнему признаку, бросившемуся в глаза грекам (греч. Ἀμαξόβιοι означает «живущие на повозках»). Упоминаются в Певтингеровой таблице и сами аорсы, в искаженном, правда, варианте, у западного подножия Кавказских гор («Arsoae» — VIII, 5, IX, 1). Использование в Певтингеровой карте двух названий (аорсы и амаксобии) одного сарматского этноса вполне возможны — при неоднородности такого источника как TR.

Сарматы венеды, упоминаемые Тацитом (Tac. Germ. 46), Плинием Старшим (Nat. Hist. IV, 97), Птолемеем (Geogr. III, 5, 7 и 8) и Певтингеровой картой (VII, 1), стали поводом для большой дискуссии⁶. Практически все исследователи видят в них не кочевников, а оседлое население. В другом месте карты упоминаются просто Venedi (VII, 4).

К западу от Карпат (при всей условности размещения объектов на карте) находится целый пучок сарматских названий. И это при том, что сам регион довольно небольшой, и охватывает, видимо, равнины венгерской низменности, так называемую пушту. Сосредоточение сарматских названий в районе Среднего Дуная можно объяснить двумя способами. Во-первых, тем, что пропорции на карте искажены, и эти общности могли располагаться на обширной территории вокруг Карпат — к западу, востоку (степная зона) и к северу (в лесной зоне).

Другое возможное объяснение связано с объемом полученной авторами карты информации. Как хорошо известно, сарматы Среднего Дуная были очень беспокойным соседом, и постоянно совершали набеги на римлян. Римляне очень хорошо знали этническую и политическую ситуацию здесь, плотность информации для этого важного в стратегическом отношении регионе была заметно выше, поэтому здесь так много названий (и не так много для Северного Причерноморья). Может быть, сказалось смещение на запад кочевников в III в., когда к числу известных здесь с I в. языгов могли добавиться аорсы и роксоланы.

По поводу интерпретации названия *Luriones Sarmate* нет определенного консенсуса. Есть несколько вариантов толкования.

1 версия. Это название рассматривается как искаженное название племени лугиев, измененное рукой переписчика карты. Дискуссия по поводу лугиев, предполагаемых *Lugiones*, отражена в работе А.В. Подосинова⁷. Вопрос о том, кто скрывается под именем лугии — славяне, германцы, кельты либо кто-то еще — не может быть в настоящее время удовлетворительно решен. Использование в названии имени сарматов может объясняться как полити-

⁵ Плиний Старший сообщает, что другое название аорсов — гамаксобии (Nat. Hist. IV, 80), в то время как Птолемей считает их разными народами (III, 5, 19; 23–24).

⁶ Подосинов, 2002: 321–330.

⁷ Подосинов, 2002: 318–319.

ческими связями лугиев с сарматами, так и какими-либо иными обстоятельствами. Именно эта версия рассматривается как наиболее вероятная, что не освобождает нас от обязанностей продолжать поиски.

2 версия. На Певтингеровой карте в Закавказье, у устья реки Куры расположено название *Lurones* (X, 5)⁸, которое можно рассматривать как *Luriones* с выпавшей (вследствие ошибки переписчика) буквой. То есть можно предполагать существование одного племени, которое разделилось на две разные группы с разной судьбой.

Против такой интерпретации говорит то обстоятельство, что бассейн реки Куры находится слишком далеко от Дуная. Также этот регион не был связан с Сарматией и сарматскими группами, а миграции в этот регион из степной зоны в первые века нашей эры нам неизвестны (как, впрочем, и в обратном направлении).

3 версия. Исследователи связывают происхождение названия с волками (лат. *lupus*). О.Н. Трубачев выводит *Luriones* из лат. **lurio*, род. п. **lurionis*, мн. **luriones*⁹. Он полагает, что экзотичность для Рима культа оборотня, человека-волка, могла вызвать к жизни этот неологизм *Luriones* «люди-волки?» для обозначения местных племен с таким верованием (даков? вольков? невров?). Таким образом, О.Н. Трубачев предполагает связь такого названия с верованиями местных племен, с «придунайско-северобалканским ареалом этно-мифологической ликантропии, к которой как-то оказались причастны и вольки-волохи, и невры»¹⁰.

4 версия является развитием третьей версии, и тоже связана с волчьей этимологией. Страбон в своей «Географии», описывая регион между Дунаем и Днепром, упоминает название «урги» (Οὐργοί): «Вся земля, лежащая за описанной, между Борисфеном и Истром занята сначала «пустыней гетов», затем тирегетами, за которыми [живут] языги-сарматы и те, кого называют «царскими», и урги, большинство [из которых] — кочевники, а немногие — занимаются земледелием. Они, как говорят, живут также вдоль Истра, часто по обоим берегам» (Strab. VII, 3, 17, пер. А.В. Подосинова). Эти урги упоминаются в авангарде сарматских племен, идущих на запад. Это сообщение может быть отнесено примерно к рубежу эр.

У нас есть три варианта интерпретации этого гапакса. К.Ф. Смирнов полагал, что урги — это, вероятно, не сарматы, а те скифские оседлые племена, которые продолжали жить по нижнему Днепру под властью сарматов, хорошо известные скифы-земледельцы Геродота¹¹. Т.е. он рассматривал происхождение их названия как вариант искаженного *scythai georgoi* (Her. IV, 18–19). Впрочем, в свете идеи В.И. Абаева о том, что скифы-земледельцы — это неправиль-

⁸ Подосинов, 2002: 368.

⁹ Трубачев, 2003: 359.

¹⁰ Трубачев, 2003: 359.

¹¹ Смирнов, 1984: 121.

ное понимание греками названия скифы-гауварга (gauvarga — разводящие скот)¹² эта идея К.Ф. Смирнова представляется довольно спорной.

Ю.М. Десятчиков выводил ургов из др.-иран. *ugra — мощный, сильный¹³ (опираясь на словарь, созданный В.И. Абаевым¹⁴). Этой же позиции придерживался С.Р. Тохтасьев, считающий появление этого названия метатезой: «Οὐρῶσι, сарматское племя, обитавшее в соседних с Ольвией степях (Strab. VII. 3. 17: из Посидония?), Ἀσπουργίῃσι (Strab. XI. 2. 11; XII, 3, 29: время боспорского царя Полемона), Ἀσπουργός (КБН 39 и др.) < *Aspurg, все — к др.-иран. *ugra — ‘сильный’, ‘мощный’ ...»¹⁵.

Но есть еще один вариант прочтения, предложенный самим В.И. Абаевым: «Οὐρῶσι» в скифском в переводе со скифо-сарматского «дает урги, буквально волки, тотемическое название»¹⁶. В.И. Абаев в своей статье привел серию примеров использования скифо-сарматского слова varka — волк. Что касается примера с метатезой, то сам В.И. Абаев трактует имя Аспурга «Ἀσπουργός» как «имеющего сильных коней»¹⁷, но не рассматривает этот случай для ургов.

Поэтому у нас есть два варианта прочтения имени ургов. Если встать на точку зрения В.И. Абаева, то название «сарматы лупионес» может быть калькой на латыни иранского названия группы кочевников. В таком случае Певтингерова карта может отражать существование этого племени в регионе в более поздний период — ближе ко II–III вв. н. э. и уже не к востоку от Карпат, а к западу, что логично, учитывая сдвиг иранцев на запад в течение этого времени.

Волчий характер этнонима может быть связан не только с тотемом. «Волчьи» и «собачьи» названия часто использовались для групп воинственной молодежи, организованных в особые группы. В литературе было выдвинуто предположение о связи ургов с молодежными воинскими объединениями¹⁸. Урги могли быть этносом, сформировавшимся на базе молодёжного/мужского союза. Регион, где отмечены урги — Подунавье и Северо-Западное Причерноморье — вполне подходит для размещения молодёжного союза — это самая окраина кочевого мира, «беспокойная граница» (по Т.Д. Барфилду), где в этот момент находился авангард сарматского этнокультурного массива.

Такая трактовка названия ургов — связь его с молодёжным/мужским союзом или же рассмотрение ургов в качестве молодёжного/мужского союза языгов — не более чем предположение, тем более что существование таких объединений довольно гипотетично¹⁹. Хотя следует обратить внимание на историю противостояния лимигантов и ардарагантов на Среднем Дунае в IV в.,

¹² Абаев, 1981.

¹³ Десятчиков, 1973: 141.

¹⁴ Абаев, 1979: 306.

¹⁵ Тохтасьев, 2017: 249, прим. 622.

¹⁶ Абаев 1979: 308.

¹⁷ Абаев, 1979: 306.

¹⁸ Вдовченков 2004; Иванчик, 2005: 183.

¹⁹ Вдовченков, 2013.

которую можно интерпретировать как свидетельство существования молодежных объединений у сарматов²⁰.

В настоящий момент из всех версий о происхождении имени «Luriones Sarmate» все же версия о лугиях представляется более убедительной. Связь с ургами Страбона (в том случае, если интерпретация имени ургов В.И. Абаевым верна) — не более чем осторожная гипотеза. Тем не менее, аргументы, которые я изложил выше, заслуживают внимания, хотя я не стал бы настаивать на такой трактовке этого названия.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев 1979 — Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Отв. ред. В.С. Расторгуева. Т. 1: Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979. С. 272–364.
- Абаев 1981 — Абаев В.И. Геродотовские Skythai georgoi // Вопросы языкознания. 1981. № 2. С. 74–76.
- Вдовченков 2013 — Вдовченков Е.В. Проблема существования мужских союзов у сарматов // Ранние формы потестарных систем. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 182–201.
- Вдовченков 2004 — Вдовченков Е.В. Молодежные союзы у сарматов: постановка проблемы // Социально-экономические и технико-технологические проблемы развития сферы услуг. Сб. научных трудов. Вып. 3. Том 3. Ростов-на Дону. 2004. С. 133–139.
- Вдовченков 2012 — Вдовченков Е.В. Ардарагенты и лимиганты (к вопросу об отношениях зависимости у сарматов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (11). 2012. Ч. II. С. 59–61.
- Десятчиков 1973 — Десятчиков Ю.М. Сатархи // ВДИ. 1973. № 1. С. 131–144
- Иванчик 2005 — Иванчик А.И. Накануне цивилизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.– Берлин, 2005.
- Исаенко 1993 — Исаенко А.В. Миграции североиранцев в Румынию, на Средний Дунай и в Венгрию // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет, 1993. С. 159–202.
- Мачинский 1974 — Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н. э. — I в. н. э. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1974. Вып. 16. С. 122–132.

²⁰ Исаенко, 1993: 176–177; Вдовченков, 2012.

- Подосинов 2002 — Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., Индрик, 2002.
- Смирнов 1984 — Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984.
- Трубачев 2003 — Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.: Наука, 2003.
- Тохтасьев 2017 — Тохтасьев С.Р. Варварские племена, соседи греческих городов Боспора // *Scripta antiquae*. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Том VI. 2017. Москва: Собрание, 2017. С. 135–279.

LUPIONES SARMATE ON THE TABULA PEUTINGERIANA: ONE MORE VERSION OF THE NAME ORIGIN

EVGENIY V. VDOVCHENKOV

Abstract: The article discusses the main versions of the name origin *Lupiones Sarmate* on the Tabula Peutingeriana (TP). The historical context of its mentions is investigated. In addition to the main version — their connection with the *Lugiones* — we considered three other versions. There is made an assumption about a possible connection of the *Urgoi* (Οὐργοί) by Strabo with *Lupiones Sarmate*.

Keywords: Lupiones Sarmate, Tabula Peutingeriana, Urgoi / Οὐργοί, ancient geography, ethnic history.

Евгений Викторович Вдовченко, к.и.н.,
заведующий кафедрой археологии и истории Древнего мира
Института истории и международных отношений,
Южный федеральный университет

ΤΟΡΟΝΥΜΙΣΑ ΡΟΝΤΙΣΑ. АНАКОПИЯ

А.Ю. Виноградов

Резюме: В статье разбираются формы имени восточнопричерноморской крепости Анакопия в византийских, грузинских и итальянских источниках. Раньше всего, с 929 г., это имя встречается в греческих формах [Ἀν]ακουφῶν, Ἀνακουφίαν, Ἀνακουφήν, Ἀν(α)κουπί(ας). С конца XI в. в грузинских источниках фиксируется устойчивая форма Anakopia. С XIV в. мы встречаем на итальянских портоланах форму Nicofia/Nicoffa (возможно, из-за смешения с Никопсией). Абхазские этимологии Анакопии (из анакэац или аных-а) неубедительны с фонетической точки зрения. Напротив, самые ранние формы ойконима (*Ἀνάκουφα и Ἀνακουφία/Ἀνακουφή) имеют прозрачную греческую этимологию: < ἀνακουφίζω «облегчать», что сопоставимо с вероятным древним ее названием — Τραχέα «тяжелая». Возникновение имени Анакопия может быть связано с изменением статуса крепости — превращением ее в резиденцию грекоязычного архиепископа Константинопольского патриархата и политический центр Абхазии.

Ключевые слова: Анакопия, Абхазия, абхазский язык, Византия, этимология, эпиграфика.

Вопрос о происхождении имени Анакопия не решен в науке и по сей день, как, впрочем, и в случае многих других причерноморских топонимов, изучению которых посвятил так много времени и сил наш юбиляр. С одной стороны, существует несколько попыток объяснить это имя из абхазского языка, а с другой, за формой «Анакопия» вроде бы просматривается ясная греческая этимология. Однако прежде, чем перейти к вопросу об этимологии имени Анакопия, нам придется разобраться в истории его появления в источниках.

Анакопию и ее крепость в литературе часто отождествляют с Трахеей (τὰ Τραχέα) Прокопия Кесарийского¹, что и нам представляется вполне убедительным. Отметим только, что из трех упоминаний Трахеи у Прокопия в двух уточняется, что это не крепость, а χώρος, т. е. территория вокруг нее: действительно, форма плюралиса у топонима больше подходит для местности. Это не исключает, впрочем, возможности того, что крепость носила схожее название (типа φρούριον τῶν Τραχέων «Трахейская крепость»).

Однако и вне зависимости от такого отождествления Анакопия играла в дальнейшем важную роль и в истории, и в идеологии государств Восточного

¹ Procop. De bell. 8.9.19. Status quaestionis см. в: Хрушкова 2018 – 37–38.

Причерноморья. Именно здесь были остановлены войска арабского полководца Мервана ибн Мухаммеда в 736/7 г.; именно из-за Анакопии развернулась полувековая византийско-грузинская война XI в., кульминацией которой стала осада 1044 г. Но и символическое значение Анакопии для окрестных держав было не меньшим: грузинский летописец Псевдо-Джуаншер Джуаншериани именно здесь помещает «нерукотворный» образ Богоматери, которые спасает от арабов картлийских царей Михра и Арчила; именно Анакопию Вахушти Багратиони называет первой столицей абхазских царей. Даже в XIX в. Анакопия получает новую значимость не только из-за Ново-Афонского монастыря, но и благодаря ошибочному отождествлению ее с Никопсией (около совр. Новомихайловки) — местом проповеди и погребения апостола Симона Кананита.

Впрочем, соединение исторических и легендарных сведений об Анакопии препятствует научному изучению ее феномена. Даже исторический факт ее осады войсками Мервана ибн Мухаммеда (Мурвана Кру грузинской традиции) излагается в двух источниках по-разному. Так, Псевдо-Джуаншер (XI в.) во второй части «Жития Вахтанга Горгасала»² пишет, что войска Мервана вторглись сначала в Картли, а затем, преследуя убегающих картлийских эрисмтаваров, перешли в Лазику, взяли Цихегоджи (т. е. Археополь-Нокалакеви), преодолели Клисуру, разорили Цхуми в Апсилии (т. е. Севастополь Великий, совр. Сухуми), но, пострадав от дизентерии, потерпели поражение под Анакопией от эрисмтаваров Картли и мтавара Абхазии Леона и отступили на юг³. А вот «Мученичество Давида и Константина», написанное, вероятно, в XII в., но с опорой на более древний источник⁴, указывает несколько иной маршрут Мервана (гл. 2, 4): его войска дошли до Дербента и Дарьяла, разорили Армению и Самцхе в Южной Грузии, именно оттуда попали в Лазику и через Абхазию дошли до Анакопии, где, хотя и нанесли поражение картлийским эрисмтаварам, вынуждены были повернуть назад и вторглись затем на территорию Византии. Между текстами существуют расхождения и в других существенных деталях: по «Мученичеству», воды Абашы разлились на пути Мервана в Абхазию, а под Анакопией картлийские эрисмтавары Арчил и Дарчил⁵ потерпели поражение; согласно же «Житию», история с Абашей случилась на обратной дороге, а эрисмтавары, которых звали Арчил и Михр, одержали под Анакопией победу, хотя один из них и был смертельно ранен.

Другие сообщения «Жития» о первой половине VIII в. указывают на меньшую достоверность его версии похода Мервана⁶, которую принимает, одна-

² Цулая 1986 – 45–53;

³ Метревели 2008 – 108–109.

⁴ Цулая 1996.

⁵ Здесь они названы не эрисмтаварами, а «детьми великого царя Горгасала» из-за смешения с Дарчилом, сыном Вахтанга Горгасала (Метревели 2008 – 91).

⁶ См.: Виноградов 2012б.

ко, на веру большинство кавказских исследователей⁷: его автор, вероятно, соединял сведения общего с «Мученичеством» источника с другими данными и обогащал собственными изобретениями. Политический же контекст похода Мервана, который целил в первую очередь не против Лазики, Апсилии и Абасгии, а против мятежной Картли и союзных ей хазар, убивших арабского наместника Армении Джараха⁸, позволяет трактовать его как попытку арабов найти северо-западный проход на Северный Кавказ, куда Мерван безуспешно пытался до этого попасть через Дербент и Дарьял. Итак, маршрут поход Мервана может быть реконструирован следующим образом: покарав отпавших картлийцев, Мерван вторгся из Армении в Самцхе и Лазику-Эгриси, откуда часть его войска — возможно, даже без него самого — двинулась в Апсилию и Абасгию, нанесла поражение союзному абасго-картлийскому войску под Анакопией, но, пострадав от дизентерии и не сумев взять крепость, ушла на юг⁹. Следовательно, Анакопия оказалась в истории этого знакового похода не неприступной крепостью, окончательно остановившей движение арабов на северо-запад Кавказа, но тем местом, где они подхватили дизентерию (вероятно, от болотной воды, ср. ниже) и повернули обратно, не найдя здесь удобной дороги на Северный Кавказ. Такую дорогу нашел через два года Хишам ибн Сулейман, взявший крепость Сидирон в ущелье Кодори¹⁰.

Рассказ же Псевдо-Джуаншера о приключениях Арчила (реального эрисмтавара Картли) и его брата Михра (не известного по другим источникам и выдуманного, очевидно, самим автором) представляет из себя почти чистую фантазию. Согласно ему, перед походом Мервана картлийский царь Стефаноз III ушел вместе со старшим сыном Михром в Эгриси, а второй его сын — Арчил, прятал в Восточной Грузии царские венцы «из Индии и Синдии», подаренные императором Ираклием и узаконивающими их власть. При наступлении Мервана сыновья ушли в соседнюю Абхазию, в Анакопию, похоронив отца в Эгриси, а после его отступления вернулись в Картли. После смерти Михра Арчил выдал его дочерей за эриставов, которым раздал земли в Западной и Восточной Грузии, затем ушел из Эгриси в Самцхе и потом раздал азнаурам владения в Кахетии¹¹, и это при том, что реальный Стефаноз III умер только через два или три года после похода Мервана и правил до самой смерти как Картли, так и Лазикой¹². Здесь нет нужды еще раз доказывать, что все это повествование, за исключением факта ухода картлийских эрисмтаваров в Лазику и Абхазию, представляет собой позднюю легитимистскую выдумку,

⁷ См.: Анчабадзе 2010 – 305–307, 326, 330–331.

⁸ Խոջոջոջ 1971.

⁹ О том, что Мерван разорил Артануджи в Кларджети, сообщает «История и прославление Багратидов» Сумбата Давитисдзе (Метревели 2008 – 224).

¹⁰ См.: Виноградов, Белецкий 2015 – 27–28.

¹¹ Метревели 2008 – 108–112.

¹² Абрамишвили 1977.

призванную оправдать претензии грузинских царей-Багратидов XI в. на владение всеми картвельскими землями и Абхазией. Таким образом, Анакопия не была законным владением картлийских эрисмтаваров, а лишь местом, где он нашли убежище от арабов, очевидно, по соглашению с ее хозяевами — абхазами или византийцами.

В этой связи не вызывает большого доверия и рассказ Псевдо-Джуаншера о «крепости Анакопии, в которой пребывает нерукотворный, свыше ниспосланный образ Пресвятой Богородицы, о котором неведомо, кто явил его на вершину той горы, граничащей на юге с морем, а на севере с лесом болотистым. ... цари картлийские Мир и Арчил... пришли пред святой образ пресвятой Богородицы, поверглись пред ним и говорили: “Уходим в уповании на Сына Твоего и Господа нашего, что рожден Тобю, будь представительницей пред Ним за нас и яви нам милость Твою”»¹³. Казалось бы, упоминание иконы, которой вряд ли поклонялись вне всякого здания, логично было бы связать с сохранившимся зальным храмом на вершине Анакопийской горы и, более того, отодвинуть его датировку, как минимум, к началу второй трети VIII в.¹⁴ Однако весь антураж рассказа довольно фантастичен: перед иконой Богоматери Арчил и Михр молятся не о спасении Анакопии, а о том, чтобы не пропали сокровища императора Ираклия и два венца. Таким образом, и так довольно сомнительная история о «нерукотворном, свыше ниспосланном образе» оказывается частью не исторического рассказа об арабской осаде, а легенды о фантастических инсигниях, — вероятней всего, историк XI в. перенес на VIII в. реалии своего времени, когда образ Богоматери действительно почитался в храме на вершине Анакопийской горы (отметим также, что в X в. храм носил имя не Богородицы, а св. Феодора, см. ниже). Итак, никаких конкретных сведений об Анакопии (о ее постройках, системе обороны и даже владельцах) из грузинских рассказов о походе Мервана ибн Мухаммеда 736/7 г. почерпнуть не удастся. Отметим только совпадение в них грузинского имени крепости — *Anakoria* (ანაკორია).

Не менее темна судьба Анакопии в эпоху Абхазского царства (конец VIII–X в.). Грузинский историк XVIII в. Вахушти Багратиони в своей «Истории царства Грузинского», рассказывая о первом абхазском царе Леоне II (781/4–826/9), приводит два важных сообщения об Анакопии. Во-первых, «этот Леон, овладев всей Эгриси, назвал ее не Эгриси, но Абхазией, и разделил сию Эгриси, а отныне Абхазию, на восемь эриставств: посадил [эристава] абхазов и дал ему Абхазию и Джикети до моря и Хазарской реки; посадил [эристава] в Цхоми и дал ему территорию за Эгриси — Анакопию с Аланией; посадил [эристава] в Бедиа и дал ему восточную часть Эгриси до Цхенис-цкали...» Во-вторых, «он же построил город и крепость Кутатиси и сделал [там] рези-

¹³ Пер. дан по: Цулая 1986 – 236–237.

¹⁴ Подр. см.: Белецкий, Виноградов 2011.

денцию царя абхазов; как и Анакопию, сделал сей Кутатиси вторым стольным [городом]»¹⁵. Эти сведения часто без всякой критики повторяются в работах по истории как Анакопии, так и Абхазии и Грузии.

Однако при ближайшем рассмотрении в данных Вахушти, отстоящий от описываемых событий на тысячу (!) лет, находится немало анахронизмов и несоответствий. Так, ни археология, ни тексты на конец VIII в. не фиксируют существования Цхоми (совр. Сухуми) как центра власти или даже как поселения¹⁶: этот город, древний Севастополь Великий, был razорен во время похода Мервана 736/7 г. (см. выше). Кроме того, первый эристав у Вахушти получает в управление Аланию, которой абхазские цари никогда не владели. Наоборот, Бедиа как политический центр и как поселение вообще известна только с конца X в., когда первый грузинский царь Баграт I переносит туда епископский центр из Гудавы-Зиганиса¹⁷. Наконец, второй эристав у Вахушти получает во владение Анакопию, которая чуть ли не остается первым стольным городом царства, и при этом сам резидирует не в Анакопии, а в Цхоми (Сухуми).

Очевидно, что Вахушти пытается перенести реалии позднесредневековых государств Западной Грузии на конец VIII в. Само же разделение абхазских и эгрисских земель между эриставами напоминает вышеописанное «легитимистское» распределение Арчилом между эриставами дочерей Михра и его земель у Псевдо-Джуаншера. Поэтому и сведения о переносе резиденции абхазских царей в Кутаиси из Анакопии, при сохранении за последней статуса первой столицы, — вероятнее всего, не более чем попытка согласовать данные Псевдо-Джуаншера о роли Анакопии в 736/7 г. (оттуда же взят и Цхоми) с реалиями Абхазского царства, центром которого, действительно, по крайней мере, с X в., был Кутаиси. Сомнительным выглядит и перенос Леоном столицы Абхазского царства в Кутаиси, так как он и был первым царем этого царства.

Имя Анакопии во всех событиях до X в. встречается только в грузинских источниках, однако они датируется временем не ранее XI в. Поэтому самым ранним достоверным упоминанием Анакопии следует считать греческую надпись 929 г., вставленную русскими монахами в апсиду храма св. Феодора на вершине Анакопийской горы (ныне в Музее Абхазского царства в Новом Афоне) и найденную где-то неподалеку: судя по тому, что это надгробие клирика, — близ этого храма или какой-то другой церкви.

В чтение этой надписи, по сравнению с нашим изданием 2011 г.¹⁸, следует внести одну поправку, возникшую в нашей переписке с В. Зайбтом: в начале строки 2 хорошо читаются буквы AP и X над строкой (для чего, равно как и для последующих Σ и Κ предыдущий полоса между линеек оставлена пустой), а сам характер высококачественного надгробия с пространной и нестандарт-

¹⁵ Цит. с небольшими изменениями по: Вахушти 1976 – 796.

¹⁶ См.: Хрушкова 2002 – 195–203.

¹⁷ Метревели 2008 – 250.

¹⁸ Виноградов 2011 – 212–214.

ной формулой заставляет видеть здесь титул погребенного иерарха с эпитетом перед ним.

...-]
 ου άγ[ιωτάτου ...
 άρχ(ι)επισκ[όπου Άν-
 ακουφων,
 μηνι Μαρτίω .',
 έτ(ους) ζυλζ', in[δ(ικτιώνος)] β'.
 Σί, ό θ(εός) ό έπου-
 ράνιος κ(αί) ισχυρό-
 ς κ(αί) άθάνατος,
 ανάπαυσε αυτ-
 όν, άμήν. Τριάς
 όμοούσ(ι)ε, Χ(ριστ)έ ό θ(εός), σῶ-
 σον τόν ανάξιο-
 ν δοϋλόν σου Εϋστά-
 θιον πρεσβύτερ-
 ον τόν γράψαντα,
 άμήν.

Критический аппарат: 2: ΟΥΑΓ Latyšev, τ]οϋ άγ[ίου ... Vinogradov; 3–5: X N ΑΣΕΠΣ-I ΑΚΟΥΦΩΙ Latyšev in textu, ...ας έπίσ[κοπος Άν]ακουφών Latyšev in adnotatione magna cum dubitatione, ΧΑ.Ν.[... ..]ας έπισκ[οπίας Vinogradov; 9: ΣΙ: Latyšev.

«... святейшого... архиепископа Анакуфийского, -го марта, в 6437 году, во 2-й индикт. Ты, Боже Небесный, Крепкий и Бессмертный, упокой его, аминь. Троица Единосущная, Христе Боже, спаси недостойного раба Своего Евстафия пресвитера, написавшего это, аминь».

Не совсем ясен характер определения Άνακουφων при слове архиепископ. С одной стороны, в византийских титулах церковных иерархов часто встречаются восходящие еще к античности парафрастические имена городов, где ойконим заменяется на катойконим в плуралисе (например, έπισκόπου τής Восπορηνών πόλεως «епископа города воспорян», т. е. Воспора-Пантикапея, έπισκόπου τής Δοκιμηνών πόλεως «епископа города Докимия»¹⁹). Однако реконструируемый в таком случае катойконим *Άνακουφός выбивается из всех правил образования греческих катойконимов. Поэтому вероятней, что за формой Άνακουφων кроется ойконим типа Άνάκουφα, построенный по модели, аналогичной τὰ Τραχέα (см. выше).

Чисто греческий характер надписи говорит против ее принадлежности к ареалу негреческого «Абхазского католикосата», существовавшего на большей части Абхазского царства, да и из грузинских источников о существо-

¹⁹ АСО II.1.1 – 148, 150.

вании его Анакопийской архиепископии ничего не известно²⁰. Предположить же, что около 929 г. существовала Анакопийская архиепископия, которая подчинялась греческому архиепископу Севастопольскому²¹, невозможно, так как последняя не имеет в Notitiae никаких суффраганов, да и вообще, подчинение одного архиепископа другому автокефальному архиепископу противоречило бы иерархической структуре Константинопольской Церкви.

Единственное возможное решение — предположение, что Анакопийским в надписи назван архиепископ Севастопольский, тем паче что изначально и главным названием всей епархии была Ἀβασγία, а титул ее предстоятеля мог варьироваться в зависимости от места его пребывания. В таком случае оказывается, что к 929 г. кафедра была перенесена из титулярного Севастополя (вероятно, заброшенного после разорения Мерваном в 736/7 г.) в хорошо укрепленную Анакопию. Notitia 7 (901–907 гг.) еще именуется архиепископа Абасгии Севастопольским, однако вряд ли следует предполагать перенос кафедры в Анакопию именно между 907 и 929 гг., ибо, как показывают археологические свидетельства, Севастополь так и не возродился после середины VIII в. Таким образом, вероятней всего, что Севастопольская кафедра была перенесена в Анакопию либо при своем восстановлении в 880-е гг. (после заключения союза между империей и Багратом I), либо даже еще раньше, до отпадения Абхазии, т. е. в середине VIII в. Титул же «Севастопольского» сохранялся за архиепископом Абасгии в консервативных константинопольских Notitiae, тогда как на месте использовался уже актуальный титул «Анакопийского». Кафедральным собором Анакопийской архиепископии был скорее не зальный храм св. Феодора, а более крупная крестовокупольная церковь св. Симона, которая и могла быть построена по этому поводу в 899 (?) г.²²

Вероятней всего, что Анакопийским был и архиепископ Михаил, упомянутый в другой греческой надписи из Анакопии, найденной за алтарем храма на вершине горы: «Во 2-й индикт. Интронизован храм святого Феодора при архиепископе Михаиле 16 апреля»²³. Прежде все исследователи (включая нас) связывали ее со строительными надписями 1046 г. (см. ниже), так что мы отнесли ее к ближайшему 2-му индикту — 1049 г. Однако разрушение весьма удаленного от стен храма во время осады 1044–1045 гг. (см. ниже) представляется маловероятным — все это заставляет связать ее скорее с реконструкцией храма св. Феодора после «темных веков», в эпоху Абхазского царства. Действительно, по палеографии (заостренные формы вытянутых и узких букв) она значительно отличается от анакопийских надписей 1046 г. и сближается с

²⁰ Подр. см.: Виноградов, Гугушвили 2015.

²¹ Как это делает Л.Г. Хрушкова (Khrouchkova 2006 — 92).

²² Виноградов, Белецкий 2015 – 184–191.

²³ Белецкий, Виноградов 2011 – 218–220.

памятниками причерноморской эпиграфики конца IX — начала X в. (например, ряд крымских надписей 884–912 гг.)²⁴ и каппадокийской эпиграфики I половины — середины X в.²⁵

В конце IX — середине X в. 16 апреля 2-го индикта выпадало на 884, 899, 914, 929, 944 и 959 гг. (с 970 г. в Абхазском царстве начинается междоусобная война, мало благоприятствовавшая строительству, а затем Баграт I начинает строить храмы совсем в ином стиле). 884 г. отпадает, так как к этому моменту абхазско-византийский союз еще не был заключен. 899 г. менее вероятен потому, что тот же год указан, по всей вероятности, на фасаде анакопийского храма св. Симона: вряд ли два храма в Анакопии могли быть построены одновременно. Около 929 г. только заканчивается междоусобная война в Абхазском царстве, не способствовавшая строительной деятельности; кроме того, странно, что надпись от 16 апреля 929 г. сильно отличается по палеографии от надписи от марта того же года (ср. формы капшы, мю, хи). Остальные даты не вызывают таких возражений, однако здесь важно учитывать выбор дня для освящения храма²⁶: само 16 апреля в византийском календаре не содержало каких-либо важных памятей, тем паче, связанных со св. Феодором, но этот день обычно расположен близко к Пасхе. Так, в 959 г. на него приходилась суббота второй недели по Пасхе — день, ничем особо не примечательный, а вот в 944 г. 16 апреля было значительным праздником — Светлым вторником. Но наиболее вероятным с этой точки зрения представляется освящение храма св. Феодора в 914 г.: 16 апреля в этом году было Великой субботой, так что на Пасху уже можно было бы служить в обновленной церкви. В этом году Абхазское царство и его Церковь были в полном расцвете: именно тогда свое первое письмо абхазскому царю Константину III посылает константинопольский патриарх Николай Мистик — с благодарностью за сотрудничество в деле аланской миссии²⁷.

После 929 г. сведения об Анакопии исчезают из источников еще на столетие. Зато о событиях 1033 г. нам повествуют сразу два текста: византийский историк третьей четверти XI в. Иоанн Скилица²⁸ (и копирующий его сведения Георгий Кедрин²⁹) и грузинская «Летопись Картли»³⁰, причем оба они не противоречат друг другу. В 1033 г., вторая жена царя Георгия I (ум. в 1027 г.), аланка Альда, безуспешно попытавшись после его смерти возвести на престол своего малолетнего сына Димитрия, передала византийцам Анакопию,

²⁴ <http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/introduction-ru.html#IV-2-B->

²⁵ Ближайшая аналогия — шрифт надписей на фресках пещерного храма Эгри Таш в Перистремме (совр. Ихлара) 944/5 г.

²⁶ См.: Виноградов 2012а.

²⁷ Виноградов, Белецкий 2015 – 65–66.

²⁸ Ioan. Scyl. *Synops. hist.* Romanus III.16.

²⁹ Georg. Cedr. *Synops. hist.* 2.503.

³⁰ Метревели 2008 – 154.

за что тот был пожалован в Константинополе чином магистра³¹. Неясно, почему в руках Альды оказалась именно Анакопия — центр старого домена абхазских царей (может быть, из-за близости к ее исторической родине), однако очевидно, что в силу своего расположения эта крепость была стратегически весьма привлекательна для империи: с одной стороны, она имела прямой выход к морю, а с другой, перегораживала Абхазию, отсекая от территории Грузинского царства его северо-западную часть³². Для удобства управления новыми владениями Анакопия была объединена в одну фему с Сотироподем (совр. Борчка) в Юго-восточном Причерноморье³³, о чем свидетельствует печать ее стратига Николая, протоспафария и при Хрисотриклинии (2 четв. — сер. XI в.): *στρατηγῦ(ῶ) Σ(ωτη)ροῦπδλ(εως) (καί) Ἀν(α)κοῦπι(ας)*³⁴. О судьбе же Севастопольско-Анакопийской архиепископии после середины X в. мы не знаем ничего: она могла прекратить свое существование уже в начале XI в. в ходе конфликта между Византией и Грузинским царством.

Впрочем, грузинские цари не смирились с утратой столь важной крепости, как Анакопия, которая была, к тому же, центром их старого домена — Абхазии. Поэтому, согласно «Летописи Картли»³⁵, в 1044 г. царь Баграт IV начал осаду города. Впрочем, ее ведение он затем передал Квабулелу Чачас-дзе Отаго, так как сам был призван занять Тбилиси. Об исходе осады летописец ничего прямо не говорит, однако выше³⁶ он утверждает, что «и поныне», то есть, самое раннее, к 1070-м гг. (к этому времени относятся последние события, описанные в «Летописи Картли»), Анакопия не принадлежит «царю абхазов». Следовательно, осада Багратом (в 1044 г.) и Квабулелом Чачас-дзе Отаго (вероятно, в 1045 г.) не имела успеха.

После снятия грузинской осады византийские власти смогли приступить к реконструкции крепости (возможно, пострадавшей от нее) и возведению и ремонту стратегически важных сооружений. Об этом свидетельствуют две греческие строительные надписи от февраля–марта 1046 г. Одна из них, выполненная малоопытной рукой на рельефном завершении окна X в., говорит о возобновлении жизненно необходимой для функционирования крепости цистерны, а другая, выполненная на старом рельефе с крестом, вероятно, той же рукой, — о каких-то иных строительных работах. Обе надписи поставлены от лица императора Константина IX Мономаха и исполнителей работ: протоспафария Евгения Деспота и таксиарха Касы Феодора Валанта. Первый был, очевидно, императорским чиновником (может быть, главой фемы), а вто-

³¹ Отдельная работа об этом конфликте готовится в настоящее время к печати Д.А. Косоуровым.

³² Впрочем, такая оккупация, если и была, продолжалась недолго: уже в 1066 г. грузинская надпись на хорах Лыхненского храма датирует появление кометы правлением «царя Баграта».

³³ Здесь мы не будем касаться гипотезы о локализации Сотирополя в Пицунде, которой мы посвятим отдельную работу.

³⁴ Seibt, Jordanov 2006. Авторы датируют печать 1040-ми гг.

³⁵ Метревели 2008–155.

³⁶ Метревели 2008–154.

рой — военным командиром из Малой Азии. Интересно, однако, что в надписи № 3 между ними ясно читается имя вышеупомянутой Альды³⁷ — в 1046 г. она по-прежнему была связана с Анакопией и участвовала в ее жизни.

Точная дата возвращения Анакопии в состав Грузинского царства остается неизвестной, однако можно с уверенностью утверждать, что это произошло вскоре после 1074 г. В самом конце «Летописи Картли», после рассказа о победе Георгия II над сельджуками при Парцхиси в этом году, летописец сообщает, что «вслед за этим угодил Господь Георгию крепостями, силой отобранными греками. Отобрал у греков Анакопию — главную крепость Абхазии...»³⁸ Таким образом, около 1075 г. византийцы теряют Анакопию, однако связанных с этим военных действий и возможных разрушений нам не известно. С одной стороны, империя, потерявшая уже в середине 1060-х гг. земли севернее Анакопии (см. выше) и потерпевшая страшное поражение при Манцикерте в 1071 г., не видела больше смысла в защите одинокой крепости на далеком восточном берегу Черного моря. С другой стороны, вполне вероятно, что эта уступка была совершена не без участия супруги Михаила VII (1071–1078) — Марии, дочери Баграта IV и сестры Георгия II.

Впрочем, исчезают после этого и все упоминания об Анакопии в источниках. Ее имя встречается только на итальянских картах XIV–XVI вв. в следующих формах: Nichoffa, Nicoffa, Nicosia, а также искаженных вариантах Nicosia, Nichola, Nicola, Nicolla³⁹. Эти формы указывают на вероятное смешение Анакопии с близкой по звучанию Никопсией, которая на этих картах, впрочем, не отмечается. Наконец, в XVIII–XIX вв. путешественниками зафиксированы варианты топонима Пханакопи, Анакопа, Анакопья, Анакопир, Анакуа⁴⁰, однако древность их сомнительна.

Итак, резюмируя наш обзор форм имени Анакопия в византийских, грузинских и итальянских источниках, можно констатировать следующее. Раньше всего, с 929 г. по третью четверть XI в., это имя встречается в греческих формах [Ἀν]αχοῦφων (gen. pl.; анакопийская надпись 929 г.), Ἀναχοφίαν (acc. sing.; Иоанн Скилица), Ἀναχοφῆν (acc. sing.; Георгий Кедрин), Ἀν(α)χοῦπ(ι)α(ς) (gen. sing.; печать 2 четв. — сер. XI в.). С конца XI в. в грузинских источниках («Житие Вахтанга Горгасала», «Летопись Картли», «Житие Давида и Константина») фиксируется устойчивая форма Анакоріа. С XIV в. мы встречаем на портоланах форму Nicosia/Nicoffa (возможно, из-за смешения с Никопсией).

Теперь, разобравшись с историей, мы можем, наконец, обратиться к вопросу об происхождении имени Анакопия. В литературе предлагались две версии его этимологии: абхазская и греческая.

³⁷ Вопреки: Seibt 2012 – 176.

³⁸ Метревели 2008 – 163.

³⁹ Фоменко 2007 – 147, 290, 295, 300, 305, 315, 344.

⁴⁰ Кварчия 2006 – 94.

Первая версия предполагает, что за греческой формой Анакопия стоит абхазский по происхождению топоним. Х.С. Бгажба выделял в нем окончание -иа, а основу анакоп- возводил к анакэап, где второй элемент кэап означает «выступ» (ср. акэапа-џапа «изрезанная, извилистая местность»), первая же часть ана- считал самостоятельной основой (ср. Анхуа (из Ана-хуа), Анапа)⁴¹. Г.А. Амичба, следуя этимологии Х.С. Бгажбы, считал и греческое имя Τραχέα («тяжелое, труднопроходимое») переводом абхазского Анакэапия, «где второй элемент кэап означает выступ»⁴². З.В. Анчабадзе⁴³, а вслед за ним и В.Е. Кварчия⁴⁴ сравнивали имя Анакопия с названием соседнего села Анхуа (Анухва) и, опираясь на сведения Псевдо-Джуаншера, производили их имена от слова аных-а «икона, святыня»: Анхуа < Аных-хэа «гора иконы», Анакопия < Анакэапия ашьха «стоящая перед Анхэа гора».

Конечно, исключать возможности грецизации местного топонима нельзя (хотя в случае соседнего Севастополя Великого мы видим параллельное существование местного ойконима совершенно иного происхождения — Цхуми/Цхоми). Однако предложенные абхазские этимологии вызывают ряд вопросов. Так, в версии Бгажбы не этимологизируется первая часть имени, а версия Кварчии предполагает выпадение второго элемента топонима, да и сведения об иконе на вершине горы, как мы видели, появляются, по меньшей мере, на полтора века позже, чем само имя Анакопии. Кроме того, обе этимологии не могут объяснить появление в последнем слове основы гласной *o/u*. Наконец, недавняя находка грузинской печати монастыря св. Георгия в Анухве показала, что форма этого топонима в XI в. была иной — *Ainaxwisay* (gen. sing.), и должна иметь, вероятно, другое происхождение⁴⁵.

Греческая версия этимологии имени Анакопия, встречающаяся на популярных этимологических ресурсах, выглядит на первый взгляд, напротив, весьма убедительной: Анакопия < ἀνακοπή «преграда, препятствие»⁴⁶, что позволяет ее сопоставить с той же Трахеей — «труднопроходимой»⁴⁷. Тут следует, однако, заметить, что предполагаемая здесь как исходная форма Анакория встречается лишь с конца XI в. и, к тому же, только в грузинских источниках. Даже форма Ἀνακουλία на печати середины XI в. уже плохо согласуется с данной этимологией, не говоря уже о более ранних формах *Ἀνάκουφα и Ἀνακουφία (Ἀνακουφή). Между тем, переход греческой φ в грузинскую ვ (собственно говоря, из нее и происходящую) совершенно закономерен, а форма Ἀνακουλία представляет собой передачу местного произношения имени города, к сере-

⁴¹ Бгажба 1987 – 168.

⁴² Амичба 1988 – 18.

⁴³ Анчабадзе 1959 – 27.

⁴⁴ Кварчия 2006 – 93–95.

⁴⁵ Чхаидзе 2017.

⁴⁶ <https://etymology-ru.livejournal.com/363518.html>

⁴⁷ Ср. ойконим Τραχίς (в Фессалии) и хороним Τραχεία (= Исаврия) (Stephanus Byzantinus. Ethnica, s. v.), а также перекрывавшую путь по Кодорскому ущелью крепость Σιδηρον «Железная».

дине XI в. находившегося уже полстолетия под властью грузинских царей. В свою очередь, форма *Ἀνάκουφα (плюралис, аналогичный Τραχέα) отражает, вероятно, ранний вариант ойконима, который в XI в. приобрел более обычную для городов форму женского рода Ἀνακουφία (Ἀνακουφία).

Впрочем, самые ранние формы ойконима — *Ἀνάκουφα и Ἀνακουφία (Ἀνακουφή), имеют не менее прозрачную греческую этимологию: < ἀνακουφίζω «облегчать». Такое значение топонима также сопоставимо с Τραχέα-«тяжелой» (особенно при оригинальной форме *Ἀνάκουφα), но уже в противоположной смысле — как переименование города с «дурным» именем. Этот процесс хорошо известен по многим примерам еще с античности (например, Beneventum «доброветренный» < Maleventum «дурноветренный»)⁴⁸. Для Византии V–VII вв. характерно превращение «дурных» языческий ойконимов в «благие» христианские: Афродисиада > Ставрополь («город Креста») и т. п. Нельзя, однако, исключать, что новое имя было создано по созвучию с местным топонимом, например, древней формой названия соседней Анухвы — Αἰναχῶν.

Возникновение имени *Ἀνάκουφα/Ἀνακουφία (Ἀνακουφή), произошедшее не позднее начала X в., может быть связано с изменением статуса крепости — превращением ее в резиденцию грекоязычного архиепископа Константинопольского патриархата и политический центр Абхазии (ср. выше, «главную крепость Абхазии» в «Летописи Картли»). После объединения всего Восточного Причерноморья под властью абхазских царей, когда никакое вражеское войско уже не пыталось пройти вдоль побережья, старое название Трахея («труднопроходимая») теряет свой смысл (изначально положительный!) и потому, вероятно, заменяется именем Анакуфия, призванным подчеркнуть новый, позитивный характер нового политического и религиозного центра Абхазии. Неотъемлемый греческий компонент такого переименования указывает либо на устойчивое и не пресекавшееся грекоязычное присутствие в Анакопии в VIII–IX вв.⁴⁹, либо на время возвращения Абхазского царства в орбиту византийского влияния и восстановления архиепископии Абасгии в 880-е гг.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамишвили 1977 — *Абрамишвили Г.В.* Фресковая надпись Стефаноза мампала в Атенском Сионе. Тбилиси, 1977.

Амичба 1988 — *Амичба Г.А.* Новый Афон и его окрестности. Сухуми, 1988.

⁴⁸ См.: Grasberger 1888 – 160, 311–322.

⁴⁹ Отметим, что крепость Σιδήρον «Железная» (местное название — Цахар) в Кодорском ущелье упомянута в арабском описании похода Сулеймана ибн Хишама 739 г. (см. выше) именно под греческим именем Sindira.

- Анчабадзе 1959 — *Анчабадзе З.В.* Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми, 1959.
- Анчабадзе 2010 — *Анчабадзе З.В.* Избранные труды. Т. I. Сухум, 2010.
- Бгажба 1987 — *Бгажба Х.С.* Этюды и исследования. Сухуми, 1987.
- Белецкий, Виноградов 2011 — *Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* Храмовая архитектура Анакопийской крепости // Ендольцева Е.Ю. (ред.). Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости. СПб., 2011. С. 17–86.
- Вахушти 1976 — *Вахушти Багратиони.* История царства Грузинского. Тбилиси, 1976.
- Виноградов 2011 — *Виноградов А.Ю.* Эпиграфика. Надписи с Анакопийской горы // Ендольцева Е.Ю. (ред.). Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости. СПб., 2011. С. 209–224.
- Виноградов 2012a — *Виноградов А.Ю.* День освящения храма в традиции Восточной Церкви (IV–XIII вв.): стратегии выбора // Средние века. Т. 73. № 1–2. 2012. С. 154–177.
- Виноградов 2012б — *Виноградов А.Ю.* Объединение Грузии в VIII в. — миф или реальность? // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза: XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 18–20 апреля 2012 г.: материалы конференции. Москва, 2012. С. 49–53.
- Виноградов, Белецкий 2015 — *Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В.* Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X в. М., 2015.
- Виноградов, Гугушвили 2015 — *Виноградов А.Ю., Гугушвили Ш.* Очерк истории Абхазского католикосата. Часть I. VIII–X вв. // Богословские труды. 2015. № 46. С. 77–116.
- Метревели 2008 — *Картлис цховреба.* История Грузии / Метревели Р. (ред.). Тбилиси, 2008.
- Кварчия 2006 — *Кварчия В.Е.* Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). Сухум, 2006.
- Фоменко 2007 — *Фоменко И.К.* Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. М., 2007.
- Хрушкова 2002 — *Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. IV–VII вв. М., 2002.
- Хрушкова 2018 — *Хрушкова Л.Г.* Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археология. Калининград–Москва, 2018.
- Цулая 1986 — *Джуаншер Джуаншеряни.* Жизнь Вахтанга Горгасала / Введ., пер. и комм. Г.В. Цулая. Тбилиси, 1986. С. 45–53.
- Цулая 1996 — *Цулая Г.В.* Из истории грузинской агиографии: «Мученичество Давида и Константина» // Этнографическое обозрение. 1996. № 1. С. 104–110.

- Чхаидзе 2017 — Чхаидзе В.Н. Грузинская печать византийского типа XI века // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2017 года. М., 2017. С. 61–66.
- ACO — Acta conciliorum oecumenicorum
- Grasberger 1888 — *Grasberger L.* Studien zu den Griechischen Ortsnamen. Würzburg, 1888.
- Khrouchkova 2006 — *Khrouchkova L.* Les monuments chrétiens de la côte orientale de la Mer Noire. Abkhazie. IVe — XIVe siècles (Bibliothèque de l'antiquité tardive; 9). Turnhout, 2006.
- Seibt 2012 — *Seibt W.* The Byzantine Thema of Soteroupolis-Anakopia in the 11th Century // Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences. 2012. Vol. 6.2. P. 174–178.
- Seibt, Jordanov 2006 — *Seibt W., Jordanov I.* Στρατηγὸς Σατηριουπόλεως καὶ Ἀνακούπης. Ein mittelbyzantinisches Kommando in Abchasien (11. Jahrhundert) // Studies in Byzantine sigillography. 2006. Vol. 9. P. 231–239.
- სილაგაძე ვ. ჰაბიბ იბნ მასლამას «დაცვის სიგელის» დათარიღებისათვის // მაცნე. 1971. № 1. გვ. 107–108.

TOPONYMICA PONTICA. ANAKOPIA

ANDREY YU. VINOGRADOV

Abstract: The article examines the forms of the name of the fortress Anakopia (Abkhazia) in Byzantine, Georgian and Italian sources. First of all, since 929, this name is found in the Greek forms [Ἄν]ακουφῶν, Ἀνακουφίαν, Ἀνακουφήν, Ἀν(α)κουπί(ας). Since the end of the 11th c., in Georgian sources, a stable form of Anakopia is fixed. From the 14th c. we find the form Nicofia/Nicoffa on the Italian portolans (possibly due to confusion with Nicopsia in Zekhia). The Abkhazian etymologies of Anacopia (from анакѡп or аных-а) are unconvincing from a phonetic point of view. On the contrary, the earliest oikonym's forms (*Ἀνάκουφα and Ἀνακουφία/Ἀνακουφή) have a transparent Greek etymology: from ἀνακουφίζω “facilitate”, which is comparable to its probable ancient name Τραχέα “heavy”. The emergence of the name Anacopia may be associated with a change in the status of the fortress, its transformation into the residence of the Greek-speaking archbishop of the Patriarchate of Constantinople and the political center of Abkhazia.

Keywords: Anacopia, Abkhazia, the Abkhaz language, Byzantium, etymology, epigraphy.

Андрей Юрьевич Виноградов,
к. и. н., НИУ ВШЭ

СТРАНСТВИЕ АМАЗОНОК, ИЛИ О КВЕНАХ ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИХ ИСТОЧНИКОВ*

Т.Н. ДЖАКСОН

Настоящее странствие, милая амазонка,
начинается раньше, чем скрипнула половица...

(Иосиф Бродский)

Резюме: В статье, отправным пунктом для которой послужил тезис А.В. Подосинова о постепенном «отодвигании» на дальнюю неизвестную периферию известных мифических народов, образов и сюжетов», анализируются *patria/terra feminarum* Адама Бременского (1070-е гг.) и *Kvenland/Kvennaland* древнескандинавских письменных памятников (XIII–XIV вв.). Адам поместил амазонок на окраину известного ему мира, а именно на западный берег Ботнического залива. Автор «Истории Норвегии» (1170-е гг.), основывавшийся на труде Адама, имел гораздо больший объем географических сведений, и в результате *его* амазонки продолжили «странствие» и отодвинулись к Белому морю. Аноним упомянул также и реальных обитателей севера, в частности хорошо к тому времени известных квеннов, жителей Северной Приботнии, которые будут фигурировать и в двух сагах первой трети XIII в. А вот авторы исландских географических сочинений, как и составитель трактата о диковинных народах, знакомые с трудами древних, переосмыслили *Kvenland*, «землю квеннов», в *Kvenna-land*, «землю женщин», и расположили ее в Азии.

Ключевые слова: амазонки, расширение горизонтов, окраины обитаемого мира, Адам Бременский, «История Норвегии», саги, исландские географические сочинения

Наиболее распространенной в античной традиции локализацией амазонок, женщин-воительниц, происходящих от Ареса и Гармонии, была долина реки Фермодонт у города Фемискира (Малая Азия). Постепенно, по мере освоения этих районов эллинами, амазонки «отступили» в сторону предгорий Кавказа и Меотиды (Азовское море), но на этом их «удаление» не закончилось¹. Как пишет А.В. Подосинов, «уже со времен Помпония Мелы и Плиния было принято помещать амазонок на крайний север Восточной Европы вблизи Рипейских гор, которые иногда считались отрогами Кавказских гор»². Яс-

* Работа выполнена по гранту РФФИ №18–09–00486.

¹ Тахо-Годи 1991; Суриков 2009.

² Подосинов 2002: 358.

но, что здесь причина уже не только в колониционном движении греков, но также в том, что следствием «расширения горизонтов» было «смещение» и «удаление» на ментальной карте «мира иного»³. В недавней своей работе наш юбиляр очень ярко формулирует эту мысль: «Поскольку горы (Рипейские. — Т. Д.), отодвинувшиеся от Фракии веером по мере увеличения известной грекам и римлянам Европы, оказывались в разных частях Европы от Пиренеев и Альп до Черного моря, то и жившие “за” ними гипербореи оказались со временем расселенными по всей Европе. Это “отодвигание” на дальнюю неизвестную периферию известных мифических народов, образов и сюжетов, ранее находившихся на столь же неизвестной периферии известного мира, которая стала в ходе веков хорошо знакомой, весьма характерно для греков и римлян». Иллюстрируя это наблюдение примерами, он указывает, что именно так отодвигались, в частности, и «амазонки с Южного Причерноморья в Северное и затем все дальше на север, вплоть до средневекового Квенланда (“страны женщин”) в Фенноскандии и Скандинавии, где, по одной из версий, правили женщины-амазонки»⁴. В примечании к этому месту он отсылает нас к гл. 3.16 труда Адама Бременского «Деяния архиепископов гамбургской церкви» (1070-е гг.) и цитирует тот фрагмент, где рассказывается, как Анунд, сын шведского короля Эдмунда III Негодного, внук Олава Шётконунга, «посланный отцом для расширения пределов королевства, прибыв в *Край женщин* (*мы полагаем, что это амазонки*), погиб вместе со всем своим войском от яда, который [амазонки] подмешали в водные источники»⁵, и предлагает читателю также обратить внимание на упоминание «Края женщин» в гл. 4.14⁶. Неполное соответствие этого весьма справедливого утверждения и приводимого в примечании примера из Адама Бременского, который «Квенланда» не знает, подтолкнуло меня к тому, чтобы подарить юбиляру сие небольшое рассуждение, касающееся *patria/terra feminarum* Адама и *Kvenland/Kvennaland* древнескандинавских письменных памятников.

Всего у Адама «Край женщин» фигурирует в четырех главах (3.16, 4.14, 4.17, 4.19) и одной схолии (Schol. 123). В процитированном А.В. Подосиновым тексте и в схолии⁷ речь идет о «небесной каре», постигшей свеонов, которые изгнали

³ Суриков 2009: 34.

⁴ Подосинов 2019: 14–15 (курсив во всех цитатах — здесь и далее — мой).

⁵ *Adam*. 3.16: «Et primo quidem filius regis nomine Anund a patre missus ad dilatandum imperium, cum in *patriam feminarum* pervenisset, quas nos arbitramur Amazonas esse, veneno, quod fontibus inmiscuerunt, tam ille quam exercitus eius perierunt» (перевод – Адам 2012: 381).

⁶ Подосинов 2019: 15.

⁷ *Adam*. Schol. 23: «Cum rex Sueonum Emund filium Amundum misisset in Scythiam ad dilatandum imperium suum, ille navigio pervenit in *terram feminarum*. Que mox venenum fontibus immiscentes ipsum regem et exercitum eius tali modo peremerunt. Hoc et supra diximus, et ipse Adalwardus episcopus recitavit nobis, haec et alia contestans esse vera» («Когда король свеонов Эмунд отправил сына Анунда в Скифию для расширения [пределов] своего государства, тот морем добрался до *Края женщин*. Они сразу же подмешали яд в источники, погубив таким образом и самого коро-

назначенного к ним епископа Адальварда, а заключалась эта кара в том, что обитательницы *patria/terra feminarum* (по мнению Адама, амазонки) отравили стремившегося за счет их земель расширить пределы королевства свеонов королевского сына Анунда. В трех других главах Адам уточняет местоположение этой земли. Так, в гл. 4.14 он пишет:

Если же двигаться к устью Балтийского моря с севера, [то] первыми встретишь норманнов, затем [в воды] выступает область данов Сконе, а за ней по линии границы вплоть до Бирки обитают готы. Далее, вплоть до *Края женщин*, [лежат] огромные пространства земли, [которыми] владеют свеоны. За ними вплоть до России, говорят, живут виссы, мирры, ламы, скуты и турки. Она, [Россия,] опять же, образует конец этого залива⁸.

Говоря в гл. 4.17 об острове Балтийского моря под названием «Эстланд», Адам добавляет:

«Рассказывают, что этот остров расположен вблизи *Края женщин* при том, что этот первый [находится] недалеко от [города] свеонов Бирки»⁹.

Легендарный рассказ об отравлении королевича Анунда и два географических описания в совокупности позволяют думать, что в представлении Адама Бременского земля женщин (амазонок) лежала за Свеаландом, землями свеев. Не противоречит этому и гл. 4.19, о которой речь пойдет чуть ниже. Надо подчеркнуть, что Адам, хорошо знакомый с античной литературой и плохо знакомый со скандинавским Севером, ни о каком Квенланде не заговаривает — он лишь находит место на своей ментальной карте амазонкам древних авторов (см. Илл. 1).

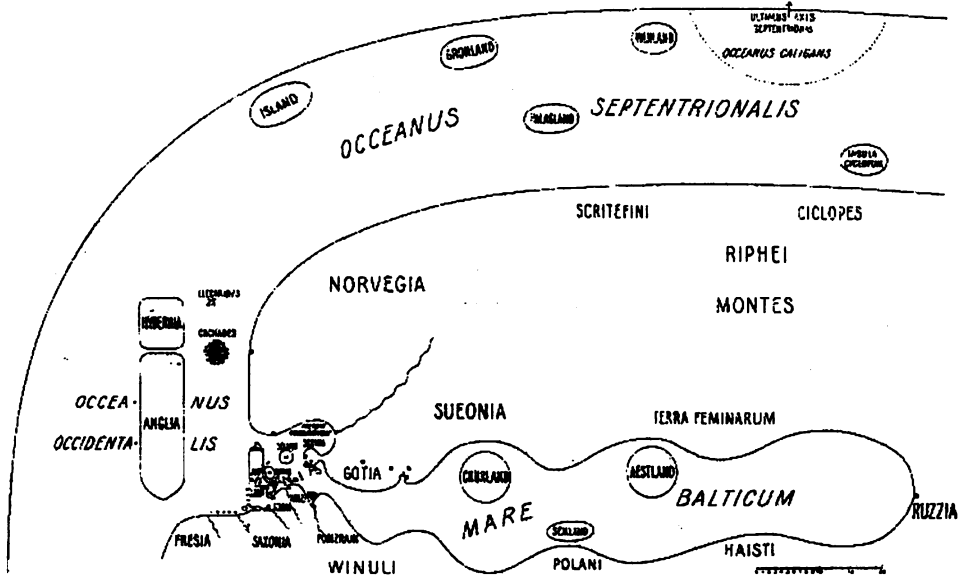
Как установлено исследователями, труд Адама Бременского послужил основным источником для анонимного автора одного из сочинений исландско-норвежского круга — латиноязычной хроники «История Норвегии» («*Historia Norwegie*»), созданной примерно веком позднее — в третьей четверти XII в.¹⁰ В этом тексте, в характеристике географического положения Норвегии и ее северо-восточной оконечности, мы сталкиваемся с упоминанием Земли Дев (*Virginum Terra*), однозначно перекликающимся с гл. 4.19 Адама. Завершая описание Балтийского моря и перечисление находящихся в нем островов, Адам не упускает случая поговорить — в традиции древних — и о мало известных диковинах. Он, вновь упомянув амазонок (и вновь поместив их на берегах

ля, и его войско. Об этом мы уже писали выше, [то же] поведал нам и сам епископ Адальвард, свидетельствуя, что это и прочее — правда» [перевод — Адам 2012: 431]).

⁸ *Adam*. 4.14: «At vero a parte aquilonari revertentibus ad ostium Baltici freti, primi occurrunt Nortmanni, deinde Sconia prominet regio Danorum, et supra eam tenso limite Gothi habitant usque ad Bircam. Postea longis terrarium spatiis regnant Sueones usque ad *terram feminarum*. Supra illas Wizzi, Miri, Lami, Scuti et Turci habitare feruntur usque ad Ruzziam. In qua denuo finem habet ille sinus» (перевод — Адам 2012: 428).

⁹ *Adam*. 4.17: «Et haec quidem insula *terrae feminarum* proxima narrator, cum illa superior non longe sit a Birca Sueonum» (перевод — Адам 2012: 429).

¹⁰ Ellehøj 1965; Mortensen 2003.

Илл. 1. Север в представлении Адама Бременского (по Bjørnbo 1909)

Балтийского моря), приводит одну передаваемую из уст в уста маловероятную (и им самим же опровергаемую) подробность, а именно то, что они «зачинают, выпив воды»:

«В этом море есть еще много других островов, [которые] все полны дикими варварами, и потому мореплаватели [их] избегают. Говорят также, что близ этих берегов Балтийского моря обитают амазонки, это [место] называют сейчас Краем женщин. Иные рассказывают, что они зачинают, выпив воды. Есть и [те,] которые говорят, что они беременеют от проезжающих купцов, либо от тех, кого берут в плен, либо от других чудищ, которые там не редкость»¹¹.

Не вызывает сомнения, что рассказ анонимного автора «Истории Норвегии» о языческих племенах (т. е. «диких вараварах»), о мореплавателях и об амазонках, зачинающих от глотка воды, позаимствован анонимным норвежским автором из гл. 4.19 Адама. Вот он:

К северу же за Норвегией с восточной стороны простираются многочисленные племена, преданные — о ужас! — язычеству, а именно: кирьялы и квены, рогатые финны, и те и другие бьярмоны. Какие же племена обитают за этими, мы точно не знаем. Однако, когда какие-то мореплаватели вознамерились проплыть от Ледяно-

¹¹ Adam. 4.19: «Sunt et aliae in hoc ponto insulae plures, ferocibus barbaris omnes plene, ideoque fugiuntur a navigantibus. Item circa haec littoralis Baltici maris ferunt esse Amazonas, quod nunc terra feminarum dicitur; eas aquae gustu dicunt aliqui concipere. Sunt etiam, qui referunt eas fieri pregnantas ab his, qui pretereunt, negociatoribus, vel ab his, quos inter se habent captivos, sive ab alis monstris, quae ibi non rara habentur, et hoc credimus etiam fide dignius» (перевод – Адам 2012: 430).

го Острова (Исландии. — Т. Д.) к Норвегии и встречными бурями были отброшены в зимнюю область, они прибились к берегу между вириденами и бьярмонами. Там, по их свидетельству, обретались люди удивительной величины и *Земля дев* (которые, как говорят, зачинают, выпив воды). От них же Зеленая Земля (Гренландия. — Т. Д.) отделяется скалами, покрытыми льдом¹².

При этом рассказ Адама дополнен в «Истории Норвегии» сведениями, накопившимися в скандинавских странах к 70-м годам XII в. В одно географическое пространство здесь помещены народы как фантастические, так и реальные, а объединяет их то, что все они «приписаны» к северо-восточным окраинам Норвегии, весьма плохо известны, а главное — в массе своей не охвачены христианством. Это — «кирьялы», «квены», «рогатые финны», «те и другие бьярмоны», великаны («люди удивительной величины»), амазонки (жительницы «Земли дев») и гренландцы («виридены», зеленые люди).

Исследователи единодушно отождествляют «бьярмонов» «истории Норвегии» с «беормами» (*Beormas*) норвежского путешественника конца IX в. Охтхере, поведавшего о своих странствиях англо-саксонскому королю Альфреду, и «бьярмами» (*Bjarmar*) скальдических стихов и большого числа исландских саг, и помещают их (уже не столь единодушно) в разных уголках Беломорья¹³. Что касается зеленых людей «вириденов», то ясно, что речь идет о жителях Гренландии, которую анонимный автор называет *Viridis Terra*, «Зеленая земля». Кирьялы и квены — вполне реальные народы европейского Севера, многократно упоминаемые в памятниках древнескандинавской письменности — хрониках, сагах разных видов, географических сочинениях. «Кирьялы» — это карелы, одна из древнейших прибалтийско-финских племенных группировок, населявшая в средние века Северо-Западное Приладожье¹⁴, а «квены» — финское население прибрежной полосы у северной оконечности Ботнического залива (ср.: его русское название «Каяно море»), территории исторической финляндской провинции Эстерботния и, видимо, смежного района Северной Швеции¹⁵.

«Финны» древнескандинавских источников — это жители Финнланда, саамы (лопари). А вот «рогатые финны» — это нечто иное. В комментарии к изданию «Истории Норвегии» Г. Сторм высказал предположение, что анонимный автор «Истории Норвегии» перенес на финнов позаимствованную им у

¹² HN 2003. I. 7–9: «Versus uero septemtrionem gentes per plures paganismo — pro dolor — inseruientes trans Norwegiam ab oriente extenduntur, scilicet Kyriali et Kweni, Cornuti Finni ac utrique Biarmones. Sed que gentes post istos habitent, nihil certum habemus. Quidam tamen naute cum de Glaciali Insula ad Norwegiam remeare studuissent et a contrariis uentorum turbinibus in brumalem plagam propulsi, inter Viridenses et Biarmones tandem applicuerunt, ubi homines mire magnitudinis et *Virginum Terram* (que gustu aque concipere dicuntur) se reperisse protestati sunt. Ab istis uero Viridis Terra congelatis scopulis dirimitur» (Много лет назад перевод этого фрагмента был выполнен для меня А.В. Подосиновым, за что я ему в очередной раз приношу благодарность).

¹³ См.: Jackson 2002.

¹⁴ См.: Джаксон, Спиридонов 1990; о карелах и других народах, упомянутых в «Истории Норвегии», см.: Hansen 2000: 73–82.

¹⁵ См.: Vilkkuna 1969; Julku 1986; ДГС: 209.

Исидора (11.3.21) легенду о сатирах, почему финны и стали «рогатыми»¹⁶. У «рогатых финнов» (*Cornuti Finni*) «Истории Норвегии» имеется более поздняя древнеисландская параллель — *Horn Finnar*, «рогатые финны». Они упоминаются в сочинении «*Heimslýsing ok helgifrœði*» («Описание мира и священное знание»), включенном Хауком Эрлендссоном в компиляцию «*Hauksbók*» («Книга Хаука»), созданную им ок. 1306–1308 гг., в главе, основанной на античном знании и посвященной разного рода диковинным народам — великанам, троглодитами, сатирам, кинокефалам, гермофродитам и проч.¹⁷, среди которых есть и «такой народ, который зовется рогатыми финнами, потому что во лбу у них крутой рог, и они каннибалы»¹⁸. Г. Сторм также предположил¹⁹, что в «Истории Норвегии» на квенов тоже перенесена античная легенда — а именно легенда об амазонках, ибо *Kvenna-land* можно перевести и как «Земля женщин», от *kona*, f. — «женщина»²⁰. И хотя у Хаука Эрлендссона в начале XIV в. мы встречаем, наряду с «рогатыми финнами», страну под названием «Квенланд» (*Quenn land*), где женщины ведут постоянные битвы, как это делают мужчины в других местах, и сами они не уступают мужчинам ни по силе, ни по уму²¹, суждение Г. Сторма относительно «Истории Норвегии» мне представляется толкованием, искусственно навязанным анонимному автору XII в., потому что как раз он-то проводит четкое различие между размещением в пространстве «квенов» и «Земли дев»: последняя, согласно его тексту, лежит между землями вириденгов и бьярмонов, где-то позади кирьялов, квенов и бьярмонов.

Надо сказать, что квены как обитатели Северной Приботнии фигурируют в источниках более ранних, чем «История Норвегии» и даже хроника Адама Бременского. Уже упомянутый король Альфред в конце IX в. в дополнении к выполненному им переводу хорографии Павла Орозия поместил свои географические заметки и отчет о путешествии Охтхере, из которых следует, что Квенланд, земля квенов, ему известна, и принадлежит она ко вполне реальному миру:

Король Альфред: «К югу от свеонов — рукав моря Ости (Балтийского моря. — *Т. Д.*), а к востоку от них серменды (сарматы. — *Т. Д.*), а к северу от них, за незаселенной землей, — Квенланд, а к северо-западу от них — скридефинны (саамы. — *Т. Д.*), а к западу — нордманны (норвежцы. — *Т. Д.*)»²².

¹⁶ HN 1880: 74.

¹⁷ См.: Simek 1992.

¹⁸ «Er su þjóð er Horn finnar heita þeim er horn niðr biugt i enn. oc ero mann etor» (Hb: 167). Все тексты, где не указан переводчик, переведены мною.

¹⁹ HN 1880: 74.

²⁰ См.: Cleasby, Gudbrand Vigfusson 1957: 350.

²¹ «þar ero oft orostr miclar oc eiga ar sialfar iafnan bardaga sín a milli vm ríki sítt sliet sem kallar annars staðar. Oc ero þer konur ecki vstyrkare ne hug mínni en kallar» (Hb: 166).

²² «Sweon habbað be suþan him þone sæs earm Osti & be eastan him Sermente, & be norþan him ofer þa westenne is Cwenland, & be westan-norþan him sindon Scridefinne & be westan Norþmenn» (Two Voyagers: 18).

Охтхере: «Вдоль южной части этой земли (земли нордманнов. — *Т. Д.*), с другой стороны гор, лежит Свеоланд (земля свеев, Средняя Швеция. — *Т. Д.*), простираясь на север; а вдоль северной части этой земли лежит Квенланд. Эти квены иногда нападают на нордманнов из-за гор, а иногда нордманны на них, и повсюду в тех горах очень много озер, и квены перетаскивают по суше свои суда в эти озера, и оттуда нападают на нордманнов; суда у них очень маленькие и очень легкие»²³.

Как можно видеть, для обитателя северной Норвегии (а информатор короля Альфреда Оттар — житель Холугаланна) уже в конце IX в. квенны — это историческая реальность.

Квенланд и его обитатели квены фигурируют и в нескольких исландских сагах. Так, «Сага об Эгиле Скаллагримссоне» («*Egils saga Skalla-Grímssonar*»), гл. 14, принадлежащая к числу «саг об исландцах» (или «родовых саг»), записанная в интервале между 1200 и 1230 гг. (возможно, знаменитым исландским историком Снорри Стурлусоном), содержит описание Финнмарка и земель Северной Фенноскандии, в котором принято видеть интерполяцию, заимствованную из какого-то географического сочинения XII в.²⁴ В основном оно повторяет этногеографические сведения «Истории Норвегии», включая их в более широкий контекст. Квенланд здесь занимает свое географически верное место в общем ряду реально существовавших земель:

Финнмёрк чрезвычайно велик. На западе его омывает море, от которого внутрь идут большие фьорды, то же на севере и повсюду на востоке. А к югу лежит Норег (Норвегия. — *Т. Д.*), и заходит [Финн]мёрк с внутренней стороны почти так же далеко на юг, как Халогаланд с внешней (т. е. по берегу. — *Т. Д.*). А к востоку от Наумудаля лежит Ямталанд, а затем Хельсингьяланд, а затем *Квенланд*, затем Финнланд, затем Кирьялаланд. А Финнмёрк граничит со всеми этими землями²⁵.

В «Основании Норвегии» («*Fundinn Noregr*»), начальной мифологической части «Саги об Оркнейцах» («*Orkneyinga saga*»), созданной в первой четверти XIII в. и, вероятно, написанной Снорри Стурлусоном²⁶, речь идет о мифологическом прошлом правителей. Географическое положение земли квеннов вновь описано со знанием дела:

Форньётр звали конунга; он правил теми землями, которые зовутся Финнланд и *Квенланд*; он лежит к востоку от того залива, который простирается навстречу Ганд-

²³ «*Ðonne is toemnes þæm lande sudewardum, on oðre healf þæs mores, Sweoland, oþ þæt land nordeward; & toemnes þæm lande nordewardum Cwena land. Þa Cwenas hergiað hwilum on ða Nordmen ofer ðone mor, hwilum þa Nordmen on hy, & þær sint swiðe micle meras fersce geond þa moras, & berap þa Cwenas hyra scyfu ofer land on ða meras & þanon hergiað on ða Nordmen; hy habbað swyðe lytle scyfa & swyðe leohte*» (*Two Voyagers: 21*).

²⁴ Jones 1960: 4–5.

²⁵ «*Finnmörk er stórliga víð. Gengr haf fyrir vestan ok þar af firðir stórir, svá ok fyrir norðan ok allt austr um. En fyrir sunnan er Nóegr, ok tekr mörkin nálíga allt it efra suðr svá sem Hálogaland it ytra. En austr frá Naumudal er Jamtaland ok þá Helsingjaland ok þá *Kvenland*, þá Finnland, þá Kirjálaland. En Finnmörk liggir fyrir ofan þessi öll lönd*» (*Eg: 32*).

²⁶ Finnbogi Guðmundsson 1967.

вику (Северному Ледовитому океану. — *Т. Д.*) и который мы зовем Хельсингьяботн (Ботнический залив. — *Т. Д.*)²⁷.

Иная трактовка «Квенланда» появляется в специализированных исландских географических сочинениях. Так, в трактате «Описание Земли I»²⁸ (последняя четверть XII в.) фигурируют «два Квенланда», которые располагаются к северу от весьма размыто локализуемого в Беломорье Бьярмаланда:

Вслед за Данмарком — Малая Свитьод, затем Эйланд, затем Готланд, затем Хельсингаланд, затем Вермаланд, затем *два Квенланда*, и лежат они к северу от Бьярмаланда. От Бьярмаланда тянутся через северную область незаселенные земли, пока не дойдут до Гренланда²⁹.

Я предположила в другой своей работе, что «два Квенланда» в этом тексте можно объяснить по аналогии с «Ботнией западной» — «Ботнией восточной» и «Лапшией западной» — «Лапшией восточной», расположенными на противоположных берегах Ботнического залива на карте Олауса Магнуса 1539 года, и увидела подтверждение этого толкования в том, что, по уже упомянутой выше «Саге об Эгиле», гл. 14, сухопутный маршрут из Квенланда в восточнее его, по саге, лежащий Кирьялаланд идет через расположенный к северу от них Финнмарк³⁰. Однако сейчас, при соположении всех упоминающих землю квеннов древнескандинавских текстов, я склонна видеть в этом географическом описании аллюзию на «Историю Норвегии»³¹. «Два Квенланда» образованы здесь по аналогии с двумя Бьярмиями («те и другие бьярмоны»), а возникли они, скорее всего, как отражение наличия в норвежском тексте «квеннов», с одной стороны, и «Земли дев» — с другой. Эти последние, согласно «Истории Норвегии», обретаются в «зимней области» между бьярмонами и вириденами (гренландцами), чья земля отделена «скалами, покрытыми льдом», а согласно географическому трактату, лежат к северу от земли бьярмов, от которой через «северную область» незаселенные земли тянутся до Гренландии. Таким образом, я полагаю, что автор этого трактата ощущал возможную двойственность толкования топонима «Квенланд».

В сочинении «О заселении земли сыновьями Ноя» (существовало к началу XIV в.) Квенланд уже помещен не в тот географический контекст, к которому он принадлежит, а вместе с Великой Свитьод, Бактрией и Арамейей (в тексте — Аранеей) обозначен как относящийся к владениям Арама (в тексте — Арана), внука Ноя:

²⁷ «Forniotr hefir konungr hæitit; hann red firir því landi, er kallat er Finnland ok *Kvenland*; þat liggir firir austan hafsbótinn þann, er gengr til motz vit Gandvik; þat kollu ver Helsingiabotnn» (Orkn: 1).

²⁸ Названия всех географических сочинений — условные. Они предложены Е.А. Мельниковой в ДГС 1986.

²⁹ ÁI. I: 12: «Næst Danmork er Suidiod en [minn]i, þa er Ey-land, þa er Got-land, þa Helsing[a-land], þa Vermaland, þa K[v]enlond ú, ok ero þau [no]rdr fra Biarmalandi. [Af] Biarmalandi ganga lond óbygd of nordr-ætt, unz vidtekr Grenland».

³⁰ Джаксон 2012: 640.

³¹ См. выше: текст и примеч. 12.

У Сеема (Сима. — *Т. Д.*) было пять сыновей, все они заселили восточную часть мира, а за ними и их потомки [...] Таковы земли в той части мира, которую они заселили: Индия-ланд, Персия, там жил Елам, Ассириаланд, там жил Ассур, Медиаланд, Калдеаланд, там жил Арфаксад, Албаниаланд, там правил Иллуи, Бактрия, Аранея, там был Аран (Арам. — *Т. Д.*), *Квенна-ланд*, Великая Свитьод³².

Обратим внимание на то, что интересующий нас топоним в этом тексте меняет свою морфологическую структуру, и его первая часть приобретает форму *kvenna*, представляющую собой род. п. мн. ч. от *kona* «женщина». А если мы к тому же примем во внимание тот факт, что под «Великой Свитьод» в исламских географических сочинениях, равно как и в религиозной литературе, как правило, понимается Скифия, то соединение этих двух топонимов при описании азиатских земель будет говорить само за себя.

Наконец, в «Описании Земли III» (не раньше конца XIII в.) *Квенна-ланд* уже представлена как страна, в которой нет ни одного мужчины, и помещена она в Азии рядом с землями диковинных людей и животных:

Области к северу от Индиаланда занимает *Квенна ланд*, там нет ни одного мужчины. Это указывает на то, что женщины там имеют гениталии двух видов. Там рядом лежит Албания ланд, там люди рождаются белыми, как снег, и чернеют с возрастом. Там также есть столь большие и сильные собаки, что они убивают и быков, и диких зверей³³.

Подобное изображение в географических трактатах «Квенланда» и его превращение — по причине фонетической близости — в «Квенна-ланд» («Землю женщин») не должны удивлять, поскольку их составители, в отличие от авторов саг, широко использовали «известные в Скандинавии средневековые латиноязычные географические сочинения, в первую очередь хорографический раздел “Этимологий” Исидора Севильского (книги XIII и XIV), опиравшегося на труды позднеантичных авторов, особенно “Естественную историю” Плиния»³⁴, согласно которой нередко упоминаемые амазонки обретались в Азии (ср. Амазонские горы в долине Термодонта в Малой Азии у *Plin. NH. 6.10*).

Подведем итоги. Адам Бременский, писавший свою знаменитую хронику в 1070-е гг., был хорошо знаком с трудами античных авторов, и хотя многие его географические образы и представления сформировались именно на основе

³² *Ál. I: 7–8*: «Séem atti [v] syni, þeir byggja allir austr-halfu heims ok þeira kyns-menn eptir þa. [...] Þessi ero þíodlond i þeim hluta heimsins, er þeir bygdu: India-land, Persidia, þar bygdi Elam, Assirialand, þar bygdi Assur, Medialand, Kalldealand, þar bygdi Arphaxath, Albanialand, þar réd Illudi, Bactria, Aranea, þar var Aran, Kvenna-land, *Svíþíod en mik[la]*».

³³ *SRD. I: 35*: «Til norðr ættar fra Indíalanndi er *Kuenna land*, þar er eingi Karlmadr. Uisar sua til, at konur hafi þar tuenna getnadar limu. Þar ner er Albania land, þar eru menn berner sua huitar sem snior, en þeir sortna sua sem þeir elldaz. Þar ero ok sua storer hundar ok sterkir, at þeir bana bædi yxnum ok hinum oaurgum dyrum».

³⁴ ДГС 1986: 51.

античной традиции, его географические горизонты были гораздо шире, чем у его предшественников, и, как следствие этого, он поместил амазонок на окраину известного ему мира, а именно за пределы шведской исторической области Свеаланд, т. е. на западный берег Ботнического залива. Работавший веком позднее анонимный норвежский автор «Истории Норвегии» основывался на труде Адама и многое у него заимствовал, включая одну из легенд об амазонках. Однако объем его географических сведений был больше, и в результате амазонки продолжили свое «странствие»: они разместились между обитателями Беломорья бьярмонами и гренландцами. В этом же тексте аноним упомянул, наравне с легендарными, реальных обитателей крайнего (в его понимании) севера, в числе которых назвал и хорошо к тому времени известных (фигурировавших уже в конце IX в. у англо-саксонского короля Альфреда) квеннов, жителей Северной Приботнии. Именно этих квеннов мы встречаем в двух сагах первой трети XIII в., автором которых, предположительно, был исландский историк Снорри Стурлусон. Любопытно отметить, что исследователи не уверены, знал ли Снорри латынь³⁵, а следовательно, мир античной литературы, и мир амазонок в частности, был от него далек. Но вот авторы исландских географических сочинений, а тем более составитель трактата о диковинных народах, знакомые прямо или опосредованно с трудами древних, переосмыслили землю квеннов *Kvenland* в землю женщин *Kvenna-land*, в результате чего «странствие» амазонок завершилось там, где и началось, — в Азии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Джаксон 2012 — Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное. М., 2012.
- Джаксон, Спиридонов 1990 — Джаксон Т.Н., Спиридонов А.М. Древнескандинавские письменные источники // Кочуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н. Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990. С. 99–132.
- Подосинов 2002 — Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.
- Подосинов 2019 — Подосинов А.В. Рипейские горы в античной и раннесредневековой традиции // Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. Рифейские горы в античной и средневековой геокартографии. М., 2019. С. 7–90.
- Суриков 2009 — Суриков И.Е. Удаляющиеся амазонки (Гендерная мифология и гендерная география в древнегреческих потестарных представлениях) // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. М., 2009. № 17. С. 7–39.

³⁵ См.: von See 2001.

- Тахо-Годи 1991 — *Тахо-Годи А.А.* Амазонки // Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1. С. 63–64.
- Bjørnbo 1909 — *Bjørnbo A.A.* Adam af Bremens Nordensopfattelse // Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie. 1909. R. II. B. 24.
- Cleasby, Gudbrand Vigfusson 1957 — *Cleasby R., Gudbrand Vigfusson.* An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957.
- Ellehøj 1965 — *Ellehøj S.* Studier over den ældste norrøne historieskrivning // Bibliotheca Arnamagnæana. København, 1965. Vol. XXVI.
- Finnbogi Guðmundsson 1967 — *Finnbogi Guðmundsson.* Orkneyinga saga // Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder fra vikingetid til reformationstid. København, 1967. B. XII. Sp. 699–702.
- Hansen 2000 — *Hansen L.I.* Om synet på “de andre” — ute og hjemme. Geografi og folkeslag på Nordkalotten i følge Historia Norwegiae // Olavslegenden og den latinske historieskrivning i 1100-tallets Norge / I. Ekrem et al. Copenhagen, 2000. S. 54–87.
- Jackson 2002 — *Jackson T.N.* Bjarmaland Revisited // Acta Borealia. A Nordic Journal of Circumpolar Societies. 2002. Nr. 2. P. 165–179.
- Jones 1960 — *Jones G.* Introduction // Egils saga / Tr. by G. Jones. Syracuse (N.Y.), 1960. P. 3–18.
- Julku 1986 — *Julku K.* Kvenland — Kainuumaa // Studia historica septentrionalia. 1986. Vol. II.
- Mortensen 2003 — *Mortensen L.B.* Introduction // Historia Norwegie / I. Ekrem, L.B. Mortensen. Tr. by P. Fisher. Copenhagen, 2003. P. 8–47.
- Simek 1992 — *Simek R.* Wunder des Nordens: Einfoetingar, Hornfinnar, Hundingjar und Verwandte // Triuwe. Studien zur Sprachgeschichte und Literaturwissenschaft. Gedächtnisbuch für Elfriede Stutz / K.-F. Kraft, E.-M. Lill, U. Schwab. Heidelberg, 1992 (Heidelberger Bibliotheksschriften. 47). S. 69–90.
- Vilkuna 1969 — *Vilkuna K.* Kainuu — Kvänland ett finsk-norsk-svenskt problem. Uppsala, 1969.
- von See 2001 — *von See K.* Snorri Sturluson and the Creation of a Norse Cultural Ideology // Saga-Book of the Viking Society. 2001. Vol. XXV. P. 367–393.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Адам 2012 — *Адам Бременский.* Деяния архиепископов гамбургской церкви / Пер. В.В. Рыбакова // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М., 2012. С. 297–449.
- ДГС 1986 — *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986.
- Adam 1917 — *Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum* / B. Schmeidler. Hannover; Leipzig, 1917.

- AÍ. I — *Alfræði Íslenzk. Íslandsk Encyklopædisk Litteratur* / K. Kålund. København, 1908 (SUGNL. XXXVII). B. I.
- Eg — *Egils saga Skalla-Grímssonar* / Guðni Jónsson // *Íslendinga sögur*. Reykjavík, 1946. B. 2.
- Hb — *Hauksbók* / Eiríkur Jónsson og Finnur Jónsson. København, 1892–1896.
- HN 1880 — *Historia Norwegiæ // Monumenta historica Norwegiæ. Latinske kildeskrifter til Norges historie i middelalderen* / G. Storm. Kristiania, 1880.
- HN 2003 — *Historia Norwegie* / I. Ekrem, L.B. Mortensen. Tr. by P. Fisher. Copenhagen, 2003.
- Orkn — *Orkneyinga saga* / Sigurður Nordal. København, 1913–16 (SUGNL. XL).
- SRD. I — *Scriptores rerum danicarum medii ævi* / J. Langebek. Hafniæ, 1772. T. I.
- SUGNL – [Skrifter udgivet af] *Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur*.
- Two Voyagers — *Two Voyagers at the Court of King Alfred: the Ventures of Ohthere and Wulfstan, together with the Description of Northern Europe from the Old English Orosius* / N. Lund. York, 1984.

WANDERING OF THE AMAZONS, OR ON THE KVENS OF THE OLD NORSE SOURCES

TATJANA N. JACKSON

Abstract: Starting with A.V. Podosinov's thesis of the gradual "movement" of famous mythical peoples, images and plots to the distant and unknown periphery, the author analyzes *patria/terra feminarum* of Adam of Bremen (1070s) and *Kvenland/Kvennaland* of the Old Norse sources (13–14 cent.). Adam placed the Amazons at the outskirts of the world he knew, namely at the western coast of the Gulf of Bothnia. The author of the "History of Norway" (1170s), based on the work of Adam, had a much larger amount of geographical information, and as a result, his Amazons "continued their journey" and moved to the White Sea region. The anonymous author also named real inhabitants of the north, in particular the well-known by that time Kvens of Bothnia who would also occur in two sagas of the first third of the 13th century. But the authors of Icelandic geographical works, as well as a compiler of the treatise on miraculous peoples, familiar with the works of ancient authors, turned *Kvenland*, the land of Kvens, into *Kvenna-land*, the land of women, and placed those Amazons in Asia.

Keywords: Amazons, expansion of horizons, outskirts of the inhabited world, Adam of Bremen, "History of Norway", sagas, Icelandic geographical treatises

Татьяна Николаевна Джаксон,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИМПОРТА ЧЕРНОЛАКОВОЙ КЕРАМИКИ В ТАНАИС

Т.В. ЕГОРОВА

Резюме: Общая хронология чернолаковой керамики из раскопок Танаиса — начало III — середина I в. до н. э. В целом, такой набор характерен для греческих поселений Северного Причерноморья соответствующего времени. Однако, есть ряд отличий. В частности, процент находок чернолаковых фрагментов существенно ниже, чем на других поселениях региона. Повышен процент сосудов со следами ремонта и длительного использования. Типовой состав сосудов в каждой группе очень ограничен и имеет ряд интересных особенностей. Большая часть коллекции состоит из фрагментов сосудов неаттического производства. Вероятно, перечисленные особенности стоит связывать с географическим положением города, для которого характерно не только удаленность от других античных центров, но и некоторая обособленность, обусловленная природно-климатическими условиями.

Ключевые слова: эллинизм, Северное Причерноморье, Танаис, чернолаковая керамика.

Танаис располагался на северо-восточных рубежах Боспорского царства на границе со степью и являлся самым северо-восточным пунктом античной цивилизации в эллинистическое время (Илл. 1). Он был основан не ранее начала III в. до н. э. и существовал до поздней античности. Из-за удаленности от основных центров греческой культуры и тесных контактов с местным населением в архитектуре и материальной культуре Танаиса сильны варварские влияния, которые наблюдаются уже в III в. до н. э. и усиливаются со временем. В этой связи особый интерес представляет комплекс импортной чернолаковой керамики (чуть менее 300 экземпляров), собранный за более чем 60 лет археологического изучения памятника¹. Такое небольшое количество находок связано, в первую очередь, с ограниченным объемом раскопанных площадей, относящихся к периоду использования чернолаковой посуды в античном мире.

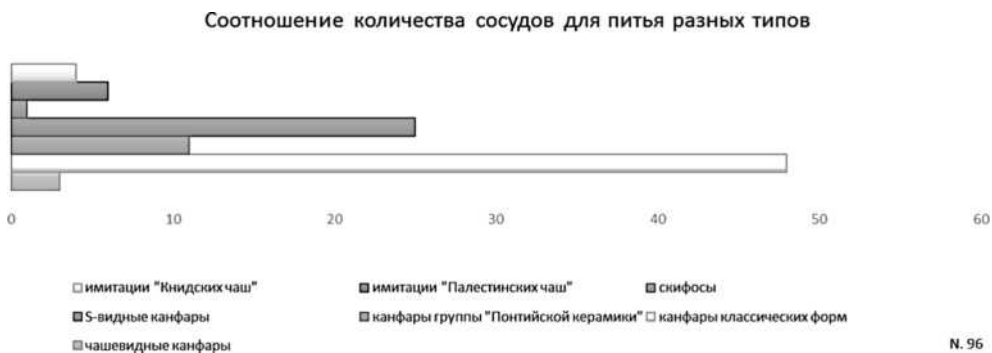
¹ Выражаю признательность заместителю директора ГБУК РО «Музей-заповедник «Танаис»» С.М. Ильяшенко за предоставленную возможность изучения материалов, а также сотрудникам музея: С.А. Науменко, И.В. Циркуновой и В.В. Герасимовой за помощь в работе.

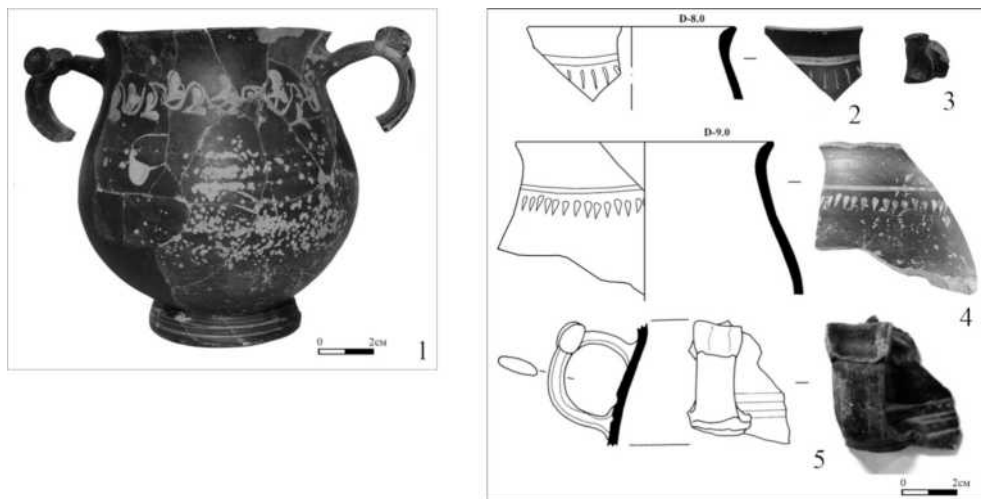
Илл. 1. Вид на основной четырехугольник, нижний город и некрополь Танаиса, Мертвый Донец и дельту Дона с северо-запада, сверху. Фото Д.С. Бунина

Илл. 2. Хронологическая таблица чернолаковых сосудов для питья из Танаиса

Илл. 3. График соотношения количества чернотерракотовых сосудов для питья разных типов

Илл. 4. Фр-ты чернотерракотовых сосудов для питья: 1–5 — эллинистические канфары с S-видным профилем

Остановимся для начала на краткой характеристике комплекса².

Сосуды для питья представлены наиболее популярными в III и II вв. до н. э. типами (Илл. 2). Около половины из них, это канфары классических форм (*Classical Kantharoi*) (Илл. 3), изготовленные как в Аттике, так и за ее пределами в одном или нескольких Эгейских центрах, где они полностью копируют аттические образцы, для которых характерно резкое деление на высокое горло и гладкое или каннелированное тулово, вертикальные ручки с выступом в верхней части и профилированная ножка. Их производство и экспорт в Северное Причерноморье заканчивается к третьей четверти III в. до н. э.³ Небольшая часть относится к сосудам так называемой «Понтийской группы» по А. Божковой⁴ (Илл. 2, 3). Канфары этой группы от классических вариантов отличает очень высокое и узкое горло, размер которого увеличен за счет максимального уменьшения объема тулова. Тулово может быть как гладким, так и каннелированным, а в некоторых случаях его наличие лишь обозначено в нижней части сосуда. Ножки таких канфаров состоят из профилированного основания малого диаметра и высокого ствола. Анализируя степень их встречаемости на разных памятниках, Жан-Поль Морель предположил фракийское происхождение «Понтийской группы»⁵. Чаще всего такие канфары находят на памятниках Западного и Северо-Западного Причерноморья, в Ольвии и на поселениях ее хоры, а также в Херсонесе и Северо-Западном Крыму. В настоящий момент мы можем расширить географию использования сосудов этого типа за счет территории Боспорского царства. Они были обнаружены при раскопках Пантикапея, поселений Крымского Приазовья, в Фанагории, а теперь выявлены при работе с коллекцией из Танаиса⁶. Здесь их находят, преимущественно, в контекстах рубежа III/II — третьей четверти II в. до н. э.

Несколько фрагментов можно атрибутировать как чашевидные канфары (*Bowl-Kantharoi*). Этот не самый распространенный в Причерноморье тип чаш с прямым или отогнутым наружу венчиком, полусферическим туловом и ножкой на высоком стволе, продолжающих классические традиции и теряющих популярность к середине III столетия, является одним из наиболее ранних для чернолакового керамического комплекса Танаиса (Илл. 2). На стенках в верхней трети тулова трех фрагментов сохранился накладной орнамент в стиле *West Slope* (Илл. 5, 1–3), который в одном случае можно отнести к *Bracket Leaf Group* (Илл. 5, 1), в двух других — к *Edwards Group* (Илл. 5, 2, 3) по С. Ротрофф и датировать 80–70ми гг. III в. до н. э.⁷

² Полное издание комплекса чернолаковой керамики из Танаиса готовится к печати.

³ Rotroff 1997: 83–85; Егорова 2009: 27.

⁴ Bozkova 1997: 9; 1997a: 8–17; 2005: 46–49; 2014: 210–211.

⁵ Morel 2009: 159–172.

⁶ Подробнее: Егорова 2019: 127–128.

⁷ Rotroff 1991: 65–71.

Илл. 5. Фр-ты чернолаковых сосудов для питья разных форм: 1-3 — чашевидные канфары; 4 — эллинистический скифос; 5 — амфора столовая; 6-9 — кратеры

Среди канфаров эллинистических форм (*Hellenistic Kantharoi*) довольно большой процент (около 25%) приходится на сосуды с S-видным профилем (Илл. 2, 4), основным (но не единственным) центром производства которых был Пергам⁸. Они относятся, преимущественно, ко второй фазе по Дорис Бер и датируются концом III — третьей четвертью II в. до н. э., а возможно, и более поздним временем. Стоит отметить, что один целый сосуд (Илл. 4, 1) найден в Танаисе в основании северной оборонительной стены западного пригорода, сооруженной на рубеже III–II вв. до н. э., что позволяет сузить его датировку⁹.

Еще один фрагмент принадлежит верхней части эллинистического скифоса (*Hellenistic Skyphos*) предположительно эфесского производства начала II в. до н. э. (Илл. 2, 5, 4). Орнамент *West Slope* совпадает по стилю с эфесскими образцами¹⁰.

Несколько фрагментов двуручных чаш с биконическим туловом являются аттической имитацией так называемых палестинских чаш («*Palestinian cup*») и копиями книдских кубков («*Knidian cup*»), сделанными в малоазийских центрах (Илл. 2, 3). Они имеют аналогии в материалах из Афин и Книда II в. до н. э.¹¹

Сосуды для подачи вина и воды немногочисленны. Во-первых, это пергамские столовые амфоры стиля *West Slope*. Единственный целый сосуд (Илл. 5, 5), опубликованный еще Д.Б. Шеловым¹², декорирован по плечикам прочерченной волной вправо, заполненной в основании белой краской. Абсолютно аналогичный орнамент украшает края некоторых пергамских кратеров¹³. Форма амфоры до деталей повторяет сосуд из Коринфа, опубликованный Й. Шефером, датированный второй половиной II в. до н. э.¹⁴

Во-вторых, эллинистические кратеры (Илл. 5, 6–9) — крупные емкости для смешивания вина и воды. Они представлены исключительно фрагментами, большинство из которых принадлежит пергамским сосудам с ручками-упорами (*Lug-Handled Kraters*) конца III–II вв. до н. э.¹⁵ В результате анализа макроснимков их сколов стало очевидно, что как минимум три из них, если не идентичны, то максимально близки по структуре, примесям и цвету глины, полученному в результате сходного температурного режима обжига. Это позволило предположить, что они могли быть сделаны в одной мастерской и доставлены в город с одной партией товара. Такое предположение выглядит логично, учитывая мнение С.М. Ильяшенко, основанное на анализе различ-

⁸ Подробнее: Егорова 2018a: 510–520.

⁹ Циркунова 2008: 381–385.

¹⁰ Gassner 1997: 62–63, taf. 10, 169.

¹¹ Rotroff 1997: 393; Kögler 2010: Forml, Type A, 83, Kn. 265; Kögler 2014: 158, fig. 1.

¹² Шелов 1970: 134.

¹³ Рыжова 2015: 99.

¹⁴ Schäfer 1968: 165, abb. 3, 4.

¹⁵ Schäfer 1968: 165, D38; Behr 1988: 69–70, 157–158; Рыжова 2015: 88–100, рис. 5, 1–3.

Илл. 6. Ойнохои: 1 — подвал ИО, Танаис; 2 — погребение 14 Большого Ипатовского кургана (по Дедюлькин, Каюмов, Мещеряков 2019: рис. 17); 3 — погребение, Салоники (по Δαφφα-Νικολαου 1986: Πιν. 7: γ)

ных групп находок из эллинистических слоев Танаиса, о возможных перебоях с поставками товаров в столь отдаленный регион.

В-третьих, фрагменты кувшинов и ойнохой, из которых стоит выделить одну археологически целую форму (утрачена только ручка) с орнаментом *West Slope* (Илл. 6, 1). Она уже не раз была опубликована¹⁶ и датирована нами по особенностям орнамента, относящегося к выделенным С. Ротрофф *Edwards* и *Dikeras Group*, второй четвертью, самое позднее, серединой III в. до н. э.¹⁷ Это довольно редкая форма, которая периодически встречается в причерноморском регионе. В 2019 году вышла статья А.В. Дедюлькина, И.Ф. Каюмова и Д.В. Мещерякова, посвященная эллинистическим железным кирасам из Южного Приуралья¹⁸, в которой авторы приводят аналогичный сосуд (Илл. 6, 2), только с орнаментом *Bracket Leaf Group* 280–250 гг. до н. э. (по С. Ротрофф), но относят его к существенно более позднему времени (конец III — начало II вв. до н. э.), не смотря на известную им близкую аналогию из Танаиса¹⁹. С этой позицией трудно согласиться. Действительно, как отмечают авторы статьи, существовали сходные по форме миниатюрные ойнохой, датирующиеся концом III — началом II вв. до н. э. Одна из них происходит из некрополя в Салониках (Илл. 6, 3)²⁰. Однако они не полностью аналогичны нашим, существенно отличаясь в деталях, в частности, формой ножки и шириной горла, а потому вряд ли могли быть синхронными. Более того, орнаменты, которыми украшены ойнохой и из Танаиса, и из Ипатовского кургана встречаются исключительно на сосудах, выпускавшихся не позднее 260–250 гг. до н. э., в том числе, на сосудах других форм, изготовленных, возможно, в одной мастерской²¹. Поэтому ипатовский сосуд, так же как и танаисский не могут быть датированы позже середины III в. до н. э. Отдельные нестыковки с датами сопутствующего материала из Ипатовского кургана связаны, на наш взгляд, в первую очередь, с вопросами возможного хронологического разрыва между временем изготовления и временем попадания чернолаковых изделий в слой²².

Группа посуды для сервировки стола представлена исключительно мисками и блюдами разных типов. Во-первых, миски с отогнутым наружу краем классической и эллинистической серий второй четверти III — второй четверти II вв. до н. э. (Илл. 7, 8). В том числе, со штампованным орнаментом на дне, имеющим параллели в аттическом и пергамском материале (Илл. 9, 1, 2)²³. Более многочисленна группа мисок с загнутым внутрь краем, преиму-

¹⁶ Арсеньева и др. 2001: 92–93; Егорова, Ильяшенко 2017: 110–115.

¹⁷ Rotroff 1991: 65–71.

¹⁸ Дедюлкин, Каюмов, Мещерякова 2019: 51–88.

¹⁹ Дедюлкин, Каюмов, Мещерякова 2019: 74–76, рис. 17.

²⁰ Δαφφα-Νικητανου 1986: 191–192, πιν. 7.

²¹ Например: Lungu 2013: 291, pl. 13.

²² Статья, посвященная этому вопросу, в печати.

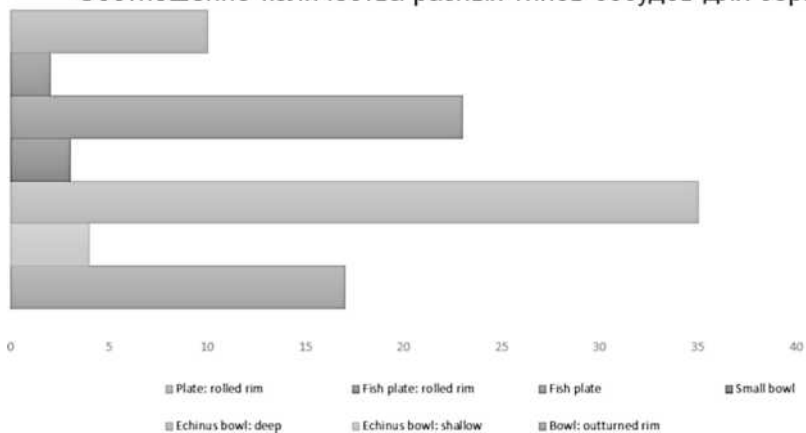
²³ Rotroff 1997: 331, pl. 145, 877; Meyer-Schlichtmann 1988: Taf. 36, VK26; Gassner 1997: 41–44, taf. 4, 5, 74, 87; Schäfer 1968: 35, 36, C8, C9.

Посуда для сервировки стола

Илл. 7. Хронологическая таблица чернолаковых сосудов для сервировки стола из Танаиса

Соотношение количества разных типов сосудов для сервировки стола

N. 99

Илл. 8. График соотношения количества чернолаковых сосудов для сервировки стола разных типов

щественно, глубоких (*Echinus bowl*), середины III — конца II вв. до н. э. (Илл. 7, 8). Несколько фрагментов принадлежат глубоким блюдам с выступающим краем (*Deep plate with projecting rim*) второй половины III — начала I вв. до н. э., использовавшихся, предположительно, в качестве соусниц (Илл. 7, 8)²⁴. Один, по всей видимости, аттический, другие имеют аналогии среди керамики из Эфеса и Сард²⁵. Не так много, как обычно на памятниках Северопричерноморского региона, блюд разных типов, в том числе, рыбных блюд (Илл. 7, 8). Несколько фрагментов относятся к синкретическим формам, сочетающим признаки рыбных блюд (центральная соусница) и тарелок с валикообразным краем (форма края и штампованный орнамент в центре внешней поверхности дна), покрытым полосами лака, выпускавшимся в малоазийских мастерских в конце II — начале I вв. до н. э. (Илл. 9, 3)²⁶.

Другие сосуды представлены единичными фрагментами. В частности, один из них принадлежит декорированным аттическим блюдам конца III в. до н. э. (Илл. 9, 4), редко встречающимся в наших местах, но имеющим аналогии в материалах из афинской агоры²⁷.

Из миниатюрных контейнеров для масла сохранились малоазийские флаконы второй половины III в. до н. э., фрагмент аттического гуттуса первой четверти III в. до н. э. и верхняя часть аттического лекифа первой половины II в. до н. э. (Илл. 9, 5–8)²⁸. Кроме того, это фрагменты пиксид типа В и леканы из Книда конца II — первой трети I вв. до н. э. (Илл. 9, 9, 10)²⁹.

Около 8% составляет керамика *West Slope*. Это меньше, чем в Пантикапее, Ольвии или Херсонесе. И если в этих центрах встречается, преимущественно, аттическая посуда с подобной орнаментацией, то в Танаисе очевидно больше сосудов пергамского производства. Основные мотивы: гирлянда плюща вправо и копьевидные/зерновидные подвески. Кроме того, есть изображения виноградной лозы, оливковой ветви, пальметт и дельфинов. Среди аттического материала стоит отметить уже упомянутые выше орнаменты, близкие *Bracket Leaf Group*, *Dikeras* и *Edwards Group* по С. Ротрофф (Илл. 10).

Таким образом, общая хронология чернолаковых изделий из Танаиса — начало III — середина I вв. до н. э. (Илл. 11). Ко второй половине III века относятся сосуды, имеющие, как правило, довольно широкие хронологические рамки, но выпуск которых тяготеет, преимущественно, к концу этого столетия. Основная же масса датируется рубежом III/II и II вв. до н. э. В целом, набор посуды характерен для греческих поселений Северопричерноморского реги-

²⁴ Rotroff 1997: 149–150.

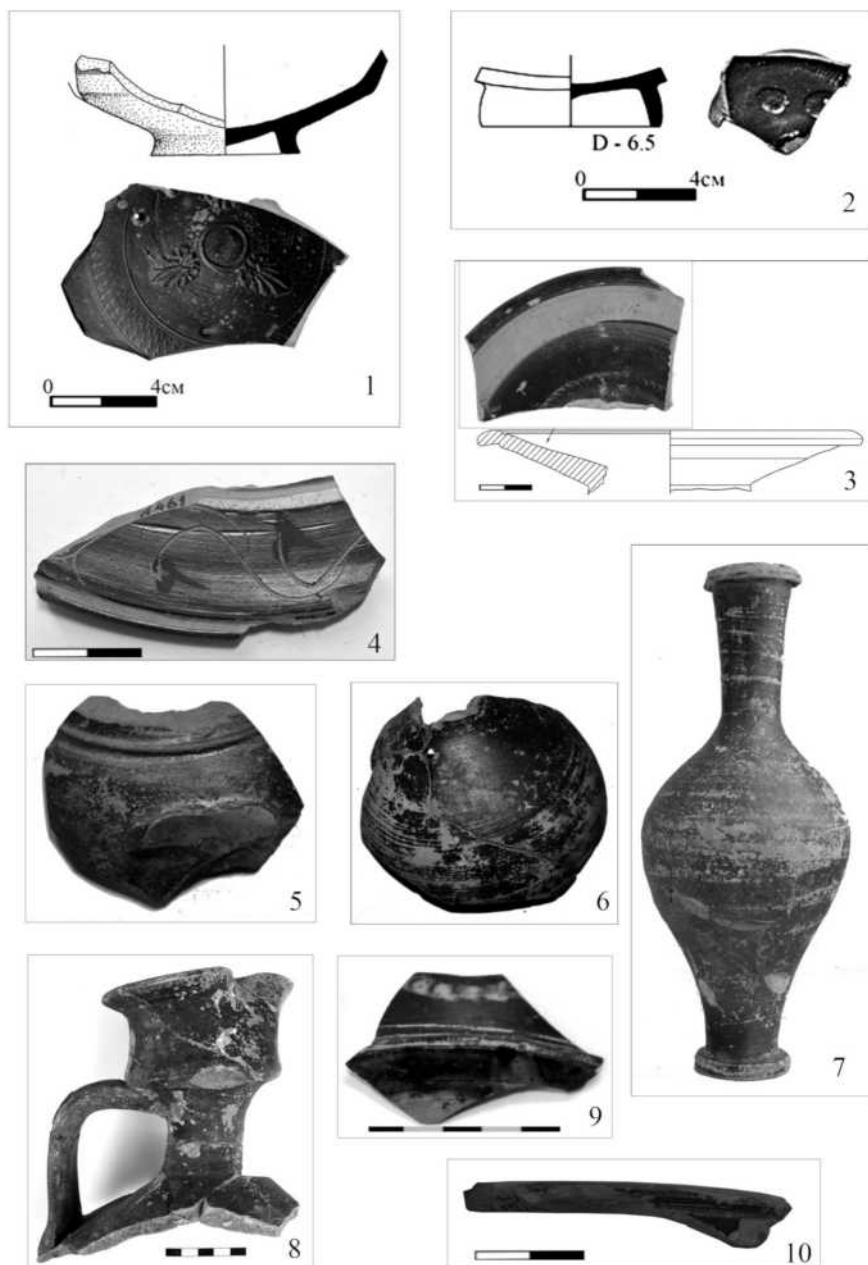
²⁵ Rotroff, Oliver 2003: 57, pl. 28, 190; Rotroff 1997: 320, fig. 53, 770–772; Gassner 1997: 45–46, taf. 6, 96, 103.

²⁶ Rotroff 1997: 417, pl. 136, 1715, 1716; Kögler 2010: 447, taf. 8, D58; Japp 2009: 225, 227, abb. 6, 59; Егорова 2017: 89–90.

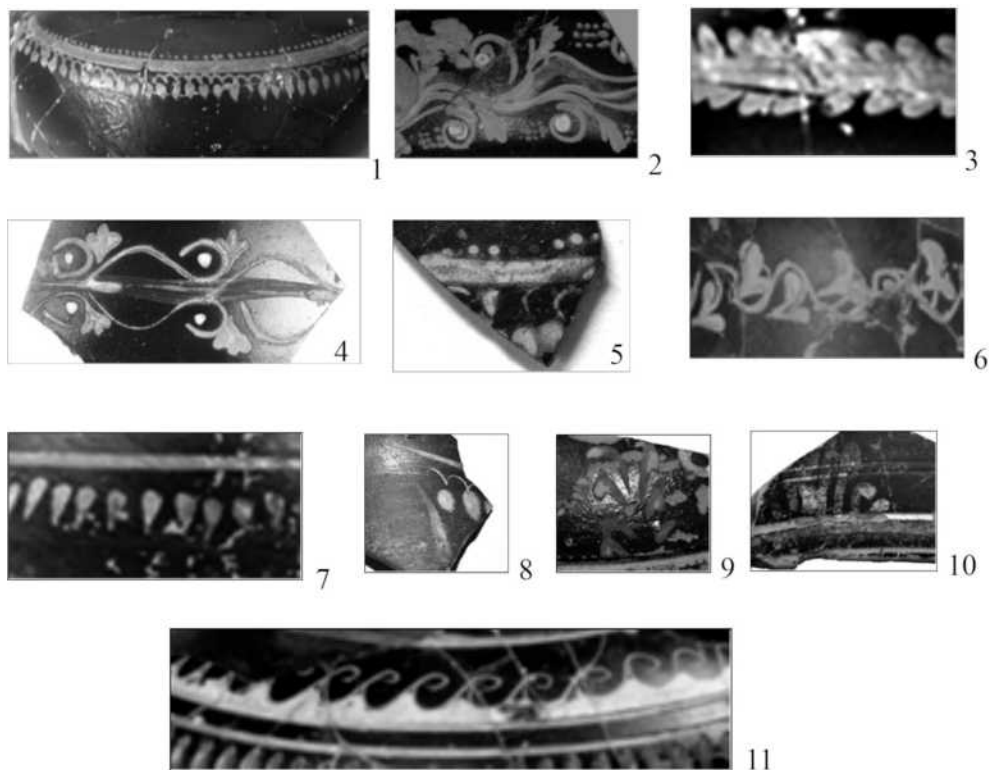
²⁷ Rotroff 1997: 326, fig. 56, 832.

²⁸ Аналогии: Rotroff 1997: 351, 355, fig. 70, 72, 1171, 1124, 1125.

²⁹ Аналогии: Rotroff 1997: 363, fig. 75, 1234 (Аттика); Kögler 2010: E87, 88, абб. 34 (Книд)

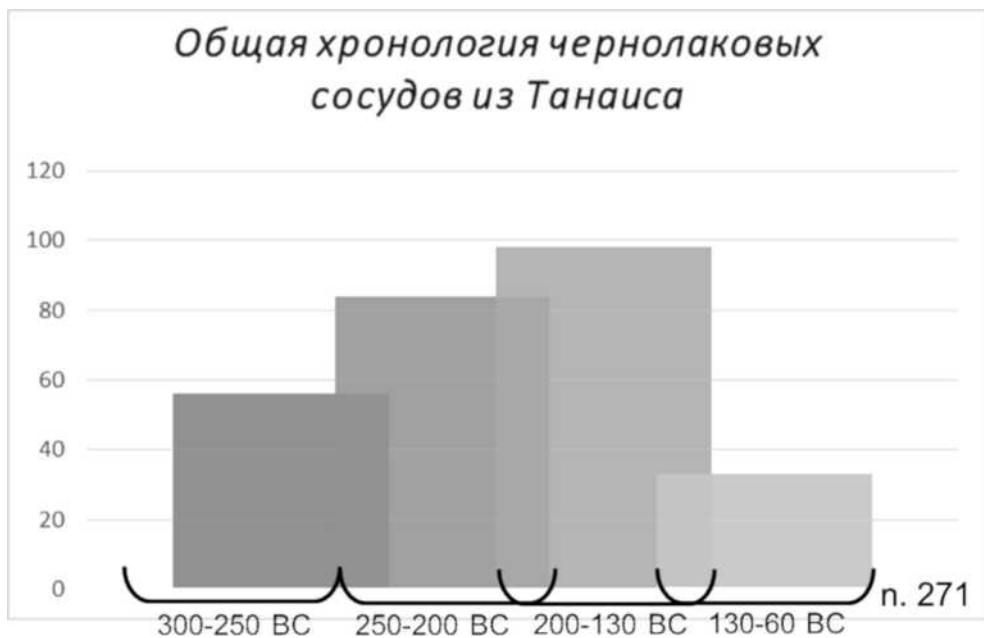
Илл. 9. Фр-ты чернолаковых сосудов: 1 — миска пергамская; 2 — миска аттическая; 3 — блюдо с валикообразным краем; 4 — декорированное блюдо; 5 — гуттус; 6, 7 — флаконы; 8 — лекиф; 9, 10 — пиксиды

Илл. 10. Мотивы росписи *West Slope*. Аттические: 1 — гирлянда с копьевидными подвесками; 2, 4 — виноградная лоза; 3 — лавровая гирлянда; 5, 6 — плющевая гирлянда. Пергамские: 7, 8 — гирлянда с копьевидными подвесками; 9, 10 — пальметты; 11 — спиралевидная волна

она соответствующего времени. Прежде всего, здесь представлены различные типы сосудов для питья и сервировки еды, а также, для подачи вина и воды. Совсем небольшой процент составляют емкости для масла, парфюмерных и косметических средств. Однако общее количество чернолаковых фрагментов здесь гораздо меньше, чем на других поселениях³⁰: не более 1–2% от общего числа керамических изделий (за исключением тарной керамики). Это компенсируется повышенным числом находок столовой посуды сходных форм, но предположительно, местного (боспорского) производства. Наблюдаются и небольшие отличия в части процентного соотношения основных групп сосудов (Илл. 12): посуда для сервировки стола преобладает, но не так кардинально, как это зафиксировано, например, для Пантикапея, некоторых поселений

³⁰ Егорова 2018: 128.

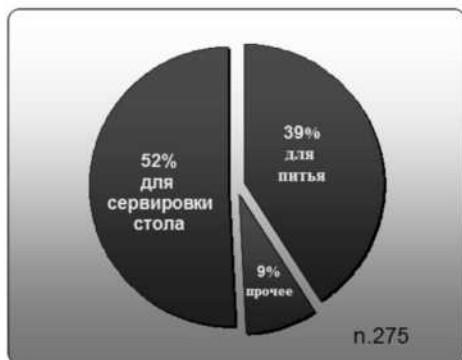
Илл. 11. Общая хронология чернолаковых сосудов из Танаиса

Крымского Приазовья или памятников Северо-Западного Крыма³¹. Вероятнее всего, это связано с хронологией комплекса, в частности, с преобладанием в нем керамики конца III и II вв. до н. э., в отличие от упомянутых выше памятников. Именно для этого времени наряду с резким падением аттического импорта³² прослеживается гораздо более активная замена части лаковой посуды на красноглиняные и сероглиняные аналоги. В первую очередь, это касается блюд различных форм, что и приводит в итоге к общему сокращению группы сосудов для сервировки стола. Кроме того, можно отметить одну интересную деталь. При картографировании находок чернолаковых изделий выявляется зависимость процентного соотношения основных групп сосудов от территории в пределах города. Так, в отличие от основной площади городища, на его окраине в районе укреплений западного городского квартала эллинистического времени (рва и крепостной стены) и связанных с ними помещений внутренней застройки (раскоп XXV), наибольший процент приходится уже на сосуды для питья (Илл. 12). Близкая ситуация прослеживается, например, на поселении Голубицкая 2 (Таманский полуостров). Анализ материалов из раскопа I, расположенного на его западной окраине, где исследовались остатки фортификационных сооружений (в данном случае, рва и вала) и объекты,

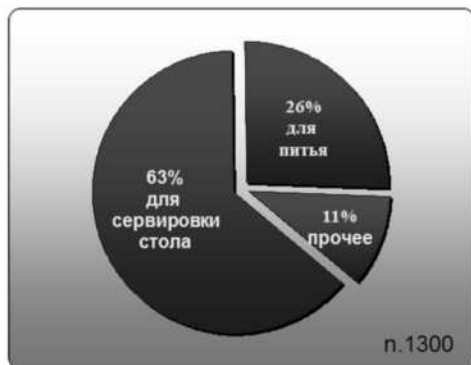
³¹ Например: Егорова 2009: 71–72; Егорова 2014: 174–175; Масленников 2008: 432.

³² Rotroff 2005: 27.

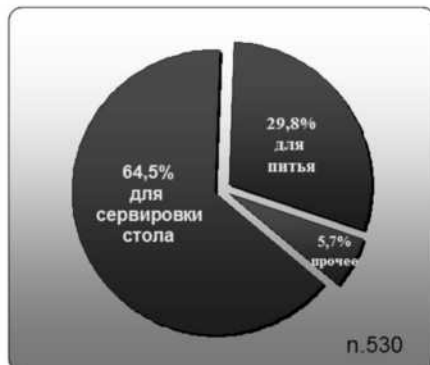
Танаис

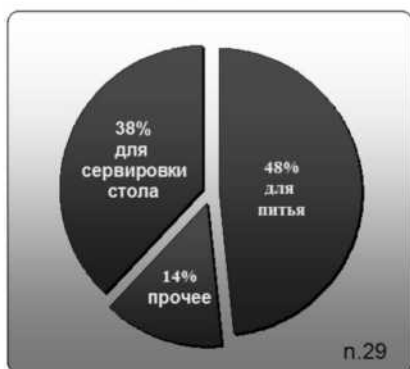
Пантикапей

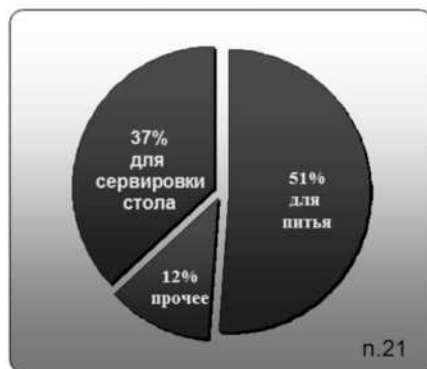
Памятники Северо-Западного Крыма

Танаис, раскоп XXV

Голубицкая 2, раскоп 1

Илл. 12. Процентное соотношение основных групп сосудов для питья

примыкающие к его оборонительной системе, показывает практически полное совпадение статистических значений, не смотря на хронологические отличия памятников³³.

Из особенностей чернолакового комплекса из Танаиса можно отметить довольно значительное количество сосудов со следами древнего ремонта — около 9% (Илл. 13, 1–6, 8). Это существенно больше, чем в таких городах Боспорского царства, как Пантикапей и Фанагория (1–2%), и даже чем в Ольвии и Херсонесе (по 6–7%)³⁴. Ограниченное количество ремонтов в Пантикапее сходно с данными по Афинам и Олинфу, где их фиксируется около 1% по подсчетам С. Ротрофф³⁵, что вероятно, можно объяснить столичным статусом Пантикапея. Подавляющее большинство сосудов из Танаиса помимо следов ремонта имели еще и существенную степень изношенности, поскольку использовались продолжительное время, а некоторые впоследствии и вторично, в качестве лошил или пряслиц (Илл. 13, 7, 8). Такое положение вещей близко к ситуации на поселении Панское 1 в Северо-Западном Крыму³⁶ и может быть следствием удаленности этих пунктов от центров распределения товаров своего региона, которыми являлись Херсонес или Ольвия для Панского, и Пантикапей для Танаиса, соответственно.

Ранее высказывались предположения о том, что ремонтировать черный лак могли в припортовых мастерских, поскольку часть товара билась в результате длительной транспортировки³⁷. Однако судя по состоянию керамики из Танаиса, здесь основную массу чинили уже после длительного использования, хотя вероятно, могли покупать некоторое количество отремонтированной посуды в целях экономии. К этому необходимо добавить, что значительная часть сосудов из Танаиса представлена лишь отдельными фрагментами (в отличие от чернолаковых изделий из Пантикапея, Ольвии, Керкинитиды или Херсонеса). Только очень небольшое количество из них — целые или археологически целые формы. По всей видимости, все эти особенности (длительное использование и многочисленные ремонты) можно связать не только с удаленностью и некоторой обособленностью города от основных центров античной цивилизации, но и большей зависимостью от возможностей и продолжительности периода навигации.

Уже неоднократно отмечалось, что начиная с середины III в. до н. э. и на протяжении всего II столетия происходит падение общего количества аттического импорта в Северное Причерноморье и, соответственно, увеличение числа изделий из других регионов. Представленный здесь керамический ком-

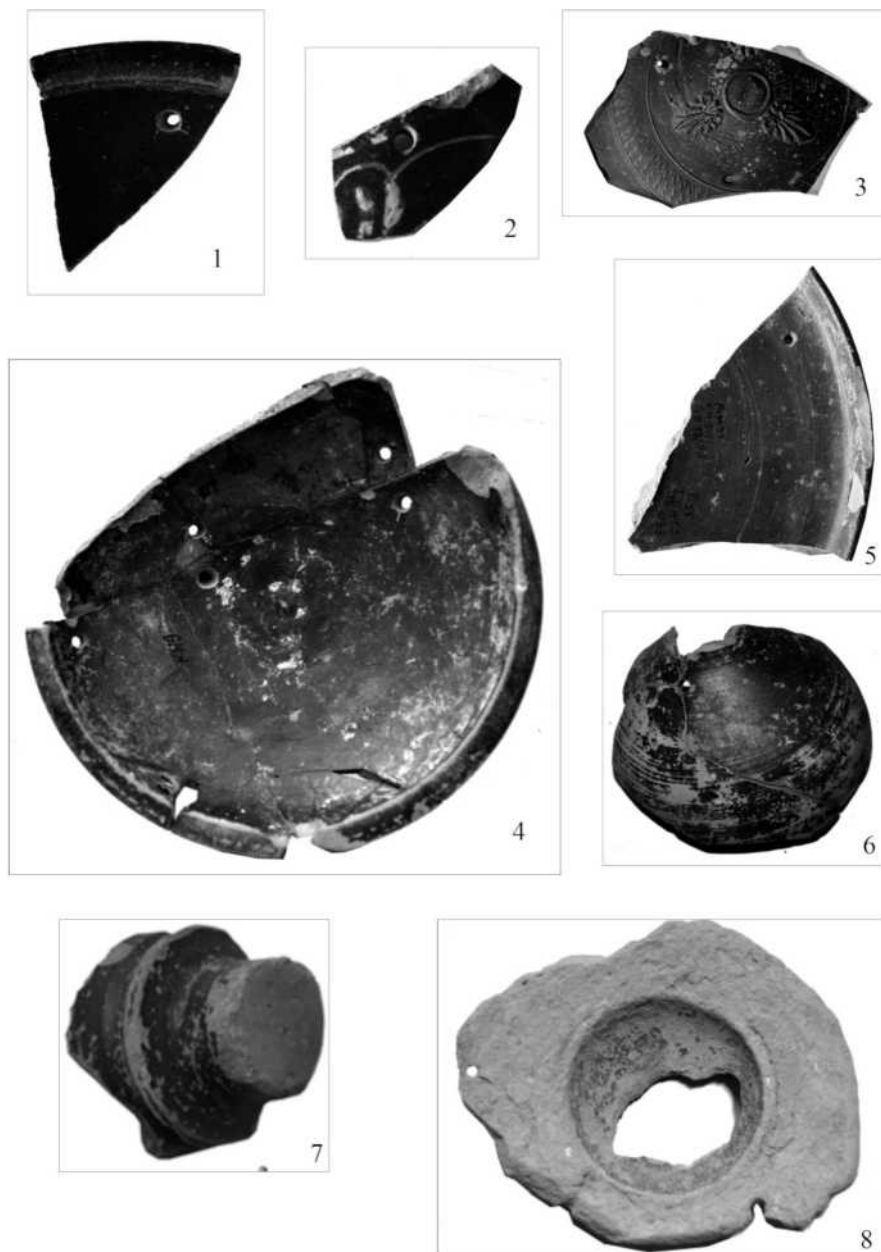
³³ Журавлев, Шлотцауер 2014: 162, рис. 12; Егорова 2016: 29.

³⁴ Большая работа по изучению ремонтов чернолаковой посуды и мегарских чаш из этих центров проделана П. Бильде и С. Хендберг: Bilde, Handberg 2012: 462–474.

³⁵ Rotroff 2011: 118–119.

³⁶ Bilde, Handberg 2012: 471.

³⁷ Rotroff 2011: 127–128; Вдовиченко 2008: 37.

Илл. 13. Сосуды со следами ремонта и длительного использования: 1 — фр-т тарелки; 2 — фр-т чашевидного канфара; 3 — фр-т миски; 4 — фрагментированная миска с загнутым внутрь краем; 5 — фр-т рыбного блюда; 6 — фр-т флакона; 7 — ножка канфара во вторичном использовании (лощило); 8 — фр-т рыбного блюда

плекс в очередной раз наглядно это подтверждает. Помимо Аттики мы видим продукцию мастерских Малой Азии, в частности, Пергама, а также Коринфа, Книда, Западного Причерноморья и, возможно, Македонии.

Подводя итог, можно сказать, что в Танаисе, в целом, сохраняются основные тенденции чернолакового импорта, характерные не только для территории Боспорского царства в соответствующий промежуток времени, но и для более обширного региона Северного Причерноморья. Но необходимо отметить и особенности, обусловленные политико-географическим расположением города, такие как значительное количество ремонтов, высокая степень изношенности сосудов, частое вторичное использование их фрагментов, а также более активную замену части лаковой посуды, преимущественно блюд разных форм, на их красноглиняные и сероглиняные аналоги.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньева Т.М., Бертггер Б., Науменко С.А.* К истории эллинистического Танаиса // ПИФК. 2001. Вып. XI. С. 84–120.
- Вдовиченко И.И.* Античные расписные вазы в Северном Причерноморье. Симферополь, 2008.
- ДБ* — Древности Боспора.
- Дедюлькин А.В., Каюмов И.Ф., Мещерякова Д.В.* Эллинистические железные кirasы из Южного Приуралья // Stratum plus. 2019. № 3. С. 51–88.
- Егорова Т.В.* Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М., 2009.
- Егорова Т.В.* Предварительный анализ комплекса чернолаковой керамики VI–II вв. до н. э. из раскопок Пантикапея 1945–1992 гг. // ДБ. 2014. Т. 18. С. 174–195.
- Егорова Т.В.* Комплекс сельскохозяйственных усадеб в предместье городища «Чайка» // Попова Е.А. (ред.). Очерки археологии Северо-Западного Крыма (по материалам городища «Чайка» и некрополя у поселка Заозерное). М., 2016. С. 136–163.
- Егорова Т.В.* К вопросу о датировке S-видных эллинистических канфаров // Костромичев Д.А. (ред.). Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы международной научной конференции, Севастополь, 10–12 октября 2017 года. Саки, 2017. С. 73–79.
- Егорова Т.В.* Некоторые аспекты аттического чернолакового импорта на Боспор в VI–II вв. до н. э. // Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Часть 2. 2018. С. 127–132.
- Егорова Т.В.* Еще раз об S-видных эллинистических канфарах // Причерноморье в Античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов,

посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова. Т. 2. Ростов-на-Дону, 2018. С. 510–520.

Егорова Т.В. Проблемы датирования неаттических канфаров классических форм // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Т. 18. № 1. С. 123–137.

Егорова Т.В., Ильяшенко С.М. Чернолаковая ойнохоя из Танаиса // Материалы конференции XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья Торговля: пути — товары — отношения. Керчь, 22–26 мая 2017 года. Т. 18. Керчь-Симферополь, 2017. С. 109–116.

Журавлев Д.В., Шлотцауер У. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006–2013 гг. // Труды ГИМ. Вып. 201. Государственный Исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников. М., 2014. С. 150–186.

Масленников А.А. Чернолаковая посуда из раскопок поселения Бакланья скала // ДБ. 2008. Т. 12. С. 430–448.

ПИФК — Проблемы истории, филологии и культуры.

Рыжова Л.А. Пергамские эллинистические кратеры (по материалам раскопок Херсонеса) // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. XVI (V). Серия А. Античность и средневековье. С. 89–104.

Циркунова И.В.: Чернолаковый канфар из западного пригорода Танаиса // *Novensia*, 2008. Т.18–19. С. 381–385.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М., 1970.

AB — *Achaeologia Bulgarica*.

AJA — *American Journal of archaeology*.

Behr D. Neue Ergebnisse zur pergamenischen Westabhangkeramik // *Istanbuler Mitteilungen*. 1988. Vol. 38. S. 97–178.

Bilde P.G., Handberg S. Ancient Repairs on Pottery from Olbia Pontica // *AJA*. 2012. Vol. 116. N. 3. P. 461–481.

Bozkova A. Pontic Pottery Group of the Hellenistic Age. A Survey Based on Examples from the Bulgarian Black Sea Coast // *AB*. 1997. No2. P. 8–17.

Bozkova A. La ceramique des necropolis hellenistiques de Cabyle // *Drougou S.* (ed.). Δ' Επιστημονική Συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική. Αθήνα, 1997a. P. 123–127.

Bozkova A. Hellenistic Cantharoi from South-Western Bulgaria // *Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis*. Suppl. IV. 2005. P. 46–51.

Bozkova A. West Slope Pottery from Mesambria Pontike // *Bilde P., Lawall M.* (ed.). Pottery, Peoples and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery. Black Sea Studies. No 16. Aarhus, 2014. P. 199–214.

Δαφφα-Νικονανου Α. Κτερίσματα ελληνιστικού τάφου στη Νεάπολη της Θεσσαλονίκης // *Μακεδονικά*. 1986. No25, 180–202.

- Gassner V.* Das Südtor der Tetragonos-Agora. Keramik und Kleinfunde // Forschungen in Ephesos. Bd. XII/I/I. Wien, 1997.
- Japp S.* Archäometrisch-archäologische Untersuchungen an Keramik aus Pergamon und Umgebung // Istanbuler Mitteilungen. 2009. Band 59. P. 193–268.
- Kögler P.* Feinkeramik aus Knidos vom mittleren Hellenismus bis in die mittlere Kaiserzeit (ca. 200 v. Chr. Bis 150 n. Chr.). Wiesbaden, 2010.
- Kögler P.* Table Ware from Knidos: The Local Production during the 2nd and 1st centuries BC // Bilde P., Lawall M. (ed.). Pottery, Peoples and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery. Black Sea Studies. No 16. Aarhus, 2014. P. 157–173.
- Lungu V.* La céramique de style west slope // Histria. Les résultats des fouilles. XIV. Bucarest, Paris, 2013.
- Meyer-Schlichtmann C.* Die pergamenische sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon: Mitte 2. Jh. v. Chr. — Mitte 2. Jh. n. Chr. // Pergamenische Forschungen. Band 6. B., NY., 1988.
- Morel J.-P.* Observations sur les faciès régionaux ou locaux des céramiques du Pont-Euxin (IVe-Ier siècle avant J.-C.) // Alexandrescu P., Papacostae S. (ed.). Il Mar Nero VI — 2004/2006. Actes du colloque international “Les productions céramiques du Pont-Euxin à l’époque grecque”. Bucarest, 2009. P. 159–173.
- Rotroff S.I.* Attic West Slope Vase Painting // Hesperia. 1991. Vol. 60. No. 1. P. 59–102.
- Rotroff S.I.* Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // The Athenian Agora. Vol. XXIX. Princeton; New Jersey, 1997.
- Rotroff S.I.* Four Centuries of Athenian Pottery // Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC. Aarhus, 2005. P. 11–30.
- Rotroff S.I.* Mended in Antiquity: Repairs to Ceramics at the Athenian Agora // Lawall M. and Lund J. (eds.). Pottery in the Archaeological Record: Greece and Beyond. Acts of the International Colloquium Held at the Danish and Canadian Institutes in Athens. Aarhus, 2011. P. 117–134.
- Rotroff S.I., Oliver A.* The Hellenistic Pottery from Sardis: the finds through 1994 // Archaeological Exploration of Sardis, Monograph 12. Cambridge, London, 2003.
- Schäfer J.* Hellenistische Keramik aus Pergamon // Pergamenische Forschungen. Bd. 2. Berlin, 1968.

GENERAL TRENDS AND REGIONAL CHARACTERISTICS OF THE IMPORT OF BLACK GLAZED POTTERY IN TANAIS

TATIANA V. EGOROVA

Abstract: The general chronology of Black Glazed pottery from Tanais — beginning of the 3rd — the middle of the 1st century BC. Such a set is generally characteristic for Greek settlements in the Northern Black Sea region of the corresponding time. However, there are a number of differences. The percentage of finds of Black Glazed fragments is much less than in other settlements of the region. The number of vessels with signs of repair and prolonged use is higher. The typical composition of the vessels in each group is very limited and has a number of interesting features. Most of the collection consists of fragments of non-attic vessels. It is probably worth associating these features with the location of the city, which is characterized not only by remoteness from other ancient centers, but also by some isolation.

Keywords: Hellenism, Northern Black Sea Region, Tanais, Black-Glazed pottery.

Татьяна Валерьевна Егорова,
к.и.н., научный сотрудник кафедры археологии
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ВОЛНА 1 И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ «НОВЫЕ» ПАМЯТНИКИ БОСПОРА (К вопросу о статусе древнейших поселений на Таманском полуострове)

А.А. ЗАВОЙКИН

Резюме: В статье рассматривается проблема определения статуса безымянных поселений, основанных в период греческой колонизации Боспора, на примере поселения Волна 1 и его некрополя. Исследователи этого памятника полагают, что поселение могло быть самостоятельной апойкией, а не сельским поселением на хоре Гермонассы. Позднее оно могло утратить полисный статус. В поддержку этой точки зрения они ссылаются на датировку ранних погребений (со 2-й четверти VI в. до н. э.), их многочисленность, богатство и разнообразие погребального инвентаря, а также на сплошную застройку «Восточного района» поселения.

Автор статьи попытался показать, что все эти характеристики не позволяют определить поселение как апойкию, возникшую в ходе колонизации региона. Освоение сельской территории колониального полиса — как показывает пример Ольвии — начинается с момента его основания. Исключительные для Боспора характеристики ранних погребений (как и поселения) объясняются исключительным масштабом проведенных здесь раскопок. Застройка «Восточного района» поселения относится к более позднему времени (последняя треть V–II вв. до н. э.), а по планировке она сопоставима с комплексом усадеб поселения Манитра (Восточный Крым), а не с городскими структурами.

Ключевые слова: археология, Таманский полуостров, поселение, некрополь, Волна 1, колонизация, полис, апойкия, система расселения.

Участие в работе семинара «Некрополь Волна 1 в контексте античных древностей Боспора» (ИА РАН, 14 декабря 2018 г.) стимулировало сформулировать для себя ряд вопросов, важных для осмысления проблем, которые возникают перед исследователями в связи с масштабными раскопками «новых» памятников¹. На обобщения такого рода в полном объеме я, конечно же, не претендую и целиком сосредоточу свое внимание на территории, занимаемой в древности Боспорским царством. Более того, в заметке, подготовленной в

¹ Имеются ввиду не столько вовсе неизвестные науке памятники (в основном они были открыты уже давно), сколько те, что впервые изучались раскопками на большой площади.

связи с празднованием юбилея *Александра Васильевича Подосинова*, остановлюсь на рассмотрении, в основном, лишь одного памятника в азиатской части Боспора, другие привлекая только для сопоставлений.

Названная в заголовке тема показалась уместной в сборнике, посвященном этому знаменательному событию, прежде всего потому, что впечатляющие по размаху и полученным, порой уникальным, находкам раскопки поселения и некрополя Волны I побуждают к размышлениям о соотношении, *с одной стороны*, наших знаний о боспорских населенных пунктах («городах» и «сельских поселениях»), известных в той или иной мере² по упоминаниям древних авторов (среди сочинений которых особенное место занимают столь милые сердцу нашего юбиляра географические руководства практического характера — периплы, перизегесы, итинерарии), *а с другой*, — наших представлений об этих (и других, неотмеченных античной литературной традицией) поселениях, открытых усилиями археологов³.

По подсчетам Ю.А. Виноградова⁴, в письменных источниках сохранились наименования примерно трех десятков боспорских поселений, из которых, по мнению исследователя, только шесть — по сумме признаков⁵ — относятся к числу апоийкий (полисов), возникших в ходе Великой греческой колонизации. Это Пантикапей, Нимфей и Феодосия в Восточном Крыму и Гермонасса, Кепы, Фанагория на противоположной стороне Боспора Киммерийского, на Таманском п-ове. Остальные же города («городки»), упомянутые античными писателями и/или известные археологам, следует рассматривать в качестве продукта так называемой внутренней (аграрной) колонизации⁶. Как считает

² В большинстве случаев — это лишь их названия и скудные ориентиры местоположения относительно друг друга или/и относительно географических объектов.

³ Попытки такого рода предпринимались неоднократно. Одна из последних по времени — в книге В.Г. Зубарева (2005), в ней же см. библиографию проблемы. Не имея целью обсуждать достоинства и недостатки указанного исследования в целом, отмечу лишь одно: поверхностное знакомство автора с археологическими памятниками Азиатского Боспора обусловило односторонний приоритет сложных для интерпретации отрывочных сведений античных письменных источников, что и привело к весьма спорным результатам в локализации городов этого региона.

⁴ Со ссылками на работы предшественников (*Виноградов* 1995а: 65, примеч. 1; 1995б: 80–81).

⁵ И их числе учтены: свидетельства об основании (5 городов — Пантикапей, Фанагория, Феодосия, Кепы, Гермонасса); наличие автономной чеканки монеты (4 города — Пантикапей, Фанагория, Нимфей, Феодосия); эпиграфические памятники с упоминанием этниконов — производных от наименования полиса (6 городов — Пантикапей, Феодосия, Фанагория, Гермонасса, Нимфей, Кепы).

⁶ Лишь для справки отмечу монографию И.А. Емеца, в которой автор предложил свою классификацию городов и поселений Боспора «с помощью привлечения не только свидетельств античных авторов, но некоторых категорий эпиграфического материала, который более достоверно отражает текущую ситуацию в различные периоды их истории» (*Емец* 2014: 4). В итоге им было выделено три группы городов: 1) «крупнейшие центры» — Пантикапей, Фанагория, Горгиппия и «в известной степени» Гермонасса (в них представлено наибольшее число разных типов надписей, в том числе декреты); 2) Нимфей, Феодосия, Мирмекий, «в определенные периоды Кимме-

исследователь, эти урбанизованные поселения (Мирмекий, Тиритака, Китей и др.) были выведены из Пантикапейского полиса и были центрами крупных сельских округ (где размещались сельские поселения, «усадебь» граждан), структурными подразделениями (вроде аттических демов) одного полиса, политический центр которого располагался в районе совр. горы Митридат⁷.

Предложенная схема выглядит вполне логичной. Однако сразу же можно заметить, что такое логическое построение может быть проиллюстрировано одним-единственным примером: Пантикапей — и его округа (Мирмекий, Тиритака, позднее Китей, Зенонов Херсонес⁸).

В свое время, отдавая должное строгости подхода Ю.А. Виноградова к этой проблеме, я попытался показать, что, если круг привлекаемых источников расширить, станет очевидным: реальность могла быть и была много сложнее⁹. Несколько позже, вернувшись к данной проблематике более основательно, я еще более склонился к мысли, сформулированной в свое время Д.П. Каллистовым¹⁰, согласно которой «некоторые апойкии, возникшие как полисы в ходе колонизации, со временем утратили таковой статус, деградировав по той или иной причине»¹¹, и попытался подкрепить это умозаключение конкретными примерами¹².

рик, Зенонов Херсонес и т. д., в которых лапидарные надписи представлены более ограниченным числом типов»; 3) «небольшие городки типа Порфмия, Парфения, Акры, Ахиллия и т. д., в которых из памятников лапидарной эпиграфики отмечены только надгробия» (*Емец* 2014: 135). Принимая в целом идею, что качественный состав эпиграфических документов в той или иной степени отражает статус поселения, должен отметить существенный недостаток предложенной классификации. В ней не принята во внимание степень археологической изученности памятников. Так, Феодосия, лишь в малой степени затронутая раскопками, оказалась во второй группе, в то время как письменные источники (*Дем. XX.31–33*) сообщают о строительстве в ней Левконом I нового порта, а в проксенических декретах Спартокидов даруемые привилегии распространяются на «Боспор и Феодосию», из чего справедливо делается заключение о том, что через этот городской порт, где афинянам была предоставлена ателия, осуществлялась международная торговля (см. *Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев* 2002: 70). Следовательно, отсутствие в находках фрагментов декретов правителей — всего лишь дело случая. Еще меньше оснований судить об Акре (ок. 3,5 га), поскольку этот город, именуемый Страбоном «деревенкой в пантикапейской земле» (*Strab. XI.2.8*), большей своей частью оказался под морскими водами, где в результате подводных исследований были открыты фундаментальные остатки городских оборонительных стен, построенных в первой половине IV в. до н. э. (*Вахонеев, Соловьев* 2018: 246–247).

⁷ *Виноградов* 1995а; 1995б: 82–91.

⁸ Основание первых двух в этом коротком списке приходится на вторую четверть — середину VI в. до н. э., т. е. отстоит от даты основания самого Пантикапея лишь на 30–40 лет. Этот факт сам по себе ничего не доказывает, однако допускает вероятность того, что Мирмекий и Тиритака были основаны в ходе Великой греческой колонизации как самостоятельные апойкии.

⁹ В частности, по моему мнению, предложенный Ю.А. Виноградовым список полисов на Боспоре может быть расширен. По тем или иным соображениям в него изначально должны быть включены: Патрей, Мирмекий, Тиритака, Синдская Гавань (Горгиппия), Киммерида и, предположительно — Ахиллий, Корокондама (см. *Завойкин* 2001: 23–28).

¹⁰ *Каллистов* 1949: 78.

¹¹ *Завойкин* 2009: 181.

¹² Там же: 181–186. Наиболее показательный пример — судьба так называемого Торики.

Не удивительно, что эта идея получила поддержку со стороны исследователей, занятых раскопками поселений, основанных еще в период греческой колонизации региона. Наиболее последовательными ее сторонниками стали Д.В. Журавлев и У. Шлотцауер, которые много лет и весьма плодотворно проводят изучение поселения Голубицкая 2¹³ на Таманском п-ове, древнейшие следы жизни на котором относятся еще к рубежу первой и второй четвертей VI в. до н. э.¹⁴ Опираясь прежде всего на хронологию памятника и, очевидно, принимая в расчет тот факт, что уже в ранний период поселение обретает солидное внешнее фортификационное сооружение в виде рва и вала, охватывающее площадь ок. 6,3 га, исследователи склоняются к мысли, что поселение Голубицкая 2 «было... одной из первых греческих *апоикий* в регионе...»¹⁵.

Продолжая заниматься проблемой дифференциации статуса поселений (полис / продукт внутренней колонизации), основанных в период греческой колонизации региона (до середины VI в. до н. э. включительно)¹⁶, и хорошо понимая, что одного только хронологического критерия для такого рода анализа недостаточно¹⁷, я попытался сопоставить стратиграфические и планиграфические характеристики древнейшего культурного слоя в известных нам в городах (Фанагория, Кепы, Патрей, Гермонасса) и других ранних поселений Таманского п-ова¹⁸.

Резонно думать, что «Если мы ставим на одну стартовую плоскость (горизонт материка), предположим, Фанагорию и Ахтанизовскую 4 как равнозначные по статусу поселенческие структуры, следовательно можно предполагать, что в пределах синхронных слоев должны, очевидно, обнаруживаться и совпадения, обусловленные единством (при бесконечном разнообразии вариантов) культурно-исторических традиций греческих колонистов, которое проявлялось в принципах организации обживаемого пространства, приемах домостроительства, особенностях хозяйственного уклада и других признаках

¹³ На 2013 г. раскопками была исследована площадь 1675 м² (Журавлев, Шлотцауер 2014а: 163).

¹⁴ Журавлев, Шлотцауер 2014б: 142. Лишь мимоходом отмечу попытку И.Е. Сурикова обосновать, что это поселение (или же одно из двух других — Ахтанизовская 4, Стрелка 2) было городом Гаргазой, упомянутой Диодором Сицилийским (XX. 23–24) (Суриков 2016: 92–95). В основе этого построения лежит следующее соображение: «Некоторые архаические греческие поселения в восточной части Таманского полуострова (... в частности, Голубицкая 2, Стрелка 2, Ахтанизовская 4), ныне рассматривающиеся как «безымянные», производят сильное впечатление ранних полисов, основанных в колонизационный период, а затем «заглохших» ввиду прекращения использования Боспора Синдского» (Там же: 92).

¹⁵ Журавлев, Шлотцауер 2014: 165, 174. Подробнее о времени основания см.: Журавлев, Шлотцауер 2014б: 139–148.

¹⁶ К упомянутым ранее поселениям на Таманском п-ове следует прибавить Береговой 4 (о нем см. Завойкин, Сударев 2010: 183–187).

¹⁷ Достаточно сослаться на пример Нижнего Побужья, где организация сельской территории Ольвии, в том числе возникновение первых поселений, происходит с самого момента основания нового полиса (см. Буйских 2009: 225–227).

¹⁸ Очевидно, что такие характеристики на поселениях Восточного Крыма будут сильно отличаться в силу природных особенностей двух регионов.

материальной культуры. Если говорить об отличиях, то они в рамках единого региона, скорее, должны были проявляться в количественных, а не в качественных показателях. Таким образом, имеются, хотя бы и умозрительные, основания считать, что начальный период истории греческих апойкий на Таманском п-ове должен характеризоваться сходными стратиграфическими показателями, сопоставимыми по структуре и насыщенности слоями (а также сходными планиграфически схемами организации обживаемого пространства). Однако сравнивая между собой древнейшие слои городов (Фанагории, Гермонассы, Кеп, Патрея) со слоями других поселений, мы обнаруживаем заметную разницу, которую сложно целиком объяснить различной степенью исследованности или сохранности памятников»¹⁹.

Приношу читателю извинения за длинную цитату из текста собственной статьи, но чтобы кратко резюмировать ее содержание вынужден вновь прибегнуть к тому же приему. «Выявленные различия в характеристиках культурных слоев, сформировавшихся на памятниках городских и сельских, заставляют признать, что в настоящий момент мы не располагаем какими-либо данными (исключая, может быть, материалы Берегового 4²⁰), позволяющими стратиграфически подкрепить гипотезу о том, что некоторые поселения, появившиеся еще в период греческой колонизации региона, могли возникнуть как самостоятельные апойкии, а следовательно, и как (хотя бы и неразвитые в структурно-планировочном отношении, “потенциальные”) городские центры. Если даже допускать, что они не пережили этапа так называемого “земляночного домостроительства”, и в этом случае следует сначала отыскать в достаточном количестве эти “землянки”, как, например, в Ольвии. Пожалуй, все-таки, рановато говорить о “несостоявшихся полисах” [см.: Нøjте, 2008, р. 149, 155–159] на Азиатском Боспоре иначе как в гипотетической плоскости»²¹.

Чтобы поставить точку в изложении эволюции собственных представлений по затронутой проблеме, должен признать, что в цитированной выше статье не был в должной мере учтен один, но чрезвычайно важный фактор — 25-вековой почвообразовательный процесс, который, безусловно, мог существенным образом отразиться на современных характеристиках древнейших культурных отложений на поселениях с недостаточно мощным слоем последующих эпох. Это упущение я постарался компенсировать в небольшой заметке, в которой пытался обосновать, почему на поселениях хоры Азиатского Боспора практически неизвестны постройки из сырцового кирпича, в то вре-

¹⁹ Завойкин 2011: 18–19.

²⁰ Ср.: «Комплекс данных (время основания поселения, наличие раннего домостроительства, ордерных и общественных зданий, наличие якорной стоянки, некрополя и т. д.) позволяет предположить, что в раннее время данное поселение было самостоятельной, неизвестной нам из письменных источников, апойкией, в более позднее время, вероятно, утратившей первоначальный статус» (Завойкин, Сударев 2010: 187).

²¹ Завойкин 2011: 36.

мя как почти невозможно сомневаться в том, что в абсолютно подавляющей своей массе дома и хозяйственные сооружения здесь — так же, как и в городах — возводились из этого строительного материала, начиная с самых ранних времен²². Следовательно, категоричность сделанного ранее вывода необходимо смягчить. Но все же не на столько, чтобы его отменить.

Вновь вопрос о «городском» статусе поселения, свидетельства о котором не известны нам из античных литературных или эпиграфических источников, был поднят в связи с весьма масштабными раскопками поселения Волна I («Северо-Зеленское»). Вернее сказать, не столько и даже, видимо, не столько из-за раскопок самого поселения, сколько его некрополя. Действительно, к настоящему моменту здесь уже вскрыто порядка двух тысяч погребений²³, из которых большая часть относится ко второй половине VI–V вв. до н. э. При этом самые ранние материалы из комплексов датируются еще второй четвертью / серединой VI в. до н. э.²⁴, т. е. относятся к периоду эллинской колонизации региона. Учитывая их возраст, количество и почти исключительное (по боспорским меркам) богатство и разнообразие погребального инвентаря, особенности погребального обряда, а также принимая в расчет размеры поселения (которое возникло на месте «догреческого» населенного пункта) «с элементами правильной планировки и основательным каменным домостроительством»²⁵, исследователи предположительно говорят о том, что «перед нами остатки новой, неизвестной ранее греческой апойкии...»²⁶.

Справедливости ради стоит отметить, что ни о размерах, ни о характере застройки поселения Волна I во второй половине VI–V вв. до н. э. судить невозможно ввиду отсутствия представительных данных. Все, что было сказано исследователями некрополя о поселении в поддержку идеи о его полисном статусе²⁷, относится к более позднему времени (о чем речь впереди). Следова-

²² См. Завойкин 2015: 121–129.

²³ Раскопки некрополя проводили: И.В. Цокур (2015–2019 гг.); П.С. Успенский (2016); Р.А. Мимоход (2017–2018 гг.; см. Мимоход и др. 2018: 220: за все годы на разных участках раскопано не менее 1100 погребений и более 500 «комплексов»); В.Г. Житников (2016–2017 гг.). Точное число открытых исследователями могил назвать затруднительно: раскопки некрополя продолжаются, и лишь небольшая часть комплексов нашла отражение в публикациях (Мимоход и др. 2017а: 295–310; 2017б: 5–32; 2018: 220–231; Цокур 2016: 493–500; Цокур и др. 2016: 118–130; Берлизов и др. 2019: в печати).

²⁴ Мимоход и др. 2017а: 307.

²⁵ Там же: 308 (со ссылкой на: Соловьев 2016: 103–117; Житников 2016: 57–65).

²⁶ Мимоход и др. 2017а: 308; 2017б: 17. Ср. Шевченко 2017: 69: «Благодаря крупномасштабным исследованиям поселения Волна I и открытого грунтового некрополя, можно с уверенностью (sic!) говорить о том, что поселение Волна I в VI в. до н. э. — VI в. н. э. было античным поселением крупного полиса... В связи с дефицитом хронологических (? — А.З.) и письменных источников, пока не удается установить реальное название поселения».

²⁷ Полагаю, мало найдется желающих оспорить мнение, что апойкии, возникшие в период Великой греческой колонизации, изначально конституировались как полисы (т. е. гражданские общины; речь об урбанистическом облике возникших поселений здесь не идет).

тельно, из системы доказательств этот аргумент должен быть исключен. Остаются лишь погребальные памятники некрополя...

В 2001 г., рассуждая о статусе Корокондамы (с которой сопоставляют некрополь на мысе Тузла), я писал: «Учитывая, что на Таманском п-ове (и на Боспоре в целом) для данного периода (архаического времени. — А.З.) неизвестны внегородские некрополи, да и в них, исключая Кепы, захоронения архаического периода единичны., можно сделать вывод, что данный некрополь принадлежал значительному центру»²⁸. Теперь же, после масштабных раскопок в юго-западной части Таманского п-ова (Артюшенко 2, Волна 1) необходимо в это умозаключение вносить весьма существенные поправки. Не в том, конечно, смысле, что поселение Волна 1 или поселение, которому принадлежал некрополь на Тузле, были *не* значительными, а в том, что утверждение будто в древнейший период умерших хоронили исключительно на некрополях, находившихся непосредственно за городскими стенами главного центра полиса, теряет свою силу. Новые факты полностью отрицают данный тезис.

Здесь хочется акцентировать внимание на следующем. Невозможно поручиться в том, что некрополи Волны 1 и Артюшенко 2 (открытие которых на большой площади было, в определенной степени, делом случая²⁹) представляют собой исключение из общего правила. Напротив, более реалистично предположить, что рядом и с некоторыми другими ранними поселениями — незатронутыми или затронутыми раскопками на ограниченной площади³⁰ — располагаются захоронения их жителей. И хотя ничего нельзя сказать ни об их количестве, ни о распределении на территории³¹, ни о составе и богатстве погребального инвентаря и т. п., из этого допущения следуют два важных, как представляется, вывода. *Во-первых*, нельзя безоговорочно признавать «исключительность»³² некрополя Волна 1 с точки зрения его «богатства»³³. Вер-

²⁸ *Завойкин* 2001: 27.

²⁹ Исследование первого связано с масштабным строительством; второго — с обнажениями могил в обрыве разрушающегося берега и субъективными устремлениями автора раскопок памятника (С.В. Кашаева).

³⁰ В числе последних следует назвать некрополь поселения так называемой «Тирамбы», т. е. поселения у пос. Пересьпь (см. *Паромов, Сударев* 2000: 201–220).

³¹ Нельзя мимоходом не отметить, что Волна 1 и Артюшенко 2 располагаются в близости друг от друга (13,5 км), так что невозможно а priori отрицать вероятность исключительно локальной ситуации, в пределах хоры одного только полиса (Гермонассы).

³² Из числа известных некрополей этого времени его выделяет разве что чрезвычайно высокий процент (более 35%) погребений с предметами вооружения (мечи; наконечники копий и стрел — последних меньше; пластинчатый доспех в одном погребении) (*Мимоход* и др. 2017б: 13; *Цокур* 2017: 59–60). По этому параметру с некрополем Волны 1 сравним только некрополь поселения у пос. Пересьпь («Тирамба»), хотя эти два памятника несопоставимы по своей репрезентативности (см. *Завойкин, Сударев* 2010: 273). В остальном же (импортная керамика, бронзовая посуда, погребальные конструкции в виде сырцовых «ящиков») специфика памятника определяется, скорее, количественными показателями, а не особенностями материальной культуры архаического — раннего классического периодов, в том числе на Боспоре.

³³ Показательно, что, например, некрополь Фанагории выглядит в этом отношении много

нее сказать — его «исключительность», по моему представлению, определяется масштабами исследования некрополя архаического — раннего классического времени. А *во-вторых*, картина административной (?) организации территории полисов на Таманском п-ове решительно меняется: наряду с городским центром (поселением «первого порядка») можно теперь предполагать наличие относительно крупных центров сельских округов (своего рода *демов?*), появившихся еще в период становления новой апойкии. Подчеркну со всей решительностью — это лишь гипотеза, основанная на анализе единичной ситуации. Как можно было убедиться, даже обоснованные предположения, учитывающие, казалось бы, всю совокупность имеющихся в нашем распоряжении фактов, далеко не всегда выдерживают проверку временем, т. е. новыми фактами. Поэтому ограничусь констатацией того, что в свете вы сказанного предположения ситуация на Таманском п-ове «созвучна» тезису Ю.А. Виноградова, рассмотренному в начале статьи.

Что же известно о самом поселении Волна 1? Я.М. Паромов по аэрофотоснимкам и материалам своих разведок оценил площадь памятника ок. 32 га³⁴. На сегодняшний день раскопками исследована примерно на половина его площади. К сожалению, этот впечатляющий результат не дает пока возможности составить ясное представление о поселении в разные периоды его истории. Это объясняется в первую очередь тем, что многолетние исследования памятника проводились, сообразуясь не столько с научной логикой, сколько определялись планами возведения строящихся объектов. Сами масштабы раскопок, проводившихся практически круглогодично (по крайней мере на протяжении ряда «полевых сезонов»), сделали почти невозможными своевременную обработку и осмысление полученных в их результате материалов, а также введение их в научный оборот³⁵. Аналитическая обработка завершалась на стадии подготовки полевых отчетов, которые бесценным грузом лежат в хранилище Научного архива ИА РАН, дожидаясь своего вдумчивого исследователя. Даже без учета ограничений, налагаемых правами авторов

скромнее. Это объясняется весьма просто. На некрополе крупнейшего города Азиатского Боспора людей хоронили на ограниченной территории на протяжении пятнадцати столетий, следовательно, более поздние захоронения неизбежно уничтожали часть ранних. Кроме того, часть ранних погребений оказалась перекрыта городскими слоями, так что количество известных на сегодня погребальных комплексов интересующего нас времени крайне мало (см. *Завойкин* и др. 2016). Для сравнения: на некрополе Волна 1 не зафиксировано случаев нарушения могил более поздними погребениями (*Мимоход* и др. 2017б: 5). Из этого следует не только вывод о том, что «места захоронений, скорее всего, маркировались надмогильными знаками» (Там же), но и заключение об отсутствии у этого некрополя жестких внешних границ. (Речь, разумеется, не об отсутствии границ археологического памятника, а о четких границах территории, которая была отведена под некрополь.)

³⁴ *Паромов* 1992: 459. Ср. *Шевченко* 2017: 69: «По результатам работ 2013–2017 гг. площадь и границы поселения Волна 1 уточнены и составляют чуть более 45 га».

³⁵ Это хорошо видно из довольно скудного перечня публикаций. Нередко — это не обобщения, а заметки частного характера, изложенные тезисно.

раскопок, трудно предполагать, что в ближайшее время у серьезного ученого найдется время, достаточное для обобщения полученных в поле данных по поселению Волна 1. Не говорю уже о тех трудностях, которые поджидают такого исследователя, если сам он не принимал непосредственного участия в раскопках³⁶.

В пору вновь принести свои извинения читателю, на этот раз за эти эмоциональные сентенции. Они были необходимы для того, чтобы он мог представить себе реальную ситуацию прежде, чем мы попытаемся составить хотя бы самое общее представление о памятнике.

Для начала отмечу, что при отсутствии сводного плана памятника с нанесенными на него раскопами и выявленными строительными комплексами едва ли приемлемо утверждение, что «Поселение “Волна 1” уже во второй половине V в. до н. э. обладает сплошной застройкой»³⁷. Речь может идти разве что о сплошной застройке V–II вв. до н. э. — остатках каменных конструкций, «которые были объединены под условным названием: “Восточный район”» (открыт на площади 2 600 м²), отделенный от центральной части поселения древней балкой. “Восточный район” представлял собой группу взаимосвязанных одно- и многокамерных сооружений наземного типа. Они образовывали более 40 помещений, сблокированных в отдельные комплексы. Очевидно, стены помещений являлись глинобитными, но были возведены на каменных цоколях... На площади “Восточного района” условно были выделены *восточный, центральный, западный и северо-западный* “кварталы”»³⁸.

Не вдаваясь в детали планировки этого района поселения, заострим внимание на его хронологии. В.Г. Житников, завершая рассмотрение полученных его раскопками материалов написал следующее. «Первоначально в V в. до н. э., возможно, во 2-й половине этого столетия, возникли постройки восточного квартала, существовавшие и в IV–III вв. до н. э. Видимо, позднее, в IV в. до н. э. были сооружены комплексы центрального и западных кварталов, функционировавшие и в III–II вв. до н. э. В заключение следует отметить, что в ходе предыдущих раскопок поселения “Волна 1” были исследованы строительные остатки отдельно стоящих построек или усадеб IV–III вв. до н. э. Однако столь обширный участок сплошной и компактной застройки, каковым являлся “Восточный район”, открыт на памятнике впервые. Исходя из расположения “Восточного района” на окраине поселения, можно предположить, что в целом данный участок являлся неким обособленным районом поселения “Волна 1”, инкорпорированным в его структуру»³⁹.

³⁶ Слишком много информации, увы, всегда остается за рамками самого тщательно подготовленного отчета, даже при условии, что сами полевые работы были проведены основательно, по всем правилам.

³⁷ *Мимоход* и др. 2017б: 17.

³⁸ *Житников* 2017: 97, рис. 1, 2.

³⁹ Там же: 119.

В другой публикации автор раскопок дает несколько более определенные характеристики хронологии застройки «Восточного района». Рассмотрев датирующие материалы (главным образом, амфоры и амфорные клейма), В.Г. Житников сообщает: «Первоначально, видимо, в *конце* V в. до н. э. возникли постройки восточного квартала, существовавшие и в IV–III в. до н. э. Позднее, во второй половине — конце IV в. до н. э., были сооружены комплексы центрального и западных кварталов, функционировавшие, главным образом, в III–II вв. до н. э.»⁴⁰.

Итак, хотя, на мой взгляд, остается открытым вопрос о начале застройки «Восточного района» Волны I, очевидно, что эта дата весьма далека от времени колонизации региона, и даже не исключено, что в целом компактную застройку в этой части памятника следует относить уже к эпохе Спартокидов. Не зная даже приблизительных размеров всей территории сплошной застройки (напомню, открыто лишь 0,26 га) и принимая во внимание информацию о том, что на других участках поселения располагались изолированные усадьбы того же времени⁴¹, никаким образом нельзя интерполировать «сплошную застройку» на всю территорию памятника. А из этого следует, что и в эпоху Спартокидов (IV–II вв. до н. э.) Волна I не может рассматриваться в качестве поселения городского типа⁴².

Сколь не удивительно, ближайшую аналогию системе застройки «Восточного района» Волны I мы обнаруживаем на противоположном берегу Киммерийского Боспора, в 10 км от Пантикапея. Речь идет о действительно новом памятнике — ранее практически неизвестном, открытом и раскопанном в 2018 г., — получившим наименование «Манитра»⁴³. В центральной зоне этого памятника на площади ок. 5000 м² была открыта сплошная застройка (строительный комплекс № 3). «По характеру общей планировки это скорее не городская застройка с улицами и рядами домов с двориками, а компактно расположенные, примыкающие друг к другу усадьбы», которые датируются серединой IV — первой четвертью III вв. до н. э.⁴⁴ Здесь неуместно проводить детальное сопоставление, но даже первого визуального впечатления⁴⁵ будет достаточно, чтобы понять, что оба этих, в значительной мере синхронных, памятника в типологическом отношении однородны⁴⁶. Сопоставимы они и по

⁴⁰ Житников 2016: 61.

⁴¹ Например, см. Соловьев 2016: 106–107. Существенно, что здесь прослежена стратиграфическая ситуация: на смену усадьбе IV–III вв. до н. э. во II в. до н. э. приходит новая усадьба.

⁴² Обращу внимание и на такую частность: на площади 2600 м² было найдено всего 45 фрагментов чернолаковой керамики. Это совсем не похоже на город. И даже на сколько-нибудь богатое поселение (ср. Масленников 2012: 165–199).

⁴³ Историю предшествующих обследований местности, где расположено поселение, и обстоятельств его открытия см.: Ермолин и др. 2019: 171 сл.

⁴⁴ Там же: 174–175, рис. 3, 4, 195.

⁴⁵ Ср.: Житников 2017: 98, рис. 1; Ермолин и др. 2019: 174–175, рис. 3, 4.

⁴⁶ Примечательно, что некоторые строительные приемы и принципы организации внутреннего

площади застройки (0,26 и 0,5 га), насколько можно судить по той их части, которая открыта раскопками. Исследователи усадебного комплекса в Восточном Крыму полагают, что «это была одна из “царских” усадеб с функцией эмпория (?). Основная хозяйственная деятельность их обитателей была направлена на разведение скота, выращивания винограда и торговлю, которой, быть может, способствовало её расположение близ одной из дорог, проходивших в сторону переправы через пролив и к столице — Пантикапею (около 10 км)»⁴⁷. Не совсем понятно, что побудило отнести поселение к числу «царских» и уж тем более загадочно определение «эмпорий» (хотя бы и со знаком вопроса)⁴⁸. Сейчас это не столь важно. Существеннее другое: у исследователей не возникло сомнений, что они имеют дело с сельским поселением, а не с чем-либо еще⁴⁹, хотя и в Восточном Крыму, богатом строительным камнем (в отличие от Таманского п-ова), до сих пор не было открыто остатков усадебных комплексов столь значительной площади.

После всего сказанного уместно поставить вопрос: почему же такого рода сомнения появились у исследователей Волны 1? Очевидно, что здесь несколько причин. *Во-первых*, открыт большой и богатый некрополь поселения, значительная часть могил которого относится ко второй половине VI–V вв. до н. э.⁵⁰, а некоторые из них датируются еще серединой, если не второй четвертью VI столетия. Следовательно, еще в период колонизации на этом месте располагалось «стационарное»⁵¹ поселение (которому предшествовало поселение догреческое). Дополнительное эмоциональное воздействие, по-видимому, могли оказать и некоторые уникальные для данного региона на-

пространства находят параллели. Так, именуемые В.Г. Житниковым «контрфорсами» пристроенные к фасадам стен прямоугольные выступы (например: *Житников* 2017: 105, 109, рис. 11) обнаруживаются и в усадебном комплексе Манитры («пилястры»), и интерпретируются исследователями как основания опор для навесов (например, вдоль западного фасада стены (№ 173), отгораживающий центральный двор 2 Центральной усадьбы — см. *Ермолин* и др. 2019: 174, 178, рис. 6).

⁴⁷ *Ермолин* и др. 2019: 195.

⁴⁸ Конечно же, «косвенные данные» («загоны для скота, винодельни, зерновые/хозяйственные ямы, находки значительного числа фрагментов амфорной тары и довольно большого количества монет (включая клады — 269 экз.), весовых гирь (9 экз.), многочисленных обломков черепицы, терракот, алтаря») недостаточны для такого вывода. Между прочим, отмечу, что и на этом памятнике чернотаковая посуда представлена немногочисленными фрагментами (*Ермолин* и др. 2019: 175).

⁴⁹ Справедливости ради стоит отметить, что они находились в более «выигрышном» положении по сравнению с исследователями Волны 1. На Манитре исследовано не только само поселение (почти полностью), но и прилегающая территория с хозяйственными объектами. Но главное — хронология памятника никаким образом не стимулировала рассуждения об ином статусе поселения.

⁵⁰ По предварительным подсчетам Н.И. Сударева (которому я с удовольствием выражаю свою искреннюю признательность за ряд полезных замечаний и советов), не менее половины, притом погребений второй половины VI — первой половины V вв. до н. э. порядка 800!

⁵¹ Ср. *Горлов* 2007: 96; *Виноградов* 2009: 69; *Соловьев* 2016: 106 (о временном, сезонном характере ранних сельских поселений на Таманском п-ове).

ходки в погребениях (бронзовый шлем коринфского типа первой четверти V в. до н. э., остатки арфы-тригона, кифары⁵² и др.) и на поселении (керамическая театральная (?) маска⁵³). Во-вторых, открытие на самом поселении остатков компактной застройки (каменных фундаментов стен и вымосток) на большой площади — событие для территории Таманского п-ова за пределами городов тоже исключительное, во всяком случае для раннего периода истории⁵⁴. Полагаю, что дело здесь не только и даже, может быть, не столько в том, что раскопками раскрыта беспрецедентно большая площадь памятника, сколько в том, что в относительной близости (4 км) находится мыса Панагия, в основании которого лежит риф, сложенный поздними мшанковыми известняками. Именно каменные фундаменты стен построек позволили выявить остатки сплошной застройки конца V (или IV?) — II вв. до н. э., в то время как о застройке поселения в предыдущий период мы, как и прежде, знаем лишь то, что было установлено исследованиями С.Л. Соловьева значительно раньше⁵⁵.

Представляется, что искусственный комплекс двух названных разновременных характеристик памятника и составил подоснову для предположения — пусть и выраженного в более или менее осторожной форме — о полисном или, во всяком случае, городском статусе поселения Волна I. Как мы могли убедиться, ни одна из этих характеристик в отдельности не позволяет поддержать это умозаключение.

Сказанное никак не умаляет значимости открытий, сделанных на поселении и некрополе Волна I.

Прежде всего, благодаря раскопкам этого памятника мы узнали, что уже на первом этапе жизни (не позднее середины VI в. до н. э.) колониального полиса (Гермонассы) осуществлялось активное освоение его хоры путем основания поселений, где люди жили постоянно. Здесь же располагался и некрополь, на котором хоронили умерших граждан и членов их семей — если не самих ко-

⁵² См. *Bochkovoy et al.* 2019: 365 sqq. Находки этих музыкальных инструментов вообще чрезвычайно редки.

⁵³ *Бочковой, Булах* 2017: 79, 83, рис. 3. Наводящая, вероятно, на мысль о театре находка из мешанного слоя предварительно датирована V–II вв. до н. э. (*Древности Тамани...* 2019, рис. 343). По мнению исследователей, это маска трагического актера, ее размеры: 19 × 13,5 см (*Bochkovoy et al.* 2019: P. 363–364, fig. 17.1).

⁵⁴ Мне известен, пожалуй, единственный пример сооружения каменных фундаментов под сырцовые стены в IV в. до н. э. — на поселении Приазовский 4 (Завойкин 2011: 29), что объясняется близостью мыса Каменный на Азовском побережье, в основании которого имеются осадочные породы, использованные в строительстве. В городах же Азиатского Боспора до IV в. использовался по преимуществу привозной средиземноморский камень, позднее — керченский известняк.

⁵⁵ См. *Соловьев, Бутягин*, 2002: 67–74 — единственная наземная постройка (СК-6) из пяти помещений конца VI — начала V вв. до н. э., выполненная в «глинобитной» технике. Характеризуя архаический период памятника С.Л. Соловьев отмечает: «В это время на поселении строились легкие сезонные, правда, многокамерные наземные сельские строения, защищенные простыми деревянными оградами, а также хозяйственные ямы, служившие для хранения продуктов сельского хозяйства» (*Соловьев* 2016: 105).

лонистов, то представителей уже первых поколений их потомков. Инвентарь в могилах погребенных дает все основания думать, что их быт, образ жизни и погребальные традиции⁵⁶ ничем не отличались от городских. А зафиксированное раскопками использование в конструкции погребальных сооружений сырцового кирпича⁵⁷ подтверждает в общем-то банальный вывод о том, что жилища поселян были построены в привычной для греков технике из этого же доступного и удобного строительного материала⁵⁸. Тот факт, что до сих пор на поселении найдено слишком мало остатков построек позднеархаического — раннеклассического времени, имеет свое объяснение (см. выше).

Исследование зоны компактной застройки в «Восточном районе» памятника, представляющей, скорее всего⁵⁹, комплекс из нескольких усадеб времени правления на Боспоре Спартокидов, особенно интересно в двух отношениях. С одной стороны, любопытна отмеченная параллель с комплексом усадеб близ Пантикапея (Манитра), а с другой, — асинхронность финала этих двух комплексов. Если в Восточном Крыму жизнь усадеб завершается в то время, когда то же самое происходит с подавляющим большинством (если не со всеми) сельскими поселениями Европейского Боспора (в пределах первой трети III в. до н. э.)⁶⁰, то на Таманском п-ове усадебный комплекс «Восточного района» Волны 1 доживает до конца (?) эпохи Спартокидов. Последний факт находит соответствие в истории сельской территории Азиатского Боспора в целом⁶¹, в очередной раз демонстрируя различия двух регионов единого государства, разделенного проливом.

ЛИТЕРАТУРА

Берлизов и др. 2019 — *Берлизов А.Н., Кашаев С.В., Мимоход Р.А.* Эволюция погребальных традиций в некрополях Волна 1 и Артющенко 2 в VI–IV вв. до н. э. // ПИФК. 2019. №3. С. 229–245.

⁵⁶ Не будучи специалистом в области исследования погребальных обрядов, не могу игнорировать ценное замечание Н.И. Сударева, согласно мнению которого, погребальные традиции населения Волны 1 (и близкого поселения Артющенко 2) «сильно» отличаются от традиций, характерных для некрополей Гермонассы и на мысе Тузла. Допускаю, что реальная картина расселения в эпоху колонизации в этой части Таманского п-ова была сложнее, чем мне сейчас представляется. Но узнать это мы сможем только после глубокого и всестороннего анализа погребальных памятников этого района.

⁵⁷ *Мимоход* и др. 2017а: 295, рис. 2, 4; 2018: 221, 222, рис. 4.

⁵⁸ Полагаю, уже немногие допускают, что люди, соорудившие «домовины» из необожженного кирпича, сами ютились в так называемых землянках.

⁵⁹ Конечно, планировка этой застройки требует более подробного и тщательного анализа. Но это дело будущего и — прерогатива авторов раскопок.

⁶⁰ *Масленников* 2010: 228.

⁶¹ *Гарбузов, Завойкин* 2014: 201, 203; 2015: 98–99, рис. 2, 3. Конкретно о хоре Гермонассы см. *Соловьев* 2016: 108.

- Бочковой, Булах 2017 — *Бочковой В.В., Булах Е.Н.* Предварительные результаты археологических раскопок западной части поселения Волна I в 2017 г. // Н.В. Волкодав (ред.). Археологические исследования на территории строящегося терминала СУТ и Таманского терминала навалочных грузов. Краснодар, 2017. С. 77–82.
- Буйских 2009 — *Буйских А.В.* Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму // Старожитності степного Причорномор'я і Криму. Вып. XV. Запоріжжя, 2009. С. 225–247.
- Вахонеев, Соловьев 2018 — *Вахонеев В.В., Соловьев С.Л.* Боспорский город Акра в IV в. до н. э. по материалам подводных исследований // Боспорский феномен: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной конф. СПб., 2018. С. 245–249.
- Виноградов 1995а — *Виноградов Ю.А.* О полисах в районе Боспора Киммерийского // Античные полисы и местное население Причерноморья. Материалы конф. Севастополь, 1995. С. 65–68.
- Виноградов 1995б — *Виноградов Ю.А.* К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // АМА. Вып. 9. Саратов, 1995. С. 79–96.
- Виноградов 2009 — *Виноградов Ю.А.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. Вып. XXII. Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Симферополь; Керчь, 2009. С. 5–90.
- Виноградов, Толстикова, Шелов-Коведяев 2002 — *Виноградов Ю.Г., Толстикова В.П., Шелов-Коведяев Ф.В.* Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. 2002. № 4. С. 58–75.
- Гарбузов, Завойкин 2014 — *Гарбузов Г.П., Завойкин А.А.* Сельская территория Таманского полуострова в период поздних Спартокидов // Боспорские исследования. Вып. XXX. Симферополь; Керчь, 2015. С. 190–228.
- Гарбузов, Завойкин 2015 — *Гарбузов Г.П., Завойкин А.А.* Сельская территория Таманского полуострова после Спартокидов // ДБ. Т. 19. М., 2015. С. 94–134.
- Горлов 2007 — Горлов Ю.В. К изучению сельской округи Фанагории // ДБ. Т. 11. М., 2007. С. 86–105.
- ДБ — Древности Боспора. М.
- Древности Тамани... 2019 — *Древности Тамани.* Фотокнига / А.М. Новичихин [и др.] / Под ред. В.Д. Кузнецова. Тамань, 2019. 464 с.
- Емец 2014 — *Емец И.А.* Типология городов и поселений Боспора Киммерийского (по данным античных авторов и эпиграфическим материалам). М., 2014. 178 с.
- Ермолин и др. 2019 — *Ермолин С.А., Буравлев С.В., Бонин А.В.* Манитра. Усадебный комплекс эллинистического времени в Восточном Крыму (Предварительная публикация Центральной усадьбы) // ДБ. Т. 24. М., 2019. С. 171–196.

- Житников 2006 — *Житников В.Г.* Исследования поселения Волна 1 на Таманском полуострове // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21. Азов, 2006. С. 177–187.
- Житников 2016 — *Житников В.Г.* Некоторые итоги археологических исследований поселения Волна-1 за 2015–2016 гг. // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства таманского терминала СУГ и нефтепродуктов. Материалы археологической научной конф., пос. Волна, апрель 2016 г. Краснодар, 2016. С. 57–65.
- Житников 2017 — *Житников В.Г.* «Восточный район» жилой и хозяйственной застройки V–II вв. до н. э. на поселении «Волна I» (Таманский полуостров) // ДБ. Т. 21. М., 2017. С. 95–121.
- Журавлев, Шлотцауер 2014а — *Журавлев Д.В., Шлотцауер У.* Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006–2013 гг. // Государственный Исторический музей и отечественная археология. М., 2014 (Труды ГИМ. Вып. 201). С. 150–186.
- Журавлев, Шлотцауер 2014б — *Журавлев Д.В., Шлотцауер У.* О дате основания поселения Голубицкая 2 // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014 (XV Боспорские чтения). С. 139–149.
- Завойкин 2001 — *Завойкин А.А.* Боспор: территориальное государство и полис // Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. I. СПб., 2001. С. 22–28.
- Завойкин 2009 — *Завойкин А.А.* О «больших» и «малых» боспорских городах // ДБ. Т. 13. М., 2009. С. 176–205.
- Завойкин 2011 — *Завойкин А.А.* О культурном слое поселений Таманского полуострова VI–V вв. до н. э. // Н.А. Гаврилюк, А.А. Масленников, А.А. Завойкин (ред.). Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований. Москва; Киев, 2011. С. 18–39.
- Завойкин 2015 — *Завойкин А.А.* Природный фактор и физический облик сельских поселений Азиатского Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015 (XVI Боспорские чтения). С. 121–129.
- Завойкин и др. 2016 — *Завойкин А.А., Колесников А.Б., Сударев Н.И.* Позднеархаические погребения на «Южном городе» Фанагории // А.А. Завойкин (ред.). Материалы по археологии и истории Фанагории Вып. 2. М., 2016 (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 4). С. 110–207.
- Завойкин, Сударев 2010 — *Завойкин А.А., Сударев Н.И.* Погребения с оружием VI–V вв. до н. э. как источник по политической и военной истории Боспора. Часть II // ДБ. Т. 10. М., 2006. С. 263–303.
- Завойкин, Сударев 2010 — *Завойкин А.А., Сударев Н.И.* Поселение и святилище «Береговой 4». Итоги исследований в 1999–2004 гг. // Н.А. Макаров

- (ред.). Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия. М., 2010. С. 174–189.
- Зубарев 2005 — *Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005. 502 с.
- Масленников 2010 — *Масленников А.А.* Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 1. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников. М., 2010 (ДБ. Suppl. III/1). 244 с.
- Масленников 2012 — *Масленников А.А.* Чернолаковая посуда с поселений «царской» хоры европейского Боспора // Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 2. Индивидуальные находки и массовый археологический материал. М., 2012 (ДБ. Suppl. III/2). С. 165–199.
- Мимоход и др. 2017а — *Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С.* Новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (предварительная информация) // ДБ. Т. 21. М., 2017. С. 295–310.
- Мимоход и др. 2017б — *Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С.* «Волна-1» — новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (по материалам работ ИА РАН в 2016 и 2017 гг.) // Н.В. Волкодав (ред.). Археологические исследования на территории строящегося терминала СУТ и Таманского терминала навалочных грузов. Краснодар, 2017. С. 5–32.
- Мимоход и др. 2018 — *Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С.* Некрополь Волна-1 (2017 г.) (Краснодарский край, Таманский полуостров) // А.В. Энговатова (ред.). Города. Селища. Могильники. Раскопки 2017. М., 2018 (Материалы спасательных археологических исследований. Вып. 25). С. 220–231.
- Паромов 1992 — *Паромов Я.М.* Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992. Рукопись // Архив ИНИОН РАН. 1992. № 47103е. 1018 с.
- Паромов, Сударев 2000 — *Паромов Я.М., Сударев Н.И.* Новые погребения из раскопок некрополя у пос. Пересыпь («Тирамба») // ДБ. Т. 3. М., 2000. С. 201–220.
- ПИФК* — Проблемы Истории, Филологии, Культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск.
- Соловьев 2016 — *Соловьев С.Л.* Сельская округа Гермонассы. Поселение Волна 1 (итоги работ Античной комплексной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, 1996–2001 гг.) // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства таманского терминала СУТ и нефтепродуктов. Материалы археологической научной конф., пос. Волна, апрель 2016 г. Краснодар, 2016. С. 103–117.
- Соловьев, Бутягин 2002 — *Соловьев С.Л., Бутягин А.М.* Архаические комплексы поселения Волна 1 в окрестностях Гермонассы // Таманская старина. Вып. 4. СПб, 2002. С. 69–82.

- Суриков 2016 — *Суриков И.Е.* «Остров Тамань», Боспор Синдский и город Гаргаза // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного круглого стола. 7–8 июня 2016 г. М., 2016. С. 90–95.
- Цокур 2016 — *Цокур И.В.* Грунтовый могильник «Волна 1» // ДБ. Т. 20. М., 2016. С. 493–500.
- Цокур и др. 2016 — *Цокур И.В., Селивантьев О.Н., Шереметьева Н.А.* Грунтовый могильник «Волна 1» // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства таманского терминала СУТ и нефтепродуктов. Краснодар, 2016. С. 118–130.
- Цокур 2017 — *Цокур Д.В.* О предметах вооружения в погребениях некрополя «Грунтовый могильник “Волна 1”» (по материалам 2015–2016 гг.) // Н.В. Волкодав (ред.). Археологические исследования на территории строящегося терминала СУТ и Таманского терминала навалочных грузов. Краснодар, 2017. С. 59–61.
- Шевченко 2017 — *Шевченко Н.П.* Археологические исследования поселения Волна 1 ООО «Ирида» // Н.В. Волкодав (ред.). Археологические исследования на территории строящегося терминала СУТ и Таманского терминала навалочных грузов. Краснодар, 2017. С. 68–72.
- Bochkovoy et al. 2019 — *Bochkovoy V., Braund D., Mimokhod R., Sudarev N.* A New Mask and Musical Instruments from the Eastern Bosphorus // D. Braund, E. Hall, Wyles R. (eds.). *Ancient Theatre and Performance Culture around Black Aea*. Cambridge, 2019. P. 362–372.
- Højte 2008 — *Højte J.M.* The Cities that Never Ware. Failed Attempts at Colonization in the Black Sea // BSS. 2008. Vol. 8. P. 149–162.
- BSS — Black Sea Studies. Aarhus.

‘VOLNA 1’ AND SOME OTHER “NEW” SITES IN BOSPOROS (Towards the Question of the Status of the Most Ancient Settlements on Taman Peninsula)

ALEXEY A. ZAVOYKIN

Abstract: In the article is considered a problem of determination of the status of anonymous settlements founded during the Greek colonization of Bosporos on the base of the settlement “Volna 1” and its necropolis. Its researchers have believed that the settlement could be an independent *apoikia*, but it was not a rural settlement on Hermonassa’s *chora*. It is probably that the settlement could lose a polis’ status in later time. As the scholars think this point of view supports by an early date of burials (from the 2nd quarter 6th century BC), their large number, wealth and a variety of funeral inventory and also on solid buildings of “the East area” of the settlement.

The author of the article try to prove all these archaeological characteristics do not argue that ‘Volna 1’ was the *apoikia* established in the course of the Greek colonization of Taman peninsula. A development of the rural territory of a colonial *polis* began just the moment of its founding as for example Olbia Pontica shows. Exclusive for Cimmerian Bosporos characteristics of the early burials (as well as of the settlement) are explained by an exclusive scale of excavations carried out. The solid buildings of “the East area” of the settlement ‘Volna 1’ belongs to later time, it is dated to the last third of the 5–2nd centuries BC. A planning of this settlement area is most likely comparable to an estates complex of the settlement ‘Manitra’ (Eastern Crimea), but it is not to city structures.

Keywords: archeology, Taman Peninsula, settlement, necropolis, ‘Volna 1’, colonization, polis, apoikia, system of settling

д.и.н., в.н.с. Отдела классической археологии
Института археологии РАН,
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия;
e-mail: bospor@inbox.ru

ARDOR AMORIS,
SIVE ANNOTATIONES CRITICAE
IN APOLLONII RHODII ARGONAUTICA
(3, 281–98)*

А.В. ЗАХАРОВА, А.Е. КУЗНЕЦОВ

«В любви, друзья, куда ни глянь,
всюду дынь и всюду дрянь».
Слова сложились, как дрова.
В них смыслы ходят, как огонь.
Посмотрим дальше.

“quacumque parte amici in amando prospicis
sordes ubique atque adeo simul mordere vides”
haec verba sicut ligna lignis iacta sunt,
inter quae sensus sicut ignis ambulat.
sed latius hoc reputemus...

Faustus apud Daniel Charms

Резюме: В статье рассматривается одно из развернутых ситуативных сравнений в «Аргонавтике» (3, 281–98), в котором Аполлоний Родосский уподобляет любовь Медеи внезапно вспыхнувшему очагу бедной пряжи. Текст Аполлония насыщен медицинскими аллюзиями и дает точную и практически полную картину симптомов лихородочного состояния, известных из античной медицинской литературы, поэтому представляется вероятным, что Аполлоний непосредственно использовал профессиональные медицинские сочинения. В рассматриваемом месте Аргонавтики Аполлоний перерабатывает гомеровские образцы, и в дальнейшем Гомер и Аполлоний стали источником для Вергилия, при этом для всех трех поэтов были важны социальные коннотации, связанные с образом бедной пряжи. На основании сделанных наблюдений в статье предлагается исправление текста «Аргонавтики».

Ключевые слова: Аполлоний Родосский, Гомер, Вергилий, эллинистическая поэзия, сравнения в поэзии, античная медицина, критика текста

* Hoc opusculum originem debet studio nostro et labori, quem Argonauticon libris lingua Russica eddendis applicavimus. translationem, de qua agitur, adhuc ineditam ante annos plus minus 60 Leo Jel-nitski (Лев Андреевич Ельницкий, 1907–1979) composuit. quae de materia nostra proponere placuit, Latine reddidit Fabricius.

In tertio Argonauticon carmine Medea subito amore rapta depingitur. quae passio, cum igneam naturam habere constet, foco exardenti adsimulatur. huic loco addidit poeta pauperis lanificae imaginem, atque inter huius mulieris opera flammam illam, quae ad parabolam adducitur, surgere ostendit. Hac de parabola multi docti diseruerunt, quorum commemorandi sunt [Fantuzzi 1988], (videas n. 12 infra) et [Effe 2008 : 206]. sed commentarii praecipue ad nostram causam pertinent, quos doctissima Christiane Reitz in lucem edidit [Reitz 1996 : 57–62]. monuit enim tria ‘strata’ in parabola lanificae inesse, quorum primum in actione, secundum in affectibus poni voluit, in tertio autem strato ignis operatur¹. impetum passionis amatoriae signis corporalibus manifestis se ostendit. de his signis corporalibus, quae Reitz enumeravit, et de ignis naturalibus viribus atque allegoricis prolixius nobis agere placebat.

Apollonii Rhodii versus hic proferimus in ea forma, quae vulgata dici potest, ea scilicet, quae a Ioanne Lascari et Aldo Manutio typis expressa, nonnullis locis mutatis a novissimis editoribus, usque ad Hermann Fränkel et Francis Vian, accepta est². lectiones codicum Parisinorum saeculi XVⁱ a Brunchio collectas praebemus³. hae, cum ad textum instituendum parum valeant, tamen auxilio quodam nobis esse possunt. plures lectiones apud Vian lector benivolus quaerat.

(a) *Cupido Medeam sagitta vulnerat*

281 ...αὐτῷ δ' ὑπὸ βαιὸς ἔλυσθείς
 282 Αἰσονίδη, γλυφίδας μέσση ἐνικάτθετο νευρῆ,
 283 ἰθὺς δ' ἀμφοτέρησι διασχόμενος παλάμησιν
 284 ἦκ' ἐπὶ Μηδεῖη. τὴν δ' ἀμφασίη λάβε θυμόν·
 285 αὐτὸς δ' ὑπορόφοιο παλιμπετές ἐκ μεγάρου
 286 καρχαλῶν ἦιξε, βέλος δ' ἐνεδαίετο κούρη
 287 νέρθεν ὑπὸ κραδίη φλογὶ εἴκελον.

(b) *Febris amatoriae signa denuntiantur*

287 ἀντία δ' αἰεὶ
 288 βάλλεν ἐπ' Αἰσονίδην ἀμαρύγματα, καὶ οἱ ἄηντο
 289 στηθέων ἐκ πυκιναὶ καμάτῳ φρένες, οὐδέ τιν' ἄλλην
 290 μνήστιν ἔχεν, γλυκερῆ δὲ κατείβετο θυμόν ἀνήη·

¹ Die zweite Ebene ist die physiologische, der plötzliche Gefühlsansturm äußert sich in körperlichen Symptomen [Reitz 1996 : 58].

² Editiones et commentarii quae nominibus doctorum sine annis et paginis laudantur ad calcem huius opusculi nominantur.

³ Brunck, Richard Franz Philipp (1729–1803). Quinque codicibus Parisinis Graecis Brunchius usus est: 2727 qui est secundum notationem acceptam P; 2728 = H; 2729 = D 2845 = O; 2846 = F; praeter hos etiam 2844 = Z a Vian citatur. imagines codicum PHDZ liberalitate Bibliothecae Nationalis Parisiensis in situ bibliothecae in accessum publicum proponuntur.

(c) *Mulier lanifica in simile inducitur*

- 291 ὥς δὲ γυνὴ μαλερῶ περι κάρφρα χεύετο δαλῶ
 292 χερνήτης, τῆ περ ταλασήια ἔργα μέμηλεν,
 293 ὥς κεν ὑπωρόφιον νύκτωρ σέλας ἐντύναιτο,
 294 ἄγχι μάλ' ἐγρομένη· τὸ δ' ἀθέσφατον ἐξ ὀλίγοιο
 295 δαλοῦ ἀνεγρόμενον σὺν κάρφρα πάντ' ἀμαθύνει,

(d) *Cetera signa morbidi amoris describuntur*

- 281 τοῖος ὑπὸ κραδίῃ εἰλυμένος αἴθετο λάθρη
 282 οὔλος ἔρωσ, ἀπαλὰς δὲ μετετροπᾶτο παρειάς
 283 ἐς χλόον, ἄλλοτ' ἔρευθος, ἀκηδείησι νόοιο.

290 κατειβετο : κατετήκετο Ambrosianus (A) e glossa ἐτήκετο⁴ : κατήγετο Guelferbytanus (G) quod ex eadem glossa venisse Vian voluit, verum fortasse *filum deducendum* in mente librarius habuit, sequentem parabolam anticipiens, cf. Plato. Soph. 226B (ξάινειν, κατάγειν, κερκίζειν)⁵ || 291 περι O : πυ^ερι P eadem manu ut videtur : πυρι codd. Lascaris Aldus, correxit Hoelzlinus in notis e coniectura, et Brunckius fide Parisinorum || 294 ἄγχι μάλ' codd. : πάγχυ μάλ' Merkel ex Odys. 22,195 (νῦν μὲν δὴ μάλα πάγχυ ...) || ἐγρομένη codd. Vian Reitz: ἐγρομένη† Fränkel Campbell : ἐργομένη G (gloss. εἰργομένη) defendit Damsté (n. 14 infra) : ἐζομένη Hemsterhusius ex Odys. 17, 572 (ἀσσοτέρω καθίσασα παραί πυρι) quod acceperunt Hunter Race || 295 ἀνεγρόμενον codd. : ἀνευρόμενον FP : ἀνερθόμενον† D : ἀνερνύμενον Brunckius proposuit quod ipse reiecit : ἀνερχόμενον Brunckius ex ἀνερθόμενον : ἀναιθόμενον Platt quod probavit Gillies : περθόμενον vel περθομένου Platt ex ἀνερθόμενον

Versionem Latinam a Jeremia Hoelzolino⁶ compositam addimus, quam non inutilem fore putamus:

- 281 ...in minutiem contractus
 282 pone ipsum Iasonem, crenas medio iserat nervo;
 283 mox illo ambabus distento manibus istam recta
 284 infigit Medae. ibi vero elinguis ei stupor mentem ligat,
 285 isque e suspenso cameris palatio retro se
 286 reiiicit, gaudio insanus. interea puellam telum
 287 imo sub corde perrodebat in ignis vicem. ergo subinde vibrabat

⁴ Cf. scholion κατειβετο: κατετήκετο τῶν Ἰάσονος ἀκούουσα ῥημάτων, p. 252, 2. scholia ad Argonautica ex editione Wendel anni 1935 proferebamus, praeterea volumen a Lachenaud datum in ratione duximus.

⁵ De hoc Platonis loco videas [Blümner 1912 : 126].

⁶ Jeremias Hoelzlin Norimbergensis professor linguae Graecae Lugduni Batavorum fuit, mortuus est d. 25 m. Ianuarii 1641, et ante sex dies, quam motuus est, editionem Argonauticorum complevit, epistola enim dedicatoria d. 21 Ianuarii data est; videat lector Baylii Dictionarium Criticum, ubi variae de Hoelzlini versione sententiae proferuntur [Bayle 1697 : 108]. vitam Hoelzlini ex oratione funebri ab Antonio Thusio habita biographi collegisse videntur, eamque orationem nec vidimus nec titulum reperire potuimus. natus est Hoelzlinus anno 1583 secundum Catalogum Bibliothecae Congressus.

- 288 in Iasonem contraria oculorum fulgura: et anhelabant⁷
 289 denique e pectore ob lassitudinem praecordia: nec aliud
 290 in mentem <i>erat⁸, adeo dulci animus distabescebat amarore.
- 291 Nam ut assulas torrido circumfundit torri mulier
 292 operaria, cui lanificium est cura,
 293 unde ignem subtectanteum paret de nocte,
 294 admodum brevi resurrectura: is vero luculente renatus
 295 ex torre parvo omnia in cinerem cremia redigit:
- 296 ad istam faciem latenter sub pectore coarctatus gliscebat
 297 pestilens amor. hinc ei tenera retingebatur genae
 298 pallore inter curas animi, interdum rubore...

Lanifica pauper

Est haec χερνήτις [Blümner 1912 : 121] apud Homerum ἀπαξ λεγόμενον, nomen rarum et, ut dicitur, non poeticum⁹. manibus suis victum quaerit et pecuniam pro labore accipit: ἡ ἀπὸ τῶν ἔργων τῶν ἰδίων χειρῶν ζῶσα, ὃ ἐστὶ μισθοῦ, ἄλλοις ἐργαζομένη (Schol. in Iliad. 12.433), quo intellegi potest, eam liberam, non servam esse: οὐκ ἔστι δέσποινά οἰκίας ... ἀλλ' οὐδὲ θεραπαινίς (Schol. in Iliad. 12.433).

Memoratur igitur γυνή χερνήτις in Iliadis carmine XII° v. 433, ubi acies aequo Marte acriter pugnantes mulieri lanam pendenti comparantur. scilicet mulier *lanipenda*¹⁰ ab Homero adumbratur. Apollonius autem *quassilariam*, id est, hanc ταλασιουργόν fingit. et suspicari possumus, feminam vel virum, qui lanam pendebant, in maiore honore fuisse, quam operarios, qui e lana fila vel tela manibus fecerunt¹¹.

Itaque Apollonius vocem rarissimam et lanificii parabolam ab Homero petens opus mulieris ac totam scaenam mutavit. alio etiam Argonauticorum loco

⁷ Cum hoc *anhelabant* vim verbi Graeci recte reddat, tamen Apollonius hoc ἄητο pro τὸ φέρεσθαι habuisse videtur, ut arguit [Platt 1918 : 137], cf. Hesychius (Cyrillus): ἄητο (Iliad. 21, 386): ἐφέρετο. ἔπνει. coniecit Platt hanc significatus fluctuationem ex Apollonii stidiis Homericis natam esse.

⁸ Correxerit Fabricius.

⁹ Praeter Homerum et Apollonium duo epigrammata invenimus, ubi haec χερνήτις deducitur: Anth. 9,276 (elegi) et Anth. 6,203 (iambi), nulla harum lanificium facit; quibus additur Nonnus, Dionys. 33, 270.

¹⁰ Videas [Blümner 1912 : 122]; appellationes lanificarum Latinas inveniat lector praeter Blümner in [Larsson Lovén 2013], Graecum *lanipendae* nomen latet, nisi in scholiis in Iliad. 12, 433 γυνή ταλαντεύουσα detur. illa ἀλήτις apud Apollonium Sophistam, Lexicon Homericum, p. 24,9 Bekker, quae proprie *mulier vagabunda* fit, e corrupta scriptura Iliados v. 12,433 nata esse videtur, sed Reitz illam 'eine ambulante Tagelöhnerin' esse voluit, atque e scholiis antiquissimis in Lexicon Apollonii Sophistae vocabulum inrepsisse arguit [Reitz 1996 : 62]. vir autem hoc opus faciens στασιαστής dicitur in papyro Zenonis: PCair.Zen. 484.4.

¹¹ País quidam epistolam ad Zenonem supra memoratam (n. 10) scripsit, qui se ταπιδυφάντην, id est textorem capetum appellavit, sed idem homo iam στασιαστής dicitur in obscuriore PCair.Zen. 499.87. locum lanipendi occupavisse videtur, postquam priorem pensorem graviter in PCair.Zen. 484 accusaverat.

(4,1062–1065) viduatae quassilariae per noctem laboranti Medea comparatur¹², sed in carmine quarto non de igne, sed de lacrimis agitur, atque hanc elementi differentia magni momenti esse dehinc demonstrabimus.

Vergilius autem Homerum imitatus lanificam pauperem in simile induxit, sed contra Iliados scholiastarum sententiam et matronam illam et dominam ancillis lanam dispensantem fecit. eadem matrona lanifica focum dormientem, velut servum, e somno *suscitat*, quod, scaena mutata, in imitationem Apollonii fictum est¹³, Aeneidos VIII°:

410 ...cinerem et sopitos suscitatur ignis
411 noctem addens operi, famulasque ad lumina longo
412 exercet penso

Statim notamus, testimonio hoc Aeneidos lectionem v. 295 ἀνεγρόμενον contra solertiam librariorum confirmari¹⁴.

Denique est alia inter Homerum et Apollonium differentia, quod ille mulieris opus plane et graphice narravit, ut certe videri posset, quid ageret, Iliados XII°:

433 ἀλλ' ἔχον ὡς τε τάλαντα γυνή χερνήτις ἀληθής
434 ἦ τε σταθμὸν ἔχουσα καὶ εἴριον ἀμφὶς ἀνέλκει
435 ἰσάζουσ' ἴνα παισὶν ἀεικέα μισθὸν ἄρηται
436 ὦς μὲν τῶν ἐπὶ Ἴσα μάχη τέτατο πτόλεμός τε

sed habent se, sicut habet libram mulier opifera, non obliviosa¹⁵, quae habet mensuram ponderis et lanam utroque trahit exaequans, ut indignam mercedem filiis quaerat, sic etiam horum pugna bellumque in aequum intenditur...

Apollonius autem quosdam operis paratus descripsit ita, ut certam istius actionis notionem vix e carmine comprehenderimus.

Ignis absconditus

Dicendum est primum de scholiis, quae totum Apollonii locum Homeri imitationem esse volunt: Schol. p. 228, 23: ὡς δὲ γυνή μαλερῶ πυρί: καὶ Ὀμηρος (Odys. 5).

¹² De nexu, qui inter hos locos instituitur, pauca dixit [Fantuzzi 1988 : 144], in ipsis cordis laboribus τὸ ἡγεμονικὸν Stoicorum adumbratum esse non inepte Reitz coniecit [Reitz 1996 : 118–124, 143], videas etiam n. 18.

¹³ Apollonius in hoc Vergilii carmine clare subauditur adeo, ut inseruerit Valentinus Rotmarus († 1571) [Jöcher 1751 : col.2254] in versionem suam metricam verba Vergilii: *noctem addens operi sopitos suscitatur ignes* [Rotmar : p. 172, sign L1^{6v}].

¹⁴ De lectione εἰργομένη Damsté: *nimirum*, inquit, *sedit proxime* (ἄγχι μάλα) *focum atque simul, ne forte flamma mox eruptura faciem vel vestes incessat, sedit* εἰργομένη *sive ἐργομένη, hoc est: se tegens atque ab ignis aestu se defendens* [Damsté 1922 : 45], id tamen parum probabile videtur.

¹⁵ Recte Leaf ad Iliad. 12, 433: ἀληθής *seems to be used here in the primitive sense, "not forgetting"; i. e. careful, anxious about her task. The adjective elsewhere is only used of spoken words. To make it here = "honest," "conscientious," is to introduce an entirely un-Homeric conception.* [Leaf 1910 : 555].

488 ὡς δ' ὅτε τις δαλὸν σποδιῇ ἐνέκρυψε μελαίνῃ...

quibus verbis a scholiasta prolatis etiam sequentes versus Odysseae addendi sunt:

489 ἄγρου ἐπ' ἐσχατιῆς ᾧ μὴ πάρα γείτονες ἄλλοι
 490 σπέρμα πυρὸς σῶζων ἵνα μὴ ποθεν ἄλλοθεν αὔοι
 491 ὡς Ὀδυσσεὺς φύλλοισι καλύψατο ...

ut abscondere aliquis torrem cinere solet
 in extrema parte agri, ubi alii vicini absunt,
 semen ignis servans, ne quid ab eo incendatur,
 sic Ulisses se foliis protexit

Haec scholiorum interpretatio cum Apollonii lanifica congruere videtur, si scaenae initium atque exitum considerantur. nam sagitta amoris *sub corde* Medae *latebat*, similiter Homerus ab Ulixē ignem copertum pinxit. id quoque non ab re notavisse sit, Ulixem frigidum umidumque torri callido a Homero comparatur. deinde omnia *ἀρφεα*, quae *cremia* vel *assulas* esse Hoeltzlinus voluit, uno momento temporis igne, eatenus latente, comburuntur, idque invita lanifica factum esse videtur, atque etiam cupidinis ardor et subitus et contra puellae voluntatem Medeam comprehendit.

Volvebat pectore curas

In toto loco considerando v. 282 adhiberi maxime debet, ubi Amor invisibilis pone Iasonem vel circulis movetur vel in globulum colligatus latet: αὐτῷ δ' ὑπὸ βαιὸς ἔλυσθεις | Αἰσονίδῃ, quibus verbis v. 296 respondet ὑπὸ κραδίῃ εἰλυμένος; atque haec ἔλυσθεις, hoc est *involutus*, et εἰλυμένος, quod proprie *copertum* significat, haud nescius poeta collisisse videtur. atque illud ἔλυσθεις apud Homerum et rare et in duobus tantum locis clarissimis emergit, ut facile credi possit, contendisse *παρῳδιαν* Apollonium in Odysseae v. 9,433: ... *λασίην ὑπὸ γαστέρ' ἔλυσθεις | κείμην ~veloso sub ventre involutus dstringebam*, tamen, si positionem corporis consideramus, alium quoque versum ad quaestionem nostram adhibendum videmus, Il. 24, 510: ... *προπάροιθε ποδῶν Ἀχιλλῆος ἔλυσθεις ante pedes Achillis involutus*. in utroque autem loco corpus humanum iacentem et in modum rei volventis curvatum hoc ἔλυσθεις significare videtur, sed verbum obscurum est, et dubitari non potest, quin ex studiis Apollonii Homericis in carmen venerit¹⁶.

Doctissime de his εἰλυμένος et ἔλυσθεις Rengakos diseruit, qui communem fere opinionem secutus hoc εἰλυμένος in v. 286 contra proprietatem *volventem* significare accepit [Rengakos 1994 76]¹⁷. idem iam Hoeltzlinus voluisse videtur, cum participium ἔλυσθεις per *contractus* at εἰλυμένος per *coarctatus* redderet.

¹⁶ Alios emersus istius verbi apud Apollonium notamus. corpus mortuum: ἐν κτερέεσσιν ἔλυσθεις | νειόθι γαίης κείτο I.254; ἐν ψαμάθοισιν ἔλυσθεις | μοίραν ἀνέπλησεν I.1034; Iason flamma oppressus: διὰ φλογὸς εἶθαρ ἔλυσθεις 3, 1313.

¹⁷ Cf. e. g. *destructive love that curled beneath her heart* (Race).

Hanc alienam voci εἰλυμένος significationem ex Archilochi carmine docti deducere solent, qui ait (Fr. 191 West 245 Lassere-Bonnard):

τοῖος γὰρ φιλότητος ἔρωσ ὑπὸ καρδίην ἔλυσθεις
πολλὴν κατ' ἀχλὺν ὀμμάτων ἔχευεν
κλέψας ἐκ στηθέων ἀπαλάσ φρένας.

tantus enim coitus amatorii cupido sub corde versatus
multas tenebras per oculos profudit,
et ex pectore tenera praecordia eripuit.

Dubitari non potest, quin Apollonius hoc carmen imitatus sit, et suum εἰλυμένος in loco illius ἔλυσθεις posuit. numquid eo ipso eandem statum rerum hae partes orationis significant? nam poeta, ut mos erat, in veteres imitando materiam atque argumentum mutavit. tenebras enim cupido sub corde volvens apud Archilochum creavit, at apud Apollonium luci et flammae similis amor inducitur (nimirum Medea visum minime perdidit). praeterea parabolam eo modo composuit Apollonius, ut ignem potius latentem sub corde, quam volventem fingeret. recte igitur scholiasta propriam significationem in v. 296 vidit, p. 229,4: εἰλυμένος: κεκαλυμμένος οἶον κεκρυμμένος, cui adiunxit notionem convertendi: εἰς γὰρ τοῦτο καταστρέφει; et rursus hoc ἔλυσθεις ad εἰλυμένος reduxit, ad v. 281, p. 228,16: <ἔλυσθεις> ἀντὶ τοῦ συστρέψας ἑαυτὸν καὶ ὑποκαλύψας. cum nec totus huius loci contextus orationis neque ipsorum verborum significatio nos cogat, ut huic ἔλυσθεις et huic εἰλυμένος unam atque eandem vim tribuamus, tamen nemo est, quin ludum vocum similiter sonantium agnoscat. minime mirum, si etiam in carminis IVⁱ lanificii scaena similis concensus auditur, ubi mulier operaria *lanam versavit* (ἐλίσσει), at eiusdem *cor* acerrimis aerumnis *involvebatur* (εἰλεῖτο):

- 1062 οἶον ὅτε κλωστήρα γυνὴ ταλαεργὸς ἐλίσσει...
1063 ...ἐν δέ οἱ ἦτορ
1064 ὀξείης εἰλεῖτο πεπαρμένον ἀμφ' ὀδύνησι

Febris Amoris

In utraque parabola (carminum scilicet IIIⁱ et IVⁱ) cordis affectus a poeta profertur¹⁸. hinc alia ac gravissima observatio sequitur. nam tota passionis Medae descriptio medicorum sententia et ratione ab Apollonio composita est, cum amor pro febre vel vulnere haberetur¹⁹. febris vero causa cruoris agnoscitur inflammatio, quae locum in praecordiis tenet. Apuleius, qui huius rei testis gravissimus evenit, Lucium suum imitatus est pronuntiantem, Met. 2, 16:

¹⁸ Etiam in alio carminis tertii loco Apollonius de cordis et capitis laboribus egit, 3. 755–765 [Reitz 1996 : 67–74], eodemque loco Vergilius more suo usus est. Aen. 8,18–25.

¹⁹ De aegritudine amatoria extant recens disputatio [Pinault 1992 : 61–78], ubi Plutarchus et Apuleius laudantur, atque index auctorum medicorum hanc rem tractantium datur [Pinault 1992 : 68, n. 36], Aetatis Novae sententiae disputantur in [King 1988 : 190–204].

...ubi primam sagittam saevi Cupidinis in ima praecordia mea delapsam excepi...

alioque loco de amante muliere narravit, cuius *parvulus Cupido* latebat et *primis elementis* alebatur, deinde crevit et foras erupit. hanc amoris descriptionem²⁰ prope integram ponimus et partes eius litteris ad referendum notamus, Met. 10, 2:

- (a) *Sed mulier illa, quamdiu primis elementis Cupido parvulus nutriebatur, inbecillis adhuc eius viribus facile ruborem tenuem deprimens silentio resistebat.*
- (b) *At ubi completis igne vaesano totis praecordiis inmodice bacchatus Amor exaestuabat, saevienti deo iam succubuit ...*
- (c) *Iam cetera salutis vultusque detrimenta et aegris et amantibus examussim convenire nemo qui nesciat: (d) pallor deformis, marcentes oculi, lassa genua, quies turbida et suspiritus cruciatus tarditate vehementior.*
- (e) *Crederes et illam fluctuare tantum vaporibus februm, nisi quod et flebat.*
- (f) *Heu medicorum ignarae mentes, quid venae pulsus, quid coloris intemperantia, quid fatigatus anhelitus et utrimquesecus iactatae crebriter laterum mutuae vicissitudines?*
- (g) *Dii boni, quam facilis licet non artifici medico cuiuis tamen docto Veneriae cupidinis comprehensio, cum videas aliquem sine corporis calore flagrantem!*

Amor igitur ardens *completis igne praecordiis* (b) saviebat.

Apuleio consentiens Plutarchus eandem cupidinis flammam crescentem in *Amatorio* commemorat, ait enim Sappho *calorem corde decurrentem* per carmina profudisse, et (mirabile dictu) cum Caco Romano Musam Lesbiam comparavit²¹. his additur Celsus insignia verae febris enumerans²², De Med. 3,6,7: *si calor et in fronte est et ex imis praecordiis oritur...*

Apollonius similem doctrinam medicam secutus esse videtur, cum amoris ignem sub corde v. 287 et 296 posuit.

Cetera febris amatoriae notae ab Apollonio profertae similia sunt eis, quae ab Apuleio et Celso collectae sunt. Plutarchus eadem fere signa in *Vita Demetrii* praebuit, cum carmen Sapphus notissimum sermone medicorum reddere voluit²³.

Denique verba Apollonii de Medeae cupidine dicta cum his tribus comparamus.

284 τὴν δ' ἀμφασίη λάβε θυμόν

²⁰ De muliere Apulieana cum Dido comparata videas [Harrison 1997] et [Lazzarini 1986].

²¹ Amatorius, 762f: τὸν μὲν γὰρ Ἥφαιστου παῖδα Ῥωμαῖοι Κἄκον ἰστοροῦσι πύρ καὶ φλόγας ἀφιέναι διὰ τοῦ στόματος ἕξω ρεούσας, αὐτὴ δ' ἀληθῶς μεμιγμένα πυρὶ φθέγγεται καὶ διὰ τῶν μελῶν ἀναφέρει τὴν ἀπὸ τῆς καρδίας θερμότητα.

²² Celsus, De Medicina 3.6.7: Ac protinus quidem scire est, non febricitare eum, cuius venae naturaliter ordinatae sunt, teporque talis est, qualis esse sani solet: non protinus autem sub calore motuque febrem esse concipere, sed ita: si summa quoque arida inaequaliter cutis est; si calor et in fronte est et ex imis praecordiis oritur; si spiritus ex naribus cum feruore prorumpit; si color aut rubore aut pallore novo mutatus est; si oculi graves et aut persicci aut subumidi sunt; si sudor, cum sit, inaequalis est; si venae non aequalibus intervallis moventur.

²³ Plutarchus, Demetrius 38 907B: ...ἐγίνετο τὰ τῆς Σαπφούς (fr. 31) ἐκεῖνα περὶ αὐτὸν πάντα, φωνῆς ἐπίσχεσις, ἐρύθημα πυρῶδες, ὄψων ὑπολείψεις, ἰδρώτες ὀξεῖς, ἀταξία καὶ θόρυβος ἐν τοῖς σφυγμοῖς, τέλος δὲ τῆς ψυχῆς κατὰ κράτος ἡττημένης ἀπορία καὶ θάμβος καὶ ὠχρίασις...

Plutarhus: φωνῆς ἐπίσχεσις
Apuleius: *silentio resistebat* (a)

288|289 καί οἱ ἄηγτο | στηθέων ἐκ πυκιναῖ καμάτῳ φρένες
Celsus: *spiritus ex naribus cum fervore prorumpit*
Apuleius: *suspiritus cruciatus tarditate vehementior* (d) ... *fatigatus anhelitus et utrimque-secus iactatae crebriter laterum mutuae vicissitudines* (f)

297 ἀπαλάς δὲ μετετρωπάτο παρειάς ἐς χλόον, ἄλλοτ' ἔρευθος,
Celsus: *color aut rubore aut pallore novo mutatus est*
Plutarchus: ἐρύθημα πυρώδες ... ὠχρίασις
Apuleius: *ruborem tenuem* (a) ... *pallor deformis* (d) ... *coloris intemperantia* (f)

298 ἀκηδείησι νόοιο²⁴
Plutarchus: τῆς ψυχῆς κατὰ κράτος ἠττημένης ἀπορία

In uno tamen puncto Medae passio nostris auctoribus non respondet, qui omnes defectum quendam oculorum inter signa amoris commemorant.

Celsus: *si oculi graves et aut persicci aut subumidi sunt*
Plutarchus: ὄψεων ὑπολείψεις
Apuleius: *marcentes oculi* (d)

Isti graves et marcenti oculi potius cum Archilochi carmine congruunt, quam cum Medae amore, quae v. 287|288 crebros et lucidos intuitus in Iasonem iecit: ἀντία δ' αἰεὶ | βάλλεν ἐπ' Αἰσονίδην ἀμαρύγματα²⁵.

Sed ea tamen oculorum Medae descriptio ab Apollonio facta verbis Pauli Aegineti, tardioris aetatis medici, congruit et eo confirmatur. is *de amantibus* capitulum scripsit, ubi praecipuum, et re vera solum, huius aegritudinis signum, in oculis quodam modo contra sanam naturam moventibus posuit, 3,17, p. 160 Heiberg:

ὀφθαλμοὶ κοῖλοι, καὶ οὐ δακρῦοι, φαινόμενοι δὲ ὡς ἂν ἡδονῆς πεπληρωμένοι εἰσίν, κινεῖται δὲ αὐτοῖς καὶ τὰ βλέφαρα θαμινὰ *oculi concaui non illachrymant, fed tanquam voluptate pleni apparent, continens palpebrarum motus*²⁶.

et fortasse oculi lacrimis carentes ad haec ἀμαρύγματα referri possunt. nimirum ignea et solaris natura in Medea operatur. sed nulla passio amoris sine lacrimis fieri potest. itaque Apuleius de muliere illa cupidine aegrotanti dicit: *crederes et illam fluctuare tantum vaporibus febrium, nisi quod et flebat* (e). lacrimantem autem Medam in carmine IV° induci et cum lanifica comparari iam vidimus, atque illa scaena non solum per lanificii parabolam sed etiam per progressum passionis amatoriae cum carmine tertio coniungi videtur, cum de flamma ad lacrimas moveatur cordis amantis intemperantia.

²⁴ Hoc est *distracta mente*, 'careless way of thinking' [Wright 1981 : 284], hanc locutionem ex Empedoclis carmine (Fr. 136 DK) Apollonium mutuum sumpsisse creditur.

²⁵ Schol. in Argonautica, 3, 288: ἀμαρύγματα: τὰς λαμπάδας τῶν ὀφθαλμῶν.

²⁶ Latine vertit Ioannes Guinterius Andernacus (Johann Winter von Andernach) [Andernach 1567 : 135].

Insanus Amor

Aegritudo cordis insanienti amori maxime convenit, cum teste Galeno etiam cordis passione delirium fieri hominis possit: δυνατὸν δ' ἐστὶ καὶ τῆς καρδίας πασχούσης φρενιτικὸν γίνεσθαι τὸν ἄνθρωπον (*De methodo medendi*, 13, vol. 10 p. 928, 10 Kühn). mente scilicet febribus ardente stolidè et insane aegrotantes gestiunt.

Atqui huius generis temporale delirium Galenus puer passus est, cum febris laboravit. narravit de sua passione in libro IV°, quem *De locis affectis* scripsit, vol. 8, p. 226, 15 sqq. Kühn. nam visa sunt ei quaedam *κάρφη*, hoc est *festucae tenues stipulaeque* cubili inhaerere, atque quasi *κροκίδες*, hoc est *lanae flocci*, in vestibus esse, quos digitis carpere conatus est. tum amici eius hanc insanam gestationem et minutum digitorum motum videntes: *iam*, inquit, *et foccos carpit et stipulas extrahit*, οὗτος ἤδη κροκιδίζει τε καὶ καρφολογεῖ.

Ex amicorum Galeni verbis concludi potest τὸ κροκιδίζειν καὶ καρφολογεῖν notum signum febriculosi delirii habebatur. Galenus hac formula in scriptis suis usus est²⁷, quorum omnium unum Galeni dictum praecipue idoneum fore putamus, ubi et oculos modo siccos modo lacrimantes, et stuporem intellectus, et floccos festucasque invenimus. dicit enim de diaphragmatis aegritudine: *De locis affectis* 5, vol. 8, p. 233, 10 Kühn :

πλησίον δὲ ἤδη τοῦ φρενιτίζειν ὄντες ἀχμηροὺς ἱκανῶς ἴσχουσι τοὺς ὀφθαλμοὺς, ἢ τι κατὰ τὸν ἕτερον αὐτῶν δάκρυον ἐκχεόμενον δριμύ ... ἤνικ' ἤδη μηδὲ τὰς ἀποκρίσεις ἔμφρονας ἀκριβῶς ποιοῦνται, κροκιδίζουσί τε καὶ καρφολογοῦσι, καὶ πυρετὸν ἴσχουσιν ἀχμωδέστερον οὐ μεγάλας ἐφ' ἐκάτερα μεταβολὰς ποιοῦμενον *quum vero iam proxime ad phrenitidem accedunt, oculi eis vehementer vadunt squalidi, aut ex altero ipsorum actis lachryma effunditur ... quo tempore nihil quod exacte ad prudentiam pertineat, respondent, et floccos avellunt, e festucas carpunt, atque ardiores febris, cum non ita magnae in alterutram partem mutationes accedunt torquentur*²⁸

Nunc dicimus, quod fortasse per se clarum est, primum opus lanificii in festucis removendis et floccis extrahendis contentum esse [Blümner 1912 : 108]²⁹, atque etiam probabiliter conicere possimus denotationem quandam delirii ad lanificium referentem longe ante Galenum in usu fuisse. Apollonius igitur lanificii parabolam ex antiquioribus scriptis medicis extraxisse videtur.

Tiberii Hemsterhusii sententia

Nunc ad focum et lanificam revertamur. ignem copertum et erumpentem ad parabolam explicandam scholiastae adducunt, quod eos non sine causa et sensu fecisse

²⁷ Hanc formulam tardioris aetatis scriptores medici acceperunt e. g. idem Paulus Aegineta 2.3.1. Celsus huius modi gestus in indicibus mortis posuit, *De med.* 2.6.6: ... *si manibus quis in febre et acuto morbo uel insania pulmonisue dolore uel capitis in ueste floccos legit fimbriasue deducit...*

²⁸ Latine vertit Ioannes Franciscus Duratius [Duratius 1548 : 363^r fol. RR₁].

²⁹ Duorum verborum de quibus agimus τὸ κροκιδίζειν a Philyllio veteris comoediae poeta lanificio applicatur, Fr. 21 Kassel-Austin (Pollux 7.29): τὸ κατάγμα κροκιδίζουσαν αὐτὴν κατέλαβον, sed τὸ καρφολογεῖν tantum apud medicos reperiri videtur.

iam vidimus. sed ista tamen interpretatio duabus rationibus invalida est. primum, torris apud Homerum *cinere nigro* coperitur, at Apollonii lanifica non solum torrem sed etiam *torrem ardentem* his *κάρφει* tegit, copiam festucarum in focum profundens, quod insanum fuerit, quodcumque illa *κάρφεια* re vera significaverint³⁰. deinde focum vesperi restinguere mulier debuerit, quando se dormitum conferebat, ut mane flammam excitaret. neque ullo modo fieri potuit, ut apertam flamam per noctem ardere perpessa est. lectio v. 294 ἄγχι μάλ' ἀνευρόμενον ex hoc intellectu profluxisse videtur, quod quasi *ignis brevi, hoc est proxima hora matutina, inveniendus* intellegitur. eadem causa Hoeltzlinus totam scaenam ante noctem ponens *resurrecturam* dixit lanificam. sed ἐγρομένη futurum significandi potestatem non habet.

Primus Tiberius Hemsterhusius hanc inconcinnitatem sensit, qui hoc ἐγρομένη deleri voluit, et hoc ἐζομένη pro vocabulo deleto restituendum esse arguit [Hemsterhuis 1825 : 321–322] :

Hic, inquit, quid faciat ἐγρομένη non video: neque enim agitur de lanifica, quae ignem cinere obruit, ut surrectura paratum inveniat ... sed de ea, quae diligens et de nocte opus factura, ignem tenuiorem, ne extinguatur; scapulis congestis, auget, propereque adsidet, ut calefacta magis labori sufficiat. vix dubito, quin legendum sit ἄγχι μάλ' ἐζομένη quod orationem totam reddit concinniorem. ἐγρομένη certe et sequens ἀνευρόμενον aures paulo delicates offendet; tum porro ἐγρομένη esse non potest, quod Hoelzl. dedit, resurrectura praesertim hoc in loco.

Haec Hemsterhusius, acute quidem, sed parum scaenae convenientia coniecit. nam diu stipulis vel similibus congestis ali focus non potest, cum naturaliter haec *κάρφεια* sine mora flamma consumantur, quod quidem mulier noluerit. sed ea ratione scaenam composuit Hemsterhusius, ut inflammationem, licet pigram, desideraret lanifica, quod contra parabolam instrui videatur. si tenuem ignem sustinere voluerit, virgulas aliam super aliam in focum posuerit, quod parum verbo περιχεύειν convenit³¹. praeterea Hemsterhusius lanificam teporem quaerere voluit, fortasse recte, sed dubitari non potest quin per noctem opus faciens etiam lucem desideraverit. certe vox σέλας ambigue in v. 293 dictum sit³², sed assulis vel stipulis foco positus illuminari absurdum fuerit³³.

³⁰ Hac ratione Jelnitski noster lanificam *stultam* fecit, dixit enim in v. 291 πρῶτα немудрая, quod χειρνήτις νηπίη fuerit, tamen nihil indicat poetam eam stultam vel insanientem fuisse voluit.

³¹ His salebris commotus Moonley ad v. 291 τὸ περιχεύειν his verbis reddidit: *(she) strews dry twigs around a smouldering firebrand*. cusam tamen et rationem istius actus non explicavit, et ipse περιχεύειν in dubio est: num res hoc modo posita, ut circulum efficiant, ab eo verbo inferri possunt? Galenus circulearem illam dispositionem per locutionem ἐν κύκλῳ περιχέειν denotavit de arteriis cor circumfluentibus dicens: De venarum artellarumque, Vol. 2, p. 817, 7 Kühn: καὶ μέντοι καὶ δι' αὐτὸ τὸ τῆς καρδίας σῶμα περιχέομένας ἐν κύκλῳ δύο ἀρτηρίας ἔχει; et de medicamento (φάρμακον) applicando, De modo medendi, Vol. 10. p. 321, 5 Kühn: αὐθις ἕτερον ἐν κύκλῳ περιχέοντα.

³² In hoc solo Argonauticon loco natura rei τὸ σέλας procreantis non indicatur. sed alias certe scimus, quid sit: πυρὸς σέλας quod boves evomebat, 3, 231; 1216; 1327; ignis sacrificii, 1, 436; luces solis, 4, 1542, et lunae, 4, 170; faces varii generis, 3, 1216; 4, 68; 482; 808.

³³ Id in translatione Francogallica a Dalange facta et in editione Vian data evenit: *Telle une pauvre ouvrière qui vit du travail de la laine a jeté des brindilles sur un tison ardent pour avoir de la lumière la nuit sous son toit...* idem [Rengakos 1994 : 111]: Ihr zunächst sparlicher Brand, den mit Spanen beschuttet, um

Ignis clarus, locus obscurus: lectio ἐγρομένη defenditur

Cum scaena ab Hemsterhusio ficta incongruens sibi esse videatur, tamen ostendit perlucide totius loci gravissimum vitium: non posse voces illas μαλερῶ et ἐγρομένη in nostro textu coexistere.

Id vitium tribus diversis remediis curari potest.

Nam sive hoc ἐγρομένη corrigendum nobis est, quod quidem Hemsterhusius fecit, sive demonstrandum est hoc μαλερῶ aliam rem ac flammam ardoremque significare, denique hoc μαλερῶ per coniecturam removeri potuerit.

Et primum lectio ἐγρομένη consideranda est, quam Drögemüller contra crucem a Fränkel positam defendit, cum monebat flammam simul atque mulierem expergisci, atque eo poetam intentendisse, ut binam somni terminationem, unam proprie, alteram vero translate designatam, verbo repetito impressius diceret [Drögemüller 1965 : 471]. arguit igitur ex eadem vocum ἐγρομένη et ἀνεγρόμενον iteratione, quae Hemsterhusio in suspicionem venerat. tamen re diligentius considerata apparet, maioris ponderis esse duarum partium orationis differentia, quam eiusdem radicis derivatio. nam, ut saepe in poematum ornamentis videmus, simplex proprietas consideranda est, quia parabolae et allegoriae plerumque e dominantibus verbis confectae sunt.

Atqui verbum medii generis τὸ ἀνεγείρεσθαι in dubium non vocatur, quia directe significat expergiscendi statum et actionem. sed quod lanificae applicatur ἐγρομένη de verbo causativo derivatum sit, eaque causa genus passivum designare potest, ut in Argonauticon lib.I, ubi *mare saevis ventis agitur*:

1159 ...ἐγρομένοιοι σάλου ζαχρηέσιν αὔραις

Praeterea in aliis duabus Argonauticon scaenis participium ἐγρόμενος datur, ubi personae somno excitatae describuntur.

In primo carmine Mopsus bona omnia vidit, et Iasonem de somno excitavit, ut ea nararet. Iason *surgit et amicos incitans surgere coegit*:

1104 ὦρνυτο δ' ἐξ εὐνῆς κεχαρημένος, ὦρσε δ' ἑταίρους

1105 πάντας ἐπισπέρχων

atque his ἐγρομένοισιν verba Mopsi tradidit:

1105 ...καί τέ σφισιν ἐγρομένοισιν

1106 Ἄμπυκίδεω Μόψοιο θεοπροπίας ἀγόρευσεν.

In quarto autem carmine Circe insomniis perterrita prima luce experrecta est (ἐγρομένη) et sine mora se in mare lavandam curavit:

670 τῷ καὶ ἐπιπλομένης ἡοῦς νοτίδεσσι θαλάσσης

671 ἐγρομένη πλοκάμους τε καὶ εἴματα φαιδρύνεσκεν

ihf als Leuchte zu dienen, läßt schnell unendliches Feuer aufflammen... aliter ipse Vian in commentario ad v. 291 ait, subitum tamen motum ignis removens: *Elle s'éveille très tôt, avant le jour ... et, pour pouvoir s'éclairer, elle ranime le feu.*

His locis concludi potest hoc ἐγρόμενος apud Apollonium personam non solum expergiscentem sed etiam vi quadam compulsam, ut espergiscatur, significat, atque ea quidem interpretatio lanificae nostrae optime convenit, quae cum libera sit, tamen necessitate compellitur, ut evigilet. at ignis ut sui dominus sua sponte expergiscitur.

Hic μαλερός δαλός quid sit

Apud Homerum et Hesiodum³⁴ sola iunctura μαλερόν πῦρ invenitur, quae, ut Bodenheimer arguit, *non tam ignis ardorem vel splendorem quam vim vehementem et omnia haurentem denotat* [Bodenheimer 1890 : 59]. Apollonius a veterrimis epicis non distat, et praeter versum 4, 291, de quo agimus, nomen adiectivum μαλερός substantivo πῦρ adiungit in vv. 1, 734; 1297; 4, 398, 834. quo concludi possit, hunc μαλερός δαλός torrem vehementer ardentem indicare³⁵. nam ὁ δαλός ardens semiustumque lignum est, quod etiam manu teneri et procul mitti possit. itaque αἰθόμενος δαλός ab Hectore in naves Graecas iniectus est (Il. 13, 320), et Troianus quidam nomine Caletor hunc δαλόν *manu tenens ignem* (πῦρ) ferebat, ut easdem naves incenderet (Il. 15, 419–421).

Non igitur hic μαλερός δαλός cum usu Homericō pugnat. tamen recte suspicabantur docti ardentem illum torrem scaenae ab Apollonio fictae non congruere.

Primus Moonley nullis auctoribus adactis per hoc μαλερός δαλός torrem *extinctum* significari voluit³⁶.

Paucos annos post Gillies monuit *totum lanificae simile pendere ex eo, quod focus paene extinctus esset* (in eo erravisse nobis quidem videtur), conclusitque hoc μαλερός idem atque ἀσθηνής significare, auxilio adhibito Hesychio, apud quem legimus μαλερός φρένας· τὰς ἀσθηνεῖς καὶ ξηράς (idem Suda M 102). sed hoc argumentum invalidum est. nam ferventes spiritus et anhelitus invalidi μαλεραὶ φρένες dicuntur, quod febribus ardentibus (de quibus iam diximus) procreantur. sunt igitur μαλεραὶ φρένες aspirationes hominum ardore laborantium, quae licet debiles sint, tamen epitheton μαλερός debilitatem per se non significat.

In recenti tertii carminis editione Campbell epitheton μαλακός proferebat. id bonam correctionem praebere potuerit, si scripturam ἐγρομένη (quam ipse Campbell cruce notavit³⁷) corruptam esse accipiamus. fiat igitur μαλακός δαλός lignum molli lenique flamma infectum, cum proprie δαλός *mollis* non possit dici³⁸. sed genuinam hanc ἐγρομένη lectionem censemus, quo accepto hoc μαλακός abiciendum est.

³⁴ Homerus Il. 9,242; 20,316; 21,375; Hesiodus, Scutum, 18.

³⁵ Considera Lexicon [Reich 1959] et [Reich 1991] s. v. μαλερός: 1.734 μαλεροῖο πυρός des mächtigen Feuers; 3, 291 μαλερω ... δαλω ums lodemde Feuer; aliter [Pompella 2001]: μαλερός (vehemens).

³⁶ Videas supra n. 31.

³⁷ Praeter Commentarios videas [Campbell 1983 : 28]

³⁸ Non igitur ad rem nostram pertinet illud πυρός μαλακὴν ἐπὶ τέφρην Archestrati Gelensis (fr. 60, 4 Olson-Sens = SH 192) a Campbell adductum, ubi proprie *mollis cinis* notatur. secundum Plutarchum (Amatorius 762B) amor mores amantis in meliores mutat: ὥσπερ οἱ τὰ ζῶλα πυρακτοῦντες ἐκ μαλακῶν

De textu corrigendo

Cum lectio μαλερῶ retineri non possit, de coniecturis cogitandum est. sed pri-
mum consideramus, quid librariorum manus atque oculos in errorem duxerit. cum
μαλερός apud Homerum nulli nomini praeter πῦρ applicetur, suspicari possumus
erratum lectionem alium errorem, hoc est πυρί, secutam esse. hoc mendum non
procul a radice codicum nostrum in textum inrepsisse videtur. in omnibus enim li-
bris illud μαλερῶ πυρί legitur. sed torris ille, cum flamma non arderet, tamen cito
inflamaturus a poeta fictus est. calore igitur et igni latenti non funditus caruit. quo
considerato torrem *tepidum* fuisse conicimus, eo facilius, quod duo vocabula Grae-
ca praesto eadem significatione adsunt, χλιαρός et λιαρός, atque adeo illi μαλερῶ
syllabis et scriptura similes sint, ut ex uno eorum falsam illam lectionem natam
esse facile credamus. primae duae syllabae pyrrichium in hoc λιαρός faciunt, qua
re in metrum dactylicum iure accipitur. at χλιαρός cum trochaeo incipiat, tamen
communi poetica licentia primam syllabam brevem praebet in Nicandri Alexiphar-
macon v. 360:

ἄλλοτε πιαλέης πόσιος χλιαροῖο³⁹ κορέσκοις
alias tepida potione unguenosa (laborantem) exsatiaveris

utrumque igitur ad textum corrigendum convenire videtur, atque illud λιαρός ab Ho-
mero prolatum poeticum habebatur, et per χλιαρός a scholiastis explicatur (Schol. in
Odys. 5, 268). ab Apollonio igitur adhiberi poterat. sed variis de causis hoc χλιαρός
praefendum esse putamus. nam in sermone communi nominibus diversas res si-
gnificantibus applicabatur, et inter alia τέφραν χλιαράν, *cinerem tepidum* invenimus
(Schol. in Aristoph. Nub. 1083)⁴⁰, quod causae nostrae maxime convenit. deinde epi-
theto χλιαρός latissime scriptores medici utuntur (quibus etiam Nicander adnume-
retur). satis erit unum Galeni dictum proferre, ubi modum caloris demonstratum
est, qui χλιαρός esse putaretur, *De methodo medendi* lib. 10, vol. 10 p. 722,5 Kühn:
ἐπ' ἐκείνων μὲν γὰρ οὐδὲν βλάβεις, εἰ καὶ μὴ βάπτοις εἰς τὸ ψυχρὸν ὕδωρ αὐτοὺς, ἀλλ' ὡς
εἴθισται περιχέοις χλιαρὸν μὲν πρῶτον, εἴθ' οἶον ἐξ ἡλίου θερινοῦ *in has (scl. conflationes)*
nihil detrimenti facias, nisi in aquam frigidam eas mergas, sed, ut mos est, primum eas
aqua tepida perfuderis, deinde tali, quae sub sole aestivo fiat.

In hac Galeni sententia aliud verbum videmus, περιχέειν scilicet, quo medici saepe
utebantur, idque in versu nostro stetit. praeterea scriptores medici sectas herbas per
hoc κάρφη referre solent (de quo infra dicturi sumus). nimirum concurrant locutio-
nes sermoni medicorum propriae, si nostram coniecturam acceperimus:

ὡς δὲ γυνή χλιαρῶ περι κάρφεα χεύετο δαλῶ

ἰσχυρὰ ποιοῦσι, ut *opifices lignum adurentes durum de molli faciunt*, ubi simile ab opificio tractum notan-
dum est, sed nimis alienum ab Apollonio esse videtur.

³⁹ χλιαροῖο edd. codd. praeter Parisinum suppl. Graec. 247 et Vaticanum Graec. 2291 (TL Jacques), qui
λιαροῖο praebent.

⁴⁰ Scholia anonyma recentiora, Nub. 1083b p. 402 Koster. notandum tamen est huius scholii auctorita-
tem incertam esse, cum Scholia vetera praebent τέφραν θερμὴν v. l. λεπτήν, p. 204 Holwerda.

torrem vero tepidum corpus superficie sanum allegoricos significare suspicamur, cum in uno dumtaxat Hippocraticorum librorum loco tepor corporis in signis bonae valetudinis numeretur⁴¹, Prorrheticon 2,6, 2: χλιαρόν ὀμαλῶς πᾶν τὸ σῶμα ἔχειν *aequaliter tepidum omne corpus habere*, Prorrheticon 2,6, 22. amor igitur Medeae lanificio comparatur, sed in ipso lanificio medicina adumbratur, quae infelici errore latentem aegritudinem efficit, ut in perniciem prorumpatur.

De lanificii operibus

Sed ad lanificam revertamur, ut eius opera, quorum adumbratam imaginem Apollonius fecit, clarius delineata exprimantur.

Vellera primum lavari et putari debuerunt, quod opus a fulonibus in officinis ad eam rem institutis exerceri solitum est. postea verberibus de floccis purgabantur, deinde floci manibus carpebantur et lana pectine carminabantur, ut in recto ordine disponderetur et de sordidibus minutis purgaretur⁴². atque natura ipsa postulat ut lana vel aqua vel liquoribus oleatis ad pectendum insuccaretur. haec ultima praeparatoria opera per familias faciebantur⁴³. quae nostra lanifica manibus suis tractavisse videtur, cum κάρφρα illa non potuit aliter obtinere.

Scholiastae ex verbo κάρφω nomen deducentes κάρφρα sicca esse voluerunt: Schiol. in Argonaut. 3,291 p. 228, 25: ξηρὰ ξύλα; idem Hesychius: κάρφη· ξύλα λεπτὰ καὶ ξηρὰ; sed ad nostram rem potius referatur Hesychius, κάρφην (fortasse legendum est κάρφη)· φορυτόν *res sordida* non necesse est assas fuisse festucas hoc nomine appellatas, qua de causa et hoc ὠκίμου κάρφη ξηρὰ dici poterat (Aetius, Iatrica 6.98), id est *basilici stipulae siccatae*. eademque ratione in fabula Aesopea 1 (1) materia, de qua nidus aquilae constructus erat, non hoc κάρφος simpliciter, sed *vetus et tenue* dictum est, ut haberemus compertum, cur facile flammam accepisset: ἐμπροσῶν ἄνεμος ἐκ λεπτοῦ καὶ παλαιοῦ κάρφους λαμπρὰν φλόγα ἀνήψε. lanifica autem nostra, cum ex umida lana festucas extraxisset, eas aequae umentes habuit.

Nunc vero integram fabulam narrare possumus.

Putavit igitur lanam mulier, eoque opere confecto focum extinxit et dormitum iit. sed non diu quievit, et necessitate compulsa experrecta est ἄγχι μάλα, id est proxime ab illo momento temporis, quando somno se tradiderat. non diu dormivit, et focum usque eo tepidum at festucas umidas invenit. tum voluit festucis pro faculis uti, quas omnes in focum fudit, ut assas fierent. dicit enim poeta

⁴¹ Notandum est, huius modi positionem rarissimam esse, cum χλιαρός plerumque medicamentis applicetur, sed eandem significationem tepori Celsus attribuit: *teporque talis est, qualis esse sani solet*, videas textum in n. 22.

⁴² De hoc olei usu Claudian. Carm., 20, 384: *pinguia ...vellera*; idem in nostri temporis lanificio manuali adhibetur [Kroll 1981 : 12].

⁴³ Ad hanc familiarem velleris purgationem verba Varronis pertinere videntur: De Ling. Lat. 7.54: [Plautus] in Menaechmis (797): 'inter ancillas sedere iubeas, lanam carere' [carpere *Plauti codd.*]. idem hoc est verbum in *Cemetria* Naevii [Commotria *Turnebus, Adversaria* 33, 16; *Ribbeck*, Naevius v. 35¹: Demetrius (?) *Goetz-Schoell* in app.] carere a carendo, quod eam tum purgant ac deducunt, ut careat spurcicia; ex quo carminari dicitur tum lana, cum ex ea carunt quod in ea haeret.

293 ὡς κεν ὑπωρόφιον νύκτωρ σέλας ἐντύναιτο

ubi subauditur τὸ κάρφους σέλας. id miserimae paupertatis signum fuisse videtur, et ipsa κάρφεια voci tragicae et epicae, cuius generis τὸ σέλας est, adiuncta comœdiam olet⁴⁴.

APOLLONII EDITIONES ET LECTIONES PER NOMINA DOCTORUM LAUDATAE

- Aldus — Apollonii Rhodii Argonautica, antiquis una et optimis cum commentariis. Venetiis: In aedibus Aldi, et Andreae soceri, 1521.
- Campbell — A commentary on Apollonius Rhodius Argonautica III 1–471 / by Malcolm Campbell. Leiden; New York: E.J. Brill, 1994.
- Damsté — = Damsté 1922.
- Fränkel — Apollonii Rhodii Argonautica Recognovit brevique adnotatione critica instruxit Hermann Fränkel, Oxonii: Typogr. Clarendoniano 1961.
- Gillies — The Argonautica of Apollonius Rhodius. Book III. Ed. with Introduction and Commentary by M.M. Gillies ... Cambridge: At the University Press, 1928.
- Hemsterhuis — = Hemsterhuis 1825
- Hoelzlinus — Apollonii Rhodii Argonauticorum libri IV. Ab Jeremia Hoelzolino in Latinum conversi; Commentario et notis illustrati, emaculati; Scholiis ad carmina numerato additis concinnati ... Lugd. Batavorum: Ex Officina Elzeviriana, 1641.
- Hunter — Argonautica. Book III / Apollonius of Rhodes; edited by R.L. Hunter. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1989.
- Lascaris — Argonautica, cum Schollis. Ed. Lascaris. Florentia [Lorenzo di Alopa], 1496 (GW 2271).
- Moonley — The Argonautica of Apollonius Rhodius; edited with introd. and commentary by George W. Mooney. London; Dublin, 1912.
- Platt — = Platt 1914
- Race — Apollonius Rhodius. Argonautica. Edited and translated by William H. Race. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.
- Reitz — = Reitz 1996
- Rotmar — Ἀπολλωνίου τοῦ Ῥοδίου Ἀργοναυτικῶν βίβλοι τέσσαρα ... item Apollonii Rhodii Argonauticorum, carmine heroico translati per Valentinum Rotmarum Salisburgensem, Libri IIII. Basileae: Ex Officina Henripetrina, 1572.

⁴⁴ Similem tumorem comicum ex voce σέλας ductum in Epicratis fragmento videmus (Fr. 7, 4 Kassel-Austin): κερατίνου τε φωσφόρου λύχνου σέλας.

SCHOLIA

- Homerus — Scholia Graeca in Homeri Iliadem (scholia vetera). Recensuit H. Erbse, vol. 1–7. Berolini: De Gruyter, 1969–1988.
- Apollonius Rhodius — Scholia in Apollonium Rhodium vetera recensuit Carolus Wendel, Berolini, apud Weidmannos, 1935
- Scholies à Apollonios de Rhodes. Textes traduits et commentés par Guy Lachenaud, Paris: les Belles lettres, 2010.
- Aristophanes — Scholia in Aristophanem sumptus suppeditante Instituto Batavo Scientiae Purae... P. I. Fasc. 3,1: Continens Scolia vetera in Nubes. Ed. D. Howerda. Groningen, 1977.
- Scholia in Aristophanem sumptus suppeditante Instituto Batavo Scirntiae Purae... P. I. Fasc. 3,2: Continens Scolia recentiora in Nubes. Edidit W.K.W. Koster. Groningen, 1974.

INDEX OPERUM LAUDATORUM

- Andernach 1567 — *Andernach J. W. von*. Pauli Aeginetae medici Opera a Ioanne Guinterio Andernaco ... conversa, et illustrata commentariis... Venetiis: Apud Hieronymum Scotum, 1567.
- Bayle 1697 — *Bayle P.* Dictionnaire Historique et Critique. T. 2, P. I. Rotterdam, 1697.
- Blümner 1912 — *Blümner H.* Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern. Bd. 1. Leipzig, Berlin, 1912.
- Bodenheimer 1890 — *Bodenheimer M.* De Homericae interpretationis antiquissimae vestigiis nonnullis. Argentorati, 1890.
- Cambell 1983 — *Cambell M.* Studies in the Third Book of Apollonius Rhodius' Argonautica. Hildesheim, 1983.
- Damsté 1922 — *Damsté O.* Adversaria ad Apollonii Rhodii Argonautica... Rotterdam: Electricische Handelsdrukkereij "De Gids", 1922.
- Drögemüller 1965 — *Drögemüller H.-P.* [Rezension zur Ausgabe des Apollonius Rhodius von H. Fränkel] // *Gymnasium*. 1965. 72. 467–74.
- Duratus 1548 — *Duratus J.Fr.* Galeni Pergameni medici De Locis affectis libri sex. Ioanne Francisco Duratio medico Neopolotano expositore ... Neapoli: Ex officina Ioannis Pauli Sugganappi, 1548.
- Effe 2008 — Effe B. The Similes of Apollonius Rhodius. Intertextuality and Epic Innovation // Papanghelis Th. D., Rengakos A. (eds.). Brill's Companion to Apollonius Rhodius. Second, Revised Edition. Leiden, 2008. 199–220.
- Fantuzzi 1988 — *Fantuzzi M.* Ricerche su Apollonio Rodio: Diacronie della dizione epica. Roma, 1988.

- Harrison 1997 — *Harrison S.J.* From Epic to Novel: Apuleius' Metamorphoses and Vergil's Aeneid // *Materiali e Discussioni per L'analisi Dei Testi Classici*. 1997. 39. 53–73.
- Hemsterhuis 1825 — *Hemsterhuis T.* Anecdota Hemsterhusiana, ex schedis mss. in bibliotheca Lugd. Batava servatis collegit, disposuit et edidit Jacobus Geel. Pars I. Lugduni Batavorum: apud S. et J. Luchtman, 1825.
- Jöcher 1751 — *Jöcher Ch.G.* Allgemeines Gelehrten-Lexicon. T. 3. Leipzig, 1751.
- King 1998 — *King H.* Hippocrates' Woman: Reading the Female Body in Ancient Greece. London, 1998.
- Kroll 1981 — *Kroll C.* The Whole Craft of Spinning: From the Raw Material to the Finished Yarn. New York, 1981.
- Larsson 2013 — *Larsson Lovén L.* Female Work and Identity in Roman Textile Production and Trade: A Methodological Discussion // *Gleba M.; Pásztkai-Szeőke J.* (Eds). Making Textiles in pre-Roman and Roman Times: People, Places, Identities. Oxford, 2013. 109–125.
- Lazzarini 1986 — *Lazzarini C.* Il modello Virgiliano nel lessico delle 'Metamorfosi' di Apuleio // *Studi Classici e Orientali*. 1986. 35. 131–160.
- Leaf 1900 — *Leaf W.* Homer. The Iliad. Edited, with apparatus criticus, prolegomena, notes, and appendices. Vol. 1: Books 1–12. London, 1900.
- Pinault 1992 — *Pinault J.R.* Hippocratic Lives and Legends. Leiden; New York : Brill, 1992.
- Platt 1914 — *Platt A.* On Apollonius Rhodius // *The Journal of Philology*. 1914. 33. 65. 1–53.
- Platt 1918 — *Platt A.* Apollonius again // *The Journal of Philology*. 1918, 34, 67. 129–141.
- Pompella 2001 — *Pompella G.* Apollonii Rhodii Lexicon curante Giuseppe Pompella; adiuvantibus Sophia Corvese, Lycia Pietroluongo. Hildesheim: Olms-Weidmann, 2001.
- Reich 1991 — *Reich Fr.* Lexicon in Apollonii Rhodii Argonautica. Edidit Franz Reich; curavit et emendavit H. Maehler. Amsterdam, 1991–2016. Vol. 1–11 (usque ad $\chi\alpha$).
- Reich 1959 — *Reich Fr.* Handschriftliches Lexikon zu Apollonius von Rhodos von ... Franz Reich. Freiburg, 1959. (Exemplar paginis photographice exaratum in Bibliotheca Liberae Universitatis Berolinensis positum).
- Reitz 1996 — *Reitz Ch.* Zur Gleichnistechnik des Apollonios von Rhodos. Frankfurt a.M.; New York: P. Lang, 1996.
- Rengakos 1994 — *Rengakos A.* Apollonios Rhodios und die antike Homererklärung. München: Beck, 1994.
- Wright 1981 — *Wright M.R.* Empedocles: The Extant Fragments. Ed. M.R. Wright. New Haven, London, 1981.

ARDOR AMORIS,
SIVE ANNOTATIONES CRITICAE
IN APOLLONII RHODII ARGONAUTICA
(3, 281–98)

AGLAYA V. ZAKHAROVA, ALEXANDR E. KUZNETSOV

Abstract: The paper deals with a detailed situational comparison in “Argonautica” (3, 281–98), in which Apollonius of Rhodes likens Medea’s love to a hearth of a poor spinner suddenly flared up. The text of Apollonius is replete with medical allusions which give an exact and almost complete picture of the symptoms of a febrile condition, known from ancient medical literature; therefore, it seems likely that Apollonius directly used professional medical works. Apollonius reworked Homeric similes in the passage under consideration, and later both Homer and Apollonius became a source for Virgil, while for all three poets’ social connotations associated with the image of spinner were particularly important. Based on observations made in the paper, a correction of the text of the “Argonautica” has been proposed.

Keywords: Apollonius of Rhodes, Homer, Virgil, hellenistic poetry, simile in poetry, Greek and Roman medicine, textual criticism

Александр Евгеньевич Кузнецов,
доктор филологических наук,
доцент МГУ имени М.В. Ломоносова,
fellow of the Einstein Center Chronoi,
Freie Universität Berlin

Аглая Валентиновна Захарова,
кандидат филологических наук,
доцент РГУП, доцент ВШЭ

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ К ИССЛЕДОВАНИЮ ХОРЫ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО: КАРТА СТРУЛОВА 1786 Г.*

А.А. Зедгенидзе

Резюме: В статье рассматривается одна из карт Гераклейского полуострова в Крыму с названием «План развалин древнего Херсонеса с показанием бывших прямых улиц, красною краской означенных, сочинён 1786 года ноября дня» и подписью: «Снимал план сочинял землемер подпорутчик Ананий Струлов». Эта подпись свидетельствует о том, что план был получен во время полевых работ, и карта составлена по их результатам. Позже, в 20 веке, С. Стржелецкий, изучая систему древнего земельного деления на Гераклейском полуострове, проверил точность отражения этого деления на карте 1786 года. Монография Стржелецкого была опубликована в 1961 году, то есть через 185 лет после того года, когда были созданы карты, показывающие древнее размежевание земли. Эти карты сохранили свое научное значение до наших дней и представляют собой ценный источник при изучении территориального устройства античного Херсонеса.

Ключевые слова: картография, карты Гераклейского полуострова, карта Струлова, античный Херсонес, хора.

Научная значимость античного Херсонеса в значительной степени заключается в уникальной сохранности (до недавнего времени) его сельскохозяйственной территории — хоры, в том числе на Гераклейском полуострове. В Херсонесе наличие города и хоры позволяет исследовать античное государство в его целостности, в связи с этим античный Херсонес является археологическим эталоном, моделью греческого полиса. Понимание остатков сети сооружений на Гераклейском полуострове как определённым образом организованной сельскохозяйственной территории херсонесского полиса возникла не сразу, её интерпретация продолжается до настоящего времени. Разобраться в системе сооружений хоры можно было путём последовательного нанесения её элементов на карты и планы, которые при всех разногласиях, связанных с интерпретацией памятников сельскохозяйственной территории, являются основой для их изучения. В этой связи необходимо введение в научный оборот неисследованного картографического материала, хранящегоо-

* Выражаю благодарность заведующей Научно-архивным отделом Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» Т.А. Прохоровой за содействие при написании этой статьи.

ся в Научно-архивном отделе Государственного музея заповедника «Херсонес Таврический» (НАО ГМЗ ХТ). Данная статья посвящена публикации карты 1786 г.¹, которая относится к начальному периоду исследования Херсонеса. Этот период связан с такими выдающимися именами как Г.И. Потёмкин, К.И. Габлиц, митрополит Евгений (Болховитинов)² и представляет собой яркую страницу истории науки России.

Исследования истории Крыма начинаются сразу после присоединения территорий северного побережья Чёрного моря к России и определяются деятельностью основанной в 1724–1725 гг. Петербургской академии наук³. В Крыму ярким образцом этой деятельности стали исследования К.И. Габлица, учёного-энциклопедиста, естествоиспытателя, члена-корреспондента Петербургской академии наук. Готовясь к прибытию императрицы Екатерины II в Тавриду, князь Потёмкин даёт поручение Габлицу выполнить всестороннее описание области «по её местоположению и по всем трём царствам природы»⁴. Князь Потёмкин действовал в русле достижений и духа своего времени: установка ученых XVIII в. на энциклопедические познания стимулировалась и совпадала с потребностями государства, которое открывало и осваивало природные и культурные богатства страны.

Самым впечатляющим эпизодом путешествия Екатерины II в Крым стал осмотр «пространной и знаменитой Севастопольской гавани и стоящего там на рейде Черноморского флота»⁵. Европе и турецкому султану были продемонстрированы достижения России и её могущество, однако Турция не отказалась от намерения отобрать у России её завоевания на юге. России был предъявлен ультиматум с требованием возвращения Крыма. Началась русско-турецкая война 1787–1791 г.⁶ Габлиц писал: «Открывшаяся вскоре после отбытия Императрицы из Крыма с турками война уповательно была причиной, что сии мои сочинения не были напечатаны»⁷. Однако сохранились карты Гераклеяского полуострова, создание которых в 1786 г. под руководством Габлица можно отнести к основным результатам начального периода исследования Херсонеса.

Итак, в 1786 г. была выполнена топографическая съёмка Гераклеяского полуострова и создано несколько крупномасштабных карт, которые явились первыми в Европе археолого-топографическими картами высокой степени точности. Заслуга первой публикации карты «План развалинам древнего Херсонеса» принадлежит митрополиту Киевскому и Галицкому Евгению (Болхови-

¹ Ранее публиковались лишь фрагменты карты: Щеглов 1993: 15; 1993а: 52; Зедгенидзе 2019: 612, рис. 3.1.

² Подробнее см.: Зедгенидзе 2014.

³ Тункина 2003: 360–362.

⁴ Габлиц 1821: 146.

⁵ Храповицкий 1787: 76.

⁶ Преображенский 2000: 28.

⁷ Габлиц 1821: 152 (примечание).

тинову), известному православному церковному деятелю и историку. Митрополит Евгений писал: «Покойный К.И. Габлиц описал следы древнего города Херсона и окрестностей оною. Он снял в 1786 г. и топографическую карту со следов сих, которую вместе с *историческим* своим *описанием* (курсив автора — А.З.) всего Крыма, сочинённым по повелению императрицы Екатерины II, поднёс ей в Крыму же 1787 года. Книга сия и все при ней приложенные карты остались неизданными; а сочинитель в списках только сообщал их многим своим приятелям. В 1808 году и я получил от него таковую топографическую карту с описанием оной, которая полезна может быть... и для исторических исследований»⁸. Полученная от Габлица карта была опубликована митрополитом Евгением вместе с сопровождающей статьёй в «Отечественных записках» в 1822 г. и переиздана в «Трудах и летописях Общества истории и древностей российских, учреждённого при Императорском Московском университете»⁹. Название карты: «План развалинам древнего Херсона. Сочинен 1786». Эта карта, фиксирующая остатки античной межевой системы, стала основой для всех последующих археологических исследований Гераклейского полуострова. О её значимости свидетельствует, в частности, то, что спустя 131 год после её первой публикации В.Д. Блаватский со ссылкой на «Отечественные записки», но без упоминания автора статьи — митрополита Евгения — издал карту вторично¹⁰, после чего она вошла в современный научный оборот.

В публикации митрополита Евгения (Болховитинова) исполнитель съёмки плана 1786 г. не указан. А.Л. Бертье-Делагард предположил, что план был выполнен Стреловым (с вариантами фамилии). В виду неясности некоторых аспектов истории карт 1786 г., обратимся к тому, что писал Бертье-Делагард. В «Материалах по археологии России» читаем: «План Габлица, составленный Стреловым или Строковым (имя написано неразборчиво) напечатан в значительно уменьшенном виде в Отечественных записках 1822 года, № 22»¹¹; в «Известиях археологической комиссии» Бертье-Делагард пишет: «чисто археологический план, снятый для Габлица... озаглавлен "План развалинам древнего Херсона". Снимал в ноябре 1786 года подпоручик Ананий Стрелов (или Строев, Струков). Подлинник находится в библиотеке Од. Общ., по кат. IV, 84 (вероятно тот самый экземпляр, который Габлиц передал митрополиту Евгению, а последний напечатал с него карточку в уменьшенном виде) ... Копия, подписанная Габлицем, вероятно та, которая им подносилась Екатерине, находится в Архиве Главн. Штаба по кат. отд. IX, 1033/2233»¹². В связи с сообщениями Бертье-Делагарда отметим, что на карте, опубликованной митрополитом Евгением, отсутствует экспликация с указанием исполнителя, поэтому

⁸ Е. 1822, 156.

⁹ Е. 1822, 145–163; 1828, 102–115 (Приложение).

¹⁰ Блаватский 1953, 37.

¹¹ Бертье-Делагард 1893: 6, примечание 3.

¹² Бертье-Делагард 1907: 49, примечание II.

невозможно согласиться с отождествлением этой карты с картой, которую «снял... Ананий Стрелов». Вместе с тем, сообщения Бертье-Делагарда подтверждают наличие нескольких карт 1786 г., о чем писал митрополит Евгений (Болховитинов).

В настоящее время хорошо известна карта, заверенная Габлицем, с именем исполнителя — топографа Пепелева. Эту карту в 2002 г опубликовала И.В. Тункина, обнаружив её в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА)¹³. В правой верхней части карты — подпись Габлица, название карты: «План развалинам древнего Херсона. С показанием бывших прямых улиц земляною и кварталов красною краской означенных. Сочинен 1786 года». В нижнем правом углу за рамкой подпись: «Чертил топограф 2 класса Пепелев». И.В. Тункиной было указано на первенствующее место карты Габлица-Пепелева в качестве археолого-топографической карты в картографии Европы. Позже ею были опубликованы два плана 1786 г., обнаруженных в фондах Института рукописи и Сектора картографии Национальной библиотеки Украины им. В.Н. Вернадского Национальной Академии наук Украины. Выяснено, что они происходят из архива Одесского общества истории и древностей (ООИД); в ходе оккупации Одессы планы были вывезены в Бухарест, а затем с частью архива ООИД были возвращены, но не в Одессу, а в Киев. Планы представлены в двух вариантах — чистовом и черновом, при этом Тункина отмечает, что «последний ошибочно описан как план Анания Струлова, а не Струкова. Чистовой план полностью повторяет оригинал с подписью Габлица-Пепелева, хранящийся в РГВИА, а черновой включает только съёмку Гераклейского полуострова Крыма, без вставок — карты Таврической губ. и ведомости расстояний между пунктами». Черновой план представлен Тункиной с экспликацией: «План развалин древнего Херсона с обозначением бывших прямых улиц. Снял Ананий Стрелов. 1786 г.». (М. 1 : 21 000). СК НБУВ. Публикуется впервые¹⁴. И.В. Тункина пишет о том, что копия с плана ООИД с 1930-х гг. хранилась в архиве заповедника «Херсонес Таврический»¹⁵.

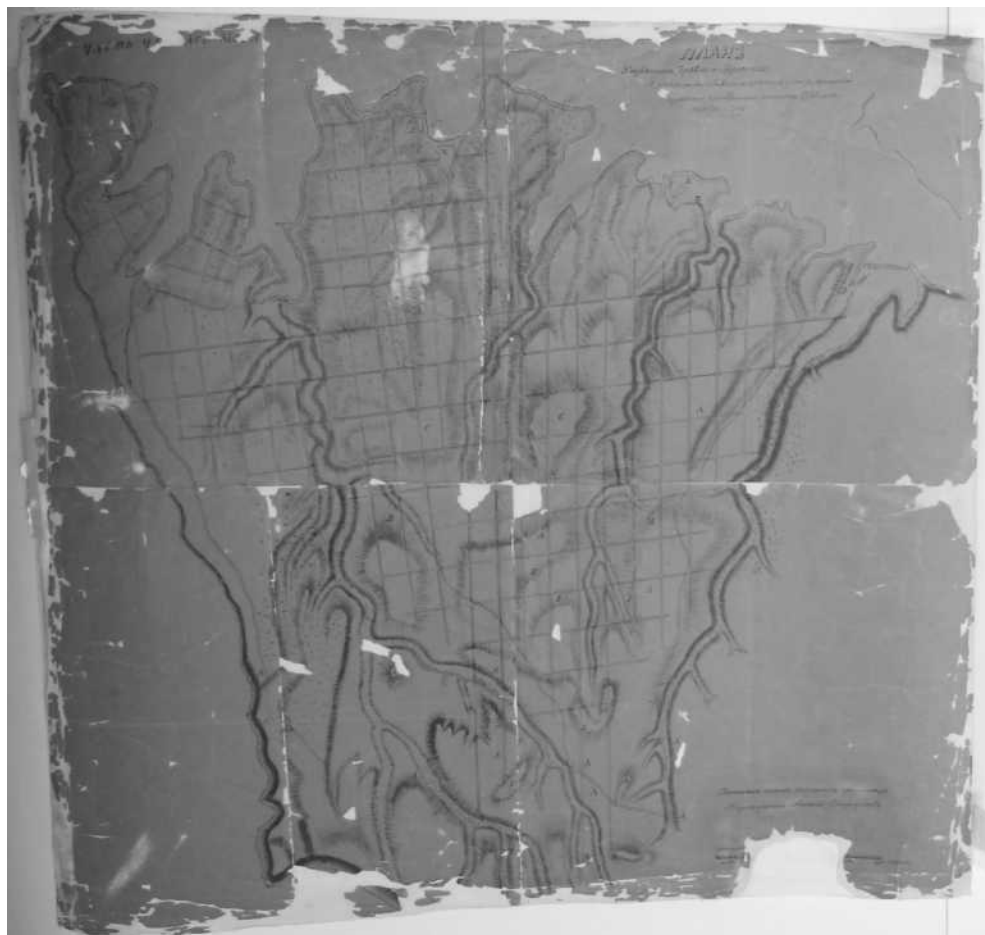
В ходе работы в Научно-архивном отделе Государственного музея заповедника «Херсонес Таврический» (НАО ГМЗ ХТ) мы, занимаясь картами и планами межевания Гераклейского полуострова, обратили внимание на карту с инв. № 182, и приступили к ее изучению. Название карты: «План развалин древнего Херсонеса с показанием бывших прямых улиц, красною краской означенных, сочинён 1786 года ноября дня». В нижнем правом углу рамки подпись: «Снял план сочинял землемер подпоручик Ананий Струлов» (дано в оригинальной орфографии): рис. 1а, в.

Размер карты по рамке, поврежденной в некоторых местах, 66 x 63 см. В правом углу рамки дан линейный масштаб в сажнях. Карта на русском языке

¹³ Тункина 2002: 485; рис. 126.

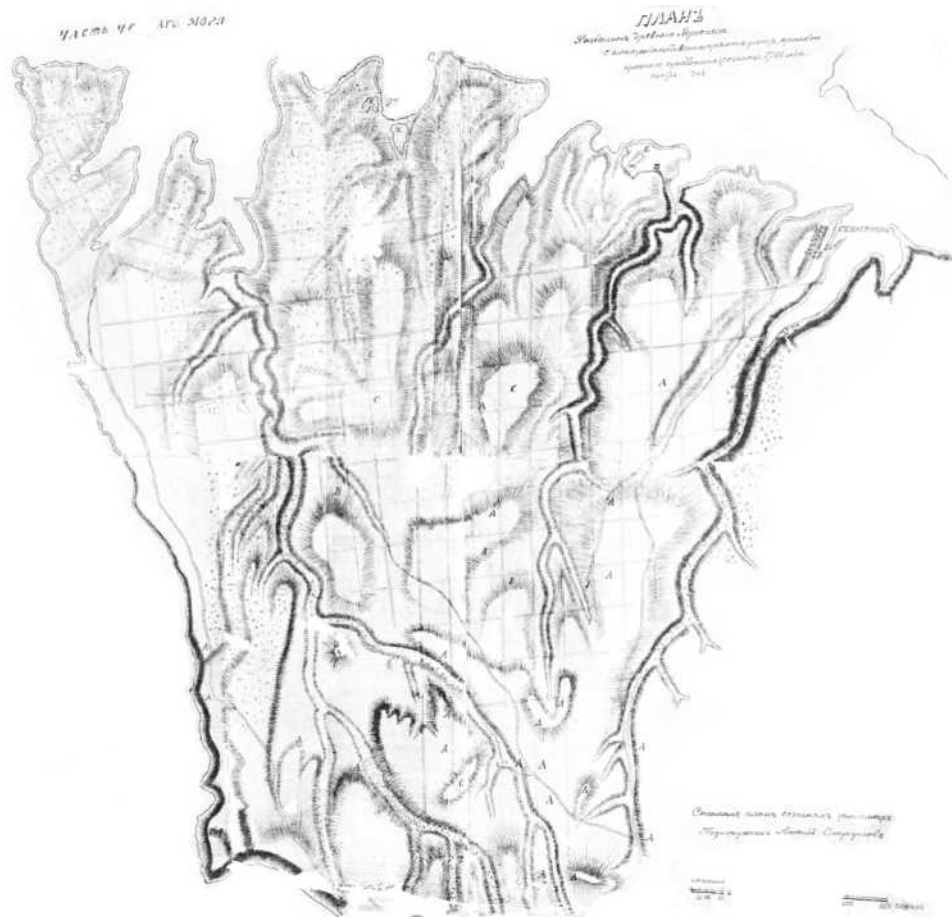
¹⁴ Тункина 2016: 322–323. Рис. 1; 2018: 59. Рис. 3.

¹⁵ Тункина 2018: 59.

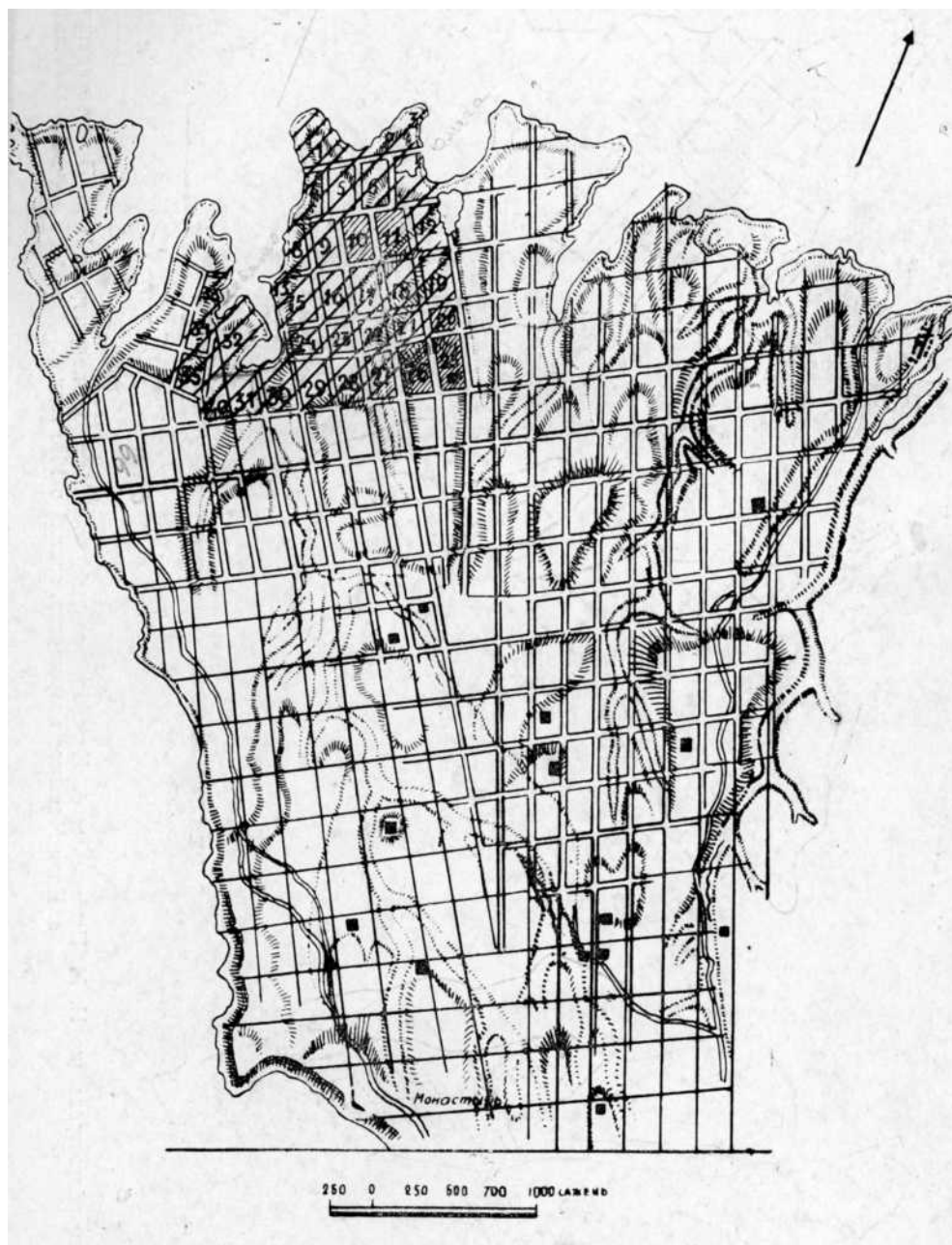
а — фотография выполнена бесконтактным способом, без вспышки.

Илл. 1. План размежевания Гераклейского полуострова А. Струлова. 1786 г. («План развалин древнего Херсонеса с показанием бывших прямых улиц, красною краской означенных, сочинен 1786 года ноября дня. Снимал план сочинял землемер подпоруччик Ананий Струлов»). По: НАО ГМЗ ХТ. Ф. 2. № 182. Публикуется впервые.

в — цифровая копия карты, сделанная на планшетном сканере.

ке, выполнена на кальке, наклеенной на тканевую основу. Ткань сохранилась, калька, повреждённая во многих местах, обнаруживает белые пятна ткани. Легенда отсутствует. Следует отметить детальность изображений на карте Струлова. Рельеф, показанный подробно, вычерчен методом штриховки. «Улицы» изображены двойными линиями со штриховкой между ними красной краской. Городище Херсонеса выделено заштрихованными внутри красными полосками — двойными в южной и одинарными в северной части. Из обозначений сохранились: часть Черного моря, Севастополь, Херсонес, буквенные обозначения А, В, С, расшифровка которых отсутствует. Показано размежевание Маячного полуострова, линии которого не заходят на перешеек, следов размежевания земель на перешейке не зафиксировано. Валы оборонительных стен на перешейке не нанесены на план, вероятно потому, что это не входило в за-

Илл. 2. План размежевания Гераклеяского полуострова. 1786–1961 гг. По: С.Ф. Стржелецкий 1961: рис. 1.

дачу картосоставителя. Очертания открытого моря и бухт показано ровной линией одной толщины. Карта, кроме прочего, важна с точки зрения фиксации береговой линии Гераклеийского полуострова, что может позволить при сопоставлении её с картами последующих периодов проследить изменение береговой линии полуострова. Съёмкой охвачена площадь около 100 км².

Обратимся к немногим данным по истории создания этой карты; они вызывают вопросы, требующие разрешения. Щеглов, упоминая карту с инв. № 182¹⁶, предположил, что она была снята не позднее начала XX в. с находящегося в Одессе подлинника, пропавшего во время второй мировой войны. В этой связи мы обратились к описям материалов чертежного фонда НАО ГМЗ ХТ¹⁷. В описи, составленной 18 августа 1925 года, под № 395 значится «План Гераклеийского полуострова 1786 года (из 4 листов, на кальке). Копия прислана из Одесского музея». Щеглов, вероятно, писал об этой копии. В инвентаризации 1953 года под номером 569 значится «План развалин древнего Херсонеса с показанием бывших прямых улиц, красною краской означенных. Снимал план землемер-подпоручик Ананий Струков». В графе «старый номер» отмечено 395. В 1940 году С.Ф. Стржелецкий перерисовал этот план, на копии стоит его подпись. В 1953 г. во время инвентаризации под № 182 копия Стржелецкого была записана с названием: «План развалин древнего Херсонеса с показанием бывших прямых улиц, красною краской означенных. Снимал план землемер-подпоручик Ананий Струлов». Копия с копии — Стржелецкий С.Ф.». Попутно отметим, что в данной записи мы располагаем примером документального сопровождения при оформлении копии в НАО ГМЗ ХТ. Вместе с тем, наблюдается путаница в идентификации карт 1786 г.; возможно в дальнейшей работе при обращении к архивным материалам Одессы и Киева, ситуация прояснится. На публикуемой нами карте (рис. 1) имеется только название и надпись об авторстве А. Струлова, и нет надписей, свидетельствующих о ней как о копии. Надпись «снимал план сочинял землемер подпоручик Ананий Струлов» ясно указывает на имя создателя карты и свидетельствует о том, что план получен при полевых работах и карта составлена по их результатам. Отметим, что курсивные шрифты в надписях на карте совпадают с правилами подписания топографических планов, изданных в первой трети XIX в.¹⁸ Ветхость кальки, тканевая основа ее и все сказанное выше заставляет нас предполагать в ней оригинал карты, выполненный А. Струловым. При этом связь этой карты с другими картами 1786 г. требует дальнейшего исследования.

В XX в. С.Ф. Стржелецким была проведена работа по изучению системы размежевания и внутренней планировки земельных участков на Гераклеийском

¹⁶ Щеглов 1993: 15; 1993а: 52.

¹⁷ Материалы описей предоставлены нам заведующей НАО ГМЗ ХТ Прохоровой Т.А.

¹⁸ Образцы чертежей и надписей на планах. К правилам для руководства при вычерчивании и надписывании топографических планов. Литографированы при Главном штабе его императорского величества по Военному Поселению. Писал Иванов. 1831. Табл. IV.

полуострове. Он предположил, что к моменту съёмки плана 1786 г. ограды размежёвки в южной и юго-западной части полуострова были уже разрушены (скорее всего населением средневековой Балаклавы), вследствие чего они не были нанесены на план А. Струлова. Стржелецкий обратился к обмерам Л.А. Моисеева в южном районе Гераклеяского полуострова, где все участки на площади около 4 км² соответствовали обмерам самого Стржелецкого в северной части полуострова, клеры имели размеры 420 x 630 м. Эти работы позволили Стржелецкому «восстановить недостающую часть размежёвки на плане 1786 г. простым продолжением его дорог»¹⁹. В результате был получен дополненный план размежевания Гераклеяского полуострова (рис. 2). План 1786 г. дан Стржелецким в реконструированном виде, в уменьшенном масштабе, с исключением старых надписей и буквенных обозначений. Сопоставление этих планов позволяет возвести план Стржелецкого к плану А. Струлова. Следует особо подчеркнуть, что Стржелецким была проверена и отмечена точность фиксации основной планировочной схемы на карте 1786 г. между Стрелецкой бухтой и Маячным полуостровом (площадь около 2000 га) инструментальной съёмкой этого района, которая была затем положена в основу опубликованных им планов²⁰. Далее, высокая точность карт 1786 г. была подтверждена сопоставлением их с современными крупномасштабными топографическими картами и материалами аэрофотосъёмки 1961 г.²¹

Показательно, что работа С.Ф. Стржелецкого с публикацией дополненного плана 1786 г. увидела свет, когда исполнилось 185 лет со времени создания карт 1786 г., который можно считать датой начала исследования Херсонеса²². В настоящее время идёт 234-й год со времени создания карт 1786 г., причём они продолжают оставаться полноценными научными документами. Так, в частности, тот факт, что на этих картах не показаны межевые стены на перешейке Маячного полуострова, является одним из свидетельств в пользу того, что центральная часть перешейка не могла быть размежёванной земельной территорией²³.

ЛИТЕРАТУРА

- Бертъе-Делагард 1893 — *Бертъе-Делагард А.Л.* Раскопки в Херсонесе // МАР. 1893. 12. С. 1 – 64.
- Бертъе-Делагард 1907 — *Бертъе-Делагард А.Л.* О Херсонесе // ИАК. 1907. 21. С. 1–207.

¹⁹ Стржелецкий 1961: 48 – 49.

²⁰ Стржелецкий 1961: 7, 181, рис. 19; 182, рис. 20.

²¹ Щеглов 1993а: 52.

²² Зедгенидзе 2014: 160.

²³ Зедгенидзе 2019: 613.

- Блаватский 1953 — *Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья // В.Н. Дьяков (ред.). Причерноморье в античную эпоху. Вып. 5. М., 1953.
- Габлиц 1821 — *Габлиц К.И.* Краткое описание жизни и службы тайного советника Карла Ивановича Габлица // Сын Отечества. 1821. 73 (43). С. 97–112; 44. С. 145–165.
- Зедгенидзе 2014 — *Зедгенидзе А.А.* О начале исследования Херсонеса Таврического // ВДИ. 2014. 2. С. 151–162.
- Зедгенидзе 2015 — *Зедгенидзе А.А.* Митрополит Евгений (Болховитинов) и начало исследования Херсонеса Таврического // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2015. XI. С. 58–68.
- Зедгенидзе 2019 — *Зедгенидзе А.А.* Херсонес Таврический: пространственная организация и назначение укрепления на перешейке Маячного полуострова // ВДИ. 2019. 79 (3). С. 608–639.
- Е. 1822 — *Е. [Болховитинов Е.А.]* О следах древнего греческого города Херсона, донныне видимых в Крыму // Отечественные записки. 1822. 9 (22). С. 145–163.
- Е. 1828 — *Е. [Болховитинов Е.А.]* О следах древнего греческого города Херсона, донныне видимых в Крыму // Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при императорском Московском университете. 1828. IV (1). С. 102–115.
- Образцы чертежей и надписей на планах. К правилам для руководства при вычерчивании и надписывании топографических планов. Литографированы при Главном штабе его императорского величества по Военному Поселению. Писал Иванов. 1831.
- Преображенский 2000 — *Преображенский А.А.* Россия в «Век Екатерины» // О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая (ред.). Законодательство Екатерины II. Т. 1. М., 2000. С. 9–45.
- Стржелецкий 1961 — *Стржелецкий С.Ф.* Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму // Херсонесский сборник. Вып. VI. Симферополь, 1961.
- Тункина 2002 — *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002.
- Тункина 2003 — *Тункина И.В.* Первые исследовательские программы в классической археологии Северного Причерноморья (XVIII — середина XIX в.) // А.Ю. Дворниченко (ред.). Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2003. С. 359–375.
- Тункина 2016 — *Тункина И.В.* Картографические и изобразительные документы конца XVIII–XIX в. о Херсонесе Таврическом и памятниках Гераклейского полуострова в Крыму. Новые архивные открытия // Элита Востора

и боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола 22–25 ноября 2016 г. СПб., 2016. С. 321–327.

- Тункина 2018 — *Тункина И.В.* Херсонес Таврический и Гераклеийский полуостров в рукописных материалах конца XVIII — начала XIX вв. // А.Н. Коваленко (ред.). Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2018. С. 53–75.
- Храповицкий 1787 — *Храповицкий А.В.* Журнал высочайшего путешествия ее величества императрицы Екатерины II, самодержицы всероссийской, в полуденные страны России в 1787 году. М., 1787.
- Щеглов 1993 — *Щеглов А.Н.* Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-западного Крыма. Сборник научных трудов. Симферополь, 1993. С. 10–38.
- Щеглов 1993а — *Щеглов А.Н.* Первые археологические карты Гераклеийского полуострова (к истории археологической топографии) // Проблемы истории отечественной археологии: Тезисы докладов конференции. СПб., 1993. С. 51–53.
- Щеглов 1994 — *Щеглов А.Н.* «Старый Херсонес» Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация // Проблемы истории и археологии Крыма. Сборник научных трудов. Симферополь, 1994. С. 8–42.

NEW DOCUMENT FOR THE STUDY OF CHORA OF CHERSONESUS TAURICA: STRULOV'S MAP OF 1786

ANGELINA A. ZEDGENIDZE

Abstract: This article studies one of the maps of the Heracleian Peninsula in the Crimea entitled "Plan of remains of the ancient Chersonesus with an indication of former straight streets designated with the red colour, composed in November 1786" and the signature "The plan is made and designed by the land surveyor podporuchik Ananiy Strulov". This signature evidences that the plan was made during fieldwork and the map was drawn as a result of this fieldwork. Later, in the 20th century, S. Strzheletskiy studied the system of ancient land division in the Heracleian Peninsula and checked the precision of reflection of this division in the map of 1786. This precision was also confirmed by aerial photos. Strzheletskiy's monograph was published in 1961, i. e. 185 years after the year when the maps showing the ancient land division were created. These maps have preserved their scientific significance up to the present day and represent a valuable source in the study of the territorial structure of the ancient polis of Chersonesus.

Keywords: cartography, maps of Heracleian Peninsula, Strulov's map, ancient Chersonesus, chora.

Ангелина Андреевна Зедгенидзе,
к.и.н., департамент иностранных языков
НИУ ВШЭ

ЕЩЕ РАЗ О СМЕНЕ ДНЯ И НОЧИ У ЧЕХОВА

В.В. ЗЕЛЬЧЕНКО

Резюме: Статья посвящена известной загадке «несвоевременных» восходов и закатов у Чехова. Их перечень, составленный в 1997 г. Г.В. Ивановым, включает «Три года» («Было еще темно, но кое-где в домах уже появились огни и <...> стала подниматься бледная луна»), «Вишневый сад» («— Который час? — Скоро два. Уже светло») и, в первую очередь, «Случай из практики», где ночные сторожа на подмосковной фабрике отбивают одиннадцать, а затем двенадцать часов, когда на дворе «уже брезжил рассвет», «восток становился все бледнее» и т. п. Интерпретаторы от А.Б. Дермана (1932) до В. Гольштейна (1997) или предполагают неправдоподобную «неточность Чехова», или же отыскивают абсурдистские, аллегорические и даже мистические объяснения, чуждые чеховской поэтике. Автор надеется показать, что перед нами три разных случая. В «Трех годах» надо вести речь о тривиальной описке, известной в текстологии под именем *polar error* («темно» вместо «светло»). Два часа ночи как начало *гражданских сумерек* (их не надо путать с восходом солнца) в конце мая на географической широте «Вишневого сада» подтверждаются другими источниками чеховской эпохи, в том числе календарями и газетами. Наконец, в «Случае из практики» мы имеем дело с разительно неверным отсчетом времени, который запущен безалаберным или пьяным сторожем (точная параллель отыскивается в дневниках Бунина) и вполне очевиден герою рассказа.

Ключевые слова: «Случай из практики», «Вишневый сад», восход солнца, время

Весной 1997 г. мне попала на глаза свежешедшая статья Г.В. Иванова — историка русской литературы второй половины XIX в., автора кропотливых комментариев к Щедрину и многолетнего преподавателя Ленинградского / Петербургского университета, читавшего лекции в том числе и нашему курсу. Как это часто бывало у Геннадия Владимировича, работа представляла собой набор не связанных друг с другом лапидарных *Lesefrüchte*¹; добравшись до предпоследней части этого квартета, я вскоре почувствовал, что волосы на моей голове, как писали в старых романах, зашевелились от ужаса.

В начале заметки, неприметно озаглавленной «Сюрпризы художественного восприятия: Смена дня и ночи в некоторых произведениях Чехова», Иванов

¹ Иванов 1997: 235–245. Эта статья оказалась последней публикацией Г.В. Иванова (1931–2002); curriculum vitae ученого, библиографию и подборку воспоминаний о нем см.: Сухих, Лутовинова 2004.

вспоминал о своем давнишнем наблюдении (кстати сказать, попавшем с тех пор в учебники по русской текстологии)². Первая фраза чеховской повести «Три года» (1895) в обеих прижизненных и всех последующих публикациях имеет вид «Было еще темно, но кое-где в домах уже засветились огни и в конце улицы из-за казармы стала подниматься бледная луна», хотя смысл и словоупотребление однозначно требуют читать «Было еще *светло...*». Казалось бы, перед нами простая авторская описка того рода, какой у антиковедов принято называть *polar errors*: поскольку антонимические пары существуют в нашем языковом сознании как своего рода целое, слова *перед* и *после*, *жарко* и *холодно*, *мало* и *много* и пр. вопреки всякой очевидности путаются друг с другом в речи и на письме³. Дальше, однако, выяснялось, что разительные нестыковки, связанные со сменой дня и ночи, встречаются у Чехова и в других местах. Так, герой рассказа «Случай из практики» (1898), молодой врач Королев, майским вечером приезжает по вызову на подмосковную фабрику, где проводит бессонную ночь. Когда фабричные сторожа бьют *одинадцать*, «уже брезжил рассвет и в сыром воздухе ясно обозначились все пять корпусов»; при *двенадцати* ударах «восток становился все бледнее <...>. Пять корпусов и трубы на фоне рассвета <...> имели особенный вид»; наконец, ближе к финалу рассказа «в комнатах было уже совсем светло, и в зале на стене и на полу дрожал слабый солнечный свет, проникавший сюда сквозь утренний туман. <...> Во дворе сторожа начали бить два часа». Между тем, согласно цитируемому в статье перекидному календарю на 1997 год, «первого мая (по старому стилю) солнце восходит в Москве в 5 часов 17 минут, тридцать первого мая — в 4 часа 12 минут»⁴. Наконец, Иванов обращал внимание и на начальные реплики «Вишневого сада» (1903), действие которого происходит много южнее Москвы: «*Лопухин*. Пришел поезд, слава богу. Который час? *Дуняша*. Скоро два. (Гасит свечу). Уже светло».

С рассчитанной интонацией опытного рассказчика страшных историй (хорошо памятной всем, кто когда-либо слышал его в аудитории) Иванов отказывался от объяснений, называя феномен чеховских рассветов «загадочно-странным, в принципе едва ли поддающимся сколько-нибудь приемлемому истолкованию» и иронически уповая на «безусловно имеющих у нас любителей разгадывать подобного рода загадки». Готов засвидетельствовать, что

² Иванов 1965: 145; Рейсер 1970: 170.

³ Об истории изучения и интерпретации полярных ошибок см.: Briggs 1983: 268–277. Комментаторы академического собрания сочинений Чехова отмечают, что нелогичный зачин повести вызывал недоумение уже у одного из анонимных рецензентов первой публикации, после чего пытаются защитить дошедший текст: «Не исключено, что в этой фразе Чехов хотел противопоставить темноту летнего вечера уже появляющимся редким источникам света — огням в окнах и бледной, только восходящей луне» (Чехов 1977: 451). Это рассуждение не учитывает антитезы *еще* — *уже*; кроме того, эпитет *бледная* очевидно мотивирован тем, что луна видна на фоне *светлого* неба.

⁴ Иванов 1997: 242.

как минимум один из таких любителей ощутил в этот момент нешуточную растерянность: обилие примеров не позволяло говорить о случайных описках автора и тем более опечатках наборщиков, а всё, что мы знаем о поэтике позднего Чехова, исключало гипотезу об абсурдистском гротеске либо романтико-символической фантастике.

Как я узнал с тех пор, Г.В. Иванов действительно был первым, кто сопоставил друг с другом три чеховских пассажа; по отдельности, однако, астрономические странности в «Вишневом саде» и особенно в «Случае из практики» отмечались задолго до него. Судя по откликам, учтенным в комментариях к академическому собранию Чехова, ни один из рецензентов-современников, включая самых придирчивых и недоброжелательных, подвоха не зафиксировал (этот вывод нам еще пригодится); но уже в 1932 г. критик А.Б. Дерман, много занимавшийся Чеховым, осудил преждевременный рассвет на фабрике в статье с характерным названием «Промахи мастеров»: «Каким образом мог ошибиться точнейший из писателей при передаче столь много раз наблюденного явления, — это загадка, которую мы не беремся разрешить»⁵. Пять лет спустя М.А. Осоргин посвятил казусу «Случая из практики» заметку из газетного цикла «Литературные размышления». Оригинальное решение, предложенное Осоргиным, основано на его опыте беллетриста. «Отрывистые и неприятные» удары сторожей (впрочем, Осоргин в силу случайной оплошности говорит о бое часов), долго раздающиеся в рассветном воздухе, становятся в рассказе Чехова выразительной гнетущей деталью: будь этих ударов всего лишь два-три, нужного впечатления достичь бы не удалось, поэтому Чехов интуитивно предпочел максимально допустимые числа — 11 и 12. «А так как невозможно было заставлять доктора Королева в мае месяце <...> проводить на “сыром воздухе” три-четыре часа, то природа сделала уступку хорошему русскому писателю, и светило несколько иначе обычного распорядилась своим временем. Сам Чехов этого, конечно, попросту не заметил; он только проверил последовательность часов — 11, 12, 2 — все оказалось в порядке. И позвольте сказать, что рассказ от этого очень выиграл: и ход событий, и общее настроение, и фон, и весь контраст этой серой и тяжелой ночи — с наступившим ясным утром...»⁶.

В 1990-е годы литературоведы дважды пробовали истолковать временную несообразность в «Случае из практики» как художественный прием. Так, для А.Д. Степанова эта деталь (за устное указание на которую он благодарит Г.В. Иванова, своего коллегу по кафедре) связана с мифологемой «ночного солнца», встречающейся в литературе «от Эсхила до Мандельштама»: фабрич-

⁵ Дерман 1932: 186. Одноименный доклад Дермана в Толстовском музее состоялся годом ранее.

⁶ Осоргин 1937; перепечатано: Осоргин 1993: 208–210. Между прочим, сюжет одного из самых известных рассказов Осоргина «Часы» (1929) строится вокруг каминных часов, всегда отбивающих на три часа меньше положенного времени — причем в кульминационной сцене героиня сперва напряженно ждет, а затем отсчитывает эти «неправильные» удары в ночной тишине.

ный мир создан дьяволом (в самом деле не раз упомянутым в рассказе), и время этого мира — алогичное и фольклорно-мифологическое; герои «прикоснулись к миру тайн подсознания и архаичных представлений, в которых — кто знает? — может быть, и есть момент истины»⁷. Напротив, для В. Гольштейна неправильный отсчет времени словно бы привносится на фабрику заезжим доктором: таким образом Чехов хотел намекнуть на анахроничность персонажа, на неуместность и несвоевременность его выводов о фабричной жизни, которую Королев рассматривает искаженным зрением чужака⁸.

Зачин «Вишневого сада», этой популярнейшей во всем мире чеховской вещи, тоже, как и следовало ожидать, привлекал удивленное внимание толкователей. Краткий обзор решений (удовлетворительными их считать трудно) дает Джером Г. Катцель: «Этой очевидной нелепости предложено множество объяснений. Одни ссылаются на ослепительную белизну вишневого сада в цвету, струящуюся в окна усадьбы, другие переносят действие пьесы дальше на север, под Петербург, и тогда своим таинственным светом заливают имение белые ночи». Тот же автор замечает, что в двух английских переводах пьесы, выполненных в 1960-е гг., загадочное «Скоро два» подправлено на «Скоро четыре». Сам Катцель, ссылаясь на Гольштейна, склоняется к литературоведчески-риторическому объяснению: загадочный обмен репликами между Лопахиным и Дуняшей дает понять, что «с самого начала “Вишневого сада” время и пространство, свет и тьма, жизнь и смерть перемешаны, переплетены прихотливой вязью отношений взаимозависимости»⁹.

Совершенно иначе подошел к делу А.В. Матюшкин, в 2007 г. объявивший проблему решенной: в том, что хронология «Случая из практики» и «Вишневого сада» кажется нам неправдоподобной, всецело виноваты превратности отсчета времени в России XX в. Согласно его разъяснениям, введение поясного времени в 1919 г. будто бы перевело стрелки московских часов на два часа вперед (на самом деле — на полчаса назад!); еще час прибавился из-за декретного времени и еще один — из-за летнего. «И если в наше время солнце в Московской области восходит в день весеннего равноденствия без четверти пять, то сто лет назад стрелки часов должны были показывать в этот же момент без четверти час (а в начале мая по старому стилю — час с четвертью). Выяснение исторического контекста ставит все на свои места»¹⁰. Между тем если Г.В. Ива-

⁷ Степанов 1993: 107–114. А.Д. Степанов подчеркивает, что «дать какое-нибудь “естественнонаучное” объяснение этому парадоксу не представляется возможным», а также вполне справедливо отводит версию о бессознательном переносе действия «в другой географический пояс», например, в Петербургскую губернию с ее белыми ночами: «восход солнца между 12 и 2 часами ночи нигде не возможен» (110). Впрочем, исследователь соглашается и на компромисс: «скорее всего, это описка Чехова», однако описка «не случайная»: «Какое-то представление владело автором» (110).

⁸ Golstein 1997: 76–77.

⁹ Катцель 2004 (там же см. соответствующие отсылки).

¹⁰ Матюшкин 2007: 83–84.

нов в самом деле допустил промах, обратившись к современному календарю, то данные А.В. Матюшкина еще более фантастичны. По счастью, у меня нет нужды проследивать историю изменения времени в России / СССР (за десять с небольшим лет, прошедших после выхода книги петрозаводского филолога, эта история стала еще богаче и запутанней), поскольку точный момент восхода солнца в чеховской Москве в любой день года без труда устанавливается по тогдашним газетам. Согласно «Русским ведомостям», 1 мая 1897 г. солнце взошло в 3 ч. 52 мин., а 31 мая — в 3 ч. 15 мин.; именно из этих цифр следует исходить интерпретаторам.

Осенью 2014 г. Санкт-Петербургская классическая гимназия № 610, где я преподаю древние языки, справляла четвертьвековой юбилей. Составляя план торжеств, мы решили, помимо традиционной научной конференции выпускников, футбольного матча «альфа против беты» и всего прочего, устроить нечто вроде мозгового штурма с участием нынешних и бывших гимназистов, посвятив его какой-либо пусть частной, но действительно нерешенной научной проблеме. Загадка чеховских рассветов показалась мне достойным кандидатом; на гимназическом сайте и в школьных коридорах появились объявления с условием задачи, и 4 декабря 2014 г. при большом стечении публики — от младшекласников до учителей — дискуссия состоялась. Поскольку Александр Васильевич Подосинов связан с нашей гимназией многолетней дружбой и отлично знаком с большинством упоминаемых ниже детей и взрослых, я решился рассказать о результатах наших тогдашних изысканий в этом сборнике; кроме того, речь пойдет о движении солнца по небу — а это, как известно всякому, предмет пристальных научных занятий сегодняшнего юбиляра.

Готовя заседание, я попросил тогдашних десятиклассников Дашу Зуеву и Ваню Шкурко (теперь оба они заканчивают бакалавриат филфака СПбГУ — Даша по классике, Ваня по общему языкознанию) проверить с помощью Национального корпуса русского языка, как обстоит дело с хронологией рассветов у других писателей чеховской эпохи. Кроме того, выпускник 2012 г., в то время студент-геолог Даниил Игнатов (сейчас он вернулся в гимназию как учитель) должен был доложить собранию астрономическую сторону вопроса. С двух этих выступлений и начался brainstorm.

Как показали Даша и Ваня, версия «Вишневого сада» (где, как мы помним, светает в два часа ночи) не является уникальной. К примеру, так же обстоит дело сразу в двух рассказах Мамина-Сибиряка, действие которых происходит в Пермской губернии — «В горах» («Хорошо, что летом светает рано. В два часа в дымовой отверстии показалась первая полоска занимавшегося света») и «Золотуха» («...С самого солнновсхода, значит с двух часов по-вашему...»). С другой стороны, в чеховском рассказе «В родном углу» (время его действия — лето, а место — «донецкая дорога, невеселая станция, одиноко

белеющая в степи», что приблизительно соответствует широте «Вишневого сада») обнаружилась фраза «В три часа восходило солнце».

Даниил Игнатов¹¹ посвятил собравшихся в перипетии перехода на декретное и летнее время, а также объяснил, что до введения привычных нам часовых поясов местное время и в России, и за границей устанавливалось вполне бессистемно¹². Далее он подчеркнул, что светлое время суток неверно отсчитывать от указанного в календаре восхода: солнечные лучи освещают небо, когда край диска еще не показался над горизонтом. Промежуток перед восходом (и после заката), когда угол Солнца над горизонтом не превышает шести градусов, называется *гражданскими сумерками*. К началу утренних гражданских сумерек на открытой местности хорошо различимы очертания всех предметов; собственно, сам этот термин имеет юридическую силу и применяется, когда нужно точно определить, было ли в тот или иной момент «светло» или «темно» (к примеру, устанавливается вина сторон в автомобильной аварии). Специальный сайт voshod-solnca.ru позволяет рассчитать продолжительность гражданских сумерек для любого региона и календарной даты; в интересующее нас время¹³ в Москве они длятся час, а в Харькове (условно примем окрестности этого города за место действия «Вишневого сада») — сорок пять минут.

После двух этих выступлений стало очевидно, что проблема аномальной смены дня и ночи у Чехова сужается до единственного пункта. В «Трех годах» мы, как уже было сказано, имеем дело с рядовой *polar error*, между тем как время «Вишневого сада» — где солнце восходит примерно в три (ср. рассказ «В родном углу»), а гражданские сумерки начинаются в два — вполне соответствует астрономической реальности. Собранные Г.В. Ивановым примеры оказались разнородными, и обсуждать следует только один из них — «Случай из практики», где в Подмосковье светает в *одиннадцать часов*.

В бурной дискуссии, начавшейся после этого, прозвучали множество гипотез: кто-то даже предположил, что Чехов в «Случае...» нарушил естественную хронологию на пари, будучи уверен, что этого никто не заметит. Выпускница 2001 г. филолог-классик Мария Казанская, которая была в это время за границей, прислала по электронной почте изящную версию, подкрепленную параллелями из английской литературы XVIII в.; другое решение, схожее с осоргинским, предложила учительница словесности Елена Николаевна Грачева.

¹¹ Я пересказываю его доклад пять лет спустя по памяти и своими словами, так что за все возможные неточности и ошибки отвечаю единолично.

¹² Автор недавней замечательной работы о русских туристах «серебряного века» в Венеции ссылается на «Таблицу разности между С.-Петербургом и местным временем» на 1907 г., взятую из железнодорожного расписания: «Полдень в Санкт-Петербурге соответствовал 12.30 в Москве, 12.32 на станции Узловая, 12.45 в Моршанске»; «полдень в Италии <...> означал 11.05 в Париже, 10.20 в Мадриде и Лиссабоне, 13.13 в Константинополе и Санкт-Петербурге и 18.02 в Иркутске» (Соболев 2019: 43).

¹³ 31 мая по старому стилю, что соответствует 12-му июня по новому стилю для «Случая из практики», написанного еще в XIX веке, и 13-му июня — для «Вишневого сада».

Приводить здесь эти толкования было бы неправильно — они заслуживают того, чтобы авторы опубликовали их под своими именами; поэтому я ограничусь тем, что перескажу собственное выступление.

Объявляя «мозговой штурм», я не держал за пазухой никакого готового ответа; однако обстоятельства сложились так, что по сравнению с другими участниками я получил фору, узнав о выводах двух лексикологов и астронома за пару дней до заседания. Это подтолкнуло меня внимательно перечитать «Случай из практики», после чего объяснение пришло само собой.

Закончив осмотр больной, Королев произносит: «До десятичасового поезда осталось полчаса, надеюсь, я не опоздаю». Таким образом, Чехов дает нам точку отсчета — половина десятого. После этого доктора уговаривают остаться до утра; он долго томится в гостиной, рассматривая картины на стенах и перелистывая ноты, пока не позовут к ужину. «Стол был большой, со множеством закусок и вин», «подавали стерлядь, куриные котлеты и компот»: иначе говоря, блюда приносят и уносят, к тому же Королев ведет за столом разговоры с гувернанткой. Дальше он приходит в комнату, не может заснуть, отправляется пройтись, успевает надумать целую страницу чеховского текста — и только тут слышит одиннадцать ударов. Все перечисленное должно было занять существенно больше времени, чем полтора часа: на улице Королев закономерно застаёт занимающийся рассвет (не восход, а самое начало гражданских сумерек) — это приблизительно два часа ночи, что бы там ни били сторожа.

Здесь надо сказать, что с первого абзаца рассказа Чехов подчеркивает затрапезность фабричной жизни, пробивающуюся сквозь внешнее благополучие. Да, на фабрике больше тысячи рабочих, телефонная линия, чайная, любительские спектакли, свой врач; но при этом «на всем какой-то серый налет, точно от пыли», «в лицах, картузах, походке <Королев> угадывал физическую нечистоту, пьянство, нервность, растерянность». Портреты в гостиной безвкусны, убоги — «культура бедная, роскошь случайная, неосмысленная; <...> вспоминается почему-то рассказ про купца, ходившего в баню с медалью на шее». Хозяйка фабрики «в черном шелковом платье с модными рукавами, но, судя по лицу, простая, малограмотная». Поздний ужин патриархально обилен, однако за стол с доктором сажают одну лишь гувернантку (как «самую образованную женщину в доме»), которая к тому же «утирает рот кулачком». Этот контраст выдерживается на всем протяжении текста, вплоть до прямого вывода: «Совсем вышло из памяти, что тут внутри паровые машины, электричество, телефоны, но как-то все думалось о свайных постройках, о каменном веке...». Это фабрика не «Штольц и компания», а «Собакевич и компания»: не технократическая антиутопия, не царство машин, а все тот же старозаветный быт, который кое-как впитал новую индустриальную реальность, но в основах своих не переменялся, разве только стал еще уродливей.

Доктор узнает время по ударам ночных сторожей. Сторож каждый час возвращается к месту, где подвешена железная доска, и бьет в нее, свидетельствуя,

что он не заснул, не связан грабителями и не погиб на пожаре. Никаких часов при себе у него, разумеется, нет: по пути он заглядывает в некую условную сторожку, где на стене висят ходики, которые могут быть сколь угодно неточными. Задумаемся, что значит запустить остановившиеся или переставить неправильно идущие часы в сельской местности конца XIX в., без телефона и радио, без уличных и башенных часов. Другие сторожа лишь ориентируются на первого и повторяют его удары: будь иначе, звуки металлических досок раздавались бы одновременно, а не последовательно, как описывает это Чехов. В историческом романе графа Е.А. Салиаса «Аракчеевский подкидыш» (1889) крепостной персонаж рассказывает: «Петрушка Косой пропускать разы, стучал в доску как попадет, то через час, а то отдрыхнет да зазвонит через два часа в третий». Речь у Салиаса идет о начале XIX в., но Национальный корпус русского языка фиксирует и другой любопытный отрывок — из дневников Бунина от 28 мая 1911 г. (в это время писатель жил в селе Васильевское-Глотова под Ельцом): «В церковной караулке часы часто останавливаются: мухи набиваются. Сторож бьет по ночам иногда черт знает что, — например, *одинадцать вместо двух*». Речь, таким образом, идет о типичной детали провинциальной жизни.

Теперь перечитаем абзац, в котором доктор впервые ясно слышит пугающие удары и не сразу понимает, что происходит: «Одинадцать раз. Очевидно, это сторожа били одинадцать часов. <...> И так около всех корпусов и потом за бараками и за воротами. И похоже было, как будто среди ночной тишины издавало эти звуки само чудовище с багровыми глазами, сам дьявол, который владел тут и хозяевами и рабочими *и обманывал и тех и других*». Слова об «обмане дьявола» принято понимать в обобщенном смысле, между тем как они, как кажется, предельно конкретны. Число ударов несообразно времени суток, и доктор, глядя на занимающийся рассвет, отлично это понимает — недаром ему представляется, что сам враг рода человеческого в лице тупого сонного сторожа морочит население фабрики. Так же вводятся и другие удары: «Двенадцать раз. <...> Чтобы пробить двенадцать часов, понадобилось минуты четыре»; «В это время на дворе сторожа начали бить два часа». Чехов ни разу не характеризует это время как объективное: вместо «очевидно, было одинадцать часов» он последовательно говорит «очевидно, это сторожа били одинадцать часов» *vel sim*. Каждая серия ударов сопровождается детальным описанием начинающегося дня: так автор заботится о том, чтобы мы вместе с доктором заметили абсурдное несоответствие. Более того: впервые отчетливо услышав в ночной тишине отвратительные лязгающие звуки одинадцати ударов, Королев потом уже не пропускает их, они болезненно раздражают его слух — поэтому если далее он слышит двенадцать, а потом через какое-то время сразу два, это, скорее всего, означает, что сторож так и бил. Сколько времени проходило между этими ударами, тоже сказать нельзя — не исключено, что гораздо меньше или, наоборот, гораздо больше часа.

Лязгающие удары в доску («дрын-дрын-дрын», «жак-жак-жак», «дер-дер-дер»)¹⁴ — один из лейтмотивов «Случая из практики»; они появляются в записных книжках Чехова уже в первом кратком конспекте будущего рассказа. Это осмысленная художественная деталь, работающая на целое. У читателя рассказа две системы отсчета времени — естественная (внимательно описанные стадии рассвета) и выморочная, запущенная безалаберным или пьяным сторожем¹⁵.

ЛИТЕРАТУРА

- Дерман 1932 — *Дерман А.Б.* Промахи мастеров // Красная новь. 1932. № 12. С. 179–189.
- Иванов 1965 — *Иванов Г.В.* Заметки филолога // Вестник ЛГУ. 1965. № 20. Сер. истории, яз. и лит. Вып. 4. С. 145–149.
- Иванов 1997 — *Иванов Г.В.* Четыре заметки (Щедрин — Чехов — Ленин) // *Ars philologiae*: Проф. А.Б. Муратову ко дню шестидесятилетия. СПб., 1997. С. 235–245.
- Катцель 2004 — *Катцель Дж.Г.* «Вишневый сад» — размышление о смерти // *Toronto Slavic Quarterly*. 2004. Vol. 10 (<http://sites.utoronto.ca/tsq/10/katsell10.shtml>; дата обращения 05.01.2020).
- Матюшкин 2007 — *Матюшкин А.В.* Проблемы интерпретации литературного художественного текста: Учебное пособие. Петрозаводск, 2007.
- Осоргин 1937 — *Осоргин М.А.* Литературные размышления. 4. Случай из чеховской практики // *Последние новости* (Париж). 1937. № 6051. 19 окт.
- Осоргин 1993 — *Осоргин М.А.* Литературные размышления / Публ. и предисл. О. Ласунского // *Альманах библиофила*. Вып. 28. М., 1993. С. 202–297.
- Рейсер 1970 — *Рейсер С.А.* Палеография и текстология Нового времени. М., 1970.
- Соболев 2019 — *Соболев А.Л.* Венеция: Исторический путеводитель // *Соболев А.Л., Тименчик Р.Д.* Венеция в русской поэзии. 1888–1972: Опыт антологии. М., 2019. С. 25–184.
- Степанов 1993 — *Степанов А.Д.* «Случай из практики» (1898) — «рассказ откровения» или «рассказ прозрения»? // *Чеховские чтения в Ялте. Чехов в меняющемся мире*: Сб. науч. тр. М., 1993. С. 107–114.

¹⁴ Ср. впечатляющий каталог чеховских звукоподражательных междометий: Стрелков 1956: 240–299. Между прочим, в рассказе «Невеста» героиня также слышит стук колотушки ночного сторожа, только на этот раз он звучит идилически («тик-ток») и, судя по всему, времени не отбивает.

¹⁵ В монографии Л.М. Цилевича находим тонкие наблюдения над «раздваивающимся сюжетным временем» рассказа — живым и искусственным, «рубленным», которое задают удары ночных сторожей (Цилевич 1976: 143). Ключевого элемента этого несоответствия исследователь, однако, не замечает.

Стрелков 1956 — *Стрелков П.Г.* Звукоподражательные междометия в языке А.П. Чехова // *Творчество А.П. Чехова: Сб. ст. Пособие для учителя.* М., 1956. С. 240–299.

Сухих 2004 — *Сухих И.Н., Лутовинова И.С.* (сост.). Доцент Геннадий Владимирович Иванов. СПб., 2004.

Цилевич 1976 — *Цилевич Л.М.* Сюжет чеховского рассказа. Рига, 1976.

Чехов 1977 — *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: Т. 9 / Текст подгот. и примеч. сост. А. Л. Гришунин, Т. И. Орнатская, Э.А. Полоцкая. М., 1977.

Briggs 1983 — *Briggs W.W., Jr.* Housman and Polar Errors // *American Journal of Philology.* 1983. Vol. 104. P. 268–277.

Golstein 1997 — *Golstein V.* «Случай из практики» — лечение или душевное мошенничество? // *Anton P. Čehov — philosophische und religiöse Dimensionen im Leben und Werk.* München, 1997. S. 75–81.

CHEKHOV'S DAWNS AND NIGHTFALLS ONCE AGAIN

VSEVOLOD V. ZELTCHENKO

Abstract: The paper deals with the well-known conundrum of 'untimely' dawns and nightfalls in Chekhov's works. Their complete list, drawn in 1997 by G. Ivanov, includes *Three Years* ("It was *yet dark*, but already lights had begun to gleam <...>, and a pale moon was rising"), *The Cherry Orchard* (" – What's the time? — *It will soon be two. It is light already*") and, last not least, *A Doctor's Visit* (*Sluchai iz praktiki*), where the watchmen at a factory near Moscow strike *eleven*, then *twelve* when the night is apparently over ("there was already the glimmer of dawn", "the east was growing paler" etc.). The commentators, from A. Derman (1932) to V. Golstein (1997), either presumed an improbable 'author's carelessness', or proposed allegorical, absurdist, and even mystical explanations incompatible with Chekhov's poetics. The author hopes to demonstrate that the three cases mentioned above are all different. In the beginning of *Three Years* we have a trivial slip of pen known to textual critics as a 'polar error' (*dark* instead of *light*). The 'civic dawn' (which should not be confused with the sunrise) at two o'clock in the end of May at the latitude of *The Cherry Orchard* is confirmed by other Russian texts of Chekhov's time, including calendars and newspapers. Finally, in *A Doctor's Visit* we must assume an evidently erroneous track of time by negligent or drunk watchmen (an exact parallel can be found in Bunin's diaries), which the protagonist is perfectly aware of.

Keywords: *A Doctor's Visit* (*Sluchai iz praktiki*), *The Cherry Orchard*, sunrise, track of time.

Всеволод Владимирович Зельченко,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры классической филологии СПбГУ,
преподаватель древних языков
Санкт-Петербургской классической гимназии № 610

КАТАЛОГИ В «ПЕРИЭГЕЗЕ» ДИОНИСИЯ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Е.В. ИЛЮШЕЧКИНА

Резюме: В статье анализируются каталоги в поэме Дионисия Периегета (II в.), которые содержат достоверные сведения географической традиции о народах, странах и городах, морях, реках, горах и пр. Анализ показывает, что каталоги Дионисия можно отнести к двум типами распространенных в античной литературе каталогов — к так называемому «гомеровскому» и к «гесиодовскому». В статье также речь идет о том, каким образом Дионисий использовал источники, которые по большей мере остались безымянными, и насколько изящно географические источники были переработаны Периегетом в поэме.

Ключевые слова: античные каталоги, Гомер, Гесиод, Дионисий Александрийский, дидактическая поэзия, античная географическая традиция.

Дионисий Александрийский (II в.), более известный как Дионисий Периегет, использует в своей стихотворной периегезе поэтические приемы, характерные для греческой литературы эпохи ранней Римской империи. Речь идет, прежде всего, об архаизирующем стиле поэтических произведений времени правления императора Адриана¹. Уже выбор дактилического гекзаметра в качестве стихотворного размера указывает на тесную связь поэмы Дионисия с эпической традицией, от поэм Гомера до «Явлений» Арата из Сол и «Аргонавтики» Аполлония Родосского. Поэт сознательно использует укорененные в раннегреческой эпической традиции компоненты, чтобы продемонстрировать читателю свое знакомство с ними и придать собственной поэме особенную окраску, одновременно демонстрируя интертекстуальные аспекты.

Среди элементов эпической традиции, использованных Дионисием, исследователи выделяют архаическую лексику и технику стиха, открывающих ряд переключек², а помимо того — мифологические мотивы, связанные со

¹ Реминисценции и аллюзии на гомеровские поэмы встречаются у большинства грекоязычных авторов не только поэтических, но и прозаических произведений этого периода, подробнее см.: Kindstrand 1973; ср. также: van Groningen 1965: 41–56; Bowie 1970: 3–41; Anderson 1993: 69–71; Swain 1996: 65–66; Effe 1977: 188, прим. 2; Effe 2005: 36–37.

² Так, в своей работе М. Шнайдер приводит многочисленные примеры фразеологизмов и присущей словоупотреблению Гомера и Дионисия лексики (Schneider 1882). Дополнив собранные Шнайдером примеры перечнем используемых Дионисием гомеровских эпитетов, Бернайс (Bernays 1905: 28) отмечает, что, отсылая читателя к гомеровскому тексту, Периегет весьма вольно обходится с гомеризмами, которые проецирует на выбранные им географические объекты. Кро-

странствиями гомеровского Одиссея и походом аргонавтов³. Следует лишний раз подчеркнуть, что в стихотворной перизегезе Дионисия отсутствует эпическое повествование, оно заменено описаниями ландшафта и географической топикой⁴.

При перечислении географических и этнографических названий Дионисий использует форму каталога, что придает его поэме специфический облик, отличающий «малое» эпическое произведение в гекзаметрах наподобие «Каталога женщин» Гесиода⁵. Подобную форму поэтического «каталога» встречаем и в других античных эпических текстах географического содержания, начиная с гомеровского «Каталога кораблей» (*Hom. Il. II* 494–759) с описанием сбора ахейцев для похода на Троию и «Каталога троянцев и их союзников» (*Hom. Il. II* 816–877) вплоть до эллинистических поэм Арата из Сол, Никандра Колофонского и Аполлония Родосского⁶. В дидактических поэмах эллинистического периода «каталоги» весьма распространены и становятся неотъемлемой составляющей эпического произведения⁷. Преследуя дидактические цели, «каталоги» служили косвенным доказательством того, что поэт обладает знанием реалий окружающего мира — чем больше «каталогов» в произведении, тем большего доверия у слушателя или читателя заслуживала конкретная информация в передаче автора⁸.

ме того, Бернайс приводит реминисценции Дионисия на стихи Гесиода (Theog. 338 sq.), указав на сходство каталогов рек у обоих поэтов (Bernays 1905: 31). Хорошо известно, что эллинистические поэты, ориентируясь на тексты Гомера и Гесиода и воспринимая их в качестве образцовых, эффектно обыгрывали и варьировали словоупотребление раннегреческого эпоса. По всей видимости, и отношение Дионисия к эпическому наследию Гомера и Гесиода определялось во многом отношением эллинистических поэтов (Fantuzzi, Hunter 2005: 267–268; Counillon 2016).

³ Среди отсылок к гомеровской «Одиссее» Дионисий упоминает лотофагов (ст. 205–207, ср. *Hom. Od. IX* 82 сл.), скалы Сирен (ст. 360, ср. *Hom. Od. XII* 167 сл.), Керкиру, остров царя Алкиноя (ст. 494, ср. *Hom. Od. VI* 12 сл.), Эоловы острова (ст. 461–466, ср. *Hom. Od. X* 1–75). В перечне мифологических коннотаций из «Аргонавтики» Аполлония Родосского, используемых Дионисием в «Перизегезе», назовем, к примеру, Кианейские скалы (ст. 144), острова Апсирта (ст. 488–490), Гиласа, оруженосца и спутника Геракла в походе аргонавтов (ст. 806–808), Медею, дочь царя Ээта (ст. 1020–1028; ср. пространный пассаж о Мееде: ст. 1021–1029). Подробнее см. Jacob 1990: 44–51.

⁴ См. Ilyushechkhina 2010: 96.

⁵ West 1985: 124–136; Hunter 2005: 259–265.

⁶ См. ранние «каталоги аргонавтов», известные задолго до поэмы Аполлония Родосского: *Pind. Pi. IV* 171–183; *Pherekydes* FGrH 3 F 106–111 Jacoby; *Apollodor I* 111–113; *Dion. Skytobrachion* F 14 Rusten = *Diod. IV* 41. Подробнее о термине *κατάλογος* и его функциях в качестве литературной формы в гомеровском эпосе, аттических трагедиях и «каталогизированных» элегиях см.: Trüb 1952; Kühlmann 1973: 23–28; Visser 1997; Reitz 1999: 334–336.

⁷ Krischer 1971: 131–146 («Der katalogische Stil»); Fakas 2001: 77–84.

⁸ Например, в безымянной «Орфической аргонавтике» и в 13-й книге «Поэмы о Дионисе» Нонна Панополитанского, ср. Gassner 1972; Mineur 1984: 106–107: в частности, о географическом каталоге в гомеровском «Гимне Аполлону» (30–44), который послужил образцом для «Гимна к Делосу» Каллимаха; см. особенно: Lightfoot 2008; Counillon 2016: 263–266.

Что касается поэмы Дионисия, то в ней можно обнаружить пятнадцать стихотворных «каталогов» разного объема⁹:

1.	ст. 29–39	Части Океана	8 названий / 10 стихов
2.	ст. 45–56	Заливы Океана	4 (+1) ¹⁰ названий / 11 стихов
3.	ст. 69–168	Прибрежные моря Средиземноморья	18 названий / 99 стихов
4.	ст. 184–221	Племена Ливии	14 наименований племен (+3 названия городов и 4 гидронима) / 37 стихов
5.	ст. 304–310	Племена, обитающие к северу от Истра	14 наименований / 7 стихов
6.	ст. 321–326	Племена, обитающие к югу от Истра	5 наименований племен / 6 стихов
7.	ст. 347–382	Народы и племена Италии	13 наименований народов и племен (+7 названий городов и 4 названия рек) / 35 стихов
8.	ст. 450–554	Острова Средиземного моря	47 (+1) ¹¹ названий / 104 стиха
9.	ст. 555–611	Острова Океана	9 (+1) ¹² названий / 56 стихов
10.	ст. 680–689	Племена, обитающие вокруг Меотиды и на северо-восточном побережье Понта	10 наименований племен / 9 стихов
11.	ст. 728–756	Племена, обитающие вокруг Каспийского моря и к востоку от него	16 наименований племен(+4 названия рек и 2 оронима) / 28 стихов
12.	ст. 765–796	Племена, обитающие вдоль южного побережья Понта	10 (+1) ¹³ наименований племен (+4 названий рек и 2 оронима) / 31 стих
13.	ст. 910–920	Города Финикии / Сирии	15 названий / 10 стихов
14.	ст. 954–959	Племена Счастливой Аравии	6 наименований / 6 стихов
15.	ст. 1135–1147	Народы, племена и реки Индии	6 наименований племен и 7 названий рек / 13 стихов

Как видим, в основе каталогов стихотворной периегезы лежит этногеографическая тематика, и в зависимости от числа упоминаемых народов, племен,

⁹ Число «каталогов» варьируется в зависимости от критериев отбора; в свою очередь, я учитываю, прежде всего, этногеографический характер информационного списка и предваряющие предметную тему декларации самого Дионисия.

городов, гор, морей или рек можно говорить: а) о «малых каталогах» (например, ст. 45–56: «Заливы Океана» с 4 названиями; ст. 321–326 «Племена, обитающие к югу от Истра» с 5 наименованиями; ст. 29–39: «Части Океана» с 8 названиями); б) о «средней величины каталогах» (например, ст. 910–920: «Города Финикии» с 14 названиями; ст. 69–168: «Прибрежные моря Средиземноморья» с 16 названиями); в) о «длинных списках» (например, ст. 450–554: «Острова Средиземного моря» с 48 названиями).

При этом, каталоги в поэме Дионисия отличаются «по степени интенсивности описания» и объему передаваемой информации: так, например, список с 10-ю названиями островов в Океане занимает 56 стихов (ст. 555–611), в то время как 14 наименований племен, обитавших к северу от Истра, перечислены в семи стихах (ст. 304–310). В первом случае можно говорить о традиции «гомеровских» каталогов, которые выделяются большим объемом текста с пространными пояснениями или описаниями¹⁴; «малые» каталоги, которые в ограниченном количестве стихов содержат многочисленные имена и названия, можно отнести к т. н. типу «гесиодовских» каталогов, которые благодаря тщательно продуманной структуре стиха служат веским основанием считать оригинальный текст записанным с самого начала (без первоначальной устной передачи)¹⁵. Что касается стихотворной структуры каталогов Дионисия, то они содержат, по большей части, обозначения отдельных локусов, этносов и природных объектов, семантически оправданные словосочетания с эпитетами и глаголами движения с предложным управлением или союзы, вводящие придаточные.

Лишь три каталога Дионисия начинаются с традиционного обращения к Музе: это первое большое перечисление «прибрежных морей Средиземноморья» (ст. 69–168), каталог «островов Средиземного моря» (ст. 450–554) и каталог «племен, обитавших вокруг Меотиды и вдоль северо-восточного побережья Понта» (ст. 652–689). Во всех трех случаях каталоги вводят новые темы (Средиземное море; известные острова; описание Азии), которые по своему содержанию контрастируют с предыдущими отрывками. Во всех трех обращениях к Музе автор просит поведать о предстоящем отрезке пути (ст. 62–63, 447–449, 650–651); тем самым, следуя эпической традиции обращения поэта к

¹⁴ Остальные примеры гомеровских каталогов из перизегезы Дионисия: ст. 29–39: «Части Океана» — 8 названий в 10 стихах; ст. 45–56: «Заливы Океана» — 5 названий в 11-ти стихах; ст. 321–326: «Племена к югу от Истра» — 5 наименований в 6-ти стихах; ст. 450–554: «Острова Средиземного моря» — 48 названий в 104-х стихах; ст. 728–756: «Племена, обитавшие вокруг Каспийского моря и к востоку от него» — 16 названий племен в 28-ми стихах; ст. 765–796: «Племена, обитающие вдоль южного побережья Понта» — 11 названий племен в 31-ом стихе.

¹⁵ Ср. некоторые примеры «гесиодовских каталогов» в поэме Дионисия: ст. 680–689: «Племена, обитавшие вокруг Меотиды и вдоль северо-восточного побережья Понта» — 10 названий в 9-ти стихах; ст. 910–920: «Города Финикии / Сирии» — 14 названий в 10-ти стихах. См. Visser 1997: 1–2, где перечисляются перечни каталогов из «Теогонии» Гесиода, который мастерски в одном из каталогов в 96-ти стихах поместил 231 наименование, что в среднем составляет 2,5 имени на стих.

Музе, Дионисий одновременно обыгрывает ее: традиция при этом не только продолжается, но и обновляется.

На примере двух больших перечислений можно выявить некоторые отличительные черты структуры текста, которые присущи и остальным каталогам периэгезы. Используя при построении каталогов общепринятые обозначения «перечисляемого материала», Дионисий не забывает и про годологические маркеры, что во многом помогает читателю/слушателю ориентироваться в географическом материале. Так, в каталоге «прибрежных морей Средиземноморья» (ст. 69–168, 18 названий / 99 стихов), приводя списки объектов, автор пользуется порядковыми числительными (первый, второй, третий и т. д.), которые затем дополняются предложными конструкциями или указаниями на ориентацию по сторонам света¹⁶; в каталоге «островов Средиземного моря» предложные конструкции также выполняют географическую функцию, однако прием последовательного перечисления объектов используется лишь в ст. 525:

Прибрежные моря Средиземноморья (ст. 69–168)	Острова Средиземного моря (ст. 450–554)
ст. 69 πόντος μὲν πρῶτιστος	ст. 450 ἦτοι μὲν κατὰ μέσσον ὕφ'
ст. 74 τὸν δὲ μετ'	ст. 457 νῆσοι δ' ἐξείης (...) ἄγχι δὲ
ст. 76 ἐξείης δ' ἐπὶ τοῖσι	ст. 459 ἦν ῥά τε
ст. 81 ἐξείης δ' ἐπὶ	ст. 461 τὴν δὲ μετ'
ст. 82 τῆ δ' ἐπὶ	ст. 467 δ' ἐπὶ τῆσιν ὑπὲρ
ст. 83 τὸν δὲ μετ'	ст. 477 πρὸς δὲ νότον
ст. 84 πρὸς νότον· αὐτὰρ ἔπειτα πρὸς αὐγὰς ἡλίου	ст. 487 ἐξείης δὲ πόροιο πρὸς αὐγὰς ἡλίου
ст. 85 αὐτὰρ ἔνερθεν	ст. 491 ἐξείης δ' ἐπὶ τῆσι
ст. 86 καὶ μέχρι	ст. 492 πρὸς δὲ νότον μετὰ
ст. 91 ναὶ μὴν καὶ	ст. 495 τῆ δ' ἐπὶ
ст. 92 κείθεν δ'	ст. 500 αὐθ' ἐτέρωθε. ποτὶ ζόφον, ἐγγύθι δ' αὐτῆς
ст. 93 πρὸς βορέην, αὐτίς δὲ πρὸς ἐσπέριον	ст. 504 ἄντα δὲ
ст. 96 δεξιτερὴν κατὰ χεῖρα	ст. 506 τὴν δὲ μετ' ἀντολίηνδε
ст. 98 σκαιῆ δ'	ст. 508 δ' εἰς αὐγὰς

¹⁶ Это повторяется затем при описании Ливии (πρῶτιστα — ст. 176, τοῖς ἔπι — ст. 186), в каталоге прикаспийских племен (πρῶτοι μὲν — ст. 728, δ' ἐξείης ἐπὶ δ' αὐτοῖς — ст. 730), в каталоге южнопонтийских племен (πρῶτα — ст. 765, τοῖς δ' ἐπὶ — ст. 768).

Прибрежные моря Средиземноморья (ст. 69–168)	Острова Средиземного моря (ст. 450–554)
ст. 103 αὐτὰρ ὑπὲρ	ст. 510 ἄγχι δὲ
ст. 104 νοτίην περι	ст. 511 πρόσθε δὲ (...) ἐφύπερθεν
ст. 108 ὡς οἱ μὲν	ст. 514 Ἐντὸς
ст. 109 ἐκ δ'	ст. 515 ἐπὶ
ст. 110 ἐπ' ἀντολίην (...) ἄγχι	ст. 516 ἐναντίον
ст. 112 Δοιαὶ δ' ἐξείης	ст. 517 αἱ μὲν λαίης ὑπὸ (...) χειρὸς
ст. 119 βορέην ἔπι	ст. 518 ἐπὶ δεξιᾶ
ст. 120 ἄγχι γὰρ ἤδη	ст. 519 ἐπ' ἀρκτώοιο (...) βορέαο
ст. 122 ἐπὶ ζέφυρον	ст. 520 Ἦτοι δ' Εὐρώπης μὲν
ст. 127 Τοῦ μὲν ἐπὶ	ст. 522 Ἐνθεν
ст. 130 ἐκ κείνου (...) αὐτίς ἐπ' ἄρκτοις	ст. 525 Αἱ δ' Ἀσίης πρῶτην αἶσαν
ст. 134 ἕτερος πόρος	ст. 530 Νῆσοι δ' ἐξείης
ст. 137 βορέηνδε	ст. 533 ταῖς δ' ἐπὶ (...) ἔνθα δὲ
ст. 138 τῆς δ' ὑπὲρ	ст. 536 κείθεν δ'
ст. 139 πρὸς νότον	ст. 538 κείθι
ст. 140 τῇ δ' ἐπὶ	ст. 539 βορέῃ δ' ἐπὶ πολλὸν ἰόντι
ст. 146 ἐκ δὲ τοῦ	ст. 541 σκαιὸν ὑπὲρ πόρον
ст. 147 ἐπ' ἀντολίης	ст. 550 ἄλλη (...) νῆσος
ст. 149 πρὸς βορέην τε καὶ ἀντολίην	ст. 551 ἔνδοθι δεξιτερῇ
ст. 163 τοῦ καὶ πρὸς βορέην	

При перечислении четырех основных частей Океана, Дионисий упорядочивает различные названия Океана (8 названий / 10 строк) в соответствии с расположением сторон света (две из сторон называются прямо: ст. 31 и ст. 39, другие две — описательно: ст. 29 и 36). Поэт применяет традиционные эпические разделительные знаки, например, частицу-зачин ἦτοι μὲν¹⁷, частицы-перечисления αὐτὰρ¹⁸ и τε καί, которые предполагают введение в текст очередного названия, а также предлоги и наречия παρ', ὑπερθεν, ἄγχι δ', используемые в географическом значении:

¹⁷ Ср. ἦτοι δὲ также в начале стиха у Гомера — 11 раз (II, III 168, 213, IV 18, 366, 376, XI 442, 613, XVII 509, XX 67, 313, XXIII 404), у Арата — один раз (Phaen. 462), у Аполлония Родосского — два раза (II 147, IV 508); у Дионисия Периегета комбинация ἦτοι δὲ используется девять раз, четыре из них — в каталогах.

¹⁸ Ср. αὐτὰρ в «Каталоге кораблей»: II, II 518, 631, 844, 848 и 855.

- 30 ἤτοι μὲν Λοκροῖο παρ' ἔσχατιὴν ζεφύροιο
 Ἄτλας Ἑσπέριος κικλήσκεται, αὐτὰρ ὑπερθεῖν
 πρὸς βορέην, ἵνα παῖδες ἀρειμανέων Ἀριμασπῶν,
 πόντον μιν καλέουσι πεπηγότα τε Κρόνιον τε·
 ἄλλοι δ' αὖ καὶ νεκρὸν ἐφήμισαν εἴνεκ' ἀφαυροῦ
 ἡελίου· βράδιον γὰρ ὑπεῖρ ἄλλα τήνδε φαίνειν,
 35 αἰεὶ δὲ σκιερῆσι παχύνεται ἐν νεφέλῃσιν·
 Ἰαυτὰρ ὅθι πρῶτιστα φαίνεται ἀνθρώποισιν,
 ἡῶν καλέουσι καὶ Ἰνδικὸν οἶδμα θαλάσσης·
 ἄγχι δ' Ἐρυθραῖόν τε καὶ Αἰθίοπιον καλέουσιν
 πρὸς νότον

«Так, у крайних пределов локрийского зефира (30) он называется Гесперийским Атлантом; а наверху, на севере, где [обитают] сыны неистовых воинственных ари-маспов, его именуют Замерзшим, или Кронийским морем; другие назвали [эту его часть] также Мертвым морем из-за тусклого солнечного света: солнце редко показывается над этим морем, (35) поскольку оно постоянно окутано мрачными плотными тучами. Там же, где [солнце] раньше всего является людям, [Океан] называют Восточным, или Индийским морем. Южнее, там, где острым углом выдается странная часть необитаемой суши, (40) выжженная безжалостными лучами палящего солнца, его называют Эритрейским, или Эфиопским морем» (Dion. Per. 29–39, перевод здесь и далее Е.В. Илюшечкиной).

В соответствии со сторонами света Дионисий называет и четыре залива Океана (5 названий / II строк); употребляемые при этом частицы ἤτοι μὲν, τε καί, μὲν ... δέ, выступают в роли обязательных для каталога маркеров; помимо всего, каталог включает еще и сигнальную лексику πρῶτιστον, δεύτερος αὐτ' с грамматической конструкцией τῶν δ' ἄλλων ... εἰς μὲν ... ἄλλος δ' ... :

- 45 ἤτοι μὲν πρῶτιστον, ὃς ἔσπερίην ἄλλα τίττει,
 συρόμενος Λιβύηθεν ἔσω Παμφυλίδος αἰῆς·
 δεύτερος αὐτ' ὀλίγος μὲν, ἀτὰρ προφερέστατος ἄλλων,
 ὅστ' ἀποκιδνάμενος Κρονίης ἀλὸς ἐκ βορέαο
 Κασπίῃ αἰπὺ ῥέεθρον ἐπιπροΐησι θαλάσση,
 50 ἦντε καὶ Ὑρκανίην ἕτεροι διεφημίξαντο.
 τῶν δ' ἄλλων, οἷτ' εἰσὶν ἀπαὶ νοτίης ἀλὸς ἄμφω,
 εἰς μὲν ἀνώτερος εἶσι, τὸ Περσικὸν οἶδμα προχεύων,
 ἀντὶα Κασπίης τετραμμένος ἀμφιτρίτης·
 ἄλλος δ' Ἀραβικὸς κυμαίνεται ἐνδοθι κόλπος,
 55 Εὐξείνου πόντου νοτιώτερον ὄλκον ἐλίσσω

«(45) первый представляет собой Гесперийское море, оно тянется от Ливии до Памфилийской земли; второй [залив] меньше [первого], но превосходит прочие — разливаясь из северного Кронийского моря, он несет [свое] бурное течение к Каспийскому морю, (50) которое другие называют также Гирканским. Что касается остальных [крупных заливов], то оба они изливаются из Южного моря — один из

них, струя Персидские волны и начинаясь против (*sc.* на одной долготе) Каспийского моря, находится выше [другого]; другой же — бурный Аравийский залив — (55) тянется в сторону южных границ Евксинского Понта» (Dion. Per. 45–55).

В случае «малых каталогов» в поэме Дионисия можно установить определенные черты, обусловленные не только типичными для списков традиционными элементами, но и проявленными в построении стихов уже без отсылки к традиции. Так, в следующих отрывках Дионисий перечисляет племена, расселившиеся по обеим сторонам реки Истр (ст. 302–310: 14 названий в 7 стихах, и ст. 321–326: 5 названий в 6 стихах). Здесь вновь встречаются «сигнальные» разделительные частицы *τε, τε ... καί, οἱ μὲν ... οἱ δ'* и предложные обороты, употребленные в географическом смысле *τῶν δ' ὑπέρ ...* и дополненные *ἔνθα ...* и *ἢ δ' ...*, а также *ἐπί ...*, *ὑπέρ ...*, которые синтаксически объединяют перечень племен. Основное направление повествования задано в начальных стихах: *Τοῦ (sc. Ἰστρου) μὲν πρὸς βορέην ... ἐξείης Μαιώτιδος ἐς στόμα λίμνης* (ст. 302–303), *πρὸς δὲ νότον (sc. Ἰστρου)* (ст. 321):

Τοῦ μὲν πρὸς βορέην τετανυσμένα φύλα νέμονται
 πολλὰ μάλ' ἐξείης Μαιώτιδος ἐς στόμα λίμνης,
 Γερμανοὶ Σαμάται τε Γέται θ' ἅμα Βαστάρναι τε,
 305 Δακῶν τ' ἄσπετος αἶα καὶ ἀλκήεντες Ἄλανοί,
 Ταῦροί θ', οἳ ναίουσιν Ἀχιλλῆος δρόμον αἰπὺν,
 στεῖνόν ὁμοῦ δολιχόν τε, καὶ αὐτῆς ἐς στόμα λίμνης.
 Τῶν δ' ὑπὲρ ἐκτέταται πολυῖππων φύλον Ἄλανῶν.
 Ἔνθα Μελάγχλαινοὶ τε καὶ ἄνερес Ἴππημολγοί,
 310 Νευροὶ θ' Ἴππόποδες τε Γελωνοὶ τ' ἢ δ' Ἀγάθυρσοι·

«К северу от него (*sc.* Истра) на широком пространстве живет множество племен вплоть до устья Меотийского озера: германцы, са[р]маты, геты и бастарны; (305) [далее –] неизмеримая земля даков и сильные аланы, тавры, населяющие крутой, узкий и длинный Ахиллов Бег и [живущие] далее до устья самого [Меотийского] озера. Выше их (*sc.* этих племен) расположилось племя многоконных агавов; а там — меланхлены и мужи гипсемолги, (310) невры, гиппоподы, гелоны и агафирсы» (Dion. Per. 302–310).

πρὸς δὲ νότον Γέρραι καὶ Νωρίκι' ἄστε' ἐρεμνά,
 Παννόνιοι Μυσοὶ τε, βορειότεροι Θρηῆκων,
 αὐτοὶ τε Θρηῆκες, ἀπείρονα γαίαν ἔχοντες,
 325 οἱ μὲν ἐπὶ πλευρῆσι Προποντίδος ἀμφιτρίτης,
 οἱ δ' ὑπὲρ Ἑλλήσποντον ἀγάρροον, οἱ δ' ὑπὲρ αὐτῆς
 Αἰγαίης βαθὺ κῦμα πολυφλοίσβοιο θαλάσσης

«к югу же (*sc.* от Истра) [находятся] герры и мрачные поселения нориков, паннонцы и мисийцы, [что расположились] гораздо севернее фракийцев, сами же фракийцы, владея бескрайней землей, [живут] — одни на берегах потока Пропонтиды,

(325) другие — на берегах бурнотечного Геллеспонта, а третьи — на берегах глубоких волн самой немолчно шумящей Эгейской пучины» (Dion. Per. 321–326).

Выстраивание отдельных сюжетных кусков и упорядочивание деталей каталога демонстрируют продуманность и соразмерность. Так, при перечислении племен к северу от Истра Дионисий в начале пассажа в одном стихе называет сразу четыре имени, сопровождаемых лишь знаковым сигналом для перечисления — τε (Герμανοὶ Σαμάται τε Γέται θ' ἄμα Βαστάρναι τε), затем — два имени, но с эпитетами (Δακῶν τ' ἄσπετος αἶα καὶ ἀλκήμεντες Ἀλανοί); далее — только одно имя с относящейся к нему развернутой характеристикой (Ταυροὶ θ', οἱ ναίουσιν Ἀχιλλῆος δρόμον αἰπὺν). Во второй половине каталога эта схема повторяется в обратном порядке, образуя кольцевую композицию: одно наименование племени с пространной характеристикой (Τῶν δ' ὑπὲρ ἑκτέταται πολυῖππων φύλον Ἀλανῶν), затем два имени с дополнительным словом ("Ἐνθα Μελάγχλαινοι τε καὶ ἄνέρες Ἴππημολγοί), и завершается отрывок упоминанием четырех имен, вводимых частицей τε, в одной строке (Νευροὶ θ' Ἴππόποδες τε Γελωνοὶ τ' ἠδ' Ἀγάθυρσοι).

Пассаж о племенах, обитавших к югу от Истра, построен по иной схеме: сначала упоминаются два племени (πρὸς δὲ νότον Γέρραι καὶ Νωρίκι' ἄστε' ἔρεμνά), затем еще два, которые одновременно подготавливают «появление» третьего (Παννόνιοι Μυσοὶ τε, βορειότεροι Θρηϊκῶν), и, наконец, имя третьего племени (αὐτοὶ τε Θρήϊκες) раскрывается в сопровождающей его характеристике в последующих трех строках; иными словами, речь идет о постепенном разрастании каталога, что задает внутренний ритм и самому тексту.

Совмещение этих двух схем — кольцевой композиции и нарастания составляющих — присутствует в каталоге «племен, обитавших вокруг Меотиды и вдоль северо-восточного берега Понта» (ст. 680–689; 10 наименований в 9-ти стихах):

- 680 Τόσσοι μὲν Τάναϊν ποταμὸν περιναϊτάουσιν.
 Σαυρομάτας δ' ἐπέχουσιν ἐπασσύτεροι γεγαῶτες
 Σινδοὶ Κιμμέριοι τε καὶ οἱ πέλας Εὐξεινοιο
 Κερκέτιοι Τορέται τε καὶ ἀλκήμεντες Ἀχαιοί,
 οὓς ποτ' ἀπὸ Ξάνθοιο καὶ Ἰδαίου Σιμόεντος
 πνοιαὶ νοσφίσσαντο νότιό τε καὶ ζεφύροιο,
 685 ἔσπομένους μετὰ δῆριν Ἀρητιάδη βασιλῆϊ.
 τοῖς δ' ἐπὶ ναιετάουσι, ὁμούριον αἶαν ἔχοντες,
 Ἠνίοχοι Ζύγιοι τε, Πελασγίδος ἔκγονοι αἴης.
 πὰρ δὲ μυχὸν Πόντοιο, μετὰ χθόνα Τυνδαριδάων,
 Κόλχοι ναιετάουσι, μετῆλυδες Αἰγύπτοιο

«Такие вот народы обитают вдоль реки Танаис. (680) По соседству с савроматами, одни за другими, живут синды, киммерийцы и [располагающиеся] вблизи Евксина керкеты, тореты и могучие ахейцы, которых некогда дуновением юго-западных вет-

ров унесло от [берегов] Ксанфа и идийского Симоэнта, когда они следовали с войны за царем Аретиадом. За ними, владея соседней землей, живут гениохи и зиги, выходцы из Пеласгийской земли. По берегам самой дальней части Понта, за страной тиндаридов, обитают колхи — выходцы из Египта» (Dion. Per. 680–689).

Частица δ' в ст. 680 коррелирует с μέν в ст. 679, которым завершается экскурс о реке Танаис, по берегам которой обитают савроматы (ст. 654 сл.); благодаря дополнительному упоминанию савроматов этот отрывок продолжает перечень племен, начатый несколькими стихами выше:

652 ἦτοι μὲν λίμνης Μαιώτιδος ἄγχι νέμονται
653 αὐτοὶ Μαιώται τε καὶ ἔθνεα Σαυροματῶν

«Итак, вблизи Меотийского озера живут сами меоты и племена савроматов» (Dion. Per. 652–653).

После упоминания племени савроматов в ст. 680 следует два имени в ст. 681 (Σινδοὶ Κιμμέριοι τε), затем — три имени в ст. 682 (Κερκέτιοι Τορέται τε καὶ ἀλκήμεντες Ἀχαιοί), причем третье наименование племени сопровождается пространный характеристика, выполняющая функцию внутреннего центра отрыва (ст. 683–685). Затем в соответствии с зеркальной композицией в ст. 686 вновь упоминаются два племени (Ἦνίοχοι Ζύγιοι τε), и по одному — в ст. 688 и 689. Все это свидетельствует о сознательном составлении каталогов Дионисием, который не только стремился с их помощью компактно передать как можно больше информации, но и создавал сбалансированные и/или симметричные комбинации, радующие глаз читателя¹⁹.

Смешанный по содержанию «каталог о народах, племенах и реках Индии» (ст. 1135–1147) перечисляет этнические группы в одном контексте с названиями рек, по берегам которых те обитают. Перечень рек Индии составляет часть каталога (6 наименований племен и 7 названий рек), что подтверждает упоминание маркера счетности в виде порядкового числительного τρίτος (ст. 1140):

1135 καὶ τὴν μὲν πολλοὶ τε καὶ ὄλβιοι ἄνδρες ἔχουσιν,
οὐχ ἅμα ναιετάοντες ὁμώνυμοι, ἀλλὰ διαμφίς
κεκριμένοι, ποταμοῦ μὲν ἀπειρεσίου πέλας Ἴνδοῦ
Δαρδανέες, τόθι λοξὸν ἀπὸ σκοπέλων Ἀχεσίην
συρόμενον δέχεται πλωτὸς νήεσσιν Ὑδάσπης.
1140 τοῖς δ' ἐπὶ καὶ Κώφης τρίτος ἔσπεται ἀργυροδίνης·
τῶν δὲ μέσοι ναίουσι Σάβαι καὶ Τοξίλοι ἄνδρες,
Σκόδροι θ' ἐξείης· ἐπὶ δ' ἔσπεται ἄσπετα φύλα
Πευκαλέων· μετὰ τοὺς δὲ Διωνύσου θεράποντες
Γαργαρίδαι ναίουσιν, ὅθι χρυσοῖο γενέθλην
1145 δαιδαλέην Ὑπανίς τε φέρει θεῖός τε Μάγαρρος,
λαβρότατοι ποταμῶν· ἀπὸ δ' οὐρεος Ἠμωδοῖο
ὀρνύμενοι προρέουσιν ἐπὶ Γαγγήτιδα χώραν

¹⁹ Cp. Lightfoot 2014: 431–439 (см. рец.: Ilyushechkina 2016).

«(1135) Многие процветающие народы населяют эту землю, живя не под одним именем, но раздельно: близ бесконечного Инда — там, где судоходный Гидасп принимает низвергающийся с гор Акесин, [живут] дарданы; (1140) третьей [рекой] за ними следует сребриstopучинный Кофен. Между этими [реками] проживают сабы и токсилы, рядом — скодры; за ними следуют многочисленные племена певкалеев; за ними обитают гаргариды, почитатели Диониса — там, где несет славный золотой песок (1145) Гипанис и [течет] божественный Магарс, самые бурные из [всех] рек; беря истоки с горы Эмод, они стекают к долине Ганга» (Dion. Per. 1135–1147).

В заключение следует отметить, что фактическую основу этногеографических каталогов поэмы составляют достоверные сведения, полученные Дионисием из произведений предшественников и искусно обработанные поэтом. Коротко говоря, содержание каталогов у Дионисия составляет перечень многочисленных народов и племен, населявших античную ойкумену, а также — моря, города, реки и горы, которые в совокупности «каталогизируют» этническое и географическое пространство известного Периегета мира. То обстоятельство, что два акростиha с информацией об авторстве поэмы и ее принадлежности Дионисию из Александрии инкорпорированы в контекст каталогов Средиземного моря и островов Средиземноморья (ст. 112–134 и ст. 513–532 соответственно) свидетельствует, что Периегет осознанно и мастерски использовал жанрообразующую форму каталога.

ЛИТЕРАТУРА

- Anderson 1993 — *Anderson G.* The second sophistic. A cultural phenomenon in the Roman empire. London, 1993.
- Bernays 1905 — *Bernays U.* Studien zu Dionysius Periegetes. (Diss.) Heidelberg, 1905.
- Bowie 1970 — *Bowie, E. L.* Greeks and their past in the Second Sophistic // *Past and Present* 1970, vol. 46. P. 3–41.
- Counillon 2016 — *Counillon P.* La Périégèse de Denys d'Alexandrie: langue géographique et poésie // F.J.G. Ponce, F.J.G. Espelosin, A.L.Ch. Reino (eds.). La letra y la carta. Descripción verbal y representación gráfica en los diseños terrestres grecolatinos. Estudios en honor de Pietro Janni. Sevilla, 2016. P. 259–273.
- Effe 1977 — *Effe B.* Dichtung und Lehre. Untersuchungen zur Typologie des antiken Lehrgedichtes. München, 1977.
- Effe 2005 — *Effe B.* Typologie und literarhistorischer Kontext: Zur Gattungsgeschichte des griechischen Lehrgedichts // M. Horster, Chr. Reitz (Hrsgg.). Wissensvermittlung in der dichterischer Gestalt. Stuttgart, 2005. S. 27–44.
- Fakas 2001 — *Fakas Chr.* Der hellenistische Hesiod. Arats Phainomena und die Tradition der antiken Lehrepik. Wiesbaden, 2001.
- Fantuzzi, Hunter 2005 — *Fantuzzi M., Hunter R.* Tradition and Innovation in Hellenistic Poetry. Cambridge, 2005.

- Gassner 1972 — *Gassner J.* Kataloge im römischen Epos. Vergil-Ovid-Lucan (diss.). München, 1972.
- Hunter 2005 — *Hunter R.* The Hesiodic Catalogue and Hellenistic Poetry // R. Hunter (ed.). *The Hesiodic Catalogue of Women. Construction and Reconstructions.* Cambridge, 2005. P. 239–265.
- Ilyushechkina 2016 — *Ilyushechkina E.* Review of the book Lightfoot (J.L.) Ed. Dionysius Periegetes. Description of the Known World with Introduction, Text, Translation, and Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2014. Pp. 608. // *JHS* 136 (2016). P. 214–215.
- Ilyushechkina 2010 — *Ilyushechkina E.* Studien zu Dionysios von Alexandria. (Diss.) Groningen, 2010.
- Jacob 1990 — *Jacob Chr.* (ed.). La Description de la terre habitée de Denys d'Alexandrie ou la leçon de géographie. Paris, 1990.
- Kindstrand 1973 — *Kindstrand, J.F.* Homer in der Zweiten Sophistik. Uppsala, 1973.
- Krischer 1971 — *Krischer T.* Formale Konventionen der homerischen Epik. München, 1971. Kühlmann 1973 — *Kühlmann W.* Katalog und Erzählung. Studien zu Konstanz und Wandel einer literarischen Form in der antiken Epik (diss.). Freiburg in Br., 1973.
- Lightfoot 2014 — *Lightfoot J. L.* (ed.). Dionysius Periegetes. Description of the Know World, with Introduction, Text, Translation and Commentary. Oxford, 2014.
- Lightfoot 2008 — *Lightfoot J. L.* Catalogue Technique in Dionysius Periegetes // K. Carvounis, R. Hunter (eds.). Signs of Life? Studies in Later Greek Poetry = *Ramus* 37/1–2. P. 11–31.
- Mineur 1984 — *Mineur W.H.* Callimachus. Hymn to Delos. Introduction and Commentary. Leiden, 1984.
- Reitz 1999 — *Reitz Chr.* Katalog // *DNP*. Bd. 6 (1999). Sp. 334–336.
- Schneider 1882 — *Schneider, M.* De Dionysii Periegetae arte metrica et grammatica capita selecta. (Diss.) Leipzig, 1882.
- Swain 1996 — *Swain, S.* Hellenism and empire. Language, classicism, and power in the Greek world AD 50–250. Oxford, 1996.
- Trüb 1952 — *Trüb H.* Die Kataloge in der griechischen Dichtung. (Diss.) Zürich, 1952.
- van Groningen 1965 — *Groningen, B.A. van.* General literary tendencies in the second century A.D. // *Mnemosyne*. 18 (1965). P. 41–56.
- Visser 1997 — *Visser E.* Homers Katalog der Schiffe. Stuttgart, 1997.
- West 1985 — *West M.L.* The Hesiodic Catalogue of Women. Its Nature, Structure and Origins. Oxford, 1985.

СОКРАЩЕНИЯ

DNP — Der Neue Pauly. Enzyklopädie der Antike / Hrsgg. von H. Cancik und H.

Schneider (Bd. 1–12), M. Landfester (Bd. 13–15 in Verbindung mit H. Cancik und H. Schneider), B. Egger und J. Derlien (Bd. 16). Stuttgart; Weimar, 1996–2003.
JHS — Journal of Hellenic Studies. London.

CATALOGUES IN THE “PERIEGESIS” BY DIONYSIUS OF ALEXANDRIA

ЕКАТЕРИНА ИЛЮШЕЧКИНА

Abstract: The article analyzes the catalogues or lists in the didactic poem of Dionysius Periegetes (2nd AD), which contain reliable information of the geographical tradition about peoples, countries and cities, seas, rivers, mountains etc. The analysis shows that the Dionysius' lists could be attributed both to two types of the catalogues common in the ancient literature, so-called “Homeric” and so-called “Hesiodic” type. The article also discusses how Dionysius used sources that were largely nameless, and how elegantly the geographical sources were processed by Periegetes in his poem.

Keywords: ancient catalogues, Homer, Hesiod, Dionysius of Alexandria, didactic poetry, ancient geographical tradition.

Екатерина Викторовна Илюшечкина,
к.и.н., PhD University of Groningen,
доцент кафедры всеобщей истории,
старший научный сотрудник Лаборатории античной культуры
Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС,
доцент ИВКА РГГУ

ДАНИЭЛЬ ГОТЛИБ МЕССЕРШМИДТ В ГОСТЯХ У ЧИТИНСКОГО БОГАЧА (эпиграмма, написанная 4 марта 1725 года в подражание Марциалу)

Н.Н. КАЗАНСКИЙ

Резюме: Даниэль Готлиб Мессершмидт (1685–1735) известен своими экспедициями в Сибирь, предпринятыми по поручению Петра I. Менее известно, что он писал стихи на немецком и латинском языках. В статье публикуется одна из латинских эпиграмм, живо и вполне достоверно передающая этнографические впечатления от празднования дня рождения в селе Кутул-Нор под Читой. В комментарии отмечается, что Мессершмидт следует в своем описании Марциалу (VII 86). Завершает статью стихотворный перевод текста.

Ключевые слова: Даниэль Готлиб Мессершмидт, латинская поэзия XVIII века, рецепция Марциала.

Каждый приход в гостеприимный дом Подосиновых с общей непринужденной беседой за столом, собранным стараниями Ирины, и атмосферой сердечного внимания супругов и друг к другу, и к гостям, остается для меня светлым воспоминанием. Поэтому не без сомнений посвящаю юбилею Александра Васильевича Подосинова статью, в которой разбирается латинское стихотворение, сатирически рисуящее празднование дня рождения. Меня извиняет то, что тот день рождения праздновали не в Москве, а в окрестностях Читы и что все описанное происходило за 224 года и 21 день до рождения нашего юбиляра.

В качестве подарка я публикую стихотворение Даниэля Готлиба Мессершмидта (1685–1735), написанное на зимовье Кутуль-Нор во время экспедиции, обогатившей Россию многими естественнонаучными и географическими открытиями. Мне показалось, что автору книги *Ex Oriente lux* будет приятно увидеть латинские стихи, содержащие этнографические наблюдения о восточных (Дальневосточных) регионах России, тем более что последние годы он участвует в конференциях, посвященных данному региону, даже если они происходят в Китае.

Поэтическое наследие Мессершмидта включает многие десятки до сих пор неопубликованных стихотворных текстов на немецком и латинском язы-

ках¹. По большей части это стихотворения на случай (в том числе эпиграммы), что было модно в Европе XVIII века. То, что автор публикуемого текста принадлежит как немецкой, так и русской культуре, мне кажется, также не будет безразлично для юбиляра, многие годы жизни которого связаны с Германией. Александр Васильевич любит ново-латинскую литературу и сам является автором латинских стихотворений. К числу тем и вопросов, к которым мы оба равнодушны, относится и рецепция античности в поэзии Нового времени, включая русскую поэзию². Александр Васильевич любит Овидия, которому посвятил монографические исследования, и со своими учениками выпускает стихотворные переводы латинских элегий и римского эпоса.

Публикуемый ниже текст Мессершмидта явно основан на традициях Марциала. Латинский текст содержится в дневнике Мессершмидта (ПФА РАН Messerschmidt 1725 л. 41 и л. 41 об.), повествующем о путешествии из Читинской (Tschitinskoi) на Кутуль-озеро (Kutul-Ozero)³. Записи содержат стихотворные строки, которые здесь публикуются благодаря любезности Л. Д. Бондарь, приславшей мне ксерокопии страниц (илл. 1–2).

Divitis ad coenam conviva vocabar avari,
 Cum natalitias poneret ille dapes:
 Clericus et Laicus, Lucripeta Cerdoque Fullo,
 Cum caupone vafer Lictor, Agaso, Calo,
 Ordine quisque suo numerabant munera mensae;
 Muneris ex censu sed dabat illa locum.
 Non erat hoc Lectos ad mensam accersere amicos,
 Vendere festivas sed puto, turpe! dapes.

«Я был позван как сотрапезник на обед скупого богача, когда он устроил пир по случаю дня рождения: клирик и светский человек, искатель наживы и башмачник-

¹ Первая заметка о стихотворных опытах Мессершмидта была опубликована Е.Ю. Басаргиной в докладе «Элегический дистих Д.Г. Мессершмидта», прочитанном на конференции «К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727)», организованной Объединенным научным советом по общественным и гуманитарным наукам Санкт-Петербургского научного центра РАН совместно с Санкт-Петербургским филиалом Архива РАН. Хроника опубликована в журнале «Историко-биологические исследования» (Басаргина, Бондарь, Тункина 2019: 128–129). Вслед за этим одна эпиграмма была опубликована в разделе Письма и документы (Басаргина 2019: 278, документ № 106).

² Казанский 1997: 350–369; Подосинов 2003: 320–339.

³ Название Кутуль (или хутуль) представлено в Иркутской области и в тюркской, и в монгольской (*кутуль*, *хутуль*) топонимике. В качестве примера М.Н. Мельхеев (см.: Мельхеев 1964: 12–13; 49) приводит «Кутул (кутал, куталь) — перевал, дорога через невысокий хребет в Ольхонском районе» и специально отмечает (Мельхеев 1964: 49) «Кутул, перевал, улус, Ольхонский р-н, Кутулик, Аларский р-н — по-бурятски хутэл — невысокий перевал, косогор, через который имеется легкопроходимая дорога. Через перевал проходит дорога из Тажеранской степи в сторону впадины Малого моря. Раньше у перевала находилось село — центр Ольхонской степной думы, Кутульской инородческой управы». Зачатки этого села, надо думать, и посетил Мессершмидт.

сукновал, с трактирщиком плутоватый ликтор, конюх, слуга при обозе, — каждый в свой черед пересчитал дары стола; но и стол определял место (каждого) по цензу (т. е. состоятельности) подарка. Думаю, это было не [для того, чтобы] собрать друзей за столом, но, чтобы постыдно продать праздничный обед».

Стихотворение представляет собой подражание Марциалу (Mart. 7, 86) с заменой гендекасиллабов на элегический дистих и с минимальным изменением в содержании, поскольку у Марциала так действует давний, а у Мессершмидта — безусловно, недавний знакомый.

Приведем эпиграмму Марциала Mart. 7, 86 полностью:

Ad natalicias dapes vocabar,
 Essem cum tibi, Sexte, non amicus:
 Quid factum est, rogo, quid repente factum est,
 Post tot pignora nostra, post tot annos
 5 Quod sum praeteritus vetus sodalis?
 Sed causam scio: nulla venit a me
 Hispani tibi libra postulati
 Nec levis toga nec rudes lacernae.
 Non est sportula, quae negotiatur;
 10 Pascis munera, Sexte, non amicos.
 Iam dices mihi 'Vapulet vocator.'

В день рожденья всегда меня обедать
 Звал ты, Секст, когда не были мы дружны.
 Что ж случилось, скажи, что вдруг случилось?
 15 После столь долголетней нашей дружбы
 Обойден я тобой, твой друг старинный!
 Но я знаю, в чем дело: не прислал я
 Серебра из Испании ни фунта,
 Ни плащей тебе новых с гладкой тогой.
 20 Угощение корыстное противно!
 Не друзей, а подарки, Секст, ты любишь.
 Скажешь ты: «Виноват посылный!» Лжешь ты!

(пер. Ф.А. Петровского).

Совпадение начинается с первых двух строк: Ad natalicias dapes vocabar у Марциала и Divitis ad coenam conviva vocabar avari, Cum natalitias (вместо natalicias) poneret ille dapes. Форма имперфекта у Марциала выражает идею регулярно повторявшегося действия, что специально подчеркнул в переводе Ф.А. Петровский («всегда»). Иное значение — однократности «был однажды позван» — придал этой форме Мессершмидт. Различаются и уточняющие обстоятельства «при том, что я не был тебе другом» (Essem cum tibi, Sexte, non amicus) у Марциала, и «как сотрапезник у богатого скупоп-

го» (*conviva divitis avari*) у Мессершмидта. Завершается эпиграмма Марциала словами *pascis munera, Sexte, non amicos*, которым соответствуют не только *munera*, дважды повторенные в эпиграмме Мессершмидта, но и концовка: *Non erat hoc Lectos ad mensam accersere (= arcessere) amicos, / Vendere festivas sed puto, turpe! dapes*. Рамку эпиграммы Мессершмидта задает общая ситуация: позван на обед, думал, что по-дружески приглашен знакомым. На деле оказалось, что нужны были подарки, а не дружба гостя. У Марциала ситуация несколько иная: Секст звал его постоянно, а когда не получил подарка, звать перестал.

Несомненно, Мессершмидт как придворный медик, посланный царем в экспедицию, резонно полагал, что представляет собой достаточно важную и интересную фигуру, но оказался (если судить по эпиграмме) на дальнем конце стола. Описание отражает важную этнографическую деталь, связанную с традиционным местничеством (кто окажется ближе к хозяину за столом). Перечисление сотрапезников рисует забавную картину: на первом месте упомянут кто-то из церковного причта (*clericus* не обязательно священник, это может быть и дячок) и какое-то светское лицо (*laicus*). Отметим, что данное противопоставление специально подчеркнуто: *clericus et laicus*. В слове *laicus* приходится видеть латинизированное французское *laïque*, а не латинское *laicus*, которое было дважды заимствовано во французский язык — как *lai* в XII веке и как *laïque* в XVI веке⁴. Две персоны — духовная и светская — открывают список гостей, и Мессершмидт безусловно выделял их по значимости среди обитателей зимовки на Кутуль-озере. Нельзя исключить, что словом *laicus* обозначен какой-то чин местной администрации, например, писец, ведавший амбаром.

«Искатель наживы» может определять торговца, «башмачник-сукновал», скорее всего, был владельцем валяльной мастерской, и можно только порадоваться тому, какое точное латинское выражение нашел Мессершмидт, скрепив фуллона с башмачником (*cerdoque fullo*), чтобы обозначить изготовителя валенок.

Следующим место за столом обрел трактирщик и с ним его помощник, обозначенный как «хитрый ликтор» (*vafer licitor*)⁵, а дальше упомянуты табунщик (его, надо думать Мессершмидт назвал конюхом — *agaso*), а также устроитель обозов (слуга при обозе в терминологии Мессершмидта — *calo*).

⁴ Gamilscheg 1928: 547–548.

⁵ Сокращенный латинский словарь Ананьева, Яснецкого и Лебединского (Ананьев, Яснецкий, Лебединский 1883: 602) определяет функции ликтора так: «Их должность состояла в том, чтобы заставлять народ остороняться (*submovere Liv.*), оказывать сановнику надлежащее почтение (*animadvertere*) и исполнять наказание над виновными». Последнее значение в реалиях Нового времени превратилось просто в 'палача'. Ликтор при трактиршике мог выполнять только функции вышибалы.

Нет оснований сомневаться в точности описания гостей⁶. Перечислены люди по социальному рангу на основании своих профессиональных занятий. Можно думать о вполне реальных профессиях, поскольку Мессершмидт в своем дневнике⁷ упоминает бурятских лошадей (*rohen burjatischen Pferden*), а также *Die neuen, zur Ablösung der Podwod gekommenen Tungusen* (S. 17). Из самого текста эпиграммы ясно, что каждый из приглашенных пришел с подобающим подарком, соответствовавшим его статусу, состоянию и доходам. Явно, на фоне других даров (*munera*), которые рассматривали и перечисляли хозяин и приглашенные на обед, подарки Мессершмидта не выглядели роскошными. Мы не знаем, кто праздновал свой день рождения 4 марта в зимовке на Кутуль-озере. Единственная его характеристика *dives avarus* «богатый скряга» не дает оснований для отождествления⁸, но всё-таки можно предполагать, что пригласил Мессершмидта начальник зимовья.

Обратим внимание на глагол *numerare*: пересчитывать в латинском языке можно деньги, победы, и т. д., но не *numerare munera mensae*. Создается впечатление, что хозяин не удержался и старательно перечислил стоимость блюд на столе. Местечко на Кутуль-озере должно было быть диковатым, да еще и проникнутым духом наживы. Не случайно в дневнике несколькими строками выше Мессершмидт упоминает, что в самой атмосфере праздника был разлит «как символ Веспасиана приятный запах наживы от всего, что только возможно» (*Vespasiano symbolo, dulcis odor lucri ex re qualibet*)⁹. Эту атмосферу и отразил Мессершмидт в эпиграмматической шутке (*lusu epigrammatico extemporeneo*, как он сам в дневнике определил свою эпиграмму).

Для Мессершмидта собранная компания представляла объект для наблюдения, а свои впечатления от всего виденного он уложил в латинские термины. Эпиграмма отразила не только общую порочность человеческой природы, мало изменившуюся со времен Марциала за шестнадцать с половиной веков, но — что важно — этнографическую наблюдательность Мессершмидта,

⁶ Такие сомнения мне высказал А.А. Ветушко-Калевич, указавший на частичное совпадение последовательности профессий (*Cerdo — Fullo — sauro*) у Мессершмидта с эпиграммой Марциала:

Sutor Cerdo dedit tibi, culta Bononia, munus,
Fullo dedit Mutinae: nunc ubi copo dabit?

(Martial. III 59).

⁷ Messerschmidt 1968: 17.

⁸ Вполне вероятно, что речь идет, собственно, не о дне рождения, а о праздновании именин. По православному календарю 4 марта могли праздновать свои именины многие: Архипп, Филимон, Максим, Феодот, Макарий и др.

⁹ Намек на плату в общественных уборных, введенную римским императором Веспасианом, хотя Тит, его сын и будущий император, пытался возражать против этой меры. Когда Веспасиану принесли первый поднос с деньгами от нововведения, он поднес монетку Титу с вопросом *olet?*, откуда пошла сентенция *resunia non olet*. На этот эпизод и намекает «приятный запах наживы» в записи Мессершмидта.

подмечавшего обычаи и нравы жителей, их занятия и смешанное население поселка. Указание на то, что в этом зимовье можно было купить юрту¹⁰, сообщение о валяльщике, о трактире, священнике и ком-то светском наводит на мысль, что Кутульское зимовье было достаточно крупным поселком с налаженным валяльным производством и государственными кабаками. Характерно, что в немецком тексте дневника собравшиеся никак не упомянуты по профессии, в отличие от сопровождавших Мессершмидта солдат: Семёна Верхоглядова¹¹ и Ивана (фамилия которого мне не встретилась в записях). На той же странице дневника (41r) они упоминаются как солдаты (Slusiven Jivan, und Simeon, ср.: Slushiwen Ivan und Semen). Нужно думать, что Иван и Семен так и представлялись Slushiwen — *служивые*, и так к ним и обращались. Характерно, что на праздник Мессершмидт был позван без своей воинской команды, в отличие от трактирщика (*сауро*), при котором и за столом находился *ликтор*. Этот ликтор при трактирщике смущает, хотя, если речь идет о винном откупе, процветавшем в России XVIII в., упоминание помощников у откупщика оправдано. Употребить вместо *сауро* точный латинский термин *pūblicitānus*, после Плавта и Луцилия в латинской поэзии не встречающийся¹², Мессершмидту мешала метрика.

Мы видим, таким образом, описание всего избранного общества читинского зимовья на Кутуль-Озере (в дневнике Kutul-Ozero, в издании отчета Kutul-nor). «Слуга при обозе» (*calo*) вполне мог быть начальником почтовой станции, а «табунщик» (*agaso*) — владельцем табунов бурятских лошадок.

В этом обществе заезжий путешественник почувствовал главное — атмосферу мздоимства, исходившую, надо думать, от главы стола, для которого мы имеем только одну характеристику: *dives avarus* «богатый скряга».

Саму эпиграмму Мессершмидта можно перевести так:

Позван я был на обед — сотрапезник богатого жмота.
 Он устроил тогда в свой день рождения пир:
 Поп и мирянин, искатель наживы и мастер-валяльщик,
 Ликтор с трактирщиком — плут, конюх, обозный слуга —
 Каждый на месте своем стола перечислил богатство,
 И по богатству даров нам указали места.
 Было здесь не приглашение избранных друзей к пированию, —
 Повод (постыдно!) продать праздничный этот обед.

¹⁰ [Am Kutul-nor] hatten meine Slushiwen Ivan und Semen eine andere Jurte angeschafft (Messerschmidt 1968: 17).

¹¹ В выплатах за 1699 г. по Читинскому острогу среди других упоминаются «Иргенские конные казаки, оклады по 7 руб. с четыю: Антипа Степанов, Юрья Верхоглядов». Не исключено, что Семен принадлежал по праву рождения к местному казачьему войску.

¹² Quicherat 1881: 971.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьев, Яснецкий, Лебединский 1883 — Сокращенный латинский словарь *Ананьева Яснецкого и Лебединского*, изданный П.М. Леонтьевым. М.: В Университетской типографии (М. Катков), 1883.
- Басаргина (ред.) 2019 — Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / составители: Е.Ю. Басаргина, С.И. Зенкевич, В. Лефельдт, А.Л. Хосроев; под общей редакцией Е.Ю. Басаргиной. СПб.: Нестор-История, 2019. (= Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 7).
- Басаргина, Бондарь, Тункина 2019 — *Басаргина Е.Ю., Бондарь Л.Д., Тункина И.В.* 300 лет первой научной экспедиции в Сибирь: Даниэль Готтлиб Мессершмидт и изучение его научного наследия // Историко-биологические исследования. 2019. Т. 11. № 2. С. 120–134.
- Казанский 1997 — *Казанский Н.Н.* Подражание отрицанием («подражание Горацию» Иосифа Бродского и *Nor. Carm. I,14*) // Бухаркин П.Е. (ред.). *Ars Philologiae*. Профессору А.Б. Муратову ко дню 60-летия СПб., 1997. С. 350–369.
- Мельхеев 1964 — *Мельхеев М.Н.* Происхождение географических названий Иркутской области. Иркутск: Восточно-сибирское книжное издательство, 1964.
- Подосинов 2003 — *Подосинов А.В.* Овидий в поэзии Манделштама и Бродского: парадоксы рецепции // Тихвинский С.Л. (ред.). *Scripta Gregoriana*. Сборник в честь семидесятилетия академика Г. М. Бонгард-Левина. М.: «Восточная литература», 2003. С. 320–339.
- Gamilscheg 1928 — *Gamilscheg E.* Etymologisches Wötrerbuch der französischen Sprache. Heidelberg, 1928.
- Messerschmidt 1968 — *Messerschmidt D.G.* Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Т. 4: Tagebuchaufzeichnungen, Februar 1725–November 1725 // Verbindung mit Zahlreichen Fachgelehrten Herausgegeben von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. Berlin: Akademie-Verlag, 1968. (= Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas; Bd. VIII; T. 4). Доступно на сайте ПФА РАН: http://www.ranar.spb.ru/rus/doc_publ/id/381/
- Quicherat 1881 — *Quicherat L.* Thesaurus poeticus linguae Latinae. 3e éd. Paris, 1881.

DANIEL GOTTLIEB MESSERSCHMIDT
VISITING A RICH MAN IN THE CHITA REGION
(an imitation of Martial's epigram
written on March 4, 1725)

NIKOLAI N. KAZANSKY

Abstract: Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735) is best known for his scientific expeditions to Siberia undertaken on the orders of Peter the Great. What is less well known, is that he also wrote a number of German and Latin poems. The article presents a publication of one of his Latin epigrams that has been preserved in his diary of 1725, with a commentary and a Russian translation. This little poem depicts a birthday celebration of Messerschmidt's wealthy acquaintance in Kutul-Nor in the Chita region, incorporating remarkable ethnographic descriptions. Moreover, certain details in the text of the epigram reveal the influence of Martial's poetry (especially Mart. VII 86) on Messerschmidt, and are highlighted in the commentary.

Keywords: Daniel Gottlieb Messerschmidt, Latin poetry of XVIII century, reception of Martial.

Николай Николаевич Казанский,
академик РАН,
научный руководитель ИЛИ РАН

МОНЕТЫ СИНДОВ: НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПРИЧИНАХ, ХАРАКТЕРЕ И ХРОНОЛОГИИ ЧЕКАНКИ

С.А. КОВАЛЕНКО

Резюме: В статье рассматриваются широко обсуждаемые серебряные монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ. Несмотря на полуторавековую историю исследований, до сих пор среди ученых нет единого мнения относительно основных вопросов, которые эти монеты вызывают. Автор старается рассмотреть эти монеты, основываясь не на предположениях спекулятивного характера, а на конкретном анализе твердо установленных фактов, какими бы скудными они ни были.

Ключевые слова: монетная чеканка, монетный металл, монетная регалия, монетный тип, монетный двор

Серебряные монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ, наряду с монетными выпусками, имеющими на о. с. легенду ΑΠΟΛ, и по сей день представляют собой, пожалуй, наиболее чувствительные «болевы́е точки» боспорской нумизматики, по-прежнему привлекающие повышенное внимание исследователей и вызывающие среди них жаркие споры о том, кто, где, когда и почему чеканил эти монеты. Имевшее место в течение последних полутора десятков лет значительное увеличение источниковой базы исследований в области монетного дела Боспора Киммерийского, во многом обусловленное широким использованием металлодетекторов как в процессе регулярных археологических раскопок, так и в ходе несанкционированных поисков древностей «любителями старины» и просто «черными» археологами, предоставляет сегодня новые возможности для оценки (и переоценки) традиционных взглядов и воззрений на упомянутые монетные выпуски. Грамотное введение в научный оборот полученного таким образом нового нумизматического материала в определенной мере компенсирует те негативные последствия уничтожения культурного слоя археологических памятников неспециалистами, которое часто непреднамеренно может иметь место в ходе подобных поисков¹.

¹ Необходимо в этой связи отметить периодические публикации В.Л. Строкина в издании «Древности Боспора», появляющиеся на протяжении последних лет и содержащие исчерпывающую информацию о топографии монетных находок и их метрологических характеристиках. Не менее ценна деятельность создателей сайта www.bosporan-kingdom.com, на котором аккумулируется информация о боспорских монетах, происходящая из самых различных источников.

В мою задачу не входит детальное рассмотрение всей историографии, посвященной монетам с легендой ΣΙΝΔΩΝ, поскольку ее обзоры регулярно делались в отечественной нумизматической литературе². Достаточно лишь заметить, что о сохраняющейся актуальности изучения этих монет свидетельствует факт появления за последние годы как минимум трех специальных исследований, в которых рассматривается комплекс различных вопросов, связанных с их чеканкой³. Примечательно, что среди авторов этих работ по-прежнему нет единодушия даже в отношении таких основополагающих моментов, касающихся синдских монет, как их хронология, типология, последовательность и объемы выпусков и, наконец, причины и характер подобной чеканки. Необходимо принять во внимание, что свои нередко кардинально различающиеся умозаключения исследователи строят примерно на одной и той же источниковой базе, включающей, как правило, соответствующий нарративный, эпиграфический, археологический и, наконец, нумизматический материал. Становится очевидным, что именно фантазия автора и его субъективные представления о логичности или нелогичности делаемых им выводов, а отнюдь не предоставляемая источниками объективная информация (к сожалению, нередко весьма неполная и скудная), зачастую кладется в основу предлагаемых им реконструкций, в том числе, и исторического характера.

В своей статье я хотел бы сосредоточиться на анализе тех немногих объективных фактов, которые предоставляют нам сегодня монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ, и правильное понимание которых, как кажется, может помочь продвинуться чуть дальше к непредвзятому представлению о характере, причинах чеканки и хронологии этих монет.

Начать хотелось бы с данных, полученных Т.Н. Смекаловой уже около двадцати лет назад и касающихся состава металла интересующих нас монет. Исследовательницей было установлено, что в отличие от монет, выпускавшихся после середины V в. до н. э. Пантикапеем, Нимфеем, Фанагорией, Феодосией, «... (монеты синдос) имеют несколько иной состав, в них бóльшая концентрация золота: от 0,1 до 1%, часто заметное количество меди (3,5–11%) и свинца (несколько процентов)». Монеты же вышеперечисленных городов были изготовлены «из высокопробного серебряного сплава (меди — до 4%, свинца — до 2% ...) с малым содержанием золота ... можно предположить, что для их чеканки использовалось серебро, доставляемое из Лавриона». Эти результаты позволили «сделать заключение о наличии другого, не аттического, источника серебра для синдской чеканки»⁴. Подобное заключение, как я постараюсь показать ниже, безусловно, имеет чрезвычайно важное значение для правильного понимания характера чеканки рассматриваемых монет. Для Н.А. Фроловой оно даже стало аргументом в пользу удревнения даты их выпуска с тра-

² См. например: Фролова 2002.

³ Строкин 2012; Горончаровский, Терещенко 2014; Кузнецов 2016.

⁴ Смекалова 2000: 268; Смекалова, Дюков 2001: 28.

диционной последней четверти V в. до н. э. до начала того же столетия, поскольку именно в это время греческие города в качестве сырья для выпуска своих монет еще использовали серебро, поступавшее из пангейских рудников во Фракии и отличавшееся повышенным, по сравнению с аттическим, содержанием золота⁵.

В.А. Горнчаровский и А.Е. Терещенко отмеченные расхождения в составе металла полисных монет Боспора и монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ вскользь объясняли тем, что последние могли чеканиться «из тех запасов серебра, которым владели синдские цари». Серебро же это, в свою очередь, «могло иметь самое различное происхождение (например, пришедшие в негодность изделия из серебра, поступавшие к синдам в качестве даров), а значит, и состав»⁶.

Из современных исследователей только В.Л. Строкин специальное внимание уделил рассмотрению вопроса о возможном происхождении металла синдских монет. По его мнению, поскольку эти монеты чеканились в период активного поступления в регион лаврийского серебра (последняя четверть V — начало IV в. до н. э.), металл для выпуска синдских монет «был получен искусственным путем: добавлением в лаврийское серебро золота и меди»⁷. Использование же в качестве типов синдских монет изображений, заимствованных с электровой чеканки Кизика и Митилен, «побуждает к тому, чтобы в представленной ... гипотетической формуле синдского монетного металла (лаврийское серебро + медь + золото) последний элемент заменить электром»⁸. Подобные действия, наряду с высоким художественным уровнем исполнения штемпелей и отменным качеством самой чеканки, были необходимы эмитенту для продвижения синдской монеты на боспорском денежном рынке и направлены были «на придание ей необходимого запаса прочности в условиях жесткой конкурентной борьбы с полисным серебром»⁹. Поэтому, по мнению В.Л. Строкина, «операция по искусственному облагораживанию монетного металла должна была придаваться широкой огласке — в противном случае она превращалась в пустую растрату казенных средств (ввиду отсутствия в античности инструментальных методов анализа химического состава металла)»¹⁰.

В этих рассуждениях все поставлено с ног на голову. Сегодня доказано, что уже к моменту появления первой монеты, которая, как известно, чеканилась из электра, древние мастера вполне владели техникой получения из этого естественного сплава чистого золота. Более того, как сегодня свидетельствуют результаты многочисленных анализов металла ранних электровых монет, они чеканились, скорее всего, из искусственного сплава, полученного путем

⁵ Фролова 2002: 83.

⁶ Горнчаровский, Терещенко 2014: 105.

⁷ Строкин 2012: 380.

⁸ Строкин 2012: 381.

⁹ Строкин 2012: 392.

¹⁰ Строкин 2012: 389, прим. 29.

целенаправленного добавления в уже очищенное золото определенного количества серебра и меди¹¹. Многие ученые полагают, что именно возможность манипуляций с золотым содержанием такого сплава, потенциально чрезвычайно выгодных для эмитента, и могла послужить толчком к появлению собственно феномена монеты, номинальная стоимость которой, определяемая эмитентом, могла быть установлена значительно выше рыночной стоимости драгоценных металлов, из которых эта монета была изготовлена¹². Обратный процесс, то есть целенаправленное добавление золота в серебро в тех пропорциях, которые зафиксированы в металле синдских монет (до 1% золота), насколько мне известно, не нашел какого-либо отражения в античной металлургии. Да и вряд ли подобное было бы возможно в древности, если учесть, о каком мизерном количестве золота, фиксируемом лишь современными средствами естественно-технического анализа, идет речь. Широкая же огласка факта облагораживания металла синдских монет, постулируемая В.Л. Строкиным, абсолютно противоречит всей политике эмитентов монеты в античности. Кроме того, как с этим «облагораживанием» сочетается добавление в синдское серебро таких «низких» металлов как медь и свинец, в размерах, на порядок превышающих добавку золота?

Парадоксально, но именно наличие достаточно заметного количества меди и свинца в синдском серебре, как мне кажется, может помочь ответить на вопрос о возможном источнике металла, использовавшегося для чеканки монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ, и объяснить причину его столь необычного для боспорской чеканки состава. Подобное серебро могло быть получено в результате процесса купеляции из серебрясодержащего свинца, который, в свою очередь, являлся побочным продуктом процесса выделения чистого золота из электрового сплава.

Остатки наиболее ранних на сегодняшний день мастерских, в которых осуществлялся процесс получения чистого золота из электра, были открыты при раскопках столицы Лидийского царства — Сард, и относятся к первой половине VI в. до н. э.¹³. Ученые установили, что в этих мастерских проходил процесс цементации — разделения золота и серебра. Расплющенные молотом пластины электра, перекладываемые слоями соли или квасцов, а также шамота, помещались в небольшие сосуды из пористой глины, которые ставились в специальные кирпичные печи и нагревались до не очень высоких температур (около 800 °) в течение достаточно длительного времени. В ходе нагревания содержащееся в электре серебро превращалось в хлорид серебра и абсорбировалось стенками глиняных сосудов и шамотом. Остававшееся в результате золото было достаточно чистым. Обломки глиняных сосудов и шамот, насы-

¹¹ Ramage, Craddock 2000: 31; Keyser, Clark 2001: 110, 115–116; Mundell 2002: 29–30; Craddock et al. 2005: 71.

¹² Mundell 2002: 29–30; Zareba 2011: 34; Konuk, Lorber 2012: 14.

¹³ Ramage, Craddock 2000: 32.

щенные хлоридом серебра, затем нагревали до температуры плавления вместе с металлическим свинцом, и иногда с небольшим количеством меди¹⁴, в результате чего получался серебрясодержащий свинец, подвергавшийся затем процессу купеляции, то есть длительному нагреванию в специальных глиняных емкостях-капелях в закрытой печи до 1100 ° с постоянным нагнетанием кислорода. Комбинация высокой температуры и притока кислорода приводила к превращению содержащего в этом сплаве свинца в окисел свинца, который поглощался стенками капели, но не воздействовала на серебро, которое оставалось на дне емкости¹⁵. Полученный таким образом драгоценный металл, естественно, мог содержать примеси свинца, меди, золота¹⁶.

Интересно, что авторы раскопок описанных выше мастерских в Сардах отмечали, что в этих мастерских помимо природного электра и различной старей утвари, сделанной из этого металла, могли перерабатываться и вышедшие из употребления электровые монеты¹⁷. В связи с нашей темой примечательны и сведения о том, что некоторые серебряные монеты Эгины конца VI в. до н. э., с реверсом, напоминающим форму британского флага («Юнион Джек»), имеют содержание золота и олова, позволяющее предположить, что серебро для их чеканки было получено из электровых монет¹⁸. На сегодняшний день, таким образом, подобное объяснение необычного состава металла синдских монет кажется наиболее согласующимся с имеющимися в нашем распоряжении объективными данными, и потому, наиболее правдоподобным.

Следующий шаг, который необходимо сделать — это выяснение источника того электра, из которого могло быть получено синдское серебро. Здесь надо отдать должное В.Л. Строкину — последние четыре слова его фразы «вероятное искусственное происхождение синдского монетного металла подразумевает использование в качестве сырья доминировавших в это время в Причерноморье афинских «сов», кизикинов и митиленских гект ...»¹⁹, пускай и невольно (см. процитированные выше построения автора), могут, на мой взгляд, соответствовать истине. Монеты Кизика, Митилены и других малоазийских полисов, использовавших электр в качестве монетного металла, являются наиболее вероятным кандидатом на роль сырьевой базы для выпуска синдских монет. Ставшее общим местом в научной литературе, посвященной этим монетам, и безусловно, справедливое утверждение о заимствовании эмитентом синдских монет ряда изображений из монетного типологического репертуара Кизика, Митилены и т. п. внезапно приобретает таким образом **новый смысл**.

¹⁴ Ramage, Craddock 2000: 167–168.

¹⁵ Ramage, Craddock 2000: 208–209.

¹⁶ Ramage, Craddock 2000: 172–173.

¹⁷ Ramage, Craddock 2000: 20.

¹⁸ Figueira 1998: 93, note 2; 195, note 38.

¹⁹ Строкин 2012: 385.

Здесь надо подчеркнуть, что не только мотивы коленопреклоненного воина, совы с расправленными крыльями, протомы обернувшегося козла (Илл. 1–4)²⁰ воспроизводят типы монет Кизика и Митилены. Все прочие изображения на монетах с легендой ΣΙΝΔΩΝ также повторяют типы электровых выпусков различных греческих центров Малой Азии. Протома или голова лошади встречены на ставших недавно известными гектах Кизика и электровых гектах неизвестного малоазийского центра, возможно, Ким в Эолии (Илл. 5)²¹, используются в качестве типов лицевой стороны на гектах Митилены и Фокеи (Илл. 6)²², нередки на электровых монетах, чеканившихся неустановленными ионийскими полисами (Илл. 7)²³. Фигура сидящего грифона и его протома используются в качестве монетного типа на выпусках Кизика (Илл. 8–10)²⁴, протома и голова грифона известны на статерах и гектах Фокеи (Илл. 11)²⁵. Голова безбородого Геракла в львином скальпе является распространенным типом на гектах Эрифр (Илл. 12–13)²⁶. Наконец, изображение головы быка также нередко на гектах Митилены и Фокеи, и встречается на статерах Кизика (Илл. 14–16)²⁷.

Электровые эмиссии Кизика, Митилены, Фокеи VI–IV вв. до н. э. относятся к так называемым «многотипovým» чеканкам, для которых характерно отсутствие устойчивого сочетания типов лицевой и оборотной сторон, повторяющегося от выпуска к выпуску, как, например, в чеканках Афин, Эгины, Коринфа²⁸. Напротив, электровые монеты этих малоазийских центров характеризуются непрерывной сменой монетных типов. Комбинация изображений лицевой и оборотной сторон может быть чисто механической, без обычной для античных монет смысловой связи между аверсом и реверсом. Анализируя электровую чеканку Фокеи и Митилены, Ф. Боденштедт показал, что в этих полисах, как правило, каждый год вводился в употребление новый монетный тип²⁹, который, таким образом, служил средством обозначения годовой эмиссии и контроля за ней³⁰. Это же положение верно и для чеканки Кизика. А. Фуртвэнглер отметил, что главным условием приема подобных монет в обращение и их опознавательным маркером было не наличие одного и того же знакового изображения, как

²⁰ Все изображения даются в одном размере.

²¹ Hurter, Liewald 2002: 33, no. 40a; Table 3, 5, w.

²² Bodenste dt 1981: Nr. 20, 23, 49

²³ Weidauer 1975: Nr. 142; Konuk 2002: nos. 715–716; Aulock von 1960: Nr. 1780–1782; CNG Triton IX (1/2006): no. 951; CNG Triton XI (1/2008): no. 252.

²⁴ Fritze von 1912: Taf. II, 7–8;

²⁵ Bodenste dt 1981: Nr. E1, 12, 42, 104; Aulock von 1960: Nr. 1794.

²⁶ Head 1892: 117, nos. 7f; Aulock von 1960: Nr. 1942.

²⁷ Bodenste dt 1981: Nr. 39, 48, 56.

²⁸ О «многотипových» чеканках см.: Furtwängler 1982.

²⁹ Bodenste dt 1981: 29f.

³⁰ Furtwängler 1982: 21–23.

Илл. 1. Синды. Тригемиобол.
Последняя четверть V в. до н. э.
Коленопреклоненный воин —
сова с расправленными крыльями.

Илл. 2. Синды. Гемиобол.
Последняя четверть V в. до н. э.
Протома обернувшегося козла —
сова с расправленными крыльями.

Илл. 3. Мисия. Кизик. Статер.
500–450 гг. до н. э.
Коленопреклоненный воин,
натягивающий тетиву —
вдавленный квадрат.

Илл. 4. Лесбос. Митилена. Гекта.
454–428 гг. до н. э.
Протома обернувшегося козла —
сова с расправленными крыльями

Илл. 5. Мисия, Кизик. Гекта.
500–450 гг. до н. э.
Протома лошади —
вдавленный квадрат

Илл. 6. Эолия. Митилена. Гекта.
478–455 гг. до н. э.
Протома лошади —
голова Геракла

Илл. 7. Иония. Гемигекта.
VI в. до н. э.
Голова лошади —
вдавленный квадрат

Илл. 8. Синды. Диобол.
Последняя четверть V в. до н. э.
Сидящий грифон —
голова лошади.

Илл. 9. Мисия. Кизик. Статер.
500–450 гг. до н. э.
Сидящий на тунце грифон —
вдавленный квадрат

Илл. 10. Мисия. Кизик. Статер.
500–450 гг. до н. э.
Протома грифона, перед ней тунец —
вдавленный квадрат

Илл. 11. Иония. Фокея. Гекта.
Рубеж VI–V вв. до н. э.
Протома грифона —
вдавленный квадрат

Илл. 12. Синды. Диобол.
Последняя четверть V в. до н. э.
Голова Геракла —
голова лошади

Илл. 13. Иония. Эрифры. Гекта.
V в. до н. э.
Голова Геракла —
вдавленный квадрат

Илл. 14. Синды. Тетартеморий.
Последняя четверть V в. до н. э.
Голова быка —
голова лошади

Илл. 15. Иония. Фокея. Гекта.
Конец VI в. до н. э.
Голова быка —
вдавленный квадрат

Илл. 16. Мисия. Кизик. Статер.
550–500 гг. до н. э.
Голова быка, внизу тунец —
вдавленный квадрат

Илл. 17. Синды. Диобол.
Последняя четверть V в. до н. э.
Сидящий грифон —
голова лошади

Илл. 18. Синды. Диобол.
Последняя четверть V в. до н. э.
Голова Геракла — голова лошади
(тот же штампель о. с.,
что и у предыдущей монеты)

Илл. 19. Синды. Диобол.
Последняя четверть V в. до н. э.
Голова Геракла — голова лошади
(тот же штампель о. с.,
что и у предыдущей монеты)

Илл. 20. Синды. Диобол.
Последняя четверть V в. до н. э.
Голова Геракла — голова лошади
(штампель о. с. изготовлен
тем же мастером,
что и штампели предыдущих монет)

в случае с афинскими «сówками», коринфскими «жеребчиками» и т. п., но устойчивое единство трех составляющих: специфической формы монетного кружка, не совсем обычного металла, из которого монета была чеканена, и столь же необычной для монетной практики античности постоянной смены изображений³¹.

Если в электровых выпусках, которые стали сырьем для получения серебра синдских монет, различные изображения служили для маркировки отдельных эмиссий, простейшим объяснением использования тех же изображений на синдских монетах будет предположение о том, что и в данном случае эти изображения выполняли ту же функцию. Придерживаясь принципа, согласно которому самое простое объяснение является наиболее верным, можно решать вопрос и о критериях отбора изображений, воспроизведенных на синдских монетах. Мастера, резавшие штемпели для чеканки синдских монет, просто копировали те мотивы, которые были у них перед глазами или наиболее часто попадались на глаза. Степень близости некоторых изображений на синдских монетах к прототипам была такова, что А.В. Орешников даже писал о «рабском копировании»³². Такое было бы возможным, если бы резчики имели дело или с крупными партиями однотипных монет, или с партиями монет, включавших несколько различных типов. Иными словами, серия синдских монет с изображением совы с расправленными крыльями на оборотной стороне могла чеканиться из серебра, полученного после описанного выше процесса обработки партии электровых монет, состоявшей из кизикинов с коленопреклоненным воином, митиленских гект с изображениями обернувшегося козла и совы и т. д.

Это объяснение, кстати, снимает необходимость конструирования не подвєргающихся верификации искусственных гипотез, объясняющих появление на синдских монетах тех или иных мотивов религиозными воззрениями синдов (о которых мы мало что знаем), правлением сменяющих друг друга синдских аристократических родов, особыми торгово-экономическими связями синдов с Кизиком и Митиленой (которые если и могли развиваться, то только опосредованно, через местных греческих купцов) или пресловутым особым политическим влиянием Афин. Причины сочетания на одной монете головы Геракла и головы лошади, или коленопреклоненного воина/протомы обернувшегося козла и совы, над которыми ломали головы поколения ученых, могли носить чисто механический, опознаватель-

³¹ Furtwängler 1982: 23.

³² Орешников 1922: 124. Необходимо, однако, отметить, что художественная трактовка копированных прототипов, которые могли относиться и ко времени архаики, и ко времени классики, соответствовала именно классической стадии развития греческого искусства, к которой относятся синдские монеты. Это особенно заметно при сравнении, например, головы Геракла на гектах Эрифр и синдском серебре. На первых герой изображен еще в традициях архаического искусства, с передачей глаз в профиль, с архаической полуулыбкой, на синдских же монетах он имеет вполне классический облик. То же верно и для других мотивов, например, для головы лошади.

ный и, соответственно, утилитарный характер визуального контроля над чеканкой, следовавшего практике, использовавшейся греческими монетариями при выпуске электровых монет малоазийских центров, из металла которых чеканились и синдские монеты. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о том, что мастерам, занимавшимся перечеканкой серебра, полученного из монетного электра, пришлось иметь дело с достаточно большими объемами сырья, диктовавшими выпуск нескольких монетных серий.

Откуда в их распоряжении могли оказаться сотни, если не тысячи³³, электровых монет? Монеты эти, как известно, обладали значительной покупательной способностью, и главной сферой их использования в греческом мире были международные торговые трансакции, поэтому маловероятно их поступление к синдам от боспорских греков в качестве, например, платы за зерно. Однако, монеты высокой внутренней стоимости использовались и для совершения платежей иного рода — уплаты фороса в казну того или иного союза³⁴, или дани варварским племенам³⁵. Я полагаю, что последнее объяснение является наиболее вероятным. Поступления в распоряжение синдских царей крупных сумм в электровой монете, совершавшихся, надо думать, регулярно, на протяжении периода времени, который нам остается неизвестным, могли представлять собой возможно завуалированную под дары вполне естественную плату греческих городов-колоний азиатского Боспора синдам — хозяевам земли, на которой эти города были расположены и богатства которой тем или иным способом греками эксплуатировались³⁶. Здесь надо еще раз подчеркнуть необходимость осознания того факта, «что с точки зрения языка легенда ΣΙΝΔΩΝ может значить только одно: «(монета) синдсов»³⁷ и монеты с этой легендой были выпущены от имени этого варварского народа, как бы это утверждение не противоречило представлениям ученых об уровне социально-политической или государственной организации синдсов или их экономического развития.

Я полностью солидарен с мнением В.Д. Кузнецова, высказанным им в недавней статье, затрагивающей проблему синдских монет: «во избежание беспочвенных предположений, какими бы они не казались логичными, необ-

³³ Если судить по объемам синдской чеканки, о чем чуть ниже.

³⁴ Кизик и некоторые другие города выплачивали свою долю фороса в Афинский морской союз электровыми гектами и статерами, пересчитанными по курсу в афинские драхмы: Figueira 1998: 275–279; Melville Jones 1998: 263, note 15.

³⁵ О возможной уплате фороса или дани одрисским династам греческими городами, находившимися во Фракии: см. Peter 1997: 44, 52. Можно также вспомнить, что согласно данным знаменитого декрета в честь Протогена, Ольвия откупалась от скифов ежегодной данью в 300–400 золотых (что было по мнению В.П. Яйленко символической повинностью), а Византий в 220 г. до н. э. выплатил кельтскому царю Кавару 80 талантов: Яйленко 2017: 507.

³⁶ Горончаровский 2009: 156–157.

³⁷ Тохтасев 2001: 64.

ходимо стремиться к тому, чтобы опираться на установленные факты»³⁸. Насколько трудно придерживаться этого единственно верного методологического подхода сам исследователь демонстрирует чуть ниже, постулируя теоретическую возможность того, что легенда ΣΙΝΔΩΝ могла быть сокращением более развернутой легенды ΣΙΝΔΩΝ(ΙΚΟΝ/ΟΣ) и, выдвигая целую цепочку предположений, развивает гипотезу о чеканке монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ неким союзом греческих полисов Азиатского Боспора, жители которых до присоединения этих полисов к Боспорскому государству могли называть себя «неким региональным этнонимом, производимым от слова «Синдика»³⁹. Одним из главных аргументов В.Д. Кузнецова против принадлежности рассматриваемых монет племени синддов по-прежнему остается их чисто греческий облик, определяемый использованием эллинских изображений и легендой на греческом языке. Исследователь обращает внимание и на разнообразие типов синдских монет. С его точки зрения, «в высшей степени странным представляется факт, что некое автохтонное племя в течение краткого промежутка времени чеканит монеты нескольких типов, к тому же совершенно греческих по своему виду»⁴⁰. Здесь сразу надо сделать маленькое уточнение — не сами синды чеканили свои монеты, как можно подумать, знакомясь с рассуждениями автора. Они производились для них греческими мастерами. О том, что выпуск монет для варварских народов или их царей, на землях которых располагались греческие города, осуществлялся именно греческими специалистами, согласно технологии греческого монетного дела и нередко по греческим образцам, писалось неоднократно и в отечественной, и в зарубежной нумизматической литературе⁴¹. Синдская чеканка не представляет собой некий изолированный феномен⁴², но, если учесть этнокультурную среду, в которой она возникает, типологически входит в достаточно длинный ряд аналогичных чеканок фрако-македонских племен, одрисских династов, скифских и сарматских царей Северо-Западного Причерноморья. Кстати, мнение более ранних исследователей, поддерживаемое В.Д. Кузнецовым, о том, что серебряная чеканка фрако-македонских племен бисалтов, дерронов, ихнов, оррескиев и эдонов в конце VI — начале V в. до н. э. была просто «помеченным штемпелем товаром», с помощью которого эти племена уплачивали

³⁸ Кузнецов 2016: 260.

³⁹ Кузнецов 2016: 263–272.

⁴⁰ Кузнецов 2016: 263–264.

⁴¹ Фролова 1964; Анохин 1965; Златковская 1971: 71–72; Герасимов 1975; Карышковский 1982; Graham 1984: 7; Peter 1997: passim; Wartenberg 2015: 358, 360; Kovalenko 2018: 8, 14, 16.

⁴² Ср.: «... вряд ли можно ошибиться, если сказать, что появление серебра с надписью «(монета) синддов» явилось событием не просто заметным, но, без преувеличения, из ряда вон выходящим ...» и далее: «перед нами — совершенно особый эмиссионный случай, отражающий формирование в Синдике некой из ряда вон выходящей финансово-экономической ситуации» — Строкин 2012: 384, 395. На с. 396 речь уже прямо идет об осмыслении «этого варварского нумизматического феномена» (sic!).

дань Персидской державе, а отнюдь «не свидетельством высокого уровня развития их государственности или экономики»⁴³ опровергается тем простым фактом, что данная чеканка, как сегодня ясно, начавшись, скорее всего, около 490–480 гг. до н. э., продолжалась вплоть до 465–450 гг. до н. э., когда ни о какой уплате дани персам уже не могло быть и речи⁴⁴. Отмечая отсутствие у синдов развитой политической структуры, хотя бы приблизительно соответствующей эллинским полисным институтам, для обслуживания которых могла понадобиться монета, собственных месторождений драгоценных металлов, как у фрако-македонских племен, вероятный бартерный характер торговли зерном с греками, В.Д. Кузнецов делает окончательный вывод: «С точки зрения наших знаний о причинах чеканки монеты тем или иным полисом или государством не обнаруживаются основания, в соответствии с которыми племя синдов могло выпускать собственную монету»⁴⁵. Еще раз озвучивая свою гипотезу о том, что «синдская» монета могла чеканиться гипотетическим союзом греческих полисов Азиатского Боспора, исследователь присоединяется к мнению Д. Браунда, согласно которому, эти монеты чеканились для оплаты наемников, хотя резонно отмечает, что нет никакой нужды настаивать именно на этом предположении⁴⁶. Сразу замечу, что структура синдской чеканки, включающая весь набор греческих мелких серебряных номиналов от триобола до гемитетартемория, полностью противоречит предположению Д. Браунда, поскольку в конце V в. до н. э. труд наемников оплачивался монетами гораздо более крупного достоинства. Например, по свидетельству Ксенофонта, греческие наемники войска Кира Младшего получали жалованье в один золотой дарик в месяц, что равнялось одному кизикину или в то время примерно 25–26 аттическим драхмам⁴⁷.

Я согласен с В.Д. Кузнецовым в том, что в нашем распоряжении нет твердых доказательств того, что какая-либо из вышеперечисленных причин начала чеканки в античности была определяющей именно для синдских монет. На сегодняшний день поэтому мы вправе с полной уверенностью говорить только об одной причине их появления. Это не исключает, конечно, возможности существования в данном случае целого комплекса побудительных мотивов, но о них, повторю вслед за В.Д. Кузнецовым, нам достоверно ничего неизвестно.

Указанной причиной является возможность получения прибыли от монетной чеканки путем реализации монетной регалии (то есть права на выпуск монеты), которой, безусловно, обладали синдские цари. Сегодня все большее число нумизматов, занимающихся изучением обстоятельств и причин появ-

⁴³ Кузнецов 2016: 259.

⁴⁴ Wartenberg 2015: 355.

⁴⁵ Кузнецов 2016: 270.

⁴⁶ Кузнецов 2016: 271–272.

⁴⁷ *Xen. Anab.* 7.2.36; Figueira 1998: 514; Melville Jones 1998: 263, 264, note 18 (с библиографией вопроса), 266.

ления монеты как таковой, приходит к заключению, что возможность для эмитента получить от этого довольно значительную прибыль была не только главным побудительным мотивом к началу чеканки монеты вообще, но и продолжала играть важную роль в ходе всего дальнейшего развития монетного дела в античную эпоху⁴⁸. Лидийцы, первыми начавшие чеканить собственную монету, как сегодня доказано, знали о колебаниях содержания золота в природном электре и, фиксируя в полученном искусственным путем монетном электре долю содержания золота на определенном уровне, более низком, чем в природном металле, открыли новый способ получения прибыли, пуская эти монеты в обращение в качестве монет, чеканенных из природного электра, и оставляя излишки полученного при его обработке золота в казне⁴⁹.

Важную роль в эволюции такого подхода к пониманию причин появления монетной чеканки, в основе которого лежит в первую очередь учет интересов производителя монеты (*producer-centered theory*)⁵⁰, а не ее потребителя сыграли разработки шведского исследователя С. Болина. С. Болин, опираясь на обширный нумизматический материал, показал, что монеты, изготовленные из драгоценных металлов, одного номинала, но различного веса обращались вместе, то есть известный закон Гришема о вытеснении из обращения лучшей (более тяжелой) монеты худшей в данном случае не работал. Происходило это, как убедительно показал С. Болин, вследствие разной стоимости весового металла и металла монетного, который помимо весовой стоимости (то есть стоимости содержащегося в монете драгоценного металла) обладал еще и нарицательной номинальной и был переоценен до такой степени, что было невыгодно изымать из обращения и переплавлять более тяжелые монеты⁵¹. Переоценка (наценка) или, иными словами, прямая прибыль эмитента (т. н. *синьораж*), таким образом, представляла собой разницу между номинальной стоимостью монеты, устанавливавшей ее покупательную способность, и стоимостью металла, пошедшего на ее изготовление, вкуче с расходами монетного двора на ее чеканку (т. н. *брассажем*)⁵². Номинальная стоимость монеты определялась эмитентом, который для этого должен был обладать монополией на чеканку и достаточными властными ресурсами, гарантировавшими повсеместный прием монеты по установленному эмитентом курсу⁵³. Например, в пределах Пергамского царства выпускавшиеся здесь серебряные кистофоры обращались по тому же курсу, что и афинские тетрадрахмы, имея при этом вес всего трех

⁴⁸ Howgego 1990: 17–18; Figueira 1998: 243–244, 550; Keyser, Clark 2001: 116; Mundell 2002: 12, 29–30; Bresson 2006: 10, 12; Zareba 2011: 34; Konuk, Lorber 2012: 14; van Alfen 2012: 20–21.

⁴⁹ Zareba 2011: 17, 33–34.

⁵⁰ Zareba 2011: 34.

⁵¹ Bolin 1958: 44.

⁵² Howgego 1990: 18.

⁵³ Mundell 2002: 12.

аттических драхм. То есть переоценка кистофоров, установленная пергамскими царями, в данном случае составляла минимум 33%⁵⁴. Чаше можно говорить о переоценке всего в несколько процентов⁵⁵. В любом случае, как показал Ф. де Каллатай, в греко-римском мире неизвестны случаи выпуска монет, имевших номинальную стоимость, равную весовой стоимости металла, из которого они были чеканены⁵⁶. Даже тяжелые серебряные монеты фрако-македонских племен, долгое время рассматривавшиеся как разновидность весового серебра, на самом деле имели, как сегодня доказано, номинальную стоимость и обращались согласно установленному курсу⁵⁷.

Если понимание того, что чеканка монеты могла быть источником прибыли было доступно лидийским властям в конце VII в. до н. э., верхушке фрако-македонских племен в первой половине V в. до н. э. и царям одрисов во второй половине того же столетия⁵⁸, ничто не мешает полагать, что и в значительной степени эллинизованные синды также хорошо осознавали те материальные выгоды, которые могла принести чеканка собственной монеты.

Полученные внеэкономическим путем запасы драгоценного металла в виде электровых монет различных номиналов и центров чеканки были в чем-то сродни лежавшим мертвым грузом в течение многих лет сокровищам персидских царей. Подобные монеты обладали значительной денежной стоимостью и мало подходили для повседневного обращения. Естественно, мы не знаем, какое конкретное обстоятельство послужило спусковым крючком для принятия решения о начале чеканки, хотя весьма дробная структура номиналов синдских монет, наиболее подходящая как раз для совершения мелких торговых операций, косвенно указывает на то, что интересы именно повседневного денежного обращения могли играть здесь свою роль. Однако, соображения получения определенного дохода от процесса чеканки собственной монеты, которые, как я постарался показать выше, являлись неотъемлемой частью начала любого монетного производства в античности, безусловно, должны были присутствовать и в этом случае. Повторюсь, это на сегодняшний день единственная причина чеканки синдских монет, в которой мы можем быть уверены. Необходимо в этой связи заметить, что затраты на их выпуск (брасаж) должны были быть значительно выше, чем обычно, в силу необходимости проведения предварительных работ по цементации (разделению золота и серебра) электра и купеляции полученного из него серебра (см. выше). Это, в свою очередь, диктовало и повышенную номинальную стоимость синдских монет. Подтверждение этому, как кажется, можно найти в самом нумизматическом материале.

⁵⁴ Howgego 1990: 18.

⁵⁵ Mørkholm 1982: 292, 297.

⁵⁶ Callataÿ de 2005: 211–218. Ср.: Bolin 1958: 102.

⁵⁷ Wartenberg 2015: 355–356.

⁵⁸ См., например: Peter 1997: 74.

Установлено, что синдские монеты чеканились по эгинскому весовому стандарту⁵⁹, в котором теоретический вес драхмы составлял 6,12 г, а диоболола, соответственно, 2,02 г. Учет мною весовых данных 86 синдских диоболов типа «голова Геракла — голова лошади» по методу весовой шкалы показал, что концентрация весов монет этого типа и номинала приходится на интервал 1,3–1,6 г, то есть в среднем не дотягивает до весовой нормы около 0,5 г. Близки указанным цифрам и значения среднего веса диоболов серии «сидящий грифон — голова лошади»⁶⁰. Именно целенаправленное понижение веса мелких фракций монетного серебра было в античности способом компенсации значительно более ощутимых расходов на их производство, чем на выпуск крупных номиналов, и одновременно получения прибыли от чеканки⁶¹. Вес синдских диоболов ниже нормы примерно на 25%. Очевидно, эта цифра отражает размер наценки, которую получали рассматриваемые монеты, и которая призвана была и компенсировать затраты на их чеканку, и принести прибыль эмитенту. Можно полагать, что синдские монеты не были переоценены больше, чем одновременное им серебро греческих центров Боспора. Находки синдских монет на территории греческих полисов, располагавшихся по обеим сторонам Керченского пролива⁶², свидетельствуют о том, что эти монеты не подвергались никакой дискриминации в денежном обращении региона и ходили наравне с выпусками Пантикапея, Нимфея и т. п. Введение синдских монет в оборот по принятому курсу облегчалось их полным соответствием стандартам греческого монетного дела и гарантировалось, надо думать, авторитетом синдского царя.

Благодаря работам Н.А. Фроловой, мы имеем сегодня представление о штемпельной раскладке синдской чеканки⁶³. Это позволяет нам получить основанное на статистических данных примерное представление о возможных объемах выпуска этих монет. Рассмотрим наиболее многочисленные выпуски диоболов двух типов: «голова Геракла — голова лошади» и «сидящий грифон — голова лошади». Согласно данным Н.А. Фроловой, первый тип представлен 19 монетами, штемпели л. с. которых поддаются идентификации. Всего ей учтено для этих монет девять штемпелей⁶⁴. Для второго типа учтено 11 монет, чеканенных шестью штемпелями л. с.⁶⁵ Можно вычислить вероятное количество изначально находившихся в работе штемпелей л. с. для обоих типов, опираясь на формулы, предложенные Дж.Ф. Картером⁶⁶. Для типа «голова Геракла — голова лошади» это 14 штемпелей, для типа «сидящий грифон —

⁵⁹ См., например: Шелов 1956: 70–71.

⁶⁰ Шелов 1956: 70–71.

⁶¹ Bresson 2006: 8–10.

⁶² Строкин 2012: 393, прим. 34; Абрамзон, Горлов 1998.

⁶³ Фролова 2002; Frolova 2004: 63–67.

⁶⁴ Frolova 2004: 63–64.

⁶⁵ Frolova 2004: 66–67.

⁶⁶ Carter 1983: 195–206. См. также: Esty 1986: 203–204.

голова лошади» — 10 штемпелей. Экспериментами британских ученых было установлено, что одним штемпелем л. с. при условии использования нагретых монетных кружков можно было отчеканить до 16 000 монет, в случае чеканки на холодных фланах эта цифра могла составлять от 5000 до 8000 монет⁶⁷. Даже если исходить из минимальной цифры, монет типа «голова Геракла — голова лошади» могло быть отчеканено 70 000, монет типа «сидящий грифон — голова лошади» — 50 000 экземпляров. При условии среднего веса синдских диоболов около 1,5 г, для чеканки подобного количества монет потребовалось бы около 80 кг серебра или приблизительно три таланта. Если условно принимать содержание золота и серебра в электроновых монетах, послуживших сырьем для чеканки синдских монет, равным для обоих металлов⁶⁸, получится, что для получения 80 кг серебра нужно было иметь около 10 000 монет типа кизикских статеров, вес которых составлял около 16 г. Напомню, что речь идет о чеканке лишь двух номиналов и двух типов монет.

Специально подчеркну, что приведенные здесь цифры в значительной степени являются условными. Мы не знаем, была ли чеканка синдских монет горячей или холодной. Формулы, предлагаемые Дж. Ф. Картером, являются весьма упрощенными и не дают представления о доверительных интервалах, т. е. возможном минимальном и максимальном первоначальном количестве использованных при чеканке штемпелей⁶⁹. Главной задачей приведенных здесь выкладок было стремление дать хотя бы в первом приближении представление о возможных объемах синдской чеканки и о том, что в любом случае речь должна была идти о десятках, если не о сотнях килограммов драгоценного металла, пущенного в оборот.

Кроме того, даже эти предельно упрощенные расчеты свидетельствуют о порочности и неприемлемости т. н. «метода учета количества лицевых штемпелей диоболов», с помощью которого В.Л. Строкин пытается установить хронологию синдской чеканки⁷⁰. Исходя из ничем не обоснованного предположения о том, что средняя продолжительность работы одного штемпеля л. с. равняется одному календарному году и опираясь на количество установленных Н.А. Фроловой для разных серий диоболов лицевых штемпелей, В.Л. Строкин, например, оценивает продолжительность чеканки диоболов с грифоном в шесть лет, а диоболов с Гераклом — в девять лет⁷¹. Неизвестно почему, исследователь наивно полагает, что Н.А. Фролова зарегистрировала *все* штемпели, использовавшиеся для чеканки этих монет, хотя элементарные расчеты показывают, что в обоих случаях их было *минимум* в полтора раза больше. Как следствие, вся «хронология», построенная на подобных, абсолютно про-

⁶⁷ Sellwood 1963: 229–230.

⁶⁸ Ср.: Melville Jones 1998: 263.

⁶⁹ Esty 1986: 204.

⁷⁰ Строкин 2012: 396–397.

⁷¹ Строкин 2012: 397.

извольных умозаключениях, рассыпается подобно карточному домику. При оценке длительности использования монетного штампея надо исходить из имеющихся в нашем распоряжении эмпирических данных о том, сколько монет *физически* может быть отчеканено таким штампеем. Если мы принимаем цифру в 5000 монет, то при условии чеканки 60 монет в час и десятичасовом рабочем дне штампель износится чуть больше, чем за неделю. Этот временной отрезок соответствует использованию штампея в наиболее жестких условиях холодной чеканки, но даже при условии применения горячей чеканки, он не превысит одного месяца. Не надо забывать и о том, что чеканка могла осуществляться параллельно на нескольких наковальнях, т. е. несколькими штампеями одновременно.

Еще А.Н. Зограф и Д.Б. Шелов указывали на крайне непродолжительный срок, в течение которого осуществлялась чеканка синдских монет, о чем недвусмысленно свидетельствовали одни и те же стилистические и технические признаки, в равной степени присущие всем синдским выпускам⁷². Однако, современные исследователи, неизвестно откуда воспринявшие порочную практику датировать выпуски *античных монет* зачастую с точностью *до года*, и увлеченные постулируемой ими непосредственной связью известных из письменных и эпиграфических источников исторических событий с типологией и хронологией боспорской чеканки, отказались от взвешенного подхода предшественников и создали, по существу, некую параллельную историю развития монетного дела Боспора, основанную на их субъективных представлениях о монетном деле античности. Продолжительность выпуска синдских монет была растянута ими до 25–40 лет⁷³.

Между тем, в нашем распоряжении сегодня имеются объективные данные, позволяющие не только подтвердить правоту А.Н. Зографа и Д.Б. Шелова в отношении кратковременности синдской чеканки, но и уточнить последовательность выпусков синдских монет. Речь идет об анализе штампелей о. с. диоболов с грифоном и с головой Геракла. В ходе изучения материалов, размещенных на уже упоминавшемся интернет-ресурсе «bosporan-kingdom» (см. прим. 1), мне удалось обнаружить диоболы обоих типов, чеканенные одним и тем же штампеем о. с. (Илл. 17–19)⁷⁴. Самое интересное состоит в том, что на диоболах с головой Геракла этот штампель демонстрирует бóльшую степень износа, чем на диоболах с грифоном — отчетливо видны прогрессирующие следы щербин вдоль верхнего и нижнего краев штампея, налицо все более сильное выкрашивание деталей изображения (глаз коня) или их более расплывчатый характер (ухо коня). Эти факты безусловно свидетельствуют о том,

⁷² Зограф 1951: 168–169; Шелов 1956: 45. Их точку зрения разделяет В.Д. Кузнецов: Кузнецов 2016: 262, 271.

⁷³ Строкин 2012: 404–405; Горончаровский, Терещенко 2014: 108.

⁷⁴ <https://bosporan-kingdom.com/059--2023/5.html>; <https://bosporan-kingdom.com/051--2022/27.html>; <https://bosporan-kingdom.com/051--2022/55.html>.

что, во-первых, диоболы с головой Геракла чеканились позже диоболов с грифоном, во-вторых, чеканка обеих серий осуществлялась без какого-либо значительного временного перерыва, во время которого могли быть вырезаны новые штампы и, в-третьих, она проводилась в определенной спешке и условиях временного цейтнота, когда не было возможности заменить дефектный штамп новым. Более того, об отсутствии значительного перерыва между выпуском обеих серий говорит и использование для чеканки диоболов с головой Геракла еще одного штампа о. с., вырезанного тем же мастером, что изготовил рассмотренный выше штамп предыдущей серии (Илл. 20)⁷⁵. Ручку одного и того же мастера можно увидеть еще на ряде монет обеих серий. Получается, что одни и те же мастера резали штампы для диоболов того и другого типа, что еще раз свидетельствует об их близости во времени.

Из всех современных исследователей, занимавшихся классификацией выпусков синдского серебра, насколько мне известно, только В.Л. Строкин поместил серию монет с головой Геракла в конце синдской чеканки, руководствуясь, однако, при этом тем простым соображением, что «сюжеты из нумизматики Гераклеи Понтийской» являются наиболее поздними среди «иноземных чеканок» с которых, как он считал, синды заимствовали изображения для своих монет⁷⁶. Все остальные ученые относили синдские монеты с грифоном к позднему выпуску⁷⁷. Как сегодня, однако, становится ясно, именно монеты с головой Геракла завершали чеканку синдских монет.

Подведем некоторые итоги. Чеканка монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ представляла собой эпизод в истории боспорской нумизматики последней четверти V в. до н. э. Можно полагать, что их выпуск носил разовый характер, был обусловлен стремлением синдских царей получить определенную прибыль, реализовав свое право на чеканку, и длился ровно столько времени, сколько было необходимо для перечеканки в монету тех запасов серебра, которые были получены после переработки находившихся в распоряжении синдских царей электровых монет. Остается неизвестным, как могло использоваться полученное в ходе этого процесса золото, но соблазнительное предположение о том, что из него также могли чеканиться те золотые синдские монеты, о которых писали Ю.С. Крушкол и Л.Н. Казаманова⁷⁸, должно быть отвергнуто, поскольку эти монеты, безусловно, являются фальшивыми. Эта чеканка осуществлялась приглашенными греческими мастерами, о чем свидетельствует внешний облик монет и их легенда. Вполне вероятно, что это были специалисты пантикапейского монетного двора, на что указывает отмечаемая исследователями техническая и стилистическая близость этих монет к монетной продук-

⁷⁵ <https://bosporan-kingdom.com/051--2022/50.html>.

⁷⁶ Строкин 2012: 385.

⁷⁷ Фролова 2002: 76–77; Frolova 2004: 66–67; Анохин 2010: 125–126; Горончаровский, Терещенко 2014: 99–100.

⁷⁸ Крушкол 1946; Казаманова 1963.

ции Пантикапея⁷⁹. В нашем распоряжении нет никаких сведений о том, что подобная чеканка могла производиться на монетном дворе Пантикапея или другого греческого центра, поэтому в настоящий момент наиболее логичным было бы предположить, что весь технологический процесс выпуска синдских монет осуществлялся в столице Синдского царства, каковой, очевидно, был город Лабрис (Семибратнее городище), в котором, вероятнее всего, аккумулировались сокровища синдских царей и около которого размещались царские синдские курганы⁸⁰. Значительная концентрация здесь находок синдских монет⁸¹, а также открытие остатков металлургического производства⁸², как кажется, также говорят в пользу подобного предположения. В.А. Анохин очень верно подчеркнул тот факт, «что термин «монетный двор», который часто употребляется современными авторами, вообще неприменим к монетному производству многих мелких городов Древней Греции, включая и Северное Причерноморье»⁸³. Чуть ниже он приводит данное А.Н. Зографом описание монетного двора индийского раджи XIX в.: «это мастерская, помещающаяся в небольшом сарайчике, имеющая два-три горна, такое же количество наковален и соответствующее число рабочих, весьма, по-видимому, близка к нормальному облику древнегреческого городского монетного двора»⁸⁴. Однако, поставить точку в поисках ответа на вопрос, где же на самом деле чеканились монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ, могут лишь новые археологические исследования и открытия.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, Горлов 1998 — *Абрамзон М.Г., Горлов Ю.В.* Два «синдских» диобола, найденных в Фанагории // РА. 1998. 3. С. 141–145.
- Анохин 1965 — *Анохин В.А.* Монеты скифского царя Атея // Нумизматика и сфрагистика. 1965. 2. С. 3–15.
- Анохин 2010 — *Анохин В.А.* Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике. Киев, 2010.
- ВДИ* — Вестник древней истории.
- Герасимов 1975 — *Герасимов Т.* Антични и средновековни монети в България. София. 1975.
- Горончаровский 2009 — *Горончаровский В.А.* Лабрис (Семибратнее городище) и синды (по материалам полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2008 гг.) // Степи Евразии и история Боспора Ким-

⁷⁹ Зограф 1951: 168; Шелов 1956: 45; Горончаровский, Терещенко 2014: 107–108.

⁸⁰ Горончаровский 2009: 154; Горончаровский, Терещенко 2014: 104.

⁸¹ Строкин 2012: 393.

⁸² Смекалова, Горончаровский, Дюков, 2007: 34–36.

⁸³ Анохин 2010: 124.

⁸⁴ Анохин 2010: 124.

- мерийского. Симферополь; Керчь, 2009 (Боспорские исследования. XXII). С. 150–187.
- Горончаровский, Терещенко 2014 — *Горончаровский В.А., Терещенко А.Е.* Типология и хронология синдской чеканки // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы и хронология. Керчь, 2014 (Боспорские чтения. XV). С. 99–114.
- Златковская 1971 — *Златковская Т.Д.* Возникновение государства у фракийцев. VII–V вв. до н. э. М., 1971.
- Зограф 1951 — *Зограф А.Н.* Античные монеты. М.; Л. 1941 (Материалы и исследования по археологии СССР. 16).
- Карышковский 1982 — *Карышковский П.О.* О монетах царя Фарзоя // В.П. Ванчугов, Г.А. Дзис-Райко (ред.). Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 66–82.
- Казаманова 1963 — *Казаманова Л.Н.* Поддельные синдские монеты // Нумизматика и эпиграфика. 1963. IV. С. 130–135.
- Крушкол 1946 — *Крушкол Ю.С.* Золотая монета Синдики // ВДИ. 1946. 4. С. 164–166.
- Кузнецов 2016 — *Кузнецов В.Д.* Фанагория и Синдика: некоторые заметки // А.А. Завойкин (ред.). Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 2. М., 2016 (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 4). С. 250–278.
- Орешников 1922 — *Орешников А.В.* Этюды по нумизматике Черноморского побережья // Известия РАИМК. 1922. Т. II. С. 113–138.
- РА — Российская археология.
- РАИМК — Российская академия истории материальной культуры.
- СА — Советская археология.
- Смекалова Т.Н. 2000 — *Смекалова Т.Н.* Значение изучения состава монетных сплавов для античной нумизматики (на примере Боспора) // Масленников А.А., Завойкин А.А. (ред.). Древности Боспора. Вып. 3. М., 2000. С. 260–301.
- Смекалова, Дюков 2001 — *Смекалова Т.Н., Дюков Ю.А.* Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира. СПб., 2001.
- Смекалова, Горончаровский, Дюков, 2007 — *Смекалова Т.Н., Горончаровский В.А., Дюков Ю.Л.* Магнитометрическое исследование Семибратнего городища и монеты синдс // Тезисы докладов XIV Всероссийской нумизматической конференции. СПб., 2007. С. 34–36.
- Строкин 2012 — *Строкин В.Л.* Синдские монеты: взгляд из «Синдики» // Масленников А.А. (ред.). Древности Боспора. Вып. 16. М., 2012. 16. С. 379–417.
- Тохтасьев 2001 — *Тохтасьев С.Р.* Еще раз о синдских монетах и синдском царстве // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 1. СПб., 2001. С. 63–79.
- Фролова 1964 — *Фролова Н.А.* Монеты скифского царя Скилура // СА. 1964. 1. С. 44–55.

- Фролова 2002 — *Фролова Н.А.* Корпус монет синдвов (Первая половина — конец V в. до н. э.) // ВДИ. 2002. 3. С. 71–84.
- Шелов Д.Б. — *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М., 1956.
- Яйленко 2017 — *Яйленко В.П.* История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. — VII в. н. э. СПб., 2017.
- Aulock von 1960 — *Sammlung v. Aulock. Ionien.* Berlin, 1960 (*Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland*).
- Bodenstedt 1981 — *Bodenstedt Fr.* Die Elektronmünzen von Phokaia und Mytilene. Tübingen, 1981.
- Bolin 1958 — *Bolin S.* State and Currency in the Roman Empire to 300 A.D. Stockholm, 1958.
- Bresson 2006 — *Bresson A.* The Origin of Lydian and Greek Coinage: Cost and Quantity. Excerpt from “Historical Research”. 2006. 5. P. 149–165 (in Chinese translation).
- Callataj de 2005 — *Callataj de F.* La frappe libre a-t-elle existé dans l'Antiquité Greco-romaine? // XIII Congreso Internacional de Numismática. Actas — Proceedings — Acts. Madrid, 2005. P. 211–217.
- Carter 1983 — *Carter G.F.* A Simplified Method for Calculating the Original Number of Dies from Die Link Statistics // American Numismatic Society. Museum Notes. 1983. 28. P. 195–206.
- Craddock, Cowell, Guerra 2005 — *Craddock P., Cowell M.R., Guerra M.-F.* Controlling the Composition of Gold and the Invention of Gold Refining in Lydian Anatolia // Ü. Yalçın (Hrsg.). Anatolian Metal. III/18. Bochum, 2005. P. 67–77.
- Esty 1986 — *Esty W.W.* Estimation of the size of a coinage: a survey and comparison of methods // Numismatic Chronicle. 1986. 146. P. 185–215.
- Figueira 1998 — *Figueira Th.* The Power of Money. Coinage and Politics in the Athenian Empire. Philadelphia, 1998.
- Fritze von 1912 — *Fritze von H.* Die Elektronprägung von Kyzikos // Nomisma. 1912. VII. S. 1–38.
- Frolova 2004 — *Frolova N.A.* Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosphoros (Mitte 6. Bis Anfang 4. Jh. v. Chr.). Die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder. Berlin, 2004.
- Furtwängler 1982 — *Furtwängler A.* Griechische Vieltypenprägung und Münzbeamte // Schweizerische Numismatische Rundschau. 1982. T. 61. S. 5–30.
- Graham 1984 — *Graham A.J.* Commercial Interchanges between Greeks and Natives // Ancient World. 1984. X. P. 3–10.
- Head 1892 — *Head B.V.* Catalogue of the Greek Coins of Ionia. L., 1892.
- Howgego 1990 — *Howgego Chr. J.* Why did Ancient States strike Coins? // Numismatic Chronicle. 1990. 150. P. 1–25.

- Hurter, Liewald 2002 — *Hurter S.M., Liewald H.-J.* Neue Münztypen der Kyzikener Elektronprägung // *Scweizerische Numismatische Rundschau*. 2002. T. 81. S. 21–49.
- Keyser, Clark 2001 — *Keyser P.T., Clark D.D.* Analyzing and Interpreting the Metallurgy of Early Electrum Coins // Balmuth M.S. (ed.). *Hacksilber to Coinage: New Insights into the Monetary History of the Near East and Greece*. New York, 2001 (Numismatic Studies. No. 24). P. 105–126.
- Konuk 2002 — *Konuk K.* The Muharrem Kayhan Collection. Istanbul; Bordeaux, 2002 (*Sylloge Nummorum Graecorum*. Turkey 1.).
- Konuk, Lorber 2012 — *Konuk K., Lorber C.* White Gold. Revealing the World's Earliest Coins. Jerusalem, 2012.
- Kovalenko 2018 — *Kovalenko S.A.* Monetary Portraiture in the Northern Black Sea Littoral. Athens. 2018 (*Memoranda Numismatica Atheniensi*a. 2).
- Melville Jones 1998 — *Melville Jones J.R.* The Value of Electrum in Greece and Asia // Ashton R., Hurter S. (eds.). *Studies in Greek Numismatics in Memory of Martin Jessop Price*. L., 1998.
- Mørkholm 1982 — *Mørkholm O.* Reflections on the Production and Use of Coinage in Ancient Greece // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1982. Bd. 31. H. 3. P. 290–305.
- Mundell 2002 — *Mundell R.A.* The Birth of Coinage. New York, 2002 (Discussion Paper #: 0102–08).
- Peter 1997 — *Peter U.* Die Münzen der Thrakischen Dynasten (5. — 3. Jahrhundert v. Chr.). Hintergründe ihrer Prägung. Berlin, 1997.
- Ramage, Craddock 2000 — *Ramage A., Craddock P.* King Croesus' Gold. Excavations at Sardis and the History of Gold Refining. Cambridge, 2000 (*Archaeological Exploration of Sardis*. XI).
- Sellwood 1963 — *Sellwood D.G.* Some Experiments in Greek Minting Technique // *Numismatic Chronicle*. 1963. P. 217–231.
- van Alfen 2012 — *van Alfen P.* Problems in the Political Economy of Archaic Greek Coinage // *Notae Numismaticae*. 2012. VII. P. 13–36.
- Zareba 2011 — *Zareba A.* An Analysis of Electrum Coinage in Ancient Greece. New Jersey, 2011.
- Wartenberg 2015 — *Wartenberg U.* Thraco-Macedonian Bullion Coinage in the Fifth Century D.C.: The Case of Ichnai // Wartenberg U., Amandry M. (eds.). *ΚΑΙΡΟΣ. Contributions to Numismatics in Honor of Basil Demetriadi*. New York, 2015. P. 347–364.
- Weidauer 1975 — *Weidauer L.* Probleme der frühen Elektronprägung. Fribourg, 1975.

SINDIAN COINAGE: SOME REFLECTIONS ON ITS REASONS, CHARACTER AND CHRONOLOGY

SERGEY A. KOVALENKO

Abstract: The article deals with much debated silver coins with legend ΣΙΝΔΩΝ. Despite sesquicentennial history of researching, until now there is still no consensus among the scholars as to the principal questions regarding their issue. The author attempts to consider these coins, basing not on the assumptions of rather speculative character, but analyzing fixed facts whatever scanty they might be.

Keywords: coinage, metal content, monetary regalia, coin type, mint.

Сергей Анатольевич Коваленко,
кандидат исторических наук,
заведующий отделом нумизматики
ГМИИ им. А.С. Пушкина

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 80-Х ГГ. ДО Н. Э. НА ТЕРРИТОРИИ ПРОВИНЦИИ АФРИКА*

А.В. КОРОЛЕНКОВ

Резюме: Римская провинция Африка играла важную роль во время гражданских войн в Риме со времён борьбы между сулланцами и марианцами. Автор рассматривает пребывание на её территории Мария после его бегства из Италии и с Сицилии, загадочное поведение Метелла Пия, конфликт между Метеллом и Крассом, наместничество и гибель Фабия Адриана, разгром Домиция Агенобарба Помпеем. Бездеятельность Метелла объясняется его секретным соглашением с Цинной и позднее (предположительно) с Фабием Адрианом. Автор подчёркивает в целом пассивную позицию населения провинции в ходе смуты.

Ключевые слова: римская Африка, гражданская война 80-х гг. до н. э. в Риме, Марий, Метелл Пий, Красс, Фабий Адриан, Домиций Агенобарб, Помпей.

Провинции Африка было суждено сыграть заметную роль в истории гражданских войн в Риме. На её земле пытался вывести колонию Гай Гракх, именно там началось возвышение Мария и (правда, в куда меньшей мере) его будущего врага Суллы, там же получили землю ветераны арпината по закону Апулея 103 г.¹ — первому закону такого рода в эпоху Поздней Республики. Ареной важных событий стала она и в годы первой гражданской войны — как в начале её, так и в конце.

Как известно, после объявления его врагом Гай Марий бежал сначала в окрестности Рима, затем на Сицилию, а оттуда в Африку. Её наместник Секстилий, когда арпинат после короткой остановки на о. Менинг высадился на территории подведомственной ему провинции, предпочёл позицию недружественного нейтралитета, потребовав от Мария покинуть Африку (*Plut. Mar.* 40.6–10), где тот мог рассчитывать на поддержку своих ветеранов, получивших здесь участки по упомянутому *lex Appuleia agraria*², а также от гетулов, многим из которых Марий также делал земельные пожалования³. Иначе говоря, при всей своей холодности в отношении арпината Секстилий не спешил выполнять приказ из Рима⁴. В. Ине даже считал, что наместнику оставалось послать людей

* Данная статья представляет собой расширенный вариант доклада, сделанного 25 октября 2018 г. на XX Жебелёвских чтениях в СПбГУ.

¹ Здесь и далее все даты — до н. э.

² Carney 1961: 112; Ooteghem 1964, 298; Sordi 1991, 409.

³ *Ps.-Caes. Afr.* 56.3; Ooteghem 1964, 298–299; Sordi 1991, 410.

⁴ Weynand 1935: 1415; Carney 1961: 114.

с приказом убить Мария, либо присоединиться к нему, но никак не делать того, о чём пишет Плутарх⁵. Стоит, однако, заметить, что объявление Мария врагом не предполагало *de iure* обязательного его убийства, хотя так иногда и считается⁶. К тому же Секстилий наверняка знал, что решение о расправе с Марием одобряется далеко не всеми (аргумент не юридический, но важный в условиях спорной законности объявления Мария *hostis*). Вряд ли прав и Т.Ф. Кэрни, считая, что такая позиция привела к краху карьеры Секстилия, который больше никаких должностей не занимал⁷ — ведь он уже добился претуры, а на консулат вряд ли мог рассчитывать в силу своего не очень знатного происхождения.

Марий явно не торопился покинуть Африку и дождался сына, который успел побывать в Нумидии при дворе Гиемпсала⁸, который, если верить Плутарху (Mar. 40.10–14), в конце концов решил его схватить и даже выслал за ним всадников, но отец и сын успели отплыть на Керкину⁹. Там они начали готовиться к новому туру борьбы.

Ситуация в Африке после победы марианцев в 87 г. не вполне ясна. Известно, что там находился со своими войсками Метелл Пий, удалившийся туда¹⁰ после участия в обороне Рима, а затем в 84 г. был изгнан оттуда Г. Фабием Адрианом (*Liv. Per.* 84)¹¹. Известно также, что к нему на какое-то время присоединился прибывший из Испании М. Лициний Красс, который, однако, вскоре с ним поссорился и уехал к Сулле (*Plut. Crass.* 6.2).

В каком статусе пребывал в Африке Метелл, неясно. Обычно считается, что он удалился в Африку, чтобы готовиться там к борьбе с циннанцами¹².

⁵ Ihne 1879, 352, Anm. 1; Weynand 1935: 1415.

⁶ Gaughan 2010, 127.

⁷ Carney 1961: 114.

⁸ По Орозию (5.19.8), сын Мария находился в заключении в Утике, что, по-видимому, ошибка (Gsell 1928: 278, n. 1; Carney 1961: 114, n. 3).

⁹ Очевидно, Марий находился среди гетулов, чьи земли находились напротив Керкины (Carney 1961: 114).

¹⁰ Прямо в источниках об этом не сказано, но то, что Метелл Пий оказался в 84 г. в Африке, позволяет предполагать его пребывание там после падения Рима, благо он наверняка имел связи в тех краях ещё со времён Югуртинской войны (Münzer 1897: 1222; Gsell 1928: 278; Ooteghem 1967: 181; Anm. 2; Ładoń 2018: 196). Ж. Ван Отегем — по-видимому, ошибочно — пишет о пребывании Метелла в Африке с 86 г., хотя Цинна и Марий взяли Рим в 87 г., а Р. Эванс (Evans 1997: 82, n. 28) уже к 86 г. относит изгнание Метелла из тех краёв Фабием Адрианом (!).

¹¹ Эпитоматор Ливия (per. 84) применительно к 84 г. называет Фабия претором, тогда как Псевдо-Асконий (241 St.) приводит наряду с этой версией, согласно которой он был легатом. Исследователи принимают первый вариант (Ihne 1879: 391; Broughton 1952: II, 60; Münzer 1909: 1771; Ooteghem 1967: 181; Lovano 2002: 95). П. Романелли, добавляя к указанным сообщениям данные Орозия о пропретуре Фабия констатирует, что античные авторы не согласны друг с другом в вопросе о статусе последнего, поскольку его назначение не было вполне законным, исходя от марианцев (Romanelli 1959: 91–92, n. 1). Суждение весьма странное, поскольку сами древние легитимность назначения Фабия под вопрос не ставят, а ссылка на Орозия явно ошибочна, поскольку он говорит уже о событиях 82, а не 84 г. (см. ниже).

¹² Münzer 1897: 1222; Gsell 1928: 279; Ooteghem 1967: 181. К.С. Маккей допускает, что Метелл жил в середине 80-х гг. за пределами померия, сохраняя империй, но воздерживаясь от политической

Однако это вызывает серьёзные сомнения: ни о какой его активности до 84 г. мы не слышим, да и если в 84 г. марианцы достаточно легко вытеснили его оттуда (см. ниже), то имеются все основания подозревать, что они могли в случае враждебной позиции Метелла сделать это и раньше. Судя по всему, между ним и Цинной в конце осады Рима было заключено соглашение о взаимном нейтралитете, соблюдавшееся до смерти последнего¹³. Возникает, однако, вопрос, в каком статусе Метелл там находился. Трудно себе представить, что он был наместником¹⁴ — во-первых, отдавать богатейшую провинцию отнюдь не самому лояльному человеку было небезопасно, а во-вторых, *eo ipso* Цинна продемонстрировал бы свою слабость, да и его окружение вряд ли согласилось бы на это. К тому же вряд ли Плутарх, говоря об уходе Метелла из-под Рима, не упомянул бы, что тот открыто перешёл на сторону победителей. Обращает также на себя внимание, как легко Фабий его, одного из лучших полководцев Рима, изгнал из Африки. Это позволяет предположить, что с Метеллом не было его ветеранов или их было совсем немного (вероятнее второе). К тому же будь он наместником, то смог бы подготовить достаточно сильное для отпора войско. Всё это позволяет предложить следующую реконструкцию: Метелл распустил значительную часть войска, сохранив лишь небольшой отряд, с которым и отбыл в Африку, где занял какой-то из районов провинции и не предпринимал враждебных действий против циннанцев¹⁵. В 84 г., после смерти Цинны¹⁶, одна из сторон разорвала соглашение (вероятно, марианцы как обладавшие перевесом в силах), и начались боевые действия. Именно тогда Метелл мог собрать «большое войско (*στρατὶὰν οὐκ εὐχάταφρόνητον*)»¹⁷, о котором пишет Плутарх (Crass. 6.2), что, впрочем, может быть сильным преувеличением¹⁸, притом ещё неизвестна его боеспособность (если говорить о новобранцах),

деятельности, и отбыл в Африку лишь после смерти Цинны (Mackay 2000: 188, n. 87). Явным недоразумением представляется утверждение Р.Т. Ридли, будто ни Метелл Пий, ни Красс не покидали в те годы Италию (Ridley 2000: 228–229).

¹³ См. Короленков 2013: 119–120.

¹⁴ Хотя Р. Смит явно считает именно так (см. Smith 1958: 17).

¹⁵ Правда, в перихохе 84-й книги Ливия говорится, что Метелл Пий держал сторону оптиматов, когда шла война в Африке (*Q. Metellus Pius, qui partes optimatum secutus erat, cum in Africa bellum moliretur*), но здесь вполне могут подразумеваться только боевые действия в 84 г., когда он и был изгнан из Африки.

¹⁶ Ж. Ван Отегем считает 85 г. последним годом пребывания Метелла в Африке (Ooteghem 1967: 191), М. Ловано допускает его наряду с 84-м (Lovano 2002: 95). Однако прежде следовало бы показать, что хронология перихохов Ливия, действительно не всегда надёжная, в данном случае также неверна: о гибели Цинны (84 г.) говорится в *per. 83*, о действиях Фабия Адриана — в *per. 84*.

¹⁷ П. Романелли представляет дело так, будто Метелл ещё до 84 г. собрал «довольно большое войско», чтобы сразиться на стороне Суллы против марианцев (Romanelli 1959: 91). И хронология, и мотивация вызывают сомнения — вполне возможно, что в тот момент Метелл ещё не решил, чью сторону примет, допуская компромисс в дальнейшем.

¹⁸ Некоторые учёные пишут о легионах Метелла — в порядке гипотезы (Cantalupi 1899: 68), а то и безо всяких оговорок (Cascorino 1947: 122), что вряд ли приемлемо.

тогда как Фабий мог привлечь к операции проживавших в Африке ветеранов Мария¹⁹.

Обращает на себя внимание, что Метеллу не помешали покинуть Африку; как считается, последний отправился из Африки в Лигурию, поскольку именно там он упоминается применительно к началу гражданской войны Аппианом²⁰. Поскольку отвергать это сообщение нет оснований, то приходится предположить, что Метелл пересёк Средиземное море без особых препятствий. К тому же *hostis* его объявили только в 83 г. (*App. BC. I.86.390*). Всё это позволяет предположить, что марианцы и на сей раз не стремились вести с ним войну на уничтожение — целью операции было его вытеснение из Африки, и когда он на это согласился, ему дали возможность удалиться оттуда.

Если события развивались именно так, то становятся понятно, что могло вызвать ссору Метелла и Красса, которую обычно объясняют просто личными причинами²¹. Последний вёл в Испании активные боевые действия против марианцев, и нет никакого сомнения, что то же самое он собирался делать и в Африке, особенно если учесть, что потерял по их вине отца и брата. Однако Метелл, судя по всему, либо уже заключил новое соглашение с Фабием, либо был близок к этому и не собирался в данный момент обострять ситуацию²². Недаром Красс отплыл именно на Восток, чтобы присоединиться к Сулле, который готовился к решительному удару. Метелл, по-видимому, также не собиравшийся полностью отказываться от борьбы, предпочёл тем не менее не спешить и сохранять для себя автономное положение, пока позволяют обстоятельства.

Фабий²³ удерживал в повиновении марианцам не только Африку, но и, очевидно, Нумидию, что, несомненно, требовало немалых затрат и жёсткости, почему, надо полагать, он и навлёк на себя обвинения в алчности и тирании²⁴.

¹⁹ Poma 1981: 33.

²⁰ *App. BC. I.80.365*; Моммзен 1994: 233; Münzer 1897: 1222; Carcopino 1947: 122; Ooteghem 1967: 191). Л. Парети, однако, считает, что он сначала побывал в Лигурии, а потом появился в Африке, откуда было гораздо удобнее присоединиться к Сулле на юге Италии (Pareti 1953, 596, п. 1). Но в этом случае неясно, где же находился Метелл до весны 83 г., когда в Италии высадился Сулла. Если Метелл действительно преодолел путь от Африки до Лигурии, то это лишний раз подтверждает немногочисленность его отряда. Что касается утверждения М. Ловано об отбытии Метелла после поражения от Фабия в Нумидию к Гиемпсалу (Lovano 2002: 95), то неясно, на каких источниках оно основано.

²¹ Ward 1977: 61. Красс, по мнению А. М. Уорда, как предводитель отдельного войска хотел занять более высокое положение, чем готов был предоставить ему Метелл Пий, не привыкший с кем-то делить власть.

²² Т. Ладонь также склонен объяснять конфликт Метелла и Красса осторожной позицией первого и стремлением к активным действиям второго (Ładoń 2018: 197).

²³ К тому времени пропретор (*Oros. 5.20.3*; Broughton 1952: 69). Правда, Цицерон (*Verr. 2.5.94*) называет его на момент гибели претором, но это лишь риторический приём, поскольку тут же назван на момент наместничества претором и Веррес, который управлял Сицилией в качестве пропретора.

²⁴ См. *Cic. Verr. 2.1.70*; Lovano 2002: 95. П. Романелли пишет также о его жестокости (Romanelli 1959: 92), но в источниках об этом речи не идёт.

При этом античные авторы утверждают, что он опирался на рабов (*Oros.* 5.20.3; *Ps.-Ascon.* 241 St.), а Орозий даже уверяет, будто Фабий с их помощью стремился завладеть *regnum* в Африке — очевидный результат искажения событий в позднем источнике²⁵. Важнейшим резонансом в пользу расправы с пропретором могли стать успехи Суллы и его военачальников в Италии²⁶ — в этих условиях можно было рассчитывать на то, убийство наместника останется безнаказанным²⁷, и если такие расчёты имели место, то они, как мы увидим ниже, оправдались.

Так или иначе, в 82 г. недовольные расправились с наместником, сжёгши его в Утике в собственном доме или в претории — если верить Орозию, со всей его фамилией²⁸. Не вполне ясно, что означают упоминания Псевдо-Аскония о *corruptum servitium* и Орозия о *manus servitium* Фабия. Сомнительно, что он решил бы использовать рабов в качестве главной вооружённой силы — скорее всего, таковыми были местные поселенцы²⁹; не исключено, что речь шла об отряде телохранителей-вольноотпущенников³⁰. Орозий (5.20.3) утверждает, что [бывшие] хозяева рабов Фабия и убили его. Возможно, что он просто выкупил в своё время кого-то из них у своих будущих убийц (или того, кого таковым считала молва). Валерий Максим (9.10.2) сообщает, что убийство совершили римские граждане, тогда как Цицерон прямо этого не утверждает, хотя и пишет об их сильном недовольстве действиями наместника³¹. Однако напрямую участвовать в расправе с пропретором им и не требовалось.

По словам Цицерона (*Ver.* 2.1.70), все считали убийство Фабия настолько справедливым, что не было даже назначено следствия. Ф. Мюнцер объясняет это приходом к власти сулланцев, которым было неинтересно разбираться, кто умертвил враждебного им наместника³²). Однако власть марианцев в Африке продержалась как минимум до рубежа 82–81 гг. (см. ниже), а потому

²⁵ Е.М. Штаерман, очевидно, опирается на это сообщение, когда пишет, что Фабий хотел захватить власть в Африке (Штаерман 1977: 10), но не вызывает сомнений, что он уже и так обладал ею.

²⁶ В известном смысле это напоминает ситуации во время покушения на Кв. Кассия и восстания против него в 48–47 гг. (см. Циркин 2005, 222–235).

²⁷ П. Романелли считает случившееся просулланским выступлением (Romanelli 1959: 92), но главным было, по-видимому, желание воспользоваться успехами сулланцев для расправы с Фабием, а не угодить будущему диктатору.

²⁸ *Cic. Ver.* 2.1.70; *Diod.* 38.11; *Liv. Per.* 86; *Val. Max.* 9.10.2; *Ps.-Ascon.* 241 St.; *Oros.* 5.20.3. К. Декнател ошибочно пишет о том, что Африку освободил от Фабия Адриана Помпей (Deknatel 1901: 6). Весьма спорна также точка зрения П. Романелли, который считает случившееся просулланским выступлением (Romanelli 1959: 92) — ничто в источниках на это не указывает.

²⁹ Brunt 1971: 451 — в том числе, по мнению П.А. Бранта, потомки гракханских колонистов; вероятнее, впрочем, что гораздо больше там было поселившихся в Африке ветеранов Мария (Greenhalgh 1980: 34) и их детей.

³⁰ В. Ине считает, что Фабий только собирался вооружить рабов («по примеру Мария») (Ine 1879: 391).

³¹ *Cic. Ver.* 2.1.70; Poma 1981: 23.

³² Münzer 1909: 1771.

времени для расследования вполне хватало. Другое дело, что преемник Фабия, видимо, решил не портить отношения с местной верхушкой и предал случившееся забвению — по крайней мере до победы над сулланцами, если бы её удалось одержать.

После разгрома основных сил марианцев в Италии Африка продолжала оставаться под контролем последних³³. Их силы там возглавил зять Цинны Гней Домиций Агенобарб³⁴. В каком статусе он действовал — неизвестно³⁵; возможно, официального назначения от сената Домиций не получил³⁶, однако в тех условиях это уже не имело значения — других претендентов на командование не было. Ему оказал поддержку нумидийский царь Ярба, который в своё время изгнал с помощью марианцев прежнего царя Гиempсала и занял его место³⁷. Против них³⁸ Сулла направил Помпея, завершившего покорение Сицилии. Последний отплыл оттуда на 120 боевых и 800 грузовых кораблях после окончания операции по захвату Сицилии, оставив там Меммия, мужа своей сестры (*Plut. Pomp. 11.2*). Одна часть армии Помпея, насчитывавшей шесть легионов, высадилась в Карфагене, другая — в Утике. На его сторону, как сообщают Плутарх (*Pomp. 11.3*) и Зонара (10.2), сразу же перешло 7 000 вражеских воинов, что не только ослабило Домиция, но и наверняка породило у него неуверенность в своих силах, отнюдь, кстати, не столь уж многочисленных — Плутарх (*Pomp. 11.4*) пишет о его 20-тысячном войске на момент решающего сражения, происшедшего недалеко от Утики (*Oros. 5.21.13*)³⁹. Атаковать Помпея Домиций не решился из-за сильного дождя и ветра, а также оврага,

³³ Romanelli 1959: 92; Poma 1981: 34.

³⁴ Ф. Мюнцер считает, что Агенобарб бежал в Африку только после битвы у Коллинских ворот (*Münzer 1905: 1327*), но это не более чем догадка, основанная на хронологически туманном сообщении Плутарха (*Pomp. 10.1*) о вторжении туда Домиция, и ничто не мешает отнести его прибытие к более раннему времени и считать преемником Фабия (*Greenhalgh 1980: 34; Southern 2002: 34*), убитого ещё до сражения у Коллинских ворот — первое, судя по эпитомам, было описано в 86-й книге Ливия, второе — в 88-й.

³⁵ Broughton 1952: 69.

³⁶ Southern 2002: 34. Однако он мог обладать империем, например, как *legatus pro praetore*.

³⁷ По мнению М. Гельцера, без его помощи войска Домиция не представляли бы собой серьёзной силы (*Gelzer 1942: 30*). В. Друман считает, что большинство воинов Домиция составляли нумидийцы наряду с местными жителями (*Drumann 1908: 339*).

³⁸ На основании *Schol. Bob. 103* (ad Cic. *Sest. 130*) иногда считается, что силы марианцев сосредоточились в районе Клупей (*Gsell 1928: 280; Ooteghem 1954: 62*). Однако в указанных схолиях говорится лишь о победе Помпея над Домицием и «беглыми жителями Клупей (*post oppressum Domitium Clupeanosque fugitives*)», что отнюдь не обязательно указывает на Клупею как на центр сосредоточения армии Домиция. Вполне возможно, что в его армии был просто отряд жителей Клупей, особо выделявшийся боеспособностью и/или многочисленностью, а потому и отмеченный в источнике.

³⁹ С учётом 7000 недавно перешедших на сторону неприятеля воинов первоначальную численность армии Домиция и Ярбы учёные определяют в 27 000 человек (*Drumann 1908, 339; Neumann 1881: 590; Miltner 1952, 2071; Leach 1978, 30*). Однако отнюдь не очевидно, что у марианцев и нумидийцев не было других отрядов. По-видимому, ядро этих сил (независимо от их численности) составляли войска, собранные ещё Фабием Адрианом (*Brunt 1971, 451; Poma 1981: 33*).

отделявшего их от врага, и начал отход. Неприятель воспользовался этим и начал наступление сам, перейдя упомянутый овраг, переправиться через который уже никто ему не мешал. Важную роль сыграла, вероятно, более высокая боеспособность воинов Помпея, прошедших кампанию 83–82 гг. и вряд ли сомневавшихся в победе. Ряды воинов Домиция и Ярбы, если верить Плутарху, расстроились при отходе, что усугубило их положение. Обратив противника в бегство, солдаты Помпея провозгласили своего полководца императором, однако он потребовал прежде захватить вражеский лагерь, что они и сделали. Из 20 000 воинов Домиция и Ярбы спаслись, как уверяет Плутарх (Ромр. 12.4), лишь 3 000 (неясно, попали ли они в плен). Орозий (5.21.13) близок к нему, говоря о 18 000 убитых. Домиций, судя по всему, попал в плен⁴⁰ и был казнён⁴¹. Города Африки быстро перешли под власть Помпея — часть из них пришлось брать штурмом, другие сдались без боя, но какие именно, мы не знаем. Помпей также совершил карательный поход в Нумидию, взял в плен и казнил Ярбу, а его престол передал Гиемпсалу. Вся операция, считая урегулирование отношений на местах, если верить Плутарху и Зонаре, заняла сорок дней⁴². Об этом урегулировании ничего конкретного неизвестно, если не считать того, что Помпей в доказательство своей силы и ловкости утроил охоту на слонов и львов (*Plut. Rompr.* 12.6–8). Неудивительно, что в Африке мы не встречаем, как в Испании после Серторианской войны, множества Помпеев (см. единичные случаи: *Cic. Valb.* 51) — у последнего просто не было времени обзавестись там обширной клиентелой.

О позиции местного населения следует сказать особо. Мы уже видели на примере убийства Фабия Адриана, что она не была совершенно пассивной. В то же время больше ни о каких действиях провинциалов мы не слышим — судя по всему, они просто не видели в них смысла, поскольку победа или по-

⁴⁰ П. Сазерн пишет, что Домиций мог и не быть проскриптом (*Southern* 2002: 35), однако эпитоматор Ливия недвусмысленно пишет о нём как о *Domitius proscriptus* (*per.* 89; *Hinard* 1985: 350).

⁴¹ У Плутарха (Ромр. 12.3) и Орозия (5.21.13) Домиций Агенобарб гибнет в бою, тогда как Валерий Максим сообщает об обвинениях Помпея в казни Агенобарба, брошенных в лицо полководцу неким Гельвием Манцией (6.2.8), который вряд ли стал бы публично говорить явную неправду. В то же время версия, согласно которой маррианский военачальник пал в сражении, устраивала и сторонников Помпея, ибо снимала с него обвинения в жестокости, и его противников, поскольку была почётной для Агенобарба (*Münzer* 1905: 1327–1328; см. также *Ps.-Sall.* *Ep.* 1.4.1; Ф. Инар, сопоставив обе версии, но не обратив внимания на трактовку Ф. Мюнцера, оставляет вопрос открытым: *Hinard* 1985: 350). Ж. Ван Отегем почему-то приписывает эпитоматору Ливия (*per.* 89) и Евтропию (5.9.1) ту же версию, что и у Валерия Максима (*Ooteghem* 1954: 3 + п. 7), но они безо всяких уточнений пишут лишь об убийстве Домиция Помпеем (в обоих случаях *Domitium... occidit*), что можно понимать и как гибель в бою; во всяком случае, о казни Карбона в эпитомах Ливия сказано вполне конкретно: *Carbonem, qui flens muliebritur mortem tulit, captum occidit*.

⁴² *Plut. Rompr.* 12.8; *Zonar.* 10.2; см. также: *Sall. Hist.* 1.53; *Liv. Per.* 89; *Eutr.* 5.9.1; *Oros.* 5.21.13. В целом цифра сомнений не вызывает (*Mommsen* 1994: 242; *Neumann* 1881: 590; *Gelzer* 1942: 31; *Miltner* 1952: 2072; *Leach* 1978: 31; более аналитический подход — *Badian* 1955: 114–116), но весьма вероятно ее некоторое преуменьшение, как то имело место с 40 днями операции против пиратов (*Plut. Rompr.* 26.7), тогда как Цицерон (*De imp. Pomp.* 35) сообщает о 49.

ражение любой из сторон, судя по всему, заметно на их жизнь не влияла. В той лёгкости, с какой Помпей овладел штурмом несколькими городами провинции, можно усмотреть косвенное указание на безучастность населения, а сломить сопротивление немногочисленных марианских отрядов большого труда явно не составило, о чём и свидетельствуют краткие сроки, в которые уложилась операция по захвату провинции.

За африканскую кампанию Помпей, не достигший ещё 25 лет, ещё не будучи даже сенатором, в марте 81 г. удостоился триумфа⁴³, хотя и отпразднованного формально над Нумидией, фактически же подразумевавшего торжество победы над согражданами и ставшего прецедентом для аналогичного триумфа Цезаря в 46 г.⁴⁴

Таким образом, Африка была одним из важных фронтов гражданской войны. И хотя судьба Рима решалась в Италии, именно она стала местом, где возшла звезда ещё одного выдающегося полководца, хотя, в отличие от Мария, не столь талантливого политика — Помпея, африканский триумф которого стал ярким проявлением отхода от традиций прошлого.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Короленков 2013: *Короленков А.В.* Марий, Цинна и Метеллы // ВДИ. 2013. №4. С. 112–122.
- Моммзен 1994: *Моммзен Т.* История Рима. Т. II. СПб., 1994.
- Циркин 2005: *Циркин Ю.Б.* Квинт Кассий и гражданская война в Испании // Вестник древней истории. 2005. №3. С. 222–235.
- Штаерман 1977: *Штаерман Е.М.* Рабство в африканских провинциях // *Штаерман Е.М., Смирин В.М., Белова Н.Н., Колосовская Ю.К.* Рабство в западных провинциях Римской империи в I–III вв. М., 1977. С. 7–35.
- Badian 1955: *Badian E.* The Date of Pompey's First Triumph // *Hermes*. Bd. 83. 1955. P. 107–118.
- Broughton 1952: *Broughton T.R.S.* The Magistrates of the Roman Republic. Vol. II. N.Y., 1952.
- Brunt 1971: *Brunt P.A.* Italian Manpower. 225 B.C. — 14 A.D. Oxford, 1971.
- Cantalupi 1899: *Cantalupi P.* La magistratura di Silla durante la guerra civile. Roma, 1899.
- Carcopino 1947: *Carcopino J.* Sylla ou la monarchie manqué. P., 1947.
- Carney 1961: *Carney T.F.* The Flight and Exile of Marius // *Greece and Rome*. 2nd Ser. Vol. 8. 1961. P. 98–121.
- Deknatel 1901: *Deknatel Chr.* De vita M. Licinii Crassi. Diss. Lugduni Batavorum, 1901.

⁴³ Источники см. Lange 2016: 254–255, п. 59. Я исхожу из датировки Э. Бэдиана, которая представляется мне наиболее убедительной (см. Badian 1955: 107–118).

⁴⁴ См. Lange 2016, 109, 110, 124.

- Drumann 1908: *Drumann W.* Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen. 2. Aufl. /Hrsg. P. Groebe. Bd. IV. Lpz., 1908.
- Evans 1997: *Evans R.J.* The Augustan 'Purge' of the Senate and the Census of 86 BC // *Acta Classica*. Vol. 40. 1997. P. 77–86.
- Gaughan 2010: *Gaughan J.E.* Murder was not a Crime: Homicide and Power in the Roman Republic. Austin, 2010.
- Gelzer 1942: *Gelzer M.* Cn. Pompeius Strabo und der Aufstieg seines Sohnes Magnus. B., 1942.
- Greenhalgh 1980: *Greenhalgh P.A.L.* Pompey: The Roman Alexander. L., 1980.
- Gsell 1928: *Gsell S.* Histoire de l'Afrique du Nord. T. VII. P., 1928.
- Hinard 1985: *Hinard F.* Les proscriptions de la Rome républicaine. Rome, 1985.
- Ihne 1879: *Ihne W.* Römische Geschichte. Bd. V. Lpz., 1879.
- Ładoń 2018: *Ładoń T.* Caecilii Metelli i Sulla. Sojusznicy czy rywale? // *Roczniki humanistyczne*. T. LXVI. 2018. S. 189–205.
- Lange 2016: *Lange C.H.* Triumphs in the Age of Civil War: The Late Republic and the Adaptability of Triumphal Tradition. L.; N.Y., 2016.
- Leach 1978: *Leach J.* Pompey the Great. L., 1978.
- Lovano 2002: *Lovano M.* The Age of Cinna: Crucible of Late Republican Rome. Stuttgart, 2002.
- Mackay 2000: *Mackay Ch.S.* Sulla and the Monuments: Studies in His Public Persona // *Historia*. Bd. 19. 2000. P. 161–210.
- Miltner 1952: *Miltner F.* Pompeius (31) // *RE*. Hbd 42. 1952. Sp. 2062–2211.
- Münzer 1897: *Münzer F.* Caecilius (98, 134) // *RE*. Hbd 5. 1897. Sp. 1221–1224.
- Münzer 1905: *Münzer F.* Domitius (22) // *RE*. Bd. V. 1905. Sp. 1327–1328.
- Münzer 1909: *Münzer F.* Fabius (82), Flavius (88) // *RE*. Bd. VI. 1909. Sp. 1771.
- Neumann 1881: *Neumann C.* Geschichte Roms während des Verfalls der Republik. Bd. I. Breslau, 1881.
- Ooteghem 1954: *Ooteghem J. Van.* Pompée le Grand, bâtisseur d'Empire. Bruxelles, 1954.
- Ooteghem 1964: *Ooteghem J. Van.* Caius Marius. Bruxelles, 1964.
- Ooteghem 1967: *Ooteghem J. Van.* Les Caecilii Metelli de la République. Bruxelles, 1967.
- Pareti 1953: *Pareti L.* Storia di Roma e del mondo tomano. Vol. III. Torino, 1953.
- Poma 1981: *Poma G.* Un appello agli schiavi ad Utica e il ruolo della provincia d'Africa negli anni della lotta tra Mario e Silla // *Antiquités africaines*. T. 17. 1981. P. 21–35.
- Ridley 2000: *Ridley R.T.* The Dictator's Mistake: Caesar's Escape from Sulla // *Historia*. Bd. 49. 2000. P. 211–229.
- Romanelli 1959: *Romanelli P.* Storia delle Province Romane dell'Africa. Roma, 1959.
- Smith 1958: *Smith R.E.* Service In the Post-Marian Roman Army. Manchester, 1958.
- Sordi 1991: *Sordi M.* La fuga di Mario nell'88 e gli Etruschi d'Africa // *Klio*. Bd. 73. 1991. P. 408–412.

Southern 2002: *Southern P. Pompey the Great*. Stroud; Charleston, 2002.

Ward 1977: *Ward A.M. Marcus Crassus and the Late Roman Republic*. Columbia; London, 1977.

Weynand 1935: *Weynand R. Marius* // RE. Splbd VI. 1935. Sp. 1363–1425.

THE CIVIL WAR IN THE ROMAN PROVINCE OF AFRICA

ANTON V. KOROLENKOV

Abstract: The Roman province of Africa took an important place in Roman civil wars since the fight between *Sullani* and *Mariani*. The author analyzes Marius' stay in Africa after his flight from Italy and Sicily, the enigmatic behavior of Metellus Pius, the conflict between Metellus and Crassus, the governorship and death of Fabius Hadrianus and defeat of Domitius Ahenobarbus by Pompey. Metellus' inactivity is explained with his secret agreement with Cinna and later (supposedly) Fabius Hadrianus. The author emphasises that the provincial population' was passiveness on the whole.

Keywords: Roman Africa, Roman civil war of the 80s BC, Marius, Metellus Pius, Crassus, Fabius Hadrianus, Domitius Ahenobarbus, Pompey

Антон Викторович Короленков,
к.и.н., доцент Государственного
академического университета гуманитарных наук.

НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ В ПСАЛМЕ 90/91

А.О. КОРЧАГИН

Резюме: В этой статье обсуждается стих 13 Псалма 90/91 в Масоретском тексте (*MT*) и в Септуагинте. В масоретском тексте в этом контексте используется еврейское слово *šaḥal*, что означает «лев», но в Септуагинте это слово переводится как *ἀσπίς* («змея» или «змей»). В статье анализируется проблема этого необычного перевода. Мы отбрасываем гипотезу, согласно которой в оригинальном тексте *šaḥal* может означать змею или мифологическое существо, такое как полулев-полузмея. С нашей точки зрения, решение этой проблемы можно найти в Кумранском Свитке 11 Q 11, где первое слово стиха не *šaḥal*, а *peten*, что обычно переводится в Септуагинте как *ἀσπίς*.

Ключевые слова: Масоретский текст (*MT*), Септуагинта, лев, змея, *šaḥal*, *ἀσπίς*.

В Псалме 90/91¹ в 13-м стихе говорится о том, что человек, надеющийся на Бога и пребывающий под Его защитой, сможет одержать победу над дикими и опасными животными. В *MT* текст данного стиха следующий:

'al-šaḥal wāpeten tidrōk tirmōs kəpīr wəṭannīn

На льва и гадюку ты наступишь, будешь попирать льва и змея.

Данный стих представляет собой весьма характерный для семитской поэзии в целом и для Танаха в частности пример параллелизма. Синтаксический параллелизм здесь имеет форму хиазма (порядок слов в первом полустишии — два косвенных дополнения + сказуемое, во втором — сказуемое + два прямых дополнения; подлежащее в обоих случаях представляет собой эллипсис личного местоимения 2-го лица). В этом стихе наблюдается также лексический параллелизм: в каждом из полустиший присутствует по одному слову для обозначения льва и по одному слову для обозначения змея. В данном контексте, таким образом, можно уверенно говорить о характерном для еврейской поэзии синонимическом параллелизме².

Перевод LXX в данном стихе отличается от *MT*. В греческом переводе говорится следующее:

Ἐπ' ἀσπίδα καὶ βασιλίσκον ἐπιβήσῃ καὶ καταπατήσεις λέοντα καὶ δράκοντα

На аспида и василиска ты наступишь, будешь попирать льва и дракона.

¹ 90 — номер Псалма по Септуагинте (далее в тексте статьи — общепринятое сокращение LXX), 91 — номер по Масоретскому тексту (далее в тексте статьи — *MT*).

² Поэзия и проза в Ветхом завете различаются в том числе и по формальным показателям, одним из которых является присутствие синонимического параллелизма. Об отличии древнееврейской поэзии от прозы см. *Эйделькинд* 2015:13–15.

В LXX имеет место явное нарушение синонимического параллелизма: если в древнееврейском тексте в обоих полустушиях упомянуты лев и рептилия, то в LXX в первом полустушии речь идет о двух рептилиях, и только во втором полустушии — о льве и рептилии. Особую проблему представляет передача древнееврейского слова *šāḥal* (“лев”) по-гречески словом *ἀσπίς* (“ядовитый змей, аспид”). Как можно объяснить данную ошибку в переводе? Постараемся в настоящей статье дать ответ на этот вопрос. Для этого, прежде всего, необходимо проанализировать наименования животных в древнееврейском тексте рассматриваемого стиха.

Итак, в *MT* в рассматриваемом стихе Псалма встречается два слова для обозначения льва — *šāḥal* и *kārîr*. Всего в Библии встречается 6 слов для обозначения льва³. Самое распространенное среди них — *'aryê* (и его однокоренной вариант *'āri*); *'aryê* / *'āri* встречается в Танахе 90 раз. Второе по частотности слово для обозначения льва — *kārîr* (в Библии встречается 33 раза). Часто в лексикографии оно понимается в значении “молодой лев, скимен”, однако относительно этого высказываются сомнения. Вероятнее всего, данное слово, встречающееся преимущественно в поэтических книгах Библии (изредка — в прозаических) можно трактовать как синоним слова *'aryê*. Еще одно слово из поля “львиной” лексики — *lābî* (в Библии встречается 14 раз); слово это общего рода, могущее обозначать как льва, так и львицу. Слово *gôr* (и его вариант *gûr*) употребляется в Танахе 9 раз и с большой долей определенности обозначает детеныша льва, львенка. Редкое слово *lauiṣ* (в Библии — 3 раза) встречается только в поэтических книгах и, возможно, обозначает некий определенный подвид льва, однако сложно сказать, какой именно. Вероятнее всего, от этого семитского корня происходит редкое эпическое греческое слово *λίς*⁴. Наконец, последнее, наиболее интересующее нас слово из поля “львиной” лексики — *šāḥal*. Слово достаточно редкое, встречается в Библии всего 7 раз, всегда только в поэтических книгах. Вероятно, оно также может означать некий подвид льва, но скорее всего, *šāḥal* следует воспринимать как поэтизм для обозначения льва.

В анализируемом нами стихе 90/91 Псалма упоминается также два вида змей — *reṭen* и *tannîn*. Первое из этих слов встречается в Танахе 6 раз, преимущественно в поэтических книгах, и обозначает некую ядовитую змею, возможно, кобру или рогатую гадюку (*Cerastes cornutus*)⁵. Впрочем, точная идентификация рептилии затруднена. Что касается слова *tannîn*, то оно встречается в Библии 14 раз и употребляется в двух значениях. *Tannîn*⁶ может означать

³ Подробный анализ ветхозаветной лексики, связанной со львами см. в *Strawn 2005*: 293–326.

⁴ *Гамкрелидзе, Иванов 1984*:510. Там же говорится и о возможном афразийском происхождении греческого слова *λίς*, однако данная гипотеза может оспариваться (см. *Beekes 2010*:854, где семитское происхождение слова *λίς* дается под знаком вопроса).

⁵ *Koehler-Baumgartner 1994–2000*: 990.

⁶ *Koehler-Baumgartner 1994–2000*: 1762; Графов 2019: 557.

как мифологического дракона, так и реальное животное — змею или контекстуально, возможно, крокодила, например, в книге пророка Иезекииля⁷.

Необходимо также проанализировать, как названия упомянутых в Танахе животных передаются в LXX. Начнем с рассмотрения более простых случаев. Слово *kārîr* в большинстве случаев (19 раз) передается по-гречески как *λέων* (“лев”), в том числе и в интересующем нас стихе 90/91 Псалма, еще 7 раз — как *σχῦμος* (“молодой лев”), 1 раз — как *σχῦμος λέοντος* (“детеныш льва”)⁸. В Иез. 38:13 слово передается как *χώμη* (“деревня”). Эту аномалию в переводе легко объяснить как ошибочное чтение: по-видимому, переводчик, имея дело с неогласованным текстом, прочел вместо *kārîr* (“лев”) *κορη* (“деревня, село, населенный пункт, не имеющий укреплений”)⁹. Более трудный случай — передача древнееврейского *kārîr* в греческом переводе Псалма 33/34 как *πλούσιος* (“богатый”)¹⁰. В этом месте говорится о том, что львы бедствуют и терпят голод, а ищущие Господа ни в каком благе не терпят нужды. Возможно, здесь *kārîr* употребляется в метафорическом смысле для обозначения сильных мира сего, богачей. Подобная метафора в Библии не единична, она употребляется в уже упомянутой главе 38-й книги пророка Иезекииля, где говорится о богатых купцах из Таршиша, которые сравниваются со львами. Вероятно, в греческом переводе 33/34 Псалма имеет место раскрытие метафоры. Еще один из возможных вариантов объяснения аномального перевода в этом контексте — неправильное прочтение слова (вместо *kārîr* (“лев”) переводчик 33/34 Псалма мог прочесть *kabîr* — (“большой, сильный, могущественный”)), однако это менее вероятно, так как *kabîr* в LXX никогда не передается словом *πλούσιος*. Наиболее трудный для объяснения случай — передача древнееврейского *kārîr* по-гречески словом *δράκων* (дважды в книге Иова)¹¹. К проблеме подобной интерпретации мы вернемся ниже, в связи с обсуждением перевода слова *šāḥal*.

Слово *tannîn* в LXX почти всегда, в том числе и в 90/91 Псалме, передается как *δράκων* (“змей, дракон”). Исключение составляют два контекста. В Быт. 1:21 слово *tannîn* передается по-гречески как *κῆτος* (“морское чудовище, кит”). В Иса. 51:9 древнееврейское слово оставлено в LXX без перевода. В данном контексте *MT* и *LXX* достаточно сильно расходятся, и греческий перевод представляет собой достаточно вольную трактовку оригинала. В чем кроется причина этой вольной интерпретации, сказать достаточно трудно, и рассмотрение данной проблемы выходит за рамки настоящей статьи.

Сложнее обстоит дело со словом *βασιλίσκος*, передающим в анализируемом стихе древнееврейское *peten*. Случай подобной передачи в LXX является един-

⁷ Иез. 29:3, 32:2.

⁸ Иса. 5:29.

⁹ Буква “йод” в качестве *mater lectionis* в еврейских текстах в то время, когда делался перевод LXX, была факультативной.

¹⁰ Пс. 33/34:11.

¹¹ Иов 4:10, 38:39.

ственным. Практически во всех остальных местах Ветхого Завета, где встречается слово *peten*, оно передается по-гречески как *ἀσπίς*¹². В LXX слово *βασιλίσκος* встречается еще только один раз — в переводе Иса. 59:5, где оно передает древнееврейское слово *'eṣṣē* (“ядовитая змея”, возможно, *Echis colorata*¹³). Само слово *βασιλίσκος* представляет собой диминутив от слова *βασιλεύς* и означает буквально “царек”. Этим словом обозначается некое ядовитое пресмыкающееся. В словаре Лидделла-Скотта-Джонса утверждается, что под словом *βασιλίσκος* следует понимать египетскую кобру¹⁴. Буквальное значение греческого слова (“царек”) связано, вероятно, с тем, что василиск согласно существующим описаниям имеет на голове нарост наподобие царской диадемы. Самое раннее описание василиска содержится в “Естественной истории” Плиния Старшего (между 22 и 24–79 н. э.). В этом знаменитом сочинении василиск наделен сверхъестественными фантастическими чертами:

*Eadem et basilisci serpentis est vis. Cyrenaica hunc generat provincia, duodecim non amplius digitorum magnitudine, candida in capite macula ut quodam diademate insignem. sibilio omnes fugat serpentes nec flexu multiplici, ut reliquae, corpus inpellit, sed celsus et erectus in medio incedens. necat frutices, non contactos modo, verum et adflatos, exurit herbas, rumpit saxa: talis vis malo est*¹⁵

Такой же силой обладает и василиск, родиной которого является провинция Киренаика. В длину он не более 12 локтей¹⁶, с белыми пятнами на голове, расположенными как бы в форме диадемы. Своим свистом василиск обращает в бегство всех змей и продвигается вперед не при помощи бесчисленных извивов, как прочие змеи, но высоко приподнимая середину тела. Он уничтожает кустарники не только своим прикосновением, но и дыханием; сжигает траву, крушит камни. Его сила губительна для других животных» (пер. И.Ю. Шабага).

Далее у Плиния рассказывается о том, как однажды всадник убил василиска копьем, однако выделения василиска пропитали копье и убили и всадника и его коня. Однако для самого василиска смертельно опасен яд ласок. В рассматриваемом нами контексте 90/91 Псалма появление слова *βασιλίσκος* хотя и является необычным, однако оно оправдано: *βασιλίσκος*, как и древнееврейское *peten*, означает ядовитую змею.

Наконец, самый трудный для объяснения случай — передача древнееврейского слова *šāḥal* греческим *ἀσπίς*. Почему там, где в *MT* говорится о льве, в LXX речь идет о змее? Случай подобной передачи в LXX является единичным и представляется загадочным. Во всех прочих контекстах слово *ἀσπίς* встречается там, где речь идет о различного рода змеях. У греческого *ἀσπίς* есть

¹² Исключение составляет Иов. 20:16, где *peten* передано словом *δράκων*, однако и в этом месте в греческом переводе речь идет о змее.

¹³ *Koehler-Baumgartner* 1994–2000: 79.

¹⁴ *Liddell-Scott, Jones* 1996: 310.

¹⁵ *Plin.* NH 8.33.78.

¹⁶ В переводе допущена неточность: не 12 локтей (то есть более 5 метров), но 12 пальцев, римских дюймов (*digitus* = 18,5 мм), то есть около 30 см.

также значение “щит”, причем ἄσπις в значении “щит” и ἄσπις в значении “змея” не являются, как выяснилось, абсолютными омонимами: к семейству аспидовых относятся кобры, а капюшон кобры напоминает щит: особенно подобное сходство проявляется при сравнении броска кобры и броска щита во время атаки¹⁷. Однако из рассматриваемого нами стиха ясно, что речь идет не о щите, а о змее.

На странный перевод древнееврейского šaḥal греческим ἄσπις обратил внимание еще в 1963 году великий норвежский библеист Зигмунд Мовинкель. Свое видение проблемы ученый изложил в статье, которая так и называется — “Šaḥal”. Статья опубликована в Festschrift'e, выпущенном к 70-летию юбилею Г. Драйвера¹⁸. Мовинкель подчеркивает, что в ближневосточных культурах львы и змеи часто контаминировались, на основании чего можно сделать вывод о том, что под словом šaḥal может пониматься некое мифологическое существо, сочетающее в себе признаки льва и змеи. Таким образом, подобная передача древнееврейского слова является оправданной. Эта точка зрения поддерживается рядом ученых, например, С. Джоунсом, который в своей статье доказывает, что изначально слово šaḥal означало змею, а значение “лев” вторично¹⁹. В подтверждение этого он указывает на параллели в других семитских языках, которые доказывают, что речь идет скорее о змее (например, современное египетское арабское siḥliyuā означает «ящерица», то есть имеется в виду рептилия, но никак не лев)²⁰. Джоунс особое внимание уделяет также анализу Иов. 28:8, где говорится о том, что в земные недра не заходили сыны горделивые и не проникал туда šaḥal. Ученый считает, что šaḥal здесь скорее означает не льва, а змея. Джоунс обращает в данном стихе внимание на аллитерацию, имитирующую змеиное шипение, а также на то, что недра земные ассоциируются чаще со змеями, чем со львами. В статье приводится также обширный иконографический материал, содержащий ближневосточные изображения животных, которые сочетают в себе как львиные, так и змеиные черты. В качестве иллюстраций даны, к примеру, палетка египетского фараона Нармера (конец IV тыс. до н. э.) с изображением серпопардов, изображение мушрушу (мифологического существа, сочетающего в себе черты льва, змеи, хищной птицы и скорпиона) на воротах Иштар в Вавилоне (575 г. до н. э.), печать из Урука (ок. 3100 до н. э.), изображающая львов со змеиными шеями.

Заслуживает внимания также статья “*nVhVs- *nVhVs-” в семитском этимологическом словаре Милитарева-Когана²¹. Данный семитский корень означал первоначально некое дикое животное, “зверя земли”. В разных семитских язы-

¹⁷ Beekes 2010: 154.

¹⁸ Mowinkel 1963.

¹⁹ Jones 2011.

²⁰ Jones, op. cit. 664–665.

²¹ Militarev-Kogan 2005: 210–211.

как этот корень приобрел различные значения. Так, аккадское *pēšu* обозначает льва, в то время как древнееврейское *pāḥāš* — змею. Эти значения могут контаминироваться. Наиболее яркий пример — одиннадцатая табличка Эпоса о Гильгамеше. В ней рассказывается о том, что Гильгамеш после долгих поисков обрел желанный цветок бессмертия, но когда он купался и оставил цветок на берегу, выползла змея и съела этот цветок, после чего она сбросила свою кожу и помолодела. Примечательно то, что эта змея названа в данном контексте *pēši ša qaqqari*, то есть “земляным львом”²². В статье приводятся также похожие обозначения змей в эблаитском языке (*pa-iš-kaṛ-ka-rí-im*) и в языке геэз (*'arwe mædr*). Первое выражение означает также “земляной лев”, а второе буквально переводится как “животное земли”, однако древнеэфиопское *'arwe* родственно древнееврейскому *'aruḕ* (“лев”). Отсюда ученые делают вывод о том, что наименование змея в Эпосе о Гильгамеше не является случайной поэтической метафорой, но отражает систему семитского мировоззрения. Аке Сёберг также обращает внимание на то, что и греческое *χαμαιλέων* (“хамелеон”) образовано по той же модели, что и *pēši ša qaqqari*, и означает буквально “лев, который на земле”, “земляной лев”. Отсюда делается далеко идущий вывод о том, что и *pāḥāš*, соблазвивший Адама и Еву, традиционно понимаемый как змей, был на самом деле хамелеоном²³. Кроме того, как мы уже говорили, в LXX книги Иова слово *kārîr* (“лев”) переводится как *δράκων*²⁴. В Библии еще есть несколько мест, где львы упоминаются рядом со змеями. В Иса. 30:6 говорится о караванах с дарами для Египта, идущих через Негев, названный землей львицы (*lābî*) и льва (*layiš*), гадюки (*'er'ê*) и летучего змея (*šāgār m'ôḇrêr*). В еще одном месте у пророка Исаяи (Иса. 65:25) сказано, что лев (*'aruḕ*) будет жевать солому, словно бык, а пищей змея (*pāḥāš*) будет прах. В Ам. 5:19 утверждается, что никто не избегнет судного дня: это все равно, что бежать от льва (*'āri*) и попасться затем медведю или, придя домой, опереться рукой на стену и быть укушенным змеей (*pāḥāš*). В Иез. 32:2 говорится о египетском фараоне, который считает себя львом (*kārîr*) среди народов, но на самом деле подобен морскому змею (*tannîn*). Интересно, что в последнем случае употребляется та же лексика, что и в рассматриваемом Псалме. Кроме того, в этом месте ряд исследователей видит намек на упоминающееся в вавилонских табличках чудовище Лаббу²⁵. Его имя (*labbu*) дословно означает “лев” и родственно древнееврейскому *lābî*, но судя по описанию, чудовище сочетает в себе львиные и змеиные черты. Лаббу, согласно легенде, был нарисован на небе Энлилем, после чего ожил. В итоге бог Тишпак убил чудовище своей стрелой.

Необходимо также сказать, что и в греческой мифологии присутствует контаминация львиных и змеиных сущностей. Достаточно вспомнить о Химере

²² Gilg. XI: 314.

²³ Sjöberg 1984: 222–224.

²⁴ Иов. 4:10, 38:19.

²⁵ Cuneiform Tablets from the British Museum 13.34–35. См. также Lewis 1996:34.

(Χίμαιρα, буквально — “молодая коза”) — чудище со львиными головой и шейей, козьим туловищем и змеиным хвостом. Химера была, как известно, убита Беллерофонтом. В “Илиаде” Гомера содержится следующее описание Химеры:

Πρώτον μὲν ῥα Χίμαιραν ἀμαιμακέτην ἐκέλευσε
πεφνέμεν: ἦ δ' ἄρ' ἔην θεῖον γένος οὐδ' ἀνθρώπων,
πρόσθε λέων, ὄπιθεν δὲ δράκων, μέσση δὲ χίμαιρα,
δεινὸν ἀποπνεῖουσα πυρὸς μένος αἰθομένοιο²⁶.

Прежде всего приказал он ему²⁷ уничтожить Химеру
Необоримую: божьей породы была та Химера;
Спереди лев, дракон назади, коза в середине
Страшную силу огня выдыхала Химера из пасти.

(пер. В.В. Вересаева)

Казалось бы, мы имеем дело со стройной концепцией, согласно которой под словом šaḥal подразумевается либо змея, либо фантастическое существо, сочетающее в себе львиные и змеиные черты. Однако на эту гипотезу есть серьезные возражения. Так, уже упомянутый автор монографии о львах в Библии Б. Строн пишет, что эту теорию, “пусть и интригующую, следует признать недействительной”²⁸. В качестве наиболее убедительного доказательства ученый ссылается на Иов 4:10–11 (первая речь Елифаза). В этом месте Елифаз рассуждает о львах, погибающих без пищи. В данных стихах, где речь идет совершенно точно о львах, использованы 5 из 6 встречающихся в Библии слов для обозначения льва (кроме слова gôr), в том числе и šaḥal. В LXX слово šaḥal в данном месте передано по-гречески как λέαινα («львица»). Почти для всех остальных древнееврейских слов в 4-й главе Иова также используются эквиваленты, относящиеся к полю “львиной” лексики. Слово 'aryē по-гречески передано как λέων, βῆνὴ λῆβὴ (“детеныши львицы”) — как σκύμνοι λεόντων, слово lauiš — загадочным μυρμηκολέων (“муравьиный лев”)²⁹. Единственный камень преткновения — передача слова kārîḡ по-гречески словом δράκων. Подобный случай мы наблюдаем также в LXX Иов 38:39. В чем причина такой интерпретации? Вероятно, переводчик Иова в упомянутых контекстах исчерпал запас «львиной лексики» и действительно прибег к вольной трактовке, возможно,

²⁶ *Нот.* II. 6.179–182.

²⁷ Убить Химеру приказывает Беллерофонту ликийский царь Иобат.

²⁸ *Strawn 2005*: 324.

²⁹ Возможно, здесь имеется в виду особый подвид эфиопского льва, упоминаемый, например, у Страбона (*Strabo* 16.4.15 С 774): Πληθῦει δ' ἐλέφασιν ἡ χῶρα καὶ λέουσι τοῖς καλουμένοις μύρμηξιν ἀπεστραμμένα δ' ἔχουσι τὰ αἰδοῖα καὶ χρυσοειδεῖς τὴν χροάν, ψιλότεροι δὲ τῶν κατὰ τὴν Ἀραβίαν “В этой стране очень много слонов и львов, называемых муравьями. Половые органы последних обращены назад; цвет шерсти у них золотистый, но шерсть менее густая, чем у арабских львов” (пер. Г.А. Стратановского). В раннехристианском “Физиологе” μυρμηκολέων (в славянском переводе — “мраволев”) описывается как фантастическое существо, гибрид льва и муравья.

действительно помня о случаях возможной контаминации львов и змей. Важно также помнить о том, что греческий перевод книги Иова является весьма вольным, во многих контекстах вообще кардинальным образом отличающимся от текста оригинала³⁰. Кроме того, отметим, что как δρᾶχων в LXX Иова передается слово kārîr, но никак не šaḥal. В оригинальном тексте в обоих местах у Иова речь определенно идет о львах, в LXX можно говорить о вольной интерпретации. Что касается упомянутой трактовки šaḥal как змея в Иов 28:8, то она также представляется сомнительной. В предыдущем, 7-м стихе 28-й главы говорится о том, что в недра земные не разведал путь стервятник (‘ayit), и не заглядывал туда глаз сокола (‘ayūâ). Логично предположить, что в 8-м стихе речь идет не о змее, а о льве. Смысл стихов следующий: в недра земные не пробирались даже хищные птицы и львы, занимающие исключительное, главенствующее положение в фауне, лишь человек проникает в недра земли, чтобы извлечь из них сокровища. Таким образом, логичнее было бы считать, что šaḥal и здесь означает льва. Кроме того, в LXX в данном контексте šaḥal передается словом λέων.

Древнееврейское слово šaḥal нигде в LXX не переводится словом ἄσπις или иным словом, означающим змею или другую рептилию. В книге Иова³¹ оно всегда передается как λέων. В переводе книги пророка Осии³² šaḥal трактуется как πανθήρ («пантера»), то есть не как лев, но как животное, относящееся к тому же, что и лев, роду семейства Felidae. В переводе книги Притч³³ šaḥal передается как ἀποστελλόμενος («посылаемый»). Причину этого странного перевода легко объяснить: вместо šaḥal переводчик ошибочно прочел здесь глагол šalah («посылать»).

Итак, можно заключить, что во всех контекстах, где встречается слово šaḥal, речь идет о льве, а не о змее, в том числе в рассматриваемом Псалме. Это подтверждается и тем, что в Псалме 90/91 присутствует четкий параллелизм полустий: слово šaḥal первого полустийшия параллельно во втором полустийшии слову kārîr, также обозначающему льва. Правда, может показаться странным тот факт, что применительно ко львам в Псалме используются глаголы dāraḳ и ḡamas (оба глагола имеют значение «наступать, попираť»). Можно наступить ногой на змея, уничтожив его, но это действие представляется невозможным в отношении льва. Однако комментатор Псалтири Марвин Тейт указывает, что глагол dāraḳ может употребляться по отношению к человеку, например, в Суд. 20:43, где говорится о поражении воинов из колена Вениамина, а глагол ḡamas в Дан. 8:7 употреблен по отношению к барану. Кроме того, данные глаголы могут быть поняты и метафорически, в значении «побеждать»³⁴.

³⁰ См., например, характеристику LXX Иова у Маркоса (Marcos 1994).

³¹ Иов 4:10, 10:16, 28:8.

³² Ос. 5:14, 13:7.

³³ Притч. 26:13

³⁴ Tate 1990:449.

Возникает вопрос: почему все-таки šaḥal передается в LXX как ἀσπίς? Это может, с одной стороны, быть связано с тем, что вместо šaḥal переводчик прочел zōḥēl. Так считает, в частности, комментатор Псалтири Аллен Росс³⁵. Слово zōḥēl встречается в Библии дважды³⁶. Оно представляет собой субстантивированное причастие от глагола zāḥal («ползать») и означает некую рептилию. Однако подобное объяснение вряд ли стоит считать верным. Буквы «зайн» и «шин» спутать крайне трудно. Кроме того, в LXX оба раза слово передается не как ἀσπίς, но как причастие σύρων («ползающий»).

Для того чтобы разобраться с необычной трактовкой слова šaḥal в LXX рассматриваемого Псалма, нужно, как нам кажется, обратиться к рукописям Мертвого моря. Псалом 90/91 сохранился в двух кумранских свитках — 4 Q 84 и 11 Q 11. Если в первой из кумранских рукописей текст Псалма идентичен Масоретскому, то в 11 Q 11 в ряде деталей текст Псалма отличается от Масоретского. Помимо 90/91 Псалма свиток 11 Q 11 содержит также ряд апокрифических Псалмов, использовавшихся для экзорцизма. В ряду подобного рода Псалмов Псалом 90/91 смотрится весьма органично, так как в нем содержится упоминание о борьбе с демоническими сущностями (стихи 5–6). В 11-м свитке из 11-й пещеры Псалму предпослано вступление о защите от злых демонов (bānē bəli'āl) и присутствует атрибуция Псалма Давиду, отсутствующая в *MT*, а также в начале и в конце добавлены слова 'mḥ³⁷ («аминь, воистину») и slh (труднообъяснимое слово, скорее всего — музыкальный термин, означающий либо повышение голоса при переходе к следующей фразе, либо паузу в пении). Эти добавления говорят о том, что данная версия Псалма исполнялась коллективно³⁸. Кроме того, интересующий нас 13-й стих несколько отличается от оригинала. В этом месте в 11 Q 11 сказано следующее: [...] ptn [...]rwk, trmw[...] wtnyn. Таким образом, мы видим, что в начале стиха здесь стоит слово peten, а не šaḥal. Заметим, что именно слово peten в LXX чаще всего передается как ἀσπίς. Таким образом, можно предположить, что греческий переводчик Псалма имел перед глазами текст, близкий к 11 Q 11, чем и обусловлено появление слова ἀσπίς в рассматриваемом контексте. Такое объяснение, впрочем, не решает всех проблем. Отметим, что в 11 Q 11 присутствуют лакуны. Издатели Кумранских текстов Ф. Гарсиа Мартинес и А. Тигхелаар заполняют лакуны следующим образом: [ʾ] ptn [w'p'h td]rwk trmw[s kpyr] wtnyn³⁹. Лакуна, следующая после ptn, заполнена на основе греческого перевода Иса. 59:5, где словом βασιλιχος передается древнееврейское 'er'ê. Однако подобное восполнение не бесспорно, так как точно нельзя судить о том, что стояло в оригинале, основны-

³⁵ Ross 2016: 45.

³⁶ Второз. 32:24 и Мих. 7:17.

³⁷ Транслитерация дается в соответствии с неогласованным консонантным текстом Кумранских рукописей.

³⁸ Frölich 2012: 203.

³⁹ García Martínez, Tigchelaar 1999: 1204.

ваясь на единичном случае в LXX. Кроме того, подобное восполнение лакуны ведет к явному нарушению параллелизма. Однако с нарушением параллелизма мы имеем дело и в LXX.

Несмотря на ряд неразрешимых вопросов, можно заключить, что разгадка передачи *šāḥal* как *ἀσπῖς* в 13-м стихе 90/91 Псалма лежит в плоскости Кумранских текстов: в II Q II в интересующем нас контексте на первом месте стоит слово *reṭen*, регулярно передаваемое по-гречески как *ἀσπῖς*. На наш взгляд, именно такое объяснение необычного перевода представляется на сегодня наиболее приемлемым.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
- Графов 2019 — *Графов А.Э.* Словарь библейского иврита. М., 2019.
- Эйделькинд 2015 — *Эйделькинд Я.Д.* Песнь песней. Перевод и филологический комментарий к главам 1–3. М., 2015.
- Beekes 2010 — *Beekes R.* Etymological Dictionary of Greek. Leiden; Boston, 2010.
- Fröhlich 2012 — *Fröhlich I.* Healing with Psalms // J. Penner, K. Penner, C. Wassen (eds.). Prayer and Poetry in the Dead Sea Scrolls and Related Literature. Leiden, 2012. P. 197–215.
- García Martínez, Tigchelaar 1999 — *García Martínez F., Tigchelaar E.J.C.* (eds.). The Dead Sea Scroll Study Edition. Leiden; New York; Köln, 1999.
- Jones 2011 — *Jones S.* Lions, Serpents and Lion-Serpents in Job 28:8 and Beyond // Journal of Biblical Literature. 2011. Vol. 130 (4). P. 663–686.
- Koehler — Baumgartner 1994–2000 — *Koehler L., Baumgartner W.* The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament. Leiden; New York; Köln, 1994–2000.
- Lewis 1996 — *Lewis Th.J.* CT 13.33–34 and Ezekiel 32: Lion-Dragon Myths // Journal of the American Oriental Society. 1996. Vol. 116. P. 28–47.
- Liddell, Scott, Jones 1996 — *Liddell H.R., Scott R., Jones H.S.* A Greek-English Lexicon. With a Revised Supplement. Oxford, 1996.
- Marcos 1994 — *Marcos N.F.* The Septuagint Reading of the Book of Job // The Book of Job. Leuven, 1994. P. 251–266.
- Militarev — Kogan 2005 — *Militarev A., Kogan L.* Semitic Etymological Dictionary. Vol. II. Animal Names. Münster, 2005.
- Mowinkel 1963 — *Mowinkel S.* *Šāḥal* // D. Winton Thomas, W. D. McHardy (eds.). Hebrew and Semitic Studies presented to G.R. Driver in Celebration of His Seventieth Birthday. Oxford, 1963. P. 94–103.
- Ross 2016 — *Ross A.P.* A Commentary on Psalms. Vol. 3 (90–150). Grand Rapids, 2016.

- Sjöberg 1984 — *Sjöberg Å.* Eve and the Chameleon // W. Boyd Barrick, John R. Spencer (eds.). In the Shelter of Elyon: Essays on Ancient Palestinian Life and Literature in Honor of G.W. Ahlström, Sheffield, 1984. P. 217–225.
- Strawn 2005 — *Strawn B.A.* What is Stronger than a Lion? Leonine Imagine and Metaphor in the Hebrew Bible and in the Ancient Near East. Fribourg; Göttingen, 2005.
- Tate 1990 — *Tate M.E.* Psalms 51–100. Dallas, 1990.

ANIMAL NAMES IN THE PSALM 90/91

ALEXEY O. KORCHAGIN

Abstract: In this paper is discussed the verse 13 of the Psalm 90/91 in the Masoretic Text and in the Septuagint. In the Masoretic Text in this context is used the Hebrew word šaḥal, that means “lion”, but in the Septuagint this word is translated as ἄσπις (“snake” or “serpent”). The article considers the problem of this unusual translation. We sweep away the hypothesis, according to which in the original text šaḥal could mean snake or mythological creature like half-lion and half-snake. In our point of view the decision of this problem we can find in the Qumran Scroll 11 Q 11, where the first word of the verse is not šaḥal, but peten, that is usually translated in the Septuagint as ἄσπις.

Keywords: Masoretic Text, Septuagint, Lion, Snake, šaḥal, ἄσπις.

Алексей Олегович Корчагин,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры древних языков
исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

СЕСОНХОСИС «НОВЫЙ», «МОЛОДОЙ» ИЛИ «ВОЗРОЖДЕННЫЙ»? Комментарий к Hist. Alex. Magni, A. I.34.2

И.А. Ладынин

Резюме: В статье рассматривается фрагмент «Версии α» «Романа об Александре», описывающий приход Александра в Египет: «Встречавшие <же> Александра в каждом городе жрецы, несшие (изображения) местных богов, приветствовали его возрожденным Сесонхосисом, миродержавцем» (ὑπαντῶντες <δὲ> τῷ Ἀλεξάνδρῳ κατὰ πᾶσαν πόλιν οἱ προφῆται τοὺς ἰδίου θεοὺς κομίζοντες ἀνηγόρευον αὐτὸν νέον Σεσόγχωσιν κοσμοκράτορα). Здесь слово νέον может быть понято и переведено как «возрожденный», а не буквально «новый» или «молодой», поскольку отрывок отражает представление об Александре как повторении древнейшего египетского царя, создателя мирового господства. Аргументами в пользу этой версии становятся лексикологические данные, сравнение с другими фрагментами романа Александра (Historia. Alex. Magni, A.I. 3.5, 34.5) и египетское именование Птолемея XII *p: ntr mry it snt Wsiry hwn* («Бог, любящий отца /и/ сестру, Осирис молодой»), эквивалентное Θεός Φιλοπάτωρ Φιλάδελφος Νέος Διόνυσος (слово «молодой», являющееся параллелью к Νέος, применительно к Осирису имеет очевидное значение омоложения).

Ключевые слова: «Роман об Александре», Египет, Сесонхосис, лексикография, греко-египетское взаимодействие.

Мое первое знакомство с Александром Васильевичем состоялось заочно и, фантастическим образом, в процессе написания отзыва на египтологическую часть его докторской диссертации об ориентации по сторонам света у разных народов древности мной, 24-летним аспирантом, по поручению В.И. Кузищина. Мои молодежные критические замечания (кои в этом отзыве были) погибли в суммирующем тексте отзыва ведущей организации, составленном мудрым Василием Ивановичем, да и вряд ли я бы так уверенно высказал их сейчас. Когда А.В. Подосинов стал работать на факультете, и мы познакомились ближе, я увидел, насколько его знания отвечают тому, к чему я и сам должен был бы стремиться при моем интересе к античным источникам по древнему Египту: далеко не всем дано, как ему, понимать классические тексты с точки зрения и филологии и истории, сознавая необходимость для полноценной работы с ними обеих этих наук. К сожалению, мои познания в первой из них несопоставимы со знаниями глубоко уважаемого мной юбиляра, но я рискую нырнуть

в эти мутные для меня воды, чтобы принести ему небольшой подарок, хотя и опасаясь разочаровать его в лестном мнении о моей работе, которое он не раз высказывал.

* * *

Как известно, позднеантичный «Роман об Александре» — это произведение, далекое от исторической реальности по своему содержанию и весьма разнородное по составу его первоисточников¹. Как считает ряд исследователей, одним из них был некий восходящий к египетской основе грекоязычный нарратив, оформившийся, по-видимому, в Александрии в первые десятилетия III в. до н. э.² Помимо сюжетов о посещении македонским царем оазиса Аммон и основании им Александрии, которые были тесно связаны с местной привязкой этого нарратива и, в частности, касались вопроса о происхождении александрийского культа Сараписа (Hist. Alex. Magni, A. I. 30–32), в этом прототипе «Романа...» должны были отразиться еще две, не столь локальные, скорее, общеегипетские по своему значению идеологемы. Одна из них — это знаменитая легенда о рождении Александра Великого якобы от близости последнего египетского царя Нектанеба (аналога исторического царя XXX династии Нектанеба II), бежавшего от врагов в Македонию, с царицей Олимпиадой (id. I.1–12)³; другая — гораздо менее известное сопоставление Александра с египетским царем далекого прошлого по имени Сесонхосис. Еще в конце XIX в. эта идеологема была замечена великим египтологом Г. Масперо⁴, но далее практически не обсуждалась в литературе специально, поскольку воспринималась как всего лишь носящее характер глорификации сравнение. Одно из немногих специальных обращений к ней содержится в работах А.И. Иванчика, посвященных античной традиции о великом египетском царе-завоевателе, известном под варьирующимися по своей форме именами. Иванчик исходит из того, что в своем окончательном виде «Роман об Александре» уже оформился в греко-египетской традиции первых веков нашей эры, когда успела уйти в прошлое эмоциональная реакция египтян на установление македонской власти над их страной. Соответственно, если ранее, в начале эллинизма, рассказ Гекатея Абдерского о египетском царе-завоевателе Сесоосисе (*Diod.*

¹ Литература по этому произведению и связанной с ним традиции чрезвычайно многочисленна; отметим лишь наиболее важные работы: Ausfeld 1907; Merkelbach 1977; Jouanno 2002; Stoneman et al. 2012; Кинжалов 1955; Кузнецова 1969; Костюхин 1972. Подробный исторический комментарий «версии α» «Романа...» подготовлен недавно К. Навоткой: Nawotka 2017. См. также: Ладынин 2017: 126–139.

² В этом вопросе мы следуем не новой, но, по нашему мнению, не утратившей значения позиции Б. Берга: Berg 1973; ср. Jasnow 1997: 101; Ладынин 2017: 126–127. Примечательно, что К. Навотка не затронул в своем комментарии вопрос о датировке египетского прототипа «Романа...» и его изначальной греческой реплики: Nawotka 2017: 25–27.

³ См. о ее значении подробно: Ладынин 2017: 130–132, 139.

⁴ Maspero 1897.

I.55)⁵ носил характер противопоставления его дел делам Александра с оттенком некоторого преимущества (Сесоосис, как и Александр, воевал по всему миру девять лет, но сумел покорить большее число народов!), то теперь такое противопоставление было уже неактуально, и в «Романе об Александре» как Сесонхосис, так и Александр превратились просто в «воплощение славного прошлого Египта»⁶. Непоследовательность данного суждения состоит в том, что Александр не мог воплощать «славное прошлое» Египта и вообще как-либо персонифицировать Египет иначе как на этапе, когда обоснование его связи с этой страной было злободневно, т. е. очевидным образом во времена утверждения над ней македонской власти. По сути дела, относя возникновение данного мотива к началу нашей эры, Иванчик элиминирует в нем пропагандистское содержание, - а равным образом игнорирует серьезно обоснованное суждение о возникновении александрийского прототипа «Романа...» еще на этапе раннего эллинизма.

В ряде наших работ мы предложили другое понимание этой идеологемы⁷. По нашему мнению, в ее основе лежит свойственное древним египтянам I тыс. до н. э. представление о циклическом характере исторического процесса: на этом основании в рамках данной идеологемы история Египта и мира была сведена к одному очень большому циклу. В его начале великий царь — завоеватель и устроитель Сесонхосис подчинил Египту множество стран Азии и Европы, что стало как бы заключительным штрихом в устройении мироздания и во внедрении в него некоей благой нормы; далее господство Египта над миром было утрачено и перешло, видимо, сначала к скифам, а затем к создателям великих переднеазиатских держав исторического I тыс. до н. э. (наиболее полную реплику этой концепции мы можем наблюдать в историческом труде Помпея Трога, известном по эпитоме Юстина). Наконец, при Нектанебе сам Египет попадает под власть чужеземцев, и далее должен явиться его новый царь, который не только изгонит их, но и вернет Египту соответствующее нормальному положению вещей миродержавие. Этим царем и оказывается Александр; а сама эта идеологема, по-видимому, сформировалась в первые десятилетия III в. до н. э., когда для Птолемеев была актуальна пропаганда не только легитимности македонской власти над Египтом, но и собственных внешнеполитических усилий, идеологическим ориентиром которых и служило миродержавие Сесонхосиса и Александра.

Ключевое значение для предложенной нами интерпретации имеет фраза из описания вступления Александра Великого в Египет, присутствующего в «версии α» «Романа об Александре», которая считается наиболее древней⁸. Она выглядит следующим образом:

⁵ См. подробнее: Ладынин 2017: 221–247.

⁶ Иванчик 1999: 21; 2005: 206.

⁷ Ладынин 2015; 2017: 248–273; Ladynin 2018.

⁸ См. о версиях «Романа об Александре»: Nawotka 2017: 30–33.

Встречавшие <же> Александра в каждом городе жрецы, несшие (изображения) местных богов, приветствовали его возрожденным Сесонхосисом, миродержавцем⁹.

Непоследовательность предложенного нами перевода, вероятно, достаточно бросающаяся в глаза, состоит в использовании в нем для передачи слова νέος русского слова «возрожденный» вместо буквально соответствующего слова «новый». В свое время на эту непоследовательность обратил внимание А.В. Белоусов, любезно согласившийся просмотреть переводы греческих текстов, вошедшие в нашу монографию; однако в ее итоговом варианте, пошедшем в печать, все же сохранился этот вариант перевода, притом не вызывавший у нас особых сомнений в его адекватности¹⁰. Истоки нашей уверенности в нем связаны, разумеется, со смыслом предлагаемой интерпретации соответствующей идеологемы: если Александр призван восстановить миродержавие Египта, существовавшее в свое время при Сесонхосисе, он и является не просто «новым Сесонхосисом» (т. е., по аналогии с выражениями «новый Цезарь», «новый Наполеон» и т. п., деятелем, похожим на своего предшественника по характеру и масштабу своих дел), а именно повторением, «возрождением» Сесонхосиса, занимающим в истории Египта не похожее, а в принципе то же самое место, какое занимал этот царь. Понятно, однако, что такое обоснование этого перевода всецело зависит от справедливости предложенной нами интерпретации; и напротив, сама эта интерпретация получила бы дополнительное подтверждение, если бы этот перевод мог быть подкреплён независимыми от нее, чисто филологическими основаниями.

Обращение к такому лексикографическому справочнику, как «Греческо-английский словарь» Г.Дж. Лидделла и Р. Скотта, показывает, что слову νέος вообще редко свойственно значение «новый» в применении к людям: прежде всего это слово определяет возраст детей, юношей и мужчин моложе тридцати лет и означает, соответственно, «юный, юношеский»¹¹. Характерно, что переводчики обсуждаемого фрагмента «Романа об Александре» не постулируют для него данного значения этого слова. Оно и в самом деле исключается, если, в частности, сопоставить этот фрагмент с другим, практически парным ему, из финала «Романа...», где речь идет о погребении Александра: согласно ему, жители Мемфиса, выйдя в Пелусий, куда прибыло тело царя, по их обычаю, с играющими на флейтах музыкантами и с изображениями богов, ввезли его в

⁹ Hist. Alex. Magni, A. I.34.2: ὑπαντῶντες <δὲ> τῷ Ἀλεξάνδρῳ κατὰ πᾶσαν πόλιν οἱ προφῆται τοὺς ἰδίου θεοῦς κομιζόντες ἀνυπόρευον αὐτὸν νέον Σεσόγγωσιν κοσμοκράτορα (здесь и далее текст данной версии цитируется по изданию т. н. «рукописи А»: Kroll 1926). Ср. с переводами: Pfister 1978: 20 (In jeder Stadt zogen die Propheten, die eigenen Götter tragend, dem König entgegen und begrüßten ihn als neuen Weltenbeherrscher Sesonchosis); Stoneman, Gargiulo 2007: 77 (In ogni città i profeti, portando i loro dèi, andavano incontro ad Alessandro e lo proclamavano nuovo Sesoncosis, signore del mondo).

¹⁰ Ладынин 2017: 144.

¹¹ LSJ I169 (l. young, youthful (of children, youth, and of men at least as old as 30)).

Мемфис как «Сесонхосиса, миродержавца (и) полубога»¹². По смыслу данного фрагмента достаточно очевидно, что сравнение Александра с Сесонхосисом предполагает не эмоциональное именование его «юным Сесонхосисом» с точки зрения проявления им силы, доблести или красоты, свойственных тому царю в юности¹³, а некое сущностное уподобление македонского царя его египетскому предшественнику, с выраженным оттенком их равенства друг другу. Далее, словарь Лидделла и Скотта отмечает, что в значении «новый» слово *νέος* употребляется, в частности, для обозначения вновь наступающих повторяющихся природных или календарных явлений¹⁴. В том случае, когда это слово все же употребляется по отношению к некоему лицу, мы сталкиваемся со словосочетанием из трагедии Эсхила «Прометей прикованный» *ὁ νέος ταχὺς μακάρων* («новый предводитель блаженных», т. е. богов; *Aesch. Pr. 96*)¹⁵, которое относится к Зевсу и явно характеризует его как главенствующего в третьем из сменяющих друг друга поколениях богов, вслед за его предшественниками Ураном и Кроном. Иными словами, в значении «новый» слову *νέος* свойствен оттенок повторения, который, в рамках предложенной нами интерпретации идеологемы «Романа об Александре», и должен быть выражен в соотношении Александра с Сесонхосисом.

Для верификации нашего предположения было бы разумно обратиться к аналогам интересующего нас фрагмента «версии α» «Романа об Александре» в других его версиях. К сожалению, мы не найдем прямых параллелей этого фрагмента в грекоязычных версиях «Романа...»: «версия β» в описании вступления Александра в Египет, которое вообще занимает в структуре произведения то же место (I. 34), что и в «версии α», подобной фразы не содержит; а в «версии γ» мотив восприятия Александром миродержавия от его предшественников — царей Египта — перенесен в другое место и выражен иначе (хотя и без упоминания Сесонхосиса, но не менее внятно: II. 26–27¹⁶). Вместе с тем в латинских версиях «Романа...» содержатся очень примечательные переводы фразы, известной нам из «версии α». В переводе этой версии Юлия

¹² Hist. Alex. Magni, A. III.34.4: ἐπεὶ δὲ εἰς Πηλοῦσιον ἦλθον, οἱ Μεμφίται ἐπήντησαν σὺν αὐληταῖς καὶ ἀγάλασιν κατὰ τὸ εἰωθὸς καὶ εἰσῆγαγον εἰς Μέμφιν ὡς Σεσόγχασιν κοσμοκράτορα ἡμίθεον.

¹³ Теоретически это можно было бы предположить, исходя из наличия в эллинистически-римской традиции т. н. «Романа о Сесонхосисе», по-видимому, описывавшего подвиги этого царя прежде всего в его юном возрасте, еще до воцарения: Stephens, Winkler 1995: 246–266; Ладынин 2017: 116, 147, 237; к большому сожалению, на сегодняшний день еще не опубликована посвященная этому фрагментарно известному произведению диссертация: Trnka-Amrhein 2013. Однако очевидно, что юный по возрасту Сесонхосис, тем более до воцарения, во всяком случае еще не успел бы покорить весь мир: в контексте «Романа об Александре» это деяние безусловно приписывается ему уже как царю (см., помимо уже учтенных нами эпизодов, также сцену встречи Александра с Сесонхосисом в подземной пещере в эфиопском царстве Кандаки: Hist. Alex. Magni, A.III.24).

¹⁴ LSJ, *ibid.* (ἡ ν. (sc. σελήνη) the new moon... μηνὸς τῆ ν. (sc. ἡμέρα) on the first day of the month).

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ См. подробно: Ладынин 2017: 146.

Валерия (IV в. н. э.), *νέον Σεσόγγωσιν* греческого текста соответствует *iuniozem Sesonchosim* (I. 33)¹⁷; а в эпитоме Юлия Валерия, появившейся в поздней античности или в раннем средневековье (во всяком случае, до IX в.)¹⁸, это словосочетание передано в составе гораздо более модифицированной фразы как *secundum Sesonchosin* (I. 34)¹⁹. Примечательно, что в обоих случаях переводчик и эпитоматор избежали нейтральной передачи прилагательного *νέος* как «новый», а прибегли к словам, по сути дела, так или иначе выражавшим уже отмеченный нами мотив повторения Александром статуса и миссии древнейшего царя Сесонхосиса²⁰.

Возвращаясь к фрагменту, содержащемуся в «версии α» «Романа об Александре», заметим, что, на наш взгляд, его не следует оценивать в отрыве от фразы, находящейся одним параграфом далее и, соответственно, составляющей его непосредственный контекст, которая передает оракул, данный египтянам богом Сараписом после бегства царя Нектанеба. Согласно «Роману...», когда Александр вступил в Египет, он увидел в Мемфисе статую из черного камня, на пьедестале которой были начертаны слова оракула о возвращении бежавшего из Египта царя: «Бежавший царь снова явится в Египте, не состарившимся, а омолодившимся, и подчинит нам наших врагов персов»²¹. Употребленный в данном случае глагол *νεάζω* имеет значение «быть юным, новым, омолодиться»²², и сам смысл этой фразы сводится к тому, что Александр является не просто сыном, но в определенной мере и новым воплощением, возрождением своего отца Нектанеба. Характерным образом в ином контексте, когда вслед за описанием бегства Нектанеба из Египта «Роман...» рассказывает об обращении египтян за оракулом к почитаемому в Мемфисе богу Сарапису, в этом рассказе в том же самом смысле употребляется просто слово *νέος*²³. Иными словами, присутствующий в «Романе...» сюжет о рождении Александра от Нектанеба достаточно ощутимо придает однокоренным сло-

¹⁷ *Omnes tamen adcolae, qua perrexisset Alexander, una cum diis deorumque simulacris religiosisque operationibus obviam pergere festinabant, iuniozem Sesonchosim praedicantes* (цит. по: Kuebler 1888: 44; к сожалению, нам не было доступно новое издание Rosellini 2004).

¹⁸ Zuwiya 2011: 14.

¹⁹ *Aegyptii quoque eum veste et sede regni dignum duxerunt, secundum Sesonchosin venisse dicentes* (цит. по: Zacher 1867: 29).

²⁰ Как кажется, в словосочетании *iuniozem Sesonchosim* это значение выражено при помощи употребления сравнительной степени (т. е. младший Сесонхосис по отношению к предполагаемому предшественнику старшему).

²¹ Hist. Alex. Magni, A. I. 34.5: «Ο φυγών βασιλεὺς πάλιν ἦξει εἰς Αἴγυπτον, οὐ γηράσκων ἀλλὰ νεάζων, καὶ τοὺς ἡμῶν ἐχθροὺς Πέρσας ἡμῖν ὑποτάξει».

²² LSJ Π63.

²³ «Этот бежавший из Египта сильный, храбрый старший царь (и) властитель вернется спустя время на землю Египта молодым, отбросив старческое в своем облике, обойдя мир и даровав вам подчинение врагов» (Hist. Alex. Magni, A. I. 3.5 «Αἴγυπτον ὁ φυγών κραταῖος ἀλκιμος πρέσβυς βασιλεὺς δυνάστης ἦξει μετὰ χρόνον νέος, τὸ γηραλέον ἀποβαλὼν τύπων εἶδος, κόσμον κυκλεύσας, ἐπὶ τὸ Αἴγυπτου πεδῖον, ἐχθρῶν ὑποταγῆν διδοὺς ἡμῖν»).

вам νεός и νεάζων значение не просто качества новизны и молодости, но и возрождения некоей первоначальной сущности в новом качестве. Между тем этот сюжет в «Романе...» не просто соположен с соотношением Александра и Сесонхосиса, но и тесно с ним переплетен: Александр может быть повторением легендарного египетского царя только сам будучи настоящим египтянином, а это его качество берется от его отца Нектанеба. Достаточно закономерно считать, что коль скоро слова этого корня выражают мотив возрождения применительно к соотношению Александра с Нектанебом как не только его сына, но и его повторения, они должны сохранять сходное значение и при характеристике Александра в соотношении с Сесонхосисом, которое также основано на представлении, что Александр является повторением этого великого завоевателя.

Вместе с тем сказанное все еще является интерпретацией, которая получила бы подтверждение, если бы мы обнаружили употребление слова νεός со значением «возрожденный», выраженным явно и недвусмысленно. Прежде чем обратиться к поиску такого его употребления, констатируем, что в тех случаях, которые мы охарактеризовали выше, слова νεός и νεάζων окрашены специфически египетскими коннотациями. Представление о связи между всеми египетскими царями, позволяющей рассматривать их как единосущных друг другу и каждого из них — как повторение любого из своих предшественников (на уровне словоупотребления египетских царских текстов — как сына любого из них, при том что все они в совокупности являются его «отцами»), основано на базовой для египетской традиции идеологеме, согласно которой все цари суть порождения (по сути дела, пребывающие в земном мире частицы) солнечного божества²⁴. Конкретное представление «Романа об Александре» о том, что Александр является воплощением своего отца Нектанеба, имеет, по-видимому, еще одно основание: как мы постарались показать, фикция рождения Александра от Нектанеба является вариантом египетского представления, согласно которому рубежи между крупными историческими эпохами как бы «обрамляются» парами персонажей, включающими в себя царя-отца и царя-сына. Данное представление было выявлено нами на материале фрагментов труда Манефона, которые позволяют заключить, что в таких ситуациях царь-отец одновременно и оказывался виновником катастрофы, обрушившейся на Египет в финале цикла его истории, и прилагал усилия к тому, чтобы эту катастрофу преодолеть; а царь-сын помогал ему в этом и в то же время становился основоположником нового исторического цикла²⁵. В египетских сюжетах «Романа об Александре» Нектанеба действительно можно по определенным причинам назвать виновником обрушившегося на Египет чужеземного завоевания²⁶; однако после бегства из страны он мог участво-

²⁴ Berlev 1981: 363.

²⁵ Ладынин 2017: 40–41, 65–66, 72–73, 138, 275.

²⁶ Васильева, Ладынин 2012: 12–15; Ладынин 2017: 138–139.

вать в преодолении этого бедствия, лишь воплотившись посмертно в своем сыне — о чем, собственно, и поведал египтянам, согласно «Роману...», оракул божества. Таким образом, воплощение Нектанеба в Александре оказывается «нужно» для реализации в «Романе...» историографического конструкта «царь-отец и царь-сын» и отмечено в этом смысле египетской спецификой. В таком случае, искать возможные случаи употребления слова νέος в значении «возрожденный» надо опять же в контекстах, отмеченных этой же египетской спецификой.

Между тем яркий пример такого употребления слова νέος мы можем найти в титулатуре одного из Птолемеев — отца Клеопатры VII Птолемея XII, как известно, носившего культовый эпитет Θεός Φιλοπάτωρ Φιλάδελφος (впервые в 79 г. до н. э., в oJoachim 1 = SB III.6027 = TM 7226), к которому, по-видимому, с 64/3 гг. до н. э. был добавлен эпитет Νέος Διόνυσος (*Eus. Chronicorum*, ed. A. Schoene, vol. I, p. 167; pOxy. II.236a-b = TM 78556). Полное соответствие этой последовательности эпитетов в одном из египетских памятников выглядит следующим образом: *p3 ntr nry it snt Wsiry hwn* («Бог, любящий отца /и/ сестру, Осирис молодой») ²⁷. Казалось бы, заключительный компонент этого эпитета дает полную кальку греческого слова νέος в его надежно засвидетельствованном значении «молодой, юный»; однако буквальное понимание египетского слова *hwnw* как «молодой, юный» (Wb. III. 54.11–12) в этом случае невозможно, поскольку молодость в собственном смысле слова никоим образом не является качеством бога Осириса. Однако египтологам хорошо известен эпитет Осириса *wntw-nfr*, который можно перевести как «Ставший прекрасным»: как убедительно показал О.Д. Берлев, слово *nfr* «прекрасный» в данном случае употребляется как эвфемистическое указание на «молодость» бога, т. е. именно на его физическое возрождение к новой жизни («омоложение») после смерти ²⁸! Нет сомнений, что именно в этом смысле было употреблено как эпитет Осириса в египетской передаче титулатуры Птолемея XII и слово *hwn*. Но в таком случае и слово Νέος в греческой форме его культового эпитета также приобретает, хотя и не напрямую, а через посредство специфически египетского контекста, значение «возрожденный» (в то время как имя Διόνυσος относится к Осирису, согласно соответствию между египетскими и греческими богами, установленному еще Геродотом: *Hdt.* II.42.2).

Подводя итог сделанным нами наблюдениям, мы можем констатировать, что перевод обозначения νέον Σεσβύχωσι в рассмотренном фрагменте «Романа об Александре» как «возрожденного Сесонхосиса» представляется нам правомерным по двум основаниям. С одной стороны, этот перевод, как представляется, гораздо более адекватно передает смысл данного эпитета как указания на роль Александра в истории Египта, не просто схожую, но тождествен-

²⁷ Beckerath 1999: 244; cf. Weigall 1907: 221–222; Panov 2012: 195–196, 207.

²⁸ Берлев, 2003.

ную той, которую в свое время сыграл Сесонхосис: в этом смысле речь должна идти хотя и не о его физическом возрождении в Александре как таковом, но о его фактическом «повторении» в делах Александра. Как мы показали, подобное истолкование слова νέος в данном контексте согласуется со свойственным ему в греческом языке значением характеристики повторяющихся явлений. С другой стороны, соположение данного фрагмента «Романа...» Александра с описанием буквального возрождения в Александре его предполагаемого отца Нектанеба, выраженным сходным образом, а также наблюдения над египетскими параллелями слова νέος позволяют допустить, что эпитет νέος Σεσούχωςις может относиться и к буквальному, физическому воспроизведению в Александре древнейшего египетского царя. В таком случае данный эпитет может содержать в себе аллюзию на то представление о принципиальной единственности всех египетских царей, о котором мы говорили выше, и служит еще одним подтверждением серьезного воздействия египетской идеологии на предполагаемый александрийский прототип «Романа об Александре».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Берлев 2003 — *Берлев О.Д.* Два царя—Два Солнца: к мировоззрению древних египтян // Quirke S. (ed.). *Discovering Egypt from the Neva: The Egyptological Legacy of Oleg D. Berlev*. В., 2003. P. 1–18.
- Васильева, Ладынин 2012 — *Васильева О.А., Ладынин И.А.* «Волшебник Нектанеб»: историко-художественный образ и его истоки // *Древний Восток и античный мир: Сборник научных трудов кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*. Вып. 8. М., 2012. С. 3–36.
- Иванчик 1999 — *Иванчик А.И.* Античная традиция о фараоне Сесострисе и его войне со скифами // *Вестник древней истории*. 1999. № 4. С. 4–36.
- Иванчик 2005 — *Иванчик А.И.* Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин, 2005. (*Pontus septentrionalis*; 3).
- Кинжалов 1955 — *Кинжалов Р.В.* Политическая и социальная направленность повести «О жизни Александра Македонского» (Версия «А»). Дисс. ... к.и.н. Л., 1955.
- Костюхин 1972 — *Костюхин Е.А.* Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972.
- Кузнецова 1969 — *Кузнецова Т.И.* Историческая тема в греческом романе: «Роман об Александре» // *Грарбарь-Пассек М.Е.* (ред.). *Античный роман*. М., 1969. С. 186–229.

- Ладынин 2015 — *Ладынин И.А.* Александр — «новый Сесонхосис»: Египетская пропагандистская фикция начала эллинистического времени и предпосылки к ее возникновению // Проблемы истории, филологии и культуры. 2015. № 2. С. 32–51.
- Ладынин 2017 — *Ладынин И.А.* «Снова правит Египет!» Начало эллинистического времени в концепциях и конструктах позднеегипетских историографии и пропаганды. М.; СПб., 2017. (Труды Исторического факультета МГУ; 84. Сер. II: Исторические исследования; 40).
- Ausfeld 1907 — *Ausfeld A.* Der griechische Alexanderroman. Leipzig, 1907.
- Beckerath 1999 — *Beckerath J. von.* Handbuch der ägyptischen Königsnamen. 2. Aufl. München, 1999. (Münchener ägyptologische Studien; 49).
- Berg 1973 — *Berg B.* An Early Source of the Alexander Romance // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1973. Vol. 14. P. 381–387.
- Berlev 1981 — *Berlev O.D.* The Eleventh Dynasty in the Dynastic History of Egypt // Young D.W. (ed.). Studies presented to H.J. Polotsky. Beacon Hill (Mass.): Eisenbrauns, 1981. P. 361–377.
- Jasnow 1997 — *Jasnow R.* The Greek Alexander Romance and Demotic Egyptian Literature // Journal of Near Eastern Studies. 1997. Vol. 56. P. 95–103.
- Jouanno 2002 — *Jouanno C.* Naissance et métamorphoses du Roman d'Alexandre. Domaine grec. P., 2002.
- Kroll 1926 — *Kroll W.* Historia Alexandri Magni. B., 1926.
- Kuebler 1888 — *Kuebler B.* Iuli Valeri Alexandri Polemi res gestae Alexandri Macedonis translatae ex Aesopo Graeco... Lipsiae, 1888.
- Ladynin 2018 — *Ladynin I.* Alexander — the New Sesonchosis': An Early Hellenistic Propagandist Fiction and its Possible Background // Stoneman R., Nawotka Krz., Wojciechowska A. (eds.). The Alexander Romance: History and Literature. Groningen, 2018. (Ancient Narrative Supplementum; 25). P. 3–23.
- Maspero 1897 — *Maspero G.* Comment Alexandre devint dieu en Égypte // Annuaire de l'École pratique des hautes études. 1897. P. 5–30.
- Merkelbach 1977 — *Merkelbach R.* Die Quellen des griechischen Alexanderromans. 2. Aufl. München, 1977. (Zetemata; 9).
- Nawotka 2017 — *Nawotka Krz.* The Alexander Romance by Ps.-Callisthenes: A Historical Commentary. Leiden; Boston, 2017. (Mnemosyne. Supplements; 399).
- Panov 2012 — *Panov M.* Die Stele des Pascherenptah // Lingua Aegyptia. 2012. Vol. 20. P. 185–208.
- Pfister 1978 — *Pfister F.* Der Alexanderroman mit einer Auswahl aus den verwandten Texten. Meisenheim am Glan, 1978. (Beiträge zur klassischen Philologie; 92).
- Rosellini 2004 — *Rosellini M.* (ed.). Iulius Valerius. Res gestae Alexandri Macedonis translatae ex Aesopo Graeco. Monachii; Lipsiae, 2004.
- Stephens, Winkler 1995 — *Stephens S.A., Winkler J.J.* (eds.). Ancient Greek Novels: The Fragments. Princeton (N.J.), 1995.

- Stoneman, Erickson, Netton 2012 — *Stoneman R., Erickson K., Netton I.* (eds.). *The Alexander Romance in Persia and the East*. Groningen, 2012. (Ancient Narrative Supplementum; 15).
- Stoneman, Gargiulo 2007 — *Stoneman R.* (ed.), *Gargiulo T.* (trad.). *Il Romanzo di Alessandro*. Vol. 1. Milano, 2007.
- Trnka-Amrhein 2013 — *Trnka-Amrhein Y.K.* A Study of The Sesonchosis Novel. Diss. Harvard, 2013. (URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:11004912>; дата обращения: 18.12.2019).
- Weigall 1907 — *Weigall A.E.P.* Some inscriptions in Prof. Petrie's collection of Egyptian antiquities // *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes*. 1907. T. 29. P. 216–222.
- Zacher 1867 — *Zacher J.* *Julii Valerii epitome*. Halle, 1867.
- Zuwiyya 2011 — *Zuwiyya Z.D.* (ed.). *A Companion to Alexander Literature in the Middle Ages*. Leiden, 2011. (Brill's Companions to the Christian Tradition; 29).

СОКРАЩЕНИЯ

- LSJ — Liddell H.G., Scott R., Jones H.S. *A Greek-English Lexicon*. Oxford, 1996.
- SB — *Sammelbuch griechischer Urkunden aus Aegypten*.
- TM — ссылка на индексацию источника на ресурсе Trismegistos (<https://www.trismegistos.org>)
- Wb. — *Erman A., Grapow H.* *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Neudruck. B., 1955. Bd. I–V.

SESONCHOSIS “NEW”, “YOUNG” OR “RENEWED”? A Commentary to Hist. Alex. Magni A, I 34.2

IVAN LADYNIN

Abstract: The article deals with a passage from “version α” of the *Alexander Romance* describing the advent of Alexander to Egypt: “Now the prophets meeting Alexander in every city (and) carrying [the images of] the country’s gods proclaimed him a renewed Sesonchosis, ruler of the world” (ὑπαντῶντες <δὲ> τῷ Ἀλεξάνδρῳ κατὰ πᾶσαν πόλιν οἱ προφήται τοὺς ἰδίους θεοὺς κομίζοντες ἀνηγόρευον αὐτὸν νέον Σεσόγχωσιν κοσμοκράτορα). Here the word νέον is likely to be rendered “renewed, rejuvenated” rather than literally “new” or “young” as the passage reveals the concept of Alexander’s being a repetition of the most ancient Egyptian king, creator of the world-dominion. The arguments to that effect are a lexicographical notice, a comparison to other fragments of the *Alexander Romance* (Hist. Alex. Magni, A. I. 3.5, 34.5) and to the Egyptian title of Ptolemy XII *pꜣ ntr mry it snt Wsiry hwn* (“The God, Who loves /his/ father and sister, Osiris the young”) being an equivalent to Θεὸς Φιλοπάτωρ Φιλάδελφος Νέος Διόνυσος (the word *hwn* “the young” being a parallel to Νέος has, when applied to Osiris, an obvious meaning of rejuvenation).

Keywords: the *Alexander Romance*, Egypt, Sesonchosis, lexicography, Greco-Egyptian interrelation.

Иван Андреевич Ладынин,
доктор исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории древнего мира
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
профессор Школы исторических наук
Факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики».

„VERDERBENBRINGENDE KINDER“ DER KRABBen UND DER FISCHER: über eine Formel bei Nikander von Kolophon

ANNA MALOMUD

Abstract: The paper deals with the expression *κακοφθόρα τέκνα* ‘destructive children’, which occurs in two *paradoxa* described by Nikander — the birth of scorpions from dead crabs (Ther. 788–96) and the petrel feeding on sea foam (Alex. 165–70). A comparison of these two contexts allows us to complement our understanding of relationships between human and the natural world as they are portrayed in Nicander’s poems. Some observations are also made about the gloomy depiction of children in Nicander, which appears to be rather untypical when compared with other examples from Greek literature.

Keywords: Nicander of Colophon, didactic poetry, animals in ancient world, human-animal relationships in Greek literature.

Seinen Ruf als *poeta obscurus* verdankt sich Nikander von Kolophon nicht zuletzt seiner Neigung zu Wortneubildungen — hier übertrifft er wohl die anderen hellenistischen Dichter¹. Zu den Wörtern, die sehr wahrscheinlich von Nikander geschöpft wurden, gehört unter anderem das Adjektiv *κακοφθόρος*, das seiner inneren Form nach als „verderbenbringend, schädlich, tödlich“ zu verstehen ist². Es kommt zweimal vor, und zwar jeweils in einer formelähnlichen Wendung³ „verderbenbringende Kinder“: *τέκνα κακοφθόρα Nic.* (Ther. 495), *κακοφθόρα τέκν’* (Alex. 168). Eine heteroklitische Form *κακοφθορέος* (also von **κακοφθορής*) ist in Alex. 465 zu finden. Schauen wir uns diese Textstellen näher an:

1) Ther. 788–796⁴ Krabbenähnliche Skorpione

Ἄλλοι δὲ ῥοικοῖσιν ἰσήρεις ἅντα παγούροις⁵
γυῖα βαρύνονται, βαρέαι δ’ ἐσκλήκασι χηλαί,
οἶαι τε πετραίοισιν ἐποκριώωσι παγούροις.
Τῶν δὴ καὶ γενεὴν ἐξέμμορον, εὐτε λίπωσι

¹ Jacques 2002: XCIX–CI, Jacques 2007: XCVII–CI, Overduin 2015: 65–67.

² LSJ s. v. *destructive, deadly*. BrillDAG s. v. *destructive, fatal, deadly*.

³ Imitation der homerischen Formelsprache ist eines der wichtigen Merkmale des Stils Nikanders, s. Jacques 2007: LXXXM–LXXXVII, Overduin 2015: 216, 271, 356 u.ö. Speziell dazu s. Malomud 2014.

⁴ Hier und weiter Nikandertext nach Jacques 2002 bzw. Jacques 2007. Andere Autoren werden nach TLG zitiert.

⁵ Zu dem ziemlich unklaren Unterschied zwischen dem *πάγουρος* und *καρκίνος* im Griechischen sowie zu Identifizierungen der damit bezeichneten Tiere s. Jacques 2002: 217, Spatafora 2007: 173.

πέτρας καὶ βρῦα λεπτὰ πολυστίοιο θαλάσσης·
 τοὺς ἀλὸς ἐξερύουσι δελαστρέες ἰχθυβολῆες·
 αὐτίκα δ' ἀγρευθέντες ἐνὶ γρώνησιν ἔδυσαν
 μυοδόκοις, ἵνα τέκνα κακοφθόρα τῶνδε θανόντων
 σκορπίοι ἐξεγένοντο καθ' ἔρκα λωβητῆρες.

Andere, den krummbeinigen Krabben gleich, haben schwere Glieder; und ihre schwere Scheren sind hart wie die rauhen [Scheren] von den auf Klippen wohnenden Krabben. Von diesen leiten sie auch ihren Ursprung her. Wenn diese nämlich die Klippen und die zarten Algen des kieselreichen Meeres verlassen, so werden sie von den mit Ködern angelnden Fischern auf Trockene gezogen und sogleich gefangen, entwischen aber und schlüpfen in Mäuselöcher. Dort sterben sie, und aus ihnen gehen nun als ihre verderbenbringenden Kinder Skorpione hervor, welche in den Zäunen Unheil stiften⁶.

2) Alex. 165–170 Sturmvogel

Πολλάκι δ' ὀρταλίδων ἀπαλὴν ὠδίνα κενώσας
 ἀφρὸν ἐπεγχεράσαιο, θοοῦ δορπήια κέπφου⁷.
 Τῷ γὰρ δὴ ζῶν τε σαοὶ καὶ πότμον ἐπίσπει,
 εὔτε δόλοισ νήχοντα κακοφθόρα τέκν' ἀλίηων
 οἰωνὸν χραίνωσιν· ὁ δ' ἐς χέρας ἔμπεσε παίδων
 θηρεύων ἀφροῖο νέην κλύδα λευκαίνουσαν.

[Als ein Gegenmittel für Koriander] kannst du auch oft eine zarte Geburt des Geflügels (= ein Ei) entleeren und sie mit Meerschaum mischen, welcher die Nahrung des schnellen Sturmvogels ist. Diesem erhält der Schaum das Leben und beschleunigt zugleich sein Ende, wenn die verderbenbringenden Kinder der Fischer den schwimmenden Vogel listig beflecken; und während er die neue weißschimmernde Schaumwelle zu erhaschen sucht, fällt er in die Hände der Kinder.

3) Alex. 465–466 Seehase

Εἰδείης δὲ λαγοῖο⁸ κακοφθορέος πόσιν αἰνήν
 οὐλομένην, τὸν κύμα πολυστίου τέκεν ἄλμης.

Auch den furchtbaren und verderblichen Trank von dem verderbenbringenden Seehasen, den die Welle des kieselreichen Meeres hervorbringt, sollst du kennen.

Die Erwähnung von „verderbenbringenden Kindern“ gilt als ein Verbindungsglied zwischen dem ersten und dem zweiten Passage und gibt uns quasi ein Signal, dass diese zwei Kontexte einander gegenübergestellt werden sollen. Der Skorpione- und der Sturmvogel-Abschnitt haben tatsächlich viel gemeinsam: in beiden wird ein

⁶ Hier und weiter Übersetzung von Brenning 1904, modifiziert.

⁷ Die genaue Identifizierung dieses Seevogels ist erschwert, s. dazu Jacques 2007: 109–110; daher stellt „Sturmvogel“ eine annähernde Übersetzung dar.

⁸ Identifiziert mit der Weichtiergattung *Aplysia depilans* L. (Marmorierte Seehase), s. Jacques 2007: 200, Spatafora 2007: 280.

paradoxon beschrieben (die Entstehung der Skorpione aus den gestorbenen Krabben⁹ bzw. der sich mit Meerschaum ernährende Sturmvogel¹⁰) und beide Geschichten sind in Meereslandschaft lokalisiert. Das letztere stimmt übrigens auch für die Beschreibung von Seehase, die ebenfalls ein solches Setting hat. Betrachtet man jedoch, wer in dem jeweiligen Fall unter τέκνα κακοφθόρα gemeint wird, sieht man da sofort einen bemerkenswerten Kontrast. Denn in der ersten Episode sind das die Skorpione, die den Menschen Verderben bringen — hierbei werden die giftigen Tiere so geschildert, als ob sie praktisch in den menschlichen Raum eindringen (καθ' ἔρκεα¹¹ λωβητήρες). In dem Abschnitt über den Sturmvogel sind hingegen die Menschen diejenige, die Aggression anwenden: Die Kinder fangen auf heimtückische Weise ein harmloses Tier.

Die Tatsache, dass die gleiche Formel für die zwei im gewissen Sinne gegensätzlichen Situationen verwendet wird, ist besonders interessant in Bezug auf die Beziehungen zwischen Mensch und Natur, welches Thema im Mittelpunkt der *Theriaka* und *Alexipharmaka* steht. Diese Beziehungen scheinen bei Nikander ambivalent zu sein. Einerseits stellt die natürliche Welt einen für den Menschen fremden Bereich dar, wo ihn viele Gefahren bedrohen, wie z. B. giftige Tiere und Pflanzen; andererseits bietet dieselbe auch eine Rettung in Form von Gegenmittel, wenn man ein dazu erforderliches Wissen besitzt. Diese Ambiguität wird in den diametral entgegengesetzten Deutungen der Gedichte widerspiegelt. Einer zufolge sei ihr Gegenstand das Leiden der Menschen in einer trüber und von giftigen Ungeheuern bewohnten Welt, die als anti-bukolisch charakterisiert werden kann¹²; nach einer anderen — optimistischen — Auslegung bestehe Nikanders Intention darin, das menschliche Wissen zu preisen, das das Leben leichter und sicherer macht und den Menschen dazu befähigt, die Natur halbwegs unter seiner Kontrolle zu bringen¹³. Es gibt auch den Versuch, diese zwei Tendenzen miteinander zu vereinbaren, indem man behauptet, dass *Theriaka* und *Alexipharmaka* generell die Widersprüchlichkeit und Mehrdeutigkeit der Weltordnung thematisieren¹⁴.

Die Kontexte, in denen τέκνα κακοφθόρα auftreten, illustrieren den negativen Aspekt der Mensch-Natur-Beziehungen in den nikandreischen Gedichten, der sich durch Feindschaft und Gewalt charakterisieren lässt. Jedoch wird dabei der Kon-

⁹ Ein Beispiel der sog. Spontanzeugung γένεσις αὐτόματος, welche Vorstellung auf Aristoteles zurückgeht. Eine detaillierte Analyse bei Jacques 2007: 218–219.

¹⁰ Die Art und Weise, auf die die Kinder den Sturmvogel zu fangen pflegen, wird ausführlicher in den Scholien zu *Ar. Plut.* 912 beschrieben: Ὅρνειον ὄπερ φιλεῖ ἀφρόν θαλάττιον ἐσθλῆιν· καὶ οἱ παῖδες τῶν ἀλιέων (λαμβάνοντες τὸν ἀφρόν) ῥίπτουσι τὸ πρῶτον πόρρωθεν, εἶτα ἐγγύτατα, εἶτα εἰς τὴν χεῖρα τὸν ἀφρόν, καὶ οὕτως εὐχερῶς ἀγρεύουσι. Über eine mögliche Quelle dieser Geschichte bei Aristoteles s. Jacques 2007: 110.

¹¹ Unter ἔρκεα kann man verschiedenen Sachen verstehen (z. B. einen umgezäunten Hof wie in *Hom. Od.* 20.164 oder einen Wall). Ausführlicher über die Interpretationsschwierigkeiten in Bezug auf dieses Wort bei Nikander s. Overduin 2015: 478.

¹² Toohey 1996: 70, Sistakou 2012: 191–250, Overduin 2014.

¹³ Clauss 2006: 162, 182; Chernyakhovskaya 2016: 130.

¹⁴ Wilson 2015: 204–224.

flikt zwischen der natürlichen Welt und dem Menschen aus einer ungewöhnlichen Perspektive gezeigt.

Typischerweise bildet Nikander Menschen als φῶτας ἀνιγρούς¹⁵ ab, die den in der Natur versteckten Gefahren ausgesetzt werden¹⁶. Die Atmosphäre der ständigen Bedrohung wird zum großen Teil durch die Omnipräsenz der giftigen Wesen geschaffen, die zudem nicht aus Instinkt heraus handeln, sondern aus Hass, und daher ganz bewusst Menschen angreifen¹⁷. Feindschaft herrscht auch unter den Tieren selbst, wie z. B. zwischen Schlangen und Hirschen (Ther. 141–144), Kobra und Ichneumon (Ther. 190–280), Adler und Drache (448–457)¹⁸.

In dieses Bild passt gut die Skorpione-Episode hinein: Die Bösartigkeit der giftigen Tiere wird neben der Wendung τέκνα κακοφθόρα auch mit dem homerischen Wort λωβητήρες¹⁹ bezeichnet, sodass sie böswillig gegenüber den Menschen erscheinen. Aber die dieselbe Formel enthaltende Passage stellt dieses Verhältnis auf den Kopf: die Kinder der Fischer, indem sie den Sturmvogel fangen, finden sich in der gleichen Rolle wie die boshaften Skorpione. In anderen Wörtern, erweisen sich hier die Menschen als nicht passiv und leidend, wie es meistens in den nikandreischen Gedichten der Fall ist, sondern aggressiv gegenüber den Tieren, und zwar wird ihre aggressive Verhaltensweise negativ bewertet (der Hinweis auf δόλους, d. h. Heimtücke der Kinder). Dies scheint ein eigenartiges Beispiel bei Nikander darzustellen. Die einzige ähnliche Szene ist Ther. 309–319, in der Helena die Schlange *hai-morrhōis* verkrüppelt, an deren Biss der Steuermann Kanobus starb. Aber Helenas Grausamkeit, welche wahrscheinlich auch durch die Benennung Αἰνελένη hervorgehoben wird²⁰, ist gegen ein an sich böswilliges Tier gerichtet, denn die Schlange griff Kanobus nicht sofort an, als er auf sie getreten hatte, sondern wartete, bis er einschließ²¹. Somit geht es in dieser Episode eher um eine „gerechte Rache“ der Heldin für den Steuermann als um ihre Bösartigkeit. Es gibt auch zahlreiche Kontexte, in denen Tiere für nützliche Zwecke getötet werden, z. B. Schildkröte für ein Gegenmittel (Ther. 700–708) oder die Schlange Amphibaina, deren Haut Holzhauer bei Erfrierungen anwenden (Ther. 377–383) — aber in all diesen Fällen findet natürlich keine moralische Bewertung menschlichen Handelns statt.

In der Passage über Skorpione findet man eigentlich auch eine Andeutung auf die Tücke der Menschen, die in der auf Fischer bezogenen Bezeichnung δελαστρέες zu erkennen ist. Das ist ebenfalls ein nikandreisches *hapax*, das von δέλεαρ „Köder“ abgeleitet ist und üblicherweise als „mit Ködern angelnd“ gedeutet wird²². Aber es

¹⁵ Ther. 701.

¹⁶ Overduin 2014: passim.

¹⁷ Wie z. B. der Skorpion in dem Prolog der *Theriaka* (Ther. 18), von dem gesagt wird, dass er ὀλίγω ὑπὸ λαίλοχῆσας „unter einem kleinen Stein im Hinterhalt lag“. Für weitere Beispiele s. Overduin 2015: 98–101.

¹⁸ Overduin 2015: 240.

¹⁹ „Unruhestifter“. Zur Interpretation bei Nikander s. Overduin 2015: 478–479.

²⁰ Overduin 2015: 299, Malomud 2015.

²¹ Overduin 2015: 302.

²² Overduin 2015: 478.

lässt sich vermuten, dass δελαστρεὺς nicht nur auf die Fangmethode verweist, sondern indirekt auch eine moralische Charakteristik der Fischer enthält. Denn δέλεαρ dürfte volksetymologisch mit δόλος in Verbindung gebracht werden²³, welches Wort, außer ein Fachwort der Fischerei zu sein bzw. verschiedene Vorrichtungen zum Fangen oder Betrügen zu bezeichnen, auch eine abstrakte Bedeutung „List, Tücke“ hat²⁴. Für eine solche Interpretation von δελαστρεῖς sprechen zudem die anderen mit Fischern verbundenen Kontexte bei Nikander: der Tintenfisch, mit dem übrigens der κακοφορῆς Seehase verglichen wird, sondert sein Sekret ab, sobald er δολόντα ... ἀγρώστορος ὀρμὴν „hinterlistigen Angriff eines Fischers“ spürt (Ther. 472–473); und die Kinder der Fischer, wie schon oben bemerkt wurde, fangen den Sturmvogel mit δόλοις (Alex. 168). Man kann also sehen, dass Listigkeit zu einem Merkmal der Fischer bei Nikander wird. Im Gegenteil zu den Vertretern anderer Berufe, die in *Theriaka* und *Alexipharmaka* erwähnt werden, z. B. Bauern, Hirten, Holzhauern, müssen sie bei ihrer Tätigkeit betrügerisch vorgehen (indem sie also Fische oder andere Wassertiere mit Ködern fangen), und sie sind daher im gewissen Sinne moralisch verdorben. Auf die Skorpione-Episode zurückgehend ist zu bemerken, dass die moralische Unvollkommenheit der Fischer einigermaßen die Bosheit der giftigen Tiere rechtfertigt; denn sie rächen sich für ihre heimtückisch getöteten Eltern Krabben. Die Rache ist ein öfter vorkommender Motiv in der nikandreischen Darstellung der natürlichen Welt²⁵ — am deutlichsten ist er in der nach tragischem Muster gestalteten Szene ausgeprägt, in der die zur Welt kommenden Vipern ihrer Mutter den Bauch durchfressen und so Rache für den Mord ihres Vaters nehmen (Ther. 128–134)²⁶.

Nach alledem wird deutlich, dass der Mensch in den Kreis der gegenseitigen Gewalt und Rache hineingezogen ist, welche die in *Theriaka* und *Alexipharmaka* geschilderte Welt zu regieren scheinen. Was daraus folgt ist, dass die Beziehungen zwischen Mensch und Natur in Nikanders Gedichten komplizierter sind als allgemein angenommen. Der Mensch bei Nikander ist Opfer der furcherregenden Flora und Fauna und zur gleichen Zeit auch derjenige, der imstande ist, die Natur gewissermaßen zu bändigen und sie zu seinem Vorteil zu nutzen — auf diese zwei entgegengesetzten Rollen weist Kathryn Wilson hin²⁷. Aber hierzu kommt noch eine Möglichkeit, nämlich die menschliche Aggression gegen die Natur. Der Mensch, der in der nikandreischen Welt lebt, kann sich also nicht nur mithilfe seines Wissens gegen die schädlichen Wirkungen der Natur wehren, sondern auch selbst angreifend vorgehen — dabei erweist er sich im Prinzip genauso bössartig wie die gegen ihn feindlichen Tiere.

²³ DELG s. v. δέλεαρ.

²⁴ LSJ s. v. *bait for fish*, hence, *any cunning contrivance for deceiving or catching*; 2 *craft, cunning, treachery*.

²⁵ Vgl. z. B. die schon angesprochene Episode über Helena und *haimorrhais*. S. auch Overduin 2015: 99.

²⁶ Wilson 2015: 218 nennt sie „a mini-Oristeia“. Tragischen Konnotationen dieser Beschreibung ist Wilson 2018 gewidmet (*non vidi*).

²⁷ Wilson 2015: 220–221.

Abschließend sei noch eine Bemerkung angefügt, die die Kinderdarstellung in dem Sturmvogel-Abschnitt betrifft. Diese ist ziemlich auffällig wegen ihres negativen Tons. In der antiken Literatur kann man zwar einige Szenen finden, in denen Kinder Tiere misshandeln²⁸; z. B. Kinder reizen die Wespen, mit denen die Myrmidonen bei Homer verglichen werden²⁹; der kleine Hermes in dem homerischen Hymnus tötet eine Schildkröte, um aus ihr die Leier zu machen³⁰; in einem Epigramm von Anyte spannen Kinder einen Ziegenbock an³¹. Aber die Handlungen der Kinder werden dabei nicht negativ bewertet bzw. wird ihr Verhalten als entschuldigbar angesehen, weil sie *νηπίαχοι* sind³². Auf einem solchen Hintergrund sehen Nikanders *καχοφθόρα τέκνα*, die einen Vogel heimtückisch fangen und ihn wahrscheinlich danach töten³³, eher ungewöhnlich aus. Oder soll diese Passage als ironisch gedeutet werden? Es wäre dann eine komisch wirkende Übertreibung: Spielende Kinder werden als unheilvolle Monster abgebildet, und die durch die Lexik evozierte Atmosphäre eines homerischen Kampfes oder einer Tragödie kontrastiert mit einer alltäglichen Szene. Das komische Element ist den Gedichten Nikanders nicht fremd³⁴, und zwar gibt es andere Beispiele davon, dass ein an sich nicht so furchtbares Wesen als ein Ungeheuer präsentiert wird, wie ein ganz kleines Insekt *kranikolaptes*, „wesen schrecklich aussehender Kopf immer feindselig nickt“³⁵. Somit ist es denkbar, dass die Beschreibung des grausamen Schicksals des Sturmvogels, der von der Hand der „verderbenbringenden“ Kinder stirbt, auch einen komischen Effekt erzielt.

LITERATURVERZEICHNIS

Brenning 1904 — *Brenning M.* Nikanders „Theriaka“ und „Alexipharmaka“ // Allgemeine Medicinische Central-Zeitung. 1904. 73. S. 112–14, 132–4, 327–30, 346–9, 368–71, 387–90.

Chernyakhovskaya 2016 — *Chernyakhovskaya O.* Nikander über den schlammigen Panzer des Ichneumons // Althoff G., Föllinger S., Wöhrle G. (Hgg.). Antike Naturwissenschaft und ihre Rezeption. XXVI. Trier: WVT, 2016. S. 121–33.

²⁸ Zu diesem Thema s. Korhonen, Ruonakoski 2017: 88–89, 114–115, 178–181.

²⁹ *Hom.* Il.16.259–262 αὐτίκα δὲ σφήκεσσιν ἐοικότες ἐξεχέοντο / εἰνοδίους, οὓς παῖδες ἐριδμαίνωσιν ἔθοντες αἰεὶ κερτομέοντες ὀδῶ ἔπι οἰκί' ἔχοντας νηπίαχοι· ξυνὸν δὲ κακὸν πολέεσσι τιθείσι.

³⁰ *Hom.* Hymn. Herm. 38ff.

³¹ A.P. 6.312 Ἦνία δὴ τοι παῖδες ἐνί, τράγε, φοινικόεντα / θέντες καὶ λασίῳ φιμὰ περὶ στόματι / ἵππια παιδεύουσι θεοῦ περὶ ναὸν ἄεθλα, / ὄφρ' αὐτοῦς φορέης ἦπια τερπομένους.

³² Über die generell wohlwollende und nachsichtige Einstellung gegenüber Kindern in der griechischen Literatur s. Pratt 2013: 229.

³³ Dafür spricht der Wortwahl: die homerische Wendung *πότμον ἐπίσπει* (vgl. Il. 2.359, 6.412, 20.337) und das Verb *χραίνω*, das eine feste Assoziation mit Blut und Mord hat, insbesondere in der Tragödie (LSJ s. v.).

³⁴ Overduin 2015: 114–115.

³⁵ Ther. 765 τοῦ καὶ σμερδαλέον νεύει κάρη αἰὲν ὑποδράξ, Overduin 2015: 469–470.

- Clauss 2006 — *Clauss J.J.* Theriaca. Nicander's Poem of the Earth // *Studi italiani di filologia classica*. 2006. 4. S. 160–82.
- Jacques 2002 — *Jacques J.-M.* Nicandre: Oeuvres, Tome ii: Les Thériaques: fragments iologiques antérieurs à Nicandre. Paris: Les Belles Lettres, 2002.
- Jacques 2007 — *Jacques J.-M.* Nicandre: Oeuvres, Tome iii: Les Alexipharmques: lieux parallèles du livre XIII des Iatrica d'Aétius. Paris: Les Belles Lettres, 2007.
- Korhonen, Ruonakoski 2017 — *Korhonen T., Ruonakoski E.* Human and Animal in Ancient Greece: Empathy and Encounter in Classical Literature. London: I.B. Tauris, 2017. (Library of classical studies. XV).
- Malomud 2014 — *Malomud A. M.* Formul'nye vyrazheniya v Theriaca Nikandra Kolofonskogo (Formelhafte Wendungen in den Theriaka des Nikander von Kolophon) // *Kazansky N. N. (Hg.) Indoeuropäische Sprachwissenschaft und Klassische Philologie*. XVIII. Sankt-Petersburg: Nauka, 2014. S. 604–9.
- Malomud 2015 — *Malomud A. M.* Interpretaciya Αἰνελένη v Nic. Ther. 310 (Die Interpretation der Αἰνελένη in Nic. Ther. 310) // *Kazansky N. N. (Hg.) Indoeuropäische Sprachwissenschaft und Klassische Philologie*. XIX. Sankt-Petersburg: Nauka, 2015. S. 624–27.
- Overduin 2014 — *Overduin F.* The anti-bucolic world of Nicander's Theriaca // *The Classical Quarterly*. 2014. 64. S. 623–43.
- Overduin 2015 — *Overduin F.* Nicander of Colophon's Theriaca: A Literary Commentary. Leiden; Boston: Brill, 2015. (Mnemosyne Supplements. CCCLXXIV).
- Pratt 2013 — *Pratt L.* Play, Pathos, and Precocity: The Three P's of Greek Literary Childhood // *Grubbs J. E., Parkin T., Bell R. (Hgg.) The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World*. Oxford: University Press, 2013. S. 227–45.
- Sistakou 2012 — *Sistakou E.* 2012. The Aesthetics of Darkness. A Study of Hellenistic Romanticism in Apollonius, Lycophron and Nicander. Leuven: Peeters, 2012.
- Spatafora 2007 — *Spatafora G.* Nicandro. Theriaká e Alexiphármaka. Roma: Carocci, 2007.
- Toohy 1996 — *Toohy P.* Epic lessons: an introduction to ancient didactic poetry. London; New York: Routledge, 1996.
- Wilson 2015 — *Wilson K.D.* Signs in the Song: Scientific Poetry in the Hellenistic Period (Diss). University of Pennsylvania, 2015.
- Wilson 2018 — *Wilson K.D.* Avenging Vipers: Tragedy and Succession in Nicander's Theriaca. // *The Classical Journal*. 2018. 113.3. S. 257–80.

ABKÜRZUNGEN

BrillDAG — *Montanari F.* The Brill Dictionary of Ancient Greek. Leiden; Boston: Brill, 2015.

- DELG — *Chantraine, P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. 4 Bde. Paris: Klincksieck, 1968–1980.
- LSJ — *Liddell H.G., Scott R., Jones H.S.* Greek-English Lexicon. With Revised Supplement. Oxford, 1996⁹.
- TLG — Online Thesaurus Linguae Graecae: A Digital Library of Greek Literature (www.tlg.uci.edu).

«ЗЛОВРЕДНЫЕ ДЕТИ» КРАБОВ И РЫБАКОВ: к одной формуле у Никандра Колофонского

А.М. Маломуд

Резюме: В статье рассматривается выражение «зловредные дети» (*καχοφθόρα τέχνα*), встречающееся в двух *парадоксах*, описанных Никандром, — рождение скорпионов из мертвых крабов (Thea. 788–96) и морской пены как пищи для буревестника (Alex. 165–70). Сравнение этих двух контекстов позволяет нам дополнить наше понимание отношений между человеком и миром природы в изображении Никандра. Кроме того, некоторые наблюдения в статье касаются мрачного образа детей у Никандра, что представляется довольно нетипичным по сравнению с другими примерами в греческой литературе.

Ключевые слова: Никандр Колофонский, дидактическая поэзия, животные в античности, человек и животные в греческой литературе.

Маломуд Анна Михайловна,
аспирантка, Берлинский университет имени Гумбольдтов,
Институт классической филологии.

О ПРИЧИНАХ НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ (на примере диалекта села Старошведское)

А.Е. МАНЬКОВ

Резюме: В этой статье рассматриваются некоторые примеры языковых изменений, с которыми мы столкнулись в ходе исследований диалекта села Старошведское. Мы выбрали те примеры, которые либо являются не вполне тривиальными и частотными, либо, наоборот, могут дать материал для изучения наиболее общих причин изменений языка, таких как переход от синтетического строя к аналитическому; возможно, эти примеры будут любопытны в качестве типологических параллелей и для специалистов по классическим языкам.

Ключевые слова: малые языки, языковые изменения, морфологические изменения, морфологическое варьирование, среднекомпетентные носители языка, Старошведское, шведские диалекты.

Диалект села Старошведское, находящегося на Украине, в Херсонской области, исторически относится к шведским диалектам Эстонии, которые до Второй мировой войны были распространены в нескольких сёлах на её побережье и на островах Моонзундского архипелага. Исторически эти диалекты возникли в результате восточно-скандинавской экспансии в восточном направлении (с XIII в.¹), однако в отличие от Исландии и Фарерских островов в Эстонии не сложилось скандинавского литературного языка. В 1782 г. около тысячи шведов — жителей о. Дагё (Хийумаа), который тогда принадлежал Российской империи, были переселены на юг Херсонской губернии, где на берегу Днепра было основано поселение, впоследствии получившее название Старошведское (по-шведски *Gammalsvenskby*, современное украинское название — Зміївка). Все шведские диалекты Эстонии кроме Старошведского на данный момент являются вымершими, поэтому диалект Старошведского — это не только единственный живой скандинавский диалект на территории бывшего СССР, но и единственный живой диалект из данной группы. Наша первая экспедиция в село состоялась осенью 2004 года, всего было проведено десять экспедиций. До начала нашей работы диалект был предметом специального изучения в 1881 и 1904–1905 гг. Его первоисследователем является шведский диалектолог Херман Вендёлль, который приезжал в село летом

¹ Rosenkvist 2018: 8.

1881 г. и собрал там лексический материал для «Словаря шведских диалектов Эстонии»². Вторым исследователем диалекта был Антон Карлгрэн. Он работал в селе зимой 1904–1905 гг. и составил краткое описание фонетики и словоизменения, изданное много лет спустя³. После работы Карлгрэна наступил перерыв в более чем 100 лет. Существование диалекта в XX в. не замечалось ни официальной властью, ни академическими кругами (ни российскими, ни шведскими, ни украинскими), хотя о самом селе в Швеции хорошо знают. Во время нашей работы в селе число носителей диалекта не превышало 10–15 человек, поэтому диалект находится в группе высокого риска⁴.

Мы разработали для диалекта следующую систему записи:

Гласные: *a* [a], *ā* [aː], *e* [ɛ], *ē* [eː], *eː*⁵, *i* [i], *ī* [iː], *o* [o], *ō* [oː], *u* [u], *ū* [uː], *y* [y], *ä* [ɛ], *ā* [ɛː], *ö* [œ], *ō* [œː], *ü* [ɥ], *ū* [ɥː], дифтонги *äi* [eːi, eɪ], *öü* [œːɥ, œɥ]⁶. Согласные: *b* [b], *d* [d], *ḍ* [ḍ], *f* [f], *g* [g], *h* [h], *j* [j], *k* [k], *l* [l], *l̥* [ɾ], *m* [m], *n* [n] ([ŋ] перед *k*), *ŋ* [ŋ], *y* [ɲ], *p* [p], *r* [r], *s* [s], *š* [ʃ], *t* [t], *t̥* [t̥], *v* [v], *x* [x], *z* [z], *z̥* [z̥]. Сочетания *dj*, *gj*, *nj*, *sj*, *tj* обозначают соответствующие палатализованные согласные. Сочетания *skj*, *stj* обозначают [skʲ], [stʲ]. Долгота согласных внутри морфем обозначается удвоением. Если долгий согласный находится перед другим согласным внутри морфемы, его долгота не обозначается. Дефис используется при разделении элементов в тех сложных словах, которые имеют главное и второстепенное ударение, а также при отделении энклитик. Словесное ударение обычно падает на первый слог. Фразовое ударение показывается с помощью знака '.

1. Нетривиальные фонетические изменения

Примером уникального для диалекта фонетического развития является обозначение 'стакана': *stāka* m. и *stākan* m. < рус. *стакан* (сохраняется и исконное обозначение — *glās*)⁷. Это старое заимствование, оно имелось в XIX в., т. к. было записано в Старошведском Венделлем: *stāga* и *stāka* m. (Freudenthal & Vendell 1886: 219). Отсутствие конечного *n* в этих формах, а также колебание *g* / *k* в формах, записанных Венделлем, объяснить легко. Первое является следствием переразложения формы *stākan*. Конечное *n* в диалекте очень часто

² Freudenthal, Vendell 1886.

³ Karlgrén 1953.

⁴ Подробнее о лингвистической ситуации в селе и судьбе диалекта см. Маньков 2018, Mankov 2018.

⁵ Дифтонгоид [eː] произносится внутри морфем, например *h[eː]n* 'курица', [eː]ra 'ухо'; [ɛː] (долгое закрытое *e*) произносится в конце морфем: *br[eː]* 'хлеб'.

⁶ Дифтонги обычно выступают в кратком варианте перед долгими согласными и группами согласных, при этом второй элемент произносится сверхкратко, например *g[eɪ]glar* 'жабры', [œɥ]ks-brūn 'бровь'.

⁷ Ударение в диалектном слове падает на первый слог; тяготение ударения к первому слогу чрезвычайно сильно в диалекте, оно распространяется и на заимствования, ср. *bássar* < *базар*, *bástar* < *бауман*, *búrak* < *бурак*, *dúrak* < *дурак*, *Kåson* < *Херсон* и мн. др. О супraseгментных чертах заимствований см.: Mankov 2018: 65.

является суффигированным определённым артиклем единственного числа, например *bitan* (= “the bit”), *honan*, *hāran*, *mōan*, *musan*, *nāvan* и т. д. — формы с определённым артиклем к *bita* ‘кусок’, *hona* ‘петух’, *hāra* ‘заяц’, *mōa* ‘желудок’, *musa* ‘мох’, *nāva* ‘кулак’. Под влиянием таких форм *stākan* было переосмыслено как *stāka* + определённый артикль *-n*, из чего возникла основа *stāka* вместо или наряду со *stākan*. Аналогичных примеров в диалекте немало. В чередовании *g / k* также нет ничего уникального: по-видимому, в диалекте у кратких смьгчных согласных намечается тенденция к нейтрализации противопоставления по глухости — звонкости в положении между краткими гласными, ср. *vikū / vīgu* ‘неделя’, *hita / hida* ‘жара’, *gnatār / gnadār* ‘хототать’, *botār / bodār* ‘бегать с шорохом’ (например, о мышах). Что же касается гласного *ä* на месте *a*, то *stāka* — единственный пример. В нормальном случае краткое ударное *a* в положении перед кратким согласным и безударным *a* в следующем слоге переходит в диалекте в *o*, ср. диал. *boka* ‘печь’, *skoka* ‘трясти’, *komar* ‘комната’, *homar* ‘молоток’ и шв. *baka*, *skaka*, *kammare*, *hammare*⁸. Таким образом, ожидаемым развитием должно было бы быть *stakan* > **stoka*, но никак не *stāka*. Однако дело в том, что в диалекте имеется вполне употребительное исконное слово *stoka* ‘палка’ (демонстрирующее ожидаемое изменение *a > o*, ср. шв. *stake* ‘шест’). Видимо, чтобы избежать совпадения ‘палки’ со ‘стаканом’, *aka* во втором слове дало *ä*, а не фонетически закономерное *o*. Механизм изменения заключается в том, что с одной стороны форма **stakan* или **staka* недопустима в диалекте из-за обязательности перехода ударного *a* в *o*, но с другой стороны переход не может быть осуществлён из-за нежелательного совпадения с уже имеющимся существительным. В этой ситуации выбирается некий третий гласный, отличающийся и от *a*, и от *o*, т. е. имеет место диссимиляция на уровне лексики, семантически обусловленная дивергенция звукового облика.

Ещё один пример нетривиального фонетического развития в диалекте — существительное *svärk* f. ‘четверть литра, чекушка’, которое восходит к изменённому до почти полной неузнаваемости рус. *четвёрка*. Х. Лагман приводит форму *sätvärk*⁹, которая сама по себе является результатом закономерного фонетического развития. Начальное *č* заменено на *s*, т. к. аффриката [tʃ] никогда не встречается в диалекте в начале слов. Огубленный гласный (рус. *ě*) заменён на *ä*, т. к. *ö* в диалекте имеет ограниченное распространение и не характерно для положения перед *r*. На следующем этапе произошла синкопа безударного *ä*, т. е. *sätvärk* > **stvärk* > *svärk*.

Существительное ‘привидение’ встретилось в двух фонетических формах: *a[n:]d* и *[a:]nd*, причём они зафиксированы у одного и того же информанта. Гласный *a* (и краткий, и долгий) перед сочетанием *nd* в диалекте представляет

⁸ Заметим, что в случае отсутствия согласного между двумя *a*, т. е. при их контакте, происходит другое изменение: первое *a* удлиняется и переходит в *o*, ср. диал. *dōar* ‘дни’ (мн. ч. к *dā* ‘день’) и шв. *dagar*, диал. *mōa* ‘желудок’ и шв. *mage*.

⁹ Lagman 1971.

собой аномалию, т. к. в этой позиции краткое *a* перешло в *ō*, поэтому фонетически закономерной формой была бы **ōnd*; ср. диал. *sōnd* ‘песок’, *hōnd* ‘рука’ и шв. *sand*, *hand*. Этот переход произошёл и в глаголе *ōndas* ‘дышать’, родственном существительному *ānd*. Гласный *a* вызван влиянием шв. *ande* ‘дух’ (произносится с кратким *a* и долгим *n*). В свою очередь, вариант с долгим *ā*, аномальным с точки зрения шведского, вызван ассоциацией с долготой гласного, имевшейся в этом слове. Похожее восстановление краткого гласного произошло в *land* ‘степь’ (вместо фонетически закономерного **lōnd*) под влиянием нем. *Land* или шв. *land*.

Во всех приведённых примерах объяснить механизм изменений оказалось возможным лишь благодаря наличию форм, дающих материал для анализа и сравнения. Если бы наш материал был более ограничен — как, например, в древних языках — подобные случаи могли бы остаться необъяснимыми.

2. Причины изменения рода

В диалекте имеется три рода: мужской, женский, средний. Противопоставления по роду настолько последовательно и глубоко пронизывают всю систему именного словоизменения в диалекте, что нет никаких оснований видеть в существовании трёхродовой системы влияние окружающих диалект языков (славянских и немецкого). Род в диалекте является стабильной грамматической категорией с низкой степенью варьирования. Даже в тех случаях, когда у исконных существительных зарегистрировано колебание в принадлежности к тому или иному роду, оно обычно имеет соответствия в родственных (т. е. скандинавских и германских) языках и диалектах и может отражать древние закономерности¹⁰. Что касается заимствований, то они в абсолютном большинстве случаев сохраняют свой род: *banje* f. ‘баня’, *bank* f. ‘банка’, *bastan* / *bastar* m. ‘баштан’, *boşş* m. ‘борщ’, *búrak* m. ‘буряк’, *dinnje* f. ‘дыня’, *dişl* n. ‘дышло’, *düllje* f. ‘дуля, груша’, *dúrak* m. ‘дурак’, *kánop* n. ‘канapé’, *káven* m. ‘кавун, арбуз’, *kívik* f. ‘кибитка’ и т. д.

Однако имеются примеры изменения рода у существительных, как у заимствованных, так и исконных. Приведём их список (он практически исчерпывающий): *ablkós* n. ‘абрикос’, *álesk* m. ‘галушка’, *aplsín* n. ‘апельсин’, *bázar* и *bássar* n. ‘базар’, *blüed* m. ‘блюдец’, *boklezáne* n. ‘помидор’ (sic!), *bukstäv* f. ‘буква’, *djogg* n. ‘дэготь’¹¹, *dopär* n. ‘тюрьма’ (< ДОПР, т. е. *Дом принудительных работ*), *fríştik* m. ‘завтрак’, *gürk* m. ‘огурец’, *kađfl* m. ‘картошка’, *katód* n. ‘комод’, *kástriüll* m. ‘ка-

¹⁰ Так, например, существительное *dagg* ‘роса’ в современном диалекте относится к м. р., однако Вендель указывает ж. р. (Freudenthal, Vendell 1886: 39). Колебание зафиксировано и в других германских языках: др.-англ. *dēaw* m. и n. и др.-исл. *dögg* f. Возможно, однако, что м. р. у этого существительного вызван в современном диалекте ассоциацией с нем. *Tau* m. Другие примеры см. в Маньков 2010: 93–96.

¹¹ В *djogg*, а также в *blüed*, при заимствовании произошло своеобразное урезание основы, см. об этом явлении Mankov 2018: 68.

струля', *kopek* м. 'копейка', *sakk* м. 'соха', *sip!* п. 'лук', *slive* п. 'слива', *tsemánt* п. 'цемент', *vāq* м. 'мир'.

Насколько мы можем судить, в большинстве случаев изменение рода вполне возможно объяснить внутридиалектными грамматическими закономерностями. Прежде всего, бросается в глаза средний род у 'абрикоса', 'апельсина', 'помидора' и 'сливы'. Ключом, по-видимому, является форма *slive*, которая обозначает не отдельную сливу (в этом случае употребляется другое слово, *slive-kūn*, букв. «зёрнышко сливы»), а используется в собирательном значении (и заменяется анафорическим местоимением множ. числа *tom* 'они, те'), ср. контекст: *Um sleve... tom kuna-do änt ligge lõjañär; tom fādes. A tom som jära grēnar, tom kuna ān ligge ān pā-ḡakks tī, so blī-dom blōüt-lētatar, so blī-dom gūare, lite sētäre o blōütare. A tom fādes, tom jära gūare. Um-dom ligge lānjäre, so gō-dom fārlōra* 'Если слива... они же не могут лежать долго, спелые. А те, которые зелёные, те могут ещё лежать пару дней, они становятся мягковатыми, становятся вкуснее, немного слаще и мягче. А спелые, те вкуснее. Если они лежат дольше, они пропадают'. Исходя из этого, следует считать, что такие формы как *sleve* и *boklezāne* восходят к русскому или украинскому именительному падежу множ. числа (где диалектное конечное *-e* < рус. *-ы*; это фонетически закономерное изменение¹²) и изначально являются собирательными существительными. Их переход в средний род объясняется влиянием достаточно большой группы вещественных и собирательных существительных, относящихся к среднему роду. Всего в диалекте нами записано 240 непроизводных с синхронной точки зрения существительных среднего рода, из них 75 — вещественные и собирательные¹³. Для обозначения отдельного фрукта или овоща могут использоваться формы *ablkós*, *aplsín*, *boklezán*, однако они сохраняют средний род, характерный для собирательной формы. Так же можно объяснить средний род у *sip!* 'лук' (ср. *цыбуля*; это заимствование вытеснило исконное обозначение, которое сохранилось только в сложном слове *kvit-löük* 'чеснок', букв. «белый лук»), однако в данном случае нельзя исключать влияние похоже звучащих существительных среднего рода *hank!* 'перчатка' и *äpl!* 'яблоко' (они оканчиваются на смычный согласный + *!*). Наконец, влиянием вещественных существительных среднего рода можно объяснить замену мужского рода на средний у *djogg* и *tsemánt* (однако *sírop* 'варенье' сохраняет исконный мужской род).

Другую группу существительных с изменённым родом составляют славянские слова, которые попали в диалект не напрямую, а, вероятно, через эстонский. Это *alesk*, *kastrüll*, *sakk*¹⁴. В эстонском языке нет категории рода. Выбор именно мужского рода для таких существительных объясняется чисто количественным преобладанием мужского рода в диалекте: общее число непроиз-

¹² Mankov 2018: 63.

¹³ См. список в Маньков 2013: 30.

¹⁴ Подробнее об этих словах: Mankov 2018.

водных существительных мужского рода, встретившихся в интервью, — 480, женского рода — 360, среднего — 240¹⁵. Таким образом, мужской род является как бы родом «по умолчанию».

Другая предполагаемая причина смены рода — семантическая ассоциация, когда род изменяется под влиянием слов с тем же или с близким значением. Это относится к *blūd* (м. вместо п. как у рус. *блюде*, под влиянием диал. *taldrik* м. ‘тарелка’), *dopär* (п. вместо м., ср. шв. *fängelse* п., нем. *Gefängnis* п. ‘тюрьма’), *kamöd* (п. вместо м., ср. *skōp* п. ‘шкаф’). Так же можно объяснить изменение рода у неславянских слов, а именно у *vād* (м. вместо исконного ф., вероятно по ассоциации с рус. *мур*), *kađfl* (м. вместо ф. как у нем. *Kartoffel*, ср. рус. *картофель* м.), *bukstäv* (ф. вместо исконного м., ср. рус. *буква*), *frīstik* (м. вместо п., рус. *завтрак*), *gürk* (м. вместо ф. под влиянием рус. *огурец*; женский род у этого слова был зафиксирован в XIX в.¹⁶).

Наконец, имеются такие примеры смены рода, которые мы не можем объяснить ни фонетическими, ни морфологическими, ни семантическими причинами. Это средний род у *bázar* / *bássar* и мужской род у *kópek*. Любопытно, что эти слова не могут не быть хорошо знакомыми носителям диалекта из русского и украинского, что, тем не менее, не отражается на их роде в диалекте. Как нам кажется, сохранение того же рода, которое слово имело в языке-источнике, подразумевает определённое владение этим языком: чтобы при заимствовании отнести обозначение ‘базара’ к мужскому роду, нужно знать, что оно относится к мужскому роду в русском. Возможно, некоторые слова, такие как *bazar* и *kopek*, были заимствованы в ту эпоху, когда у носителей диалекта не было владения русским языком, достаточного для сохранения рода. Здесь нельзя не заметить, что шв. *torg* ‘площадь’, заимствованное из древнерусского, относится в шведском не к мужскому (общему), а к среднему роду, подобно *bazar* в диалекте Старошведского. Интересно, что существительное *bank* ‘стеклянный сосуд’ было записано в XIX в. со средним родом¹⁷. В наших интервью оно относится к женскому роду; вероятно, род был «исправлен» в связи с лучшим владением русским языком.

Весь материал и все те примеры, о которых шла речь до сих пор, не универсальны для всего диалекта. Они взяты из интервью с теми носителями, которых можно назвать высококомпетентными с точки зрения их владения диалектом. Есть и другая группа носителей; в их языке происходят процессы совершенно иной природы. Они рассматриваются в следующем разделе.

¹⁵ Маньков 2013а: 58.

¹⁶ Freudenthal, Vendell 1886: 74.

¹⁷ Ibid.: 20.

3. Языковые изменения, характерные для «полуносителей»

Одним из ложных популярных представлений, связанных с языком, является неосознанное представление о единообразии грамматики и лексики у всех его носителей. Разумеется, даже самое поверхностное наблюдение легко покажет, что в действительности мы имеем совершенно разные группы носителей с точки зрения их грамматической системы и лексики. В случае такого языка как русский, это, например, язык образованных носителей, пользующихся русским как преобладающим во всех сферах с одной стороны, и язык иммигрантов и эмигрантов разных волн и типов с другой. Таким образом, в действительности мы имеем не единый язык, общий для всех носителей, а целый ряд вариантов языка, которые существенно различаются. В отношении малых языков основными типами носителей, выделяемыми в литературе, являются *fluent speakers*, *semi-speakers*, *terminal speakers*¹⁸, т. е. носители с языковой компетенцией высокого, среднего и низкого уровня; в нынешнем Старошведском имеются все эти типы носителей. В нашем исследовании мы долгое время стремились как можно подробнее описать язык наиболее компетентных, «консервативных», носителей, тех, которые способны ответить на любые вопросы по грамматике и словоупотреблению, знавших, как «надо» и как «не надо» употреблять ту или иную форму, хорошо помнивших огромное количество слов. Конечно, благодаря именно таким носителям оказалось возможным дать описание грамматики и составить словарь диалекта. Но постепенно мы накапливали наблюдения над языком другого типа носителей¹⁹. Различие между ними заключается в том, что у консервативных носителей диалект был основным средством общения в детстве, т. к. их родители, и отец, и мать, были носителями диалекта, тогда как у «полуносителей», или среднекомпетентных носителей, он не являлся таковым, поскольку их родители, или один из родителей, были немцами и говорили на немецком. Поэтому для второй группы диалект стал языком, выученным в ходе устного общения. Что касается первой группы, то степень использования диалекта во взрослом возрасте была у них неодинаковой: кто-то говорил на нём с супругом или супругой, кто-то нет, при этом никто из них не пользовался диалектом в общении с детьми и внуками. Ещё раз подчеркнём, что главное — это общение в раннем детстве и юности, а не во взрослом возрасте; в этом случае владение диалектом сохранилось на всю жизнь у всех носителей. Л.А. Утас, одна из основных информантов, на какой-то из моих вопросов ответила: «Ты сейчас спрашиваешь, как это сказать, а последний раз я слышала это слово от бабушки семьдесят лет назад».

Основное, что сразу бросается в глаза при работе со среднекомпетентными носителями, — их ограниченный словарь: им неизвестно огромное количе-

¹⁸ См., например, Grinevald, Bert 2011: 49–51.

¹⁹ Маньков 2013b, 2013c.

ство слов, уверенно и без раздумий употребляемых консервативными носителями. Если бы все носителя диалекта были среднекомпетентными, не могло бы быть и речи о составлении словаря диалекта. В лучшем случае мы бы получили некий список неуверенно названных слов, большинство которых не имело бы полноценных примеров словоупотребления. При этом хорошо прослеживаются две закономерности: низкая степень специализации лексики (а именно, употребление гиперонимов в тех случаях, когда консервативные носители употребляют и гипероним, и гипоним) и употребление описательных конструкций. Так, например, консервативным носителям хорошо известен глагол *mīr* 'строить из камня', «муровать»: *Tom mīd mūr upp* 'Они построили забор', *Tēr vār vār kvār grinde än site-bänk üt-mīd me stäinar* 'Там у каждых ворот была скамейка, построенная из камней', *Ot svīne jār trōe fron brāar hūp-spikka, a ot küda häldär ot buskan jār-e üt-mīd üte stallena* 'Для свиньи корыто сбито из досок, а для коровы или для скота оно вымуровано в сараях'. Среднекомпетентный носитель называет только гипероним *bigge* 'строить': *Tom bigg vägga* 'Они построили стену'. Заметим попутно, что словоформы *bigg* в консервативном варианте диалекта вообще не существует. Её можно интерпретировать как основу презенса²⁰; в приведённом примере консервативные носители употребили бы форму претерита *bēvd*. Использование среднекомпетентным носителем основы глагола, да ещё в урезанном виде, вместо флективной формы также чрезвычайно показательно.

Вместо глагола «греть» (*hita*; ср. у консервативного носителя: *Sūle hitar hōle* 'Солнце сильно греет') среднекомпетентный носитель использует перифразу «делать тёплым»: *Ja hār vatn gjūt häitt* 'Я нагрела воды'. Вместо «кашлять» (*hust*; ср. *Hon hustar mä blū* 'Она кашляет кровью') — «иметь кашель»: *Ja hār husten, min hās värkär* 'Я кашляю, болит горло' (букв. «я имею кашель, моё горло болит»), при этом у существительного 'кашель' изменён род с женского на мужской²¹.

В отношении морфологии признаком среднекомпетентных носителей является высокая степень варьирования. Здесь следует иметь в виду, что на диалект нельзя неосознанно переносить понятие языковой нормы, запрещающей или игнорирующей использование тех или иных форм в силу предпочтений (или произвола) лингвистов и политиков, составляющих правила, по которым должен существовать язык. Поэтому в речи всех носителей диалекта, в том числе консервативных, присутствует варьирование. Строго говоря, в диалекте нет понятия «правильного» и «неправильного», хотя один информант вполне может называть форму, приведённую другим информан-

²⁰ Ср. инфинитив *bigge*, презенс ед. ч. *biggär*, презенс мн. ч. *bigge*, императив *bigge*. Строго говоря, основой презенса является *bigge-*, а не *bigg-*, т. к. *ä* вместо *e* в *biggär* — это позиционно аллофон *e*, употребляемый в позиции перед *r*.

²¹ *husten* — форма с определённым артиклем мужского рода *-en*; консервативные носители используют форму *husta* с артиклем женского рода *-a*.

том, «неправильной» и убеждать в правильности лишь тех форм, которые приводит он сам²². Скорее можно говорить о достоверных и менее достоверных, «дефективных», формах; такими, прежде всего, являются формы, сконструированные информантами *ad hoc*²³. У консервативных носителей варьирование обычно связано с определёнными сегментами морфологии и затрагивает лишь некоторые формы, являясь, в целом, предсказуемым; кроме того, те же модели варьирования нередко существуют в родственных диалектах и языках, т. е. отражают древние закономерности²⁴. У среднекомпетентных носителей варьирование перестаёт быть предсказуемым. В этой связи существенно то, что знание словоизменения и словаря требует не только знания слов и окончаний (точнее, основ и словоизменительных аффиксов), но и правил, по кото-

²² Так, например, у слабого глагола *smäre* 'мазать' исторически закономерным является претерит *smōđ*. Наряду с этой формой одна из наиболее консервативных носительниц назвала форму сильного претерита *smār*, которая является новообразованием, на что другая носительница возмущённо заметила, что «так говорить нельзя». Действительно, с исторической точки зрения использование сильной формы претерита вместо слабой необычно для современного диалекта. С другой стороны, у сильных глаголов у всех консервативных носителей диалекта (в том числе у той, которая протестовала против варьирования *smār* / *smōđ*) имеется множество случаев колебания, когда слабая форма употребляется наряду или вместо сильной, ср. *gnäi* (сильная, исторически «правильная» форма) и *gnid* (новообразованная слабая форма) — формы претерита к *gni* 'тереть'. У глагола *si* 'видеть' форма слабого претерита *síd* полностью вытеснила древнюю сильную форму (как если бы в английском вместо *see* — *saw* стали бы говорить *see* — *seed*). Однако с чисто синхронной точки зрения чередование *smār* / *smōđ* и *gnäi* / *gnid* ничем не отличаются.

²³ При этом, мы считаем, не следует гиперкритически относиться к информантам. Этому нас научили два примера. Существительное *skē* 'постол, обувь, которую носили в грязь' было названа лишь одним информантом. Оно не имеет соответствий в стандартном шведском, однако представляет собой не плод фантазии или искажение диалектного существительного *jokk* 'ботинок', а является древним словом с такими полностью закономерными с фонетической точки зрения соответствиями как др.-исл. *skæði* n. pl. 'кусочек кожи, из которого можно сшить обувь' (Cleasby, Vigfusson 1957: 564), исл. *skæði* n. 'кусочек кожи для обуви; кожаный башмак' (Árni Böðvarsson 1993: 894), фарер. *skøði* n. 'кусочек кожи или шкуры, из которого можно сделать обувь; башмак, сделанный из кожи или шкуры' (Young, Clewer 1985: 519; Zachariassen 1998: 1072), норн. *skødilepp* 'старый, изношенный, потерявший форму башмак' (Jakobsen 1932: 823). Существительное *jokk* 'болото, топь' также встретилось только у одного носителя. Оно имеет неожиданную параллель в виде шв. *jokk* 'ручей' (заимствование из саамского; это слово в шведском является провинциализмом). Разумеется, носители диалекта Старошведского никак не могли контактировать с саамским. Однако это существительное не «вычитано» из словаря, а попало в диалект из языка коми, с которым носители контактировали в конце 40-х годов во время ссылки в Коми АССР; коми — язык финно-угорской семьи, родственной саамскому.

²⁴ Проиллюстрируем это одним примером. Существительное *lē* 'сустав' в интервью с консервативными носителями имеет целый ряд вариантных словоформ, в том числе формы ед. числа с определённым артиклем *lēan*, *lēen* и *lēe*. Формы *lēen* и *lēan* отражают древнегерманское колебание между *a*- и *n*-основами мужского рода. Форма *lēe* является формой среднего рода. Колебание между мужским и средним родом у этого существительного также является древним: ср. древнешв. *lifer* m. и *lidh* n. 'член тела'. В современном шведском произошла лексическая дифференциация форм общего и среднего рода: *led*, *-en* 'сустав' vs. *led*, *-et* 'составная часть' (*-en* — шведский артикль общего рода, *-et* — среднего). Похожая дифференциация имеется и в фарерском языке: *lidur* m. 'сустав' и *lid* n. 'поколение'.

рым конкретные окончания присоединяются к конкретной основе. Владение этими правилами — такой же важный компонент владения языком, как знание слов и окончаний. Среднекомпетентным носителям известны все те аффиксы, которые существуют в «консервативном» варианте морфологии²⁵, однако они не владеют правилами их распределения. В результате практически любое окончание может быть присоединено к любой основе, что многократно увеличивает количество словоформ. Вместе с этим, может утрачиваться противопоставление граммем. Так, например, для форм презенса единственного и множественного числа обобщается одно и то же окончание (которое изначально может быть окончанием как единственного, так и множественного числа). Пример переноса формы единственного числа на множественное: *Ja korar kadeflar* 'Я окучиваю картошку' и *Ve korar kadeflar* 'Мы окучиваем картошку', где *korar* — по происхождению форма презенса ед. ч. Обратный пример, где форма множ. числа перенесена на единственное: *Ja roka me kvar dagen* 'Я моюсь каждый день' и *Tom roka se kvar daen* 'Они моются каждый день', где *roka* — первоначально форма презенса множ. ч.²⁶ В императиве также имеются примеры неразличения чисел: *Kroka e källan!* 'Лезь в подвал!' и *Kroka änt hitt!* 'Не лезьте сюда' (во втором случае консервативный носитель употребил бы форму множ. числа императива *krokaje*). В речи консервативных носителей такие явления не встречается или встречаются крайне редко в качестве оговорок.

Далее, наряду с флективными формами среднекомпетентные носители употребляют аналитические и перифрастические конструкции, нехарактерные для консервативного варианта диалекта. В интервью со среднекомпетентным носителем имеется много примеров императива множ. числа с местоимением *ne* 'вы', присоединённым к основе глагола: *Smoka äñ äin goññ suppa!* 'Попробуй ещё раз суп!' и *Smoka ne väliij!* 'Попробуйте суп!'²⁷, *Toļa po tisk!* 'Говори по-немецки!' и *Toļa ne po tisk!* 'Говорите по-немецки!' У консервативных носителей такая конструкция не встречается, во множ. числе императива используется синтетическая форма (т. е. *smoka, toļa* sg. — *smokaje, toļaje* pl.). Наряду с аналитической формой императива используется перифрастическая конструкция с глаголом *ska* 'следует, должен', причём эта конструкция назы-

²⁵ Поэтому, в частности, мы имеем дело именно с вариантами одного и того же диалекта (т. е. вариантом, на котором говорят «консервативные» носители, и вариантом среднекомпетентных носителей), но не с разными диалектами или языками.

²⁶ Заметим также, что в этих примерах в первом случае использована форма *dagen* 'день', взятая из литературного шведского, во втором — диалектная форма *daen*. Обе формы произнесены без долготы гласного, что не характерно ни для литературного шведского, ни для консервативного варианта диалекта. Подобные контаминации и новообразования (в терминах классической филологии «варваризмы») также являются заметной чертой среднекомпетентных носителей.

²⁷ Исконное диалектное обозначение 'супа' — *väling*. Форма *suppa* в предшествующем примере — контаминация шв. *soppa* и рус. *суп* или нем. *Suppe*; это слово не встречается у консервативных носителей.

вается в ответ на просьбу перевести русское предложение с синтетическим императивом мн. ч. Например, переводом 'Почистите картошку!' является *Ne ska skoḷa kadeḷar!*, т. е. «вам следует почистить картошку». Аналогично: *Tō ska änt färkilas!* 'Не простудись!'; *Te ska änt klāga!* 'Не жалуйся!'²⁸; *Ne ska änt klāga!* 'Не жалуйтесь!' Глагол *ska* встречается в главном предложении и у консервативных носителей, но именно в значении «следует, надо, должен», а не для образования императива: *Ja änt a hāve upp fūtn gnēe, umm skūen änt a vare so trānjār. Tō ska kēp stēre skūar* 'Я бы не натёрла ногу, если бы ботинок не был такой тесный. Надо покупать туфли больше размером'; *Tō ska vara starkār!* 'Ты должен быть здоровым!'; *Tō ska änt arbet so mike* 'Не работай так много'.

Все перечисленные явления потенциально могут иметь далеко идущие последствия для грамматики и лексики, приводя к их значительной перестройке. В связи с упомянутыми выше перифрастическими оборотами нельзя не вспомнить похожие обороты в других индоевропейских языках. В английском, по крайней мере в разговорном варианте, при обозначении некоторых обыденных действий предпочтительны выражения типа *to have a rest* 'отдыхать' (а не *to rest*), *to have a bath* 'купаться' (наряду с *to bathe*). В персидском так называемые сложные глаголы типа *kār kardan* 'работать' («делать работу»), *esterāhat kardan* 'отдыхать' («делать отдых»), *kelid kardan* 'запирать' («ключ», «делать»), *bu kardan* 'нюхать' («запах», «делать»), *dust dāstan* 'любить' («друг», «иметь»), *pā šōdan* 'вставать' («нога», «делаться, становиться») вытеснили соответствующие простые глаголы. Количество простых глаголов в новоперсидском не превышает 300, включая малоупотребительные и вышедшие из употребления; процесс активного образования сложных глаголов наблюдается начиная с XIII в.²⁹ В современном разговорном санскрите вместо простых глаголов часто употребляется конструкция с глаголом «делать» + отглагольное существительное, причём это происходит как с теми глаголами, которые можно назвать правильными (типа *garjati, cintayati*), так и с теми, которые имеют сложно устроенную парадигму (типа *ṣṛnoti*): *smaraṇam karoti* 'помнить' («делать воспоминание»), *cintanaṇ karoti* 'думать' («делать раздумье»), *garjanaṇ karoti* 'реветь', *rodanaṇ karoti* 'плакать', *śravaṇam karoti* 'слушать' и т. п. вместо *smarati, cintayati, garjati, roditi, ṣṛnoti*³⁰.

Аналитические и описательные обороты удобны прежде всего для среднекомпетентных носителей, т. к. зная несколько базовых глаголов и основу существительного, намного проще создавать обозначения действий, чем при

²⁸ *klāga* — либо немецкая, либо шведская форма, в диалекте 'жаловаться' — *kḷōa*. Местоимение *te* в этом примере также употреблено «неправильно» с точки зрения консервативной грамматики, т. к. изначально *te* — объектная форма к *tō* 'ты' (ср. «правильное» употребление *tō* в предыдущем предложении), т. е. у среднекомпетентного носителя размывается противопоставление субъектной и объектной форм местоимения 'ты'; подробнее об этом см. Маньков 2013b: 35.

²⁹ Рубинчик 2001: 217.

³⁰ Kuṭumbaśāstrī 2004: 96.

синтетических формах, которые нередко являются непредсказуемыми и требуют индивидуального запоминания, особенно в языках такого типа как санскрит, древнегреческий и латинский (и даже древнеанглийский), где многие слова, особенно глаголы, требуют знания целого ряда словоформ. В этом случае описательные и аналитические конструкции избавляют от необходимости владения парадигмами (и выступают, таким образом, «убийцами» синтетического строя). При интервьюировании среднекомпетентных носителей мы постоянно наблюдали их неуверенность и дискомфорт, вызванные путающимися окончаниями и, наоборот, охотное использование аналитических конструкций, т. е. смена строя языка происходила буквально на наших глазах. Именно поэтому такие языки как диалект Старошведское являются своего рода лабораторией, в которой процессы изменения языка могут наблюдаться в ходе их совершения. Надо также отметить, что описанные затруднения среднекомпетентных носителей были связаны с чрезвычайно скромными по объёму парадигмами. Что же говорить о том количестве и сложности словоформ, которые характерны для таких языков как санскрит и древнегреческий? Мы не стремимся свести причины смены ярко выраженного синтетического строя на более аналитический, которая произошла во многих индоевропейских языках, исключительно к процессам, происходящим у среднекомпетентных носителей. Однако, как нам кажется, изучение закономерностей их языка может дать интересный материал для исследования механизмов языковых изменений.

ЛИТЕРАТУРА

- Маньков 2010 — *Маньков А.Е.* Грамматические категории существительного в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2010. 2 (20). С. 92–111.
- Маньков 2013а — *Маньков А.Е.* Диалект села Старошведское: обзор морфологии // Тоштендаль-Салычева Т. А. (ред.). Мир шведской культуры: Сборник статей. М., 2013. С. 55–105.
- Маньков 2013б — *Маньков А.Е.* Проблема структурных изменений в исчезающем языке // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2013. 2 (32). С. 30–44.
- Маньков 2013с — *Маньков А.Е.* Структурные изменения в исчезающем языке и вопрос о разрушении языка // XXIII ежегодная конференция ПСТГУ. Материалы. М., 2013. С. 274–275.
- Маньков 2018 — *Маньков А. Е.* Диалект села Старошведское: некоторые итоги и перспективы изучения // Семёнова Кс. П. (ред.). Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2017. М., 2018. С. 125–131.
- Рубинчик 2001 — *Рубинчик Ю.А.* Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.

- Árni Böðvarsson 1993 — *Árni Böðvarsson*. Íslensk orðabók. Reykjavík, 1993.
- Cleasby, Vigfusson 1957 — *Cleasby R., Vigfusson G.* An Icelandic-English Dictionary. 2nd ed. Oxford, 1957.
- Freudenthal, Vendell 1886 — *Freudenthal A., Vendell H.* Ordbok öfver estländsk-svenska dialekterna. Helsingfors, 1886.
- Grinevald, Bert 2011 — *Grinevald C., Bert M.* Speakers and Communities // Austin P., Sallabank J. (eds). The Cambridge Handbook of Endangered Languages. Cambridge, 2011. P. 49–51.
- Jakobsen 1932 — *Jakobsen J.* An Etymological Dictionary of the Norn Language in Shetland, I–II. London; Copenhagen, 1928–1932.
- Karlgren 1953 — *Karlgren A.* Gammalsvenskby: Uttal och böjning i Gammalsvenskbymålet // Svenska landsmål och svenskt folkliv. B 56. Stockholm, 1953.
- Kuṭumbaśāstrī 2004 — *Kuṭumbaśāstrī V.* Saṃskṛtasvādhyāyaḥ. Prathamā dikṣā. Vākyavyavahāraḥ (Teach Yourself Sanskrit. Part 1). Nava Dehalī, 2004.
- Lagman 1971 — *Lagman H.* Ryska lånord i estlandssvenska mål // Svio-estonica. 1971. XX (11). P. 3–29.
- Mankov 2018 — *Mankov A.* Slavonic Loanwords in the Dialect of Gammalsvenskby // Svenska landsmål och svenskt folkliv. 2018. 141. Pp. 29–73.
- Rosenkvist 2018 — *Rosenkvist H.* Estlandssvenskarna — en historisk och språklig bakgrund // Rosenkvist H. (ed.). Estlandssvenskarnas språkstruktur. Göteborg, 2018. P. 7–31.
- Young, Clewer 1985 — *Young G.V.C., Clewer C.* Føroysk-ensk orðabók. Faroese-English Dictionary. Tórshavn, 1985.
- Zachariassen 1998 — *Zachariassen P.* (ed.) Føroysk orðabók, I–II. Føroya fróðskaparfelag, 1998.

CAUSES OF SOME TYPES OF LANGUAGE CHANGE (with the dialect of the village of Gammalsvenskby as an example)

ALEXANDER E. MANKOV

Abstract: This article deals with several types of language change that I observed in the dialect of Gammalsvenskby, the only surviving Scandinavian dialect in the territory of the former USSR, which is now highly endangered. I have chosen for this article those changes that are either not quite trivial and frequent, or, conversely, may be instructive with regard to general mechanisms of language change such as the transition from synthetic to analytic language structure. Specifically, the article describes a rare phonetic change in the noun *stäka* 'glass' < Russ. *stakan*. The vowel *ä* instead of a phonetically regular *o* is caused in this case by the need to avoid similarity to the already existing noun *stoka* 'stick'. This can be described as a lexical dissimilation, i. e. a semantically conditioned phonetic divergence. The article also discusses reasons for gender change in a number of nouns in the dialect. Finally, it describes grammatical and lexical features of semi-speakers of the dialect and their possible role in the structural change of the language.

Keywords: endangered languages, language change, morphological change, morphological variation, Gammalsvenskby, Swedish dialects.

Александр Евгеньевич Маньков,
канд. филол. наук, старший научный сотрудник
филологического факультета ПСТГУ,
приглашённый научный сотрудник
кафедры шведского языка Гётеборгского университета
и Национального общества «Контакт со Швецией»
mankov2017@gmail.com

МЕОТИЙСКИЕ «ГОРОДА» КЛАВДИЯ ПТОЛЕМЕЯ

А.А. МАСЛЕННИКОВ

Резюме: В статье с учетом новых археологических данных критически рассматриваются различные варианты локализации трёх населённых пунктов (Парфений, Зенонов Херсонес, Гераклий), упомянутых в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея на крымском берегу Меотиды (Азовского моря). Предлагаются античные поселения этого региона (Осовины I, мыс Зюк, Семёновка), которые по своему положению и отчасти характеристике более соответствуют этим «городкам».

Ключевые слова: «Географическое руководство» Клавдия Птолемея, Крымское Приазовье, античные поселения, античная география, раскопки, разведки.

Знаменитый труд одного из крупнейших географов античности «Географическое руководство» всегда интересовал и, по-видимому, ещё долго будет интересовать и интриговать исследователей-антиковедов. И было с чего! Ведь, следуя своему предшественнику Марину Тирскому, он нанёс на градусную сетку, то есть представил в привычных нам, пусть и неточных координатах все известные ему географические пункты античной Ойкумены. А их — великое множество, причем в немалой степени только им и упомянутых. А отсюда становится ясным: какая бездна произведений греко-римских историков, географов и прочей соответствующей документации до нас не дошла! Причем номенклатура этих «пунктов привязки» самая широкая (города, устья рек, святилища, гавани, крепости ...), а сами названия не только греко-латинского происхождения. (Какой материал для изысканий в области этно-исторической лингвистики и этимологий!). Конечно, это огромная компиляция, к тому же в хронологическом отношении многослойная, со всеми «локальными» особенностями своего появления и попадания в «сферу» внимания информаторов и источников Клавдия Птолемея. Считается, что собранные им данные (подчас в искажённом виде), относятся в целом к весьма значительному временному периоду: по крайней мере, от Геродота до Марка Аврелия, т. е. до середины второй половины II в. н. э. Тем не менее, не смотря на все трудности соответствующих интерпретаций, труд Птолемея, как только что отмечалось, чрезвычайно привлекателен для исследователей, в том числе, занимавшихся и занимающихся древностями Северного Причерноморья. Этой теме касались многие из них. Наиболее основательно — Ф. Браун, Ю. Кулаковский, М.И. Ростов-

цев, Из современников укажем В.Г. Зубарева. Естественно, так или иначе, она присутствует в многочисленных трудах А.В. Подосинова. Да и автор этих строк попытался в своё время обратиться к «Географическому руководству» применительно к району своих научно-полевых интересов. Позволим себе вновь вернуться к наследию великого географа на маленьком «частном» примере.

Так сложилось, что мои вышеуказанные интересы вот уже на протяжении полувека связаны с Крымским Приазовьем — районом чрезвычайно насыщенным самыми разными и разновременными, к тому же в силу ряда объективных и субъективных причин относительно неплохо сохранившимися археологическими памятниками античной эпохи. Можно даже сказать, что на территории Боспора ему в этом отношении нет равных. Впрочем, к настоящему времени это верно и по степени археологической изученности. Хотя, когда — то (вплоть до середины прошедшего века, см., например: Ростовцев 1925: 255 сл.; Гайдукевич 1949: 190–191; Блаватский 1961: 205), собственно, кроме очень краткой информации Страбона и всё того же Клавдия Птолемея (см. ниже) об этой части Восточного Крыма вообще почти ничего не было известно. Да фактически тут никто и не бывал. Разве что Ю. Кулаковский — «в гостях» у местного помещика А.А. Дирина, который впервые провел раскопки на мысе Зюк и в ряде мест побережья — западнее его в середине 90-х годов позапрошлого века (Дирин 1896: 121 сл.). Да ещё раньше (1889 г.) — любознательный гимназист Я.И. Смирнов (будущий известный востоковед и византист), оставивший чрезвычайно интересное, хотя и краткое описание Карларского (между современными сёлами Золотое и Курортное) побережья (Смирнов 1898: 31–34). Ни тот, ни другой сколь-либо значительных древних поселений (кроме как — на упомянутом мысу, что просто удивительно: прошли ведь буквально рядом!?) здесь не упоминали. Ещё более удивительно, что и выдающийся российский геоморфолог и геолог Н.И. Андрусов, специально обследовавший эти места в начале XX века, не упомянул даже просто о древних находках, хотя сделал фотографии целого ряда участков побережья с явно античными памятниками, например, мыса Зюк (Андрусов 1961). С конца 30-х годов XX в. большая часть этого пространства почти на полвека оказалась запретной зоной, что, однако, имело и свою положительную сторону. Лишь в начале пятидесятых годов Крымское Приазовье, исключая только что упомянутый район, было, наконец, более или менее тщательно обследовано археологами. И здесь, прежде всего, надо вспомнить добрым словом И.Т. Кругликову и её местного помощника, неутомимого краеведа В.В. Веселова. Первые же разведки и ограниченные раскопки показали всё разнообразие и информативность здешних античных поселений. Это позволило Ирине Тимофеевне представить исторические реконструкции, оказавшиеся, кстати, очень верными в целом ряде отношений. Некоторые из них напрямую касались исторической географии Крымского побережья Азовского моря (Кругликова 1958: 219–233). Предложенная ей локализация интересующих нас пунктов (Парфе-

ний — район поселка Опасное, Зенонов Херсонес — мыс Зюк, Гераклий — мыс Казантип, городище Афанасьевка), впоследствии повторённая в ряде её (1966: рис. 1, с. 13; 1975: рис. 1, с. 16) и прочих (Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. 1984; Качарава, Квирквелия, 1991) изданий до недавнего времени оставалась как бы общепринятой «с молчаливого согласия». С тех пор многое изменилось и мы можем с полным основанием утверждать, что на пространстве от Арабатской стрелки до северного входа в Керченский пролив не осталось ни одного необследованного участка побережья. Более того: целый ряд наиболее значимых во всех отношениях поселенческих объектов античного времени был раскопан или полностью, или на значительной площади. Именно это обстоятельство и побудило нас ещё раз обратиться к соответствующей информации Клавдия Птолемея (*Ptol.* III.6.4). Вот этот хорошо известный текст в переводе И.П. Цветкова издания В.В. Латышева (SC):

4. По Меотийскому озеру:

Парфений	63° 30' — 48° 30'
Зенонов Херсонес	63° — 48° 45'
Гераклий	62° — 48° 30'

Чем же она (эта информация) примечательна и что из неё следует?

Во-первых, это вполне может быть «выдержка» из неведомого нам перипла Азовского моря (Меотиды) (Зубарев 2005: 261) или некоего сводного (Черноморско-Азовского перипла).

Во-вторых, все названия пунктов здесь греческие, хотя уже следом (внутри Таврики — *Ptol.* III.6.5) приводится масса топонимов, происхождение которые признаётся соответствующими специалистами, то ираноязычными, то фракоязычными, то индоарийскими, то ... (Из последних работ о древней топонимике Восточного и всего Крыма упомянем: Яйленко 2015: 386–458). Причем два — явно теофорные (Парфений — святилище, культ богини-девы и Гераклий — аналогично: героя-бога Геракла), одно — (Зенонов Херсонес), по всей видимости, происходит от имени ойкиста.

В третьих, приводя эти три названия, географ не поясняет, что это такое: собственно, населённые пункты — по его же терминологии «города» (полисы) или что-то другое. И это в высшей степени странно, ибо перед этим и далее (в отношении восточного побережья Меотиды и всё той же Таврической «глубинки») он несколько раз употребляет этот термин применительно к пунктам с явно варварскими наименованиями. (Не читал Клавдий Птолемей известных статей Г.А. Кошеленко и не знал, что полис и город не всегда «одно и то же»...!) Может быть статус и этно-культурное «содержание» упомянутых крымско-меотийских поселений были для него (вернее — его информаторов) само собой разумеющимися, то есть греческими?

В четвертых, при всей заманчивости, пересчёт птолемеевских градусов и минут в современные километры даже в локальном «масштабе» (напомним, последняя из известных нам таких попыток была предпринята В.Г. Зубаревым и вызвала весьма и весьма неоднозначную реакцию) вряд ли правомерен и оправдан. Для него были важны не столько конкретные расстояния, сколько соотношения тех или иных пунктов и время в пути. А для любого современного интерпретатора — глубокое знание археологии и личное визуальное знакомство с тем или иным районом и его памятниками, как уже бесспорно локализованными («базовыми» для всякого рода «построений»), так и всеми остальными — желательно без исключения.

Наконец, совершенно очевидно, что один из интересующих нас пунктов располагался севернее остальных, которые в свою очередь находились на одной широте, но как бы по разную сторону от него. Причем, к западу — в два раза дальше, чем к востоку.

Но, прежде чем вернуться ещё раз к локализации Парфения, Зенонова Херсонеса и Гераклия, тем более что новый археологический материал, вкуче с некоторыми топографическими и картографическими наблюдениями позволяет сделать определённые уточнения, необходимо оговориться относительно местной геоморфологии и палеогеографии. Ведь природные-то условия со временем менялись. Все три населённых пункта — прибрежные, а побережье морей — наиболее изменчивая часть суши. Известно, что мировой «океан» с его морями, заливами, озёрами как бы «дышит». В силу ряда причин уровень их то повышается, то наоборот снижается (трансгрессии и регрессии, не говоря уже о скачках-катастрофах). Причем это происходит в той или иной степени «заметно»: уже на памяти человечества. Не исключение и Азовское море — самое молодое из всех. Не вдаваясь в тонкости специальных исследований, укажем только, что согласно принятым данным, его современный уровень примерно на 2 м выше, чем 1500–2500 лет назад, хотя и тогда он не был постоянным. (Море «съело» таким образом, немалую часть побережья, да и, в сущности, действительно представляло собой тогда скорее обширное мелководье, «болото», что, собственно, и фиксировали некоторые античные авторы.) Немаловажна при этом и геологическая «составляющая» береговых пород, то есть степень и скорость абразийных процессов, а также сейсмичность данного региона. При всех известных и неизвестных «вводных», состояние берегов Крымского Приазовья можно определить как либо относительно устойчивое (Клюкин 1998: 111–116), либо неустойчивое. Первое — это всё Карларское побережье и мыс Казантип с его западными «подходами». Второе — побережье от Арабата до с. Заводское и (с небольшими «перерывами») от мыса Зюк до мыса Фанарь, в том числе районы с ярко выраженными оползнями (мыс Тархан, к северу от т. н. Большого вала, мыс Хрони, к западу от мыса Варзовка-Бакланий и мыс Фанарь). Особо выделим зону заливов и больших бухт с их низменными берегами, отделёнными от моря широкими песчаны-

ми пляжам (Арабатский залив, Казантипский залив, бухты Морской пехоты, бухта Рифов, Булганакская бухта, Широкая бухта). Надо думать, древние греки (вернее — боспоряне, ибо речь наверняка шла о т. н. вторичной колонизации) были осведомлены об этих особенностях и учитывали их при выборе мест для основания долговременных и, подчеркнём, прибрежных (что для них более естественно) поселений. То есть обосновывались там, где берега были наиболее устойчивыми (в районах выходов скальных пород), бухты удобны, водные источники доступны. Не случайно, многократные разведки практически не выявили их следов на пространствах от Арабатской крепости до с. Семёновка, на берегах Казантипского залива (исключение — пос. у с. Ново-Отрадное, но оно близ устья речки, а пос. Верхнее Заморское на высоком берегу довольно далеко от моря) и на большей части побережья далее к востоку от мыса Зюк.

Ну, а теперь — о локализации всех трёх «городков» Крымского Приазовья и о них самих. Подчеркнём — именно трёх, ибо добавить к ним ещё несколько пунктов из «Географического руководства», как это сделал, опираясь не пересчет расстояний В.Г. Зубарев (Зубарев 2005: 265–266), — это «от лукавого». Ведь Клавдий Птолемей (и нет оснований не верить его информаторам) прямо пишет, что все, что касается Крыма, заканчивается в его описание у озера Бика (предшественник Сиваша, Арабатской стрелки тогда, как известно, ещё не существовало) (*Ptol.* III.5.3 и 6.1). И ещё. При любом варианте отождествления того или иного памятника археологии с рассматриваемыми пунктами «Географического руководства» необходимо, как это отмечали ещё наши предшественники, учитывать их хронологию и общую характеристику. В первом случае имеется в виду, что таковые непременно должны существовать ко времени написания труда Клавдия Птолемея или, по крайней мере, незадолго до этого. Во втором — искомый населённый пункт на побережье должен быть во всех отношениях (площадь, стратиграфия, наличие укреплений, специфические находки и т. п.) значительным и значимым. Разумеется, по местным «меркам».

Итак, начнём с того неоспоримого факта (опорного пункта), что самой северной точкой рассматриваемого побережья является и у Птолемея, и в реальности мыс Зюк. На это обратила внимание ещё И.Т. Кругликова в своих реконструкциях (Кругликова 1958: 233). Данное обстоятельство совершенно очевидно всякому идущему или плывущему в здешних краях. Это действительно ярко выраженный мыс или скорее небольшой полуостров, на северо-восточной оконечности которого возвышаются причудливые скалистые останцы — прекрасный ориентир для любого мореплавателя! Две бухты с востока и запада мыса — не менее прекрасная возможность для укрытия от любых штормов, особенно при наиболее свирепых в Приазовье, осенне-зимних северо-восточных ветрах. Есть у этого места и иные преимущества. В общем, мимо него, наверняка, не могли пройти, вернее, проплыть древние мореходы и, прежде всего, боспорские греки. Поэтому появление на нём античного и,

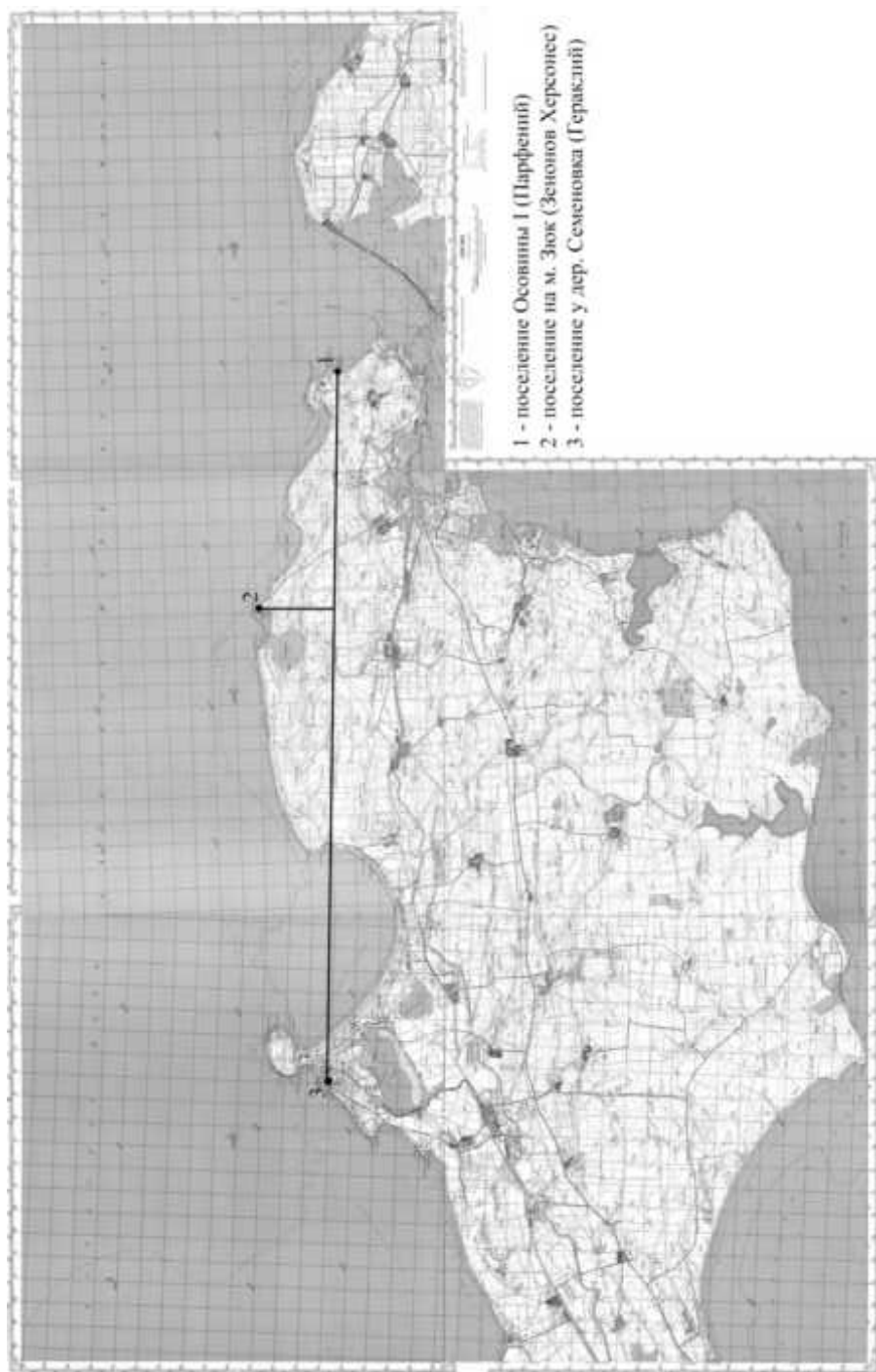
подчеркнём, долговременного поселения было, так сказать, гарантировано. Проведённые на рубеже 70–80 гг. прошлого века раскопки полностью это подтвердили (см. подробнее: Масленников 1992: 120–173). Мы вряд ли когда узнаем: кем был тот Зенон, который где-то в конце VI в. до н. э. обосновался на этом мысу. Но данная локализация названного «в его честь» (что для Боспора и всей античной Ойкумены и не то, чтобы совсем редкость, но и не так, чтобы уж очень частая практика) населённого пункта, скорее всего, общепризнана и окончательна. (Лишь В.В. Латышев, почему-то поместил здесь Гераклий, а Зенонов Херсонес — на мысе Казантип (см. IOSPE, II, карта и IV, с 123)). Другое дело — его (поселения) статус, вернее типовая принадлежность. По своей площади (несколько менее гектара) оно совсем невелико даже по местным понятиям. Характер домостроения, а он нам известен главным образом по строительным остаткам первых веков н. э., мало чем отличается от прочих Приазовских городищ этого же времени. Лишь некоторые элементы правильной планировки и примеры фортификации могут свидетельствовать о чем-то более «цивилизованном». Вместе с тем стратиграфия повышенной сложности, явно более разнообразный характер довольно многочисленных находок, отдельные признаки благоустройства и, конечно, несколько фрагментов надписей первых веков (списки членов фиасов, надгробия) и отдельные пространственные граффити (КБН: 495–497, №№ 898–900; Сапрыкин, Масленников 1999: 193–202; Блаватская, Розов 1985: 115 сл.) вполне могут рассматриваться как косвенные доказательства не только достаточной грамотности хотя бы части жителей (а их тут было совсем немного — вряд ли более полутора сотен человек даже в «лучшие» годы), но и наличия более высокой, нежели простая сельская община, общественной организации и некоей статусности всего поселения. Вероятно, его можно считать городком (полихнион), в чем, видимо, неизвестные информаторы Клавдия Птолемея всё же не были уверены, не употребив, как уже отмечалось, соответствующий термин.

Если с Зеноновым Херсонесом все так однозначно, то с двумя другими «городками» — напротив. И, прежде всего, потому, что они дважды (и только у Страбона и Птолемея!) упомянуты каждый в разных местах, хотя как бы и по соседству. Итак, ещё раз обратим внимание, что и Парфений, и Гераклий имеют у Клавдия Птолемея одинаковые «координаты» по широте (немного южнее Зенонова Херсонеса), но отстоят от него по долготе, то есть соответственно к востоку и западу на кратное (к западу — в два раза дальше) расстояние. Данное обстоятельство немаловажно при любой попытке пересчёта птолемеевских координат в современные меры длины. Если следовать, кажется, последней по времени такой «разработке», Гераклий должен отстоять от мыса Зюк примерно в 11,2 км к западу (Зубарев 2005: 261–262), а Парфений — в 5,6 км к востоку. В первом случае это «подводит» нас к одному из крупнейших в Приазовье городищ — Генеральское восточное (не путать — с западным!). Оно расположено на высоком скалистом плато в восточной око-

нечности одноименной бухты. Приблизительная площадь его 1.2–1.3 га. Относительно небольшие раскопки велись довольно давно (1979 и 1993 гг.). Строительные остатки (въезд на городище, фланкированный массивным бастионом, в кладке которого использованы солидные необработанные камни местного известняка, часть толстой оборонительной стены, предшествующий ей ров, жилые помещения, входившие в блоки кварталов) имели неплохую сохранность. Немногочисленные находки, в том числе медные боспорские монеты, позволяют датировать поселение, по крайней мере, рубежом эр — VI в. н. э., но не исключено и несколько более ранним временем (Масленников, Чевелёв 1985: 50–55). Поначалу мы и предложили отождествлять это городище с Гераклием (там же: 55), что было поддержано впоследствии некоторыми исследователями (Зубарев 2005: 262). Попутно повторим, что ранее И.Т. Кругликова помещала его на мысе Казантип (поселение Афанасьевка или Казантип — восточный I, II–I вв. до — III в. н. э.), Н.Ф. Федосеев — в районе крепости Еникале (1999: 68). Есть и другие точки зрения.

Что же касается Парфения, то при таком варианте локализации мы бы оказались в совершенно неподходящем месте: в глубине бухты Рифов, несколько западнее т. н. Белой горы (район мыса Тархан). Побережье здесь низменное, сильно подмываемое морем; никаких следов древних поселений нет и наличие их невозможно «по определению». Конечно, береговая линия тут гораздо более изменчива и извилиста, нежели на большей части — к западу от мыса Зюк. И если плыть непосредственной вблизи неё, то искомая «точка» окажется ещё немного западнее, но на столь же неудобном месте. Да и в относительной близости от побережья сколь-либо крупных античных населённых пунктов нет. (Небольшое поселение II в. до — первой половины III в. н. э. Тархан I всё-таки находится в нескольких км от современной береговой линии. См. Бейлин 2015: 19–27). Впрочем, как справедливо принято считать, каботажное плавание вовсе не обязательно предполагало держаться непосредственно около берегов. Мелководные «необитаемые» заливы можно было обойти и наверняка обходили «мористее», что не могло не отразиться в соответствующих периплах. А для их авторов и Клавдия Птолемея были важны прямые расстояния и время для их преодоления. Так кому же верить: Зубареву или Птолемею? Но «лучшее — враг хорошего». Думается, при всей соблазнительности и даже местами как будто бы «близости к истине» пересчёта градусов и минут «Географического руководства» в привычные нам меры длины, предпочтительнее следовать современным и палеогеографическим реалиям, последовательности, наблюдательности и точности соотнесения географических пунктов у тех античных авторов, которые не оперировали цифрами в стадиях. Ну, и конечно, современным археологическим реалиям. Значит, надо выявить два таких явно подходящих (см. выше) объекта (поселения), которые максимально соответствовали бы координатам, вернее, их взаиморасположению у Птолемея.

Если «следовать» на запад, то помимо упомянутого городища и ближе, и дальше от мыса Зюк известно не менее четырёх-пяти достаточно солидных поселений, существовавших во II в. н. э. Но искомое — повторяем вновь, должно располагаться в два раза дальше, нежели — на востоке, которое и будет своего рода «точкой отсчёта». Таковое же — всего одно — в районе (примерно в 1.4 км к югу-юго-востоку) от села Осовины (мыс Мангешовка -Варзовка — Борзовка — Бакланий). Тут ещё неутомимый Поль Дюбрюкс в начале XIX в. обнаружил некое большое городище, которое посчитал возможным отождествить с Парфением (Дюбрюкс 1858: 7 сл.; 2010: 276–278). В 1864 г. отсюда в Керченский музей поступила примечательная во многих отношениях строительная надпись, датированная 225 г. н. э. (КБН: 494, № 897). В ней говорится о восстановлении «от основания» оборонительной башни бывшим управляющим царского двора. Район поселения неоднократно посещался археологами и служащими музей и впоследствии, всякий раз подтверждая наличие здесь античного поселения (Гриневиц 1927: 49 сл.). Казалось бы всё ясно, но несколько десятилетий спустя уже упоминавшийся знаток местных древностей В.В. Веселов «всё переиначил», локализовав этот городок (Парфений) близ северной окраины пос. Опасное, то есть много южнее, уже непосредственно в зоне Керченского пролива (Веселов 1952: 227 сл.). С этим, как и с локализацией соседнего Порфмия, надолго согласились практически все исследователи (См.: Археология СССР: 65–67; Зубарев 2005: 256–257), в том числе и работавшие на этом памятнике (Кастанаян 1958: 254–268; Столяренко, Кропотов 2016: 160–166). Все, кроме Н.Ф. Федосеева, который полагал, что Парфений надо поместить на место Порфмия, а тот — передвинуть в сторону Азовского побережья (Федосеев 1997: 100–110; 1999: 61–102). Но вот незадача: хорошо раскопанный (Е.Г. Кастанаян, М.Ю. Вахтина) Порфмий (если это Порфмий?) прекратил своё существование около начала I в. до н. э. и, следовательно... нам не подходит. Предполагаемый Парфений «Веселова» просуществовал много дольше (от второй половины VI в. до н. э. до первой половины II в. н. э. (Столяренко, Кропотов 2016: 160–166), но в целом это относительно небольшое (тем более ко времени Птолема), хотя и многослойное поселение, пока ещё довольно слабо изученное и ... не на Меотиде. А что же там? А там (как только что писалось, непосредственно к юго-востоку от окраины с. Осовины, в районе скалистого мыса и второй морской террасы, примерно в 0.4 км к западу — юго-западу от мыса Бакланий) и на сегодняшний день подтверждено существование довольно значительного античного городища (Осовины I). Оно со времён Дюбрюкса сильно пострадало и от береговой абразии, и от строительства, и от грабителей (некрополь), и... до сих пор систематически почти не исследовалось. Правда, небольшие раскопки (в основном на второй — верхней террасе) и шурфовки были предприняты в 1988–1993 годах прошлого века (В.Н. Корпусова, В.Н. Зинько). Были открыты остатки нескольких жилищно-хозяйственных построек первого века н. э., некоего башнеобразного (4 x 5 м)

Илл. 1. Карта Крымского Приазовья с предполагаемой локализацией «городов» Клавдия Птолемея

строения I — II вв. н. э. и частично раскопан мощный (глубиной до 7,5 м) зольно-мусорный сброс («зольник»). В целом находки отсюда датировались III в. до (а, не исключено, и несколько раньше) — первыми веками н. э. и даже средневековым временем (Зинько 1992: 29–30; 1994: 128–129). Разведками 2008–2009 гг. в районе берегового обрыва и мыса зафиксированы развалы какой-то солидной стены, подтёсы скал, обнажения довольно мощных (до 1,2 м) культурных напластований с материалом I в. до — III в. н. э. Невдалеке известно несколько курганных групп, сильно разрушенный античный и раннесредневековый грунтовой некрополь и ещё одно или два поселения (селища) с находками указанного и даже немного более раннего времени (Бейлин, Куликов, Бейлина, 2010: 28–29). Общая площадь этого городища была никак не меньше нескольких га, что для античного Боспора совсем не мало. Таким образом, можно уверенно говорить, что некий населённый пункт (городок?) действительно существовал здесь с эпохи эллинизма (а может и раньше) до III в. н. э. (а может и позже). Весьма вероятна связь его названия с неким местным святилищем особо почитаемой богини-девы, хотя материальных подтверждений этого пока не обнаружено. Достаточно взглянуть на современную карту, чтобы убедиться, что именно этот памятник находится при входе (с запада) в Керченский пролив и как раз напротив мыса Ахиллион — аналогичного ориентира на Таманском побережье.

Теперь «учтя» расстояние по прямой отсюда до мыса Зюк (Зенонов Херсонес), отсчитаем дважды такое же — дальше на запад. Прделав всё это, мы оказываемся в нескольких км к югу, юго-западу от западной оконечности мыса Казантип (рис. 1). И что же? А то же, что тут (Романова бухта) находится хорошо известное (прямо — таки «хрестоматийное») благодаря старым раскопкам И.Т. Кругликовой городище — Семёновское. Не скрою, данное обстоятельство оказалось для автора не только неожиданным, но и разочаровывающим. Ведь и сам полуостров Казантип — очень приметный географический ориентир и удобный пункт. И поселения на нём тоже известны. Да и восточнее есть городища куда более примечательные. Тем не менее, приведём описание топографии и археологическую характеристику, этого памятника, данные ещё Ириной Тимофеевны.

«Поселение расположено в трёх км к северу от дер. Семёновка на большом холме, выступающем в море, над небольшой бухтой и в ложбине у самой бухты». Раскопки его велись ещё в первой половине 50-х — на рубеже 50–60 годов прошлого века, главным образом на этом скалистом холме, где располагалась укреплённая часть памятника, исследованная почти полностью (на площади свыше 3500 кв. м). Значительная, по мнению И.Т. Кругликовой, часть холма с постройками обрушилась за прошедшее время в море. С учетом же небольших раскопов на склонах сопредельных с бухтой возвышенностей, где также были выявлены в целом синхронные «цитадели» культурные напластования и строения, а также участок некрополя эта цифра оказалась ещё боль-

шей. Наиболее полно на памятнике представлены и изучены слои и строительные остатки жилых и хозяйственных построек II — III вв. н. э. Но были выявлены напластований и строения (в том числе оборонительные) III в. до — I в. н. э., а также второй половины III — начала IV вв. н. э. Городище, согласно автору раскопок и публикаций, появилось, вероятно, в конце III до н. э. и погибло в пожаре около 267 г. н. э. Затем жизнь на нём как бы затухает. Плотная застройка на террасированной вершине холме представляла собой пять линий-кварталов из небольших по площади домов-помещений с прилегающими двориками примерно схожей планировки, разделённых четырьмя улочками. Некоторые из домов, вероятно, имели второй этаж. Но черепичная кровля, общественные здания или хотя бы вымощенные площади и каменные — либо иные «городские» признаки совершенно отсутствовали. Да и характер оборонительных сооружений не свидетельствовал о высоком уровне строительного дела. Столь же малопримечательными, хотя и многочисленными были и находки. Всё говорит о том, что и уровень достатка обитателей этого поселения-казармы, численность которых составляла около двух сотен человек, был примерно одинаково невысоким. Таким образом, ничего собственно городского, кроме небольшого обломка мраморного рельефа, «ни в интерьере, ни в экстерьере» данного поселения не наблюдалось (Кругликова 1970: 4–81). Впрочем, соседние (на п-ове Казантип) более или менее синхронные поселения во всех отношениях и того менее примечательны. Так что это было всё-таки самым заметным.

Разумеется, никаких указаний на его самоназвание у нас нет, поэтому предполагаемое (Гераклий) — «выглядит» как — то уж слишком претенциозно. Вообще говоря, топонимов с именем этого бога-героя в античной Ойкумене известно во — множестве. Только в Крыму их несколько. Некоторая же разница в написании (Гераклеон, Гераклий, Гераклея), по мнению В.П. Яйленко, — ничего особенно не значащие изменения по ходу «бытования». Изначально же все топонимы с суффиксом *ιον* были образованы, как правило, от названий храмов и святилищ (Яйленко 2015: 421). В равной степени это относится и к Парфению (Парфенион), который, согласно Страбону (*Strab.* VII.4.5; XI.2.6), располагался напротив пункта Ахиллия (Ахиллион, мыс Ахиллион на Азиатской стороне пролива). Это, как уже писалось, гораздо более подходит к локализации первого в районе мыса Варзовка (Осовины), а не у посёлка Опасное, что уже в глубине пролива. (Меотийский перипл, если он существовал, теоретически не должен был «касаться» пунктов в глубине пролива. А вот при входе-выходе из него — другое дело.)

Естественно, автор в полной мере осознаёт, что все предложенные им отождествления — не более чем «очередной вариант» толкования «Географического руководства». По крайней мере, до соответствующих эпиграфических находок. Но вот что ещё интересно в данной связи. Если верить Страбону, то для плывущего не напрямую по Меотиде из Пантикапея в Танаис «... всё

это побережье на европейской стороне пустынно ...», (*Strab.* VII.4.5; перевод Г.А. Стратановского). Но все три вышеупомянутых «кандидата» в меотийские городки вроде бы существовали, как уже отмечалось, на протяжении весьма длительного времени. Вот только с перерывами или без — пока не ясно. Поселение на мысе Зюк — точно непрерывно, хотя в I в. до н. э. тут и имели место значительные разрушения, перестройки и перепланировки (Масленников 1992: 150). Судя по раскопкам других поселений в Крымском Приазовье, жизнь на некоторых из них действительно замирает где-то или на рубеже II–I вв. до н. э. (Золотое — восточное, Крутой берег, Полянка — первый этап), или в середине последней четверти I в. до н. э. (Полянка). На других — она либо быстро возрождается, либо вовсе не пресекалась (Семёновка, Генеральское восточное, Казантип восточный I и н. др.). Какой из этих двух довольно коротких периодов зафиксировал неведомый нам информатор (источник) Страбона — неизвестно. С точки зрения хронологии, вернее, времени написания его «Географии» более поздний — вроде бы как предпочтительнее.

Вот, пожалуй, и всё. Ан, нет. А всё-таки: откуда у Клавдия Птолемея столь детальная информация о населённых пунктах Крыма и в частности — Меотиды, воистину, «медвежьем угле» античной Ойкумены? Современные археологические данные свидетельствует, что наиболее интенсивно поселенческие структуры (причем довольно большие по площади и сложные по топографии и планировке застройки) в глубине полуострова появляются не ранее первых веков н. э. (II–III и немного позже). Что же касается Крымского Приазовья, то таких периодов «расцвета» можно выделить два: IV — начало III вв. до н. э. и рубеж эр — первая половина III в. н. э. Некоторые из них просуществовали и дольше (до начала VI в. н. э.), но «пик» уже был пройден. Относительно прочих (некрымских) примеотийских «селений» условно времени написания «Географического руководства» наши знания всё ещё крайне ограничены или вовсе отсутствуют. Надо думать, всякого рода «путеводители» составлялись именно тогда, когда в них была наибольшая надобность, то есть в периоды интенсивных передвижений, контактов и «демографо-экономического благополучия». Впрочем, тогда же и собирались соответствующие сведения. Но был и ещё один «источник» информации — военные действия. К ним, конечно, в плане географии хоть как-то, но готовились. А в ходе их неизбежно пополнялась и нужная информация. Особенно для таких удалённых мест — точнее «театра военных действий», причем не местного (крымско-боспорского) значения, а, так сказать, имперского масштаба. На то, что Северное Причерноморье вообще — то попадало в поле зрения античных историков и географов именно в такие периоды справедливо указывал ещё М.И. Ростовцев (Ростовцев 1925: 3–11). В постмитридатовскую эпоху таким заметным событием, несомненно, было военное вмешательство Рима в династические перипетии Боспора около середины I в. н. э. О заключительном этапе этой войны, как известно, повествует нам Тацит (*Tac. Ann.*, XII.15–21). Предшествующая же часть

его текста о начальном — к сожалению утрачена. Но новейшие археологические изыскания (Винокуров, Крыкин 2017: 170–194; Винокуров 2018: 56–72) позволяют с большой вероятностью предположить, что военные действия с участием римских войск имели место, вернее начались именно с территории Европейского Боспора (фактически — Керченского полуострова). Не тогда ли и была собрана попавшая в Рим в качестве отчетов и донесений командующих этим «экспедиционным корпусом» (Авл Дидий, Юлий Аквила) географо-топонимическая информация, в том числе и о городках Крымского побережья Меотиды ?

Только придёт на ум что-нибудь, как кажется, «умное» — глядь, а у Михаила Ивановича об этом уже сказано... (Ростовцев 1925: 10). Это я о только что написанном.

ЛИТЕРАТУРА

- Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. Т. VIII, (под ред. Г.А. Кошеленко и И.Т. Кругликовой). М. 1984.
- Андрусов 1961 — *Андрусов Н.И.* Ископаемые мшанковые рифы Керченского и Таманского полуостровов // Академик Н.И. Андрусов. Избранные труды. Т. I. М. 1961.
- Бейлин, Куликов, Бейлина 2009 — *Бейлин Д.В., Куликов А.В., Бейлина С.А.* Разведки в северо-восточной оконечности Керченского полуострова. // Археологічні дослідження в Україні. 2009. Київ. С. 28–31.
- Бейлин 2015 — *Бейлин Д.В.* Поселение Тархан I в Восточном Крыму (по результатам разведок 2009–2012 гг.) // студии. (Исторические науки). №7 (2015). Симферополь. С. 19–27.
- Блаватский 1961 — *Блаватский В.Д.* Античная археология Северного Причерноморья. М. 1961.
- Блаватская, Розов 1985 — *Блаватская Т.В., Розов В.Н.* Граффито Зинонитов // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М. 1985. С. 115–137.
- Брун 1899 — *Браун Ф.* Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб. 1899.
- Веселов 1952 — *Веселов В.В.* Древние городища в районе Сипягино (К вопросу о местоположении Парфения и Порфмия) // (под ред. Гайдукевича В.Ф.) История и археология Боспора. Симферополь. 1952. С. 227–238.
- Винокуров, Крыкин 2017 — *Винокуров Н.И., Крыкин С.М.* Римская политика в Северном и Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н. э. // Проблемы истории, филологии, культуры. №4 (2017). Москва-Магнитогорск-Новосибирск. 2017. С. 170–194.

- Винокуров 2018 — *Винокуров Н.И.* Два слоя пожара римско-боспорской войны 44/45–49 гг. н. э. на городище Артезиан в Восточном Крыму // ДБ. 2018. Вып. 23. С. 56–72.
- Гайдукевич 1949 — *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Гриневич 1927 — *Гриневич К.Э.* Археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова // ИТОИАЭ. Вып. I. Симферополь, 1927. С. 47–52.
- Дирин 1896 — *Дирин А.А.* Мыс Зюк и сделанные на нём археологические находки // ЗООИД, Т. XIX. Одесса. 1896. С. 115–129.
- Дюбрюкс 1858 — *Дюбрюкс П.* Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук при Чёрном море // ЗООИД, Т. IV. Ч. 1. Одесса 1858. С. 3–84.
- Дюбрюкс 2010 — *Дюбрюкс Поль.* Собрание сочинений. Т. I (тексты), II (иллюстрации). СПб. 2010.
- Кастанаян 1958 — *Кастанаян Е.Г.* Археологические разведки на городище Парфений в 1949 г. // МИА. 1958. № 58. С. 254–265.
- Кулаковский 1899 — *Кулаковский Ю.* Карта Европейской Сарматии по Птолемею. СПб. 1899.
- Зинько 1992 — *Зинько В.Н.* Античное поселение Осовины–I // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Тезисы докладов VI научной конференции. Ростов на Дону. 1992. С. 29–30.
- Зинько 1994 — *Зинько В.Н.* Охранные археологические исследования в г. Керчи // Археологические исследования в Крыму, 1993 г. Симферополь, 1994. С. 124–129.
- Зубарев 1998 — *Зубарев И.Г.* Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея». Тула, 1998.
- Зубарев 2005 — *Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М. 2005.
- Качарава, Квирквелия 1991 — *Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т.* Города и поселения Причерноморья античной эпохи: Малый энциклопедический справочник. Тбилиси. 1991.
- Клюкин 1998 — *Клюкин А.А.* Абразия берегов Керченского полуострова в XX веке // География и природные ресурсы. №1. Симферополь. 1998. С. 111–116.
- Кругликова 1956 — *Кругликова И.Т.* Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря // СА. 1956. №XXV. С. 236–260.
- Кругликова 1958 — *Кругликова И.Т.* Новые данные об исторической географии Крымского побережья Азовского моря // СА. 1958. № XXVIII, С. 219–233.
- Кругликова 1966 — *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. М. 1966.

- Кругликова 1970 — *Кругликова И.Т.* Раскопки поселения у дер. Семёновки // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н. э. М. 1970. С. 4–71.
- Кругликова 1975 — *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М. 1975.
- Масленников 1992 — *Масленников А.А.* Зенонов Херсонес — городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. (под ред. Г.А. Кошеленко) М. 1992. С. 120–173.
- Масленников 1998 — *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. М. 1998.
- Масленников, Чевелёв 1985 — *Масленников А.А., Чевелёв О.Д.* Разведочные раскопки на городище Генеральское // КСИА. 1985. № 182. С. 50–55.
- Ростовцев 1925 — *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор». Ч. I. П-д. 1925.
- Сапрыкин, Масленников 1999 — *Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А.* Греческие надписи с мыса Зюк // ДБ. 1999. Вып. 2. С. 193–202.
- Смирнов 1889 — *Смирнов Я.И.* Отчет о поездке по Крыму и Кавказу летом 1898 г. // Архив ЛОИА, Ф. I, д. № 44/1889.
- Столяренко, Кропотов 2016 — *Столяренко П.Г., Кропотов В.В.* Комплекс позднеэллинистического времени из городища Парфений // Таврические студии. (2016). №10. Симферополь. С. 160–166.
- Федосеев 1997 — *Федосеев Н.Ф.* Переправа через Боспор Киммерийский // ВДИ. 1997. 4. С. 100–110.
- Федосеев 1999 — *Федосеев Н.Ф.* Ещё раз о переправе через Боспор Киммерийский // Археология и история Боспора. (под ред. Н.Ф. Федосеева) Керчь. 1999. Вып. III. С. 61–102.
- Яйленко 2015 — *Яйленко В.П.* Топонимика и этнонимия античного Боспора // ДБ. 2015. Вып. 19. С. 386–458.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ДБ — Древности Боспора. М.
- ВДИ — Вестник Древней истории. М.
- ЗООИД — Записки императорского одесского общества истории и древностей. Одесса.
- ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- СА — Советская археология. М.

THE MEOTIAN “CITIES” OF CLAUDIUS PTOLEMY

ALEXANDR A. MASLENNIKOV

Abstract: Taking into account new archaeological data, the article critically examines various options for the localization of three settlements (Parfeniy, Zenon Chersonesos, Heracleus) mentioned in the Geographical Guide of Claudius Ptolemy on the Crimean coast of Meotida (Sea of Azov). Ancient settlements of this region are proposed (Osoviny I, Cape Zyuk, Semionovka), which are in their position and characteristics are more consistent with these “cities”.

Keywords: “Geographical Guide” by Claudius Ptolemy, Crimean Azov Sea region, antique settlements, antique geography, excavations, surveys.

Александр Александрович Масленников,
доктор исторических наук,
заведующий отделом полевых исследований,
Институт археологии РАН

ВТОРАЯ СОФИСТИКА, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ГРЕЧЕСКИЙ ПАТРИОТИЗМ В ЭПОХУ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ*

А.В. МАХЛАЮК

Резюме: В статье показывается, что греческий патриотизм в эпоху Римской империи, укорененный, в конечном счете, в гражданско-общинных структурах, был в значительной степени производным от коллективной исторической памяти, относящейся к прошлому как Эллады в целом, так и отдельных полисов. Ее хранителями выступали как греческие интеллектуалы, прежде всего риторы и софисты, обращавшиеся к истории в разных формах и во многом конструирующие ее в соответствии с требованиями момента, так и городская знать, поддерживавшая полисные институты и традиции ради собственного символического капитала и престижа, но в согласии с интересами Рима, для которого прошлое Эллады становилось частью и его истории. Римская власть, выступая как покровитель эллинства, не только позволяла грекам сохранять свою идентичность (в том числе через активное культивирование исторического патриотизма), но и использовала их культурное и историческое наследие для управления мировой державой.

Ключевые слова: Вторая софистика, патриотизм, отечество, Греция, Римская империя, полис, историческая память, интеллектуалы, «Римский мир».

Не подлежит никакому сомнению, что эллинская идентичность и патриотические чувства греков в эпоху Империи отнюдь не в последнюю очередь питались памятью о славном прошлом Эллады и ее отдельных городов. Эта историческая память поддерживалась и активно культивировалась самыми разнообразными путями и средствами, как литературными, так и нелитературными, на которые уместно обратить внимание в контексте исторической составляющей греческого патриотизма. Она была неотъемлемой частью той *πατρίδα* в широком смысле слова, которая еще с эпохи классики стала важнейшей основой культурной идентичности греков¹, а в период Второй софисти-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00088. Данная статья является продолжением работы: Махлаюк 2018.

¹ Культурное лидерство, закрепившееся в этот период за Афинами, дало основание Исократу утверждать: «Благодаря именно нашему городу слово “элин” теперь означает не столько место

ки приобрела ключевое значение, прежде всего для самосознания греческих интеллектуалов, именовавших себя *παιδευμένοι* и конституировавшихся как особая социальная группа².

Вместе с тем повсеместное и весьма интенсивное увлечение греков в эпоху Империи своим классическим прошлым не сводимо только к литературному феномену и интеллектуальной моде, привнесенной Второй софистикой, хотя именно софисты сделали исторические (и псевдо-исторические) сюжеты, преимущественно из греческой истории VI–IV вв. до н. э., от Солона до Восточного похода Александра включительно, одним из главных предметов своих публичных декламаций. Еще до «классических» софистов II–III вв. н. э. социокультурно и политически обусловленный интерес греческих интеллектуалов к истории древней Эллады нашел выражение в творчестве ряда авторов, работавших как в историографических, так и риторических жанрах. Достаточно упомянуть такие имена, как Дионисий Галикарнасский³, Плутарх и Дион Христом⁴. Вопрос об отношении греков императорского времени к своему прошлому неоднократно становился предметом исследовательского внимания, начиная с основополагающей статьи Э. Боуи, который обосновал тезис о том, что особый интерес греков к классической истории Эллады обуславливался не в последнюю очередь их явной или подспудной неудовлетворенностью политической ситуацией в настоящем: в условиях, когда греческая часть Средиземноморской державы находилась под властью римлян, знать эллинских городов рассматривала обращение к великому прошлому Эллады как один из способов компенсации этой неудовлетворенности и, вместе с тем, легитимации своего положения⁵. Для С. Свейна главное в этом увлечении греков своим прошлым — стремление «познать самих себя»: постоянное переписывание прошлого было способом определить и упрочить групповую идентичность, прежде всего членов правящей элиты⁶.

Но в эту интерпретацию вносятся и существенные коррективы. Так, по мнению Т. Шмитца, который специально исследовал декламации софистов на исторические темы, интенсивное обращение к прошлому следует трактовать не столько как ответ просвещенных греков Риму, сколько как составную часть динамичных отношений власти в самих греческих городах, ибо прошлое было

рождения, сколько образ мысли (*τῆς διανοίας*), и указывает скорее на воспитание и образованность (*τῆς παιδείσεως*), чем на общее с нами происхождение» (Paneg. 50. Пер. М.Л. Гаспарова).

² О *παιδευμένοι* как особой группе см.: Anderson 1989; Schmitz 1997; Borg 2004; Eshleman 2012: 125–148.

³ Об отношении Дионисия к греческой истории в ее взаимосвязи с римской см.: Delcourt 2003.

⁴ По словам П. Дезидери, Дион и Плутарх, «великие греческие интеллектуалы», революционизировали мир культурной коммуникации, стремясь сделать историю классической Греции символом греческой идентичности (Desideri 2014: 199).

⁵ Bowie 1970. Такая интерпретация получила поддержку других исследователей. Ср., например: Russell 1983: 107–108; Desideri 1992; Swain 1996: 68–69.

⁶ Swain 1996: 87.

одним из средств контроля элиты над рядовыми согражданами, источником ее власти и авторитета в полисах, хотя сама эта элита находилась под бременем прошлого, которое лишало ее возможности говорить собственным голосом⁷. Подход и выводы Т. Шмитца получили развитие в работе Р. Вебб, которая обратила внимание на то, как прошлое использовалось и репрезентировалось в декламациях, как оно соотносилось с опытом аудитории и самих риториков⁸. Все эти моменты следует учитывать, обращаясь к рассмотрению вопроса об отношении греков императорского времени к своему прошлому как фактору формирования патриотизма как локального (полисного и, так сказать, «регионального», «провинциального»), так и общегреческого.

Действительно, одной из главных форм реализации интереса к прошлому Греции были публичные декламации софистов на разнообразные исторические сюжеты, обращение к которым составляло, по известному определению Флавия Филострата, одно из важнейших отличий Второй софистики⁹. Кроме того, исторические (и псевдо-исторические) темы на протяжении столетий служили постоянным предметом упражнений в риторических школах. Особой популярностью пользовались сюжеты, так или иначе связанные с историей греко-персидских войн¹⁰ (они, по подсчетам Д. Расселла, составляли около 12 % тем, предлагаемых для декламаций¹¹), с великими победами греков, прежде всего, победой при Марафоне¹². Неслучайно непомерное пристрастие риторов своего времени к теме Марафона высмеивает Лукиан: «При всяком случае должен быть Марафон и храбрец Кинегир — без них ни одна речь обойтись не может» (*Lucian. Rhet. graec. 18*, пер. Н.П. Баранова. Ср.: *Lucian. Juppit. trag. 32*). Софист Птолемей из Навкратиса за пристрастное отношение к этой теме даже заслужил прозвище «Марафон» (*Philostr. VS. 2.15.1 [595]*). Примером подобного рода сочинений являются две сохранившиеся декламации Полемона Смирнского, посвященные спору отцов двух героев Марафона, Кинегира и Каллимаха¹³. Связанные с Марафонской битвой мотивы акцентируются и

⁷ Schmitz 1999.

⁸ Webb 2006.

⁹ *Philostr. VS. 1.1.3 (481)*: «Последующая же софистика, которую следует называть не “новой” (ибо она также является древней), но скорее “второй”, создала образы бедняков и богачей, благородных правителей и тиранов, а также [коснулась] определенных предметов, с которыми имеет дело история» (ἐφ' ἧς ἱστορία ἄγει).

¹⁰ В том числе и в римских школах риторики, в практике которых эта тематика была широко представлена (*Cic. De off. 1.18.61; Sen. Suas. 2.3; 2.5*). См.: Makhlaiuk 2015: 305, с дальнейшими ссылками.

¹¹ Russell 1983: 107. Это повальное увлечение Э. Спюфорт метко назвал “Persian-war mania” (*Spawforth 1994: 233*). В целом же, по оценке Д. Расселла, из 350-ти тем, относящихся к истории Греции, несколько были мифологическими, 32 были посвящены греко-персидским войнам, около 90 — Пелопоннесской войне, 125 — времени Демосфена и примерно 25 — Александру Великому (Russell 1983: 107). Ср. Rollinger 2019: 318–321.

¹² Подробнее см.: Giannakopoulos 2013; Gómes 2013 и 2014.

¹³ См.: Jüttner 1898: 47–54; Reader 1996; Gómes 2014.

в «Панафинейской речи» Элия Аристида, который называет победу при Марафоне «истоком всей Эллады» — τὸ σύμψαν, εἶπεῖν, τοῦ τῶν Ἑλλήνων σπέρματος (Or. 1.111)¹⁴. В целом, следует согласиться с Т. Шмитцем, отмечающим, что память о Марафоне в этих речах работала, во-первых, на упрочение греческой идентичности в условиях Империи, а во-вторых, на легитимацию положения провинциальной элит в полисах¹⁵. К аналогичному выводу приходит и Н. Гианнакопулос, подчеркивающий, что такие авторы, как Аристид и Полемон, приспособили память о Марафоне к политическому положению Греции в составе Римской империи¹⁶.

Обращались софисты и к темам из истории Пелопоннесской войны: так, Герод Аттик выступал с речью от имени раненых афинян, умоляющих сограждан убить их перед отступлением из Сицилии (*Philostr.* VS. 2.5.8 [574]); Сицилийской экспедиции посвящены и две речи Элия Аристида: одна за присылку подкреплений, а вторая — против (Or. 5–6). Сочинялись и защитительные речи от имени афинских стратегов, обвиненных после победы при Аргинусских островах: такая речь была составлена тем же Аристом (*Hermogen. Peri ideōn.* 244–245; *Philostr.* VS. 2.9.6 [584]). Многие декламации разрабатывали различные сюжеты из бурной истории IV в. до н. э., связанные с Демосфеном, Филиппом II и Александром Македонским¹⁷. Но в целом круг событий и персонажей, унаследованный риториками от условных клише периода эллинизма, был ограниченным¹⁸, что практически обеспечивало обозримую совокупность «фактов», используемых в выступлениях ораторов¹⁹. Важно подчеркнуть, что выступая от имени условного исторического героя, ученики риторских школ и декламирующие на публике софисты, импровизируя на заданную тему и «перевосплощаясь» в персонажей прошлых лет²⁰, по мнению Т. Шмитца, добивались того, что их публика мысленно соотносила себя с древними афинянами или спартанцами²¹. Начиная со школьной скамьи будущие риторы обучались точному воспроизведению стародавней лексики и фразеологических оборотов²², манере говорить и жестиковать, подражать возрасту и статусу избранного персонажа с учетом исторических обстоятельств, обу-

¹⁴ См. подробнее: Day 1980: 39–74.

¹⁵ Schmitz 1997: 193 ff. Ср. Jung 2006: 215–216.

¹⁶ Giannakopoulos 2013.

¹⁷ Наиболее полный перечень дается в работе: Kohl 1915. См. также: Asirvathan 2010.

¹⁸ Отчасти это связано с набором классических авторов, изучавшихся в грамматических и риторских школах (это прежде всего Геродот, Фукидид, Платон, Ксенофонт, Демосфен и Эсхин), а отчасти — с консерватизмом самой школьной системы. См.: Anderson 1993: 103.

¹⁹ Pernot 1998.

²⁰ Webb 2006: 32 ff.

²¹ Schmitz 1999: 78.

²² Ср., например, признание Элия Аристида: «Когда я представляю (= играю роль — ὑποκρίνωμαι) Демосфена, или Мильтиада, или Фемистокла, или моего тезку, я, как вы сами утверждаете, лучше могу судить, какие каждому подобают слова» (Or. 28.6).

словливающих специфические особенности произнесения той или иной речи (*Theon. Progymn.* 13; 61.30–33),

Использование данной формы презентации и актуализации исторического знания, востребованной, судя по всему, широкой публикой, свидетельствует, что интерес к прошлому не ограничивался кругом интеллектуалов, но культивировался и в среде рядовых граждан греческих полисов — слушателей риторических декламаций²³. Скорее всего, эта публика, с одной стороны, обладала общими сведениями из области истории, а с другой — представления жителей полиса во многом формировались благодаря декламациям риторов²⁴. Трудно, однако, сказать, в какой степени софисты ориентировались на историко-патриотические запросы своих слушателей, а в какой — демонстрировали виртуозное владение словом и присущий им артистизм. Если судить по критическим замечаниям, которые, как известно из литературных источников, звучали по поводу конкретных выступлений риторов, аудиторию, прежде всего из числа знатоков, интересовали главным образом, точное соответствие языка аттическому стандарту, риторическая техника, мастерство импровизации, соответствие речи заданной теме, а вовсе не достоверность излагаемых сведений и злободневность темы декламации²⁵. Но, так или иначе, в декламациях софистов и риторов «оживало» славное прошлое, когда эллины были независимы и совершали великие деяния; и это историческое прошлое очевиднейшим образом контрастировало с настоящим. Однако греки римского времени считали это прошлое своим актуальным достоянием и видели в нем одну из важнейших основ собственной идентичности и патриотической гордости²⁶ (во многом благодаря риторам, которые «пребывали, в основном, в мире прошлого, чей блеск затмевал настоящее, делая его незначительным и не заслуживающим внимания»²⁷). При обращении к темам достославного прошлого риторы и софисты следовали художественному принципу «подражания» (*mimesis*), что способствовало творческому воссозданию этого прошлого в воображении и снимало реально существовавшее противоречие между греческим прошлым и римской повседневностью²⁸. В этом отношении заслуживает внимания и вывод Дж. Коннолли, которая справедливо указывает,

²³ Источники дают разные, подчас маловероятные, цифры численности той аудитории, которая слушала выступления софистов. Иногда называются десятки тысяч человек (*Dio Chrys. Or.* 32.20: *τοσαῦτα μυριάδες ἀνθρώπων*; ср.: *Epict. Diss.* 3.23.19; *Ael. Arist. Or.* 51.31–32). См.: Schmitz 1997: 160–161 (с другими источниками и литературой). Но даже если в действительности число слушателей составляло в среднем несколько сотен человек, цифры такого порядка, тем не менее, дают основания говорить о том, что софисты формировали исторические знания в довольно широких массах городского населения (ср.: Desideri 2014: 198). О составе публики и ее отношениях с ораторами в эпоху Второй софистики специально см.: Korenjak 2000.

²⁴ Ср.: Desideri 2014: 198.

²⁵ Webb 2006: 37–38 (с примерами и ссылками).

²⁶ Ср.: Desideri 1992: 69.

²⁷ Russell 1983: 108.

²⁸ Webb 2006: 45.

что сосредоточенность риторического образования на изучении произведений аттических ораторов и историков порождала этическую дилемму: совмещение риторических правил для внутри школьного и внешнего употребления могло осуществляться только благодаря сложному процессу отбора, пересмотра и реконтекстуализации классических текстов, содержание которых в этом случае могло «ускользнуть» от идеологического контроля. Именно поэтому оставаться приверженцем греческого наследия в составе Империи не означало банального погружения в прошлое или проявлений ностальгии, но, скорее всего, предполагало восприятие и усвоение тщательно отобранных, риторически обработанных фактов²⁹. Важно, однако, подчеркнуть, что декламации риториков на исторические темы, актуализируя концепт «эллинизма» в своей аудитории, содействовали установлению между риториками и их публичной атмосферы взаимопонимания, которую действительно можно сравнить с переживаемым сегодня чувством патриотизма: как отмечает Т. Шмитц, этот комплекс переживаний отнюдь не носил ностальгически окрашенной формы эскапизма, но служил воспроизводству коллективной памяти³⁰. Сам феномен выдвижения ораторского искусства на передний план культурного и интеллектуального бытия греческой элиты, задававшей соответствующий тон образованным римлянам, можно рассматривать как показатель формирования общегреческого самосознания, одним из компонентов которого стала приверженность наследию Эллады.

* * *

Некоторые софисты, эти «литераторы устного слова»³¹, как известно по сохранившимся фрагментам и упоминаниям имен, непосредственно обращались к историописанию, что представляется вполне закономерным в атмосфере повального увлечения прошлым Эллады³². В сочетании чувства патриотизма и восприятия прошлого Эллады значимыми предстают два момента. Во-первых, как отмечается в литературе³³, расцвету софистики во II в. н. э. сопутствует явное снижение интереса грекоязычных историков этого времени к современной истории (впрочем, еще ранее Иосиф Флавий упрекал современников за то, что они предпочитают изложение древней истории повествованию о текущих событиях [B. Iud. praef. 1.13]). Недавно развернутое объяснение этого феномена было предложено А. Кимизисом. По его мнению, во времена правления Антонинов в среде историков и их окружении, рассуж-

²⁹ Connolly 2001: 352, 370. Ср. в иной формулировке: Connolly 2007: 30.

³⁰ Schmitz 1999: 84, 91.

³¹ Reardon 1984: 24.

³² О софистах-историках и влиянии софистики на историописание см., в частности: Bowie 1970: 11 ff.; Bowie 2010, 202–210; Anderson 1993: 107–118; Asirvathan 2017.

³³ Desideri 2002: 219 ff. См. также: Baldwin 1986. Основательный обзор исторических трудов II столетия представлен в работе: Nose 1994. См. также: Desideri 2001.

давших о задачах и литературной форме историописания (таких, как Лукиан и Фронтон), стала доминировать концепция, согласно которой современная действительность представляла собой статичный миропорядок, не подлежащий включению в исторический нарратив. Подобное умонастроение можно рассматривать как результат относительного покоя и военно-политической стабильности в данный исторический период, а также как элемент идеологии, преувеличивавшей степень этого мирного состояния и социальной гармонии в римском обществе³⁴. Можно добавить, что такая точка зрения на историю проистекает также из доминирования отмеченных выше софистических установок и интереса именно к тому прошлому, которое в наибольшей степени «подпитывало» патриотическое (или, если угодно, «национальное») самосознание греческого населения Империи. Положение вещей меняется в конце II и в первые десятилетия III в. н. э., когда появляются исторические труды Кассия Диона и Геродиана, а поколение спустя — сочинение П. Геренния Дексиппа, которые обращаются к *Zeitgeschichte*, что обусловлено было историческими потрясениями, свидетелями и участниками которых стали эти авторы³⁵.

Во-вторых, показательно, что среди разных направлений греческой историографии римского времени были довольно широко представлены местные истории, хотя, пожалуй, и в меньшем объеме, нежели в эллинистический период³⁶. К сожалению, этот пласт исторической литературы дошел до нас только во фрагментах или известен по заглавиям и упоминаниям несохранившихся произведений; тем не менее, с достаточной определенностью вырисовываются общие тенденции и особенности, характерные для этой разновидности литературы. В их числе можно отметить деятельность странствующих историков, которые (так же как и поэты) посвящали свои сочинения историческому описанию строя жизни различных полисов и, вероятно, действовали в рамках межполисных дипломатических связей, предполагающих сохранение коллективной памяти о родственных связях и взаимных контактах в прошлом³⁷. Об этой «локальной» (точнее, полисной и «этнической») историографии в разные периоды история греческого мира, анализируемой ныне в связи с проблематикой исторической памяти, существует немало исследований, что позволяет ограничиться кратким обзором.

Одним из представителей «локальной» историографии был грамматик Телеф из Пергама, который написал сочинение в пяти книгах по истории Пергама и его царей. Проявленный Телефом «местный патриотизм» не помешал

³⁴ Kemezis 2010. См. также: Kemezis 2014: 39–45.

³⁵ О Дексиппе см.: Махлаюк 2012 (с основной литературой). Новые публикации, появившиеся в большом количестве после открытия ранее неизвестных фрагментов «Скифской истории» Дексиппа (*Codex Vindobonensis Hist. gr. 73*), см. в: Rollinger 2019: 297–298, п. 1.

³⁶ Bowie 1970: 19–22. Из новых работ по теме можно указать: Orsi 1994; Schepens 2001; Clarke 2005; Clarke 2008; Raimondi 2010 (об аттидографях в эпоху Империи, с предшествующей литературой об этом жанре); Thomas 2019; Toder 2017 и 2019.

³⁷ Clarke 2005: 117–122.

ему стать наставником Луция Вера и, в числе прочих трудов, создать произведение в двух книгах под названием «О Себастейоне», храме Августа в Пергаме (Suda. τ 495; FGrH 505; *SHA. L. Ver.* 2.5). Критон из Пиерии (вероятно, II в. н. э.), написавший сочинение «О Паллене» (FGrH 277), стал автором перигезы Сиракуз, которая начинается с изложения основания полиса. О Самосе писал Потамон Митиленский (нач. I в. н. э.) (FGrH 147), о Карию — Аполлоний из Афродисиады (FGrH 740) и Леон из Алабанды (FGrH 278). Ксенофонт Эфесский, перу которого принадлежит греческая повесть о Габрокоме и Антии, был автором сочинения об Эфесе, написанного, скорее всего, в жанре перигезы (Suda, s. v. *Ξενοφών Ἐφέσιος*). Тимаген Милетский, «историк и ритор» (Suda. τ 590), по-видимому, написал историю Гераклеи Понтийской (FGrH 435). Малоизвестный Тесей составил «Историю Коринфа» в трех книгах (FGrH 453). Среди многочисленных сочинений (преимущественно по медицине) Гермогена из Смирны были и две книги по истории его родного города и одна книга — об отечестве (*ἱστορικὰ δὲ Περὶ Σμύρνης... καὶ πατρίδος*), а также труды об основании городов в Азии и Европе (FGrH 579 = I.Smyrna 536). Из греческой надписи II в. н. э. на базе статуи из Лабранды известно имя грамматика Тиберия Клавдия Антерота, которого Ареопаг, Совет Пятисот и афинский народ удостоили почестей за многолетнюю преподавательскую и ученую деятельность, а также за то, что в своих трудах он привлек внимание греков к славным достижениям отечества: *ὅτι τὰ τῆς πατρίδος καλὰ εἰς μ[έ]σους τοὺς Ἕλληνα[ς] προήγαγεν διὰ τῶν ἐπιχωρίων ἱστοριῶ[ν] [ἐ]νδοξότερα ἐκί>ναи* (I.Labraunda 66)³⁸. Публию Антею Антиоху (II в. н. э.) из киликийских Эг принадлежал труд «О родине» (*Περὶ τῆς πατρίδος*), который, вероятно, включал разыскания о легендарном основании города (FGrH 570)³⁹. Сохранилась также греческая надпись, содержащая послание от совета, народа и магистратов Аргоса Эгам, в котором прославляются ученость, добродетели и благое расположение Антиоха по отношению к родному городу, а также ум и рвение ученого мужа, проявленные при изучении родственных связей между обоими городами, восходящих к глубокой древности⁴⁰. Согласно греческой надписи I или II в. н. э., народ Самоса посвятил Гере статую историка Ксенофонта, сына Ариста (IG 12.6,308 = FGrHist 540a T 1), который, возможно, писал о местной истории города⁴¹, как и его земляки Леон, сын Аристора, и Дионисий, удостоенные такой же чести в эллинистический период (IG 12.6.1, 285 = FGrHist 540 T 1; IG 12.6.1.100). Эти и подобные им

³⁸ Chaniotis 1988: 317–318. Это свидетельство, прямо указывающее на продолжение традиций местного историописания в Афинах, почему-то не учитывается М. Раймонди (Raimondi 2010).

³⁹ См. о нем также: *Philostr.* VS. 2.4 (586). Ср. Bowie 2010: 206.

⁴⁰ Puech 2002: 68–74, No. 10, v. 17–20 (с текстом, французским переводом и комментарием надписи). [*Ἐπειδὴ Πόπλιος Ἄντειος Ἀντίοχος ἐπιδαμήσας ἀμὼν τῆι πόλι κοσ[μ]ίως καὶ φιλοφρόνως. ἔν τε τοῖς λοιποῖς ἐπεδείξατο τὰν ἰδίαν κα[λο]καγαθίαν κ]αὶ τὰν ἐν παιδείᾳ τελειότατα, οὐκ ἦριστα δὲ ἐν τῆι [περὶ τὰν πατρ]ῖδα σπουδᾶι τε καὶ διαθέσει... О почестях историкам со стороны полисов см. прежде всего основополагающую работу: Chaniotis 1988; полезна также недавняя диссертация: Jia Hao Chin 2015.*

⁴¹ Clarke 2005: III–112.

свидетельства источников подтверждают, что местные истории многих городов были востребованы грекоязычным населением Империи⁴².

Культурно-исторические сочинения, стихотворные или прозаические перизегезы, труды антикварного характера на греческом языке, авторы которых проявляли особенный интерес к сюжетам и темам по древнейшей истории и мифологии эллинов, были довольно распространены в первые века н. э., и вряд ли правомерно рассматривать их только как форму ухода от современной действительности⁴³. Сохранившиеся сведения об Антиохе из Эг и другие свидетельства показывают, что подобного рода разыскания относительно эллинских древностей, родственных связей и заслуг отдельных полисов носили вполне прикладной характер и активно практиковались в римское время (как, впрочем, и в эпоху эллинизма) для обоснования тех или иных притязаний греческих городов на благосклонность правителей, высокий статус и желанные привилегии от властей. По верному замечанию А. Ханиотиса, «эта заинтересованность городов в позитивном представлении собственной истории не являлась проявлением нарциссизма, но была тесно связана с исторической традицией, ролью историографии в межполисных отношениях, местом историописания в международном праве античного мира и с легитимностью всякого рода претензий»⁴⁴. При этом необходимая аргументация и информация о древнейшем возникновении городов (εὐγένεια и ἀρχαιότης) черпалась из материала сборников, содержащих сведения по мифологии, из эпической поэзии, исторических сочинений, устных местных преданий и т. д.⁴⁵, а также подкреплялась свидетельствами религиозной традиции, касающейся культа богов и их покровительства городам⁴⁶. Вслед за Г.-И. Герке такой полисоцентричный взгляд на прошлое можно назвать «целенаправленной историей» (intentional history), подразумевающей, что ценности и цели той или иной социокультурной группы становятся определяющими в решении вопроса о достоверности исторического знания, цель которого — способствовать сплочению и достижению подлинной идентичности данной общности⁴⁷.

Распространением такого видения прошлого занимались не только историки и поэты, но прежде всего риторы, которые, выступая с эпидейктическими речами по поводу разных событий на празднествах и торжествах, соответствующим образом доносили информацию до своих слушателей. Не случайно, видимо, Менаандр-ритор (III в. н. э.), говоря в своем трактате «О родах эпидейктического красноречия» о такой разновидности энкомия, как похвала городу (Πῶς χρὴ πόλεις ἐπαιεῖν), уделяет большое внимание тому, что и каким образом

⁴² Подробнее см.: Tober 2017 (с другими примерами).

⁴³ Такая мысль звучит у Bowie 1970: 22.

⁴⁴ Chaniotis 1988: 363.

⁴⁵ Heller 2006b.

⁴⁶ Подробно см.: Chiai 2013.

⁴⁷ Gehrke 2001: 286, 298.

следует говорить об основании и славных достижениях полиса (*Menand. Rhet.* I, p. 353–367 Spengel; II, p. 383, 426, 429 Spengel⁴⁸; ср. [*Dion. Hal.*] *Ars rhet.* 1.7 sqq.). И такое знание местной истории, несомненно, служило важным фактором формирования локальной (полисной) идентичности⁴⁹ и, стало быть, того комплекса чувств, которые с полным основанием можно назвать патриотическими.

Это знание оказалось весьма востребованным в связи с созданием в 131/132 г. н. э. императором Адрианом (возможно, по инициативе самих греков⁵⁰) Панэллениона (*Πανελληνιον*) — религиозно-культурного объединения старинных греческих городов (известно о членстве 33-х полисов и *ethnê*) с центром в Афинах, призванного, среди прочего, актуализировать память об основании городов, их родственных связях, о первенствующих городах некогда процветающей Эллады и в то же время подчеркнуть взаимодополняемость греческого прошлого и римского настоящего⁵¹. Многие города, особенно в Малой Азии, возникшие отнюдь не в древнейшие времена, направляли посольства в полисы материковой Греции, чтобы установить с ними узы престижного родства, апеллируя к мифологическому и историческому прошлому⁵². Но некоторые города с самого начала не допускались в это религиозно-культурное объединение (например, Смирна, Эфес, Пергам и полисы западной части Империи), что позволяет говорить о главенствующей роли Рима в определении эллинской идентичности в случае с Панэлленионом⁵³.

Кроме того, исторические материалы и аргументы обычно выносились на суд римских властей, от которых зависели соответствующие преференции⁵⁴. Так, в период правления императора Тиберия посольства лакедемонян и мессенцев оспаривали в римском сенате право владения храмом Дианы Лимнатиды, причем одни ссылались на «упоминания в исторических сочинениях и стихи поэтов» (*annalium memoria vatunq̄ue carminibus*), а другие — на старинные надписи, вырезанные на камне или бронзовых досках (*monimenta q̄ue eius rei sculpta sax̄is et aere prisco*) и готовы были при необходимости привести дополнительные свидетельства поэтов и летописцев (*quod si vatum, annalium ad testimonia vocentur, pluris sibi ac locupletiores esse*) (*Tac. Ann.* 4.43). В 26 г. н. э. сенаторы в присутствии императора разбирали спор II малоазийских городов о том, в каком из них возвести храм в честь Тиберия. При этом посланники

⁴⁸ Цит. по: Russel, Wilson. Об этом виде энкомиев см.: Pernot 1993: 187–189.

⁴⁹ Ando 2010: 18 ff.

⁵⁰ Jones 1996. Есть, однако, снования полагать, что это объединение имело целью упрочить интеграцию греческих городов в Римской империи. См.: Perissato, Kormikiari 2017.

⁵¹ См.: Spawforth, Walker 1985 и 1986; Willers 1990; Jones 1996; Romeo 2002; Doukellis 2007.

⁵² См.: Weiß 1984; Jones 1999: 106–121; Heller 2006b. По всей видимости, упомянутый выше Антей Антиох был участником такого рода посольства. Ср. надпись с упоминанием подобной миссии Гиерона Лисимаха в Сидиме (*TAM II*, 1, 174).

⁵³ Spawforth 1999: 352.

⁵⁴ См.: Franco 2010: 567–584.

городов указывали на древнее происхождение и славу своих полисов, преданность римлянам в прежних войнах, родство с этрусками, а также природно-климатические преимущества (*Tac. Ann.* 4.55–56). Со своей стороны, римские власти тоже прибегали к подобного рода аргументации, как, например, император Адриан, упомянувший прославленных эллинских и римских поэтов в послании городу Нарике в Локриде относительно статуса этого поселения (*SEG LI, 641, ll. 16–18*)⁵⁵.

* * *

Таким образом, апелляция к славному историческому прошлому Эллады могла иметь и вполне прагматический эффект в отношениях греков с римской властью; порой судьба греческих городов в критических ситуациях оказывалась в сильной зависимости от степени их древности и исторического значения⁵⁶. Примечательны в этом плане несколько исторических анекдотов. Если верить Аппиану, Цезарь после битвы при Фарсале простил взывающих к милости афинян из уважения к их былой славе, произнеся: «Сколько же раз вас, которые сами себя губят, еще спасет слава ваших предков!» (*App. BC.* 2.88). Аналогичным образом поступил и Октавиан в отношении александрийцев. Когда после взятия Александрии он вступил в город вместе со своим наставником, философом-стоиком Ареем, то, по свидетельству Плутарха, «александрийцам, опасавшимся крайних строгостей и умолявшим о пощаде, он объявил прощение, во-первых, ради величия их города, во-вторых, ради его основателя Александра, а в-третьих, (сказал он), “потому, что я хочу этим доставить удовольствие моему другу”» (*Plut. Praes. ger. rei publ.* 18 = *Mor.* 814D, пер. Л.А. Ельницкого. Ср.: *Plut. Ant.* 80). Даже легендарное прошлое могло стать весомым аргументом для благосклонного отношения римлян к тому или иному греческому городу, как показывает рассказ Павсания о решении императора Антонина Пия придать аркадскому поселку Палантий статус самоуправляющегося города: он был признан таковым и освобожден от податей лишь на том основании, что аркадяне, прибывшие во главе с Евандром в Лаций и основавшие город на берегу Тибра, получивший название Палантий, были родом из Палантия в Аркадии; впоследствии по имени Палантия стал называться один из холмов Рима (*Paus.* 8.43.1–2).

В то же время напоминание о достославных деяниях седой старины, ставших предметом законной гордости греков римского времени, могло оказаться политически неуместным и приводить к печальным последствиям. На это Плутарх обращает внимание в известном пассаже из «Наставления по управлению государством», подчеркивая несопоставимость нынешних обстоятельств (т. е. зависимость эллинов от римских властей) и стародавних вре-

⁵⁵ Об этой греческой надписи см.: Knoepfler 2006.

⁵⁶ Ср. Alcock 2002: 43, 50–51; Alcock 1993: 129–171.

мен⁵⁷: «Когда же правители наших городов безрассудно понуждают народ подражать деяниям предков, их гордости, их подвигам при всей несоразмерности их условий и положений современным обстоятельствам, то они лишь нехоти возбуждают толпу, выставляя себя на смех, хотя положение у них отнюдь не смешное, если не вовсе презренное» (*Plut. Praes. ger. rei publ.* 17 = Mor. 814A, пер. Л.А. Ельницкого). Здесь же Плутарх указывает на необходимость обращаться к тем примерам из прошлого, которые «полезны для воспитания и улучшения нынешних нравов»⁵⁸, и категорически заявляет, что «такие подвиги, как при Марафоне, Евримедонте и Платеях, могут лишь наполнять души народа напрасной гордостью и должны быть предоставлены риторическим школам» (*Praes. ger. rei publ.* 17 = Mor. 814B–C)⁵⁹. В этих словах херонейского мыслителя обнаруживается признание, с одной стороны, того, что подобные апелляции к историко-патриотическим чувствам рядовых граждан имели место, а с другой — что такие обращения находили живой отклик, порой в таких масштабах, что это могло повлечь за собой прямое вмешательство римских властей (правда, о таких случаях почти ничего неизвестно⁶⁰). Софисты же, обращавшиеся к темам, связанным с героическим прошлым Эллады, в частности, с греко-персидскими войнами, обычно действовали осторожно, чтобы не вызвать подозрений в каком бы то ни было сопротивлении Риму⁶¹.

Более того, в литературе высказывается мнение, что идеи и образы, связанные с греко-персидскими войнами и разрабатываемые авторами Второй софистики, были адаптированы и использовались римлянами применительно к противостоянию с парфянами, а позже и с Сасанидами (и те, и другие рассматривались в качестве «реинкарнации» Ахеменидской державы), которое в римской идеологии и пропаганде стало толковаться как противоборство цивилизации и варварства, Запада и Востока (причем символическим выражением этого противоборства стал образ богини Афины как идеального во-

⁵⁷ О политическом реализме Плутарха, отразившемся в этом трактате, см.: Massaro 1995.

⁵⁸ Анализ исторических примеров, на которые ссылается Плутарх в этом сочинении, см.: Schmidt 2009.

⁵⁹ Как красноречиво, но все-таки слишком категорично писал по этому поводу Т. Моммзен, «эллинский гражданин и теперь мог исполнять свой долг по отношению к родине; но для настоящего политического честолюбия, стремящегося к великим деяниям, для страсти какого-либо Перикла или Алкивиада в этой Элладке не было нигде места, за исключением, пожалуй, письменного стола; и на ничем не заполненном пространстве произвольно разрастались ядовитые травы, которые там, где подавляются высокие порывы, гложут человеческую грудь и отравляют человеческое сердце» (Моммзен 1949: 246). Такая оценка, на наш взгляд, субъективна, не учитывает всей совокупности специфических культурно-исторических и политических процессов в грекоязычных областях Римской империи.

⁶⁰ Сам Плутарх в данном трактате ограничивается лишь глухими намеками на такого рода события в Сардах в начале I в. н. э. (*Praes. ger. rei publ.* 17 = Mor. 813F; *Praes. ger. rei publ.* 32 = Mor. 825D), связанные с неким Пардалом, видимо, местным магистратом, а также — на Родосе при Домициане и в Фессалии при Августе (*Praes. ger. rei publ.* 19 = Mor. 815D).

⁶¹ См.: Oudot 2010.

площения общего для греков и римлян прошлого, единства их интересов)⁶². При этом подчеркивается роль в этом процессе самой греческой элиты, которая, по сути, укрепляла основы римской идеологии, прославляя традиции собственных полисов: афинские artes, спартанскую disciplina, победы над персами⁶³. Было бы, впрочем, неправомерно объяснять использование в римской идеологии мотивов, связанных с борьбой эллинов против Ахеменидской державы, только влиянием софистов, как это делает Р. Циглер⁶⁴: соответствующие представления и топосы получали распространение в римском обществе и другими способами, задолго до расцвета софистического движения⁶⁵.

Так или иначе, историческая память о героических победах эллинов над персами не была исключительно сферой творчества историков, поэтов или софистов, выступавших с декламациями на эти темы, использовавших риторическую топику и примеры в своих речах. Эта память имела и институциональное воплощение, прежде всего, в праздновании памятных дат, которые отмечались торжествами в тех или иных греческих городах. Часто именно достославные победы и свершения классической эпохи становились поводом для проведения ежегодных торжеств, которые справлялись на протяжении столетий, подобно, скажем, тем праздникам, которые перечисляет Плутарх, рассуждая о воинской славе Афин: «Но в шестой день боэдромиона город и поныне празднует победу при Марафоне. В шестнадцатый день совершаются возлияния вином в честь победы Хабрия в морском сражении у Наксоса. В двенадцатый день совершали благодарственные жертвоприношения за свою свободу, ибо в этот день пришли восставшие из Филы. В третий день этого месяца они одержали победу в битве при Платеях. Шестнадцатый день мунихиона они посвятили Артемиде, поскольку в этот день эллинам, одолевающим у Саламина, явилась богиня полнолуния. Мантинейское сражение добавило святости двенадцатому дню скирофориона» (*Plut. De glor. Athen.* 7 = Mor. 349E–F, пер. И. Рушкина).

Из дошедших до нас греческих надписей известно, что в Платеях раз в четыре года праздновались Элевтерии в честь Зевса Освободителя, с которым греки связывали победу над персами при Платеях в 479 г. до н. э. Накануне праздника проводился церемониальный диспут (διάλογος) по вопросу о том, представители какого из городов — Афин или Спарты — возглавят праздни-

⁶² Ziegler 2007: 151–168. См. также: Spawforth 1994; Spawforth 2012: 103 ff.; Hardie 2007; Bridges 2015; Makhlaiuk 2015. Иное мнение недавно высказал Р. Роллингер (Rollinger 2019), который полагает, что память о греко-персидских войнах не служила элементом «официальной» имперской идеологии и не проецировалась на противостояние Рима с парфянами или Сасанидской державой; при этом греческие интеллектуалы могли рассматривать это противостояние в свете извечной борьбы народов Европы и Азии. Все же для римской идеологии большее значение имели завоевания Александра Великого и война Рима с Антиохом III.

⁶³ Spawforth 2012, 57.

⁶⁴ Ziegler 2007.

⁶⁵ См.: Махлаюк 2012а; Makhlaiuk 2015.

ную процессию (*προπομπεία*). Начиная с правления Марка Аврелия и Луция Вера во время этого празднества представляющие афинян и спартанцев ораторы выступали с декламациями, прославляющими доблесть своих соотечественников⁶⁶. Но еще и в период правления императоров Нерона и Адриана память о битве при Платеях служила идеологическим средством в противостоянии Рима и Парфии⁶⁷. Данное мероприятие сопровождалось жертвоприношениями за благополучие и победы императоров. Не меньшим почитанием в качестве «места памяти» пользовался в период Империи и Марафон⁶⁸, где также продолжали справляться разного рода ритуалы и чествования, происхождение которых восходило к классической эпохе, но утратило в римское время афиноцентрический характер⁶⁹.

Говоря о взаимосвязи греческого патриотизма с культом прошлого, следует также подчеркнуть, что увлечение древнейшей и классической историей Эллады распространялось на такие разные сферы культуры, как календарь, системы мер, номенклатура личных имен и географических названий, особенности написания букв в греческих надписях, литературные стили и формы искусства, погребальные обряды, украшение зданий, определяя *habitus* городской элиты в целом⁷⁰. Ограничимся здесь только одним, но ярким примером, касающимся моды на личные имена. В небольшом городе Термессе в Писидии среди стандартного греческого ономастикона выделяется группа имен, распространенных среди местной знати и указывающих на приверженность их носителей (или их родителей) греческой культуре и историческому прошлому классической эпохи. Это такие имена, как Платон, Аталанта, Апеллес, Ахилл, Гомер, Ясон, Кадм, Клеон, Перикл, Солон, Сократ, Филолог⁷¹. Можно также упомянуть супружескую пару из Селге, принадлежавшую к сенаторскому сословию и исполнявшую жреческие обязанности, связанные с императорским культом: жена именовалась Aurelia Volussia Quirina Atossa, а ее супруг — Magnianus Perikles⁷².

Рассмотренный материал позволяет утверждать, что греческий патриотизм в эпоху империи, укорененный, в конечном счете, в гражданско-общинных структурах (хотя и трансформировавшихся в условиях римской власти), в значительной степени был обусловлен феноменом коллективной памяти, относящейся к историческому прошлому Эллады и отдельных полисов. Хранителями коллективной памяти выступали греческие интеллектуалы,

⁶⁶ См.: Robertson 1986. Об этом праздновании и других формах почитания памяти сражения греков при Платеях в императорское время см.: Jung 2006: 344–383.

⁶⁷ Robertson 1986.

⁶⁸ Так, например, Элий Аристид в своей «Панафинейской речи» заявляет, что победители при Марафоне само это место сделали символом доблести (Panath. 89–90).

⁶⁹ Подробно см.: Jung 2006: 205–224.

⁷⁰ Bowie 1970: 197–203; ср. Borg 2011: 213.

⁷¹ Van Nijf 2011: 228. Подробнее см.: Van Nijf 2010.

⁷² Nollé, Schindler 1991: 95–97, Nr. 20.

обращавшиеся к тематике исторического прошлого Эллады в разных формах и во многом конструировавшие это прошлое в соответствии с требованиями момента. Городская знать, к которой принадлежали эти интеллектуалы, поддерживала полисные институты и традиции ради собственного символического капитала и престижа, но в согласии с интересами Рима, для которого прошлое Эллады становилось частью и его истории. Для жителей греческих городов, с которыми так или иначе была связана идентичность почти тридцатимиллионного населения Римской империи⁷³, живая память об историческом прошлом Эллады, воплощенная в монументах, зрелищах, культах, ораторском искусстве и т. д., вызывала не только ностальгические чувства, но и особый дух гражданского патриотизма, который, по словам А. Джонса, надолго пережил политическую смерть греческого полиса в составе Римской империи⁷⁴.

В свете вышеизложенного трудно согласиться с утверждением П. Вейна, что греческая историография и особенно риторика Второй софистики стали своего рода «опиумом подавляемой идентичности» (*l'opium d'une identité opprimée*)⁷⁵. Скорее следует говорить об определенных трансформациях греческой идентичности, которая все более и более приобретала культурно-исторический и морально-психологический характер в ущерб политическим аспектам, которые поглощались «универсализмом» имперского государства⁷⁶. При этом Рим выступал покровителем эллинизма, позволяя грекам сохранять свою идентичность (в частности, благодаря культивированию исторического патриотизма) и используя культурно-историческое наследие греков для управления мировой державой⁷⁷. Важнейшей основой, послужившей развитию греческого патриотизма в эпоху Империи, стало признание римлянами за греческой коллективной идентичностью статуса, сопоставимого с их собственной идентичностью⁷⁸.

⁷³ Millar 2006: 134.

⁷⁴ Jones 1963: 7.

⁷⁵ Veyne 1999: 536.

⁷⁶ Desideri 2002: 233.

⁷⁷ Hidalgo de la Vega 2006. См. также: Махлаюк 2014.

⁷⁸ Kemezis 2014a: 399. Как показывает часто цитируемый пассаж из письма Плиния Младшего, адресованного, вероятно, С. Квинтилию Валерию Вару Максиму, который в качестве *corrector*'а направлялся в провинцию Ахайя, образованные римляне отдавали должное уважение греческому прошлому, в том числе и как источнику собственной культуры и законов: «... тебя посылают в провинцию Ахайю, эту настоящую, подлинную Грецию, где, как мы верим, впервые появились наука, образование и само земледелие... посылают к людям, которые по-настоящему люди, к свободным, которые по-настоящему свободны и которые сохранили свое природное право доблестью, заслугами, дружбой и, наконец, договором, освященным религией. Чти имена богов основателей и имена богов, чти древнюю славу и ту самую старость, которая почтена в человеке и священна в городах. Воздавай почет древности, воздавай его великим деяниям, воздавай даже мифам... Всегда помни, что это та земля, которая дала нам право и прислала законы... что ты вступаешь в Афины, что ты правишь Лакедемоном: отнять у них последнюю тень свободы и оставшееся имя

* * *

Греческий патриотизм вполне органично вписывался в реалии римской мировой державы. Сами греческие писатели, надо сказать, в большинстве своем высоко оценивали благотворность римской власти и *Pax Romana* для Эллады. В своих рассуждениях на эту тему они остаются патриотами Эллады и, как правило, отмечают значение греческой культуры и образованности для становления *Imperium Romanum*. Приведем ряд наиболее красноречивых высказываний на этот счет.

По словам Филона Александрийского (который в данном случае выражает мнение эллинизированной элиты), Октавиан Август не только положил конец гражданским войнам среди римлян, но и «излечил болезни, которыми страдали равно греки и варвары», дал свободу городам, упорядочил хаотическое положение вещей и все это совершил, по мысли автора, благодаря тому, что «Элладу расширил многими Элладами, а варварские земли в главнейших частях настроил на эллинский лад (ἀφ'ελληνίσας)» (*Philo. Leg. ad Gaium*. 21[147], пер. О.Л. Левинской). По существу, распространение греческой культуры здесь трактуется в качестве одной из основ римского имперского миропорядка. Как бы ни оценивать степень искренности подобных деклараций, они характеризуют, во всяком случае, притязания грекоязычного мира на особую роль в составе Римской державы и очевидным образом перекликаются с выводами современных историков, которые, как, например, П. Вейн, видят в эллинизации один из факторов процесса культурной глобализации, происшедшего в Римской империи⁷⁹.

Близкие к точке зрения Филона идеи звучат у Плутарха, который решительно опровергает мнение Катона Старшего, считавшего, что знакомство римлян с греческой ученостью погубит римское могущество. Напротив, по мнению автора сравнительных жизнеописаний, Рим достиг вершины своего могущества и при этом с полной благожелательностью воспринял эллинскую ученость и образование⁸⁰ (πρὸς Ἑλληνικὰ μαθήματα καὶ ἄπασαν ἔσχεν οἰκείως) (*Plut. Cat. Mai.* 23.3). Аналогичную мысль высказывал и Страбон, для которого приобщение римлян к более высокой культуре способствовало успешному завоеванию новых территорий: «римляне в древности, воюя с дикими племенами, вовсе не нуждались в таких средствах просвещения (τῶν τοιοῦτων παιδευμάτων), но с того времени как стали иметь дело с более культурными народами и племенами, они обратились к такому же образованию (ταύτῃ τῇ ἀγωγῇ) и сделали владыками над всеми» (*Strabo*. IX. 2. 2, пер. Г.А. Стратановского). Диони-

свободы было бы зверской, варварской жестокостью» (*Plin.* Ep. 8.24.2–4, пер. А.И. Доватура). Ср. мнение Цицерона, высказанное в одном из писем брату (*Ad Quint. fr.* 1.1.27–28) и в речи «В защиту Флакка» (*Pro Flac.* 26.61) о Греции, ставшей для Рима источником наук и искусства.

⁷⁹ Veyne 2005: 353.

⁸⁰ В переводе С.П. Маркиша во второй части фразы дается уступительное придаточное с союзом «хотя», но в греческом оригинале нет оттенка уступки.

сий Галикарнасский, в свою очередь, связывал с установлением римской власти над греческим Востоком возрождение эллинской культуры, в частности, обращение к аттической классике, расцвет красноречия, появление многочисленных исторических и философских трудов: «Причина такого поворота заключается в том, что Рим, покорив весь мир, заставил все города обратить на себя внимание, и [римляне], владычествуя сообразно доблести и наилучшим образом управляя государственными делами, оказались людьми весьма хорошо образованными и превосходными в суждениях, благодаря чему благоразумную часть города они сделали еще лучше, а неразумную заставили поумнеть»⁸¹.

Подлинную апологию гармоничных взаимоотношений римлян и грекоязычных жителей провинциальных городов представляет Элий Аристид в своем энкомии «К Риму»⁸². Установленный римлянами порядок для Элия Аристида — это «полная» и «всемирная» демократия (πάση δημοκρατία, κοινή τῆς γῆς δημοκρατία) (Or. 26.38–39; 60 Keil)⁸³, великая держава, охватывающая «весь населенный мир» (Ibid. 61), с обширностью и достижениями которой не могут сравниться ни варварские, ни эллинские государства прошлого. Эта держава, подобна городу с общим гражданством, и Рим, в отличие от других, властвует не над народами, а над городами (Ibid. 93: ὑμᾶς δὲ πόλεων ἄρχοντας μόνους); под этой благодетельной властью процветают и эллины, о которых римляне заботятся как о своих наставниках (Ibid. 94–99). В выполнении цивилизаторской миссии римляне превосходили Афины, которые первыми упорядочили строй и способ жизни (Ibid. 101); в то же время Элий Аристид отмечает в «Панафинейской речи», что Афины, первыми ставшие оплотом знания и благочестия, вновь первенствуют среди всех греков и столь же счастливы, как и во времена своей гегемонии (Or. 1.332–335). Таким образом, Аристид, образованный и всецело лояльный Риму эллин, характеризует Империю, по-существу, как единый греко-римский мир, основными центрами которого являются Рим и Афины. В данном случае можно говорить об общегреческом патриотизме, ядро которого составляет законная гордость за культурно-исторические достижения греческого народа.

⁸¹ *Dion. Hal. De antiq. orat. 3: αἰτία δ' οἶμαι καὶ ἀρχῆς τῆς τοσαύτης μεταβολῆς ἐγένετο ἢ πάντων κρατοῦσα Ῥώμῃ πρὸς ἑαυτὴν ἀναγκάζουσα τὰς ἄλλας πόλεις ἀποβλέπειν καὶ ταύτης δὲ αὐτῆς οἱ δυναστεύοντες κατ' ἀρετὴν καὶ ἀπὸ τοῦ κρατίστου τὰ κοινὰ διοικούντες, εὐπαίδευτοὶ πάνυ καὶ γενναῖοι τὰς κρίσεις γενόμενοι, ὑφ' ὧν κοσμούμενον τὸ τε φρόνιμον τῆς πόλεως μέρος ἔτι μᾶλλον ἐπιδέδωκεν καὶ τὸ ἀνόητον ἠνάγκασται νοῦν ἔχειν.* Эта картина явно контрастирует с той, что была незадолго до Дионисия зафиксирована Цицероном, который писал, что в Афинах наука давно уже исчезла и что афинянам чужды научные занятия, «коими увлечены лишь чужеземцы, плененные, так сказать, именем и славою города» (*Cic. De orat. 3.43*, пер. В.О. Горенштейна).

⁸² Об этой речи см., в частности: Oliver 1953; Vannier 1976; Cortés Copete 2007 (особенно p. 418–425); Fontanella 2008; Pernot 2008.

⁸³ Анализ соответствующих представлений Элия Аристида (которые, скорее всего, не так однозначны, как может показаться на первый взгляд) в сопоставлении с концепциями других греческих авторов см.: Марков 2013.

В подтверждение греко-римского единения, характерного для имперского сознания, можно привести любопытный исторический анекдот, сохранившийся в одном из фрагментов анонимного продолжателя «Римской истории» Кассия Диона⁸⁴. Сюжет касается, судя по всему, завоевания Афин герулами в 267/8 г. н. э. Рассказывается, что когда в правление императора Клавдия Готского скифы, захватив Афины, собрали все книги и решили их сжечь как бесполезную добычу, один из варваров, слывший среди них умником, помешал это сделать, пояснив, что пока римляне занимаются этими книгами, им не до войны. На это безымянный историк замечает: «Сказал он это по невежеству (ὡς ἄπειρος): ведь если бы он знал о доблестях афинян и римлян, которые равно прославились и в словесности (ἐν λόγοις), и в военных делах, то так бы не говорил». Вне зависимости от достоверности содержания этого пассажа, ремарка позднеантичного автора указывает на то, что с его точки зрения, военные и культурные достижения цивилизованных народов, в отличие от варваров, неразрывно связаны друг с другом; более того, безымянный историк, по сути дела, констатирует общность истории греческого и римского народов, которые вместе противостоят варварскому миру. Таким образом, на пороге уже византийской эпохи греки и римляне оказываются единым целым, лишенным былого противопоставления римского превосходства в воинской доблести греческому приоритету в сфере культуры.

Несмотря на неоспоримые выгоды и благо *Pax Romana*⁸⁵, греческие интеллектуалы вполне осознавали и теневые стороны нового миропорядка, на что обращает внимание, в частности, Плутарх: «В нынешнее время народы не нуждаются более для сохранения мира в государственных деятелях. Оставили нас и исчезли все эллинские и все варварские войны. Свободы у народов столько, сколько ее жалуют владыки; большего, вероятно, и не нужно» (*Plut. Praes. ger. rei publ.* 32 = Mor. 824C, пер. Л.А. Ельницкого). По сути дела, признается, что за блага мира приходится платить зависимостью от воли римской власти, а реальное политическое влияние греков ограничивается городским самоуправлением, причем в установленных римлянами пределах. В том же трактате Плутарх напоминал своим соотечественникам, стремящимся к политической деятельности, о неустранимом римском доминировании⁸⁶: «Он (Перикл) должен сказать себе и нечто иное: “Ты правишь, но и тобою правят, и город твой подчинен проконсулам, цезаревым наместникам!” Тут тебе не “копье, что владычит над землями”, не древние Сарды, не держава лидий-

⁸⁴ FHG. IV, p. 196, 9. 1; ср. *Zonar.* XII. 26 с почти дословным повторением этого эпизода. Ф. Миллар считает, что это был византийский историк VI в. Петр Патриций (Millar 1969: 12).

⁸⁵ Ср.: «Ведь нынче всюду прочный мир и спокойствие, нет больше ни войн, ни переселений, ни мятежей, не существует тирании, нет прочих бед и болезней Эллады, как будто они исцелены действием необыкновенных лекарств» (*Plut. De Pyth. or.* 28 = Mor. 408B–D, пер. Л.А. Фрейберга). Ср. также: *Plut. De fort. Rom.* 2 = Mor. 317C; *De tranq. an.* 9 = Mor. 469E.

⁸⁶ Madsen 2006: 65–66.

цев. Попроще надо шить хламиду, не забывать о преторе, стоя на месте для ораторов, и не возлагать непомерных горделивых упований на свой веночек, видя римский сапог над головой (τοὺς καλπίους)⁸⁷» (Praes. ger. rei publ. 17 = Mor. 813E–F, пер. С.С. Аверинцева). Дион Хрисостом, говоря о современном положении эллинов в составе Римской державы, характеризует его еще более резко, используя понятия «мир» и «рабство» (εἰρήνη καὶ δουλεία): первое из них всеми одобряется, а второе, по словам ритора, уже не означает низкого статуса (οὐκ ἔστι κακίας σημεῖον) (Dio Chrys. Or. 31.125). С точки зрения Диона, ревностное соперничество греческих городов за почести, первенство и престиж в религиозных церемониях выглядит смешным, как спор о тени осла, потому что право предводительствовать и властвовать принадлежит другим (Or. 34.48), т. е. римским наместникам, которые, предоставляя такую возможность эллинам, как игрушку детям, могут добиваться своих корыстных целей (Or. 38.37–38). В таких условиях те почетные титулы (νεωκόρος, πρῶτη, μητρόπολις), за которые соперничали между собой греческие города и в которых находил выражение их полисный патриотизм, представляли собой также своеобразное подтверждение лояльности императорской власти⁸⁸. Поэтому было бы ошибкой усматривать в отдельных критических выпадах в адрес римской власти, подобных высказываниям Диона Хрисостома, или в демонстративном подчеркивании греками своего локального или культурно-исторического патриотизма проявление сколько-нибудь серьезной оппозиционности и тем более скрытого сопротивления Риму⁸⁹.

Вместе с тем, греческие интеллектуалы, при всем своем политическом реализме, резиньяции и лояльности в отношении римской власти были не против получить больше свободы в ее полисном понимании «сверху», из рук императора. На такое желание указывают, в частности, оценки, которые даются в греческой литературе «освобождению» Эллады Нероном. Судя по всему, это «освобождение», провозглашенное Нероном в 67 г. н. э. в Коринфе во время проведения Истмийских игр и касавшееся только провинции Ахайя⁹⁰, было с энтузиазмом воспринято греками, которые связывали с этим актом возрождение «дорийских и аттических нравов» и межгреческого согласия — во всяком случае, в этом смысле высказывается Аполлоний Тианский, главный персон-

⁸⁷ В данном случае имеются в виду римские calcei — красные сапоги, которые носили римские магистраты, занимавшие курульные должности. О значении и контексте этого знаменитого высказывания Плутарха см.: Kokkinia 2006.

⁸⁸ Stephan 2002: 148 ff. О различных аспектах и формах соперничества между греческими городами в целом см.: Heller 2006a: 125–341; Heller 2006b; Guerber 2009.

⁸⁹ Это достаточно убедительно показывает в своих работах Дж. Мадсен, выступая против ранее распространенной точки зрения, согласно которой многие греческие интеллектуалы были «врагами римского порядка», выражавшими свою оппозиционность косвенным образом — через акцентирование превосходства греческой культуры (см., например: MacMullen 1966: 189–190, 244). См.: Madsen 2006; Madsen 2014. См. также специально о Дионе Хрисостоме: Méthy 1994.

⁹⁰ Об этом акте Нерона см., например: Pavan 1984; Levy 1991.

наж романа Филострата (VA. 5.41). По словам же Плутарха, император Нерон, несмотря на свою порочность и преступления, «заслужил от богов благоволения хотя бы за то, что освободил лучший и благочестивейший из подданных ему народов — эллинский» (*De sera numinis vindicta*. 32 = *Mor.* 567F–568A, пер. Л.А. Ельницкого). Напротив, Павсаний, хотя и одобрительно относится к этому жесту Нерона, отмечает, что затем у греков вновь начались междоусобицы и мятежи, так что Веспасиану пришлось вернуть уплату податей и правление наместника, сославшись на то, что элины провинции Ахайи отвыкли от свободы — ἀπομεμαθηκέναι... τὴν ἐλευθερίαν τὸ Ἑλληνικόν (*Paus.* 7.17.2).

В целом же следует признать, что отношения греческой культуры и римской власти были скорее комплиментарными, нежели оппозиционными по отношению друг к другу (и эта точка зрения доминирует в современной историографии)⁹¹. Империя римлян подвергалась *interpretatio Graeca* в трудах греческих риториков и историков, которые осмыслили ее в греческих понятиях и в свете греческих ценностей, отводя Риму политическое господство в настоящем, а область культуры и истории делая прерогативой греков⁹², которые, как видно из приведенных выше слов Плутарха, считали себя «лучшим и благочестивейшим из подвластных [Риму] народов» (τὸ βέλτιστον καὶ θεοφιλέστατον γένος). Вместе с тем, эллинское прошлое представляло собой, по определению Ф. Миллара, «систему отсылок (a frame of reference) и канал коммуникации» между римской властью и греческими подданными⁹³. Такой имперский эллинизм был выгоден римлянам, поскольку функционировал не столько как способ самодифференциации греков, сколько как инструмент имперской ассимиляции, обеспечивающий интеллектуальную и идеологическую основу для мировой Римской державы; и немалый вклад в объединение греко-римского населения, связанного с совместным вкладом в прошлое, внесли деятели Второй софистики⁹⁴.

* * *

Таким образом, греческий патриотизм в его «имперской модификации» нисколько не противоречил процессам идеологической консолидации Римской империи, а, напротив, питал их. Этим, видимо, можно объяснить разного рода — прямую и косвенную — поддержку культурно-исторических (архаизирующих) устремлений греков, которую они получали от императоров и римских властей в целом. Римляне не только не усматривали в греческом возрождении какой бы то ни было угрозы для себя, но и сами включались в

⁹¹ Обзор историографии, посвященной вопросам взаимоотношения властей Римской империи и эллинского мира, см.: Hoët-Van Cauwenberghe 2011.

⁹² Pernot 1998: 142, 144–145.

⁹³ Millar 1969: 12.

⁹⁴ Connolly 2007: 31.

процесс конструирования общего исторического прошлого, понимая, что локальный (полисный) патриотизм, как хорошо им известная привязанность к «малой родине»⁹⁵, не ведет к политическому сепаратизму, пока существует, по выражению Либания, та «золотая цепь римской власти» (τῆ δὲ Ῥωμαίων οἶον σείρῃ χρυσῇ τὰ πάντα ἐζώνυυ), которая превращала Империю в союз городов (Or. XI. 129). В такой ситуации императоры выступали по отношению к городам в качестве покровителей и благодетелей, которые осознанно пестовали городскую культуру, получая взамен не только культовое почитание, выражавшее политическую лояльность, но и уникальное сочетание локального и общеимперского патриотизма. Это обстоятельство, разумеется, не могло не придавать известную амбивалентность греческому патриотизму, содержание и интенции которого нашли отражение в рассмотренных выше свидетельствах. С одной стороны, этот патриотизм, сохранявший определенную преемственность с патриотизмом времен независимости греческих полисов, черпал свою силу и жизненность как в сравнительно далеком историческом прошлом, так и в культурных усилиях настоящего, которые ложились на плечи городской знати и интеллектуалов, но были востребованы и массой рядовых граждан, пользовавшихся в разных формах «процентами» с того символического капитала, что приобретался благодаря полисному эвергетизму. С другой стороны, социально-политическая ситуация, в которой пребывали греческие города Римской империи, побуждала их знать проявлять лояльность по отношению к верховной власти. И в той степени, в какой это отношение было искренним (или, по меньшей мере, не вынужденным прямым давлением) и вызывало ответный отклик со стороны римских властей, города греческого Востока обладали возможностью для стабильного и благополучного развития в составе средиземноморской державы.

При всем при этом существовало своего рода «разделение труда» между западной (латинской) и восточной (греческой) частями империи с точки зрения их вклада в обеспечение имперского порядка. Если западная часть Империи обеспечивала рост военного потенциала державы, то греческий Восток, заметно уступавший в этом отношении западным провинциям⁹⁶, брал на себя главным образом общекультурную миссию, способствуя превращению державы римлян в действительно *греко-римскую* империю⁹⁷. Локальный и культурно-исторический патриотизм, который практиковали (подчас ис-

⁹⁵ См., например: *Cic. De leg.* 2.2.5; *Plin. Ep.* 1.8; 5.7.

⁹⁶ По заключению Э. Боуи в своем отношении к военной службе в эпоху Империи греки (и элита, и низшие слои) очень сильно отличались от латиноговорящих жителей Африки и западных провинций; для них заменой воинской ἀρετή служили атлетика и софистика (Bowie 2014, особенно 64 ff.).

⁹⁷ Ср.: Veune 2005: 11. С этой точки зрения, безусловно, прав Дж. Арнасон, который отмечает, что власть в Империи не могла быть римской без включения в свою практику специфических элементов греческой культурной идентичности, а культура не могла оставаться греческой без приспособления к реалиям имперской власти, которые требовали иных способов адаптации по

кусственно и своекорыстно) греческие интеллектуалы и городские нотабли в своих родных полисах, не только питал щедрый эвергетизм как своеобразную форму выражения патриотических чувств и способствовал обустройству империи, но в критических обстоятельствах мог оказаться действенной и спасительной силой, как показывает известный пример Публия Геренния Дексиппа. Этот афинский ритор и историк принадлежал к аристократической семье, возводившей свое происхождение к древнейшему роду Кериков и подарившей Афинам ряд софистов и видных эвергетов⁹⁸. В родном городе Дексипп занимал гражданские и жреческие должности и, скорее всего, принадлежал к сенаторскому сословию; его вполне можно отнести к софистам, но снискал он славу в Элладе своими историческими трудами, в которых большое внимание уделял истории Афин (IG II² 3625; FGrH 100)⁹⁹. В 267/8 г., когда Афины были захвачены герулами, именно Дексипп, будучи уже пожилым человеком, собрал и возглавил двухтысячный отряд из укрывшихся в горах сограждан, воодушевил их речью, в которой говорил о славных деяниях предков и о борьбе эллинов за свободу; в результате этот отряд после подхода римского флота освободил город от варваров (FGrH 100 F 28; *SHA. Gall.* 13.7; *Synzell. Chron.*, p. 717 Bonn)¹⁰⁰. Подвиг Дексиппа, надо сказать, не был исключением. Известны и другие случаи, когда инициативу по отражению варварских набегов брали в свои руки представители городской аристократии. В 170-е гг. н. э., когда косто-боки напали на фокейский город Элатею, аналогичным образом действовал некий Мнесибул, победитель Олимпийских игр 162 г. н. э., который, однако, пал в бою (*Paus.* 10.34.5). Из содержания «Скифской истории» Дексиппа известно, что во время вторжения карпов в 248 г. оборону осажденного ими Маркианополя возглавил некий Максим, «человек из небогатого рода, но преданный философии» (FGrH 100 F 25). В новонайденном фрагменте дексипповой «*Scyrhica*» говорится, что во время вторжения готов в 262/263 г. н. э. греки для обороны Фермопильского прохода собрали отряды, во главе которых встали римлянин Мариан (вероятно, наместник Ахайи) и два грека — беотарх Дексипп и некий афинянин Филострат — «муж, выдающийся красноречием и умом» (ἀνὴρ λόγους καὶ γνῶμην κρατίστος)¹⁰¹. При этом, согласно тексту отрывка,

сравнению с теми, что служили для приспособления культурных моделей полиса к политическим структурам эллинистических государств (Amason 2011: 367).

⁹⁸ См.: Махлаюк 2012.

⁹⁹ См.: Mecella 2009.

¹⁰⁰ Ср. Millar 1969: 27–28. Недавняя попытка Р. Суски (Suski 2017) опровергнуть приписываемый Гереннию Дексиппу подвиг на том основании, что о нем не упоминается в известной надписи в честь историка и что автор биографии Галлиена (*SHA. Gall.* 6) мог спутать его с Дексиппом, упомянутым в новооткрытом фрагменте «Скифской истории» в качестве беотарха, не представляется достаточно убедительной.

¹⁰¹ Mallan, Davenport 2015 (с переводом греческих фрагментов на английский язык). Авторы убедительно возражают Г. Мартину и Я. Грушковой, которые отождествляют Мариана с военачальником (dux), упомянутым в биографии Галлиена (*SHA. Gall.* 6.1), и относят описываемые события

Мариан, подобно Дексиппу Афинскому, обратился к греческим ополченцам с воодушевляющей речью, напомнив им о свободе, подвигах и доблести их предков во время борьбы с персами, в период Ламийской войны и войны 191 г. до н. э. против Антиоха III.

Эти эпизоды показывают, что даже в кризисных ситуациях полисный патриотизм, основанный на культе героического прошлого и *paideia*, мог сочетаться с готовностью к действию¹⁰². При этом грекоязычные провинции на Востоке, в отличие от западных, не помышляли о каком бы то ни было сепаратизме и отделении от Империи, как это случилось с так называемой Галльской империей. Пальмирское царство Одената и Зенобии, ставшее независимым от Рима в 260–273 гг. н. э., представляет особый феномен, в котором существенную роль играли местные племенные традиции¹⁰³.

ЛИТЕРАТУРА

- Марков 2013 — *Марков К.В.* Единовластие как «подлинная демократия» в трудах греческих авторов времен Второй софистики: ирония, иллюзия, утопия или идеал? // ВДИ. 2013. 3. С. 52–74.
- Махлаюк 2012 — *Махлаюк А.В.* Публий Геренний Дексипп в контексте греко-римской историографии III в.: миссия историка в эпоху смуты // Бобкова М.С. (ред.). Переходные периоды во всемирной истории: трансформации исторического знания. М., 2012. С. 121–152.
- Махлаюк 2012а — *Махлаюк А.В.* Ахеменидская Персия в римской литературе: образ «Иного» и специфика исторической памяти // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. 3 (1). С. 199–208.
- Махлаюк 2014 — *Махлаюк А.В.* Римский патриотизм и культурная идентичность в эпоху Империи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. 1 (1). С. 288–299.
- Махлаюк 2018 — *Махлаюк А.В.* Греческий патриотизм в контексте рах Романа: полисные традиции и имперские реалии // Мнемон. 2018. 18.2. С. 116–141.
- Моммзен 1949 — *Моммзен Т.* История Рима. Т. 5. Провинции от Цезаря до Диоклетиана. М., 1949.

к 267/268 г. (Martin and Grusková 2014: 111–113; ср. также Martin and Grusková 2017). Маллан и Давенпорт полагают, что упомянутый Филострат мог быть либо историком Филостратом Афинским, либо известным по надписям архонтом 255/256 г. Л. Флавием Филостратом, либо Филостратом, которому принадлежит авторство «Картин», хотя, впрочем, не исключено, что все перечисленные Филостраты являются одним и тем же лицом; вопреки мнению Мартина и Грушковой, беотарха Дексиппа, который, возможно, был одним из видных граждан Херонеи, нельзя отождествлять с историком Гереннием Дексиппом (Mallan, Davenport 2015: 212–214).

¹⁰² Ср.: Anderson 1993: 41.

¹⁰³ Smith II 2013.

- Alcock 1993 — *Alcock S.E.* *Graecia capta. The Landscapes of Roman Greece.* Cambr., 1993.
- Alcock 2002 — *Alcock S.E.* *Archaeologies of the Greek Past: Landscapes, Monuments, and Memories.* Cambr., 2002.
- Anderson 1989 — *Anderson G.* *The Pedaideuemenos in Action: Sophists and their Outlook in the Early Empire* // ANRW. 1989. II.33.1. P. 80–208.
- Anderson 1993 — *Anderson G.* *The Second Sophistic: A Cultural Phenomenon in the Roman Empire.* L.; N.Y., 1993.
- Ando 2010 — *Ando C.* *Imperial Identities* // Whitmarsh T. (ed.). *Local Knowledge and Microidentities in the Imperial Greek World. Greek Culture in the Roman World.* Cambr.; N.Y., 2010. P. 17–45.
- Arnason 2011 — *Arnason J.P.* *The Roman Phenomenon: State, Empire, and Civilization* // Arnason J.P., Raaflaub K.A. (eds). *Roman Empire in Context: Historical and Comparative Perspectives.* Malden, MA, 2011. P. 353–386.
- Asirvathan 2010 — *Asirvathan S.R.* *His Son's Father? Philip II in the Second Sophistic* // Carney E., Ogden D. (eds). *Philip II and Alexander the Great: Father and Son, Lives and Afterlives.* N.Y.; Oxf., 2010. P. 193–204, 294–299.
- Asirvathan 2017 — *Asirvathan S.R.* *Historiography* // Richter D.S., Johnson W.A. (eds). *The Oxford Handbook of the Second Sophistic.* Oxf., 2017. P. 659–680.
- Baldwin 1986 — *Baldwin B.* *Historiography in the Second Century. Precursors of Dio Cassius* // *Klio.* 1986. 68. P. 479–486.
- Borg 2004 — *Borg B.E.* *Glamorous intellectuals: Portraits of pedaideuemenoi in the second and third centuries AD* // Borg B.E. (ed.). *Paideia: The World of the Second Sophistic.* B.; N.Y., 2004. P. 157–178.
- Borg 2011 — *Borg B.* *Who Cared about Greek Identity? Athens in the First Century BCE* // Schmitz Th.A., Wiater N. (eds). *The Struggle for Identity: Greeks and their Past in the First Century BCE.* Stuttgart, 2011. P. 213–234.
- Bowie 1970 — *Bowie E.L.* *Greeks and Their Past in the Second Sophistic* // *Past & Present.* 1970. 46. P. 3–41.
- Bowie 2010 — *Bowie E.L.* *The Sophist as Historian* // Zecchini G. (ed.). *Lo storico antico: Mestieri e figure sociali.* Bari, 2010. P. 199–212.
- Bowie 2014 — *Bowie E.L.* *Becoming Wolf, Staying Sheep* // Madsen J.M., Rees R. (eds). *Roman Rule in Greek and Latin Writing: Double Vision.* Leiden, 2014. P. 39–78.
- Bridges 2015 — *Bridges E.* *Imagining Xerxes: Ancient Perspectives on a Persian King.* L., 2015
- Chanotis 1988 — *Chanotis A.* *Historie und Historiker in den griechischen Inschriften. Epigraphische Beitrage zur griechischen Historiographie.* Stuttgart, 1988.
- Chiai 2013 — *Chiai G.F.* *The Origins and Deeds of our Gods: Inscriptions and Local Historical-Religious Memories in the Hellenistic and Roman World* //

- Cusumano N., Gasparini V., Mastrocinque A., Rüpke J. (eds). *Memory and Religious Experience in the Greco-Roman World*. Stuttgart, 2013. P. 81–114.
- Clarke 2005 — *Clarke K.* Parochial Tales in a Global Empire: Creating and Recreating the World of the Itinerant Historian // Troiani L., Zecchini G. (a cura di). *La cultura storica nei primi due secoli dell'impero romano*. Milano, 2005. P. 111–128.
- Clarke 2008 — *Clarke K.* Making Time for the Past. Local History and the Polis, Oxford, 2008.
- Connolly 2001 — *Connolly J.* Problems of the past in imperial Greek education // Too Y.L. (ed.). *Education in Greek and Roman Antiquity*. Leiden, 2001. P. 339–372.
- Connolly 2007 — *Connolly J.* Being Greek/Being Roman: Hellenism and Assimilation in the Roman Empire // Millennium. Jahrbuch zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr. 2007. 4. P. 21–42.
- Cortés Copete 2007 — *Cortés Copete J.M.* A Roma de Elio Aristides, una historia grega para el impero // Desideri P. et al. (eds). *Costruzione e uso del passato storico nella cultura antica*. Atti del convegno internazionale di studi, Firenze 18–20 settembre 2003. Alessandria, 2007. P. 411–433.
- Day 1980 — *Day J.W.* The Glory of Athens. The Popular Tradition as Reflected in the Panathenaicus of Aelius Aristides. Chicago, 1980.
- Delcourt 2003 — *Delcourt A.* Denys d'Halicarnasse, historien de la Grèce? Réflexions sur l'horizon grec des Antiquités Romaines // Revue belge de philologie et d'histoire. 2003. 81. 1. Antiquité. P. 117–135.
- Desideri 1992 — *Desideri P.* Filostrato: la contemporaneità del passato Greco // Gascó F., Falque E. (eds). *El Pasado Renacido: Uso y Abuso de la Tradición Clásica*. Sevilla, 1992. P. 55–70.
- Desideri 2001 — *Desideri P.* Quale storia per i Greci nell'Impero romano? // Barzanó A. (ed.). *Identità e valori. Fattori di aggregazione e fattori di crisi nell'esperienza politica antica*. Bergamo, 2001. P. 171–181.
- Desideri 2002 — *Desideri P.* The Meaning of Greek Historiography of the Roman Imperial Age // Ostefeld E.N. (ed.). *Greek Romans and Roman Greeks: Studies in Cultural Interaction*. Aarhus, 2002. P. 216–224.
- Desideri 2014 — *Desideri P.* Storia declamata e storia scritta nel secondo secolo dell'Imperio: Dione, Plutarco e la rinascita della cultura greca // Mestre F., Gómez P. (eds). *Three Centuries of Greek Culture under the Roman Empire. Homo Romanus Graeca Oratione*. Barcelona, 2014. P. 183–200.
- Doukellis 2007 — *Doukellis, P.N.* Hadrian's Panhellenion: A Network of Cities? // Mediterranean Historical Review. 2007. 22.2. P. 295–308.
- Eshleman 2012 — *Eshleman K.* The social World of Intellectuals in the Roman Empire: Sophists, Philosophers, and Christians. Cambr., 2012.
- Fontanella 2008 — *Fontanella F.* The Encomium on Rome as a Response to Polybius' Doubts About the Roman Empire // Harris W.V., Holmes B. (eds). *Aelius Aristides between Greece, Rome and the Gods*. Leiden, 2008. P. 203–216.

- Franco 2010 — *Franco C.* Epica, identità ed erudizione: il caso dell'Asia Minore in età imperiale // Cingano E. (ed.). Tra panellenismo e tradizioni locali: generi poetici e storiografia. Alessandria, 2010. P. 567–584.
- Gehrke 2001 — *Gehrke H.-J.* Myth, history and collective identity: uses of the past in ancient Greece and beyond // Luraghi N. (ed.). The historian's craft in the age of Herodotus. Oxf., 2001. P. 286–313.
- Giannakopoulos 2013 — *Giannakopoulos N.* The treatment of the battle of Marathon in the literary tradition of the imperial period // Buraselis K., Koulakiotis E. (eds). Marathon the Day After: Symposium Proceedings, Delphi 2–4 July 2010. Athens, 2013. P. 185–200.
- Gómes 2013 — *Gómes P.* Marathon et l'identité grecque au II-ème s. apr. J.-C.: du mythe au lieu commun // Gangloff A. (ed.). Lieux de mémoire en Orient grec à l'époque imperial. Bern, 2013. P. 79–94.
- Gómes 2014 — *Gómes P.* Las manos de Maratón: de la narración histórica a la declamación sofística // de la Villa J. (ed.). Ianua Classicorum. Temas y formas del Mundo Clásico, II. Madrid, 2014. P. 141–148.
- Guerber 2009 — *Guerber É.* Les cités grecques dans l'Empire romain. Les privilèges et les titres des cités de l'Orient hellénophone d'Octave Auguste à Dioclétien. Rennes, 2009.
- Hardie 2007 — *Hardie Ph.* Images of the Persian Wars in Rome // Bridges E., Hall E., Rhodes P.J. (eds.). Cultural Responses to the Persian Wars: Antiquity to Third Millennium. Oxf., 2007. P. 127–144.
- Heller 2006a — *Heller A.* Les bêtises des Grecs. Conflits et rivalités entre cités d'Asie et de Bithynie à l'époque romaine (129 a.C.–235 p.C.). Bordeaux, 2006.
- Heller 2006b — *Heller A.* *Archaiotes et eugeneia*. Le thème des origines dans les cités d'Asie Mineure à l'époque imperial // *Ktema*. 2006. 31. P. 97–110.
- Hidalgo de la Vega 2006 — *Hidalgo de la Vega M.J.* Roma protectora del hellenismo: el poder de la identidad // Plácido Suárez D. (ed.). La construcción ideológica de la ciudadanía: identidades culturales y sociedad en el mundo griego antiguo. Madrid, 2006. P. 423–448.
- Hoët-Van Cauwenberghe 2011 — *Hoët-Van Cauwenberghe Chr.* Empire romain et hellénisme: bilan historiographique // Dialogues d'histoire ancienne. 2011. Suppl. 5. La notion d'empire dans les mondes antiques. Bilan historiographique. P. 141–178.
- Hose M. 1994 — *Hose M.* Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart, 1994.
- Jia Hao Chin 2015 — *Jia Hao Chin M.* Honours for Historians: Historiography and Civic Identity in the Hellenistic and Roman *Polis*, Third Century BCE to Third Century CE: Masters of Research Thesis. Macquarie University, Sydney, 2015.
- Jones 1963 *Jones A.H.M.* — The Greeks under the Roman Empire // *Dumbarton Oaks Papers*. 1963. 17. P. 3–19.
- Jones 1996 — *Jones C.P.* The Panhellenion // *Chiron*. 1996. Bd. 26. P. 29–56.

- Jones 1999 — *Jones C.P.* Kinship and Diplomacy in the Ancient World. Cambr., Ma.; L., 1999.
- Jung 2006 — *Jung M.* Marathon und Plataiai. Zwei Perserschlachten als “lieux de mémoire” in antiken Griechenland. Göttingen, 2006.
- Jüttner 1898 — *Jüttner H.* De Polemonis rhetoris vita operibus arte. Breslau, 1898.
- Kemezis 2010 — *Kemezis A.M.* Lucian, Fronto, and the Absence of Contemporary Historiography under the Antonines // *American Journal of Philology*. 2010. 131.2. P. 285–325.
- Kemezis 2014 — *Kemezis A.M.* Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. Cambr.; N.Y., 2014.
- Kemezis 2014a — *Kemezis A.M.* Greek Ethnicity and the Second Sophistic // *McInerney J.* (ed.). *A Companion to Ethnicity in the Ancient Mediterranean*. Malden, MA; Oxf.; Chichester, 2014. P. 390–404.
- Knoepfler 2006 — *Knoepfler D.* L'inscription de Naryka (Locride) au Musée du Louvre: la dernière lettre publique de l'Empereur Hadrien? (première partie) // *Revue des Études Grecques*. 2006. 119. P. 1–34.
- Kohl 1915 — *Kohl R.* De scholasticarum declamationum argumentis ex historia petitis. Paderborn, 1915.
- Kokkinia 2006 — *Kokkinia C.* The governor's boot and the city's politicians. Greek communities and Rome's representatives under the empire // *Kolb A.* (Hrsg.). *Herrschaftsstrukturen und Herrschaftspraxis: Konzepte, Prinzipien und Strategien der Administration im römischen Kaiserreich: Akten der Tagung an der Universität Zürich, 18.–20.10.2004*. B., 2006. P. 181–189.
- Korenjak 2000 — *Korenjak M.* Publikum und Redner. Ihre Interaktion in der sophistischen Rhetorik der Kaiserzeit. München, 2000.
- Levy 1991 — *Levy B.* When Did Nero Liberate Achaia – and Why? // *Rizakis A.D.* (ed.). *Achaia und Elis in der Antike. Akten des 1. Internationalen Symposiums, Athens, 19–21 Mai 1989*. Athens, 1991. P. 189–194.
- MacMullen 1966 — *MacMullen R.* Enemies of the Roman Order. Treason, Unrest, and Alienation in the Empire. Cambr., MA, 1966.
- Madsen 2006 — *Madsen J.M.* Intellectual Resistance to Roman Hegemony and its Representativity // *Bekker-Nielsen T.* (ed.). *Rome and Black Sea Region: Domination, Romanisation, Resistance*. Aarhus, 2006. P. 63–82.
- Madsen 2014 — *Madsen J.M.* Patriotism and Ambitions: Intellectual Response to Roman Rule in the High Empire // *Madsen J.M., Rees R.* (eds). *Roman Rule in Greek and Latin Writing: Double Vision*. Leiden, 2014. P. 16–38.
- Makhlaiuk 2015 — *Makhlaiuk A.V.* Memory and Images of Achaemenid Persia in the Roman Empire // *Silverman J.M., Waerzeggers C.* (eds). *Political Memory in and after the Persian Empire*. Atlanta, 2015. P. 299–324.
- Mallan, Davenport 2015 — *Mallan C., Davenport C.* Dexippus and the Gothic Invasions: Interpreting the New Vienna Fragment (*Codex Vindobonensis Hist. gr.* 73, ff. 192v–193r) // *JRS*. 2015. 105. P. 203–226.

- Martin, Grusková 2014 — *Martin G., Grusková J.* “Dexippus Vindobonensis”? Ein neues Handschriftenfragment zum sog. Herulereinfall der Jahre 267/8 // *Wiener Studien*. 2014. 127. S. 101–120.
- Martin, Grusková 2017 — *Martin G., Grusková J.* Rückkehr zu den Thermopylen: Die Fortsetzung einer Erfolgsgeschichte in den neuen Fragmenten Dexippos von Athen // Eich A.; Freund S., Rühl M., Schubert Chr. (Hg). *Das dritte Jahrhundert. Kontinuität, Brüche, Übergänge*. Stuttgart, 2017. S. 267–281.
- Massaro 1995 — *Massaro D.* *I Praecepta gerendae reipublicae* e il realismo politico di Plutarco // Gallo I., Scardigli B. (eds). *Teoria e prassi politica nelle opere di Plutarco*. Naples, 1995. P. 235–244.
- Mecella 2009 — *Mecella L.* Ῥήτωρ καὶ συγγραφεὺς: cultura, politica e storiografia nell'opera di Dexippo di Atene // *Millenium: Jahrbuch zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausend n. Chr.* 2009. 6. P. 107–132.
- Méthy 1994 — *Méthy N.* Dion Chrysostome et la domination romaine // *L'Antiquité Classique*. 1994. 63. P. 173–92.
- Millar 1969 — *Millar F. P.* Herennius Dexippus: Athens, the Greek world and the third century invasions // *JRS*. 1969. 59. P. 12–29.
- Millar 2006 — *Millar F.* The Greek City in the Roman Period // *Idem.* *Rome, the Greek World, and the East. Vol. III: The Greek World, the Jews, and the East* / H.M. Cotton, G.M. Rogers (eds). Chapel Hill, 2006. P. 106–135.
- Nollé, Schindler 1991 — *Nollé J., Schindler F.* *Die Inschriften von Selge*. Bonn, 1991.
- Oliver 1953 — *Oliver J.H.* *The Ruling Power. A Study of the Roman Empire in the Second Century after Christ through the Roman Oration of Aelius Aristides*. Philadelphia, 1953.
- Orsi 1994 — *Orsi D.P.* La storiografia locale // Cambiano G., Canfora L., Lanza D. (eds). *Lo spazio letterario della Grecia antica. Vol. I.III.* Roma, 1994. P. 149–179
- Oudot 2010 — *Oudot E.* «Marathon, l'Eurymedon, Platées, laissons-les aux écoles des sophistes!» Les guerres médiques au second siècle de notre ère // Malosse P.-L., Noël M.-P., Schouler B. (eds). *Clio sous le regard d'Hermès. L'utilisation de l'histoire dans la rhétorique ancienne de l'époque hellénistique à l'Antiquité Tardive. Actes du colloque international de Montpellier, 18–20 octobre 2007*. Alessandria, 2010. P. 143–157.
- Pavan 1984 — *Pavan M.* Nerone e la liberta dei Greci // *La Parola del passato: rivista di studi antichi*. 1984. 39. P. 342–361.
- Perissato, Kormikiari 2017 — *Perissato F., Kormikiari C.* O Panhellenion de Adriano: espaço, integração e identidade no séc. II d.C. // *Revista Hélade*. 2017. 3.2. P. 8–27.
- Pernot 1993 — *Pernot L.* *La rhétorique de l'éloge dans le monde gréco-romain. T. 1. Histoire et technique*. P., 1993.
- Pernot 1998 — *Pernot L.* La Rhétorique de l'Empire ou comment la rhétorique grecque a inventé l'Empire romain // *Rhetorica: A Journal of the History of Rhetoric*. 1998. 16. 2. P. 131–148.

- Pernot 2008 — *Pernot L.* Aelius Aristides and Rome // Harris W.V., Holmes B. (eds). Aelius Aristides between Greece, Rome and the gods. Leiden, 2008. P. 175–202.
- Puech 2002 — *Puech B.* Orateurs et sophistes dans les inscriptions d'époque impériale. P., 2002.
- Raimondi 2010 — *Raimondi M.* L'attidografia dall'erudizione tardoellenistica agli storici ateniesi Dexippo e Praxagora // Bearzot C., Landucci F. (eds.). Storie di Atene, storia dei Greci: studi e ricerche di attidografia. P., 2010. P. 255–343.
- Reader 1996 — *Reader W.W.* The Severed Hand and the Upright Corpse. The Declamations of Marcus Antonius Polemo. Atlanta, 1996.
- Reardon 1984 — *Reardon B.P.* The Second Sophistic // Treadgold W. (ed.). Renaissances Before Renaissance. Cultural Revivals of Late Antiquity and the Middle Ages. Stanford, 1984. P. 23–41.
- Robertson 1986 — *Robertson N.* A point of precedence at Plataiai. The dispute between Athens and Sparta over leading the procession // *Hesperia*. 1986. 55. P. 88–102.
- Rollinger 2019 — *Rollinger R.* Herennius Dexippus und die Tradition der Perserkriege im Imperium Romanum // *Historische Zeitschrift*. Bd. 308. 2. S. 297–331.
- Romeo 2002 — *Romeo I.* The Panhellenion and Ethnic Identity in Hadrianic Greece // *Classical Philology*. 2002. 97.1. P. 21–40.
- Russell 1983 — *Russell D.A.* Greek Declamation. Cambr.; N.Y., 1983.
- Russel, Wilson 1981 — *Russel D.A., Wilson N.G.* (eds). Menander Rhetor / Ed. with translation and commentary by D.A. Russel and N.G. Wilson. Oxf., 1981.
- Schepens 2001 — *Schepens G.* Ancient Greek city histories. Self-definition through history writing // *Demoen K.* (ed.). The Greek City from Antiquity to the Present. Louvain; P., 2001. P. 3–25.
- Schmidt 2009 — *Schmidt Th.* Plutarque, les *Préceptes politiques* et le récit des Guerres médiques // *Cahiers des études anciennes*. 2009. XLVI. P. 101–128.
- Schmitz 1997 — *Schmitz Th.* Bildung und Macht. Zur sozialen und politischen Funktion der zweiten Sophistik in der griechischen Welt der Kaiserzeit. München, 1997.
- Schmitz 1999 — *Schmitz Th.A.* Performing history in the Second Sophistic // Zimmermann M. (Hrsg.). *Geschichtsschreibung und politischer Wandel im 3. Jh. n.Chr.* Stuttgart, 1999. P. 71–92.
- Smith II 2013 — *Smith II, A.M.* Roman Palmyra: Identity, Community, and State Formation. Oxf., 2013.
- Spawforth 1994 — *Spawforth A.J.S.* Symbol of Unity? The Persian-Wars Tradition in the Roman Empire // *Hornblower S.* (ed.). *Greek Historiography*. Oxf., 1994. P. 233–247.
- Spawforth 1999 — *Spawforth A.J.S.* The Panhellenion again // *Chiron*. 1999. 29. S. 339–352.

- Spawforth 2012 — *Spawforth, A.J.S.* Greece and the Augustan Cultural Revolution. Cambr., 2012.
- Spawforth, Walker 1985 — *Spawforth A.J.S., Walker S.* The World of the Panhellenion. I. Athens and Eleusis // JRS. 1985. 75. P. 78–104.
- Spawforth, Walker 1986 — *Spawforth A.J.S., Walker S.* The World of Panhellenion. II. Three Dorian Cities // JRS. 1986. 76. P. 88–105.
- Stephan 2002 — *Stephan E.* Honoratioren, Griechen, Polisbürger: Kollektive Identitäten innerhalb der Oberschicht des kaiserzeitlichen Kleinasien. Göttingen, 2002.
- Suski 2017 — *Suski R.* Dexippus and the Repelling of the Gothic Invasion in the Years 267–268: A New Piece of Evidence (*Codex Vindobonensis Hist. gr.* 73, ff. 192v–193r) with an Explanation of an Error Committed by the Author of the *Historia Augusta* (*HA Gall.* 13, 7) // *Eos*. 2017. 104. 2. P. 303–316.
- Swain 1996 — *Swain S.* Hellenism and Empire: Language, Classicism, and Power in the Greek World AD 50–250. Oxf., 1996.
- Thomas 2019 — *Thomas R.* Polis Histories, Collective Memories and the Greek World. Cambridge; New York, 2019.
- Tober 2017 — *Tober D.* Greek local historiography and its audiences // *Classical Quarterly*. 2017. 67 (2). P. 460–484.
- Tober 2019 — *Tober D.* Greek Local History and the Shape of the Past // Pohl W., Wieser V. (eds.). *Historiographies of Identity Vol. 1: Historiographies as Reflection about Community: Ancient and Christian Models*. Turnhout, 2019. P. 133–155.
- van Nijf 2010 — *van Nijf O.M.* Being Termessian. Local knowledge and identity politics in a Pisidian city // Whitmarsh T. (ed.). *Local Knowledge and Microidentities in the Imperial Greek World. Greek Culture in the Roman World*. Cambr.; N.Y., 2010. P. 163–188.
- van Nijf 2011 — *van Nijf O.M.* Public space and the political culture of Roman Termessos // van Nijf O.M., Alston R. (eds.). *Political culture in Greek city after the Classical age*. Leuven; Paris; Walpole, MA, 2011. P. 215–242.
- Vannier 1976 — *Vannier M.F.* Alius Aristide et la domination romaine d'après le discours "À Rome" // *Dialogues d'histoire ancienne*. 1976. P. 497–506.
- Veyne 1999 — *Veyne P.* L'identité grecque devant Rome et l'empereur // *Revue des Études Grecques*. 1999. 112. P. 510–567.
- Veyne 2005. — *Veyne P.* L'empire Greco-romain. P., 2005.
- Webb 2006 — *Webb R.* Fiction, mimesis and the performance of the past in the Second Sophistic // Konstan D., Saïd S. (eds.). *Greeks on Greekness: Viewing the Greek Past under the Roman Empire*. Cambr., 2006. P. 27–46.
- Weiβ 1984 — *Weiβ P.* Lebendiger Mythos. Gründerheroen und städtische Gründungstraditionen im griechisch-römischen Osten // *Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft*. 1984. Bd. 10. S. 179–211.

- Willers 1990 — *Willers D.* Hadrians panellinisches Programm. Archäologische Beiträge zur Neugestaltung Athens durch Hadrian. Basel, 1990.
- Ziegler 2007 — *Ziegler R.* Zum politischen nachwirken der Perserkriegsidee in der Zeit der zweiten Sophistik // Bleckmann B. (Hrsg.). Herodot und die Epoche der Perserkriege. Realitäten und Fiktionen. Kolloquium zum 80. Geburtstag von Dietmar Kienast. Köln, 2007. S. 151–168.

СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ — Вестник древней истории

ANRW — Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. B.; N.Y., 1972–...

FHG — *Fragmenta Historicorum Graecorum*. Vol. 1–5 / Ed. K. Müller. Parisiis, 1841–1870

FGrH — *Die Fragmente der griechischer Historiker* / Hrsg. von F. Jacoby. Berlin–Leiden, 1923–1958

IG — *Inscriptiones Graecae*. Vol. I–XV. Berlin, 1873–...

I.Labraunda — *Crampa J.* Labraunda. Swedish Excavation and Researches. III. 1/2/ Greek Inscriptions. Lund; Stockholm, 1969–1972

I.Smyrna — *Petzl G.* Die Inschriften von Smyrna. Bonn, 1982–1990

JRS — *The Journal of Roman Studies*. L.

SEG — *Supplementum Epigraphicum Graecum*. Leiden, 1923–...

TAM — *Tituli Asiae Minoris*. Wien, 1901–...

SECOND SOPHISTIC, HISTORICAL MEMORY AND GREEK PATRIOTISM IN THE ROMAN EMPIRE

ALEXANDR V. MAKHLAIUK

Abstract: The article aims to demonstrate that Greek patriotism in the era of the Roman Empire, rooted, ultimately, in civil-communal structures, was largely derived from the collective historical memory that relates to the past of both Hellas as a whole and individual *poleis*. Its keepers were both Greek intellectuals, primarily rhetoricians and sophists, who turned to history in various forms and construed it in many ways in accordance with the requirements of the contemporary epoch, as well as the urban notables, who supported *polis* institutions and traditions for the sake of their own symbolic capital and prestige, but in harmony with the interests of Romans, for which the past of Greece became a part of their own history. The Roman imperial authorities, acting as the protector of Hellenism, not only allowed the Greeks to maintain their identity and historical patriotism, but also used their cultural and historical heritage to rule the world empire.

Keywords: Second sophistic, patriotism, fatherland, Greece, Roman Empire, polis, historical memory, intellectuals, “Roman peace”.

Александр Валентинович Махлаук,
д.и.н., профессор,
заведующий кафедрой истории древнего мира и классических языков,
Институт международных отношений и мировой истории,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

СТРАТЕГИИ В АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЕ ПОНТА

Е.А. МОЛЕВ

Резюме: Статья посвящена рассмотрению вероятности наличия в административной системе Понтийского царства такого элемента как «стратегия», который был характерен для государств эллинистического мира. Автор приходит к выводу, что такая система административного деления Понта возможна и процесс ее оформления начался еще в период правления Фарнака I. Но наряду со стратегиями в Понте сохранялся и более ранний элемент организации территории государства — сатрапии, свойственный еще Персидской державе Ахеменидов.

Ключевые слова: Понт, стратег, фрурарх, полис, Фарнак, Митридат Евпатор.

Политико-административная система Понтийского царства, несмотря на целый ряд серьезных научных исследований этой стороны истории Понта, остается, в значительной степени, построенной на предположениях и допущениях. Это связано, прежде всего, с тем, что число источников об административной организации Понтийского царства невелико. Наиболее значимым среди них является «География» Страбона, где автор перечисляет 26 округов государства, но никак не обозначает их статуса (*Strabo*. XII. 3.10–40). Отметим и то, что список этот составлялся уже после подчинения Понта Риму и потому отражал реалии постмитридатовского времени, хотя в основе своей он, несомненно, представлял то административное деление царства, которое сложилось еще в период правления Митридата Евпатора (Сапрыкин 1996: 222).

Мнения современных исследователей о том, как именовать эти округа и какие функции они выполняли — различно. Один из первых исследователей истории Понтийского царства — Т. Рейнак, считал их стратегиями, во главе которых стоял стратег, совмещающий военные и гражданские функции (Reinach 1975: 253). Ряд других исследователей называют эти области епархиями, во главе которых стояли епархи или стратеги (Rostovtzeff, Ormerod 1932: 215; Rostovtzeff 1941: 576; Jones 1937: 155–157; Magie 1950: 1070–1072; Сапрыкин 1996: 224–225). Была также высказана точка зрения, что округа, выделяемые Страбоном — это просто названия географических областей, которые не имеют ничего общего с административно-территориальным делением государства (Ломоури 1979: 141–143). Мы не ставим своей задачей в данной статье пересмотреть все существующие точки зрения на этот вопрос и попытаться найти

его оптимальное решение. Нашей задачей станет рассмотрение вероятности существования стратегий, как элемента административно-территориальной системы Понтийского царства, исходя из того, что этот элемент названной системы был характерен для ведущих государств эллинистического мира Сирии, Египта, Пергама, а позднее и Парфянской империи.

Характеристике стратегий как элементу административно-территориальной организации в эллинистическом мире была специально посвящена монография Г. Бенгтсона (Bengtson 1937–1952), которая была высоко оценена не только в зарубежной, но и в отечественной историографии. «Более ценной является работа Германа Бенгтсона «Стратегия в эллинистическое время» (Bengtson H. Die Strategie in der Hellenistischen Zeit. Bd. I–III [Münchener Beiträge zum Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte. N. 26, 32, 36]. 1937–1952), фундаментальное исследование, важное для понимания военных основ власти эллинистических правителей и их администрации» — так оценил ее выдающийся советский и российский антиковед Э.Д. Фролов (Фролов 1979: 150). Среди прочих Г. Бенгтсон рассмотрел и стратегии в Понтийском царстве (Bengtson 1944: 262–265), отметив вероятность административного деления Понта на стратегии, но указав, одновременно на отсутствие прямых доказательств этого факта (Bengtson 1944: 265).

Да, действительно, прямых указаний на этот счет в имеющихся в нашем распоряжении источниках (Таблица 1) мы не найдем. И, тем не менее, некоторые косвенные аргументы при характеристике этого элемента политической системы Понта у нас имеются. Прежде всего, отметим, что основатель понтийского царства Митридат Ктист, за основу для создания территориально-административной системы своего государства мог брать, вероятнее всего, персидские традиции, наиболее знакомые ему и, кстати, населению глубинных территорий Малой Азии. Вероятность использования им уже в то время некоторых греко-македонских элементов, усвоенных им от предков и закрепленных за годы службы в македонской армии, невелика, хотя полностью исключать такую возможность, наверное, все же не стоит (Молев 2018: 47). Какой-либо системы в действиях его самого и его ближайших преемников по решению вопросов административно-территориальной организации государства в наших источниках не прослеживается. И лишь учитывая тот факт, что последний из царей Понта — Митридат Евпатор, использовал в организационной системе своего государства старый персидский элемент — «сатрапии» (*App. Mithr.* 21, 22, 35, 46), мы можем предположить, что такую же форму организации власти на местах могли использовать и первые государи этого царства.

Наиболее ранние источники, позволяющие хоть как-то осветить эту проблему относятся ко времени правления Фарнака I. Этот царь первым среди правителей Понта предпринял создание системы неких военных округов, о чем свидетельствует наименование ряда центров административных районов Понта — τὸ φρούριον (Молев 2018: 56). В пользу этого свидетельствует ряд кос-

венных данных. Во-первых, то, что Страбон называет Амасию — в то время столицу государства, полисом, но иногда обозначает ее и как *φρούριον* (*Strabo*. XII. 3. 39). Вероятнее всего, он подразумевал здесь то, что город имел определенные административно-территориальные функции, но в то же время был и крепостью с военным гарнизоном.

Во-вторых, по отношению к начальнику гарнизона Амасии времени Фарнака Метродору (кстати говоря, греку, судя по имени) в эпиграфике применяется термин «фрурарх» (*SP*, III. 114–115. № 94). А тот факт, что фрурарх ставит в греческом городе, сохранявшем еще по данным Страбона некоторые полисные права, алтарь за своего царя позволяет думать, что он мог выполнять здесь не только военные, но и определенные гражданские функции. В то время это уже было принято в ведущих эллинистических государствах. Кстати, там аналогичные должности также занимали преимущественно греки. Не исключено и то, что наш Метродор мог быть при этом и политом Амасии и установка алтаря в честь царя могла быть для него еще и способом украшения своего родного города.

И, наконец, вероятность присутствия таких военных округов в Понте при Фарнаке I подразумевает тот факт, что Полибий, говоря о жителях Пафлагонии, которых Фарнак первоначально оттуда выселил, сообщает, что по условиям мирного договора царя Понта с противниками они должны были вернуться на свои места «с оружием, метательными снарядами и прочими военными приспособлениями» (*Polyb*. XX. 2. 4). Это позволяет видеть в них именно военных поселенцев, которые должны были обеспечивать безопасность западных границ государства (Сапрыкин 1996: 224; Молев 2018: 57). Был ли главой этих поселенцев «стратег», поскольку единственный военный предводитель Фарнака известный нам из труда того же Полибия (*Polyb*. XXIV. 5.1) — Леокрит, назван просто по имени, мы можем только предполагать, но, как мне кажется, с достаточно высокой долей уверенности.

Стратегии, как территориально-административные округа в царстве Селевкидов появились уже после 314 г. до н. э. (Billows 1997: 276) и учитывая достаточно тесные брачные контакты между ними и царским домом Понта (жены Митридата II и Фарнака были сирийскими принцессами) вполне возможно, что стратегии в Понтийском царстве могли появиться под влиянием Селевкидов. Правда, подобные области известны также и у более близкого соседа Понта — в государстве Атталидов (Климов 2008: 61; Климов 2010: 183). А потому нельзя исключить влияния и этого соседа Понта. И, наконец, нельзя не вспомнить, что сходная система управления существовала в Малой Азии еще при Ахеменидах (*Хер. Анаб.* IV, 7, 2; 19; V, 4, 31) (Максимова 1956: 129–133; Сапрыкин 1996: 226). В любом случае некоторые основания говорить о том, что фрурии (стратегии) составляли некое ядро административной системы Понтийского государства, и осуществляли как гражданские, так и военные функции, мы имеем (Noite 2009: 103; Сапрыкин 1992: 90; Молев 2018: 57). Соединение в ру-

ках одного лица военных и гражданских полномочий явление достаточно распространенное в эллинистическом мире, особенно в государстве Селевкидов (Бикерман 1985: 103). И эта черта эллинистической государственности позволяет говорить о превращении Понта в государство эллинистического типа уже со времени правления Фарнака I. По крайней мере, речь вполне может идти о начале этого процесса.

Другим важным источником, позволяющим говорить о вероятности существования системы стратегий в Понтийском царстве уже после Фарнака I является почетная надпись из пафлагонского города Абунотейх 137 (161) г. до н. э. (совр. Инеболи). В надписи упоминается стратег Алким, сын Менофила (Лепер 1902: 153–162; Reinach 1905: 113–119). Г. Бенгтсон считал его стратегом полиса и на этом основании исключал надпись из числа источников по административной организации Понта. Однако характер информации о нем в декрете (он, в благодарность за увенчание его фратрией золотым венком, «πολλὰ πλάσι τιμᾶίς καὶ ἐπιδόσεσιν εὐξήσεν τὴν φράτταν, προσεπιστεφανώσας καὶ ἀργυρίου τε δραχ. σ' καὶ τινὰς τῶν πρεσβυτέρων χρυσοῖς στεφάνοις — возвеличил фратрию многочисленными знаками почтения и пожертвованиями, и одарив 200 драхмами серебра, некоторых старейших, сверх того украсив золотыми венками») свидетельствует о том, что он никак не мог быть избранным стратегом небольшого городка, каковым был Абунотейх (Ἀβώνου τεῖχος)¹. Слишком несоизмерима благодарность. Хотя, разумеется, в греческих городах того времени было некоторое количество очень богатых людей (εὐποροί), которые могли поддерживать свои полисы в финансовых вопросах. В Ольвии, например, таковым был Протоген, истративший на общественные нужды 50 талантов (IPE. I². 32. Ср. Латышев 1887: 113; Виноградов 1989: 179), в Херсонесе — Аполлоний, ссудивший Ольвии 3000 золотых (Надписи Ольвии 1968: 35. № 28; Виноградов 1989: 209–213). Но эти полисы были независимыми государствами в отличие от Абунотейха, входившего в состав Понтийского царства. Это дает основание думать, что, вероятнее всего, Алким был военным правителем области в звании стратега, а город Абунотейх был административным центром этой области и резиденцией ее правителя (Reinach 1975: 254; Rostovtzeff, Ormerod 1932: 215; Сапрыкин 1996: 211; Молев 2013: 241). Наличие такой должности свидетельствует о сохранении и функционировании системы военных округов, созданной Фарнаком I, и в более позднее время.

Гораздо больше сведений по интересующему нас вопросу дошло от времени самого великого из царей Понта — Митридата Евпатора. У античных авторов и в памятниках эпиграфики периода его правления упоминаются такие военные должности как стратеги, фрурархи и даже комендант цитадели крепости Газиура (SP. III. 251–253. № 278). Но кроме этого есть и чисто адми-

¹ Р. Лепер даже пишет, что «селение находившееся здесь в древности не имело, по-видимому, никакого значения и во всяком случае уступало городам Гераклея, Тиос, Амастрис». См. Лепер 1902: — 157.

нистративные должности — сатрапы (*App. Mithr.* 21, 22, 35, 46), правители городов (*πόλεων ἄρχουσι* — *App. Mithr.* 22) и даже цари (*App. Mithr.* 64, 67, 83; *Plut. Luc.* XXIV; *Dio. Cass.* XXXVI. 50. 2). При этом стратег Эвмах именуется также и «сатрапом» (*App. Mithr.* 46, 75), а евнуха Вакхида Страбон называет «тираном и фрурархом» (*Strabo.* XII. 3. 11). Это дает основание думать, что и другие стратеги и, особенно, фрурархи могли иметь определенные административные функции. Кстати различие между военными и административными функциями «стратегов» и «фрурархов», как справедливо отметил Я.М. Хойте (Hóite 2009: 102) не были принципиальны и эти два понятия вполне могли заменять друг друга.

Важным свидетельством в пользу наличия у стратегов и фрурархов административных функций является распоряжение коменданта (*ἀκροφύλαξ*) крепости Газиура, запрещавшее входить в город без его письменного распоряжения (*διαγράμμα*) даже для жителей города (*SP.* III. 251. № 278). Эти его полномочия явно связаны не только с военными функциями, но могли проистекать и из необходимости наиболее надежной охраны хранящихся в крепости царских сокровищ.

Еще один косвенный аргумент в пользу участия фрурархов и стратегов в административной деятельности недавно предложил Ф. де Каллатай. По его мнению, чеканка монеты, выпущенной от имени провинциальных городов и крепостей осуществлялась не вследствие филэллинских симпатий понтийского царя, а для оплаты воинов их (и не только их) гарнизонов (*Callataÿ de. F.* 2003: 226). Эту идею активно поддержал Я.М. Хойте, который на ее основании сделал вывод, что «муниципальная» чеканка отражает разделение Понта на стратегии и то, что места выдачи соответствуют местонахождению стратегов, которые использовали чеканку в первую очередь для оплаты местных войск» (Hóite 2009: 100). Учитывая то, что в наших источниках некоторые пункты (такие как Газиура, Пимолиса, Таулара и т. д.), именуются лишь крепостями, но при этом чеканят монету от своего имени, такое допущение кажется вполне вероятным. Тем более, что Митридат Евпатор чтит персидские традиции (Молев 2017: 177–180), а при Ахеменидах, к которым он возводил свою родословную, царские сатрапы (в том числе и малоазийские — Зограф 1951: 42. Табл. X. 6, 9, 13–16) имели право чеканки серебряной и медной монеты.

Кстати и упомянутая выше Газиура также чеканила свою монету при Митридате Евпаторе (*Bursu Ankan Erciyas* 2001: 177; *Callataÿ de* 2003: 226). И если предположение Ф. де Каллатая верно, то это дополнительно подкрепляет нашу версию об административных обязанностях коменданта этой крепости.

В заключение отметим, что государственная система Понтийского царства в значительной степени совместила в себе персидские традиции Ахеменидов и традиции эллинистических монархий. И вероятность существования в ней административных округов типа «стратегий» при современном состоянии наших знаний представляется вполне допустимой.

Таблица 1. Военные и административные должности Понта

Военные должности

С названием должности	Без названия должности или безымянные
Архелай, стратег – Memnon. XXXI.1. «Митридат передал стратегу Архелая 40000 пехоты и 10000 конницы, приказал ему предпринять поход против вифинов»; Plut. Sulla. XI. «самый выдающийся стратег»; Frontin. I. 5.18. «Префект (стратег) Митридата в Каппадокии»; Liv. Per. Ex LXXVIII. «Префект Митридата»; App. Mithr. 17. Начальник войска Митридата.	Леокрит — Polyb., XXVI. 8.1. «...еще до окончания зимы отправил Леокрита в поход с 10 000 воинов для разорения Галатии».
Менофан, стратег — Memnon. XXXI. 2. «Маний... выступает против Менофана, стратега Митридата».	Гермей и Марий — Memnon. XL. 3. «...поставив во главе пехоты Гермей и Мария».
Неоптолем, стратег — Strabo. II. 1. 16; VII. 3. 18. Стратег, разбивший варваров; App. Mithr. 17. Один из начальников войска Митридата; App. Mithr. 34. Стратег, разбитый Мунацием.	Леонипп и Клеохар — Memnon. LIII. 1. «Леонипп, которому вместе с Клехаром была поручена Митридатом Синопа». Клеохар убил Леониппа и стал править тиранически.
Таксилл, Диофант, Менандр стратеги — Memnon. XXXIV. 2. «...лучшие стратеги Митридата».	Неоптолем — Plut. Luc. III. Командир эскадры, разбитый у о. Тенедос.
Архелай, стратег флота — Memnon. XXXVIII, 1.	Аристоник — Plut. Luc. XI. Командир эскадры, разбитый римлянами.
Коннакорик, фрурарх — Memnon. XLII, 5. «...оставил в городе 4000 человек гарнизона и фрурарха Коннакорика».	Исидор — Plut. Luc. XII. Командир эскадры, разбитый римлянами у Лемноса.
Селевк, стратег — Memnon. LIII. 1. «...равный по положению (ἰσοστάσιος τῶν εἰρημένων) с Лениппом и Клеохаром».	Менемах — Plut. Luc. XVII. Один из командиров войска.
Диофант, стратег — Strabo. II. 4. 7. Основатель Евпатория.	Мирон — Plut. Luc. XVII. Один из командиров войска.

Вакхид, тиран и фрурарх — Strabo. XII. 3. 11. «Синопа... взята Лукуллом и засевающим в городе тираном. Ибо поставленный царем фрурархом Вакхид...»	Таксилл — Plut. Luc. XXVI. «...прибывший от Митридата».
Таксилл, стратег — Plut. Sulla. XV. Стратег войска во Фракии и Македонии; App. Mithr. 70.	«...против Лукулла Митридат послал разных стратегов » — Memnon. XLIII. 2.
Менандр, стратег — Plut. Luc. XVII. Один из стратегов Митридата.	« фрурархи Митридата массами стали переходить на сторону Лукулла» — App. Mithr. 82.
Дорилай, стратег — Plut. Luc. XVII. Один из стратегов Митридата.	Комендант цитадели (ἀκροφύλαξ) — SP. III. 251–253. № 278.
Каллимах, стратег — Plut. Luc. XIX. XXXII. Руководитель обороны Амиса и Нисибиса;	
Гермократ, стратег — App. Mithr. 70. Один из командиров войска.	
Эвмах, стратег — App. Mithr. 75. Он же сатрап по Аппиану (App. Mithr. 46).	
Алким, стратег — Лепер 1902: 153–162; Reinach 1905: 113–11.	
Метродор, фрурарх — SP. III. № 94.	

Административные должности

Митридат, царь — App. Mithr. 64. Царь колхов. («Μιθριδάτην, βασιλέα σφίσιν ἡτῶντο δοθῆναι,...»)	«Поставив сатрапов над всеми этими племенами (в Малой Азии)» — App. Mithr. 21.
	Сатрапы и правители городов (πόλεων ἄρχουσι) — App. Mithr. 22.
Махар, царь — Plut. Luc. XXIV «Правивший Боспорским царством»; Dio., Cass. XXXVI. 50. 2. «...сын его Махар, владевший им (Боспором) в то время»; App. Mithr. 67. («καὶ βασιλέα αὐτοῖς τῶν υἱέων...»); App. Mithr. 83. Махар «Βοσπόρου τε βασιλεύοντι...».	«захватив Македонию ... Аркафий поручил ее сатрапам » — App. Mithr. 35.
	Эвмах — App. Mithr. 46. Сатрап, поставленный Митридатом над галатами. Он же стратег по Аппиану (App. Mithr. 75).

ЛИТЕРАТУРА

- Anderson, Clark, Cumont Grégoire 1910 — *Anderson, John George Clark, Franz Cumont and Henri Grégoire. Studia Pontica, III. Recueil des inscriptions grecques et latines du Pont et de l'Arménie. Fasc. 1. Brussels 1910. P. 114–115. No 94: 251–253. No 278.*
- Bengtson 1944 — *Bengtson H. Die Strategie in der Hellenistischen Zeit. Ein Beitrag zum antiken*
- Billows 1997 — *Billows R.A. Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. University of California Press, 1997.*
- Burcu, Erciyas 2001 — *Arikan Erciyas, Deniz Burcu (eds.). Studies in the Archeology of Hellenistic Pontus: The Settlements, Monuments, and Coinage of Mithridates VI and his Predecessors. University of Cincinnati. 2001.*
- CAH — Cambridge Ancient History.
- Callataÿ 2003 — *Callataÿ de F. Les Mithridate du Pont: un exemple peripherique de rapport entre cites et rois hellenistiques // Royaumes et cites Hellenistiques des annees 323–55 av. J.-C. Sedes. Paris, 2003. P. 218–234.*
- Hóite 2009 — *Hóite J.M. The administrative Organisation of the Pontic Kingdom // ed. Jakob Munk Hoite. Mithridates VI and the Pontic Kingdom. Black Sea Studies. No 9. Aarhus, 2009. P. 95–108.*
- Jones 1937 — *Jones A.H.M. The cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford. 1937. 595 c.*
- Magie 1950 — *Magie D. Roman rule in Asie Minor. Princeton. 1950. Vol. I–II.*
- Reinach 1975 — *Reinach T. Mithridates Eupator, Konig von Pontos. Hildesheim; New York, 1975.*
- Reinach, Th. 1905 — *Reinach, Th. A Stele from Abonuteichos, Numismatic Chronicle. 1905. 4th Ser. V. 5. P. 113–119.*
- Rostovtzeff, Ormerod 1932 — *Rostovtzeff M.I., Ormerod H. Pontus and Its Neighbours: the first Mithridatic War // CAH. 1932. — V. IX. — P. 211–259.*
- Rostovtzeff 1941 — *Rostovtzeff M.I. Social and Economic history of the Hellenistic World. Oxford. At the Clarendon Press. 1941.*
- SP — *Studia Pontica. Brussels.*
- Бикерман 1985 — *Бикерман Э. Государство Селевкидов. Пер. с франц. Л.М. Глускиной. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.*
- Виноградов 1989 — *Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. историко-эпиграфическое исследование. М., Наука, 1989.*
- Зограф 1951 — *Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16.*
- Климов 2008 — *Климов О.Ю. Эллинистическое государство, как пример квазифедеративного объединения // Э.Д. Фролов (ред.). Мнемон. Вып. 7. СПб., 2008. С. 59–70.*

- Климов 2010 — *Климов О.Ю.* Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства. СПб., Нестор-история, 2010.
- Латышев 1887 — *Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе Ольвии. СПб., типография В.С. Балашова, 1887.
- Лепер 1902 — *Лепер Р.Х.* Греческая надпись из Инеболи // Известия Русского археологического Института в Константинополе. София, Державна печатница, 1902. — Т. VIII. — Вып. 1–2. — С. 153–162.
- Ломоури 1979 — *Ломоури Н.Ю.* К истории Понтийского царства. Тбилиси, Мецниереба, 1979.
- Максимова 1956 — *Максимова М.И.* Античные города юго-восточного Причерноморья. Синопа. Амис. Трапезунт. М-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1956.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- Молев 2013 — *Молев Е.А.* Армия и военная доктрина Понта до Митридата Евпатора // KOINON ΔΡΟΝ. Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова от коллег и друзей. СПб., 2013. С. 237–241.
- Молев 2017 — *Молев Е.А.* Иранское наследие в Понтийском царстве // IRANICA. Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н. э. — VI в. н. э. Казань, 2017. С. 276–283.
- Молев 2018 — *Молев Е.А.* Особенности территориального и государственного формирования Понта от Ктиста до Евпатора // О.Л. Габелко (ред.). Исторический вестник. Т. 26. М., 2018. С. 42–65.
- Надписи Ольвии 1968 — *Надписи Ольвии.* Л., Наука, 1968.
- Сапрыкин 1992 — *Сапрыкин С.Ю.* Структура земельных отношений в Понтийском царстве // Е.С. Голубцова (ред.). Эллинизм: восток и запад. М., Наука, 1992. С. 85–114.
- Сапрыкин 1996 — *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. М., Наука, 1996.
- Фролов 1979 — *Фролов Э.Д.* Немецкая буржуазная историография античности новейшего времени (1917–1975) // Античный мир и археология. Вып. 4. 1979. С. 124–175.

STRATEGIES IN THE ADMINISTRATIVE SYSTEM OF PONTUS

EVGENIY A. MOLEV

Abstract: The article is devoted to the consideration of the probability of the presence in the administrative system of the Pontic kingdom of such an element as a “strategy”, which was characteristic of the states of the Hellenistic world. The author concludes that such a system of administrative division of Pontus is possible and the process of its formation began during the reign of Pharnak I. But along with the strategies in Pontus, an earlier element of the organization of the state’s territory — satrapy, characteristic of the Persian power of the Achaemenids, was preserved.

Keywords: Pont, strategos, phourarchos, policy, Pharnace, Mithridates Eupator.

Евгений Александрович Молев,
д.и.н., профессор,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского»,
molev.eugeny@yandex.ru

Был ли Марс отцом Ромула и Рема? Комментарии к некоторым свидетельствам ранней римской историографии*

А.В. Мосолкин

Nous n'avons aucune raison de croire qu'ils (sc. les auteurs grecs et latins) aient eu dessein de nous tromper, et si nous ne nous rendons pas à leur autorité en ceci, sur quoi pourrions-nous les croire?

*Louis de Beaufort*¹.

Резюме: Общепринятым является утверждение, что Марс «был» отцом Ромула и Рема уже в сочинениях историков III–II вв. до н. э. В статье высказывается и обосновывается предположение, что в ранней римской историографии Марс вовсе не фигурировал в качестве отца близнецов.

Ключевые слова: Ромул, Рем, Марс, римская анналистика, Дионисий Галикарнасский, Плутарх, *Origo Gentis Romanae*.

Как считается, первые упоминания о Марсе как отце Ромула и Рема в греческой и римской исторической и художественной литературе встречаются у четырех писателей — Диокла с острова Пепаретоса, Кв. Фабия Пиктора, Л. Цинция Алимента и поэта Кв. Энния. К великому сожалению исследователей, полностью труды этих авторов не сохранились. Все, что у нас есть, это немногочисленные разрозненные фрагменты, место которых в структуре несохранившихся сочинений является плодом интуитивных гипотез и предметом бесконечных дискуссий. Все эти кусочки, отрывки, фразы и пересказы дошли до нашего времени благодаря авторам, жившим в гораздо более позднее время. Стихотворная цитата в прозаическом сочинении чаще всего очевидна, и нам ничего не стоит вычленить ее из общего контекста — она отличается поэтическим размером². Прозаическую же цитату в прозаическом тексте найти так же трудно, как черную кошку в темной комнате. Задача не упрощает-

* Статья является развитием той темы, которая не так давно была поднята мной в связи с Эннием. См.: Мосолкин 2018: 5–12.

¹ «У нас нет никаких причин полагать, что греческие и римские авторы намеревались нас обмануть, и если мы не окажем должное их авторитету здесь, то в чем же нам следует им доверять?» Луи де Бофор (de Beaufort 1866: 18).

² Впрочем, Г. Манувальд справедливо замечает, что поэтическая цитата не всегда может быть легко опознаваема. Во-первых, это связано с тем, что в поэзии эпохи Республики стихотворные размеры могли быть очень гибкими, что затрудняет нахождение стиха внутри прозаического текста — в том случае, если приводящий стих автор его специально не обозначил; во-вторых, в цитате могла приводиться строка не целиком, а лишь некоторая часть (FRL: X–XI). К этому стоит

ся, даже когда автор специально оговаривает цитату. В нашем случае выявить подлинный поэтический текст Энния намного проще, чем фрагменты из сочинений прозаиков Диокла, Фабия и Цинция. Складывается впечатление, что найти аутентичные фразы вряд ли возможно — так хорошо они «спрятаны» в текстах позднейших литераторов. Даже если эти сочинители сами указывают на раннее авторство процитированных отрывков, мы в лучшем случае можем получить представление лишь об общем замысле древнего произведения, черты персонажей которого размыты, а их деяния искажены. Поэтому всякий фрагмент следует разбирать самым тщательным образом, сопоставляя его с остальными схожими фрагментами. Нельзя забывать, что мы имеем дело с пересказами, которые до нас дошли через вторые, а то и через третьи руки. И разделять оригинал и пересказ может не одна сотня лет. Наконец, еще одна проблема заключается в том, что Фабий, Диокл и Цинций писали на греческом языке, а те, кто цитировал их через несколько сотен лет, — на латинском. Отсюда неизбежно возникает вопрос, можем ли мы доверять римским писателям в их знании греческого языка? Точно ли они понимали текст, который держали перед собой? Нам предстоит кропотливый анализ непростых по своей структуре текстов. И, конечно, следует заранее оговориться, что имеющийся материал не дает возможность сделать категоричные выводы.

Исследование в силу разных обстоятельств необходимо начать с Пиктора, однако сам материал заставляет перескакивать с одного автора на другого, что, вероятно, затруднит чтение этой статьи. Пусть читатель не будет этим разочарован — мы должны довольствоваться и этим.

Мы располагаем всего четырьмя прозаическими фрагментами, которые так или иначе связаны с «Греческими анналами» Пиктора и в которых ясно говорится, что Марс — отец близнецов. Эти четыре пассажа сохранились в сочинениях Дионисия Галикарнасского (I в. до н. э.), Плутарха (II в. н. э.), Нония Марцелла (IV–V вв. н. э.), а также в труде под названием «*Origo gentis Romanae*» (в дальнейшем — OGR) неизвестного автора (IV в. н. э.)³. Древние писатели не часто удосуживались делать внятные сноски на своих предшественников, чьими работами они пользовались. Как правило, они довольствовались краткими пояснениями, вроде «некоторые древние авторы сообщают». Однако кто эти «авторы», насколько они «древние» и точна ли приводимая цитата — все это настолько непонятно, что уже несколько поколений современных исследователей бьются над достоверностью подобных сообщений. Впрочем, нам повезло: и Дионисий, и Плутарх, и Ноний, и неизвестный автор OGR ясно называют Пиктора своим непосредственным источником,

добавить еще тот случай, когда поэт цитирует поэта. Здесь даже древние комментаторы не всегда могут прийти на помощь.

³ Richard 1983: 64–65. Дж. Д'Анна полагает, что неизвестный автор мог жить во II в. н. э. D'Anna 1997: XXVII. Впрочем, для моей работы выбор дат — II или IV в. н. э. — не является принципиальным.

и, казалось бы, такое внятное и категоричное указание избавляет от всяких сомнений.

Однако здесь нас подстерегает значительная трудность. Вопреки ясным указаниям, возникает впечатление, что Дионисий и Плутарх *самостоятельно* добавили сюжет о Марсе в рассказы, которые восходили к Пиктору. И сделали они это вовсе не потому, что не могли добросовестно процитировать текст. Дело в том, что «цитирование» у Дионисия и Плутарха не подразумевает дословного переписывания текста и предоставляет большую свободу действий. Что касается легенды о Марсе, то к концу I в. до н. э. она полностью сложилась и среди современников писателей утвердилось представление, что отцом близнецов был именно воинственный бог.

Необходимо разобраться, в каком контексте Дионисий, Плутарх и автор OGR упоминают Пиктора как своего информатора.

Тут-то и выясняется, что древние авторы, описывая один и тот же сюжет о Ромуле и Реме, словно в насмешку, кроме римского анналиста в качестве своего источника называют еще и других историков. Так, Дионисий утверждает (I.79.4), что за Фабием следовали Л. Цинций Алиммент, М. Порций Катон, Л. Кальпурний Пизон и многие другие: «О детях, рожденных Илийей, Квинт Фабий, прозванный Пиктором, за которым следовали Луций Цинций, Порций Катон, Кальпурний Пизон и множество других авторов, вот что пишет». (Περὶ δὲ τῶν ἐκ τῆς Ἰλίας γενομένων Κόιντος μὲν Φάβιος ὁ Πίκτωρ λεγόμενος, ᾧ Λεύκιός τε Κίγκιος καὶ Κάτων Πόρκιος καὶ Πείσων Καλπούρσιος καὶ τῶν ἄλλων συγγραφέων οἱ πλείους ἠκολούθησαν, γέγραφε). Дионисий, вероятно, хочет сказать, что он «цитирует»⁴ одного лишь Фабия — на это указывает единственное число глагола γέγραφε («написал»), а не γεγράφασι («написали»)⁵. Про остальных писателей — Цинция, Катона и Пизона — он сообщает, что они за Фабием следовали (ἠκολούθησαν), а о степени точности этого «следования», можно только догадываться. Однако современные комментаторы и издатели предпочитают видеть за всем пространством фрагментом «Римских древностей» Дионисия тексты не только Фабия, но и Цинция, Катона и Пизона⁶.

Плутарх в своем рассказе о близнецах, поменяв порядок, недвусмысленно сообщает, что самую достоверную историю об основании Рима первым рассказал не Фабий, а грек Диокл с острова Пепаретоса, за которым во многом (ἐν τοῖς πλείστοις) следовал Фабий (Rom. 3.1): «Самую правдоподобную и под-

⁴ О принципах цитирования Дионисия мы поговорим немного ниже.

⁵ Отметим, что γέγραφε является конъектурой, все рукописи дают чтение τῆι γραφῆι.

⁶ См. напр.: Peter 1870: Пиктор: 8–19 (5b), Цинций Алиммент: 41 (3), Катон: 60 (15), Кальпурний Пизон: 120 (3); Chassignet 2003: Пиктор: 25–36 (7b), Цинций Алиммент: 55 (5); Chassignet 2002: Катон: 7–15 (16); Beck, Walter 2001: Пиктор: 76–81 (7b), Цинций Алиммент: 141 (5), Катон: 167 (1, 16), Кальпурний Пизон: 287 (5); FRH: Пиктор: 48–65 (F4a), Цинций Алиммент: 108–109 (F1), Катон: 168–169 (F14), Кальпурний Пизон: 298–299 (F5).

крепленную наибольшим числом свидетельств версию в главных ее чертах впервые передал грекам Диокл с Пепаретоса. Ее принял почти без изменений Фабий Пиктор, и, хотя между ними имеются некоторые расхождения, в общем содержание их рассказа сводится к следующему». Перевод С.П. Маркиша. (Τοῦ δὲ πίστιν ἔχοντος λόγου μάλιστα καὶ πλείστους μάρτυρας τὰ μὲν κυριώτατα πρῶτος εἰς τοὺς Ἕλληνας ἐξέδωκε Διοκλῆς Πεπαρήθιος, ᾧ καὶ Φάβιος ὁ Πίκτωρ ἐν τοῖς πλείστοις ἐπηκολούθηκε. γεγόνασι δὲ καὶ περὶ τούτων ἕτεραι διαφοραὶ· τύπῳ δ' εἰπεῖν τοιοῦτός ἐστι.)

В OGR в качестве источников названы сочинения Пиктора и Веннония, однако, кто за кем следовал, Фабий ли за Веннонием или Венноний за Фабием, непонятно (At vero Fabius Pictor libro primo et Vennonius [sc. tradunt] — OGR. 20.1).

Наконец, только Ноний приводит крохотную, вероятно, прямую цитату, где фигурирует один Пиктор (Fabius Pictor rerum gestarum libro I [...] — Non. 518M = 835L).

Чрезвычайно трудно понять, почему четыре упомянутых сочинителя, — Дионисий, Плутарх, Ноний и автор OGR, — говоря об одном и том же сюжете, приводят *разные* имена авторов, за которыми они следуют. Начитанный Дионисий знает Цинция, Катона и Пизона, но отчего-то не знает Диокла и Веннония (хотя последнего и упоминает в другом месте — *Dion. Hal.* IV.15.1–2). Не менее образованный Плутарх знает труд Диокла, но совершенно упускает из виду Цинция, Катона, Пизона (сочинения которых были ему знакомы), а также Веннония. Наконец, автор OGR штудировал Веннония, но не упоминает ни Цинция, ни Катона, ни Пизона, ни Дионисия, с чьими трудами он был знаком⁷, ни Диокла. Из пятерых этих авторов о двоих — Диокле и Веннонии — мы не располагаем фактически никакими данными. Есть отчего не согласиться с де Бофором и малодушно увериться, что Дионисий, Плутарх и автор OGR все-таки aient eu dessein de nous tromper⁸.

Приписываемые Пиктору фрагменты, о которых идет речь, оказались под пристальным вниманием современных исследователей. Вопреки внятным, на первый взгляд, утверждениям Дионисия, Плутарха, автора OGR и Нония, что именно Пиктор являлся их главным источником, ряд ученых с большой осторожностью и даже скептически принимает эти заявления. Было сделано много попыток выяснить, в самом ли деле римский анналист был ключевой фигурой, стоявшей за подробным рассказом о рождении Ромула и Рема. Чтобы разобраться, действительно ли Пиктор называл Марса отцом Ромула и Рема, нам предстоит предварительно понять, в самом ли деле Дионисий, Плутарх, автор OGR и Ноний следовали за сочинением Фабия, можем ли мы доверять их цитатам, а также каково место сообщению о Марсе в их рассказах.

⁷ Г. Петер полагал, что автор OGR был знаком с трудом Дионисия, хотя ни разу его не упоминает. Non vidi! См.: Momigliano 1958: 70–71.

⁸ «Имели намерение нас обмануть».

Задача намного упростилась бы, располагай мы сочинениями или хотя бы значительными фрагментами сочинений авторов, чьи имена упоминаются рядом с Пиктором — Цинция, Катона, Пизона, Диокла, Веннония. Увы, время не уберегло их сочинения. Сохранились всего одиннадцать фрагментов труда Цинция. Из них в четырех, согласно древним авторам, Цинций следовал за Пиктором. Мы располагаем всего двумя фрагментами, которые приписываются Веннонию, один из них — OGR. 20.1, к анализу которого мы приступим ниже. Наконец, пассаж из биографии Ромула, написанной Плутархом, — единственное упоминание о сочинении Диокла. Немного лучше обстоит с Катонем и Пизоном, но разрозненные фрагменты их «Историй» нельзя назвать крупными.

Однако если читатель подумает, что мы располагаем хоть какими-то сведениями о жизни этих историков, то ошибется. *Всё*, что известно об одной из ключевых фигур нашего расследования, Диокле, это то, что он до конца жизни пил холодную воду и жил раньше Деметрия Скепсийского, то есть ранее середины II в. до н. э. (*Athen. Deirn.* II.44e). Учитывая замечание Ливия (31.28.6), что в 200 г. до н. э. Филипп V разорил Пепаретос, можно согласиться с Б. Фриром, что Диокл еще до разрушения покинул остров и отправился в Рим, где, вероятно, и стал писать «Историю»⁹. Однако приведенное умозаключение бессмысленно, так как если доверять Плутарху, то Фабий, писавший «Анналы» в конце III в. до н. э., следовал за Диоклом, а не Диокл за Фабием. Таким образом, если Диокл уже написал свое сочинение до конца III в. до н. э., то замечание о разорении Пепаретоса не имеет никакого датирующего значения. Желание Б. Фрира «навязать» Диоклу путешествие в Рим понятно: греки Полибий, Дионисий, Плутарх приступали к сочинениям о Риме, уже побывав в Городе. Однако если все же задаться вопросом, был ли Диокл, о жизни которого мы не знаем ничего, в Риме, то ответ мне представляется не слишком очевидным.

Не вдаваясь в детали, заметим, что Диокл вполне мог писать историю Рима, ни разу в Риме не побывав. Возникает ощущение, которое, увы, не находит основательного подкрепления в текстах, что историк, на которого опирался Плутарх, не слишком хорошо знал точное расположение географических объектов вокруг Рима. Так, в Rom. 3.5 Амулий приказывает слуге выбросить младенцев (*ἐκέλευσεν αὐτοὺς ὑπὲρ ἑτὴν λαβόντα ῥίψαι*)¹⁰. И слуга, чтобы выполнить приказ царя, просто-напросто спустился к реке (*κατέβη μὲν ἐπὶ τὸν ποταμὸν ὡς ῥίψων*), словно Альба Лонга стояла на берегу Тибра. Вряд ли такую ошибку допустил бы тот, кто бывал в Риме¹¹. На самом деле, слуга должен был бы нести

⁹ Frier 1999: 261; Meurant 2000: 169–170; Vanotti 2003: 273, note 20.

¹⁰ В русском переводе С.П. Маркиша допущена любопытная ошибка: «Он приказал своему слуге взять их и бросить где-нибудь подальше». Как видим, в греческом тексте никакого «где-нибудь подальше» нет.

¹¹ Хотя Плутарх дважды был в Вечном Городе (конец 70-х и начало 90-х гг. н. э.) до того, как приступил к работе над биографией Ромула (после 96 г. н. э.), но в написании этого пассажа он мог

лохань с близнецами от Альбы Лонги до берегов Тибра, что составляет около 20 км — слишком внушительное расстояние, чтобы умертвить двух новорожденных. Бессмысленность этого путешествия бросается в глаза всякому, кто бывал в Риме и видел оттуда далекие Альбанские горы. Явно изумленный Дионисий даже указывает расстояние, которое слуги — Дионисий говорит, что их было несколько — должны были преодолеть — около 120 стадиев, то есть примерно 21 км. (1.79.4)¹².

Работа Диокла, вероятно, представляла собой сочинение об основании иноземных городов того рода, который греки называли *κτίσις*, то есть «основание». Подобных опусов греческие эрудиты написали великое множество, не столько желая точно описать далекий край, сколько связать его с греческими богами и героями¹³. В любом случае, посещал Диокл Рим или не посещал, он был либо старше Фабия, либо его современником¹⁴.

Имя Веннония лишь дважды помимо OGR упоминается в сохранившихся источниках. Цицерон в переписке к Аттику жалуется, что у него нет книги Веннония (*ac moleste fero* — Att. 12.3.1; Leg. 1.6), что, конечно, говорит о важности этой книги¹⁵. Это позволяет узнать весьма немного, а именно, что время жизни Веннония приходится на период между изданием греческих «Анналов» Пиктора и письмом Цицерона к Аттику, то есть между концом III в. до н. э. и 46 или 45 г. до н. э. В это время Цицерон работал над диалогами, которые хронологически были связаны с серединой II в. до н. э., и ему нужна была консультация об этом времени. Таким образом, труд Веннония доходил самое позднее до 146 г. до н. э.¹⁶

Проанализируем теперь все четыре рассказа, где упоминается Фабий, в хронологическом порядке.

А. Дионисий Галикарнасский

Дионисий достаточно подробно описывает предание о рождении близнецов (1.75.4–84.1). Свой рассказ он предваряет небольшим сообщением, что история об основателях Рима и о том, что происходило вокруг самого основания, весьма разнообразна (*περὶ τὴν κτίσιν ταύτην ἰστορήται πολλοῖς μὲν εἴρηται καὶ*

слепо следовать за своим непосредственным источником. См.: Аверинцев 1973: 48; Vanotti 2003: 236.

¹² Хотя место, где находилась Альба Лонга нам неизвестно, однако сегодня расстояние между Альбанским озером и берегом Тибра в Риме около 25 км. См.: Нетушил 1902: 68–69.

¹³ См. знаменитую статью Э. Бикермана, до сих пор не потерявшей своей актуальности: Bickerman 1952.

¹⁴ Р. Фласельер полагает, что Диокл жил в промежутке между второй половиной IV и началом III в. до н. э. Исследователь пишет, что выбор Плутарха в пользу греческих авторов обусловлен тем, что историк плохо знал латынь (Flacelière 1948: 86).

¹⁵ Richard 1983: 172.

¹⁶ С. Нортвуд полагает, что Венноний жил, скорее всего, во второй половине II в. до н. э. (FRH I: 250–251), а Э. Бэдиан относит даты его жизни ко времени Суллы (Badian 1966: 18).

διαφόρως τὰ πλείστα ἐνίοις). Сам же историк будет следовать за самой достоверной (τὰ πιθανώτατα — 1.75.4) версией. По всей видимости, в повествовании упоминает Марс (1.77.1–2), и Дионисий позволяет себе краткий комментарий к этому сообщению (1.77.3–4). В виду того, что глава 77 для нашей темы чрезвычайно важна, то приведу ее полностью.

«Четыре года спустя Илия посещает как-то священную рощу Марса ради чистой воды (εἰς ἱερὸν ἄλλος Ἄρεος ὕδατος ἀγνοῦ κομιδῆς ἕνεκα), которую она намеревалась использовать для жертвоприношений, и в этом святом месте некто совершает над ней насилие (βιάζεται τις ἐν τῷ τεμένει). Некоторые рассказывают (τοῦτον δὲ τινες μὲν ἀποφαίνουσι), что это был один из женихов девушки, влюбленный в нее с детства. Иные же сообщают (οἱ δὲ), что это был сам Амулий, скорее не из похоти, а по злему умыслу, прикрытый доспехами, в которых он собирался выглядеть устрашающе, так что смог сделать свою известную всем внешность неузнаваемой. 2. Большинство же предпочитает сказ о явлении божества, которому принадлежала эта роща, и наряду с этим о многих других божественных знаменьях, возбуждающих чувства, а именно: о затмении солнца, о тьме и мраке в небе (οἱ δὲ πλείστοι μυθολογοῦσι τοῦ δαίμονος εἶδωλον, οὗ τὸ χωρίον ἦν, πολλὰ καὶ ἄλλα τῷ πάθει δαιμόνια ἔργα <προσάπτοντες> ἡλίου τε ἀφανισμόν αἰφνίδιον καὶ ζόφον ἐν οὐρανῷ κατασχόντα). Видение имело необычайно дивный облик, который превосходил человеческий статью и очарованием (ὄψιν δὲ, ἦν καὶ τὸ εἶδωλον εἶχε, θαυμασιωτέραν μακρῶ δὴ τι κατὰ μέγεθος καὶ κάλλος ἀνθρώπων). И, говорят, что надругатель, утешая горющую деву, произнес нечто такое, что прояснило его божественную сущность, — что нечего огорчаться из-за приключившегося, ибо она вступила в союз с божеством, владеющим этой местностью, и произведет на свет двух мальчиков, самых могучих среди людей по доблести и по воинственности (φασί τε εἰπεῖν τῇ κόρῃ παρηγοροῦντα τὴν λύπην τὸν βιασάμενον, ἐξ οὗ γενέσθαι δῆλον ὅτι θεὸς ἦν, μηδὲν ἄχθεσθαι τῷ πάθει. τὸ γὰρ κοινῶν μα τῶν γάμων αὐτῇ γεγονέναι πρὸς τὸν ἐμβατεύοντα τῷ χωρίῳ δαίμονα, τέξεσθαι δ' αὐτὴν ἐκ τοῦ βιασμοῦ δύο παῖδας ἀνθρώπων μακρῶ κρατίστους ἀρετὴν καὶ τὰ πολέμια). Изрекши такие слова, он окутался облаком и, оторвавшись от земли, вознесся ввысь (ταῦτα δὲ εἰπόντα νέφεϊ περικαλυφθῆναι καὶ ἀπὸ γῆς ἀρθέντα φέρεσθαι δι' ἀέρος ἄνω). 3. Здесь не место решать, как же следует относиться к взглядам на это происшествие: то ли пренебречь ими как примером человеческого легковерия касательно богов (хотя божество не способно к какому-либо поступку, недостойному его бессмертной и блаженной природы), то ли принять эти предания как проявление смешанной сущности мироздания — т. е. о находящейся между богами и смертными некоей третьей природе, каковой является племя демонов, порой смешивающихся с людьми, порой — с богами, из чего, как говорят, рождается мифологический род героев. Как я уже сказал, тут не время рассуждать об этом, да и к настоящему времени философы достаточно высказались по этому поводу. 4. Так вот, после насилия девушка на людях выглядела немощной (необходимость такого поведения ей внушила мать ради ее без-

опасности и благочестия к богам), она уже не приближалась к святыням, но пребывала среди других дев, которые исполняли все те обязанности, что были возложены на нее» (перевод И.Л. Маяк).

Как мы видим, Дионисий неоднократно указывает, что пользовался работами разных сочинителей. Одни утверждали, что злодеем оказался слуга Амулия, другие — сам Амулий. Наконец, третьи, которые составляют большинство, плели небылицы, что, дескать, виновником насилия выступило некое видение под видом божества, которому было посвящено место (τοῦ δαίμονος εἶδωλον, οὗ τὸ χωρίον ἦν), где Илия набирала воду. Так как Дионисий упоминает (I.77.1) рощу Марса (ἄλσος Ἄρεος), то нетрудно сделать вывод, что этим самым божеством — δαίμων — и был Марс.

Бросается в глаза, что автор ни разу не говорит, что весталку обесчестил именно Марс. Он пишет про некое «божество», которому было посвящено место, где находилась роща (τοῦ δαίμονος εἶδωλον, οὗ τὸ χωρίον ἦν, а также πρὸς τὸν ἐμβρατεύοντα τῇ χωρίῳ δαίμονα), называет его «видением». Очевидно, что раз роща принадлежала Марсу, то и божеством, которое привиделось в этой роще, должен был быть Марс. Тем не менее Дионисий здесь не называет имени этого бога. Разумное объяснение такой странности дал Э. Габба. Он полагает, что Дионисий «пытался, насколько это было в его силах, оставить в стороне всякое мифическое предание о вторжении богов в человеческие дела»¹⁷, что ученый грек «не желал вторгаться в особый спор о богах или о мифологии и всякий раз ограничивался записью того, что он находил в римской истории. Такая позиция — ее можно назвать агностицизмом — типична для Дионисия. В I.77.3 он отказывается приписывать богам недостойное для них действие»¹⁸. Он утверждает, что боги не способны на такие деяния, он не может заставить себя принять теорию о каком-либо промежуточном народе между людьми и богами — о демонах, которые соединившись, породили героев. Даже здесь Дионисий отказывается спорить о ценности подобных мифических рассказов, хотя, признавая наличие таких историй, он воспроизводит их так, как он их обнаружил. То, что он отрицает какую бы то ни было теоретическую дискуссию, хорошо укладывается в его историографическую концепцию»¹⁹. Замечание Э. Габбы, что Дионисий не желал уличать богов в деяниях, недостойных их, подкрепляется суждением Варрона, которое сохранилось у Августина (De

¹⁷ Gabba 1991: 118.

¹⁸ Впрочем, в дальнейшем Дионисий напрямую называет Марса отцом близнецов (2.2.3), оговаривая, однако, что так полагают римляне (πατὴρ δὲ ἀκριβείαν μὲν οὐ ῥᾶδιον εἰπεῖν ἐξ ὅτου φύντες, πεπίστευται δὲ ὑπὸ Ῥωμαίων Ἄρεος υἱοὶ γενέσθαι — «не просто сказать с точностью, от какого отца они произошли, римляне же верят, что они дети Ареса»). Полагаю, что неуверенность Дионисия связана не с тем, что он сомневается в возможности бога быть отцом исторического персонажа, а именно с тем, что древние авторы предлагали историку разные варианты, из которых трудно выбрать наиболее правдоподобный. Не обусловлено ли особое обхождение с именем бога в I.77.3 тем, что в *источнике* Дионисия бог вообще не упоминался?

¹⁹ Gabba 1991: 124–125.

civ. 18.10): et tamen Marcus Varro non vult fabulosis adversus deos fidem adhibere figmentis, ne de maiestatis eorum dignitate indignum aliquid sentiat... Haec Varro non credit, ne deorum naturae seu moribus credat incongrua («Марк Варрон не хочет, однако, доверять баснословным измышлениям о богах, чтобы не подумать чего-нибудь, недостойного величия... Варрон этому (спору Юноны, Минервы и Венеры за яблоко Париса — А.М.) не верит из опасения, как бы не помыслить чего-нибудь, не соответствующего природе и нравам богов» — пер. С.И. Еремеева).

Обратим внимание на принципиально важную деталь. Дионисий описывает случай с Марсом и Реей Сильвией в главе 1.77, а на Пиктора ссылается позднее — в главе 1.79, то есть в рассказе, где слуга несет близнецов к Тибру, в чьих водах по желанию Амулия они должны были погибнуть. То есть в тексте Дионисия об отцовстве Марса сообщается до того, как он начинает «цитировать» Пиктора. Издатели FRH помещают весь фрагмент 1.77–78 в раздел, посвященный Пиктору, но не выделяют его полужирным курсивом как остальные тексты, приписываемые римскому анналисту²⁰.

Тем не менее, желание увидеть в главах 1.77–78 влияние Пиктора весьма логично и имеет единственный, но очень существенное основание. Дело в том, что содержание этих глав соотносится с сообщениями Плутарха и OGR, где также есть ссылки на Пиктора. Но об этих двух сочинениях мы поговорим чуть ниже.

Исходя из вышесказанного, можно прийти лишь к одному выводу. В той части рассказа, где упоминается Марс (1.77.1–2), Дионисий опирался на различные, к сожалению, неизвестные нам сочинения. Согласно одним из этих источников, насильником был слуга Амулия, согласно вторым — сам Амулий, согласно третьим и самым многочисленным, — некое божество, которому было посвящено место, где Рея набирала воду. Из этого вовсе не следует, что Пиктор принадлежал к большинству, которое сообщало о божестве (οἱ δὲ πλείστοι μυθολογοῦσι) — анналист вполне мог быть и среди первых, и среди вторых, и среди третьих, а мог и совсем не упоминать отца младенцев. Таким образом, на основании одних только «Римских древностей» Дионисия, нельзя сделать вывод, что Фабий упоминал Марса как отца близнецов.

Здесь мы немного отклонимся от основного хода нашего исследования и сделаем несколько самых общих замечаний, касающихся «большой цитаты» из труда Фабия Пиктора, которую мы встречаем у Дионисия (1.79.4–83.3).

В 1976 г. Ж. Пусэ опубликовал статью, которая до сих пор не утратила актуальности. Он утверждает, что этот «большой фрагмент» не относится к сочинению Пиктора²¹. По мнению исследователя, античные историки опирались в своих изысканиях не на древнейшие работы, хотя и упоминаемые ими, а

²⁰ Замечу, что никакие другие издатели фрагментов сочинения Пиктора — ни Петер, ни Шассинье, ни Вальтер и Бек — вообще 1.77 не приводят, начиная цитирование с 1.79.4.

²¹ Pouscet 1976: 207.

на работы своих современников и ближайших предшественников. Образно говоря, стол античного исследователя был завален не ветхими и пыльными рукописями, которые он выудил из римских архивов и библиотек, а новехонькими свитками, только что вышедших из недр скриптория. Они содержали упоминания о более ранних историках, а те в свою очередь хранили сноски на совсем уж древних писателей, анналистов и поэтов. А отправной точкой для всех был Пиктор. Он был началом длинной цепи, но это вовсе не значит, что потомки его слепо копировали. Вероятно, античные историки, которые имели дело с древними преданиями, были свободны в описании многочисленных деталей и отступлений, придерживаясь лишь самой общей идеи. Предания постоянны лишь в своей изменчивости, каждая их литературная запись является лишь еще одним отражением бесконечной метаморфозы²². Трудно поверить, что двести лет, которые отделяют Пиктора от Дионисия, не сыграли никакой роли в развитии легенды о близнецах. Еще труднее поверить, что тексты Пиктора, написанные, согласно некоторым древним авторам, простым языком, лишенным всяких синтаксических красот и драматургических изысков, были механически перенесены в сочинения Дионисия и Плутарха.

Последнее кажется совсем невероятным. О безыскусном слоге Пиктора говорит Цицерон (*De orat.* 2.53): «Каковы у греков были Ферекид, Гелланик, Акусилаи и очень многие другие, таковы наши Катон, Пиктор, Пизон; они не знают, чем украшается речь (эти украшения явились у нас лишь недавно), они хотят лишь быть понятными и единственным достоинством речи считают краткость» (перевод Ф.А. Петровского)²³.

В другом месте у Цицерона (*De leg.* 1.6–7) мы находим: «Ибо, если – после летописей верховных понтификов, самых приятных книг, какие только могут быть, — обратиться к Фабию или к тому человеку, о котором ты всегда упоминаешь, — к Катону, или к Пизону, или к Фаннию, или к Веннонию (хотя среди них один отличается большей, другой – меньшей силой изложения), то кто может быть скучнее всех этих людей? Правда, Целий Антипатр, современник Фанния, писал немного живее; именно он, хотя и отличался грубой силой и необработанным языком и был лишен блеска и искусства, все же мог подвинуть остальных на то, чтобы они писали тщательнее. Но вот ему на смену пришли Геллий, Клодий и Азеллион; у них нет ничего общего с Целием, скорее есть нечто общее с бесцветностью изложения и неловкостью писателей старшего поколения. Ибо зачем мне упоминать о Макре? Он, при своей многоречивости, правда, отличается некоторым остроумием, но все же заимствует его не из ученого изобилия греков, а у жалких латинских переписчиков» (перевод В.О. Горенштейна)²⁴.

²² “Les légendes sont dynamiques, non pas statiques” (Poucet 1976: 208).

²³ “Talis noster Cato et Pictor et Piso, qui neque tenent quibus rebus ornetur oratio [...] et, dum intellegatur quid dicant, unam dicendi laudem putant esse brevitatem”.

²⁴ “Nam post annalis pontificum maximorum, quibus nihil potest esse iucundius, si aut ad Fabium aut

Отметим, что в этих фрагментах Цицерон называет кроме Пиктора еще Катона, Пизона и Веннония, то есть тех, которые фигурируют в текстах Дионисия и OGR.

Наконец, указание на краткость языка Пиктора мы встречаем у самого Дионисия (1.6.2): «Истории, сходные с греками и ни в чем от них не отличающиеся, публиковали и некоторые римляне. События древнего Рима они описывали на греческом языке. Самые ранние из них — Квинт Фабий и Луций Цинций. Расцвет их жизни приходится на время Пунических войн. Каждый из них те события, в которых сам принимал участие, описывал точно, исходя из собственного опыта; а то, что случилось после основания города, упоминал лишь в общих чертах»²⁵.

Если довериться мнению Цицерона и Дионисия, что сочинения Фабия были кратки и скучны, то, пожалуй, стоит согласиться с Ж. Пусэ, что стиль анналиста должен был отличаться от того, которым написан «le grand fragment» «Римских древностей» Дионисия (1.79–83).

Статья Ж. Пусэ отличается, к сожалению, значительной однобокостью, которая в известной степени может повлиять на выводы исследователя. Он, нарочно ли, случайно ли, упускает из виду один крайне важный контраргумент. Дело в том, что, как справедливо заметил Дж. Вербрюгге, кроме текста Дионисия есть столь же подробный текст Плутарха, который также ссылается на Фабия, и сходство между этими двумя фрагментами значительно, из чего можно сделать вывод о едином источнике²⁶. Помимо этого, нерешенной проблемой является то, что Дионисий и Плутарх использовали один и тот же текст Фабия, полностью помещая его в легенду о близнецах. Чем обусловлено, что их «цитирование» истории о Ромуле и Реме — каким бы подробным или пунктирным оно ни было — не началось раньше и не закончилось позднее? Вероятно, в этом нужно видеть законченность фабиевского фрагмента.

Однако современные издатели публикуют пассаж *Dion. Hal.* 1.75.4–79.3 именно во фрагментах «Греческих анналов» Пиктора²⁷. Как уже было сказа-

ad eum qui tibi semper in ore est Catonem, aut ad Pisonem aut ad Fannium aut ad Vennonium uenias, quamquam ex his alius alio plus habet uirium, tamen quid tam exile quam isti omnes? Fannii autem aetati coniunctus <Coelius Anti>pater paulo inflauit uehementius, habuitque uires agrestis ille quidem atque horridas, sine nitore ac palaestra, sed tamen admonere reliquos potuit ut adcuratius scriberent. Ecce autem successere huic <G>elli<us>, Clodius, Asellio, nihil ad Coelium, sed potius ad antiquorum languorem et inscitiam. Nam quid Macrum numerem? Cuius loquacitas habet aliquid argutiarum nec id tamen ex illa erudita Graecorum copia, sed ex librariolis Latinis».

²⁵ ὁμοίως δὲ τοῦτοις καὶ οὐδὲν διαφόρους ἐξέδωκαν ἱστορίας καὶ Ῥωμαίων ὅσοι τὰ παλαιὰ ἔργα τῆς πόλεως Ἑλληνικῆ διαλέκτῳ συνέγραψαν, ὧν εἰσι πρεσβύτατοι Κόντιός τε Φάβιος καὶ Λεύκιος Κίχχιος, ἀμφότεροι κατὰ τοὺς Φοινικικοὺς ἀκμάσαντες πολέμους. τούτων δὲ τῶν ἀνδρῶν ἑκάτερος, οἷς μὲν αὐτὸς ἔργους παρεγένετο, διὰ τὴν ἐμπειρίαν ἀκριβῶς ἀνέγραψε, τὰ δὲ ἀρχαῖα τὰ μετὰ τὴν κτίσιν τῆς πόλεως γενόμενα κεφαλαιωδῶς ἐπέδραμεν. См.: Мосолкин 2014: 181–195.

²⁶ Verbrugge 1981: 236–238.

²⁷ С. Маццарини и Э. Перуцци полагали, что Дионисий цитирует Фабия буквально или близко к тексту, поэтому на основании «Римских древностей» можно восстановить текст «Греческих анна-

но, *единственным* аргументом для такого решения является то, что сходную историю с опорой все на того же Пиктора сообщают Плутарх и автор ORG.

Б. Плутарх

Сообщение, приведенное Плутархом, не столь изысканно сложно и испещрено вставками, как сообщение Дионисия. Плутарх почти не прерывает свой рассказ ссылками на неизвестных авторов, которые излагают очередной вариант предания. Писатель начинает повествование о близнецах с сообщения, что «самую правдоподобную и подкрепленную наибольшим числом свидетельств версию в главных ее чертах впервые передал грекам Диокл с Пепаретоса. Ее принял почти без изменений Фабий Пиктор, и, хотя между ними имеются некоторые расхождения, в общем содержание их рассказа сводится к следующему» (Rom. 3). Эти строчки и сама ссылка на неведомого нам Диокла вызвала достаточно активную дискуссию²⁸. Не вдаваясь в подробности, отмечу лишь, что Плутарх, по-видимому, следовал за текстом Диокла, а не Фабия²⁹. Допускаю, что сочинение Диокла не было столь «популярным», как сочинение Пиктора. Оттого-то, вероятно, Плутарх и почувствовал некоторым образом свою заслугу, что разыскал среди греков такого редкого автора, за которым следовал «знаменитый» Пиктор.

Стоит обратить внимание, что между двумя текстами существовали незначительные разночтения, в которые Плутарх, по-видимому, не давал себе труда вдаваться. Эти разночтения он отметил и в сюжете об отце близнецов (Rom. 4): «Поблизости росла дикая смоковница, именованная Руминальской, — либо в честь Ромула (таково мнение большинства — ὡς οἱ πολλοὶ νομίζουσιν), либо потому, что в ее тени прятались от полуденного зноя жвачные животные, либо — всего вернее — потому, что новорожденные сосали там молоко: сосок древние называли «рума» (ὠνόμαζον οἱ παλαιοί), а некую богиню, надзирающую, как они думали, за вскармливанием младенцев, — Руминой, и жертвоприношения ей совершали без вина, окропляя жертву молоком. Под этим деревом и лежали дети, и волчица, как рассказывают (ἰστοροῦσι), подносила к их губам свои сосцы, а дятел помогал ей кормить и охранять близнецов. И волчица, и дятел считаются священными животными Марса (νομίζεται δ' Ἄρεως ἱερὰ τὰ ζῷα), а дятел пользуется у латинян особым почетом. Поэтому, когда дочь Нумитора утверждала, что родила от Марса, ей охотно верили. Говорят (λέγουσιν),

лов» (Mazzarino 1966: 65; citato letteralmente (для 1.79.4–14); Peruzzi 1973: 9, n. 2. См.: Meurant 2000: 110, note 26.

²⁸ Приведу лишь некоторые работы: Niebuhr 1903: 76; Peter 1870: LXXXI–LXXXIII; Holzinger 1912: 175–202; De Sanctis 1980: 222, note 181–182; Mazzarino 1966: 65–66; Erasmus 1962: 81–83 (с библиографией); Timpe 1972: 941–944, 947–948; Cornell 1975: 10, note 2, 19, 26 note 5; Dury-Moyaers 1981: 79–80; Poucet 1985: 59 (с библиографией); Ampolo 1988: 276–279 (с библиографией, в которой встречаются ошибки); Frier 1999: 260–262, 264–268; Vanotti 2003: 244, 272–273; FRH: 16, 18.

²⁹ Кажется, только Нибур начисто отрицал значение Диокла: Niebuhr 1903: 76.

впрочем, что она была введена в обман Амулием, который предстал перед нею в доспехах и силой отнял у нее девство. Согласно же иному взгляду, в сторону чистой сказки повернула предание двусмысленность имени кормилицы (οἱ δὲ τοῦνομα τῆς τροφῆς δι' ἀμφιβολίαν ἐπὶ τὸ μυθῶδες ἐκτροπήν τῆ φήμῃ παρασχεῖν). «Лула» по-латыни и самка волка, и женщина, занимающаяся ремеслом блудницы, но как раз такую женщиной и была жена Фаустула, по имени Акка Ларенция, выкормившая мальчиков. Римляне приносят ей жертвы, а в апреле жрец Марса совершает в ее честь заупокойное возлияние, и праздник этот зовется Ларентами» (перевод С.П. Маркиша). Это единственное место в биографии Ромула, где Марс называется отцом близнецов.

Плутарх (3.1) четко указывает, что он следует за Диоклом с Пепаретоса и Пиктором. Однако последующий рассказ его постоянно прерывается множеством вставок, безымянное авторство которых писатель, к сожалению, не раскрывает. Он ссылается и на мнение большинства (οἱ πολλοὶ νομίζουσιν), и просто на «иной взгляд»; Плутарх не ленится приводить различные версии, всякий раз добавляя к ним приписку, что так, дескать, рассказывают (ἱστοροῦσι) или так считается (νομίζεταί) общепризнанным³⁰. Если даже допустить, что биограф в целом следовал за Диоклом и Фабием, то нельзя быть в этом уверенным, когда имеешь дело с отдельными небольшими фрагментами, где Плутарх выплетает витиеватое кружево пестрых баек, преданий и домыслов. Очевидно, что многоплановость рассказа отражает знания писателя в области как греческой, так и латинской литературы. Ведь если бы Плутарх пользовался только трудами Диокла и Пиктора, которые были первыми в длинной череде историй о Ромуле и Реме, то его повествование было бы более прямолинейным. Поэтому утверждать, что за большим рассказом Плутарха стояли только Фабий или только Диокл, представляется слишком наивным.

Сопоставляя тексты Дионисия и Плутарха, можно сказать, что сюжетная линия у обоих историков одина. Однако при всей внешней схожести имеется одно существенное расхождение. Если Дионисий упоминает о божестве (т. е. предположительно о Марсе) в рассказе о насилии над Реей, когда она набирала в роще Марса воду для священнодействий, то у Плутарха мы встречаемся с богом войны мы гораздо позднее — в рассказе о спасении детей. Кроме того, автор «Римских древностей» приводит три суждения касательно отцовства близнецов (Амулий, слуга и бог, кому была посвящена роща), а Плутарх — два (Марс и Амулий). К тому же, суждения эти приводятся в разном порядке. Если бы оба автора располагали единым источником, то, вероятно, количество версий и порядок их изложения у них было бы одинаковым — если, конечно, Плутарх — намеренно или случайно — не пренебрег одной из них.

³⁰ К сожалению, вопреки всей очевидности, об этом нельзя говорить категорично. Ниже мы поговорим об источниках OGR — в целом не может быть высокого доверия к надежности цитирования в этом сочинении.

При нашем состоянии источников объяснить такое очевидное расхождение, представляется, практически невозможным. Опора для любых суждений столь ненадежна, что, воспарив мыслью в облака и сделав неосторожный шаг, исследователь рискует с головой уйти в темную воду. На мой взгляд, существуют три варианта объяснения.

1. Композиционное. Дионисий и Плутарх посчитали, что сообщение о Марсе уместно именно там, где каждый из них его поместил. Не считаясь с буквой своего источника, каждый из авторов был волен перемешать имеющийся материал в произвольном порядке по своему вкусу.
2. Оба писателя сообщают, что они следовали за несколькими авторами. Можно предположить, что контекст упоминания о Марсе отражает различный выбор источников — если допустить, что Дионисий следовал за Фабием (Цинцием, Катонем), то Плутарх мог следовать за Диоклом. А уж Фабий с Диоклом могли передавать несогласованные друг с другом версии.
3. Методика работы древнего историка, вероятно, сильно отличалась от методики историка современного. Если мы, обложенные книгами и статьями на самых разных языках, вынуждены всякий раз точно сверять нужную цитату, то наши древние собратья были гораздо свободнее при сочинении текста. Незнакомые с авторскими правами, они могли ограничиться туманным указанием «как некоторые сообщают» и приводить чужие суждения, не удосуживаясь точным обозначением источника. Древним историкам не нужно было просматривать всю литературу на всех доступных им языках, — очевидно, им нужен был только греческий и латинский, — чтобы высказать свое суждение. Они даже могли высказать чужое суждение, выдав его за свое. А могли и наоборот: перед собственным высказыванием «запасались» необходимыми именами предшественников, а потом уже вольно интерпретировали любые доступные им источники.

B. Origo gentis Romanae

Разумеется, все эти рассуждения сильно подрывает веру в точность цитирования древних. Тем не менее неуверенные суждения Дионисия и Плутарха, что именно Пиктор уже рассказывал про Марса, неожиданно получают подкрепление в лице автора OGR, который уже напрямую называет Пиктора автором предания об отцовстве бога войны. В OGR мы читаем следующее (19.5–20.1–4):

At vero Marcus Octavius et Licinius Macer tradunt Amulium, patrum Rheae sacerdotis, amore eius captum, nubilo caelo obscuroque aere, cum primum illuscere coepisset, in usum sacrorum aquam petenti insidiatum in luco Martis compressisse eam. Tum exactis mensibus geminos editos. 6 Quod cum comperisset, celandi facti gratia per scelus concepti, necari iussit sacerdotem, partum sibi exhiberi. 7 Tumque Numitorem

spe futurorum, quod hi, si adoleuissent, iniurarium suarum quandoque ultores futuri essent, alios pro eis subdidisse illosque suos ueros nepotes Faustulo pastorum magistro dedisse nutriendos. 20.1 At vero Fabius Pictor libro primo et Vennonius solito institutoque egressam virginem in usum sacrorum aquam petitem ex eo fonte, qui erat in luco Martis, subito imbris tonitribusque, quae cum illa erant, disiectis a Marte compressam conturbatamque, mox recreatam consolatione dei nomen suum indicantis affirmanisque ex ea natos dignos patre evasuros. 2 Primum igitur Amulius rex, ut comperit Rheam Silviam sacerdotem peperisse geminos, protinus imperavit deportari ad aquam profluentem atque eo abici. 3 Tum illi, quibus id imperatum erat, impositos alveo pueros circa radices montis Palatii in Tiberim, qui tum magnis imbris stagnaverat, abiecerunt eiusque regionis subulcus Faustulus speculatus exponentes, ut vidit relabente flumine alveum, in quo pueri erant, obhaesisse ad arborem ficu puerorumque vagitu lupam excitam, quae repente exierat, primo lambitu eos detersisse, dein levandorum uberum gratia mammas praebuisse, descendit ac sustulit nutriendosque Accae Larentiae, uxori suae, dedit, ut scribunt Ennius libro primo et Caesar libro secundo. 4 Addunt quidam Faustulo inspectante picum quoque advolasse et ore pleno cibum pueris ingessisse; inde videlicet lupum picumque Martiae tutelae esse. Arborem quoque illam Ruminalem dictam, circa quam pueri abiecti erant, quod eius sub umbra pecus acquiescens meridie ruminare sit solitum.

«Однако Марк Октавий и Лициний Макр передают, что дядя весталки Реи Амулий, охваченный любовью к ней, устроил ей засаду в роще Марса, учинил над ней насилие, едва стало светать при облачном и мрачном небосклоне, когда она шла за водой для совершения священнодействия: по прошествии установленного времени она родила близнецов. 6 Когда он узнал об этом, чтобы скрыть этот случай преступного зачатия, он приказал убить весталку, а ее детей представить ему. 7 Тогда (будто бы) Нумитор в надежде на будущее и на то, что если эти младенцы вырастут, они явятся когда-нибудь мстителями за перенесенные ими обиды, заменил их другими, а тех, своих настоящих внуков, дал на воспитание старшему пастуху Фаустулу. 20.1 Однако Фабий Пиктор в книге I и Венноний пишут, что дева весталка по обычаю и как было положено пошла за водой для священнодействий к источнику, который был в роще Марса, но внезапно среди дождя и грозы, потеряв свою спутницу, сочеталась с Марсом. Она была смущена, но вскоре успокоилась, утешенная богом, объявившим [ей] свое имя и предсказавшим, что рожденные ею будут достойны своего отца. 2 Когда царь Амулий узнал о том, что жрица Рея Сильвия родила близнецов, он прежде всего приказал отнести младенцев к реке и бросить их в ее текущие воды. 3 Однако те, кому это было приказано сделать, положили мальчиков в корыто и спустили у подножия Палатинского холма в Тибр, который в то время сильно разлился от обильных дождей. Но свинопас той местности, Фаустул, подсмотрел, как их (т. е. близнецов) спустили в реку, а потом, когда вода начала спадать, увидел, как корыто, в котором были дети, зацепилось за дерево фикус. Крики младенцев были услышаны неожиданно появившейся волчицей; сначала она принялась их лизать, а потом дала им свои соски, отягощенные наполненным их молоком. Фаустул спустился вниз, взял корыто и передал младенцев на воспитание своей жене Акке Ларенции. Так об этом пишут Эний в книге первой и Цезарь в книге второй. 4 Некоторые добавляют, что когда Фаустул подглядывал, то заметил также и дятла, который прилетел к младенцам с полным клювом пищи, очевидно, поэтому

волк и дятел пользуются покровительством Марса. Дерево, у которого были брошены младенцы, было названо Питательным, потому что в его тени обычно отдыхает в полдень скот и здесь пережевывает свою пищу» (перевод В.С. Высокого).

«*Origo gentis Romanae*» — произведение хотя и небольшое и написанное на простой и плохой латыни³¹, вызывает много вопросов, над которыми бились и бьются лучшие умы. Сам же фрагмент представляет из себя крепкую многоуровневую загадку. Начнем с того, что попытаемся выяснить, где начинаются и где заканчиваются цитаты из сочинений Фабия и Веннония. Были сделаны неоднократные попытки определить границы между цитированием Фабия и Веннония, а также Энния³² и Цезаря.

1. К Мюллер, — а вслед за ним и С. Нортвуд — относят к Фабию и Веннонию лишь фрагмент 20.1, специально отметив, что затрудняются сказать, к сочинению какого из Фабиев его следует приписать — Нумерия или Квинта³³. Ж.-К. Ришар замечает, что содержание этого фрагмента является вариантом рассказа (19.5–7), в котором автор OGR приводит версию М. Октавия и Лициния Макра о рождении детей³⁴.
2. Ф. Якоби (809) — считает, что Фабию Пиктору принадлежат фрагменты 20.1 и 20.4; вероятно, под *addunt quidam* («некоторые добавляют») в 20.4 он понимает, вероятно, Пиктора.
3. Б. Фрир, имплицитно О. Скучч, а также Д'Анна относят к сочинению Фабия фрагменты 20.1 и 20.2³⁵.
4. М. Шассинье — приписывает первому римскому историку весь фрагмент 20.1–3 до слов *dein levandorum uberum gratia mammas prae buisse, descendit*. То есть исследовательница относит к Эннию и Цезарю только короткое заключение в 20.3, согласно которому близнецы были отданы Акке Ларенции. Она полагает, что Энний и Цезарь должны были опираться на ставшую канонической версию Фабия³⁶.

Мне представляется, что в настоящее время точно определить, где заканчивается цитата из Фабия и Веннония, и начинается — из Энния и Цезаря, невозможно. Однако нужно отметить несколько важных обстоятельств.

Во-первых, содержание фрагмента 20.1 не совпадает в полной мере ни с одним из сохранившихся текстов древних авторов, где рассказывается о рождении близнецов, в том числе с рассмотренными выше сообщениями Дионисия и Плутарха (*Dion. Hal.* 1.77.1–2; *Conon.* FGrHist. 26. F 1 (48); *Ovid.* *Fasti.* 3.21; *Tib.* 2.5.51–54; *Serv. Aen.* 1.273; *Plut.* *Rom.* 4.2–3; *Aug.* *De civ.* 18.21). *Наиболее* близкий вариант — у Дионисия (1.77.2), где как раз говорится о Марсе. Если доверять

³¹ D'Anna 1997: 31.

³² Энний цитируется в OGR дважды. См.: Vahlen 1903: XC VII.

³³ FHG. 3. frag. 23.

³⁴ Richard 1983: 171; см. также: FRH. II: 228.

³⁵ Frier 1970: 159; Skutsch 1985: 76 (fr. 44); D'Anna 1997: 121–122.

³⁶ Chassignet 2003: Fabius Pictor. Frag. 7c, 79.

автору OGR, что он и в самом деле использовал трактат Фабия Пиктора, то сходство между OGR и текстом Дионисия должно было бы указывать на то, что оба автора основывались на одном источнике — «Греческих анналах» Фабия³⁷. Однако между этими текстами существуют все же значительные отличия, которые, кажется, не позволяют говорить об общем источнике. В OGR (20.1) весталка набирает воду по заведенному обычаю (*solito institutoque*), а насилие случается лишь после того, как подружки ее были оттеснены ливнем и молнией (*subito imbribus tonitribusque quae cum illa erant disiectis*). Дионисий же говорит совсем иное — он ничего не сообщает ни о спутницах Реи, ни об обычае набирать воду, а само событие происходит в полной темноте — при солнечном затмении (1.77.2). Если отсутствие указаний у Дионисия на обычай и на спутниц можно объяснить тем, что он посчитал эти сведения несущественными, то несовпадение описаний «природных катаклизмов» говорит либо о разных источниках, либо о писательском волюнтаризме, что, как уже говорилось, было свойственно Дионисию.

Во-вторых, содержание, вероятно, «не-пикторовского» пассажа OGR (20.2–3): Амулий узнает о рождении детей, приказывает бросить близнецов в реку и далее вплоть до появления волчицы и спасении детей Фаустулом и Аккой Ларенцией — в целом соответствует «пикторовским» фрагментам у Дионисия (79.4–10) (без указания имени Акки Ларенции), а также у Плутарха (Rom. 3–4).

В-третьих, сюжеты, изложенные автором OGR (20.2–3) (о приказе Амулия, о волчице, о Фаустуле), присутствовали, вероятно, как в сочинении Фабия (см. выше у Дионисия и Плутарха), так и в поэме Энния. В «Анналах» римский поэт писал (fr. 43 Skutsch):

Indotuetur ibi lupus femina, conspicit omnis:
Hinc campum celeri passu permensa parumper
Conicit in silvam esse³⁸.

Таким образом, если автор OGR держал перед собой как труд Энния, так и труд Фабия, то оказывается странным, что для одного и того же описания он не приводит Фабия, Веннония, Энния и Цезаря вместе, а «разрывает» их. На мой взгляд, эту странность можно объяснить двумя причинами. Либо у автора OGR под рукой не было текстов, на которые он ссылался, и он вынужден был работать с ними через вторые или третьи руки. Либо же ссылку на Энния нужно только для фрагмента, где речь идет о том, что близнецы были отданы на воспитание именно Акке Ларенции. Мы знаем, что древние авторы пытались объяснить присутствие волчицы в мифе тем, что слово *lupa* означало как волчицу, так и падшую женщину. В таком случае, автор OGR выбрал

³⁷ В FRH II: 228 С. Нортвуд не замечает упоминание об Аресе у Дионисия (1.77.1).

³⁸ Ср. также: *Verg. Aen.* 8.630–634. Этот фрагмент древний комментатор «Энеиды» полностью приписывает Эннию (*sane totus hic locus Ennianus est* — In *Aen.* 8.631). См.: Skutsch 1985: 216.

именно первый вариант с волчицей, сославшись на Энния, а второй вариант опустил вовсе.

Наконец, в-четвертых, фрагменты 20.2 и 20.3 неразрывно связаны как логически, так и грамматически, их нужно воспринимать как единое целое: “2. *Primum igitur Amulius rex... 3. tum illi... abiecerunt...*” (2. Как только царь Амулий ..., 3. затем те... выбросили...). Исходя из этого, предположение Фрира, Скугча и Д’Анны, что Фабию и Веннонию следует приписывать только фрагменты 20.1 и 20.2, представляется маловероятным.

С другой стороны, если содержание OGR 20.2–3 все же соответствует текстам Дионисия и Плутарха, получается следующая картина: за «пикторовским» пассажем OGR 20.1 идет не атрибутированный фрагмент 20.2–3, который, однако, соответствует «пикторовским» отрывкам у Дионисия (строго говоря, частично: 1.78.1–79.10) и у Плутарха (3.4–4). Таким образом, весь рассказ, изложенный в OGR (20.1–3)³⁹ основывается, вероятно, на сочинении Пиктора и слегка «приукрашен» ссылкой на Энния и Цезаря, что именно Акка Ларенция взяла на воспитание детей.

Мы оказались в странной ситуации. С одной стороны, автор OGR, ссылаясь на Фабия Пиктора (20.1) повествует о тех же событиях, что и Дионисий (1.77.1), который на Пиктора в этом фрагменте не ссылается⁴⁰. С другой стороны, существенные различия в деталях между текстами Дионисия Галикарнасского (1.77.1) и OGR (20.1), которые были бы невозможны при наличии общего источника, говорят о том, что Дионисий и автор OGR основывались на разных источниках. Конечно, можно предположить, что на тексте Фабия основывается автор OGR, а Дионисий использует другое сочинение — это логически объясняет различия между ними. Однако в таком случае непонятно, почему Дионисий рассказывая ту же историю, ссылается на «Анналы» Пиктора не во фрагменте 1.77, а дальше, начиная с 1.79.4. Даже если предположить, что Дионисий по какой-то веской причине, не упомянув Фабия, стал фрагмент из его сочинения приводить раньше, все же полагаю, что за фрагментом OGR 20.1 вообще не нужно видеть «Греческие анналы» Фабия Пиктора. Для такого заключения у меня есть две причины.

Во-первых, ссылка на сочинение древнего автора не означает, что автор OGR в самом деле видел эту работу⁴¹. Даже в том случае, когда он ссылается на два труда, не только нет уверенности, что он точно цитирует хотя бы один из них, но есть сильные основания подозревать, что он не видел ни одной из этих работ, а ссылается на них через посредничество автора, имя которого да-

³⁹ Под *addunt quidam* из OGR 20.4 я склонен видеть кого угодно, но не Пиктора.

⁴⁰ Даже если одним из тех, про кого Дионисий говорит *οἱ δὲ πλείστοι μυθολογοῦσι* (1.77.2), был Пиктор.

⁴¹ Не стану останавливаться на этом вопросе, так как это уведет нас в сторону. Подробнее с примерами см.: Cameron 2004: 328–334.

же не удосужился сообщить⁴². В нашем случае, компилятор, вероятно, не знал не только сочинение Пиктора, но и труд Веннония, а ссылку на этих двух авторов нашел в неизвестной нам книге.

Во-вторых, как ни странно, точная ссылка вызывает еще больше сомнений в том, что автор OGR пользовался именно «Греческими анналами» Пиктора⁴³. Он указывает (20.1) место заимствования: “Fabius Pictor libro primo”, то есть «в первой книге Фабия Пиктора». Однако указания на номер книги «Анналов» Пиктора встречаются лишь в латинских источниках, которые основываются, по-видимому, на «Латинских»⁴⁴, а не на «Греческих анналах»⁴⁵, а греческие авторы ни разу не называют номер книги Фабия. Это сложно объяснить, ведь речь идет о случайной выборке. Однако если принимать эти свидетельства буквально, то напрашивается вывод, что «Греческие анналы» состояли из одной книги, а «Латинские» — из нескольких.

Проведенный анализ заставляет усомниться в том, что Фабий рассказывал о Марсе как отце близнецов. Сведения Дионисия, Плутарха и автора OGR слишком противоречивы. Современные исследователи часто идут по замкнутому кругу: дескать, Марс-родитель появляется у Дионисия потому, что он есть у Плутарха, и хотя с Плутархом тоже не все понятно, но бог войны называется отцом близнецов в OGR, а если кто усомнится в OGR, то «на помощь» опять приходит Дионисий.

Если мы принимаем предложенную аргументацию, то все равно неизбежно возникает вопрос: почему Дионисий и Плутарх столь легкомысленно и безоговорочно приняли историю об отцовстве Марса, ложно приписав ее ранним анналистам? Дело, вероятно, в том, что к I в. до н. э. отцовство Ромулу и Рему, приписываемое богу, было столь же необходимо, как естественно было присутствие в легенде Марса. Именно с этого времени появляются изображения Реи Сильвии вместе с Марсом. Первое появление бога войны на фресках и инталиях совпадает по времени с появлением его в литературных и исторических текстах. Дионисий, живший в Риме, или Плутарх, многократно в Риме бывавший, получали очевидные свидетельства, что Марс был основателем римского народа, и все это не могло не сказаться на сочинениях греческих писателей.

К сожалению, неизвестно, упоминался ли Марс-родитель в сочинениях писателей, которые стоят «в одном списке» с Пиктором, то есть у Диокла, Цинция, Катона и Пизона. Сохранившиеся фрагменты сочинений этих авторов

⁴² Cameron 2004: 330. Contra: Momigliano 1958: 67; Richard 1983: 135.

⁴³ Сложно ответить на вопрос, знал ли автор OGR греческий язык. В тексте несколько раз встречаются отдельные греческие слова (4.1, 8.3, 10.4, 21.4), но можно ли на этом основании сделать вывод, что автор свободно читал по-гречески?

⁴⁴ Не вдаваясь в подробности, скажу, что Пиктору приписывают еще авторство «Латинских анналов», написанных на латинском языке. Являются ли эти анналы переводом греческих, были ли они написаны позднее или раньше, тот же ли самый Пиктор их написал — все это вопросы, над решением которых исследователи бьются не один десяток лет.

⁴⁵ FRH. T17 = *Gell.* 5.4.1–3; F5 = *Non.* 518M, ссылка также на первую книгу.

(кроме указанного у Дионисия) не описывают события времени Ромула и Рема. Однако полагаю, что впервые в текстах Марс появляется именно в I в. до н. э. (может быть, в сочинениях Цицерона, Овидия или кого-то из поздних анналистов) — тогда же, когда создаются первые изображения бога вместе с Реей.

ЛИТЕРАТУРА

- Ampolo 1988 — Plutarco. Le vite di Teseo e di Romolo. A cura di C. Ampolo e M. Manfreini. Arnoldo Mondadori Editore, 1988.
- Badian 1966 — E. Badian. The early historians // T.A. Dorey (ed.). Latin Historians. L., 1966. 1–38.
- Beck, Walter 2001 — Beck H., Walter U. Die Frühen Römischen Historiker. Von Fabius Pictor bis Cn. Gellius. Darmstadt, 2001.
- Bickerman 1952 — Bickerman E. Origines gentium // Classical Philology. 1952. 47. 65–81.
- Cameron 2004 — Cameron A. Greek Mythography in the Roman World. Oxf., 2004.
- Chassignet 2002 — Chassignet M. Cato. Les Origines. Fragments. P., 2002.
- Chassignet 2003 — Chassignet M. L'annalistique romaine. P., 2003.
- Cornell 1975 — Cornell T. Aeneas and the Twins: the development of the Roman foundation legend // Proceedings of the Cambridge Philological Society. 1975. 21. 1–32
- D'Anna 1997 — Anonimo. Origine del popolo romano. A cura di G. D'Anna. Arnoldo Mondadori Editore, 1997.
- De Beaufort 1866 — de Beaufort L. Dissertation sur l'incertitude. P., 1866.
- De Sanctis 1980 — De Sanctis G. Storia dei romani. Firenze, 1980.
- Dury-Moyaers 1981: Dury-Moyaers G. Énée et Lavinium. Bruxelles, 1981.
- Erasmus 1962 — Erasmus H.J. The origins of Rome in historiography from Petrarch to Perizonius. Assen, 1962.
- FHG — Fragmenta historicorum Graecorum. Ed. K. Müller. 3. P., 1841.
- Flacelière 1948 — Flacelière R. Sur quelques passages des Vies de Plutarque // Revue des Études Grecques. 1948. 61. 67–103.
- FRH — The Fragments of the Roman Historians. 1–3. General editor T.J. Cornell. Oxf., 2013.
- Frier 1970 — Frier B. Roman Historiography from the Annales Maximi to Cato Censorius. Ann Arbor, 1970.
- Frier 1999 — Frier B. Libri Annales Pontificum Maximorum. The Origins of the Annalistic Tradition. Ann Arbor, 1999.
- FRL — Goldberg S.M., Manuwald G. (edd.). Fragmentary Republican Latin. Ennius. Testimonia. Epic Fragments. Cambr. (Mass.); L., 2018.

- Gabba 1991 — *Gabba E.* Dionysius and the History of Archaic Rome. Berkeley; Los Angeles; Oxf., 1991.
- Holzinger 1912 — *von Holzinger K.* Diokles von Peparethos als Quelle des Fabius Pictor // Wiener Studien. 1912. 34. 175–202.
- Mazzarino 1966 — *Mazzarino S.* Il pensiero storico classico. 1–3. Roma; Bari, 1966.
- Meurant 2000 — *Meurant A.* L'idée de gémellité dans la légende des origines de Rome. Louvain-la-Neuve, 2000.
- Momigliano 1958 — *Momigliano A.* Some observations on the Origo gentis Romanae // The Journal of Roman Studies. 1958. 48. 56–73.
- Niebuhr 1903 — *Niebuhr B.G.* Lectures on the History of Rome. L., 1903.
- Peruzzi 1973 — *Peruzzi E.* Origini di Roma. Bologna, 1973.
- Peter 1870 — Veterum historicorum Romanorum reliquiae. Disposuit, recensuit, praefatus est *Hermannus Peter*. Lipsiae, 1870.
- Poucet 1976 — *Poucet J.* Fabius Pictor et Denys d'Halicarnasse. Les "enfances de Romulus et Rémus" // Historia 1976. 25. 210–216.
- Poucet 1985 — *Poucet J.* Les origins de Rome. Bruxelles, 1985.
- Richard 1983 — *Richard J.-C.* Pseudo-Aurélius Victor. Les Origines du peuple romain. P., 1983.
- Skutsch 1985 — *Skutsch O.* 1985: The Annals of Q. Ennius. Oxf., 1985.
- Timpe 1972 — *Timpe D.* Fabius Pictor und die Anfänge der römischen Historiographie. Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. 1972. 928–969.
- Vahlen 1903 — *Vahlen I.* Enniana poesis reliquiae. Lipsiae, 1903.
- Vanotti 2003 — Plutarco. Vita parallele. Romolo. Introduzione, traduzione e note di *G. Vanotti*. Milano, 2003.
- Verbrugghe 1981 — *Verbrugghe G.P.* Fabius Pictor's 'Romulus and Remus' // Historia. 1981. 30. 236–238.
- Аверинцев 1973 — *Аверинцев С.С.* Плутарх и античная биография. М., 1973.
- Мосолкин 2014 — Мосолкин А.В. Понятие АКРИБОС: к вопросу о структуре «Греческих анналов» Кв. Фабия. *Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал*. 2014. 181–194.
- Мосолкин 2018 — *Мосолкин А.В.* Mars genitor? Комментарий к Ennius. Fr. 29 Skutsch // Вестник древней истории. 2018. 5–12.
- Нетушил 1902 — *Нетушил И.В.* Легенда о близнецах Ромуле и Реме. СПб., 1902.

WAS MARS THE FATHER OF ROMULUS AND REMUS?

Comments on some evidence of early Roman historiography

ALEXEY V. MOSOLKIN

Abstract: It is generally accepted that Mars “was” the father of Romulus and Remus already in the writings of historians in the III–II BC. The author expresses and substantiates the assumption that in the early Roman historiography Mars did not appear at all as the father of the twins.

Keywords: Romulus, Remus, Mars, Roman Annalists, Dionysius of Halicarnassus, Plutarch, *Origo Gentis Romanae*.

Алексей Владиславович Мосолкин,
к.и.н., доцент кафедры древних языков
исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова.

СОКРАТ И АТТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ В АРХОНСТВО ИСАРХА

Д.В. ПАНЧЕНКО

Резюме: На Великих Дионисиях, состоявшихся весной 423 г. до н. э., Сократ подвергся осмеянию не только в «Облаках» Аристофана, но и в недошедшей до нас комедии Амипсия «Конн». Дэвид Констан резонно заключил, что Сократ должен был незадолго до этого совершить что-то примечательное. Я предполагаю, что широкое внимание привлекло к Сократу мужество, проявленное им в битве при Делии осенью 424 г. до н. э. Это стало поводом для громогласных восхвалений Сократа в качестве мудрого человека и наставника, что вызвало отпор со стороны недружелюбно настроенных к нему авторов комедий. При этом Аристофан занял лишь третье место; Амипсий – второе. Ввиду выдающихся художественных достоинств «Облаков» неудача Аристофана была вызвана, надо думать, неумеренной агрессивностью комедии по отношению к Сократу. Для афинян, судей и зрителей, Сократ был не только персонажем спектакля, но и одним из сограждан, и, очевидно, возобладаало ощущение, что нападки Аристофана на Сократа были несправедливы.

Ключевые слова: Аристофан, «Облака», Сократ, аттическая комедия, афинская демократия.

Наши источники, столь часто удручающе скудные, содержат подчас интересные факты, редко привлекающие внимание. Об одном из них и пойдет здесь речь: в архонство Исарха, весной 423 г. до н. э., на Великих Дионисиях, были одновременно поставлены «Облака» Аристофана, изображающие в весьма невыгодном свете Сократа и его «мыслильню» (*phrontistêrion*), и «Конн» Амипсия — не дошедшая до нас комедия (fr. 7–11 Kassel-Austin), в которой, это мы знаем, высмеивались «мыслители» (*phrontistai*) и, в частности, тот же Сократ. В комедии Амипсия Сократ не был центральным персонажем, но он там точно появлялся (fr. 9), а о Конне мы слышим, что он — музыкант, у которого Сократ, уже в годах, учился игре на кифаре (*Plat. Euthyd.* 272c; 295d; *Menex.* 235e). Разумеется, Сократ отличался особой манерой жизни, особым поведением, что хорошо подходило для сцены, но это не объясняет, почему два поэта одновременно вывели его в своих произведениях. Дэвид Констан, один из немногих ученых, кто счел это обстоятельство примечательным, резонно заключил, что Сократ должен был сделать что-то такое (относительно

незадолго до постановки), что привлекло к нему широкое внимание¹. Попытка ответить на вопрос, что же именно произошло, может показаться заведомо безнадежной, но мы все же решимся уделить ей несколько страниц.

В жизни Сократа было немного событий, столь ярких, чтобы о них сообщили его младшие друзья. От Платона мы слышим, что Сократ отличился при осаде Потидеи (Sympr. 219d–220e; Apol. 28d), а также при отступлении афинян после поражения при Делии (Sympr. 220e–221c; Apol. 28d; La. 181a–b); согласно Диогену Лаэртскому, Сократ при Делии спас жизнь Ксенофонту, подхватив его, когда тот упал с коня (2.22). Ксенофонт в «Греческой истории» рассказывает, как Сократ, несмотря на огромное давление, отказался вопреки закону ставить на голосование вопрос о наказании стратегов, командовавших в битве при Аргинусских островах (1.7.15). В платоновской «Апологии Сократа» фигурирует эпизод из истории правления Тридцати, в котором Сократ проявил себя храбрым человеком и образцовым гражданином (32c–d; cf. Xen. Mem. 1.2.29–38). Таким же образом он проявил себя, когда явился на суд, хотя его осуждение было практически predetermined, и когда вновь отказался бежать из города уже после вынесения приговора. К приведенному перечню можно прибавить ответ дельфийского оракула на вопрос Херефонта, есть ли человек мудрее Сократа. Вот, собственно, и все.

В каком году Херефонт вопрошал бога — мы не знаем. Что касается остальных эпизодов, то только два из них, открывающие перечень, предшествуют постановке комедий, направленных против Сократа. При этом осада Потидеи завершилась за несколько лет до их написания, тогда как битва при Делии предшествовала их постановке лишь на пять месяцев: по словам Фукидида, битва произошла в самом начале зимней кампании (*Thuc.* 4.89.1 sqq.), то есть в первом ее месяце, тогда как элафеболион, когда справлялись Великие (или Городские) Дионисии, в его терминологии был шестым и последним месяцем зимней кампании=зимней половины года². И сражение, в котором отличился Сократ, и постановка «Облаков» и «Конна» пришлись на год архонта Исарха.

В раннем диалоге Платона «Лакхет» (между 399 и 395 г.), написанном с целью показать, каким в действительности человеком и гражданином был тот самый Сократ, которого привлекли к суду и осудили за преступления против религии и государства³, устами Лакхета, видного афинского генерала и политика, заявляется, что, если бы в битве при Делии другие держались так же, как Сократ, город не постигло бы такое падение (181a–b). Платон был маленьким

¹ Konstan 2010: 88: "It is fair to assume that something about Socrates had caught the Athenians' attention in or shortly before 423, for him to be the subject of a spoof in two comedies that year. Very possibly there is an allusion to such an event in *Clouds*, but if so, it is opaque to us".

² См. *Thuc.* 5.19.1–20, 1. Следует оговорить, что существует и другое понимание счета времени у Фукидида (например: Pritchett, Van der Waerden 1961: 47–51), но применительно к интересующему нас интервалу это, более или менее, безразлично.

³ Панченко 2018.

мальчиком в год битвы, но еще были живы люди, которые помнили и сами события, и молву вокруг них. Нет ни малейших причин сомневаться в том, что Сократ тогда действительно отличился.

Предполагаемая связь между тем, что произошло осенью 424 г., и театральными постановками весной 423 г. такова: авторы комедий и многие единомышленники с ними граждане привыкли смотреть на людей, рассуждающих об отвлеченных предметах, как на пустых болтунов и вообще людей подозрительных; и легко представить, что, после того как Сократ проявил себя в битве при Делии человеком образцового мужества, его друзья и поклонники стали громко восхвалять его на всех углах; те, кому Сократ и его поклонники не нравились, почувствовали, что надо дать отпор.

Выбор хорегов, спонсирующих театральные представления, осуществлялся архонтом-эпонимом в начале аттического года (*Aristot. Ath. Pol.* 56.3)⁴, то есть летом, однако отсюда не следует, что тогда же определялся сюжет для комедии на будущих Великих Дионисиях. Древнюю аттическую комедию отличает злободневность, и вполне представимо, что поэты предпочитали сочинять комедии скорее за пять, нежели за девять-десять месяцев до постановки — особенно в условиях войны. Соответственно у Аристофана и Амипсия было время обратить свое остроумие против Сократа.

Было бы преувеличением сказать, что наше предположение подкрепляется текстами, но оно хорошо согласуется с ними. В дошедшем отрывке из «Конна» (fr. 9) за Сократом признается сила — то ли физическая, то ли, скорее, духовная — стойкость: «И ты пришел к нам, Сократ — лучший среди немногих, глупейший среди многих? Ты отменно сильный (*χαρτηρώς*)». Обмен репликами между Стрepsiадам и Сократом (Nub. 353–355) подразумевает, что Аристофан при всех нападках на Сократа не считает его трусом. А платоновский Алкивиад, описывая в «Пире» мужественное поведение Сократа при Делии, цитирует строчку из «Облаков» (362): «Особенно же стоило посмотреть на Сократа, друзья, когда наше войско, обратившись в бегство, отступало от Делии. Я был тогда в коннице, а он в тяжелой пехоте. Он уходил вместе с Лакетом, когда наши уже разбрелись. И вот я встречаю обоих и, едва их завидев, призываю их не падать духом и говорю, что не брошу их. Вот тут-то Сократ и показал мне себя с еще лучшей стороны, чем в Потидее, — сам я был в меньшей опасности, потому что ехал верхом. Насколько, прежде всего, было у него больше самообладания, чем у Лакета. Кроме того, мне казалось, что и там, так же как здесь, он шагал, говоря твоими, Аристофан, словами, “чинно глядя то влево, то вправо”, то есть спокойно посматривал на друзей и на врагов, так что даже издали каждому было ясно, что этот человек, если его тронешь, сумеет постоять за себя, и поэтому оба они благополучно завершили отход» (220e–221b; пер. С.К. Апта).

⁴ См. также: Pickard-Cambridge 1968: 86.

Итак, я предполагаю, что комедиографы напали на Сократа в год архонта Исарха именно потому, что у почитателей Сократа появилось солидное основание публично его восхвалять.

Нападение оказалось не слишком успешным. Амписий со своей комедией получил второе место, Аристофан — только третье. Победу присудили Кратину с его «Флягой». И здесь мы опять сталкиваемся с чем-то, весьма достойным внимания. Версия «Облаков», которая дошла до нас, — исправленная автором. В новом варианте Аристофан обрушивается на зрителей, которые не оценили его лучшей комедии (518 sqq.); говорит он об этом и в «Осах» (1044 sqq.). И это действительно требует объяснения. Конечно же, от этого требования можно отмахнуться, сославшись на то, что до нас не дошли пьесы, которые судьи оценили выше, и потому нам не с чем сравнивать «Облака». Но можем ли мы поверить, что сразу две комедии по своим достоинствам превзошли сочиненную Аристофаном⁵? Хотя Кратин и Амписий имели в древности прочную репутацию знатоков своего дела, все же едва ли случайно, что от них не дошло ни одного целого произведения, тогда как Аристофану принадлежит место среди величайших литературных гениев, и многие согласятся с тем, что «Облака» относятся к числу самых лучших из сохранившихся его одиннадцати комедий. Это — произведение мастера, много и с удовольствием потрудившегося. Здесь отличная фабула, логичное и вместе с тем неожиданное развитие событий, яркие персонажи (равного Стрепсиаду трудно найти во всей древней комедии), множество тонких рассуждений и блестящих шуток (да и для самых простых зрителей, влияющих на общее восприятие спектакля, автор не забыл кое-что припасти). Вопрос, таким образом, сводится к тому, что именно в комедии Аристофана судьи, а также, судя по всему, зрители⁶ не пожелали одобрить. Ответ на такой вопрос неизбежно останется предположительным, но мы можем кое-что сказать и о самой комедии, и о людях, ее смотревших, и не исключено, что наши впечатления сложатся в последовательную картину.

Понятно, что после битвы при Делии число людей, враждебно смотревших на Сократа, едва ли прибавилось; нападение было совершено на человека, чья репутация укрепилась, а не пошатнулась. Однако провал «Облаков», столь раздосадовавший автора, был связан не только с этим. В этой комедии есть нечто такое, что, на мой взгляд, оправдывает судей, присудивших ей последнее место. «Облака» — комедия гениальная, но по отношению к Сократу недобросовестная. В ней проявляется заносчивая нетерпимость и своего рода бесчувственность молодого гения, который ради красного словца спалит любимого молодца. Комедия завершается поджогом мыслильни. Конечно, Стреп-

⁵ О «Конне» см.: Patzer 2012: 76–84; Carrey 2000: 420–423. О комедии, получившей первый приз, см.: Luppe 2000; Rosen 2000.

⁶ Гельцер 2003: 76: «За провал своих «Облаков» Аристофан корит в «Осах» не членов жюри, а «мириады» зрителей (1010 слл.; 1016 слл.)».

сиадово «Ату!» (ст. 1508) подразумевает, что автор не оставляет Сократа и его учеников заживо сгореть в мыслильне, но что в последний момент они выбегают оттуда, чтобы продолжить бегство под тумачами Стрепсиада и его слуги⁷. И все же в правовом обществе и государстве — какими являлись Афины — поджог жилища, да еще с находящимися там людьми — дело, прямо скажем, не шуточное. Кем надо быть, чтобы заслужить такое? По-видимому — отчаянным злодеем. Аристотель сказал бы, что Аристофан нарушил правила жанра: «смешное есть некоторая ошибка и уродство, но безболезненное и безвредное» (Поэтика 48a34; пер. М.Л. Гаспарова). При этом Сократ скорее объявлен, нежели показан злодеем. Сам он не призывает к несправедливости и не учит кривой речи. Спору нет, Сократ выставлен человеком, отменившим принятую религию, однако его новая религия предстает настолько нелепой, что не выглядит опасной для общества и государства. Спору нет, клиенты, прошедшие курс обучения, выходят из мыслильни с умением не платить долги, но мы не видим, чтобы сам Сократ учил жульническим приемам; мы даже не видим, чтобы он требовал плату за обучение⁸. Можно сказать, что радикальность развязки выходит за пределы логики самой комедии. Между тем для зрителей и судей дело не ограничивалось эстетической проблематикой. Для них речь шла не только о персонаже, но и о реальном человеке, жившем среди них, к которому, вольно или невольно, они должны были примерять то, что происходит на сцене. Им было ясно, что в напаках на гражданина Сократа, сына Софрониска, из дема Алопеки, поэт перестарался, ему изменило чувство меры.

Впрочем, необходимо внести оговорку. Дело в том, что судьи выносили решение по поводу пьесы, концовка которой выглядела несколько иначе. В одном из древних предисловий к «Облакам» сообщается, что поэт прошелся по тексту всей пьесы и при этом основательно переработал парабасу, спор между Правдой и Кривдой и «там, где поджигается школа Сократа» (Нур. I Dover). Подобная формулировка — хотя мнения тут расходятся — побуждает думать, что поджог мыслильни присутствовал и в постановке 423 г. до н. э. Но допустим, для новой версии Аристофан придумал более броский и хлесткий финал; допустим, в прежней версии поджога не было (хотя, признаться, я ума не приложу, что могло быть вместо него⁹). Вывод относительно недобросовестности поэта в отношении гражданина Сократа все равно остается в силе. Что

⁷ Cp. Dover 1968: lxxvi: "Socrates and his students are pursued and beaten in 1508 f., Strepsiades crying *δίωκε βάλλε παῖε*". Dover 1968: lxxvii ff. показывает, что в комедиях Аристофана и, в частности, в «Облаках» имеются сцены, требующие одновременного присутствия четырех актеров; в «Ахарнянах» 1–203 их даже пять. Поэтому в развязке с битьем и преследованием нет ничего невозможного.

⁸ Этот момент справедливо подчеркивает Гаврилов 1989: 73.

⁹ Dover 1968: xciii and n. 2 среди предлагавшихся вариантов изначальной концовки не находит убедительной — разве что соглашается допустить, что она сводилась к отказу наученного жульничеству ученика, Стрепсиада, платить учителю — Сократу. В какой-нибудь другой комедии такая

должны были подумать театральные судьи? Получалось, что это Сократ виноват в том, что находятся проходимцы, которые не хотят возвращать долги и для этого прибегают к всяческим словесным уверткам: в глазах здравомыслящих людей это было явной передержкой.

В целом по поводу ситуации с двумя версиями «Облаков» и недоступностью нам изначальной следует сказать, что такое положение вещей лишь незначительно влияет на наше общее рассуждение. Неужели в первой редакции Сократ почитал традиционных богов, а Стрепсиад приходил к нему не затем, чтобы научиться хитрому способу избавиться от долгов? Это немыслимо¹⁰.

А теперь обратимся к деликатному моменту. От Плутарха — и только от него — мы слышим о народном постановлении, принятом по предложению Диопифа, карающем людей, которые «не признают существующую религию или преподают учения относительно небесных явлений» (Per. 32). Легко заметить, что аристофановский Сократ подпадает под оба пункта: о богах он высказывается недвусмысленным образом, и его школу покидают с новыми знаниями о небесных явлениях, хотя сам он — тут Аристофан решил следовать действительности — и не показан их преподавателем. Что же, наш поэт прямо-таки подводит Сократа под уголовное обвинение? На этом вопросе (его не любят обсуждать) следует ненадолго задержаться.

Сообщение о псефизме Диопифа появляется в контексте, который отражает тенденциозную и несостоятельную конструкцию, призванную возложить вину за возникновение Пелопоннесской войны на Перикла. Конструкция эта выстраивается посредством приведения событий разных лет, частью сильно отстоящих друг от друга по времени, частью недостоверных, к кануну Пело-

развязка представима, но в «Облаках», где от Сократа, с одной стороны, неотделима нищета, а с другой — он хулит богов, и его выученик бьет отца, она кажется нам невозможной.

¹⁰ К тому же в дошедшей до нас переработанной версии Клеон еще жив (590–594), а он погиб летом или ранней осенью 422 г. (*Thuc.* 5.10.9; 12.1–2). Совершенно ясно, что новая версия создавалась вскоре после обескураживающего провала. Более того, в одном из древних предисловий прямо сказано, что новая постановка состоялась в архонство Амения (которое непосредственно следовало за архонством Исарха) и что поэт вновь потерпел неудачу (Нур. II Dover). Можно возразить, что перед нами не информация, а умозаключение: если есть переработка, значит она была сделана для постановки, и значит постановка состоялась. Но что заставило умозаключить, что Аристофан вновь потерпел неудачу? Автор Нур. I Dover, напротив, утверждает, что Аристофан отказался по какой-то причине от новой постановки — и уж это точно является не свидетельством, а умозаключением, сделанным, по-видимому, вследствие недоступности документальных сведений о второй постановке. Так или иначе, если бы переработка выполнялась после 422 г., строки о живом Клеоне были бы удалены или изменены. Правда, парабаса содержит отсылку к комедии Евполида, о которой сообщается, что она была поставлена в 421 г. Однако не вовсе исключено, что в сообщении закралась ошибка, и уж вполне представимо, что парабаса, в которой речь идет о вопросах комедийного искусства и критике соперников, была заново переработана отдельно — для чтения в кругу ценителей и знатоков (в связи с чем и оказалось возможным, что в древности циркулировали две версии «Облаков»). Точка зрения на происхождение второй версии, частично или значительно отличная от нашей, представлена в работах: Dover 1968: lxxx ff.; Kopff 1990; Storey 1993.

понесской войны¹¹. Соответственно нет уверенности в отношении той датировки постановления, которая предполагается в рассказе Плутарха¹². Казалось бы, можно надеяться, что псефизма Диопифа была принята после постановки «Облаков» — скажем, в 415 г., в атмосфере всеобщего возбуждения в городе в связи с повреждением изваяний Гермеса и слухами о профанации мистерий. Однако надежда эта слаба. Во-первых, имеется более подходящая альтернативная датировка: 430–429 гг. — время, когда на Афины, недавно вступившие в войну, обрушилась страшная эпидемия (прогневил богов!) и когда еще жив был Перикл (против которого, по версии Плутарха, косвенным образом была направлена псефизма Диопифа)¹³. Во-вторых, сам Аристофан отчетливо сознает, что его Сократ подлежит уголовному наказанию — и это должно быть на основании псефизмы Диопифа. Но — тут следует для всех нас великое облегчение — сам же отвергает идею судебного преследования Сократа. Обращаясь к статуе Гермеса, поставленной на сцене где-то рядом с входом в мыслительню, Стрепсиад задает богу вопрос и как бы получает ответ:

Гермес, голубчик, не сердись, не гневайся,
 Не погуби, прости по доброте своей!
 От хитрословий этих помешался я.
 Пошли совет разумный, в суд подать ли мне
 На негодяев, отомстить ли иначе?
 Так, так, совет прекрасный: не сутяжничать,
 А поскорее подпалить безбожников
 Лачугу¹⁴.

Надо сказать, что Аристофан относился к Диопифу с презрением (Eq. 1085; Av. 988; Vesp. 380). Амипсий же в том самом «Конне», с которым он в 423 г. обошел Аристофана, назвал Диопифа полоумным (fr. 10).

Все это утешительно — для нас, но театральные судьи и зрители могли отнестись к делу строже. Многие из них хорошо помнили постановление, принятое по предложению Диопифа. Кто-то голосовал против, кто-то проголосовал под давлением тогдашних тяжелых обстоятельств и теперь сожалел об этом.

¹¹ Стержневая идея этой конструкции — склонность Перикла развязать войну восходит к современникам событий и, в частности, Аристофану. Фукидид смотрит на вещи совершенно иначе. Мотивы действий Перикла были превосходно объяснены Эд. Мейером (Meyer 1899: 296–333).

¹² Некоторые ученые сомневаются в реальности самого постановления, но для этого — тут мы в согласии с большинством — нет серьезных оснований.

¹³ Connor 1963.

¹⁴ Пер. Адриана Пиотровского. Ср. Dover 1968: 266 (ad loc.): “Not a lawsuit for damages, but an indictment for an offence against community — such as the real Socrates eventually had to face”; Диопифа и предложенное им постановление он, однако, не упоминает вовсе. Заметим между прочим: если представить, что весь этот «диалог» с Гермесом появился лишь в новой редакции (скажем, в ответ на упреки, выслушанные Аристофаном, что он подводит Сократа под статью), то подобная вставка вполне подпадает под категорию существенной переработки, которой, мы слышим, подверглась заключительная сцена.

Кто-то по-прежнему считал народное решение правильным. Но в целом афинское общество еще было чрезвычайно далеко от того, чтобы возложить вину на трудности в войне и общественной жизни на какого-то там Сократа и с улюлюканьем, внимая молодому бесшабашному поэту, погнаться за этим странным, мало знакомым им человеком.

Аристофана, по-видимому, несколько дезориентировал оглушительный успех «Всадников», получивших первый приз годом раньше. Там он столь же целенаправленно набросился на самого Клеона — любимца масс, первого оратора в народном собрании, стратега — и был вознагражден. Но в том-то и дело, что там он напал на одного из самых влиятельных людей в городе, из числа тех, кто, точно, мог постоять за себя, а не на рядового гражданина. Во «Всадниках» он напал на человека, которого все знали, о котором у всех было, более или менее, сложившееся мнение, тогда как большинству зрителей «Облаков» приходилось верить на слово поэту, что Сократ настолько ужасный тип. Массы были готовы посмеяться в театре над своим любимцем — чтобы не зазнавался — и затем заново проголосовать за него в собрании, если он вновь скажет дело; они были готовы посмеяться и над нелепым чудачком, важничающим умником, но им намекали на преступление против богов и государства, и было не ясно, как к этому отнестись.

У нас нет свидетельств, что другие комедиографы атаковали Сократа за действия, подпадающие под категорию государственных преступлений. Амипсий в «Конне» потешается над поношенным плащом Сократа, отсутствием у него обуви и доведенной до абсурда горделивой неприхотливостью: «Ах, какой человек! Голодает, чуть жив, но польстить ни за что не захочет!» (fr. 9 = D.L. 2.28; пер. М. Л. Гаспарова). В сходном духе звучит отрывок из комедии Евполида: «Я ненавижу Сократа — нищего болтуна, который пускается в рассуждения обо всем, кроме того, как заработать на хлеб» (fr. 386 Kassel-Austin). Комедиографы были трудягами — пьесу нужно было представить не позднее определенного срока; для большинства простых людей не думать о том, как раздобыть себе пропитание, — это высокомерие, неуважение к жизненной позиции сограждан; нищий облик делал особенно претенциозным и нелепым важничание Сократа. Тут все понятно, все превосходно подходит для сцены, и все эти мотивы используются также Аристофаном¹⁵. Но ему этого мало — он занят общественными проблемами и поглощен идейной борьбой, а идейная

¹⁵ В аттической комедии различим еще один топос, связанный с Сократом, хотя и косвенно: он неоднократно предстает человеком, который наставляет Еврипида или даже пишет за него. Подборку соответствующих цитат приводит Диоген Лаэртский (2.18), куда включены и два стиха, происходящие, по утверждению автора, из «Облаков». В дошедшей до нас версии их нет, и кажется странной идея, что они отражают первую редакцию (так Patzer 2012: 73–76) — зачем бы Аристофан их затем вычеркнул? Правдоподобней, что Диогеном или его источником они ошибочно отнесены к «Облакам» как комедии о Сократе. По сравнению с топосом нищего болтуна топос наставника Еврипида отражает более уважительное отношение к Сократу. При том что первый фигурирует в «Облаках», а другой в «Лягушках» (1491–1495), поставленных на восемнадцать

борьба нередко приводит к неразборчивости в отношении средств. В «Птицах», где Сократ упоминается мимоходом, его поклонники ассоциируются с лакофилами (1281 sq.), а в «Облаках» ученики Сократа кажутся Стрепсиаду похожими на захваченных в плен спартанцев (186); и если «Птицы» были поставлены в 414 г., в пору условного мира со Спартой, то «Облака» — во время войны, и шутка получалась не вовсе невинной. Между тем отчетливо сформулировать идейные расхождения Аристофана с Сократом отнюдь нелегко, они не описываются простыми противоположностями, как демократия и аристократия или война и мир. Современники, конечно, лучше чувствовали такие вещи, но, вероятно, и они бы затруднились с четкими формулировками, коль скоро их практически нет у самого Аристофана — ведь не станем же мы всерьез упирать на защиту им традиционной религии в духе Диопифа! В результате одни судьи не могли с достаточной ясностью осознать подробности идейной полемики, которую вел поэт, чтобы с ней однозначно солидаризоваться, другие эту полемику не понимали, третьим она была безразлична. Тем более несоразмерными казались нападки поэта на человека, который никогда не выступал в собрании с законопроектами или обвинениями, никому не угрожал доносами и судом, не раздражал других роскошью и богатством, не уклонялся от военных походов, не причинил кому-либо явной личной обиды¹⁶.

К тому же сообщество афинских граждан в 423 году не должно было сильно отличаться от того, каким оно было восемь лет назад, когда наиболее уважаемый его представитель, Перикл, имел основания заявить, в частности, следующее: «Мы занимаемся и общественными делами, как подобает свободным гражданам, и в повседневных отношениях не питаем недоверия друг к другу, не возмущаемся против другого, если он поступает так, как ему нравится, не высказываем при этом досады, безвредной, но все же неприятной» (*Thuc.* 2.37.2; пер. С.И. Радцига). Хотя естественно думать, что приведенные слова Перикла выражают скорее идеал, нежели непререкаемую практику жизни, тем не менее в речи, обращенной к согражданам по поводу торжественного погребения воинов, не должно было быть экстравагантных положений¹⁷.

лет позже, можно думать, что за прошедшие годы общественное мнение в отношении Сократа, по меньшей мере, не ухудшилось.

¹⁶ Из «Апологии» ясно, что Сократ мог обидеть того или иного человека, испытывая его мудрость (особенно в присутствии молодых людей). К такого рода испытаниям он обратился, по его словам, после ответа дельфийского оракула на вопрос Херефонта, есть ли человек мудрее Сократа. В аттической комедии не видно их отражения, как и не видно какой-либо реакции на историю с оракулом (ср. Konstan 2010: 88: “there is no allusion to the oracle in *Clouds*, even though Chaerephon is several times mentioned there”). Хождение Херефонта в Дельфы естественно отнести к 421–415 гг., когда в жизни Афин наступил кратковременный мир и к тому же обнаружилось, что нападки Аристофана на Сократа были восприняты без энтузиазма. (К вопросу об оракуле и его значении для Сократа см. Konstan 88, п. 24; Forster 2007; Панченко 2018a: 87 сл.).

¹⁷ Тот же довод сохраняет силу, если речь Перикла — творение Фукидида. Впрочем, есть все основания считать, что историк передает ее близко к тому, как она была в действительности произнесена; см., в частности, Bosworth 2000.

Комедия Аристофана, заключаем мы, была превосходна, но зрителям и судьям не пришлось по душе избыточная агрессивность автора. Исходя из здравого смысла и чувства справедливости, — не по отношению к художественным достоинствам произведения, а по отношению к одному из своих сограждан, — они отправили сочинителя на последнее место. Автор «Облаков» мог по праву гордиться своим несравненным мастерством, но и судьи, лишившие его победы, поступили совершенно правильно.

P.S. По нашему рассуждению выходит, что в 423 г. афиняне проявили по отношению к Сократу то чувство справедливости, которое им отказало в 399 г. Подобную перемену легко объяснить теми несчастиями, которые выпали на их долю за прошедшие годы, расшатанными общественными нервами и возможностью со стороны обвинителей указать на то, что среди людей, от которых сограждане натерпелись, были друзья и так называемые воспитанники Сократа¹⁸. Все это не новость. На мой взгляд, однако, в многочисленных рассуждениях о том, что произошло во время суда над Сократом, сплошь и рядом недостаточно учитываются или вовсе не принимаются в расчет существенные обстоятельства, позволяющие взглянуть на решение судей не совсем так, как принято. Сократ, явившийся в суд, был обречен; у него практически не было шансов уйти оправданным. Ведь за дело на сей раз взялся не сочинитель комедий, а профессиональный политик.

Обвинение, предъявленное Сократу, звучало, по-видимому так: «Сократ повинен в том, что не чтит богов, которых чтит город, а вводит новые божеества (*daimonia*), и повинен в том, что развращает юношество» (D.L. 2.40; пер. М.Л. Гаспарова; cf. Plat. Apol. 24b; Xen. Mem. 1.1.1). Один из пунктов этого обвинения был легко доказуем и неопровержим — а именно то, что Сократ вводит новых богов. Платон отчетливо дает нам это понять в одном из своих ранних диалогов — «Евтифроне». Когда Сократ сообщает здесь удивленному и дружелюбно настроенному собеседнику о предъявленном обвинении, то немедленно слышит в ответ: «Понятно, Сократ, ведь ты сам утверждаешь, что тебе часто является твой *даймонион*» (3b; cf. Xen. Mem. 1.1.2). Таким образом, нежелание кого-либо из пятисот судей осудить Сократа вступало в противоречие с совестью, поскольку по данному пункту оправдание было формально невозможно. Правда, взятое само по себе обвинение в том, что кто-то вводит новых богов, не было разящим наповал — судьи не имели ясных прецедентов, и в афинском государстве бывало, что, неким должным образом, появлялись новые культы¹⁹. Однако доказательность одного пункта обвинения психологически подкрепляла другие, эмоционально более значимые — такие, как добрые отношения Сократа с заклятыми врагами афинского народа, вроде Крития.

¹⁸ В речи против Тимарха, произнесенной в 345 г., Эсхин ссылается на прецедент: «Некогда, афиняне, вы казнили софиста Сократа за то, что он оказался наставником Крития, одного из Тридцати, ниспровергнувших демократию» (1.173); cf. Xen. Mem. 1.2.12.

¹⁹ Ober 2010: 140–142.

Анит все это прекрасно рассчитал — как и то, что это будет заранее понятно такому человеку, как Сократ, и что у Сократа немало богатых друзей, которые без особого труда найдут, куда его отправить за пределы Аттики, не доводя дело до безнадежного судебного процесса. Анит планировал дискредитацию Сократа (бегство как признание вины) и удаление его с общественной сцены; казнь не была его целью. С самоуверенностью, свойственной многим людям, долго пребывающим в политике, он не учел только то, что Сократ поступит по собственному разумению и не захочет действовать по плану, который для него придумали.

Это не домыслы, а — выводы из сути вещей и из того, что можно прочесть в платоновской «Апологии»: по словам Анита, говорит здесь судьям Сократ, «мне с самого начала не следовало приходиться сюда, а уж раз я пришел, то нельзя не казнить меня» (29с; пер. М. С. Соловьева); а после подсчета голосов он недвусмысленно заявляет, что не рассчитывал на оправдание (36а). Если при всем сказанном Сократ был осужден лишь незначительным большинством голосов (Plat. Apol. 36a; D.L. 2.41), то не является ли это свидетельством того, что и в 399 г. со здравым смыслом и чувством справедливости в Афинах обстояло не так уж плохо?

ЛИТЕРАТУРА

- Гаврилов 1989 — *Гаврилов А.К.* Ученая община сократиков в «Облаках» Аристофана // Некоторые проблемы истории античной науки. Л., 1989. С. 62–77.
- Гельцер 2003 — *Гельцер Т.* Аристофан: комедия для демоса афинян // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. Вып. III. СПб., 2003. С. 60–93.
- Панченко 2018 — *Панченко Д.В.* Война, философия, интертекстуальность: об одной внешне незначительной фразе из раннего Платона // Новое литературное обозрение. 2018. Т. 153. С. 19–30.
- Панченко 2018а — *Панченко Д.В.* Сократ в «Хулио Хуренито» Ильи Эренбурга и др. (Публикация самиздатской статьи 1980 года с послесловием о Платоне, Бахтине и о том, каков был Сократ на самом деле) // Аристей. 2018. Т. 17. С. 70–92.
- AJPh — *American Journal of Philology*, Johns Hopkins Univ. Press.
- BCH — *Bulletin de Correspondence Hellénique*, Université de Lyon.
- Bosworth 2000 — *Bosworth A.B.* The Historical Context of Thucydides' Funeral Oration // *JHS*. 2000. Vol. 120. P. 1–16.
- Carrey 2000 — *Carrey C.* Old Comedy and the Sophists // Harvey D. and Wilkins J. (eds.). *The Rivals of Aristophanes: Studies in Athenian Old Comedy*. London, 2000. P. 419–436.

- Connor 1963 — *Connor W.R.* Two Notes on Diopieithes the Seer // *CP*. 1963. Vol. 58. No 2. P. 115–118.
- CP — Classical Philology, Chicago Univ. Press.
- Dover 1968 — *Dover K.J.* Aristophanes *Clouds*, ed. with Introduction and Commentary. Oxford, 1968.
- Forster 2007 — *Forster M.N.* Socrates' Profession of Ignorance // *Oxford Studies in Ancient Philosophy*. 2007. Vol. 32. P. 1–37.
- JHS — Journal of Hellenic Studies, Cambridge Univ. Press.
- Konstan 2010 — *Konstan D.* Socrates in Aristophanes' *Clouds* // Morrison D.R. (ed.). *The Cambridge Companion to Socrates*. Cambridge, 2010. P. 75–90.
- Kopff 1990 — *Kopff E.C.* The Date of Aristophanes, *Nubes II* // *AJPh*. 1990. Vol. 111. P. 318–329.
- Luppe 2000 — *Luppe W.* The Rivalry between Aristophanes and Kratinos // Harvey D. and Wilkins J. (eds.). *The Rivals of Aristophanes: Studies in Athenian Old Comedy*. London, 2000. P. 15–21.
- Meyer 1899 — *Meyer E.* Forschungen zur alten Geschichte. Bd. II. Halle, 1899.
- Ober 2010 — *Ober J.* Socrates and Democratic Athens // Morrison D.R. (ed.). *The Cambridge Companion to Socrates*. Cambridge, 2010. P. 138–178.
- Patzer 2012 — *Patzer A.* Sokrates in den Fragmenten der attischen Komödie // Patzer A. *Studia Socratica. Zwölf Abhandlungen über den historischen Sokrates*. Tübingen, 2012. S. 64–102.
- Pickard-Cambridge 1968 — *Pickard-Cambridge A.* The Dramatic Festivals of Athens. 2nd ed. revised by Gould J. and Lewis D.M. Oxford, 1968.
- Pritchett, Van der Waerden 1961 — *Pritchett W.K., Van der Waerden B.L.* Thucydidean Time-Reckoning and Euctemon's Seasonal Calendar // *BCH* 85, 1961, 17–52.
- Rosen 2010 — *Rosen R.M.* Cratinus' *Pytine* and the Construction of the Comic Self // Harvey D. and Wilkins J. (eds.). *The Rivals of Aristophanes: Studies in Athenian Old Comedy*. London, 2000. P. 23–39.
- Storey 1993 — *Storey I.C.* The Dates of Aristophanes' *Clouds II* and Eupolis' *Baptai*: A Reply to E.C. Kopff // *AJP*. 1993. Vol. 114. P. 71–84.

SOCRATES AND ATTIC COMEDY IN THE ARCHON YEAR OF ISARCHUS

DMITRI PANCHENKO

Abstract: At the City Dionysia in the spring of 423 BC, Socrates was attacked not only by Aristophanes in his *Clouds*, but also by Ameipsias in a play entitled *Konnos*. As David Konstan plausibly concluded, Socrates “must have done something to attract attention about that time”. I suggest that this was Socrates’ courage at the battle at Delium, in autumn of 424 BC. His exemplary behaviour provided his admirers with an excellent reason for public praise of Socrates, which was met with a rebuff by the comic poets unfriendly to him. However, Aristophanes came only third in the competition (Ameipsias was second). The outstanding artistic merits of the *Clouds* are beyond doubt, and I propose that Aristophanes’ failure was due to his excessive aggressiveness in respect to Socrates. For the Athenian audience and the judges of the competition, Socrates was not only a dramatic character, but also a fellow citizen, and the predominant feeling was that the poet’s attack was unfair.

Keywords: Aristophanes, *Clouds*, Socrates, Attic old comedy, Athenian democracy.

Дмитрий Вадимович Панченко,
кандидат исторических наук;
доцент Кафедры проблем междисциплинарного
синтеза в области социальных и гуманитарных наук СПбГУ
и Департамента истории
Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге

КАКОЙ ОРАКУЛ ВОЗВЕСТИЛ ТЕЛЕФУ «РАНИВШИЙ ИСЦЕЛИТ»?

Е.В. Приходько

Резюме: Древние авторы неоднократно использовали пословицу «ранивший исцелит». Пословица происходит от предсказания оракула, которое получил мисийский царь Телеф, сын Геракла. Когда ахейцы, которые не знали, как достичь Трои, подошли к Мисии и стали разорять ее, предполагая, что это и есть Троя, Телеф вооружил мисийцев, чтобы защитить свою страну, и был ранен Ахиллом в бедро. Много лет рана не заживала, поэтому Телеф отправился к оракулу и получил от него ответ «Ранивший исцелит». Но к какому оракулу обращался Телеф? Древняя традиция не сохранила эту информацию. Либаний и двое анонимных схолиастов предполагали, что это пророчество было ответом Дельфийского оракула. Автор статьи рассматривает все контексты из трудов античных писателей, которые рассказывают о вопрошании оракула и описывают путь Телефа к Ахиллу, и приходит к выводу, что Телеф советовался с оракулом Аполлона в Патарах.

Ключевые слова: Телеф, Ахилл, «Ранивший исцелит», Мисия, Ликия, Патарский оракул, Аполлон Ликийский, Дельфийский оракул, копье Хирона, «Киприи».

Диалог Платона «Горгий» начинается с того, что Каликл сетует на досадное опоздание Сократа и Херефонта, из-за которого они лишились возможности услышать речи Горгия. Сократ в ответ объясняет, что виновником этого опоздания является Херефонт, вынудивший их задержаться на агоре. А Херефонт, в свою очередь, не теряя бодрости духа, уверяет Сократа в том, что ничего страшного не случилось, поскольку Горгий, будучи его другом, может в любой момент продемонстрировать им свое искусство. Начинает же он свое утешение следующими словами: «Никакой проблемы, о Сократ, ведь я и исцелю (ἐγὼ γὰρ καὶ ἰάσομαι)» (447b). Современному читателю, скорее всего, покажется странным, зачем Платон вкладывает в уста своего персонажа едва ли уместный здесь глагол ἰάσομαι — «исцелять», ибо ни о каком реальном врачевании речь, конечно же, не идет. Однако собеседники Херефонта не видят в его высказывании ничего необычного, понимают, что он хочет сказать, и спокойно продолжают диалог. Мысль Херефонта вполне ясна: из-за него возникла неприятная ситуация, значит, он и должен ее исправить. Только выразить эту мысль персонаж Платона решил не прямо, а опосредованно, перефразировав

известное тогда каждому эллину и давно превратившееся в поговорку изречение оракула: ὁ τρώσας ἰάσεται — «Ранивший исцелит».

В VI в., когда реалии языческого мира уже во многом отошли в прошлое, Олимпиодор, комментируя текст «Горгия», счел необходимым это место пояснить: «Ведь выражение ‘я и исцелю’ является поговоркой, сказанной о Телефе и ранившем его Ахилле, который его и исцелил, она гласит: ‘Ранивший и исцелит’» (1.7).

Флавий Филострат рассказывает историю о том, как Аполлоний Тианский вылечил в Тарсе юношу, укушенного бешеной собакой. Аполлоний пришел в Тарс на тридцатый день после укуса, и все эти дни юноша вел себя так, словно он сам был собакой: лаял, выл, бегал на четвереньках. Аполлоний велел отыскать и привести к нему собаку, точно описав, как она выглядит и где находится. Когда Дамид, спутник тианца, притащил собаку, Аполлоний, усмирив ее, поставил рядом с ней юношу и сказал: «В этом отроке воплотилась душа мисийца Телефа, и Мойры желают для него того же самого». И с этими словами он приказал собаке вылизать место укуса, чтобы «ранивший обратно стал для него целителем» (ἰατρὸς αὐτῷ πάλιν ὁ τρώσας γένοιτο). После этого юноша узнал родителей, снова начал разговаривать и выпил воды из реки Кидна, а собаку Аполлоний заставил переплыть через эту реку и вылечил ее тем самым от бешенства (VA. 6.43).

Также и у Харитона в «Повести о любви Херея и Калирои», когда царь Вавилона просит у евнуха Артаксата лекарство от своих сердечных мук, тот отвечает ему: «О царь, найдено уже и у эллинов, и у варваров именно то снадобье, которое ты ищешь. Ведь нет никакого другого снадобья от Эрота, кроме самого возлюбленного. Об этом как раз было и древнее прославленное изречение, что, мол, ‘ранивший сам исцелит’» (6.3.7).

Возникает вопрос: где, когда и при каких обстоятельствах возникло это изречение-поговорка, которое активно использовалось в языке и с такой легкостью обретало свое место в произведениях столь разных жанров, от философского диалога до любовного романа?

Адресатом этого изречения действительно был царь Мисии Телеф, сказание о жизни которого с разной степенью подробности и с разными вариантами событий излагали многие античные авторы. Телеф был сыном Геракла и Авги. Впервые он упоминается в «Одиссее» Гомера, когда Одиссей рассказывает тени Ахилла о подвигах Неоптолема, убившего среди множества врагов и Телефида Эврипила, вместе с которым пало много его товарищей кетейцев (II.519–521)¹. Согласно фрагменту Гесиода, сохранившему, видимо, самую древнюю традицию, Телеф родился в Азии. Царь Мисии Тевфрант удочерил

¹ Страбон признается, что он не знает, кто такие кетейцы (13.1.69 С 615). Гесихий считал их народом Мисии, получившим свое название от реки Кетей, притока Каика (*Eustath. Comm. ad Il. Vol. I, p. 432, ср. Strabo 13.1.70 С 615*), или просто «большими» (*Suda K2572 s. v. Κήτειοι*). Сейчас этот народ отождествляют с хеттами, см.: Гиндин, Цымбурский 1996: 271–277.

его мать Авгу, когда та была еще девочкой, и вырастил ее в своем доме вместе с родными дочерьми. Там она и встретила с Гераклом, направлявшимся за конями Лаомедонта, и родила от него Телефа (Fr. 165 West). Однако основная традиция связывала рождение Телефа с Аркадией, представляя Авгу дочерью Алея, царя Тегеи. Павсаний сохранил рассказ Гекатея о том, что гостивший в Тегее Геракл сошелся с Авгой, и, когда она родила от него ребенка, Алей посадил ее вместе с ребенком в ящик и бросил в море. Ящик приплыл к равнине Каика, где правил владыка Тевфрант. Он полюбил Авгу и женился на ней (8.4.9). Приблизительно то же самое сообщает Страбон, ссылаясь на Еврипида и добавляя, что ящик смог добраться по морю до устья Каика благодаря заботе Афины, и что Тевфрант, женившись на Авге, усыновил Телефа (13.1.69 C 615).

Те или иные события жизни Телефа выбирали сюжетом для своих трагедий многие греческие трагики. Эсхилом были написаны трагедии «Мисийцы» и «Телеф», Софоклом — «Алеады», «Мисийцы» и «Телеф» (надпись из Аттики сообщает о постановке «Телефеи»² Софокла (IG II² 3091)), Еврипидом — «Авга» и «Телеф»; трагедии с такими же названиями принадлежали и другим, не столь известным авторам. К сожалению, ни одна из этих трагедий не сохранилась, и в нашем распоряжении есть лишь отдельные фрагменты и пересказы сюжетов у более поздних писателей.

Оратор Алкидамант, опираясь, возможно, на «Алеады» Софокла, дает такую версию событий: Алею в Дельфах бог возвестил прорицание о том, что, если у его дочери родится ребенок, то из-за него неминуемо погибнут сыновья самого Алея³. Вернувшись домой, Алей сделал свою дочь жрицей Афины и пообещал убить ее, если она когда-либо вступит в связь с мужчиной. Через некоторое время к Алею прибыл Геракл, который тогда направлялся в Элиду против царя Авгия, и Алей принимал его в святилище Афины. Увидев Авгу, пьяный Геракл сошелся с нею, и, когда Алей узнал о беременности дочери, он поручил Навплию утопить Авгу в море. По дороге на горе Парфении Авга родила сына, и Навплий, нарушив повеление Алея, отвез мать и дитя в Мисию к царю Тевфранту. Будучи бездетным, Тевфрант женился на Авге и усыновил ее ребенка, дав ему имя Телеф, а потом отправил Телефа на воспитание в Трою к царю Приаму (Fr. 16. 14–16).

По версии, изложенной у Аполлодора, Авга родила сына в святилище Афины и скрывала его там до тех пор, пока земля не стала бесплодной, и прорицания не объявили о присутствии скверны на священном участке Афины. Тогда Алей отдал Авгу и ее сына Навплию, чтобы тот предал их смерти. Навплий оставил младенца на горе Парфении, а Авгу отвез в Мисию, где она стала женой правителя Тевфранта. Однако ребенок не погиб — его вскормила своим молоком лань, и затем воспитали пастухи Корифа, назвавшие его Телефом. В

² Скорее всего, речь идет о трилогии или тетралогии.

³ Parke, Wormell 1956: II 130, No 324. Fontenrose 1978: 386, L84.

поисках своих родителей Телеф пришел в Дельфы и по повелению бога отправился в Мисию, где был усыновлен Тевфрантом и после его смерти стал преемником его власти (Bibl. Ep. 3.103–104).

Согласно Диодору Сицилийскому, Геракл сошелся с Авгой, когда, возвращаясь после захвата Спарты в Аркадию, гостил у Алея. Авга призналась отцу, что была изнасилована Гераклом, но Алей ей не поверил и велел своему другу Навплию утопить ее в море. Когда по дороге в Навплию они оказались на горе Парфении, Авга, страдая от родовых схваток, отошла, словно по какой-то нужде, в ближайšie заросли и, родив там мальчика, спрятала среди кустов, а сама вернулась к Навплию. Однако Навплий вопреки приказанию не утопил Авгу, а подарил ее знакомым карийцам, которые отвезли Авгу в Азию и отдали царю Мисии Тевфранту. Оставленного на горе младенца стала кормить лань. Потом его обнаружили пастухи и отнесли к царю Корифу. Кориф полюбил малыша и воспитал как собственного сына, дав ему имя Телеф. Когда Телеф вырос, он захотел найти свою мать и, отправившись в Дельфы, получил прорицание, приказывающее ему плыть в Мисию к царю Тевфранту⁴. Приплыв в Мисию, он нашел там мать и узнал, кто был его отцом, а царь Тевфрант, у которого не было сыновей, женил его на своей дочери Аргиопе и объявил наследником царской власти (4. 33.7–12).

Еще до отъезда в Азию Телеф, как и было предсказано Дельфийским оракулом, убил сыновей Алея, братьев своей матери, но подробности этого происшествия нам неизвестны (Hug. 244). Демон, историк конца IV — начала III в. до н. э., сообщает другой вариант полученного Телефом прорицания: когда Телеф обратился к богу с вопросом, отправившись в какие места он сможет найти своих родителей, ему было приказано идти (или плыть)⁵ к самому последнему из мисийцев (FGrHist. 327 F 17, ср. Schol. Eur. Rhes. 251)⁶.

По варианту мифа, представленному у Гигина, Телеф, в поисках матери прибыл к Тевфранту вместе с другом Парфенопеем. Тевфрант пообещал отдать ему свое царство и выдать за него замуж свою дочь Авгу, если он защитит его от претендовавшего на его власть Идаса, сына Афарея. Телеф и Парфенопей победили Идаса в первом же сражении, и Тевфрант, сдержав обещание, отдал Телефу царство и Авгу. Но Авга не хотела, чтобы кто-либо из смертных касался ее тела и решила убить Телефа, не зная, что это ее сын. Когда они вошли в брачный покой, и Авга выхватила меч, дабы осуществить задуманное, неожиданно по воле богов между нею и Телефом появился огромный дракон, при виде которого Авга выронила меч и обнаружила свое намерение. Поняв, в чем дело, и не зная, что перед ним его мать, Телеф хотел убить Авгу, но она стала со слезами призывать на помощь свое-

⁴ Parke, Wormell 1956: II 183–184, No 451. Fontenrose 1978: 383, L74.

⁵ Hesych. E6456, s. v. ἔσχατος Μυσῶν; Phot. Lex. s. v. Ἐσχατος Μυσῶν; Suda E3254, s. v. Ἐσχατος Μυσῶν πλεῖν; App. Prov. 2.85.

⁶ Parke, Wormell 1956: II 124, № 308. Fontenrose 1978: 383, L74.

го насильника Геракла, и тогда Телеф узнал свою мать и отвез ее на родину (*Hug. Fab.* 100).

Все эти варианты мифа о рождении и юности Телефа — а их перечень еще вполне может быть продолжен — согласны в том, что Телеф стал царем Мисии. Сколько-то лет он правил без каких-либо сильных потрясений, как вдруг на его страну напали ахейцы. Дело в том, что на второй год после похищения Елены ахейцы закончили приготовления к военному походу и поплыли к Трое. Об этих событиях повествовала не дошедшая до нас поэма «Киприи», но конспективное изложение интересующих нас мест сюжета сохранилось в «Хрестоматии» Прокла и в Эпитоме «Мифологической библиотеки» Аполлодора. Согласно Проклу, отплыв из Авлиды, ахейцы причалили к берегу Тевфрании и начали грабить страну, словно это Илион. Телеф поспешил на помощь и убил Терсандра, сын Полиника, а сам был ранен Ахиллом. Когда же ахейцы отплыли из Мисии, на них обрушилась буря и раскидала корабли (125–130). Рассказ Аполлодора сохранил больше подробностей: Не зная морского пути в Трою, эллины пристали к берегам Мисии и стали грабить ее, думая, что это Троя. Царь мисийцев Телеф, сын Геракла, видя свою страну разоряемой, вооружил мисийцев и преследовал эллинов вплоть до кораблей и многих убил, в том числе и оказавшего сопротивление Терсандра, сына Полиника. Когда же против него выступил Ахилл, Телеф не выдержал и обратился в бегство. Преследуемый Ахиллом, он запутался в побегах виноградной лозы и был ранен копьем в бедро. Покинув Мисию, эллины вышли в открытое море, но внезапно началась буря и разбросала корабли, после чего каждый вернулся на свою родину, и только восемь лет спустя войска вновь собрались в Авлиде (3.17–18).

После «Киприй» о битве мисийцев и ахейцев писали многие авторы — одни коротко, одним штрихом, другие — более подробно, но строго по существу, без дополнительных включений, а третьи — создавали на этом материале уже свои собственные произведения. Так, Пиндар трижды упоминает об этой битве: Патрокл, «вместе с Атридами придя на равнину Тевфранта, один встал с Ахиллом, когда Телеф, обратив в бегство могучих данайцев, отбросил их на кормы кораблей» (*Ol.* 9.70–73); «кто же доблестного Телефа ранил своим копьем у берегов Каика?» (*Isth.* 5.41–42); Ахилл «обагрил мисийскую богатую виноградниками равнину, обрызгав ее черной кровью Телефа» (*Isth.* 8. 49–50). Павсаний в одном месте утверждает, что жители Пергама считают себя аркадцами, пришедшими в Азию вместе с Телефом, и что ими были совершены три наиболее славных дела, одно из которых — смелое нападение Телефа на воинов Агамемнона, когда эллины, не попав в Илион, стали грабить Мэионскую равнину, приняв ее за троянскую землю (1.4.6). В другом месте Павсаний пишет, что, когда войско Агамемнона, плывя в Трою, сбилось с пути и потерпело поражение в Мисии, то там погиб от руки Телефа и Терсандр, сын Полиника, особенно из эллинов отличившийся в битве, и памятником ему стоит, если идти по равнине Каика, в городе Элее на агоре под открытым небом камень, у

которого местные жители совершают ему жертвоприношения (9.5.14). Гигин ограничивается одной короткой фразой, но с важным уточнением: «Говорят, что Телеф, сын Геракла и Авги, был ранен в битве Ахиллом копьем Хирона» (*Hug. Fab.* 101).

У Либания о битве с мисийцами повествует сам Ахилл: Когда ахейцы отплыли из Авлиды, то из-за незнания мест они попали в страну мисийцев и стали опустошать царство Телефа, полагая, что это владения Александра. Узнав об этом, Телеф тотчас вооружился и вместе с войском выступил навстречу, началось жестокое сражение, и предводитель мисийцев был ранен Ахиллом. Мисийцы, спасаясь бегством, отступили, а ахейцы, осознав свою ошибку, уплыли назад в Беотию, и войско было распущено (*Decl.* 5.1.7–8).

Если в одних источниках упоминается только сам факт ранения Телефа, то в других обязательно говорится о виноградной лозе, в которой запуталась нога то ли самого Телефа, то ли его коня, и даже приводится причина этого странного происшествия. Комментируя гомеровское причастие *παλιπλαγχθέντας*⁷, схолиаст замечает, что по мнению младших поэтов оно может указывать на события в Мисии: Пльва в Троию, эллины прибыли в Мисию и, не зная этого, начали ее грабить, полагая, что это Троя. Телеф же, сын Геракла и Авги, дочери Алея, царь мисийцев, увидев страну разоряемой, вооружил мисийцев и преследовал эллинов вплоть до кораблей, многих при этом убив. Когда же на него устремился Ахилл, он, не выдержав, обратился в бегство и, запутавшись во время бега в побегах виноградной лозы, был ранен в бедро. Это произошло из-за того, что на Телефа разгневался Дионис, поскольку тот лишил его почестей. Эллины же вернулись в Аргос. (*Schol. A Il.* 1.59). Такое же толкование этого причастия дает Евстафий Солунский: одни говорят, что оно употреблено вместо *ἐκ δευτέρου πλανηθέντας*, и опираются при этом на повествование младших поэтов, рассказывающих, что сначала эллины, направившись в военный поход против Трои, потеряли дорогу и стали опустошать землю, ничем не заслужившую их мщения. Это была находившаяся под властью Телефа Мисия. Тогда Телеф, выступив против них, и им причинил ущерб, и сам пострадал. Ужасную рану нанес ему Ахилл, когда по умыслу Диониса его конь был опутан виноградной лозой и упал на землю. Но он добился того, что эллины, не достигнув цели, отступили (*Eusth. Comm. ad Il. Vol. I, p.* 75).

В «Александр» Ликофрона Кассандра пророчествует о том, что, воздавая благодарность Агамемнону за принесенные ему жертвы, божество «льва от трапезы удержит, оплетя лозами его стопу, дабы под корень не уничтожил он колос режущим зубом и пожирающими челюстями» (*Lus. Alex.* 211–215). В схолиях к этим стихам Иоанн Цец объясняет, что речь идет о Дионисе, стре-

⁷ Л.А. Гиндин и В.Л. Цымбурский считают, что в этом месте можно увидеть реминисценцию неудачного мисийского похода, особенно если опираться на встречающееся в ряде списков раздельное написание *παλιπ πλαγχθέντας* — «... мы, вновь сбившись с дороги, опять возвратимся», см.: Гиндин, Цымбурский 1996: 92.

мьящемся убересть эллинов от гибели: отклонившись от пути в Трою, эллины пристали к земле мисийцев, словно к Трое. Здесь Телеф, царь мисийцев, выступив против них, многих эллинов убил. А Дионис, желая отблагодарить Агамемнона за принесенную ему жертву, сделал так, что Телеф запутался ногой в ветвях винограда и был ранен Ахиллом (*Tzetz. Schol. Lyc. 211*).

Диктис Критский посвятил битве эллинов и мисийцев несколько глав своего «Дневника Троянской войны», и, хотя «нашими» он неизменно называет греков, его стремление представить объективную картину происходивших событий кажется вполне очевидным: После того, как ветры пригнали весь флот к стране мисийцев, все корабли по сигналу поспешно пристали к побережью. Когда греки хотели сойти на берег, их встретили стражи этой земли. Их послал на берег Телеф, который был тогда правителем Мисии и защищал всю страну от вторжений морских врагов. И так, когда грекам не давали сойти и даже не позволяли коснуться земли, прежде чем о них будет сообщено царю, они сначала пренебрегли тем, что им было сказано, и некоторые все же покинули корабли, а затем, когда стражники не сдержались и начали изо всех сил препятствовать, вожди, решив, что эта несправедливость должна быть наказана, схватив оружие, устремились с кораблей и, воспламененные гневом, стали убивать стражников и не щадили их, обратившихся в бегство, но, где каждый настигал бегущего, там и умерщвлял. Между тем те, кто первыми убежали от греков, пришли к Телефу и сообщили, что напали многие тысячи врагов и, убив стражников, захватили побережье, а некоторые, кроме того, добавляли и многое другое, что подсказывал им страх. Узнав о случившемся, Телеф вместе с теми, кто был рядом с ним, и с теми, кого в этой спешке он смог собрать, быстро выступил навстречу грекам, и оба войска со страшной силой сошлись лоб в лоб. Каждый убивал того, кто попадал ему в руки, то те, то другие были повержены, а оставшиеся попеременно еще сильнее наступали. В пылу битвы Терсандр, сын Полиника, встретился с Телефом и пораженный им пал, хотя прежде им были убиты многие враги и среди них товарищ Телефа — за его стремление проявлять свои силы и дарование Телеф назначил его одним из вождей, — которого, пусть и храбро сражающегося, Терсандр зарубил. И потом, все больше и больше вдохновляясь благоприятным исходом войны, Терсандр стал нападать на все более сильных противников и был убит. Его окровавленное тело вынес на плечах Диомед, связанный с ним идущей еще от родителей дружбой, и, предав его огню, похоронил то, что осталось, по отцовскому обычаю. И когда Ахилл и Аякс Теламонид поняли, что к большому ущербу для своих склоняется исход войны, они разделили войско на две части и, вдохновив воинов, словно восстановив силы, еще ожесточеннее ринулись на врагов, сами возглавляя битву, и то преследовали с грозным криком, то стеной вставали на пути нападавших. Между тем Тевфраний, сын Тевфранта и Арги, единоутробный брат Телефа, заметил Аякса, славно сражавшегося против его соплеменников, повернул прямо к нему и, вступив с ним в единоборство,

пал, пронзенный копьем Аякса. Весьма пораженный его гибелью и жаждущий мщения за смерть брата Телеф ворвался, невзирая на опасность, во вражеский строй и, обратив в бегство всех, кто выступил против него, стал упорно преследовать Одиссея среди виноградников, примыкавших к месту битвы, но упал, споткнувшись о ствол виноградной лозы. Когда это издали заметил Ахилл, он метнул копье и пронзил левое бедро царя. А Телеф, с усилием поднявшись, выдернул из тела железо и, прикрываемый толпой своих воинов, спасся от неминуемой гибели. И уже прошла большая часть дня, когда битва, шедшая непрерывным сражением без всякого отдыха при напряжении обеих войск и бьющихся друг с другом вождях, стала затихать. Греков, уже изрядно вымотанных многодневным плаванием, очень пугало присутствие Телефа. Ведь, будучи сыном Геракла, он, высокий и могучий, сам достиг такой же славы, что и его отец своими божественными подвигами. Итак, с наступлением ночи по обоюдному согласию битва была остановлена, и мисийцы вернулись домой, а греки — на корабли. Как бы то ни было, в этом сражении погибло много людей из обеих войск и очень много было ранено, поскольку почти никто не остался в стороне от несчастья этой войны. Затем на следующий день с обеих сторон были посланы послы для переговоров о погребении павших, и после установления перемирия собранные и преданные огню тела были погребены (2.1–4).

Флавий Филострат не только превращает описание битвы в часть своего диалога «Героика», но и заставляет персонажей рассуждать о причинах, побудивших Гомера выбрать для своей поэмы одно историческое событие и полностью исключить из нее другое. Виноградарь, опираясь на свидетельство Протесилая, наполняет свою речь разными неожиданными подробностями битвы у Каика, дает собственную оценку общеизвестных фактов и даже небезосновательно, с его точки зрения, критикует Гомера. От поэтов можно услышать, что ахейцы вместо Трои разорили Мисию, бывшую тогда под властью Телефа, и что Телеф, сражаясь за свою страну, был ранен Ахиллом. Но верить, что ахейцы по незнанию думали, что они грабят землю Приама, — это значит клеветать на повествование Гомера, который воспевает ведуну Калханта. Ведь если они плыли под руководством пророческого искусства, как же они могли там пристать к берегу не по своей воле? И, пристав, как они могли не понять, что прибыли не в Трою, и это при том, что им встретилось много волопасов и пастухов? Ибо в стране этой вплоть до моря пасутся многочисленные стада, а спросить название земли — обычное дело для моряков. Но даже если они ни с кем не встретились, и ни о чем не спросили, то не следует забывать, что Одиссей и Менелай уже прежде приезжали в Трою с посольством и видели город и могли не допустить того, чтобы войско впало в такое заблуждение. Получается, ахейцы намеренно грабили мисийцев, так как те были самыми богатыми из жителей материка, и так как боялись, что мисийцы, будучи соседями Илиона, станут в момент опасности их союзниками. Телеф, и по происхождению

Гераклид, и во всем человек благородный, и правитель сильной страны счел происходящее недопустимым и собрал большое войско и многочисленную конницу как из своих мисийцев, так и из присоединившихся к нему верхних мисийцев, которых поэты зовут абиями, и пастухами лошадей, и пьющими их молоко. Поскольку намерение ахейцев плыть в Азию уже было известно, и Тлеподем, послав к брату вестника на родосском корабле, велел сообщить ему на словах — ведь буквы тогда еще не были изобретены, — сколь большое войско ахейцев он видел в Авлиде, то все жители внутренних областей пришли на помощь Телефу, и, как волны, неслись по равнине мисийские и скифские народы. Протесилай утверждал, что это сражение было самым крупным из тех, что произошли под Троей, а также из тех, которые впоследствии эллины вели с варварами. Союзники Телефа были славны и множеством своим, и мужами своими, и, как ахейцы воспевали Эакидов, и Диомедов, и Патроклов, точно так же воспевалось имя Телефа и Гема, сына Ареса, и особо прославлялись Гелор и Актей, сыновья скифской реки Истра. Мисийцы не позволяли ахейцам высадиться на берег, стреляя в них из луков и бросая дротики, а ахейцы, несмотря на это, старались прорваться силой, и аркадцы даже посадили несколько кораблей на мель, так как впервые управляли кораблями и еще не привыкли к морю. Ведь Гомер говорит, что до похода на Илион аркадцы не были моряками и не касались морских дел, но Агамемнон дал им шестьдесят кораблей и сам вывел их в море. Поэтому, выказывая умение и силу в сухопутном войске, они, оказавшись на кораблях, не были ни хорошими гоплитами, ни гребцами. Из-за неопытности и отваги они посадили корабли на мель, и многие из них были ранены выстроившимися на прибрежных скалах мисийцами, а некоторые погибли. Придя на помощь аркадцам, Ахилл и Протесилай, словно по уговору, одновременно спрыгнули на землю и отбросили мисийцев — из всего эллинского войска они были самыми доблестными и лучше всех вооружены, так что варварским народам они показались божествами. Тогда Телеф отвел войско на равнину, и ахейцы, спокойно пристав к берегу, сошли с кораблей на землю, все кроме кормчих и смотрящих за грузом, и молча начали строиться в боевой порядок. Против мисийцев встал сам Протесилай и Ахилл вместе с Патроплом, против Гема, сына Ареса, — Диомед, Паламед и Сфенел, а против тех, кто пришел с Истра, — Атриды, Локр и все остальные. Великий Аякс считал тех, кто разил сразу нескольких жнецами, не собравшими обильный урожай, а тех, кто побеждал храбрейших мужей, называл дровосеками и себя считал достойным скорее битвы такого рода. И вот он устремился на сыновей речного бога, сражавшихся, как и Гектор, на колеснице, запряженной четверкой коней, и, опрометчиво наступая, ударял копьём по щиту, дабы испугать коней, а кони, обезумев, встали на дыбы, и скифы, выпрыгнув из неуправляемой колесницы, сошлись с Аяксом и, славно сражаясь, оба пали. Достойными упоминания были и дела Паламеда — он вместе с Диомедом и Сфенелом убил Гема и его воинов. Но Паламед не считал себя достойным награды за доблесть

и уступил их Диомеду, так как он знал, что тот всё делает ради военных почестей и славы; однако если бы эллины учредили какой-либо веночек за мудрость, Паламед не уступил бы его никому другому, ибо всегда любил мудрость и обучался ей. С Телефом в бой вступил сам Протесилай и вырвал у него щит, а Ахилл, напав на незащищенного, ранил его в бедро и впоследствии в Трое сам исцелил рану. Тогда же Телеф мог бы упасть без чувств и умереть, если бы мисийцы, сбежавшись, не вынесли его из битвы. Говорят, многие мисийцы пали возле него, и река Каик стала красной от их крови. Ахилл потом судился с Протесилаем за щит Телефа, утверждая, что это он ранил Телефа, однако ахейцы решили, что владеть щитом более подобает Протесилаю, поскольку Телеф не был бы ранен, если бы тот не отнял у него щит. Мисийские женщины верхом на конях сражались с мужами, словно амазонки, и возглавляла эту конницу Гиера, жена Телефа. Ее, говорят, убил Нирей — против женщин выставили еще не прославившуюся молодежь, — и, когда она пала, вскричали мисийские женщины, и вся конница пришла в беспорядок и понеслась в болота Каика. Протесилай утверждал, что Гиера была самой высокой из всех виденных им женщин и самой красивой из всех тех, чье имя прославляется благодаря красоте. Она настолько превосходила красотой Елену, насколько та превосходила красотой остальных троянок. Однако Гомер не стал ее восхвалять и, благоволя к Елене, не ввел эту божественную женщину в свои поэмы. Между тем возле павшей Гиеры горевали даже ахейцы, и старшие увещевали молодых не снимать с нее доспехов и не прикасаться к ней. В этой битве было ранено много ахейцев, и раненым прорицанием было назначено совершить омовение — в Ионии еще и сейчас есть теплые источники, которые жители Смирны называют Агамемноновыми, они отстоят на сорок стадиев от города, и когда-то возле них были повешены захваченные в битве мисийские шлемы (23.4–30 (687–691)).

Совершенно другое, неожиданное преломление получает история битвы эллинов с мисийцами в «Истории о разрушении Трои» Дарета Фригийского. Здесь Телеф оказывается соратником Ахилла, вместе с ним нападает на царство Тевфранта и вообще избегает какого-либо ранения. Причालив к берегам Тенедоса, Агамемнон послал к Приаму послов, требуя вернуть Елену и захваченную Александром добычу. Выбранные послами Диомед и Одиссей отправились в Трою, а Ахиллу и Телефу Агамемнон велел тем временем разграбить Мисию. Они прибыли в землю царя Тевфранта и занялись грабежом. Но тут на них напал с войском Тевфрант, которого, когда войско обратилось в бегство, ранил Ахилл. Телеф прикрыл лежащего на земле царя своим щитом и не позволил Ахиллу его убить. Он помнил о связывавших их узах гостеприимства в то время, когда Телеф, рожденный Гераклом, еще ребенком был гостеприимно принят царем Тевфрантом. Рассказывают, что после того как Геракл убил Диомеда, охотившегося со своими сильными и свирепыми конями, он вернул все царство Тевфранту, и поэтому его сын Телеф пришел на помощь

Тевфранту. Когда же Тевфрант понял, что не сможет из-за этой раны избежать смерти, он еще при жизни отдал свое царство Телефу и объявил его царем. После этого Телеф с почетом похоронил Тевфранта. Ахилл посоветовал ему беречь новое царство, сказав, что он принесет войску многим больше пользы, если все те годы, что они пробудут под Троей, будет помогать им из этого царства продовольствием, нежели если отправится к Трое. И таким образом Телеф остался. Ахилл же с большой добычей вернулся к войску на Тенедос и рассказал обо всем случившемся Агамемнону — Агамемнон одобрил и похвалил (*Dar. Phryg.* 16).

Битву Телефа с ахейцами неоднократно изображали греческие скульпторы. Павсаний, например, сообщает, что на заднем фронтоне храма Афины в Тегее было представлено сражение Телефа с Ахиллом на равнине Каика (*Paus.* 8.45.7). Основным событиям жизни Телефа и среди них — битве с ахейцами, был посвящен малый фриз Пергамского алтаря Зевса⁸.

Итак, Телеф был ранен Ахиллом и ранен не обычным копьём, а копьём кентавра Хирона. Здесь следует вспомнить, что исследователи по-разному оценивают статус Ахилла в доолимпийской мифологии, и что Х. Хоммелем была высказана важная гипотеза, согласно которой Ахилл по своей исконной функции был богом мертвых, верховным владыкой в царстве блаженных в далеком море, и только затем в традиции рапсодов превратился в героя Троянского цикла⁹. Отсюда возникают и особые представления греков об амбивалентной силе копья в руках Ахилла — оно было одновременно оружием и живым, и мертвым и заключало в себе как смерть, так и исцеление от недугов¹⁰. Рана, нанесенная таким копьём, не могла быть вылечена никакими привычными средствами — в итоге ее исцелила ржавчина именно с этого копья, — и потому, несмотря на все усилия Телефа, найти облегчения от страданий ему не удавалось. Прошло, согласно Аполлодорову изложению «Киприй», без малого восемь лет — рана так и не зажила. И тогда, разуверившись в искусстве смертных врачей, Телеф решил обратиться за помощью к богу: он отправился в прорицалище, спросил оракул и получил в ответ прорицание: «Ранивший исцелит», — фактически приказавшее ему искать помощи у Ахилла.

И тут мы сталкиваемся с такой парадоксальной ситуацией: рождение и юность Телефа, его поиски родителей и прибытие в Мисию, встреча с матерью и получение царской власти от Тевфранта, битва с ахейцами и ранение Ахиллом описаны, как уже было показано, во многих произведениях, причем, пусть и с разночтениями, но достаточно подробно. То же самое можно сказать и об описании поездки Телефа к Ахиллу — мы рассмотрим этот материал чуть позже. Полученное Телефом прорицание было всем хорошо известно и, став пословицей, использовалось в повседневной жизни. Однако само обращение

⁸ Heres, Strauss 1994: 1 857–862, 2 590–594.

⁹ Хоммель 1981: 53–76.

¹⁰ Гиндин, Цымбурский 1996: 294.

Телефа к оракулу словно выпадает из общей традиции изложения этого мифа: о нем пишут лишь немногие авторы, пишут крайне лаконично и неопределенно, то ли не зная деталей вопрошения (что кажется более вероятным), то ли не считая нужным повторять общеизвестную информацию. Из-за всей этой недосказанности из биографии Телефа затерялся такой немаловажный факт как название того прорицалища, где Телеф получил спасительный совет. Причем, как бы отражая античную непоследовательность в повествовании о Телефе, современные исследователи тоже перескакивают через этот эпизод жизни героя, сосредотачивая внимание на воплощении полученного прорицания и не придавая значения месту его возвещения. Попробуем, насколько это возможно, устранить образовавшуюся лакуну.

Пересказывая в «Хрестоматии» сюжет «Киприй», Прокл вообще не упоминает о поездке Телефа в прорицалище и ограничивается самым общим выражением *κατὰ μαντεῖαν*: «Затем Телефа, по откровению (*κατὰ μαντεῖαν*) прибывшего в Аргос, исцеляет Ахилл, дабы он стал проводником плавания к Илиону» (132–134). Существительное *ἡ μαντεῖα* имело значение «божественное знание», «откровение», «прорицание», то есть указывало на некое высказывание, содержащее частицу высшего знания, но не конкретизировало при этом, каким путем это прорицание попало к адресату, а значит, текст Прокла свидетельствует только о существовании какого-то прорицания и не проливает при этом никакого света не только на его происхождение, но и на тип этого прорицания: слово *μαντεῖα* греки применяли к любой пророческой речи, будь то изречение оракула или пророчество ведуна-мантиса.

Точно так же можно оценить и свидетельство Иоанна Цеца в схолиях к «Александре» Ликофрона: «И ему было дано прорицание (*ἐδόθη δὲ αὐτῷ χρησμός*), что не иначе он сможет исцелиться, а только если ранивший исцелит» (*Tzetz. Schol. Lyc. 211*). *Ὁ χρησμός* — это любое прорицание: оракула, ведуна-мантиса, древнего пророка-хресполога. Кто из них помог Телефу своим советом, Цец не уточняет.

Еще дальше от интересующей нас цели уведит используемое Харитоном слово *λόγιον*: «Об этом как раз было и древнее прославленное изречение (*τὸ ἄδόμενον λόγιον*), что, мол, ‘ранивший сам исцелит’» (*Char. 6.3.7*). *Τὸ λόγιον* обычно служило для обозначения пророчества древнего пророка-хресполога. Такие пророки — а это Сивилла, Бакид, Лисистрат и другие — возвещали предсказания на столетия вперед, не обращая при этом к определенной аудитории и не указывая точных сроков исполнения своих пророчеств. Хреспологи никогда не обсуждали с каким-либо отдельным человеком его личную, актуальную для данного момента проблему, и поэтому полученное Телефом изречение никоим образом не могло исходить от хресполога. Харитон же, вкладывая в уста своего персонажа слово *λόγιον*, вообще не связывает цитируемое изречение ни с Телефом, ни с каким-либо оракулом, а лишь стремится подчеркнуть его сопричастность древней мудрости.

Комментируя диалог Платона «Горгий», схолиаст пишет, что обыгрываемая Херефонтом пословица возникла «от Телефа и ранившего его Ахилла и от оракула, возвестившего (τοῦ χρηστήριου ἀνελόντος), что ‘ранивший и исцелит’» (447 b). Мантический термин τὸ χρηστήριον «оракул» неизменно указывал на вещего духа места, обитавшего в прорицалище и осуществлявшего связь между жрецом или жрицей и богом-хозяином прорицалища. Появление этого термина в тексте схолий указывает на уверенность их автора в том, что Телеф обратился за помощью не просто к какому-то прорицателю, но именно к оракулу и, следовательно, должен был либо сам отправиться в прорицалище, либо, в крайнем случае, отправить туда послов. Однако, на какое прорицалище пал выбор царя Мисии, схолиаст умалчивает.

Знал о вопрошении Телефом оракула и автор схолий к речам Демосфена: «Затем уже позже ему, вопросившему об исцелении, бог возвестил (χρωμένῳ αὐτῷ περὶ ἰάσεως ἀνεῖλεν ὁ θεός), что не иначе он будет вылечен, а только если ранивший и исцелит» (18.134b Dilts). Фраза схолиаста построена по всем правилам описания вопрошения оракула: здесь есть и причастие от глагола χράομαι («вопросать»), и указание на тему вопроса περὶ ἰάσεως («об исцелении»), и глагол ἀναίρεώ («возвещать»), один из наиболее употребительных глаголов, вводящих оракульную речь, и сам источник прорицания ὁ θεός («божество»), и, наконец, полученное изречение, данное в пересказе. Однако название прорицалища опять отсутствует.

Похожее описание находим у Евстафия Солунского: «И поскольку рана его не поддавалась лечению, он вопрошает оракул, и прорицание возвестило часто повторяемое изречение (χράται καὶ ὁ χρησμός ἀνείπε τὸ θρυλούμενον), что, мол, ‘ранивший исцелит’» (Comm. ad Il. vol. 1 p. 75). Место вопрошения Евстафий тоже не называет и, кроме того, ставит слово ὁ χρησμός в позицию, где традиционно указывался субъект, возвещавший прорицание: бог, оракул или жрец (ср. Comm. ad Il. vol. 1 p. 73).

Автор схолий А к «Илиаде» выразился еще лаконичнее: «А Телеф, страдая от незаживающей раны, после того как бог объявил ему (εἰπόντος θεοῦ), что никто не сможет его вылечить, кроме самого ранившего, отправился в Аргос» (1.59). И такой же краткостью отличается сообщение Аполлодора: «А Телеф, страдая от незаживающей раны, после того как Аполлон объявил ему (εἰπόντος αὐτῷ τοῦ Ἀπόλλωνος), что тогда он обретет исцеление, когда врачом окажется ранивший, одевшись в лохмотья, прибыл из Мисии в Аргос (Bibl. Ep. 3.20). Однако у Аполлодора появляется новая деталь — названия прорицалища по-прежнему нет, но вместо неопределенного «оракула» и «бога» авторство изречения однозначно связано с Аполлоном.

О том, что Телеф обратился за помощью именно к оракулу Аполлона, свидетельствуют и другие авторы. В схолиях к «Облакам» Аристофана сказано: «И, не находя исцеления от раны, услышал от Аполлона (ἤκουσε παρὰ τοῦ Ἀπόλλωνος): ‘Ранивший исцелит’» (922). Согласно *Mantissa proverbiorum*, «Те-

леф, правивший в земле Мисии и раненный Ахиллом, пришел к Аполлону (ἀφίχεται πρὸς Ἀπόλλω) в поисках исцеления. А тот ему провещал (ἐφοίβασεν): 'Ранивший исцелит'» (2.28). Гигин рассказывает: «Поскольку из-за этой раны Телеф изо дня в день переносил ужасные страдания, он просит у Аполлона прорицания (petit sortem ab Apolline), какое есть лекарство. Ему был дан ответ, что никто не сможет его вылечить, а только то самое копьё, которым он был ранен» (Hug. Fab. 101). И у Диктиса Критского читаем: «В то же самое время Телеф, долго мучимый болью из-за той раны, которую получил в сражении против греков, не найдя облегчения ни от какого другого средства, был, наконец, побужден оракулом Аполлона (Apollinis oraculo monitus) просить помощи у Ахилла и сыновей Эскулапия и поспешно поплыл в Аргос» (Dict. Cret. 2.10).

Итак, мы рассмотрели почти все сообщения о том, как Телеф получил прорицание, направившее его к Ахиллу. Все эти тексты весьма позднего времени, и более существенной информации, чем то, что Телеф спросил некий оракул Аполлона, выжать из них нам не удалось. Что же еще осталось в нашем распоряжении? Здесь, пожалуй, мы приближаемся к самому важному.

Либаний, автор IV в., уверенно отправляет Телефа в Дельфы: «... Телеф прибывает в Дельфы, чтобы спросить бога о своей ране (κομίζεται Τήλεφος εἰς Δελφοὺς τῷ θεῷ χρησόμενος ὑπὲρ τοῦ τραύματος), так как искусство врачей не помогло облегчить страдание. А бог возвестил ему исцеления искать тоже у ранившего» (Decl. 5.1.9). Либанию вторит автор схолий к «Облакам» Аристофана: «Когда Телеф не мог найти того, кто его вылечит, и Пифия возвестила (τῆς Πυθίας... ἀνελοῦσης): 'Ранивший исцелит', — он, повинувшись прорицанию, прибыл в Фессалию и попросил об исцелении» (919). Также появляются Дельфы и в схолиях к тому же месту из речи Демосфена (18.72), что и процитированный выше пассаж, но дошедших до нас в другом кодексе: «Телеф отправился в Дельфы, чтобы спросить о ране (ἀπῆει Τήλεφος εἰς Δελφοὺς τοῦ τραύματος χρησόμενος πέρι), и Пифиец объявил целителем раны ранившего» (18.134c Dilts).

Казалось бы, эти контексты дают нам исчерпывающий ответ на интересующий нас вопрос: о своей незаживающей ране Телеф спросил Дельфийский оракул. И все же в силу целого ряда причин этот ответ трудно признать окончательным. Конечно же, благодаря Либанию и схолистам прорицание «Ранивший исцелит» обрело свое место в каталоге изречений Дельфийского оракула Г. Парка и Д. Уормелла, где его можно найти под номером 198¹¹. Однако Парк при этом обращает внимание на то, что Дельфы обычно не фигурируют в истории Троянской войны и появляются только в двух ее продолжениях — рассказах о судьбе Ореста и о смерти Неоптолема, и поэтому он готов допустить, что рассматриваемое изречение было приписано Дельфам, с которыми Телеф связывали более ранние события его жизни¹². Дж. Фонтенроуз тоже

¹¹ Parke, Wormell 1956: II 83.

¹² Parke, Wormell 1956: I 315.

Илл. 1. Патары, центр города. Фото автора

включает полученное Телефом прорицание в свой каталог дельфийских изречений под номером L34, но при этом высказывает сомнения в том, что Телеф предпринял столь дальнюю поездку в Дельфы, когда в Малой Азии имелось прорицалище Аполлона Ликийского¹³.

Дельфийский оракул, действительно, сыграл немаловажную роль в судьбе юного Телефа — чтобы это утверждение не показалось голословным, мы достаточно подробно рассмотрели в начале статьи разные варианты традиции о рождении Телефа и его переезде в Мисию. Значение этого прорицалища для всего эллинского мира трудно переоценить. Поэтому неудивительно, что, столкнувшись с необходимостью рассказать о происхождении столь известного изречения, авторы поздней античности могли с легкостью приписать его авторство Дельфийскому оракулу, тем более что обращение к нему Телефа во время поисков матери было неизменной частью сказания.

К моменту нападения ахейцев на Мисию Телеф уже много лет царствовал в этой стране и в битве с ахейцами возглавил войско варваров, то есть он сам

¹³ Fontenrose 1978: 368–369.

позиционировал себя уже не аркадцем, а малоазиатским правителем. Незаживавшая рана, доставлявшая ему столько страданий, была нанесена рукой Ахилла, одного из вождей ахейского войска. В такой ситуации, решив спросить оракул, Телеф, скорее, должен был бы выбрать прорицалище, расположенное в Азии, а не в Элладе, куда вернулись его враги. В юго-западной Ликии в городе Патары (илл. 1) находилось древнейшее прорицалище Аполлона — ведь Ликия оспаривала у Делоса почетное право считаться родиной Аполлона и Артемиды, — и выбор Телефа вполне мог упасть именно на этот оракул. Дорогу из Мисии в Патары нельзя назвать близкой, и все же для раненного человека проделать этот путь было значительно легче, чем плыть через море в Дельфы.

Все эти рассуждения, однако, нуждаются в доказательной базе, и несколько аргументов в нашем распоряжении действительно есть. Во-первых, обратим внимание на то, какими словами наши источники описывают дорогу Телефа к Ахиллу в Аргос (или в Фессалию). Помимо привычных глаголов движения со значением «прибывать» *παραγίγνομαι*, *ἔρχομαι*, *venio*: *παραγεγόμενον εἰς Ἄργος* (*Procl. Chrest.* 132), *παραγεγόμενον εἰς Θετταλίαν* (*Schol. Aristoph. Nub.* 919), *παραγεγόμενος εἰς Θετταλίαν* (*Schol. Aristoph. Nub.* 922), *εἰς τὸν Ἀχιλλέα... παραγέγονεν* (*Mant. Prov.* 2.28), *εἰς Ἄργος ἔρχεται* (*Lib. Decl.* 5.1.9), *ἦλθεν εἰς Ἄργος* (*Schol. Hom. Il.* 1.59), *ad regem Agamemnonem venit* (*Hug. Fab.* 101), — которые в равной степени употреблялись и в случае небольшой поездки, и в случае долгого путешествия, у нескольких авторов мы встречаем более конкретные сведения о пути Телефа. Евстафий Солунский сообщает, что Телеф «плывет к Ахиллу самой короткой дорогой» (*πλέει...τὴν ταχίστην ἐπ' Ἀχιλλέα*, — *Comm. ad. Il.*, vol. 1, p. 75), и у Диктиса Критского Телеф «поспешно поплыл в Аргос» (*propere Argos navigat* — 2.10). Кратчайшая дорога из Дельф в Аргос шла по материку, и, если бы Телеф получил совет отправиться к Ахиллу в Дельфы, то для описания его дороги в Аргос и Евстафий Солунский, и Диктис Критский могли бы подобрать более подходящий по смыслу глагол, нежели глагол «плыть». Но если Телеф спросил оракул в Азии, то тогда для встречи с Ахиллом ему неминуемо предстояло совершить продолжительное плавание, и тут употребляемый обоими авторами глагол оказывается вполне уместным.

Аполлодор утверждает, что Телеф «прибыл из Мисии в Аргос» (*ἐκ τῆς Μισίας... εἰς Ἄργος ἀφίκετο*, *Bibl. Ep.* 3.20). Едва ли у кого-либо возникнет мысль допустить, что, спросив оракул в Дельфах, Телеф вернулся домой, а потом все же принял решение прибегнуть к помощи Ахилла и снова отправился в путь. Такому предположению помимо его общей нелогичности — ведь оно обрекало бы нашего героя бессмысленно плавать туда-сюда, преодолевая огромные расстояния между Мисией и Элладой, — препятствует существовавший в античном мире неписанный свод правил поведения смертного по отношению к оракулу и объявленной через него воле бога, в соответствии с которым по-

лученное изречение следовало неукоснительно исполнять¹⁴, и уплыть назад в Мисию, чтобы обдумать ситуацию (то есть решить, повиноваться ему Аполлону или нет), Телефу просто не пришло бы в голову. Кстати, и автор схолий к речи Демосфена уверен, что Телеф находился за пределами Эллады, когда получил спасительное прорицание: «отправившись в Элладу, он пришел к нему (Ахиллу)» (ἀπελθὼν εἰς τὴν Ἑλλάδα προσῆλθεν αὐτῷ, 18.134b Dilts).

Во-вторых, среди дошедших до нас фрагментов трагедии Еврипида «Телеф» есть один стих с обращением к Аполлону Ликийскому. Телеф (но, возможно, и кто-то другой из действующих лиц трагедии) восклицает: «О, Феб Аполлон Ликийский, что же ты со мной сделаешь?» (ὦ Φοῖβ' Ἀπόλλων Λύκιε, τί ποτέ μ' ἐργάσῃ — Fr. 700 Nauck, ср. Fr. 106 Austin). Трагедия «Телеф» неоднократно становилась объектом насмешек Аристофана, и во «Всадниках» Клеон, услышав от Колбасника, что в палестре тот учился, украв, давать ложную клятву и обманывать, смотря в глаза, выражает свое удивление этим же самым восклицанием (1240), и схолиаст комментирует: «Этот стих из “Телефа” Еврипида» (Schol. Aristoph. Eq. 1240a). Действие трагедии Еврипида разворачивалось в Греции, куда Телеф прибыл, чтобы во исполнение полученного прорицания добиться от Ахилла исцеления нанесенной им раны. Каким другим образом столь далекий и малоизвестный в тех местах Аполлон Ликийский мог стать объектом молитвенного призыва, если только он не был связан непосредственно с сюжетной линией трагедии? И поскольку Ликия расположена достаточно далеко от Мисии, и у больного Телефа, чьи помыслы тогда были всецело заняты проблемой выздоровления, едва ли могли быть другие, более важные дела для поездки в Патары, то появление у Еврипида Аполлона Ликийского, скорее всего, обусловлено тем, что именно прорицание Патарского оракула заставило Телефа отправиться к ахейцам.

Наконец, в-третьих, обращение Телефа к Аполлону Ликийскому было засвидетельствовано отдельными артефактами. Надпись с острова Родоса, датируемая 99 г. до н. э. содержит перечень дарителей, чьи посвятельные приношения украшали храм Афины в Линде. Одним из этих дарителей числился и Телеф: «Телеф — златоомфальную чашу, на которой написано: “Телеф Афине в качестве искупительного дара, как повелел Ликийский Аполлон”» (I. Lindos II 2, В 48–50). Получается, что Аполлон Ликийский не только направил Телефа к Ахиллу, но и указал, какие искупительные дары и кому тот должен принести.

О дарах Телефа Аполлону Дельфийскому нам ничего неизвестно, тогда как наличие у него повода отблагодарить Аполлона Ликийского воспринималось античной традицией вполне обоснованным. Так, Павсаний сообщает: «Ликийцы же в Патарах в храме Аполлона показывают бронзовый кратер, утверждая, что это — посвятельный дар Телефа и творение Гефеста» (9.41.1).

¹⁴ Приходько 2005: 345–359.

Кроме того, пребывание Телефа в Патарах оставило свой след в одном географическом названии и даже в названии народа в Ликийи. Грамматик Элий Геродиан и Стефан Византийский приводят цитату из произведения историка IV в. до н. э. Менехма из Сикиона: «В семи стадиях от Патар показывают источник Телефа, названный так из-за того, что Телеф промыл в нем свою рану. Существует также телефийский народ» (*Herodian. Pros. Cat. vol. 3., 1, p. 119, Steph. Byz. Ethn. 620 = FGrHist. 131 F 11*). Источник Телефа не иссяк и доныне¹⁵. Его можно увидеть, если ехать из Фетхие в Каш по шоссе D400, с правой стороны от дороги сразу после поворота на Патары (илл. 2). Источник образует крошечный прудик, вокруг которого всегда толпится народ — турки утверждают, что воды этого источника исцеляют от кожных болезней.

Правда, Парк полагает, что все легенды о посещении Телефом Ликийи складывались под воздействием националистических чувств ликийцев по отношению к греческой мифологии, и что идею связи Телефа с Аполлоном Патарским стали активно развивать перед подъемом правящей династии Пергама, которая объявила Телефа своим прародителем — ведь Пергам никогда не имел власти над Ликийей¹⁶. Однако, даже принимая во внимание эти политические аспекты, не будем забывать, что и восклицание из трагедии Еврипида, и свидетельство историка Менехма по времени старше Пергамского царства и едва ли должны рассматриваться исключительно как литературное творчество их авторов.

В пользу вопрошения Патарского оракула, как это ни странно, свидетельствует и сам факт отсутствия в литературных источниках вплоть до поздней античности подробного описания обращения Телефа в прорицалище. Если бы Телеф спросил Дельфийский оракул, то повествовать о его посещении столь прославленного прорицалища было бы очень легко, и, наверное, многие авторы порадовали бы нас таким рассказом. Святилище Патар, напротив, не было, особенно для жителей материковой Греции, столь известным и часто посещаемым. В древнегреческой мифологии, кроме случая с Телефом, оно вообще не фигурирует¹⁷. Даже сейчас наше знание о функционировании этого прорицалища оказывается крайне ограниченным как в силу весьма скудной информации о нем в литературе и эпиграфике, так и в силу того, что, хотя раскопки в Патарах ведутся уже более тридцати лет, обнаружить местоположения храма Аполлона археологам пока так и не удалось¹⁸. Поэтому нет ничего удивительного в том, что из сказания о Телефе постепенно был вытеснен такой непривычный поступок как вопрошение Аполлона Патарского — полученное прорицание, приведшее Телефа назад в Элладу и заставившее его в итоге показать ахейцам дорогу к Трое, хранилось в народной памяти и посто-

¹⁵ Şahin 2009: 345.

¹⁶ Parke 1985: 189.

¹⁷ Parke 1985: 189.

¹⁸ О прорицалище Аполлона Патарского см.: Parke 1985: 185–194; Приходько 2019: 96–112.

Илл. 2. Источник Телефа. Фото автора

янно использовалось в качестве поговорки, а место его возникновения было предано забвению.

Что же произошло с Телефом после вопрошания оракула? Повинуясь воле Аполлона, он отправился в Аргос, где снова собиралось ахейское войско для похода на Трою. Боясь, как бы он не был узнан, Телеф оделся в лохмотья, изображая нищего. Там он обратился то ли лично к Ахиллу, то ли ко всем вождям, рассказал о полученном изречении оракула и стал просить Ахилла исцелить его рану. Правда, в трагедии Еврипида, сюжет которой пересказывает Гигин, Телеф сначала пробрался в дом Агамемнона, выкрал по совету Клитемнестры из колыбели младенца Ореста и угрожал убить его, если ахейцы его не вылечат. Ахейцам же еще раньше было предсказано, что без помощи Телефа они не смогут захватить Трою. Поэтому они стали настоятельно просить Ахилла исцелить Телефа, но Ахилл заявил, что он не владеет искусством врачевания, и тогда Одиссей объяснил им, что Аполлон называет виновником раны не Ахилла, а копьё, которым тот нанес рану. Они соскоблили с наконечника копья ржавчину и вылечили ею рану Телефа (*Hug. Fab. 101*).

О целительной ржавчине с копья Ахилла упоминают и другие авторы. Эта подробность, судя по всему, присутствовала уже в тексте «Киприй», ведь опиравшийся на него Аполлодор писал: Телеф, «облачившись в рубище, прибыл в Аргос и, обратившись с мольбой к Ахиллу и пообещав показать, как доплыть до Трои, был исцелен Ахиллом, соскоблившим ржавчину с копья, чье древко было из ясеня с Пелиона» (Bibl. Ep. 3.20). Собственно, о самом копье мы знаем из «Илиады» — Гомер рассказывает, что его изготовил из пелионского ясеня кентавр Хирон и подарил Пелею, и копье это было настолько тяжелым, что сражаться им было под силу только одному Ахиллу (*Hom.* II. 16.140–144; 19. 387–391). Согласно Проперцию, «молодой мисиец получил помощь от того самого фессалийского остря, которое нанесло ему рану» (2.1.63–64), и у Овидия «мисийскому вождю помогло пелионское копье» (*Pont.* 2.2.26). Плиний Старший уверен, что Ахилл смог распознать целебные свойства ржавчины благодаря тому, что был учеником кентавра Хирона, и поэтому его часто изображали стряхивающим ржавчину с остря копья в рану Телефа (NH 25.42, ср. 31.152). Также и в схолиях к Демосфену говорится, что Ахилл, обученный Хироном, владел искусством врачевания (18.134b, 134c Dilts).

В качестве платы за полученное исцеление Телеф показал ахейцам морской путь к берегам Трои — с этим согласны все источники, и лишь отдельные авторы усматривают противоречие с текстом Гомера, который утверждал, что ахейские корабли привел к Илиону прорицатель Калхант «с помощью своего пророческого дара, который дал ему Феб Аполлон» (*Hom.* II. 1.72). Схолиаст объясняет, что Телеф показал путь к Трое в повествовании младших поэтов, в то время как у Гомера плаваньем руководил Калхант (*Schol. ad II.* 1.59). Также и Евстафий Солунский отмечает, что Гомер не возложил руководство дорогой в Илион ни на Телефа, ни на кого-либо другого, но утверждал, что ахейские корабли привел туда Калхант благодаря своему пророческому дару (*Comm. ad II.* vol. 1, p. 75). Обе версии попытался примирить Аполлодор: Телеф показал дорогу по морю, а правильность его указаний подтвердил Калхант, опираясь на свое пророческое искусство (Bibl. Ep. 3.20).

Изречение «Ранивший исцелит» определило не только вторую половину жизни Телефа, но, подобно некоторым прорицаниям Дельфийского оракула, вошло, постепенно теряя связь с исходным сказанием, в повседневную жизнь античного общества. Если это изречение действительно было возведено в прорицалище Аполлона в Патарах — а именно к этому выводу склоняют нас все сохранившиеся свидетельства, — то можно с уверенностью говорить о первом и на данный момент единственном известном нам прорицании Патарского оракула, вышедшем за пределы Ликии и нашедшем отражение в древнегреческой литературе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гиндин, Цымбурский 1996 — *Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.
- Приходько 2005 — *Приходько Е.В.* «Приветствуй дар, посылаемый богом!», или о неписанных законах дельфийского благочестия // ΣΤΕΦΑΝΟΣ. Сборник научных трудов. М., 2005. С. 345–359.
- Приходько 2019 — *Приходько Е.В.* Оракул Аполлона в Патарах по свидетельствам современников // Россия и Греция: диалоги культур [Электронный ресурс]. Материалы IV Международной конференции [в 3 ч.]. Ч. III. Петрозаводск, 2019. С. 96–112.
- Хоммель 1981 — *Хоммель Х.* Ахилл-бог // Вестник древней истории. 1981. 1 (155). С. 53–76.
- Fontenrose 1978 — *Fontenrose J.* The Delphic Oracle: Its responses and operations with a catalogue of responses. Berkeley; Los Angeles; London, 1978.
- FGrHist — Die Fragmente der Griechischen Historiker (F. Jacoby).
- Heres, Strauss 1994 — *Heres H., Strauss M.* Telephos // LIMC. VII. München, 1994. S. 1. 856–870, 2. 590–602.
- LIMC — Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. München.
- Parke 1985 — *Parke H.W.* The Oracles of Apollo in Asia Minor. London; Sydney; Dover, New Hampshire, 1985.
- Parke, Wormell 1956 — *Parke H.W., Wormell D.E.W.* The Delphic Oracle. Vol. I–II. Oxford, 1956.
- Şahin 2009 — *Şahin S.* Kragos Oros, Titanis Petra und der Apollontempel von Patara. Lokalisierungsversuche in der historischen Geographie Lykiens // Die Landschaft und die Religion. Stuttgarter Kolloquium zur Historischen Geographie des Altertums 9, 2005. Stuttgart, 2009. S. 337–352. (Geographica Historica, XXVI).

WHICH ORACLE TOLD TELEPHUS «THE WOUNDER WILL HEAL»?

ELENA V. PRIKHODKO

Abstract: Ancient authors have repeatedly used the proverb «The wounder will heal». The proverb came from the oracle, which was given to Telephus. Telephus, son of Hercules, was a king of Mysians. When the Achaeans, who didn't know the course to steer for Troy, put in to Mysia and ravaged it, supposing it to be Troy, Telephus armed the Mysians to defend his country and was wounded in the battle by Achilles in the thigh. Many years the wound of Telephus was unhealed, so Telephus consulted an oracle and received the answer «The wounder will heal». But which oracle did Telephus consult? Ancient tradition did not preserve this information. Libanius and the two scholiasts suggested that this prophecy was the answer of the Delphic oracle. But the author considers all contexts from the works of other ancient writers who told about Telephus consulting an oracle and described his way to Achilles, and concludes that Telephus consulted the oracle of Apollo at Patara.

Keywords: Telephus, Achilles, «The wounder will heal», Mysia, Lycia, oracle of Patara, Lycian Apollo, Delphic oracle, spear of Chiron, «Cypria».

Елена Владимировна Приходько,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры древних языков
исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

ФАКТИТИВ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ АБСОЛЮТНОЙ ВЛАСТИ (на примере одной французской народной песни)

О.В. РАЕВСКАЯ

Резюме: Известная французская песня «Le roi a fait battre tambour» представлена в статье как объект изучения с трёх точек зрения: исторической, литературоведческой и лингвистической. В отличие от нерелевантного для песенного фольклора исторического подхода, наложение пропповской морфологии сказки на материал французской песни оказывается достаточно плодотворным, а фокусирование внимания на глаголе faire, структурирующем смысл текста, позволяет сделать важные выводы о роли фактитива в выражении отношений социальной иерархии.

Ключевые слова: Песенный фольклор, морфология сказки, нарратив, фактитив.

Песня «Le roi a fait battre tambour» — одна из жемчужин французского народного песенного творчества — появилась, по мнению специалистов, в семнадцатом веке¹. Её тогда пели, вероятно, под аккомпанемент виолы да гамба, теорбы или цистры. И, как это свойственно фольклорному произведению, её бытование было вариативно; исследователи насчитали пятьдесят пять вариаций этой песни².

Приведём наиболее известную, в определённом смысле каноническую версию текста этой песни:

Le roi a fait battre tambour
Pour voir toutes ses dames
Et la première qu'il a vue
Lui a ravi son âme
Marqui, dis-moi la connais-tu
Qui est cette jolie dame ?
Le marquis lui a répondu
Sire roi, c'est ma femme.
Marquis, tu es plus heureux que moi
D'avoir femme si belle
Si tu voulais me la donner

¹ David et Delrieu 1988: 69.

² Laforte et Jutras 1997: 213–214.

Je me chargerais d'elle.
 Sire, si vous n'étiez le roi
 J'en tirerais vengeance
 Mais puisque vous êtes le roi
 A votre obéissance.
 Marquis ne te fâche donc pas
 T'auras ta récompense
 Je te ferai dans mes armées
 Beau maréchal de France.
 Adieu, ma mie, adieu, mon cœur !
 Adieu mon espérance !
 Puisqu'il nous faut servir le roi
 Séparons-nous d'ensemble !
 La reine a fait faire un bouquet
 De belles fleurs de lys
 Et la senteur de ce bouquet
 A fait mourir marquise.

Сегодня эту песню можно услышать в исполнении как признанных классиков французской эстрады Эдит Пиаф и Ива Монтана (в записи), так и музыкантов-аутентистов, в частности, ансамбля *Le Poème harmonique* под руководством Венсана Дюместра (неоднократно выступавшего в наших концертных залах). Это свидетельствует о её достаточно высоком месте в табели о рангах такого объекта национального культурного наследия Франции как народная песня.

О чём в ней поётся? Что нам в ней интересно и важно сегодня? Посмотрим на неё с трёх точек зрения: исторической, литературоведческой и лингвистической.

Французские исследователи в этом фольклорном тексте усматривают отражение любовных романов трёх французских королей: Генриха IV, Людовика XIV и Людовика XV. Из богатых женскими персонажами историй личной жизни этих монархов песенной маркизой, как считается, могли быть: маркиза де Монсо при Генрихе IV, маркиза де Монтеспан при Людовике XIV и графиня де Вентимилья при Людовике XV³. В отсутствие аргументов, подтверждающих достоверность подобных отсылок к реальным историческим личностям, приведём краткие биографические справки, имеющие отношение к событиям, о которых поётся в песне.

История первая. Король — Генрих IV, маркиза — Габриэль д'Эстре, герцогиня де Бофор и де Верней, маркиза де Монсо, официальная фаворитка короля с 1591 года. Её выдали замуж за Николя д'Амерваля де Лианкура, барона де Бенэ, с которым она вскоре разошлась; никакой роли в её жизни он не иг-

³ David et Delrieu 1988: 69.

рал. Маркиза умерла в 1599 году за несколько дней до ожидаемой ею свадьбы с королём, расторгнувшим брак с Маргаритой Валуа. На известном двойном портрете «Габриэль д'Эстре с сестрой» на переднем плане в центре — кольцо с королевским вензелем, знак предстоящего брака. Маркиза не была отравлена, как иногда полагают, но умерла от эклампсии — формы токсикоза: она была на четвёртом месяце беременности. Король сильно горевал, узнав о её смерти. Сохранившиеся в истории слова его скорби достойны стать строкой песни: «*La racine de mon cœur est morte et ne rejettera plus*».

Во французском фольклорном наследии сохранилась песня, в которой говорится о том, что среди парижских дам нет никого краше Дамы Габриэль: «*Les dames de Paris / Sont habillées de gris. / Y en a point d'aussi belle / Que Dame Gabrielle*». Вряд ли, однако, это можно считать подтверждением версии о том, что песенная маркиза — это Габриэль д'Эстре.

История вторая. Король — Людовик XIV, маркиза — Франсуаза Атенаис де Рошешуар де Мортемар, известная как маркиза де Монтеспан, официальная фаворитка короля с 1667 по 1683 год. Муж-маркиз был известен своей ревностью, за что был сослан в свои владения в Гаскони. Маршалом (как обещает король в песне) стал брат маркизы. Умерла маркиза де Монтеспан своей смертью в возрасте 66 лет, вдали от королевского двора. Тема отравления, видимо, объясняется тем, что маркизу обвиняли в причастности к Делу о ядах, в частности, в отравлении Анжелики де Фонтанж, в которую влюбился король. Вина маркизы не была доказана.

История третья. Король — Людовик XV. Маркиза — Полин Фелисите де Майи-Нель, фаворитка короля с 1738 года, в замужестве (с 1739 года) графиня де Вентимилья. Её муж был генералом, племянником архиепископа Парижа. Тема отравления в истории её жизни не звучит; она умерла в 1741 году вскоре после родов. Считается, что любовь короля к ней была так сильна, что он приказал сделать посмертную маску с её лица.

Серьёзному историческому анализу текст этой песни, разумеется, не подлежит.

Чего нельзя сказать об анализе литературоведческом, который исследователи французского песенного фольклора провели, опираясь на «Морфологию волшебной сказки» В.Я. Проппа, поскольку, по их мнению, фольклорная песня, тесно связанная со средневековой литературой, обладает такими нарративными структурами, которые ещё лучше, чем сказку, «позволяют изучать ее с точки зрения морфологии»⁴.

Как, вслед за пропповской морфологией сказки, можно представить морфологию французской народной песни?

Во всём описанном в процитированной работе корпусе песенного фольклора, к которому относится и песня про короля и маркизу, выделяются в каче-

⁴ Laforte et Jutras 1997: 18.

стве ведущих, сквозных (*omniprésentes*) две нарративные функции (*fonctions narratives*): оскорбление (*offense*) и наказание (*punition*) — и четыре структурирующие темы (*thèmes structurants*), отражающие социальные и культурные ценности общества: любовь, власть, честь и справедливость⁵. Эти функции и ценности представлены в двух типах отношений: семейных и любовных.

В соответствии с этими ценностями, любое оскорбление должно сопровождаться наказанием, в чём, по мысли авторов, проявляется значимость темы справедливости, или, иными словами, мораль песни. Любое наказанное действие должно стать отрицательным примером для слушателей⁶ — как в средневековых *exempla*⁷.

Конфликты в любовных отношениях всегда маркированы социальными различиями. Король и королева предстают как обладающие всей необходимой властью для наказания в случае оскорбления. Королевская власть не признаёт никаких отступлений и даже в случае неправоты остаётся главной опорой строго иерархического общества.

Выделенные исследователями ключевые для морфологии французской народной песни понятия, отражающие ценности средневекового общества (оскорбление — наказание; любовь, власть, честь, справедливость), релевантны и для интересующего нас текста. Но его нарративная структура строится по особым правилам — по лучшим правилам нарратива, когда финал нарушает ожидания.

Король наносит маркизу *оскорбление*, отнимая у него жену и предлагая ему в виде компенсации маршальское звание (*власть сильнее чести и любви*). *Наказание* должно быть, по справедливости (и в соответствии с ожиданием), возмездием за *оскорбление*, но оно предстаёт как проявление *власти*, приходя от королевы, которая появляется в последнем куплете, чтобы наказать маркизу. Получается, что оскорблённой в этой истории является королева, а наказанной — оскорблённая *de facto* маркиза (*власть сильнее справедливости*).

Если мы теперь посмотрим на текст песни с лингвистической точки зрения, то увидим, что у ключевого понятия *власть* есть своё средство выражения — *фактитив*, то есть глагол *faire* с инфинитивом (*Le roi a fait battre tambour; La reine a fait faire un bouquet*). Фактитив, как частный случай каузатива, указывает на то, что субъект глагола *faire* не совершает действие, обозначенное инфинитивом, а приказывает, побуждает, заставляет его совершить, является его причиной (ср.: FАСТИТIF. Ling. Se dit d'un mot, d'une forme qui indique que le sujet *fait faire l'action* [курсив мой. — О.Р.]⁸.

⁵ Laforte et Jutras 1997: 139.

⁶ Laforte et Jutras 1997: 96.

⁷ Laforte et Jutras 1997: 97.

⁸ Larousse 1979.

Фактитив демонстрирует большой семантический потенциал глагола *faire*, от которого, собственно, и образован сам термин. *Faire* — один из самых абстрактных глаголов⁹.

Фактитив предполагает широкий диапазон возможных отношений между двумя субъектами — глагола *faire* и инфинитива. На одном краю этого диапазона — неконтролируемое действие (или состояние) субъекта инфинитива, возникающее без целенаправленного воздействия со стороны субъекта глагола *faire*: «Il pouvait beaucoup pour les malheureux. Il les *faisait* rire. Et, nous l'avons dit, faire rire, c'est *faire oublier*» (V. Hugo). Примерно в середине диапазона — целенаправленное, но без принуждения, воздействие на субъект инфинитива: «Elle le regarda d'un air de tendresse et de franchise, lui prit la main, le *fit asseoir* à son côté et lui parla avec recueillement» (A. France). И на противоположном конце — фактитив абсолютной власти, с которого, в частности, начинается песня об отравленной маркизе: «Le roi *a fait battre tambour*».

Этот фактитив — своего рода лейтмотив песни, ось её кольцевой нарративной структуры. Он звучит как увертюра в первой фразе (Le roi *a fait battre tambour*), продолжает эту тему — тему власти — в середине текста (Je te *ferai* dans mes armées / Beau *maréchal de France*) и является абсолютным финалом (Et la senteur de ce bouquet *a fait mourir* marquise).

В других вариантах текста песни этот лейтмотив звучит ещё настойчивей: « Marquise, ne pleurez pas tant! Je vous *ferai* princesse »; Le roi lui *fit faire* un tombeau / tout en fer de Venise, / *A fait marquer*, tout à l'entour: / « Adieu, belle marquise! ».

Глагол *faire* как показатель фактитивности предстаёт в этом тексте как средство выражения власти в разных её проявлениях, вплоть до неограниченной. Тема власти при этом звучит crescendo. Сначала это просто приказ бить в барабаны, который, вероятно, может отдать не только король (Le roi *a fait battre tambour*). Затем это власть короля над подданными и их статусом (Je te *ferai* dans mes armées beau *maréchal de France*; Je te *ferai* princesse); фактитив здесь усилен тем, что можно было бы назвать категорией субординатива (A votre *obéissance*; il nous faut *servir* le roi). И, наконец, высшая форма власти, носителем которой в тексте является королева, — это власть над жизнью и смертью (La reine *a fait faire* un bouquet / de belles fleurs de lys / et la senteur de ce bouquet / *a fait mourir* marquise).

Фактитивный лейтмотив песни звучит тем сильнее, чем бледнее её лексический состав. Существительные, обозначающие действующих лиц (*roi*, *reine*, *marquis*, *marquise*), *tambour* при короле и *bouquet* при королеве, да гипотетический *maréchal* — вот и весь ресурс денотатной лексики. Есть ещё сигнификатные *vengeance* и *obéissance*, которые рифмуют слова, превращающие *возмездие*

⁹ Гак 1977: 84.

в *покорность*, выражая, в терминах вышеописанной морфологии народной песни, победу *власти* над *честью*.

Прилагательных на семь куплетов песни всего три: *joli, heureux, beau*. Прилагательное *beau*, своей широкозначностью отчасти подобное глаголу *faire*, можно считать вторым, адъективным лейтмотивом (*femme si belle, beau maréchal, belles fleurs*), который не столько наполняет нарратив смыслом, сколько структурирует его, дополняя глагольный лейтмотив власти.

Эти два лейтмотива — власти и красоты — развиваются диаметрально противоположно. Первый — крещендо — звучит в финале мощным аккордом; второй — диминуэндо — становится всё слабее: если маркиза действительно прекрасна, и не только внешне, как можно предполагать (*femme si belle*), то к цветам (*belles fleurs*) этот признак относится в минимальной степени, учитывая, что они несут смерть.

Последняя, кульминационная фраза, которая, по Р. Ингардену, «накладывает отпечаток цельности»¹⁰, — это своего рода контрапункт текста песни. Наряду с лейтмотивами власти и красоты, здесь звучит тема женщины как героини нарратива. Королева (а не король!) воплощает абсолютную, метафизическую власть; маркиза — красоту, которая стоит жизни. Мужская тема в финале не звучит. На сцене — только женщины, олицетворяющие власть и красоту.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гак 1977 — Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М., 1977.
- Ингарден 1962 — Ингарден Р. Исследования по эстетике. М., 1962.
- Laforte et Jutras 1997 — Conrad Laforte et Monique Jutras. Vision d'une société par les chansons de tradition orale à caractère épique et tragique. Laval, 1997.
- Larousse 1979 — Larousse de la langue française. Lexis. P., 1979.
- David et Delrieu 1988 — Martine David, Anne-Marie Delrieu. Refrains d'enfance: Histoire de 60 chansons populaires. P., 1988.

¹⁰ Ингарден 1962: 30.

FACTITIF COMME MOYEN D'EXPRESSION DU POUVOIR ABSOLU (à travers une chanson populaire française)

OLGA RAEVSKAYA

Résumé: La chanson populaire «Le roi a fait battre tambour» est analysée de trois points de vue : historique, littéraire et linguistique. L'approche historique ne pouvant pas être appliquée à une oeuvre folklorique, le texte s'analyse bien dans le cadre de la morphologie du conte populaire de Propp, et présente encore plus d'intérêt vu dans l'optique factitive : le verbe *faire* est considéré comme un moyen d'organiser la structure narrative de la chanson tout en exprimant le pouvoir absolu qui émane du roi et de la reine.

Mots-clés: Chanson folklorique, morphologie du conte, structure narrative, factitif

Ольга Владимировна Раевская,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой иностранных языков
исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С СЕМАНТИКОЙ «ЗАЩИТЫ/НАКАЗАНИЯ» В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ: ЛЕКСИКА, ГРАММАТИКА, ПСИХОЛОГИЯ

О.М. САВЕЛЬЕВА

Резюме: В статье рассматриваются особенности организации высказываний с глаголом $\tau\mu\omega\rho\epsilon\acute{\iota}\nu/\sim\sigma\theta\alpha\iota$ в языке и ситуация выбора возможных для него значений защиты или наказания в языке греческих авторов. Выбор лексического значения зависит от семантической процедуры, опирающейся на лексические, грамматические детерминативы (средний/активный залог) и общий широкий контекст. Подтверждается высокая степень сохранности «внутренней формы слова» для греческого языка.

Ключевые слова: глагол $\tau\mu\omega\rho\epsilon\acute{\iota}\nu/\sim\sigma\theta\alpha\iota$, детерминативы, лексика, грамматика (средний/активный залог), внутренняя форма слова.

В лексикологии и лексической семантике особый интерес, даже, можно сказать, исследовательское любопытство вызывают случаи соединения в одном и том же слове значений, логически весьма далеких друг от друга, а иногда даже кажущихся противоречащими друг другу. Такой пример мы находим в семантике глагола $\tau\mu\omega\rho\epsilon\acute{\iota}\nu/\epsilon\acute{\iota}\sigma\theta\alpha\iota$ и слов его деривационного ряда. По данным словарных статей, его контекстуальные значения распределяются по двум направлениям: 1) $\tau\mu\omega\rho\epsilon\acute{\iota}\nu$ (dat. лица; асс. rei) — «защищать, помогать кому-либо в чем-либо»; 2) $\tau\mu\omega\rho\epsilon\acute{\iota}\sigma\theta\alpha\iota$ (чаще med., dat. лица/асс. лица; асс. rei; gen. criminis) — «мстить кому-либо за что/кого-либо чем-либо». Предлагается рассмотреть семантику этой лексемы, которая одновременно также дает интересную иллюстрацию, подтверждающую справедливость тезиса о высокой степени сохранности «внутренней формы слова» в греческом языке. Уточним, что внутренняя форма слова, понимаемая как семантическая и структурная соотнесенность морфем, составляющих слово, показывает, как именно, по каким семантическим компонентам, сформировалось лексическое значение слова (ЛЭС: 1990, 85–86). Смысловая структура $\tau\mu\omega\rho\epsilon\acute{\omega}$, сформированная сочетанием полнозначных морфем $\tau\mu\acute{\eta}$ — (*quoína > ποινά, ποινή — «наказание»; $\tau\mu\acute{\eta}$ — «цена, плата; честь») и ἄρνευμαι — «добывать, достигать» (согласно более старой этимологии, здесь во 2-ой части композита предлагалось

ὄραω), может быть охарактеризована как «осуществить плату за что-то, добиться расплаты». Из приводимых далее примерах можно видеть, что предлагаемые в словарных статьях контекстные значения глагола «защищать, помогать; мстить, наказывать, карать» реализуются как мотивированные этой исходной семантикой, приобретающей положительную или отрицательную коннотацию, как «помогать, защищать/наказывать, мстить» исключительно в зависимости от содержания.

Так, идея защиты и помощи («прийти на помощь тому, кто подвергся нападению», Liddell — Scott) отражена, например, у Геродота, когда говорится о пеласагах на Лемносе, о похищенных ими афинянках и об их детях: «если кто-то [пеласг] кого-то из них [из детей], обижал, все бросались на помощь и защищали» — ἐβοήθειον τε πάντες· καὶ ἐτιμώρεον (6.138). Присоединим сюда еще один пример из Геродота о посольстве критян в Дельфы с вопросом, «лучше ли будет для них помогать Элладе» — εἰ σφὶ ἄμεινον τιμωρέουσι γίνεταί τῇ Ἑλλάδι. В ответ Пифия, называя критян глупым народом, (νήπιοι), объясняет им, что все их беды случились из-за того, что они «помогли Менелаю в делах мщения» (...ὄσα ὑμῖν ἐκ τῶν Μενελάου τιμωρημάτων) и ...ταῦτα οἱ Κρήτες ὡς ἀπεινεύχθента ἤκουσαν, ἔσχοντο τῆς τιμωρίας (7.169) — «критяне, как только услышали такой [произнесенный] ответ, не стали ничего делать в помощь(грекам)». В этом же ряду оказывается речь коринфян у Фукидида (I, 124), где содержится призыв помочь жителям Потидеи — μὴ μέλλετε Ποτειδαῖταις τε ποιεῖσθαι τιμωρίαν ποιεῖσθαι οὗσι Δωριεῦσι καὶ ὑπὸ Ἰώνων πολιορκουμένοις (I, 124, 1) — «не медлите с оказанием помощи потидейцам (и помогите потидейцам), так как они дорийцы и сейчас осаждаемы ионянами». Обратим внимание, что конструкция τὴν τιμωρίαν/τῆς τιμωρίας ποιεῖσθαι τινι с положительной семантикой «помогать» по своей лексико-грамматической организации стоит в том же ряду, что и «отрицательные» обороты τιμωρίας τυγχάνειν — «отомстить», ср.: τιμωρίαν δοῦναι — «предоставить право мести», что близко ἀντιδοῦναι, τίνειν; λαμβάνειν τὰς ἀξίας τιμωρίας — «быть наказанным по заслугам». Даже из этих немногочисленных примеров можно видеть, что итоговый смысл и выбор значения «защищать» или «мстить» определяется не глагольной лексемой как таковой или ее вариантами, а только в результате учета всех составляющих высказывания, своего рода смысловых детерминативов, как: «детей обижали»; «критяне помогли Менелаю в делах мести»/или же: вполне возможно понимание «в делах обиды, т. е. обиженному Менелаю», «потидейцы терпят осаду ионян и нуждаются в поддержке» — т. е. необходимо понимать сюжет, конкретные обстоятельства, взаимоотношения персонажей описания, учесть роль всех грамматических показателей etc. (Wakker: 1997).

Конкретный выбор лексического значения, например, семантики защиты, может происходить даже при отсутствии непосредственного пояснения, а диктоваться содержанием. Так, у Эсхила в трагедии «Агамемнон» вестник во втором эпизоде, приветствуя родной Аргос и взывая к богам о помощи,

называет в их ряду Зевса, Аполлона и «моего заступника» Гермеса (перевод С. Апта) — τὸν τ' ἑμὸν τιμᾶορον/Ἑρμῆν, и роль божества как заступника здесь уже ясна, дальше же следует и пояснение φίλον κήρυκα, κηρύκων σέβας — «(бога) вестника любимого, букв. милого вестника, честь вестников» (514–515). Семантика защиты и помощи логически следует из сюжета и обращения вестника к своему покровителю именно вестника. В той же трагедии Кассандра, рассказывая хору о своих унижениях и страданиях ее семьи, предсказывает, что месть состоится и что «Взывает к мстителю поверженный отец» (1283–1284). Тот факт, что монолог произносит именно Кассандра, и содержащийся в ее речи намек на смерть Агамемнона (он еще не убит: 1342–1345 слл.), и ожидания мести — вот факторы, определяющие роль Ореста как «отплатчика — мстителя», т. е. определяющие выбор значения рассматриваемого здесь слова. Эгисф в эклоге этой трагедии, осознавая все случившееся, адекватно ситуации произносит «боги — мстители» — θεῖοι τιμᾶοροι (1578). Таким образом, в подобных пассажах, наряду с собственно фактами языка, приобретают значимость иллокутивные показатели. К этому добавляется «реальность» мифологического сюжета, позиция персонажей, как в приведенном примере, всё вместе это извлекает из семантики τιμᾶω лексический вариант мщения. Чтобы отметить еще раз, насколько важно для истолкования рассматриваемых высказываний их содержание, приведем фрагмент из «Электры» Софокла. В прологе к трагедии Воспитатель, обращаясь к Оресту, говорит ему «ты будешь мстителем за убийство отца» — πατρί τιμᾶωρ φόνου (14). Фразу, разумеется, можно понять только так, исходя и из хорошо известной фабулы, и из надежной конструкции τιμᾶωρ + dat. лица — «мститель за кого-либо», характерной для поэтического языка. Однако «грамматика мщения» с dat. лица как предикатива — «мстить за кого-либо» в раннепоэтическом узусе¹ позже сменяется предпочтением асс. лица (за кого/кому), и в случае равноправного употребления τιμῶρεῖν τιμ/τινα, как раз знание внеязыкового фона помогает исключить в нашем примере «мститель отцу за убийство», что допустимо грамматически, но исключено по содержанию.

Традиционно отмечается, что идея мести, наказания проводится τιμῶρέω преимущественно в формах медиального залога (или пассива в медиальном значении). Если τιμῶρέω означает «отплатить как заступиться, помочь», то в случае среднего залога τιμῶρομαι «указывает процесс, который, по характеристике Эмиля Бенвениста, развивается в субъекте» и передает личное участие в совершении мщения, наказания, «лично отплатить за себя, за свою личную обиду, за близких людей» [Бенвенист:1974]. Семантика мщения в четвертом эпизодии из «Алкесты» Еврипида отличается повышенной экспрессией, всей сцене присущ сильно акцентированный компонент «мести за близких

¹ Возмездие, его понимание и значимость в гомеровском обществе, формы, способы его осуществления рассматриваются в работах А.В. Логинова, см. Логинов 2013.

людей». После смерти Алкестиды Ферет, отец Адмета, не допускает мысли, что ее брат Акаст не отомстит за сестру. Восклицание Ферета, обращенное к сыну, давно является ярким примером соединения залогового и лексического значений глагола τιμωρεῖσθαι: ἦ τᾶρ Ἄχαστος οὐκέτ' ἔστ' ἐν ἀνδράσιν, εἰ μή σ' ἀδελφῆς ἀίμα τιμωρήσεται (732–733) — «Среди мужей Акаста хоть не числи, Коль за сестру тебе он не отмстит» (перевод Ин. Анненского). Отметим здесь «внутреннюю» семантику действия, особый акцент на эмоции и личном участии брата в мщении за смерть сестры. Аналогичные многочисленные позиции медиа отмечаются в языке аттической прозы. Так, в «Греческой истории» Ксенофонта в описании достаточно запутанного эпизода с гармонтом Феспий Сфодрием говорится: οὐχ ὅπως τιμωρήσαιντο, ἀλλὰ καὶ ἐπαίνεσιαν τὸν Σφοδρίαν (5.4.34) — «... они [лакедемоняне] не только не наказали Сфодрия..., но даже похвалили...». (События со Сфодрием считаются трудными для толкования). Интересное развитие грамматики глагола τιμωρεῖν при сохранении семантики «мстить» отмечается в ораторской прозе, например, у Лисия в речи XXV «В защитупо поводу обвинения его...» (ок. 400–401гг.): ὑπ' ἐμοῦ γὰρ ἐν τῇ ὀλιγαρχίᾳ οὔτε ἀπαχθεὶς οὐδεὶς φανήσεται, οὔτε τῶν ἐχθρῶν οὐδεὶς τετιμωρημένος, οὔτε τῶν φίλων εἰς πεπονηθῶς (15), где представлено partic. perf. med. — «...вы не найдете, чтобы во время олигархии я кого-нибудь арестовал, или отомстил врагу, или благодетельствовал другу» (перевод С.И. Соболевского) и из речи XIII «Против Агората»: «[он...завещал... сказать сыну] отомстить Агорату (за отца) как убийце» — τιμωρεῖν τὸν Ἀγόρατον ὡς φονέα ὄντα (13.42), где предикативная структура глагола уже оформляется по типу стабильно прямопереходной с двойным асс. «мстить кому-либо/за кого-либо», а обвинение чаще выражается предложным сочетанием (ὑπέρ, ἀντί). В приведенных высказываниях есть прямые указания на ситуацию мести, наказания (враг, убийца) что, собственно, и обеспечивает содержание фразы в целом. Выразительный фон движения от экспрессивно-лаконичного синтаксиса у Эсхила πατρὶ τιμᾶωρ φόνον «мститель за убийство отца» до приведенной из Лисия, можно сказать обновленной/«модернизированной» грамматической схемы, дает возможность убедиться в правоте тезиса А.А. Потемни, который видел развитие языка в смене «поэтического языка прозаическим».

Даже из небольшого числа приведенных примеров можно судить, что и в нормативном литературном языке прозы, и в поэтическом языке драмы лексический инвариант «наказывать, мстить» в сочинениях ведущих греческих писателей с признанным великолепным чувством языковой нормы и стиля реализуется как формами медиа рассматриваемого глагола (Ксенофонт, Еврипид), так и активного залога (Лисий, Еврипид). В целях полноты и симметрии наблюдений присоединим фрагмент из трагедии Еврипида «Орест» (408г.) — это реплика Менелая в диалоге с Орестом: Παλαμήδους σε τιμωρεῖ φόνον (433) — «Он ...мстит тебе за Паламеда» (перевод Ин. Анненского), и для организации этой фразы характерны признаки, уже практически регулярные

для высказываний с τιμωρέω в активном залоге. Как и в других случаях, здесь есть лексический детерминатив, «подсказка» — слово «убийство»; «мщение» же передается глаголом в активе и его прямопереходную конструкцию двух винительных (σε, φόνον), напоминание же о Паламеде показывает направленность мщения. Слова Менелая, входящие в драматический диалог, воспринимаются как реплика в достаточно простой, разговорной манере. По своей синтактике «глагол #два винительных («мстить кому/за что)» организует фразу, близкую повествовательному стилю прозы. В этом вполне можно видеть и признак движения «от поэтического мышления к прозаическому», и историческое направление развития грамматических категорий, языкового строя.

Ведь «Орест» принадлежит к последним сочинениям Еврипида, своему периоду (самый конец Vв.) в истории греческого литературного языка и его узусу. Если вернуться к интересному вопросу о соответствии грамматики и семантики, то можно отметить, что в классическом нормативном греческом языке, в частности, в прозе, семантика «отмщения» передается у одного и того же автора глаголом как в меди, так и в активе и, таким образом, прямого соответствия между залоговым значением медиа и семантическим вариантом мщения уже не наблюдается, как это имело место у более ранних авторов и в драме и по традиции совершенно достоверно указывается в словарных описаниях. Некоторая семантическая «предрасположенность» к такому значению, возможно, коренится в рефлексивном значении медиа, когда, по точному наблюдению А.В. Десницкой, «действие субъекта соотносится с изменением его внутреннего состояния» (Десницкая: 1951). Тогда τιμωροῦμαι, соответственно, передает смысл «я внутренне настроен отплатить кому-либо за что-либо за себя или за кого-то». Основываясь на этом, можно сделать некоторую психологическую, причем, даже грустную констатацию: семантика негативного направления (мщение, наказание) отражается в языковом сознании как более близко воспринимаемое субъектом действие, иногда даже в отношении самого себя, и в этом смысле название комедии Теренция *ἐαυτὸν τιμωρούμενος* передает именно внутренний настрой ее героя Менедема по отношению к самому себе. Замечательно нюансированное подтверждение особой субъективности при осознании понятий «месть, наказание» можно извлечь из рассуждения Аристотеля о мотивах поступков людей. Во-первых, «дела мести (τὰ τιμωρητικά) совершаются под влиянием раздражения (διὰ θυμόν) и гнева (διὰ οργήν)». Но, кроме указания на столь сильные отрицательные эмоции как импульс к совершению мести etc., у Аристотеля есть более существенное для нашей темы различие между наказанием (κόλασις) и возмездием (τιμωρία) по их, так сказать, психологическому результату: διὰ θυμόνδε καὶ οργήν τὰ τιμωρητικά διαφέρει δε τιμωρία καὶ κόλασις ἢ μὲν κόλασις τοῦ πάσχοντος ἕνεκα ἐστίν, ἢ δε τιμωρία τοῦ ποιοῦντος, ἵνα ἀποπληρωθῆ (Rhet. 1369 b 17). Проведенные Аристотелем смысловые дистинкции слов κόλασις/τιμωρία достигают не только более глубокого понимания действий человека и его душевного состояния, но показыва-

ют и языковую сторону — различие слов как «терминов мщения», дифференцируют их достаточно сложную семантику, проясняют природу номинации различных «аспектов мщения» (в наших рассуждениях выше была предпринята попытка рассмотреть, почему для передачи значения «возмездие» служит именно слово $\tau\upsilon\omega\rho\acute{\iota}\alpha$ — «отплата»), наконец, отражают судьбу слова в ходе исторического отбора греческого лексикона. Негативная сторона семантики $\tau\upsilon\omega\rho\acute{\epsilon}\omega$ как «отплатить» не только получила в языке, скажем, более прочувствованное субъективное восприятие, но и исторически оказалась витальной. В современном употреблении за рассматриваемой лексемой закрепилось именно специализация «наказывать, взыскивать, мстить» (зло живуче?). Историческое развитие семантики слов ряда $\tau\upsilon\omega\rho\acute{\epsilon}\omega$ может служить еще одной выразительной иллюстрацией в подтверждение тезиса о высокой степени сохранности «внутренней формы слова» в греческом языке, когда изначальная структурно-семантическая мотивация, в данном случае «отплаты», стабильно присутствует в лексических инвариантах как «защищать, помогать/мстить, наказывать» на протяжении длительного исторического развития грамматики и лексикона.

ЛИТЕРАТУРА

- Ross 1959 — *W.D. Ross* (ed.). *Aristotelis Ars rhetorica*. Oxford; New-York, 1959.
- Liddel — Scott 1996 — *Liddel H.G.* — *Scott R.A.* (eds.). *A Greek-English Lexicon*. Oxford, 1996.
- Wakker 1997 — *Wakker Gerry C.* Modal Particles and Differeny Points of View in Herodotus and Thucydides // *Egbert J. Bakker* (ed.). *Grammar as Interpretation. Greek Literature in its Linguistic Contexts*. Leiden; New York; Köln, 1997. P. 215–250 (Mnemosyne. Bibliotheca Classica Batava).
- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Активный и средний залог в глаголе // *Бенвенист Э.* *Общая лингвистика*. М., 1974. С. 184–191.
- Десницкая 1951 — *Десницкая А.В.* Из истории развития категории глагольной переходности // *Памяти академика Л.В. Щербы*. Сборник статей. Л., 1951. С. 136–144.
- Логонов 2013 — *Логонов А.В.* Возмездие в гомеровском эпосе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2013.
- ЛЭС — *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990.

ORGANISATION OF UTTERANCES
WITH “PROTECTION/PUNISHMENT”
SEMANTICS IN ANCIENT GREEK:
LEXEMES, GRAMMAR,
PSYCHOLOGICAL REALITY

OLGA M. SAVELYEVA

Abstract: The present article is intended to clarify some specific features of the utterances with the verb lexeme τιμωρεῖν/~σθαι and the linguistic case of selection from its possible “opposite” meanings “to protect” or “to punish”. The analysis of the texts of Classical Greek authors makes it clear that the selection of the lexical meaning depends of a specific semantic procedure based on both lexical and grammatical (middle/active voice) determinatives as well as a broader context. The article supports the thesis about a high degree of preservation of the inner word form for the Greek language.

Keywords: verb τιμωρεῖν/~σθαι, determinatives, lexemes, grammar (middle/active voice), inner form (of the word).

Ольга Михайловна Савельева,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры классической филологии
филологического факультета
МГУ им. Ломоносова

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ОЛЬВИИ И БОСПОРА

М.В. СКРЖИНСКАЯ

Резюме: В Ольвии и на Боспоре женщины принимали участие во многих религиозных праздниках, посвященных Дионису и разным женским божествам. Они регулярно появлялись на улицах городов в праздничных шествиях, танцевали культовые пляски и исполняли определенные ритуалы, сопровождая их игрой на музыкальных инструментах. Жрицы занимали заметное, а иногда и главное место во время праздников Деметры, Афродиты, Артемиды и Кибелы.

Жрицы из царского рода и из состоятельных семей носили золотые украшения и роскошные одеяния с вышивкой и золотыми бляшками. При исполнении священнодействий жрицы облачались в собственные нарядные одеяния и украшения, соответствующие моде того времени. Эти вещи как знаковые и любимые предметы часто клали в могилу усопшей.

В ольвийских и боспорских надписях есть сведения о статуях и других дарах, которые женщины посвящали богам. В разное время одна и та же женщина могла служить разным божествам. Некоторые боспорянки посещали праздники в Элладе, а в Афинах принимали посвящение в Элевсинские мистерии. Там они приобретали культовые сосуды и терракоты, которые использовали во время ритуалов у себя на родине.

Ключевые слова: древнегреческая религия, ольвийские и боспорские жрицы, приношения богам.

В научной литературе об истории и культуре античных государств Северного Причерноморья редко и лишь кратко затрагивался вопрос о роли женщин в общественных празднествах, жертвоприношениях и других религиозных ритуалах. Это была важная сторона жизни гречанок, так как только в подобных случаях женщины могли участвовать во всенародных мероприятиях наравне с мужчинами и даже занимать ведущее положение, исполняя обязанности жриц. Их избирали из числа семей граждан, либо они получали подобную должность, которую традиционно исполняли члены определенных семейств.

Элины считали, что место женщины в ее доме, где она занимается хозяйством, ухаживает за детьми, прядет шерсть, ткет ткани для членов семьи и общается только с домочадцами. Ведь даже когда в дом приходили гости, они собирались в андроне, куда не приглашали ни матерей, ни жен, ни сестер. Религиозные праздники представляли редкую возможность выйти из дома

Рис. 1. Праздничное шествие женщин. Мраморный алтарь. V в. до н. э. Пантикапей

и общаться не только с родственниками. Об этом известно из литературных и эпиграфических источников и по иллюстрациям на предметах изобразительного искусства. В Северном Причерноморье интересующие нас сведения относятся главным образом к Ольвии и Боспору VI–II вв. до н. э.

Торжественные процессии, пение гимнов и исполнение танцев обычно сопровождали все крупные общественные религиозные празднества. Иллюстрации участия женщин в праздниках имеются среди ольвийских и боспорских археологических находок. В Пантикапее стоял алтарь V в. до н. э. с рельефным изображением шествия женщин в длинных плащах (рис. 1)¹. Ольвийский храм IV в. до н. э. украшал мраморный фриз, представлявший праздничную процессию мужчин и женщин². Участие женщин в церемонии жертвоприношения отражено на ольвийской стеле эллинистического времени со сценой жертвоприношения кабана и на свинцовой пластинке местной работы, где представлена фигурка женщины, с гидрией около жертвенного быка³.

Участницы религиозных праздников танцевали и исполняли музыку на струнных, духовых и ударных инструментах. Жительнице Пантикапея принадлежала краснофигурная лекана, на крышке которой вазописец нарисовал хоровод взявших за руки женщин в нарядных одеяниях⁴; они, танцую под аккомпанемент аулоса и кифары, движутся вокруг алтаря (рис. 2). Эта картина, наверное, вызывала ассоциации с хороводами и танцами на местных празд-

¹ Соколов 1973: 39, № 18.

² Кошеленко и др. 1984: 207, табл. 91.

³ Скржинская 2010а: 41.

⁴ Музы и маски 2005: № 27.

Рис. 2. Женский хоровод. Прорисовка изображения на крышке краснофигурной леканы.
V в. до н. э. Пантикапей

никах. Возможно, хозяйка леканы участвовала в праздничных церемониях, и поэтому для нее был приобретен этот достаточно дорогой аттический туалетный сосуд.

Танцовщицы и музыкантши нарисованы на многих вазах из раскопок античных городов Северного Причерноморья. Ольвиоплиты покупали различные предметы с изображениями культовых танцев, напоминающих о разных праздниках: таковы танцующие вакханки на фоне виноградных лоз, нарисованные на чернофигурной ойнохое (рис. 3), танцовщица с кроталами представленная на полихромном рельефе V в. до н. э. из святилища Афродиты, женщины, танцующие у алтаря, изображенные на пергамской вазе эллинистического времени⁵.

Рис. 3. Танец почитательниц Диониса. Чернофигурная ойнохоя. Начало V в. до н. э. Ольвия

Найденные в некрополях Пантикапея и Фанагории золотые серьги IV в. до н. э. с фигурками сатиров и танцующих вакханок⁶ вероятно принадлежали поклонницам Вакха, и они надевали их во время дионисийских празднеств. Женщины исполняли пляску окласма на дионисийских праздниках, а калатиск посвящали богиням плодородия Деметре и Артемиде, танцую с корзинами, наполненными злаками, овощами и фруктами. Эти танцы запечатлены на перстне жрицы из Павловского кургана и на золотых бляшках из кургана Большая Близница (рис. 4)⁷

Посвятительные надписи свидетельствуют еще об одном распространенном у греков виде участия многих женщин в сакральной жизни. Имена некоторых из них сохранились на принесенных в дар божеству алтарях и статуях. Постановка даже небольшой каменной статуи или алтаря с вырезанной на них надписью требовали значительных затрат. Поэтому подобные находки свидетельствуют об участии гречанок из состоятельных семей в сакральной жизни государства. Массовые же приношения от большинства женщин, например, терракоты с изображением разных божеств, не имеют надписей, и потому невозможно определить в каждом конкретном случае, являлась ли статуэтка даром мужчины или женщины. Посвятительные граффити на сосудах, если и снабжены именами дарителей, то в подавляющем большинстве случаев сделаны мужчинами, что не удивительно, так как даже начальное школьное образование получали лишь мальчики, а женщины по большей части не владели грамотой. К редчайшим находкам принадлежат два граффити на чернолаковых киликах из Нимфея и Ольвии. На первом указано имя Кинны, посвятившей этот сосуд в дар Деметре, а надпись на втором

⁵ Скржинская 2010а: 44, рис. 4–6, 28.

⁶ Музы и маски 2005: № 138 и 141.

⁷ Шауб 1988: 225–226; Вдовиченко 2002: 20–21; Музы и маски 2005: № 134, 135, 136, 139, 140.

Рис. 4. Танцовщицы. Золотые бляшки. IV в. до н. э. Курган Большая Близница

говорит о посвящении Метро Афродите Сирийской⁸. Трудно решить, прочертили ли эти надписи сами Кинна и Метро, или кто-то из мужчин по их просьбе.

Жены и дочери боспорских царей активно участвовали в религиозной жизни государства. Обычно они поклонялись Афродите в разных ее ипостасях. В IV в. до н. э. дочь царя Перисада Акия посвятила богине статую в Гермонассе (КБН. 1041). Жена этого царя Комосария посвятила статую в святилище, находившемся в Нимфее⁹, а на высоком берегу Ахтанизовского лимана на Таманском полуострове она поставила по обету статуи двум восточным богам Санергу и Астаре. Изваяния, выполненные из местного известняка, стояли на постаменте с посвянительной надписью (КБН. 1015). Частично уцелела лишь фигура Астары, восточного аналога греческой Афродиты; не случайно богиня имеет греческое одеяние¹⁰. Эти памятники позволяют заключить, что Комосария посещала храмы не только в Пантикапее, где находилась главная ре-

⁸ Толстой 1953: 81, № 25 и 125.

⁹ Древний город Нимфей 1999: 90, № 216.

¹⁰ Иванова 1961: 66–70; Античная скульптура 2004: 41, № 3.

зиденция ее мужа, но также отправлялась поклоняться богам в Нимфей и на азиатскую часть Боспора.

Царицы делали приношения богам и за пределами Боспора. В перечень сокровищ храма Аполлона, находившегося близ Милета, включена золотая фиала весом в 187, 5 статеров, на которой написано имя другой царицы Камосарии, жившей в середине II в. до н. э. (МИС 38). Можно думать, что царицы принимали активное участие в сакральной жизни государства не только по собственному желанию, но к этому их обязывало высокое социальное положение. Недаром значительное количество сведений о боспорских царицах относится к сфере религии.

Рис. 5. Вакханка с тимпаном. Терракота. II в. до н. э. Пантикапей

В Северном Причерноморье древнейшие свидетельства о женщинах, игравших заметную роль в религиозных обрядах, находятся в текстах двух ольвийских граффити архаического времени: Одно из них прочерчено на венчике чернофигурной вазы, а другое — на бронзовом зеркале. Первая надпись читается на уцелевшем фрагменте кратера, расписанного в середине VI в. до н. э. известным афинским мастером Лидосом: «Артемида, дочь Гипасия, Матери посвятила». Начертание букв указывает, что надпись сделана не позже третьей четверти этого столетия¹¹.

С достаточной долей уверенности, можно думать, что Артемида была жрицей богини, или, во всяком случае, исполняла какие-то ритуалы в ее честь и знала, что для этого требуется крупный сосуд. Большая расписная импортная ваза была довольно дорогим даром, так что можно считать, что эта жительница Ольвии принадлежала к состоятельной семье. Судя по находке упомянутого фрагмента на территории Западного теменоса Ольвии в слоях IV в. до н. э., этот кратер долго использовался в религиозных ритуалах в святилище Кибелы, которую эллины называли также

Матерью богов, отождествляя ее Реей, родительницей многих олимпийских богов (*Strab.* X, 3,15). Граффито на сосуде показывает, что с самого раннего периода существования античных городов Северного Причерноморья женщины принимали активное участие в религиозной жизни полиса.

При раскопках Ольвии и боспорских городов найдено немало терракотовых статуэток Кибелы с калафом на голове и с большим тимпаном, ее

¹¹ Русяева 2006: 124.

постоянным атрибутом¹². Калаф служил убором жриц ряда богинь, и его надевали женщины во время исполнения религиозных ритуалов, а тимпан (бубен) напоминал о его звучании во время шествий и священнодействий, часть которых исполняли только посвященные в таинства Кибелы (*Eur. Vach.* 78–80)¹³.

Сейчас известно имя одной боспорской жрицы Кибелы; по ее заказу в первой половине III в. до н. э. скульптор исполнил статую богини и написал посвящение на постаменте из серого мрамора: «В царствование Перисада, сына Спартока, Гестия, дочь Медора, будучи жрицей, посвятила Матери Фригийской» (КБН. 21). Эпитет богини напоминает о том, что почитание Кибелы греки заимствовали у своих восточных соседей.

Как и на празднествах Кибелы, в тимпаны ударяли участницы ритуалов в честь Диониса, одного из самых почитаемых богов во всех греческих полисах, Об этом напоминает боспорская терракотовая фигурка из местной глины: молодая женщина в плющевом венке, священном растении Диониса, держит на голове большой тимпан (рис. 5). Свидетельство об одной из древнейших служительниц Диониса в Северном Причерноморье сохранилось в надписи на бронзовом зеркале из ольвийского погребения (рис. 6). По краю неполированной стороны диска острым предметом процарапаны слова: «Демонасса, дочь Ленея, эувай, и Леней, сын Демокла, эувай», а в центре диска большими буквами прочерчено «ΑΙΨ». По характеру написания букв граффито датируется рубежом VI–V вв. до н. э. Зеркало имеет небольшой бортик по краю диска, а его ручка украшена пятью каннелюрами и стилизованной головкой барана¹⁴. Подобные изделия, называемые в современной научной литературе зеркалами скифского типа, изготавливались греческими мастерами в Ольвии и Борисфене именно в этот период. Они имели большой спрос у скифов, а также наряду с зеркалами иного типа использовались ольвийскими женщинами, о чем свидетельствуют многочисленные находки в Ольвии, на Березани (Древнем Борисфене) и в погребениях варваров¹⁵.

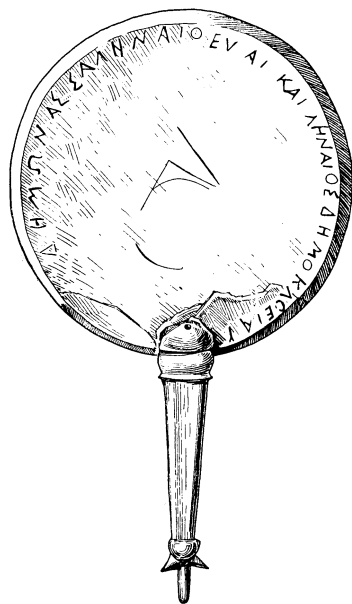

Рис. 6. Бронзовое зеркало с граффито. Рубеж VI–V вв. до н. э. Ольвия

¹² Русяева 1979: 101–114; Кобылина 1961: 57, 74, 77; Денисова 1981: 35–37.

¹³ Скржинская 2010b: 142.

¹⁴ Скржинская 1984: 126, № 37.

¹⁵ Зуев 2017: 144–154; Скржинская 2018: 82–86.

Рис. 7. Женщины, совершающие ритуал на празднике Лений. Краснофигурный стамнос. V в. до н. э. Пантикапей

Рис. 8. Танцующие вакханки. Краснофигурный стамнос. V в. до н. э. Пантикапей

Рис. 9. Золотые калаф, стленгида и подвески. IV в. до н. э. Курган Большая Близница

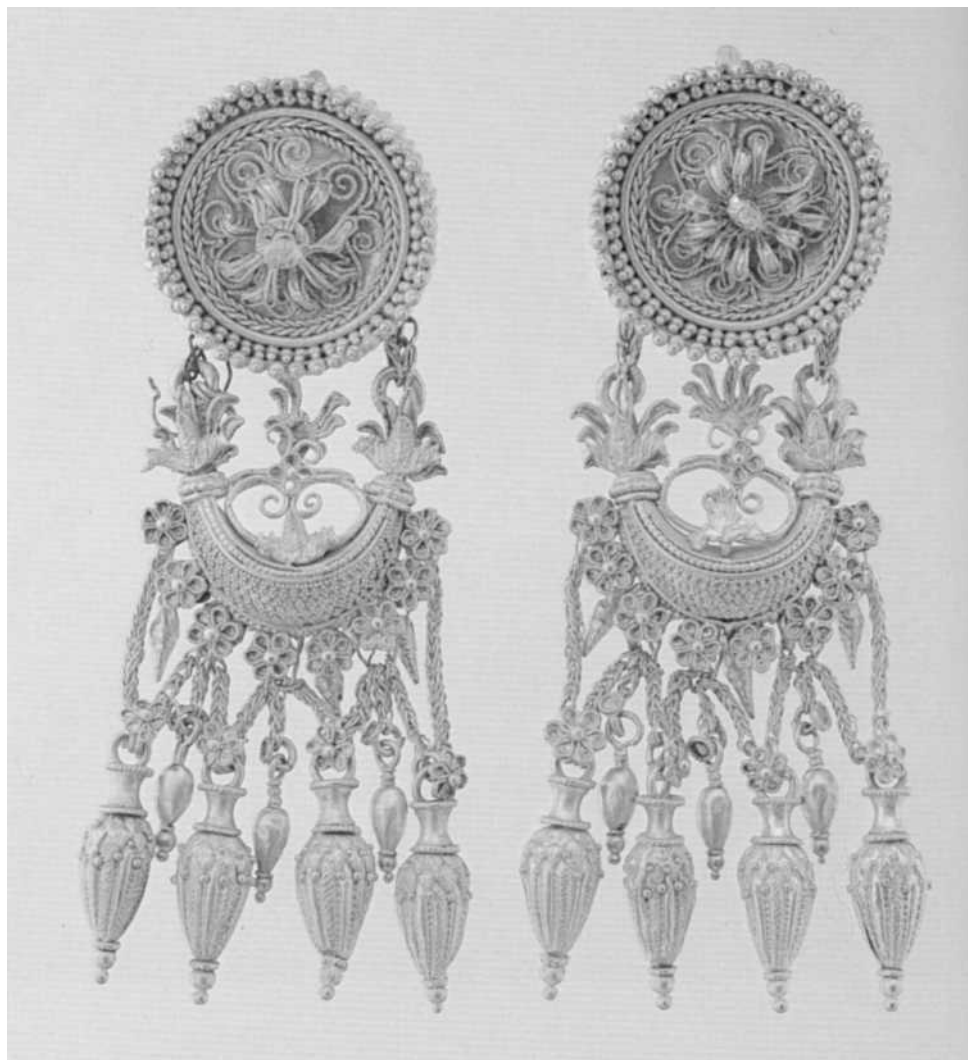

Рис. 10. Золотые серьги роскошного стиля. IV в. до н. э. Курган Большая Близница

Местное производство упомянутого зеркала бесспорно говорит о том, что надпись на нем сделана в Ольвии, а отчества указывают, что Демонасса и Леней были полноправными гражданами. Возглас эувай, выражавший ликование, обычно сопровождал дионисийские шествия, о чем говорится, например, в «Вакханках» Еврипида (стих 68). Служение дочери Дионису и теофорное имя отца Леней позволяют думать, что в этой семье было принято исполнять какие-то обязанности в культе Диониса. Крупное бронзовое зеркало было достаточно дорогим изделием, которое могли приобрести члены семей состоятельных граждан, к которым принадлежал ольвиополит Леней. Он и его дочь Демонасса использовали зеркало в каких-то дионисийских ритуалах.

Начиная с первой публикации этого зеркала¹⁶, надпись на нем постоянно приводят как свидетельство о поклонении Дионису в Ольвии уже в архаическое время и о праздновании дионисийских праздников, в частности Леней, о чем говорит теофорное имя отца Демонассы. Эти празднества сопровождались пением дифирамбов, торжественными процессиями, в которых шли мужчины и женщины, в костюмах, изображавших вакханок и сатиров, мифических спутников Диониса. Они пили вино, кричали эувай и приводили себя в исступление. В подобных шествиях, проходившим к святилищу бога по улицам Ольвии, принимал участие посвященный в дионисийские таинства скифский царь Скил в начале V в. до н. э. (*Her.* IV, 79).

Во время Леней часть священнодействий исполняли исключительно женщины. Их изображения сохранились на аттических краснофигурных стамносах, специальных сосудах, употреблявшихся во время этих празднеств. Такой стамнос (рис. 7) поместили в могилу пантикапейской жрицы, жившей в V в. до н. э. Вероятно, она совершала ритуалы, сходные с изображенными на лицевой стороне вазы: наливала вино в канфар из стамноса, стоящего рядом на низком столике, и совершала священнодействия в сопровождении игры флейтистки в плющевом венке и ритуальной пляски танцовщицы, одетой в костюм вакханки, чей хитон охватывала шкура пантеры, священного животного Диониса. На противоположной стороне вазы нарисованы еще три служительницы Диониса. Одна идет с тирсом, и ее закинута назад голова, наверное, выражает вакхический экстаз, другая держит факел, возможно, указывающий на то, что действие происходит ночью, а у третьей на голове венки из плюща, священного растения бога (рис. 8)¹⁷.

Во второй половине IV в. до н. э. жрица Диониса, жившая на азиатской стороне Боспора, во время религиозных церемоний надевала стленгиду (начальник) и калаф, украшенный девятью золотыми бляшками с изображениями вакханок и сатиров, постоянных спутников бога. Вакханки представлены еду-

¹⁶ Розанова 1968: 248.

¹⁷ Сидорова, Тугушева, Забелина 1985: 88–90, № 46.

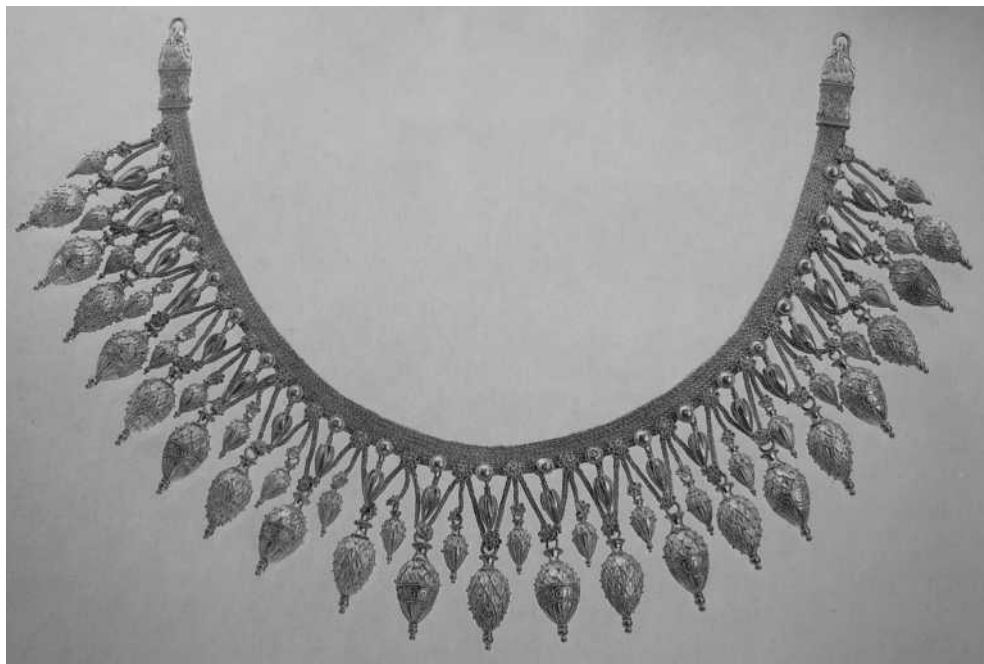

Рис. 11. Золотое ожерелье. IV в. до н. э. Курган Большая Близница

щами на пантере и грифоне, священных животных Диониса. Одна вакханка держит тирс, постоянный атрибут бога, а у другой в руке канфар, кубок, из которого обычно совершались возлияния на алтарях Диониса¹⁸.

Участницы религиозных празднеств облачались в свои лучшие одежды и надевали различные украшения. Особенно роскошно наряжались жрицы из состоятельных семей. Наряду с обычными украшениями они носили дорогие ритуальные уборы, сделанные по специальному заказу. Это можно иллюстрировать на примере находок драгоценностей в погребении жрицы в кургане Большая Близница.

Голову боспорянки венчал калаф, украшенный золотыми пластинками со сценами битвы амазонок с грифонами, и стленгида, имитирующая пряди волос. К калафу крепилась пара золотых височных подвесок с рельефным изображением едущей на гиппокампе Фетиды, держащей в руках доспехи для Ахилла (рис. 9). Следы ремонта на оборотной стороне подвесок показывают, что их неоднократно надевали. Уши женщины украшали изящные золотые серьги, а шею — два ожерелья, на руках красовались браслеты с фигурками львиц, а на пальцах — золотые перстни с изображениями Артемиды, Аффо-

¹⁸ Толстой, Кондаков 1889: 51; Емец 2002: 100–101.

диты и Эрота. К одежде и покрывалу были пришиты многочисленные бляшки с рельефами, изображающими разных богов, героев, танцовщиц, животных и фантастических существ¹⁹. Украшения вместе с одеждой, расшитой металлическими бляшками, составляли немалый вес, так что жрица могла двигаться размеренно и торжественно, привлекая всеобщее внимание не только своим высоким положением и выдающейся ролью в праздничных ритуалах, но также роскошным нарядом, сияющим золотом.

Часть упомянутых украшений представляли гарнитур, сделанный одним ювелиром, пользовавшимся одинаковыми техническими приемами²⁰. В последней трети IV в. до н. э. мастер, исполняя желание боспорского заказчика, изготовил недавно вошедшие в моду золотые серьги так называемого роскошного стиля (рис. 10), два великолепных ожерелья со вставками из белой, зеленой и синей эмали (рис. 11), а также крупные подвески с изображением Фетиды на гиппокампе и калаф, украшенный золотыми пластинами с фигурами амазонок, сражающихся с грифонами (рис. 9). В то время сюжет амазономахи был весьма популярен на Боспоре, подобные сцены встречаются на вазах из некрополей разных боспорских городов²¹. Калаф использовали только во время религиозных церемоний, а остальные драгоценности носили в разных случаях.

Анализируя находки в погребении, одни ученые называли покойную была жрицей Деметры, другие полагали, что она поклонялась Афродите, а может быть и Артемиде²². Вероятно, не стоит однозначно выбирать, какой именно богине служила усопшая; ведь в древности не возбранялось становиться жрецами разных богов. Например, в III в. до н. э. ольвиополит Агрот в разные годы был жрецом Аполлона Дельфиния, Афродиты, Плутона и Коры (IOSPE I². 189; NO. 68, 70).

Наверное, эта жрица в разное время служила нескольким женским божествам, и поэтому в ее могилу положили украшения от разных уборов, которые она носила во время празднеств тех или иных богинь. Например, золотые серьги роскошного стиля она вряд ли надевала вместе с большими имеющими высоту 14,5 см. подвесками с изображением Фетиды, так как они мешали бы видеть в три раза меньшие чрезвычайно тонко сделанные серьги.

Погребение в Павловском кургане дает возможность представить праздничный наряд пантикапейской жрицы Деметры. В ее роскошном саркофаге наряду с украшениями находились редко сохраняющиеся фрагменты тканей. На шерстяном фиолетовом одеянии боспорянки желтыми, зелеными и черными нитями были вышиты скачущие амазонки, а край одежды обрамлял растительный узор из пальметок, цветов и плодов, соединенных вьющими

¹⁹ Уильямс, Огден 1995: 190, № 119–129; 206–208.

²⁰ Уильямс, Огден 1995: 190, № 120–123.

²¹ Скржинская 2010а: 83, 98–99.

²² Библиографию по этой теме см.: Вахтина 2005: 381–383.

ся побегам лозы²³. Жрица надевала на голову золотую стленгиду и золотые серьги с фигурками крылатой богини Ники. На шее она застегивала золотое ожерелье с подвесками в виде буковых орешков, пальцы левой руки украшала золотыми перстнями и разглядывала свое отражение в бронзовом позолоченном зеркале²⁴.

Эту боспорянку современные ученые единодушно считают жрицей Деметры, основываясь на том, что в могиле находилась аттическая пелика с изображением персонажей, безусловно связанных с Элевсинскими мистериями²⁵. Эти праздники афиняне справляли ежегодно, но особенно торжественно их отмечали раз в четыре года, и тогда в Атику приезжали паломники из многих греческих городов. В ритуалах принимали участие мужчины и женщины, прошедшие определенный обряд посвящения в таинства. Для этого тем, кто не имел афинского гражданства, требовалось стать усыновленным афинской семьей и соответствовать трем правилам: не быть запятнанным пороками и преступлениями, знать греческий язык, чтобы понимать обряд, свято хранить тайны мистерий²⁶. В числе этих иностранцев были и боспоряне²⁷.

Находящаяся в экспозиции Эрмитажа дорогая пелика из Павловского кургана изготовлена в Афинах в середине IV в. до н. э. Картины на вазе по числу персонажей превосходят все известные сейчас предметы искусства с изображениями на тему Элевсинских мистерий. На лицевой стороне нарисованы Деметра и Кора, две главных богини, почитавшиеся в Элевсине, а рядом с ними стоит жрец и первые, посвященные в таинства Эвбулей, Триптолем и Геракл, а также Дионис, занявший в мистериях важное место в период, когда художник расписывал пелику (рис. 12). На другой стороне вазы находится обобщенное изображение того, что рассказывали в мифах, а также разыгрывали сцены из них в Телестерионе, где собирались мисты (рис. 13)²⁸

Сосуд явно сделан по специальному заказу. Рисунки выполнены в красно-фигурной технике; некоторые детали были обильно позолочены и раскрашены разными красками. Следует согласиться с обоснованным предположением В. Клинтон о том, что сосуды с подобными росписями могли заказывать и приобретать лишь посвященные в таинства²⁹. Среди них были члены семьи правящих государством Спартокидов и другие состоятельные боспоряне, в частности те, которые изображены на найденном в Пантикапее мраморном рельефе со сценой посвящения в Элевсинские мистерии³⁰. Они покупали во время праздника сосуды и терракоты, напоминающие сцены из мистерий. Об

²³ Герцигер 1973: 81.

²⁴ Уильямс, Огден 1995: № 106–108.

²⁵ Уильямс, Огден 1995: 166–167.

²⁶ Лауэнштайн 1996: 189.

²⁷ Скржинская 2010b: 112–113; 125–126.

²⁸ Скржинская 2010b: 115–120.

²⁹ Clinton 1992: 9.

³⁰ Скржинская 2010b: 125–126.

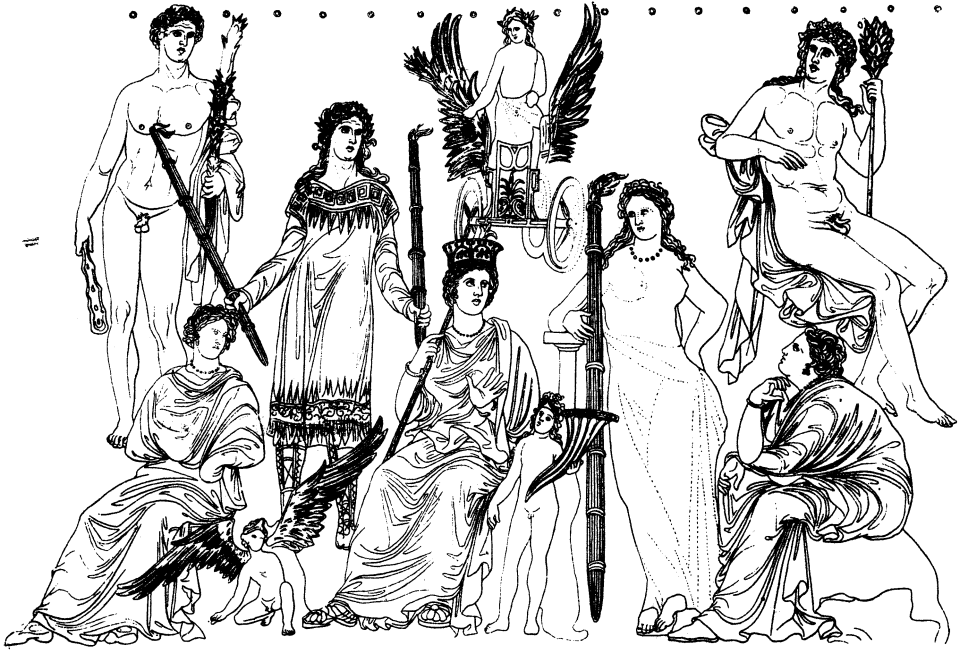

Рис. 12. Прорисовка картины на лицевой стороне элевсинской пелики. IV в. до н. э.
Павловский курган

этом свидетельствуют найденные в кургане Большая Близница терракотовые фигурки³¹ и обнаруженные в некрополе Пантикапея росписи на пелике, лекифе и кратере с изображениями элевсинских богов и жрецов³². Эти предметы прикладного искусства дают некоторое представление о том, что боспорянки видели во время мистерий.

Деметру чтили во всех греческих полисах, в том числе во всех колониях Северного Причерноморья³³. О культе Деметры в Ольвии известно по множеству археологических памятников, однако, об участии женщин в ритуалах в честь богини косвенно свидетельствует лишь мраморный рельеф эллинистического времени. На нем представлены мужчина и женщина в длинных одеяниях, стоящие у алтаря, где готовится жертвоприношение кабана. Таких животных обычно приносили в жертву Деметре³⁴.

Уже в V в. до н. э. ольвиополиты и боспоряне построили храмы Деметры. Ольвийский Деметрион упомянут в граффито на чернолаковом килике, ко-

³¹ Передольская 1962: том 1, 46–91.

³² Скржинская 2010b: 120–121.

³³ Русяева 2005: 316–360.

³⁴ Русяева 1979: 35–42, рис. 23.

Рис. 13. Прорисовка картины на обратной стороне элевсинской пелики. IV в. до н. э.
Павловский курган

торый Ксантипп посвятил Деметре, Персефоне и Иакху³⁵. Пантикапейский храм находился у подножия акрополя³⁶. Вероятно, около него стоял упомянутый выше мраморный алтарь (рис. 1), сделанный хорошим афинским скульптором, который изобразил шествие женщин явно по желанию местного заказчика. Возможно, это была женщина из боспорской состоятельной семьи, пожелавшая запечатлеть торжественный момент праздника, в котором она участвовала.

В надписях IV в. до н. э. сохранились имена двух пантикапейских жриц Деметры. На обломке известняковой плиты уцелели слова: «Креуса, дочь Медонта, посвятила Деметре, будучи жрицей, при Левконе, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов и всех майтов» (КБН. 8). Другая надпись находится на беломраморном постаменте утраченной статуи: «Аристоника, жрица Деметры, дочь Ксенократа, посвятила Деметре за свою дочь Деметрию» (КБН. 14). Называя дочь теофорным именем, родители, наверное, надеялись, что она, подобно своей матери, будет поклонницей этой богини.

³⁵ Русяева 1979: 47–48.

³⁶ Гайдукевич 1949: 158.

Дорого стоявшие каменные памятники, указывают на то, что обе жрицы происходили из семей зажиточных граждан. Дар Аристоклии из привозного мрамора исполнил профессиональный скульптор, что требовало значительных средств. Вероятно, приезжий мастер работал на Боспоре. Такую возможность подтверждают сделанные из местного известняка статуи богов Санерга и Астары (КБН. 1015), которые в середине IV в. до н. э. изваял афинский скульптор по заказу царицы Комоссарии, жены Левкона I³⁷.

Еще об одной пантикапейской поклоннице Деметры, жившей на рубеже IV–III вв. до н. э., известно из фрагмента надписи на постаменте из серого мрамора, где сохранились углубления для скульптуры: такая-то «жена ...сфена, посвятила Деметре Фесмофоре при архонте Спартоке, сыне Евмела» (КБН. 18). Судя по тщательно вырезанным буквам, статую исполнил хороший скульптор. Здесь важно отметить эпиклезу богини, которая надежно свидетельствует, что в Пантикапее отмечали праздник Фесмофории. Конечно, на нем ведущую роль играла жрица вместе со своими помощницами, так как на главных таинствах этого праздника могли присутствовать только женщины.

Фесмофории праздновали в начале осени, и тогда женщины проводили обряды в честь Деметры и ее дочери Коры Персефоны. Этот праздник издавна отмечали в Афинах и во многих других греческих полисах (*Her.* II, 171, VI 91, 134), в том числе и в Милете, метрополии Ольвии и Пантикапея. Жрицы и их помощницы совершали определенные обряды и молились о плодородии полей, а также о собственной возможности рожать много детей³⁸. Все эллины знали, что мужчины не имеют права присутствовать при этих таинствах, проводившихся в особом закрытом помещении. В Афинах оно называлось фесмофорионом (*Aristoph. Thesm.* 278, 880). На запрете мужчинам проникать в это помещение строилась интрига комедии Аристофана «Женщины на празднике Фесмофорий». Ее впервые представили в афинском театре в 411 г. до н. э. Персонажи пьесы подозревают, что участницы таинства, пользуясь неприкосновенностью такого собрания, строят козни против мужчин; поэтому один из героев комедии, переодевшись в женское платье, проникает в фесмофорион и вступает в споры с женщинами. Конечно, в пьесе ничего не рассказывается о таинствах, которые запрещалось разглашать (*Her.* II, 171).

По косвенным данным ученые установили, что обряды на Фесмофориях имели много общего с Элевсинскими мистериями³⁹. Поэтому, во многих случаях, когда инвентарь святилищ, особенно, находившихся на хоре Ольвии и Боспора, ученые связывают с обрядами по элевсинскому образцу⁴⁰, мне кажется, вернее видеть здесь свидетельство о праздновании Фесмофорий.

³⁷ Иванова 1961: 65–72.

³⁸ Нильссон 1998: 34–36.

³⁹ Нильссон 1998: 67–68.

⁴⁰ Русяева 2005: 335–338.

Надо полагать, что в Пантикапее на территории святилища Деметры находилось закрытое строение, где совершались таинства, во время Фесмофорий и праздников по элевсинскому образцу. Но перед этим к этому зданию шла торжественная процессия, как во время Элевсинских мистерий, и шествовавшую в ней жрицу и ее помощниц в нарядных уборах могли видеть все, кто хотел.

Афродита принадлежала к числу самых почитаемых греческих божеств, и часть ритуалов в ее святилищах совершали женщины. В IV в. до н. э. состоятельная жительница Фанагории посвятила богине статую, стоявшую на беломраморном пьедестале с высеченной на нем надписью: «Кассалия, дочь Посия посвятила Афродите Урании при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов, маитов, фатеев досхов» (КБН. 972). Жрица, служившая Афродите в ее святилище в Кехах, в конце IV в. до н. э. также посвятила богине скульптуру. От памятника сохранилась лишь база с частично уцелевшей надписью: «(такая-то, дочь такого-то) исполнявшая обязанности жрицы, жена Спартока, посвятила при архонте Перисаде, сыне Левкона, Афродите». Таким образом, становится известным, что жрица принадлежала к царскому роду и была женой Спартока IV. Примерно в то же время еще одна представительница рода Спартокидов Акия, дочь царя Перисада I, посвятила скульптуру Афродите; ее постамент с надписью найден на Тамани (КБН. 1041). Эти две надписи свидетельствуют, что женщины, связанные узами родства с правящей боспорской династией, становились жрицами Афродиты и исполняли различные ритуалы на ее праздниках в разных боспорских городах⁴¹.

Женщины также участвовали в отправлении культа Артемиды. О двух ее боспорских жрицах известно из надписей IV в. до н. э. Одна из них служила богине в Пантикапее и посвятила ей беломраморный алтарь с надписью, которая частично сохранилась: такая-то «дочь Нимфея, посвятила алтарь Артемиде Эфесской, будучи жрицей, при Левконе, архонте Боспора, Феодосии и синдов и царе торетов, дандариев, псессов» (КБН. 6а). Другая жительница Гермонассы, «будучи жрицей, посвятила статую Артемиде Эфесской, при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов и всех маитов» (КБН. 1040).

Надписи свидетельствуют, что святилища Артемиды находились на европейской и азиатской части Боспорского царства. Там весной обязательно проводили священнодействия в Артемисионе, месяце, посвященном Артемиде. Праздники обычно сопровождалась женскими хороводами и танцами⁴². Эпитет богини в обеих надписях напоминает о знаменитом храме Артемиды в Эфесе и о справлявшихся там празднествах, на которые прибывало множество паломников из разных городов Эллады. Возможно, среди них были и боспорянки, которые затем, будучи жрицами, исполняли обряды по увиденным ими образцам в Эфесе.

⁴¹ Яйленко 1995: 226–231, 235, 236.

⁴² Скржинская 2010b: 64.

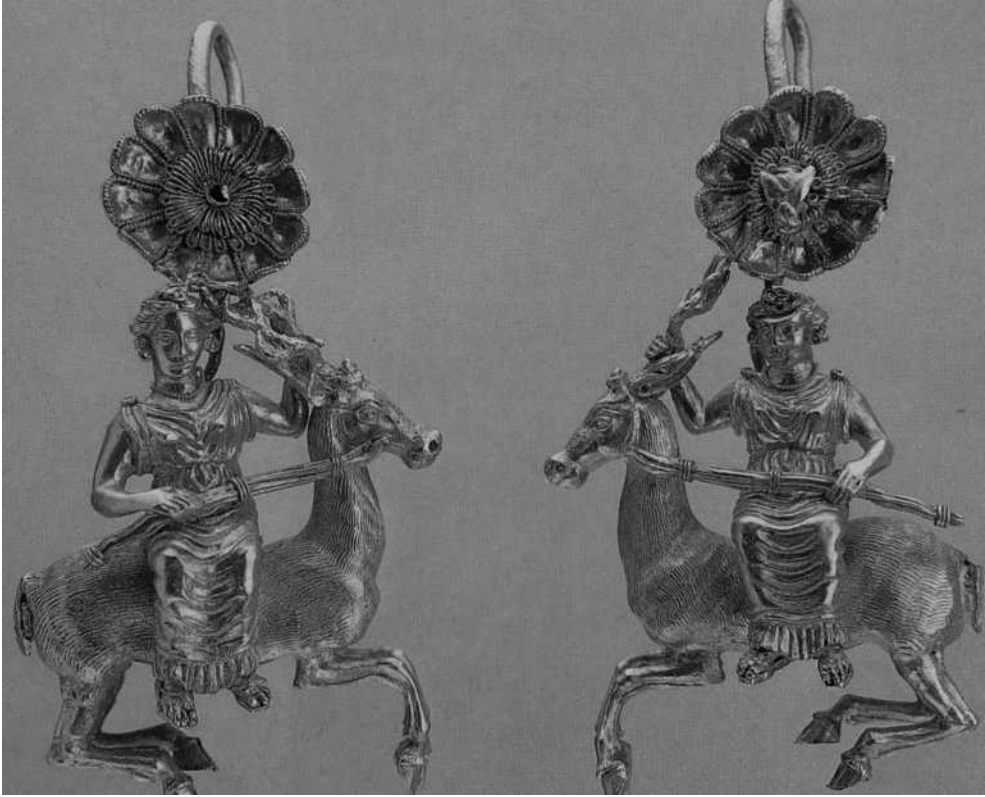

Рис. 14. Артемида, едущая на лани. Золотые серьги. IV в. до н. э. Нимфей

В женском погребении из некрополя Нимфея находилась пара замечательных золотых серег с подвесками в виде фигурки Артемиды, едущей на лани, священном животном богини (рис. 14)⁴³. Украшение, изготовленное в последней трети IV в. до н. э., явно сделано по индивидуальному заказу. Серьги, скорее всего, принадлежали не просто поклоннице Артемиды, а ее жрице, и входили в ее праздничный убор. Следы починки указывают на многократное использование украшения.

Ольвиополиты и боспоряне использовали милетский календарь, с которым их предки приехали основывать колонии в Северном Причерноморье⁴⁴. Поэтому можно установить время некоторых праздников, в которых участвовали женщины. Зимой в месяце Ленеоне отмечали Ленеи, в начале весны в Артемисионе проходили празднества в честь Артемиды, а в конце осени в Апатурионе в святилище с тем же наименованием чествовали Афродиту. Традиционно

⁴³ Уильямс, Огден 1995: № 110.

⁴⁴ Скржинская 2010b: 380–382.

в начале и в середине осени проходили праздники плодородия Фесмофории и таинства по элевсинским образцам, на которых прославляли Деметру и Кору. Это позволяет заключить, что женщины регулярно появлялись перед горожанами, видевшими их в торжественных шествиях по главным улицам и в святилищах у алтарей, где совершались жертвоприношения и исполнялись культовые песнопения и танцы.

Итак, анализ археологических источников позволяет сделать следующие выводы о роли женщин в религиозной жизни.

В Ольвии и в боспорских городах женщины принимали участие во многих религиозных праздниках, посвященных Дионису и разным женским божествам. Они шли в праздничных шествиях, танцевали культовые пляски и сопровождали священнодействия игрой на музыкальных инструментах. Женщины регулярно появлялись на улицах городов и в святилищах, где они исполняли различные религиозные ритуалы. Некоторые из них совершались лишь в присутствии посвященных в таинства. Жрицы Деметры, Афродиты, Артемиды и Кибелы занимали заметное, а иногда и главное место в отпращивании культов этих богинь.

Жрицы из царского рода и из состоятельных семей носили роскошные одеяния, украшенные вышивкой и золотыми бляшками, а также дополняли свой убор различными золотыми украшениями. Они использовали ритуальные уборы и сосуды, но большинство их драгоценностей можно было носить не только во время религиозных празднеств. Жрицы облачались в собственные одеяния и украшения, соответствующие моде того времени. Эти вещи как знаковые и любимые предметы часто клали в могилу усопшей.

Некоторые боспорянки посещали праздники в Элладе, а в Афинах принимали посвящение в Элевсинские мистерии. Там они приобретали культовые сосуды и терракоты, которые использовали во время ритуалов у себя на родине.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Clinton 1992 — *Clinton K. Myth and Kult. The Iconography of the Eleusinian Mysteries.* Stockholm, 1992.
- Ehrhardt 1983 — *Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien.* Frankfurt am Main, 1983.
- Античная скульптура 2004 — *Античная скульптура. Из собрания Керченского Государственного историко-культурного заповедника.* Киев, 2004.
- Вахтина 2005 — *Вахтина М.Ю.: Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в VII–IV вв. до н. э. // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху.* СПб., 2005. С. 297–399.
- Вдовченко 2002 — *Вдовиченко И.И. Культовые танцы в изображениях на вазах*

- «керченского стиля» // Боспорские исследования. Вып. 2. Симферополь, 2002. С. 19–26.
- Гайдукевич 1949 — *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М., Л., 1949.
- Герцингер 1973 — *Герцингер Д.С.* Античные ткани в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973. С. 71–100.
- Денисова 1981 — *Денисова В.И.* Коропластика Боспора. Л., 1981.
- Древний город Нимфей 1999 — Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб, 1999.
- Емец 2002 — *Емец И.А.* Греко-варварские религиозные взаимоотношения на Боспоре Киммерийском. М., 2002.
- Зуев 2017 — *Зуев В.Ю.* Типология борисфенитских зеркал // Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С.Д. Крижицького). Київ, 2017. С. 144–154.
- Иванова 1961 — *Иванова А.П.* Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961.
- Кобылина 1961 — *Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961.
- Кошеленко и др. 1984 — Античные государства Северного Причерноморья / Под ред. Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликовой, В.С. Долгорукова. М., 1984.
- Лауэнштайн 1996 — *Лауэнштайн Д.* Элевсинские мистерии. М., 1996.
- Музы и маски 2005 — Музы и маски. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2005.
- Нильссон 1998 — *Нильссон М.* Греческая народная религия. СПб., 1998.
- Передольская 1962 — *Передольская А.А.* Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметре // Труды Гос. Эрмитажа 1962. Т. 1. С. 46–91.
- Розанова 1968 — *Розанова Н.П.* Бронзовое зеркало с надписью из Ольвии // Античная история и культура в Северном Причерноморье. М., 1968. С. 240–250.
- Русяева 1979 — *Русяева А.С.* Земледельческие культы Ольвии догетского времени. Киев, 1979.
- Русяева 2005 — *Русяева А.С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев, 2005.
- Русяева 2006 — *Русяева А.С.* Святилища и их структура // Древнейший темелос Ольвии Понтийской. Симферополь, 2006.
- Сидорова, Тугушева, Забелина 1985 — *Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С.* Античная расписная керамика из собрания Государственного Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. М., 1985.
- Скржинская 1984 — *Скржинская М.В.* Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 105–128.
- Скржинская 2010а — *Скржинская М.В.* Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев, 2010а.

- Скржинская 2010b — *Скржинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладе и в Северном Причерноморье. СПб, 2010b.
- Скржинская 2018 — *Скржинская М.В.* Скульпторы и ювелиры в Ольвии // *Scripta antiqua*. М., 2018. С. 157–188.
- Соколов 1973 — *Соколов Г.И.* Античное Причерноморье. Л., 1973.
- Толстой 1953 — *Толстой И.И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М., Л., 1953.
- Толстой, Кондаков 1889 — *Толстой И.И., Кондаков Н.П.* Классические древности южной России. Вып. 1. СПб, 1889.
- Уильямс, Огден 1995 — *Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н. э. СПб., 1995.
- Шауб 1988 — *Шауб Ю.И.* Культовые танцы на Боспоре // Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». Симферополь, 1988. С. 225–226.
- Яйленко 1995 — *Яйленко В.П.* Женщины, Афродита и жрица Афродиты в новых боспорских надписях // *Женщина в античном мире*. М., 1995. С. 204–272.

СОКРАЩЕНИЯ

- КБН — Корпус боспорских надписей. М., Л., 1965.
- МИС — Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. No 3.
- НО — Надписи Ольвии (1917–1965). Л., 1968.
- IOSPE I² — *Latyshev V.* *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli*, 1916.

WOMEN IN RELIGIOUS LIFE OF OLBIA AND BOSPOROS

MARINA V. SKRZHINSKAYA

In Olbia and in Bosporos women were involved in many religious feasts in honor of Dionysos and different goddesses. They walked along city streets at festive marches, performed cult dances and certain rituals accompanying them with play on musical instruments. Priestesses played significant and sometimes even main role during feasts dedicated to Demetra, Aphrodita, Artemida and Cybela.

Priestesses from the king's families and wealthy families wore gold jewelries and luxurious embroidered clothes with attached plates covered by various illustrations. When performing rituals, the priestesses were wearing their own garments and jewelries which were fashionable in those days. These items were sometimes put into their graves as objects loved by the woman and reminder of her service to gods.

Certain inscriptions from Olbia and Bosporos tell us about statues and other gifts, which women dedicated to gods. Some women probably visited Attica and went through different stages of initiation in Eleusinian sacraments, and then in the motherland they conducted some of those rituals during celebrations dedicated to Demetra and Cora. One woman could serve to different gods at different times.

Keywords: ancient religion, Olbian and Bosporan priestesses, gifts to gods.

Марина Владимировна Скржинская,
доктор исторических наук,
независимый исследователь

Личность — ΠΑΙΔΕΙΑ — ТВОРЧЕСТВО — ОБРАЗОВАНИЕ

М.Н. СЛАВЯТИНСКАЯ

Πολυμαθεὶ καὶ ἀγαπητῷ μαθητῇ μου

Резюме: Статья посвящена краткому анализу важных современных проблем: проблеме формирования и существования личности (в диахроническом аспекте), проблеме творчества и воспитания. Эти вопросы рассматриваются с точки зрения современной глобализации. Это амбивалентный процесс. С одной стороны, это процесс универсализации, процесс создания общих структур для всего глобального пространства в экономике, коммуникации, образовательной сфере и т. д. С другой стороны, это процесс осознания специфики национальной культуры.

Ключевые слова: личность, образование, творчество, творческая личность, глобализация

Есть проблемы, которые обсуждаются в любые эпохи и в любом обществе. Это, в первую очередь, стремление понять, что есть человек, как развивалась личность человека, во-вторых, проблема воспитания и образования молодого поколения и, в-третьих, как, что и почему человек созидает, творит.

При изучении этих проблем на первом месте всегда был человек (постепенное познание им окружающего мира, типы «включения» его в число членов рода, племени, народа).

С развитием когнитивных способностей человека, с увеличением возможностей овладения им окружающим миром все большее внимание уделялось воздействию различного рода экономических отношений при приоритетном по-прежнему вниманию к человеку (античность, Средние века, Возрождение).

Но в данное время наступила другая эпоха, в которую экономические отношения были осмыслены как главная, над-человеческая сила, способная изменить весь мир и самого человека. Наступила эпоха глобализации. Не все стороны этого процесса воспринимаются однозначно положительно. Поэтому недаром часто вспоминают известную пословицу: «Что немцу здорово, то русскому (в том числе и в России) — смерть».

Личность

Начальный период становления личности относится к эпохе рабовладельческого строя, о чем писал А.Ф. Лосев, характеризуя переход от родового строя к рабовладельческому: «Новая формация объединяет принципы родового и внеродового коллектива. Это значит, что если раньше личность была орудием

родового коллектива, то теперь она — орудие также и внеродового коллектива. Родовой коллектив требовал от личности подчинения интересам рода, он был единственным собственником на орудия и средства производства; мыслил тут именно род, ставил себе цели род, а индивидууму было необязательно мыслить, ибо род есть стихия жизни, а стихия жизни действует в индивидууме тоже стихийно-жизненно, т. е. инстинктивно, не как сознательная и расчлененная мысль. Обязательно было для индивидуума лишь подчиняться роду. Ведь ресурсы для своего существования он получал именно от общины. В новой формации род перешел в свою противоположность. Это значит, что и родовое содержание индивидуума, т. е. его безусловная инстинктивная подчиненность роду и отрицание всякой индивидуальной собственности, тоже должно было перейти в свою противоположность. Новым «родовым» содержанием индивида становится гражданская община и частная собственность, независимость от рода с родовыми же инстинктами и свобода индивидуального мышления. Другими словами, переход от общинно-родовой формации к рабовладельческой ознаменовался переходом личности от безусловного инстинктивного подчинения роду к индивидуальной и разумно определяемой свободе.

Таким образом, рабовладельческое государство оказалось государством свободных и независимо мыслящих личностей, являющихся также и частными собственниками. Необходимость жить и трудиться в чужой, неродной среде требовала уже гораздо более субъективной напряженности, рациональности и сообразительности»¹.

Приведенные выше слова философа требуют реальной иллюстрации. Ее мы находим в знаменитой речи Перикла о демократии: понимание свободной личности как человека, строго исполняющего закон и абсолютно свободно в частной жизни: «В частных делах все пользуются одинаковыми правами по законам. Что же до дел государственных, то на почетные государственные должности выдвигают каждого по достоинству, поскольку он чем-нибудь отличился не в силу принадлежности к определенному сословию, но из-за личной доблести. Бедность и темное происхождение или низкое общественное положение не мешают человеку занять почетную должность, если он способен оказать услуги государству. В нашем государстве мы живем свободно и в повседневной жизни избегаем взаимных подозрений» (*Thuc.* 2.37) [перевод Г.А. Стратановского].

Проблема личности всегда занимала умы и древнегреческих философов, стремившихся сочетать понимание человека как субъекта и космос. Одним из таких философов был Плотин, обозначавший личность словом *ὁ αὐτός*, которое А.Ф. Лосев передал своей лексемой «самость». Мнение философов поздней античности он сформулировал так: «Итак, человек поздних веков антич-

¹ Лосев 1963: 106–108.

ности мыслит себя как эманацию не только смысловых и разумных сторон чувственно–материального космоса, понимаемого как всеобщий, теплый и дышащий организм, но и как эманацию также и всех внеразумных сторон космического организма. Этим подчеркивалась вся основа понимания человека в античности, поскольку идти дальше этого значило бы уже выходить за пределы увековечивания судьбы, то есть за пределы внеличного понимания действительности, основанного на изначальных вещественно–материальных интуициях. Но такое открытие универсальной значимости принципа личности было уже достижением не античной культуры, но Средневековья и Нового времени»².

Да, интеллектуальная жизнь обществ и отдельного человека всегда зависела от типа экономической формации и от социальных отношений. Но в данное время эта зависимость превратилась в диктат, подчинивший человека и стремящийся подчинить весь мир. Глобализм можно охарактеризовать следующим образом: это есть процесс придания глобального (всемирного) масштаба всем связям и структурам Земли. Он изменяет не только экономику, но и образование, творческую жизнь, а, следовательно, и личность.

Пайдейя

В греческом языке классического периода (V–IV вв. до н.э.) и ранее было много слов, имевших такую сложную семантику, что при переводе на русский язык ее трудно передать одним словом. К таким словам относилась основополагающая лексема *λόγος* «мысль/слово». К таким словам относится и слово *παιδεία* «воспитание, обучение, образование, образованность, культура». Помимо этих слов в сходных значениях употреблялись и другие слова. В своей совокупности они обозначали различные стороны пайдейи: ее цель (1), ее содержание (2), ее методы (3).

1. Главной целью пайдейи было приобретение как можно более обширных практических знаний. Именно эту сторону подчеркивает Сократ в беседе с Главконом: «Берегись, Главкон, как бы желая прославиться, не прийти тебе к противоположному результату! Разве ты не видишь, как опасно говорить или делать, чего не знаешь? Подумай обо всех известных тебе лицах такого сорта, которые, как всякому видно, говорят и делают, чего не знают: как по-твоему, за это похвалы они заслуживают, или порицания, — уважения, или презрения? Подумай также и о тех, которые знают, что говорят и что делают, и, я убежден, ты найдешь, что во всех специальностях люди, пользующиеся славой и уважением, принадлежат к числу самых сведущих, а люди с дурной репутацией и презираемые — к числу самых невежественных. Так, если хочешь пользоваться славой и уважением у нас

² Лосев 1994: 287.

в городе, старайся добиться как можно лучшего знания в избранной тобой сфере деятельности: если в этом отношении ты станешь выше всех и тогда возьмешься за государственную деятельность, то мне не покажется удивительным, что ты очень легко достигнешь цели своих желаний (*Xen. Mem. 4.113*) [Перевод С.И. Соболевского].

К пайдеей относится и обучение риторике, искусству четко формулировать и ясно излагать свои мысли.

2. Что касается содержания пайдеи, то его отличительной чертой было сразу погружать ученика в изучение серьезнейших текстов. Основой даже начального образования были поэмы Гомера с их героико-этическими проблемами и с его языковой диахронностью. Но содержанием изучаемых текстов могли быть и тексты, рассказывающие о недавней истории, например, «История» Геродота. Она начинается словами «отца истории» о том, что у эллинов должна быть, как мы сказали бы теперь, историческая память о недавнем прошлом: «Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров, не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом» (*Hdt. 5.3*) [Перевод Г.А. Стратановского].
3. Что касается методов обучения, то тут можно лишь напомнить о беседах Сократа с учениками, о диалогах Платона и о его Академии, о философских диспутах Аристотеля... Главным было живое, непосредственное общение с учениками.

В России образование шло другими путями...

Теперь следует остановиться на внутренней семантике слова «образование», непосредственно связанной со словом «образ». Его этимологию М. Фасмер, следуя за другими исследователями, объясняет как сочетание префикса *ob-* и корня *gazъ*, связанного чередованием с *rezati*: раз, рѣзать.

Подробно исследованы этимологии и значение слова «образ» в работе М.И. Чернышевой³ «система основных смысловых идей слова *образъ* представляется в следующем виде: а) «изображение» как результат обработки исходного материала и как слепок, отпечаток с чего-либо; б) «внешний вид», т. е. предмет сам по себе; в) пример, образцу для чего-либо.

Эту мысль (быть предметом обработки исходного материала и образцом для чего-либо) предвосхитил А.А. Фет в своей статье «Два письма о значении древних языков, которые могут помочь обработке исходного материала» и быть примером, образцом для воспитания, созидания высокообразованного человека: «Так как воспитание есть целесообразная деятельность, то необходимо спросить: какова ваша цель? Чем хотите вы видеть в будущем вашего воспитанника? Разумеется, пока вы будете довольствоваться идеалом

³ Чернышева 1991: 20.

работника-специалиста, классическое воспитание ни на что не нужно. Узкое сектаторство, в котором ваш воспитанник пребудет во всю жизнь, несколько не мешает ему быть ни честным человеком, ни отличным работником, а обсуждать предметы, требующие всесторонних соображений, ему не придется. Но коль скоро ответ ваш будет таков: я прежде всего желаю воспитать всесторонне образованного человека и затем уже предоставить ему выбор специальности, — дело изменяется совершенно. Понятно, что вы желаете воспитать не попугала европейской культуры, принимающего на веру все ее симпатии и антипатии, а человека, самобытно ей сопричастного. Если такова действительно ваша цель, то на каком же основании вы отнимаете у воспитанника единственное средство самобытной сопричастности этой культуре — знание древних языков?»⁴.

Что составляло и составляет особенность российского образования — это его духовность. Сравним теперь с традиционным российским образованием то, чем стало образование при глобализации.

Вот как характеризуют его философы и социологи: «Знание, обучение, информация становятся новыми видами сырья в международной коммерции, источниками власти, важными составными частями индивидуального и корпоративного богатства»⁵. «Глобализация образования — процесс все большего приспособления системы обучения к запросам глобальной рыночной экономики. Нарастающая зависимость последней от знаний (так называемая «экономика знаний») порождает идею создания Единой мировой образовательной системы, основанной на единых образовательных стандартах. Учебная деятельность всех без исключения групп населения становится основным средством развития и воспроизводства, то есть складывается перманентно обучающееся общество. Резко возрастает спрос на образование, особенно высшее, происходит его массовизация. Развивается открытое и дистанционное обучение. Глобализация порождает маркетизацию образования, которое начинает рассматриваться как сфера предпринимательства, инвестирования средств, оказания платных услуг»⁶.

А теперь сравним два типа методов образования — западный и российский:

1. Западный (американский) способ обучения есть максимальное использование механико-компьютерный способ обучения.
2. Западный способ обучения есть дистантный способ, отчуждающий людей друг от друга. «Если инструментальный подход к освоению знания применяется в меру, то это, наверно, неплохо. Но если он становится доминирующим принципом образования, то как быть тогда с рефлексией,

⁴ Фет 2013: 41.

⁵ Вестник экономики, права и социологии 2 (2008) 96.

⁶ Там же.

размышлением, анализом, сопоставлением, сравнением альтернативных вариантов, то есть с принципами креативного мышления? Ведь без них не может быть творческого подхода, который должен возвращаться в сознание человека с высшим образованием...

Российская культурная традиция, в отличие от западной, ориентирована на живое слово. Она предполагает наличие медиаторов — носителей живого слова или действия, опосредующих освоение знания учащимися (наставник, учитель). В этом смысле преподаватель не только и не столько тьютор, то есть менеджер образования, — он в не меньшей, а быть может, большей, степени наставник и моральный авторитет для своих учеников. Не произойдет ли так, что распространение дистантных форм вытеснит его как живую индивидуальную личность из собственно образовательного процесса?»⁷.

Итак, российское образование и его деятели продолжают воспитывать, образовывать молодое поколение личным участием в процессе образования, личными беседами с учащимися, личными непосредственными контактами.

Узнаете ли кого-либо на этой фотографии? Не напоминает ли вам чтение Вергилия беседы Сократа с учениками?

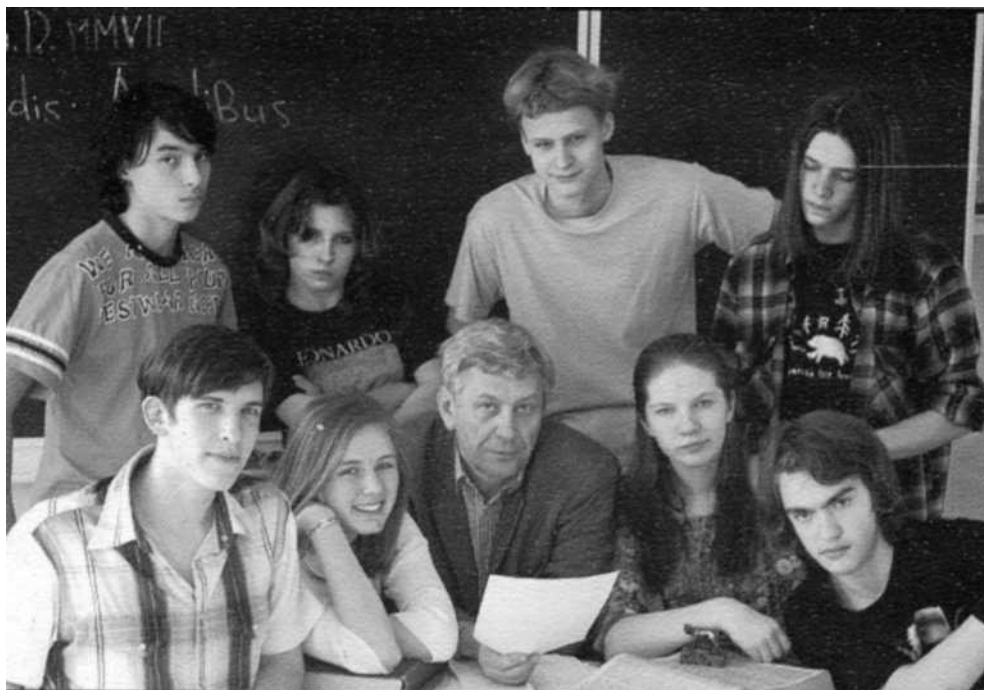
Греческая лексика, обозначающая «творчество» содержит глагол ποιέω «творю, созидаю» и его производные; δημιουργέω «творить, создавать». Ср. у Аристотеля ἡ δύναμις δημιουργοῦσα «творческая сила», δημιουργός «знаток, мастер-создатель».

В античной Элладе творчество (в первую очередь поэтическое) понималось как дар богов, почему стали традиционными обращения к богам и музам (ср. «Илиада»: «μῆνιν ἄειδε, θεά...», «Одиссея»: «ἄνδρα μοι ἔννεπε, μοῦσα»). У Пиндара поэт — «славный пророк Пиерид, муз, излюбленным местопребыванием которых была Пиерия, родина Орфея (Пean, 6).

Но творчество — это не просто врожденный талант, а неумная жажда реализовать его, быть творческой личностью.

Об этой черте творческих людей прекрасно написала Елена Васильевна Федорова в своей книге «Повесть о счастливом человеке», где она рассказала о своем отце, Василии Федорове, талантливом режиссере: «Всем людям, посвятившем свою жизнь творчеству, независимо от степени их дарования, свойственно особое душевное состояние. Они всегда влюблены в свое дело и всегда бывают людьми яркой энергии и острых эмоций. Они могут быть разными: экспансивными и внешне сдержанными, талантливыми и бездарными, честными и фальшивыми, прямодушными и коварными. Они не могут только одного — быть равнодушными. Они не могут быть безразличными к искусству и к тому водовороту жизни, в котором только оно и может существовать.

⁷ Вестник экономики, права и социологии 2 (2008) 98–99.

Участники семинара «Studia Vergiliana»

Творчество

Нравнодушие к вихрю жизни, как правило, влечет за собой равнодушие к своему месту в жизни, к своей личной славе в искусстве. Одним она дается легко, другие завоевывают ее в мучительной борьбе, большинство не достигает ее никогда. И поэтому мир артистов — мир особенно острого самолюбия, мир людей легкоранимых и обидчивых, вспыльчивых и гневных. Эти люди не ходят размеренным шагом на службу, не живут по твердо заведенному расписанию, не работают «от» и «до», а всегда поглощены творчеством, которое дарует им великое наслаждение» [9, 4].

Помимо врожденного таланта, помимо счастья быть творческой личностью, что еще необходимо для творчества? Это свобода в ее разных смыслах (и в изложении мыслей, и в передвижении по разным местам мира). Но главное — это *σχολή*. Значение этого слова — досуг, свободное время для ученых бесед». Сочинения, трактаты могут быть только результатом наличия *σχολή*.

А как живет творческому человеку в эпоху глобализации? Есть ли у него свободное время для творчества (1), может ли он быть свободным в содержании своего творчества, продиктованном духовными, а не материальными потребностями (2).

1. Оказалось, что на смену обязательного свободного для творчества досуга пришел так называемый «трудоголизм». Сейчас практически все работоспособные люди (и пенсионного возраста) трудятся и много, и долго. Это дает им, помимо дополнительных финансов, психологическую поддержку (сопричастность к работе коллектива), более независимое положение в семье. Такими трудоголиками становятся японцы, которые, имея отпуск в 18 дней, обычно отдыхают не больше 9 дней. В Японии созданы даже специальные клиники, куда помещают людей при переутомлении. Традиционный творческий трудоголизм у артистов, гуманитарной и технической интеллигенции уступил место материальному трудоголизму.
2. Оказалось также, что при глобализме человек тоже может реализовать свою активность, но уже не как творческая личность. «Человек эпохи глобализма активен, но его активность происходит строго в рамках заданных, она лишь простое воспроизводство его (точнее, ему) заданных условий — выхода ему из них нет, поскольку из глобализма идти некуда. Человек лишается былой полноты естества, становится функцией вещи, элементом в функциональном взаимодействии вещей, от которого требуется развить одну из своих сторон — высококвалифицированный, узкоспециализированный работник. Другими словами, он превращается в живую машину»⁸.

Глобализация во многом сломала потенциал самостоятельных творческих личностей, которые могли бы писать и издавать фундаментальные монографии (не сборники своих статей разных периодов, а монографии).

Но у нас есть книги (их даже нельзя назвать просто учебниками), которые уже много лет постоянно сопровождают процесс формирования всесторонне образованного человека. Например, это «Введение в латинский язык и античную культуру», создателями которой явились Александр Васильевич Подосинов и его коллеги (вспомним Наталью Ивановну Щавелеву).

И остались такие ученые, выпускающие большие монографии:

1. *Л.И. Гришаева, Л.И. Сурикова.* Теория межкультурной коммуникации. Проблемы, подходы, анализ (Монография). Воронеж, 2018.
2. *М.М. Позднев.* Психология искусства. Учение Аристотеля. М.-СПб., 2010.
3. *Н.А. Соболева.* Идентичность Российского Государства языком знаков и символов. М., 2018.

Творческий потенциал современных российских ученых огромен. *Di eis faveant!*

⁸ Федорова 1997: 97.

ЛИТЕРАТУРА

Лосев А.Ф. История античной эстетики. М. 1963. Т. 1.

Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М., 1994.

Чернышева М.И. К истории слова образ // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. М., 1991.

Фет А.А. Наши корни. Публицистика. СПб — Москва 2013.

Федорова Е.В. Повесть о счастливом человеке. М. 1997.

PERSONALITY — ΠΑΙΔΕΙΑ —
CREATIVITY — EDUCATION

MARINA N. SLAVYATINSKAYA

Abstract: the article is devoted to a brief analysis of the important contemporary problems: the issue of the formation and existence of personality (in diachronic aspect), the problem of creativity and education. These issues are viewed from the perspective of modern globalization. It is an ambivalent process. On the one hand, this is a process of universalization, the process of creating common structures for the entire global space in the economy, communication, educational sphere, etc. On the other hand, it is a process of awareness of the specifics of national culture, national economic, religious, educational structures and their features.

Keywords: personality — education — creativity — creative personality — globalization.

Марина Николаевна Славятинская
Почетный преподаватель
МГУ имени М.В. Ломоносова

«ПИСЬМО ИЗ НЕСКОЛЬКИХ СЛОГОВ В ЯМБИЧЕСКОМ РАЗМЕРЕ» (К. Манасси, Обзор истории, 4908)

О.В. СМЫКА

Александру Васильевичу Подосинову
ко дню рождения!

Резюме: Период расцвета творчества Константина Манасси (1130–1187) приходится на время правления Мануила I Комнина. Его основное произведение представляет собой хронику, или исторический краткий обзор от сотворения мира до конца правления Никифора III Вотаниата (1081), и состоит примерно из 7000 строк в так называемом политическом стихе. Поэма приобрела большую популярность: в XIV веке она была переведена на среднеболгарский язык и стала одним из источников русскоязычного «Хронографа 1512 года». Темой нашей статьи является вмешательство шести ямбических строк в корпус поэмы в политическом стихе (мы даем первый русский перевод этих строк), в котором представлена переписка между заключенным святым Мефодием и двумя другими заключенными, братьями Граптами (каждое письмо занимает по три строки). Поэт сохраняет метр этой переписки, и тем самым у читателя создается впечатление документального свидетельства, отчего его симпатия и преклонение перед святым становятся еще ярче.

Ключевые слова: политический стих, ямб, Константин Манасси, Мефодий, Грапты.

Константин Манасси — византийский придворный поэт XII в. Лишь немногие факты многообразной деятельности Константина Манасси — а это были придворные обязанности, преподавание, сочинительство, — могут быть датированы, да и то в основном приблизительно. Известно, что он, ещё достаточно молодым, оказался в числе интеллектуалов, составлявших салон севастократориссы Ирины, куда входили и Феодор Продром, и Иоанн Цец, и что Манасси был её учителем. По поручению севастократориссы Ирины он написал своё самое знаменитое сочинение — стихотворную Хронику от сотворения мира до правления Никифора III Вотаниата. Поэма составляет 6733 политических стиха.

«Хроника» Манасси была любимым чтением его современников и, переложённая в прозе на народный язык, вызвала подражания. Вероятно, в Тырнове был осуществлён перевод «Хроники» Манасси на среднеболгарский язык в прозе, но, несомненно, со стихотворного оригинала. Этот перевод очень то-

чен и отражает небывалое богатство поэтического языка оригинала, особенностью которого являются многочисленные новые лексемы, образованные как по модели гомеровских сложных слов, так и представляющие специфику образного языка Манасси. Исследователь среднеболгарского перевода Вейнгарт подсчитал, что в среднеболгарском переводе 868 сложных слов, и больше половины из них не зафиксировано словарями.

Среднеболгарский перевод «Хроники» оказал огромное влияние на развитие древнерусской литературы. Почти весь корпус «Хроники» был включён в «Русский хронограф» 1512 года. Уже из «Русского хронографа» фрагменты «Хроники» попадают в состав других памятников — в Никоновскую летопись и в Лицевой свод. Так, в Лицевом своде оказывается «Повесть о создании и поплнении Тройском», взятая из «Русского хронографа», и это при том, что Лицевой свод уже содержал перевод латинского романа Гвидо де Колумна о Троянской войне. Но, главное, что «Хронике» Манасси подражают писатели XVI в., а затем и авторы первой половины XVII в. Как пишет М. А. Салмина, «“Хроника” Константина Манасси, войдя в XVI в. в “Русский хронограф”, в значительной мере определила стиль и манеру русского хронографического повествования последующего времени и явилась образцом для оригинальных исторических произведений... Её стиль становится господствующим в русской хронографической литературе».

Мы хотим обратить внимание на весьма примечательный факт: в поэме, написанной политическим стихом, Манасси точно цитирует ямбы, которыми обмениваются преследуемые императором Феофилом Мефодий и иерусалимские братья Феофан и Феодор (см. о них Д.Е. Афиногенов, 2003). По приказанию Феофила, мученикам-братьям были нанесены на лица некие ямбы, и после этой пытки братья стали называться Начертанными (графтами). Манасси в одной строке (4785) говорит об этом, называя написанное «ямбоплётством». Есть источники («Продолжатель Феофана», «Житие Феодора»), где полностью приводятся 12 ямбов, сочинённых Феофилом. Манасси не устаивает цитирования строки графомана-мучителя, зато с великим почтением, с высокими похвальными эпитетами он приводит краткие письма братьев к Мефодию и его ответ им. Эта переписка мучеников-поэтов увековечена поэтом-хронографом. Вот эти строки:

4911 Живому мертвецу, но жизнь дарящему,
Кто, на земле живя, небес касается,
Закованному, пишут Начертанные.

Ответ Мефодия:

4915 Кто в книгу навсегда внесён небесную,
На чьём лице — печати добродетелей, —
Соузникам — тот, кто схоронен заживо.

«Русский Хронограф» также приводит в прозаическом переводе эти, написанные «амврикийскимъ числомъ» стихи Манасси, но, следуя принципу максимальной полноты изложения, «Хронограф» включает и оставленные Манасси без внимания пыточные стихи, запечатленные на лицах Начертанных братьев: «Всякому желающему притекати ко граду сему. Идѣже пречистѣи нозѣ сташа Божіа Слова на вѣставѣ вселенныа, явишася честному мѣсту сему сосуди лукавиі злобесовныя прельсти, тѣмже, много невѣрием содѣявше скверная и злая злочестивым мудрованіем, далече отогнашася яко отступници; ко граду же сему державному пришедше, не оставшася злаго буйства, тѣмже и написашася лица их яко злодѣем, осужаются и отгоняются и отсюду паки.» (Гл. 165.)

В «Византийских легендах» читаем:

«Что может быть лучше и удивительнее, чем уподобиться подвигом своему создателю? Ибо как Христос мой был бичеван, стоя пред лицом Пилата, так и его верные слуги радостно принимали удары за него и его икону. Когда палачи прекратили бичевание, император говорит святым: «Зачем вы пришли сюда, нечестивые?», желая услышать от них: «Чтобы принять вашу веру». Но так как святые молчали, ничего не отвечая ему и глядя в землю, император сказал эпарху: «Возьми этих нечестивцев, начертай на лицах их ямбы и передай обоим сыновьям Агари — пусть доставят их на родину». Рядом с императором стоял тот, у кого были эти ямбы, по имени Христодул; ему император велел вслух прочесть стихи, добавив такие слова: «Не беда, если стихи нехороши». Он сказал это, зная, что подвижники Христовы в совершенстве постигли правила поэтики и могут осмеять стихи. Кто-то из присутствующих, желая угодить императору, заметил: «Эти люди, владыка, и не заслуживают лучших ямбов». Вот что сказали и что свершили суесловы те. Мы же приведем эти ямбы и повторим их в своем повествовании, поскольку знаем, что от этого не может быть вреда. Их счетом двенадцать, и они были начертаны в Претории на лицах святых исповедников Феодора и Феофана в правление Феофила и гласили так:

Подобно людям, что хотят увидеть град,
В котором Слово Бог, вселенную творя,
Поставил некогда пречистые стопы,
Они пришли сюда в священные места,
Кошунства и хулы злокозненный сосуд,
Свершили много страшных и постыдных дел
Безбожномысленно, неверия полны.
Отступников изгнали из Святой земли,
Но в граде царственном убежище найдя,
Не отступили от нечестья своего.
За то их осудил карающий закон:
Они — преступники с начертанным лицом».

(Византийские легенды 1972: 126;
перевод стихов Г.Г. Шмакова.)

Мучители понимали, что страдальцы могут осмеять эти стихи, хорошо зная, что «подвижники Христовы в совершенстве постигли правила поэтики».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Афиногенов 2003 — *Афиногенов Д.Е.* «Повесть о прощении императора Феодила» и Торжество православия. М., 2003.
- Византийские легенды 1972 — *Византийские легенды.* Издание подготовила С.В. Полякова, Л.: Наука, 1972.
- Смыка 2012 — *Смыка О.В.* Из «Хроники» Константина Манассии. Перевод // Труды кафедры древних языков МГУ. III. М., 2012. С. 228–246 [стихи 1–143, 2546–2554, 6722–6733].
- Русский хронограф 2005 — *Русский хронограф.* М., 2005. (Полное собрание русских летописей, том 22).
- Салмина 1977 — *Салмина М.А.* Хроника Константина Манассии как источник Русского хронографа // Труды Отдела Древнерусской Литературы. Том 32 (1977) С. 279–287.
- Хроника 1988 — Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах / Введение Д. С. Лихачева; исследование И. С. Дуйчева и М. А. Салминой; подготовка текстов М. А. Салминой; словоуказатели О. В. Творогова. София, 1988. (Ин-т лит-ры Болгарской АН, Ин-т русской лит-ры АН СССР (Пушкинский Дом)
- Constantini Manassis Breviarium historiae metricum / Rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1837.
- Weingart 1890–1939 — *Weingart, Milo.* “Byzantské kroniky v literatue církevnslovanské; pehled a rozbor filologický.” V Bratislav Filozofická fakulta University Komenského 1922, 1890–1939.

**“A LETTER IN SOME SYLLABLES
AND IN THE IAMBIC METRE”
(C. Manasses, Synopsis Historiae, 4908)**

OLGA V. SMYKA

Abstract: Constantine Manasses (1130–1187) flourished during the reign of Manuel I Komnenos. His main work is a chronicle or historical synopsis from the creation of the world to the end of the reign of Nikephoros Botaneiates (1081) and consists of approximately 7000 lines in political verse. The poem obtained great popularity; it was translated in the XIV century to Middle Bulgarian and thus became one of the sources of the Russian 1512 Chronograph.

The topic of our paper is an intervention of six iambic lines into the corpus of the poem in political verse (we give the first Russian translation of these lines) which present the correspondence between St. Methodius the prisoner and the brothers called *Graptoi*, also prisoners (each letter occupies three lines).

The poet retains a meter of this correspondence, and thereby the reader gets the impression of documentary, and thus his sympathy and worship towards the saints become even more acute.

Keywords: political verse, iambus, Constantine Manasses, Methodius, Graptoi.

Ольга Викторовна Смыка,
старший преподаватель кафедры древних языков
Исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова.

ПЕРЕЛОЖЕНИЯ ИЗ ГРЕЧЕСКИХ ПОЭТОВ

С.А. СТЕПАНЦОВ

Из Алкмана (фр. 89 Page)

Ночной порою спят и пади, и вершины,
Потоки и стремнины,
Спит гадов род земных, зверь горный и лесной,
И пчел прилежный рой,
Морские чудеса в пучине дремлют темной,
Молчат пернатых сонмы.

Из Алкея (338 Lobel—Page)

Дождит угрюмый Зевс, от неба льется хлад,
Потоки зимних вод застыли и стоят...

Гони-ка стужу, брат; подбрось-ка дров, душа, —
Давай вершить обряд кратера и ковша.

Обвей себе виски торжественною вóлной
И сладкого вина налей по чаше полной.

Из Алкея (346 Lobel—Page)

Давайте будем пить, зачем нам ждaть огня?
Ведь с ноготок осталось дня.

Вино дал людям сын Зевеса и Семелы,
В забвение забот и дела.

Медвяного пора налить в кратер с водой
(мешая части две с одной)

До самых до краев. И под беседу нашу
пусть чаша догоняет чашу.

Из Алкея (347 Lobel—Page)

Вином наполни грудь: звезда на небе зла,
Все страждет от жары, и жажда извела.

Цикада песню льет, укрывшись под листвою,
И марево плывет над высохшей травой.

Теперь цветет кардон, и женщины — чума,
мужчины же слабы: лишает их ума

и крепости колен немилосердный зной,
струимый Сириусом, ярою звездой.

Сафо — девам

Подруги милые, любите Муз даянья
И радуйтесь игре певучих черепах.
И я, как вы, бывало, плясывала ланью
На утре дней в священных рощах и лугах.

Теперь мой цвет увял и тяжелы колени,
нелегко сердцу вздох, и волос поседел.
И что осталось мне? Беспомощные пени:
Коль смертным ты рожден, старенье — твой удел.

Делила — сказывают — зорь царица ложе
С младым Тифоном на окраине земли
И там лелеяла любимого — а все же
Дряхлаела мужа стать, морщины шли по коже:
Богини ласки жизни юной не спасли.

ПАВСАНИЙ СПАРТАНСКИЙ, ОСНОВАТЕЛЬ ВИЗАНТИЯ

И.Е. СУРИКОВ

Резюме: В статье рассматривается одна из проблем истории Византия — важного греческого полиса на европейском берегу Боспора Фракийского, основанного мегарянами в VII в. до н. э. В свидетельстве эпитоматора Юстина, однако, сказано, что Византий был основан известным спартанским полководцем Павсанием, хотя в действительности последний только освободил город от персов в 478 г. до н. э. Автор предпринимает попытку интерпретировать это смущающее свидетельство, указывая, что в 493 г. до н. э., в ходе подавления Ионийского восстания персами, жители Византия удалились из города в Месембрию на Черном море, так что полис Византий временно прекратил существование. Благодаря Павсанию византийцы смогли возвратиться, и он, вероятно, был по этой причине провозглашен ойкистом.

Ключевые слова: Павсаний Спартанский, Византий, Боспор Фракийский, колонизация, ойкисты, Персия, греко-персидские войны, Юстин.

Научные интересы Александра Васильевича Подосинова, как мы отмечали еще в статье, опубликованной в сборнике, посвященном его шестидесятилетнему юбилею¹, отличаются не только широтой, но и комплексностью. В трудах этого выдающегося ученого данные филологии, истории, географии всегда используются комбинированно, что позволяет достигать синтезного, многогранного постижения рассматриваемых им вопросов. Соответственно, нам хотелось бы почтить дорогого юбиляра статьей, сюжет которой находится тоже «на стыке» этих дисциплин.

В историко-географической литературе античной Греции весьма значимое место занимала традиция κτίσεις — нарративов (часто во многом мифологизированных) об основаниях городов, чаще всего применительно к миру колоний². Полагают, что подобного рода сказания фигурировали уже в поэзии эпохи архаики³, а уже к V в. до н. э. приобрели прозаический характер. Так, сочинение «Основания городов» (Κτίσεις πόλεων) в двух книгах зафиксировано у Харона Лампсакского (*Char. FGtHist. 262 T1 = Suid. s. v. Χάρων*), одного из древ-

¹ Суриков 2010: 356.

² Schmid 1947.

³ Dougherty 1994 (впрочем, со скептическим отношением к тезису, согласно которому в архаический период уже существовал специальный литературный жанр легенд об основании городов).

нейших историков⁴, относящегося к «догеродотовской» эпохе (он работал не позже середины V в. до н. э.)

Данная традиция оказывается весьма обильной и разнообразной до противоречивости, в частности, применительно к такой важной колонии, как Византий. Распространенности ученых изысканий о его основании, вне сомнения, способствовало, помимо прочих факторов, то обстоятельство, что этому городу была дарована славная судьба стать со временем Константинополем, столицей империи. И еще на рубеже античности и средневековья его ранняя история освещалась (правда, с колоссальным количеством грубейших хронологических несообразностей) в особом трактате неким Гесихием Иллюстрием⁵. Однако здесь нас будут интересовать все-таки источники более ранние. Необходимо сразу оговорить, что легенды и факты, относящиеся к появлению эллинской апойкии на европейском берегу Боспора Фракийского, совсем недавно были рассмотрены в последнем по времени монографическом исследовании о Византии, написанном Т. Расселом⁶. Впрочем, рассмотрены, следует заметить, в несколько постмодернистском, деконструкционистском ключе. Так, Расселу отнюдь не представляется доказанной общепринятая точка зрения⁷, согласно которой Византий был основан Мегарами около 660 г. до н. э. (немного позже соседнего Калхедона). По его мнению, это лишь одна из возможных версий события, и она точно так же подлежит критике, как и любая другая.

Версий, что и говорить, действительно немало. У вышеупомянутого Гесихия Иллюстрия ойксист-эпоним города Визант вообще является внуком Ио (*Hesych. Ill. Patr. Const.* 8–9)⁸, то есть должен быть родиться за несколько поколений до Троянской войны (а в то же время он почему-то ставит в Византии алтари Ахилла, Аякса и др., *Hesych. Ill. Patr. Const.* 16). Обратим внимание на одну из таких альтернативных версий, которая на первый взгляд представляется весьма странной.

В труде Юстина, представляющем собой эпитому исторического сочинения Помпея Трога, о Византии сказано (в связи с его осадой Филиппом II) буквально следующее: «Впервые этот город был основан Павсанием, спартанским царем, и в течение семи лет находился под его властью (*haec namque urbs condita primo a Pausania rege Spartanorum, et per septem annos possessa fuit*)» (*Iustin.* IX. 1. 2). Платейский победитель Павсаний ошибочно назван здесь царем: в действительности он никогда не занимал престола Агиадов, а являлся лишь

⁴ О нем см.: Fowler 2013: 641–643.

⁵ Dagron 1984: 23–29.

⁶ Russell 2017: 205–241.

⁷ См. хотя бы: Пальцева 1999: 175–191; Legon 1981: 59–85; Malkin, Shmueli 1988; Tsetschladze, Nagrave 2010: 393 (указываем просто как иллюстрации абсолютного *communis opinio*).

⁸ Хотя Гесихий знает и основную «мегарскую» версию: *Hesych. Ill. Patr. Const.* 5.

регентом (юридически — опекуном) при несовершеннолетнем царе Плистархе, своем двоюродном брате⁹.

Но смущает в приведенном свидетельстве, конечно, в первую очередь не это, а другое. Как бы ни относиться к традиции об основании Византии Мегарами — гиперкритически, подобно Т. Расселу, или с доверием, подобно остальным ученым, — ясно, что на тот момент, когда Павсаний, командуя флотом Эллинского союза¹⁰, отвоевал этот город у персов осенью 478 г. до н. э. (а вскоре избрал его своей резиденцией и оставался там до 471 г. до н. э.)¹¹, Византий уже давным-давно существовал. Вне зависимости от любых письменных источников это подтверждается и археологическими данными, демонстрирующими наличие греческого поселения, как минимум, с третьей четверти VII в. до н. э.¹²

Не удивительно, что нередко для данного пассажа Юстина постулируется порча рукописной традиции и предлагается исправить *condita primo* на *capta primo*. Тогда получится, что город был не «впервые основан», а «впервые захвачен» Павсанием¹³. Но это вряд ли приемлемо по следующим причинам.

Во-первых, эмендация *condita > capta* — и в принципе отнюдь не из самых легких и очевидных. Во-вторых, если считать, что в тексте стояло «впервые захвачен», то как это понимать? Подобное утверждение ни в коей мере не соответствовало бы действительности. Византий, естественно, захватывался и до Павсания (в частности, персами, о чем см. ниже).

В-третьих, точно такую же информацию — о том, что Византий был основан «Павсанием, царем спартанцев» (то есть с аналогичной неточностью касательно статуса Павсания), — встречаем и у автора более позднего — христианского историка Павла Орозия (*Oros.* III. 13. 2). Не приходится сомневаться, что Орозий имел перед глазами текст Юстина, из которого непосредственно и взял данную деталь. А, стало быть, она и имелась уже в античном тексте Юстина, то есть ни о какой порче рукописной традиции говорить не приходится. Далее, еще позже, в византийское время, Константин Багрянородный говорит в трактате «О фемах», что «Византий — колония мегарян, лакедемонян и беотийцев» (τὸ Βυζάντιον Μεγαρέων καὶ Λακεδαιμονίων καὶ Βοιωτῶν ἐστὶν ἀποικία — *Const. Porph.* De them. 46, p. 85 Pertusi).

⁹ Плистарх был сыном Леонида, погибшего в Фермопильском сражении 480 г. до н. э., а Павсаний — сыном его брата Клеомброта, скончавшегося через несколько месяцев после этой битвы.

¹⁰ О котором см. Kienast 2003.

¹¹ О пребывании Павсания в Византии в 478–471 гг. до н. э. нам доводилось писать и ранее: Суриков 2008: 131, 219–221; Суриков 2015а: 504–505. К хронологии событий см.: Isaac 1986: 176–177; Loomis 1990; Badian 1993: 86, 100, 121.

¹² Tsetskhladze, Hargrave 2010: 393.

¹³ Именно на такое чтение ориентируется единственный полный русский перевод трактата Юстина, выполненный А.А. Деконским и М.И. Рижским, впервые опубликованный в «Вестнике древней истории» в 1954 г. и впоследствии неоднократно переиздававшийся (ссылаемся на издание: Юстин 2005: 92).

Указание на беотийское участие в основании Византия, похоже, уникально и вряд ли имеет какие-то реальные основания¹⁴. Не исключаем, венценосный автор допустил путаницу, связанную с тем, что беотийцы действительно поучаствовали в выводе другой важной колонии Мегар — Гераклеи Понтийской¹⁵. Но вот упоминание лакедемонян явно как-то связано с традицией о Павсании как основателе города.

Фиктивна ли эта традиция или же все-таки на чем-то основана? Думается, о чистой фикции говорить нельзя. Т. Рассел полагает¹⁶, что Павсаний в пору своего проживания в Византии осуществлял в городе какие-то перестройки и был за это провозглашен новым ойкистом, взамен легендарного Византа¹⁷. В качестве прецедента смены ойкиста ученый приводит параллель, которая просто-таки напрашивается: поступок жителей Амфиполя, которые в период Пелопоннесской войны объявили ойкистом погибшего у их стен Брасида (кстати, согражданина Павсания) взамен подлинного основателя — афинянина Гагнона. По мнению Рассела, почести как ойкисту Павсанию не могли быть оказываемы при жизни; иными словами, он получил этот статус посмертно, а именно в конце V в. до н. э., по инициативе не кого иного, как Лисандра.

Ход мысли исследователя отчасти ведет в верном направлении, отчасти же (что касается Лисандра) ошибочен, как будет показано далее. Да и в целом важный тезис высказан им в чрезмерно общей форме. Попытаемся конкретизировать, что именно сделал Павсаний для Византия. Для этого необходимо рассмотреть данные о предшествующих событиях истории города. Эти данные почерпываются в основном из Геродота; в труде «отца истории» упоминаний Византия не так уж и много, но практически все они представляют очень большую ценность.

Когда и как Византий попал под ахеменидское владычество, сказать трудно. Во всяком случае, среди греческих тиранов, принимавших участие в скифской экспедиции Дария I, упоминается Аристон из Византия (*Herod. IV. 138*). Из этого вроде бы можно сделать вывод¹⁸, что в 514–513 гг. до н. э. город контролировался Дарием, но, видимо, не очень прочно, так что вскоре его вновь пришлось подчинять: около 510 г. до н. э. персидский вельможа Отан «захватил визан-

¹⁴ Л.А. Пальцева утверждает (Пальцева 1999: 177, 179), будто, помимо Константина, об этом беотийском участии пишут также Диодор Сицилийский и Дионисий Византийский (об этом интересно, но почти не изученном авторе см. Belfiore 2009: 67–94; Russell 2017: 1–53). Она приводит следующие ссылки: *Diod. XIV. 12. 3*; *Dion. Byz. 63*. Однако в этих местах ровно ничего ни о каких беотийцах не говорится.

¹⁵ Burstein 1976: 16–17.

¹⁶ Russell 2017: 218–220.

¹⁷ Впрочем, мифологическая фигура эпонима Византа, может быть, вовсе и не является ранней. Первый автор, у которого он упоминается, — Диодор Сицилийский (Russell 2017: 234), да и у него он фигурирует как фракийский царь, а в качестве грека-ойкиста начинает осмысляться лишь в римское время.

¹⁸ Хотя и не безусловный: строго говоря, Аристон мог ведь находиться в окружении Дария и будучи изгнанником из родного полиса, а деталей мы не знаем.

тийцев» (Βυζαντίους... εἶλε — *Herod. V. 26*), что, видимо, следует понимать как взятие Византия.

Через некоторое время после начала Ионийского восстания 500–493 гг. до н. э. Византий примкнул к нему (*Herod. V. 103*). Одно время в нем имел свою базу один из тех, по чьей инициативе восстание поднялось, — авантюрист Гистией, бывший тиран Милета (*Herod. VI. 5; VI. 26*), который там, по сути, занимался пиратством, нападая на торговые корабли, проходившие по Боспору из Понта.

Чрезвычайно важное свидетельство Геродота (*Herod. VI. 33*) относится к последнему году восстания, когда оно было уже почти повсеместно подавлено. Этот пассаж¹⁹ имеет смысл привести in extenso: «Из Ионии персидский флот взял курс на Геллеспонт... Жители Византия и жившие на другом берегу калхедоняне не стали ждать нападения финикийн. Они покинули свои города и отплыли в Евксинский Понт. Там они поселились в городе Месамбрии (Βυζάντιοι μὲν νῦν καὶ οἱ πέρηθε Καλχηδόνιοι οὐδ' ὑπέμειναν ἐπιπλέοντας τοὺς Φοίνικας, ἀλλ' οἴχοντο ἀπολιπόντες τὴν σφετέρην ἔσω ἐς τὸν Εὐξεινον Πόντον, καὶ ἐθάυτα πόλιν Μεσαμβρίαν οἴκησαν). Финикийяне же, предав огню упомянутые местности (κατακαύσαντες αὐτάς τὰς χώρας), направились в Проконнес и Артаку...».

Итак, о чем здесь идет речь? Византийцы (а также их соседи калхедоняне, которые нас здесь не интересуют) в 493 г. до н. э., опасаясь мести персов, бежали в понтийскую Месембрию²⁰. Причем, подчеркнем, у Геродота отнюдь не оговорено, что родину покинула лишь *какая-то часть* византийцев. Нет, из процитированного сообщения, как нам представляется, следует, что «снялся с насиженных мест» весь гражданский коллектив полностью. Таким образом, полис Византий временно прекратил свое существование. Территория его, сельская местность (хора) была, как тут указано, разорена врагами.

Прецеденты подобного «тотального исхода», опять же, имеются. Аналогичным образом еще в 540-х гг. до н. э. поступили, не желая стать подданными Кира, жители Теоса (*Herod. I. 168*) и Фокеи (*Herod. I. 162–167*). Однако заметим, что в период Ионийского восстания, когда его конечное поражение стало для всех очевидным, всё же только два города — Византий и Калхедон — прибегли к столь радикальному решению проблемы. Они и только они; создается впечатление, что их граждане ожидали от персов особенно суровой кары, ощущая себя, видимо, в чем-то особенно провинившимися перед «Великим царем».

В чем именно? У нас есть предположение на сей счет, но это — отдельный интересный вопрос, которому мы планируем посвятить специальное исследование. Пока лишь вкратце скажем, что, на наш взгляд, это должно быть как-то связано с событием, к которому недавно привлекли внимание Э.В. Рунг и

¹⁹ Мы ранее привлекали к нему внимание в другой связи, см.: Суриков 2006а.

²⁰ Об обстоятельствах основания Месембрии см.: Пальцева 1999: 206–209. Вопрос о том, основали ли византийские и калхедонские беженцы эту апойкию как таковую, или она в какой-то форме существовала и несколько раньше, остается дискуссионным.

О.Л. Габелко²¹ (хотя они, кажется, не вполне верно его датируют), а именно с разрушением поставленных на Боспоре стел Дария I, когда он отправлялся в Скифию (*Herod. IV. 87*).

Геродот, напомним, упоминает о разорении хоры Византия, но ничего не говорит о разрушении самого города, его фортификационных сооружений. Такого, судя по всему, и не было, да и не имело смысла уничтожать один из важнейших в стратегическом плане (наряду с Сестом) укрепленных пунктов в регионе, коль скоро персы могли, напротив, использовать его сами — что они и делали. У «отца истории» присутствует еще одно свидетельство о Византии, относящееся к более позднему времени (*Herod. IX. 89*): в 479 г. до н. э., отступая из Греции после Платейского сражения, персидский полководец Артабаз «прибыл в Византий с большими потерями в людях, умерщвленных в пути фракийцами или павших от голода и изнеможения. Из Византия же Артабаз переправился через пролив на кораблях. Так он возвратился в Азию».

Таким образом, Византий продолжал существовать как база ахеменидских сил — но не как эллинский полис, даже если все его постройки были в полном порядке. Ведь, по хрестоматийному выражению Фукидида (*Thuc. VII. 77. 7*), «полис — это люди, а не стены» (ἄνδρες γὰρ πόλις καὶ οὐ τείχη). И, понятно, не любые люди, а греки, граждане этого полиса. Таковых же в Византии как раз тогда и не было, если наша точка зрения верна. А ей вроде бы ничто не противоречит. В контексте прибытия Артабаза в этот город Геродот не упоминает никаких греков. Вскоре его труд заканчивается, а «эстафету подхватывает» как раз Фукидид, которому и принадлежит следующее по времени упоминание Византия (*Thuc. I. 94*; ср. I. 128. 5), как раз в связи с его освобождением в 478 г. до н. э. флотом Эллинского союза под командованием Павсания: «Сначала союзники отплыли на Кипр и покорили большую часть острова, а затем отправились к Византию (который тогда находился в руках мидян) и, осадив его, овладели городом» (καὶ ὕστερον ἐς Βυζάντιον Μήδων ἐχόντων, καὶ ἐξεπολιόρησαν).

Как видим, тут тоже ничего не сказано о присутствии в Византии греков. Строго говоря, даже если бегство византийцев не было стопроцентным и какие-то из них остались на месте, гражданской общины они всё равно не представляли собой. А после освобождения города Павсанием его жители en masse, несомненно возвратились на родину из Месембрии²². И, полагаем, у них были более чем достаточные основания видеть в спартанском регенте второго ойкиста: ведь благодаря ему полис Византий вновь обрел существование.

Остается, правда, вопрос: почему же все-таки у Юстина мы читаем, что он был «впервые основан (condita primo)» Византием? Подчеркнем, что перед нами эпитома, и, думается, причина неточности — неудачное эпитомирование

²¹ Рунг, Габелко 2018: 853–861. Впоследствии эти исследователи развили данный тезис в другой статье, которая на данный момент не опубликована, но была ими любезно предоставлена нам для ознакомления в рукописи.

²² Russell 2017: 218.

ние. Таковое в античности имело место нередко, порой приводя к весьма курьезным результатам. Приведем один занятный пример²³.

«Афинская полития» Аристотеля, как известно, была опубликована с папируса только в 1891 г., но до того издавна была известна ее эпитома, составленная неким Гераклидом (вряд ли Гераклидом Понтийским; большинство специалистов считает, что это Гераклид Лемб²⁴). И в ней содержалось совершенно несуразное сообщение, согласно которому вроде бы процедуру ostracism в Афинах учредил... тиран Гиппий (!?)²⁵. Это, конечно, приводило ученых в смущение: мог ли великий Стагирит допустить такую грубейшую ошибку? А, может быть, он сохранил какую-то редкую версию происхождения ostracism? Всё встало на свои места, когда был издан полный текст трактата: выяснилось, что эпитоматор, небрежно сокращая, попросту выпустил имя Клисфена, к которому, естественно, и должна относиться информация об ostracism (*Arist. Ath. pol.* 22. 1).

Итак, мы полагаем, что в оригинале у Помпея Трога стояло что-то вроде, *e. g.*, *haec namque urbs (scil. Byzantium) condita primo a Megareis (vel a Byzante²⁶)... secundo (vel postea iterum) a Pausania rege Spartanorum etc.* У Юстина же выпала группа слов, в результате чего смысл оказался несколько искажен.

Когда же Павсаний был провозглашен ойкистом? Вернемся к мнению Т. Рассела о том, что это могло произойти только посмертно и было предпринято Лисандром в конце Пелопоннесской войны или сразу после нее. В этот период Византий действительно находился под спартанским контролем. Однако же более неудачный контекст для подобной акции трудно и придумать. Сейчас мы поясним наши резоны.

В это время царем по линии Агиадов являлся Павсаний, родной внук Павсания-регента. Именно ему прежде всего было бы выгодно, если бы его покойный дед получил столь почетный статус в стратегически важном городе. А мог ли Лисандр осуществлять какие-то действия, которые пошли бы на пользу царю Павсанию? Практически невозможно такое представить: Лисандр и его ставленник Агесилай²⁷ демонстрировали к Павсанию постоянную неприязнь, чтобы не сказать — вражду²⁸. Противоречия между ними проявились уже в

²³ С опорой на наши выкладки см.: Суриков 2006б: 168.

²⁴ Об этом авторе II в. до н. э. см. Bloch 1940.

²⁵ «А Гиппий стал править как тиран самым жестоким образом. И он предложил закон об ostracismе, который был направлен против людей, стремящихся к тирании» (*Heraclid. Epit. Arist. Ath. pol.* 7).

²⁶ Вариант с Византом (кем бы его ни считал Помпей Трог), может быть, даже и предпочтителен: ошибка эпитоматора (пропуск слов), собственно, и могла быть порождена сходством названия города и именем основателя. О психологических корнях подобных описок (стяжений) см.: Фрейд 1997: 61.

²⁷ Слово «ставленник» употребляем здесь отнюдь не в значении «марионетка». Агесилай в дальнейшем проявлял полную самостоятельность как политик. Но престолом он был действительно обязан Лисандру.

²⁸ Об отношениях Лисандра и Павсания см.: Печатнова 2007: 264 слл.; Суриков 2015б: 75, 100, 105.

403 г. до н. э., когда решался вопрос, поддерживать ли Спарте шатающийся режим Тридцати или дать ему погнаться (Лисандр придерживался первой точки зрения, Павсаний — второй), не прекратились они и впоследствии. В конечном счете Лисандр именно потому погиб в битве при Галиарте 495 г. до н. э., что Павсаний не подошел вовремя ему на подмогу²⁹: в Спарте посчитали (и, видимо, имели на то основание), что опоздание было намеренным, и приговорили царя к смертной казни (заочно, ибо он заблаговременно удалился в изгнание).

При подобных взаимоотношениях между этими государственными деятелями, можно ли говорить о возможности их дружественных жестов по отношению друг к другу? Думается, вопрос этот — риторический. Не будем забывать и о том, что платейский победитель Павсаний впоследствии в Спарте был признан уличенным и осужденным преступником, изменником. Правда, способ его умерщвления (полководца заживо замуровали в храме и уморили голодом) вызвал протест со стороны Дельф, приказавших совершить очистительные обряды (*Thuc.* 134. 4), но это отнюдь не означало реабилитации Павсания.

Кстати, неверен сам исходный тезис о том, что лицо не могло быть провозглашено ойкистом при жизни. Выше упоминался афинянин Гагنون, основатель Амфиополя, которого потом амфиполиты лишили этого статуса, объявив ойкистом спартанца Брасида. Брасид-то был мертв, а вот Гагنون вполне еще жив³⁰ и жил в Афинах еще более десятилетия. Таким образом, он отнюдь не посмертно испытал и почести ойкиста, и лишение этих почестей.

Иными словами, мы решительно склоняемся к тому, что Павсаний получил статус основателя Византия именно тогда, когда он освободил город от персов, что позволило вернуться туда жителям, то есть в 478 г. до н. э. Или чуть позже, когда он, будучи отстранен от должности командующего союзным флотом, вернулся в Византий, чтобы там поселиться. Спартанец стал фактически тираном города, и вполне закономерно его правление там включается во все истории древнегреческой тирании³¹.

Византийцы, повторим, были крайне ему благодарны и, полагаем, не возражали против предоставления ему почестей ойкиста, а скорее всего — сами же их ему и предложили (тем более что тогда полис, возможно, еще не имел устоявшейся традиции *κτίσις*³², что делало место ойкиста «вакантным»), и он, конечно, не отказался от столь лестного предложения. Как известно, Павсаний отличался совершенно непомерным честолюбием, которое особенно возросло после славной победы при Платеях. Чтобы увековечить свою память, у вхо-

²⁹ Об этой кампании см. теперь: Клейменов 2019: 56–60.

³⁰ Ситуация рассмотрена в работе Малкина: Malkin 1985: 125–127.

³¹ См. хотя бы в классическом труде: Berve 1967: 179–181.

³² Геродот, говоря об основании Византия (*Herod.* IV. 144), не называет ни его метрополию, ни имя ойкиста. О том, что фигура ойкиста Византа может быть поздним изобретением, упоминалось выше.

да в Понт он поставил гигантский бронзовый кратер (*Herod. IV. 81*). Но самой возмутительной его выходкой сочли то, что на знаменитом памятнике в честь Платейской битвы в Дельфах — треножнике на «Змеиной колонне» (*Herod. IX. 81*) — он вначале приказал написать эпиграмму (автором ее, по некоторым сведениям, был сам Симонид — лучший поэт того времени), прославлявшую лично его, Павсания. Спартанским властям подобная амбициозность не понравилась: «это двустипшие лакедемоняне велели тотчас же выскоблить с треножника и взамен вырезать имена всех городов, воздвигнувших этот жертвенный дар после общей победы над Варваром» (*Thuc. I. 132. 3*). Именно такую надпись — перечень 31 члена Эллинского союза — несет «Змеиная колонна» ныне. Между прочим, по иронии судьбы этот артефакт, которого, наверное, касались руки самого Павсания, теперь каждый может увидеть на площади Ипподрома в том самом городе, «вторым основателем» которого он стал (колонну перенес туда из Дельф «третий основатель» — Константин).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Клейменов 2019 — *Клейменов А.А.* Стратегическая симфония: координированное наступление в македонском военном искусстве эпохи Александра Великого. Тула, 2019.
- Пальцева 1999 — *Пальцева Л.А.* Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999.
- Печатнова 2007 — *Печатнова Л.Г.* Спартанские цари. М., 2007.
- Рунг, Габелко 2018 — *Рунг Э.В., Габелко О.Л.* Скифский поход Дария I и древнеперсидская надпись из Фанагории // Вестник древней истории. 2018. Т. 78. № 4. С. 847–869.
- Суриков 2006а — *Суриков И.Е.* Черноморское эхо катастрофы в Сардах (Персидское завоевание державы Мермнадов и колонизационная политика Гераклеи Понтийской) // Л.П. Маринович (ред.). Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 47–72.
- Суриков 2006б — *Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006
- Суриков 2008 — *Суриков И.Е.* Античная Греция: Политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М., 2008.
- Суриков 2010 — *Суриков И.Е.* Последние главы «Истории» Геродота и вопрос о степени завершенности его труда // Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, Г.Р. Цецхладзе (ред.). *Gaudeamus igitur*: Сборник статей к 60-летию А.В. Подсинова. М., 2010. С. 356–363.
- Суриков 2015а — *Суриков И.Е.* Античная Греция: Ментальность, религия, культура (*Opuscula selecta I*). М., 2015.
- Суриков 2015б — *Суриков И.Е.* Античная Греция: Политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М., 2015.

- Фрейд 1997 — *Фрейд З.* Введение в психоанализ. СПб., 1997.
- Юстин 2005 — *Юстин Марк Юниан.* Эпитома сочинения Помпея Трога “*Historiae Philippicae*” / Пер. с лат. А.А. Деконского, М.И. Рижского под ред. М.Е. Грабарь-Пассек; Комментарии К.В. Вержбицкого, М.М. Холода; Вст. ст. К.К. Зельина. СПб., 2005.
- Badian 1993 — *Badian E.* From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993.
- Belfiore 2009 — *Belfiore S.* Il *Periplo del Ponto Eusino* di Arriano e altri testi sul Mar Nero e il Bosforo: Spazio geografico, mito e dominio ai confini dell’Impero Romano. Venezia, 2009.
- Berve 1967 — *Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen. Bd. 1: Darstellung. München, 1967.
- Bloch 1940 — *Bloch H.* Herakleides Lembos and his Epitome of Aristotle’s *Politeiai* // Transactions of the American Philological Association. 1940. Vol. 71. P. 27–39.
- Burstein 1976 — *Burstein S.M.* Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, 1976.
- Dagron 1984 — *Dagron G.* Constantinople imaginaire: Études sur les recueil des *Patria*. Paris, 1984.
- Dougherty 1994 — *Dougherty C.* Archaic Greek Foundation Poetry: Questions of Genre and Occasion // Journal of Hellenic Studies. 1994. Vol. 114. P. 35–46.
- Fowler 2013 — *Fowler R.L.* Early Greek Mythography. II. Commentary. Oxford, 2013.
- Isaac 1986 — *Isaac B.* The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden, 1986.
- Kienast 2003 — *Kienast D.* Der Hellenenbund von 481 v.Chr. // Chiron. 2003. Bd. 23. S. 43–77.
- Legon 1981 — *Legon R.P.* Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B.C. Ithaca; London, 1981.
- Loomis 1990 — *Loomis W.T.* Pausanias, Byzantium and the Formation of the Delian League // Historia. 1990. Bd. 39. Ht. 4. S. 487–492.
- Malkin 1985 — *Malkin I.* What’s in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies // Athenaeum. 1985. Vol. 63. P. 114–130.
- Malkin, Shmueli 1988 — *Malkin I., Shmueli N.* The “City of the Blind” and the Founding of Byzantium // Mediterranean Historical Review. Vol. 3. P. 21–36.
- Russell 2017 — *Russell T.* Byzantium and the Bosphorus: A Historical Study, from the Seventh Century BC until the Foundation of Constantinople. Oxford, 2017.
- Schmid 1947 — *Schmid P.B.* Studien zu griechischen Ktisissagen. Diss. Freiburg, 1947.
- Tsetskhladze, Hargrave 2010 — *Tsetskhladze G., Hargrave J.* Colonisation Ancient and Modern: Some Observations // Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, Г.Р. Цецхладзе (ред.). *Gaudeamus igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова.* М., 2010. С. 381–398.

PAUSANIAS THE SPARTIAN, A FOUNDER OF BYZANTIUM

IGOR E. SURIKOV

Abstract: The article deals with a problem from the history of Byzantium — an important Greek polis on the European shore of the Thracian Bosphorus, which was founded by the Megarians in the 7th century B.C. An evidence of the epitomizer Justin, however, says that Byzantium was founded by the well-known Spartan warlord Pausanias, although the latter, as a matter of fact, only liberated the city from the Persians in 478 B.C. The author attempts to interpret that disturbing evidence by noting that in 493 B.C., when the Persians were suppressing the Ionian Revolt, the inhabitants of Byzantium left their city for Mesembria on the Black Sea, and so the polis Byzantium temporarily ceased to exist. Due to Pausanias, it became possible for the Byzantians to come down, and he was probably proclaimed an *oikistes* on this reason.

Keywords: Pausanias the Spartan, Byzantium, the Thracian Bosphorus, colonization, *oikistai*, Persia, Greco-Persian Wars, Justin.

Игорь Евгеньевич Суриков
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
отдела сравнительного изучения древних цивилизаций
Института всеобщей истории РАН,
профессор кафедры истории и теории культуры
факультета культурологии РГГУ.

ROMAN CONCERN TO KNOW THE HOUR IN BROADER HISTORICAL CONTEXT

RICHARD J.A. TALBERT

Abstract: The paper calls for the application of comparative history and social psychology to Romans' preoccupation with knowing the hour throughout the day. This has been overlooked as a distinctively Roman habit, one long predating the emergence of such concern in 14/15th century Europe. Four sections follow. First, a demonstration — with emphasis on epigraphic testimony — that there is insufficient cause to limit the habit to the elite, or to urban contexts, or to just one or two of the twelve hours; nor does it matter that they are seasonal hours of varying length. Second, comparison with the limited attention paid to knowing the hour in earlier or contemporary societies of the Near East, Egypt and Greece. Third, discussion of possible means by which attention to knowing the hour reached Rome, as well as how, when and why such awareness spread throughout the Roman world and persisted for centuries. Fourth, comparison of Roman and pre-modern Japanese attention to seasonal hours.

Keywords: Hour, Japan, Rome, social psychology, sundial, time of day.

To contribute to this volume in honor of Alexander Podossinov on his seventieth birthday is a much appreciated opportunity to pay tribute to the longstanding importance of his scholarship. So far as most colleagues in North America and Western Europe (myself included) were aware, the movement to question traditional thinking about ancient mapping and worldview only began during the 1980s, with fresh thinking stimulated especially by the publication of the first volume of the *History of Cartography* edited by Brian Harley and David Woodward in 1987. Unfortunately, however, the barrier of language prevented us¹ from realizing then that, in Russian publications dating to the 1970s, Alexander Podossinov had already initiated such questioning, as his magisterial extended review (co-authored with Leonid Chekin) of the *History of Cartography* volume modestly documented.² Ever since, he has continued to publish across an expanding range, and we are all in his debt. I hope that the present contribution will appeal to him as an illustration of how my own work on worldview has led in turn to a focus on time, specifically Romans' consciousness of time in daily life. Here I advocate applying comparative history and social psy-

¹ For one striking exception, see Janni 1984: 14 and *Indice degli Autori Moderni*, s. v.

² Podossinov, Chekin 1991: 118 n. 31.

chology to this aspect of Roman culture, which in my estimation offers untapped potential for such approaches.

Let me acknowledge at once that the topic has already received ample attention from scholars over a long period.³ Even so, a basic consensus has yet to be reached, although my argument is that by now it should be; at least one lingering obstacle is identifiable, and can be overcome. I proceed to urge that, with this foundation laid, the opportunity (not to say necessity) at once arises for setting and re-evaluating Roman consciousness of time in daily life within a broader historical context than has been attempted to date.

My engagement with this topic is serendipitous, arising from the research undertaken for my study *Roman Portable Sundials: The Empire in Your Hand* (2017). The focus adopted there, however, was a counter-intuitive one, settled upon in frustrated reaction to scholars' unwavering confinement of their interest in Roman portable sundials to the science behind their design and the accuracy with which they tell the time. Justified though these choices unquestionably are, their narrow scope leaves much else of significance unexplored. So, with the interest in geography, maps and worldview that I share with Alexander Podossinov, I deliberately opted to focus instead on a distinctive but ignored feature of some of the portable sundials: namely, the inclusion of a list — normally inscribed on the reverse of the bronze disc — of cities or provinces or regions (as many as thirty-six), each accompanied by a latitude figure. This is the latitude to which the sundial should be set if it is to function satisfactorily in the particular location where the user happens to be during a journey. The varied contents of the fifteen or so such lists known to date create the impression that most record an owner's personal set of favored locations rather than merely reproducing a workshop's standard selection.⁴ Hence may emerge glimpses of individual Romans' spatial awareness and worldview — insights to be linked with others from an intriguing mix of testimony, and all the more precious in light of Romans' evident disinterest in maps.

In reacting to the book, colleagues have reasonably observed that the novel choice of focus marginalizes the opportunity to explore large issues of Roman time-consciousness that the subject by its very nature raises.⁵ I concur that further investigation of this aspect is warranted, and welcome the coincidence that an ideal basis for the purpose appeared shortly before my book (though too late to be taken into account): the authoritative catalog and overview edited by Alexander Jones for the memorable exhibition *Time and Cosmos in Greco-Roman Antiquity* at New York University's Institute for the Study of the Ancient World in 2016–2017. In the Intro-

³ Note, for example, Dohrn-van Rossum 1996: 17–28; Laurence 2007: 154–66; Hannah 2009: 134–44; Houston 2015. My thanks to George Houston and Anthony Turner for comments; some of the aspects discussed were treated briefly in Talbert 2019.

⁴ Talbert 2017: 147.

⁵ Note, for example, the reflections of Riggsby 2017 in advance of his monograph on representing information Riggsby 2019.

duction Jones formulates a key question and then proceeds to offer an unsatisfactory answer in my view:⁶

Confronted as they were with time-keeping devices wherever they turned, we may wonder about the degree to which the ancient Greeks and Romans came to regulate their activities by the numbered hours. The testimony of the surviving Greek and Latin literature and of Greek documentary papyri ... suggests that, in private life, hours were seldom invoked; the conventional 'ninth hour' for dinner invitations ... is perhaps the only important exception.

There is an underlying assumption here that a single answer can serve for the entire long span of Greek *and* Roman civilization. I suggest rather that this is an impossibility even in the most general terms, and that at the very least the two civilizations should be considered separately, because substantial differences are unmistakable. My focus is confined to Romans. Édouard Ardaillon over a century ago was closer to the mark than Jones, I believe, in the conclusion (263) to his lengthy article "Horae" for the Daremberg and Saglio *Dictionnaire* (1900):

La division horaire du jour n'eut jamais chez les Grecs grande influence sur la distribution des occupations Il n'en était pas de même chez les Romains. La vie publique et privée était réglée heure par heure.

To be sure, the hours referred to by both Jones and Ardaillon are 'seasonal' ones of variable length, not uniform periods all the same length — in other words, not the 'equinoctial' hours that are today's norm. Ancient practice was to regard each day from sunrise to sunset as divided into twelve segments or hours each of the same length. Each night from sunset to sunrise was taken to be similarly divided, giving a total of twenty-four hours within each day and following night (or vice versa). Naturally, in consequence each such daylight hour increases or reduces in length day by day, while the night-time ones correspondingly reduce or increase. From one day or night to the next the difference may be barely noticeable, but from season to season it is marked in the Mediterranean zone and increasingly so at latitudes further north. At Rome itself, for example, the difference in length between a daylight seasonal hour at the winter solstice and one at the summer solstice is about half an equinoctial hour. How severely reference to seasonal hours limited — to our modern way of thinking — the usefulness of time-keeping by this means is an issue to return to. Suffice it to affirm now that, despite the limitations as we may perceive them, Romans' time-consciousness nonetheless remained largely based upon such hours.

Jones' conclusion falls short because it is based only on the testimony of literature and papyri, without also taking epigraphic testimony into consideration. In the Roman case with its wealth of relevant inscriptions, the omission is serious and needlessly creates an obstacle to full understanding that can and should be overcome.

⁶ Jones 2016: 28–29. For more forthright negative responses to the same question, note Remijsen 2007: 127–30; Schomberg 2018: 322.

Moreover, unlike literature in particular, the epigraphic testimony is invaluable for its reflection of both male and female experience at all levels of society.

As I now proceed to present a variety of epigraphic testimony in support of the claim that concern to know the hour made a deep and lasting impact throughout Roman society, it may be instructive to note criteria developed by Paul Glennie and Nigel Thrift for a comparable context — namely, an attempt “to index revolutions in everyday clock-timekeeping practices” in England between 1300 and 1800, as mechanical clocks and watches were invented and developed:⁷

First, ... we need to ask what statements clocks and other timekeeping devices made through the ways and contexts in which they were used. Second, since we are primarily interested in everyday life, and in how new things became incorporated into ‘normal’ practice, we need to ask now how clocks and other timekeeping devices populated everyday life. Third, since we are interested in embodiment, we need to ask how clock time was taken into the body, for example, through increasing nervousness about timekeeping or punctuality ... Last, ... we need to ask what timekeeping practices circulated in which communities and what significance they had. We also need to ask how these practices both related to and differentiated communities of practice from each other.

For certain, a large sundial erected in a prominent location at the expense of an individual keen to secure popular favor was a typical sight in Roman communities and a demonstration of civic pride.⁸ According to a damaged inscription,⁹ the major port in Campania, Puteoli, had been presented with such a sundial by an emperor (no longer identifiable), and it was later repaired at the city’s expense. I identify it as the T-shaped feature depicted on a glass flask — perhaps of third- or fourth-century date — in all likelihood designed and marketed as a tourist souvenir of Puteoli’s principal attractions.¹⁰ If STADIVSOLAR placed above this feature on the flask, and AMPITHEAT below, can be taken to provide some indication of where in the city this sundial was erected, the choice of location seems characteristically Roman (Fig. 1).

How typical it was for public entertainments in Roman communities to be scheduled with reference to hours remains unclear,¹¹ but there is explicit epigraphic testimony in one striking instance — an announcement so matter-of-fact as to leave the impression that neither the magistrates who issued it, nor the general public for whom it was intended, would have regarded reference to hours as out of the ordinary. The occasion is Augustus’ *Ludi Saeculares* celebrated in Rome in 17 BCE:¹²

⁷ Glennie, Thrift 2005: 169; a monograph on this topic by them (Glennie, Thrift 2009) followed; note Turner’s review 2012.

⁸ So, for example, the sundial unearthed at Interamna Lirenas (Latium) in 2017; it was erected during the mid-first century BCE at the expense of a local man who was a Roman senator (“The inscribed sundial” at <http://www.classics.cam.ac.uk/interamna>). Note also another erected at Mevania by its quaestors around 100 BCE, inscribed in the Umbrian alphabet: Crawford 2011: I. 122–23.

⁹ *CIL* X.1617 with Winter 2013: 509.

¹⁰ World of Glass museum, St. Helens, UK, inv. SAHGM 1974.002; photograph in Talbert 2017: 7.

¹¹ Cf. Fagan 2011: 209–14 for gladiatorial shows.

¹² *ILS* 5050 lines 155–58 with Bruun and Edmondson 2015: 402, 544.

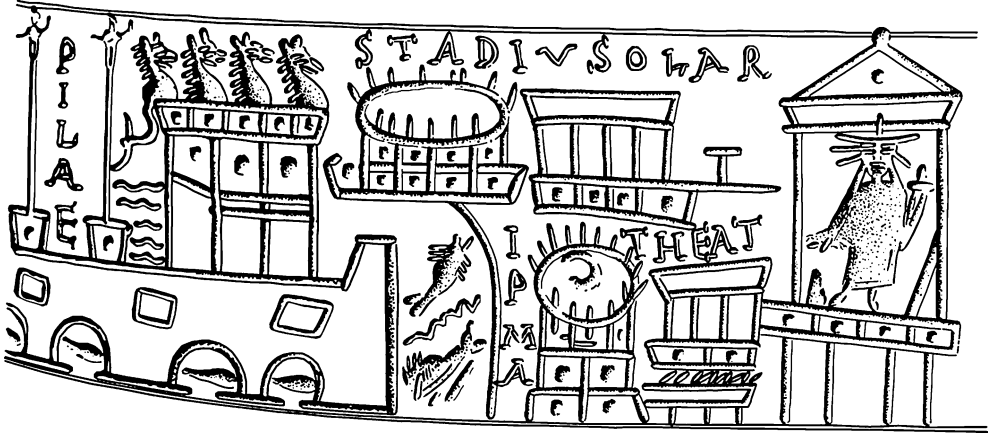

Fig. 1. Notable features at Puteoli as engraved on a glass flask in the World of Glass museum, St. Helens, UK. Drawing by Ancient World Mapping Center after P. Compton in K.S. Painter, "Roman Flasks with Scenes of Baiae and Puteoli," *Journal of Glass Studies* 17 (1975): 54–67, fig. 13

XVvir. s. f. dic.: Ludos, quos honorarios dierum VII adiecimus ludis sollemnibus, committimus nonis Iun. Latinos in theatro ligneo quod est ad Tiberim h. II, Graecos thymelicos in theatro Pompei h. III, Graecos asti[cos i]n thea[tro quod est] in circo Flaminio h. I[III].

The *quindecimviri sacris faciundis* declare: We have taken the initiative of adding seven days to the traditional shows, and we are beginning on the Nones of June with: Latin shows in the wooden theater which is by the Tiber at the second hour; Greek dance-shows in Pompey's theater at the third hour; Greek city-shows in the theater which is in the Circus Flaminius at the fourth hour.

It is also unclear how typically Roman public baths announced their opening times in terms of 'from hour X to hour Y',¹³ but again a valuable instance — of concern to both sexes — confirms the possibility.¹⁴ This is a regulation of Hadrianic date or later in the second century about one of the services to be provided by a contractor in the settlement near the imperial copper and silver mines in the Vipasca district in Lusitania. The length of time for which the bath here must stay open extends into the evening no doubt in order to accommodate miners who worked in shifts:¹⁵

Conductor balinei sociusve eius omni{a} sua inpena balineum, [quod ita conductum habe]bit in pr. K. Iul. primas, omnibus diebus calfacere et praestare debeto a prima luce in horam septim[am diei mulieribus] et ab hora octava in horam secundam noctis viris arbitratu proc. qui metallis praeerit.

¹³ Fagan 1999: 326.

¹⁴ Compare the inscribed notice at the late first century CE library of Pantainos in Athens stating when it would be open (first to sixth hours): *SEG* 21.500 with Nicholls 2017: 37.

¹⁵ *ILS* 6891 lines 19–21 with Bruun and Edmondson 2015: 690. At Puteoli too during the late first century BCE a bath must have remained open beyond the first hour of the night, because a contractor's slave workhands there (see next paragraph) were banned from bathing until then (*AE* 1971.88 II lines 3–4).

The contractor of the bath or his associate is to heat the bath every day and keep it open for use, entirely at his own expense, as stipulated in the lease for the bath that runs until 30 June next, for women from first light to the seventh hour of day, and for men from the eighth hour to the second hour of night, in accordance with the decision of the procurator who runs the mines.

Late first century BCE Puteoli offers an instance of another service provided by a city — again through a contractor — according to inscribed regulations posted publicly that refer to hours: the removal of dead bodies (by slave workhands, evidently during daylight only). While there is no cause to assume that this service was ever typically available in Roman communities, the manner in which one clause is framed takes well-developed time-consciousness (and class-consciousness) among the populace for granted:¹⁶

Suspendiosum cum denuntiat(um) erit ead horad is solvend(um) tollend(um) curato, item servom servamve si ante h(oram) X diei denuntiat(um) erit ead die tollend(um) curato, si post X poster(a) d(ie) a(nte) h(oram) II.

Should instructions be given [to remove] a hanged man, he (the contractor) is to see to their fulfilment and the removal within the hour. In the case of a male or female slave, if instructions be given before the tenth hour of the day, removal is to be effected that day; if after the tenth, on the next day before the second hour.

Within Rome itself, keen attention to the tenth hour of the day can be assumed, because only from then until dawn did a law of Caesarian date (preserved on the *Tabula Heracleensis*) allow most wheeled vehicles onto the city's streets.¹⁷ Similar well-developed time-consciousness is attested at Ostia, albeit in just a single specific context, but an instructive one. It features in the fully preserved inscription on a large marble base for a statue of Publius Horatius Chryseros, deceased *Sevir Augustalis*, erected in 182 CE by his fellow *Seviri* in gratitude for his benefactions to their *collegium*. These include a capital sum of 40,000 sesterces, with a stipulation:¹⁸

... <ut> ex usuris semissibus et M' II s(ummae) s(upra) s(cryptae) quodannis Idib(us) Mart<i>is natali suo inter praesentes hora II usque ad asse<m> dividiatur ...

... that the interest, 6.4 per cent, of the amount stated above be distributed to the last as, every year on March 15, his birthday, among those (*Augustales*) present at the second hour ...

Disqualification of laggards not present at the headquarters of the *Seviri Augustales* in person by the prescribed hour could be thought Chryseros' twist — the testamentary quirk of a micromanaging freedman upstart (whose area of success in business is not known). That notion appears less likely, however, when the surviving fragment of an almost identically worded inscription dating to the 230s is taken into account.¹⁹ It honors Q. Veturius Felix Socrates, whose birthday fell on the

¹⁶ *AE* 1971.88 II lines 22–23 with Bond 2016: 69–70.

¹⁷ Crawford 1996: 365, 374, 382, no. 24 lines 56–67, with Laurence 2013: 253–55.

¹⁸ *ILS* 6164 = Gordon 1983: no. 68 with bibliography and photograph (Plate 44).

¹⁹ *CIL* XIV.431.

Ides of June. The fact that half a century later the annual distribution of interest from a deceased Sevir's bequest likewise required attendance at the second hour points rather to the *collegium* itself being responsible for the stipulation. How far it predates 182 is impossible to say.

For the conduct of Roman court business with reference to hours, there is epigraphic testimony that can be confidently reckoned to have widespread significance. First, the law (*Lex Coloniae Genetivae*) originally of Caesarian date that gave Urso in Baetica its constitution was assuredly replicated more or less in other colonies. Hence the time-limits, or ones like them, prescribed here for court hearings may be a Roman norm.²⁰

Ivir qui h(ac) l(ege) quaeret iud(icium) exercebit, quod iudicium uti uno die fiat h(ac) l(ege) praestitu<tu>m non est, ne quis eorum ante h(oram) I²¹ neve post horam XI diei quaerito neve iudicium exerceto.

A duovir who shall hold a *quaestio* and shall administer a trial according to this statute, insofar as it is not laid down by this statute that the trial is to take place on one day, none of them is to hold the *quaestio* or administer the trial before the first hour nor after the eleventh hour.

Second, and more specifically, *vadimonia* (bail-bonds) — written on wax tablets, and unearthed in the Pompeii area — confirm the location, date and hour at which the defendant in a private dispute undertakes to appear for a hearing or its continuation, as in this routine example from the mid-70s CE where both plaintiff and defendant happen to be female. The third hour is the one most often stipulated in these documents, but instances of the first, second (as here), fourth, fifth, and even ninth are attested:²²

“Vadimonium factum Cala
toriae Themidi in iii Non(as)
Decemb(res) prim(as) [*vacat*]
R[o]mae in foro Augus(to) ante
tribunal praetoris urbani
hora secun[d]a. HS M dari
stipulata es[t] ea q[uae] se
Petroniam [Sp. f. Iustam]
esse dicat, s[po]po[ndit]
Calatoria [Them]is t(utore) a(uctore) C.
Petronio Tel[e]sph[ro].
V. f. [C. Petronio Telesphoro].”

²⁰ Crawford 1996: 409, 445, no. 25 clause 102. Note that the first day (June 1) of the great conference of Catholic and Donatist bishops at Carthage in 411, with Flavius Marcellinus *iudex in loco principis*, was finally brought to an end after the declaration by Rufinianus *scriba*: “Exemptae sunt horae undecim diei” (*Gesta* I.219 Lancel with Shaw 2011: 580).

²¹ L on the stone, but this has to be a slip.

²² *Tabulae Herculanaenses* 14 with Bablitz 2007: 17–18, Bruun and Edmondson 2015: 311.

A *vadimonium* was made against Calatoria Themis for December 3rd in Rome in the Forum of Augustus before the tribunal of the *praetor urbanus* at the second hour. She who identifies herself as Petronia Iusta, daughter of [*name lost*], stipulated for, and Calatoria Themis, on the authority of her *tutor* C. Petronius Telesphorus, answered for, payment of 1,000 sesterces.

Only in 2012 was attention adequately drawn by Simeon Ehrlich to the remarkable quantity of Latin inscriptions known — mostly funerary — that record the length of the deceased's life (or a memorable part of it) down to the number of hours on the last day, or state the hour of death. The first of the two representative instances that follow is from Theveste in Africa Proconsularis, the second from Pisae in Etruria:²³

D(is) M(anibus) S(acrum): C(aius) Iulius Fortunatianus v(ixit) a(nnos) XVII d(ies) XXV ho(ras) VIII. Post Fabia(m) Fortunata(m) matre(m) pia(m) s(uam) v(ixit) a(nnos) III m(enses) VI d(ies) XXI (h)o(ram). H(ic) S(itus) E(st).

Sacred to the spirits of the departed: Gaius Julius Fortunatianus lived seventeen years, twenty-five days, eight hours. He lived three years, six months, twenty-one days, one hour after his revered mother, Fabia Fortunata, [died]. Here he lies.

D(is) M(anibus) Aufdiae Victoriae coniugi bene mer(enti) fecit P(ublius) Veturius Martialis cum qua vix(it) annis XXV mensib(us) X dieb(us) XV horis VII s(ine) q(uerella) u(lla).

To the spirits of the departed: Publius Veturius Martialis made this for Aufdia Victoria, his well-deserving wife, with whom he lived twenty-five years, ten months, fifteen days, seven hours, without any complaint.

Ehrlich's painstaking searches assembled over 800 such inscriptions, an impressively high total given the low survival rate of inscriptions. When the deceased is a very young child, mention of hours may indeed be intended primarily to underscore the brevity of the life so soon ended. Otherwise it is Ehrlich's persuasive hypothesis that inclusion of hours in these records reflects an obsession with astrology, or more exactly genethliology, the science of births and casting horoscopes.²⁴ From the configuration of the heavens at the time and place of birth, an individual's character and fortunes could be predicted. A record of the hour of death affirmed belief that the deceased was about to be reborn to an afterlife in the Underworld. With knowledge of this hour, a determination of the prospects to be expected there could be made, in particular which divinity the deceased would gain as guardian.

No less important, however, for reference to hours in general are two distinct findings that emerge from Ehrlich's analysis of his material ("sample" in the first quotation). The first is the wide cross-section of society encompassed, as he states:²⁵

It will suffice to note that the sample does include tombs both commemorating and set up by soldiers, slaves, freedmen, plebeians, and equestrians; pagans and Christians; men and women; the very young and the very old.

²³ *CIL* VIII.27884 = Ehrlich 2012: no. 136; *CIL* XI.1458 = Ehrlich 2012: no. 172.

²⁴ Ehrlich 2012: 84–85.

²⁵ Ehrlich 2012: 26.

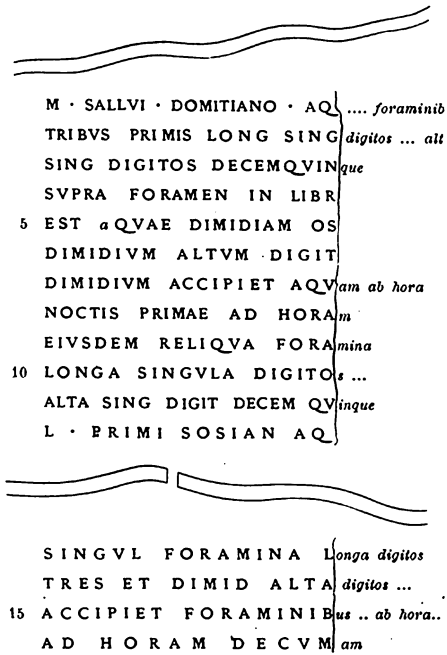

Fig. 2. Fragment of an inscribed record stating the quantity of water that various individuals may draw, and between which hours (*foramen* = sluice-gate). Found in the area of Tibur, Latium, and now lost. Drawing from *CIL* XIV.3676

The record found in the area of Tibur (and now lost) states the start of one period for which water may be drawn as the first hour of the night (lines 7–8); this makes it conceivable that the tenth hour when another period ends (line 16) is two hours before dawn rather than in the late evening, but it is impossible to know (Fig. 3). The other record — found in a garden on the Aventine hill — presumably preserves timings that relate to some unidentifiable part of Rome. Bottom center on the fragment, the right to draw from two channels (*aquae*) from the second hour to the sixth is clear; note also (bottom right) a period from the sixth hour to sunset (*occa[sum solis]*).

Use of hours as a means to regulate the drawing of water is documented far more fully, and for an extensive rural area in a province, in a detailed decree issued by the

Also of note, second, is the extensive geographical range across which these inscriptions were erected. The high proportions in Rome, as well as in Italy and North Africa, must be duly recognized, but even so the distribution spans the empire.²⁶

In both town and country the hour served as a standard means by which the right to draw water was regulated in Roman communities.²⁷ As the mid-second century CE jurist Pomponius²⁸ pronounced:²⁹

Si diurnarum aut nocturnarum horarum aquae ductum habeam, non possum alia hora ducere, quam qua ius habeam ducendi.

Should I have the right to draw water during day or night hours, I cannot draw it at any other hour than that for which I may have the right to draw it.

Two similar inscribed records stating the quantity that various individuals may draw, and between which hours, are known from Latium.³⁰ Both are only fragments, with the meaning of much in their texts uncertain, but the way in which hours are specified is clear enough (Fig. 2).

²⁶ Ehrlich 2012: 56.

²⁷ Cf. Julianus in *Dig.* 43.20.5.

²⁸ *PIR*² 1998: P 694.

²⁹ *Dig.* 43.20.2; for drawing water at night regarded as a normal practice, cf. Paulus in *Dig.* 39.3.17 pr.

³⁰ *CIL* XIV.3676 (Tibur) and VI.1261 (Rome) with Shaw 1982: 74–76.

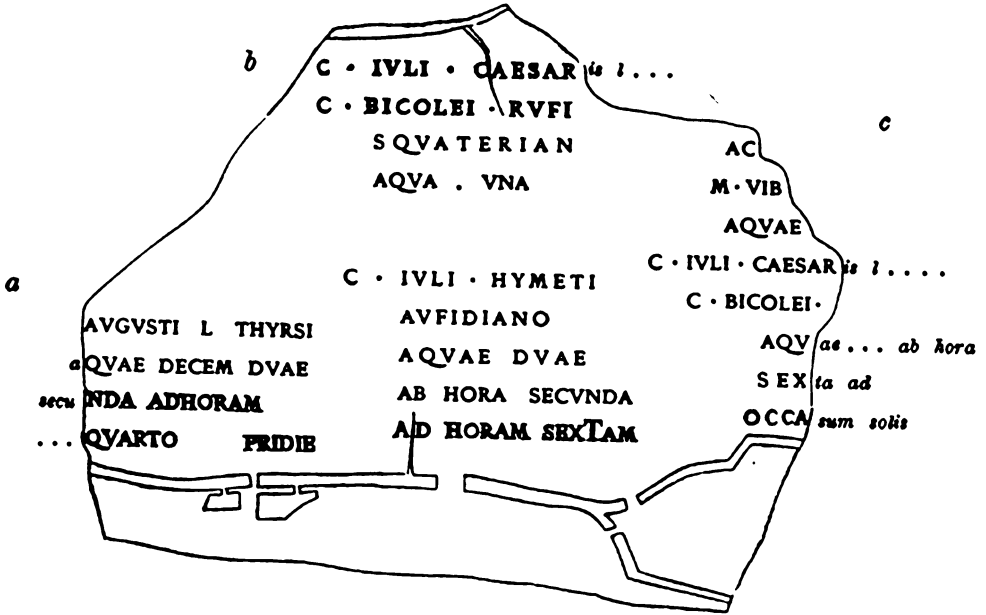

Fig. 3. Fragment of an inscribed record stating the quantity of water that various individuals may draw, and between which hours (*aqua* = water-channel). Found in a garden on the Aventine hill, Rome. Drawing from *CIL* VI.1261

municipium of Lamasba, a thriving frontier settlement in Numidia, not far northwest of Thamugadi.³¹ The decree dates to the reign of Elagabalus in the early third century, and affirms decisions made by arbitrators appointed to resolve disputes of a type common among landowners over water-rights.³² The four surviving fragments preserve perhaps only one-fifth of what was originally a very large stone inscription.³³ The rulings are recorded in highly abbreviated form; they are seemingly made for the fall only, for both day and night hours, with a half-hour the shortest unit of time used. While the rulings for 85 properties can be recovered in whole or part,³⁴ there were clearly many more in the lost part of the decree, although no confident estimate of the total can be made. The ruling for Mattius Fortis' property is representative.³⁵

³¹ *Barrington Atlas* 34 D2.

³² *CIL* VIII.18584 with Shaw 1982.

³³ Shaw 1982: 62.

³⁴ See the summary in Shaw 1982: 98–100.

³⁵ Shaw 1982: 71 errs in taking the 4.5-hour period here to be during the afternoon. In fact it is during the morning, from the first hour of the day, the point which in Roman reckoning signifies the *end* of the first of the twelve daylight hours (the *beginning* of that hour is *prima lux*, dawn); mid-day, the sixth hour, is the point reached at the *end* of that hour.

K CCCVIII EX H*I*D*VII*KAL*OCTOBR
 IN H VS*D*EIUSDEM P P S H IIIIS

K(apita)CCCVIII. ex h(ora) (prima) d(iei) (septimi) Kal(endas) Octobr(es)
 in h(oram) (quintam et) s(emis) d(iei) eiusdem. P(ro) p(arte) s(ua) h(orae) (quattuor
 et) s(emis).

308 Kapita [*land area*]. From the first hour of the day on [*starting-date*] September 25
 until the fifth hour and a half of the same day. For his plot, four and a half hours.

* * *

It is my contention that the scope and contexts of the epigraphic testimony illustrated above, when considered together with testimony from literature, papyri and material culture,³⁶ should remove remaining doubt that Roman society was one (to echo Glennie and Thrift's words) in which concern to know the hour became incorporated into the practice of everyday life at all social levels. To be sure, how far this individual or that was aware of the hours, and the extent to which anyone 'embodied' concern for them, must always have varied according to age, gender, location, social status, wealth, education and occupation. Yet familiarity with this form of daily time-keeping — which did not call for literacy — was evidently taken for granted as the norm. As Artemidorus expansively declared during the second century CE:³⁷

ὠρολόγιον πράξεις καὶ ὀρμᾶς καὶ κινήσεις καὶ ἐπιβολὰς <τῶν> χρειῶν σημαίνει· πάντα γὰρ πρὸς τὰς ὥρας ἀποβλέποντες οἱ ἀνθρώποι πράσσουσιν.

The sundial symbolizes deeds and actions and movements and the undertaking of business; for people do everything with an eye to the hours.

If the familiarity illustrated here be accepted as an adequate basis on which to proceed, the next step ought to be an inquiry into when and how Roman society adopted this particular form of daily time-keeping. Roman tradition unequivocally acknowledged that it was a foreign practice in origin, one whose introduction was linked to the importation of fixed sundials to Rome. Their arrival was evidently traced in Marcus Terentius Varro's mid-first century BCE *Antiquitates Rerum Humanarum et Divinarum*, but nothing more than brief references to his account survive in Pliny the Elder's *Naturalis Historia* (70s CE) and Censorinus' *De Die Natali* (238 CE). Both these authors mention controversy over the identification of Rome's first sundial. Pliny records a claim passed on by an otherwise unknown Fabius Vestalis that a sundial erected in the late 290s BCE was the first; but he then hesitates to believe that, in part because Vestalis supplies so few details, including his source and

³⁶ For literary evidence especially, see "The Shape of the Day" in Balsdon 1969: 16–55; note the analysis of *hora* in *TLL* s. v., including the common expression *omnibus horis*, used thrice by Pliny in *NH* 2 for example, sects. 22, 109, 157 (*TLL* VI.3 col. 2956 l. 51).

³⁷ *Oneirocritica* 3.66.

where the sundial originated.³⁸ Pliny therefore leans towards acceptance of Varro's claim that a sundial looted from the Sicilian Greek city Catina early in the First Punic War, and imported during the late 260s, was the first. It was erected in the forum and, according to Censorinus,³⁹ there was at least no dispute about it being the first placed there. The likelihood of Roman unfamiliarity with sundials at this period seems confirmed by the notorious sequel that, because the one imported during the 260s had been designed for a latitude in Sicily, it failed to function with accuracy at Rome's latitude considerably further north, although not till the 160s — a century later — did the problem attract comment.⁴⁰

Censorinus explains with many examples that, before sundials were brought to Rome, terms for divisions of the day were merely loose for the most part, such as *gallicinium* (cock-crow) and *de meridie* (afternoon).⁴¹ He and Pliny claim that in the collection of early Roman laws, the Twelve Tables, no reference was made to hours, but just to sunrise, sunset and “before mid-day” (*ante meridiem*).⁴² Only in the 240s or later did a *Lex Plaetoria* refer to an hour.⁴³

However, by the early second century the parasite in a fragment of an otherwise lost comedy attributed to Plautus by Varro curses whoever invented hours that fragment his life, and he can only expect to amuse the audience with his moans that the town is filled with sundials (*oppletum oppidum est solariis*) which now control his dinner-time.⁴⁴ In another of Plautus' comedies, the leading character Pseudolus, when taunted for the quantity of wine he is capable of consuming in one hour, reacts boastfully “A winter hour, what's more” (*'hiberna' addito*), in other words a shorter one.⁴⁵ In his *De Agricultura* (written around 160), Cato twice refers to hours matter-of-factly — when explaining a fattening regime for hens and geese, and specifying the stages in a cure for indigestion.⁴⁶

Plausible though it may be that importation of sundials to Rome during the third century led to the adoption of foreign time-keeping with hours, the scope of the account surviving in our scrappy sources is frustratingly limited. Its character foreshadows the modern predilection for assuming uncritically that societies will embrace technology and its advances without hesitation. In fact there could have been no certainty, or even expectation, that the erection of a trophy-sundial or two

³⁸ NH 7.213 with commentary by Beagon 2005: 470.

³⁹ DN 23.7 with commentary by Freyburger 2019: 118–19.

⁴⁰ NH 7.214 with Beagon 2005: 471.

⁴¹ DN 23.9–24.6 with Freyburger 2019: 120–22.

⁴² *Censorinus*, DN 23.8 with Freyburger 2019: 119–20; *Plin.* NH 7.212 with Beagon 2005: 469. Cf. Crawford 1996: 579, 592–95, no. 40 I, 7–8.

⁴³ Crawford 1996: no. 44.

⁴⁴ This fragment of *Boeotia* is preserved by *Gell.* NA 3.3.5. Gratwick 1979 argues convincingly that here Plautus is adapting a passage in the original comedy (also now lost) by Menander.

⁴⁵ Pseud. 1304. The shorter the hour, the more impressive the rate of consumption. Strangely, Hannah 2009: 136 thinks that Pseudolus “lessens the charge” by specifying a winter hour.

⁴⁶ 89.1, 156.4, references indicating that he did not resist some Greek practices despite his expressions of hostility to Greek influence in general.

would lead third-century Roman society to embrace the time-keeping practice that these curiosities made possible. The shift was evidently spontaneous (never enacted by legislation), and established within a century. To explain it just in terms of technology cannot suffice. Hence I perceive the opening for a social-psychological approach to expand the range of possible influences, such as the growth of urban populations perhaps or the pressures of the Punic Wars, not to mention concern for social order and cultural superiority.

Further avenues of inquiry emerge in consequence. It seems that scholarship to date has unquestioningly regarded the fourteenth- and fifteenth-century so-called 'revolution' in daily time-consciousness — stemming from the invention of the mechanical clock which records equinoctial hours — as a unique phenomenon in Europe's social history. For certain, major changes can be attributed to this invention (investigated for England by Glennie and Thrift). Jacques Le Goff's contentions first published in 1960 — as summarized by Vanessa Ogle — still hold good:⁴⁷

...Le Goff proposed that the emergence of a commercial market society in fourteenth- and fifteenth-century Europe was accompanied by a growing utility for marking time, hence the proliferation of work bells, tower clocks, and other visible and audible signals denoting various times. Ever since, the emergence of capitalist society has been closely tied to the proliferation of clocks and the honing of time consciousness.

However, I see cause to regard the shift made by Roman society in embracing time-keeping by hours as an earlier, overlooked 'revolution' in consciousness comparable to this European experience during the fourteenth and fifteenth centuries. The Roman shift was by no means identical of course, nor did it turn out to act as a springboard for change on the same scale. Even so, beyond inquiry into its causes, there is solid reason to raise the related questions of how the rhythm, behaviors and cohesion of Roman society came to be affected — and enhanced perhaps — in consequence. The experience of Late Ottoman Beirut around 1900 as explored by Ogle is instructive. There was no external force pressing the ethnically diverse population of this provincial capital to change its ingrained attitudes to time-keeping and time management, yet the proliferation of calendars and watches and the new presence of clock time in public space spurred a transformation:⁴⁸

Economic gain was not the primary goal in the end but rather, the self-improvement of an entire society and 'nation'.

In further evaluation of the Romans' shift, we may fairly seek to identify elements in their society and its attitudes that led them to adopt and maintain a consciousness of hours far more active and pervasive than any found previously in the societies of Greece and Magna Graecia or Egypt or Mesopotamia.⁴⁹ Despite the sundial's origin and development in the two latter regions, consciousness of the time of day generated by it evidently remained limited there. In Greek society too, nowhere

⁴⁷ Ogle 2015: 11, with reference to Le Goff 1980.

⁴⁸ Ogle 2015: 137. For comparable thinking in Japan, see below.

⁴⁹ For Egypt, note Kadish 2001; Schomberg 2018; for Mesopotamia, Englund 1988.

is there evidence of this consciousness having grown to the level that became the norm in Rome within a century and (to recall Glennie and Thrift's terms) would differentiate it from other communities.⁵⁰ Perhaps Romans were energized by the lively concern for time beyond the day that their calendar already reflected,⁵¹ but this cannot serve as a full explanation when the same concern was by no means rare or novel in many Greek societies, Athens especially.

Time-keeping by hours and exceptional preoccupation with it were assimilated among the distinctive practices and values that Romans maintained as they hugely expanded the extent of their control and settlement. Pliny singles out *horarum observatio* as one of the three instances of *gentium consensus tacitus* (along with the Ionian alphabet and shaving!).⁵² Tacit agreement among peoples may be too idealistic a view in this instance, however. In reality such *observatio*, especially at the level favored by Romans, was a Roman export, one at risk of not meshing with the established practices of communities brought under Roman control. As is well known, the potential for such tension surfaced often in connection with eras and calendars, and the issue was handled by Roman authority in a variety of ways across the empire according to local circumstances. While Roman practice was promoted, established local eras and calendars were by no means suppressed.⁵³ Whether comparable tension arose between local daily time-keeping practices and that of the Romans is obscure.⁵⁴ Conceivably, struggles did occur of the type explored by Ogle where the local populace of Bombay stubbornly resisted a shift to the time of Madras (a rival city!) in 1881–1883 or to Indian Standard Time from 1905, exploiting the opportunity to protest not only that it was “‘British’ time being imposed on colonial subjects,” but also that the new daily rhythm would be artificial and unnatural.⁵⁵ However, evidence of such a clash involving Rome so far eludes me, and the risk was at least reduced when Rome's means of daily time-keeping remained no more than customary practice, never one legally enacted (unlike the Julian calendar).⁵⁶

Sentiment in Bombay chose to value local interest above one powerful motive for the British authorities to standardize time-keeping in India: the need to facilitate the rapid growth of long-distance communication and travel — especially by rail — in the late nineteenth century.⁵⁷ For Romans, by contrast, there was never the

⁵⁰ For the fourth century BCE as the earliest period of Greeks' engagement with sundials, and the earliest at which ὥρα was used to signify 'hour' rather than 'season,' see Hannah 2009: 70, 112–14.

⁵¹ For concise appreciation see, for example, Feeney 2010.

⁵² NH 7.212; 7.210.

⁵³ For overview, see Dench 2018: 136–47.

⁵⁴ For awareness that the point from which a day is reckoned to begin varies among societies, note *Plin.* NH 2.188, a passage later quoted by *Gell.* NA 3.2.4–11 as Varro's observations.

⁵⁵ Ogle 2015: 109, 112. The sub-title of Robert Levine's study *A Geography of Time* 1997 underscores his focus on societies' varying daily rhythms: *The Temporal Misadventures of a Social Psychologist, or How Every Culture Keeps Time Just a Little Bit Differently*.

⁵⁶ Compare the vicissitudes of sundry twentieth-century efforts (British, Japanese, American) to impose and maintain time-changes in Greece, Turkey and Korea: Ogle 2015: 94–95.

⁵⁷ For this need in broader context, see Ogle 2015: 24–26.

need for co-ordination between widely separated points. Time-keeping remained localized, with its value reduced by sundials' design flaws as well as by the variable length of hours.⁵⁸ Mass production of uniform sundials was not attempted;⁵⁹ indeed, no two of the 650 or so in the Berlin database are identical.⁶⁰ No reading more precise than the hour was typically expected (hence the absence of markers within successive hour-lines on a sundial), as Cetus Faventinus twice insists in his abbreviated version of Vitruvius' instructions for constructing a sundial: ".... nearly always in their haste everyone merely inquires what hour of the day it is."⁶¹ Even then, the many shoddily produced or poorly sited (seldom in sunlight) sundials would be inaccurate or useless, and it was a standing joke that different sundials did not report the same time.⁶²

Yet for all these shortcomings Romans persisted in checking sundials undaunted, and often quite plainly for a variety of practical purposes, not just out of snobbery or love of gadgets or sheer habit.⁶³ Familiarity meant that the absence of numerals for the hours on most sundials was not a concern,⁶⁴ and more specific reference to a half-hour is not exceptional.⁶⁵ Despite the ubiquity of fixed sundials, there was clearly a demand for portable ones too that could be used on a journey; Vitruvius in the late first century BCE lists these as a distinct type that had attracted plenty of attention from designers.⁶⁶ The very wealthy relished having a slave whose function it was to tell them the hour, and Seneca mocks men who succumbed to the extreme of allowing the passing hours to dictate their daily schedule.⁶⁷ This said, the tradition transmitted by Ammianus Marcellinus in his fanciful digression about the character of Persian society proudly represents its lack of a fixed dinner-hour as uncivilized:⁶⁸

⁵⁸ Note discussion by Riggsby 2019: 89, 106, 118, 122–23.

⁵⁹ Epigraphic testimony indicates some demand for sundials at military bases: Talbert 2017: 140, 191–201.

⁶⁰ <http://repository.edition-topoi.org/collection/BDSP>. Probably the same can be claimed of the 586 sundials listed by Bonnin 2015: 387–401.

⁶¹ 29.2, cf. 4: "non amplius paene ab omnibus nisi quota [sc. hora] sit solum inquiri festinetur."

⁶² *Sen. Apocol.* 2.2.

⁶³ For possible use by doctors, Galen in particular, see the discussion by Miller 2018. She cautions (121): "it is difficult to say how unique Galen was in privileging hourly schemes within his clinical narratives." Cf. 112–13 and limitations mentioned in note 6.

⁶⁴ Jones 2016: 28–29 draws a different conclusion.

⁶⁵ Less rare than Riggsby 2019: 96 n. 36 states. Cf. Ehrlich 2012: 48 and the Lamasba inscription above; possibly also the Frankfurt clepsydra published by Stutzinger 2001: 30 and Abb. 5.

⁶⁶ *De Arch.* 9.8.1. See Talbert 2017: 9–18 for examples, all made in bone or bronze. It is conceivable that more affordable ones were made in wood too, of which no trace survives. Compare the pocket-size wooden ones (under 4 cm diameter) recovered from the English warship *Mary Rose* which sank in 1545: Higton 2002: no. 395–96.

⁶⁷ Hannah 2009: 137 with *Sen. De Brevitate Vitae* 12.6.

⁶⁸ *Amm. Marc.* 23.6.77. *Cassiodorus* (Var. 1.46.3) expresses the same pride in a letter drafted for Theoderic to accompany his gift of a sundial and a water-clock for the Burgundian king Gundobad around 506. The importance of punctual arrival for dinner is the subject of mosaic panels found at Tarsus datable to around 200 CE, now published by Katherine Dumbabin et al. (2019).

Nec apud eos extra regales mensas hora est praestituta prandendi, sed venter uni cuique velut solarium est, eoque monente quod inciderit editur.

Among them, only at the king's court is there a fixed dinner-hour; otherwise each person's stomach serves as a sundial, and at its prompting they eat whatever is available.

An additional dimension of Roman concern for hours that merits greater recognition is the consciousness shown of night-time ones — largely, it would seem, by confident instinct, since a sundial would by definition be useless and water-clocks were rare.⁶⁹ Even so, night-time hours are routinely specified in a range of contexts — for stipulating periods within which water may be drawn, for the closing-time of baths, and for recording times of birth and of death;⁷⁰ also, as noted above, most wheeled vehicles were allowed on Rome's streets only between the tenth hour of the day and sunrise.

* * *

In urging that comparative history and social psychology be brought to bear on Roman daily timekeeping practice, I conclude by identifying the experience of Tokugawa Japan as a potentially rewarding case to set against that of Rome. In Japan, too, hours that varied in length according to season (six of light and six of dark every day) were used, a system traditionally thought to have been imported from China by Japan's rulers during the seventh century CE and not abandoned until 1873.⁷¹ Japanese society became one where “the practice of timing even quotidian events [down to the half-hour] was ... an important part of one's daily routine.”⁷²

The Roman and Japanese experiences differ in two notable ways, however. First, in Japan there was a major effort to make the time of day known aurally and even to synchronize it by this means. Time-bells were rung from temples or towers for the purpose — according to some estimates, as many as 30,000 bells across Japan by 1800 — so that one or more could be heard in every urban area as well as far beyond: “Times of work, rest, meals, and leisure — all were structured by the hours announced by the bells.”⁷³ Roman society, by contrast, never developed any such practice. Pliny mentions the announcement of mid-day at

⁶⁹ Wilson 2018: 62. Leslie Dossey 2018: 309–18 discerns that in the eastern Mediterranean during Late Antiquity the rhythm of urban life was modified by a continuation into the evening of what had previously been just daytime activities.

⁷⁰ Varro evidently made some general reference to those born at the third, fourth or any hour of the night (*Gell.* NA 3.2.1). To record both the birth and the death of an infant as occurring at the sixth hour of the night (i. e. at midnight) could be thought a form of approximation; yet note also the record of deaths at the seventh and tenth hours of the night (*CIL* VI.28044, 13883, 11511 = Ehrlich 2012: nos. 613, 459, 427). Pliny (NH 2.229) records the phenomenon of a spring (on Tenedos) overflowing between the third and sixth hours of the night.

⁷¹ See Frumer 2018: 24, 29, 32 for the introduction of the system.

⁷² Frumer 2018: 35.

⁷³ Frumer 2018: 32–35, 36 (quoted). Anna Sherman 2019 reflects on the practice evocatively.

Rome by an attendant (*accensus*) of the consuls before sundials were imported.⁷⁴ However, there seems to be no evidence for efforts later on the part of the authorities there or elsewhere in the empire to make any time of day known aurally;⁷⁵ hence the importance of sundials.⁷⁶ Even the Christian use of bells to summon worshippers and on other occasions is not reliably attested before the sixth century.⁷⁷

Second, the circumstances in which both societies abandoned their use of seasonal hours differ. So far as I am aware, a methodical attempt to trace the Roman abandonment has yet to be made. In the West at least, it is surely to be associated with the decline of urban life from the fifth century, a transformation that varied considerably in character and pace.⁷⁸ Japan, by contrast, did at last adopt the use of equinoctial hours after being aware of this option for over three centuries, but feeling no pressure to pursue it. When first shown mechanical clocks by Europeans in the mid-sixteenth century, the Japanese were fascinated, but saw them as useless.⁷⁹ Their sense of cultural superiority for long remained unshaken,⁸⁰ and for their purposes the established system of seasonal hours worked satisfactorily. European mechanical clocks continued to impress, however, and so from the seventeenth century Japanese craftsmen who gradually mastered their workings devised means to produce adaptations which recorded seasonal hours.⁸¹ Yulia Frumer argues that the switch to equinoctial hours was made only once attitudes had shifted in favor of Westernization, and support had grown for instituting a European calendar to replace the outmoded traditional one with its many flaws.⁸² The system of seasonal hours, on the other hand, was not considered to be flawed,⁸³ but the opportunity to replace it too in the spirit of modernization was taken by imperial edict issued in December 1872.⁸⁴

⁷⁴ NH 7.212 with Beagon 2005: 469–70.

⁷⁵ No mention by Bond 2016: 29–40, 45–54, who demonstrates extensive public and private demand for criers (mostly termed *praecones*) in the spheres of “religion, theater, funerals, auctions, civil administration” (Bond 2016: 31).

⁷⁶ Notably not an importance matched later in Arab-Islamic society, where the passage of time was made known aurally by calls to prayer at least five times daily; sundials could be found in mosques and *madrasas* attached to them, but seldom elsewhere in public places, and there was little demand either for portable ones: see Turner 2019: 110–11, 114–17.

⁷⁷ *ODCC* s. v. bells.

⁷⁸ Of the inscriptions studied by Ehrlich 2012, the latest datable ones are from the late fourth and early fifth centuries: see Ehrlich 2012: 30–34.

⁷⁹ Frumer 2018: 39.

⁸⁰ Frumer 2018: 6.

⁸¹ Frumer 2018: 43–44. Note the finding of the expert collector Drummond Roberston 1931: 229): “...no two clocks are identical, so far as my observation has gone” (for Rome, cf. note 60 above).

⁸² According to contemporary advocates for change, it was “too convoluted and inelegant in its irregularity and was therefore too complex for commoners to understand; and ... contained instructions for divinational practices, which scholars deemed detrimental to popular morality” (Frumer 2018: 184).

⁸³ Frumer 2018: 188–95.

⁸⁴ Tanaka 2004: 5–17; Sherman 2019: 65–76, 258–63.

In contrast to the Japanese experience, no alternative system ever challenged Roman consciousness of time in daily life, but there is still ample scope for instructive comparison of the two societies' practices. In any case, Romans' preoccupation with knowing the hour to an extent unprecedented in the societies of the ancient Mediterranean and Near East demands fresh attention. Here the concern expressed by Anthony Turner in 1985 remains valid:

We are rich in treatises on how to make and use sun-dials, and well supplied with catalogues of surviving examples in public and private collections. But in historical analysis of this material we are poor in the extreme.⁸⁵

Richard J.A. Talbert
University of North Carolina,
Chapel Hill

BIBLIOGRAPHY

- Bablitz 2007 — Bablitz, L. *Actors and Audience in the Roman Courtroom*. London and New York: Routledge, 2007.
- Balsdon 1969 — Balsdon, J.P.V.D. *Life and Leisure in Ancient Rome*. London: Bodley Head, 1969.
- Beagon 2005 — Beagon, M. *The Elder Pliny on the Human Animal: Natural History Book 7*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Bond 2016 — Bond, S.E. *Trade and Taboo: Disreputable Professions in the Roman Mediterranean*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2016.
- Bonnin 2015 — Bonnin, J. *La mesure du temps dans l'Antiquité*. Paris: Belles Lettres, 2015.
- Bruun 2015 — Bruun, C. and Edmondson, J. (eds.). *The Oxford Handbook of Roman Epigraphy*. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Chanotis 2018 — Chanotis, A. (ed.). *La Nuit: Imaginaire et réalités nocturnes dans le monde gréco-romain*. Vandoeuvres: Fondation Hardt, 2018.
- Crawford 1996 — Crawford, M.H. (ed.). *Roman Statutes*. London: Institute of Classical Studies, 1996.
- Crawford et al. 2011 — Crawford, M.H., et al. (ed.). *Imagines Italicae: A Corpus of Italic Inscriptions*. London: Institute of Classical Studies, 2011.
- Dench 2018 — Dench, E. *Empires and Political Cultures in the Roman World*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- Dohrn-van Rossum 1996 — Dohrn-van Rossum, G. *History of the Hour: Clocks and Modern Temporal Orders*. Chicago and London: University of Chicago Press (originally published in German, 1992), 1996.

⁸⁵ 1985 conference paper published as Turner 1989: 303. He informs me that a multi-author *General History of Horology* edited by him is to be published by Oxford University Press.

- Dossey 2018 — Dossey, L. “Shedding Light on the Late Antique Night.” In Chaniotis (2018) 293–322.
- Dunbabin 2019 — Dunbabin, K.M.D. et al. “The Man Who Came Late to Dinner. A Sundial, a Raven, and a Missed Dinner Party on a Mosaic at Tarsus,” *JRA* 32 (2019): 329–58.
- Ehrlich 2012 — Ehrlich, S.D. “*Horae* in Roman Funerary Inscriptions.” M.A. thesis, University of Western Ontario, 2012.
- Englund 1988 — Englund, R.K. “Administrative Timekeeping in Ancient Mesopotamia,” *JESHO* 31 (1988): 121–85.
- Fagan 1999 — Fagan, G.G. *Bathing in Public in the Roman World*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999.
- Fagan 2011 — Fagan, G.G. *The Lure of the Arena: Social Psychology and the Crowd at the Roman Games*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Feeney 2010 — Feeney, D. “Time and Calendar.” In *The Oxford Handbook of Roman Studies*, ed. A. Barchiesi and W. Scheidel, 882–94. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Freyburger, Chevallier 2019 — Freyburger, G. and Chevallier, A.-M. (ed., trans.), Censorinus, *Le Jour Anniversaire de la Naissance*. Paris: Belles Lettres, 2019.
- Frumer 2018 — Frumer, Y. *Making Time: Astronomical Time Measurement in Tokugawa Japan*. Chicago and London: University of Chicago Press, 2018.
- Glennie, Thrift 2005 — Glennie, P. and Thrift, N. “Revolutions in the Times: Clocks and the Temporal Structures of Everyday Life.” In *Geography and Revolution*, ed. D.N. Livingstone and C.W.J. Withers, 160–98. Chicago and London: University of Chicago Press, 2005.
- Glennie, Thrift 2009 — Glennie, P. and Thrift, N. *Shaping the Day: A History of Timekeeping in England and Wales 1300–1800*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Gordon 1983 — Gordon, A.E. *Illustrated Introduction to Latin Epigraphy*. Berkeley: University of California Press, 1983.
- Gratwick 1979 — Gratwick, A.S. “Sundials, Parasites, and Girls from Boeotia,” *CQ* 29.2 (1979): 308–23.
- Hannah 2009 — Hannah, R. *Time in Antiquity*. London and New York: Routledge, 2009.
- Higton 2002 — Higton, H. *Sundials at Greenwich: A Catalogue of the Sundials, Nocturnals and Horary Quadrants in the National Maritime Museum, Greenwich*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Houston 2015 — Houston, G.W. “Using Sundials.” In *Aspects of Ancient Institutions and Geography: Studies in Honor of Richard J.A. Talbert*, ed. L.L. Brice and D. Slootjes, 298–313. Leiden and Boston: Brill, 2015.
- Janni 1984 — Janni, P. *La Mappa e il Periplo: Cartografia antica e spazio odologico*. Rome: Bretschneider, 1984.
- Jones 2016 — Jones, A. (ed.). *Time and Cosmos in Greco-Roman Antiquity*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2016.

- Kadish 2001 — Kadish, G.E. "Time." In *The Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt*, vol. 3, ed. D.B. Redford, 405–409. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Laurence 2007 — Laurence, R. *Roman Pompeii: Space and Society*. Ed. 2. London and New York: Routledge, 2007.
- Laurence 2013 — Laurence, R. "Traffic and Land Transportation In and Near Rome." In *The Cambridge Companion to Ancient Rome*, ed. P. Erdkamp, 246–61. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Le Goff 1980 — Le Goff, J. "Merchant's Time and Church's Time in the Middle Ages." In id., *Time, Work, & Culture in the Middle Ages*, 29–42 (trans. A. Goldhammer). Chicago and London: Chicago University Press (originally published in French, 1960), 1980.
- Levine 1997 — Levine, R. *A Geography of Time: The Temporal Misadventures of a Social Psychologist, or How Every Culture Keeps Time Just a Little Bit Differently*. New York: Basic Books, 1997.
- Miller 2018 — Miller, K.J. "From Critical Days to Critical Hours: Galenic Refinements of Hippocratic Models," *TAPhA* 148.1 (2018): 11–38.
- Nicholls 2017 — Nicholls, M. "Libraries and Communication in the Ancient World." In *Mercury's Wings: Exploring Modes of Communication in the Ancient World*, ed. F.S. Naiden and R.J.A. Talbert, 23–44. Oxford: Oxford University Press, 2017.
- Ogle 2015 — Ogle, V. *The Global Transformation of Time 1870–1950*. Cambridge, MA, and London: Harvard University Press, 2015.
- Podossinov, Chekin 1991 — Podossinov, A.V. and Chekin, L.S. "Extended Review of *The History of Cartography, vol. 1 Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean*, eds. J.B. Harley and D. Woodward (Chicago and London: University of Chicago Press, 1987)," *Imago Mundi* 43 (1991): 112–23.
- Remijsen 2007 — Remijsen, S. "The Postal Service and the Hour as a Unit of Time in Antiquity," *Historia* 56.2 (2007): 127–40.
- Riggsby 2017 — Riggsby, A.M. "Review of Talbert (2017)," *BMCR* 2017.09.56.
- Riggsby 2019 — Riggsby, A.M. *Mosaics of Knowledge: Representing Information in the Roman World*. Oxford: Oxford University Press, 2019.
- Robertson 1931 — Robertson, J.D. *The Evolution of Clockwork, with a Special Section on the Clocks of Japan*. London: Cassell, 1931.
- Schomberg 2018 — Schomberg, A. "The Karnak Clepsydra and its Successors: Egypt's Contribution to the Invention of Time Measurement." In *Water Management in Ancient Civilizations*, ed. J. Berking, 321–46. Berlin: Edition Topoi, 2018.
- Shaw 1982 — Shaw, B.D. "Lamasba: An Ancient Irrigation Community." *AntAfr* 18 (1982): 61–103.
- Shaw 2011 — Shaw, B.D. *Sacred Violence: African Christians and Sectarian Hatred in the Age of Augustine*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Sherman 2019 — Sherman, A. *The Bells of Old Tokyo: Travels in Japanese Time*. New York: Picador, 2019.

- Stutzinger 2001 — Stutzinger, D. *Eine römische Wasserauslaufuhr*. Berlin: Kulturstiftung der Länder, 2001.
- Talbert 2017 — Talbert, R.J.A. *Roman Portable Sundials: The Empire in Your Hand*. Oxford: Oxford University Press, 2017.
- Talbert 2019 — Talbert, R.J.A. “A Lost Sundial Found, and the Role of the Hour in Roman Daily Life,” *Indo-European Linguistics and Classical Philology* 23 (2019): 971–88.
- Tanaka 2004 — Tanaka, S. *New Times in Modern Japan*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2004.
- Turner 1989 — Turner, A.J. “Sun-dials: History and Classification,” *History of Science* 27 (1989): 303–18.
- Turner 2012 — Turner, A.J. “Review of Glennie and Thrift (2009),” *EHR* 127 (2012): 1217–19.
- Turner 2019 — Turner, A.J. “A Mingling of Traditions: Aspects of Dialling in Islam.” In *Scientific Instruments between East and West*, ed. N. Brown, S. Ackermann, F. Günergun, 108–21. Leiden and Boston: Brill, 2019.
- Wilson 2018 — Wilson, A. “Roman Nightlife.” In *Chaniotis* (2018) 59–81.
- Winter 2013 — Winter, E. *Zeitzeichen: Zur Entwicklung und Verwendung antiker Zeitmesser*. Berlin and Boston: De Gruyter, 2013.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ СУТОК В ДРЕВНЕМ РИМЕ В ШИРОКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

РИЧАРД ДЖ.А. ТАЛБЕРТ

Резюме: На основе методов сравнительной истории и социальной психологии в статье рассматривается вопрос об определении времени суток в Древнем Риме. Этот феномен относится исключительно к римской традиции и существовал задолго до распространения подобной практики в Европе XIV–XV вв. Статья состоит из четырех разделов. Опираясь на античные эпиграфические свидетельства, автор показывает, что не следует ограничивать применение этой практики сугубо городским контекстом и кругом элиты, или же использованием одного или двух часов из двенадцати; также не играет роли, идет ли речь о сезонных часах или различающихся по протяженности. Во втором разделе автор статьи приводит сравнительные примеры, свидетельствующие о недостаточном внимании к измерению времени суток в древних цивилизациях Ближнего Востока, Египта и Греции. В третьем разделе обсуждаются предположительные способы, посредством которых комплекс знаний об определении времени проник в Рим, а также, каким образом, когда именно и по какой причине эти знания распространились по всему римскому миру и сохранялись на протяжении многих веков. И, наконец, в последнем, четвертом разделе речь заходит о сопоставлении уровня знаний сезонных часов в Древнем Риме и в средневековой Японии.

Ключевые слова: час, Япония, Древний Рим, социальная психология, солнечные часы, время суток.

Ричард Дж.А. Талберт,
профессор Университета
Северной Каролины в Чапел Хилле

ПОЭТИКА ОРУЖИЯ В «ЭНЕИДЕ» ВЕРГИЛИЯ*

Т.Ф. ТЕПЕРИК

Резюме: Отличия между изображением оружия в произведениях античной литературе обусловлены не только различными жанровыми возможностями (наличием авторской речи в эпосе или отсутствием ее в драме и т. д.), но и различными художественными задачами. Так, и в эпосе Гомера, и в эпосе Вергилия мотив оружия весьма выразителен, и в этом вопросе автор «Энеиды», казалось бы, всецело ориентируется на Гомера. Однако, анализ связи мотива оружия с поэтикой поведения эпического героя показывает, что его роль в «Энеиде» гораздо выше, мотив оружия теснее связан с другими мотивами поэмы, а, кроме того, является характерологическим средством, становясь как индикатором психологического состояния персонажей в конкретный момент, так и одним из маркеров их внутреннего мира в целом.

Ключевые слова: оружие, поэтика, образ, герой, жанр, автор, внутренний мир, классицизм.

Когда Проперций писал, что рождается «нечто выше самой «Илиады», то он заложил тем самым модель сравнения между двумя великими поэмами античности, и всякий раз, когда мы говорим об «Энеиде», мы не можем не вспомнить о Гомере. Это касается многих мотивов поэмы Вергилия, в том числе, и мотива оружия, хотя в гомеровском эпосе лексика оружия разнообразнее. Отчасти это связано с тем, что гомеровская лексика сама по себе богаче синонимами, отчасти, с тем, что изображению процесса вооружения героев у Гомера уделено большее внимание. Оружие в греческом эпосе связано с идеалом эпической доблести, входя в эпитеты («шлемоблещущий Гектор»!) и являясь одной из примет героического стиля¹. В «Илиаде» (в чем еще её отличие от «Энеиды») герои обмениваются оружием на поединках, исход которых не всегда зависит от качества доспехов², занимающих по отношению к «оружию» как бы положение подмножества, то есть доспехи в концепт оружия входят, но не наоборот.

Щит Ахилла описывается так детально еще и потому, что его пришлось выковыривать заново, поскольку собственными доспехами Ахилла, снятыми с уби-

* Данная статья представляет собой расширенный вариант доклада, сделанного 30 января 2019 г. на XXI «Сергеевских чтениях» в МГУ имени М.В. Ломоносова.

¹ Лосев 2019: 160.

² Так, на Патрокле в момент его гибели были доспехи Ахилла, и на Гекторе, в момент уже его гибели, были они же.

того Патрокла, завладел Гектор. Позже эти доспехи будут сняты Ахиллом с убитого Гектора, и поскольку в «Илиаде» обе стороны стремятся завладеть доспехами поверженного врага, это, как и ситуации гибели героев, и описывается часто с помощью формул, то есть выражений, где всё фиксировано: сами слова, их последовательность, метрика, и т.д.³. «Прянул на землю, доспехи на нем зазвенели» — типичная формула, описывающая смерть героя в бою, но всегда указывающая и на доспехи.

У Гомера оружие входит в эстетическую терминологию, являясь объектом эстетического любования, как и предметный мир в целом⁴, тем интереснее рассмотреть мотив оружия в поэме Вергилия, тем более что его новации относятся, как считается, к изображению как внешнего, так и внутреннего⁵. Действительно, сформировавшийся под влиянием неотериков, то есть римских александринов⁶, классицизм в Риме именно психологизацию эпического характера воспринял наиболее глубоко, как правило, это подтверждается изображением зарождающегося любовного чувства в Дидоне, а также, описанием чувств, в том числе аффектированных, и других персонажей⁷. Но если в самом изображении чувства, в его нюансах, в лирической струе, не доминирующей, но значимой для поэмы Вергилия⁸ можно увидеть влияние трагедии, то оружейной символики в трагедии в сравнении с эпосом меньше, поэтому закономерен вопрос: в какую группу входит оружие? Туда, где в «Энеиде» актуализируются гомеровские мотивы? Как, например при описании щита Энея, которое вызывает в памяти аналогичный сюжет со щитом Ахилла (сходство, лишь подтверждающее различие)⁹, как и каталог племен — аллюзия на гомеровский каталог кораблей. Или же описание оружия и доспехов, в целом опираясь на эпическую традицию, входит в систему художественных средств новой поэтики, поэтики римского классицизма, наиболее ярко представленной в «Энеиде»¹⁰? В нашу задачу входит не анализ лексики, не названий той или иной части доспехов, и т. д., а прежде всего *мотив оружия как комплекс художественных средств, то есть поэтика*.

М. фон Альбрехт обращает внимание на тот факт, что этот мотив актуализирован сильной позицией поэмы, её начальными строками: *Arma virumque canō* (*Verg. Aen. I.1*)¹¹, откуда тянутся линии ко всем значимым эпизодам «Эне-

³ Теперик 2014: 532.

⁴ Лосев 1996: 305.

⁵ Аверинцев 2005: 82–83.

⁶ Ошеров 1972: 327.

⁷ Лосев 2010: 129.

⁸ Лосев 2019: 408 обращает внимание на лирические сцены в «Илиаде», повлиявшие на «Энеиду».

⁹ Например, на щите Энея изображена битва при Акции, истолкованная Вергилием как битва между варварскими богами Египта и лучезарными божествами Рима. Морева-Вулих 2000: 253.

¹⁰ Морева-Вулих 2000: 94–11.

¹¹ Латинский текст рассматривался по изданию Virgil. vol. I (Eclogues. Georgics. Aeneid I–VI).

иды»¹². *Arma* здесь, как правило, переводится расширительно, как «брань» или «битвы»¹³, что, разумеется, принципами поэтического перевода допускается. Однако следует заметить, что в латинском языке для «битв» и «сражений» были и другие слова, и если — *arma* в первой строке «Энеиды» еще можно трактовать (и соответственно, переводить) широко, то есть ведь и другие контексты, где *arma* — это только *arma*, то есть это прежде всего оружие, а не ситуация, где его применяют¹⁴.

Среди этих контекстов есть очень выразительные, и если прибегнуть к технике медленного чтения, вспомнив, как писал М.Л. Гаспаров, что «у Вергилия нет мелочей»¹⁵, то многое видится иначе. Например, это описания поединков, где сходство с гомеровскими чисто внешнее. Прежде всего, это поединки между неравными противниками, т. е. когда один из них явно сильнее другого. Это эпизоды, где главные герои, Эней и Турн, сталкиваются с более молодыми и менее опытными воинами, для Турна это Палант (*Aen.* X.474–509), для Энея — Лавс (*Aen.* X.810–831). На первый взгляд эти поединки одинаковы, и в том и в другом случае побеждает, что закономерно, не слабый, а сильный. Однако в чем именно его сила, ясно из деталей, которые вносят дополнительные нюансы не только в концепцию оружия, но и в концепцию образа эпического героя. Например, в поединке Турна с Палантом доспехи с убитого тела снимаются, в поединке Энея с Лавсом — нет. В одном случае сказано, что доспехи были не только красивыми, но и прочными, и если они не выдержали удара копья противника, то лишь потому, что удар врага был слишком сильным¹⁶. То есть и у молодых воинов оружие было разным, и более опытные воины действовали по-разному. Турн, после своего мощного удара, сразившего Паланта, союзника Энея, сына аркадского царя Эвандра, наступает на тело мертвого ногой, сопровождая свой жест неуважительными словами по отношению к убитому, его товарищам и его отцу (*Aen.* X.482–485). Эта сцена — яркий контраст по отношению к действиям Энея, который сначала просит уйти с дороги Лавса, рана которого смертельна лишь потому, что доспехи его оказались ненадежными (*levia arma* — *Aen.* X.817). Далее, Эней, не снимая с

Cambr. (Mass.) — L., 1938. Vol. II (*Aeneid VII–XII, Minor poems*). Cambr. (Mass.) — L., 1950 (Loeb Classical Library). Русский текст дан в переводе С.А. Ошерова, см. Вергилий 1979.

¹² фон Альбрехт 2004: 752.

¹³ Интересно, что В.Я. Брюсов, приверженец точного, или иначе, буквального перевода, переводит первые строки как «брань и героя пою», в то время как С.А. Ошеров, приверженец художественного перевода, переводит «битвы и мужа пою», что ближе к сказанному в первой строке «Энеиды».

¹⁴ Хотя Вергилий указывает на оружие и перед битвой: «Тевкры смотрят на них, с оружием стоя на стенах...» *Haec super e vallo prospectant Troes et armis / alta tenant...* (*Aen.* IX, 168–169).

¹⁵ Гаспаров 1995: 399.

¹⁶ ...*at clipeum, tot ferri terga, tot aeris, / quom pellis totiens obeat circumdata tauri, / vibranti cuspis medium transverberat ictu / loricaeque moras et pectus perforat ingens* «...В середину щита пришелся тяжелый / Турна удар, — и, пробив многослойную медь и железо / бычьей кожи порвав, одевавшие щит...» (*Aen.* X.482–485).

Лавса доспехов, собственными руками поднимает его с земли и отдает его тело товарищам. Все его невербальное поведение означает, что он жалеет своего молодого противника (*ingenuit miserans* — Аен. X.823). Как и полные уважения слова, обращенные к убитому.

Вергилий, что характерно, тоже испытывает чувства жалости к молодым воинам и к Паланту (Аен. X.507–508), и к Лавсу (Аен. X.791–793), что следует из авторских обращений к ним, прерывающих нарратив и вносящих еще одну лирическую струю в эпическую поэму¹⁷. Турн же, никогда не испытывая никакой жалости к убитым, украшает свою колесницу головами убитых врагов, и его воины поступают так же с убитыми Нисом и Эвриалом¹⁸, в чем, прежде всего, можно увидеть проявление дикости и варварства, следствие различия культур и цивилизаций.

Однако есть в этой кровожадности и индивидуальное, характерное для психологии конкретного персонажа¹⁹, поскольку задача Вергилия заключалась не только в том, чтобы воспеть добро, но и в том, чтобы обличить зло: в его время эпическое беспристрастие могло бы обернуться индифферентизмом²⁰. Поэтому, хотя на внешнем, сюжетном уровне, все выглядит почти таким же, как у Гомера, на деле многое предстаёт иным. Прежде всего, это касается антагонизма главным героям, который лишь выглядит как внешний, а не внутренний, тем более что даже эпитеты их могут совпадать, например, к обоим относится *furens*²¹. Однако *furens* — далеко не всегда именно «безумный», как не считал по-настоящему безумным Катилину Цицерон, когда спрашивал: *quam diu etiam furor iste tuus nos eludet?* И в «Энеиде» это скорее состояние неистовой ярости, сопутствующей битвам, где ведут себя главные противники по-разному, и это «разное» касается и их отношения к оружию, как к своему, так и к чужому. В этом также одно из отличий от Гомера, у которого не сказано, что Гектор проиграл, потому что оружие его было непрочным. И лук Одиссея был хорошим, даже слишком, для женихов, но так же, как их эпитеты нас не обманут, не обманут и эпитеты Турна, тем более, что главное качество героя нового типа, *pietas*, относится не к нему, а к Энею²².

Почему же решающий поединок (аллюзия на поединок Ахилла и Гектора в «Илиаде»)²³ Турн проиграл? И какова здесь роль оружия? В отличие от по-

¹⁷ Чистяков 2018: 220.

¹⁸ «...не узнать не могли несчастные тевкры / Вздетых на колья голов, истекавших черною кровью» (Аен. IX.471–472); «Тут же, — страшно глядеть, — подняв на копьях, выносят / Головы юных друзей, и толпой спешат италийцы» (Аен. IX.465–466).

¹⁹ Теперик 2019: 263–264.

²⁰ Элиот 2004: 293.

²¹ Лосев 2010: 129.

²² Элиот 2004: 289. Не случайно Турн все чаще рассматривается не как герой, умирающий за Италию, а как мятежник, восставший против богов, см. Stahl 1993:177.

²³ Гринцер 2008: 224, где автор обращает внимание на то, что этот поединок напоминает другой поединок в «Илиаде», а именно, поединок Ахилла с Энеем.

единка в «Илиаде», который не сопровождался никакими клятвами, и никаким договором, поединок в «Энеиде» — это поединок с условием: победитель получает Лавинию, победа одного — конец войне. Ничего похожего не было у Гомера, и война со смертью Гектора не окончилась. А со смертью Турна окончилась, потому что таковым было условие. В «Илиаде» Афине было позволено помогать Ахиллу, а Аполлону пришлось покинуть Гектора, но в «Энеиде» волей Юпитера всем богам пришлось поле сражения покинуть. Турн проиграл, прежде всего, морально, не выдержав груза ответственности, что показано изображением его невербального поведения, бледностью, потом, дрожью, и т. д. (Aen. XII. 219–221). Вот почему в решающем поединке, где все поставлено на карту, меч Турна ломается о доспехи Энея, ведь это вообще *не его меч*, а меч его возницы, Метиска. А свой он забыл:

В час, когда бой начался и Турн вскочил в колесницу
 Меч наследственный свой, как преданье гласит, позабыл он,
 И захватил второпях клинок возницы Метиска.

fama est praecipitem, cum prima in proelia iunctos
 conscendebat equos, patrio mucrone relicto,
 dum trepidat, ferrum aurigae rapuisse Metisci.

(Aen. XII.736–737)

В переводе акцент на спешке («второпях»), в подлиннике — на смятении, охватившем Турна перед началом поединка (*dum trepidat*). Точно так же, ворвавшись в лагерь троянцев, он забудет открыть ворота своим воинам, что позволит автору заметить:

Если бы вспомнил в тот миг о воротах Турн-победитель,
 Если б затворы взломал и впустил соратников в лагерь
 Был бы последним тот день и для битвы, и для рода дарданцев

et si continuo victorem ea cura subisset,
 rumpere claustra manu sociosque immittere portis,
 ultimus ille dies bello gentique fuisset.

(Aen. IX.757–759)

Но если о воротах было забыто из-за увлечения процессом битвы больше, чем стремлением к результату, то в случае с последним поединком — по иной причине, что в подчеркивается в сравнении, опирающемся на «Илиаду»²⁴. Тот факт, что Турн забудет собственный меч, но не забудет надеть снятые с убитого Палланта доспехи, и станет для него роковым, о чем автор предупреждал уже в момент гибели Палланта (Aen. X.505–506). Так что актуализация в финале «Энеиды» мотива доспехов не случайна, и Эней в финале убивает своего

²⁴ Теперик 2009: 43.

противника, молящего о пощаде, не случайно, не в состоянии аффекта. Описано, как он колеблется, вначале намереваясь пощадить Турна, рана которого не смертельна, но взглянув на пояс, снятый с убитого друга, поражает царя рутулов. В контексте всех событий, Эней, очевидно, вспомнил не об убитом, а о своем долге перед отцом убитого, то есть о словах Эвандра, сказавшем, что Эней *должен* (употреблен глагол *debere* — Аен. XI.177) ему Турна. А о такого рода долге можно и забыть, настолько он чужд характеру главного героя²⁵, который воюет вынужденно, стремясь по возможности уладить дело миром. Но если перемирие вероломно нарушается — что остается?

Ключевую роль играет мотив оружия и в гибели доблестных Ниса и Эвриала, опять-таки, не в том, обычном смысле, в каком оружие значимо для битвы, хотя мотив доспехов возникает в самом начале этого эпизода:

С Нисом был Эвриал; ни в рядах энеадов, ни прежде
Воин такой красоты не носил троянских доспехов

et iuxta comes Euryalus, quo pulchrior alter
non fuit Aeneadum Troiana neque induit *arma*

(Аен. IX.179–180).

Посланные Асканием к Энею, друзья случайно натываются на отряд спящих италийцев, и поскольку оружие лежит отдельно от них («Люди вповалку лежат, и кувшины с вином, и оружие» *simul arma iacere, / vina simul* — Аен. IX.318–319), начинают беспрепятственно их убивать. Эвриал, остановленный Нисом («Видя, что друг обуян сверх меры жаждой убийства» *sensit enim nimia caede atque cupidine ferri* — Аен. IX.354), надевает пояс убитого им Рамнета (как и Турн- Палланта!), но не это станет причиной его гибели, а другой трофей — шлем Мессапа (Аен. IX.365). Поэтому когда отряду Вольцента «ударил в глаза лучом отраженным / Шлем и беспечного ношу выдал» (*et galea Euryalum sublustri noctis in umbra / prodidit immemorem radiisque adversa refulsit* — Аен. IX.373–374), вступившие в неравный бой друзья погибают. И хотя их последние героические минуты доказывают славу троянского оружия, по существу, этим и другими эпизодами, прежде всего — финалом поэмы, показано, что снятый с врага доспех, или даже только стремление к нему, может быть весьма опасным, причем для обеих сторон, и для троянцев, и для италийцев. Так гибнет и только погнавшаяся за чужим доспехом амазонка Камилла. Сначала говорится о самом доспехе: «бился меж тевкров Хлорей, блиставший доспехом фригийцев» (*Chloreus olimque insignis fulgebat in armis* — Аен. XI.769). Затем — о желании амазонки завладеть этим доспехом: «Женскую жадность разжег в ней убор драгоценный Хлорея» *femineo praedae et spoliorum ardebat amore* — Аен. XI.782). С военной точки зрения ни преследование Хлорея, ни

²⁵ Топоров 1993: 89.

убийство спящих италийцев особого смысла не имело, но стремление завладеть чужим доспехом, ставшее в одном случае следствием молодости героев, в другом того, что воительница — женщина, и стало для персонажей роковым. Наоборот, действия Аррунта, поразившего Камиллу, увлекшуюся погоней за Хлореем, вполне осознаны, о чем говорят его слова: «Мне не нужен доспех побежденной Камиллы, / Ни горделивый трофей, ни добыча» (*virginis aut spolia ulla peto* — Аен. XI.790–791), то есть ему важнее убить такого грозного врага, как главная союзница Турна, предводительница амазонок.

По существу, в «Энеиде» показано, что дело не только в самом оружии, но и в отношении персонажа к нему, что является проявлением каких-то важных личностных черт, а когда чужой доспех становится самоцелью, можно и проиграть. Снятый с врага доспех лишь символизирует удачу, он может стать важной частью триумфа²⁶, но сам по себе он еще не победа, и даже, как показано эпизодами, о которых сказано выше, может быть причиной поражения. Не только характер, но и возрастные и гендерные особенности персонажей определяют их поведение на войне — вот что, по существу, показано в «Энеиде».

Таким образом, мотив оружия, актуализированный как началом, так и финалом «Энеиды», имеет более выразительную семантику, чем в гомеровских поэмах, являясь той частью предметного мира, которая глубоко связана с миром внутренним. Воспринятый поэтикой римского классицизма от предшествующей эпике, мотив оружия у Вергилия функционирует иначе, будучи тесно связан с личностными чертами героев. Являясь одним из самых традиционных для эпоса, этот мотив переосмыслен, трансформирован в иную поэтику, где его роль не сводится к прославлению эпической доблести, имеющей равный смысл для всех. Сохраняя традиционное эпическое средство, Вергилий наполняет его новым содержанием, акцентируя отличия в отношении персонажей к оружию, что, в свою очередь, позволяет показать различные черты их характеров, которые и обеспечивают одним — победу, другим — поражение. И показано это так, что нельзя не признать безупречную правоту формулы С.С. Аверинцева, заметившего, что «Вергилий — не просто один из великих, не первый среди великих, а единственный «поэт римлян»»²⁷.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аверинцев 2005 — *Аверинцев С.С. Внешнее и внутреннее в поэзии Вергилия // Аверинцев С.С. Связь времен. М., 2005. С. 81–128.*

²⁶ Боровский 2009: 64.

²⁷ Аверинцев 2005: 82.

- ф. Альбрехт 2004 — *ф. Альбрехт М.* Вергилий // ф. Альбрехт М. История римской литературы. Т.2. М., 2004. С. 735–780.
- Вергилий 1979 — *Публий Вергилий Марон.* Буколики (пер. С.В. Шервинского). Георгики (пер. С.В. Шервинского). Энеида (пер. С.А. Ошерова). М., 1979 (Библиотека всемирной литературы).
- Боровский 2009 — *Боровский Я.М.* К Вергилию. Аен. IV 37–38 // Боровский Я.М. Opera philologica. СПб., 2009. С. 64–68.
- Гаспаров 1995 — *Гаспаров М.Л.* Вергилий, или Поэт будущего // Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М., 1995. С. 395–417.
- Гринцер 2008 — *Гринцер Н.П.* Статья Ахиллом, оставшись Энеем. Имя героя в финале «Энеиды» // *Natales grate numeras.* Сборник статей к 60-летию Г.А.Левинтона. СПб., 2008. С. 213–229.
- Лосев 1996 — *Лосев А.Ф.* Гомер. М., 1996.
- Лосев 2010 — *Лосев А.Ф.* Цицерон и Вергилий // Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика. Сост., подготовка текста, общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. М., 2010. С. 109–134.
- Лосев 2019 — *Лосев А.Ф.* Учение о стиле. М.; СПб., 2019.
- Морева-Вулих 2000 — *Морева-Вулих Н.В.* Римский классицизм. СПб, 2000.
- Ошеров 1972 — *Ошеров С.А.* История, судьба и человек в «Энеиде» Вергилия // Античность и современность. К 80-летию Ф.А.Петровского. М., 1972. С. 317–329.
- Тахо-Годи 1973 — *Тахо-Годи А.А.* Хтонические мотивы в «Энеиде» Вергилия как один из признаков стиля // Вопросы классической филологии. Вып.5. М., 1973. С. 90–107.
- Теперик 2009 — *Теперик Т.Ф.* Сравнение как форма авторского присутствия: текст и интертекст сновидения (на материале «Энеиды» Вергилия) // Литература XX века. Итоги и перспективы изучения. Материалы седьмых Андреевских чтений. М., 2009. С. 39–44.
- Теперик 2014 — *Теперик Т.Ф.* Гомеровские формулы в переводах русских поэтов // V Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2014. С. 532–556.
- Теперик 2019 — *Теперик Т.Ф.* В дополнение к лосевской концепции поэтики психологизма (на материале «Энеиды» Вергилия) // Философ и его время: К 125-летию со дня рождения А.Ф. Лосева. XVI Лосевские чтения. М., 2019. С. 255–264.
- Топоров 1993 — *Топоров В.Н.* Эней — человек судьбы. К «средиземноморской» персонологии. Часть I. М., 1993.
- Чистяков 2018 — *Чистяков Г.П.* Энеида Вергилия // Чистяков Г.П. Беседы о литературе: Запад. М.; СПб., 2018. С. 212–220.
- Элиот 2004 — *Элиот Т.* Вергилий и христианский мир (пер. Н.А.Старостиной) // Элиот Томас. Избранное: Религия, культура, литература. М., 2004. С. 282–295.

Stahl 1993 — *Stahl H.-P.* The Death of Turnus: Augustian Virgil and the Political Rival // Between Republic and Empire. Interpretation of Augustus and his Principate / Ed. by K.A. Raaflaub and M.Toher. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1993.

POETICS OF ARMAMENTS IN VIRGIL'S AENEID

TAMARA F. ТЕПЕРИК

Abstract: Differences in descriptions of armaments in diverse genres of the literature of classical antiquity are determined not only by different genre' capabilities (presence of direct author's speech in epic or its absence in drama, etc.), but also by different artistic goals. Say, both in Homer's and in Virgil' epics, an armaments motive is equally quite distinct, and it looks like in this Aeneid' author wholly follows Homer. But close analysis of connections between weapons poetics and poetics of action of an epic hero demonstrates that its role in Aeneid is more important and is closer connected with other motives of the poem, and, more to that, carries the function of the characterization tool, serving both as an indicator of hero's psychological condition, and as one of the markers scoring the state of his internal world in general.

Keywords: weapons, arms, poetics, image, hero, genre, author, internal world, classicism.

Тамара Федоровна Теперик
доктор филологических наук,
доцент кафедры классической филологии
МГУ имени М.В. Ломоносова

РИМСКИЕ БРОНЗОВЫЕ СОСУДЫ С МЕДАЛЬОНАМИ С ФИГУРНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ИЗ САРМАТИИ*

М.Ю. ТРЕЙСТЕР

Резюме: О том, что некоторые бронзовые сосуды раннеимператорского времени, в первую очередь, тазы и патеры, украшались медальонами, неоднократно писалось, однако никто не сделал сводку таких сосудов. Автор впервые дает обзор находок таких сосудов на территории Италии и римских провинций, Европейского барбарикума и Сарматии. Специально анализируются находки тазов и патер с медальонами из сарматских погребений I в. н. э. в Нижнем Подонье и Закубанье, а также из склепа Усть-Альминского могильника в Юго-Западном Крыму. Анализ сюжетов показал преобладание дионисийских мотивов, прежде всего, изображений Эрота, наряду с которыми встречались и отдельные изображения (сфинкс), и пасторальные, и мифологические сцены. Обращает на себя внимание уникальный характер многих композиций, в том числе сцен на крупных медальонах тазов с изображением пьяного Силена на муле и спасения впавшего в безумие Ореста. Практически все сюжеты не имеют точных аналогий не только в произведениях торевтики, но и в других категориях греческого и римского искусства, что отчасти объясняется и технологией изготовления медальонов, богато украшенных инкрустациями из серебра, которые превращали изначально довольно обыденные вещи в предметы престижа, поднимая и их материальную ценность, и, вероятно, значимость в глазах потребителей.

Ключевые слова: римские бронзовые тазы и патеры с медальонами, Римская империя, Сарматия, Нижнее Подонье, Прикубанье, Крым, мотивы медальонов: мифологические, дионисийские, пасторальные.

* Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РГНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н. э. — III в. н. э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны — Б.А. Раев. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев, в которых хранятся рассмотренные в статье китайские предметы: М.Е. Филимоновой и И.Р. Гусач (АИАПМЗ, Азов); Н.В. Хабаровой†, А.В. Жадаевой (ВОКМ, Волгоград), С.А. Науменко и Н.С. Щербаковой (АМЗТ, Танаис), И.П. Засецкой, Е.Ф. Корольковой и С.В. Воронятову (Государственный Эрмитаж). Особая благодарность Ю.П. Зайцеву (Симферополь) за предоставление фотографий патеры из Усть-Альминского могильника.

1. Введение. Римские бронзовые сосуды с медальонами

О том, что некоторые бронзовые сосуды раннеимператорского времени, в первую очередь, тазы и патеры, украшались впаянными в дно медальонами, неоднократно писалось¹, однако, никто и никогда не сделал сводку таких сосудов. В лучшем случае отмечалось, что преимущественно это изображения мифологических сюжетов, а жанровые сцены встречаются реже². Д. Вильямс добавляет к этому перечню эротические сцены³.

Нами учтено 10 бронзовых тазов с медальонами, шесть из которых найдены в Помпеях⁴. Два таза происходят из царских (княжеских) погребений I в. н. э. в Северной Европе (Хоби)⁵ и в Судане (Мероэ, гробница Аманихаташан, правящей царицы Куша, ок. 62–85 гг.)⁶ и, наконец, еще два были найдены в погребениях сарматов: один — в Закубанье и один — в Нижнем Подонье (рис. 1).

Значительно чаще медальонами украшались бронзовые патеры — нам известно 39 примеров (кроме того — две бронзовые Griffschale типа А), причем для 30 из них (32 с учетом Griffschale) известно происхождение. Значительная их часть (шесть и отдельный медальон из Нижнего Подонья (могильник Валовый-I) происходят из погребений кочевников Закубанья, Нижнего Подонья, междуречья Дона и Волги, а также Усть-Альминского могильника в Юго-Западном Крыму (рис. 1)⁷.

Другие известные находки происходят также, как и тазы, в основном, из Помпей и окрестностей (5 экз.⁸), из двух княжеских погребений II в. н. э. на территории Бельгии⁹, из Франции — Нёви-Пайу (Эндр)¹⁰ — и из набора рим-

¹ Yadin 1963: 58–62; Nuber 1972: 48, Anm. 263; Henig 1983: 150–151; Williams 2015: 170.

² Nuber 1972: 48.

³ Williams 2015: 170, 191, notes 105–109.

⁴ 1) Tassinari 1993: 205, S2121, no. 3641. Фото таза и ручек см. Tassinari 1993: tav. CXL. — 2) Museo Borbonico IV, 1827: tav. XXVIII, 5–6; Tarbell 1909: 131, no. 195, pl. 93; Stefanelli 1990: 107, fig. 55. — 3) Tarbell 1909: 130, no. 188, pl. 90. — 4) Museo Borbonico VI, 1830: tav. LXIII, 2, 3; Tarbell 1909: 130–131, no. 189, pl. 91. — 5) Museo Borbonico IV, 1827: tav. XXVIII, 1–4; Tarbell 1909: 131, no. 192, pl. 90; Stefanelli 1990: 107, fig. 55. — 6) Tarbell 1909: 131, no. 194, pl. 90.

⁵ Lund Hansen 1987: 403; Lund Hansen, Bollingberg 1995: 166, fig. 1; Cat. Milan 1997: 92–93, no. 76; 97 (ills); Grane 2007a: 86–87; 2007b: 33, fig. 13; 155; 2013: 359, 360, ill. 22.1; Ekengren 2009: 72–73, fig. 3.16; 238, no. 47.

⁶ Dunham 1957: 149, no. 643, fig. 97, pl. LIV, c–d; Comstock, Vermeule 1971: 334–336, no. 472; Pfrommer 1985: 13, Abb. 3.

⁷ Склеп No 620/1996: Loboda et al. 2002: 337, Abb. 21, 8; Кат. Киев 2005: 17, 36; Пуздровский 2007: 168, 426, рис. 152, 3; вклейка 3, 7; Puzdrovskij 2013: 310, Nr. VII.48; Jilek 2015: 173.

⁸ Помпеи: 1) Tassinari 1993: 139, H2322, no. 1928. — 2) Tassinari 1993: 139, H2322, no. 10282, tav. CXVII. — 3) Tassinari 1993: 139, H2322, no. 11654. — 4) Боскореале, Вилла Пизанелла: Walters 1899: 162, no. 882, pl. XV; Neubauer 1927: Taf. XXVI, 2; Yadin 1963: 62, pl. 27 сверху в центре и справа; Nuber 1972: 48, Anm. 263; 194, Liste EV, b5; LIMC VIII Suppl., 1997, 1142, s. v. Scylla I, no. 54 (M.-O. Jentel); Schütz 2013: 27; Williams 2015: 191, note 106. — 5) Tarbell 1909: 134, no. 211; Nuber 1972: 48, Anm. 263 (датирует временем Флавиев), 194, Liste EV, d.1.

⁹ Тинен-Авендорен (Тирлемон): Mertens 1952: 46–49, no. 3, fig. 4, pls. I, 2; II; Nuber 1972: 48, Anm. 263; 193, 212, Liste EV b.1; Grabliste 49; Faider-Feytmans 1979: 179–180, no. 368, pl. 147; Schütz 2013: 27. —

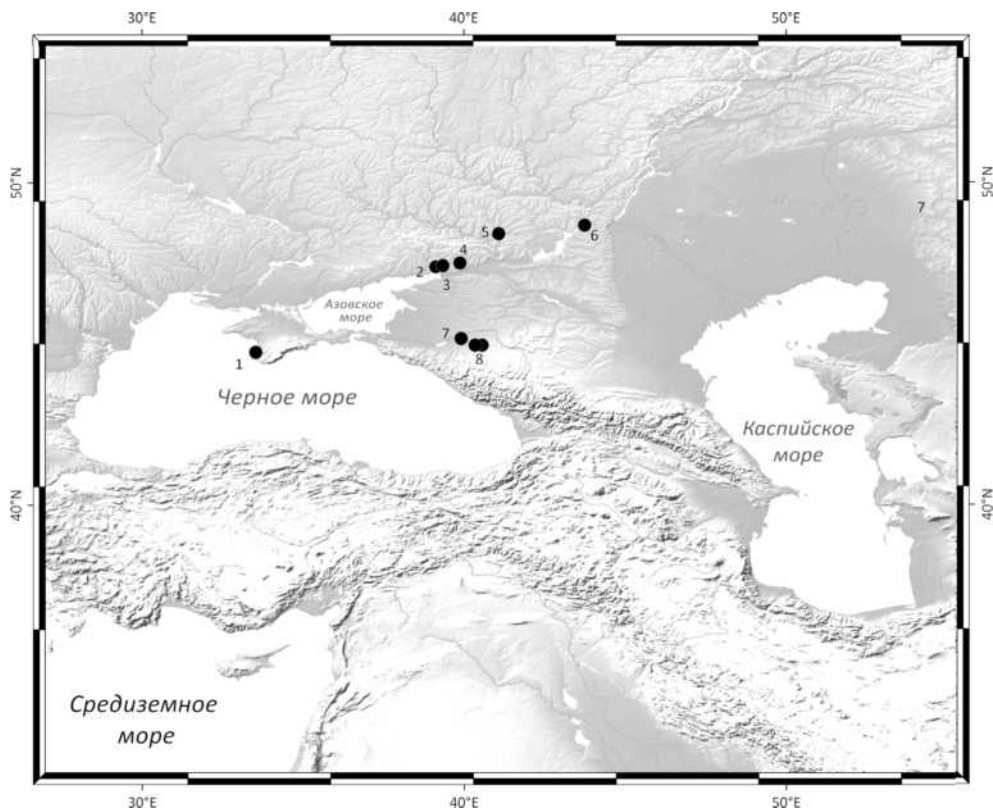

Рис. 1. Распространение бронзовых тазов и патер с медальонами в Северном Причерноморье и Сарматии.

1 — Усть-Альма, 2 — «Царский», 3 — Валовый-I, 4 — Соколовский, 5 — Сладковский, 6 — Вербовский-II, 7 — Некрасовская, 8 — Михайловская.
Карта — М.Ю. Трейстер, 2019, подоснова — Г.П. Гарбузов

ской бронзовой посуды, обнаруженного в Пещере свитков в Израиле (время восстания Бар Кохбы 132–135 гг.)¹¹ и из Тафаса (древний Дион в Декаполисе) в Сирии¹². Вероятно, патере принадлежал отдельный медальон, найденный в Палимли (турецкая Фракия) в кургане с погребением I–II в. н. э.¹³ Эти медальоны точно или с наибольшей вероятностью украшали патеры типа E (Миллинген), по классификации Х.-У. Нубера.

Буа-э-Борсу, гробница II: Nuber 1972: 193, 213, Liste EV b.2; Grabliste 49; Faider-Feytmans 1979: 183, no. 375, pl. 154–155; Schütz 2013: 26–27, fig. 20, I: 21, 23.

¹⁰ de Ridder 1915: p. 178, no. 3469.

¹¹ Yadin 1963: 58–62, pl. 17, fig. 16; Nuber 1972: 48, 49, Abb. 6; 194, Liste EV.b.10; Cat. London 2008: 96, fig. 90; Schütz 2013: 27.

¹² Dussaud 1924: 212–215, pl. 54; Yadin 1963: 63; Nuber 1972: 194, E.Vcl; 218, Nr. 147.

¹³ Onurkan 1988: 44–45, no. 40, pl. 23, a.

В отдельную категорию выделяют так наз. Griffschale, среди которых известно по одному экземпляру с медальонами — на сосудах типа А — из погребения, открытого в Приене в 1897 г., которое датируется скорее около середины I в. н. э., чем началом столетия¹⁴, и В — из Геркуланума¹⁵.

К другой группе патер, выделенных в тип F (Аликария), относятся патеры с медальонами из Аликарии (Каменара), в районе Анхиало, Поморье¹⁶, Горско Абланово¹⁷, Михайлово, курган Бакалова могила II в. н. э.¹⁸ в Болгарии, Инота — в Венгрии¹⁹, Кальсдорфа в Австрии²⁰, а также из кремации № 25 в Стенстеде²¹ и погребения 6635 в Толлгейт²² — в Англии.

Патеры типа G (Кантербери) с известным происхождением, украшенные медальонами, были найдены на дне р. Соны, на уровне о. Барб²³, в Райнау-Бух в земле Баден-Вюртемберг в Германии²⁴, в кладе из Цель-ам-Зее в Австрии²⁵ и, предположительно, в Сирии²⁶.

Медальоны и тазов, и патер, указанных выше, были отлиты вместе с туловом сосуда с последующей доработкой чеканкой, гравировкой и инкрустацией. Значительная часть медальонов украшены вставками серебра, что свидетельствует о высоком техническом уровне исполнения, который безусловно выделялся среди общей массы бронзовых сосудов без дополнительного декора, а также о стоимости сосудов и их статусном характере. На этом фоне выделяются лишь отдельные находки медальонов вторичного использования (в качестве фаларов) из погребения первой половиной I в. н. э. № 9/1991 некрополя Цемдолины под Новороссийском²⁷, которые явно припаивались ко дну

¹⁴ Wiegand, Schrader 1894: 282–283, Abb. 295–296; Nuber 1972: 47, 193, Liste EII, a.1, Taf. 6; 218, Grabliste 141; Bayer-Niemeier 1983: 100; Raeder 1983: 40, Nr. 116, Abb. 25; Antikenmuseum Berlin 1988: 192–193, Nr. 2; Petrzovsky, Stupperich 2002: 12, 22, 36, Griffschale, Typ A, Nr. 1, Taf. 34.

¹⁵ Tarbell 1909: 134, no. 214, pl. 99; Spinazolla 1928: tav. 264; Nuber 1972: 193, Liste E II, b.2; Stefanelli 1990: 125, fig. 71; Petrzovsky, Stupperich 2002: 12, 37, Griffschale, Typ B, Nr. 8, Taf. 39.

¹⁶ Велков 1928/29a: 28–29, рис. 30–31; Nuber 1972: 55, Anm. 305; 199, FI 12; 218, Nr. 147; Raev 1977a: 609, 635, No I; Кат. София 1984: No 311 (илл.); Szabó 1990a: 410; Szabó 1999: 475, Nr. 12; Sedlmayer 1999: 50; Nenova-Merdjanova 2011: 118, fig. 6a; 124, 129, fig. 26c.

¹⁷ Велков 1928/29b: 377, рис. 251; Nuber 1972: 55, Anm. 305; 199, FI 15; Raev 1977a: 609–610, 636–637, Nr. 29; Szabó 1990a: 410; Szabó 1999: 476, Nr. 15; Sedlmayer 1999: 50.

¹⁸ Raev 1977a: 610, 638, Nr. 51, Taf. 10, I; Кат. Стара Загора 1984: № 99.

¹⁹ Palágyi 1981: 13, 18, 24, 43; Taf. VII, 9; XX, 2; Szabó 1990a: 410 (датирует не ранее 50 г., вероятно второй половиной I в.); 1990b: 25–26, Nr. 18; 1999: 478–479, Nr. 22.

²⁰ Sedlmayer 1999: 46–52, Taf. 20, 1; Abb. 6.

²¹ Lundock 2014: 131, 132, fig. 4.19.

²² Allen *et al.* 2012: 365, fig. 4.27; Lundock 2014: 147, 148, fig. 4.32.

²³ 1) Armand-Caillat 1959: 65–72, figs. 1; 3; Nuber 1972: 64, Anm. 349; 200, Liste G, Ia.1; Boucher, Tassinari 1976: 122–123, no. 138. — 2) Armand-Caillat 1959: 72–76, figs. 5–6; Boucher, Tassinari 1976: 124, no. 139.

²⁴ Nuber 1988: 116, Abb. 99.

²⁵ Sedlmayer 1999: 52, Taf. 21, I; 152, Abb. 19; 166.

²⁶ Parrot 1963: 249–251, pl. XX; Nuber 1972: 64, Anm. 349; 200, Liste G, Ia.10.

²⁷ Malyšev, Treister 1994: 47, Abb. 6–7; 49–53, Nr. 4, Taf. 3; Malyšev, Treister 1994, 32, fig. 3a–c; Treister 1999: 568, fig. 4; 2001: 339–340, fig. 133; Довгалюк, Мальшев 2008: 24–26, No 19–20, рис. 17; Трейстер 2008: 184–185; Marčenko, Limberis 2008: 280, 346, Nr. 32.7, Taf. 62, I–2.

Рис. 2. Бронзовый таз из кургана № 3/1905 у ст. Некрасовская.
Государственный Эрмитаж, инв. № 2244/24 (по: Marčenko, Limberis 2008: Taf. 90, 3)

сосуда, подобно тому, как украшались медальонами серебряные чаши и блюда эпохи эллинизма и Ранней Империи.

2. Римские бронзовые тазы и патеры с медальонами в Сарматии

Ниже мы рассмотрим находки бронзовых тазов и патер с медальонами, а также отдельные находки медальонов из сарматских погребений.

Таз из кургана № 3/1905 у ст. Некрасовская (рис. 2–3)²⁸ относится к типу *Eggers 97 (Хоби) / Tassinari S3100*²⁹. Определение «тип Хоби» восходит к находке такого таза в княжеском погребении в Хоби в Дании³⁰. Такие тазы, имеющие эллинистические прототипы, обычно датировали между 50 и 150 гг. н. э., при этом исследователи вслед за А. Радноти предполагали, что наиболее богато украшенные экземпляры являются италийской продукцией I в. н. э., а ко II в. н. э. относятся более простые экземпляры, возможно изготовленные в мастерских Галлии³¹. Многочисленные находки ручек таких тазов в Магдаленсберге указывают на их появление ранее середины I в. н. э. и возможное производство таких тазов в Норике³². Также и в Аванше находки ручек таких тазов происходят из комплексов с керамикой, датирующейся 30–40 гг. н. э.³³ Временем Тиберия–Клавдия датируется погребение № 33 некрополя Локарно-Муральто в Тессине³⁴, а погребение в Шассенаре в Галлии датируют временем правления Калигулы³⁵. Соответственно, восходящие к высказанному без какого либо серьезного обоснования Б.В. Фармаковским мнению о датировке таза III–II вв. до н. э. и повторяющиеся вплоть до наших дней некоторыми исследователями, датирующими таз II в. до н. э., не имеют никаких оснований³⁶.

Картографирование находок тазов этого типа показывает, что они концентрируются, прежде всего, в Северной Италии, Норике, Рейнской области, Галлии, а также во Фракии³⁷. В комплексах Азиатской Сарматии извест-

²⁸ ОАК за 1905 г.: 73, рис. 95; Pharmakowsky 1906, 109–112, Abb. 1 (с ошибочной датировкой III–II вв. до н. э.); Robert 1919, 302–304, Abb. 224; Кат. Ленинград 1973: 102, № 264 (с очень широкой датировкой — II в. до н. э. — I в. н. э.); Кат. Ленинград 1980: 39, № 92; Junge 1983, 237, no. K 115 с ошибочной датировкой III–II вв. до н. э.; Гущина, Засецкая 1994: 29–30, рис. 11–12; 75, № 516; Goulyaeva 2000: 169, fig. 13; Bielefeld 2005: 173–174, Abb. 52 (с ошибочной датировкой II в. до н. э.); Marčenko, Limberis 2008: 279–280, Abb. 2, 339, 352–353, Nr. 61.1, Taf. 90, 3; Засецкая 2010: 287, 288, рис. 10.

²⁹ Eggers 1951: 168–169, Beil. 37, Taf. 10, 97; Tassinari 1993: 212, S3100.

³⁰ См. выше прим. 6.

³¹ Radnóti 1938, 131; Eggers 1951: 168–169, Beil. 37, Taf. 10, 97; Graue 1975: 205–207; Raev 1977a: 625; Kunow 1983: 22, 72; Holliger, Holliger 1985: 8; Wielowiejski 1985: 198–199; Tassinari 1993: 212, S3100.

³² Sedlmayer 1999: 59.

³³ Kapeller 2003: 89, 135–136, nos. 63–64, pl. 9.

³⁴ Simonett 1941: 94–95.

³⁵ Cat. Paris 1991: 76–77, no. 37; 105.

³⁶ См. выше прим. 29.

³⁷ Flügel 1993: 73, Anm. 147, 150; Nr. 57–63, Taf. 28; Feugère 1994: 145, Nr. 23, notes 40–43; Sedlmayer

Рис. 3. Бронзовый таз из кургана № 3/1905 у ст. Некрасовская. Деталь. Медальон. Государственный Эрмитаж, инв. № 2244/24 (по: Marčenko, Limberis 2008: 280, Abb. 2)

на находка таза рассматриваемого типа из погребения кургана № 14/1961 у хут. Кудинов в Нижнем Подонье³⁸. Качественная проработка ручек, богатый декор, использование инкрустации серебром, ставит таз из кургана № 14/1961 у хут. Кудинов в один ряд с лучшими образцами таких тазов, найденными в Помпеях³⁹. В кургане у ст. Некрасовская таз был найден в практически полностью ограбленном погребении, в его непо потревоженной части, в связи с чем более-менее точное определение даты погребения затруднено.

Второй таз, который относится к типу *Eggers 96 / Tassinari S2121*⁴⁰, был найден вместе с бронзовым кувшином⁴¹ в погребении № 1 кургана № 3/1970

1999: 60, Karte 8; Bienert 2007: 165–166, Anm. 1003 со списком находок. См. также новые находки во Фракии: Vozhkova, Delev 1999: 43–48, figs. 1–3.

³⁸ Кропоткин 1970: 92, No 788, рис. 55, 1; Raev 1986: 21–22, pl. 16; Глухов 2005: 17, рис. 13, 1.

³⁹ Ср. Tassinari 1993: 216, S 3110, no. 10728, tav. XXVIII, 3–4; no. 13344, tav. XXVIII, 1–2.

⁴⁰ Eggers 1951: 168–169, Beil. 37; Taf. 10, 96; Tassinari 1993: 204–205, S2121.

⁴¹ Трейстер 2019: 114–122 с лит., рис. 1–4.

1

2

3

Рис. 4. Бронзовый таз из кургана № 3/1970 Соколовского могильника. Общие виды.
Государственный Эрмитаж, инв. № 2645/16. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

1

2

Рис. 5. Бронзовый таз из кургана № 3/1970 Соколовского могильника. Детали.
Государственный Эрмитаж, инв. № 2645/16. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Соколовского могильника в окрестностях г. Новочеркасск (рис. 4–5)⁴², которое можно убедительно датировать последней третью I в. н. э.⁴³ Для этих тазов типа Голубице, названных по находке в Богемии⁴⁴, характерны ручки с атташами в форме ладоней руки (рис. 5, 2), генезис которых был подробно рассмотрен Б.А. Раевым⁴⁵. Находки таких тазов очень редки — они известны также в Помпеях⁴⁶, в Мевес (Ньевр) в Бургони (Франция)⁴⁷, а отдельная ручка происходит из Виндониссы⁴⁸. В погребениях кочевников Азиатской Сарматии найдено два таза этого типа, оба с утраченными поддонами: в Соколовском кургане № 3/1970 и в кургане № 13/1961 у хут. Кудинов⁴⁹.

Укажем также на отсутствие ручек рассматриваемых тазов из Прикубанья и Нижнего Подонья (а также утрату поддона таза из Соколовского кургана № 3) — признак, свидетельствующий об определенном времени их бытования. Это не единственные примеры римских бронзовых тазов в кочевническом погребении, найденных без ручек⁵⁰.

Найденные в сарматских погребениях бронзовые патеры с медальонами относятся к типам *Eggers 154, Nuber D* (Хагенау) и *Eggers 155, Nuber E* (Миллинген). Среди них нет ни одного экземпляра получивших широкое распространение в Западной Центральной Европе и на востоке Балканского полуострова патер типов Аликарии и Кентербери.

Две патеры (из погребений первой половины I в. н. э. № 1 кургана № 9/1999 могильника Вербовский-II в междуречье Дона и Волги [рис. 6–7]⁵¹ и № 14 кургана № 2/1982 у ст. Михайловская [рис. 8]⁵²) относятся к типу *Eggers 154 / Nuber D* (Хагенау). Трудно сказать, на чем основывался Б.А. Раев, датируя патеру из Михайловской временем не ранее II в. н. э.⁵³ — оснований для такой датировки нет никаких.

Вероятно также патеру типа Хагенау изначально украшал медальон, найденный во вторичном использовании (с двумя круглыми отверстиями, пробитыми по краям) в датирующемся не ранее середины II в. н. э. погребении № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовый-I (рис. 9). Авторы раско-

⁴² Раев 1972: 128–130; Raev 1986: 51–52; Клейн 2016, 121–125, 185–189.

⁴³ См. Трейстер 2019: 114 с лит.

⁴⁴ Sakař 1970: 29, fig. 20, 4, 6; Karasová 1998: 26, Karte X; Taf. III, 96; Drobejar 2006: 657, Abb. 39, 4.

⁴⁵ Раев 1974: 184–188, рис. 4; Raev 1986: 19–21, pl. 15.

⁴⁶ Tassinari 1993: 204, S2121, no. 5025; 205, S2121, nos. 3641, 1728.

⁴⁷ Boucher, Tassinari 1976: 113, no. 127.

⁴⁸ Holliger, Holliger 1985: 7–8, Nr. 68, Taf. 9.

⁴⁹ Raev 1974: 141, fig. 3; 1986: 18–21, pls. 13–14; Kat. Frankfurt 2003, 107, Nr. 70; Treister 2019: 317, fig. 4, 3.

⁵⁰ Treister 2019: 317.

⁵¹ Волгоград, ВОКМ, инв. № 32011/12: Мамонтов 2000: 169; 2004: 207–208; 2008: 175–176, рис. 7; Археологическое наследие 2013: 118 (илл. вверху), № 282.

⁵² Каминская и др. 1985: 229, рис. 5; Кат. Москва 2002: 132–133, № 623; Лимберис, Марченко 2006: 53, 60, № 12, рис. 9; Marčenko, Limberis 2008: 288, 339, Nr. 13.2, Taf. 22.

⁵³ Каминская и др. 1985: 233.

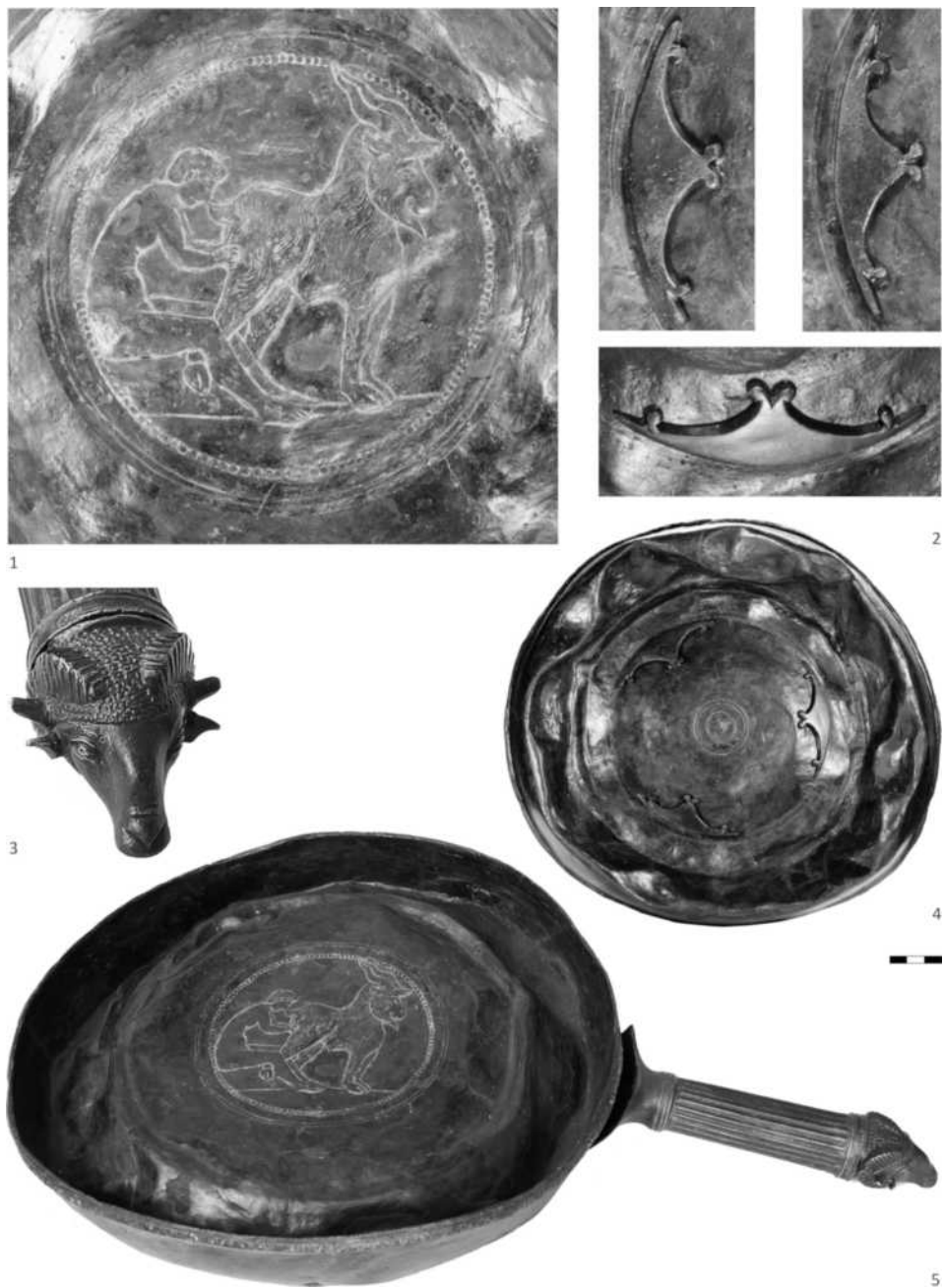

Рис. 6. Бронзовая патера из погребения № 1 кургана № 9/1999 могильника Вербовский-II. Общий вид и детали. Волгоград, ВОКМ, инв. № 32011/12. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

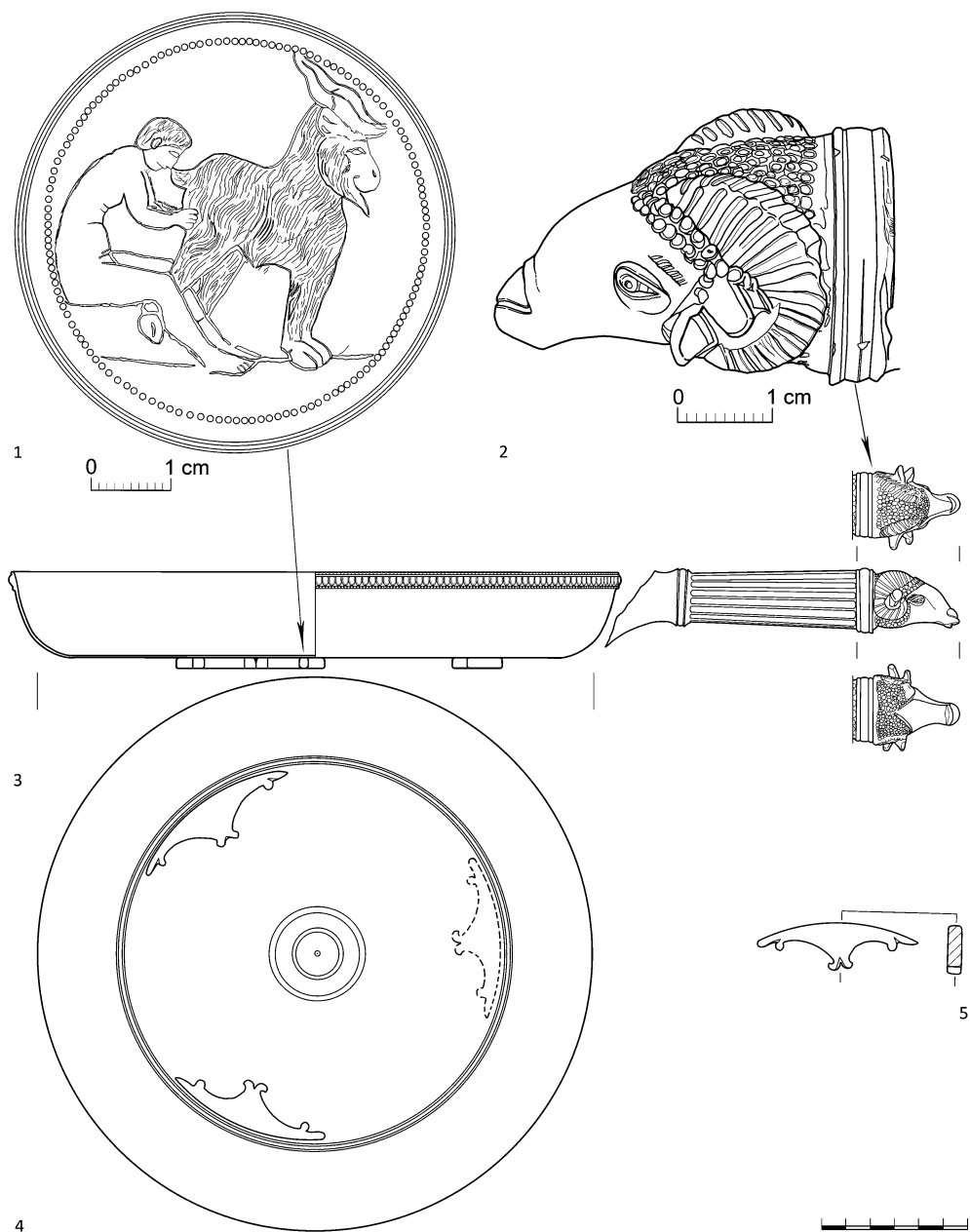

Рис. 7. Бронзовая патера из погребения № 1 кургана № 9/1999 могильника Вербовский-II. Общий вид и детали. Волгоград, ВОКМ, инв. № 32011/12. Рисунки Н.Е. Беспалой †, 2015

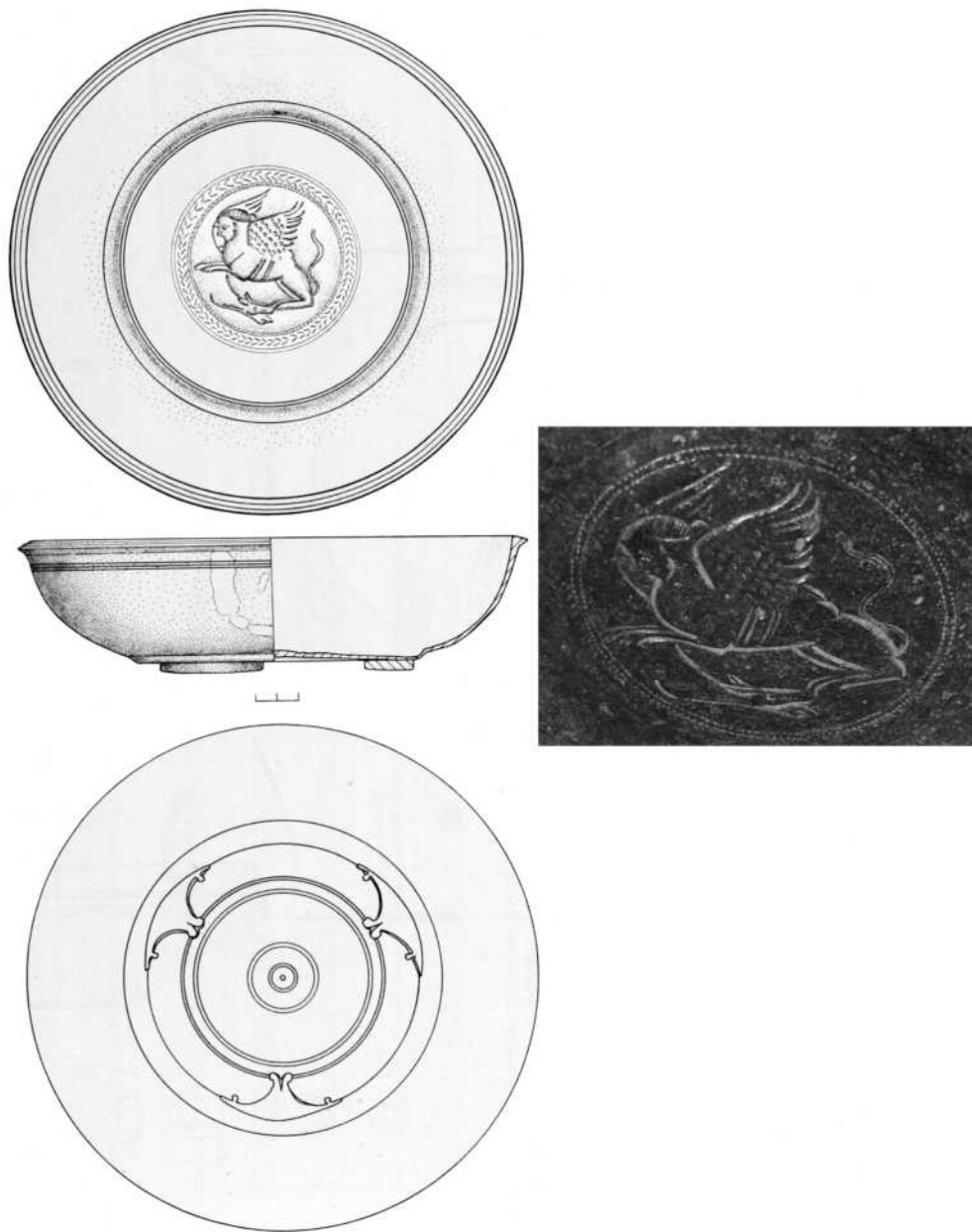

Рис. 8. Бронзовая патера из погребения № 14 кургана № 2/1982 у ст. Михайловская. Общие виды и деталь. Краснодар, КГИАМЗ, инв. № 6435/826 (по: Marčenko, Limberis 2008: Taf. 22 и Кат. Москва 2002: № 623)

пок предположили его использование в качестве фалара, хотя медальон был найден в погребении женщины в возрасте ок. 25 лет у виска погребенной⁵⁴. Оформление медальона концентрическими фризами жемчужника с гравированными изображениями стилизованного венка находит параллели на медальоне с изображением сфинкса патеры из кургана 2/1982 у ст. Михайловской (рис. 8)⁵⁵, для вместилища которой характерно отсутствие кольцевого поддона — его функцию выполняли припаянные ко дну фигурные ножки. По мнению Х.-У. Нубера, начало производства таких патер относится к августовской эпохе. Так, ручка патеры из Хальтерна датируется временем до 9 г. н. э.⁵⁶ Погребение в Фонтийе⁵⁷ датируется августовской эпохой по монете. Другие комплексы, например, Хагенау⁵⁸, Прага-Бубенец (погребение № 4/1948)⁵⁹, Флер-ла-Ривьер⁶⁰, Антран⁶¹, — относят к первой половине I в. н. э. Предполагается, что изготовление таких патер прекращается после 50 г. н. э.⁶², при этом они бытовали вплоть до эпохи Флавиев⁶³. В Помпеях патеры этого типа, по сравнению с более поздними (типа Миллинген), очень редки⁶⁴. Они неизвестны в восточных провинциях Римской Империи, область их распространения ограничивается западными провинциями и территорией Свободной Германии⁶⁵.

Патера из Вербовского имеют ножки-подставки (рис. 6, 2; 7, 5) такого же типа, как те, которые сохранились у патеры из кургана № 9/1983 могильника Высочино-V (ритуальная площадка)⁶⁶, двух патер из Прикубанья (Михайловская, курган № 2/1982, погребение № 14 [рис. 8] и Цемдолина, погребение

⁵⁴ Беспальный и др. 2007: 28–29, № 15, табл. 32, 1; Безуглов и др. 2009: 32–33, рис. 15,4; 83–84, фото на с. 83.

⁵⁵ См. выше прим. 53.

⁵⁶ Müller 1997: 20; Gorecki 2016: 198, 199, Abb. 11.

⁵⁷ Ferdière, Villard 1993: 130–133, no. 26, fig. 2–37–40; Pernet 2010: 157–158, 233, C3, pl. 149, 6; Gorecki 2016: 193.

⁵⁸ Vofß 2005: 28–29, Abb. 5, 15–16; Drobejar 2014: 429, Abb. 19; 426.

⁵⁹ Novotný 1955: 237, Abb. 5; 238–239; Nuber 1972: 39–40, Taf. 3, 1a–b; 190, Liste D.I.e.6; Grabliste 101; Drobejar 2007: 65, Nr. 19 с литературой, Abb. 20; 2014: 406, Abb. 8; 407, Nr. 4; 417.

⁶⁰ Ferdière, Villard 1993: 50–52, no. 56, fig. 1–45–46; Pernet 2010: 157–158, 237, C12, pl. 166; Gorecki 2016: 193.

⁶¹ Pautreau 1999: 33–34, nos. 1–2; Castoldi 2004: 87, 89, fig. 6 (вверху справа); Pernet 2010: 157–158, 233, C2, pl. 147; Gorecki 2016: 192, Abb. 6; 193.

⁶² Nuber 1972: 40–44; Kunow 1983: 26–27, 64; Holliger, Holliger 1985: 60; Deschler-Erb 2006: 420.

⁶³ Sedlmayer 1999: 47.

⁶⁴ Tassinari 1993, 130, H2100, nos. 12719, 5019.

⁶⁵ Nuber 1972: 40, 44; 190–191 (Liste D); Wielowiejski 1985: 228–231; Karasová 1998: 38–39, Karte XV; Taf. V, 154; Sarnataro 2002: 393–394, fig. 1; Drobejar 2007: 45–46; 64–65, Nr. 2, 19, 25, 28; 2014: 414.

⁶⁶ Bespaly 1986: 76, pl. 60, 3; Беспальный, Лукьяшко 2008: 68, табл. IV, 8; Treister 2019: 317, fig. 5, 1–4.

Рис. 9. Медальон бронзовой патеры во вторичном использовании из погребения № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовый-1. Азов, АИАПМЗ, инв. № 25309/278. Фото Музея

№ 9/1991⁶⁷), а также у двух патер из Помпей⁶⁸, патер из Боскореале⁶⁹, Антрана⁷⁰ из погребения № 4/1948 в Праге-Бубенец⁷¹ и из погребения в Зливе (Чехия)⁷². Принципиально важны для датировки подобных ножек их находки в Дангштеттене — римском лагере августовского времени на Верхнем Рейне, предположительно XIX легиона, существовавшем с 15 по 8/7 гг. до н. э.⁷³, а так-

⁶⁷ Malyshev, Treister 1994: 43, Abb. 3; 44, Nr. 1; Taf. 1; Malyshev, Treister 1994: 44, fig. 6; Лимберис, Марченко 2006: 53, 59, No 11.2; 71, рис. 8; Трейстер 2008: 181–182, рис. 4; Marčenko, Limberis 2008: 288, 345, Nr. 32.1, Taf. 61, 2.

⁶⁸ См. выше прим. 65.

⁶⁹ Pernice 1900: 191–192, Nr. 22 (?), Abb. 20; Nuber 1972: 40, 190, Liste DI, c.1; Antikensmuseum Berlin 1988: 274–275, Nr. 10; Oettel 1991, 25, 48, Nr. 20, Taf. 19a, 20c, 21d.

⁷⁰ См. выше прим. 62.

⁷¹ См. выше прим. 60.

⁷² Drobejar 2006: 658, Abb. 40, 10a–b.

⁷³ Fingerlin 1986: 203, 436, Fundstelle 545, Nr. 14; 210, 443, Fundstelle 551, Nr. 7; Taf. 15; 1998: 83, 273, Fundstelle 883, Nr. 1; Taf. 6; Gorecki 2016: 194, 195, Abb. 7 (внизу слева).

же находки таких ножек в лагерях легионеров в Аугсбурге-Оберхаузене (15 г. до н. э. — 15/16 г. н. э.)⁷⁴ и Хальтерне⁷⁵. Датируют такие ножки концом I в. до н. э. — первой третью I в. н. э.⁷⁶

Патеры из кургана № 21/1979 у хут. Сладковский в Подонье (рис. 10–11)⁷⁷ и склепа № 620/1996 Усть-Альминского могильника (рис. 12–13)⁷⁸ относятся к типу Е (Миллинген), для которых характерен атташ ручки в форме клешни скорпиона и кольцевой поддон вместилища и которые датируются более продолжительным временем, хотя и появляются еще в первой половине I в. н. э.: 35/40 гг. — концом II в. н. э.⁷⁹ Количество таких патер значительно выше, чем патер типа Хагенау — они более широко представлены находками: как в Италии⁸⁰, в том числе в Помпеях и Боскореале⁸¹, в римских провинциях⁸² (в том числе, во Фракии и Нижней Мезии⁸³, Дакии⁸⁴, и Восточном Средиземноморье⁸⁵), так и в европейском Барбарикуме⁸⁶.

Очевидно, что среди патер типа Миллинген выделяются более ранние образцы, пропорции вместилища которых близки патерам типа Хагенау, а отогнутый край, оформлен ионийским киматием. Таким образом, патера из Сладковского, украшенная внутри медальоном с изображением цапель, имеет ближайшую параллель по форме вместилища, декору отогнутого края и форме атташа в находке из погребения № 25 кургана № 9/1985 у ст. Михайловской (рис. 14), которая рассматривается исследователями как переходный

⁷⁴ Hübener 1973: 65, Taf. 23, 5–7.

⁷⁵ Müller 1997: 19, Abb. 12; 20, 37, Nr. 47–48.

⁷⁶ <http://artefacts.mom.fr/fr/result.php?id=PAT-4070&find=4070&pagenum=1&affmode=vign>.

⁷⁷ Maksimenko 1986: 82, pl. 74; Максименко 2015: 73, 74, рис. 1, 4–8.

⁷⁸ См. выше прим. 8.

⁷⁹ Eggers 1951: 174, Beil. 66, Karte 44; Radnóti 1938: 86, Taf. VIII, 29; Nuber 1972: 45–54; Kunow 1983: 24, 64; Wielowiejski 1985: 228–231; Petrovsky 1993: 110–111, тип IX, 1; Deschler-Erb 2006: 420; Gorecki 2016: 193.

⁸⁰ Bolla 1994: 45–46, 49, nos. 53–55, tav. XL–XLII.

⁸¹ Помпеи: Tassinari 1993: 132–139, H2311–2322. — Боскореале (Берлин): Pernice 1900: 192, Nr. 25, Abb. 20; Nuber 1972: 192, Liste E.1.b.13; Oettel 1991: 48, Nr. 21, Taf. 19b; 20, b; 21, a–b. — Боскореале (Малибу): Gorecki 1993: 232, nos. A11–12; Abb. 1, II–12; 3, 15, Taf. 5, A11–12.

⁸² См. списки находок: Eggers 1951: 174, Beil. 66, Karte 44; Nuber 1972: 192–195 (Liste E). См. также: Faider-Feytmans 1979: 168–169, nos. 339–342; 176, no. 360; 179, no. 368; 181, no. 372; 183, 375; pls. 127, 138, 139, 147, 149, 154–155; Bónis 1982: 124–130, Abb. 5–7, 8, 4–5; Breščak 1982: 44, no. 31, pl. 3; Kaufmann-Heinimann 1994: 180, Nr. 305, Taf. 121; Kappeler 2003: 85–86; 105, pl. 4; 133–134, nos. 24–25; Ratković 2004: 386–388, figs. 4–10; 2005: 33–34, 124–127, No 60–62; 173–174; Schütz 2013: 26–27, fig. 20, I; 21, 23; Petrovsky, Bernhard 2016: 257, 258, Tab. 4.

⁸³ Nuber 1972: 192–195, Liste E. Ib.23–26; IV.2–3; V.a.1; Vb.9; Raev 1977a: 614–615; Onurkan 1988: 52–53, nos. 48–49, pls. 28–29; Nenova, Angelov 1999: 50, fig. 1; Nenova-Merdjanova 2011: 118, fig. 6b; Ignatov, Gospodinov 2013: 32, 35, Abb. 17, 2.

⁸⁴ Ștefănescu 2004: 423–425, 427, pl. IV; Mustăț 2017: 124–127, no. 56, pl. XXXII.

⁸⁵ Nuber 1972: 193–195 (Liste E.II.b.1; c.1; V.b.10; c.1; VII.a.16). См. также: Khamis 2013: 100–103, no. 7, fig. 7.

⁸⁶ Karasová 1998: 38–39, Karte XV; Taf. V, 155; Jilek 2009: 68–69; 2015: 173, 174, fig. 2; Hrnčiarik 2013: 49–52, Taf. XXXIV, 805; Popa 2016: 426–427, Abb. 5.

Рис. 10. Бронзовая патера из кургана № 21/1979 у хут. Сладковский. Общий вид и детали. Азов, АИАПМЗ, инв. № 16422/241–243. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Рис. 11. Бронзовая патера из кургана № 21/1979 у хут. Сладковский. Общий вид и деталь.
Азов, АИАПМЗ, инв. № 16422/241–243. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

1

2

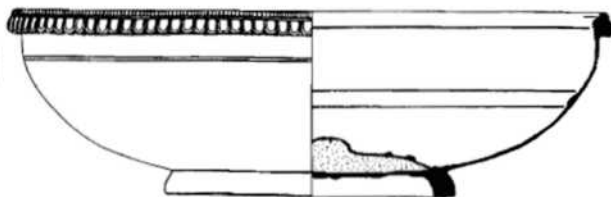
Рис. 12. Бронзовая патера из склепа № 620/1996 Усть-Альминского могильника. Бахчисарай, БГИКЗ, инв. № 9106/314. Фото Ю.П. Зайцева, 2006

1

2

3

Рис. 13. Бронзовая патера из склепа № 620/1996 Усть-Альминского могильника. Бахчисарай, БГИКЗ, инв. № 9106/314 (1 — фото Ю.П. Зайцева, 2006; 2–3 — по: Пуздровский 2007: 426, рис. 152, 3)

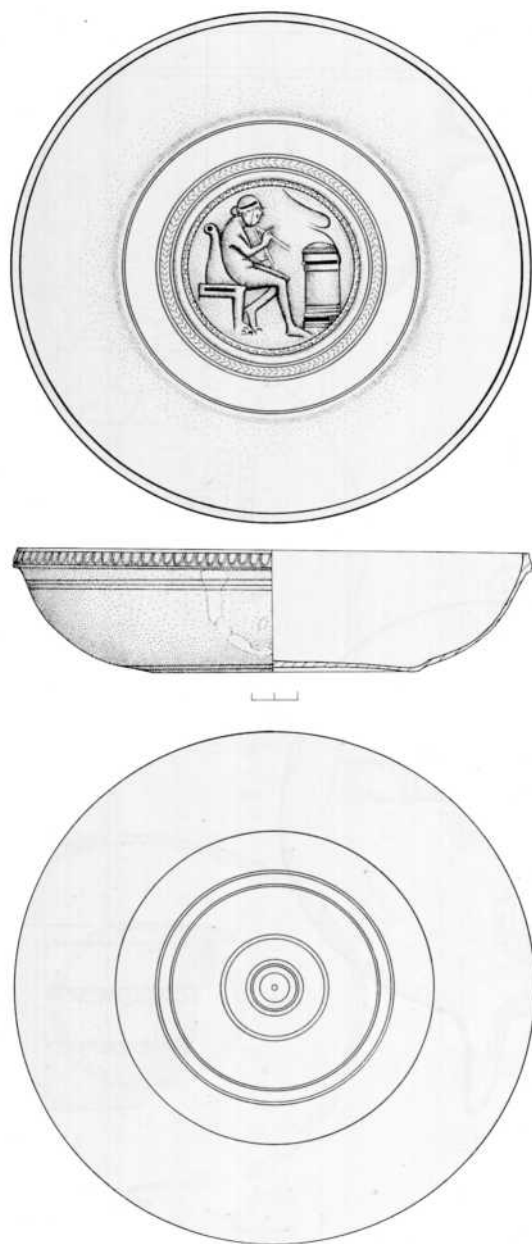

Рис. 14. Бронзовая патера из погребения № 25 кургана № 9/1985 у ст. Михайловская. Общие виды. Краснодар, КГИАМЗ, инв. № 7562/1306 (по: Marčenko, Limberis 2008: Taf. 26)

вариант от патер типа Хагенау — к типу Миллинген⁸⁷, хотя эта патера в отличие от патеры из Сладковского (рис. 10–11) не имеет кольцевого поддона, и по формальным признакам должна относиться, как справедливо заметил А.В. Симоненко, к типу Хагенау⁸⁸.

3. Сюжеты медальонов бронзовых сосудов из Сарматии

3.1. Мифологические сюжеты

Таз, украшенный крупным рельефным медальоном дм. 16 см, происходит из кургана № 3/1905 у ст. Некрасовская (рис. 2–3)⁸⁹. Сюжет медальона в отечественной литературе специально не исследовался. Наиболее полное описание дается в каталоге выставки 1973 г. в Эрмитаже, в котором не атрибутированы ни обнаженная фигура «умирающего юноши с ножнами от меча в левой руке», плащ которого «закинут на спину и скреплен на груди круглой застежкой», ни «молодая женщина в хитоне с покрывалом на голове», которая поддерживает его. Определена была лишь «улетающая Эриния с обнаженным мечом в правой руке и ножнами в высоко поднятой левой», обе руки которой обвиты змеями. Отмечается уникальный характер сцены, не имеющей аналогий⁹⁰. В выставочном каталоге 1980 г. отмечается, что на медальоне изображена «сцена гибели Полиника у Фив: героя, раненного в борьбе с Этеоклом, поддерживает Лаза, рядом стоит Эриния с мечом»⁹¹. Во всех последующих публикациях либо принималась атрибуция 1980 г.⁹², либо просто отмечался факт украшения медальона сценой из греческой мифологии.

Если на медальоне действительно изображена сцена смерти Полиника, то здесь представлен очень необычный ее вариант — как правило, сцена сражения Полиника и Этеокла⁹³ изображалась как бой двух персонажей. Данный сюжет получил распространение в эллинистическом искусстве Этрурии, в основном на погребальных урнах, как например, на алебастровой урне из Кьюзи II в. до н. э.⁹⁴ Известно изображение боя Полиника и Этеокла в сценах на так наз. гомеровских чашах — рельефных кубках эллинистического времени из Македонии, один из которых достоверно происходит из Деметрии, на котором персонажи подписаны⁹⁵. На двух других чашах, предположительно най-

⁸⁷ Лимберис, Марченко 2006: 53–54, 60, No 13; 73, рис. 10; Marčenko, Limberis 2008: 340, Nr. 14.4, Taf. 26.

⁸⁸ Симоненко 2011: 61, прим. 1.

⁸⁹ См. выше прим. 29.

⁹⁰ Кат. Ленинград 1973: 102, № 264.

⁹¹ Кат. Ленинград 1980: 39, № 92.

⁹² Goulyaeva 2000: 169, fig. 13.

⁹³ <https://arachne.dainst.org/search?q=Polyneikes>; <https://arachne.dainst.org/search?q=Eteokles>.

⁹⁴ LIMC IV, 1988: 32, Nr. 32; s. v. Eteokles (I. Krauskopf). См. подробно Steuernagel 1998, 89–90.

⁹⁵ Sinn 1979: 107, Nr. MB 45, MB 47, Taf. 18, 4.

денных в Беотии, представлена сцена с изображением уже убитого Этеокла, лежащего при смерти Полиника, за ними Антигона, слева — Эринии Эдипа, справа — Иокаста, совершающая самоубийство⁹⁶.

В отличие от изображений на этрусских урнах, на которых умирающий герой представлен в близкой позе⁹⁷, но в доспехах⁹⁸, он представлен на медальоне таза обнаженным, лишь с накидкой, застегнутой в центре груди брошью.

Единственная фигура, атрибуция которой не вызывала сомнения ни у одного из исследователей, начиная с Б.В. Фармаковского, — это Эриния, существо о котором писал в том числе столь любимый юбиляром Овидий (*Ovid, Metamorphoses* 4. 451 ff). Она изображена с обнаженной грудью, ее руки обвиняет змея, а за спиной видны крылья⁹⁹.

Принципиальна другая трактовка сцены на медальоне таза из Некрасовской осталась незамеченной эрмитажными специалистами, хотя еще в 1919 г. К. Роберт атрибутировал сцену как эпизод из «Ифигении в Тавриде» Еврипида (*Eur. Iph.* Т. 260–339) — преследование Ореста Эринией, а женскую фигуру, склонившаяся над Орестом, трактовал как изображение Электры. Точка зрения К. Роберта, к которой впоследствии присоединился М. Юнге,¹⁰⁰ опирается на очень близкое изображение на рельефном медальоне каленской чаши из Орвьего, хранящемся в Берлине, с аналогичной атрибуцией А. Фуртвенглера 1895 г.¹⁰¹ и сопоставлении с центральной сценой саркофага середины II в. н. э., хранящегося в Глиптотеке в Мюнхене, на которой в подобной позе Ореста поддерживает Пилад¹⁰². Эта сцена повторяется и на саркофагах и их фрагментах, хранящихся в Лувре, Музее Гетти, в Риме и Ватикане¹⁰³. Таким образом, есть все основания для трактовки изображения на медальоне таза из Некрасовской именно как сцены преследования Эринией Ореста, хотя рассматриваемая композиция и не была включена в соответствующие статьи LIMC¹⁰⁴.

⁹⁶ Sinn 1979: 108, Nr. MB 48–49, Taf. 18, 1. 3; 19, 1–2; 20, 1–2.

⁹⁷ Ср. особенно на урне в собрании Британского музея — персонаж, изображенный слева: <https://arachne.dainst.org/entity/1071469>.

⁹⁸ Рельеф из Археологического музея во Флоренции: <https://arachne.dainst.org/entity/1066477>. — Рельеф урны в собрании Глиптотеки Карлсберг в Копенгагене: <https://arachne.dainst.org/entity/1252670>. — Рельеф урны в Античном собрании Берлина (предположительно из Кьюзи): <https://arachne.dainst.org/entity/1188428>. — Рельеф урны из Археологического музея в Палермо (из Кьюзи): *Steuernagel* 1998: 89, 214, Nr. 275, Taf. 45, 3 (последняя четверть III в. до н. э.); <https://arachne.dainst.org/entity/1186817>.

⁹⁹ Ср. Junhe 1983; LIMC III, 1986, 825–843; s. v. Erinyes (H. Sarian, P. Delev).

¹⁰⁰ Junge 1983: 46, 237, Nr. K II5.

¹⁰¹ Furtwängler 1895: 133, Abb. 69; Robert 1919: 303, Abb. 225; Junge 1983: 46, 239, Nr. K II7 с датировкой концом I в. до н. э.; Bielefeld 2005: 174.

¹⁰² Robert 1919: 303–304, Abb. 226; Bielefeld 2005: 171–178, 340, Abb. 60, Nr. II.1 с лит., Taf. 19, 2.

¹⁰³ Bielefeld 2005: 171, Taf. 21; 22, 2; 24, 2.

¹⁰⁴ LIMC III, 1986, 825–843; s. v. Erinyes (H. Sarian, P. Delev); LIMC VII, 1994, 68–76; s. v. Orestes (H. Sarian, V. Machaira).

Тот факт, что сцена на медальоне таза из Некрасовской восходит к эпизоду трагедии «Ифигения в Тавриде» заставляет задуматься не была ли географическая коннотация неслучайной. В этой связи нельзя не вспомнить и о том, что уникальный бронзовый кратер I в. н. э. с изображениями сцен из «Ифигении в Тавриде» был найден в погребении II в. н. э. в Балчике в районе Варны¹⁰⁵, а бронзовый кувшин конца I — начала II в. н. э. со сценами Троянского цикла, основной сценой фриза которого является жертвоприношение Неоптолемом Поликсены у гробницы Ахилла, происходит из сарматского погребения второй половины II — начала III в. н. э. в кургане № 4/1989 у хут. Красный Кут на Нижнем Дону¹⁰⁶.

Мифологические сцены нередко находили отражение в оформлении медальонов римских бронзовых сосудов. На медальоне палатры из погребения в Тинен-Авендорен изображена сцена похищения Диомедом Палладиона в Трое, а на медальоне хранящейся в Эрмитаже палатры из коллекции Лаваля представлен Аякс, несущий тело Ахилла¹⁰⁷. Отдельное изображение скорбящего Аякса представлено на медальоне бронзовой палатры, найденной на дне Соны, на уровне о. Барб¹⁰⁸.

3.2. Дионисийские сюжеты

Дионисийские сюжеты представлены медальонами таза из Соколовского кургана № 3/1970 (рис. 10–11), палатры из погребения № 25 кургана 9/1985 у ст. Михайловская в Прикубанье (рис. 14) и, возможно, палатры из погребения № 1 в кургане № 38/1987 некрополя «Царский» у Танаиса (рис. 15).

Медальон таза украшен изображением обнаженного Силена, едущего на осле влево. Силен отклонился назад. В левой опущенной вниз руке — тирс, в правой, поднятой вверх, — кубок, который он переворачивает (рис. 10, I)¹⁰⁹.

Б.А. Раев сравнивал сюжет медальона с геммами, найденными в Италии и хранящимися в Британском музее¹¹⁰. Аналогичные ручки, вероятно принадлежавшие сосуду для кипячения воды, были найдены в разрушенном кургане у Славянска-на Кубани — они имеют чрезвычайно близкое оформление¹¹¹.

¹⁰⁵ Шкорпил 1932: 60–68, рис. 43–45; Curtius 1934: 246–294; Schindler 1985: 123–134; Konova 2006: 82–84, Taf. I, 1; Nenova-Merdjanova 2011: 122–123, fig. 13.

¹⁰⁶ Guguev, Trejster 1992: 243–271 (статья, переданная нами в редакцию журнала *Revue archéologique* в 1990 г., была переведена на французский и опубликована без предоставления нам корректуры, в результате чего в переводе появились многочисленные ошибки и неточности, в частности, сам кувшин и аналогии ему по непонятной причине получили название ойнохой!); Treister 1994: 40–46; Гугуев 2013: 461–469.

¹⁰⁷ Кат. Ленинград 1973: 100, № 257; 1980: 39, № 91; Goulyaeva 2000: 169, fig. 12.

¹⁰⁸ Armand-Caillat 1959: 65–72, figs. 1; 3; Nuber 1972: 64, Anm. 349; 200, Liste G, Ia.1; Boucher, Tassinari 1976: 122–123, no. 138.

¹⁰⁹ Раев 1974: 181–189, рис. 1–2; Раев 1977b: 139–142, figs. 1–3; 1986, 18–21, pl. 12; Кат. Ленинград 1980: 39–40, № 93; Goulyaeva 2000: 170, fig. 14.

¹¹⁰ Раев 1974: 184; Раев 1977b: 141.

¹¹¹ См. Лимберис, Марченко 2013: 20, рис. 1; 21.

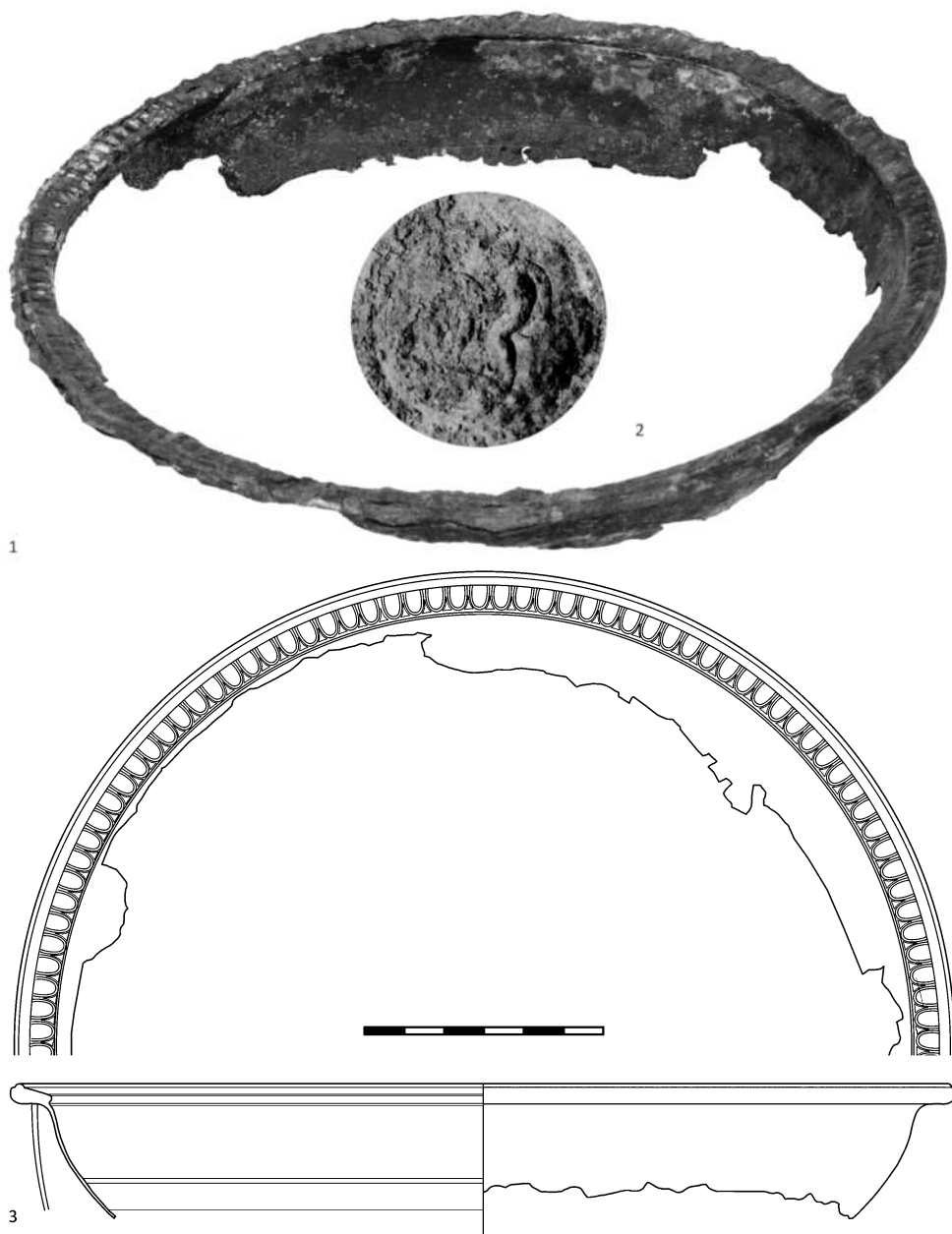

Рис. 15. Бронзовая патера из погребения № 1 в кургане № 38/1987 некрополя «Царский». Медальон — местонахождение неизвестно, чаша — Танаис, АМЗТ, инв. № НВФ 102. № 37 (чаша — фото М.Ю. Трейстера, рисунок Н.Е. Беспалой†, медальон: по Илюков 1988: рис. 180)

Тазы с подобными ручками известны в Помпеях¹¹². Уделив подробное внимание ручкам таза, Б.А. Раев абсолютно проигнорировал аналогии таким тазам, украшенные медальонами с фигурными изображениями.

Анализ изображения тем более заслуживает внимание, так как сюжет не был включен в соответствующую статью LIMC. Мотив с изображением Силенна, сидящего на осле, изредка встречается еще в архаическом (в ранней чернофигурной аттической вазописи¹¹³) и классическом греческом искусстве (в краснофигурной аттической вазописи¹¹⁴), выступая в частности в качестве эмблеме на аверсе серебряных тетрадрахм Менде 460–423 гг. до н. э.¹¹⁵ Впрочем, изображение на монетах трактуют по-разному, определяя персонаж на осле и как Диониса, и как Гефеста¹¹⁶.

С точки зрения иконографии ранние изображения отличаются от рассматриваемого — так, на монетах Силен представлен сидящим спиной вперед и держит в руке канфар, а на краснофигурном хусе — роняющим находившийся в его руке хус¹¹⁷.

Близкая поза, спиной вперед к голове осла, но с туловищем и головой развернутыми *en face*, встречается и в искусстве I в. до н. э. — II в. н. э.: на камее I в. до н. э.¹¹⁸, на щитке светильника италийской работы первой трети I в. н. э.¹¹⁹ и на надгробном рельефе II в. н. э.¹²⁰ Силен на осле на мраморном рельефе в Национальной библиотеке в Париже конца I в. до н. э., хоть и не сидит задом-наперед, но развернулся назад, подавая правой рукой жест участникам дионисийской процессии, идущим за ним. Изображения едущего на осле Силенна известны на дионисийских саркофагах I–II вв. н. э.¹²¹, однако, он, как правило, изображался без канфара и без тирса. Точных же аналогий изображению на медальоне таза из 3-го Соколовского кургана нам не известно.

Представленная в профиль на медальоне патыры из Михайловской обнаженная женщина, играющая на флейте (рис. 14), вероятно восходит к образу гетеры на одном из боковых рельефов трона Людовизи, датирующегося ок. 460 г. до н. э. стула¹²² и изображениям на краснофигурных вазах позднеархаического и раннеклассического времени¹²³. Тот факт, что играющая на флейте

¹¹² Stefanelli 1990: 229, fig. 211, 279, no. 97; Tassinari 1993: S2121, Inv. 5025, 3641, 1728.

¹¹³ Alexandridou 2011: 66.

¹¹⁴ LIMC VIII, 1997: 117, Nr. 63, s. v. Silenoi (E. Simon).

¹¹⁵ Gkika 2018: 29–30, 102, figs. 14–16.

¹¹⁶ Knoblauch 1998: 155–162.

¹¹⁷ LIMC VIII, 1997: 117, Nr. 63, s. v. Silenoi (E. Simon).

¹¹⁸ Neverov 1971: 81, pl. 32.

¹¹⁹ Bailey 1980: 18, fig. 16; 19, 134, no. Q772, pl. 2 (полулежит, развернувшись лицом к зрителю). Этот тип изображений представляет Силенна с ритонном с протомой животного в руке.

¹²⁰ <https://arachne.dainst.org/entity/1091045>.

¹²¹ <https://arachne.dainst.org/entity/1091029>, <https://arachne.dainst.org/entity/1248322>, <https://arachne.dainst.org/entity/1246925>.

¹²² Simon 1959: 9–10, 13, Abb. 4.

¹²³ Simon 1959: 20–24, Abb. 10–12.

женщина изображена перед алтарем вряд ли позволяет видеть в этом сюжете обычную бытовую сцену.

Отметим также композиционную близость изображения сюжету, представленному на медальоне патеры (?) из кургана в Палимли во Фракии¹²⁴. На этом медальоне в очень похожей позе, с аналогичным образом согнутой левой ногой представлена обнаженная женская фигура в венке с листьями на голове, сидящая в кресле перед деревом.левой рукой она придерживает изображенный по диагонали тирс, обвитый змеей, нижний конец которого упирается в землю.

Судя по очень плохого качества фотографии в отчете, сидящая обнаженная женская фигура изображена и на утраченном медальоне бронзовой патеры из погребения в кургане № 38/1987 некрополя «Царский» у Танаиса (рис. 15)¹²⁵, причем представлена она не в центре медальона, как пишет в отчете Л.С. Ильюков¹²⁶, а у его правого края. Изображена она сидящей, в профиль, с головой, повернутой влево, к центру медальона.левой опущенной рукой она опирается о край стула или табурета, а в правой руке — вытянутой вперед — находится неопределенный предмет.

Все три медальона объединяет то, что на них представлена сидящая обнаженная женская фигура. В случае с медальоном из Палимли, на котором женщина придерживает рукой тирс, вполне прослеживается дионисийская коннотация.

На медальоне вторичного использования (в качестве фалара?) из погребения кургана № 9/1987 могильника Валовый-I представлен Эрот, стоящий перед высоким алтарем, протянувший руки к сидящей на алтаре птице (рис. 9).

Это очень редкий сюжет, который не находит точных параллелей в иконографии Эрота/Амура, хотя никаких сомнений в том, что изображен именно Эрот нет. Об этом говорят и крылья за спиной мальчика, и его поза со скрещенными ногами, характерная, в частности для изображений Эрота, опирающегося на перевернутый факел. Ближайшей параллелью изображению на медальоне из Валового является изображение Эрота, стоящего перед аналогичным алтарем с птицей в руке на серебряном скифосе из клада, предположительно найденного на границе Афганистана и Пакистана¹²⁷.

Изображение Эрота, а не Персея (как в первых публикациях авторов раскопок) представлено на медальоне бронзовой патеры из склепа № 620/1996 Усть-Альминского могильника в Юго-Западном Крыму (рис. 12, 2; 13, 1–2)¹²⁸. В левой руке Эрот, изображенный *en face*, слегка наклонивший голову вниз

¹²⁴ Onurkan 1988: 44–45, no. 40, pl. 23, a.

¹²⁵ Ильюков 1988: 34, рис. 180; 1994: 200, 211, рис. 2, 22. Дм. медальона судя по масштабу в отчете — ок. 9,2 см. В отчете отмечается, что дм. дна 10,3 см.

¹²⁶ Ильюков 1994: 200.

¹²⁷ Varatte 2001: 272–273, fig. 11; 2002: 27–30, fig. 11.

¹²⁸ См. выше прим. 8.

влево, держит щит, украшенный горгонеионом, в правой руке, опущенной вниз — коринфский шлем с султаном. Крылья и окантовка щита украшены накладным серебром и подчеркнуты гравировкой.

При всем разнообразии иконографии Эрота в античном искусстве, его изображения как воина чрезвычайно редки¹²⁹. Изображения стоящего Эрота со шлемом встречаются на геммах и литиках I в. н. э., при этом, как правило, шлем находится в левой руке, в правой — Эрот держит меч, а щит изображен стоящим у его ног¹³⁰. Заслуживает внимание также терракотовая статуэтка позднеэллинистического времени, хранящаяся в Брюсселе, на которой представлен Эрот, прижимающий к груди левой рукой подобный шлем с плюмажем, а опущенной вниз — правой, опирающийся на стоящий у его ног щит¹³¹. Сопоставима поза Эрота, стоящего перед алтарем с маской в согнутой в локте и вытянутой вперед правой руке, опирающегося опущенной левой рукой на лиру на серебряном с частичной позолотой накладном медальоне серебряной чаши из клада II в. н. э. в Бертувилле во Франции¹³². В близкой позе представлен и Эрот, прижимающий к груди голубя, на фигурной ручке серебряного калафа с дионисийскими мотивами декора на тулове из датирующейся около середины I в. н. э. гробницы А в Визе в турецкой части Фракии¹³³.

Отметим, что это не единственные известные нам медальоны патер с изображением Эрота — два эрота, между которыми изображен ларь со стоящими на нем сосудами, украшают медальон из Помпей¹³⁴.

На латунных фаларах дм. 10 см, найденных *in situ* на одном из конских скелетов в надежно датируемом погребальным инвентарем первой половиной I в. н. э. погребении № 9/1991 некрополя Цемдолины под Новороссийском, представлены две близкие, хотя и не идентичные сцены с изображением Эрота, сидящего верхом на пантере; на заднем плане видны тирс с пинией и герма Приапа¹³⁵.

Изображения эротов на пантерах, относящиеся к сюжетам дионисийского круга, известны еще в южноиталийской краснофигурной вазописи. Близ-

¹²⁹ LIMC III, 1986: 912, nos. 723–729; s. v. Eros (A. Hermary, H. Cassimatis, R. Vollkommer); 989–990, nos. 275–282, s. v. Eros / Amor, Cupido (N. Blanc, F. Gury). Изображения эрота в различных видах особенно характерны для группы гранатов, датирующейся I в. до н. э.: Plantzos 1999, 90–91, nos. 525–544.

¹³⁰ Стекланный литик в Геттингене: AGD III Göttingen 1970: 92, no. 129, Taf. 39 = LIMC III, 1986: 989, no. 278 (здесь же другие примеры подобной иконографии, в том числе на геммах второй половины I в. до н. э.)

¹³¹ LIMC III, 1986: 912, no. 729a, s. v. Eros (A. Hermary, H. Cassimatis, R. Vollkommer).

¹³² Cat. Los Angeles 2014: 29, fig. 13; 122–123, fig. 72.

¹³³ Mansel 1939: 160, Nr. 3, Abb. 196–197; 1941: 168, Nr. 3, Abb. 25–28; Künzl 1969: 331, Abb. 9–11; Onurkan 1988: 30–34, no. 28, pls. 10–11.

¹³⁴ Tassinari 1993: 139, H2322, no. 10282, tav. CXVII.

¹³⁵ Malyšev, Treister 1994: 47, Abb. 6–7; 49–53, Nr. 4, Taf. 3; Malyšev, Treister 1994: 32, fig. 3a–c; Treister 1999: 568, fig. 4; 2001: 339–340, fig. 133; Довгалюк, Мальшев 2008: 24–26, No 19–20, рис. 17; Трейстер 2008: 184–185; Marčenko, Limberis 2008: 280, 346, Nr. 32.7, Taf. 62, 1–2.

кие прототипы сценам на фаларах из Цемдолины мы находим на рельефных медальонах южноиталийских гуттов III в. до н. э.¹³⁶ Рассматриваемый сюжет часто представлен на парадном столовом серебре I в. н. э., получает широкое распространение в декоре саркофагов и пергамской рельефной керамике II в. н. э., был одной из излюбленных тем на мозаиках и фресках II–IV вв. н. э., на бронзовых статуэтках¹³⁷. Близкое изображение амура на пантере представлено, в частности, в рельефе на бронзовой пластине конской упряжи с серебряной обкладкой из Трира¹³⁸.

Рассматривая изначальное назначение медальонов из Цемдолины и учитывая их диаметр, я предположил, что они могли служить медальонами тазов. Медальоны публикуемых здесь тазов, однако, крупнее: 12,4 и 16 см. Впрочем, и медальоны патер могли иметь близкие размеры. Так, медальон патеры из погребения № 25 кургана 9/1985 у ст. Михайловская также имеет диаметр ок. 10 см. Чуть менее крупный медальон с изображением сфинкса — дм. 8,8 см. Учитывая же парный характер медальонов, выполненных практически в зеркальной симметрии, нельзя исключать, что они могли изначальнo украшать и чаши или фиалы. Принципиальное отличие от остальных медальонов, которые отливались вместе с корпусом сосуда и дорабатывались вхолостую, заключается в том, что медальоны из Цемдолины накладные и должны были припаиваться к дну сосуда.

3.3. Пасторальная сцена

На медальоне патеры из погребения № 1 первой половины I в. н. э. кургана № 9/1999 могильника Вербовский-II в междуречье Дона и Волги представлено изображение обнаженного юноши, доящего козу. Изображение окружено рамкой из жемчужин, прочеканенных круглым инструментом (рис. 6, 1; 7, 1)¹³⁹. О том, что представлен именно юноша, свидетельствуют, в частности, его прическа, черты лица и отсутствие каких-либо видимых признаков женского пола — ничего женского, в отличие от В.И. Мамонтова, который определил фигуру как «нагую девушку», я не наблюдаю.

Хотя тема юного пастуха, доящего животное, известна еще в искусстве IV в. до н. э. (на пекторали из Толстой могилы он изображен, правда, доящим не козу, а овцу¹⁴⁰), тем не менее, до II–III вв. н. э. она встречается в античном искусстве чрезвычайно редко, хотя известно изображения пастуха, доящего козу, на терракотовой группе эллинистического времени из погребения, открытого в

¹³⁶ Jentel 1976: 43, pl. 7, 15.

¹³⁷ См. подробно с аналогиями и литературой: Трейстер 2008: 184–185.

¹³⁸ Menzel 1966: 60–61, Nr. 131, Taf. 52.

¹³⁹ Мамонтов 2004: 207–208; 2008: 175–176, рис. 7; Археологическое наследие 2013: 118 (илл. сверху), № 282.

¹⁴⁰ Мозолевский 1979: 88, 91, рис. 73–74; Galanina, Grach 1986: fig. 119; Kat. Wien 1993: Nr. 59, 206–207 (Abb.).

Салониках в 1969 г.¹⁴¹ Изображения пастуха, доящего козу, становится довольно распространенным сюжетом в римской глиптике II–III вв. н. э.¹⁴², встречается также на мозаиках¹⁴³ и рельефах¹⁴⁴ этого времени. Тем больший интерес вызывает изображение этой сцены на патере из Вербовского, которая датируется не позднее первой половины I в. н. э., к которой относят погребение¹⁴⁵.

Хотя среди сюжетов медальонов бронзовых сосудов раннеимператорского времени и преобладали мифологические темы, тем не менее, бытовые сюжеты также находили на них место. Другим примером такого буколического сюжета является медальон бронзовой чаши (Griffschale A) из погребения в Приене, которое датируется первой половиной, скорее серединой I в. н. э., с изображением рыбака с удочкой, сидящего на скале. О родстве сюжетов с изображением пастухов и рыбаков в античном искусстве уже неоднократно писалось¹⁴⁶.

3.4. Изображение птиц и пресмыкающихся

На медальоне патеры из кургана № 21/1979 у хут. Сладковский представлена сцена с изображением борьбы двух цапель со змеями. Медальон окружен тремя рядами геометрического орнамента. Детали орнамента ручки и медальона (крылья и шеи цапель) инкрустированы вставками серебра (рис. 10, 3–4). Мотив цапли, пожирающей змею, получает широкое распространение в декоративной скульптуре¹⁴⁷, глиптике¹⁴⁸ и особенно торевтике¹⁴⁹ эпохи Ранней империи. В редких случаях он использовался для оформления атташей ручек бронзовых кувшинов и амфор¹⁵⁰.

¹⁴¹ Himmelmann 1980: 99, Anm. 312.

¹⁴² См. подробно с аналогиями: Трейстер 2007: 302, прим. 114.

¹⁴³ Мозаика из дома Лебариев в Удне (Утине): Gauckler 1896: 208–210, pl. XXI; Dunbabin 1978: 240–241, 265–267. <http://www.ahg-images.de/archive/-2UMDHU3VNTHE.html>.

¹⁴⁴ Рельефы саркофага III в. н. э. из некрополя Виллы Казали (Villa Casali): <http://www.gettyimages.de/detail/foto/reliefs-on-a-sarcophagus-depicting-farmers-garing-stock-fotografie/103024293>.

¹⁴⁵ Мамонтов 2008: 175–176; Мордвинцева, Хабарова 2006: 89–90, № 52–54.

¹⁴⁶ См., например, Himmelmann 1980.

¹⁴⁷ <https://arachne.dainst.org/entity/1082977>.

¹⁴⁸ См., например, гемму из сердолика в Касселе: Höcker 1988: 107, Nr. 115. <http://datenbank.museum-kassel.de/29776/>.

¹⁴⁹ Серебряные кубки из Италии в собрании Библиотеки Пирпонта Моргана: Byvanck-Quarles van Ufford 1974: 337–338, pl. 118; Cat. Toledo 1977: 144–145, nos. 96–97; Stefanelli 1991: 258–259, nos. 34–35, figs. 267–269. — Серебряные кубки из гробницы А в Визе: Mansel 1939: 162, 171–172, Abb. 198–200; Byvanck-Quarles van Ufford 1974: 335–336, pls. 113–116; Onurkan 1988: 34–38, nos. 29–30, pls. 14–15. — Серебряные кубки из Боскореале: Héron de Villefosse 1899: 73–79, nos. 11–12, pls. XI–XIV; Baratte 1986: 54–57; Stefanelli 1991: 74–75, figs. 54–59; 262, nos. 46–47; Cat. Naples 2006: 188, no. 273. — Серебряный модиол из Дома Менандра в Помпеях: Painter 2001: 63, no. M13; Cat. Naples 2006: 203, no. 286. — Серебряный скифос из клада, найденного предположительно на границе Афганистана и Пакистана: Baratte 2002: 24–25, fig. 8.

¹⁵⁰ Атташ амфоры из кургана № 1/2003 могильника Горелый-I в Саратовском Поволжье (Балаковский, Тихонов 2009: 14, № 1, рис. 3) вероятно представлял собой композицию из двух головок

3.5. Изображение сфинкса

Изображение сфинкса украшает медальон патеры из погребения № 14 кургана № 2/1982 у ст. Михайловской (рис. 8)¹⁵¹.

Профильные изображения сфинкса, сидящего с вертикально вытянутыми передними лапами, используются как монетные эмблемы на римском серебряном денарии 46 г. до н. э.¹⁵² и пергамских кистофорах и ауресах Августа, соответственно, 27/26 и 19 гг. до н. э.¹⁵³ В такой же иконографии предстает сфинкс и на геммах¹⁵⁴ и камеях¹⁵⁵ первых веков н. э. На наплечниках статуи Августа из Прима Порты у находящегося в подобной позе сфинкса, одна из передних лап приподнята, а голова развернута *en face*¹⁵⁶. Хотя точные параллели изображению прыгающего сфинкса, как на медальоне патеры из Михайловской, мне не известны, в подобной позе также в профиль влево представлен сфинкс на шtukовом рельефе из раскопок Виллы Фарнезины в Риме¹⁵⁷.

4. Заключение

Проведенный анализ показал, что получившие распространение в сарматских погребениях I в. н. э. сравнительно редкие бронзовые тазы и патеры, украшенные медальонами с рельефными изображениями, происходят из погребений Нижнего Подонья и Закубанья, а также склепа Усть-Альминского могильника в Юго-Западном Крыму. При этом здесь было найдено примерно 20% таких сосудов, известных вообще и сопоставимых по общему количеству с находками из Помпей. Этим не исчерпывается значение сосудов из сарматских погребений.

Анализ сюжетов показал преобладание дионисийских мотивов, в том числе изображений Эроса, наряду с которыми встречались и отдельные изображения (сфинкс), и пасторальные, и мифологические сцены. Обращает на себя внимание уникальный характер многих композиций, в том числе сцен на крупных медальонах тазов с изображением пьяного Силена на муле и смерти Полиника. Практически все сюжеты не имеют точных аналогий не только в произведениях торевтики, но и в других категориях греческого и римского искусства, что отчасти объясняется и технологией изготовления медальонов. Индивидуальные изображения медальонов, богато украшенных инкрустациями из серебра, превращали изначально довольно обыденные ве-

щепель, пожирающих змей, подобно ручке кувшина no. 13392 из Помпей (Tassinari 1993: 38, B1222, no. 13392, tav. LII, I; 499).

¹⁵¹ См. выше прим. 53.

¹⁵² LIMC VIII Suppl. 1997: 1172, no. 316; s. v. Die Sphinx in der römischen Welt (S.E. Katakis).

¹⁵³ LIMC VIII Suppl. 1997: 1170, nos. 278–279; s. v. Die Sphinx in der römischen Welt (S.E. Katakis).

¹⁵⁴ Zwierlein-Diehl 1991: 79, Nr. 1753 (с аналогиями), Taf. 25.

¹⁵⁵ Неверов 1988: 105, No 214; 166–167, No 452.

¹⁵⁶ Demisch 1977, 112, Abb. 320; Simon 1986, 55, Taf. I; LIMC VIII Suppl. 1997: 1170, no. 280, s. v. Die Sphinx in der römischen Welt (S.E. Katakis).

¹⁵⁷ <https://arachne.dainst.org/entity/3635488>.

щи в предметы престижа, поднимая и их материальную ценность, и, вероятно, значимость в глазах потребителей. Оба таза с медальонами происходят из ограбленных в древности погребений, поэтому трудно оценить более детально, кому они могли принадлежать, однако находки в этих погребениях золотых нашивных бляшек — безусловно, аргумент в пользу высокого статуса владельцев тазов. Даже в ограбленном в древности погребении № 1 кургана № 38/1987 могильника Царский (по предположению автора раскопок, мужском), кроме тулова патеры (?) с медальоном был найден серебряный кубок и золотые нашивные бляшки¹⁵⁸. Патеры с медальонами происходят в том числе из непотревоженных богатых погребений, как мужского (Михайловская, курган № 2/1982, погребение № 14¹⁵⁹), так и женских (Михайловская, курган № 9/1985, погребение № 25¹⁶⁰; могильник Вербовский-II, курган № 9/1999, погребение № 1¹⁶¹), в которых, за исключением погребения в могильнике Вербовский-II, найдены золотые и бляшки, серебряные и стеклянные сосуды.

Факт вторичного использования медальона патеры в более позднем комплексе, не ранее середины II в. н. э., в кургане № 9/1987 могильника Валовый-I подчеркивает значимость антикварного на момент погребения и находящегося во вторичном использовании медальона таза.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологическое наследие 2013 — Скрипкин А.С. (ред.). Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского областного краеведческого музея. Волгоград, 2013.
- Балановский, Тихонов 2009 — *Балановский А.В., Тихонов В.В.* Погребение знатной сарматки из курганного могильника «Горелый I» // *Наша малая Родина: ее история, развитие, проблемы.* Балашов, 2009. С. 8–22.
- Безуглов и др. 2009 — *Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н.* Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I). Ростов-на-Дону, 2009.
- Беспалый, Лукьяшко 2008 — *Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И.* Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Ростов-на-Дону, 2008. (Материалы и исследования по археологии Юга России. I).
- Беспалый и др. 2007 — *Беспалый Е.И., Беспалая Н.Е., Раев Б.А.* Древнее насе-

¹⁵⁸ Ильюков 1988: 33–35, рис. 180–182; 1994, 200–201, 210–211, рис. 1, 14–16. 18–26; 2, 22. О серебряном кубке из погребения см. Трейстер 2018: 123–124, рис. 7.

¹⁵⁹ Каминская и др. 1985: 228–234; Marčenko, Limberis 2008: 339, Nr. 13, Taf. 20–23.

¹⁶⁰ Каминский 2000: 86–95; Marčenko, Limberis 2008: 339, Nr. 14, Taf. 24–26.

¹⁶¹ Мамонтов 2008: 175–176, рис. 5, 4, 6, 1–2. 4. 6–12. 27; 7.

- ление Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1». Ростов-на-Дону, 2007. (Материалы и исследования по археологии Юга России. 2).
- Велков 1928/1929а — *Велков И.* Нови могилини находки // ИБАИ. 1928/29. V. С. 13–55.
- Велков 1928/1929б — *Велков И.* Новоткрити старини // ИБАИ. 1928/29. V. С. 367–381.
- Глухов 2005 — *Глухов А.А.* Сарматы междуречья Волги и Дона в I — первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005.
- Гугуев 2013 — *Гугуев В.К.* О прямой аналогии сцене жертвоприношения на кувшине из кургана у с. Красный Кут // В.Ю. Зуев (ред.). Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). СПб., 2013. С. 461–469.
- Гущина, Засецкая 1994 — *Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.
- Довгалюк, Мальшев 2008 — *Довгалюк Н.П., Мальшев А.А.* Описание погребальных комплексов. Каталог // Мальшев А.А. (ред.). Аспургинане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского могильника. М., 2008 (Некрополи Черноморья. 2). С. 188–243.
- Засецкая 2010 — *Засецкая И.П.* Древности Прикубанья римской эпохи // Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д. (ред.). Античное наследие Кубани. III. М. С. 276–292.
- Ильюков 1988 — *Ильюков Л.С.* Отчет об исследовании курганного могильника «Царский» в Мясниковском районе Ростовской области в 1987 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 11899.
- Ильюков 1994 — *Ильюков Л.С.* Сарматские курганы окрестностей Танаиса (могильник «Царский») // Вестник Танаиса. 1994. Вып. 1. С. 198–215.
- Каминская и др. 1985 — *Каминская И.В., Каминский В.Н., Пьянков А.В.* Сарматское погребение у станицы Михайловской (Закубанье) // СА. 1985. № 4. С. 228–234.
- Каминский 2000 — *Каминский В.Н.* Сарматское погребение с малоазийским и римским импортом из ст. Михайловской (Закубанье) // Раев Б.А. (ред.). Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 7-го археологического семинара. Краснодар, 8–11 июня 1999. Краснодар, 2000. С. 86–95.
- Кат. Киев 2005 — *Зайцев Ю.П.* (ред.). Древние сокровища Юго-Западного Крыма. Симферополь, 2005.
- Кат. Ленинград 1973 — Античная художественная бронза: Каталог выставки в Эрмитаже. Л., 1973.
- Кат. Ленинград 1980 — Художественные изделия эпохи римской империи (I в. до н. э. — IV в. н. э.). Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. Л., 1980.
- Кат. Москва 2002 — *Журавлев Д.В.* (ред.). На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. М., 2002.

- Кат. София 1984: *Огненова-Маринова Л., Димитрова-Милчева Ал., Василев В.П., Кузманов Г., Георгиев П., Найденова В., Илиева П., Кабакчиева Г.* Художествен бронз от римската епоха в Национални археологически музей при БАН. София, 1984.
- Кат. Стара Загора 1984 — *Николов Д., Янков Д., Калчев К., Буюклиев Х.* Античная бронза. Окружной Исторический музей. Стара Загора. София, 1984.
- Клейн 2016 — *Клейн Л.С.* Первый век: сокровища сарматских курганов. СПб., 2016.
- Кропоткин 1970 — *Кропоткин В.В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.). М., 1970 (Свод археологических источников. Вып. Д1–27).
- Лимберис, Марченко 2006 — *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Бронзовые ковши и патеры из сарматских и меотских памятников Прикубанья // Симоненко А.В. (ред.). *Liber Archaeologiae*. Сборник статей, посвященных 60-летию Бориса Ароновича Раева / Краснодар, Ростов-на-Дону, 2006. С. 51–77.
- Лимберис, Марченко 2013 — *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Бронзовый италийский сосуд из Славянска-на-Кубани // Кирей Н.И., Колесов И.В., Кузнецов И.В., Марченко И.И. (ред.). Археология и этнография Понтийско-кавказского региона. Вып. 1. Краснодар, 2013. С. 19–29.
- Максименко 2015 — *Максименко В.Е.* Погребения с римскими импортами Сладковского курганного могильника // Кореняко В.А., Бойко Л.А. (ред.). TANAIN DE POTAMON DIABANTI. Памяти В.Е. Максименко (1934–2014). Ростов-на-Дону, 2015. С. 73–74.
- Мамонтов 2004 — *Мамонтов В.И.* К вопросу о сарматской торевице // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I международная Нижневолжская археологическая конференция. Волгоград, 2004. С. 204–208.
- Мамонтов 2008 — *Мамонтов В.И.* Сарматские погребения из курганного могильника Вербовский II // Нижневолжский археологический вестник. 2008. Вып. 9. С. 170–197.
- Мозолевский 1979 — Мозолевский Б.М. *Товста могила*. Киев, 1979.
- Мордвинцева, Хабарова 2006 — *Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В.* Древнее золото Поволжья из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Симферополь, 2006.
- Неверов 1988 — *Неверов О.Я.* Античные камни в собрании Эрмитажа. Каталог. Л., 1988.
- ОАК за 1905 г. — Отчет Императорской археологической комиссии за 1905 г. СПб., 1908.
- Пуздровский 2007 — *Пуздровский А.Е.* Крымская Скифия. II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.
- Раев 1972 — *Раев Б.А.* Богатое сарматское погребение 3-го Соколовского кургана // Вестник ЛГУ. 1972. № 4. С. 128–130.

- Раев 1974 — *Раев Б.А.* Бронзовый таз из 3-го Соколовского кургана // *СА.* 1974. № 3. С. 181–189.
- Симоненко 2011 — *Симоненко А.В.* Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., 2011.
- Трейстер 2007 — *Трейстер М.Ю.* Вставки гемм (за исключением перстней) // *Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю.* Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н. э. — II в. н. э. Том I. Симферополь, Бонн, 2007. С. 295–305.
- Трейстер 2008 — *Трейстер М.Ю.* Импортная металлическая посуда из Цемдолинского могильника // *Мальшев А.А.* (ред.). Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского могильника. М., 2008 (Некрополи Черноморья. 2). С. 181–187.
- Трейстер 2019 — *Трейстер М.Ю.* О двух римских бронзовых кувшинах из сарматских погребений Подонья // *Stratum plus.* 2019. № 4. С. 113–132.
- Шкорпил 1932 — *Шкорпил К.* Археологически бележки от Черноморското крайбрежие // *ИБАИ.* 1932 (1930–1931). 6. С. 57–88.
- AGD III Göttingen 1970 — *Scherf V., Gercke P., Zazoff P.* Antike Gemmen in Deutschen Sammlungen III, Braunschweig, Göttingen, Kassel. München, 1970.
- Alexandridou 2011 — *Alexandridou A.* The Early Black-Figured Pottery of Attika in Context (с. 630–570 BCE). Leiden, Boston, 2011 (Monumenta Graeca et Romana. 17).
- Allen et al. 2012 — *Allen T., Donnelly M., Hardy A., Hayden C., Powell K.* A Road Through the Past: Archaeological Discoveries on the A2Pepperhill to Cobham road-scheme in Kent. Oxford, 2012 (Oxford Archaeology Monograph. 16).
- Antikenmuseum Berlin 1988 — *Heilmeyer W.-D.* (Hrsg.). Antikenmuseum Berlin. Die ausgestellten Werke. B., 1988.
- Armand-Caillat 1959 — *Armand-Caillat L.* Patères en bronze trouvées près de Lyon à l'Île-Barbe // *RA.* 1959. Fasc. 2. P. 65–76.
- Bailey 1980 — *Bailey D.M.* A Catalogue of the Lamps in the British Museum. II. Roman Lamps made in Italy. L., 1980.
- Baratte 1986 — *Baratte F.* Le trésor l'orfèvrerie romaine le Bosc coreale. P., 1986.
- Baratte 2001 — *Baratte F.* Orient et Occident: le témoignage d'une trouvaille d'argenterie d'époque parthe en Asie centrale // *Journal des savants.* 2001. P. 249–307.
- Baratte 2002 — *Baratte F.* East and West: A Central Asian Silver Hoard from the Parthian Era. L., 2002.
- Bayer-Niemeier 1983 — *Bayer-Niemeier E.* Fischerbilder in der hellenistischen Plastik. Bonn, 1983.
- Bespaly 1986 — *Bespaly E.I.* Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979–84 // *Raev B.A.* Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford, 1986 (BAR Intern. ser. 278). P. 75–78.
- Bielefeld 2005 — *Bielefeld R.* Orestes auf römischen Sarkophagen. B., 2005.

- Bienert 2007 — *Bienert B.* Die römischen Bronzegefäße im Rheinischen Landesmuseum Trier. Trier, 2007.
- Bolla 1994 — *Bolla M.* Vasellame romano in bronzo nelle Civiche raccolte archeologiche di Milano. Milano, 1994 (Rassegna di studi del Civico museo archeologico e del Civico gabinetto numismatico di Milano Suppl. 11).
- Bónis 1982 — *Bónis É.* Das kaiserzeitliche „Wagengrab“ Nr. 3 von Környe // *Folia archaeologica.* 1982. T. XXXIII. S. 117–161.
- Boucher, Tassinari 1976 — *Boucher S., Tassinari S.* Musée de la Civilisation Gallo-Romaine à Lyon. Bronzes Antiques. Vol. I. Paris, 1976.
- Bozhkova, Delev 1999 — *Bozhkova A., Delev P.* Two Bronze Vessels from Roman Thrace with Producer Stamps // *ArchBulg.* 1999. Vol. III.2. P. 43–48.
- Breščak 1982 — *Breščak D.* Roman Bronze Vessels in Slovenia. Ljubljana, 1982 (Situla, 22/1).
- Byvanck-Quarles van Ufford 1974 — *Byvanck-Quarles van Ufford L.* Les vases en argent à chassiers, conservés à Istanbul // *Akurgal E., Alkim U.B. (eds.). Mélanges Mansel.* Ankara, 1974. P. 335–343.
- Castoldi 2004 — *Castoldi M.* Recipienti in bronzo dal territorio dell'antica Brixia tra età tardorepubblicana ed età augustea // *Acta 16th Bronze Congress.* P. 85–95.
- Cat. London 2008 — *Opper T.* Hadrian: Empire and Conflict. L., 2008.
- Cat. Milan 1997 — *Riflessi di Roma. Imperio Romano e barbari del Baltico.* Roma, 1997.
- Cat. Naples 2006 — *Guzzo P.G. (ed.). Argenti a Pompei.* Milano, 2006.
- Cat. Paris 1991 — *Beck F., Chew H. (eds.). Masques de fer: un officier romain du temps de Caligula: Musée des antiquités nationales de Saint-Germain-en-Laye,* 6 novembre 1991–4 février 1992. Paris, 1991.
- Cat. Toledo 1977 — *Oliver A.Jr.* Silver for the Gods. 800 Years of Greek and Roman Silver. Toledo, 1977.
- Comstock, Vermeule 1971 — *Comstock M., Vermeule C.C.* Greek, Etruscan and Roman Bronzes in the Museum of Fine Arts Boston. Boston, 1971.
- Curtius 1934 — *Curtius L.* Orest und Iphigenie in Tauris. Zum Bronzekrater von Dionysopolis–Balcik // *RM.* 1934. Bd. 49. S. 246–294.
- de Ridder 1915 — *de Ridder A.* Les bronzes antiques du Louvre. T. II. Les instruments. P., 1915.
- Demisch 1977 — *Demisch H.* Die Sphinx. Geschichte ihrer Darstellung von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1977.
- Deschler-Erb 2006 — *Deschler-Erb E.* Die Funde aus Bronze und Blei // *Schucany C.* Die römischen Villa von Biberist-Spitalhof SO. Grabungen 1982, 1983, 1986–1990. Remshalden, 2006 (Ausgrabungen und Forschungen, 4). S. 417–458.
- Drobejar 2006 — *Drobejar E.* Hornolabští Svěbové — Markomani. K problematice dalšího vývoje großromstedtské kultury ve stupni Eggers B1 („Zeitgruppe 3“) v Čechách (dobřichovská skupina) // *Archeologie ve středních Čechách.* 2006. T. 10. s. 599–712.

- Drobejar 2007 — *Drobejar E.* „Veteres illic Sueborum praedae et nostris e provinciis lixae ac negotiators reperti...“ (Tacitus, Ann. II,62,3). K interpretaci římských importů u českých Svebů v době Marobudově // Drobejar E., Chvoika O. (eds.). Archeologie barbarů 2006. Sborník příspěvků z II. protohistorické konference (České Budějovice, 21.–24. II. 2005). Sv. I. České Budějovice, 2007. s. 43–93.
- Drobejar 2014 — *Drobejar E.* Bohatý labsko-germanský kostrový hrob liubsowského typu z Prahy-Bubenče (Hrob III). Nové poznatky k interpretaci nálezu z roku 1948 // *Archaeologica Pragensia*. 2014. Vol. 22. s. 397–443.
- Dunbabin 1978 — *Dunbabin K.* The Mosaics of Roman North Africa. Studies in Iconography and Patronage. Oxford, 1978.
- Dunham 1957 — *Dunham D.* Royal Tombs at Meroë and Barkal. Boston, 1957 (The Royal Cemeteries of Kush, IV).
- Dussaud 1924 — *Dussaud R.* Patère de bronze de Tafas // *Syria*. 1924. T. 5.3. P. 212–215.
- Eggers 1951 — *Eggers H.J.* Der römische Import im freien Germanien. Hamburg, 1951 (Atlas der Urgeschichte. 1).
- Ekengren 2009 — *Ekengren F.* Ritualization — Hybridization — Fragmentation. The Mutability of Roman Vessels in Germania Magna AD 1–400. Lund, 2009 (Acta archaeologica Lundensia, Series prima in 40, 28).
- Faider-Feytmans 1979 — *Faider-Feytmans G.* Les bronzes romains de Belgique. Mainz.
- Ferdière, Villard 1993 — *Ferdière A., Villard A.* La tombe augustéenne de Fléré-la-Rivière (Indre) et les sépultures aristocratiques de la cité des Bituriges. En Berry au début de l'époque gallo-romaine: le fer, le vin, le pouvoir et la mort. Tours, 1993 (Supplément à la Revue archéologique du centre de la France 7).
- Feugère 1994 — *Feugère M.* La vaisselle gallo-romaine en bronze de Vertault (Côte-d'Or) // *Revue Archéologique de l'Est*. 1994. T. 45.1. P. 137–168.
- Fingerlin 1986 — *Fingerlin G.* Dangstetten I. Katalog der Funde (Fundstellen 1 bis 603). Stuttgart, 1986 (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. 22).
- Fingerlin 1998 — *Fingerlin G.* Dangstetten II. Katalog der Funde (Fundstellen 604 bis 1358). Stuttgart, 1998 (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. 69).
- Flügel 1993 — *Flügel Ch.* Die römischen Bronzegefäße von Kempten-Cambodunum. Kallmünz, 1993 (Cambodunumforschungen. V; Materialhefte zur bayerischen Archäologie. 63).
- Furtwängler 1895 — *Furtwängler A.* Erwerbungen der Antikensammlungen in Deutschland. Berlin. Antiquarium // *JdI*. 1895. Bd. 10. S. 126–134.
- Galanina, Grach 1986 — *Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Leningrad, 1986.
- Gauckler 1886 — *Gauckler P.* Le domaine des Laberii à Uthina // *Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot*. 1896. T. 3. Fasc. 2. P. 177–230.

- Gkika 2018 — *Gkika A.* Animal Figures & Coinage: The Greek Cities on the Chalcidic Peninsula. School of humanities. A thesis submitted for the degree of Master of Arts (MA) in the Classical Archaeology and the Ancient History of Macedonia. Thessaloniki, 2018.
- Gorecki 1993 — *Gorecki J.* Metallgefäße und -objekte aus der Villa des N. Popidius Florus (Boscocreale) im J. Paul Getty Museum, Malibu, Kalifornien // Acta 11th Bronze Congress. S. 229–246.
- Gorecki 2016 — *Gorecki J.* Römische Metallgefäßspektren aus ausgewählten militärischen Fundkomplexen diesseits und jenseits von Rhein von der Zeit der späten Republik bis zum Beginn des 2. Jahrhunderts // Archäologie zwischen Römern und Barbaren. S. 177–214.
- Goulyaeva 2000 — *Goulyaeva N.* The Collection of Roman Bronzes in the Hermitage Museum // Thomas R. (Hrsg.). Akten des 14. Internationalen Kongresses für Antike Bronzen (Köln, 21. bis 24. September 1999). Antike Bronzen. Werkstattkreise: Figuren und Geräte. Köln, 2000 (Kölner Jahrbuch. Jg. 33). P. 161–172.
- Grane 2007a — *Grane T.* Southern Scandinavian *Foederati* and *Auxilarii* // Grane T. (ed.). Beyond the Roman Frontier. Roman Influences on the Northern Barbaricum. Rome, 2007 (Analecta Romana Instituti Danici, Supplementum. 39). P. 83–104.
- Grane 2007b — *Grane T.* The Roman Empire and Southern Scandinavia — a Northern Connection. A Re-evaluation of Military-political Relations Between the Roman Empire and the Barbaricum in the First Three Centuries AD with a Special Emphasis on Southern Scandinavia. PhD dissertation, University of Copenhagen, 2007.
- Grane 2013 — *Grane T.* Roman Relations to Southern Scandinavia in the Late Antiquity // Hunter F., Painter K. (eds.). Late Roman Silver. The Traprain Treasure in Context. Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. Edinburgh, 2013. P. 359–371.
- Graue 1975 — *Graue J.* Ein bronzenes Fussbecken vom Typ „Hoby“ aus Pedemonte bei Gravelona (Toce) // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1975. Jg. 5. S. 205–207.
- Guguev, Trejster 1992 — *Guguev V.K., Trejster M.Ju.* Une oenochoé de bronze a scènes mythologiques provenant d'un kourgane sarmate de la région de Rostov // RA. 1992. Fasc. 2. P. 243–271.
- Henig 1983 — *Henig M.* The Luxury Art // Henig M. (ed.). A Handbook of Roman Art. L., 1983. P. 139–165.
- Héron de Villefosse 1899 — *Héron de Villefosse A.* Le trésor de Boscocreale. Paris, 1899 (Monuments et mémoires, Fondation Eugène Piot. 5).
- Himmelman 1980 — *Himmelman N.* Über Hirten-Genre in der antiken Kunst. Opladen, 1980.
- Höcker 1988 — *Höcker C.* Antike Gemmen. Eine Auswahl. 2. Aufl. Kassel, 1988.

- Holliger, Holliger 1985 — *Holliger Ch., Holliger C.* Bronzegefäße aus Vindonissa. Teil 2 // Jahresbericht. Gesellschaft Pro Vindonissa. 1985. S. 5–44.
- Hrnčiarik 2013 — *Hrnčiarik E.* Römisches Kulturgut in der Slowakei. Herstellung, Funktion, und Export römischer Manufakturzeugnisse aus den Provinzen in der Slowakei. Bonn, 2013 (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. 222).
- Hübener 1973 — *Hübener W.* Die römischen Metallfunde von Augsburg-Oberhausen. Kallmünz, 1973 (Materialhefte zur bayerischen Vorgeschichte. 28).
- Ignatov, Gospodinov 2013 — *Ignatov V., Gospodinov K.* Eine reiche Bestattung eines thrakischen Aristokraten aus dem 1. Jh. n. Chr. bei Karanovo, Kreis Nova Zagora, Südbulgarien // *ArchBulg.* 2013. Vol. XVII.1. S. 27–48.
- Jentel 1976 — *Jentel M.-O.* Les gutti et les askoi à reliefs étrusques et apuliens. Essai de classification et de typologie. Leiden, 1976.
- Jilek 2009 — *Jilek J.* Bronzové nádoby z doby římské na Moravě a naddunajské části Dolního Rakouska. Pardubice, 2009.
- Jilek 2015 — *Jilek J.* Roman Metal Vessels in the Milieu of Germanic Elites in the Middle Danube Region // *Studia Hercynia.* 2015. Vol. XIX/1–2. P. 169–188.
- Junge 1983 — *Junge M.* Untersuchungen zur Ikonographie der Erinys in der griechischen Kunst. Kiel, 1983.
- Kapeller 2003 — *Kapeller A.* La vaisselle en bronze d'Avenches / Aventicum // *ProAventico.* 2003. T. 45. P. 83–147.
- Karasová 1998 — *Karasová Z.* Die römischen Bronzegefäße in Böhmen. Praha, 1998 (Fontes Archaeologici Pragenses 22).
- Kat. Frankfurt 2003 — Gossel-Raek B., Stutzinger D. (Hrsg.). Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don. Frankfurt.
- Kat. Wien 1993 — Seipel W. (Hrsg.). Gold aus Kiew. 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine. Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien. 6.6.–1.8.1993. Wien, 1993.
- Kaufmann-Heinimann 1994 — *Kaufmann-Heinimann A.* Die römischen Bronzen der Schweiz. V. Neufunde und Nachträge. Mainz, 1994.
- Khamis 2013 — *Khamis E.* Copper Alloy Objects // Aylward W. (ed.). Excavations at Zeugma. Conducted by Oxford Archaeology. Vol. III. New Haven, 2013. P. 93–166.
- Knoblauch 1998 — *Knoblauch A.-M.* Myth and Message in Northern Greece: Interpreting the Classical Coins of Mende // Hartswick K.J., Sturgeon M.C. (eds.). ΣΤΕΦΑΝΟΣ. Studies in Honor of Brunilde Sismondo Ridgway. Philadelphia, 1998 (University of Pennsylvania Museum Monograph 100). P. 155–162.
- Konova 2006 — *Konova L.* „Iphigenie auf Tauris“ an der Schwarzmeerküste. Probleme des kulturellen Synkretismus in den Westpontischen Poleis // S. Conrad, R. Einicke, A.E. Furtwängler, H. Löhner, A. Slawisch (Hrsg.). Pontos Euxeinus. Beiträge zur Archäologie und Geschichte des antiken Schwarzmeer- und Balkanraumes. Langenweißbach, 2006. S. 81–92 (ZAKSSchriften 10).

- Kunow 1983 — *Kunow J.* Der römische Import in der Germania libera bis zu den Markomannenkriegen. Studien zu Bronze- und Glasgefäßen. Neumünster, 1983 (Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte. 21).
- Künzl 1969 — *Künzl E.* Der augusteische Silbercalathus im Rheinischen Landesmuseum Bonn // Bonner Jahrbücher. 1969. Bd. 169. S. 321–392.
- Loboda et al. 2002 — *Loboda I.I., Puzdrovskij A.E., Zajcev Ju.P.* Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996 // Eurasia Antiqua. 2002. Bd. 8. S. 295–346.
- Lund Hansen 1987 — *Lund Hansen U.* Römischer Import im Norden. Warenaustausch zwischen dem Römischen Reich und dem freien Germanien. København, 1987 (Nordiske Fortidsminder. B/10).
- Lund Hansen, Bollingberg 1995 — *Lund Hansen U., Bollingberg H.* Analyses of Roman Bronze Vessels from Denmark // Mols S.T.A.M., Gerhartl-Witteveen A.M., Kars H., Koster A., Peters W.J.Th., Willems W.J.H. (eds.). Acta of the 12th International Congress on Ancient Bronzes, Nijmegen 1992. Nijmegen, 1995 (Nederlandse archeologische Rapporten. 18). P. 165–168.
- Lundock 2014 — *Lundock J.R.* A Study of the Deposition and Distribution of Copper Alloy Vessels in Roman Britain. Thesis by Jason Lundock for King's College London in completion of degree Doctor of Philosophy in Classics Research. L., 2014.
- Maksimenko 1986 — *Maksimenko V.E.* The Grave with Roman Imports in the Sladkovsky Barrow Cemetery // Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford, 1986 (BAR Intern. ser. 278). P. 81–82.
- Malyšev, Treister 1994 — *Malyšev A.A., Treister M.* Eine Bestattung des Zubovsko-Vozdvizenski Kreises aus der Umgebung von Noworossisk // Bayerisches Vorgeschichtsblätter. 1994. Jg. 59. S. 39–71.
- Malyšev, Treister 1994 — *Malyšev A.A., Treister M.* A Warrior's Burial from the Asiatic Bosphorus in the Augustan Age // Expedition. 1994. Vol. 36.2–3. P. 29–37.
- Mansel 1939 — *Mansel A.M.* Grabhügelforschung in Ostthrakien // ИБАИ. 1939. Т. XIX. S. 154–189.
- Mansel 1941 — *Mansel A.M.* Grabhügelforschung im östlichen Thrakien // AA. 1941. S. 119–187.
- Marčenko, Limberis 2008 — *Marčenko I.I., Limberis N.J.* Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // *Simonenko A.V., Marčenko I.I., Limberis N.J.* Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Mainz, 2008 (Archäologie in Eurasien. 25). S. 267–400.
- Menzel 1966 — *Menzel H.* Die römischen Bronzen aus Deutschland. Bd. II. Trier. Mainz, 1966.
- Mertens 1952 — *Mertens J.* Une riche tombe gallo-romaine découverte à Tirlémont (Belgique) // L'antiquité classique. 1952. T. 21. Fasc. 1. P. 39–73.
- Museo Borbonico IV, 1827 — Real Museo Borbonico. Vol. IV. Napoli, 1827.

- Museo Borbonico VI, 1830 — Real Museo Borbonico. Vol. VI. Napoli, 1830.
- Mustață 2017 — *Mustață S.* The Roman Metal Vessels from Dacia Porolissensis. Cluj-Napoca, 2017 (Patrimonium Archaeologicum Transylvanicum. 12).
- Müller 1997 — *Müller M.* Die römischen Bronzegefäße von Haltern // Ausgrabungen u. Funde i. Westfalen-Lippe. 1997. Bd. 9/A. S. 5–40.
- Nenova-Merdjanova 2011 — *Nenova-Merdjanova, R.* Production and Consumption of Bronzework in Roman Thrace // Haynes I.P. (ed.). Early Roman Thrace: New Evidence from Bulgaria. Portsmouth, 2011 (Journal of Roman Archaeology Supplementary Series. 82). P. 115–134.
- Nenova-Merdjanova, Angelov 1999 — *Nenova-Merdjanova R., Angelov A.* A Rich Thracian's Grave from Marcianopolis // ArchBulg. 1999. Vol. 3.2. P. 49–59.
- Neubauer 1927 — *Neubauer K.A.* Bronzegerät des Altertums. Bielefeld; Lpz., 1927 (Bilderhefte zur Kunst- und Kulturgeschichte des Altertums).
- Neverov 1971 — *Neverov O.* Antique Cameos in the Hermitage Collection. Leningrad, 1971.
- Novotný 1955 — *Novotný B.* Hrob velmože z počátků doby římské v Praze-Bubenči // Památky archeologické. 1955. T. 46. s. 227–264.
- Nuber 1972 — *Nuber H.-U.* Kanne und Griffschale // BerRGK. 1972. Bd. 53. S. 1–232.
- Nuber 1988 — *Nuber H.-U.* Antike Bronzen aus Baden-Württemberg. Aalen, 1988 (Schriften des Limesmuseums Aalen. 40).
- Oettel 1991 — *Oettel A.* Bronzen aus Boscoreale in Berlin. Berlin, 1991.
- Onurkan 1988 — *Onurkan S.* Doğu Trakya tümülüsleri maden eserleri. Istanbul arkeoloji müzelerindeki Trakya toplu bulluntuları. Ankara, 1988.
- Painter 2001 — *Painter K.* The Insula of the Menander at Pompeii. IV. The Silver Treasure. Oxf., 2001.
- Palágyi 1981 — *Palágyi S.* Die römischen Hügelgräber von Inota // Alba Regia. 1981. Vol. 19. P. 7–93.
- Parrot 1963 — *Parrot A.* Acquisitions et inédits du musée du Louvre // Syria. 1963. T. 40.3–4. P. 229–251.
- Pautreau 1999 — Pautreau J.-P. (ed.). Antran (Vienne): un ensemble aristocratique du premier siècle. Poitiers, 1999 (Musées de Poitiers, regard sur les collections. 1).
- Pernet 2010 — *Pernet L.* Armement et auxiliaires gaulois (IIe et Ier siècles avant notre ère). Montagnac, 2010.
- Pernice 1900 — *Pernice E.* Bronzen aus Boscoreale // AA. 1900. S. 177–198.
- Petrovsky 1993 — *Petrovsky R.* Studien zu römischen Bronzegefäßen mit Meisterstempeln. Buch am Erlbach, 1993 (Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen. 1).
- Petrovsky, Bernhard 2016 — *Petrovsky R., Bernhard H.* Versunken im Rhein. Typenspektren der „Beutehorten“ im Vergleich // Archäologie zwischen Römern und Barbaren. S. 245–260.

- Petrzovszky, Stupperich 2002 — *Petrzovszky R., Stupperich R.* Die „Trau-Kasserollen“. Einige Bemerkungen zu den reliefverzierten Kasserollen E 151. Möhnesee, 2002 (Mentor. Studien zu Metallarbeiten und Toreutik der Antike. 1).
- Pfrommer 1985 — *Pfrommer M.* Ein Bronzebecken in Malibu // The J. Paul Getty Museum Journal. 1985. Vol. 13. P. 9–18.
- Pharmakowsky 1906 — *Pharmakowsky B.* Archäologische Funde im Jahre 1905. Südrussland. AA. 1906. Sp. 109–124.
- Plantzos 1999 — *Plantzos D.* Hellenistic Engraved Gems. Oxf., 1999.
- Popa 2016 — *Popa A.* Bronzenes Wasch- und Badegeschirr am Rande der römischen Welt: Überlegungen zu einer Gruppe römischer Bronzegefäße jenseits der Provinzgrenzen Dacia und Moesia Inferior // Archäologie zwischen Römern und Barbaren. S. 423–432.
- Puzdrovskij 2013 — *Puzdrovskij A.* Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole // LVR — Landesmuseum Bonn (Hrsg.). Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten. Bonn, 2013. S. 290–323.
- Radnóti 1938 — *Radnóti A.* Die römischen Bronzegefäße von Pannonien. Budapest, 1938 (Dissertationes Pannonicae. II/6).
- Raeder 1983 — *Raeder J.* Priene. Funde aus einer griechischen Stadt. B., 1983 (Bilderhefte der Staatlichen Museen Preußischer Kulturbesitz. 45/46).
- Raev 1977a — *Raev B.A.* Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien // BerRGK. 1977. Bd. 58.II. S. 605–643.
- Raev 1977b — *Raev B.A.* Vaisselle de bronze italique dans les tombes de la noblesse Sarmate sur le Bas-Don // Actes des IIIes journées internationales consacrées à l'étude des bronzes romains. Bruxelles, 1977 (Bulletin des Musées Royaux d'Art et d'Histoire. 46). P. 139–149.
- Raev 1986 — *Raev B.A.* Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxf., 1986 (BAR Intern. ser. 278).
- Ratković 2004 — *Ratković D.* Bronze vessels from the Military Fort Diana // Acta 16th Bronze Congress. P. 385–394.
- Ratković 2005 — *Ratković D.* Bronzane posude: iz rimske zbirke Narodnog Muzeja u Beogradu / Roman Bronze Vessels in the Roman Collection of the National Museum in Belgrade. Beograd, 2005 (Антика / Antiquity. IX).
- Robert 1919 — *Robert C.* Archaeologische Hermeneutik. Anleitung zur Deutung klassischer Bildwerke. B., 1919.
- Sakař 1970 — *Sakař V.* Roman Imports in Bohemia. Praha, 1970 (Fontes Archaeologici Pragenses. 14).
- Sarnataro 2002 — *Sarnataro T.* Le patere con manico dall'area vesuviana e la loro funzione domestica. Case-study; la Casa di *L. Volusius Faustus* (I 2, 10) // Giumlia-Mair A. (ed.). I Bronzi antichi: Produzioni e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi. Montagnac, 2002 (Instrumentum Monographies. 21). P. 393–406.

- Schindler 1985 — *Schindler W.* Der Iphigenie-Krater in Varna — ein Restitutionsstück // *Thracia*. 1985. T. 7. S. 123–134.
- Schütz 2013 — *Schütz J.-L.* La tombe 2 de Bois-et-Borsu. Liège, 2013.
- Sedlmayer 1999 — *Sedlmayer H.* Die römischen Bronzegefäße in Noricum. Montagnac, 1999 (Monographies Instrumentum. 10).
- Simon 1959 — *Simon E.* Die Geburt der Aphrodite. B., 1959.
- Simon 1986 — *Simon E.* Augustus: Kunst und Leben in Rom um die Zeitenwende. München, 1986.
- Simonett 1941 — *Simonett C.* Tessiner Gräberfelder. Basel, 1941 (Monographien zur Ur- und Frühgeschichte der Schweiz. 3).
- Sinn 1979 — *Sinn U.* Die homerischen Becher: hellenistische Reliefkeramik aus Makedonien. Berlin, 1979 (Athenische Mitteilungen Beihefte. 7).
- Spinazzola 1928 — *Spinazzola V.* Le arti decorative in Pompei e nel Museo nazionale di Napoli. Milano, 1928.
- Steuernagel 1998 — *Steuernagel D.* Menschenopfer und Mord am Altar. Griechische Mythen in etruskischen Gräbern. Wiesbaden, 1998 (Palilia. 3).
- Stefanelli 1990 — *Stefanelli L.P.B.* Il bronzo dei Romani. Roma, 1990.
- Stefanelli 1991 — *Stefanelli L.P.B.* L'argento dei Romani. Roma, 1991.
- Ștefănescu 2004 — *Ștefănescu A.* Bronze Patera in Roman Dacia // *Acta 16th Bronze Congress*. P. 421–429.
- Szabó 1990a — *Szabó K.* Bacchus et ses compagnons sur des anses de vaisselle en bronze // *Acta 11th Bronze Congress*. P. 405–419.
- Szabó 1990b — *Szabó K.* Római kori bronzedények a veszprémi Laczkó Dezső Múzeumban // *Veszprémi Történelmi Tár*. 1990. T. II. P. 19–67.
- Szabó 1999 — *Szabó K.* Die Phialen mit Griff des Handwaschservices des sog. Alikaria-Typs // *Vaday A.* (ed.). *Pannonia and Beyond. Studies in Honour of L. Barkóczi*. Budapest, 1999 (Antaeus. 24). S. 462–491.
- Tarbell 1909 — *Tarbell F.B.* Catalogue of bronzes, etc., in Field Museum of Natural History: reproduced from originals in the National Museum of Naples. Chicago, 1909.
- Tassinari 1993 — *Tassinari S.* Il vasellame bronzeo di Pompei. Roma, 1993.
- Treister 1994 — *Treister M.* A New Example of Ancient Metalwork from a Sarmatian Kurgan // *Expedition*. 1994. Vol. 36.2–3. P. 38–46.
- Treister 1999 — *Treister M.Yu.* Some Classical Subjects on Sarmatian Phalerae (to the origin of phalerae) // *Tsetsckhladze G.R.* (ed.). *Ancient Greeks West and East*. Leiden, 1999. P. 567–605.
- Treister 2001 — *Treister M.* Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics. Leiden, Köln, Boston, 2001 (Colloquia Pontica. 8).
- Treister 2019 — *Treister M.* Second-Hand for the Barbarians? Greek and Roman Metalware with the Signs of Repair from the Nomadic burials of Scythia and Sarmatia // *Cojocaru V., Ruscu L., Castelli T., Pázsint A.-I.* (eds.). *Advances in Ancient Black Sea Studies: Historiography, Archaeology and Religion*. The

- Proceedings of the International Symposium, Constanța, August 20–24, 2018. Cluj-Napoca, 2019 (Pontica et Mediterranea. VIII). P. 313–345.
- Voß 2005 — *Voß H.-U.* Hagenow in Mecklenburg — ein frühkaiserzeitlicher Bestattungsplatz und Aspekte der römisch-germanischen Beziehungen // *BerRGK.* 2005. Bd. 86. S. 19–59.
- Walters 1899 — *Walters H.B.* Catalogue of the bronzes, Greek, Roman, and Etruscan in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum. L., 1899.
- Wiegand, Schrader 1894 — *Wiegand Th., Schrader H.* Priene: Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen in den Jahren 1895–1898. B., 1904.
- Wielowiejski 1985 — *Wielowiejski J.* Die spätkeltischen und römischen Bronzegefäße in Polen // *BerRGK.* 1985. Bd. 66. S. 123–320.
- Williams 2015 — *Williams D.* A Cantharus from ancient Betar near Jerusalem (the so-called Warren Cup) and Roman Silver Plate // *BABesch.* 2015. Vol. 90. P. 155–198.
- Yadin 1963 — *Yadin Y.* The Finds from the Bar Kokhba Period in the Cave of Letters. Metal Utensils. Jerusalem, 1963 (Judean Desert Studies. 1).
- Zwierlein-Diehl 1991 — *Zwierlein-Diehl E.* Die antiken Gemmen des Kunsthistorischen Museums in Wien. Bd. III. München, 1991.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ИБАИ — Известия на Българския археологически институт / Bulletin de l'Institut archéologique bulgare. София
- СА — Советская археология. Москва
- АА — Archäologischer Anzeiger. Berlin
- Acta 11th Bronze Congress — Arce J., Burkhalter, F. (eds.). Bronces y religion romana (Actas del XI Congreso Internacional de Bronces antiguos, Madrid, mayo-junio 1990). Madrid, 1993
- Acta 16th Bronze Congress — Mușeteanu C. (ed.). The Antique Bronzes: Typology, Chronology, Authenticity. The Acta of the 16th International Congress of Antique Bronzes, organized by The Romanian National History Museum, Bucharest, May 26th–31st, 2003. Bucharest, 2004
- ArchBulg — Archaeologia bulgarica
- Archäologie zwischen Römern und Barbaren — Voß H.-U., Müller-Schneeßel N. (Hrsg.). Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum — ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen). Internationales Kolloquium. Frankfurt am Main, 19.–22. März 2009. Bd. 1. Bonn, 2016
- BABesch — Bulletin antieke beschaving. Annual Papers on Classical Archaeology
- BAR — British Archaeological Reports. Oxford

BerRGK — Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Mainz

LIMC — Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich, München

RA — Revue archéologique. Paris

RM — Römische Mitteilungen. Rom

ZAKSSchriften — Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes. Langenweißbach

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ МУЗЕЕВ

АИАПМЗ — Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник

АМЗТ — Археологический музей-заповедник, Танаис

БГИКЗ — Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник

ВОКМ — Волгоградский областной краеведческий музей

КГИАМЗ — Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник

ROMAN BRONZE VESSELS WITH MEDALLIONS BEARING FIGURAL IMAGES FROM SARMATIA

MIKHAIL TREISTER

Abstract: The fact that some bronze vessels of the Early Imperial period, first of all, basins and pateras, were decorated with medallions, is well known, however, no one made a survey of such vessels. The author for the first time gives an overview of the finds of such vessels in the territory of Italy and the provinces of the Roman Empire, the European Barbaricum and Sarmatia. A special attention is devoted to the finds of basins and pateras with medallions from the 1st century AD Sarmatian burials in the Lower Don and Trans-Kuban regions, as well as from the tomb of the Ust-Alma Burial-ground in the South-Western Crimea. The analysis of the medallion motifs testifies the predominance of Dionysian subjects, first of all, the images of Eros, as well as separate images (sphinx), pastoral and mythological scenes. Noteworthy is the unique character of many compositions, including scenes on large medallions of basins depicting a drunk Silenus on a mule and the salvation of Orestes, who had fallen into madness. Almost all the motifs have no exact parallels not only in toreutics, but also in other categories of Greek and Roman art, which is partly due to the manufacturing technology of medallions, richly decorated with silver inlays, which converted initially rather ordinary bronze vessels into prestige items, raising both their material value, and, probably, their significance in the eyes of the customers.

Keywords: Roman bronze basins and paterae with medallions, Roman Empire, Sarmatia, Lower Don basin, Kuban area, Crimea, motifs of the medallions: mythological, Dionisiac, pastoral.

Трейстер Михаил Юрьевич,
доктор исторических наук,
научный сотрудник,
Германский археологический институт,
Podbielskiallee 69–71, D-14195 Berlin,
mikhailtreister@yahoo.de

К ВОПРОСУ О ПОНТИЙСКИХ РАБАХ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ*

Г.Р. ЦЕЦХЛАДЗЕ

Резюме: В статье рассматривается один частный аспект рабовладения в древней Греции. Рабы попадали в Грецию, особенно в Афины, из других стран, и исследователи традиционно используют имена рабов для определения области их происхождения, ссылаясь при этом на Страбона (7.3.12). Однако этот пассаж — всего лишь маленький отрывок из текста «Географии», и выше Страбон, как кажется, испытывает затруднения с определением места происхождения рабов по их именам. В данном исследовании основное внимание уделено этнической принадлежности рабов, носивших имена Колх и Скиф, которых считают уроженцами Колхиды и Скифии соответственно. Однако рассмотрение индивидуальных случаев показывает, что эти имена были широко распространены в Средиземноморье, однако не среди рабов, а среди греков, в том числе и занимавших высокие должности.

Ключевые слова: рабство, рабовладение, Средиземноморье, Черное море, Колхида, Скифия, скифы, Афины

Рабы из Причерноморского региона получили достаточно внимания в работах современных исследователей классической древности¹. Однако, несмотря на это, многие проблемы, связанные с данной темой, еще не разрешены и остаются предметом дискуссии. Большая часть исследований фокусируется на экспорте рабов из Причерноморья в Средиземноморье, экономической роли этой торговли и типе рабов. Нет никакого сомнения в том, что рабовладение было широко распространено в древнем мире², однако, как только мы обращаемся к исследованию деталей, лежащих в основе доминирующих в академической литературе обобщений о понтийских рабах, перед нами тут же возникает ряд сложностей. Даже в случае тех вопросов, которые считались давно решенными, регулярно появляются новые работы, которые, как кажется, лишь повторяют старые общепринятые догмы. Очень часто доступ-

* Я бы хотел выразить благодарность проф. сэру Джону Бордману за ценные комментарии к черновику этой статьи и проф. Александру Авраму за общие соображения. Алексей Владиславович Белоусов любезно согласился перевести текст статьи с английского на русский.

¹ См., например, Heinen 2001; 2006: 66–75; Braund, Tsetskhladze 1989; Tsetskhladze 1990; 1998: 67–68; Taylor 2001; Avram 2007. Во всех перечисленных работах приведена обширная библиография.

² О рабстве, особенно в Греции, см. Garlan 1988; Weiler 2003; Heinen *et al.* 2006; Fisher 2006; *etc.*

ные источники о рабах из Причерноморья — которых не так уж и много — используются некритически. Целью этой работы является еще раз обратить внимание на некоторые аспекты данных источников и их интерпретации.

Не многое известно о понтийском рабстве в архаический период, а те данные, что у нас имеются, могут быть интерпретированы по-разному. Н.А. Гаврилюк права, утверждая, что, «после того как А.Н. Щеглов опубликовал свои статьи о торговле зерном между скифами и греками, существовавшей в археологии и древней истории миф о том, что зерно поставлялось в Грецию из Скифии, был развеян»³. Она попыталась определить, что же было предметом этой торговли, если не зерно, и предположила, что это были скифские рабы. Это возможно, однако какие свидетельства источников поддерживают такое предположение, особенно для VI в. до н. э.? По мнению Гаврилюк, «практика продажи рабов из понтийских стран, особенно из Скифии, в Грецию безусловно существовала уже в VI в. до н. э. На это указывают такие рабские имена, как Колх и Скиф, среди аттических гончаров»⁴.

Всякий раз, когда мы встречаем имя раба, совпадающее с или происходящее от названия какой-либо страны или местности, есть искушение отождествить этническое происхождение носителя имени с этой страной. В оправдание такой практики обычно приводится цитата из Страбона (7.3.12): «Ведь там [в Аттике] называли рабов лишь по именам самих стран, откуда их привозили (например, “Лидиец” или “Сириец”), или же употребительными в тех странах именами, как “Манес” или “Мидас” — фригийца, или “Тибий” — пафлагонца» (здесь и далее пер. Г.А. Стратановского). Однако источники не всегда подтверждают такую практику⁵. Часть было неизвестно, откуда происходил раб на самом деле. Так, непосредственно перед процитированным текстом сам Страбон говорит: «Существует и другое деление этой страны, сохранившееся с древних времен: одних жителей ее называют дакийцами, а других — гетами; гетами — тех, что обращены к Понту и на восток, а дакийцами — обращенных в противоположную сторону, к Германии и к истокам Истра. Дакийцы, как я думаю, в древности назывались давами. Отсюда происходят имена рабов Гета и Дав, бывшие в ходу в Аттике. Это более правдоподобно, чем производить название Дав от скифов, которых зовут даями, так как они живут далеко около Гиркании, и невероятно, чтобы оттуда ввозили рабов в Аттику».

У нас также есть пример из Ксенофонта (*Anab.* 4.8.4–7), рассказывающий о человеке, который был рабом в Аттике, но не знал, откуда он родом: он узнал местный язык, когда оказался на территории макронов на южном побере-

³ Gavriljuk 2003: 75.

⁴ Gavriljuk 2003: 77. Однако в эту эпоху скифы были кочевниками, в отличие от середины — конца V в. до н. э., когда они перешли к оседлому или полу-оседлому образу жизни. Как же греки могли захватить кочевников в плен? Вероятнее обратное.

⁵ Masson 1973.

жье Черного моря, и понял, что, возможно, происходит именно оттуда. К этому списку можно добавить атлета Никострата: фригиец по происхождению, он был продан на побережье Киликии, поэтому мог считаться киликийцем (*Paus.* 5.21.10).

Опираясь на личные имена в попытках определить этническую или какую бы то ни было другую принадлежность часто может оказаться весьма непростым и к тому же ненадежным методом исследования⁶. Такие имена, как «Скиф», «Киммер», «Колх» и т. д., и их дериваты принадлежали не только «безликим» иностранцам, особенно рабам⁷. У нас есть достаточное количество примеров, когда эти имена носили греки, причем часто занимавшие высокие должности. Киммерий⁸, известный по граффито начала V в. из Ксанфа, не мог быть киммерийским путешественником по одной простой причине: в это время уже не существовало этого народа. Потому же не могли быть киммерийцами ни Киммерий, отец жреца с Родоса (371/70 до н. э.), ни Киммерий из Эфеса, участвовавший в битве при Эгоспотамах в 405 г. до н. э. (*Paus.* 10.9.9), ни Киммерий, архонт на Теносе в III в.⁹ Самый лучший пример с именем Колх сохранился в ольвийской надписи II в. н. э.: там это имя принадлежит отцу Радмея, архонта Ольвии (IOSPE 12 132)¹⁰. Другой интересный случай — Перс, брат Гесиода (*Hes. Op.* 10, 27, 213, 274, etc.).

Еще более показательны примеры имен, происходящих от этнонима «скиф». Например, человек по имени Скиф был тираном на о. Кос, а потом, вероятно, бежал в Занклу (*Hdt.* 6.23–24; 7.163). Подобные имена широко использовались греками начиная с V в. до н. э. Особенно много примеров среди жрецов и патронимиков архонтов в Спарте, Галикарнассе, Халкидоне, Милете, Эфесе и на Фасосе, Самосе и Делосе, а также и в других местах. Известны подобные имена и в Причерноморских городах Горгииппии, Каллатисе, Герак-

⁶ См., например, Hornblower, Matthews 2000: *passim*.

⁷ Проблема идентификации этнической принадлежности носителей таких имен уже поднималась в литературе (хотя часто и обходилась стороной). Было продемонстрировано, что люди с такими именами могли быть гражданами или вольноотпущенниками (см. Кадеев 1974; 2000; Цецхладзе 1988; 1990; Braund, Tssetskhladze 1989: 119–125; Цецхладзе, Браунд 1989). В IV томе *LGPN*, посвященном Македонии, Фракии и Северному Причерноморью, имена «Колх», «Скиф», «Гета» и т. д. считаются греческими, ведь иначе они не были бы в него включены (Fraser, Matthews 2005: 79, 197, 313, 356). В этом издании, однако, есть некоторые проблемы с определенными именами, см., например, Dana 2006. Лучшими исследованиями по ономастике, несмотря на появление новых данных и работ, остаются Pape, Benseler 1884; Bechtel 1917; Zgusta 1955.

⁸ Все данные об имени «Киммерий» собраны в Ivanchik 2005: III.

⁹ Ivanchik 2005: III.

¹⁰ Данные об имени «Колх» собраны в Цецхладзе 1988; Braund, Tssetskhladze 1989: 119–125; Цецхладзе, Браунд 1989; Tssetskhladze 1990. Сейчас к этому списку можно добавить имя гончара, который изготовил в Афинах ойнахою, обнаруженную в Вульчи, — $\Phi\acute{\omicron}\lambda\chi\omicron\varsigma$; имя раба Лаврия, чье имя, возможно, указывало на колхские корни; и имена с эллинистических надгробий с Родоса — $\text{Εὐνοίας Κολχίδος, Ἀφροδίσιος | Κόλχος καὶ | Ἐρωτὶς Κολχίς}$ (Avram 2007: 244). О других именах, транскрибируемых как Κόλχος , см. Tssetskhladze 1990: 159, таблица, № 1, 2 (оба из Афин; конец VI в. до н. э.), 7 (из Пантикапея; IV в. до н. э.) и 11 (из Горгииппии; II в. до н. э.).

лее Понтийской и Херсонесе¹¹. В последних двух они встречаются также и на амфорных клеймах, т. е. являлись именами астиномов, а следовательно — греков¹².

Присутствие в ономастике Херсонеса имени Скиф представляет собой особый интерес, так как у полиса сложились весьма недружественные отношения со скифами¹³. Более того, это имя появилось в Херсонесе до того, как скифы появились в регионе¹⁴; а в его метрополии, Гераклее Понтийской, имя Скиф засвидетельствовано раньше, чем в черноморской колонии¹⁵. Таким образом, наиболее логичным кажется вывод о том, что данное имя пришло в Херсонес из его метрополии¹⁶. Тем временем в Ольвии, которая имела более тесные и дружественные отношения со скифами¹⁷, не засвидетельствовано ни одного примера личного имени, происходящего от этнонима «скиф».

На афинской расписной керамике VI в. до н. э. часто указаны имена мастеров, такие как Сикел, Фракиец, Колх, Сикан, Мис, Скиф и Бриг¹⁸. Конечно, можно предположить, что эти имена отражают этническое (или географическое) происхождение их носителей, однако столь же вероятно, что сами имена и их носители греческого происхождения: мы не располагаем данными, которые могли бы поддержать ту или иную точку зрения. Гончарами и художниками могли быть как граждане, так и не-граждане (метеки) или рабы, поэтому очень сложно делать какие-либо обобщения, и каждый случай следует рассматривать индивидуально. Ни одна из вышеупомянутых росписей не имеет никаких стилистических признаков, которые указывали бы на иностранное происхождение художника¹⁹. Один афинский (?) мастер конца VI в.

¹¹ Свидетельства имени «Скиф» и его дериватов собраны в Кадеев 1974; 2000. К этому можно добавить графито с акрополя Гелы: ΣΚΥΤΑ ΕΜΙ. Оно нанесено на внешнюю сторону донца аттического сосуда, датируемого концом VI — началом V в. до н. э. (Dubois 1989, 169, no. 148). Я очень благодарен Э. Кистлеру за эту информацию и отсылку.

¹² Кадеев 1974: 299–300; Saprykin 1996: 357–360.

¹³ Об отношениях между скифами и Херсонесом и о греко-скифских войнах см., например, Vnukov 2001: 163–175 с литературой.

¹⁴ Херсонес находился на территории, заселенной таврами (о них теперь см. Khrapunov 2018). Одно надгробие из этого города, датирующееся I в. н. э., сохранило эпитафию, написанную на койне: γυνὴ Ταυρικὴ (IOSPE 12 528). Считается, что эта женщина была гречанкой (Кадеев 1974: 304; Saprykin 1996: 361). И действительно, в списке жрецов Асклепия из Тиссана на Родосе (вторая половина IV в. до н. э.) мужское личное имя Таврик упоминается дважды. Его носителями были греки с Родоса, о чем можно судить по патронимике в первом случае и по личному имени, которое являлось именем отца, во втором (подробнее см. Saprykin 1996: 362). О меотях см. Avram 2007: 243–245.

¹⁵ Кадеев 1974: 301.

¹⁶ Кадеев 1974: 301.

¹⁷ Например, *Hdt.* 4.78–80. См. Kryzhitskiy 2005 с литературой.

¹⁸ Boardman 1974: 12; 1975: 59–60; 2001: 144; Williams 1999: 57.

¹⁹ Boardman 1974: 12. Ср. Boardman 1975: 9–10: «Известно около 125 имен мастеров на вазах... Из них по крайней мере половина — имена определенно неподобающие для афинских семей как из высшего, так и из низшего (насколько мы можем судить) слоя общества. Некоторые содержат в себе отсылку к другому народу или стране: Лид, Скиф, Сикан, Сириск, Колх, Фракиец, Кар,

до н. э., Лид, подписывался рабом²⁰. В этом случае мы можем предположить, что он был рабом лидийского происхождения, однако утверждать это с уверенностью все же невозможно. Другой художник середины VI в., носивший то же имя, оставил свою подпись с ошибкой: Λυδὸς ἔγραψε (вместо ἔγραψεν)²¹. Можно предположить, что ошибка показывает невысокую степень владения языком, что было бы естественно для иностранца (лидийца), однако и сами греки допускали орфографические ошибки²², как и мы все.

Есть основания полагать, что люди с такими «этническими» именами, вероятно, были приезжими ремесленниками и называли себя по месту происхождения. Хорошим примером тут может служить мастер, известный под именем Амасис, — его прозвище представляет собой эллинизированное египетское имя, и этот гончар и художник изготовлял самые ранние афинские вазы, копирующие форму египетского алабастра. Однако, как уже было продемонстрировано выше, на основании одного лишь египетского имени его все же нельзя считать египтянином. Возможно, он был связан с ионийским Навкратисом²³. В начале VI в. до н. э. Солон поощрял иммиграцию в Афины ремесленников из других полисов, и, судя по стилистическим влияниям на аттическую вазопись, одной из главных областей, откуда происходила эта иммиграция, была Иония, что, возможно, объясняется натиском на эту область лидийцев (около 600 до н. э.) и персов (середина VI в. до н. э.). Именно ионийский гончар изготовил гидрии из Цер в Этрурии²⁴. Маловероятно, что художники и гончары, называвшие себя такими именами, как Фракиец, Колх, Скиф и Бриг мигрировали в Афины из Причерноморья в VI в. до н. э. В это время ни во Фракии, ни в Колхиде, ни в Скифии нет никаких свидетельств местной традиции расписной керамики²⁵, наоборот, считается, что некоторые мастера переселялись в Пантикапей из Афин, например, Ксенофант Афинянин²⁶. Даже если считать

Мис; другие — происходят от иностранных имен или были бы более уместны в других полисах, например, Амасис, Бриг, Мидас, Финтий, Исмен, Макрон и Герм (имена, более всего распространенные в Восточной Греции); третьи более походят на клички или псевдонимы: Эпиктет (“недавно приобретенный” — рабское имя), Пистоксен (“надежный чужак” — Сириск), Эвенпот (“хороший торговец”), Онесим (“выгодный”), Пайдик (“детский”), Приап, Смикр (“маленький”), Орибел (“гуляющий по горам”). Однако сложно классифицировать эти имена, ведь это лишь отдельные примеры... К тому же, еще недостаточно известно о том, как и когда метеки и рабы получали или меняли имена, известно лишь то, что для них процедура смены имени была легче, чем для граждан. Если взглянуть на список *kalos-имен* с тех же ваз, то в нем едва ли обнаружится хоть одно имя такого типа, что демонстрирует разницу в статусе и происхождении между ремесленниками и их объектами почитания».

²⁰ Boardman 2001: 144.

²¹ Williams 1999: 57.

²² Из некоторых надписей сложно понять, какой именно смысл хотел донести автор-грек (см., например, Johnston 1995/96).

²³ Boardman 2001: 150–151.

²⁴ Boardman 2001: 150–151.

²⁵ Ср. Snodgrass 1999.

²⁶ Robertson 1992: 281–282. О гончарах-переселенцах см. Boardman 2001: 150–151. Вазы керчен-

ремесленника по имени, например, Колх рабом, не может быть никакой уверенности в том, что он происходит именно из Колхиды: согласно Геродоту (2.104–105), египтяне и колхи были похожи друг на друга, таким образом раб, которого считали выходцем из Колхиды, мог быть египтянином, и наоборот.

Надписи на керамике иногда способны ввести в заблуждение: может складываться впечатление, что рука, их выполнившая, более привычна к негреческому письму, но говорит ли это что-то о художнике и о том, где он учился писать, или же это может быть нарочным копированием иноземного стиля на предмете, который предназначался на продажу за границу?²⁷

Для классического периода у нас есть обширные и разнообразные сведения о понтийских рабах в Афинах²⁸, например, данные о конфискованной у гермокопидов собственности (414 г.). Из 35 рабов, чье происхождение можно определить (в списке они приводятся по стране происхождения), 12 были фракийцами, 7 — карийцами, 3 — скифами, 2 — сирийцами, 2 — иллирийцами, также упомянуто по одному рабу из Колхиды, Фригии, Лидии, Македонии, Мессении и Каппадокии. Для каждого раба указана его цена²⁹. Также хорошо известно, что в Афинах была полиция, состоявшая из скифов, хотя многие связанные с ней аспекты остаются неясными, несмотря на обобщения и общепринятые мнения, повторяющиеся в научной литературе. Для начала не понятно, когда эта полиция возникла и когда перестала существовать. И если по первому вопросу существует некоторый консенсус (в период после греко-персидских войн), то на второй исследователи предлагают совершенно разные ответы, от времени Пелопонесской войны до IV в. до н. э.³⁰

Проблема скифской полиции приводит нас к вопросу иконографии скифов. Несколько не-греков похоронены на Керамике³¹, и существует предположение, что некоторые из них были скифами, т. е. членами этого полицейского отряда³². Такое предположение представляется разумным, однако каковы данные, поддерживающие его? Лучшим примером путаницы в этом вопросе может послужить стела Геты³³. В верхней ее части вырезана надпись Γέτης, снизу темно-коричневой краской нанесена другая надпись: «Аристомед по-

ского стиля или пелики изначально производились в Афинах для черноморского рынка. Позже, с конца IV в. до н. э., так называемые «полихромные пелики» стали производиться на месте, возможно, приезжими ремесленниками (см. Williams 1996: 238; Lapatin 2006: 319). Вероятно, в Пантикапей (и, шире, в Боспорское царство) приезжали не только гончары и художники, но и ювелиры и торевты, и организовывали там мастерские (обсуждение вопроса см. в Treister 2005).

²⁷ Один из лучших примеров — лаконская ваза, найденная в Кирене, с именем, написанным местным, а не спартанским письмом (см. Boardman 2001: 144–145). О надписях на керамике в общем см. Snodgrass 2000; Wachter 2001: *passim*; Boardman 1993; Osborne, Pappas 2007.

²⁸ О свидетельствах афинских драматургов см. Hind 1970: 15–16; Скржинская 1998: 131–155.

²⁹ Meiggs, Lewis 1969: no. 79.

³⁰ См. Bäbler 2005.

³¹ Bäbler 1998: 207–295.

³² Bäbler 1998: 163–180.

³³ См. Bäbler 2005: 119–120 с литературой.

ставил». К тому же на стеле имеется нарисованное темно-красной краской изображение горита. Из этого делается вывод, что Гета служил в скифской полиции или по крайней мере был скифом, так как горит — характерный для скифов предмет вооружения. Однако, во-первых, имя «Гета» должно указывать на гетское³⁴, а не скифское происхождение его носителя — хоть здесь мы и сталкиваемся опять с обозначенной выше проблемой поиска связи между этической принадлежностью и именами, имеющими «этническое» звучание. Во-вторых, нельзя быть уверенным, что горит — это однозначный маркер этнической идентичности³⁵.

Подобная проблема возникает и при обсуждении двух торсов надгробных статуй с Керамика, которые происходят, как считается, с могилы афинянина Диониса из дема Коллита, который умер между 345 и 338 г. до н. э.³⁶ Так как на статуях изображена скифская одежда (кафтан и штаны), скифские колпаки (высокие, иногда заостренные) и гориты, а также стрелы и луки, то они традиционно определяются как изображения общественных рабов — членов скифской полиции или как личных рабов Диониса. В 1982 в том же погребении было обнаружено 80 бронзовых наконечников стрел, и это дало почву для предположения, что вышеупомянутые статуи отмечали могилу скифа, вероятно, командующего отряда полиции³⁷. Такая интерпретация создает, в свою очередь, новую проблему: откуда нам известно, что подобные наконечники стрел использовались только скифами? Все больше и больше работ подвергают сомнению традиционную точку зрения, согласно которой наконечники стрел втульчатого трехлопастного типа были уникальны для скифской культуры, основываясь на растущем количестве свидетельств подражаний этому типу у других народов, особенно в Анатолии и Ахеменидской империи³⁸. Есть сомнения и в том, что так называемый «скифский наряд» и «скифский колпак» вообще были скифскими (см. ниже).

Изображение скифов в аттической вазописи достаточно подробно изучено³⁹. Почти все изображения лучников с архаического периода и до ок. 470 г. до н. э. (620 из 700) идентифицировались как изображения скифов из-за

³⁴ О гетских рабах в Афинах и других полисах см. Hind 1970: 15–16; 1994 с литературой. Дж. Хайнд считает изображение двух голов юношей, обращенных друг к другу, на серебряных монетах Истрии 450–325 гг. до н. э. показателем важности гетских рабов в работорговле на нижнем Дунае (Hind 1994; Avram 2007). О фракийских рабах см. Велкоу 1967.

³⁵ Этническая принадлежность и (само)идентификация стали популярными темами в классических исследованиях (см. Gruen 2005; Tsatskheladze 2006: lix–lxii с литературой). Сами древние греки испытывали трудности с различением этнических групп в регионах, населенных множеством народов (*Hdt.* 1.72; 2.104–105; 4.108–109; *Strab.* 12.3.9, *etc.*). О Южном Причерноморье и его гетерогенном местном населении см., например, Tsatskheladze 2012; Manoledakis 2018a; 2018b; Avram 2007.

³⁶ Новейшее обсуждение см. в Bäbler 2005: 118–119 с литературой.

³⁷ Bäbler 2005: 119.

³⁸ Derin, Muscarella 2001: 197–203; Hellmuth, Yalçıklı 2006.

³⁹ См., например, Скржинская 1998: 200–223.

«скифского наряда»⁴⁰. Однако исследование⁴¹ этих так называемых «скифов» показало, что батальные сцены изображают не реальные события, а стилизации героического прошлого. Так, современные художнику гоплиты могли быть добавлены в сцены с эпическими героями⁴². «Скифский» костюм ассоциировался с лучниками, но это не значит, что все лучники были скифами. И если «скифские» лучники часто изображаются бородастыми, то это же справедливо и для гоплитов. В некоторых случаях лучник лишь частично одет в «скифское» одеяние, и при этом может иметь гоплитский шлем и поножи, щит и «фракийскую» обувь, а «скифский» колпак — лежать у его ног. Один из лучников на «вазе Франсуа» назван именем Токсамис, из чего делается вывод о том, что он скиф, но вот только имя это происходит от имени Токсарис, которое отнюдь не скифское и восходит к греческому τόξα («лук»). На той же вазе также есть другое имя — Киммерий. На амфоре из Антверпена сохранилось имя Скиф. Как мы уже продемонстрировали выше, такие имена совсем не обязательно указывают на то, что их носители — киммериец и скиф соответственно⁴³.

Изображенных на вазах персонажей в «скифском наряде» с подписанными именами можно разделить на две группы: к первой относятся те, кто носит имена мифических героев-лучников, например, Париса; ко второй — те, чьи имена отсутствуют в литературной традиции, но нарочно выбраны так, чтобы дополнять имена первых⁴⁴. В аттической иконографии «скифский наряд» и даже просто один колпак демонстрирует статус персонажа, а не на его этническое происхождение. Так, колпак может быть изображен на голове эфеба, иногда — афинского всадника, реже — чернокожего легковооруженного воина. Эта деталь должна была указывать на не-гоплитский статус изображенного, а не на связь его со Скифией⁴⁵. Таким образом, можно сделать вывод, что ни «скифский наряд», ни «скифский колпак», ни «фракийские сапоги» и т. д. не могут использоваться для определения этнической принадлежности одетых в них персонажей, и что эти атрибуты следует рассматривать точно также, как, например, «фригийский колпак». В искусстве классической эпохи становится еще более очевидным, что изображения не-греков были стереотипическими и часто далекими от реальности. «Другие» оставались другими и должны были изображаться таковыми, причем в преувеличенной манере;

⁴⁰ Lissarrague 1990: 247–293.

⁴¹ Ivanchik 2005.

⁴² Ср. Lissarrague 2002: 113–124.

⁴³ Ivanchik 2005: 102–108 с литературой. Ср. Lissarrague 2002: 111–112.

⁴⁴ Ivanchik 2005: 109–110.

⁴⁵ Ivanchik 2005: 111–113. О присутствии «скифов» на симпозиум см. Lissarrague 2002: 110–111. О симпозиум на греческой керамике в связи со скифами см. Faulkner 2015: 44–45 (ср. *Hdt.* 4.66). О металлических наборах посуды см. Treister 2010; Трейстер 2010. О симпозиум в общем теперь см. Murray 2018.

гораздо меньше значения придавалось тому, откуда они в реальности происходили и кем были⁴⁶.

Сложно с уверенностью утверждать, почему греки давали детям имена, которые звучали как названия других народов. Фукидид (1.20) и Плутарх (Simon 16) сообщают, что представители высшего класса часто давали своим отпрыскам имена, отражающие их дружеские связи с другими государствами⁴⁷. В случае имени Колх можно предположить, что оно является следствием относительной популярности мифа об аргонавтах⁴⁸. Не следует забывать, что «этнические» имена, имеющие отношение к Понту, отражают то, как сами греки называли жителей побережья Черного моря, а не то, как последние сами себя называли. Названия, данные греками этим народам, изначально имели некое значение на греческом языке. Как отмечает Геродот (4.6), «от Липоксаиса, как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата — племя катиаров и траспиев, а от младшего из братьев — царя — племя паралатов. Все племена вместе называются сколотами, т. е. царскими. *Эллины же зовут их скифами*» (здесь и далее пер. Г.А. Стратановского. Курсив мой. — Г.Ц.).

Стефан Византийский (Ethn. s. v.) объясняет происхождение слова Σχύθαι глаголом σχύζεσθαι («сердиться»). Согласно современным исследованиям, его также можно связать с такими греческими словами как σχυδαίνειν («сердиться») или σχυθρός («сердитый»)⁴⁹. Таким образом, по крайней мере в случае имени Скиф, можно утверждать, что оно связано с греческим словом, и не удивительно, что так много греков носило его: нет причин сомневаться, что среди греков было много сердитых, особенно среди тех, что занимали видные должности. Что же касается скифов, то их образ у греков можно представить себе из описания Страбона (7.3.6): «[скифы] приносили в жертву чужестранцев, поедали их мясо, а черепа употребляли вместо кубков».

⁴⁶ Наиболее интересную дискуссию по вопросу можно найти в сборнике Cohen 2000, см. также Nippel 2002. Греческое отношение к «другим» наиболее ярко выражено в словах, приписываемых одними Фалесу, а другими Сократу: «Он сказал... что был благодарен судьбе по трем причинам: во-первых, за то, что родился человеком, а не животным, во-вторых, — мужчиной, а не женщиной, и в-третьих, — греком, а не варваром» (*Diog. Laert.* 1.33 = *Thales*, DK II A 1).

⁴⁷ Афиняне и другие греки имели деловые отношения с греческими колониями на берегах Черного моря и, значит, встречали представителей местных народов в этих городах. Из Демосфена и других источников нам известно, что у Афин, как и у Мителены (*Thuc.* 3.2.2), были очень тесные торговые связи с Боспорским царством (по большей части речь идет о торговле зерном, см. Tsetskhladze 1998: 54–63; 2008). Некоторые боспорские цари, в особенности Левкон I, удостоились почестей не только от афинян, но и от аркадцев (CIRB 37). В IV в. до н. э. ольвиополиты воздали афинянам почести по неизвестным нам причинам (I.Olb. 5). Это лишь некоторые из множества примеров почетных декретов в честь иностранцев из греческих городов Причерноморья. О сведениях о северном побережье Черного моря, содержащихся в работах афинских ораторов, см. Скржинская 1998: 156–182.

⁴⁸ Boardman 1989: 229; Tsaknis 2004: *passim*. Ср. Tsetskhladze 1994.

⁴⁹ LSJ s. v. См. также Кадеев 1974: 298–299 с литературой.

Большая часть написанного о черноморских рабах сводится к проблеме торговли ими между Причерноморьем и Средиземноморьем. Торговля рабами внутри Черного моря гораздо менее изучена. Это заслуживает отдельной статьи и не может быть обсуждено в рамках данного исследования⁵⁰.

Как показало наше исследование, хоть скифы и были хорошо известны грекам, а имя Скиф широко использовалось в Средиземноморском регионе, большинство носителей этого имени все же были греками, занимавшими высокие должности, а не рабами⁵¹.

Выше уже было отмечено, что Геродот указывал на возможную путаницу между египтянами и колхами (2.104–105), поэтому, когда он сообщает, что «эллинские обычаи египтяне избегают заимствовать. Вообще говоря, они не желают перенимать никаких обычаев ни от какого народа», однако город Хеммис является исключением, и его жители устраивают гимнические состязания (2.91); или что «ни один египтянин или египтянка не станет целовать элина в уста и не будет употреблять эллинского ножа, вертела или котла. Они даже не едят мяса “чистого” быка, если он разрублен эллинским ножом» (2.41), то, возможно, речь на самом деле идет о колхах или даже скифах. В отличие от египтян/колхов и скифов, «персы больше всех склонны к заимствованию чужеземных обычаев. Они носят ведь даже мидийскую одежду, считая ее красивее своей, а на войну надевают египетские доспехи. Персы предаются всевозможным наслаждениям и удовольствиям по мере знакомства с ними. Так, они заимствовали от эллинов любовное общение с мальчиками. У каждого перса много законных жен, а, кроме того, еще больше наложниц» (Hdt. 1.135).

* * *

Целью нашей заметки было вновь рассмотреть некоторые данные источников, обычно используемые для доказательства присутствия в Афинах рабов, происходящих с берегов Черного моря, и еще раз продемонстрировать, что эти данные по природе своей могут быть интерпретированы по-разному, и что, таким образом, традиционная их трактовка не может не вызывать сомнений. Без дополнительных подтверждений выводы, основанные лишь на личных именах и предположительно «этническом» костюме вазописных изображений, не могут считаться обоснованными.

ЛИТЕРАТУРА

Велков 1967 — *Великов В.И.* Рабы-фракийцы в античных полисах Греции VI–II вв. до н. э. // *Вестник древней истории.* 1967. 4. С. 60–70.

⁵⁰ Попытку описать проблему см. в Avram 2007: 239–241.

⁵¹ Греки не могли заимствовать это имя у скифов, потому что оно само по себе являлось греческим словом, служившим для обозначения данной группы племен.

- Кадеев 1974 — *Кадеев В.И.* Об этнической принадлежности носителей имени Скиф в Херсонесе Таврическом // Советская археология. 1974. 3. С. 56–63 (= *Кадеев В.И.* 2000. История и археология Причерноморья. Статьи разных лет. Харьков. С. 293–305).
- Скржинская 1998 — *Скржинская М.В.* Скифия глазами эллинов. СПб., 1998.
- Трейстер 2010 — *Трейстер М.Ю.* Импортная металлическая посуда в Скифии. Атрибуции и интерпретация исторического контекста // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. 1 (27). С. 217–251.
- Цецхладзе 1988 — *Цецхладзе Г.Р.* К вопросу об этнической принадлежности носителей имени Колх в античном мире // Вестник Харьковского университета. 316. История. 1988. 22. С. 80–84.
- Цецхладзе, Браунд 1989 — *Цецхладзе Г.Р., Браунд Д.* Об имени Колх в античном мире // Сообщения Академии наук Грузинской ССР. 1989. 136(2). С. 497–499.
- Avram 2007 — *Avram A.* Some Thoughts about the Black Sea and the Slave Trade before the Roman Domination (6th–1st Centuries BC) // Gabrielsen V., Lund J. (eds.). The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchange. Aarhus, 2007. P. 239–251.
- Bäbler 1998 — *Bäbler B.* Fleissige Thrakerinnen und wehrhafte Skythen. Nichtgriechen im klassischen Athen und ihre archäologische Hinterlassenschaft. Stuttgart; Leipzig, 1998.
- Bäbler 2005 — *Bäbler B.* Bobbies or Boobies? The Scythian Police Force in Classical Athens // Braund D. (ed.). Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (Sixth Century BC–First Century AD). Exeter, 2005. P. 114–122.
- Bechtel 1917 — *Bechtel F.* Die historische Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. Halle, 1917.
- Boardman 1974 — *Boardman J.* Athenian Black Figure Vases. London, 1974.
- Boardman 1975 — *Boardman J.* Athenian Red Figure Vases: The Archaic Period. London, 1975.
- Boardman 1989 — *Boardman J.* Athenian Red Figure Vases: The Classical Period. London, 1989.
- Boardman 1993 — *Boardman J.* “Reading” Greek Vases? // Oxford Journal of Archaeology. 1993. 22 (1). P. 109–114.
- Boardman 2001 — *Boardman J.* The History of Greek Vases. London, 2001.
- Braund, Tsetschladze 1989 — *Braund D., Tsetschladze G.R.* The Export of Slaves from Colchis // Classical Quarterly. 1989. 39 (1). P. 114–125.
- Cohen 2000 — *Cohen B.* (ed.). Not the Classical Ideal. Athens and the Construction of the Other in Greek Art. Leiden; Boston; Cologne, 2000.
- Dana 2006 — *Dana D.* Les nomes de facture thrace dans LGPN IV: Les nomes fantomes et d'autres corrections // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2006. 157. S. 127–142.

- Derin, Muscarella 2001 — *Derin Z., Muscarella O.W.* Iron and Bronze Arrows // Çilingiroğlu A., Salvini M. (eds.). *Ayanis I. Ten Years' Excavations at Rusahinili Eiduru-kai 1989–1998.* Rome, 2001. P. 189–217.
- Dubois 1989 — *Dubois L.* Inscriptions grecques dialectales de Sicilie. Contribution à l'étude du vocabulaire grec colonial. Rome, 1989.
- Faulkner 2015 — *Faulkner I.* Feasting and diplomacy in colonial behaviour in the northern Black Sea // Tsetskhladze G.R., Avram A., Hargrave J.F. (eds.). *The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th Century BC–10th Century AD).* Oxford, 2015. P. 43–47.
- Fisher 2006 — *Fisher, N.* Citizens, Foreigners and Slaves in Greek Society // Kinzl K.H. (ed.). *A Companion to the Classical Greek World.* Oxford, 2006. P. 327–349.
- Fraser, Matthews 2005 — *Fraser P.M., Matthews E.* (eds.). *A Lexicon of Greek Personal Names, Vol. IV: Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea.* Oxford, 2005.
- Garlan 1988 — *Garlan Y.* Slavery in Ancient Greece. Ithaca; London, 1988.
- Gavriljuk 2003 — *Gavriljuk N.A.* The Graeco-Scythian Slave-trade in the 6th and 5th Centuries BC // Bilde P.G., Højte J.M., Stolba V.F. (eds.). *The Cauldron of Ariantas. Studies Presented to A.N. Ščeglov on the Occasion of his 70th birthday.* Aarhus, 2003. P. 75–86.
- Gruen 2005 — *Gruen E.S.* (ed.). *Cultural Borrowings and Ethnic Appropriations in Antiquity.* Stuttgart, 2005.
- Heinen 2001 — *Heinen H.* Sklaverei im nördlichen Schwarzmeerraum: zum Stand der Forschung // Bellen H., Heinen H. (eds.). *Fünfzig Jahre Forschungen zur antiken Sklaverei an der Mainzer Akademie 1950–2000. Miscellanea zum Jubiläum.* Stuttgart, 2001. S. 487–503.
- Heinen 2006 — *Heinen H.* Antike am Rande der Steppe. Der nördliche Schwarzmeerraum als Forschungsaufgabe. Mainz; Stuttgart, 2006.
- Heinen et al. 2006 — *Heinen H. et al.* Handwörterbuch der antiken Sklaverei. Stuttgart, 2006.
- Hellmuth, Yalçikli 2006 — *Hellmuth A., Yalçikli D.* Pfeilspitzen. Untersuchungen zu den sogenannten skythischen Pfeilspitzen aus der befestigten Höhensiedlung von Smolenice-Molpír/Eisenzeitliche Pfeilspitzen aus Anatolien. Bonn, 2006.
- Hind 1970 — *Hind, J.* Iстриan Faces and the River Danube. The Type of the Silver Coins of Istria // *Numismatic Chronicle.* 1970. 7th series X. P. 7–17.
- Hind 1994 — *Hind, J.* The Trade in Getic Slaves and the Silver Coins of Istria // *Thracia Pontica.* 1994. V. P. 153–158.
- Hornblower, Matthews 2000 — *Hornblower S., Matthews E.* (eds.). *Greek Personal Names: Their Value as Evidence.* Oxford, 2000.
- Ivanchik 2005 — *Ivanchik A.I.* Who were the “Scythian” Archers on Archaic Attice Vases // Braund D. (ed.). *Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (Sixth Century BC–First Century AD).* Exeter, 2005. P. 100–113.

- Johnston 1995/96 — *Johnston, A.* An Epigraphic Curiosity from Histria // *Il Mar Nero*. 1995/96. II. P. 99–102.
- Khrapunov 2018 — *Khrapunov I.* The Taurians // *Manoledakis M., Tsetskhladze G.R., Xydopoulos I.* (eds.). *Essays on the Archaeology and Ancient History of the Black Sea Littoral*. Leuven; Paris; Bristol (CT), 2018. P. 333–368.
- Kryzhitskiy 2005 — *Kryzhitskiy S.D.* Olbia and the Scythians in the Fifth Century BC: the Scythian “Protectorate” // *Braund D.* (ed.). *Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (Sixth Century BC–First Century AD)*. Exeter, 2005. P. 123–130.
- Lapatin 2006 — *Lapatin K.* Kerch-style Vases: The Finale // *Cohen B.* (ed.). *The Colors of Clay. Special Techniques in Athenian Vases*. Los Angeles, 2006. P. 317–341.
- Lissarrague 1990 — *Lissarrague F.* L'autre guerrier. Archers, peltastes, cavaliers dans l'imagerie antique. Paris, 1990.
- Lissarrague 2002 — *Lissarrague F.* The Athenian Image of the Foreigner // *Harrison T.* (ed.). *Greeks and Barbarians*. Edinburgh, 2002. P. 101–124 (= *L'immagine dello straniero ad Atene* // *Settis S.* (ed.). *I Greci*. 2.II Turin, 1997. P. 938–958).
- Manoledakis 2018a — *Manoledakis M.* The Local Peoples of the Southern Black Sea Coast // *Manoledakis M., Tsetskhladze G.R., Xydopoulos I.* (eds.). *Essays on the Archaeology and Ancient History of the Black Sea Littoral*. Leuven; Paris; Bristol (CT), 2018. P. 147–171.
- Manoledakis 2018b — *Manoledakis M.* The Early Greek Presence in the Southern Black Sea // *Manoledakis M., Tsetskhladze G.R., Xydopoulos I.* (eds.). *Essays on the Archaeology and Ancient History of the Black Sea Littoral*. Leuven; Paris; Bristol (CT), 2018. P. 173–241.
- Masson 1973 — *Masson O.* Les noms des esclaves dans la Grèce antique // *Actes du Colloque 1971 sur l'esclavage*. Besançon, 1973. P. 9–23.
- Meiggs, Lewis 1969 — *Meiggs R., Lewis D.* (eds.). *A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C.* Oxford, 1969.
- Murray 2018 — *Murray O.* The Symposium: Drinking Greek Style. *Essays on Greek Pleasure 1983–2017*. Oxford, 2018.
- Nippel 2002 — *Nippel W.* The Construction of the “Other” // *Harrison T.* (ed.). *Greeks and Barbarians*. Edinburgh, 2002. P. 278–310 (= // *Settis S.* (ed.). *I Greci* I. Turin, 1996. P. 165–196).
- Osborne, Pappas 2007 — *Osborne R., Pappas A.* Writing on archaic Greek pottery // *Newby Z., Leader-Newby R.* (eds.). *Art and Inscriptions in the Ancient World*. Cambridge, 2007. P. 131–155.
- Pape, Benseler 1884 — *Pape W., Benseler G.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1884.
- Robertson 1992 — *Robertson M.* The Art of Vase-Painting in Classical Athens. Cambridge, 1992.

- Saprykin 1996 — *Saprykin S.* Emporion Taurikon and Scythian Harbour of Kalos Limen on Ceramic Stamps of Tauric Chersonesus // *Revue des Études Anciennes*. 1996. 98 (3–4). P. 357–370.
- Snodgrass 1999 — *Snodgrass A.M.* Centres of pottery production in Archaic Greece // *Villanueva Puig M.-C. et al. (eds.). Céramique et peinture grecques. Modes d'emploi.* Paris, 1999. P. 25–34.
- Snodgrass 2000 — *Snodgrass A.M.* The uses of writing on early Greek painted pottery // *Rutter N.K., Sparkes B.A. (eds.). Word and Image in Ancient Greece.* Edinburgh, 2000. P. 22–34.
- Taylor 2001 — *Taylor T.* Believing the ancients: quantitative and qualitative dimensions of slavery and the slave trade in later prehistoric Eurasia // *World Archaeology*. 2001. 33 (1). P. 27–43.
- Treister 2005 — *Treister M.* Masters and Workshops of the Jewellery and Toreutics from Fourth-Century Scythian Burial-Mounds // *Braund D. (ed.), Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (Sixth Century BC–First Century AD).* Exeter, 2005. P. 56–63.
- Treister 2010 — *Treister M.* Bronze and Silver Greek Macedonian and Etruscan Vessels in Scythia // *Bollettino di Archeologia On line 1/2010 (Vol. speciale C/C10/2)*. 2010. P. 9–22 (www.archeologia.beniculturali.net).
- Tsaknis 2004 — *Tsaknis N.* Trophies of the Argonauts. Volos, 2004.
- Tsetskhladze 1990 — *Tsetskhladze [Cecchladze] G.R.* Zu den kolchischen Sklaven in der griechischen Welt. *Klio*. 1990. 72 (1). S. 151–159.
- Tsetskhladze 1994 — *Tsetskhladze G.R.* Argonautica, Colchis and the Black Sea: Myth, Reality and Modern Scholarship // *Thracia Pontica*. 1994. VI.1. P. 337–342.
- Tsetskhladze 1998 — *Tsetskhladze G.R.* Trade on the Black Sea in the archaic and classical periods: some observations // *Parkins H., Smith C. (eds.). Trade, Traders and the Ancient City.* London, 1998. P. 52–74.
- Tsetskhladze 2002 — *Tsetskhladze G.R.* Black Sea Piracy // *Tsetskhladze G.R., Boer J.G. de (eds.). The Black Sea Region in the Greek, Roman, and Byzantine Periods. (Talanta XXXII–XXXIII).* Amsterdam, 2002. P. 11–15.
- Tsetskhladze 2006 — *Tsetskhladze G.R.* Revisiting Ancient Greek Colonisation // *Tsetskhladze G.R. (ed.). Greek Colonisation. An Account of Greek Colonisation and Other Settlements Overseas. Vol. 1.* Leiden; Boston, 2006. P. xxiii–lxxxiii.
- Tsetskhladze 2008 — *Tsetskhladze G.R.* “Grain for Athens”. The View from the Black Sea // *Alston R., Nijf O. van (eds.). Feeding the Ancient Greek City.* Leuven; Paris; Dudley (MA), 2008. P. 47–62.
- Tsetskhladze 2012 — *Tsetskhladze G.R.* The Southern Black Sea Coast and its Hinterland: an Ethno-Cultural Perspective // *Tsetskhladze G.R. (ed.). The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity: Aspects of Archaeology and Ancient History.* Oxford, 2012. P. 235–241.
- Vnukov 2001 — *Vnukov S.Y.* The North-Western Crimea: an Historical-Archaeological Essay // *Tsetskhladze G.R. (ed.). North Pontic*

- Archaeology. Recent Discoveries and Studies. Leiden; Boston; Cologne, 2001. P. 147–176.
- Wachter 2001 — *Wachter R.* Non-Attic Greek Vase Inscriptions. Oxford.
- Weiler 2003 — *Weiler I.* Die Beendigung des Sklavenstatus im Altertum. Stuttgart.
- Williams 1996 — *Refiguring D. Williams Attic Red-Figure: A Review Article // Revue Archéologique.* 1996. 2. P. 227–252.
- Williams 1999 — *Williams D.* Greek Vases. London, 1999.
- Zgusta 1955 — *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Prague, 1955.

PONTIC SLAVES IN THE MEDITERRANEAN: ORTHODOXY, ETHNICITY AND REALITY

GOCHA R. TSETSKHLADZE

Abstract: This paper discusses one particular aspect of slavery in Greece. Slaves were brought to Greece, especially to Athens, from other countries. Everyone uses the names of the slaves to demonstrate where they originated, citing Strabo 7.3.12. But this is just a small extract from his text: in the previous part he seems quite confused about whence slaves came based on their names. The paper focuses mainly on the ethnicity of slaves with names such as Kolchos and Skythes, who are considered to have come from Colchis and Scythia. Study of individual cases shows that these names were widespread in the Mediterranean, not for slaves but as the names of Greeks, often in high positions.

Keywords: slavery, Mediterranean, Black Sea, Colchis, Scythia, Scythians, Athens

КВ. АВРЕЛИЙ СИММАХ.
ВТОРАЯ ПОХВАЛЬНАЯ РЕЧЬ В ЧЕСТЬ
ВАЛЕНТИНИАНА СТАРШЕГО АВГУСТА,
ПРОИЗНЕСЕННАЯ 1 ЯНВАРЯ 370 ГОДА:
Перевод с латинского и комментарии

И.Ю. ШАБАГА

(Отсутствует несколько страниц)

...уплачивается в воздаяние за тяжкий труд¹. Возможно, ты пренебрежительно относился бы ко всё новым и новым наградам, если бы тебя не заботило, что в таком случае мы выйдем неблагодарными. Твои способности широко известны, твой нрав пользуется уважением всех. Принадлежащие тебе по закону боевые секиры покоятся не на плечах ликторов², а на шеях народов; цари следят за исполнением твоих указов, в роли чиновников выступают возводимые тобою военные укрепления.

Во время осады ты по праву победителя рассматриваешь различные варианты, приказываешь, чтобы уходили те, кого ты возвращаешь обратно, и возвращались те, кого ты согласен принять. Хотя священные плечи покрывает богатое одеяние, украшенное множеством драгоценных камней, а консульскую трабею³ окаймляет контрастирующая с ней полоса, всё же больше привлекает взгляд тот красиво одетый человек, кто отличился на Рейне, кого видела граница⁴.

2. Мы знаем, непобедимый император, что ни одна награда не достаточна для столь великих деяний; по большей части ты получаешь одни и те же знаки отличия, оказывая при этом самые разные благодеяния. А если награда не соответствует заслугам, на первое место выходит не желание наградить, а оказание почта.

¹ Один из возможных переводов ввиду отсутствия контекста.

² *Ликторы* — служители, носившие фасции как символический знак занимаемой должности перед высшими магистратами и победоносными полководцами.

³ *Трабея* — белый плащ, украшенный несколькими пурпурными полосами, парадное одеяние консулов и ряда других высших должностных лиц Рима; при императорах трабея была полностью пурпурной.

⁴ При подготовке второго издания речи Симмах добавил на полях слова: *Твои благодеяния превзошли чаяния государства: твои полномочия действительны в течение года, но то, что ты воздвигаешь, — вечно!* Далее просто «На полях добавлено».

В самом деле, что добавляет тебе консульское звание, когда мы отсчитываем счастливые годы твоего правления по времени существования новых городов? У других счет времени ведется по фастам⁵, у тебя — по победам. В конце концов, в соответствии с обычаем мы позаботились лишь об одном: чтобы в недавно основанных городах прежде всего помнили об их консуле-основателе; чтобы достойные триумфа укрепленные поселения освящали прославленные люди.

Причина, по которой ты был вынужден принять консульскую власть в третий раз⁶, очевидна: ведь чтобы с вновь присоединенных территорий не были изгнаны римские чиновники, руководство было возложено на того, кто внушает страх.

3. Август! Мы не касаемся ранее совершенных⁷ деяний, если можем говорить лишь о недавних. Поистине, у меня вызывают не меньшее изумление те, о которых я знаю с чужих слов, но еще больше я ценю те, коих я был участником⁸. О, если бы мои скромные способности могли хоть как-то передать то, что я знаю!

4. Мне нечем достойно оправдаться: проявите снисходительность, когда я начну прославлять то, чего сам не видел. Всякий, кто хочет исследовать тайны природы, пусть следует за мной: его не остановят ни изгибы рек, ни преграды гор, ни повороты дорог. Для нас не существует никаких преград на пути к варварским территориям!

Этот наш двуустый сосед⁹ знает, что, дабы у него не возникло необходимости дать дорогу пехоте, ему следует подчиниться нашим кораблям: для того, кто может защищать водные пространства, плавание — это просто забава. Крутые склоны, характерные для этой местности, для нас не преграда; сам этот берег варварской страны, высота которого обусловила его название¹⁰, свидетельствует, что высоты уступили глубинам; совсем недавно убежали от взбирающегося на утесы войска те, кто привык бросаться навстречу неприятелю.

⁵ *Фасты* — списки высших должностных лиц Рима. В частности, в так называемых Капитолийских фастах (*Fasti Capitolini/Consulares*) содержались имена консулов, по которым производилось официальное исчисление лет.

⁶ В *третье консульство* Валентиниан вступил 1 января 370 г. (CIL 3.5640; ILS 774; Nagl, 1948: 2164).

⁷ На полях добавлено: *более ранних*.

⁸ Имеется в виду кампания Валентиниана I 368 года против аламаннов, в которой он одержал победу в долине Неккара под городом Солициний: это была последняя победа римлян над этим германским племенем (Schönfeld 1927: 920; Franke 1936: 173). В походе принимали участие Симмах и Авсоний (*hoc loco*, § 31); Seeck 1883: XLVII; Гаспаров 1993: 262).

⁹ *Рейн* назван «двуустым» (ср.: *Symm. Or.* 3.9: *noster bicornis*) намеренно, но не точно, так как при впадении в Северное море он делится на несколько рукавов, самыми крупными из которых являются Ваал, Недер-Рейн и Эйссель.

¹⁰ Симмах говорит о городе Альтарипа *Высокий берег* (совр. Альтрип) в земле неметов (см. прим. 48) на левом берегу Рейна, который Валентиниан укрепил в рамках усиления и реконструкции границ на Рейне (*Amm.* 28.2.1, 30.7.6; Ihm 1894: 1692; Franke 1935: 2385; Roberts DIR). Об Альтарипе говорится и в §§ 9, 13, 18.

телу на ровных местностях¹¹. Ты же предпочел бы победить в войне, но гораздо более славно, чтобы дикий народ видел аламаннов...

(Отсутствует одна страница)

5. ...хранить тайну. Так, Красс ответил сыну, спрашивавшему, почему тот приказал снять лагерь ночью: «Ты боишься, что твои уши не смогут уловить сигнала горна?»¹².

Нам достаточно думать о текущих делах, а об успехе будущих пусть вместе с тобой заботится Судьба. Можно ли сомневаться в том, что варвары всегда ожидают того, что они уже часто претерпевали? С другой стороны, неизвестность грядущего заставляет их скорее испытывать тревогу, чем готовиться к тому, что может произойти. Они знают, что... быть бездеятельными¹³. Величие принцепса заранее заботится о двух вещах: чтобы ослаблять осмотрительность тех, кто всегда беспокоен, и укреплять в заблуждении души тех, кого ранее ничто не заставляло испытывать тревогу.

6. Зачем мне хвалить твою опытность в военном деле, зачем — навык в управлении войском, зачем — знание местностей, умение просчитывать время, тяжкий труд без [опасности погибнуть]¹⁴, заботу без налета печали? Я видел твоих преданнейших спутников, находившихся в самом радужном настроении, когда они радовались вместе со всеми тому, что и они не знали о намеченных тобою целях, к которым были посланы заранее и которые, как они понимали, они вполне заслужили обследовать прежде остальных. Они говорили, что по праву одни были посланы вперед, а другие оставлены на месте, поскольку первые были отобраны тобой по размышлению и в соответствии с предзнаменованиями; кроме того, они не сомневались, что очень скоро к ним прибудет сам принцепс, который среди размещенных в разных местах когорт и отстоящих далеко друг от друга легионов внезапно и оказался участником их вылазок, и стоял во главе нас, остававшихся на месте.

¹¹ 6 июня 369 г. Валентиниан начал строить понтонный мост (см. также *Symm.* Or.2.9, 26; *Amm.* 28.2.5) между Альтарипой и новым предмостным укреплением для строящейся крепости на правом берегу Рейна (так называемое *munimentum Valentiniani*). Точное расположение этой крепости неизвестно: одни исследователи считают, что она находилась у возвышенности Пири под совр. Гейдельбергом, другие — в устье Неккара (Franke 1950: 1722; Nagl 1948: 2177).

Аламанны, обеспокоенные этим строительством, направили к Валентиниану посольство, которое тот не принял, вследствие чего крепость была аламаннами атакована и уничтожена еще на стадии строительства, а ее гарнизон убит (*Amm.* 27.10.1–16, 28.2.1–9; Seeck 1906: 521; Franke 1935: 2385; 1950: 1722; Nagl 1948: 2174–2177; Roberts DIR).

¹² Имеется в виду М. Лициний Красс Див, консул 55 г. до н. э., погибший во время войны с парфянами.

¹³ О. Зеек восстановил эту лакуну следующим образом: *sciunt, quid cavendum sit, nesciunt cavere* они знают, что им следует быть бдительными, но не знают, как этого достичь.

¹⁴ Добавлено О. Зееком.

Таким образом, ни одна воинская часть не пожаловалась, что командующий или быстро покинул ее, или поздно пришел. Божественные решения становятся ясны после окончания битвы: сейчас мы понимаем, что ты для того выслал вперед нескольких человек, чтобы победа была одержана в короткое время; для того удержал большую часть войска, чтобы оно не сомневалось в победе. Ты овладел Аламаннией прежде, чем начал исследовать ее внутренние области¹⁵.

8. Император! Разрешите мне сказать о Троянской войне! Я признаю, что Греция совсем немного извратила действительность, угождая своему величию и все принимая на веру. Так, рассказывают, что герои, на кораблях приплывшие в Трою, боялись высаживаться на незнакомый берег до тех пор, пока один смелый до опрометчивости человек не обдумал грозные предсказания, а хитроумный — не постарался их обойти¹⁶!

Я же не нуждаюсь ни в каких хитрых уловках, ни в каких выдумках! В войске моего принцепса спорили, кто первым сойдет с корабля; последний еще не успевал удариться о край речного берега, а стремительный воин уже начал спрыгивать с борта. Когда командиром является столь великий человек, все готовы жертвовать собой. Каждый больше беспокоился о том, как бы кто-нибудь его не опередил, чем как бы на него не напали.

9. Мне же представляется, что больше всех сделал ты, кто стал залогом всеобщего успеха. Тотчас были преодолены песчаные отмели, и еще более трудное восхождение на отвесные берега не заставило себя ждать. Всё казалось более легким, чем было на деле: Рейн казался спокойным, хотя на самом деле он бурлил; земля — твердой, хотя она расплзалась под ногами; берег — достаточно отлогим, хотя он был обрывистым.

10. Искали способ совершать такие вот доблестные вылазки, а не подкрадываться незаметно, неожиданно уничтожая возможные засады¹⁷. Быстрота, способствующая удаче, укрепляет благородные души.

Ты позволял им¹⁸ уходить вместе с детьми и, по мере того, как об этом становилось известно, разрешал оканчивать сражения и отбирать оружие у варваров. Никто не уничтожил смертоносным огнем жалкие лачуги, крытые соломой; никто не ограбил и не стащил с их подстилок диких матерей, спящих в предрассветные часы. Как только с наступлением дня прошло опьянение¹⁹, всё смешалось: и бегство, и мольбы о прощении.

¹⁵ На полях добавлено: *7. Ты понимаешь, что нет преград для того, кто стремится к великим делам: ты и не оставляешь тех, кто топчется на месте, и не бросаешь тех, кто идет впереди. Я даже оправдываю бездействие варваров: к чему им выяснять, где ты по большей части находишься, если тебя видят всегда и везде?*

¹⁶ Имеются в виду соответственно Ахилл и Одиссей.

¹⁷ На полях добавлено: *..убивать тех, над кем одержали верх.*

¹⁸ Аламаннам.

¹⁹ На полях добавлено: *и было покинуто ложе.*

На варваров, разбегающихся в разные стороны подобно стремительно носящимся по открытому пространству диким козам²⁰, приятнее было смотреть, чем убивать.

11. Прощение умалило значимость триумфа: если я правильно оцениваю свирепый нрав этого народа, он считает, что тому, кого простили из презрения, позорно цепляться за жизнь²¹. Тот, кто не заслужил ненависти со стороны врагов, недостоин её. С другой стороны, мы должны принимать в расчёт характер этого несчастного племени: даруя ему прощение, ты его, верь мне, наказываешь; если он тебя за это благодарит, — он признаёт твою власть.

12. Я скажу о том, что не засвидетельствовано ни одним документом: для тебя живет житель Аламании; тех, кого ты присоединил с помощью меча, ты приобщил к нашему государству. Достаточно сказать, что, проявляя милосердие, ты изменил нравы народов. Осталось ли незатронутым хоть что-то у тех, кто имущество получил благодаря твоим благодеяниям, а землю — благодаря построенным тобой военным укреплениям? И всё же с точки зрения права они свободны, хотя из-за испытываемого ими стыда и являются теперь пленниками. В самом деле, смогут ли разбежаться по отдаленным областям те, на пятки кому наступают не только твои отряды, но и новые поселения?

13. Туземцы не восприняли культурного образа жизни и, словно срединные области страны уже опустели, житель более отдаленных мест усиленно добивается союза с Римом²².

Нет, как я догадываюсь, покоя от дел, поскольку непрерывные посольства бургундов просят о заключении дружеского договора: они то ли знают о силе оружия принцепса, то ли ещё издали видят высокие красноватые крыши военного лагеря²³. Они стремятся быть причастными к победам скорее благодаря заключенному миру, чем общим границам. Если бы у тебя была хоть какая-то возможность отдохнуть, они, возможно, повременили бы со своими просьбами. Что бы ни находилось между вами, всё это вы свяжете в результате подготовленного приступа²⁴... ные, распадается.

Где те, кто совсем недавно захватывал города Германии? Они, если можно так выразиться, сами осажжены городами.

²⁰ На полях добавлено: *Как стада трусливых оленей, изгнанные из лесных укрытий, собираются на равнинах.*

²¹ На полях добавлено: *Никогда не следует сожалеть о прощении того, кто испуган: слава участников сражения преходяща, тех же, кто проявил милосердие, — безгранична!*

²² Имеются в виду бургунды, речь о которых идет и в § 16: «ближайшие соседи». В июне 369 г. их посольство прибыло в Альтарипу, где в то время находился Валентиниан. В результате переговоров против аламанных, с которыми бургунды враждовали из-за залежей соли в приграничных областях, был заключен союз о совместной борьбе (*Антт.* 28.5.9–10; Nagl 1948: 2178).

²³ По берегам Рейна римляне строили постоянные военные лагеря с каменными бараками, крытыми черепицей. См. также § 30.

²⁴ Следующую далее лагуну О. Зеек предлагает восстановить следующим образом: *вражеская страна, сражающаяся за ближайшие к нам области и просящая за отдален....*

14. Правда, что я часто не верил, будто и ...²⁵ деяние были обязаны. Какой же мы тебя, дикая страна, совсем недавно нашли? — не знающей старинных городов и имеющей жалкий вид из-за своих кое-как сколоченных, крытых травой домишек. Я попрекаю благодеянием: ведь, будучи побежденной, ты всё же будешь обустроена вместе с остальными провинциями, и в тебе уже возведены крепостные башни.

Страны более счастливы, когда они моему принцепсу подчиняются, а не сопротивляются: если можно сравнивать недавно присоединенные им земли с не завоеванными, кто не подумал бы, что первые, будучи захвачены, сохраняют свободу, и что находятся под защитой захваченные?

15. Вы, не знающие о том, какие подвиги он совершил, послушайте, о каких чудесах я расскажу: варвар собственноручно предоставил то, что следует разрушить, и помогает возводить новые постройки; он опасается, как я полагаю, того, как бы промедление в строительстве не дало повода к войне. Какие налоги могут быть более тяжелыми! Тот не знает границ в своей услужливости, кто наперекор себе выполняет подобную обязанность. О, судьба, великолепная в своей благосклонности!

16. Жалкие рабы начали отстраивать то, чего лишились. Возможно, ближайšie соседи с удивлением увидели, что победитель не хотел восстанавливать то, что они оставляли для себя. Племена, участвовавшему в бандитском нападении, придавали сил древние развалины некогда римской колонии²⁶, и их преступные действия назывались предательством²⁷. К покорности возвращает осознание того, что преступление неизбежно будет наказано. В этом проявился характер победителя, который перенес развалины захваченного города на новое место, ясно показав, что он смог восстановить то, что следовало возродить к новой жизни²⁸.

Великим душам свойственно пренебрегать выгодой: утрата города сделала очевидным тот факт, что он был расположен неудачно; мы разрушили плененный город, чтобы построить свободный.

Остались в прошлом ошибки предков: вы восстанавливаете то, что было позорно утрачено; исправляете то, что было сделано небрежно. Аламания оказалась в таком положении, что начала осознавать, что то, чем она ранее владела и от чего ее вынудили отказаться, она сохранила, но уже как принадлежащее нам.

²⁵ О. Зеек предлагает восстановить это испорченное место следующим образом: *что и враги должны были благодарить тебя за благодеяние.*

²⁶ Имеется в виду город Лоподун (совр. Ладенбург) на реке Неккар, лежавший на важном пути из Могонтиака (совр. Майнц) к Дунаю. По-видимому, еще в середине III в. находился в руках римлян, но ко времени Валентиниана лежал в руинах (Thalheim 1927: 1429; Nagl 1948: 2177).

²⁷ ...et tituli sceleris proditores: довольно трудное для понимания место.

²⁸ 6 июня 369 г. Валентиниан начал строить понтонный мост (об этом также §§ 9, 26) между Альтарипой и укреплением на правом берегу Рейна.

17. Карфаген, за выкуп приобретенной у ливийцев²⁹, основал на пунийской земле богатый пришелец из Тира. Вот примеры из древних времен! После того, как народ окреп, ливийская земля не подвергалась опасности и, как я предполагаю, была неуязвима для вторжений. При этом сначала неспособность себя защитить обусловила небольшой размер территории, но по мере того, как постыдная торговля приобретала всё больший размах, хитроумная покупка, совершенная с помощью разрезанной на узкие полоски бычьей кожи, начала производить всё более отвратительное впечатление³⁰.

Тебе же царства подчиняются, а не продаются, и судьба твоих городов не взвешивается на весах. Ты так вступаешь во все земли, словно возвращаешься к себе. Нас не изгоняют при помощи оружия, а мы ничего не отнимаем с помощью золота³¹. Страх в равной мере сдерживает алчность врага и умеряет его дерзость; когда нет уверенности в том, что сражение будет выиграно, нет места для договора. Пусть варвар сам назовет тебе цену своей территории, если только он осмеливается сопротивляться. Аламанния уже получает от тебя подарок: ведь некоторые ее области ты пока оставляешь нетронутыми.

18. Пусть завидуют вновь возведенным стенам остальные города, построенные частными лицами; пусть испытывают огромную зависть к тому, что является творением принципсов! Они имеют знаменитых основателей, но были ли их создатели облачены в пурпур³²?

Я присутствовал, достопочтенный Август, когда ты расписывал, как следует расположить войска; когда твоя приносящая удачу десница вычерчивала искусный план. Вот почему я предсказываю, что основанные тобой города будут бесконечно счастливы: ведь то, что построено человеком, подобным богу, вечно.

До сих пор жива слава сиракузца Архимеда, хотя исход дела показал, что изобретения знающего человека никоим образом не помогли жителям города³³. Кто не смог защитить пространство, укрытое за стенами, как бы он смог охранить находящееся на открытом месте?

²⁹ Под «Ливией» Симмах подразумевает побережье Африки от Нила на востоке до заливов Большой и Малый Сирт на западе.

³⁰ *Карфаген* («Новый город») был основан колонистами из финикийского города Тира в IX в. до н. э. Согласно легенде, бежавшая из Тира после убийства мужа Дидона прибыла в Африку, где решила поселиться. Договорившись с местным царем о покупке такого количества земли, какое может быть покрыто бычьей шкурой, она пошла на хитрость: приказала разрезать шкуру на узкие полоски, которыми огородила большой холм, на котором и был построен изначальный город. По мере того, как Карфаген богател, он увеличивал свои владения, захватывая и арендуя земли у местных племен, пока не превратился в богатую и агрессивную торговую республику, ставшую крупнейшим государством в западном Средиземноморье.

³¹ На полях добавлено: *или меди*.

³² В конце апреля-начале мая 369 г. Валентиниан начал укреплять границы на Рейне и в том же году принял титул *Alamannicus Maximus* (ILS 771; *Amm.* 28.2.1; Nagl 1948: 2176).

³³ Во время осады в 212 г. до н. э. римлянами Сиракуз, родного города великого античного изобретателя и инженера *Архимеда*, тот построил мощные механизмы, одни из которых забрасывали

19. Более искусно возводят города те, кто обеспечивает их охрану. Я не знаю, что удивляет меня больше: то, что другие умеют их строить, исходя из собственного строительного опыта, и только ты — благодаря врожденному знанию, или же то, что под руководством тебя, единственного наставника, были немедленно обучены все, кто там находился³⁴?

Один лишь Эпей принес гибель Троянской твердыне³⁵ и один лишь критянин Дедал запер пожирившего кекропскую знать злодея³⁶. Так на что же надеяться Аламанныи, которую всё твоё войско смогло и захватить, и запереть?

20. Но не получила ли моя речь опасного поворота? Я не осмеливаюсь ни описывать устройство основанного тобой города, ни хранить о нем молчание. И всё же я не отступлю от истины, требующей определенной смелости.

Смотрящий на город человек прежде всего видит поистине дар природы: холм, мягко обтекаемый двумя рукавами реки; на этой природной основе находятся два ряда земляных насыпей, укрепленных огромным валом. За ними возвышаются обширные городские стены, полого спускающиеся к реке и у самой кромки воды оканчивающиеся крепостными башнями. Дело в том, что Рейн с обеих сторон сжат горными отрогами, благодаря чему он представляет собой безопасный проход, которым пользуются в различных целях. Само пространство города окружено природными укреплениями, составляющими единый массив, изрезанный узкими расщелинами, что позволяет скрытно поражать неприятеля стрелами. Посреди крепости находится величественное сооружение, украшенное золотом и увенчанное храмом в качестве памятника победы, покатая крыша которого покрыта тонкими свинцовыми пластинами.

Август! Можем ли мы понять, что творилось в твоей душе, когда ты воздвигал эти постройки? Испытывая беспокойство, ты укрепил их, а будучи огражден от опасностей — украсил.

21. Древнее предание гласит, что некогда гиганты кидали в небесную высь огромные скалы. Вот чем однажды древность попыталась поразить слуша-

римское войско тяжелыми камнями, а другие при помощи железных крючьев захватывали вражеские корабли и, высоко подняв их, бросали вниз. Поэтому римляне отказались от прямой атаки и перешли к осаде, во время которой Архимед приказал при помощи изобретенных им зеркал фокусировать солнечный свет на кораблях противника, в результате чего римский флот был сожжен. Тем не менее, видимо, в результате предательства, Сиракузы были захвачены, а Архимед убит.

³⁴ На полях добавлено: *Я не говорю о том, что, в то время как других заботила лишь уходящая чередой дней, ты с неиссякаемым терпением переносил палящее солнце и проливные дожди.*

³⁵ Эпей, сын Панопея, участник Троянской войны, строитель огромного деревянного коня, с помощью которого Троя была захвачена изнутри и уничтожена (*Hom. Od.* 8.493; 11.523; *Verg. Aen.* 2.264).

³⁶ Выдающийся художник и изобретатель Дедал построил на острове Крит Кносский лабиринт, в котором обитал «злодей» Минотавр. Афинский царь Эгей, виновный в гибели критского царевича, был обязан каждые семь или девять лет посылать критскому царю Миносу по семь афинских юношей и девушек, отдаваемых на растерзание Минотавру. «Кекропской» афинская знать названа по имени Кекропа, сына Геи, построившего афинский акрополь, названный им Кекропией.

телей! Однако, в самом деле, невозможно поверить, что землерожденные, которые к тому же были еще очень молоды, смогли нагромоздить Пелион на Оссу³⁷. Безусловно, попытка рассказать о том, что выходит за рамки привычных представлений, практически не удалась, хотя завистливая молва преувеличивала значимость содеянного, так что нельзя упрекать в легкомыслии тех, кто, подражая божествам, воздвиг непрочную постройку. Но пусть живет вера в подобные чудеса — доказательство твоих заслуг огромно: насколько велика благосклонность неба при возведении этих твоих построек, настолько же глубока была ненависть, в результате которой были разрушены те.

22. Соседи со всех сторон смотрят на покоренную землю варваров, которые понимают, что не обладают полной свободой, поскольку им не позволено иметь ничего, чтобы об этом не было известно. Я бы не стал сравнивать с поднимающимися к небу крышами этого города расположенные в горах дозорные башни или бесчисленные чудесные постройки Египта, скалами отрезанного от остального мира³⁸. Если спросить о них самих египетских царей, они, клянусь Геркулесом, сошлются на то, что были не в состоянии построить всё это.

Сам же я заметил, что враги то выказывают страх, то испытывают изумление: наглядное великолепие городских стен вызывает у них двойственные чувства, так что они до сих пор не могут решить, следует ли им больше удивляться или бояться.

23. Я сказал, достопочтенный Август, что небожители помогают твоим начинаниям. Мне легко утверждать это, поскольку в качестве свидетеля мы имеем Рейн, который, будучи вынужден выступить за пределы своих берегов из-за обилия стекающих с заснеженных альпийских вершин вод, предпочел перейти под власть победителя. Враждебен он был лишь к варварам и, по обычаю перебежчиков, предоставил всё свое течение принцепсу. Не было, поверь мне, нападения, которым славятся неприятели: Рейн, похожий на смиренного просителя, медленно заливал плоскую равнину.

Мы видели похожие на атаки разливы Нила, благодаря которым получает достаточное количество воды изнывающий от жажды Каноп и пашни Мемфиса³⁹: но и он выступает из берегов для того, чтобы подчиниться чужой воле. А

³⁷ *Гиганты* — сыновья Геи (Земли), оплодотворенной кровью осклопленного Урана (Неба), — великаны с человеческими головой и телом и драконьими хвостами вместо ног. Во время борьбы с богами-олимпийцами они швыряли в последних обломки скал и горящие стволы деревьев. Братья Отос и Эфиальт, которые уже в девятилетнем возрасте отличались огромным ростом и силой, грозилась взять небо приступом, для чего готовы были поставить одну гору (*Пелион*) на другую (*Оссу*), но были убиты Аполлоном (*Нот. Од.* II. 309–320).

³⁸ На полях добавлено: *или высокие многоступенчатые пирамиды.*

³⁹ *Каноп* — город в западной части дельты Нила; *Мемфис* — один из крупнейших городов Восточного Средиземноморья, расположенный на западном берегу Нила, первая столица Египта.

чтобы мы еще больше поверили в благосклонность по отношению к нам, добавь, что и река Нигер⁴⁰ дана нам в качестве некоего дара.

Уже вызывает меньшее удивление то обстоятельство, что свободные люди предлагают тебе не договоры, а царства: и Рейн, так сказать, не радовался бы заключенному с Римом миру, если бы не передал впадающую в него реку⁴¹ в качестве гаранта.

24. Давайте посмотрим древние записи, исследуем анналы: ты узнаешь, что в древности совершенно не знали рек, которые сейчас находятся в вашей власти. Сами знаменитые поэты, носящие различные чужестранные имена, хотя и описывали в своих поэмах индийский Ганг и скифский Борисфен⁴², хранили молчание о неведомом Нигере, равном этим величайшим рекам⁴³. Сейчас благодаря твоим победам впервые громко заговорили о чужеземной реке. Так пусть она радуется своему рабству: ведь о ней узнали только после того, как она попала в плен.

Я вижу, что государство, завладев незнакомыми ранее реками и присоединив отдаленные земли, приросло основными элементами природы. Еще только исследуя пределы круга земель, ты уже устранил разделяющие народы границы. Немного есть в мире местностей, на которые еще не ступала нога римлянина.

25. Ты полагаешь, что государство исчезло бы, если бы постоянно не расширялось. А что, если бы необходимость сооружать городские стены не сдерживало твоих набегов? Ты не любишь пересекать пустынные местности, а при возведении укреплений предпочитаешь усердие, а не похвалбу. Я мог бы пожаловаться, непобедимый консул, что наряду с присоединенными территориями есть и такие, которые еще не находятся в твоей власти. Хотелось бы мне знать о более приятных фактах.

26. Я умышленно опускаю многое, чтобы, подобно трагикам, не впасть в присущую поэтам высокопарность. Вкратце я коснусь лишь одной из многих тем, а именно: что Рейн, переправа через который некогда была невозможна, сделал твой переход, хотя он и проходил при большом волнении, безопасным без всяких мер предосторожности. Сцепленные друг с другом суда, на кото-

⁴⁰ Речь идет о *Неккаре*, правом притоке Рейна, правописание которого в античности колебалось: *Nicer* — *Ann.* 28.2.2, *Sid. Apoll.* 7.324, *Pan. Lat.* VII. 13.2; *Niger* — *ibid.*, *SHA Prob.* 13.7, *Auson.* Mos. 423; *Franke* 1936: 173.

⁴¹ Неккар, правый приток Рейна.

⁴² Совр. Днепр.

⁴³ См. прим. 37. Сравнение Неккара с Гангом и Борисфеном является риторическим преувеличением, призванным усилить значимость победы Валентиниана над аламаннами. О том, что римляне мало что знали о Неккаре, ср. слова Авсония (Мозелла 422–424. Перевод А. Артюшкова под ред. и с дополнениями М.Л. Гаспарова):

...общий триумф отца и державного сына (Валентиниана и Грациана — *И.Ш.*)
В честь побед над врагом у Никкера и Луподуна
И у истоков Дуная, неведомых римским анналам.

рые сверху насыпали землю, создали что-то наподобие узкой дороги, врезающейся в края речных берегов. Осадные орудия были размещены в течение одного дня. Воины с шутками и смехом соревновались, с чьей стороны они быстрее доберутся до середины реки, где намечалась точка соединения двух частей моста.

Пусть сейчас явится знаменитый творец поэмы о Трое⁴⁴; пусть выдумывает, как Ксанф разгневался из-за поражения своих соотечественников; пусть благородный автор пишет о трупах, забивших водный поток, — он не знал, что реки можно обуздывать.

А не на столько ли разбушевался троянский ручей⁴⁵, что пришлось прибегнуть к помощи огня Вулкана? Мелководная речушка узнала, зачем она вышла из берегов. Сам довод небожителей в свое оправдание не достоин сравнения с твоим деянием: поджог реки явился актом мщения, а ее поправление — свидетельством победы⁴⁶.

27. Как я вижу, ты, наш надежный защитник, ты больше дорожишь собственным достоинством, чем занимаемой консульской должностью. Ты полагаешь, — и никому не дано превзойти тебя в этом, — что душа ценнее любой награды. И потому ты не считаешь, что государство проявляет по отношению к тебе неблагодарность, ибо признание того факта, что мы не в состоянии в должной мере соответствовать твоим заслугам, составляет наибольшую ценность в обладании гражданскими отличиями. Кого невозможно наградить достойным образом, тому или воздали предложением занять высокую должность...

(Отсутствуют три страницы)

28. ...от истока Рейна до самого его впадения в Океан покрыл его берега военными крепостями.

Кто мог бы поверить, что позаботились и о том, чтобы он не испытывал недостатка в пристанях? В самом деле, плотины, на всем протяжении области неметов⁴⁷ опоясывающие реку, доступ воды в которую был весьма ограничен, восстановили ее глубины, так чтобы укрепления сверху прикрывали выход из бухты. Корабли имеют свои, если так можно сказать, укрепления, и императорский флот вооружается среди охраняемого пространства Рейна. Вид ограждений, возведенных с целью обмануть противника, вводит в заблуж-

⁴⁴ Гомер.

⁴⁵ Rivus Iliacus.

⁴⁶ *Ксанф* (букв. «желтый») — другое название реки Скамандр около Трои по желтому цвету ее воды. Ксанф вышел из берегов, чтобы потопить Ахилла, завалившего речное русло трупами убитых троянцев, но, палимый огнем Гефеста-Вулкана, вынужден был вернуться в свои берега (*Нот.* II. 21.130–138, 211–384).

⁴⁷ *Неметы* — германское племя в верховьях Рейна (долина Шпеера) со столицей Новиомаг (совр. Шпейер).

дение тех, кто смотрит на них издали: они видят расположенные на вершинах холмов укрепления, не подозревая, что по глубокой воде идут корабли!

29. Август! Произошло больше того, о чем я мог бы рассказать, но, будучи одним из тех, кто описывает твои деяния, я не хочу лишать остальных возможности рассказывать о них.

Все обязаны тебе возможностью проявить свои таланты; все в один голос говорят: красноречие, прежде изгнанное с площадей, благодаря тебе возвращено и может звучать свободно! В деревне проживал находящийся не у дел оратор; тем, кого природа наделила красноречием, закон запрещал проявлять его. Ничто не было более безмолвным, чем литературные произведения, находящиеся в священных хранилищах. Такая же болезнь молчания поражала различные периоды времени, когда рвение ораторов, начинающих свою карьеру, быстро сходило на-нет, а знания заслуженных утрачивались из-за долгой привычки хранить молчание. Результат судебного процесса зависел от случая: в самом деле, зачем было беспокоиться о том, что из себя представлял ответчик, если надеялись лишь на то, что судиться придется с более слабой стороной? И у нас не вызывало сомнений, что в ведении дел проявлял большую расчетливость тот, кто имел обыкновение звать к благоразумию людей с тем, чтобы они отказались от судебного разбирательства.

Увидев в землях аламаннов подобные раны, присущие далеким временам, ты, сковывая руки врагов, снял оковы с их языка.

30. Это было достойно твоей славы, было достойно твоих мудреных занятий, которым ты предаешься бессонными ночами, в равной мере наслаждаясь славой и на поле сражения, и на форуме⁴⁸.

Ни один вид искусства не пребывает в небрежении, ни одно умение не бездействует; уста не скованны законами, оружие не знает границ. Точно так же ты возвратил практику красноречия — ведь столько раз ты совершил то, что достойно быть описанным. Молчание — враг великих дел; что значит слава, если о ней молчат? Сколько бы талантов ты не освободил, все они засвидетельствованы. Ты, величайший из принцепсов, изобрел новый вид наград: только еще исследуя тайны земного круга и возводя в глубинных варварских землях не военные палатки, а основательные здания, ты уже устроил торжество мира.

31. Пусть другие прославляют то, что хранит память: я же исполню свой долг, рассказывая о том, чему был свидетелем. Мысленно я пройду по городам, пройду по народам, испытывая при этом большую гордость, чем сам прославленный победитель; я скажу сенату и народу Рима: «Пошлите чиновников в новые провинции, подготовьте судей для зарейнских областей».

Я многое расскажу и о твоих деяниях, достопочтенный Грациан, но подам надежду на большее. Государство узнает, что его защищают два стража, но само оно служит как бы одному; что за одно вознаграждение работают оба прин-

⁴⁸ СTh 11.1.13; *Amm.* 30.7.11, 9.1, 4–5.

цепса; что бóльшая нужда имеется в напряженном труде, чем в расходах. Вот в чем состоит выгода нашего счастливого времени — выказывать послушание одновременно обоим императорам, а получать beneficia от каждого в отдельности. Невелика выплата содержания обоим, поскольку она одновременно идет на вас двоих, но огромно то, что вы делаете, поскольку вы соперничаете друг с другом в свершении подвигов.

32. Насколько скромнее почитают вас, нежели богов! У тех для каждого возводят собственный храм и каждому строят свой особенный алтарь. Именно поэтому, как я полагаю, боги предпочли, чтобы у каждого был собственный ритуал поклонения; никому не позволено иметь общий с другим божеством храм: одного обслуживает фригийский священник, другого — понтифик⁴⁹; об одних алтарях заботятся благочестивые матери семейств, другие оберегает увенчанная индулой дева⁵⁰; названий жрецов⁵¹ так много и они так отличаются друг от друга, что у многочисленных богов нет никаких общих служителей.

Разные обязанности исполняют и сами знатные роды: Геркулес находится в ведении Пинариев⁵², Идейская мать выбрала оказавших ей гостеприимство Сципионов⁵³, род Юлиев исполняет обязанности служителей Венеры⁵⁴. Средств недостаточно чуть ли не у самого круга земель, заполненного почитанием божеств, в то время как расходы на содержание вашей власти незначительны, хотя каждый из вас обладает собственным величием. Мы, находящиеся под вашей властью, считаем, что вы представляете собой как бы единое целое; те же, кто осмеливается вам сопротивляться, чувствуют, что вас двое.

⁴⁹ *Фригийские священники* (antistes — этот термин часто использовался в Риме для обозначения жрецов иноземных богов) — отправляли культ Кибелы (см. прим. 53) и Аттиса.

Понтифик (pontifex) — член высшей коллегии жрецов в Древнем Риме, надзиравшей и управлявшей всем религиозным культом, общественными и частными богослужениями. Общей обязанностью понтификов было сохранение религиозного баланса (pax deorum), т. е. такого положения вещей, при котором каждому божеству воздавались бы равные почести.

⁵⁰ *Матери семейств* (matres familias) заботились о почитании домашних божеств — ларов и пенатов. *Индула* — головная повязка, которую носили весталки, жрицы богини Весты.

⁵¹ *Фламины* (flamines) — жрецы отдельных богов.

⁵² *Пинарии* — один из древнейших римских родов, представители которого обладали привилегией (наряду с родом Поттициев) на отправление культа Геркулеса.

⁵³ *Идейская мать* (Кибела) — фригийская богиня, почитаемая в Риме под именем «Великой матери». Введение ее культа совпало с окончанием Второй Пунической войны: в 204 г. до н. э. П. Корнелий Сципион Назика, признанный самым достойным гражданином Рима, по поручению сената встретил в Остии священный камень Идейской матери, привезенный из фригийского города Пессинунта, центра поклонения Кибеле.

⁵⁴ *Род Юлиев* вел свою родословную от Аскания (Юла), сына дарданского царя Анхиса и богини Афродиты-Венеры. В 45 г. до н. э. Гай Юлий Цезарь ввел в Риме ее почитание и построил в честь нее храм.

ЛИТЕРАТУРА

- Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. с латинского Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни.
- Авсоний. Мозелла // Авсоний. Стихотворения / Издание подготовил М.Л. Гаспаров. Пер. А. Артюшкова под ред. и с дополнениями М.Л. Гаспарова. М., 1993.
- Гаспаров 1993 — *Гаспаров М.Л.* Авсоний и его время // Авсоний. Стихотворения / Издание подготовил М.Л. Гаспаров. М., 1993.
- CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum.
- Franke 1935 — *Franke A.* Nemetes // RE Bd. 16. Sp. 2382–2385. Stuttgart, 1935.
- Franke 1936 — *Franke A.* Nicer // RE HBd. 33. Sp. 173–177. Stuttgart, 1936.
- Franke 1950 — *Franke A.* Piri mons // RE HBd. 14. Sp. 1721–1722. Stuttgart, 1950.
- Ihm 1894 — *Ihm M.* Alta Ripa // RE Bd. 1. Sp. 1692. Stuttgart, 1894.
- ILS — Inscriptiones Latinae Selectae / Ed. H. Dessau. B.
- MGH AA — Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi / Ed. Th. Mommsen. Berlin.
- Nagl 1948 — *Nagl M.A.* Valentinianus I // RE HBd. 14. Sp. 2158–2204. Stuttgart, 1948.
- RE — Paulys Real-Encyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft / Neue Bearb. begonnen von G. Wissowa, hrgs. von W. Kroll. Stuttgart.
- Roberts 1997 — *Roberts W.E.* Valentinianus I (364–375 A.D.) // De Imperatoribus Romanis. An Online Encyclopedia of Roman Rulers and their Families / www.roman-emperors.org
- Schönfeld 1927 — *Schönfeld M.* Solicinium // RE HBd. 5. Sp. 920. Stuttgart, 1927.
- Seeck 1883 — Seeck O. (ed.). Q. Aurelii Symmachi Orationes quae supersunt // MGH AA. T. VI. Pars prior. B., 1883.
- Seeck 1906 — *Seeck O.* Zur Chronologie und Quellenkritik des Ammianus Marcellinus // Hermes 41 (1906), S. 481–539.
- Thalheim 1927 — *Thalheim Th.* Lopodunum // RE Bd. 13. Sp. 1429–1430. Stuttgart, 1927.

Q. AURELIUS SYMMACHUS.
THE SECOND LAUDATIO (ORATIO II)
IN HONOR OF VALENTINIANUS SENIOR
AUGUSTUS ALTER,
DELIVERED ON JANUARY 1, 370:
Translation from Latin and Commentary

IRINA YU. SHABAGA

Abstract: First Russian Translation of the Symmachus' Laudatio in Valentinianum Seniore Augustum Altera (Oratio II) accompanied by a detailed Commentary is represented here.

The Form of the Speech is typical of a panegyristic Genre with its Flattery and different rhetorical Tropes and Figures, but at the same Time there are a lot of historical Data which supplement the main historical Source of the Valentinian's Time — Ammianus Marcellinus' *Rerum gestarum libri XXXI* — with some interesting Details.

Ирина Юрьевна Шабара,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры древних языков
исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова.

ЗАГАДКА ФАВНА (*CALP. ECL. 1.87–88*): ТЕКСТ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ*

М.В. Шумилин

Резюме: В статье рассматриваются интерпретационные и текстологические проблемы, связанные с загадочным пророчеством Фавна в первой буколике Кальпурния (*Ecl. 1.87–88*) и предлагаются их решения. Предполагается, что необходима эмендация в 87 стихе, из всех предложенных вариантов наиболее подходящим видится поправка Г. Дильса (*patrios* вместо *prius ex/a*). В стихе 88 предлагается новое толкование, создающее параллель с гесиодовской поэмой «Труды и дни» (180–181) и требующее лишь незначительного исправления дошедшего текста (ср. предложение Кемфера *occasum* вместо *occasus*, изменение *occasus* или *ortus* в этом стихе на винительный падеж неизбежно).

Ключевые слова: Кальпурний, текстология, пророчество, панегирик, наследование престола

В первой буколике Кальпурния два пастуха, отправившись в святилище Фавна, обнаруживают там недавно вырезанное на стволе бука пророчество о новом императоре от имени Фавна. Финал пророчества особенно проблематичен. Стандартный текст строк *Calp. Ecl. 1.84–88* выглядит следующим образом:

scilicet ipse deus Romanae pondera molis
fortibus excipiet sic inconcussa lacertis,
ut neque translati sonitu fragor intonet orbis
nec prius ex meritis defunctos Roma penates
censeat, occasus nisi cum respexerit ortus.

Как пишут авторы первого русского перевода этой буколики, созданного под руководством А.В. Подосинова, «последние три строки с трудом поддаются интерпретации и вызвали несколько противоречащих друг другу переводов»¹. У этой ситуации есть, по-видимому, сразу несколько причин.

Во-первых, состояние изучения текста Кальпурния и интерпретации его сложных мест на данный момент в целом, хотя оно и не самое плохое, явно нельзя назвать идеальным. Рукописная традиция Кальпурния представлена при-

* Автор статьи благодарит А.В. Белоусова, Б.А. Каячева и А.В. Подосинова за помощь в получении доступа к необходимой научной литературе.

¹ Подосинов 2014: 262, прим. 25.

мерно 36 рукописями², почти все из которых относятся к XV–XVI вв.; самая древняя, *P*, датируется XII–XIII в., но содержит только часть корпуса Кальпурния (интересующий нас пассаж, впрочем, в ней присутствует). Архетип должен быть старше. В целом такая традиция дает относительно стабильный и внятный текст (значительно лучший, чем, к примеру, текст Эйнзидельнских буколик, сохранившихся в единственной сильно попорченной рукописи), но достаточно часто в нем встречаются, по-видимому, испорченные места; по «качеству» текста традиция такого ограниченного объема не может сравниться не только с традицией Вергилия, но даже с традицией какого-нибудь Лукана или Стация. Ситуация усугубляется тем, что издания Кальпурния второй половины XX в. (как и новое критическое издание Марии Ассунты Винкези)³ почти полностью опираются на текстологические решения Чезаре Джарратано, который, в некоторых отношениях работая достаточно аккуратно и тщательно, в сложных местах последовательно выбирал тактику просто не решать возникающие проблемы⁴. В результате удовлетворительного современного критического текста Кальпурния по сути дела не существует, и работу по поиску подходящих для него решений во многих случаях еще предстоит проделать.

Во-вторых, интересующее нас место с большой вероятностью изначально было задумано поэтом как в какой-то степени энигматическое. Как мы увидим, строку 88 часто интерпретируют как вариацию т. н. топоса *ἀδύνατον* («пока не произойдет такое-то совершенно невероятное событие»), который часто принимает достаточно энигматичный вид⁵; если даже эта интерпретация ошибочна, та же самая энигматичность может быть связана с тем, что перед нами финал пророчества⁶.

² См. Reeve 1978, Castagna 1981 и краткий очерк Reeve 1983.

³ Vinchesi 2014.

⁴ Финальным является третье издание: Giarratano 1943. Ср. об издании Джарратано Timpanaro 2003: 149. Отдельную проблему представляет собой ряд менее заметных текстологических решений (в тех местах, где выбор совершается между вроде бы практически равноценными чтениями), где Джарратано, следуя за немецкими критическими изданиями конца XIX в., без дискуссии согласился с решениями, впервые предложенными в издании Карла Глезера (Glaeser 1842). Многие такие чтения считаются стандартными уже на протяжении полутора столетий и при этом никогда в истории не обосновывались; многие из них при более пристальном рассмотрении не такие уж удачные. Попытка отойти в некоторых местах от глезеровской вульгаты в пользу других рукописных чтений была предпринята в «бель-летровском» издании Жаклин Ама (Amat 1991), но не очень продуманным и потому не очень удачным образом (см. Horsfall 1993).

⁵ Ср., напр., Naerebout, Beerden 2013: 122.

⁶ Именно Фавн (а не какой-нибудь другой сельский бог вроде Пана или Сильвана) становится автором текста на буке у Кальпурния в т. ч., очевидно, именно потому, что воспринимается как бог прорицания (ср. Esposito 2009: 15–16, 26–27, Paschalis 2016: 306; имя Фавна этимологизировалось от глагола *for* в значении «прорицать», ср., напр., *Seru. in Aen. 7.47 dicti autem sunt Faunus et Fauna a uaticinando, id est fando* «названы же так Фавн и Фауна от слова “прорицать”, т. е. от слова *for*»; пророчества Фавна упоминаются у Вергилия и Овидия: *Verg. Aen. 7.95–106, Ou. Fast. 3.312–318, 4.663–666*); таким образом Кальпурний подчеркивает, что перед нами в первую очередь именно пророчество, а не просто панегирик от имени божества.

Трудности, связанные с рассматриваемым пассажем, могут объясняться какой-то одной из названных выше причин или их комбинацией. Задача настоящей статьи — разобрать, какие интерпретации данного места являются наиболее правдоподобными и требуют ли они текстологического вмешательства. Мы разберем разные части предложения по отдельности.

1. *Строки 84–86*

scilicet ipse deus Romanae pondera molis
fortibus excipiet sic inconcussa lacertis,
ut neque translati sonitu fragor intonet orbis...

Начало предложения в целом понятно и не очень проблематично. До этого в тексте шла речь о комете, выступающей добрым знаком, в отличие от кометы 44 г. до н. э. Scilicet подразумевает логическую связку между знамением и его толкованием: «Значит, сам бог примет на свои крепкие плечи груз римской громады, не сотряся его, таким образом, что ни грохот не зашумит от звука перенесенного мира...».

Несколько мелких текстологических проблем почти не касаются сути фразы. Во-первых, к слову scilicet в 84 строке есть конъектура К. Глезера *sed deus* («Но бог, сам бог...»)⁷. Она обусловлена не какими-то недостатками чтения scilicet самого по себе, а тем, что в рукописи *N*, которой Глезер придавал большое значение, ante correctionem на этом месте значилось малопонятное *sedis*. *Sedis* довольно странное искажение для scilicet, в то время как в scilicet легко при желании увидеть «затычку» на месте испорченного текста, так что *sedis* скорее выглядит как *lectio difficilior*. Тем не менее при наших нынешних знаниях об устройстве традиции Кальпурния, чтобы предположить, как Глезер, что в *N* сохранился след более сложного истинного чтения, а во всех остальных рукописях оказалось одно и то же исправление, нужно считать, что в архетипе было сразу два чтения, из которых близкое к истинному воспроизвел только список — общий источник группы рукописей, к которой относится *N*, причем в этом списке также было сразу два чтения, и опять только *N* воспроизвел близкое к истинному (затем исправив). Это очень маловероятный сценарий, так что на конъектуру Глезера следует смотреть только как на указание на небольшую теоретическую возможность, что в этом месте был какой-то отличающийся от scilicet текст (причем связку сама конъектура Глезера дает не очень удачную).

Во-вторых, у слова *excipiet* есть малоправдоподобный рукописный вариант *accipiet* (в рукописи *G*; он значит примерно то же, но менее уместен стилистически: ср. OLD s. u. *excipio* 7 и, напр., *Verg. Aen.* 7.233 *gremio excerpisse* «принять на свое лоно»).

Наконец, в-третьих, строка 86 выглядит очень тавтологично и передает идею шума три раза (*sonitu fragor intonet*, «грохот зашумит от звука»). Однако

⁷ Glaeser 1842: 34.

возможностей правдоподобным образом что-то конъектурально поправить в этой строке, судя по всему, нет, и скорее всего следует просто связать странность формулировки с тем фактом, что Кальпурнию вообще свойственно выражаться необычно и допускать в своем языке многие вещи, которых избегает классическая римская поэзия⁸.

2. Строки 87–88a

...nec prius ex meritis defunctos Roma penates
censeat...

Очевидно, что в целом строки 87–88 продолжают конструкцию строки 86: «(Бог примет на свои плечи Рим, таким образом, что и шума не будет), и не...». Внутри себя второе из придаточных, вводимых союзом *ut*, делится, если исходить из рукописного текста, еще на две части, соединенные комбинацией *nec prius... nisi cum* («и не раньше (что-то произойдет), чем когда...»). Для комбинации (*non*) *prius... nisi* традиционно приводили в качестве параллели пример из Ювенка, *Iuvenec. 3.336–338*: *nec prius e prono uultus sustollere casu / audebant, sancto Christi nisi [quam Poelmann] dextera tactu / demulcens blandis firmasset tempora uerbis* «и не раньше они осмеливались поднять лицо после того, как пали ниц, чем десница Христова, лаская их виски святым прикосновением, укрепила их ласковыми словами»⁹. Судя по TLL 10.2.21344.9–22, это действительно единственная параллель в собственно литературном тексте; остальные примеры такой конструкции относятся к юридической или христианской прозе или к *Mulomedicina Chronis*, знаменитому образцу языка заведомо низкого регистра¹⁰; параллелей для (*non*) *prius... nisi cum*, по-видимому, нет вообще. Выражение, таким образом, достаточно странное; тем не менее, комбинация *nisi cum* достаточно распространена (ср. *Caes. BG 6.18.3, Cic. Phil. 11.16, Hor. Epist. 1.1.108, Ovi. Met. 15.838, Ovi. Ex Ponto 3.6.57* и т. д.), а комбинацию *nec prius... nisi* считал допустимой Ювенк, так что вряд ли такой синтаксис в тексте Кальпурния, как бы он ни датировался, совсем непредставим.

Что же произойдет не раньше, чем что-то другое?

Самым ранним подробным комментарием к этому месту, по-видимому, был комментарий Диомеде Гвидалотти (ок. 1480 — ок. 1505)¹¹. Он понимал это место как «не раньше погибнет Рим», т. е. трактовал «пенатов» как по сути еще одно обозначение Рима, *defunctos* как *desolatos et euersos* «заброшенных и погранных» (т. е. в значении «умершие»), а *ex meritis* как «за грехи». К этой

⁸ См. Paladini 1956, Merone 1967, Novelli 1980, Armstrong 1986, Horsfall 1997: 181–192. О параллелях к конкретно этой тавтологичной фразе см. также Vinchesi 2014: 150.

⁹ Наупт 1875–1876: 3.636, Keene 1887: 63. В соответствующих местах библейского текста для этой конструкции Ювенка никаких параллелей нет.

¹⁰ К. Шуберт в своей критике этой конструкции не вполне верно интерпретирует текст TLL, запутавшись в его действительно не очень удобной рубрикации: Schubert 1998: 63, Anm. 67. На самом деле конструкция зафиксирована все же лучше, чем он полагает.

¹¹ Guidalotti 1504: C4v.

интерпретации редко обращались впоследствии, но у нее есть свои преимущества: она, в отличие от многих альтернативных версий, достаточно правдоподобно трактует слово *penates*, и для самой идеи легко найти параллели (скажем, *Нор. Ерод.* 7). Тем не менее с понятным таким образом текстом также связаны некоторые серьезные сложности: прежде всего, странна конструкция «Рим сочтет, что (его) пенаты погибли». Глагол *senseat* в любом случае выглядит достаточно странно, и есть некоторое искушение практически при любой интерпретации принять вместо него конъектуру Каспара фон Барта *sentiat*¹². Интерпретация Гвидалотти с этим исправлением даст смысл «не раньше Рим почувствует (ощутит, осознает), что (его) пенаты погибли, чем...». Тем не менее, даже так не вполне понятно, зачем вообще нужна конструкция «Рим почувствует, что» (т. е. что она добавляет к просто «пенаты Рима погибли не раньше, чем...»), и фраза «умереть по заслугам» выглядит по-латински примерно так же странно, как и по-русски.

Следующая версия была предложена гландевским епископом Уголино Мартелли (1519–1592) в письме к Роберто Тити, опубликованном в издании последнего¹³. Мартелли, как кажется, первым предложил весьма популярную впоследствии идею, что в концовке 88 строки речь о наследовании императорской власти; под эту идею он, однако, подладил совершенно невероятное понимание предшествующего текста: *defunctos ex meritis = emeritos*; *occasus* отнесен в 88 строке к предшествующей фразе, так что от *senseat* зависит инфинитивная конструкция *penates defunctos ex meritis occasus (esse)*, где *occasus esse = occidisse*; в итоге получается «не раньше отметившиеся заслугами пенаты погибли, чем (взойдет наследник)», и под пенатами, расширительно понятыми как божества — покровители Рима вообще, понимается император Кар: Мартелли следовал ставшей к этому времени стандартной датировке Кальпурния правлением Кара, Карина и Нумериана, т. е. тем же временем, что и буколики Немезиана. Не нужно пояснять, что практически все допущения Мартелли, касающиеся интерпретации конкретных выражений, подразумевают совершенно невозможные в античном латинском языке конструкции.

Каспар фон Барт (1587–1658) в своем издании¹⁴, наряду с пересказом версии Мартелли (в которой на место Кара подставлен Карин, но, судя по всему, по ошибке)¹⁵, предложил еще один вариант, в котором под пенатами также понимаются императоры (на этот раз коллективно), но речь идет не об их смерти (слово *occasus* относится к следующему придаточному), а о заслугах, с акцентом на завершенности действия в слове *defunctus*: *meritis suis defunctos non prius senseat Roma Imperatores, quam...*, т. е. «Рим не раньше сочтет, что им-

¹² Barth 1613: 321 (*malim rescribillare, sentiat*. — NB: глагол *rescribillo* следует добавить в словарь новой латыни, ни в одном из которых его, как кажется, не учитывают).

¹³ Titi 1590: 195–196.

¹⁴ Barth 1613: 321.

¹⁵ Gronow 1755: 415.

ператоры выполнили все свои благодеяния (что их благодеяния завершены), чем...» (строка 88 при этом также понимается специальным образом, см. ниже прим. 54). В свое время оставленная скорее без внимания, эта интерпретация предвосхитила влиятельную в XIX в. интерпретацию Г. Шенкля; о достоинствах и проблемах идеи Барта мы, соответственно, скажем, когда дойдем до версии Шенкля.

Во многом точкой отсчета для дискуссий Нового времени о нашем пассаже стали пользовавшиеся гораздо большим авторитетом соображения еще одного немецкого ученого, Иоганна Фридриха Гронова (1611–1671). Он также исходил из идеи, что в пассаже речь о наследовании престола, но существенно конъектурально переделал весь пассаж, чтобы он гладко выражал эту идею¹⁶:

...nec prius emeriti¹⁷ defunctos Roma parentis
sentiat occasus, gnati quam aspexerit ortus.

«...И не раньше Рим почувствует упокоившийся закат заслуженного родителя, чем увидит восход сына». Идею Гронова с небольшими модификациями поддержали, например, создавший стандартное для XVIII в. издание Кальпурния Питер Бурман Старший (предложивший немного иначе восстановить фразу в 87 строке, *emeritos defuncti... parentis* «отмеченный заслугами (закат) упокоившегося родителя»)¹⁸ и основоположник изучения Кальпурния в Германии XIX в. Мориц Гаупт¹⁹. Тем не менее, версия Гронова все же требует явно чрезмерного конъектурального вмешательства и больше похожа на переписывание пассажа, чем на правдоподобное восстановление искаженного текста.

Главной альтернативой мнению Гронова в науке XVII–XVIII в. было мнение Исаака Фосса (1618–1689)²⁰. Фосс настаивал на сохранении рукописного текста и трактовал его в смысле «не раньше Рим причислит покойников (т. е. умерших Кара, Карина и Нумериана) за их заслуги к пенатам (т. е. богам), чем...». К этой версии также часто призывали вернуться впоследствии (иногда меняя

¹⁶ Gronow 1755: 415 (впервые *Observationes* были опубликованы в 1639 г., первое издание мне недоступно).

¹⁷ Вариант *emeritis* до того уже предлагался фон Бартом в более позднем тексте (Barth 1624: 1560), и он также зафиксирован в рукописях *p* и *r*. Как эта форма должна грамматически вписываться в предложение, Барт не объясняет и комментирует свой вариант так, как будто бы речь шла об аккузативе *emeritos*, согласованном с *renates* (соответственно, фраза в целом понимается по Мартелли, но «умирание» теперь выражается словом *defunctos*, а *occasus* отходит к дальнейшему придаточному). Можно допустить, что Барт думал скорее об аккузативе, а аблатив на самом деле приводит не как конъектуру, а как вариант, взятый из какой-то рукописи (например, *r* или какой-то утраченной). В *p* и *r* чтение *emeritis* безусловно является ренессансной конъектурой вместо стоявшего в архетипе их группы рукописей *et meritis*, как следует из стеммы М. Рива: см. Reeve 1978 и ниже.

¹⁸ Burman 1731: 562.

¹⁹ Haupt 1875–1876: 3.636.

²⁰ Voss 1684: 276–277.

императора в соответствии с тем, кто как датирует Кальпурния)²¹, и для нее можно найти достаточно близкие параллели в других текстах. Пожелание императору как можно позднее быть причисленным к богам можно сопоставить с *Nor. Carm.* 1.2.45–46, *Luc.* 1.45–47, *Stat. Theb.* 1.22–31, *Calp. Ecl.* 4.137–141; что касается парадоксального обозначения при этом императоров словом «покойники» (*defuncti*), то оно больше напоминает пассаж об обожествлении императоров из Лукана, *Luc.* 7.454–459:

mortalia nulli
sunt curata deo. cladis tamen huius habemus
uindictam, quantam terris dare numina fas est:
bella pares superis facient ciuilia diuos,
fulminibus manes radiisque ornabit et astris
inque deum templis iurabit Roma per umbras.

Никакой бог не заботится о делах смертных. Но у нас есть возмездие за это бедствие (за то, что боги допустили Фарсальское сражение. — *М.Ш.*), какое благочестиво богам понести за провинности перед землей: гражданские войны приравняют к небожителям “божественных” (т. е. обожествленных после смерти императоров. — *М.Ш.*), Рим украсит души мертвецов (*manes*) молниями, лучами и звездами и будет в храмах богов клясться именем призраков (*per umbras*).

Тем не менее по самой этой параллели видно, в чем главная сложность интерпретации Фосса: у Лукана подразумевается, что превращение мертвецов в богов — это как раз профанация самого процесса обожествления, оскорбляющая настоящих богов (но и по заслугам им, так как они не помогли Риму избежать гражданских войн). Очень странно описывать с такими акцентами обожествление, представленное *in bonam partem*. Кроме того, уже Гронов отмечал важную проблему, общую для интерпретаций Мартелли, Барта и Фосса²²: слово *penates* вообще-то не используется для обозначения богов вообще; нельзя сказать, что императоры «причисляются к пенатам» в смысле просто «причисляются к богам»²³. Ч.Х. Кин полагал, что речь идет о причислении императоров именно к пенатам, и ссылаясь на две параллели в *Scriptores Historiae Augustae*²⁴: *SHA Ant. Pius* 3.5 (*somnio saepe monitus est penatibus suis*²⁵ *Nadriani simulacrum inserere* «(Антонину Пию) не раз были знаки во сне, чтобы он поместил изображение Адриана среди своих пенатов») и *SHA Marc. Ant.*

²¹ См. Wernsdorf 1780: 321, Beck 1803: 71, Adelung 1804: 44, Sarpe 1819: 20–21, Keene 1887: 63, Hubaux 1930: 212, Duff, Duff 1934: 225, Verdière 1954: 135, 239, 1982, Küppers 1985: 360–361, Amat 1991: 10, Esposito 2009: 35–36, ср. также Ellis 1886: 90.

²² Gronow 1755: 415.

²³ TLL 10.1.1.1023.34–1028.56.

²⁴ Keene 1887: 63.

²⁵ *Est Peter: sed uel se codd.; penatibus Saumaise: penitus codd.; suis Casaubon: eius codd.* Предлагались другие восстановления этого текста, в т. ч. избегающие упоминания пенатов, но следующая параллель делает правдоподобным, что следует восстанавливать именно что-то такое или близкое к этому, как и делают современные издатели *SHA*.

18.6 (*denique hodieque in multis domibus Marci Antonini statuae consistunt inter deos penates* «Наконец, даже сегодня во многих домах статуи Марка Антонина стоят среди пенатов»). Однако даже если в этих пассажах и подразумевается, что императоры, о которых речь, были именно *причислены* к пенатам, подразумеваются явно частным образом почитаемые божества домашнего очага, а не пенаты города Рима (как, видимо, у Кальпурния)²⁶, о включении в которые речи не идет, тем более автоматически прилагающемся к посмертному обожествлению; сами упоминания в *SHA* подразумевают, что речь не идет о стандартной и регулярной практике, так что перифрастически описывать обожествление через присоединение к пенатам (даже частным) Кальпурний вряд ли мог.

Еще одну интерпретацию предложил голландский ученый Герард Кемфер (1675–1737)²⁷. Как и Барт (в одной из своих версий), он понял *defunctos* как «завершивших», но отнес к пенатам как богам — покровителям Рима и понял это слово абсолютно, как «завершивших свое дело», «выполнивших свои обещания» (*promissis suis satisfecisse*); выражение *ex meritis* при этом прочитывается отдельно и относится к глаголу *senseat*. *Defunctus* действительно иногда употребляется таким образом²⁸, однако в кальпурниевском контексте, если отделить (*ex*) *meritis* от *defunctos*, станет, вероятно, с трудом понятно, что же именно пенаты «завершают» (что такое «дело пенатов» или даже «обещания пенатов»?); *ex meritis* само по себе дополнительно запутывает фразу («не раньше Рим на основе их заслуг сочтет, что пенаты выполнили свои обещания»? как соотносятся заслуги и обещания?). Кажется, так понять текст тоже затруднительно, и интерпретация Кемфера не пользовалась в итоге особенной популярностью.

Весомую альтернативу для двух наиболее влиятельных путей решения проблемы (Гронова и Фосса) выдвинуть смог только Генрих Шенкль в своем издании 1885 г.²⁹ Он обратил внимание на то, что на фоне достаточно большой натянутости всех предлагавшихся интерпретаций правдоподобной для поэтического текста выглядит комбинация *meritis defunctos*, если понимать ее как «завершивших (доведших до конца) свои благодеяния»: ср., напр., *Verg. Aen. 6.83 magnis pelagi defuncte periclis* «прошедший до конца великие опасности моря», *Nor. Carm. 3.24.15 defunctumque laboribus* «и доведшего до конца свои труды (дела)», *3.26.3 defunctumque bello* «и выполнившую свою службу на войне». В сущности, это то самое понимание, которое предлагал в качестве одного из вариантов Каспар фон Барт, но Барт предположил, что тот же смысл может передавать-

²⁶ Ср. Bakker 1994: 158, Walentowski 1998: 166.

²⁷ Bruce, Haverkamp 1728: 211 (вторая пагинация).

²⁸ См. TLL 5.1.377.19–32. Гюнтер Яхман, написавший эту словарную статью для TLL и отнесший к соответствующей секции наш пассаж Кальпурния, судя по всему, понял его по Кемферу, хотя и цитирует при этом текст Шенкля (*ah meritis*), об интерпретации которого см. ниже.

²⁹ Schenkl 1885: LXII.

ся необычной конструкцией с *ex + Abl.* вместо простого аблатива (а также относил слово *penates* к императорам). Шенкль, кроме того, первым систематически изучил рукописную традицию Кальпурния и классифицировал рукописи очень близко к тому, как это делают современные ученые (если не считать подгрупп, выделенных Шенклем внутри группы *V*)³⁰. Из получившейся у Шенкля стеммы понятно, что на самом деле на интересующем нас месте есть два практически равноценных чтения: если *ex meritis* — чтение группы *V*, к которой относится подавляющее большинство рукописей (что и определило доминирование этого чтения в изданиях), а также древнейшей рукописи *P*, возможно родственной группе *V* и не образующей отдельной ветви традиции (по Шенклю и Риву)³¹, то еще одна ветвь традиции, представленная в данном месте рукописями *N*³² и *G*, дает вариант *a meritis*. Последний из этих вариантов, согласно Шенклю, допускает отнесение аблатива *meritis* к *defunctos*, а не к предлогу, если считать, что *a* в данном случае междометие (*nec prius a! meritis defunctos Roma penates / censeat* «и не раньше — ох! — сочтет Рим пенаты [в их роли богов — покровителей Рима] завершившими свои благодеяния...»).

Рецензенты сразу указали Шенклю, что такое восклицание здесь явно неуместно³³; тем не менее сама по себе идея о зависимости *meritis* от *defunctos* сохраняет свою привлекательность, если вспомнить о возможности конъектуральной правки текста, расправляющей с предлогом. В частности, Фридрих Лео в своей рецензии³⁴ предложил читать *ut* вместо *ex/a* (подразумевается, что во втором из двух придаточных, соединенных между собой союзом *neque... nec*, еще раз повторяется *ut*, вводящее оба придаточных сразу); правда, комбинация *ut neque... nec... ut* выглядит не очень правдоподобно и для нее трудно найти параллели³⁵. Более интересную идею высказывал на занятиях Герман

³⁰ Schenkl 1883, 1884, 1885: XXXVIII–LIV, Giarratano 1943: VI–VII, Timpanaro 2003: 149, Castagna 1976, Reeve 1978.

³¹ Чтение *et meritis*, судя по описаниям рукописей в изданиях Джарратано, Ама и Винкези и по рукописям, оцифрованные версии которых сейчас доступны онлайн (в частности, из не описываемых Джарратано, Ама и Винкези я учел рукописи *fxuv* в сиглах Рива, а также римское издание 1471 г.), встречается строго в подгруппе группы *V*, обозначаемой Ривом как *Δ*, плюс в реконструируемой по записям третьей руки в рукописи *u* рукописи *A*. Кроме *Δ*, в *V* входит только подгруппа *Φ*, всегда дающая *ex meritis*, как и *P*; отсюда должно следовать, что изначальным чтением *V* было *ex meritis*, искаженное в *et meritis* в рукописи — общем источнике подгруппы *Δ*. Сложнее объяснить ситуацию с *A*, относимой к той же группе, что и *NG*; но имеющаяся у нас информация о рукописи *A* ограничена, что усложняет оценку значимости отдельных утверждений о ней, можно, к примеру, допустить, что в ней присутствовали варианты, внесенные из рукописи группы *Δ*, и в данном случае речь о таком чтении.

³² В рукописи *N* чтение *a meritis* было исправлено второй рукой на *ex meritis*, но это скорее всего исправление на основе сопоставления с образцом широко распространенной в XV в. группы *V*.

³³ Leo 1885: 616, Ellis 1886: 90.

³⁴ Leo 1885: 616.

³⁵ Лео не приводит никаких параллелей; если судить по корпусу РНІ5, то, кажется, единственной параллелью в архаической и классической латыни будет *Ter. Neaut. 964 cepi rationem ut neque egeres neque ut haec posses perdere* «я решил сделать так, чтобы ты и не нуждался, и не мог растра-

Дильс (она впоследствии была опубликована его учеником)³⁶: заменить *prūs ex/a* на *patrios*. Как и в случае с конъектурой Лео, предполагается, что предлог (тем более отличающийся в разных группах рукописей) — это «затычка», добавленная переписчиками, когда строка в результате некоторого искажения перестала быть правильным гекзаметром. По Дильсу, искажение было вызвано тем, что *patrios* было записано в виде сокращения *prūs* или *prūs* с тильдой; окончание *-os* действительно часто искажается в *-us* в раннесредневековых рукописях³⁷. В восстанавливаемом тексте определение *patrios* «отчих» относится к пенатам, а условие вводится просто через *nisi cum* «кроме как когда», без *prūs*. Еще одну конъектуру, стратегически основанную на конъектуре Дильса, предложил Вилли Тайлер³⁸: заменить *prūs ex/a* на прилагательное *prūs*. Судя по всему, он понимает *prūs* как «собственных»: «Рим не сочтет, что его пенаты завершили свои благодеяния, кроме как когда...»³⁹. Однако соответствующее значение слова *prūs* скорее подразумевает смысл «личный, частный», который плохо подходит в нашем пассаже, а не просто «свой»⁴⁰.

Такой подход в целом очевидным образом входил в противоречие с доминировавшим в науке XX в. текстологическим гиперконсерватизмом. В результате сформировался и компромиссный подход, исходящий из идеи Шенкля без трактовки а как междометия, но при этом избегающий и конъектуральной правки, т. е. в итоге трактующий *meritis* с предлогом как альтернативное управление для *defungo* в том же значении, что и аблатив (т. е., по сути, неосознанно возвращающийся к бартовской интерпретации конструкции). Как кажется, первым эту идею предложил Леон Эррманн; впоследствии она также периодически воспроизводилась⁴¹. Очевидная проблема этой интерпретации

тить все это» (пассаж *Quint. Inst. 11.3.53 ut... neque... neque..., neque... ut* вряд ли следует считать релевантной параллелью). Фразу Теренция, вероятно, следует поставить в один ряд с другими случаями плеонастического употребления наречий и союзов в архаических текстах (ср. Courtney 1999: 39, Galdi 2014, Adams 2016: 10, 19–20 и особенно похожие примеры избыточного *ut* из Плавта и Варрона в Löfstedt E. 1911: 62–63). Эйнар Лёфстедт считал плеоназм в принципе признаком разговорной речи, хотя и уточнял, что это не обязательно синоним простонародного языка (Löfstedt E. 1959: 18 et passim; ср. также Löfstedt E. 1956: 2.173, Hofmann 1951: 90–102); см. уточнения по поводу некоторых частных случаев в Adams 2013: 582–611 (а также общую критику подхода Гофмана в Shahoud 2010). В целом о стилистическом регистре, видимо, следует судить отдельно в каждом случае, и ни Лёфстедт, ни Гофман, ни Адамс не рассматривают специально случаи, подобные нашему. Но, является ли плеонастическое *ut* у Теренция скорее разговорной чертой или скорее просто архаической, восстанавливать такое необычное выражение в литературном и достаточно позднем тексте Кальпурния конъектурально вряд ли корректно.

³⁶ Levy 1928: 594.

³⁷ См., напр., Löfstedt B. 1961: 86–88.

³⁸ Theiler 1956: 570.

³⁹ Из предложенного Тайлером перевода (*Der einzelne "Penat" (penates plurale tantum) ist mit seinen Verdiensten erst fertig, wenn der Aufgegangene den Untergegangenen divinisiert hat*) это не совсем понятно. Под «пенатами» он, очевидно, понимает императора.

⁴⁰ См. OLD s. v. 1, TLL 10.2.2.1417.9–45.

⁴¹ Herrmann 1931: 148, Paladini 1956: 343, Korzeniewski 1971: 16–17 (Кожневски понимает под пена-

в том, что даже близких параллелей для такого управления при *defungor* нет⁴². Если все же исходить из того, чтобы по возможности сохранить в тексте хоть как-то объяснимую аномалию, нужно, вероятно, считать, что перед нами частный случай позднеантичной тенденции к расширению предложного управления, основанный на осмыслении аблативного управления *defungor* как сепарационного аблатива⁴³. При этом сложно сказать, будет ли предпочтительным чтением *ex* (все время выбираемое сторонниками этой версии, видимо по инерции) или *a*, оба управления примерно одинаково представимы. Тем не менее, учитывая, что для *defungor* такие управления совсем не зафиксированы, даже в текстах низкого регистра, эту идею вряд ли можно считать особенно правдоподобной (а если уж ее принимать, из нее, вероятно, должна следовать поздняя датировка текста Кальпурния, которую сторонники этой версии в своей несколько извращенной комбинации текстологического гиперконсерватизма с консервативной датировкой как раз отвергают).

В этой ситуации ученые, старавшиеся сохранить рукописный текст, предложили в ходе XX в. еще несколько альтернативных интерпретаций для текста. Эдвард Чемплин, положивший своей статьей 1978 года начало возобновленным дискуссиям о возможности поздней датировки для Кальпурния, видит в нашем пассаже отсылку к эпизоду, описанному в *SHA Heliog.* 6.6–9⁴⁴. Согласно Чемплину, там описывается, как Элагабал «устроил физическую атаку на римских пенатов», и Кальпурний, пишущий при Александре Севере, обещает, что такого больше не произойдет (строго говоря, в оригинале *SHA* речь о попытке императора похитить *penetrata sacrum* «скрытую в глубинных покоях святыню» святилища Весты, в котором хранились пенаты римского народа)⁴⁵. Элинор Лич предлагала понимать рассматриваемую фразу как «Рим не раньше сочтет, что его пенаты по заслугам погибли, чем...»⁴⁶, а Беате Мерфельд — как «На основании заслуг правления Нерона Рим будет верить, что покровительствующие ему боги погибнут не раньше, чем...»⁴⁷. С всеми тремя этими интерпретациями связана та трудность, что Кальпурний должен говорить о

тами императора), Friedrich 1976: 146–147, Vinchesi 1996: 75, 2014: 150–151, Romano 2002, Henderson 2013: 178 (Karakasis 2016: 39 переводит *ex meritis defunctos* как «были нерадивы по отношению к своему долгу защищать город», судя по всему, просто потому, что неправильно понял глагол *manere* в итальянском переводе Винкези).

⁴² См. TLL 5.1.376.71–379.20; ср. Küppers 1985: 360–361, Merfeld 1999: 82 n. 2. В не учтенной в TLL надписи ICVR 4.10417.b (...[de] seculo def(unctus)...) *de* вполне может быть восстановлено ошибочно.

⁴³ Ср., напр., *priuio + ab, de, ex* (TLL 10.2.2.1406.50–53), конструкции без сепарационного значения (но при имени, а не при глаголе) *dignus + ab, de* (TLL 5.1.1148.24–31, 1153.10–14), *plenus + ab, de, ex* (TLL 10.1.2.2407.48–51). В целом об этой тенденции (с оговорками о применимости разговора о ней) см. Vincent 1997, Adams 2011: 263–271, 2013: 257–320.

⁴⁴ Champlin 1978: 104.

⁴⁵ Слово *penetrata* (как существительное) действительно иногда означает пенатов, OLD s. v. За, но здесь *penetrata* скорее прилагательное, т. к. *sacrum* как эпитет выглядит плохо мотивированным.

⁴⁶ Leach 1973: 63–64. Ту же интерпретацию воспроизводят Garthwaite, Martin 2009: 314.

⁴⁷ Merfeld 1999: 82 Anm. 2.

«смерти богов» в каком-то, как кажется, очень неантичном (чуть ли не вдохновенном Ницше?) смысле. Кристоф Шуберт понял нашу фразу следующим образом: «Рим осознал, что раньше покойники становились пенатами не по заслугам (и только теперь Нерон по-настоящему заслужил обожествления)»⁴⁸. К этой интерпретации относятся все те же возражения, что мы изложили выше применительно к пониманию Фосса.

Подводя итоги, мы можем сказать, что с большинством интерпретаций связаны проблемы, вряд ли позволяющие рассматривать их всерьез. По сути дела, в современной науке доминируют варианты интерпретаций Фосса и Шенкля. Первая из них вряд ли может быть успешно обоснована, в то время как вторая привлекательна уместностью в поэтическом языке. Вариант интерпретации Шенкля с сохранением предлога *ex/a* в тексте теоретически может быть оправдан (правда, скорее, при поздней датировке текста), однако все же выглядит не очень правдоподобным. Вероятно, это тот случай, когда следует отказаться от текстологического консерватизма и править текст, позволяя увидеть в нем отмеченную Шенклем конструкцию *defunctus + Abl.* Из предложенных на настоящий момент конъектур критику выдерживает только предложение Дильса, дополнительно разрешающее проблему с некоторой необычностью комбинации *pes grūus... nisi cum* и восстанавливающее в тексте хорошо зафиксированное выражение *patrii penates*⁴⁹. По-видимому, если не будет предложено более удачных конъектур, наш пассаж следует восстанавливать и понимать по Дильсу (до сих пор не удостоившемуся ни в одном издании большего, чем упоминание в аппарате).

3. Строка 88b

...occasus nisi cum respexerit ortus.

Два предварительных замечания: во-первых, в этом придаточном (в таком виде) невозможно определить, где подлежащее, а где прямое дополнение. В принципе такое, наверно, можно представить, но очень сложно понять, какой в этом может быть смысл: вряд ли можно говорить, что грамматическая двусмысленность нужна для энигматичности, так как энигматичности в этой фразе явно хватает и без того, и дополнительная неуклюжесть формулировки скорее конфликтует с изначальной загадочностью и мешает ее восприятию и пониманию, чем подчеркивает или усиливает ее. Велико искушение исправить какое-то из существительных на аккузатив единственного числа (в зависимости от интерпретации строки); Кемфер, в частности, предлагал исправить *occasus* на *occasum*⁵⁰.

⁴⁸ Schubert 1998: 62–63.

⁴⁹ См. TLL 10.1.1.761.3–9, 14–16.

⁵⁰ Bruce, Naverkamp 1728: 212 (вторая пагинация).

Во-вторых, достаточно привлекательной при многих интерпретациях выглядит также конъектура Питера Бурмана iam вместо cum⁵¹. Iam («уже») хорошо подчеркивает идею «только тогда, когда...»; при этом, впрочем, отсутствие cum, возможно, несколько затруднит понимание глагольной формы в придаточном.

Что касается смысла придаточного, то здесь доминируют (с некоторыми вариациями) две основные версии, которые можно условно назвать «географической» и «династической».

«Географическая» версия подразумевает, что перед нами ἀδύνατον, касающийся востока и запада, чаще всего «не раньше, чем восток увидит запад» или наоборот (отчасти идея, видимо, мотивирована тем, что рукописный текст подразумевает, что либо occasus, либо ortus стоит во множественном числе, а во множественном числе они употребляются скорее именно в значении «запад» и «восток»)⁵². Впервые эта версия была предложена (по крайней мере, эксплицитно) тем же Гвидалотти⁵³; у нее есть также «экспансионный» («не раньше, чем восточные территории будут с уважением смотреть на запад», т. е. на Рим; в этом случае речь не об ἀδύνατον'e)⁵⁴ и «астрономический» («не раньше, чем восход совпадет с закатом»)⁵⁵ подварианты. «Династическая» версия, требующая соответствующего перевода строк 87–88а, подразумевает, что ortus «восход» и occasus «закат» — это метафоры, обозначающие нового и старого императора, и все вместе (если не переделывать строку радикально, как это сделал Гронов, см. выше) значит «не раньше, чем закат увидит восход», т. е. «чем за закатом последует новый восход»; в результате речь получается о непрерывности династии. Первым это направление интерпретации предложил Мартелли⁵⁶.

⁵¹ Burman 1731: 562.

⁵² OLD s. v. occasus 3c, ortus 2.

⁵³ Guidalotti 1504: C4v. Paladini 1956: 344 предлагает слегка модифицированный вариант «восток и запад поменяются местами», но вряд ли латинский текст может это значить.

⁵⁴ Barth 1613: 321, в комбинации с «Рим не раньше сочтет, что императоры выполнили все свои благодеяния»; Кемфер в Вгусе, Naverkamp 1728: 212. Особняком стоит интерпретация Г. Шенкля, который понимает наше место (сопоставляя его с *Calp. Ecl.* 1.74–76) как «не раньше, чем и восток, и запад будут подчинены Риму», но не поясняет, каким образом извлечь этот смысл из латинского текста (Schenkl 1885: LXII).

⁵⁵ Friedrich 1976: 146–147, Merfeld 1999: 82 Anm. 2, Romano 2002, Vinchesi 1996: 75, 2014: 97, 151; Жан Юбо совмещает такое понимание с особой трактовкой синтаксиса фразы, так что и occasus, и ortus являются аккумулятивами множественного числа, подразумеваемое подлежащее при respererit — Рим, а в целом фраза значит «не раньше, чем (Рим) увидит восходы, (которые одновременно будут) закатами» (Hubaux 1930: 212).

⁵⁶ Titi 1590: 195–196. Kipppers 1985: 360–361 и вслед за ним Esposito 2009: 35–36 особым образом понимают «династическую» трактовку текста: «не раньше Рим будет причислять императоров после смерти за их заслуги к богам, чем за закатом последует новый восход» не в смысле пожелания долгой жизни правящему в момент написания текста императору, а в смысле, что по-настоящему достоин обожествления (в будущем) только Нерон, пришедший к власти в результате мирного наследования, в отличие от Августа, пришедшего к власти в результате гражданских войн (с которым Нерон, по Кюпперсу, все время сравнивается в ходе эклоги); ср. *Calp. Ecl.* 1.46–68.

С обоими подходами, однако, также связаны трудности. Что касается «династической» версии, то, как мы видели, уже соответствующие ей интерпретации строк 87–88а, судя по всему, не включают в свое число приемлемых вариантов; «экспансионная» версия также требует примерно тех же вариантов понимания строк 87–88а. Кроме того, и при «географической», и при «династической» интерпретации возникают проблемы со значением глагола в заключительном придаточном. Все они подразумевают в первую очередь значение «видеть», выведенное из корня, но такого значения у *respicio* на самом деле нет⁵⁷. Некоторые ученые пытались подставить на это место какое-то из действительно присущих глаголу значений: «оглядываться на / видеть у себя за спиной»⁵⁸, «смотреть с уважением на»⁵⁹. «Географическая» версия может быть в какой-то степени осмысленна только с первым из них (в «астрономическом» подварианте?), но это зависит решающим образом от того, насколько *ortus* и *occasus* могут обозначать восток и запад именно как направления (а не как восточные и западные области, территории) или, соответственно, насколько *occasus* как «закат» может подразумевать конкретно «заходящее солнце» (в последнем случае для большей понятности синтаксиса явно исправлять нужно именно *ortus* на *ortum*: «не раньше, чем заходящее солнце оглянется (т. е. повернет?) на восток» или «не раньше, чем заходящее солнце увидит у себя за спиной (одновременно с закатом) восход») ⁶⁰. Однако неочевидно, что такие значения у этих слов есть. Ни TLL, ни OLD не выделяют для них соответствующих значений; некоторые случаи, где речь идет о востоке и западе, выглядят как возможные примеры *ortus/occasus* как именно направлений, но эти случаи двусмысленны (условно говоря, в выражении *in ortus* «на восток» значение направления может быть заложено в предложе, а не в существительном, которое можно понять и как «восточные области»), и среди них, судя по всему, нет таких, которые можно понять только таким образом, чтобы речь шла о направлении, а не о территориях. *Occasus* может быть причастием в значении «зашедший», но применительно к солнцу употребляется только в архаических текстах (из поэтов у Плавта и Луцилия) и всегда только в комбинации со словом *sol*, без субстантивации *occasus* в значении «заходящее/зашедшее солнце» ⁶¹.

⁵⁷ OLD s. u.

⁵⁸ Duff, Duff 1934: 225, Verdière 1954: 135, 1982, Leach 1973: 63–64, Amat 1991: 10, Vinchesi 1996: 75, 2014: 97, Garthwaite, Martin 2009: 314, Henderson 2013: 178.

⁵⁹ Sarpe 1819: 21, Theiler 1956: 570, Henderson 2013: 178; ср. также выше прим. 54.

⁶⁰ Приводимая Vinchesi 2014: 151 в поддержку последней интерпретации параллель *Sen. Thy. 822 Sol Auroram uidet occiduus* «заходящее солнце видит восход» только кажется уместной, как видно из предшествующей у Сенеки Младшего фразы *insueto nouus hospitio* «новое в непривычных гостях»: у Сенеки солнце не заходит на западе, видя при этом зарю другого солнца на востоке, а, закатившись, обнаруживает, что вместо вечерней зари встречается с утренней, т. е. заходит на востоке: см. Tarrant 1985: 209 и ср. *Sen. HF 373–374, Phoen. 87, Phaed. 570–571*. Фраза «закат видит восход» не может описывать ту же самую ситуацию.

⁶¹ TLL 9.2.352.71–353.12.

Предлагалось также несколько конъектур вместо *respexerit*⁶². Как мы уже видели, Гронов в рамках своей конъектуры заменял глагол на *aspexerit*, более подходящий для значения «увидеть» (но требующий существенной переделки стиха). Гаупт предлагал *suspexerit*, правда, непонятно, какой смысл он имел в виду⁶³, *suspicio* кажется также не очень подходящим по значению глаголом. Лео предлагал *despexerit* «будет смотреть снизу вверх на», имея в виду, что запад и восток поменяются местами с югом и севером, описываемыми Кальпурнием в *Calp. Ecl.* 1.74–75 как расположенные соответственно снизу и сверху⁶⁴; как кажется, получается довольно натянутая идея.

Возможно, несмотря на описанные трудности, все же следует принять идею о направлениях, одно из которых «оглядывается» и разворачивается в сторону противоположного; возможно также, что глагол следует править (в таком случае нужно, вероятно, предложить более простую конъектуру в значении «увидеть», *consplexerit*). Я бы хотел тем не менее в настоящей заметке предложить новую идею по поводу значения рассматриваемой фразы без исправления глагола.

Если мы трактуем *ortus* как причастие в значении «родившийся», понимаем *respicio* как «замечать (вблизи себя, за своей спиной, об опасности)»⁶⁵ и принимаем конъектуру Кемфера *occasum* вместо *occasus* (как уже говорилось, исправление либо *occasus* на *occasum*, либо *ortus* на *ortum* практически неизбежно), то мы можем увидеть в строке отсылку к гесиодовской идее, что на исходе века железного поколения люди будут рождаться седьми (*Hes. OD* 180–181). Аллюзия на Гесиода у Кальпурния будет стилистически уместна, т. к. в обоих случаях речь идет о пророчествах (в то время как никаких хороших параллелей для других интерпретаций 88 строки, как кажется, нет). В центре стихотворения Кальпурния — возвращение золотого века в ходе правления восхваляемого императора (*Calp. Ecl.* 1.42–44), что переворачивает гесиодовскую модель, но не следует считать, что наше понимание подразумевает возвращение мира к гесиодовскому сценарию после этого золотого века: фактически «когда сбудется мрачное пророчество Гесиода» значит здесь «никогда», и гесиодовское развитие событий может просто отвергаться как (ошибочная) альтернатива новой программе смены веков. Текст всего пассажа в целом я, таким образом, предложил бы восстанавливать и переводить следующим образом:

scilicet ipse deus Romanae pondera molis
fortibus excipiet sic inconcussa lacertis,
ut neque translati sonitu fragor intonet orbis

⁶² Чтение рукописи *G* *resperserit* вряд ли можно интерпретировать каким-то осмысленным образом.

⁶³ Haupt 1875–1876: 3.636.

⁶⁴ Leo 1885: 616.

⁶⁵ OLD s. u. 2b.

nec patrios meritis defunctos Roma penates
censeat, occasum nisi cum respexerit ortus.

Значит, сам бог примет на свои крепкие плечи груз римской громады, не сотряса его, таким образом, что и грохот не зашумит от звука перенесенного мира, и Рим не сочтет, что благодеяния отчих пенатов исчерпались, кроме как когда родившийся будет (сразу) видеть рядом с собой смерть.

ЛИТЕРАТУРА

- Подосинов 2014 — *Подосинов А.В.* Кальпурний. I буколика / Подг. А.В. Подосинов // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. IX. 2014. С. 257–262.
- Adams 2011 — *Adams J.N.* Late Latin // A Companion to the Latin Language / Ed. by J. Clackson. Malden, 2011. P. 257–283.
- Adams 2013 — *Adams J.N.* Social Variation and the Latin Language. Cambridge, 2013.
- Adams 2016 — *Adams J.N.* An Anthology of Informal Latin, 200 BC — AD 900: Fifty Texts with Translations and Linguistic Commentary. Cambridge, 2016.
- Adelung 1804 — *Adelung F.* Des Titus Calpurnius Siculus ländliche Gedichte. St. Petersburg, 1804.
- Amat 1991 — *Amat J.* Calpurnius Siculus. Bucoliques; Pseudo-Calpurnius. Éloge de Pison. Paris, 1991.
- Armstrong 1986 — *Armstrong D.* Stilistics and the Date of Calpurnius Siculus // Philologus. Bd. 130. 1986. S. 113–136.
- Bakker 1994 — *Bakker J.T.* Living and Working with the Gods: Studies of Evidence for Private Religion and Its Material Environment in the City of Ostia (100–500 AD). Amsterdam, 1994.
- Barth von 1613 — *Barth K. von.* Venatici et bucolici poetae Latini, Gratius, Nemesianus, Calpurnius... Hanouiae, 1613.
- Barth von 1624 — *Barth K. von.* Casp. Barhi Adversariorum commentariorum libri LX. Francofurti, 1624.
- Beck 1803 — *Beck C.D.* T. Calpurnii Siculi Eclogae XI. Lipsiae, 1803.
- Bruce, Haverkamp 1728 — *Bruce E., Haverkamp S.* Poetae Latini rei venaticae scriptores et bucolici antiqui... Lugduni Batavorum; Hagae Comitum, 1728.
- Burman 1731 — *Burman P.* Poetae Latini minores... curante Petro Burmanno... T. I. Leidae, 1731.
- Castagna 1976 — *Castagna L.* I bucolici latini minori: Una ricerca di critica testuale. Firenze, 1976.
- Chahoud 2010 — *Chahoud A.* Idiom(s) and Literariness in Classical Literary Criticism // Colloquial and Literary Latin / Ed. by E. Dickey, A. Chahoud. Cambridge, 2010. P. 42–64.

- Champlin 1978 — *Champlin E.* The Life and Times of Calpurnius Siculus // The Journal of Roman Studies. Vol. 68. 1978. P. 95–110.
- Courtney 1999 — *Courtney E.* Archaic Latin Prose. Atlanta, 1999.
- Duff, Duff 1934 — *Duff J.W., Duff A.M.* Minor Latin Poets. London, 1934.
- Ellis 1886 — *Ellis R.* Review of Schenkl 1885 // American Journal of Philology. Vol. 7. 1886. P. 88–91.
- Esposito 2009 — *Esposito P.* La profezia di Fauno nella I ecloga di Calpurnio Siculo // Fer propius tua lumina: Giochi intertestuali nella poesia di Calpurnio Siculo / A cura di L. Landolfi, R. Oddo. Bologna, 2009. P. 13–39.
- Friedrich 1976 — *Friedrich W.* Nachahmung und eigene Gestaltung in der bukolischen Dichtung des Titus Calpurnius Siculus. Frankfurt am Main, 1976.
- Galdi 2014 — *Galdi G.* Some Considerations on the Apodotic Uses of atque and et (2nd c. BC — 2nd c. AD) // Journal of Latin Linguistics. Vol. 13. 2014. P. 63–91.
- Garthwaite, Martin 2009 — *Garthwaite J., Martin B.* Visions of Gold: Hopes for the New Age in Calpurnius Siculus' Eclogues // Writing Politics in Imperial Rome / Ed. by W.J. Dominik, J. Garthwaite, P.A. Roche. Leiden; Boston, 2009. P. 307–322.
- Giarratano 1943 — *Giarratano C.* Calpurnii et Nemesiani Bucolica. Augustae Taurinorum, 1943.
- Glaeser 1842 — *Glaeser C.E.* T. Calpurnii Siculi Eclogae. Gottingae, 1842.
- Gronow 1755 — *Gronow J.F.* Joh. Freder. Gronovii Observationum libri quatuor... Lipsiae, 1755.
- Guidalotti 1504 — *Guidalotti D.* Calpurnii et Nemesiani poetarum Buccolicum carmen una cum commentariis Diomedis Guidalotti Bononiensis. Bononiae, 1504.
- Haupt 1875–1876 — *Haupt M.* Opuscula. Lipsiae, 1875–1876.
- Henderson 2013 — *Henderson J.* The Carmina Einsidlensia and Calpurnius Siculus' Eclogues // A Companion to the Neronian Age / Ed. by E. Buckley, M.T. Dinter. Malden, 2013. P. 170–186.
- Hermann 1931 — *Herrmann L.* Réflexions sur la comète de Calpurnius // Revue belge de philologie et d'histoire. T. 10. 1931. P. 145–153.
- Hofmann 1951 — *Hofmann J.B.* Lateinische Umgangssprache. Heidelberg, 1951.
- Horsfall 1993 — *Horsfall N.* Cleaning up Calpurnius // Classical Review. Vol. 43. 1993. P. 267–270.
- Horsfall 1997 — *Horsfall N.* Criteria for the Dating of Calpurnius Siculus // Rivista di filologia e di istruzione classica. Vol. 125. 1997. P. 166–196.
- Hubaux 1930 — *Hubaux J.* Les thèmes bucoliques dans la poésie latine. Bruxelles, 1930.
- ICVR — Inscriptiones Christianae urbis Romae septimo saeculo antiquiores. Nova series. Roma; Vaticano, 1922–1992.
- Karakasis 2016 — *Karakasis E.* T. Calpurnius Siculus: A Pastoral Poet in Neronian Rome. Berlin; Boston, 2016.

- Keene 1887 — *Keene C.H.* The Eclogues of Calpurnius Siculus and M. Aurelius Olympius Nemesianus. London, 1887.
- Korzeniewski 1971 — *Korzeniewski D.* Hirtengedichte aus neronischer Zeit: Titus Calpurnius Siculus und die Einsiedler Gedichte. Darmstadt, 1971.
- Küppers 1985 — *Küppers J.* Die Faunus-Prophezeiung in der I. Ekloge des Calpurnius Siculus // *Hermes*. Bd. 113. 1985. S. 340–361.
- Leach 1973 — *Leach E.W.* Corydon Revisited: An Interpretation of the Political Eclogues of Calpurnius Siculus // *Ramus*. Vol. 2. 1973. P. 53–97.
- Leo 1885 — *Leo F.* Rez. von Schenkl 1885 // *Zeitschrift für die österreichischen Gymnasien*. Bd. 36. 1885. S. 611–621.
- Levy 1928 — *Levy F.* Rez. von Giarratano C. Calpurnii et Nemesiani Bucolica. Turin, 1924 // *Gnomon*. Bd. 4. 1928. S. 594.
- Löfstedt B. 1961 — *Löfstedt B.* Studien über die Sprache der langobardischen Gesetze: Beiträge zur frühmittelalterlichen Latinität. Stockholm; Göteborg; Uppsala, 1961.
- Löfstedt E. 1911 — *Löfstedt E.* Philologischer Kommentar zur Peregrinatio Aetheriae. Stockholm, 1911.
- Löfstedt E. 1956 — *Löfstedt E.* Syntactica. Lund, 1956.
- Löfstedt E. 1959 — *Löfstedt E.* Late Latin. Oslo, 1959.
- Merfeld 1999 — *Merfeld B.* Panegyrik — Paränese — Parodie? Die Einsiedler Gedichte und Herrscherlob in neronischer Zeit. Trier, 1999.
- Merone 1967 — *Merone E.* Innovazioni linguistiche in Calpurnio Siculo. Napoli, 1967.
- Naerebout, Beerden 2013 — *Naerebout F.G., Beerden K.* “Gods Cannot Tell Lies”: Riddling and Ancient Greek Divination // *The Muse at Play: Riddles and Wordplay in Greek and Latin Poetry* / Ed. by J. Kwapisz, D. Petrain and M. Szymanski. Berlin; Boston, 2013. P. 121–147.
- Novelli 1980 — *Novelli A.* Il linguaggio di Calpurnio Siculo. Lecce, 1980.
- OLD — *Oxford Latin Dictionary*. Oxf., 1968.
- Paladini 1956 — *Paladini M.L.* Osservazioni a Calpurnio Siculo // *Latomus*. Vol. 15. 1956. P. 330–346, 521–531.
- Paschalis 2016 — *Paschalis M.* From Pastoral to Panegyric in Calpurnius Siculus // *Wordplay and Powerplay in Latin Poetry* / Ed. by P. Mitsis, I. Ziogas. Berlin; Boston, 2016. P. 299–312.
- Reeve 1978 — *Reeve M.* The Textual Tradition of Calpurnius and Nemesianus // *Classical Quarterly*. Vol. 28. 1978. P. 223–238.
- Reeve 1983 — *Reeve M.* Calpurnius and Nemesianus // *Texts and Transmission: A Survey of the Latin Classics* / Ed. by L. Reynolds. Oxford, 1983. P. 37–38.
- Romano 2002 — *Romano D.* Calpurnio e i Penati. La chiusa del vaticinio di Fauno nella I ecloga // *Tra antico e tardoantico* / A cura di D. Romano. Palermo, 2002. P. 91–96.

- Sarpe 1819 — *Sarpe G.* Nomina virorum eruditione ac meritis excellentium... Praemissae sunt Quaestiones philologicae. Rostochii, 1819.
- Schenkl 1883 — *Schenkl H.* Zur Textesgeschichte der Eclogen des Calpurnius und Nemesianus // Wiener Studien. Bd. 5. 1883. S. 281–298.
- Schenkl 1884 — *Schenkl H.* Zur Textesgeschichte der Eclogen des Calpurnius und Nemesianus // Wiener Studien. Bd. 6. 1884. S. 73–97.
- Schenkl 1885 — *Schenkl H.* Calpurnii et Nemesiani Bucolica. Lipsiae; Praegae, 1885.
- Schubert 1998 — *Schubert C.* Studien zum Nerobild in der lateinischen Dichtung der Antike. Stuttgart; Leipzig, 1998.
- Tarrant 1985 — *Tarrant R.J.* Seneca's Thyestes. Atlanta, 1985.
- Theiler 1956 — *Theiler W.* Zu den Einsiedlern Hirtengedichten // Studi italiani di filologia classica. Vol. 27/28. 1956. P. 565–577.
- TLL — Thesaurus Linguae Latinae. Lipsiae, 1900–2010.
- Timpanaro 2003 — *Timpanaro S.* La genesi del metodo del Lachmann. Torino, 2003.
- Titi 1590 — *Titi R. M.* Aurelii Olympii Nemesiani Carthaginiensis, T. Calphurnii Siculi Bucolica: Nuper a situ, et squalore vindicata, nouisque commentariis exposita opera, ac studio Roberti Titii Burgensis... Florentiae, 1590.
- Verdière 1954 — *Verdière R.* Calpurnii Siculi De laude Pisonis, Bucolica et M. Annaei Lucani De laude Caesaris, Einsidlensia quae dicuntur carmina. Bruxelles, 1954.
- Verdière 1982 — *Verdière R.* Quand le couchant aura vu derrière lui se lever des aurores // Neronia / Publ. par J.M. Croisille et P.M. Fauchère. Adosa, 1982. P. 173–190.
- Vincent 1997 — *Vincent N.* Synthetic and Analytic Structures // The Dialects of Italy / Ed. by M. Maiden, M. Parry. London; New York, 1997. P. 99–105.
- Vinchesi 1996 — *Vinchesi M.A.* Calpurnio Siculo. Egloghe. Milano, 1996.
- Vinchesi 2014 — *Vinchesi M.A.* Calpurnii Siculi Elogae. Firenze, 2014.
- Voss 1684 — *Voss I.* Cajus Valerius Catullus et in eum Isaaci Vossii observationes. Lugduni Batavorum, 1684.
- Walentowski 1998 — *Walentowski S.* Kommentar zur Vita Antoninus Pius der Historia Augusta. Bonn, 1998.
- Wernsdorf 1780 — *Wernsdorf J.C.* Poetae Latini minores. T. II. Altenburgi, 1780.

THE RIDDLE OF FAUNUS (*CALP. ECL. 1.87–88*): TEXT AND INTERPRETATION

MIKHAIL V. SHUMILIN

Abstract: The paper examines the interpretive and textual problems connected with the enigmatic prophecy of Faunus in Calp. *Ecl.* 1.87–88 and the solutions proposed so far. It is suggested that an emendation is necessary in line 87, the most plausible of those proposed being that of H. Diels (*patrios* instead of *prius ex/a*). In line 88 a new interpretation is proposed ('...except when a new-born person will (immediately) face death') connecting the line with Hes. *OD* 180–181 and requiring only a slight correction of the transmitted text (G. Kempher's *oc-casum* instead of *occasus*, the change of either *occasus* or *ortus* to accusative singular being virtually inevitable in the line).

Keywords: Calpurnius, textual criticism, prophecy, panegyric, succession.

Шумилин Михаил Владимирович
к.ф.н., старший научный сотрудник
Лаборатории античной культуры ШАГИ РАНХиГС,
доцент Института восточных культур и античности РГГУ

QVID DE VOCALIBVS PRONVNTIANDIS TERENTIANVS MAVRVVS SENSERIT

VALAHFRIDUS (WILFRIED STROH)

Abstract: How should we pronounce Latin? It is an old joke that we cannot know about that because no tapes from antiquity have been preserved. But there are testimonies from the ancient grammarians and first of all there is the wonderful book *De litteris*, which an African poet, Terentianus Maurus, has written in a verse of Egyptian origin, the *sotadei*. There he explains the pronunciation of all the letters of the Latin alphabet with great accuracy, introducing them so to speak as actors who use tongue, teeth and lips as their instruments. Of course, this was not written for schoolboys, but for highbrow intellectuals, who could enjoy the artistry of verse in such a dry material.

The work has been much praised by renaissance scholars, who found Terentianus congenial. And there exists a long list of editions and commentaries the most prominent being that of the famous Karl Lachmann. Nevertheless, much has still to be done. In this essay which treats only the five vowels (v. 108–145) I want to show, that many verses in the text, that is transmitted to us in a single codex, are not yet really understood or are still corrupt and have to be emended.

This *lusus criticus* is dedicated to Aleksandr Podossinov, who has been for many years a prominent member of our Munich society *Sodalitas LVDIS LATINIS faciundis e.V.* Therefore I am writing in Latin.

Potestne Africa nos, mi Alexander, qui Latinis litteris studemus, aliquid de Latinitate docere? Dubitas? Si minus, num cogitas de maximis scriptoribus, Terentio, Apuleio, Augustino? Alium hodie tibi poetam Afrum offero nunc quidem multo minus notum, sed qui fere ea aetate natus, quam tu nunc adeptus es, certe senex factus plurimos uenustissimos uersus scribere coepit de re admodum difficili, *De litteris, syllabis, metris*, tribus libris¹, scilicet ne ingenium suum, ut ipse fatetur, torpesceret². Quid igitur tibi septuagenario octogenarius ipse aptius donum afferam quam uersus ut ita dicam Latinissimos senis poetae admirabilis, qui pleno nomine Terentianus Maurus dici solet, uir, qui inter ueteres non solum grammaticos, sed etiam theologos tam propter ipsam doctrinam quam propter poetandi artem magna auctoritate floruit. Vtrum secundo an tertio aut quarto saeculo tribuendus sit, dubitant uiri docti, quibus nuper mulier simili doctrina accessit³, nec nos nunc curamus. Certe ante Seruium et Augustinum fuisse constat.

¹ Non unus liber siue unum carmen est, cf. Beck (1993) 565–567.

² Ter. Maur. *De litteris*, praef. 1 sqq., praesertim 51–84.

³ Cf. de hac quaestione Chiara Cignolo p. XXV–XXVII.

Postea autem, ut uidetur, memoria eius obruta est, sed seruabatur medio aeuo q. d. unus codex Bobiensis, qui tria illa carmina, quorum titulos nominavi, continebat. Tunc is quoque periit, sed antea Georgius Galbiatus A.D. 1497 eum in editione principe satis fideliter, i. e. multis mendis inquinatum, exscripsit. Hinc nunc omnis Terentiani memoria pendet⁴. Summis plausibus haec carmina, quae multis rebus grammaticis nouum lumen afferre uidebantur, a uiris doctis tempore renascentium litterarum accepta et laudata sunt⁵. Plurimae tunc extiterunt nouae editiones, inter quas fortasse eae eminent, quas Nicolaus Brissaeus (1531), Iacobus Micyllus (1532), Iacobus Petrecinus (1533) fecerunt commentariisque aut certe notulis instruxerunt. Ingeniosissime in materia pronuntiationis, quam Terentianus in carmine *De litteris* tractauerat, lusit Erasmus, qui primus diuersos nationum modos Latine pronuntiantium inter se comparauit; is tamen Terentianum raro laudat⁶. Contra Iustus Lipsius (1586) in simili scripto eum ut summum auctorem adorat.

Temporibus posteris haec studia non omnino iacebant, sed paulo lentius exercebantur, donec saeculo undeuicesimo ineunte sub Nouo Humanismo q. d. resuscitata sunt cum a Laurentio van Santen (a Iacobo van Lennep retractato, 1825) tum a Carolo Lachmann uiro nunc clarissimo, qui tantum sibi sumpsit, ut in sua editione Terentiani (1836) omnium antecessorum nomina ut negligenda omiserit. Hunc e magna parte secutus est Henricus Keil in VI. uolumine (1874) *Grammaticorum Latinorum*, qui inde ab illo diu fundamenta horum studiorum erant. Quae tamen fortasse linguistae q. d. magis quam Latinistae curabant. Sed his proximis annis praesertim in Hispania et Italia etiam philologi quidam extiterunt, qui studiis et grammaticae et grammaticorum ueterum operam darent; non nihil profuit huic doctrinae generi Petrus Lebrecht Schmidt, qui in „Manuali litterarum Latinarum ueterum“ (*Handbuch der lateinischen Literatur der Antike*) grammaticos tractauit⁷. Optime autem merita est de hoc genere *Bibliotheca Weidmanniana*, e qua inde ab A.D. 2001 *Collectanea Grammatica Latina* sub auspiciis Iosephi Morelli et Marii De Nonno prodierunt. Atque hic fere primum locum tenet mulier docta Clara (Chiara) Cignolo, quae A.D. 2002 totum Terentianum nouissimis curis et edidit et enarrauit. Cui praeluserat tamen Ianus Guilelmus Beck (1993); sed is solum librum *De syllabis* admirabili sane doctrina explanauit.

Nunc autem te, mi Alexander, ad minora perducam, nempe ad litteras, e quibus ut minimis elementis syllabae constant. Atque in hoc genere Terentianus unicus eminent. Ne Graecorum quidem quisquam, etsi Dionysius Halicarnassensis in libro *De compositione uerborum* rem incohauit, tam accurate in litterarum singularum

⁴ De codice et editionibus cf. Beck (1993) 11–22.

⁵ Plurimorum encomia inuenies apud Beck (1998) 3208 sq.

⁶ Desiderius Erasmus Roterodamus: *De recta Latini Graecique sermonis pronuntiatione dialogus* (Basileae 1528, Coloniae Agr. 21529), als Lesetext hg., übers. und kommentiert von Johannes Kramer, Meisenheim ad Gl. 1978.

⁷ Vol. IV (ed. Nicolaus Sallmann), Monachii 1997, 218–245, 249–261; cf. ibi Nicolaus Sallmann, „Terentianus Maurus“, p. 618–622 (inter poetas, non grammaticos habitus); uol. V (ed. Reinhartus Herzog), 1989, 101–158, cf. ibi „Asmonius“, p. 136–138.

naturam et enuntiationem inquisiuit quam ille, quo factum est, ut qui postea de eodem argumento scripturi erant, non multum noui addere potuerint. Sed quoniam, si omnes litteras tractare uellem, campus nimis amplius nobis pateret, ego eum in solas quinque uocales coartabo. Nam tu certe percupis scire, nisi forte Terentianum iam edidicisti, quomodo Romani triplicem litteram O in tuo nomine gentili PODOSSINOV enuntiauerint, utrum labiis mediocri rictu apertis, an sub antro oris sonum augente (Terent. 130–134). At certe in I tertia uocali tua libenter audies renidere risum (119 sq.), qui tuae humanitatis semper proprius fuit. Multa hic sane iam explicauit Clara Cignolo, sed, quia illa nonnumquam magis antecessorum auctoritates quam uerba poetae respexit, non pauca restant. Conferenda nunc erit etiam noua uersio Fancogallica, quam Elisabeth Dévière (2007) temptauit. Dabo tibi autem primum non, ut editores solent, textum emendatum, sed, ne quid praeiudicati afferre uidear, eum, quem editio princeps exhibet⁸ omnibus minutiis et uitiis seruatis; tum, ubi necesse erit, emendare conabimur, donec nouatus textus una cum uersione Germanica, ut ita dicam, opus coronet. In tota autem hac disputatione non tam curabo, ut omnem historiam Latinarum uocalium noua luce illustrem — nam id si accuratius facere uellem, multa testimonia e titulis siue inscriptionibus, e linguis Romanicis et ex aliis non paucis adhibenda essent —, sat habeo ea interpretari et intellegere, quae Terentianus Maurus scripsit et sensit. Philologus sum, non linguista. Si tamen etiam illi disciplinae utile aliquid afferre possim, non equidem abnuam.

Minime autem miraberis, mi Alexander, quod Latine tecum ut olim Erasmus et Lipsius ago. Nam tu iam multos annos sodalis es fidelis Monacensis nostrae Sodalitatis LVDIS LATINIS faciundis e.V., quae A.D. 1984 condita est, meque ipsum abhinc sex uel septem annos Moscouiam uocauisti, ut nonnullas scholas Latino sermone de antiqua eloquentia aliisque rebus explicarem. Pro quo singulari hospitio nunc quoque tibi gratias debeo. Sed incipiamus!

Nunc singula quam possideant in ore sedem:

Ictusq: suos concipiant:&unde rumpant:

110 Vt quiuero uersu blaterabo sotadeo.

Terentianus, postquam satis differentiam uocalium et consonantium ipsarumque consonantium diuisionem explicauit, nunc accedit ad singula sc. *elementa* (u. 85), quas solet saepius *litteras* uocare. Sunt autem non tam litterae scriptae, quae nos „graphemata“ uocamus (quas tamen respicit), quam litterae enuntiatiae siue „phoniae“ uel „phonemata“, si negligentius hoc nomine utimur. Eae habent in ore certas *sedes* quasi possessione detentas (u. 108). Naturam autem earum sedum in proximo uersu accuratius describit. Vbi sine dubio illud *unde* etiam ad primam partem trahendum est, ut sit *unde ... concipiant*. Difficilius intellectu est, qui sint *ictus* concepti. Ac sciendum est secundum Stoicos, quibus grammatici Latini adhaerent,

⁸ Praesto est mihi exemplum Bibliothecae Aulicae Doneschinganae [Donaueschingen] lucis ope depictum.

omnem uocem siue φωνήν esse aerem ictum i. e. ἀέρα πεπληγμένον⁹, quod a nostra scientia non longissime discrepat. Nec male Dévière¹⁰: „vibration“. Ergo etiam singulae litterae suos ictus habere et concipere debent.

Sed quomodo rumpant? Clara Cignolo, ut iam Brissaeus, id uult esse intransitiuum, ut sit pro *erumpant*, *prorumpant*. Sed id uno et quidem dubio¹¹ loco Taciti (Hist. 4.20) uix confirmatur. Melius huc quadrant ei loci, quos illa ipsa ut exempla usus transitiui affert, ut *Verg. Aen. 2.129 rumpit uocem* aut *Sil. 1.95 sq. immugit tellus rumpitque horrenda per umbras / sibila*. Alia similia ministrat *OLD* s. u. *rumpo* 5b. Hic *uox* uel *sibila* non ut uincula siue parietes rumpuntur, sed rumpendo (sc. aliquod obstaculum, quod non dicitur) fit, ut *uox* siue *sibila* omnino existant (quem usum grammatici nostri „praegnantem“ uocant). Ac uide ne sic hoc quoque loco *rumpant* coniungendum sit cum *ictus*, ut litterae rumpendo suos ictus efficiant.

Cur autem ad describendas litteras *sotadeis* potissimum *uersibus* usus sit, qui lasciuiae ne dicam obscenae materiae magis apti uideantur, dubitant uiri docti mulieresque. Nec uident hac in re iocari poetam festiuissimum. Sotades Aegyptius fuit, ex Africa igitur oriundus ut ipse Terentianus, qui Mauri sibi cognomen assumpsit. Cuius igitur potius uersus adhibeat, praesertim cum sibi non sublimem uocem poeticam sed tantum bestialem aliquam eamque maxime Africanam concessam uideat. Nam quod se *blaterare* dicit, quam uocem camelorum esse Festus tradit (*Paul. Fest. 34 M.*), non solum modestiae est, ut Cignolo recte statuit, sed etiam patriam indicat. Quid mirum quod homo in media Africa nutritus ad grammaticas quoque quaestiones numeris domesticis utitur? Atque id lepidissimum fuit: modis lasciuus abuti ad materiam aridissimam. Velut olim Theocritus infimo et paene sordido generi pastorum metrum heroicum dederat (quod postea a bucolicis omnibus sic receptum est, ut nunc quasi legitimum uideatur). Habet autem hic uersus uariabilis duas figuras principales —

I. ———/—————x

II. ———/———x

e quibus secunda mihi, in qua ionicus per anaclasin a duobus temporibus (q aut ww) ad tria (qw) quasi transilire uidetur, iucundissima uidetur. Accedit enim hic modus, quo Terentianus multo saepius utitur quam priore ad numeros paene iazzicos. Hic caesura etiam ita uariatur, ut modo post quintum, modo post sextum elementum posita sit, cum in prima figura, quae rarior est, caesura fere semper sextum a septimo elemento diuidat.

Sed de his disputare longum est. — Nunc ab A incipere uel ob Alexandri nomen legitimum est.

⁹ Cf. Wolfram Ax, *Laut, Stimme und Sprache* [...], Gottingae 1986, 211; Valahfridus Stroth, „De uocis definitione quadam Stoica“, in: *Mousopolos Stephanos*, in hon. Heruigii Görgemanns, Heidelbergae 1998, 443–456; Schulz 39 sqq.

¹⁰ Consule Indicem librorum. Quae ibi editiones translationes commentariique afferuntur, earum non inuat singulas paginas enumerare. Per te facile inuenies.

¹¹ Cf. commentarium Caroli et Guilelmi Heraeus, Lipsiae / Berolini ⁵1904 ad l.

A. prima locum littera sic ab ore sumit:
 Immunia rictu patulo tenere labra.
 Linguamq; necesse est ita pendulam reduci:
 Vt nissus in illam ualeat subire uocis:
 115 Nec partibus ullis aliquos ferire dentes.

Ab *A prima* incipit, non modo quia is ordo traditus alphabeti est, sed quia huic seriei *A E I O V* etiam naturalis quaedam continuatio inest, si ad motus labrorum spectamus. Sed id postea manifestum erit. Quod autem de *loco litterae A* dicit, id erat exspectandum, quoniam de *sedibus* litterarum agere antea sibi proposuit. Ac *locum sumere* inde a Plauto non raro dicitur. Magis mirum autem uidetur illud *ab ore*. Quod interpretes sic intellegunt quasi sit *in ore*. Nam Seelmann p. 169 sic uertit: „erhält im mundraume diese articulationslage angewiesen“, Sturtevant p.106: „takes is position in the mouth“; Dévière p. 200: „prend place dans la bouche“; Cignolo autem eum errorem ut deuitet, sensum *loci* in aliud detorquet: „assume dalla bocca la sua configurazione [i. e. formationem!] in questo modo“. Ergo si *ab ore* retinemus, quod nimis bene conuenit cum illo *unde ... unde* in antecedentibus, scribendum est, quod Ianus Beck (1998) p. 3225 uulgauit: *sonum ... ab ore sumit*¹². Origo soni enim, non loci explicatur. Contra quod Cignolo frustra disputauit. Idem error in editione principe etiam in aliis locis inuenitur. Vt cum de „labialibus“ *B* et *P* agitur, quas Terentianus u. 187 duplicem sonum habere dicit, sc. *BE* et *PE*, u. 188 sq.: Hic, ait, *muta iubet portio* [sc. *B* uel *P*] *comprimi labella*, / *uocalis* [sc. *E*] *at intus +locus* [lege: *sonus*] *exitum ministrat*. *Sonus* scilicet *uocalis E* est, qui facit ut *B* uel *P* e labris compressis exire possint, non *uocalis* aliqui *locus* — quod sensu caret. Nam sic etiam non renuente Bobiensis in u. 196 (de littera *C*) ... *quo uocis adhaerens sonus* (!) *explicetur ore*.

Quod autem in u. 112 post *labra* plenius in editione principe interpunctum uideamus, id editores fere omnes Micyllo excepto emendauerunt. Vix enim dubium est, quin a *necesse est* tam *tenere* quam *reduci* infinitui pendeant. Atque hic Terentianus iam inducit tres quasi actores suos qui in sonorum scaena primas partes agant. Sunt autem labra, lingua, dentes. Atque incipit in u. 112 a labris, quae in *A* edenda nihil agere debent — quam ob causam *immunia* uocantur — nisi ut *rictu patulo*, i. e. maximo hiatu, os aperiant. Neque enim, ut Brissaeus uoluit, qui *immunia* cum *rictu* coniunxisse uidetur¹³, modica hic oris apertio suadet. Quod et ab Asmonio¹⁴ (GL 6,32,33), qui Terentianum sequitur et, ut Cignolo demonstrat, a Dionysio Halicarnassensi, quem noster ipse respexit, confirmatur.

Transeamus igitur ad linguam corporalem, a qua ut a regina sermonis omnis $\gamma\lambda\omega\tau\tau\alpha$ siue lingua nomen ducit. Eam Terentianus in *A* non uult proferri, sed in u. 113

¹² Hanc coniecturam pro mea uindico. Quam praesente Beckio proposui in seminario academico Monacensi. A.D. 1985. Beckius feliciter arripuit.

¹³ „*Immunia rictu patulo labra*, id est rictu certo modulo exporrecto, ut oris hiatus neque angustior neque patentior sit quam quomodo insinuat linea vtrunque latus pertingens.“

¹⁴ De nomine cf. Peter Lebrecht Schmidt, in: Herzog / Schmidt (ed.), *Handbuch der lateinischen Literatur der Antike*, uol. 5, Monachii 1989, 136 sq.

et 115 *reduci* et quidem *pendulam* *reduci*, i. e. tamquam suspensam esse, neque in ulla oris parte *aliquos ferire* (i. e. attingere) *dentes*. Atque hoc loco Terentianus utitur ea figura, quae dicitur ὕστερον πρότερον. Nam suspensio linguae in eo ipso est, quod dentes non tanguntur. Inculcatur autem in medio (Cignolo: „come un inciso“), antequam de dentibus dictum est, in u. 114 illud quorsum haec omnia tendant, nempe ut in linguam *nisus uocis subire* possit. Quid autem est *nisus*? Atque hic Cignolo tam operosa quam obscura est. Vult enim *nisum* esse modo aliquem pulsum siue ictum soni („spinta del suono“), modo ipsum spiritum ut πνεῦμα apud Dinonygium, qui dicit (comp. uerb. 14. p. 51 Us. / Raderm.) litteram A enuntiari „ore apertissimo et spiritu sursum usque ad caelum (!) sublato“ (τοῦ πνεύματος ἄνω φερομένου πρὸς τὸν οὐρανόν). Sed is hic quasi plenissimum sonum in A significare uult nec quicquam de *nisu* aut de *lingua* dicit. Terentianus autem *nisum* semper nominat contentionem aliquam uel intentius studium, quod et in membris corporis esse potest (ut u. 27 *nisus undique corporis / summos in digitos agit*) et in litteris enuntiatis (ut in consonantibus mutuis [u. 97] nullum *meatum queat explicare nisus*, nisi uocalis accesserit). Sic etiam alio loco (u. 245) dicit C et S ... *simul ... iugando nisum* procreare litteram X. Semel ipsi linguae *nisum* tribuere Terentianus uidetur: nam in littera L loquitur de *sono quem ciet ipsa lingua nitens* (u. 231).

Sed in u. 114, ut uidetur, non tam lingua ipsa per se nititur siue in aliquo *nisu* est, sed magis *nisus* illam *subire* dicitur. Quid hoc sibi uult? Ac miror hic uiros doctos multa sibi excogitauisse, quae parum cum uerbis traditis congruerent. Nam quod Petrecinus linguam sic pendere uult, „ut sola uox & sonus ipsius A tum in ore resonet“, id per se postmodo paene uerum esse uidebimus, sed uerba Terentiani non satis explanat. Aliter Brissaeus, qui *subire* uult esse „subrepere“: *nisus uocis* autem hoc interprete credendus est „spiritus percussus“ subiens in linguam „que quum pandula [lege: „pendula“] est, illiditur spiritu mananti à faucibus.“ Sed hic supplentur „spiritus“, percussio“, „fauces“; ac „subrepat“ idem ualet atque „illiditur“. Accedit quod Terentianus nusquam spiritui, πνεύματι, quod nobis ut Dionysio in uoce magnum uidetur, aliquid ad litteras efficiendas tribuit. Sed recentiores etiam peius in interpretando peccant. Nam Seelmann, optimus in „phoneticis“ (p. 169): „zieht man die freischwebende zunge so zurück, dass der tönende luftstrom darüber hinwegstreichen kann, ohne irgendwo an die zähne anzuschlagen“ — ubi quod linguae fuit, ille cuidam „aeris fluuiio sonanti“ adscribit. Atque id quidem corrigit Sturtevant p. 106, qui etiam „fluuium aeris“ tollit, sed tamen Seelmannum secutus sic linguam *reduci* putat, „that the impulse of the voice may be able to pass over it“, quod certe esset „super (aut: praeter) illam ire“, non *in illam subire*, quod Terentianus scripsit. His autem antecessoribus nimis fideliter Cignolo assentitur, cum uult ictum uocis („spinta della uoce“) ascendere praeter linguam („risalire lungo di essa“), similiter etiam Dévière: „venir sur elle“. Nam quod Cignolo ad hanc interpretationem confirmandam affert *Plaut. Merc. 194 in nauim subit*, nil ualet, quod ibi aliquis nauim certe intrat, non praeter nauim labitur. Sic etiam *nisum* non „praeterire“ linguam credamus necesse est, sed potius quasi inire eamque capessere.

Quod melius intelligemus, si Stoicorum (a quibus grammatici Romani multis locis pendent) de uoce sententias cognouerimus¹⁵. Qui ut Terentianus plurimum tribuerunt linguae. Nam Balbus apud Ciceronem (nat. deor. 2.149) a mente per arteriam uocem ad os perducere putat: *Deinde, pergit, in ore sita lingua est finita dentibus; ea uocem immoderate profusam fingit et terminat, quae [<at>que Pease] sonos uocis distinctos et pressos efficit, cum et dentes et alias partes pellit oris. Vox igitur per se nihil ualet, nisi a lingua formatur*¹⁶. Tum denique uocem etiam audiri posse ait Seneca Stoicus, qui linguae plus dat quam ipse Balbus (nat. 2.6.3): *Quid enim est uox nisi intentio aeris, ut audiatur, linguae formata percussu*. Non igitur lingua in Terentiano locum praebere uidetur alicui spiritui sonoro, sed ipsa quam maxime operam dare, ut uocalis A procreetur. Quod nisi pendula et a dentibus intacta esset, aliam fortasse uocalem ederet, certe non A, qua hic opus est. Ergo *nisus uocis* ipsi linguae tribuendus est, *uox* autem hoc loco non uniuersim de aliquo sono posita est, sed uocalem, i. e. ipsam uocalem A significat (ut iam Petrecinus, quem supra laudauimus, uidit): Si lingua legitime pendet, *nisus* is, quo opus est ad edendam A, ab illa concipi potest. Ac *uox* pro *uocali*, ut notum est, saepe a Terentiano ponitur, ut u. 76 *uocum ne series hiet*, 142 *hanc edere uocem*, 196 *uocis adhaerens sonus* et alia plurima.

E. quæ sequitur uocula dissona est priori
 Q uia deprimit altum modico tenore rictum:
 Et lingua remotos premit hinc:&hinc molares.

E uocula, i. e. uocalis, quae in alphabeto proximum locum tenet, hic tamquam persona agens inducitur, quae maximum illum *rictum* siue hiatum oris, qui antea in *priore* A fuit, minuit et sic *dissonum*, i. e. diuersum sonum efficit. Si autem diligentissime uerba perpendimus, Terentianus, cum de *depressione*, non *compressione*, et de *depressione alti*, non *ampli rictus* aut *magni* dicit, potissimum superiorem partem oris spectare uidetur. Eam *E* deducit et id quidem *modico tenore*, quod non tam aduerbialiter dicitur ut Cignolo uult („in senso auverbiale“: „moderatamente“, cf. Seelmann p. 176 „mässig“) quam ad ipsum illum motum deprimendi pertinet, qui quasi recta uia descendit; ut in Ouidio (met. 3, 113 sq.) signa illa, quae in aulae scaenico depicta sunt, cum id tollitur, paulatim surgunt, donec *placido ... educta tenore tota patent*.

Tum Terentianus statim transit ad *linguam* et *dentes* uel *molares*, qui cum olim in A intacti manserint, nunc in utraque parte ab illa *premuntur*. Neque aperte dicit *mo-*

¹⁵ Cf. Schulz p. 38–42.

¹⁶ Hac in re Dionysius Halicarnassensis (comp. uerb. 4,14, p. 50–52 Us. / Raderm.) paulum dissentire uidetur a Stoicis (quos Terentianus sequitur), Nam ille in omnibus uocalibus, quae „ex arteria [quam „Lufttröhre“ nos dicimus] concinente cum spiritu“ (συνηχούσης τῷ πνεύματι) oriantur (non accuratissime hic quidem Schulz p. 66), nihil agere linguam affirmat, ut non ea sit causa ictus (quem uocat *πληγὴν* siue *κρούσιν*), sed ipse spiritus, et sic fiat *πνεύματος πληγὴ* (aperte in litteris Ω et I). Ac recte Schulz p. 67 id magis ex Aristotele fluxisse statuit, qui de spiritu arteriam pulsante dicit (de an. 420 B 27–29); de quo Schulz p. 25–30.

lares solum superos, non inferos tangi, sed id experientiae lectoris relinquit. Magis nos mouet quod *labella* hic non respicit. Quae certe in *E* non tam remissa et *immunia* sunt quam in *A* fuerunt: Id enim aperte dicit Asmonius, qui alioquin Terentianum paene ad uerbum exscribere solet (GL 6,33,1 sq.): *E, quae sequitur, depresso modice rictu oris reductisque introrsum labiis effertur*. Hic saltem in Terentiano lacunam suspicari possis, quam, si uis et fas est, hoc meo sotadeo possis explorare : <*introrsus adactis leuiter satis labellis*>.

An alia quoque maior latet lacuna? Pompeius grammaticus, qui saec. V fuisse uidetur, poetam nostrum his uerbis laudat (GL 5,102,9 sqq.): *dicit ita Terentianus: quotienscumque E longam uolumus proferri, uicina sit ad I litteram*. Hoc si uerum est productam *E* aliter sonare, quia ore magis clauso ederetur, docuit. Sed de hoc, quoniam cum pronuntiatione *O* cohaeret, postea disputabimus. Interea sufficiat duo uersus Terentiani ipsius afferre, quibus omnis dubitatio tolli uidetur. Dicit enim in libro *De syllabis* (450–452) : *litteram namque E uidemus esse ad HTA proximam, / sicut O et Ω uidentur esse uicinae sibi : / temporum momenta distant, non soni natiuitas*. Hic satis dilucidis uerbis in ipsa temporum siue quantitatum diuersitate sonos non diuersos esse affirmat.

I.porrigit ictum genuinos propead ipsos:
120 Minimumq; renidet superotenus labello.

I quoque uocalis quasi persona continuat uel extendit opus antecedentis. *E* iam presserat dentes molares, *I* nunc se ad *ipsos* paene *genuinos* extendit. Sunt autem *genuini*, ut Blatt in Thesouro linguae Latinae docet (VI 2,3 1883, 14 sqq.) saepe eidem ac *molares*, nonnumquam autem ei, qui (secundum Plinium) sero circiter uicesimum annum homini gignuntur, ergo ultra molares positi sunt (aque Germanis „Weisheitszähne“ uocantur). Huc usque ergo *porrigitur ictus*, i. e. lingua, quae secundum Stoicos, ut uidimus, ictus aeris causa est. Ac possis quaerere, sitne hic *ictus* idem atque ille *nisus*, qui in *A* operatur. Quae quamquam inter se cognata sunt, tamen sic distinguere uelim: *nisus*, ut ipsa etymologia docet, ea contentio est, qua lingua eget, ut *ictum* edere possit. Nec concesserim hic *ictum* idem ualere ac contactum, ut Cignolo („contatto“) et Sturtevant (p. 107 „contact“) uertunt; aliter nec satis diligenter Dévière: „I dirige son trait“: etiam minus recte Seelmann (p. 194) : „sodass die backenzähne fast auf der zunge zu ruhen kommen“.

Transeamus ad labellum in u. 120. Hic Brissaeus eumque secutus Petrecinus *renidet* tamquam sit „mollius resonat“ interpretati sunt, ad quod comprobandum Brissaeus Quintilianum laudauit, apud quem aliquo loco (inst. 12,10,28) *renidet oratio*, i. e. *hilarior* fit. Sed rectius Cignolo ad uerbum exprimit: „sorridente“, quod sit „un' immagine originale di grande vivacità“. Scilicet in *I* ipsam transfertur is risus, qui est in uultu pronuntiantis (OLD *renidere* 3 a), ut is similis sit illi, de quo Catullus in iambico carmine dicit (39,1 sq.) : *Egnatius, quod candidos habet dentes, / renidet usque quaque*. Hinc etiam intellegimus, quae de *labello* dicuntur. Neque enim in *I* maiore rictu os diducitur, sed tantum *minimo*, ut non nisi a superiore labro dentes nudentur. Vn-

de omnis *I supero tenus labello*, non amplius ridere uidetur (minus recte Sturtevant l.l. „along the upper lip“, peius et obscurius Bonioli p. 14 „si apre moderatamente la bocca col solo concorso del labbro superiore“). Iure igitur Asmonius (GL 6,33,2) explanat: *semicluso ore* (qui tamen, ut Dioysius l.l. p. 52 Us./Rad., meris dentibus pro *genuinis* contentus est). Valde autem hic errat Seelmann p. 194, qui linguam, non dentes, in extremo labello ridere siue lucere uult. At nos meminerimus eorum photographorum, qui nos antequam luce depingunt, Americano more „cheese“ dicere iubent, ut una cum *I Terentiana* leniter ridere uideamur.

- O.graiugenum longior altera est figura:
 Alter sonus est:¬a temporum minor.
 Compendia nostri meliora crediderunt.
 Vocalibus ut non nisi quinqu: fungeremur.
 125 Productio longis daret ut tempora bina:
 Correptio plus tempore non ualeret uno.
 Hinc ητ&minus scribimus:hinc&:ω.supremum
 Vna quoniam sat habitum est notare forma:
 Pro temporibus quæ geminum ministret usum.

Hic fere nihil de ipsa pronuntiatione, tantum de scriptione dicitur, quae in Latinis litteris a Graecis diuersa est. Nam eo pertinent *figura* (u. 121, qui est ablatius qualitatis), *nota* (u. 122), *scribimus* (u. 127), *notare forma* (u. 128). Eo etiam spectare uidetur, quod in u. 127 pro „supremam“ sc. litteram, *supremum* sc. elementum dicit. Nam *elementa* sunt, potius quam litterae, *rudes quae pueros docent magistri* (u. 85), scilicet scribere et legere, non enuntiare. Sic etiam in u. 175 *atque I geminum (!) scribere nos iubent magistri*. Quam ueterem esse consuetudinem cum Horatius (epist. 1.20.17 *pueros elementa docentem*) tum multi alii testantur (Hey, ThlL V,2, 341, 72 sqq.); inuenterunt eum usum grammatici, qui post Terentianum fuerunt, ut Diomedes (GL I 421, 25) *elementum intellegitur, littera scribitur* (Hey l.l. 342, 33 sqq.).

Ac notissimum est Graecos in scribendo distinguere inter breuem *O* et longam *Ω*, cum Latini uno signo *O* ad utrumque usum contenti sint. Quod Terentianus cum statuit, minime aliquam diuersitatem ipsius Graecae et Latinae pronuntiationis indicat, sed modo in utraque lingua idem ualere existimat, scilicet ut breuis uocalis unius *temporis* sit, longa duorum. (Tempora autem sunt, quas nos secundum Godofredum Hermann appellamus „Moren“.) Differentiam scripturae autem e parsimonia quadam Romanorum natam putat, quibus quinque quam septem uocales magis placuerint.

Ac parum refert ad intellectum, quod in u. 122 tam sensus quam metri gratia parua coniectura opus est: Vbi aut cum Micyllo *temporum minori* legendum est — quo genetiuis respectus existit, cf. u. 91 *pars muta soni*) — aut, quod Keil in apparatu proposuit, *temporis minoris* (metonymice pro „litterae temporis minoris“); possis etiam *tempori minori*. Item in u. 128 uersus pro *sat* aut longam syllabam (ut Lachmann uoluit *fas*) aut duas breues (Santen: *sat<is>*) poscit. Ego malim *sat <ea>*, ut

notare suum supplementum habeat. Sed haec minora sunt. Magis admirationem mouet quod Terentianus subito de *HTA* a Latinis omissa dicat, cum antea nihil de differentia *H* et *E* apud Graecos statuerit. Sed fortasse post u. 124 lacuna statuenda, in qua uocalium quinque numerum diligentius explicauit. Tamen certe ad intellectum nihil desideramus. Transeamus ad maiora.

- 140 Igitur sonitum reddere cum uoles minori:
Retrorsus adactam modice teneto linguam:
Rictu neq: magno sat erit patere labra.
At longior alto tragicum sub oris antro
Molita rotundis acuit sonum labellis.

Hic Terentianus diuersa uidetur praecepta de *O* longa et breui pronuntiandis dare, cum tamen solum in breui *O* lectorem alloquatur (*uoles, teneto*), in longa autem, quasi maiore robore praedita sit, ipsa littera suum opus faciat uel, ut ait, *moliatur*. Atque hoc loco omnes fere, qui linguarum periti sunt, quique nunc „phoneticorum“ nomine gloriantur (ut Sturtevant p. 116, Sommer / Pfister p. 59 et al.), describi putant differentiam correptae siue *minoris O*, quae ore magis aperto, et productae siue *longioris O*, quae magis clauso ore proferatur. (Vt nos Germani *O* aliter in Mörde, aliter in Mōde efferimus.) Nam id etiam Romanicae linguae docere uidentur, ubi, ut unum exemplum afferam, Latinus *sōl* Italice gignit „sole“, *bōnus* generat „buono“. Vnde nunc Cignolo summis auctoribus nixa statuit: „dagli elementi forniti si desume chiaramente che T(erenziano) parla prima del suono aperto di *O* breve, poi di quello chiuso di *O* lunga“ (similibus uerbis idem iam Bonioli p. 21). Sed hoc si Terentianus uoluit, non „chiaramente“, sed magis „oscuramente“ locutus est.

Atque in *O* breui duo notanda sunt. Primum *lingua*, ut in *A* (u. 113) leniter *retrorsus adacta*, dentes tangere non uidetur; deinde aliter atque in *A* rictus oris non patulus, sed paruus aut, ut ipse dicit, *non magnus* debet esse. Ergo quisquam credat hunc rictum *non magnum* oris aperti esse? Vix ego. Nec quae de maiore *O* dicit, clausum os testantur. Quae littera cum *sub oris antro* sonare dicitur, ubi *sub* idem ualet atque in „sub pectore“ (i. e. in imo pectore), „sub aequore“ (i.e. in infima parte maris), remotiorem aliquam partem oris indicare uidetur quam eam, in qua *O* clauso ore proferri creditur (recte igitur Sturtevant p. 118: „in the deep cavern of the mouth“, sic etiam Cignolo). Quod uitium Seelmann (p. 208) sic sanare conatus est, ut *antrum* illud in palato suspenderet et sub eo sonare faceret: „Das längere hingegen lässt bei seiner articulation unter der hohen gaumenwölbung einen tragischen, durch lippenrundung schärfer ausgeprägten ton erschallen.“ Contra Lindsay (p. 36), qui, quoniam, quid in longa *O* Latina *tragicum* esset, non uidit, ut traditam opinionem retineret, totum hunc locum e Graecis „phoneticis“ sumptum esse suspicatus est, in quorum lingua littera Ω satis *tragicum sonum* nempe ore aperto edidisset. Bonioli (p. 21) autem, ut usitata distinctio uera esset, affirmavit tantum in ore clauso *rotunda labella* esse posse. Quod quiuis experiendo falsum esse uidebit.

Quid igitur? Num Terentianus plane contraria praecipit eis, quae nunc phonetici docent, scilicet ut os apertum \bar{o} , clausum \check{o} proferre uelit? Ne id quidem. Sed aliorum spectat eius doctrina, non ad apertionem oris. Tenet hic quoque illud de O et Ω , quod antea laudauimus (u. 452): *temporum momenta distant, non soni natiuitas*. Docet autem ad breuem O in contextu orationis edendam minore oris labore opus esse, quam si O longa proferatur. Quare non dicit: „cura ut in breui O admodum paruus rictus sit“ (ut antea in u. 113 *necesse est*), sed: *rictu neque magno sat erit patere labra*. Facili negotio hoc quidem fieri potest. Contra O longa non tam in expedito est, sed tantum *molita*, i. e. cum aliqua laboris contentione, *sonum* suum — non solum edit, sed *acuit*, i. e. auget (Dittmann, ThL I 462, 13; 49–54). Quod autem hic *labella rotunda*, non in O breui commemorat, id fit quod hic eis, non illic opus est. Non tamen *labella rotunda* adhibet, ut eis *sonus acuatur* — nam id melius fieret ore apertissimo –, sed haec uocis amplificatio antro debetur. An quisquam nescit, quanto maiore sono in spelaeis aut spelaeorum similibus balneis uoces resonent? Ceterum non equidem negauerim, quod iam Lindsay uoluit, O longam, quae a Terentiano *tragica* dicitur, uiciniorum esse Ω Atticorum, in quorum tragoediis illud $\check{\omega}$ $\check{\omega}$ — ore apertiore elatum (ex. gr. Sturtevant p. 47)¹⁷ — frequens est, Sed non id potissimum Terentianus hic respicere uidetur.

Nunc denique etiam id fit perspicuum, quod antea obscurum erat (Lindsay p. 22), nempe cur Terentianus nihil antea de differentia in enuntiandis \bar{o} et \check{o} dixerit, nunc de \bar{o} et \check{o} dicat. Nempe ibi oris conformatio non tam diuersa in productione et correptione erat, ut Terentianus distinguere inter duos modos uocalis formandae deberet. Quid autem grammatici posterius? Num ei in O secundum quantitatem diuersos sonorum quasi colores stauerunt? Certe nondum Asmonius, qui hic quoque fideliter suum Terentianum sequitur (GL 6,33,3 sqq.): *O, ut E, geminum uocis sonum pro condicione temporis promittit. Vnde [sc. quia sola condicio temporis differentiam facit] inter nostras uocales H et Ω Graecorum ut superuacuae praetermissae sunt. Igitur qui correptum (sc. O) enuntiat, nec magno hiatu labra reserabit et retrorsum actam linguam tenebit. Longum autem productis labiis, rictu tereti, lingua antro oris pendula sonum tragicum dabit*. Hucusque, nisi quod illud *saterit* omisit et *rictu tereti* inseruit, fere nihil nouatum est. Quod autem postea de suo addit: *cuius obseruationis et in E littera similis paene (!) ratio*, id ostendere uidetur et Terentianum nil tale docuisse et Asmonium nouum aliquid excogitare non ausum esse.

Primus igitur fortasse Seruius (saec. IV) uidetur in O ut in E diuersos sonos, qui non solum condicione temporum gignerentur, distinxisse. Quem locum nunc denique exscribere debeo (GL IV 421,17 sqq.): *... E et O aliter sonant productae, aliter correptae. Nam O, productum quando est, ore sublato [?] uox sonat, ut „Roma“, quando correptum, de labris uox exprimitur, ut „rosa“. Item E quando producitur, uicinum est ad sonum I litterae, ut „meta“; quando autem correptum, uicinum est ad sonum*

¹⁷ In personis tragoediarum rictus oris solebat satis magnus esse; cf. (Margarete) Bieber, „Maske“, RE XIV 2 (1930) 2070–2120, ibi col. 2077, 2083

diphthongi, ut „equus“. Atque hic mihi de *O* et *E* separatim uidetur agendum esse. Nam in *O* Seruius non nimium a Terentiano discrepat. Vbi ualde miror et Keilium et omnes seruauisse illud *ore sublato*, quod sensu caret. Lege duabus litteris inter se commutatis: *sub alto*, quibus uerbis Seruius sine dubio illud reuocat *alto ... sub oris antro*, quo Terentianus *O* longae *sonitum acui* uoluit. Nec quod de labris *O* breuem uocalem *exprimit*, id non pugnat cum eis, quae Terentianus docet..

Aliter se res in *E* habet. Vbi sine dubio Seruius (ut etiam [Sergius] GL IV 520, 28 sq.) inter sonos productae et correptae uocalis distinguit. Nam quod breuis *E* exemplum *diphthongum* in *equus* affertur, non hic sane significatur caballus sed *aequus*, quoniam Seruii aetate diphthongus AE monophthongice ut *E* pronuntiabatur. Ea *E* igitur ore magis aperto edebatur, quoniam productam *E* ad uicinitatem *I* accedere dicit, quo certe os magis clausum indicatur. Ergo hac parte, ut uidetur, pronuntiatio inter tempora Terentiani et Seruii mutata est.

Nisi uero Pompeius certus testis est, cum tradit iam Terentianum sic distinxisse. Cuius uerba supra (p. 669) laudauimus necdum satis ad ueritatem exegi: *dicit ita Terentianus: quotienscumque E longam uolumus proferri, uicina sit ad I litteram.* Et postea: *... sic pressa, sic angusta, ut uicina sit ad litteram I.* Magis angusta igitur quam *E* breuis. Hocne credamus? Negat Cignolo, affirmant Seelmann (p. 176 sq.) et Sturtevant (p. III, adn. 16), dubitant Lindsay (p. 22) et Ianus Beck (1998, p. 3224, adn. 48), qui se de lacuna (post u. 118 aut 121 aut alio loco) suspicari fatetur. Sed contra stat non solum illi uersus 450–452, quos supra (p. 669) laudauimus, nempe eandem *soni natiuitatem* esse in longa et breui *E* (ut in longa et breui *O*), sed etiam quod Terentianus in uocalium continuatione sic procedit, ut in una quaque littera ad antecedentem respiciat (ut in *E* ad *A*, *Vad O*, uide infra), nusquam ad sequentem prospiciat. Qui ordo prorsus naturalis est. Vix igitur potuit, cum de *E* ageret, iam de uicinitate *I*, quae postea secutura esset, dicere. Ergo hic Pompeius suam doctrinam uel sui temporis consuetudinem Terentiano ut summo harum rerum auctori (Beck l.l.: „der phonetischen Autorität“) tribuisse.

- 135 Y .quam memorant uocibus auia est latinis:
Vocalibus autem quoniam iugata graecis
In nostra etiam uerba dabat frequenter usum.
Subiecimus illam cui nomen. V.dederunt
Vocalem:sonantes sibi quae iugaret omnes:
140 Et sola sonum redderet ex sua figura.
Q uam scribere graius nisi iungat.Y .nequibit:
Hanc edere uocem quotiens paramus ore
Nitamur:ut. V.dicere sic citetur ortus.
Productius autem coeuntibus labellis
145 Natura soni pressior altius meabit.

Hic post u. 137 punctum non curandum esse, in u. 139 pro *Vocalem* scribendum esse *Vocale* plurimi uiderunt. — Vt in *O* fecit, Terentianus non a Latina uocali *V*, sed a

Graeca *Y* incipit, puto, quia grammaticos quosdam Graecos respicit (de eis certe cogitat, cum dicit in u. 135 *quam memorant*). Atque in uerbis uere Latinis dicit *Y* Graecam nusquam reperiri. Quod apertum est. Tamen interdum substitui pro illa *V* Latinam. Quando? Si cum Graecis uocalibus, nempe in Graecis uerbis, coniuncta in Latinum sermonem quasi peregrina recipiatur. Sic $\text{OP}\Phi\text{EY}\Sigma$ ciuitate donatur, ut sit ORPHEVS , AYTH fit AVGE . Nam *nostra uerba* in u. 137 non possunt esse natiua uerba Latina, sed sunt uerba Graeca quibus Romani quoque utuntur. Tum denique naturam ipsius *V* explanat. Atque cum dicit eam coniungi posse cum omnibus uocalibus — eae enim sunt quae dicuntur *uocale sonantes* — caue id de diphthongis dictum credas: Sunt enim tales tantum duae, *AV* et *EV*, non plures; Terentianus autem cogitat de *V* consonanti, ut est in VAS , VIRE , AVIS . De quo usu postea (u. 146 sq.) plura dicturus est. Adiungit autem, id quod paene maius erat, *V* etiam ex se sonare posse, ut in VNVS , DVO etc. Et quasi de suae linguae copia gloriatur, adnotat Graecos eius litterae sonum non nisi per iuncturam scribere posse. Quam iuncturam? In editione principe legitur *iunget Y*, quod ut intelligas, cogitatione nimis multa suppleas necesse est. Quare Micyllus, pater nonnullarum emendationum, scripsit *OY*, quod fere omnibus placet; sed hoc, si pro una syllaba legis, ut sonet *V*, seruatur quidem lex metrica, non auditur autem iunctura duarum uocalium. Aliter enim, si editioni principi credendum est, in u. 428, ubi *OY* traditum est, sed hae uocales, ut Lipsius (p. 79 Dévière) et Lachmann uiderunt, separatim pronuntiandae sunt: *Graeca diphthongos sed O Y litteris nostris uacat*. Quod uix recte plurimi (ut etiam Beck [1993] 215 et Cignolo) *OY* in unam syllabam contrahentes mutant in: ... *sed OY <in> litteris nostris uacat*. Etenim Terentianus, si nomen uocalis alicuius absolute in uersu ponit, eam semper locum syllabae longae tenere uult, etsi uocalis breuis sit. Sic in litteris Graecis in u. 356 *E et O breues uocari singularis temporis* (item u. 393, 400, 451); neque aliter in Latinis, ut in u. 1334 *O cum E tantum iugatae longa semper syllaba est* (cf. 331, 636, 737). Ergo non audacter u. 141 sic emendo: *quem scribere Graius nisi <O> iungat Y nequibit*. Nam etiam lectio tradita *quam* in hoc uersu aperte uitiosa est: nimirum non formam *V* scribere Graeci tantum per iuncturam possunt, sed eum sonum, quem Latini forma *V* notant. Quare sine dubio legendum est, ut supra scripsi: *quem (pro quam) scribere Graius ...*

Etiam de proxima emendatione in u. 143 dubitari uix potest. Hic enim Terentianus post longas ambages tandem edocet, quomodo *V* pronuntianda sit. Tradita autem lectio insulsa est: *Hanc edere uocem* (sc. uocalem *V*) *quotiens paramus ore, sic ortus eius litterae citetur*, i. e. initium ea littera sumat, *ut nitamur V dicere ...* Ergo si *V* dicere uolumus, *V* dicere studebimus¹⁸! Nonne haec est mera $\tau\alpha\upsilon\tau\omicron\lambda\omicron\gamma\acute{\iota}\alpha$? Denique iubemur curare, ut *V* pronuntiemus *productius coeuntibus labellis*. Vbi comparatiuus suum supplementum poscit. Optime igitur Iustus Lipsius, quem nunc Cignolo cum longa disputatione secuta est¹⁹ (sic nunc etiam Dévière, cf. Terkelsen, ThLX X

¹⁸ Sic Seelmann p. 215: „wenn wir diesen Laut auszusprechen uns anschicken, möge die bildung so vor sich gehen, dass wir uns bemühen *u* zu sprechen [...]“

¹⁹ Doleo quod non indicat, ubi hanc emendationem inuenerit. Non uidetur esse in eis, quae Lipsius *De recta pronuntiatione* scripsit, certe non in cap. X, ubi de littera *V* disputat.

2, 1182, 67), haec uitia sanauit, cum docuit pro *V* legendum esse *O*: *nitamur ut O dicere*. More suo Terentianus pronuntiationem nouae uocalis ex antecedente quasi deriuat. Iam in longa *O labella rotunda* et, quod inde sequitur, producta erant. Ex ea *O* autem nunc littera *V* quasi oritur (*sic citetur ortus*²⁰): *Productius* enim quam in *O labella* debent *coire*, ut nouus sonus *V* exeat. Quem cum *pressiorem* Terentianus uocat, id a labris compressis ad uocem transferre uidetur (cf. Pomp. GL V 102,12), neque iniuria, quoniam nos quoque litteram *O*, quae tragice sonare dicta est, nescio quomodo pleniore sono praeditam sentimus. Quos autem Cignolo locos (ThlL secuta) affert, ut uox *pressior* etiam grauior sit (ut in accentu graui), ei huc non pertinent.

Difficilius dictu est, quid sit *altius meabit*. Ac Cignolo hic quoque cogitat de aliqua „profondità“, quae „implica la gravità del suono“ (eam secuta Dévière: „profondeur plus importante“; ut iam Seelmann p. 215: „einen ausgeprägteren tieferen Klang“). Quod tamen nullo exemplo comprobatur. Contra Verena Schulz, quae nuper diligentissime in horum uerborum usum inquisiuit (u. indicem in p. 396 s. u. „altus“) multis locis allatis docuit uerbum „altus“, si ad audibilia adhibeatur, significare aut acutiorem sonum aut magnum siue grandem (p. 181 „Tonhöhe oder Lautstärke“), quae inter se cognata sunt (cf. etiam v. Mess, ThlL I 1776, 61–71). Nam quo magis contenta vox est, ut acutiorem sonum effundat, eo in maius crescere solet, quod maxime conspicuum est in eis, quos Germani iocose equites de alta C („Ritter vom hohen C“) appellamus; contra bassistae q. d., cum alicuius Sarastronis Mozartiani grauisimos sonos edunt, uocem relaxant, nec summa magnitudine cantare possunt. Sed quid ad rem? Num natura euenit, ut *V* propter productiora labella aut acutior aut maior existat? Minime. Quo plus labella coeunt, eo *sonus pressior* erit, ut Terentianus dicit, i. e. minor aut sedatior (cf. Terkelsen, ThlL X 2, 1182, 36 sqq)²¹, certe non maior. Certe haec uox *altius*, de qua nimis multa disputauimus, hic apta non est. Lege: *artius meabit*. Quod si quis obiciat Terentianum bis idem exprimere, cum sonum et *pressiorem* esse et *artius meare* dicat, non id uerissimum est, quoniam *artior* exitus ipse efficit, ut uox *pressior* uideatur. Sic etiam alio loco uoce *artius* Terentianus usus est, ut rem etiam dilucidius dicat. In u. 2189 sq. celeritatem iambi puri eo explicat, quod in eo longa syllaba breuem semper *consequendo ... citum subinde uoluat artius sonum*, ubi satis erat dicere citum uoluat sonum, sed addita uoce *artius* minuit spatium inter syllabas, quod maius esset, si longa syllaba longam (ut in ueteribus comicis) sequeretur. Sed omnem fere dubitationem uincit, quod Terentianus hic quidem, quod facere non solet, paene ad uerbum ea conuertit, quae Dionysius Halicarnassensi (comp. uerb. 14 p. 52 Us./Rad.) de proferenda *Y* docuit: *περί γὰρ αὐτὰ τὰ χεῖλη συστολῆς γινομένης ἀξιολόγου πνίγεται καὶ στενὸς (!) ἐκπίπτει ὁ*

²⁰ Corruptit lectionem suam Cignolo, cum haec tria uerba in parenthesi ponit (etiam peius Dévière, quae semicolis includit); nam sic *ut* in u. 143 desinit esse consecutiuum (unde Cignolo: „pronunciare come [?] una O“, sic etiam Dévière).

²¹ *Pressiore sono* ap. Mar. Victorin. gramm. 4,2 (= GL 6,8,5) dicitur „de sono diutius“, non „maiore uiuentiato“ (Terkelsen l.l. 73).

ῥῆχος, i.e. *ipsorum enim labrorum non parua contractione sonus premitur et angustus (siue artior) excidit*.

Vnum adhuc restat. Non nihil Terentianus docuit de Graeca Y a Latinis per V in diphthongis substituta. Nihil dixit de uetustissimis, qui inter Y et V minus distinxerunt, ut *Burrus* pro Πύρρος, *guminasium* pro γυμνάσιον scripserint. Sed haec fortasse nimis obsoleta uidebantur (cf. tamen *De syllabis* 371 sq. et Beck [1993] 180). Equidem magis miror Terentianum nihil dixisse de Y ipsa Graeca cum sua forma mox inter Latinas litteras recepta (quod Petrecinus tantopere desiderauit, ut in u. 136 sq. id ipsum inuenire uoluerit). Sic enim non GYMNASIUM modo, sed etiam HYMNVM et HYPOCAVSTVM et sescenta alia legimus. Num oblitus est? An tanummodo de genuinis litteris Latinis disputare uoluit? Haec quaestio ex parte dissoluitur, cum in u. 247 sq. legimus: *Nihil Ausoniis esse opus Ysonare dixi / et ZETA supremum* [sc. in alphabeto Latino], *nisi Graia uerba cogent* (cf. Beck l.l., qui recte monet id in libro *De syllabis*, ubi Terentianus de Y in u. 369 sqq. disputat, omissum esse). Hinc lucidissime cognoscitur Terentianum aliquid si non de Y littera scripta, at certe de enuntiata docuisse. Id autem in traditis uersibus desideramus. Quid? Memoriane scriptorem de suo ipsius scripto fefellit? Id nos credere uetat Asmonius, qui Terentianum paene ad uerbum exscribere solet, cum refert (GL 6,33,8–13): *Vlitteram quotiens enuntiamus, productis et coeuntibus labris eferuntur. Et ne Y conexam Graecis uocalibus praetermiserim, cuius frequentem usum quaedam uerba seu nomina desiderare noscuntur; ipsam (!) quidem Graecis uocabulis, cum inciderint, reseruabimus; loco autem huius Vlitteram aptam nostris uocibus finximus, quam nisi per Y [?, per OY Keil] coniunctam Graeci scribere ac pronuntiare non possunt*. (Verba ipsa, quae Asmonius e Terentiano transtulit, litteris crassioribus notauit.) Etsi in multis Asmonius negligentior est, non dubium uidetur, quin ea quae de *Y ipsa* dicat, e Terentiano sumpserit, qui, ut uidimus, ipse lacunam in u. 248 indicauit. Ea autem post u. 135 aut potius post u. 145 statuenda est. Nam inde a u. 136 usque ad u. 145 omnia felicissime inter se concatenata decurrunt.

Sic felices anni futuri tibi, mi Alexander, decurrant, cuius genium natalem septuagesimum hac dissertatiuncula de uocalibus beare uolui. Si plurimos annos tibi, quod ex animo opto, si aliquos mihi, quod octogenario uix sperare licet, di immortales dederint, fortasse aliquando nobis Terentianus etiam arcana consonantium reserabit. Sed haec θεῶν ἐν γούνασι. Vale, amice!

In hoc textu, quantum potui, emendato orthographiam et interpunctionem ad nostram consuetudinem, quam a Terentiano magis quam ab editione principe differre puto, reuocaui.

110 Nunc, singula quam possideant in ore sedem
ictusque suos concipiant et unde rumpant,
ut quiuero, uersu blaterabo Sotadeo.
A prima sonum littera sic ab ore sumit:
Immunia rictu patulo tenere labra

- linguamque necesse est ita pendulam reduci,
 ut nisus in illam ualeat subire uocis
 115 nec partibus ullis aliquos ferire dentes.
 E, quæ sequitur, uocula dissona est priori,
 quia deprimit altum modico tenore rictum
 <...>
 et lingua remotos premit hinc et hinc molares.
- I porrigit ictum genuinos prope ad ipsos
 120 minimumque renidet supero tenuis labello.
 O Graiugenum longior altera est figura,
 alter sonus est et nota temporum minori.
 Compendia nostri meliora crediderunt,
 uocalibus ut non nisi quinque fungeremur,
 125 productio longis daret ut tempora bina,
 correptio plus tempore non ualeret uno.
 Hinc ητᾱ minus scribimus, hinc et ω supremum,
 una quoniam sat ea habitum est notare forma,
 pro temporibus quae geminum ministret usum.
- 130 Igitur sonitum reddere cum uoles minori,
 retrorsus adactam modice teneto linguam,
 rictu neque magno sat erit patere labra.
 At longior alto tragicum sub oris antro
 molita rotundis acuit sonum labellis.
- 135 Y, quam memorant, uocibus auia est Latinis.
 Vocalibus autem quoniam iugata Graecis
 in nostra etiam uerba dabat frequenter usum,
 subiecimus illam, cui nomen V dederunt,
 uocale sonantes sibi quae iugaret omnes
 140 et sola sonum redderet ex sua figura,
 quem scribere Graius, nisi O iungat Y, nequibit.
 Hanc edere uocem quotiens paramus ore,
 nitamur ut O dicere, sic citetur ortus;
 productius autem coeuntibus labellis,
 145 natura soni pressior artius meabit.
 <...>

M = editio princeps

111 sonum *scripsi* locum *M. post 117 lacunam indicaui, quam per lusum sic expleui* <introrsus adactis leuiter satis labellis>. 122 minori *Micyllus* minor *M.* 128 sat ea *scripsi* sat *M.* 141 quem *scripsi* quam *M* nisi *O scripsi* nisi *M.* 143 *O Lipsius Y M.* 145 artius *scripsi* altius *M. post 145 lacunam indicaui.*

Welchen Platz die einzelnen Buchstaben (Laute) im Munde haben, woher sie ihre Schläge bekommen und hervorbrechen lassen, das will ich nun, so gut ich kann, im sotadeischen Maße tröten.

Der Buchstabe A zu Beginn nimmt sich so seinen Laut aus dem Mund: Die Lippen muss man ohne Tätigkeit bei klaffendem Munde lassen und die Zunge muss schwebend so weit zurückgezogen werden, dass die Anstrengung des Vokals auf sie übergehen kann und sie an keiner Stelle auf irgendwelche Zähne schlägt.

Der folgende Vokal E klingt anders als der vorige, da er die hohe Mundöffnung in mäßig gezogener Bewegung absenkt <...> und die Zunge dabei hier und dort auf die Mahlzähne drückt.

Das I dehnt den Schlag (der Zunge) bis fast schon zu den Weisheitszähnen, und es strahlt lächelnd, aber nur wenig, gerade bis zur Oberlippe.

Das längere O der Griechen (Omega) hat eine andere Gestalt als das kürzer dauernde (Omikron), das anders klingt und notiert wird. Unsere Landsleute hielten es für besser, das abzukürzen, so dass wir nur mit fünf Vokalen zu tun hätten, in der Art, dass durch Dehnung die langen Silben je zwei Zeiteinheiten (Moren) bekämen, die Kürzung aber nicht mehr als eine Zeiteinheit dauern sollte. Darum schreiben wir kein Eta und am Schluss kein Omega, weil man es für ausreichend hielt, diese nur mit einer Gestalt zu notieren, die sich dann je nach Zeitwert doppelt brauchen ließe.

Willst du also das kürzere O artikulieren, dann halte die Zunge maßvoll zurückbewegt, und es reicht dann, dass sich die Lippen öffnen, ohne dass der Mund weit aufklafft. Das längere O aber lässt tief in der Höhle des Mundes unter Rundung der Lippen mit Anstrengung einen starken tragischen Ton erklingen.

Das Y, das sie anführen, hat keinen Platz unter den lateinischen Lauten. Da es sich aber in Verbindung mit griechischen Vokabeln auch bei unseren Wörtern oft brauchen ließ, setzten wir dafür jenen Buchstaben ein, dem sie den Namen V gaben, der sich mit allen vokalischen Lauten verbinden konnte und auch allein für sich (als U) entsprechend seiner Gestalt einen Laut gab, den der Grieche nur dann wird schreiben können, wenn er dem Y ein O beifügt. Wenn wir uns daran machen, diesen Vokal von uns zu geben, dann soll der Anfang davon so gemacht werden, dass wir uns bemühen, ein O zu sprechen: Indem dann aber die sich schließenden Lippen noch weiter vorrücken, wird durch den engeren Weg die Natur des Schalls gedämpfter sein. <...>

COMPENDIA

GL= *Grammatici Latini*, ed. Keil, u. infra

OLD = *Oxford Latin Dictionary*

ThLL = *Thesaurus linguae Latinae*

CONSPECTUS LIBRORUM

- Beck 1993: Beck, Jan Wilhelm (ed.): *Terentianus Maurus: De syllabis, herausgegeben, übersetzt und erläutert*, Göttingae 1993.
- Beck 1998: Beck, Jan Wilhelm: „Terentianus Maurus non paenitendus inter ceteros artis metricae auctor“, in: *ANRW (Aufstieg und Niedergang der römischen Welt)*, pars II 34,4, Berolini / Neo Eboraci 1998, 3208–3268.
- Bonioli 1962: Bonioli, Maria: *La pronuncia del Latino nelle scuole dall'antichità al rinascimento*, Parte I, Augustae Turinorum 1962 (pars II adhuc desideratur).
- Brissaeus 1531: Brissaeus, Nicolaus (ed.): *Terentiani Mauri [...] De literis, syllabis, pedibus et metris [...]*, Parisiis 1531 (cum commentario).
- Cignolo 2002: Cignolo, Chiara (ed.): *Terentiani Mauri De litteris de syllabis, de metris*, 2 uol., Hildeshemii 2002 (uol. I: introd., textus, traductio, uol. II: commentarius).
- Dévière 2007: Dévière, Elisabeth (ed.): *Iustus Lipsius: De recta pronuntiatione Latinae linguae dialogus*, Hildeshemiae & al. 2007 (editio cum uersione Francogallica et commentario; orthographia et interpunctio nostrae consuetudini adaptatae sunt); cf. infra Lipsius.
- Dévière, Elisabeth (ed.): „Manière de prononcer les lettres: D'après Terentianus Maurus — Ratio pronuntiandi litteras: Ex Terentiano Mauro“ [= *De litteris* 108–246, nonnullis uersibus tacite omissis, nouis uersuum numeris additis, ut sint „1–108“, cum uersione Francogallica], in: Dévière, *I. Lipsius* (u. supra), p. 200–207.
- Galbiatus 1497: Galbiatus, Georgius (ed.): *Terentianus De litteris syllabis et metris Horatii*, Mediolani 1497 (editio princeps; nomen editoris in dedicatione, non in titulo).
- Keil 1855–1880: Keil, Henricus (ed.): *Grammatici Latini*, 8 uol., Lipsiae 1855–1880 (iter. 1981); in uol. VI, 1874: *Scriptores Artis metricae*, ubi Terentianus Maurus in p. 313–413, Asmonius (Apthonius?) sub nomine Mari Victorini p. 31,17–184.
- Lachmann 1836: Lachmann, Carolus (ed.): *Terentiani Mauri De litteris, syllabis et metris liber*, Berolini 1836.
- Lindsay 1897: Lindsay, W(allace) M(artin): *Die lateinische Sprache: ihre Laute, Stämme und Flexionen [...], vom Verfasser genehmigte und durchgesehene Übersetzung von Hans Nohl*, Lipsiae 1897 (primum Angl. 1894).
- Lipsius 1599: Lipsius, Iustus: *De recta pronuntiatione Latinae linguae dialogus*, editio vltima (primum Lugduni Bat. 1586), Antwerpiae 1599; hac editione nititur noua editio Elisabethae Dévière (u. supra).
- Micyllus 1532: Micyllus, Iacobus (ed.): *Terentianus Maurus: De literis syllabis et metris*, Francofortiae 1532 (cum notis criticis; nomen editoris in epistula nuncupatoria, non in titulo).
- Petrecinus 1533: Petrecinus, Iacobus (ed.): *Terentianus Maurus: De literis, syllabis, pedibus ac metris. Cum accurata interpretatione [...]*, Venetiis 1533.
- Schulz 2014: Schulz, Verena: *Die Stimme in der antiken Rhetorik*, Göttingae 2014

- Seelmann 1885: Seelmann, Emil: *Die Aussprache des Latein nach physiologisch-historischen Grundsätzen*, Heilbronnae 1885, iter. 1970.
- Sommer / Pfister 1977): Sommer, Ferdinand / Raimund Pfister: *Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre*, Bd. 1: *Einleitung und Lautlehre*, Heidelbergae ⁴1977.
- Sturtevant 1940: Sturtevant, E(dgar) H(oward): *The pronunciation of Greek and Latin*, Philadelphiae ²1940, iter. 1977.
- van Lennep, Iacobus, u. van Santen (infra).
- van Santen / van Lennep 1825: van Santen, Laurentius (ed.): *Terentianus Maurus: De literis, syllabis, pedibus et metris e recensione et cum notis L. Santenii. Opus Santenii morte interruptum absolvit D.I. van Lennep, Trajecti ad Rhenum 1825.*

ЧТО ПИСАЛ ТЕРЕНЦИАН МАВР О ПРОИЗНОШЕНИИ ГЛАСНЫХ

Вильфрид Штро

Резюме: Каким образом мы произносим латинские слова? Как говорилось в устаревшей шутке, о латинском произношении ничего неизвестно, поскольку от античной эпохи не сохранилось ни одной кассеты. Однако, сохранились свидетельства античных грамматиков и, прежде всего, замечательное произведение *De litteris* («О буквах, слогах и метрах»), которое принадлежит поэту Теренцию Мавру, выходцу из Мавритании, и написано древнеегипетским размером «сотадеем» (*sotadei*). Поэт подробнейшим образом говорит об особенностях произношения всех букв латинского алфавита, представляя их словно для актеров, использующих в качестве инструмента язык, зубы и губы. Безусловно, этот труд был предназначен не для школяров, но для высоколобых интеллектуалов, способных насладиться красотой стиха даже такой сухой тематики. Впоследствии это сочинение был многократно превознесено учеными-гуманистами, считавшими Теренциана конгениальным. Произведение Теренциана не раз переиздавалось и комментировалось; самый известный комментарий принадлежит перу знаменитого Карла Лахманна. Тем не менее, еще многое предстоит сделать в отношении текста поэмы Теренциана. В данной статье, в которой речь идет только о пяти гласных звуках (ст. 108–145), профессор Штро показывает, что многие стихотворные строки в этом тексте, дошедшем до нас в единственном кодексе, до сих пор понимаются неточно, не исправлены и ждут соответствующих эмендаций.

Вильфрид Штро,
профессор Мюнхенского университета

CORACANDA, KOROKONDAMÈ, KOROKONDAMITIS:
Notes on the most ancient names
of the Cimmerian Bosphorus, the Kuban Bosphorus
and the southern part of the Taman Island *

ANCA DAN, HELMUT BRÜCKNER, HANS-JOACHIM GEHRKE,
DANIEL KELTERBAUM, UDO SCHLOTZHAUER,
DENIS ZHURAVLEV

Abstract: Following on from the geoarchaeological reconstruction of the ancient archipelago and channels of the Kerch Straits before the progradation of the Kuban Delta, this paper offers arguments for the identification of *Coracanda* with the “Kuban Bosphorus”, of *Korokondamè* with Volna 1 and the southern part of the Taman Island, and of *Korokondamitis* with the Bugaz, Kyzyltash and Zukur Liman. These ancient names could go back to an Old Iranian description of the straits as a “throat, gorge”. They are coherent with other Greek and non-Greek toponyms in the region and could have influenced the local anchoring of the Cimmerian myth.

Keywords: Kerch, Bosporan Kingdom, geoarchaeology, historical geography, toponymy, etymology, Strabo, Pomponius Mela, Pliny the Elder, Iranian languages, cultural transfers

INTRODUCTION: INTERDISCIPLINARY RESEARCH ON THE CIMMERIAN BOSPORUS

One of the main results of the German-Russian project of geoarchaeological investigations in the Taman Peninsula, led by U. Schlotzhauer and D. Zhuravlev since 2006, is the reconstruction of the ancient archipelago situated in the middle of the Kerch Straits (the ancient Cimmerian Bosphorus) between the Black Sea (*Pontus*

* We are extremely happy to honour here Prof. Dr. Alexander Podossinov, leading specialist in the history of ancient geography, who changed our way of looking at ancient spaces by ground-breaking articles published since the 1970s, and who contributed greatly to our understanding of the Roman descriptions of the Black Sea. We are also very grateful to Alexey Belousov and to Ekaterina Ilyushechkina for the kind invitation to contribute to this *Festschrift*, and for having showed great patience and full support through the publication process. Warmest thanks go to Samra Azarnouche and Frantz Grenet for their precious help with Indo-Iranian linguistics. All remaining errors are our own. Anca Dan wrote the first version of this paper in 2019, and shared it with the co-authors for further discussions.

Fig. 1. Fragment of the Sovietic map of the Krasnodar region 1:500000 (137-3), showing the late 20th century situation of the Kuban Delta (1986)

Euxinus) and the Sea of Azov (Μαιώτις λίμνη / *palus Maeotis*, fig. 1–6)¹. The archaeologists coordinating the project collected all the archaeological data around Taman Peninsula in the ancient *Sindikè* (region of the Sindian people *lato sensu*, between the Caucasus, the Black Sea, the Azov Sea and the straits) and carried out surveys and excavations, revealing the patterns of the Archaic Greek fortifications². In order to reconstruct the ancient landscapes, they brought together an interdisciplinary team of geoscientists (geomorphologists, geophysicists) and historians as specialists for ancient space representations (in texts and images).

Using geoscientific methods (electromagnetic surveys, more than 100 drill cores studied by sedimentological as well as macro- and microfauna analyses, plus ¹⁴C dating of organic material), D. Kelterbaum and H. Brückner determined the sea, lake, and river patterns with approximate depths, for different historical periods³. Besides the archaeological excavations (in Golubitskaja 2, Strelka 2, Krasnyj Oktober' and Blagovetschenskaja), several interdisciplinary surveys were conducted between 2011 and 2019. By comparing the reconstructed maps (fig. 3–6) with archaeological data and descriptions of the region interpreted by A. Dan and H.-J. Gehrke, we can propose new identifications of archaeological sites and localisations of ancient toponyms: for the first time, they fit all the ancient itineraries and distances⁴.

In this paper, we present an example of such an identification with broader consequences on our view of the ancient Cimmerian Bosphorus and our reading of Greek and Latin texts from early Roman times. We identify the hydronym *Coracanda* with the reconstructed “Kuban Bosphorus”, a “Sindian” channel in the straits. *Coracanda*'s lexical relatives — the toponym *Korokondamè* and the hydronym *Korokondamitis* — should be identified with a part of the main island of Taman (the νῆσος of the ancient historical and epigraphical texts⁵), and with the open lagoon, which had formed in antiquity to the south-east of the island in a former part of the Sindian Gulf, respectively.

This interpretation changes the current representations of the Asiatic part of the Bosphoran Kingdom (as illustrated in the *Barrington Atlas* map 87i). According to Strabo's itinerary from the *Maeotis* to the *Pontus* (11.2), following the coasts reconstructed by geomorphological evidence, the traditional identification of *Korokon-*

¹ Cf. the preliminary list of publications in Журавлев, Шлотцауер 2016a: 94–97. A complete reconstruction of the historical geography of the Straits will be published in our forthcoming book *Die Geographie der Taman'-(Halb)insel in der Antike. Untersuchungen zur Paläogeographie, historischen Topographie und Archäologie des asiatischen Teils des Kimmerischen Bosphorus seit der griechischen Kolonisation. Archäologie in Eurasien*.

² Журавлев *et al.* 2010; Журавлев, Ломтадзе, Шлотцауер 2010; Журавлев, Шлотцауер, Кельтербаум 2010; Журавлев, Шлотцауер 2011; Schlotzhauer, Zhuravlev 2013; Schlotzhauer, Zhuravlev 2014; Журавлев, Шлотцауер 2014; Журавлев, Шлотцауер, Фирсов 2016; Schlotzhauer 2016; Журавлев, Шлотцауер 2016a-b; Schlotzhauer *et al.* 2017; Журавлев, Батасова, Шлотцауер 2019.

³ Cf. D. Kelterbaum in Журавлев *et al.* 2010: 180–182; Brückner *et al.* 2010; Kelterbaum *et al.* 2011; Журавлев *et al.* 2015; Кельтербаум, Журавлев, Шлотцауер 2016; Dan *et al.* 2016.

⁴ The only study of the Black Sea's ancient distances remains Arnaud 1992; cf. Arnaud 2005.

⁵ *E.g.* Strab. 11.2.9; *CIRB* 40, 697, 982, 1000; *SEG* 56, 933 = *BullÉp* 2008, 721–722 No 432.

Fig. 2. Location of the modern names mentioned in the text on the Taman Peninsula (compiled from SRTM and Landsat Data; © A. Dan, D. Kelterbaum)

damitis with either the Gulf of Taman or a “Shemardanskij” channel is impossible: in fact, all the geomorphological drills and old maps (fig. 1–8) clearly show that during historical times there was no water channel flowing into the Taman Gulf, south-west of Sennoj, near the modern Primorskij village.

The first part of this paper deals with the name *Coracanda*, mentioned in the 1st century CE by Pomponius Mela: we show that it designates the Kuban Bosporus, six centuries after Hipponax’ metaphor of the “Sindian cleft”. The second part is a discussion about the location of *Korokondamè* and *Korokondamitis*. In the third part, we try to explain the etymology of these names, by going back to the oldest names of the Cimmerian Bosporus that we can reconstruct today from an Indo-

Fig. 3-6. Reconstructions of the Cimmerian Bosporus based on geomorphological drills, sedimentological and paleobiological analyses and ¹⁴C datings, illustrating four periods: 5th cent. BCE (when the Kuban Bosporus is a fully marine channel); 1st cent. BCE/CE (when the Kuban Delta front hits the strait between Strelka and Dzhighinka, flowing both towards the Black Sea and the Azov Sea; Semibratneje is surrounded by the delta); 5th cent. CE (the Delta was filling the ancient maritime channel; the sand spits blocked the access to the ancient ports; the navigation remains possible with boats); 17th cent. (the ancient channel is silted up; navigation remained possible with fishing boats, depending on the season).

The numbers correspond to archaeological sites inventoried by I. Paromov (© D. Kelterbaum) →

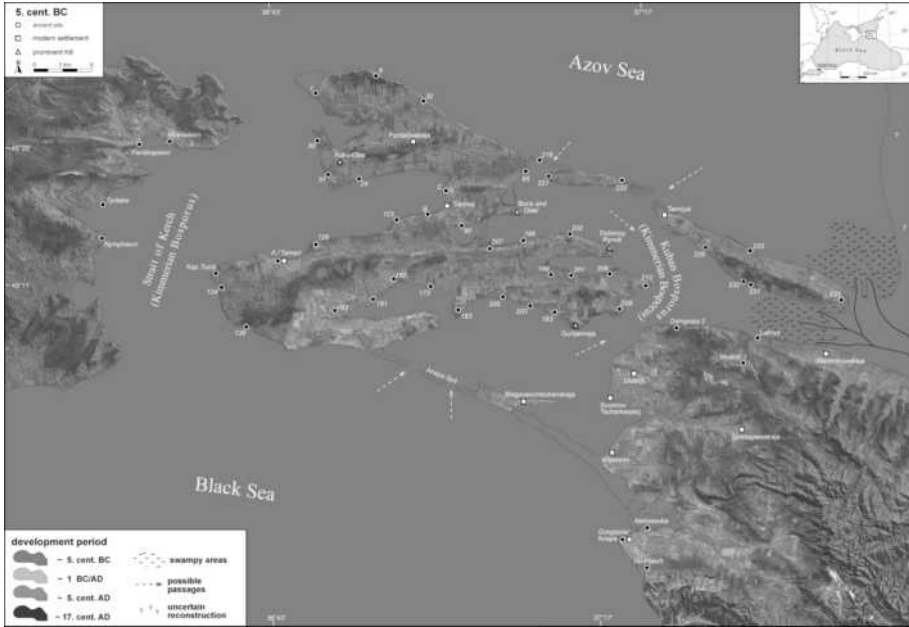

Fig. 3.

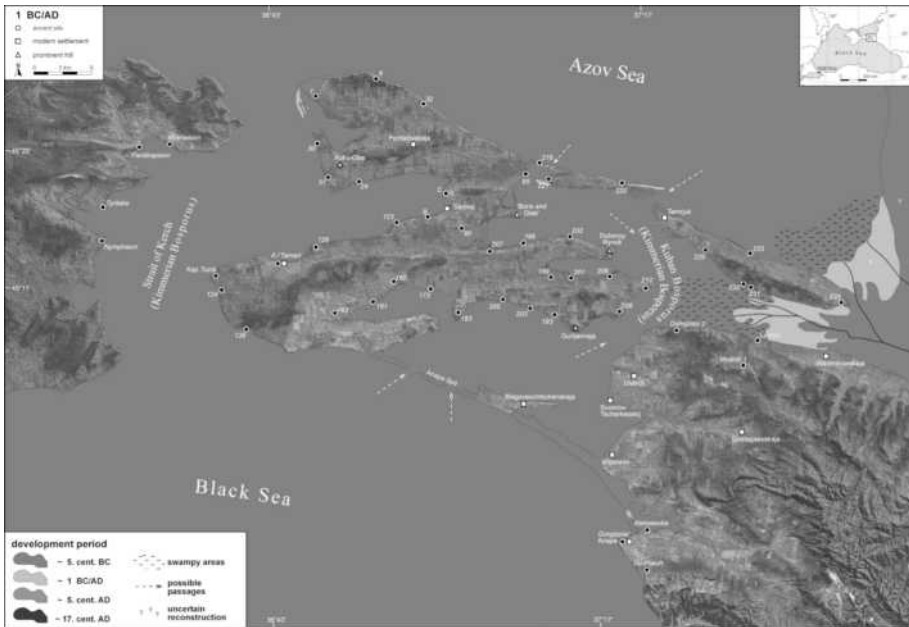

Fig. 4.

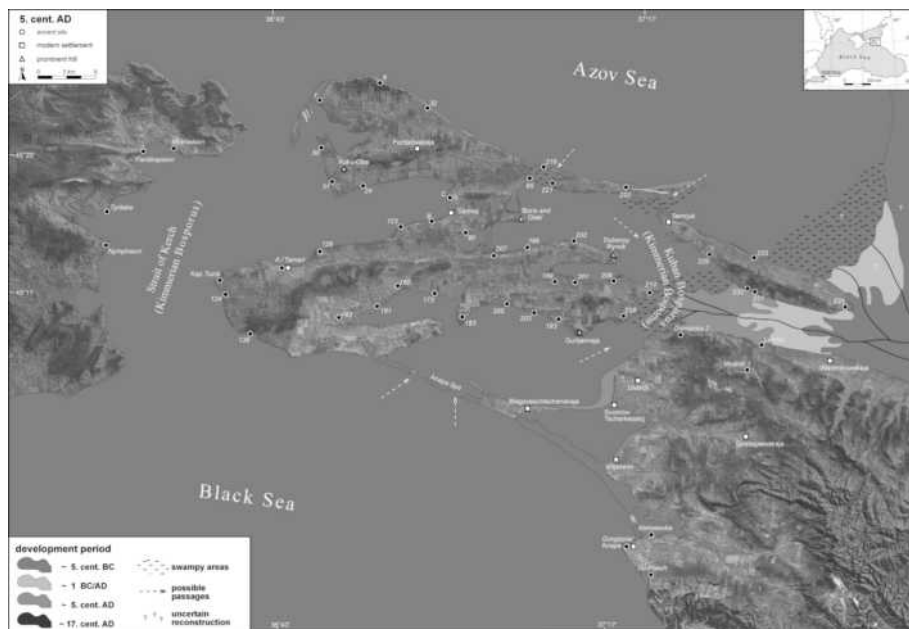

Fig. 5.

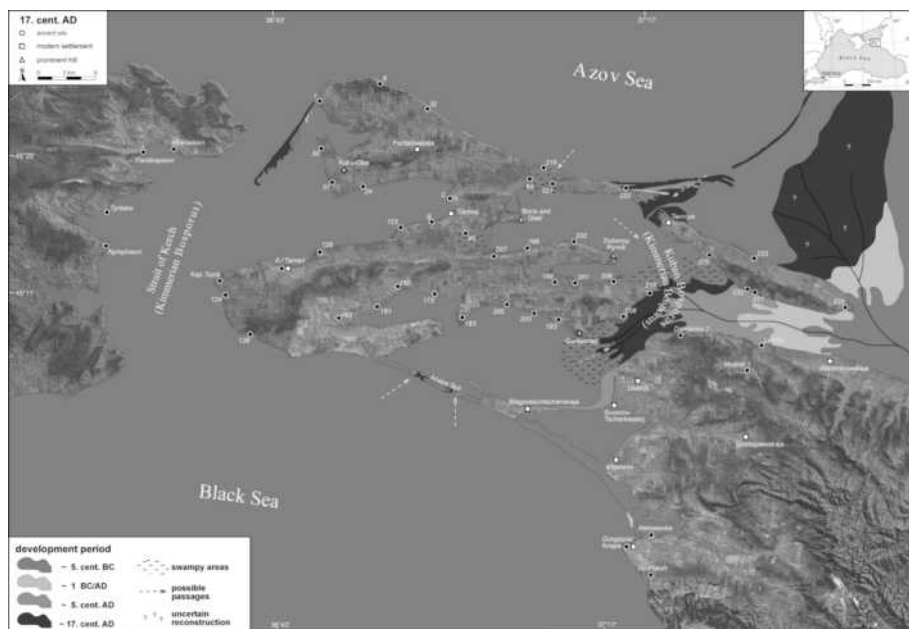

Fig. 6.

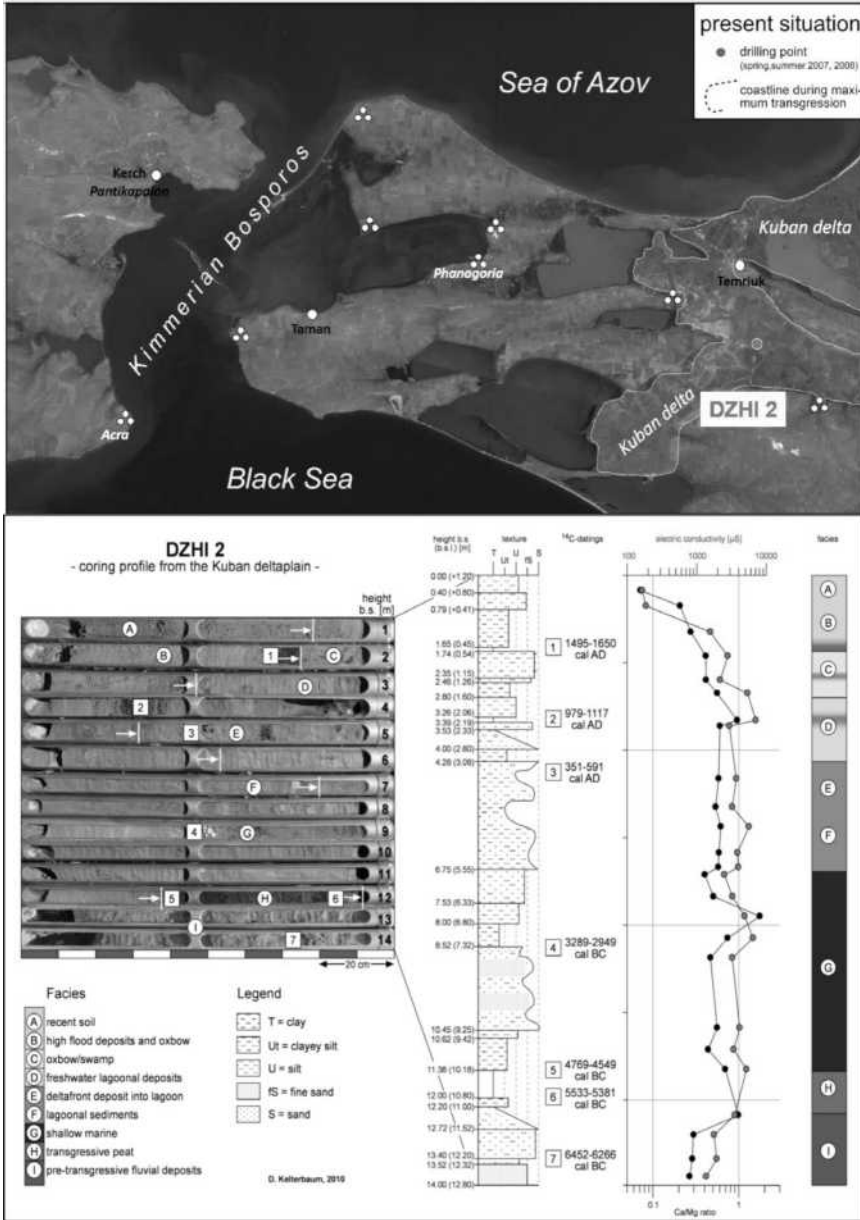

Fig. 7. Sediment core DZHI 2 in the Kuban Bosphorus, showing the transformation of the marine environment into an open lagoon in Greek times, the progradation of the delta front in early Roman times and the progressive siltation between medieval and modern times in a central location between the archaeological sites of Strelka, Dzhighinka and Semibratnje (© D. Kelterbaum, published in Fouache *et al.* 2012; Кельтербаум, Журавлев, Шлотцауер 2016)

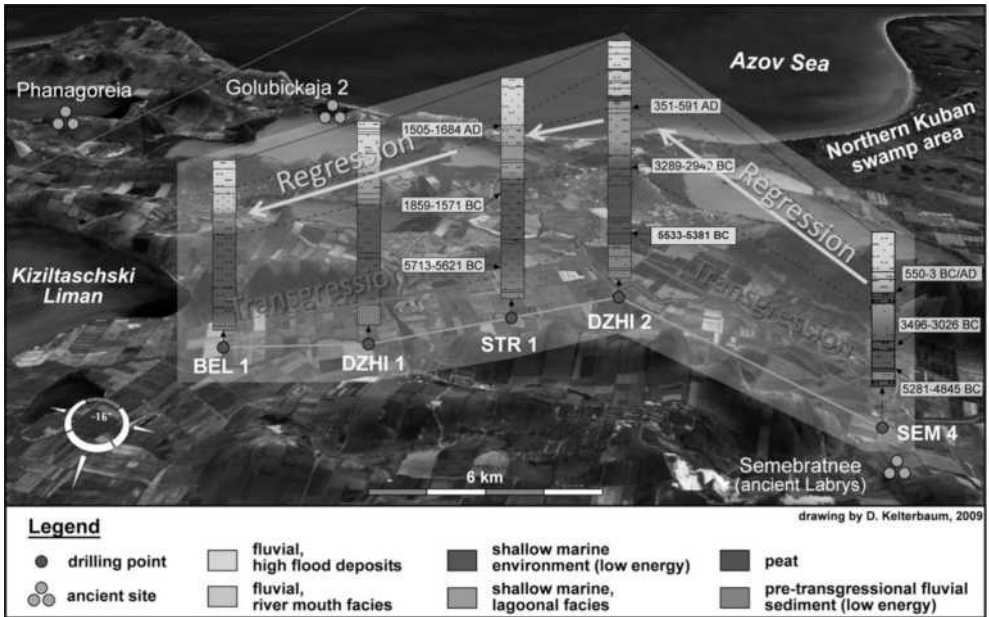

Fig. 8. Synoptical sequence of sediment cores perpendicular to the Kuban Bosphorus, in the lower Kuban Delta plain. The ^{14}C dates show the maritime transgression and filling of the channels in the 6th millennium BCE, followed by the regression and siltation due to the progradation of the Kuban Delta, from the 5th cent. CE onwards. The Kuban Bosphorus main channel remained flooded until early modern times, as illustrated on Fig. 6 (© D. Kelterbaum, modified from Giaime *et al.* 2016)

European (and Kvartelian) root meaning “throat”. We will never know if the Greeks who settled here knew the original meaning of these “Barbarian” names. But we can make some speculations about how they could integrate such data obtained from the local populations into the Homeric *imaginaire* of the Cimmerian *polis* — starting point of the legendary Cimmerian empire over Asia.

Historical geography is not only about geomorphologic reconstructions of paleo-environments and archaeological studies of the human impact. Landscapes are made up by people who think and talk about spaces, who construct them by their hands but also in their minds, and who share them within their communities. This is why, in this paper, our method is mainly philological and historical: we confront the literary sources with the reconstructed maps and archaeological contexts, in order to rediscover the original link between names and *realia*.

Furthermore, we try to understand the mental maps of the Greeks and the “Barbarians” and the “hybrid” fabric of the space they shared. We take into consideration the probable contacts between the Ionian Greeks (Milesians, Klazomenians and Teians), their fellow Anatolians (Lydians, Carians) and the people they found on the northern shores of *Pontus* upon their arrival. We ignore how the latter

called themselves: they are “Sindians” or “Maeotians” — if we use the names given by the Greeks — or “Iranians” and “Caucasians/Circasians”, if we use the modern names of linguistic groups attested here by toponyms and hydronyms. Information about these contacts comes from the Greek and Latin texts which quote indigenous names, and sometimes legends relating to these names.

Caution is needed, however, because even if some linguistic loans are explicit in the ancient texts, they are not always confirmed by modern etymologies. This happens because of our fragmentary knowledge of the ancient literature and of the languages spoken in this area, or because of misunderstandings and misappropriations of foreign names in ancient oral and written traditions. A good example is the Scythian name of the Sea of Azov, *Temarunda(m)*, wrongly translated as “mother of Pontus” (*matrem maris*) by Pliny the Elder (6.20) who copied a statement of Herodotus (4.86, *cf. infra*), which did not relate to the Scythian proper name but to a more general idea about lakes as sources of rivers, and therefore about the *Maeotis* Lake as source for the *Pontus* and the Hellespont⁶.

In contrast, as we will try to show, for names like *Corocanda* and *Korokondamè*, Greek and Latin authors could have had access to genuine local traditions and unknowingly transmitted elusive echoes of Iranian (or maybe Caucaso-Iranian) etymologies. We suggest that *Corocanda* could mean “throat”, “gorge” (or “channel of the throat”) while *Korokondamè* is “what stays in the throat”, “the lump in the throat”. If so, Strabo’s legend of the Cimmerian fortifications could reflect some knowledge about these Iranian names and therefore preserve a trace from a “Barbarian” representation of the straits.

I. THE KUBAN BOSPORUS: CORACANDA, THE “SINDIAN CLEFT”

1. Kuban Bosphorus’ paleo-environment

The inflow of the Don (ancient *Tanais*), Kuban (ancient *Hypanis*, *Antikeites/At-tikitès*, *Phasis*, *Hybristes*⁷), *Rhombitai* and other northern rivers into the southern sea

⁶ Marquart 1910; *contra* Asheri, Lloyd, Corcella 2007, *ad loc.* For the modern etymologies: Тохтасъев 2017a: 189–190.

⁷ Мусбахова 2014a-b, Мусбахова 2015, Мусбахова 2018 and Dan 2016 independently came to the same conclusions; we could not consult Мусбахова 2013. Some critics (Tsetskhladze 2016, Скаков 2019) misunderstood these philological argumentations: the authors above never wanted to “move” the Colchian river and city of Phasis on the Kuban River; although neither the city nor the river course have been surely identified, there is no doubt that from Herodotus onwards, historical Phasis was always located around Poti and the mouths of the Rioni. When we identify other rivers which could have been called “Phasis” in some contexts, we deal with ancient homonyms (*i. e.* identical names used for different spaces) which could provoke confusions and contaminations in the literary traditions. We also deal with mental representations of far-away spaces, in cultures that had no maps, where orality played an impor-

(*Pontus*) pass through the *Maëotis*, which was not a “sea”, but a “marsh” (λίμνη, *palus*) for the ancient people, due to its shallowness, brackish water and intermediate position between the river mouths and the sea⁸. Like in other deltaic environments (of the Nile, Istros/Danube or Phasis/Rioni), the lake emptied into the sea through several channels, separated by islands and ridges. Unlike the current Kerch Strait, which has only one channel for the water flowing from the Azov Sea into the Black Sea, the ancient Cimmerian Bosphorus was a strait with multiple openings (hence our preference for the plural “Straits”; cf. fig. 3–6). Besides its main flow (corresponding to the modern Kerch Strait), an eastern channel or rather network of channels, which we call the “Kuban Bosphorus” (to emphasise the modern character of its geoscience-based reconstruction), existed before the formation of the modern lagoons of Bugaz, Kyzyl-tash, Zukur/Zokur, Vitjazev, Starotitarovskaja, and Akhtanizovskaja⁹. The Kuban Bosphorus was probably only ca. 2–4 m deep on average in Greek times. Its width could stretch up to 4 km (between Dzhighinka and Belyj or between Golubitskaja and Temrjuk) or less (ca. 2 km between the western end of the Golubitskaja territory and the Peresyp’ Cape). At its extremities, especially on the shore of the Black Sea, the anticlockwise maritime currents formed littoral sandbars which must have been sensitive to tempests and therefore are quite difficult to map over the long term. Future drills should allow us to propose a more detailed chronology. For now, we can only suppose that the spit north-west of Anapa was already formed during antiquity and that openings allowed the navigation of ships. The main channel of the Kuban Bosphorus connected the Black Sea with the Sea of Azov between the modern Veselovka to the south and Peresyp’ or Temrjuk or Krasnyj Oktyabr’/Kurshanskaja/Varenikovskaja openings to the north. It was sinuous, with multiple inlets and shoals. Its length of ca. 55–65 km, measured from the Bugaz opening, varied depending on the outlet by which the Sea of Azov was entered from the south: while Temrjuk is still open for navigation today, the Peresyp’ Canal is mainly used for fishery purposes. To the north-east, the Krasnyj Oktyabr’/Varenikovskaja passage was filled with sediments by one of the Kuban mouths, perhaps even before the arrival of the Greeks¹⁰.

At least three islands — a large νῆσος to the west and two smaller islets (α σκόπελος and a νῆσος μικρά) to the east, at the northern and southern margins of the main island — as well as a peninsula barely connecting to the Asiatic hinterland to the

tant role and the articulation between mythical and historical spaces was different from ours. Ancient people were familiar with the “softness” of their spaces and never expected the precision possible only after the 18th century CE.

⁸ Herrmann 1928; Jackson, Podossinov 2015; Подосинов 2018; Подосинов 2019; cf. Finzenhagen 1939: 119–120.

⁹ See our publications quoted above (n. 2–3). The first to challenge the traditional reconstruction of the Cimmerian Straits was É. Fouache in Müller *et al.* 1998; Fouache, Müller 1998; Fouache *et al.* 2001; Fouache *et al.* 2004; cf. Müller 2010: 105–108. Against our reconstruction, see especially Тохтасъев 2017b, Завойкин 2017, Молев 2018 with further literature, but without taking into consideration the evidence from sediment cores.

¹⁰ Gaime *et al.* 2016.

north-east sheltered a dozen of Greek and later Bosphoran cities. They facilitated the access to the *Maeotis* Lake when the ancient sailors came from the Caucasian coast of *Pontus* or when they preferred to avoid the southbound current off the Gulf of Pantikapaion (modern Kerch). The channels, which separated these islands from the Caucasus and the rest of the ancient *Sindikè*, have progressively silted up over the last three millennia by the progradation of the delta of the Kuban River, which flowed into both the *Maeotis* and the *Pontus* through several distributary arms. In late Hellenistic and early Roman times, when the delta front hit the eastern channel of the straits (our “Kuban Bosphorus”), Alexander Polyhistor explicitly recorded the double spill of the westernmost mouth of the Kuban-*Hypanis* River (*FGrHist* 273 F 179 *apud* Stephanus of Byzantium s. v. “Hypanis”) towards the *Pontus* and the *Maiotis*, through the old maritime channels¹¹. This reference fits not only Pseudo-Skymnos’ testimony (fr. 17–18 Marcotte) but also the dates we obtained from the analysis of the sediments, indicating the arrival of Kuban’s delta front in the channel between Dzhighinka and Strelka/Belyj in late Hellenistic and early Roman times (fig. 7). The historical and geomorphological data allow us to reconsider the important changes observed by the archaeologists for this period not only in a historical, but also in an environmental perspective.

2. Kuban Bosphorus’ names:

Mouth of the *Hypanis*, *Coracanda*, “Sindian cleft”

Ancient authors never clearly describe the Cimmerian Bosphorus as a multi-channelled strait. The texts are ambiguous and we must read them from a critical perspective, without presuppositions. For example, while Herodotus refers to the Cimmerian Straits (πορθμῆια Κιμμέρια, 4.12, 45), we may suspect that he has in mind several water paths through which one could navigate between the sea and the lake or pass from Europe to Asia. Nonetheless, we admit that the plural could simply refer to the crossings from one Cimmerian shore to another. Also, in Aeschylus’ tragedy *Prometheus Bound* (729–731), the plural of the *Maeotis*’ “narrow gates” (ἐπ’ αὐταῖς στενοπόροις λίμνης πύλαις) could either refer to these channels or just be a form of plural designating one entry between pillars.

There are, however, clear indicators that the Greeks assigned the whole region to the mythical Cimmerians¹². Each extremity of the straits is marked by a toponym derived from their ethnic: first, there is *Kimmerikon/Cimmerium* on the main island (νήσος), at the northern entry from the Kuban Bosphorus into the *Maeotis* — in our opinion on the shore of the Akhtanizovskaja Lagoon¹³. But *Kimmerion* is also a

¹¹ Cairns 2011.

¹² Strab. 1.1.10, 2.9. See Иванчик 1988; Качарава, Квирквелия 1991: 135–138, s. v. “Киммериды”, “Киммерий”, “Киммерик I”, “Киммерик II”, “Киммерия”; Tokhtas’ev 1991; Алексеев, Качалова, Тохтас’ев 1993; Tokhtas’jev 1996; Иванчик 2010. For the history of the Cimmerians outside Bosphorus, Ivantchik 1993 and Ivantchik 2001.

¹³ Cf. Ps.-Skymn., fr. 17a Marcotte; Strab. 11.2.5; Mela 1.112; Plin., *NH* 4.87, 6.18 Strab. 1.1.10, 2.9–19; Ptol.,

smaller settlement at the south-western end of the straits on the Black Sea coast of Crimea, identified with the archaeological site of Opuk¹⁴. Therefore, in its broader sense, the name of the (Cimmerian) Bosphorus was used for the straits, including their multiple channels and islands¹⁵. There are, however, exceptions, when the western (Kerch) channel alone was called “Bosporus”, because it has always been the main channel of the Cimmerian Straits (the “Maeotian canyon/αὐλῶν’ ...Μαιωτικόν”, in the terms of Aeschylus’ *Prometheus Bound* 731, *cf. infra*). While the eastern channel (the Kuban Bosphorus) has been associated with the mouth of the Kuban/*Hypanis* River from late Hellenistic and Roman times onwards, the western (Kerch) channel was thought to be the southern mouth of the *Tanais*/Don. This is why, like the Kuban/*Hypanis*, the *Tanais*/Don was said to flow not only into the *Maeotis*, but also beyond the *Maeotis* Lake into the *Pontus*¹⁶.

The complex shape of the Cimmerian Bosphorus (with its multiple channels) is indirectly confirmed by the different Greek and Latin references to the water courses or marshes before the formation of the modern Taman Peninsula. Of course, the descriptions are difficult to understand, because they are not as coherent as we want. Each river mouth could be perceived by the ancient authors as a different water course: this is the reason why Ptolemy represents the Kuban Delta as a series of small rivers, ranging from *Attikites* in the east, to *Psathios* and *Ouardanos* to the west (*Geography* 5.9, Second Map of Asia). Moreover, the ancient authors felt no obligation to make a clear distinction between a river and a maritime current through the straits. This appears clearly in Greek references to the Thracian Bosphorus as a (salty) river¹⁷, and in the Latin designation of the Cuban Bosphorus as *Coracanda*. What we consider to be a maritime channel or a strait could have been defined by ancient authors as a water course or even as a stream.

According to Pomponius Mela (1.112), *Corocanda* spills through a double river bed into both the <Maeotis> Lake and the <Black> Sea and transforms part of the Sindian land almost into an island. The Sindian region must be imagined as an isthmus or a peninsula (*paene insula*), which projects over a moderate span between the Black Sea and the Sea of Azov towards the Bosphorus (*obliqua tunc regio et in latum modice patens inter Pontum Paludemque ad Bosphorum excurrit; quam duobus abveis in lacum et in mare profluens Coracanda paene insulam reddit*). Pomponius Mela, who wrote this passage in the first half of the 1st century CE, seems to have followed

G. 5.9.5 Stückelberger-Grafshoff. For the Archaic discoveries made by G. Lomtadze in Akhtanizovskaja 4, see Журавлев, Ломтадзе, Шлотцауер 2010; Ломтадзе 2013; for the investigation of the early Roman fort, Ломтадзе 2015.

¹⁴ Strab. 7.4.3; Ptol., G 3.6.5; Ps.-Arr. *FGrHist* 2037 F79 Podossinov. See Avram, Hind, Tsetschladze 2004: 946–947, No 700; Golenko 2007.

¹⁵ Scylax of Caryanda, *FGrHist* 709 F8 *apud* Avienus, *Ora maritima* 367–369 (with Panchenko 2005; Dan *et al.* 2016); Pliny, *NH* 6.18.

¹⁶ *E.g.*, Arr., *PPE* §19 and Ps.-Arr. § 68 Podossinov with Dan 2016. *Cf.* Подосинов 2015a.

¹⁷ Dan 2015; Dan 2018; *cf.* Podossinov 2013; Lebreton 2016; Toliaş 2017; Toliaş 2019; Marcotte 2019. For the similarity of the navigation in straits, rivers and estuaries, Arnaud 2019.

earlier — maybe Herodotean and post-Herodotean — sources when describing the eastern channel of the Cimmerian Bosphorus as an open channel. His source must be earlier than the progradation of the delta front into the Kuban Bosphorus channel in late Hellenistic and early Roman times¹⁸.

Since Mela's *Coracanda* is a hapax, one could ask if the Greek and Latin authors had other names or manners to describe the Kuban Bosphorus while still a maritime channel. Hipponax, one of the earliest Greek authors referring to the topography of the north-eastern *Pontus*, seems to allude to this fissure, while mentioning the "Sindian cleft" (Σινδικὸν διάσφαγμα) in an iambic poem of which only disparate fragments remain. As a native of Ephesus and later exiled in Klazomenai (*Suda* s. ν. Ἴππώναξ), Hipponax composed satiric poetry towards 540/537 BCE¹⁹. He lived during the conquest of Sardis by Cyrus the Great, when many Greeks from Asia Minor went away and founded "colonies". Among them, the Teians founded the city of Phanagoreia in the Asiatic part of the Cimmerian Bosphorus²⁰. Hipponax' fellow citizens, the Klazomenians were about to settle in the same region (in the "Klazomenian towers" mentioned *infra*) or were undertaking intensive business activities — as shown by the quantities of Klazomenian ceramics (or assimilated) discovered in the 6th-century layers of Bosporan and Maeotian sites²¹. If they were not themselves speakers of Anatolian languages (other than Greek), the Milesians, Klazomenians, Teians and other Ionians must have been accompanied in their Pontic adventures by Carians and Lydians — expressly attested together with the Klazomenians by Pliny the Elder (6.20).

Hipponax' poetry is a vivid testimony about the ethnic diversity and the multilingualism of the Ionian society in Asia Minor as well as about the feedback it received from recent "colonies". The linguistic mixture of his verses allows us to understand the genesis of Pontic toponyms like **Labrys/Labryta*. This ancient city is identified with the fortified settlement of Semibratnje, on the north-eastern shore of the Kuban Bosphorus, where an inscription attesting Apollo, the god of the *Labrytôn*, was discovered²². The name may have been created by multilingual Micrasiatic immigrants (ἄποικοι): this is the Lydian name of the "two-edged axe", called in Greek "πέλεκυς" (Plut., *Greek and Roman Questions* 302a). But we ignore why the site was

¹⁸ Attested by Alex. Polyhistor, *FGrHist* 273 F 179, Ps.-Skymn. fr. 17b Marcotte, and Strab. II.2.

¹⁹ *Parian Marble* 239 F A42.57 Jacoby = T1 Degani; cf. Plin., *NH* 36.11 = T2 Degani.

²⁰ Качарава, Квирквелия 1991: 284–288, s. ν.; Avram, Hind, Tsetskhladze 2004: 950–951, No 706; Kuznetsov 2003: 897–921; Kuznetsov 2016.

²¹ Cf. Cook, Dupont 1998: 151–157; Alekseeva 2002: 93 Abb. 2; Кузнецов 2005; Kadioğlu *et al.* 2015; Шлотцауер 2016: 42; Kerschner 2017. The modern scientific designation as "Klazomenian" for certain decorated East Greek pottery groups (cf. Cook 1952) is misleading. Recent archaeometric investigations for determining the origin of their production have shown that various centers in North Ionia produced these wares, including Klazomenai and Teos: see for example Schlotzhauer 2012: 38–43 esp. 40. Nevertheless, decorated tableware and transport amphorae from Klazomenai can be found in numbers on the Cimmerian Bosphorus.

²² *SEG* 43.515; cf. Avram, Hind, Tsetskhladze 2004: 947, No 702.

called this way. Was there any local name, sounding familiar, which the newcomers adapted to a word they already knew? Suggestions have been made to compare it with modern Caucasian toponyms and water names (like the Abkhazian *Labra* or the *Laba* tributary of the Kuban)²³, but the ancient ethnic context in which such Caucasian names could be used remains uncertain. The Anatolian “two-edged axe” was required if the tutelary divinity of the city was a thunder-god — but the *Labrytai* clearly preferred Apollo to Zeus —, or if they took into consideration the vicinity of the Amazons, whose favourite weapon was precisely the *πέλεκυς/λάβρυς*. It seems, however, that some authors pronounced the name as *Λαύριον* and described the site as a Scythian plain (*Schol. ad Apoll. Rhod.* 4.321). The association with the Greek “λάυρα”, “the narrow passage”, could suggest that Greek scholiasts of late Hellenistic and Roman times were aware of the strategic importance but also of the growing difficulties in sailing to **Labrys/Labryta*, a key-point at the end of Hipponax’ “Sindian cleft”, between the Kuban Bosphorus and the progradating delta of the Kuban River.

Unfortunately, Hipponax’ reference to the “Sindian cleft” comes from a 19th-century philological assemblage of two quotations preserved in the *Chiliades* of the 12th-century Byzantine writer Tzetzes and in lexicographic compilations going back to Hellenistic and Roman times²⁴. If the assemblage is correct, Hipponax must have been making a sexual joke by alluding to the topography of the “Kuban Bosphorus” and the northern Caucasus slopes. This is the actual reconstruction of the fr. 2 (of Diehl³, Masson and West) from the quotations of Tzetzes, *Chiliades* 10.370-374²⁵ (cf. Hesychius s. v. “Κοραξοί”)²⁶ and from the *Scholia* on Apollonius’ *Argonautica* (4.321²⁷; cf. Hesychius s. v. “Σινδικὸν διάσφαγμα”²⁸, and Steph. Byz. s. v. “Σίνδοι”²⁹):

Κοραξικὸν μὲν ἡμφιεσμένη λῶπος. <γυμνή δὲ> πρὸς τὸ Σινδικὸν διάσφαγμα.	...covered by a Koraxian mantle, <but naked> until the Sindian cleft...
---	--

Both verses allude to the woman’s cunt using Greek or Anatolian words with sexual connotations: the “Sindian cleft” (“crevice in a rock, narrow, gaping sink-hole or

²³ Виноградов 2002; Тохтасъев 2015: 429–430; Тохтасъев 2017a: 196–198. Cf. Яйленко 2017: 8–9.

²⁴ Cf. E. Diehl in the different editions of his *Anthologia lyrica Graeca*, following Otto Crusius (Teubner 1907); Masson 1962: 102–103; West 1971: 110–111 (fr. 2–2a).

²⁵ Περί τῶν Μιλησίων μὲν ἔφρα πολλοὶ εἰρίων / περὶ εἰρίων Κοραξῶν ἐν πρώτῳ δὲ ἰάμβῳ / Ἴππῶναξ οὕτως εἴρηκε μέτρῳ χολῶν ἰάμβων· / Κοραξικὸν μὲν ἡμφιεσμένη λῶπος. / Τοὺς Κοραξοὺς δὲ καὶ Σινδοὺς ἔθνη τυγχάνει νόει // “Many people speak about the Milesian wool; / so speak Hipponax about the Koraxian wool, / in the first iamb of his choliamb: / dressed in a Koraxian mantle. / He thinks that the Koraxian and the Sindians are people”.

²⁶ Κοραξοί· Σκυθῶν γένος καὶ τὸ γυναικεῖον αἰδοῖον / “Koraxians: Scythian people and woman’s sex”.

²⁷ “...Σίνδοι ...καὶ Ἴππῶναξ (fr. 68 A B. II 484) δὲ μνημονεύει, πρὸς τὸ ‘Σινδικὸν διάσφαγμα’ / the Sindians, Hipponax mentions them also, ‘up to the Sindian cleft’”.

²⁸ “Σινδῖς· ἢ Σκυθία. καὶ ἡ πόρνη. Σινδικὸν διάσφαγμα· τὸ τῆς γυναικὸς / Sindis: Scythia. And the prostitute. Sindian cleft: the sex of the woman”.

²⁹ Σίνδοι, ἀπὸ μεσημβρίας τῆς Μαιώτιδος λίμνης. ἔνιοι δὲ καὶ τὸ Σινδικὸν γένος φασὶν εἶναι τῶν Μαιωτῶν ἀπόσπασμα. λέγεται καὶ τὸ γυναικεῖον αἰδοῖον. / “Sindians, from the south of the Maiotis Lake. Some say that the Sindian people is a branch of the Maiotians. This is also the name of the woman’s sex”.

crack in a rock”) recalls the Lycian word designating the female cunt, *sinda*, as well as the Greek σίδη, the “pomegranate”³⁰. The “Koraxian mantle” could have been understood as the cover of the κόραξ, metaphorical designation of the male penis³¹. The poetical character of the expression is reinforced by the phonic similarity between the adjective “Κοραξικόν” and the Greek lexical field of “κρέκω”, “weave” and “κρόξ” or “κρόκη”, “thread passed between the threads of the warp, woof”.

For the public familiar with the realities of the Ionian migration towards the Cimmerian Bosphorus, these names would initially evoke the north-eastern Black Sea area. In the past, scholars debated whether these names should be understood in an ethnic sense — and therefore as a reference to the Barbarian luxury, as suggested by the Koraxian wool mantle mentioned by Tzetzes (and by the refinement of the Sindians, famous up to Hellenistic times; cf. Ps.-Skymn. fr. 18 Marcotte), or at least as an allusion to the Koraxian and Sindian slaves that had probably arrived in Ionia by that time³². However, the geographical interpretation, based on the morphological similarity between a strait and a cleft/vagina, cannot be excluded: V.D. Blavatskii³³, and V.G. Zubarev³⁴ linked the metaphor to the channels of the Cimmerian Bosphorus, in particular to the ancient Kuban arm (Kyzyltash Liman), which covered part of our Kuban Bosphorus. This hypothesis, now reinforced by the discovery of the Kuban Bosphorus, has been republished in a convincing way by I.E. Surikov³⁵.

For the ancient Greeks, *Sindikè* in the widest sense corresponded to the north-western extremity of Asia, facing the eastern end of *Taurikè*/Crimea and including all the civic territories from *Phanagoreia* and *Hermonassa* to *Sindikos Limèn* and *Sinda/Gorgippia*³⁶. *Maeotis*, “mother of *Pontus*” for Herodotus (4.86), could have already been viewed in the 6th century BCE as a kind of matrix, supporting Hipponax’ sexual joke. In fact, the common imaginary of the strait has a strong sexual connotation in Greek, as shown by the toponyms involving the cult of Parthenos and Achilles on the two shores of the Kerch channel (with the male deity on the island in the middle of the straits)³⁷ or by the allusions to sexual organs in descriptions of the Thracian Bosphorus³⁸. Furthermore, such allusions, combining geographical and anatomical clues, must have been common in iambic and comic creations: Aristophanes’ *Lysistrata* (1168–1170) enumerates a whole series of places in the Internal Sea associated with female organs.

³⁰ Pestalozza 1951.

³¹ Henderson 1991: 20–21.

³² Braund, Tsetsckhadze 1989.

³³ Блаватский 1958.

³⁴ Зубарев 1999; *contra* Nikonov 2007.

³⁵ Суриков 2013; for another geographical explanation see Мусбахова 2014a.

³⁶ *E.g.* Ps.-Skyl. §72; Strab. 7.4.6, 11.2.10–12, 12.3.29. See Тохтасъев 2002; Tokhtas’ev 2006; Braund 2007; Горончаровский 2011; for a narrower meaning, see Новичихин 2017; for “Sindian” etymologies, Тохтасъев 2017a.

³⁷ Braund 2018.

³⁸ Cat. 11.99.5–6; Ausonius, *Ep.* 108.9.

Since we lack the complete poem as well as other *scholia* on Hipponax, the reconstruction of the fragment and the identification of the Kuban Bosphorus with the metaphor of the “Sindian cleft” are only hypotheses. By contrast, *Corocanda* is a genuine indigenous name, whose identification cannot be doubted. Both designations emphasise the reduced dimensions of the Kuban Bosphorus — when compared to the Kerch channel (on average 18 m deep, 35 km long, and 4.5–15 km wide) — as well as its importance for the earliest populations living in that area.

II. THE ARCHIPELAGO BETWEEN THE CHANNELS AND ITS KOROKONDAMÈ/TAMAN ISLAND

1. Why did the Greeks settle on the Kuban Bosphorus / *Corocanda*? Strategic and economic advantages

A favourable environment for long time survival, connectivity and quick access to valuable raw materials are the main criteria when choosing the best locations during the Greek “colonisation”. In the embayments of the Kuban Bosphorus, several sheltered sites provided fresh water, food and fuel, easy defence against invaders and shorter paths towards the metals and stones of the Caucasus, the fish of the Azov Sea, the slaves and the other organic products of the steppe. The settlers on the archipelago controlled the crossroads of Europe and Asia, the northern nomadic zone and the Greek southern seas: this is how at the beginning of the Roman era, *Phanagoreia*, by then the most powerful Greek city on the eastern shores of the straits, became the *emporion* of Asia (Strab. 11.2.10). The strength of its *chora* was its hegemony over the eastern ways through the Kuban channels to the Azov Sea and the Black Sea.

For those familiar with this region in the Archaic and Classical times, the navigation through the Kuban Bosphorus had several advantages. Due to its lesser depth and numerous splits into bays, the current was probably less strong in this eastern channel than in the Kerch channel, when sailing north from the Black Sea to the Sea of Azov. At least until early Roman times, the Kuban Bosphorus offered proper harbouring conditions — as one can understand from Strabo’s mention of the *Phanagoreia* and *Kepoi* territories (and maybe harbours) on the eastern shore of the main island (νήσος), while sailing up the *Korokondamitis*, *i. e.*, around the Kyzyl-tash Liman (11.2.10; *cf. infra*). Its coves, with quieter and fresher waters (due to the input of the Kuban river mouths), attracted and trapped fish migrating from the *Pontus* to the *Maeotis* and back. Fish must have been an essential part of the diet and exportations of the Greeks established along these shores. The best evidence relates to the name of the *Antikeites* given by Strabo to the westernmost mouth of the Kuban, which had already started to fill a part of the Kuban Bosphorus channels

with sediments in his time (11.2.4, *cf.* Ptol., *G.* 5.9.4; **fig. 4**). In fact, the hydronym can spontaneously be understood as “that lies in front” (of Pantikapaion/Bosporus or Phanagoreia Island), but it is probably derived from a name of the sturgeon, Ἀντακαῖος³⁹. Further evidence for fishing activities in the Kuban Bosporus are the “Klazomenian towers”; we propose their location on the north-eastern shore of the straits between *Tyrambè* and *Kimmerikon*. These “watching towers” (σκοπαι) could correspond to the sites of Golubitskaja 2 and maybe even Golubitskaja 1, as well as to Peresyp’ on the opposite side of the Akhtanizovskaja Lagoon, which is still an excellent fishing trap⁴⁰.

Those travelling and establishing themselves on the eastern channels of the ancient Cimmerian Bosporus directly controlled the links with the Caucasus. The use of the Kuban Bosporus was the only possibility to avoid the monopoly of Pantikapaion — at least in Archaic times until the consolidation of the Bosporean Kingdom and Pantikapaion/Bosporus’ domination over the straits, marked by the foundation of *Gorgippia* in the Gulf of *Sinda* and *Sindikos Limèn* (modern Anapa region).

The maps reconstructed by D. Kelterbaum and H. Brückner (**fig. 3–6**) demand a complete revision of our identification of the ancient toponyms, which are not concentrated along the Kerch channel but rather spread over all the shores of the straits in a complex maritime and terrestrial network, already emphasised by the surveys of I. Paromov. It is not easy to find the historical names of these settlements in the Greek and Latin texts: as often occurs when seeking correspondences between modern and ancient spatial representations, the ancient designations were neither as precise nor as coherent and consistent as modern scientific terminology. For example, there is no ancient notion of “delta” or “archipelago”. The ancient term of “island” was much broader than it is today, as it could include any land that was, more or less, surrounded by water⁴¹. This is one of the reasons why the late Hellenistic and early Roman descriptions of the insular landscapes of the Taman area are so fuzzy, mentioning one peninsula, a kind of island, or two or three islands. This contradictory image emerges if we compare the fragments preserved by Pseudo-Arrian from the Pseudo-Skymnos (fr. 17b Marcotte) with Strabo (11.2.10), Pliny the Elder (6.18), Dionysius Periegeta (549–553), Ammianus Marcellinus (22.8.29–30), and Stephanus of Byzantium who combines Archaic as well as Hellenistic and Roman testimonies (*s. v.* Ἐρμώνασσα and Ταυριική). However, these testimonies are not fully contradictory, and they should not be entirely rejected: the philologist’s task is to explain their invention by taking into consideration their geohistorical contexts, literary tradition and sources of errors.

The more consistent evidence points to the existence of two major islands: the larger νῆσος, that we call the Taman, *Phanagoreia* or *Korokondamè* Island, on which the cities of *Kimmerikon* and *Kepoi* were situated, and the small *Hermonassa* Is-

³⁹ Hdt. 4.53, Strab. 7.3.18. See Schramm 1973: 179–180.

⁴⁰ For other fishing towers in the Black Sea: Højte 2005.

⁴¹ Finzenhagen 1939: 146.

land located in the middle of the eastern channel when coming from the Caucasian shore of the Black Sea (Pliny the Elder 6.18; Stephanus of Byzantium s. v.: νῆσος μικρά, πάλιν ἔχουσα, ἐν τῷ Κιμμερίῳ Βοσπόρῳ). Further to the north-east, the maritime channels started to become landlocked by the Kuban Delta in late Hellenistic and Roman times. Navigation continued in humid summers until modern times, but with smaller ships. The loss of the strategic importance of several harbours together with the inconveniences of the advancement of the delta and the proliferation of the mosquitoes, often mentioned by modern travellers as a major danger of the area, determined the abandonment of several sites — like Strelka 2 — at the beginning of the Roman times and the concentration of the activity on specific spots, like Semibratnje.

2. *Korokondamè* between Kerch and Kuban Bosphorus

The location of *Korokondamè* in the southern part of the main island, and *Korokondamitis* in the current bay of Zukur, Bugaz and Kyzyltash is based on the mentions in Strabo (11.2.8–9), Ptolemy (*Geography* 5.9.6–8), and to a lesser extent, Stephanus of Byzantium who quotes one of Strabo's sources, Artemidorus of Ephesus (s. v.)⁴². The last mention can be misleading, since it situates *Korokondamè* near Sinope (Κοροκονδάμη, πλησίον Σινώπης). This quite surprising association of two distant sites, facing each other on the northern and southern Pontic shores, refers to the short crossing through the middle of the Black Sea. This crossing took advantage of the double maritime currents that were well attested since the early 5th century BCE in the representations of *Pontus*, the “Path”, as a double sea or a Scythian bow⁴³.

Strabo and Ptolemy show that *Korokondamè* (or rather its territory) must include the south-western and south-eastern extremities of this large island (the νῆσος), between the territories of *Phanagoreia* and *Hermonassa*. The Panagja Cape, under the most important north-eastern Black Sea harbour of our days, still marks the navigation starting point through the straits to the north and from the straits to the southern and eastern shores of the Black Sea. This can be an argument for its inclusion in the ancient territory of *Korokondamè*. Despite the heavy erosion, ancient traces of Greek frequentation (or at least contacts with the Greeks) have been discovered in relation to the tough promontory⁴⁴. Several kilometers inland, around the archaeological site of Volna 1, the team of N. Sudarev and R. Mimokhod unearthed settlements with traces of continuous habitation from the Bronze Age (12th

⁴² For Strabo's use of Artemidorus on *Pontus*, see Подосинов 2015b.

⁴³ Dan 2013.

⁴⁴ Cf. Gajdukevič 1971: 207–208, who hesitates between Panagja and Tuzla. The far-reaching visibility of the hills of Volna, beyond Panagja, recommends this strategic site rather than the Tuzla lower promontory. Further arguments about the territorial organization of the island will be presented in our forthcoming book.

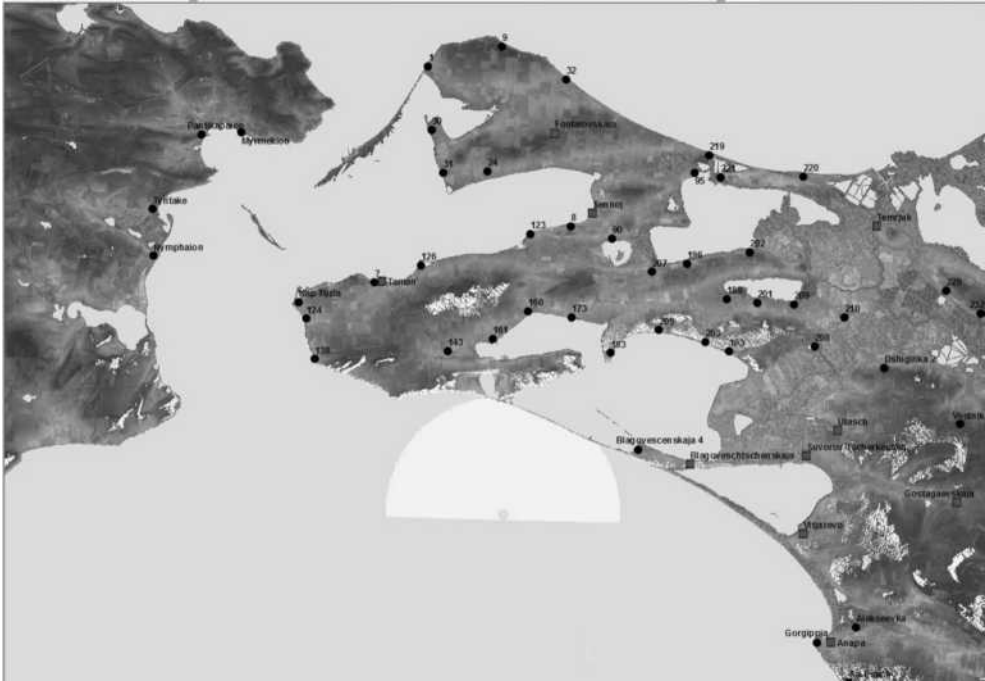

Fig. 9. Visibility study (including the *Coracanda/Korokondamè/Korokondamitis*) from a ship in the Black Sea at the central point. Viewpoint is 10 m above sea level, the visible zones are represented in light grey. Based on SRTM 30 data, calculated by ARCGIS (© D. Kelterbaum)

century BCE) until medieval times⁴⁵. Moreover, the highest peaks of this mountainous range are the main landmark at the north-western extremity of Asia, seen from both the Azov and Black Sea and from other points with good visibility on the Kerch channel (fig. 9–12). Furthermore, in the necropoleis near Volna 1, the oldest Greek imports date back to the first half of the 6th century BCE, and they are continuously mixed up with local ceramics. The site of Volna 1 (Paromov's site no. 137) covers ca. 45 ha. The richness of the Greek and Barbarian finds as well as the traces of urbanisation show that this area was the most important site in the southern part of the island. Its inhabitants could control the access from the Black Sea along both the Kerch and Kuban channels. Since their settlement preceded the arrival of the Greeks, they may have continued to use the old, pre-Greek toponyms.

Strabo's distance of 70 stadia (ca. 14.2 km) between *Akra* (modern Naberezhnoe), on the European coast of Crimea/*Taurikè*, and *Korokondamè* fits the flying distance between the south-eastern extremity of Crimea and the feet of Volna, especially when one takes into consideration the strong erosion and change of the coast line

⁴⁵ E.g. Соловьев, Бутягин 2002; Волкодав 2016; Волкодав 2017; Мимоход, Сударев, Успенский 2018; Бочковой, Булах, Данилин 2019.

Fig. 10. Visibility study from Ilich into the Kerch Straits and adjacent areas. Viewpoint is 20 m above surface level, the visible zones are represented in light grey. Based on SRTM 30 data, calculated with ARCGIS (© D. Kelterbaum)

under the new Black Sea harbour. At the same time, the distance of only 10 stadia (ca. 2 km) between *Korokondamè* and the entry into the *Korokondamitis* (11.2.9) must be understood as the length of the sandbar which, on the southern coast of the island, restricted the entry of the ships from the Black Sea into the Kuban Bosphorus and finally started to close the lagoon in Roman times (fig. 13–14).

3. *Korokondamitis* / Bugaz-Zukur-Kyzyltash Liman

The Kuban Bosphorus (*Coracanda*) with its southern lagoon or series of lagoons (*Korokondamitis*) provided sheltered anchoring points in the territory of *Phanagoreia* (probably modern Sennoj) and *Kepoi* (maybe modern Taman, nowadays wrongly identified as “Hermonassa”)⁴⁶. The best candidates for an anchorage depending on *Phanagoreia* / Sennoj in the Zukur Liman could be identified or associated with the sites of Vinogradnyj 1 and 2 (Paromov’s nos 160–161), which were perhaps connected by an ancient land path to *Phanagoreia*; for an anchoring point

⁴⁶ The complete argumentation for these locations will be published in our book.

Fig. 11. View from Kerch to the east, over the main channel, towards Volna and Cape Panagja/ Korokondamé (© D. Zhuravlev)

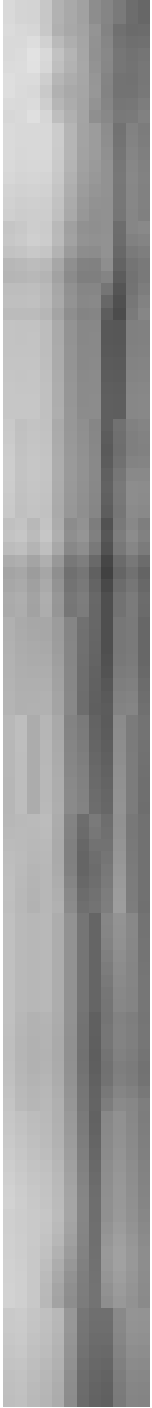

Fig. 12. View from the mud volcano Kuku-Oba to the south, over the archaeological site of Garkousha (identified as Patrasy) and the Taman Gulf, towards Volna / *Korokondamè* (© U. Schlottzhauer)

Fig. 13. View from the north-western end of the Blagovetschenskaja Island towards west, over *Korokondamitis*, and the sand spit separating *Coracanda* and *Korokondamitis* (to the right) from the Black Sea (to the left) (© A. Dan)

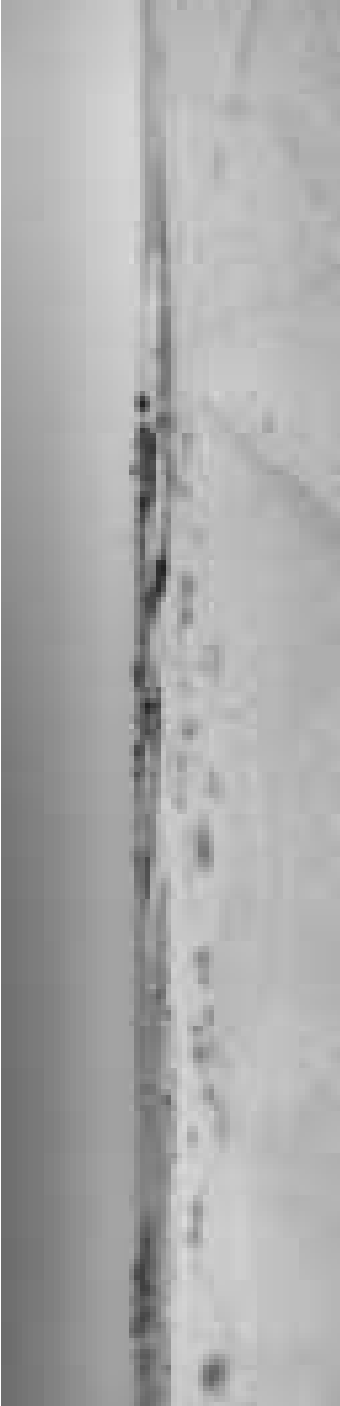

Fig. 14. View over a modern cut through the Anapa spit, towards west and *Korokondamitis* (© A. Dan)

Fig. 15. View of the so-called "Cimmerian Wall" on the Fontalovskaja Peninsula (© A. Dan).

relating to Taman, the best site seems to be Tamanskij 3 (Paromov's no. 143), also connected to the territory of the modern Taman city via a land path.

However, before making further assumptions about the articulation and connectivity of the civic territories of *Korokondamè*, *Phanagoreia* and *Kepoi* in this southern part of the island (νήσος), more archaeological investigations are necessary in order to verify the dimensions, chronology, and importance of other sites between the Bugazkaja spit, the Zukur and Kyzyltash Liman (around Veselovka and Vysh-esteblievskaja). In fact, although the identification of *Korokondamè* with Volna 1 seems plausible — given the importance, long chronology, and mixture of Greek and indigenous cultures at Volna 1 as well as the appropriate distances given by Strabo —, here like anywhere else no firm conclusion can be drawn without the discovery of an inscription or, at least, without the excavation of all the sites and their final comparison.

III. CORACANDA & KOROKONDAMÈ — A DITCH AND A HITCH BEYOND THE CIMMERIAN *POLIS*?

1. **kork-/korok-*, “the throat” and the local names of the Cimmerian Straits

Even though *Coracanda*, *Korokondamè*, and *Korokondamitis* have no well-established etymologies, most philologists point to their possible Iranian or Kuartelian origin. It goes without saying that reconstructing Iranian or Kuartelian words — that one could consider either as “Cimmerian”, “Sindian”, “Maeotian” or, more generally, “Scythian” or “Sarmatian” — is a highly risky initiative, which should be taken as a conjectural exercise fully dependent on the current evidence and linguistic (pre-)suppositions.

For the Latin and Greek names *Coracanda* and *Korokondamè*, the best suggestion seems to be the derivation from the Indo-Iranian stem **kork-/korok-* or, without reduplication, **kor-*, ultimately going back to the Indo-European root **k^wer-/k^wor-/k^wor-* (**g^wer-/g^werh³-*). This root corresponds to Indo-European verbs meaning “to devour” and nouns signifying “throat, neck” (or related to the throat, like the objects and animals with a particular kind of neck)⁴⁷. This is the origin of the Avestan *garəman-* and the modern Persian *gulū/galū* (گلو), “throat, neck, wind-pipe” as well as of the Slavic **g^wrdlo*, from which derives the Church Slavic *grělo* and the modern Russian *горло*. By reduplication, the Indo-European stem gave *kokord* (կոկորդ) “throat” in Armenian, *quer(e)kela*, *querka*, “gullet” in Old High German (with modern German “Gurgel”), *gurges* in Latin, **кѣркѣ* in Slavic languages (кѣрчии in Old Russian, and Кѣрчевъ/Kerch in the medieval inscription

⁴⁷ Cf. Pokorny 1959–1969: II.474–476; Гамкрелидзе, Иванов 1984: I.231, II.702.

from Tmotorokan/Taman, *cf. infra*)⁴⁸. From the old Indo-Iranian languages, we may cite *xux/xox* (*xūrx/xorx*) in Ossetian, with the compounds *xūrxwawynzæntæ* (“bronchia”) and *xūrxwadyngz* (“vocal cord”)⁴⁹. However, comparable words for “throat” are attested in other linguistic families, like the Uralic (maybe with the Finnish *kurkku*, Estonian *kurku*) and, more important for us, the Kartvelian languages: from a Proto-kartvelian root **qarq-/*qorq-*, the “throat” was designated by the Georgian stem *qorq-i*, the Megrelian *xorx-*, *xurx-* (*cf. xorx-ot-a*), the Laz *xurx-*, *xux-*, the Svan *qharqh*, the Abkhazian *qərqə*⁵⁰. Therefore, both Kartvelian and Iranian-speaking populations, which have probably preceded the Greeks on the Cimmerian Bosphorus, could have used similar names to designate the straits or part of the straits.

The image of the “throat” perfectly fits the topography of the Bosphorus, with its multiple water channels and sand spits between Kerch/*Pantikapaion* and *Cora-canda*/Kuban Bosphorus, on both sides of the *Korokondamè* Island and the nearby islets. Since the etymology of both Indo-European and Kuartelian names involve the action of the throat (to swallow), and taking into account our geomorphological reconstruction of the earlier phase of the straits, when the water channels were most important, we tend to think that the original name could refer to the waterways cutting through the lands, nourishing the *Pontus* from the *Maetis* “mother”. Later on, however, the same name could have been related not only to the water “throat” but also to a land “neck” (*isthmus*). The obstruction of these channels started in Greek times, with the sandbars formed by the Black Sea current between Caucasus’ eroded slopes and the old archipelago in the middle of the straits. Pliny the Elder (6.18) and his sources were perfectly aware of the peculiarity of this land strip blocking parts of the eastern maritime channel: he called it *Eone* (gr. ἤτων, “the shore”), estimating its length at 675000 feet (more than 20 km) and its width to be always superior to two *iugera*, 200 ancient Greek feet (*podes*), *i. e.*, ca. 60 m. In our opinion, this corresponds to the “Anapa-Bugazkaja spit”, the sandbar separating the *Pontus* from the *Korokondamitis*, an almost continuous shoreline from *Sinda* and *Sindikos Limen* (modern Anapa and nearby gulf) to the small island of Blagovetschenskaja and up to the big island of Taman⁵¹. Considering Strabo’s testimony and the actual geomorphological situation, the main opening in this ridge, partially still preserved today by human intervention, was situated at 2 km east from the territory of *Korokondamè* (11.2.9; *fig. 3–6*). This spit was the longest land path towards the center of “the throat”, before the progressive silting of the narrowest part of the Kuban Bosphorus with the sediments of the Kuban Delta. During this formation of land necks, the original names of the straits and, in particular, their Greek translation by “ἰσθμός”

⁴⁸ Трубачев 1999: 248–249; Бушаков 1991.

⁴⁹ Абаев 1958–1995: IV.249–250.

⁵⁰ Klimov 1998: 244; Fähnrich 2007: 708.

⁵¹ Ps.-Skymnos (fr. II Marcotte) used the same term for another sand spit of the Black Sea, the *Achilleos dromos*; *cf. Finzenhagen 1939: 137–138.*

could be used not only for the water but also for the new and narrow lands, leading to some confusion in our sources (*cf. infra*).

Later toponyms referring to these complex maritime straits, in other languages, probably derived from the same Indo-European root. Since they are not strictly related with the Taman peninsula, but refer also to the Kerch peninsula on the European side, they might show that the whole straits, with their multiple entries and exits, could be seen as “throats”. The best example is Kerch itself, whose medieval name Кърчевъ was perhaps constructed on the Slavic stem of “throat/neck”. Additionally, the Kuban Delta offered examples of hydronyms derived from an Indo-Iranian stem probably related to the same lexical family. A trace of a stream name Курка/Курки still appears in the modern Russian name of the Kurchanskij Liman (on the southern shore of the Azov Sea) and in the city name Kurchanskaja on the ancient Temrjuk Island. Another western arm of the Kuban, flowing towards the Black Sea precisely through the ancient maritime channel of the Kuban Bosphorus, was called Οὐχρούχ in Constantine Porphyrogenetos’ *On the Administration of the Empire* (§42). This word was sometimes interpreted as Turkish (Old Bulgarian?), but it is still supposed to have preserved the trace of the same Indo-European (Slavic?) stem of the “throat”⁵². Conversely, the Turkish toponym of Bugaz (with its modern derivative, the hydronym Bugazskij Liman), at the southern entry to our Kuban Bosphorus and *Korokondamitis*, uses the Turkish root to designate the “throat/neck” (and the “gorge”, the “strait”, just like “Boğaz”, the current Turkish name of the Thracian Bosphorus). This does not necessarily show the continuity in naming the strait (and especially the Kuban Bosphorus) as a “water throat”, but it is at least proof that different linguistic groups who occupied the whole region over time designated the channels in a similar way.

2. *Coracanda* — the channel of the throat, and *Korokondamè* — the lump in the throat?

There is no consensus regarding the meaning of the second part of the proper nouns of *Coracanda* and *Korokondamè*. *Coracanda*, the ancient name of our Kuban Bosphorus, seems to have a parallel in the hydronym *Karakunda*/*Karakunga* attested as a river name in Crimea but changed by Turkish assimilation and folk etymology (*Kora*->*Kara*, “black”)⁵³. We might imagine that both were formed from the Indo-Iranian root of the “gorge” and a kind of suffix which was understood by the Greeks as “-anda”. The Iranian evidence recommends the possessive suffix “-uant-”, analogous to that of the river name *Ghorvand* (“which has the tumult”) in Kabul⁵⁴. In this case, *Coracanda* would mean “what belongs to the **kork*-, what goes through the

⁵² Moravcsik 1983: 229.

⁵³ Pallas 1801: II.133; Кеппен 1837: 197.

⁵⁴ Трубачев 1999: 250.

throat". The name would have underlined the inclusion and the importance of the Kuban Bosporus/*Coracanda* among the waterways of the Bosporus Straits.

Unfortunately, up to now, there has been no coherent explanation for all the Indo-European nominal stems finishing in **-n/-nt*⁵⁵. Yet, although not fully satisfactory for all the linguists, quite attractive are the Indo-European parallel names of body parts formed with an Indo-European extension **-nt-* and used for agents. For example, there are the Greek **gonwós, *gónwatos* > γουνός, γόνατος ("knee"), Latin *plantā* ("sole of the foot"), **(s)rh₂w-ónts* > Old Armenian *argand* (արգանդ, "womb"), Celtic **brāgants* ("neck, throat"), Germanic **mundō* ("hand") and **waisundaz* ("wind-pipe")⁵⁶. If such a derivation was possible also in the East-Iranian languages of the Northern Black Sea, *Coracanda* would be the water "throat, gorge, strait", corresponding to the organ which swallows. In any case, it can be compared with the Latin *gurgēs*, also formed (after reduplication) with an unknown suffix from the Indo-European **g_her-/g_herh³-* and specialised in designating a narrow water channel⁵⁷. Although it remains a pure hypothesis, this explanation of the *Coracanda*, name of the Kuban Bosporus, as an organ confirms its identification with Hipponax' "cleft": if the locals saw it as the upper orifice of a body, through which the water filled the *Pontus*, the Ionians considered it as the lowest periphery of their world, the vagina — an image confirmed by the "anthropomorphic" map of Pseudo-Hippocrates' *Peri Hebdomadôn*⁵⁸.

Coracanda could also be understood as a formation from **kor(k)-* (possibly in genitive singular, "of the throat/neck"), and **-kanda*, an Iranian element often used in composed place names, which signifies "dig, ditch, trench, channel". Attested in Avestan (**kani-*) and Old Persian (**kann-*), this stem gave not only the name of the Chorasmian capital Kāt, but also many compounds, especially the toponyms denoting "fortification, city" in the Eastern Iranian languages, from which derived also the Scythian and Sarmatian dialects: best known examples are "Samarqand", "Tashkent" or "Pendjikent"⁵⁹. In our case, the Kuban Bosporus could have meant "the trench in/through the throat". Even if it is not the original etymology, the name could have been understood in this sense by Iranophone populations sensitive to the strategic situation of the channel separating the ancient islands from the Kuban mouths and the Caucasian/Sindian mainland. This etymology could have also inspired variants of the Greek traditions about the "Cimmerian fortifications" in Asia (*cf. infra*).

The etymology of *Korokondamè* is even more challenging. We do not know if this toponym was derived from *Coracanda*, as the land bordering the water channel, or

⁵⁵ Oettinger 1982; Oettinger 2001; Olsen 2004 with previous literature.

⁵⁶ De Vaan 2008: 470; Kroonen 2011; Kroonen 2013: 213, 375–376, 567. See, however, the cautious position of Stringer 2017.

⁵⁷ De Vaan 2008: 275–276: "Both *gurgēs* and *gurgulio* might represent a reduplicated form of the root 'to devour', but the morphology is unclear".

⁵⁸ Pseudo-Hippocrates, *Peri Hebdomadôn II–12* (Bergstraesser 1914: 115); *Corpus Hermeticum* fr. 24.11–12.

⁵⁹ Абаев 1958–1995: I.579, s. v. "kænt"; Lurje 2003.

if both names were separately formed from one Iranian stem, **kor(k)-*, the “throat/neck”. In the first case, *Korokondamè* could be interpreted as an adjective derived from *Coracanda* with either a suffix “-m-” or the fossilisation of an Iranian accusative case. In both situations, it would mean “the settlement related to the channel of the throat”, which could be problematic if the original center of the settlement was not situated directly on the Kuban Bosphorus.

The second possibility is more attractive from a semantic point of view: *Korokondamè* could have been composed from the root **kor(k)-*. Two arguments support this derivation: the series of toponyms and hydronyms derived from the same Indo-European root or with the same meaning of “throat/strait”, and the fact that the hydronym *Coracanda* and the toponym *Korokondamè* are not transmitted by the same sources. This is also why *Coracanda* contains an *-a*, maybe corresponding to the degree zero of the root **kork-* or to a regressive assimilation to *-canda*, while *Korokondamè* can be formed on the degree *-o* of the same root (**korok-*) or by assimilation of *-r-/-ra-* with the syllables *Kor-* and *-kon-*.

If *Korokondamè* was derived directly from **kork-* and not from *Coracanda*, there are at least three possibilities to explain its ending:

1. The first and most plausible, in our opinion, is to suppose a formation with the substantive “*dam*”, meaning “obstacle, hold-up, dam” and referring to an object that obstructs the “throat”⁶⁰. This perfectly fits the shape of the main island that we rediscovered in the middle of the ancient Cimmerian Bosphorus. Phonetically, the compound would be either **korok(o)-+n+dam*’, “the lump of/in the throat” (with an epenthetic “*n*” between the two nouns) or **korok-(a)n(t)+dam*’, “the lump/hitch that possesses/occupies the throat” (with a possessive suffix, supposing an assimilation to the “*o*” vocalic timbre).
2. The second option, already proposed in the Russian literature, involves the Indo-European root **dhemn*’, which gave several Indian and Thracian toponyms ending in “*dama*”⁶¹. Semantically, this seems a good hypothesis, because our toponym corresponds to a “village” according to Strabo (11.2.8) and, therefore, must refer to a constructed site (Volna I or nearby). However, since the root **dhemn*’ does not seem to be attested in Iranian toponyms, this hypothesis cannot be retained.
3. Finally, we might consider a third composition, which could have been at least an Iranian popular etymology transmitted to the Greeks: it involves the Iranian **damā*’, recalling the name of the highest Iranian mountain Damāvand. *Korokondamè* could have been understood (though not originally formed as) **korok(o)-+n+damā*’, meaning “the (mountain) swelling up/blowing fog in the

⁶⁰ Mayrhofer 1986–2001 (1992): I 698, s. v. “*DAM*”; cf. Абаев 1958–1995: I.365–366; Шапошников 2005: 41; Cheung 2007: 55, s. v. **damH²*.

⁶¹ See Трубачев 1999: 249–250, where **krkan-dama* is translated as a “(rustic) community at the neck/on the strait”.

throat”⁶². Nonetheless, Damāvand is not a derivative of **damā*, “the mountain with a snowstorm”. According to W. Eilers, this was only a later etymology. The original oronym had the form *Dunbāvant/d*, meaning “the mountain with tail” and, further on, “the mountain of many faces”⁶³.

Despite the low altitude of the Taman hills, the explanation of *Korokondamè* as “the swelling mountain” fits the general aspect of the region — especially because of the poor meteorological conditions in winter and the gas of the mud volcanoes during their eruptions. Moreover, this explanation fits the Iranian etymology of *Temarunda* — as “dark water”⁶⁴. Together, they give an indigenous Iranian background to the Greek legends about Homer’s Cimmerians who lived in the fumes of the extremity of the inhabited world (*cf. infra*). However, the uncertainties surrounding the composition of the Iranian oronym Damāvand itself give little credit to this last hypothesis.

In the end, we can only make a general assumption that *Korokondamè* was formed either from *Coracanda*/**Coroconda* or from its root, like other Indo-European names of the straits, and that it designated the heights dominating the entry into the Kuban Bosporus and the Kerch Bosporus.

3. The Cimmerian isthmus, trenches and walls: myth and possible realities

These hypothetical etymologies might help us to explain two obscure descriptions of the Cimmerian Bosporus. The ambiguity of the Iranian names related to a land “neck” or a water “throat” parallels the ambiguity of the words used by the Greeks to describe the same “gorges”. This vagueness allowed flexibility in the reinterpretation of the mental maps from one source to another, while the natural environment, the pattern of human habitation and the relationship between the Aegean center and the Bosporan periphery continued to evolve. If these Indo-Iranian meanings were known to the Greeks, they could influence the transformation of this “soft space” over time, by supporting new interpretations for the Cimmerian “isthmus” and “fortifications”.

3.3.1. *Aeschylus and the first passage of the cow*

The first example is the description of the Cimmerian Straits in Aeschylus’ *Prometheus Bound* (729–735). The geography of the play is complicated⁶⁵. In our opinion, the poet transposed the Asiatic itinerary of the southern shore of the Black Sea on the north-western, European coast of the *Pontus*, like in a mirror. However, we can easily follow Io, who generated the name of “cow-passage” (Bosporus), when she “reached the Cimmerian neck, precisely at the narrow gates of the swamp; with fearless heart” she “left behind the Maeotian channel” (ἰσθμὸν δ’ ἐπ’ αὐταῖς

⁶² Cheung 2007: 55–56, s. v. **damH*³.

⁶³ Eilers 1988; Hourcade, Tafazzoli 1993.

⁶⁴ Трубачев 1999: 9–14.

⁶⁵ From the rich bibliography on this topic, see Подосинов 2013.

στενοπόροις λίμνης πύλαις / Κιμμερικὸν ἤξεις, ὄν θρασυσπλάγγχνως σε χρῆ / λιπούσαν ἀλῶν' ἐκπερὰν Μαιωτικόν). The channel, “canyon” (ἀλῶνα) is certainly the Kerch waterway. But like in Strabo (11.2.5), the Cimmerian “neck, strait/ἰσθμόν” with the narrow gates of the *Maotis* corresponds either to the straits, or to the Taman archipelago. In fact, the Greek word ἰσθμός, meaning “short passage, neck, throat, straits”, describes a maritime channel (between two lands) but also a small firm passage — on land or, we could imagine it for this area, on icy ground during winter⁶⁶. Therefore, it is impossible to know if the poet was referring to the whole straits or only to a part and if he emphasises rather the water channels or the land bridges.

Both interpretations of the Cimmerian isthmus, of water and land, are attested: a more recent scholiast of Aeschylus (*e cod. Neapol. II.F.31, ad loc.*) identifies this isthmus with the land between two seas (τὴν μέσον Εὐξεινοῦ πόντου καὶ τῆς Μαιώτιδος γῆν, ὡς μέσον δύο θαλασσῶν οὔσαν), better consolidated in his time than several centuries before, when Aeschylus wrote his play. But the scholiasts of Dionysius Periegeta (167) knew that the Cimmerian isthmus was the separation — therefore the water — between Europe and Asia (ἰσθμόν δὲ λέγει τὸν κατ' ἐπίουσι διαιρούντα τῆς Εὐρώπης τὴν Ἀσίαν). This double explanation in later Greek and Byzantine times fits our hypothetical reconstruction of an Indo-European “throat” (**kork-*) of water and, later on, “neck” of (unstable) land, cut by *Coracanda* and overlooked by *Korokondamè*.

3.3.2. Strabo's Cimmerian isthmoi

When passing by *Kimmerikon* in Asia (to be located, in our opinion, in the region of Akhtanizovskaja 4, south of Peresyp'), Strabo (11.2.5) narrates the legend of the Cimmerians whose center of power extended on a peninsula beyond a land neck (τὸν ἰσθμόν) and who cut it by a trench and erected an earth mound (τάφρω καὶ χώματι) in order to defend themselves against the Scythians: τὸ δὲ Κιμμερικὸν πόλις ἦν πρότερον ἐπὶ χερρονήσου ἰδρυμένη, τὸν ἰσθμόν τάφρω καὶ χώματι κλείουσα. According to the most frequent paleogeographic reconstruction of the Taman archipelago in the 20th century, this trench and mound would have separated the so-called Fontalovskaja Peninsula to the north from the rest of our *Korokondamè* Island. Nonetheless, the geomorphological drillings of D. Kelterbaum confirmed that there was no water channel (so called Subbotin-Erik) in the valley. The small earth hill, usually interpreted as the “Cimmerian Wall” (fig. 15), has never been excavated: we do not know its real function nor construction date. It is however evident that, in antiquity, it could never have defended a settlement or the entire Fontalovskaja Peninsula.

When describing the Cimmerian trench and mound, Strabo or his source probably refers to the well-documented fortification systems in the hinterland of Pantikapaion, the capital of the Bosporan Kingdom which claimed the mythical past of the

⁶⁶ Cf. Finzenhagen 1939: 145.

Cimmerian warriors as part of its “intentional history”⁶⁷. The original homeland of the Cimmerians was situated in Europe, on the northern shore of the *Pontus*⁶⁸. In Roman times, the Cimmerian identity is still present in toponyms like the Cimmerian mountain (Strab. 7.4.3) near the European settlement of *Kimmerikon*, south of *Pantikapaion* (Ps.-Arr., *FGrHist* 2037 F79 Podossinov).

This system of ditches and hills cutting off a promontory had been the usual defence system of the Greek settlements of the Cimmerian Bosphorus from Archaic times onwards⁶⁹. Therefore, if Strabo’s Asiatic *Kimmerikon* is Akhtanizovskaja 4 and if Strabo thought that the Homeric Cimmerian *polis* should have been on the island, the fortifications of Akhtanizovskaja 4, still to be excavated in the northern part of *Phanagoreia* Island, could also have recalled the famous Cimmerian walls over an isthmus⁷⁰.

There is, however, a third possibility: the Cimmerian *τάφρος* (ditch) and the *χώμα* (“earth thrown up, mound, dyke, dam, spit of sand, silting up”) in Asia could be only a legend or a literary confusion. Strabo or his predecessors could have combined the Homeric myth of a Cimmerian *polis*, on a dark, volcanic island on the shore of the Ocean (*Odyssey* 11.14–22)⁷¹, with the memory of the Cimmerian walls in Europe, and with the historical reality of *Kimmerikon*, refounded by the Bosphoran kings at the end of the Hellenistic times in Akhtanizovskaja 4. The fortified Cimmerian isthmus, originally identified with the whole straits (as water channels) or with the neck of the Kerch peninsula in Eastern Crimea, could have been transposed on the Asiatic part of the straits. Whatever the reality of the Asiatic *τάφρος* (trench) and *χώμα* (dam), if our Iranian etymology of *Coracanda*, the “gorge” or the “trench/fortification of the gorge”, and of *Korokon-dam-è*, the “dam in the gorge” had an historic reality and if these meanings circulated in this area from Archaic to Hellenistic times, they could have nourished the Greek fantasy about a Cimmerian throat/neck (**kork-*/ισθμός), with a stronghold on an island, once totally cut from the mainland, at the end of the world.

CONCLUSION: FROM GEOSCIENCES TO ETYMOLOGY — NEW PERSPECTIVES ON ANCIENT PONTIC SPACES

Our geoarchaeological research throughout the Taman Peninsula helped us to reconstruct the first geoscientific maps of the ancient archipelago in the middle of the multi-channelled straits separating the Black Sea from the Sea of Azov. A comparison of these maps with the ancient texts allows us to identify Pomponius

⁶⁷ In the terms of Foxhall, Gehrke, Luraghi 2010; Gehrke 2014.

⁶⁸ Hdt. 4.1, 11–13, 28, 45; 7.20; Strab. 3.2.12, 7.4.3.

⁶⁹ Cf. *supra* n. 2.

⁷⁰ Cf. *supra* n. 13.

⁷¹ Ivantchik 2005; Подосинов 2015с; Подосинов 2016.

Mela's *Coracanda* with the Kuban Bosphorus, an old seaway in the eastern part of the Bosphorus Straits, progressively silted up by the Kuban Delta from late Hellenistic times onwards. *Korokondamè* was the rural territory in the southern part of *Phanagoreia* Island mentioned in the ancient geographical works of Artemidorus (quoted by Stephanus of Byzantium), Strabo, and Ptolemy; the name corresponds to a site which was dominating or obstructing the channels. This etymology fits the Greek *imaginaire* about the native land of the Cimmerians, the mysterious nomads who attacked Asia Minor in the time of "Homer". *Korokondamitis* is the Greek name of the lake between *Korokondamè* and *Coracanda*, corresponding today to the Bugaz, Zukur and the Kyzyltash lagoons. All these names are directly or indirectly derived from an Iranian stem corresponding to the Indo-European **kor(k)*-, the "throat/neck", probably translated by the Greeks as "ἰσθμός", the first and only ancient indigenous name of the Cimmerian Bosphorus.

BIBLIOGRAPHY

- Alekseeva 2002 — *Alekseeva E.M.* Gorgippia. Geschichte einer griechischen Polis an der Stelle der heutigen Stadt Anapa // Fornasier J., Böttger B. (Ed.). Das Bosphorische Reich. Der Nordosten des Schwarzen Meeres in der Antike. Mainz: Von Zabern, 2002. C. 92–112.
- Arnaud 1992 — *Arnaud P.* Les Relations maritimes dans le Pont-Euxin d'après les données numériques des géographes anciens (Pseudo-Scylax, Strabon, Pomponius Méla, Pline, Arrien, Anonyme de 500, Marcien d'Héraclée) // *Revue des Études Anciennes* (L'Océan et les mers lointaines dans l'Antiquité. Colloque Angers 24–26 mai 1991). 1992. No 94. C. 57–77.
- Arnaud 2005 — *Arnaud P.* Les Routes de la navigation antique. Itinéraires en Méditerranée. Paris: Errance, 2005.
- Arnaud 2019 — *Arnaud P.* Naviguer dans les Détroits // Des Boscs, Dejugnat, Haushalter 2019. C. 189–214.
- Asheri, Lloyd, Corcella 2007 — *Asheri D., Lloyd A., Corcella A.* A Commentary on Herodotus Books I–IV (Ed. O. Murray, A. Moreno). Oxford: University Press, 2007.
- Avram, Hind, Tsetskhladze 2004 — *Avram A., Hind J., Tsetskhladze G.* The Black Sea Area // Hansen M.H., Nielsen Th.H. (Ed.). An Inventory of Archaic and Classical Poleis. Oxford: University Press, 2004. C. 924–973.
- Bergstraesser 1914 — *Bergstraesser G.* *Pseudo-Galenii in Hippocratis de Septimamnis Commentarium ab Hunaino Q.F. Arabice Versum* 55. Teubner, 1914.
- Braund 2007 — *Braund D.* The Sindians of the Taman Peninsula ca. 400 BC: Polyaeus' Targitao, Numismatics and Demosthenes' Grandfather // Solovyov 2007. C. 17–21.

- Braund 2018 — *Braund D.* Greek Religion and Cults in the Black Sea Region: Goddesses in the Bosporan Kingdom from the Archaic period to the Byzantine era. Cambridge-New York: Cambridge University Press, 2018.
- Braund, Tsetsckhladze 1989 — *Braund D., Tsetsckhladze G.R.* The Export of Slaves from Colchis // *Classical Quarterly*. 1989. No 39. C. 114–125.
- Brückner *et al.* 2010 — *Brückner H., Kelterbaum D., Marunchak O., Porotov A., Vött A.* The Holocene Sea Level Story since 7500 BP — Lessons from the Eastern Mediterranean, the Black and the Azov Seas // *Quaternary International*. 2010. No 225. C. 160–179.
- Cairns 2011 — *Cairns F. C.* Cornelius Gallus and the River Hypanis // *Rivista di filologia e istruzione classica*. 2011. No 139. C. 326–338.
- Cheung 2007 — *Cheung J.* Etymological Dictionary of the Iranian Verb. Leiden-Boston: Brill, 2007.
- Cook 1952 — *Cook R.M.* A List of Clazomenian Pottery // *The Annual of the British School at Athens*. 1952. No 47. C. 123–152.
- Cook, Dupont 1998 — *Cook R.M., Dupont P.* East Greek Pottery. London-New York: Routledge, 1998.
- Dan 2013 — *Dan A.* The Black Sea as a Scythian Bow // M. Manoledakis (Ed.). Exploring the Hospitable Sea. Proceedings of the International Workshop on the Black Sea in Antiquity held in Thessaloniki, 21–23 September 2012 (BAR International Series 2498). Oxford: Archaeopress, 2013. C. 39–58.
- Dan 2015 — *Dan A.* Grecs et Perses sur les Détroits: le démon enchaîné et la démesure du Grand Roi // *Ancient West and East*. 2015. No 14. C. 191–235.
- Dan 2016 — *Dan A.* The Rivers Called Phasis // *Ancient West & East*. 2016. No 15 (Festschrift Alexandru Avram). C. 245–277.
- Dan 2018 — *Dan A.* Perceptions et représentations des fleuves dans l'Antiquité: quelques réflexions // Dan A., Lebreton S. (Ed.). Études des fleuves d'Asie Mineure dans l'Antiquité I. Arras: Presses Universitaires d'Arras, 2018. C. 23–75.
- Dan *et al.* 2016 — *Dan A., Gehrke H.-J., Kelterbaum D., Schlotzhauer U., Zhuravlev D.* Foundation Patterns on the Two Bosphorus: Some preliminary thoughts on how and why the Greeks settled on the Asiatic shores of the Black Sea Straits // Журавлев Д.В., Шлотцауер У. 2016. C. 109–120.
- De Vaan 2008 — *De Vaan M.* Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages. Brill: Leiden-Boston, 2008.
- Des Bosc, Dejugnat, Haushalter 2019 — *Des Bosc F., Dejugnat Y., Haushalter A.* (Ed.). Le détroit de Gibraltar (Antiquité — Moyen Âge) I: Représentations, perceptions, imaginaires. Madrid: Casa de Velázquez, 2019.
- Eilers 1988 — *Eilers W.* Der Name Demawend. Hildesheim-New York: G. Olms, 1988 (originally published during 1954–1969).
- Fähnrich 2007 — *Fähnrich H.* Kartwelisches Etymologisches Wörterbuch. Leiden-Boston: Brill, 2007.

- Finzenhagen 1939 — *Finzenhagen U.* Die geographische Terminologie des Griechischen, Inaugural-Dissertation. Berlin-Würzburg: Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin, 1939.
- Fouache *et al.* 2001 — *Fouache É., Porotov A., Müller Ch., Gorlov Y.* Le possible rôle de la néo-tectonique dans les variations relatives du niveau marin sur la presqu'île de Taman (Mer Noire, Mer d'Azov, Russie) // *Topoi*. 2001. No 11/2. C. 599–611.
- Fouache *et al.* 2004 — *Fouache É., Porotov A., Müller Ch., Gorlov Y.* The Role of Neo-Tectonics in the Variation of the Relative Mean Sea Level throughout the Last 6000 Years on the Taman Peninsula (Black Sea, Azov Sea, Russia) // *Polish Geological Institute Special Papers*. 2004. No 11. C. 47–58.
- Fouache, Müller 1998 — *Fouache É., Müller Ch.* Archéologie du paysage dans la péninsule de Taman // Clavel-Lévêque M., Vignot A. (Ed.), *Cité et territoire II. Colloque européen, Béziers, 24–26 octobre 1997*. Besançon-Paris: Les Belles Lettres, 1998. C. 141–153.
- Foxhall, Gehrke, Luraghi 2010 — *Foxhall L., Gehrke H.-J., Luraghi N.* (Ed.), *Intentional History: Spinning time in ancient Greece*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2010.
- Gehrke 2014 — *Gehrke H.-J.* Geschichte als Element antiker Kultur: die Griechen und ihre Geschichte(n) (Münchener Vorlesungen zu Antiken Welten 2). Berlin-Boston: De Gruyter, 2014.
- Giaime *et al.* 2016 — *Giaime M., Avnaim-Katav S., Morhange Ch., Marriner N., Rosstek F., Porotov A.V., Baralis A., Kaniewski D., Brückner H., Kelterbaum D.* Evolution of Taman Peninsula's Ancient Bosphorus Channels, South-West Russia: Deltaic progradation and Greek colonisation // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2016. No 5. C. 327–335.
- Golenko 2007 — *Golenko V.K.* Kimmerikon // *Grammenos, Petropoulos 2007*, II, C. 1057–1082.
- Grammenos, Petropoulos 2003–2007 — *Grammenos D.V., Petropoulos E.K.* (Ed.). *Ancient Greek Colonies in the Black Sea 1–2*, Thessaloniki-London, 2003–2007.
- Henderson 1991 — *Henderson J.* *The Maculate Muse. Obscene language in Attic comedy*. New York-Oxford: University Press, 1991².
- Herrmann 1928 — *Herrmann A.* Maiotis // *Real-Encyclopaedie der classischen Altertumswissenschaften*. No 27. 1928. Col. 590–592.
- Højte 2005 — *Højte J.M.* The Archaeological Evidence for Fish Processing in the Black Sea Region // *Bekker-Nielsen T.* (Ed.). *Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region*. Aarhus: University Press, 2005. C. 133–160.
- Hourcade, Tafazzoli 1993 — *Hourcade B., Tafazzoli A.* Damāvand // *Encyclopedia Iranica*. 1993. No 6.6. C. 627–631 (online <http://www.iranicaonline.org/articles/damavand>).
- Ivanchik 1993 — *Ivanchik A.I.* Les Cimmériens au Proche-Orient (Orbis Biblicus et Orientalis 127). Fribourg-Göttingen: Éditions universitaires-Vandenhoeck & Ruprecht, 1993.

- Ivantchik 2001 — *Ivantchik A.I.* Kimmerier und Skythen. Kulturhistorische und chronologische Probleme der Archäologie der osteuropäischen Steppen und Kaukasiens in vor- und frühskythischer Zeit (Steppenvölker Eurasiens 2). Moskau-Berlin: Paleograph Press, 2001.
- Ivantchik 2005 — *Ivantchik A.I.* Le Dêmos et la polis des Cimmériens dans l'*Odyssée* (XI, 14): le contenu de l'image épique // Kacharava D., Faudot M., Geny É. (Ed.). Pont Euxin et polis. Actes du Xe Symposium de Vani — 23–26 septembre 2002. Hommage à Otar Lordkipanidzé et P. Lévêque. Besançon: Presses Universitaires de Franche-Comté, 2005. C. 83–98.
- Jackson, Podossinov 2015 — *Jackson T.N., Podossinov A.V.* Place Names as Markers of Cultural Interaction: From the Greek Μαῶτις to the Old Norse Ellipaltar through Gothic mediation // *Byzantinoslavica. Revue internationale des études byzantines.* 2015. No 1. 73. C. 73–86.
- Kadioğlu *et al.* 2015 — *Kadioğlu M., Özbil C., Kerschner M., Mommsen H.* Teos im Licht der neuen Forschungen // Yalçın Ü., Bienert H.-D. (Ed.). Anatolien — Brücke der Kulturen. Aktuelle Forschungen und Perspektiven in den deutsch-türkischen Altertumswissenschaften. Tagungsband des Internationalen Symposiums „Anatolien — Brücke der Kulturen“ in Bonn vom 7. bis 9. Juli 2014 (Der Anschnitt, Beiheft 27). Bochum-Bonn: Deutsches Bergbau-Museum, 2015. C. 345–366.
- Kelterbaum *et al.* 2011 — *Kelterbaum D., Brückner H., Porotov A., Schlotzhauer U., Zhuravlev D.* Geoarchaeology of the Taman Peninsula (Kerch Strait, South-West Russia) — the Example of the Ancient Greek Settlement of Golubitskaya 2 // *Die Erde.* 2011. No 143. C. 235–258.
- Kerschner 2017 — *Kerschner M.* East Greek Pottery Workshops in the Seventh Century BC: Tracing Regional Styles // Charalambidou X., Morgan C. (Ed.). *Interpreting the Seventh Century BC Tradition and Innovation.* Oxford: Archaeopress, 2017. C. 100–113.
- Klimov 1998 — *Klimov G.A.* Etymological Dictionary of the Kartvelian Languages. Berlin-New York, Walter De Gruyter, 1998.
- Kroonen 2011 — *Kroonen, G.* The Proto-Germanic *N*-Stems: A study in diachronic morphophonology. Amsterdam-New York: Rodopi, 2011.
- Kroonen 2013 — *Kroonen, G.* Etymological Dictionary of Proto-Germanic (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series 11). Leiden-Boston: Brill, 2013.
- Kuznetsov 2003 — *Kuznetsov V.D.* Kepoi, Phanagoria, Taganrog // Grammenos, Petropoulos 2003, I, C. 895–955.
- Kuznetsov 2016 — *Kuznetsov V.* (Ed.). Phanagoria. Moscow, 2016.
- Lebreton 2016 — *Lebreton S.* Des représentations des Détroits // Dana M., Préteux F. (Ed.). *Identité régionale, identités civiques autour des Détroits des Dardanelles et du Bosphore (Ve siècle av. J.-C. — IIe siècle apr. J.-C.). Dialogues d'histoire ancienne Supplément 15.* 2016. C. 69–94.

- Lurje 2003 — *Lurje P.B.*, The Element -Kaθ/-Kand in the Place-Names of Transoxiana // *Studia Iranica*. 2003. No 32.2. C. 185–212.
- Marcotte 2019 — *Marcotte D.* De la physique à la géographie. Le cas des détroits dans la science grecque // *Des Boscs, Dejugnat, Haushalter* 2019. C. 121–131.
- Marquart 1910 — *Marquart J.* Καρυπαλόυκ, der “Skythische” Name der Maiotis // *Keleti Szemle/Revue orientale*. 1910. No 11. C. 1–26.
- Masson 1962 — *Masson O.* Les Fragments du poète Hipponax. Paris: Klincksieck, 1962.
- Mayrhofer 1986–2001 — *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindiarischen. Heidelberg: Carl Winter, 1986–2001.
- Moravcsik 1983 — *Moravcsik G.* Byzantinoturcica II. Sprachreste der Türkvölker in den Byzantinischen Quellen. Leiden: E.J. Brill, 1983.
- Müller 2010 — *Müller Ch.* D’Olbia à Tanaïs. Territoires et réseaux d’échanges dans la Mer Noire septentrionale aux époques classique et hellénistique (*Scripta Antiqua* 28). Bordeaux: Ausonius, 2010.
- Müller *et al.* 1998 — *Müller Ch., Fouache É., Gaibov V., Gorlov Y.* Péninsule de Taman (Russie méridionale) // *Bulletin de correspondance hellénique*. 1998. No 122.2. C. 643–654.
- Nikonov 2007 — *Nikonov A.A.* Sindian Cleft // *Solovyov* 2007. C. 94–98.
- Oettinger N. 1982 — *Oettinger N.* Die Dentalerweiterung von *n*-Stämmen und Heteroklitika im Griechischen, Anatolischen und Altindischen // *Tischler J.* (Ed.). *Serta Indogermanica: Festschrift für Günter Neumann*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität, 1982. C. 233–245.
- Oettinger N. 2001 — *Oettinger N.* Neue Gedanken über das *-nt*-Suffix // *Carruba O., Meid W.* (Ed.). *Anatolisch und Indogermanisch: Akten des Kolloquiums der Indogermanischen Gesellschaft, Pavia*. Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen der Universität, 2001. C. 301–315.
- Olsen 2004 — *Olsen B.A.* The Complex of Nasal Stems in Indo-European // *Clackson J., Olsen B.A.* (Ed.). *Indo-European Word Formation. Proceedings of the Conference Held at the University of Copenhagen October 20th–22nd 2000*. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2004. C. 215–248.
- Pallas 1801 — *Pallas P.S.* Observations faites dans un voyage entrepris dans les gouvernements méridionaux de l’Empire de Russie, dans les années 1793 et 1794. Leipzig, 1801.
- Panchenko 2005 — *Panchenko D.* Scylax of Caryanda on the Bosphorus and the Strait at the Pillars // *Hyperboreus*. 2005. No 11.2. C. 173–180.
- Pestalozza 1951 — *Pestalozza U.* Il mistero della melagrana sopravvivenze mediterranee nel culto di Hera a Micene // *Actes du Premier Congrès de la Fédération internationale des associations d’études classiques, Paris, 28 août-2 septembre 1950*. Paris: C. Klincksieck, 1951. C. 41–49.
- Podossinov 2013 — *Podossinov A.V.* Sea Straits in the Ancient World: their meaning and functions // *Tsetskhladze G.R., Atasoy S., Avram A., Dönmez Ş.* (Ed.),

- The Bosphorus: Gateway between the ancient West and East (1st millennium BC–5th century AD). Proceedings of the Fourth International Congress on Black Sea Antiquities, Istanbul, 14th–18th September 2009 (Bar International Series 2517). Oxford: Archaeopress, 2013. C. 3–6.
- Pokorny 1959–1969 — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern-München: Francke, 1959–1969.
- Schlottzhauer 2012 — *Schlottzhauer U.* Untersuchungen zur archaischen griechischen Keramik aus Naukratis // Schlottzhauer U., Weber S., Mommsen H. Griechische Keramik des 7. und 6. Jhs. v. Chr. aus Naukratis und anderen Orten in Ägypten (Archäologische Studien zu Naukratis 3). Worms: Wernersche Verlagsgesellschaft, 2012. C. 21–194.
- Schlottzhauer 2016 — *Schlottzhauer U.* New Thoughts about Early Fortifications in the Cimmerian Bosphorus // Журавлев, Шлотцаев 2016b. C. 101–108.
- Schlottzhauer et al. 2017 — *Schlottzhauer U., Žuravlev D., Dan A., Gehrke H.-J., Kelterbaum D., Mommsen H.* Interdisziplinäre Methoden in der Landschaftsarchäologie und andere archäometrische Untersuchungen am Beispiel der Griechischen Kolonisation im Nordpontus // Molodin V.I., Hansen S. (Ed.). Multidisziplinäre Methoden in der Archäologie: Aktuelle Ergebnisse und Zukunftsperspektiven. Materialien des Internationalen Symposium (von 22. bis 26. Juni 2015, Nowosibirsk). Nowosibirsk: IAET SA RAW Verlag, 2017. C. 392–404.
- Schlottzhauer, Zhuravlev 2013 — *Schlottzhauer U., Zhuravlev D.* Forschungen in der antiken Siedlung “Golubickaja-2” auf der südrussischen Taman'-Halbinsel. Archäologie — Geoarchäologie — Historische Interpretation // Eurasia Antiqua. 2013. No 19. C. 203–219.
- Schlottzhauer, Zhuravlev 2014 — *Schlottzhauer U., Zhuravlev D.* Greek Colonization in the Cimmerian Bosphorus: Russian-German Interdisciplinary Investigations in Southern Russia. // Twardecki A. (Ed.), Tyritake. Antique site at Cimmerian Bosphorus. Proceedings of the International Conference, Warsaw, 27–28 November 2013. Warschau: The National Museum, 2014. C. 203–219.
- Schramm 1973 — *Schramm G.* Nordpontische Ströme. Namenphilologische Zugänge zur Frühzeit des europäischen Ostens. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1973.
- Solovyov 2007 — *Solovyov S.L.* (Ed.), Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus 7th–1st Centuries BC. Proceedings of the International Conference October 2000, Taman, Russia. Oxford: Archaeopress, 2007.
- Stringer 2017 — *Stringer S.* Enigmatic *-nt-Stems: An investigation of the secondary -t- of the Greek neuter nouns in *-men- and *-r/n. Maîtrise. Université de Montréal, 2017.
- Tokhtas'ev 1991 — *Tokhtas'ev S.R.* Cimmerians // Encyclopedia Iranica. 1991. No 5.6. C. 563–567 (online <http://www.iranicaonline.org/articles/cimmerians-nomads>).

- Tokhtas'ev 2006 — *Tokhtas'ev S.R.* The Bosphorus and Sindike in the Era of Leukon 1 // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2006. No 12.1–2. С. 1–63.
- Tokhtas'jev 1996 — *Tokhtas'jev S.R.* Die Kimmerier in der antiken Überlieferung // *Hyperboreus* 1996. No 2. С. 1–46.
- Tolias 2017 — *Tolias G.* Représentations de l'espace, fin du Moyen Âge — époque modern // *Annuaire EPHE 2015–2016 (2017)*. No 148. С. 130–138.
- Tolias 2019 — *Tolias G.* Seuils de l'espace — seuils de pouvoir: les détroits dans la pensée cosmographique // Ferrer V., Millet O., Tarrête A. (Ed.). *La Renaissance au grand large: mélanges en l'honneur de Frank Lestringant (Travaux d'humanisme et Renaissance 600)*. Genève: Droz. 2019 (forthcoming)
- Tsetskhladze 2016 — *Tsetskhladze G.R.* Greeks in the Asiatic Bosphorus: New evidence and some thoughts // M. Manoledakis (Ed.), *The Black Sea in the Light of New Archaeological Data and Theoretical Approaches: Proceedings of the 2nd International Workshop on the Black Sea in Antiquity held in Thessaloniki, 18–20 September 2015*. Oxford: Archaeopress, 2016. С. 45–59.
- West 1971 — *West M.L.* Iambi et elegi Graeci ante Alexandrum cantati I. Archilochus, Hipponax, Theognidea. Oxonii: Typ. Clarendoniano, 1971.
- Абаев 1958–1995 — *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.–Л.: Академия наук СССР, Институт языкознания, Т. I, 1958; Т. II, 1973; Т. III, 1979; Т. IV, 1989; Т. V, Указатель, 1995.
- Алексеев, Качалова, Тохтасьев 1993 — *Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р.* Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб.: Издательство информационно-исследовательского института «Ермаков», 1993.
- Блаватский 1958 — *Блаватский В.Д.* Древнейшее свидетельство о Синдике // *Изследования в чест на академик Д. Дечев*. София: Българската академия на науките, 1958. С. 703–706.
- Бонгард-Левин, Кузнецов 2010 — *Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д.* (Ed.), *Античное наследие Кубани I–III*. М.: Российская академия наук, 2010.
- Бочковой, Булах, Данилин 2019 — *Бочковой В.В., Булах Е.Н., Данилин А.И.* Археологические раскопки северо-западной части поселения Волна I в 2017 г. (Раскоп XXII) // *Древности Боспора*. 2019. № 24. С. 63–71.
- Бушаков 1991 — *Бушаков В.А.* Почему Боспор стал Керчью? // *Русская речь*. 1991. № 1. С. 131–141.
- Виноградов 2002 — *Виноградов Ю.Г.* Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп: (процесс интеграции Синдики в Боспорскую державу по новелле Полиэна (VIII, 55) и вотивной эпиграмме из Лабриса) // *Вестник древней истории*. 2002. № 3. С. 3–22.
- Волкодав 2016 — *Волкодав Н.В.* (Ed.). *Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов: материалы археологической научной конференции (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Волна, апрель, 2016 г.)*. Краснодар, 2016.

- Волкодав 2017 — *Волкодав Н.В.* (Ed.). Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и Таманского терминала навалочных грузов (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Волна, ноябрь 2017 г.). Краснодар, 2017.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.
- Горончаровский 2011 — *Горончаровский В.А.* Синдика в период возведения Семибратних курганов // МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира Под редакцией профессора Э.Д. Фролова. 2011. № 10. С. 115–140.
- Журавлев 2015 — *Журавлев Д.В.* (Ed.) С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015.
- Журавлев et al. 2010 — *Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Камелина Г.А., Кельтербаум Д.* Поселение Стрелка 2 на Таманском полуострове (Предварительная информация) // Древности Боспора. 2010. № 14. С. 162–183.
- Журавлев et al. 2015 — *Журавлев Д., Дан А., Герке Х., Шлотцауер У., Кельтербаум Д.* Новые данные о географии Таманского полуострова в античное время // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Материалы международной конференции. Симферополь; Керчь, 2015. С. 107–116.
- Журавлев, Батасова, Шлотцауер 2019 — *Журавлев Д.В., Батасова А.В., Шлотцауер У.* Оборонительный ров поселения Голубицкая 2 // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований, Материалы международной научной конференции. Симферополь-Керчь, 2019. С. 183–192.
- Журавлев, Ломтадзе, Шлотцауер 2010 — *Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А., Шлотцауер У.* Памятники Северо-Восточной части Таманского полуострова // Бонгард-Левин, Кузнецов 2010. I. С. 556–580.
- Журавлев, Шлотцауер 2011 — *Журавлев Д.В., Шлотцауер У.* Греческая колонизация восточной части Таманского полуострова // Бухарин М.Д. (Ed.), *Scripta Antiqua*. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2011. № 1. С. 252–293.
- Журавлев, Шлотцауер 2014 — *Журавлев Д.В., Шлотцауер У.* Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове (2006–2013 гг.) // Журавлев Д.В., Шишлина Н.И. (Ed.), Государственный исторический музей и отечественная археология: к 100-летию отдела археологических памятников. Труды ГИМ 201. М.: Исторический музей, 2014. С. 150–186.

- Журавлев, Шлотцауер 2016a — Журавлев Д.В., Шлотцауер У. Древние элины между Понтом Эвксинским и Меотидой. К 10-летию Боспорской археологической экспедиции, М.: Исторический музей, 2016.
- Журавлев, Шлотцауер 2016b — Журавлев Д.В., Шлотцауер У. (Ed.). Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы международного круглого стола 7–8 июня 2016 г. М.: Исторический музей, 2016.
- Журавлев, Шлотцауер, Кельтербаум 2010 — Журавлев Д., Шлотцауер У., Кельтербаум Д. Новые данные о Таманском полуострове в VI в. до н. э. // Масленников А.А., Гаврилюк Н.А., Завойкин А.А. (Ed.). Συμβολα. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. 2010. № 1. С. 69–73.
- Журавлев, Шлотцауер, Фирсов 2016 — Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Фирсов К.Б. Исследования поселения Стрелка 2 в 2006–2015 гг. (предварительные результаты) // Журавлев Д.В., Шлотцауер У. 2016. С. 38–41.
- Завойкин 2017 — Завойкин А.А. «Боспор Кубанский» — остров — Гермонасса (заметки по исторической географии Таманского полуострова) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 21. С. 147–163.
- Зубарев 1999 — Зубарев В.Г. Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным письменной традиции // Древности Боспора. 1999. № 2. С. 139–145.
- Иванчик 1988 — Иванчик А.И. О происхождении 'киммерийской' топонимии Боспора // V Международный конгресс по фракологии. Международный симпозиум «Античная балканистика», Москва, 18–22 октября 1988 г. М., 1988. С. 14–15.
- Иванчик 2010 — Иванчик А.И. Античная литературная традиция // Бонгард-Левин, Кузнецов 2010. I. С. 318–359.
- Качарава, Квирквелия 1991 — Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Тбилиси: Издательство 'Мецниереба'. 1991.
- Кельтербаум, Журавлев, Шлотцауер 2016 — Кельтербаум Д., Журавлев Д., Шлотцауер У. Исследования в области палеогеографии Таманского полуострова // Журавлев, Шлотцауер 2016а. С. 21–27.
- Кеппен 1837 — Кеппен П. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. С.-Пб.: Типография Императорской Академии Наук, 1837.
- Кузнецов 2005 — Кузнецов В.Д. Клазоменская керамика из Фанагории // Древности Боспора. 2005. № 8. С. 267–275.
- Ломтадзе 2013 — Ломтадзе Г.А. Комплекс находок архаического времени из раскопок поселения Ахтанизовская 4 // Древности Боспора. 2013. № 17. С. 220–235.
- Ломтадзе 2015 — Ломтадзе Г.А. К вопросу о датировке оборонительных сооружений поселения Ахтанизовская 4 // Журавлев 2015. С. 151–163.

- Мимоход, Сударев, Успенский 2018 — *Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С.* Некрополь Волна-1 (2017 г.) // Энговатова А.В. (Ed.). Города, селища, могильники. Раскопки 2017 (Материалы спасательных археологических исследований 25). М.: Институт археологии РАН, 2018.
- Молев 2018 — *Молев Е.А.* Синдика и Боспор // *Кавказология*. 2018. № 2. С. 30–40.
- Мусбахова 2013 — *Мусбахова В.Т.* Прометей прикованный: Проблема авторства и датировки трагедии. СПб.: Нестор-История, 2013.
- Мусбахова 2014а — *Мусбахова В.Т.* Об одной Боспорской реминисценции Гиппонакта // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2014. № 17. С. 679–693.
- Мусбахова 2014b — *Мусбахова В.Т.* В поисках границы между Европой и Азией: Гекатей Милетский // *Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии: По материалам XVII чтений памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 22–23 декабря 2012 г. и XVIII чтений памяти Анны и Д.А. Мачинских (Старая Ладога, 21–22 декабря 2013 г.)).* СПб.: Нестор-История, 2014. С. 75–92.
- Мусбахова 2015 — *Мусбахова В.Т.* Обратное плавание аргонавтов в “Орфической Аргонавтике”: от Фасиса до Танаиса // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2015. № 19. С. 664–682.
- Мусбахова 2018 — *Мусбахова В.Т.* Два свидетельства о кораксах в Анонимном перипле Эвксинского Понта // Зуев В.Ю., Хршановский В.А. (Ed.). Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб.: Изд.-полиграф. центр СПб ГУ промышленных технологий и дизайна, 2018. Ч. II. С. 157–166.
- Новичихин 2017 — *Новичихин А.М.* Письменные источники о синдах и Синдике // *Археология и этнология Северного Кавказа*. 2017. № 7. С. 61–79.
- Подосинов 2013 — *Подосинов А.В.* Странствования Ио в «Прометее Прикованном» Эсхила и архаическая картина мира греков // *Аристей*. 2013. № 7. С. 20–45.
- Подосинов 2015а — *Подосинов А.В.* Танаис и «Боспор Кубанский» // *Аристей*. 2015. № 11. С. 310–313.
- Подосинов 2015b — *Подосинов А.В.* К вопросу об источниках Страбона в описании Северного Причерноморья // *Журавлев* 2015. С. 235–238.
- Подосинов 2015с — *Подосинов А.В.* Куда плывал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи. М.: Языки славянских культур, 2015.
- Подосинов 2016 — *Подосинов А.В.* Где находилась страна киммерийцев в «Одиссее»? // *Аристей*. 2016. № 14. С. 344–352.
- Подосинов 2018 — *Подосинов А.В.* Меотида — море, озеро, болото? (по данным

- Певтингеровой карты) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2018. № 22. С. 1032–1042.
- Подосинов 2019 — Подосинов А.В. Еще раз о Меотиде как озере // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Памяти Сергея Ремировича Тохтасьева (1957–2018). 2019. № 8. С. 309–329.
- Скаков 2019 — Скаков А.Ю. К вопросу о местонахождении Фасиса, расселении гениохов и локализации кораксов // Записки ИИМК РАН. 2019. № 21. С. 153–165.
- Соловьев, Бутягин 2002 — Соловьев С.Л., Бутягин А.М. Архаические комплексы поселения Волна 1 в окрестностях Гермонассы // Соловьев С.Л. (Ed.). Таманская Старина. 2002. № 4. С. 67–80.
- Суриков 2013 — Суриков И.Е. Некоторые соображения об исчезнувшем проливе Боспоре Синдском // Вестник древней истории. 2013. № 1. С. 167–176.
- Тохтасьев 2002 — Тохтасьев С.Р. Синдика // Таманская старина. 2002. № 4. С. 10–32.
- Тохтасьев 2015 — Тохтасьев С.Р. Синды и скифы // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. Труды Государственного Эрмитажа. 2015. № 5. 77. С. 426–439.
- Тохтасьев 2017а — Тохтасьев С.Р. Варварские племена, соседи греческих городов Боспора // Scripta antiqua: Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2017. № 6. С. 135–279.
- Тохтасьев 2017б — Тохтасьев С.Р. Еще раз о географии Таманского полуострова в древности // Аристей. 2017. № 16. С. 28–44.
- Трубачев 1999 — Трубачев О.Н. *Indoarica* в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999.
- Шапошников 2005 — Шапошников А.К. *Indoarica* в Северном Причерноморье. Памяти академика О.Н. Трубачева // Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 30–67.
- Шлотцауер 2016 — Шлотцауер У. К вопросу о начале импорта греческой расписной керамики на поселение Голубицкая 2 // Журавлев, Шлотцауер 2016b. С. 40–44.
- Яйленко 2017 — Яйленко В.П. Топонимика античного Крыма // Боспорские исследования. 2017. № 35. С. 3–88.

CORACANDA, KOROKONDAMĒ,

KOROKONDAMITIS:

Заметки о древнейших названиях

Боспора Киммерийского, Боспора Кубанского

и южной части «острова Тамань»

А. ДАН, Г. БРЮКНЕР, Г.-Й. ГЕРКЕ, Д. КЕЛЬТЕРБАУМ,

У. ШЛОТЦАУЭР, Д. ЖУРАВЛЕВ

Резюме: Опираясь на результаты геолого-археологической реконструкции древнего архипелага и рукавов Керченского пролива до времени расширения дельты Кубани, данная статья выдвигает ряд аргументов в пользу идентификации топонима *Coracanda* с «Кубанским Боспором», топонима *Корокондама* с пос. Волна 1 и южной частью «острова Тамань», а топонима *Корокондамитис* с лиманами Бугазским, Кизилташским и Цокур. Эти древнейшие названия, вероятно, восходят к описанию проливов в виде «шеи» в текстах Древнего Ирана, а также связаны с распространенными в этом регионе индоевропейскими топонимами, что могло способствовать закреплению киммерийского мифа, чрезвычайно важного для политического становления идентичности Боспорского царства.

Ключевые слова: Керчь, Боспорское царство, геоархеология, историческая география, топонимика, этимология, Страбон, Помпоний Мела, Плиний Старший, иранские языки, культурный трансфер.

Anca Dan,
Assistant research professor of Classics,
CNRS-Paris Sciences Lettres,
Archéologie et Philologie d'Orient et d'Occident,
École Normale Supérieure, 45 rue d'Ulm, 7
5005 Paris, France.
anca-cristina.dan@ens.fr;
<http://www.archeo.ens.fr/Dan-Anca-Cristina.html>

Helmut Brückner,
emeritus professor of Geography,
University of Cologne,
Mathematisch-Naturwissenschaftliche Fakultät,
Geographisches Institut,
Zülpicher Straße 45, 50674 Köln, Germany.
h.brueckner@uni-koeln.de;
<https://www.geographie.uni-koeln.de/14147.html>

Hans-Joachim Gehrke,
emeritus professor of Ancient History,
Director of Outreach, Seminar für Alte Geschichte,
Albert-Ludwigs-Universität Freiburg i. Br.,
Kollegiengebäude I — Platz der Universität 3,
79098 Freiburg, Germany.
hj.g.gehrke@gmail.com;
<http://www.altegeschichte.uni-freiburg.de/mitarbeiter/emeriti-1/hans-joachim-gehrke> ;
<http://www.hans-joachim-gehrke.de>

Daniel Kelterbaum,
lecturer of Geosciences, University of Cologne,
Mathematisch-Naturwissenschaftliche Fakultät,
Geographisches Institut, Rundbau, Raum 0.05,
Zülpicher Straße 45, 50674 Köln, Germany.
kelterbd@uni-koeln.de;
<https://www.geographie.uni-koeln.de/14151.html>

Udo Schlotzhauer,
senior research fellow in Classical Archaeology,
co-director of the German-Russian Taman collaborative project,
Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung,
Im Dol 2–6, Haus II, 14195 Berlin, Germany;
udo.schlotzhauer@dainst.de;
<https://dainst.academia.edu/UdoSchlotzhauer>

Denis Zhuravlev,
senior research fellow in Classical Archaeology,
chief of the Bosporan expedition
and co-director of the German-Russian Taman collaborative project,
State Historical Museum, Red Square, 1,
Moscow, 109012, Russia;
denzhuravlev@mail.ru;
<https://shm.academia.edu/DenisZhuravlev>

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ А.В. ПОДОСИНОВА

1975

1. Сведения Овидия о скифах и сарматах // Проблемы социально-экономической и политической истории СССР. М., 1975. С. 163–167.

1976

2. Античные (латинские) источники. Раннесредневековые (латиноязычные) источники (V–VIII вв.) // Древнейшие источники по истории народов СССР. Тематика и состав выпусков по Европейскому региону. М., 1976. С. 22–28, 43.
3. К семантике предлогов и наречий с пространственным значением в античной географической литературе // XIV Международная конференция античников социалистических стран «Эйрене». Тезисы докладов. Ереван, 1976. С. 336–338.
4. Скифы, сарматы и геты в «Tristia» и «Epistulae ex Ponto» Овидия // ДГ. М., 1976. С. 21–40.

1977

5. История географических представлений и исторический источник // Великий Октябрь и всемирно-исторический процесс. М., 1977. С. 196–199.
6. К проблеме достоверности сведений Овидия о скифах, сарматах и гетах // Проблемы социально-экономической истории СССР. М., 1977. Т. II. С. 177–191.

1978

7. К проблеме интерпретации античных историко-географических источников по истории народов СССР (Mela, I, 11–13) // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 17–28.
8. Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 22–45.

9. О принципах построения и месте создания «Списка русских городов дальних и ближних» // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 40–48.
10. Этнолингвистическая ситуация в Томи во время ссылки Овидия // XV Conférence internationale d'études classiques des pays socialistes «Eirene». Nessebar, 2–6 Octobre 1978. Résumés des communications. Sofia, 1978. P 74–76.

1979

11. Из истории античных географических представлений // ВДИ. 1979. No 1. С. 147–166.
12. К проблеме локализации скифских племен у Геродота // Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII–V вв. до н.э.)». Цхалтубо, 16–22. V. 1979. Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси, 1979. С. 62–64.
13. К проблеме пространственно-географической ориентации в античной географической литературе (на материале некоторых предлогов и наречий) // Проблемы античной истории и культуры. Доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран «Эйрене». Ереван, 1979. Т. I. С. 503–509.
14. О подготовке к изданию античной части «Свода древнейших источников по истории народов СССР» // Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII–V вв. до н. э.)». Цхалтубо, 16–22. V. 1979. Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси, 1979. С. 106–111.
15. Овидий и Дион Хрисостом о варваризации греческих городов Северо-Западного Понта в I в. н. э. // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1979. С. 19–32.
16. Проблемы изучения и издания латинских письменных источников по истории Колхиды // Вопросы изучения и издания письменных источников по истории Грузии. Всесоюзная научная сессия. 9–10 октября 1979 г. Кутаиси; Тбилиси, 1979. С. 48–50.

1980

17. К истории скифов в Добрудже. По сведениям Овидия // Симпозиум «Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология». 2–4 декабря 1980 г. М., 1980. С. 48–49.

18. Рец. на книгу: Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977 // ДГ. 1979 г. М., 1980. С. 255–261.
19. Рец. на книгу: Dreizehnter A. Die rhetorische Zahl: Quellenkritische Untersuchungen anhand der Zahlen 70 und 700. München, 1978 // ВДИ. 1980. No 2. С. 192–195.

1981

20. Овидий как источник по истории Западного Понта (Историографический обзор) // ВДИ. 1981. No 2. С. 174–194.

1982

21. Картография в Греции и Риме: К проблеме единства античной культуры // Concilium Eirene XVI. Proceedings of the 16th International Eirene Conference. Prague 31.8. — 4.9.1982. Prague, 1983. Vol. 1. P. 131–136.
22. Поэтический текст как исторический источник (на материале римской поэзии) // Актуальные проблемы изучения и издания письменных источников. Всесоюзная научная сессия, посвященная 60-летию образования СССР. Тезисы докладов. Тбилиси, 1982. С. 70–72.

1983

23. Die alten Sprachen in der UdSSR // Alten Sprachen in Rheinland-Pfalz und im Saarland. 1983. Jg. XXIX. Hft. 1. S. 15–17.

1984

24. О комплексном изучении истории античной картографии // Тезисы докладов совещания «Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней». М., 1984. С. 107–108.
25. Овидий и Причерноморье: Опыт источниковедческого анализа поэтического текста // ДГ. 1983 г. М., 1984. С. 8–178.
(Рец.: Скржинская М.В., Котляр Н.Ф. // История СССР. 1986. No 4. С. 120–121; Kaiser D.H. // Slavic review. 1986. Vol. 45. P. 317; Ryan W.F. // The Slavonic and East European Review. 1986. Vol. 64, 1. P. 158.)
26. Центральнo-азиатский фольклор на Балканах? (К интерпретации Ovid. Metam. XV, 356–360) // Античная балканистика. Карпато-балканский регион в диахронии. Предварительные материалы к международному симпозиуму. М., 1984. С. 34–35.
27. De nonnullis locis communibus in barbaris septentrionalibus describendis apud scriptores Latinos // Acta Treverica. Acta Omnium Centium ac Nationum

Conventus Quinti Latinis Litteris Linguaeque Fovendis anno 1981 Augustae Treverorum habiti. Leichlingae, 1984. P. 63–67.

1985

28. Выступление в дискуссии // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного Симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо—1982. Тбилиси, 1985. С. 442–447.
29. К проблеме сократовского диалога // Античная культура и современная наука. М., 1985. С. 21–26.
30. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. Тексты, перевод, комментарий. М., 1985 (Древнейшие источники по истории народов Европейской части СССР).
(Рец.: Braund D. // The Classical Review. New ser. 1988. Vol. XXXVIII, No 1. P. 28–30.)
31. Этнолингвистическая ситуация в Томи во время ссылки Овидия // Тракия 7. XV Международная конференция по классическим исследованиям «Ейрене». София, 1985. С. 84–90.
32. Die Antike in der russischen Dichtung des 19. Jahrhunderts (Übersetzungen antiker Dichter) // Antike in der Moderne. Konstanz, 1985 (XENIA. Konstanzer althistorische Vorträge und Forschungen. 15). S. 253–266.

1986

33. Выступление в дискуссии // Comité international des sciences historiques. XVI Congrès international des sciences historiques, Stuttgart, du 25 août au 1 septembre 1985. Actes. Stuttgart, 1986. Bd. III. P. 46–47.
34. Hellenen und Barbaren im nordlichen und westlichen Schwarzmeergebiet am Anfang u. Z. (Einige Betrachtungen zum Problem der «Barbarisierung» der griechischen Städte) // Die Antike und Europa. Zentrum und Peripherie in der antiken Welt. Resümes der 17. Internationalen EIRENE-Konferenz. B., 1986. S. 170–171.

1987

35. Ориентация по странам света. К истории пространственных представлений в Древней Греции // Тезисы докладов научных чтений, посвященных

- 90-летию со дня рождения А.И. Доватура (V Доватуровские Чтения). Л., 1987. С. 25.
36. Пространственная ориентация у древних народов как объект культурологического исследования // Тезисы докладов и сообщений научного совещания «Комплексные методы в исторических исследованиях». М., 1987. С. 143–145.
37. Ovids Dichtung als Quelle für die Geschichte des Schwarzmeergebiets (XENIA. Konstanzer althistorische Vorträge und Forschungen, 19). Konstanz, 1987.
(Рец.: Doruțiu-Boilă E. // Dacia. N.S. 1988. T. XXXII, 1–2. P. 246–247; von Ungern-Sternberg J. // Museum Helveticum. 1989. Bd. 46. S. 265–266; Mircović M. // Gnomon. 1989. Bd. 61, 3. S. 258–259; Fabre J. // Revue des Études Latines. 1989. T. 67. P. 312–313; Marcotte D. // L'Antiquité classique. 1989. T. LVIII. P. 340; della Corte F. // Maia. 1989. T. 41. P. 85; Braund D. // The Classical Review. 1989. Vol. 39. P. 141–142; Burian J. // Eirene. Studia graeca et latina. 1989. Vol. XXVI. S. 125–126; Cizek E. // Latomus. 1990. T. XLIX. P. 876–878; Petre Z. // Studii Clasice. 1991. T. XXVII. P. 25; Olshausen E. // Historische Zeitschrift. 1993. Bd. 257. S. 461–462.)

1988

38. Дакия и Сарматия на карте мира Марка Випсания Агриппы // Международный симпозиум «Античная балканистика». 6: Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этно-лингвистические и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны. 18–22 октября 1988 г. Тезисы докладов. М., 1988. С. 39–40.
39. К вопросу о венедах «Певтингеровой карты» // ВЕДС. М., 1988. С. 73–78.
40. О работе над сводом «Древнейшие источники по истории народов СССР» (античные источники) // Eirene. Studia Graeca et Latina. 1988. Vol. 25. P. 79–86.
41. О серии «Памятники исторической мысли» // Общественные науки. М., 1988. No 4 (56). С. 255–258 (на нем., англ., франц., португ. языках).
42. Сакральная ориентация по странам света в Древнем Риме // Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». Симферополь, 1988. С. 29–30.

1989

43. Рец. на книгу: Schuller W. Frauen in der römischen Geschichte. Konstanz, 1987 // ВДИ. 1989. No 2. С. 207–208.
44. Скифия и Боспор в римской хорографической традиции (исследования М.И. Ростовцева в свете современного источниковедения) // Скифия и

- Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева (Ленинград, 14–17 марта 1989 года). Новочеркасск, 1989. С. 26–27.
45. Традиции античной географии в «Космографии» Равеннского Анонима // ДГ. 1987 г. М., 1989. С. 248–256.
46. Die Reihe «Die ältesten Quellen zur Geschichte der Völker auf dem Territorium der UdSSR» // IX Congrès de la Fédération Internationale des Associations d'Études Classiques (FIEC). Instrumenta studiorum. Pisa, 24–30. VIII. 1989. Pisa, 1989.
47. Himmelsrichtung (kultische) // Reallexikon für Antike und Christentum. Stuttgart, 1989. Bd. 15. Sp. 233–286.

1990

48. XVIII Международная конференция «Эйрене» (Будапешт, 1988 г.) // ВДИ. 1990. No 1. С. 239–242 (в соавторстве с Е.С. Голубцовой и В.Н. Ярхо).
49. Венеды в позднеантичной латинской геокартографии // VI Международный Конгресс славянской археологии. Тезисы докладов советской делегации. М., 1990. С. 71–74.
50. Вопросы источниковедения при работе «на стыке наук» // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной конференции. Киев, 1990. С. 54–56.
51. Восточная Европа в «Космографии» Равеннского Анонима // ВЕДС. Проблемы источниковедения. М., 1990. С. 113–119.
52. Из истории римской картографии // Історія і культура античності. 3-і наукові читання пам'яті професора С.Я. Лур'є. Львів, 1990. С. 41–44.
53. Рец. на книгу: The History of Cartography. Vol. I. Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean / Ed. J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; London, 1987 // ВДИ. 1990. No 3. С. 205–216 (в соавторстве с Л.С. Чекиным).
54. Советское антиковедение в оценке современной историографии ФРГ (Заметки на полях одной книги) // История СССР в современной западной немарксистской историографии: Критический анализ. М., 1990. С. 113–124.
55. LINGUA LATINA. Введение в язык и культуру Древнего Рима. М., 1990. Вып. I (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
56. Neue Chancen für klassische Tradition in der Sowjetunion in der Vergangenheit und Gegenwart // Bulletin. Tijdschrift van de Vereniging Classici Nederland. 1990. Jaarg. 15. Nr. 50. S. 11–21.

1991

57. Дакия и Сарматия на карте мира Марка Випсания Агриппы // *Acta Associations International Terra antiqua Balcanica. Serdicae*, 1991. Т. VI. С. 156–161.
58. Картография в Византии // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. М., 1991. Т. II. С. 906–907.
59. О преподавании древних языков в средней школе (гимназии) // ВДИ. 1991. No 1. С. 91–94 (в соавторстве с А. ван Хофом).
60. О топонимике Северного Причерноморья на карте из Дурра-Европос // *Speculum Antiquitatis Graeco-Romanae. Studia Joanni Burian Sexagenario Oblata. Praha*, 1991. P. 309–322.
61. Овидий в ссылке: литературная фикция или исторический факт? // История и археология нижнего Подунавья. Материалы II-ой научно-практической конференции, посвященной памяти известных ученых А.И. Доватура, А.Н. Дейча и 450-летию первого упоминания г. Рени. 2–5 ноября 1991 г. Рени, 1991. С. 5–7.
62. Певтингерова карта // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. I: I–VI вв. С. 63–80.
63. «Записки о том, как было сохранено в Белоруссии общество Иисуса» // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1991. С. 163–171 (в соавторстве с С.Г. Яковенко).
64. Рец. на книгу: *The History of Cartography. Vol. I. Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean* / Ed. J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; London, 1987 // *Imago mundi*. 1991. Vol. 43. P. 112–123 (в соавторстве с Л.С. Чекиным).
65. *Etiam in scholis Russiae nunc Latine loquuntur...* Zur Wiederbelebung der klassischen Bildung in der Sowjetunion // *Mitteilungsblatt des Deutschen Altphilologenverbandes. Bamberg*, 1991. Bd. 4. S. 100–102.
66. *Julius Honorius* // *Lexikon des Mittelalters. München*, 1991. Bd. 5. S. 805–806.
67. *Kosmographie* // *Ibid.* S. 1458–1459.
68. Orientation of Old Maps (from the Ancient Times till the Early Middle Ages) // 14th International Conference on the History of Cartography. 14–19 June 1991 at Uppsala and Stockholm in Sweden. Abstracts. Stockholm, 1991. P. 24.

1992

69. Место латыни среди других дисциплин антиковедческого цикла в средней школе // Классическое наследие и современность. Материалы и тезисы конференции 9–11 декабря 1992 г. СПб., 1992. С. 84–85.
70. Ориентация древних карт (С древнейших времен до раннего средневековья) // ВДИ. 1992. No 4. С. 64–74.

71. Х. Хайнен. Эллинистический Египет в трудах М.И. Ростовцева // ВДИ. 1992. No 2. С. 163–179.
72. Die sakrale Orientierung nach Himmelsrichtungen im alten Griechenland // Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. 1990–1992. Т. XXXIII. S. 323–330.
73. LINGUA LATINA. Введение в язык и культуру Древнего Рима. М., 1992. Вып. I (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
74. LINGUA LATINA. Введение в язык и культуру Древнего Рима. М., 1992. Вып. II. (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).

1993

75. Античная история в европейских школьных учебниках (Конференция в Дельфах, 4–9 апреля 1992 г.) // ВДИ. 1993. No 2. С. 251–254.
76. Картография в Византии (К постановке проблемы) // ВВ. 1993. Т. 54. С. 43–48.
77. Новые пути возрождения классического образования в России. (О работе I летней русско-латинской школы и конференции «Классическое образование в России. История и перспективы. Чтения памяти святого митрополита Всея Руси Алексея (1354–1378)», Серпухов, 6–9 августа 1992 г.) // ВДИ. 1993. No 1. С. 232–234 (в соавторстве с Д.В. Сильвестровым).
78. О серии «Памятники исторической мысли» (К 20-летию основания серии) // Геродот. История в девяти книгах. М., 1993. С. 5–7.
79. Славянские этнонимы во «Франкской космографии» VII века // ВЕДС. Спорные проблемы истории. М., 1993. С. 65–66.
80. «Франкская космография» (Фрагмент о славянах) // ВЕДС. Спорные проблемы истории. М., 1993. С. 122–125.
81. Die Orientierung der alten Karten von den ältesten Zeiten bis zum frühen Mittelalter // Cartographica Helvetica. 1993. Nr. 7. S. 33–43.
82. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную культуру. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. М., 1993. Часть I (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
83. LINGUA LATINA. Введение в язык и культуру Древнего Рима. М., 1993. Вып. III (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).

1994

84. Античность и Россия // Древний мир глазами современников и историков. М., 1994. Часть I. Древний Восток. С. 262–269.
85. Греки и скифы на берегах Понта Эвксинского: Встреча двух цивилизаций // Древний мир глазами современников и историков. М., 1994. Часть II. Греция и Рим. С. 51–69.

86. Жизнь и смерть Митридата Евпатора // Древний мир глазами современников и историков. М., 1994. Часть II. Греция и Рим. С. 219–237.
87. Ориентация по странам света в древних культурах как объект историко-антропологического исследования // Одиссей. Человек в истории. Картина мира в народном и ученом сознании. 1994. М., 1994. С. 37–53.
88. Певтингерова карта // Свод древнейших письменных известий о славянах. Изд. 2-е, испр. М., 1994. Т. I: I–VI вв. С. 63–80.
89. Страна крепостей и каналов // Древний мир глазами современников и историков. М., 1994. Часть II. Греция и Рим. С. 124–135 (в соавторстве с Е.Б. Вагнер).
90. Эпиграфическая прогулка по Помпеям // Древний мир глазами современников и историков. М., 1994. Часть II. Греция и Рим. С. 134–145.
91. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную культуру. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. М., 1994. Часть II (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
92. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную культуру. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. М., 1994. Часть III (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).

1995

93. К вопросу об ориентации древнерусских церквей // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20–24 ноября 1995. СПб.; Псков, 1995. Часть 2: Христианство и древнерусская культура. С. 88–91.
94. «Космография» Равеннского Анонима // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. II: VII–IX вв. С. 401–405.
95. Ориентация по странам света у древних славян // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1994. Материалы научного семинара. Псков, 1995. С. 73–77.
96. Рим. Боги и герои. М., 1995.
97. Страны света в дохристианской картине мира восточных славян // ВЕДС. Язычество, христианство, церковь. М., 1995. С. 64–68.
98. Франкская космография // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. II: VII–IX вв. С. 398–400.
99. Эпиграфическая прогулка по Помпеям // Преподавание истории в средней школе. М., 1995. No 1. С. 40–44.
100. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную культуру. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. М., 1995. Часть IV. Хрестоматия латинских текстов. Книги 1–2.

1996

101. Керчь — город греческий, хазарский, русский (к происхождению названия) // ВЕДС. VIII: Политическая структура Древнерусского государства. М., 1996. С. 77–83.
102. Латинский язык в школе: История, задачи и методика преподавания. Методическое пособие к курсу LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную культуру. М., 1996.
103. Латинский язык и античная культура в современной гимназии // Гуманитарное образование в гимназии: Проблемы, концепции. М., 1996. С. 19–25 (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
104. Barbarisierte Hellenen — hellenisierte Barbaren: Zur Dialektik ethno-kultureller Kontakte in der Region des Mare Ponticum // Hellenismus. Beiträge zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters. Akten des Internationalen Hellenismus-Kolloquiums. 9.-14. März 1994 in Berlin. Tübingen, 1996. S. 415–425.
105. Was There Any Cartography in Byzantium? // Acts. XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. Selected Papers. Moscow, 1991 / Ihor Ševčenko and Gennady G. Litavrin. Shepherdstown, 1996. Vol. IV. Literature, Sources, Numismatics and History of Sciences. P. 287–292 (Byzantine Studies. NS. Suppl. 4).

1997

106. Еще раз о происхождении имени города Керчь // Античный мир. Византия. К 70-летию профессора В.И. Кадеева. Харьков, 1997. С. 155–171.
107. К вопросу о локализации Рипейских гор // Ладога и религиозное сознание. III чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 20–22 декабря 1997 г. Материалы к чтениям. СПб., 1997. С. 91–94.
108. Некоторые вопросы сакральной ориентации по странам света у древних германцев // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997. С. 38–46.
109. Психобиологические особенности человека как основа архаической картины мира // Категоризация мира: Пространство и время. Материалы конференции. М., 1997. С. 48–55.
110. Norway in Old Norse Literature: Some Considerations on the Specific Character of Scandinavian Spatial Orientation // 10th International Saga Conference. «Sagas and the Norwegian Experience». Preprints. Trondheim, 1997. P. 281–291 (в соавторстве с Т.Н. Джаксон).
111. Norway in Old Norse Literature: Some Considerations on the Specific Character

of Scandinavia Spatial Orientation // *Skandinavistik*. Kiel, 1997. Jg. 27. Heft 2. S. 85–97 (в соавторстве с Т.Н. Джаксон).

1998

112. Античная история и культура на уроках латинского языка в средней школе // Лицейское и гимназическое образование. 1998. No 3. С. 65–67.
113. Античная картография (факты и проблемы) // Вопросы истории. 1998. No 8. С. 61–70.
114. Восточная Европа в «Космографии» Юлия Гонория (IV–V вв.) // ВЕДС. М., 1998. X. С. 96–100.
115. К интерпретации символов евангелистов // Церковная археология. Вып. 4. Материалы Второй Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.В. Покровского (1848–1917). Санкт-Петербург, 1–3 ноября 1998. Спб., 1998. С. 256–258.
116. Латинско-русский словарь. М., 1998 (в соавторстве с А.А. Глуховым и Г.Г. Козловой).
117. Страны света в картине мира древних народов Северной и Восточной Европы // *Austervegr*. Восточный путь. Таллинн, 1998. No 4. С. 11–13.
118. Страны света в картине мира древних финно-угров // Староладожский сборник. Материалы I–V конференций «Северо-Западная Русь в эпоху средневековья: междисциплинарные исследования». Старая Ладога, 1994–1998. СПб.; Старая Ладога, 1998. С. 173–185.
119. Die Exil-Muse Ovids in russischer Dichtung des XX. Jahrhunderts (Mandelstam und Brodsky) // Ovid — Werk und Wirkung: Festgabe für Michael von Albrecht zum 65. Geburtstag / W. Schubert. Frankfurt / Main; B.; Bern; N.Y.; P.; Wien, 1998. S. 1061–1077.
120. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. М., 1998. Часть I. 2-е изд., испр. и доп. (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
121. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную культуру. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. М., 1998. Часть V. Грамматика латинского языка.
122. Russia // *Enciclopedia Oraziana*. Roma, 1998. Vol. III. P. 594–597.

1999

123. Античные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999. С. 21–68.

124. Избранная библиография работ по античной истории и источниковедению Северного Причерноморья // ДГ. 1996–1997 гг.: Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М., 1999. С. 373–391.
125. Итоги и перспективы изучения античной литературной традиции как источника по истории Северного Причерноморья // ДГ. 1996–1997 гг.: Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М., 1999. С. 3–6.
126. Латинско-русский словарь. 2-е изд., испр. М., 1999 (в соавторстве с А.А. Глуховым и Г.Г. Козловой).
127. О названии Волги в древности и раннем средневековье // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 8–10 сентября 1998 г. Казань, 1999. С. 36–52.
128. Хайнен Х. Афинский почетный декрет в честь Спартока III (IG, II2, 653) // ДГ. 1996–1997 гг.: Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М., 1999. С. 158–169.
129. Проблемы взаимоотношений варваров и греков в античном Северном Причерноморье (К вопросу о характере контактных зон) // ВЕДС. XI: Контакты, зоны контактов и контактные зоны. М., 1999. С. 8–15.
130. Пространственные представления древних тюрков по данным археологии, лингвистики, этнографии и письменных источников // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Тезисы докладов. V Международная конференция. Новосибирск, 1999. Часть III. С. 52–53.
131. Северо-Восточная Европа в «Космографии» Равеннского Анонима // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 227–236.
132. Черное море в картографической традиции античности и раннего средневековья // ДГ. 1996–1997 гг.: Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М., 1999. С. 237–252.
133. EX ORIENTE LUX! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.
(Рец.: Джаксон Т.Н. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. No 4. С. 239–242.)
134. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. М., 1999. Часть I. 3-е изд., испр. и доп. (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
135. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. М., 1999. Часть V. Грамматика латинского языка. 2-е изд., испр.
136. Отв. ред.: ДГ. 1996–1997 гг.: Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М., 1999 (25 п.л.).

(Рец.: Hind J.G.F. // Northern Pontic Antiquities in the State Hermitage Museum / J. Boardman, S. Solovyov, G.R. Tsetschladze. Leiden; Boston; Köln, 2001. P. 296–301; Banari V. // Thetis. Mannheimer Beiträge zur Klassischen Archäologie und Geschichte Griechenlands und Zyperns. Mannheim, 2001. Bd. 8. S. 341–344.)

2000

137. Еще раз о древнейшем названии Волги // ДГ. 1998 г.: Памяти А.П. Новосельцева. М., 2000. С. 230–239.
138. К находке древнейшей географической карты античности // ВДИ. 2000. No 3. С. 122–125.
139. Легенды об основании греческих колоний Северного Причерноморья: историческое предание и/или литературная фикция // ВЕДС. XII: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 126–133.
140. Норвегия глазами древних скандинавов: к вопросу о специфике древнескандинавской ориентации по странам света // Другие средние века: К 75-летию А.Я. Гуревича. М.; СПб., 2000. С. 113–132 (в соавторстве с Т.Н. Джаксон).
141. Проблемы исторической географии Восточной Европы (античность и раннее средневековье). The Edwin Mellen Press. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000 (Russian Studies in World History and Culture. Vol. 2).
142. Рец. на книгу: The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology. Stuttgart, 1998 // ВДИ. 2000. No 4. С. 191–197.
143. Русско-латинский словарь. М., 2000 (в соавторстве с А.М. Беловым).
144. (Рец.: Белова О.В. // Славяноведение. 2001. No 4. С. 98–103.)
145. Die geographische Karte im Dienste des antiken Staates? // Bürgersinn und staatliche Macht in Antike und Gegenwart: Festschrift für Wolfgang Schüller zum 65. Geburtstag / M. Dreher. Konstanz, 2000. S. 225–240.
146. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. М., 2000. Часть I. Первый год обучения. 4-е изд., испр. и доп. (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
147. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. М., 2000. Часть II. 2-е изд., испр. и доп. (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
148. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. М., 2000. Часть V. Грамматика латинского языка. 3-е изд., испр.
149. Über die Namen der bosporanischen Städte Pantikapaion (Panticapaeum) und Phanagoria in den ersten nachchristlichen Jahrhunderten // Civilisation

grecque et cultures antiques périphériques. Hommage à Petre Alexandrescu à son 70e anniversaire / A. Avram, M. Babeş. Bucarest, 2000. S. 150–158.

2001

150. Волга в картографии античности и средневековья // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 28–29 августа 2000 г. Казань, 2001. С. 92–99.
151. К вопросу о зооантропоморфных символах в архаической модели мира (Landvoettir в «Cage об Олаве Трюггвасоне» Снорри Стурлусона) // ВДИ. 2001. No 4. С. 149–167 (в соавторстве с Т.Н. Джаксон).
152. Крым и Керченский пролив в античной картографии // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2001. Ч. 2. С. 231–234.
153. Крымский полуостров в античной и средневековой западноевропейской картографии // Норна у источника Судьбы. Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой. М., 2001. С. 304–312.
154. Латинско-русский словарь. 3-е изд., испр. М., 2001 (в соавторстве с А.А. Глуховым и Г.Г. Козловой).
155. Миграции племен в Восточной Европе по данным «Космографии» Равеннского Анонима // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. Пятые чтения памяти Анны Мачинской. Материалы к чтениям. СПб., 2001. С. 12–14.
156. Русско-латинский словарь. 2-е изд. М., 2001 (в соавторстве с А.М. Беловым).
157. Das Schwarze Meer auf der Tabula Peutingeriana // Second International Congress on Black Sea Antiquities. Local Populations of the Black Sea Littoral and their Relations with the Greek, Roman and Byzantine World and Near Eastern Civilisations. Abstracts. Ankara, 2001. S. 52–53.
158. Teaching Latin in Russia: Modern Situation and Perspective // L'insegnamento del Latino nei paesi dell'Europa orientale: Attualità e prospettive. P., 2001. P. 83–87, 197–198.

2002

159. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

- (Рец.: Janni P. // *Geographia antiqua*. 2003. Vol. XII. P. 155–157; Замятин Д.М. // ВДИ. 2004. No 3. С. 214–217 и *Славяноведение*. 2005. No 2. С. 116–119; Hind J.G.F. // *Ancient West & East*. 2005. Vol. 4, 2. P. 497–499.)
160. Латинско-русский словарь. 4-е изд., испр. М., 2002 (в соавторстве с А.А. Глуховым и Г.Г. Козловой).
161. «Мнимые реальности» в античных представлениях о Восточной Европе // ВЕДС. XIV: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. М., 2002. С. 183–191.
162. Рец. на книгу: Чекин Л.С. Картография христианского средневековья. VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., «Восточная литература», 1999 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы) // Средние века. 2002. Вып. 63. С. 420–428.
163. Русско-латинский словарь. 3-е изд., испр. М., 2002 (в соавторстве с А.М. Беловым).
164. Спросите у Цицерона: Латынь как атрибут классического образования // Учительская газета. 2002. No 49.
165. Am Rande der griechischen Oikumene: Geschichte des Bosporianischen Reiches // Das Bosporianische Reich: Der Nordosten des Schwarzen Meeres in der Antike / J. Fornasier und B. Böttger. Mainz am Rhein, 2002 (Antike Welt. Sonderband) (Zaberns Bildbände zur Archäologie). S. 21–38.
166. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную культуру. Часть IV. Книга 3. Хрестоматия латинский текстов — комментарии. М., 2002 (в соавторстве с Г.Г. Козловой и М.С. Касьян).
167. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. М., 2002. Часть I. Первый год обучения. 5-е изд., испр. (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
168. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. М., 2002. Часть II. Второй год обучения. 3-е изд., испр. (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).

2003

169. Авторское начало в античных географических произведениях // ВЕДС. XV: Автор и его текст. М., 2003. С. 198–205.
170. Античное Северное Причерноморье в свете последних зарубежных публикаций (библиографический обзор) // ДГ. 2001 г.: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 358–376.
171. Античные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. 2-е изд. М., 2003. С. 21–68.

172. Константинополь на Певтингеровой карте (к вопросу о картографии в Византии) // Историческая роль Константинополя (в память о 550-летию падения византийской столицы). Тезисы докладов XVI Всероссийской научной сессии византинистов. М., 29–30 мая 2003 года. М., 2003. С. 88–94.
173. Международные коллоквиумы «Преподавание латинского языка в Восточной Европе: Актуальное положение и перспективы» (7–9 июля 2000 г., г. Триест) и «Преподавание латинского языка в Европе» (23–24 ноября 2001 г., г. Удине) // ВДИ. 2003. No 1. С. 185–187.
174. Новые работы по истории древней картографии // ДГ. 2001 г.: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 340–357.
175. Об одном тексте религии бон // Homo Historicus. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. В двух книгах. М., 2003. Кн. I. С. 524–528.
176. Овидий в поэзии Мандельштама и Бродского: Парадоксы рецепции // Scripta Gregoriana. Сборник в честь 70-летия академика Г.М. Бонгард-Левина. М., 2003. С. 320–339.
177. Cardinal points in the Weltbild of medieval Scandinavians: Semantics of the 'east' // Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Михаила Ивановича Стеблин-Каменского. 10–12 сентября 2003 г. СПб., 2003. С. 296–300 (в соавторстве с Т.Н. Джаксон).
178. Das Schwarze Meer in der geokartographischen Tradition der Antike und des frühen Mittelalters. I. Lokalisierung von Trapezus // Ancient West & East. 2003. Vol. 2, 2. S. 308–324.
179. Die antiken Geographen über sich selbst und ihre Schriften // Antike Fachschriftsteller: Literarischer Diskurs und sozialer Kontext / M. Horster, Chr. Reitz. Stuttgart, 2003. S. 88–104.
180. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Часть I. Первый год обучения. 6-е изд. М., 2003 (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
181. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Часть II. Второй год обучения. 4-е изд. М., 2003 (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
182. The famous landvættir episode (OITrygg33): A paradox of Icelandic religious consciousness? // Scandinavia and Christian Europe in the Middle Ages. Papers of the 12th International Saga Conference. Bonn/Germany, 28th Juli — 2nd August 2003 / R. Simek, J. Meurer. Bonn, 2003. P. 244–249 (в соавторстве с Т.Н. Джаксон).

2004

183. Категория времени в античной этногеографии: к истокам исторической географии // ВЕДС. XVI: Время источника и время в источнике. М., 2004. С. 151–157.
184. Латинско-русский и русско-латинский словарь. М., 2004 (в соавторстве с А.М. Беловым, А.А. Глуховым и Г.Г. Козловой).
185. Латынь — мать европейских языков. *Lingua Latina est mater linguarum Europae*: Мультилингвальный школьный словарь / Под общ. ред. С.В. Арзуманян и А.В. Подосинова. М., 2004.
186. Литургическое движение в сакральном пространстве: об античных истоках восточнохристианской обрядности // Иеротопия. Исследования сакральных пространств. Материалы международного симпозиума. М., 2004. С. 52–54.
187. Марк Туллий Цицерон. Первая речь против Катилины (Введение, латинский текст, русский перевод, комментарий). М., 2004. Препринт (Общ. ред., пер. и коммент. в соавторстве с несколькими участниками проекта).
188. Семантика востока в картине мира древних скандинавов // MUNUSCULA. К 80-летию А.Я. Гуревича. М., 2004. С. 86–99 (в соавторстве с Т.Н. Джаксон).
189. *Das Schwarze Meer in der geokartographischen Tradition der Antike und des frühen Mittelalters. II. Die Halbinsel Krim, das Asowsche Meer und die Straße von Kertsch* // *Ancient West & East*. 2004. Vol. 3, 2. S. 338–353.
190. Jurij Germanovič Vinogradov // *Gnomon*. München, 2004. Bd. 76. S. 93–94.
191. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Часть I. Первый год обучения. 7-е изд. М., 2004 (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
192. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Часть V. Грамматика латинского языка. 4-е изд. М., 2004.

2005

193. Азовское море в античной, в средневековой европейской и в арабской картографии // *Ad fontem*. У источника. Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 108–119 (в соавторстве с Т.М. Калининой).
194. Античные и раннесредневековые представления о речных путях, соединяющих бассейны Балтийского и Черного морей // ДГ. 2003 г.: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 192–208.

195. Индийцы на Севере Европы? (Несколько замечаний к Mela, III, 45) // ВЕДС. XVII Чтения памяти В.Т. Пашуто. IV Чтения памяти А.А. Зимина: Проблемы источниковедения. М., 2005. Ч. I. С. 29–33.
196. К вопросу о направлении кругового движения в древнегреческих процессах // Сборник научных трудов ΣΤΕΦΑΝΟΣ. М., 2005. С. 319–330.
197. Круиз по античному миру // Всемирный следопыт. 2005. No 21. С. 35–41.
198. Латынь — мать европейских языков. *Lingua Latina est mater linguarum Europaе*: Мультилингвальный школьный словарь. Составлен учащимися Первой Московской гимназии / Под общ. ред. С.В. Арзуманян и А.В. Подосинова. 2-е расшир. и испр. изд. М., 2005.
199. Письменный источник и археология (на примере Борисфенитской речи Диона Хрисостома) // Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции. СПб., 2005. С. 9–16.
200. Публий Вергилий Марон. Первая книга «Энеиды» / Под общ. ред. А.В. Подосинова. М., 2005.
201. Die Flußverbindungen zwischen dem Baltischen und dem Schwarzen Meer nach Angaben der antiken, mittelalterlichen und arabischen Kartographie // Third International Congress on Black Sea Antiquities (Pontic Congress). The Black Sea Area and its Relationship with Ancient Central and Eastern Europe (1st Millenium BC — 5th Century AD) (Prague — 11–18 September 2005). Abstracts of Papers and Posters. Prague, 2005. S. 44–45.

2006

202. Из чего состоит наш язык? Иностранные слова в русском языке / Под ред. С.В. Арзуманян и А.В. Подосинова. М., 2006.
203. Карта и текст: два способа репрезентации географического пространства в античности и средневековье // ВЕДС. XVIII: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. М., 2006. С. 153–159.
204. Латинский язык в «Лиге Школ» // Книга о московской школе No 1199. Сб. статей. М., 2006. С. 82–97.
205. Латинско-русский и русско-латинский словарь. 2-е изд., испр. М., 2006 (в соавторстве с А.М. Беловым, А.А. Глуховым и Г.Г. Козловой).
206. Легенды об основании греческих колоний Северного Причерноморья: Историческое предание и/или литературная фикция // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VIII вв. до н. э. Материалы международной научной конференции. Тамань (Россия), октябрь 2000. СПб., 2006. С. 138–141.
207. Место латинского языка в цикле гуманитарного школьного образования // Вопросы образования. 2006. №. 4. С. 192–199.

208. Публий Вергилий Марон. Первая книга «Энеиды» / Под общ. ред. А.В. Подосинова. Изд. 2-е, расшир. и испр. М., 2006.
209. Рец. на книгу: A.S. Christensen. Cassiodorus, Jordanes and the History of the Goths. Studies in a Migration Myth, Museum Tusulanum Press, Copenhagen 2002, X+391 pp. // *Ancient West & East*. 2006. Vol. 5. P. 332–334.
210. «Это Иерусалим! Я поставил его среди народов...» О месте Иерусалима на средневековых картах // *Новые Иерусалимы. Перенесение сакральных пространств в христианской культуре. Материалы международного симпозиума*. М., 2006. С. 30–34.
211. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Часть I. Первый год обучения. 8-е изд. М., 2006 (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).

2007

212. Гидрография Восточной Европы в античной и средневековой геокартографии // Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. С. 14–97.
213. К вопросу о локализации острова Ахилла // *Боспорский феномен: Сакральные смыслы региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции*. СПб., 2007. Ч. 2. С. 5–12.
214. Карта мира на службе правителя (о пропагандистской роли карт в древнем Риме) // *ВЕДС. XIX: Политические институты и верховная власть*. М., 2007. С. 191–196.
215. Латинско-русский и русско-латинский словарь. 3-е изд. М., 2007 (в соавторстве с А.М. Беловым, А.А. Глуховым и Г.Г. Козловой).
216. О пропедевтической функции преподавания языка эсперанто в средней и высшей школе // *Эсперанто — наилучшая пропедевтика (по материалам Международной конференции 13 апреля 2007 г. в Москве)*. М., 2007. С. 133–135.
217. Публий Вергилий Марон. Первая книга «Энеиды» / Под общ. ред. А.В. Подосинова. М., 2007.
218. Flussverbindungen zwischen dem Baltischen und dem Schwarzen Meer nach den Angaben der antiken, mittelalterlichen und arabischen Kartographie: Zusammenfassung // *Studia Hercynia*. 2007. T. XI. P. 123–124.
219. Greeks and Iranians in Olbia region in the first centuries AD // *International and Interdisciplinary*.

220. Conference “Scythians, Sarmatians, Alans: Iranian-Speaking Nomads of the Eurasian Steppes”. Barcelona, 2007. P. 45.
221. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Часть I. Первый год обучения. 9-е изд. М., 2007 (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).

2008

222. Великая степь в средневековье // Туран на старинных картах: Образ пространства — Пространство образов. Алматы; М., 2008. С. 66–101.
223. Иерусалим — центр мира // Туран на старинных картах: Образ пространства — Пространство образов. Алматы; М., 2008. С. 22–35.
224. Как Александр Македонский оказался на Дону? (Пространство пути и пространство карты) // ВЕДС. XX: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2008. С. 176–182.
225. Морские проливы в античной картине мира: их значение и функции // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции. М., 2008. С. 361–363.
226. Новонайденная поздневизантийская карта мира и некоторые проблемы истории древней картографии // История наук о Земле: исследования, этапы развития, проблемы. Материалы Международной научной конференции (М., 25–27 ноября 2008 г.). Сборник. М., 2008. С. 86–87.
227. О чтении, переводе и издании латинских авторов в средней школе // *Discipuli magistro* / Н.П. Гринцер, Д.О. Торшилов (*Orientalia et classica XV*). С. 473–481.
228. Первая речь Цицерона против Катилины // *Discipuli magistro* / Н.П. Гринцер, Д.О. Торшилов (*Orientalia et classica XV*). С. 482–489.
229. Племена Великой степи // Туран на старинных картах: Образ пространства — Пространство образов. Алматы; М., 2008. С. 44–57.
230. Пространственные представления тюрков // Туран на старинных картах: Образ пространства — Пространство образов. Алматы; М., 2008. С. 58–65.
231. Публий Вергилий Марон. Первая песнь «Энеиды» // *Discipuli magistro* / Н.П. Гринцер, Д.О. Торшилов (*Orientalia et classica XV*). С. 500–510.
232. Рец. на книгу: Ptolemaios. Handbuch der Geographie. Griechisch-Deutsch. Einleitung, Text und Übersetzung, Index. 1.-2. Teil. / Hrsg. von A. Stückelberger und G. Graßhoff. Unter Mitarbeit von E Mittenhuber, R. Burri, K. Geus, G. Winkler, S. Ziegler, J. Hindermann, L. Koch, K. Keller. Basel, 2006. 1. Teil. Einleitung und Buch 1–4; 2. Teil. Buch 5–8 und Indices // ВДИ. 2008. No 1. С. 218–222.

233. Туран и его место в пространстве и времени // Туран на старинных картах: Образ пространства — Пространство образов. Алматы; М., 2008. С. 36–43.
234. Цветовая символика стран света в Древнем Китае // Туран на старинных картах: Образ пространства — Пространство образов. Алматы; М., 2008. С. 320–323.
235. Das Schwarze Meer in der geokartographischen Tradition der Antike und des frühen Mittelalters. III. Die Flußverbindungen zwischen dem Baltischen und dem Schwarzen Meer nach Angaben der antiken, mittelalterlichen und arabischen Geokartographie // *Ancient West & East*. 2008. Vol. 7. P. 107–134.
236. *Disciplina Etrusca* и процессии в Риме // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2008. Т. VI. С. 53–72.
237. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Часть I. Первый год обучения. 10-е изд. М., 2008 (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
238. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Часть III. Третий год обучения. 2-е изд. М., 2008 (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
239. Newly found Byzantine world map of the 15th century // 14. Kartographiehistorisches Colloquium. Hamburg. 6.-8. November, 2008. Abstracts. Hamburg, 2008. P. 20.

2009

240. Агафемер. Очерк географии. Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарий // Труды кафедры древних языков. Вып. II (К 75-летию Исторического факультета МГУ и 60-летию кафедры) / Отв. ред. А.В. Подосинов. М., 2009 (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 44; Сер. III: Instrumenta studiorum: 18). С. 167–181.
241. Архетипы восприятия пространства у homo sapiens // Проблемы истории древнего мира и раннего средневековья. Межвузовский сборник. Алматы, 2009. Вып. 1. С. 305–317.
242. Введение // Силий Италик. Пуника (поэма о Второй Пунической войне). Книга Первая. М., 2009. С. 5–12.
243. Великие греческие кифареды на гастролях в Пантикапее? // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: Материалы международной конференции. СПб, 2009. С. 89–92.
244. Время и пространство в архаической картине мира // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы). М., 2009. С. 362–376.

245. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М., 2009. Т. I. Античные источники.
246. Игорь Сергеевич Чичуров (2 июня 1946–7 июля 2008) // Труды кафедры древних языков. Вып. II (К 75-летию Исторического факультета МГУ и 60-летию кафедры) / Отв. ред. А.В. Подосинов. М., 2009 (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 44; Сер. III: Instrumenta studiorum: 18). С. 17–21.
247. Литургическое движение в сакральном пространстве: Об античных истоках восточнохристианской обрядности // Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2009. С. 50–65.
248. Марк Туллий Цицерон. Первая речь против Катилины. Латинский текст, русский перевод, введение, комментарий и приложение под общей редакцией А.В. Подосинова. М., 2009.
249. Мифы и легенды древнего Рима // Большая хрестоматия легенд и мифов. М., 2009. С. 379–423.
250. «Очерк географии» Агафемера и его источники // ВЕДС. XXI: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. М., 2009. С. 268–274.
251. Предисловие // Труды кафедры древних языков. Вып. II (К 75-летию Исторического факультета МГУ и 60-летию кафедры) / Отв. ред. А.В. Подосинов. М., 2009 (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 44; Сер. III: Instrumenta studiorum: 18). С. 5–7.
252. Публий Вергилий Марон. Первая книга «Энеиды» / Под общей редакцией А.В. Подосинова. 2-е изд., испр. М., 2009.
253. Силий Италик. Пуника (поэма о Второй Пунической войне). Книга Первая / Под общей редакцией А.В. Подосинова. М., 2009.
254. «Это Иерусалим! Я поставил его среди народов...». О месте Иерусалима на средневековых картах // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2009. С. 11–34.
255. Barbarians and Greeks in the Northern Pontus in the Roman Period: Dio Chrysostom's Account of Olbia and Archaeology // Ancient West & East. 2009. Vol. 8. P. 147–168.
256. Europe as an Island in Ancient and Medieval Geocartography // 14th International Conference of Historical Geographers. 23rd — 27th August 2009, Kyoto. Kyoto University, 2009. P. 82.
257. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. М., 2009. Часть I. Первый год обучения. II-е издание (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
258. Review: Bernstein F. Konflikt und Migration. St Katharinen, 2004. 274 pp., maps // Ancient West & East. 2009. Vol. 8. P. 313–315.

259. *Sea Straits in the Ancient World Picture: Their Meaning and Functions // 4th International Congress on Black Sea Antiquities. The Bosphorus: Gateway between the Ancient West and East (1st Millennium BC — 5th Century AD) (Istanbul — 14–18 September 2009). Summaries of Papers / Gocha R. Tsetskhladze. Istanbul, 2009. P. 75–76.*
260. *Zur Ausrichtung antiker kultischer Umzüge // Die Landschaft und die Religion. Stuttgarter Kolloquium zur Historischen Geographie des Altertums. 9. 2005 / E. Olshausen und V. Sauer. Stuttgart, 2009. S. 240–257 (Geographica Historica. Bd. 26).*
261. Гл. ред.: Новый Гермес. Вестник классической филологии и археологии. 2009. № 3.
262. Отв. ред.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. I (совм. с Т.Н. Джаксон и И.Г. Коноваловой).
263. Отв. ред.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. III (совм. с Т.Н. Джаксон и И.Г. Коноваловой).
264. Отв. ред.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. V (совм. с Т.Н. Джаксон и И.Г. Коноваловой).
265. Отв. ред.: Труды кафедры древних языков. Вып. II (К 75-летию Исторического факультета МГУ и 60-летию кафедры). М., 2009 (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 44; Сер. III: Instrumenta studiorum: 18).

2010

266. Рецензия на кн.: *Greek colonisation: An account of greek colonies and other settlements overseas. (Mnemosyne. Bibliotheca Classica Batava Suppl. 193) // Вестник древней истории. 2010. No 3. С. 211–219.*
267. Путешествие по античной ойкумене: о принципах организации географического описания в Хорографии Помпония Мелы // *Одиссей: Человек в истории. 2010. С. 11–23.*
268. Проблемы эллинской колонизации Ойкумены: Итоги и перспективы изучения (о книге *greek colonisation: An account of greek colonies and other settlements overseas. vol. i*) // *Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. Т. 3, No 29. С. 328–351. (в соавторстве с М.Ф. Высоцким и В.И. Козловой).*
269. О семантике латинских этнонимов с суффиксом *-ic-* // *Orientalia et classica: Труды Института восточных культур и античности, вып. IX. 2010. Т. 33. С. 158–172.*
270. К выходу в свет нового собрания античных источников по истории Северного Причерноморья (г.а. mason. the ancient sources on the history, geography and ethnography of ukraine. latin authors. part one. vancouver, 2008) // *Аристей. 2010. Т. 1. С. 172–177.*

271. Из истории древней картографии // Вопросы классической филологии. ΝΥΜΦΩΝ ΑΝΤΡΩΝ. Сборник статей в честь Азы Алибековны Тахо-Годи. 2010. Т. 15. С. 337–344.
272. Вновь найденная поздневизантийская карта мира // Византийский временник. 2010. Т. 69. С. 230–247.
273. De nonnullis locis communibus in Barbaris septentrionalibus describendis apud scriptores Latinos // Аристей. 2010. Т. 1. Р. 35–40.
274. Время и пространство в архаической картине мира // Интеллектуальные традиции античности и Средних веков. Исследования и переводы. М., 2010. С. 362–376.
275. Задачи преподавания латинского языка в современной средней школе // Интеллектуальное образование и греко-латинская словесность в России (1995–2010 годы). М., 2010. С. 186–197.
276. Из истории древней картографии // Вопросы классической филологии. ΝΥΜΦΩΝ ΑΝΤΡΩΝ: Сборник статей в честь Азы Алибековны Тахо-Годи. Т. 15. М., 2010. С. 337–344.
277. К истории олимпиад по латинскому языку // Сборник материалов российских олимпиад по латинскому языку. СПб., 2010. С. 3–5.
278. Как Александр Македонский оказался на Дону? (Пространство пути и пространство карты) // Древнейшие государства Восточной Европы, 2009 г. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2010. С. 264–284.
279. Карта и текст: два способа репрезентации географического пространства в античности и средневековье // Древнейшие государства Восточной Европы, 2006 г. Пространство и время в средневековых текстах. М., 2010. С. 5–21.
280. О процессиях в античном Риме // История: дар и долг. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.; СПб., 2010. С. 225–232.
281. О работе античных географов со своими источниками (опыт классификации) // Восточная Европа в древности и средневековье. Устная традиция в письменном тексте. XXII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2010. С. 225–230.
282. Путешествие по античной ойкумене: О принципах организации географического описания в Хорографии Помпония Мелы // Homo viator. Путешествие как историко-культурный феномен. М., 2010. С. 11–22.
283. Таманский полуостров в античной картографии // Античное наследие Кубани: В 3-х т. Т. 1. М., 2010. С. 373–386.

2011

284. Океан, моря, проливы и реки в архаической картине мира древних греков // Висы дружбы. Сборник статей в честь Татьяны Николаевны Джексон / Под ред. А.В. Подосинова. М., 2011. С. 345–356.

285. Название Азовского моря у греков, римлян, готов, варягов // Боспорский феномен: Население, языки, контакты: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.). СПб., 2011. С. 641–645. (в соавторстве с Т.Н. Джаксон).
286. Изучение пространственной картины мира у архаических народов Евразии в свете историко-антропологических идей А.Я. Гуревича // Образы прошлого. Сборник памяти А.Я. Гуревича. СПб., 2011. С. 116–132.
287. Возникновение Боспорского государства: от полиса к царству // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 19–21 апреля 2011 г. Материалы конференции. М., 2011. С. 224–232.
288. *Anonymi Periplus Ponti Euxini (2037)* // *Die Fragmente der Griechischen Historiker continued. Part V. Editor in Chief: H.-J. Gehrke. Brill Online. Netherlands, 2011.*
289. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М., 2011. (в соавторстве с М.В. Скржинской).
290. Публий Папиний Стаций. Ахиллеида (общая редакция, участие в составлении вводной статьи, в переводе и комментировании). М., 2011.
291. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Часть III. Третий год обучения. 3-е издание. М., 2011. (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
292. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Часть III. Третий год обучения. 3-е издание. М., 2011. (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
293. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Часть II. Второй год обучения. 5-е издание. М., 2011. (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
294. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Часть I. Первый год обучения. 13-е издание. М., 2011. (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
295. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Часть III. Третий год обучения. 3-е издание. М., 2011. (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
296. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу.

Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Часть II. 5-е издание. М., 2011. (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).

2012

297. Attaci, attacores или attacori (Plin. IV, 90)? // Аристей. 2012. Т. 6. С. 234–236.
298. Le royaume du bosphore cimmérien aux époques grecque et romaine: Un aperu // Etudes de Lettres. 2012. Vol. 290, no. 1–2. P. 87–109.
299. [Интервью о преподавании латинского языка в средней школе] // Большой город. 2012. С. 10619–10619.
300. Гекатей Абдерский. О гипербореях. Введение, древнегреческий и латинский текст фрагментов // Труды Кафедры древних языков Исторического факультета МГУ. 2012. Т. 3. С. 146–185.
301. К идентификации реки Аксен в *hyg. intr.* 6 // Аристей. 2012. Т. 6. С. 240–242.
302. Рец. на кн.: Benedetto Bravo. La chronique d'Apollodore et le Pseudo-Skymnos: Érudition antiquaire et littérature géographique dans la seconde moitié du IIme siècle av. J.-C. *Studia hellenistica* 46. Peeters. Leuven-Paris-Walpole, Ma, 2009, 268 p. // Аристей. 2012. Т. 5. С. 227–229.
303. Рецензия на книгу: Talbert Richard J.A. *Rome's World: The Peutinger Map Reconsidered*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Cambridge University Press, 2010 // Аристей. 2012. Т. 6. С. 273–275.
304. Сведения Диона Хрисостома о варваризации Ольвии в I в. н. э. и данные археологии и эпиграфики // Аристей. 2012. Т. 6. С. 157–187.
305. Bithynia, Paphlagonia and Pontus on the tabula Peutingeriana // *The Black Sea, Paphlagonia and Pontus in Antiquity: Aspects of Archaeology and Ancient History*. British Archaeological Reports, International Series. Oxford, 2012. P. 203–206.
306. Grose Meerengen im archaischen Weltbild der Griechen oder Wohin fuhr Odysseus // 15. Kartographiehistorisches Colloquium. München, 2010. Vorträge — Berichte — Posterbeiträge. Bonn, 2012. P. 209–211.
307. Le royaume du bosphore cimmérien aux époques grecque et romaine: Un aperu // Études pontiques. Histoire, historiographie et sites archéologiques du bassin de la mer Noire. Vol. 2901 of Études de lettres. Lausanne, 2012. P. 87–109.
308. Oben und unten. begriffe der raumorientierung in antiken texten // *Vermessung der Oikumene — Mapping the Oecumene*. Berlin, 2012. P. 5–23.
309. Гекатей Абдерский. О гипербореях. Введение, древнегреческий и латинский текст фрагментов // Труды кафедры древних языков. Вып. III / Отв. ред. А.В. Подосинов. М., 2012 (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 53; Сер. III: Instrumenta studiorum: 24). С. 146–185.

310. Геополитические факторы образования Боспорского царства // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М., 18–20 апреля 2012 г. Материалы конференции. М., 2012. С. 286–288.
311. Как древний человек ориентировался в пространстве // Образы пространства в культурах древности и средневековья. М., 2012. С. 15–129. (в соавторстве с Т.Н. Джаксон и И.Г. Коноваловой).
312. Отв. ред.: Труды кафедры древних языков. Вып. III. М., 2012 (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 53; Сер. III: Instrumenta studiorum: 24).

2013

313. Das Schwarze Meer in der geokartographischen Tradition der Antike und des Frühen Mittelalters. IV. Odysseus im Schwarzen Meer? Okeanische Fahrten der griechischen Helden und archaisches Weltbild der Griechen // Ancient West and East. 2013. Vol. 12. P. 205–236.
314. Демодам или Демодамант? // Аристей. 2013. Т. 7. С. 181–183.
315. О границе между Азией и Европой в Северном Причерноморье // Аристей. 2013. Т. 7. С. 189–191.
316. Роман о гиперборейцах Гекатея Абдерского (проблемы интерпретации) // Вестник древней истории. 2013. No 1. С. 116–129.
317. Странствования Ио в Прометее Прикованном Эсхила и архаическая картина мира греков // Аристей. 2013. Т. 7. С. 20–45.
318. Oben und unten. Begriffe der Raumorientierung in antiken Texten // Vermessung der Oikumene — Mapping the Oecumene / Hrsg. von K. Geus und M. Rathmann. Vol. 5. Berlin, 2013. S. 5–23.
319. Sea straits in the ancient world picture: Their meaning and functions // The Bosphorus: Gateway between the Ancient West and East (1st Millenium BC–5th Century AD). Proceedings of the Forth International Congres on Black Sea Antiquities. Oxford, 2013. P. 3–6.
320. Verbindung zwischen dem Schwarzen Meer und der Adriatik durch Ozean und/oder Donau im Weltbild der archaischen Griechen // The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th Century BC — 10th Century AD). Proceedings of the Fifth International Congress on Black Sea Antiquities (Belgrade). Oxford, Archaeopress, 2013. P. 17–21.
321. Античные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2013. С. 23–72.
322. География и географические знания в античном романе (некоторые наблюдения) // Вторые и третьи Аверинцевские чтения. К 75-летию со дня рождения академика С.С. Аверинцева. М., 2013. С. 200–222.

323. Еще раз о протоэллинизме на Боспоре // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2013. С. 186–191.
324. Образ Скифии в античности: экономический аспект // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. Т. 25. М., 2013. С. 221–226.
325. Топонимия на перекрестке культур: древнескандинавское название Азовского моря и устная традиция // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 2011 г. / Под ред. А.В. Подосинова. М., 2013. С. 165–191 (в соавторстве с Т.Н. Джаксон).
326. *Imagines mundi*: античность и средневековье. М., 2013 (в соавторстве с Т.Н. Джаксон).

2014

327. Был ли Овидий в ссылке? // Аристей. 2014. Т. 9. С. 263–268.
328. О связи Азовского моря с Северным океаном и Черным морем в античной географии // Аристей. 2014. Т. 10. С. 345–350.
329. Понятие Скифия от Эсхила до Блока: геополитические, географические, этические коннотации // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. 2014. Т. 4. С. 335–360.
330. *Anonymi periplus ponti euxini (2037)* // *Die Fragmente der Griechischen Historiker*. Vol. 5. Leiden: Brill, 2014.
331. Introduction: The periphery of the classical world as seen from the centre mastering the oikoumene // *The Periphery of the Classical World in Ancient Geography and Cartography*. (*Colloquia antiqua*, vol. XII.) Leuven, 2014. P. 1–5.
332. The Indians in Northern Europe? On the Ancient Roman Notion of the Configuration of Eurasia // *The Periphery of the Classical World in Ancient Geography and Cartography*. (*Colloquia antiqua*, vol. XII.) Leuven, 2014. P. 133–145.
333. Место Скифии в географической картине мира древних греков до Геродота // Книга картины Земли: Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой / Под ред. А.В. Подосинова. М., 2014. С. 212–230.
334. Миграции народов в Космографии Равеннского Анонима // XXVII конференция «Славяне и их соседи», посвященная памяти В.Д. Королюка: Рассказы о путешествиях, паломничествах, миграциях в источниках Средних веков и раннего Нового времени. М., 2014. С. 66–70.
335. Мог ли Геродот встретиться в Ольвии с Тимном, наместником скифского царя Ариапифа? // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 23–25 июня 2014 г. СПб., 2014. С. 789–793.

336. Образование Боспорского царства в свете теории протоэллинизма // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 г. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / Отв. ред. тома А.В. Подосинов, О.Л. Габелко. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. С. 123–140.
337. Плавания по Северному океану в античности: миф, утопия, реальность // ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти Аркадия Анатольевича Молчанова (1947–2010). М., 2014. С. 83–98.
338. Проблемы образования Боспорского царства: Введение // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 г. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / Отв. ред. тома А.В. Подосинов, О.Л. Габелко. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. С. 13–17.
339. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Часть II. Второй год обучения. 8-е издание. М., 2014. (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
340. Латинско-русский и русско-латинский словарь. 4-е издание / А.В. Подосинов, А.М. Белов, А.А. Глухов, Г.Г. Козлова. М., 2014.

2015

341. Reisen im Nordozean in der antiken Dichtung, Wissenschaft und Novellistik // Orbis terrarum. Zeitschrift für historische Geographie der Alten Welt. 2015. Bd. 13. S. 215–226.
342. К вопросу об источниках Перипла Понта Эвксинского Псевдо-Арриана // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2015. С. 637–649.
343. Танаис и Боспор Кубанский // Аристей. 2015. Т. II. С. 310–313.
344. Тит Кальпурний Сикул. Буколика IV // Аристей. 2015. Т. II. С. 97–105.
345. AnPPE: Translation; Commentary in progress // Colloque international La mer Noire (4e-7e siècles apr. J.-C.): la fin du monde antique, début d'un ordre nouveau? Preprint. Paris, 2015. P. 416–443.
346. What has Ps.-Arrian added to his main sources in the Periplus Ponti Euxini? // Colloque international La mer Noire (4e-7e siècles apr. J.-C.): la fin du monde antique, début d'un ordre nouveau? Preprint. Paris, 2015. P. 361–372.
347. Wissenschaftliche Reisen in der Antike // Phänomenologie, Geschichte und Anthropologie des Reisens. Internationales interdisziplinäres Alexander-von-Humboldt-Kolleg in St. Petersburg 16.-19. April 2013. Solivagus Kiel, 2015. S. 170–179.
348. География Скифии в античной литературе от Эхила до Оросия // Скифия: Образ и историко-культурное наследие. Материалы конференции 26–28 октября 2015 года / Под ред. А.В. Подосинова. М., 2015. С. 84–89.

349. К вопросу об истоках Танаиса в представлениях античных географов // ТРИПТИХ: Исследования по истории античной культуры и классической археологии. Сборник статей, посвященный К.К. Марченко, М.Ю. Вахтиной и В.А. Горончаровскому (Боспорские исследования. Т. 31). Керчь, 2015. С. 315–324.
350. К вопросу об источниках Страбона в описании Северного Причерноморья // С Митридата дует ветер: Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова. М., 2015. С. 235–238.
351. Страбон о границах территории Боспорского царства // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. XXVII Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2015. С. 222–227.
352. Куда плывал Одиссей: о географических представлениях греков архаической эпохи. М., 2015.
353. Латинско русский и русско-латинский словарь / А.В. Подосинов, Г.Г. Козлова, А.А. Глухов, А.М. Белов. М., 2015.

2016

354. Где находилась страна киммерийцев в Одиссее? // Аристей. 2016. Т. 14. С. 344–352.
355. К вопросу о времени создания Певтингеровой карты // Вестник древней истории. 2016. № 4. С. 938–955.
356. К вопросу о преемственности этногеографических представлений в топонимии Северного Причерноморья // Стародавнє Причерномор'я. Вип. XI. Одеса, 2016. С. 174–180. (в соавторстве с Т.Н. Джаксон).
357. Острова в Балтийском море в античной литературе от Гомера до Иордана // Историческая география. 2016. Т. 3. С. 187–214.
358. Рипейские горы в античной и средневековой геокартографии // Аристей. 2016. Т. 14. С. 53–160. (в соавторстве с А.О. Денисовым).
359. How Pseudo-Arrian worked with his sources in *Periplus Ponti Euxini* // Colloque international La mer Noire (4e-7e siècles apr. J.-C.): la fin du monde antique, début d'un ordre nouveau? / A. Dan, H.-J. Gehrke, A.V. Podossinov (eds.). Paris, 2016.
360. Karte und Text: Zwei Wege der Repräsentation des geographischen Raums in der Antike und im frühen Mittelalter // La letra y la carta: descripción verbal y representación gráfica en los diseños terrestres grecorromanos. Estudios en honor de Pietro Janni. Vol. 1 of Monografías de GANIA. Madrid, Servicio de publicaciones de la Universidad de Alcalá; Sevilla, Editorial Universidad de Sevilla Sevilla; Madrid, 2016. P. 3–32.
361. Боспорский правитель за рубежом: причины и следствия // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола. 22–25 ноября 2016 года. СПб., 2016. С. 20–25.

362. К внешнему облику скифов в Афинах и в Северном Причерноморье // Труды кафедры древних языков. Вып. IV / Отв. ред. А.В. Подосинов. М., 2016 (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 83; Сер. III: Instrumenta studiorum: 27). С. 28–43.
363. К вопросу о языковой ситуации в греко-варварском Боспорском царстве // Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры. XXVIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. 20–22 апреля 2016. Материалы конференции. М., 2016. С. 230–235.
364. Отв. редактор: Труды кафедры древних языков. Вып. IV. М., 2016 (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 83; Сер. III: Instrumenta studiorum: 27).

2017

365. Das Asowsche Meer in der geokartographischen Tradition der Antike und des Frühen Mittelalterse // 11. Kartographiehistorisches Colloquium. Nürnberg, 2002. Vorträge — Berichte — Posterbeiträge. Berlin, 2017. S. 13–17.
366. Помпоний Мела. Хорография / И.А. Копылов, Т.А. Матасова, Т.А. Михайлова и др. М., 2017.
367. Северная Евразия в картографии античности и средних веков / Т.Н. Джексон, И.Г. Коновалова, А.В. Подосинов, А.А. Фролов. М., 2017.

2018

368. С. Plinii Secundi Naturalis Historiae Liber VI / Плиний Старший. Естественная история. Книга VI // Вестник древней истории. 2018. Т. 78, № 1. С. 160–189.
369. С. Plinii Secundi Naturalis Historiae Liber VI / Плиний Старший. Естественная история. Книга VI (продолжение) // Вестник древней истории. 2018. Т. 78, № 2. С. 438–461.
370. С. Plinii Secundi Naturalis Historiae Liber VI / Плиний Старший. Естественная история. Книга VI (окончание) // Вестник древней истории. 2018. Т. 78, № 3. С. 726–754.
371. Античные и средневековые представления о Каспийском море // Аристей. 2018. Т. 18. С. 30–91. (в соавторстве с А.О. Денисовым).
372. Марк Аврелий Олимпий Немезиан. Буколики. Эклога I // Аристей. 2018. Т. 18. С. 305–309.
373. Анналы. Книга Первая (перевод и комментарий) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2018. Т. 54. С. 123–142. (в соавторстве с А.Е. Маньковым).

374. Где жили гипербореи Геродота — у моря или за морем? // PENTHКONTAETIA. Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова. СПб., 2018. С. 286–289.
375. Греки, римляне и варвары на Нижнем Дунае в начале I в. н. э. (свидетельства Овидия и местной эпиграфики) // Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Теретьевича Пашуто (Москва, 17–20 апреля 2018 г.) Материалы конференции / Под ред. А.В. Подосинова. С. 242–246.
376. Игорь Сергеевич Чичуров // Труды кафедры древних языков. Вып. V: Кафедре древних языков исторического факультета МГУ — 80 лет / Отв. ред. А.В. Подосинов. М., 2018 (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 118; Сер. IV: Биобиблиографии: 5). С. 28–43 С. 170–176.
377. Кафедра древних языков — прошлое, настоящее, будущее // Труды кафедры древних языков. Вып. V: Кафедре древних языков исторического факультета МГУ — 80 лет / Отв. ред. А.В. Подосинов. М., 2018 (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 118; Сер. IV: Биобиблиографии: 5). С. 15–22.
378. Языческое и христианское в раннесредневековых космологических и географических представлениях // Древнейшие государства Восточной Европы. 2016. Памяти Галины Васильевны Глазыриной. М., 2018. С. 196–210.
379. Латинско-русский и русско-латинский словарь / А.В. Подосинов, Г.Г. Козлова, А.А. Глухов, А.М. Белов. М., 2018.
380. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Часть II. Второй год обучения. М., 2018. (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
381. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Часть III. Третий год обучения. М., 2018. (в соавторстве с Н.И. Щавелевой).
382. Отв. ред.: Труды кафедры древних языков. Вып. V: Кафедре древних языков исторического факультета МГУ — 80 лет. М., 2018 (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 118; Сер. IV: Биобиблиографии: 5)

2019

383. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную литературу. Учебное пособие для гимназий, лицеев и школ с гуманитарным профилем. Часть V. Грамматика латинского языка. М., 2019.
384. LINGUA LATINA. Учебное пособие по латинскому языку с ответами к упражнениям. Для семейного образования и самостоятельного изучения. Книга первая. М., 2019. (в соавторстве с Е.А. Савиной).

385. Антология римского эпоса в русском переводе и на языке оригинала (Ливий Андроник, Гней Невий, Квинт Энний, Публий Вергилий Марон, Марк Анней Лукан, Валерий Флакк, Публий Папиний Стаций, Силий Италик, Клавдий Клавдиан). М., 2019.
386. Марк Аврелий Олимпий Немезиан. Буколики. М., 2019.
387. Nomads of the Eurasian Steppe and Greeks of the Northern Black Sea region: Encounter of two great civilisations in antiquity and early middle ages // *Competing Narratives between Nomadic People and their Sedentary Neighbours. Papers of the 7th International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe. Nov. 9–12, 2018. Shanghai University, China. Vol. 53 of Studia uralo-altaica. Szeged, 2019. P. 237–251.*
388. The Black Sea on the Tabula Peutingeriana // *Settlements and Necropoleis of the Black Sea and its Hinterland in Antiquity. Select Papers from the Third International Conference 27–29 October 2017, Tekkeköy, Samsun. Oxford, 2019. P. 42–51.*
389. The Northern Part of the Ocean in the Eyes of Ancient Geographers // *Contacts and Networks in the Baltic Sea Region: Austmarr as a Northern mare nostrum, ca. 500–1500 AD. Amsterdam, 2019. P. 29–47.*
390. Античность и Россия // *Человек и общество в древнем мире глазами современников и историков. Москва; Берлин, 2019. С. 517–524.*
391. Греки и скифы на берегах Понта Эвксинского: Встреча двух цивилизаций // *Человек и общество в древнем мире глазами современников и историков. Москва; Берлин, 2019. С. 253–273.*
392. Жизнь и смерть Митридата Евпатора // *Человек и общество в древнем мире глазами современников и историков. Москва; Берлин, 2019. С. 470–489.*
393. Космография Равеннского Анонима. Книга I // *У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь А.В. Назаренко. М., 2019. С. 381–395.*
394. Овидий: стихи и судьба // *Человек и общество в древнем мире глазами современников и историков. Москва; Берлин, 2019. С. 454–469.*
395. Перечень городов южного побережья Черного моря на Певтингеровой карте — сухопутная дорога или перипл? // *Восточная Европа в древности и Средневековье. Ранние этапы урбанизации. XXI чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 17–19 апреля 2019. Материалы конференции. М., 2019. С. 208–215.*
396. Сардонический смех от сардинских трав? // *Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. Т. 2. СПб., 2019. С. 867–871.*
397. Страна крепостей и каналов // *Человек и общество в древнем мире глазами современников и историков. Москва; Берлин, 2019. С. 110–122. (в соавторстве с Е.Б. Вагнер).*

398. Эпиграфическая прогулка по Помпеям // Человек и общество в древнем мире глазами современников и историков. Москва; Берлин, 2019. С. 359–370.
399. A concept “Rhiphaean mountains” in ancient geocartography: myth, cosmology, symbol and/or reality? // *Miscellanea Geographica — Regional Studies on Development*. 2019. Vol. 23, no. 3. P. 1–5.
400. The Rhiphaean mountains on the early portolans: influence of ancient and medieval traditional cartography? // *Диалог со временем*. 2019. Vol. 69. P. 143–160. (в соавторстве с А.О. Денисовым).
401. Еще раз о Меотиде как озере // *Scripta antiqua*. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Памяти Сергея Ремировича Тохтасьева (1957–2018). 2019. Т. 8. С. 309–329.

А.В. Подосинов — главный редактор двадцати томов журнала «Аристей: вестник классической филологии и античной истории», который выходит два раза в год с 2010 года.

София Анатольевна Хандажинская
ассистент кафедры древних языков
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
sofia-istfak@mail.ru

Научное издание

Ното omnium horarum:
Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова

Редакторы: А.В. Белоусов, Е.В. Илюшечкина
Верстка: А.М. Крюков
Дизайн обложки: А.В. Белоусова

Подписано в печать 18.05.2020. Формат 170 × 240
Бумага офсетная, 80 г. Тираж 300 экз. Заказ

Русский фонд содействия образованию и науке.
Университет Дмитрия Пожарского.
119146, Москва, Комсомольский пр-т, д. 23/7, корп. 2.
Сайт: www.publisher.usdp.ru
Тел.: +7 (499) 242-37-24
E-mail: knigi_18@mail.ru

АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»

9 785912 442650